Заглавие **«Наша Заря»**
Подзаголовочные данные, учредитель
Страна и место издания **Россия, г. С.-Петербург**
Период издания **1914 г.**
Периодичность **ежемесячный журнал**
Приложения
Примечания
ISSN
Изменения в заглавии с указанием дат
Место хранения оригинала **ФГБУК «Государственная общественно-политическая библиотека»**

Заглавие

«Наша Заря»

Хронологический охват материалов на рулоне

1914 г., № 1-7/8/9

Приложения

Отсутствуют след. №№ (стр.)

Оригинал поврежден (№№ газет и стр.)

№№ 7/8/9 (с.13-14) – страницы повреждены

Оригинал плохо читается (№№ газет и стр.)

Пожелтевшая бумага Имеются карандашные пометки

Неправильный переплет (№№ газет и стр.)

V-й годъ изданія.

НАША ЗАРЯ

СОДЕРЖАНІЕ:

Ив. Шмелевъ. Машина, разск.
Ал. Малышевъ. Сутуловскія святки.
Стихотв. Ив. Бунина, А. Липецкаго, В. Вересаева, (съ греч.). Б. Серебрякова, (изъ Верхарна);
В. Майскій. Два типа (англ. и герм. рабоч.).
Раф. Григорьевъ. Поэтъ Окуровской Руси.
М. Б—въ. Рабочая печать и законопроектъ о печати.
Вл. Войтинскій. Арестантскія могилы, оч.
Я. Пилецкій. Пролетаріатъ и культура.
Гр. Петровичъ. Съѣздъ народныхъ учителей.
Ф. Д. За свободу печати.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Л. М. Борьба общественныхъ силъ въ 1913 г.
Н. Череванинъ. Юбилей безъ юбиляра.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Мартыновъ. 1. Борьба за школу въ Бельгіи. 2. Финалъ Цаберискихъ событій..

Л. М. Вмѣшательство интернаціонала и объединеніе с.-д. въ Россіи.
А. Н. Потресовъ. Н. К. Михайловскій.

№. 1. Спб. 1914. Ц. 30 к.

Къ этому номеру прилагается объявленіе о подпискѣ на ежемѣсячный журналъ „СТРАХОВАНІЕ РАБОЧИХЪ“.

Открыта подписка на 1914 годъ на ежемѣсячный общественно-политическій журналъ соціалъ-демократическаго направленія.

V ГОДЪ изд. **„Наша Заря“.** V ГОДЪ изд.

Съ 1914 года въ журналѣ вводится **беллетристическій отдѣлъ**, въ которомъ выразили согласіе участвовать: **Д. Айзманъ, А. Бибикъ, Ив. Бунинъ, В. Вересаевъ, Вл. Войновъ, Б. Верхоустинскій, А. Галина, В. Горянскій, Л. Григоровъ, С. Гусевъ-Оренбургскій, Л. Добронравовъ, Карменъ, С. Клычковъ, А. Липецкій, А. Малышкинъ, Н. Матвѣевъ, В. Муйжель, А. Окуловъ, И Окуневъ, Н. Олигеръ, А. Серафимовичъ, С. Сергѣевъ-Ценскій, И. Сургучевъ, К. Тасинъ, А. Чапыгинъ, Ив. Шмелевъ** и мн. др.

Въ 1914 г. предполагается помѣстить слѣд. статьи: **П. Б. Аксельродъ.** Статьи по вопросамъ тактики; **М. Б—въ.** Рабочая печать и законопроектъ о печати; Первый годъ страхового закона; Охрана дѣтскаго труда; **К. В—ко.** Борьба за Тихій океанъ; Англо-Германское соглашеніе; **Л. Войтоловскій.** Кризисъ модернизма; Городъ и деревня въ современной литературѣ; **А. В. Горскій.** Современное состояніе права коалиціи въ Россіи; **Раф. Григорьевъ.** Поэтъ Окуровской Руси (о творчествѣ М. Горькаго); **К. Дмитріевъ.** Городъ и деревня; Общіе вопросы рабочаго законодательства; **А. К. Ерманскій.** Тэйлоризмъ въ связи съ новѣйшими тенденціями капиталистическаго развитія; жилищная проблемма, какъ часть соціальнаго вопроса; **А, П. Калитинскій.** Статьи по естествознанію; **А. Коллонтай.** Первый годъ примѣненія страхового закона въ Англіи; Движеніе въ пользу государственнаго страхованія материнства; Политическія партіи въ Англіи и женское избирательное право; Работа соціалистовъ въ финляндскомъ парламентѣ; **Комаровъ.** Русская фабрично-заводская промышленность за послѣдніе 30 лѣтъ; **В. Львовъ-Рогачевскій.** Поэты—рабочіе; **В. Левицкій.** Старый и новый интернаціоналъ. Изъ исторіи парламентской тактики германской соціаль-демократіи; **В. Майскій.** Два типа (англійскій и германскій рабочій); Культурныя задачи рабочаго движенія; Организація и пролетаріатъ; **Л. Мартовъ.** Итоги с.-д. парламентаризма въ Россіи; Ф. Лассаль (къ 50 лѣтію со дня смерти); **А. Мартыновъ.** Исторія отношенія русскихъ соціалистовъ къ войнѣ; Синдикалистскій историкъ о Марксѣ и Бакунинѣ; **П. Масловъ.** Современное состояніе экономической науки; Вздорожаніе жизни; **М. П. Невѣдомскій.** Литературно-критическія статьи; **А. Никитинъ.** Законопроектъ о договорѣ найма торговыхъ служащихъ; **Г. Наумовъ.** Торговый договоръ съ Германіей; Аграрный вопросъ и аграрная политика; **Ортодоксъ.** Нравственное долженствованіе съ точки зрѣнія марксизма; **М. Панинъ.** Переписка Маркса съ Энгельсомъ; **А. Потресовъ.** О морали; Салтыковъ-Щедринъ (къ 25-лѣтію со дня смерти); Пролетаріатъ и искусство; **Т. Ротштейнъ.** Поворотъ въ международныхъ отношеніяхъ; **Саваренскій.** Аграрный вопросъ въ европейской соціаль-демократіи; **Спектаторъ.** Промышленное оживленіе и промышленный кризисъ; W. Къ 50 лѣтію земства. **М. Хейсинъ.** Во что вылилась общественная борьба съ туберкулезомъ въ Россіи; О кооперативномъ нейтрализмѣ; **Ф. Данъ.** Борьба за „частичныя требованія“; **Евг. Маевскій.** Война и революція (десятилѣтіе русско-японской войны); **Я. Пилецкій.** Письма изъ Германіи; **Петръ П.** Письма изъ Англіи; **С. Далинъ.** Первые шаги рабочаго движенія; Рабочій день; **М. Павловичъ.** Американскій имперіализмъ и мексиканская революція; Желѣзно-дорожный вопросъ на Балканахъ и борьба за свободные выходы къ морямъ; Россія и Франція въ военномъ, торговомъ и финансовомъ взаимоотношеніяхъ; **Н. Череванинъ.** Промышленная конъюнктура. **К. Оранскій.** Соц. печать передъ судомъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: на 1 годъ—**3** р. (загран.—**4** р.), на ½—**1** р. **80** к. (загр.—**2** р. **30** к.); на 3 мѣс.—**1** р. (загр.—**1** р. **30** к.); на 1 мѣс.—**35** коп. (заграницу—**45** к.). Отд. книжка въ продажѣ—**30** к.; загран.—**40** к. Комплекты: за 1910 г. (безъ 5, 6 и 7 кн., разошедшихся)—**1** р. **50** к.; за 1911 г. (безъ 1-ой кн.) и 1912 г. по **2** р.; за 1913 г.—**2** р. **50** к. съ пересылкой въ Евр. Россію. Рабочимъ, приказчикамъ и народ. учителямъ—15% скидки, за перемѣну адреса 21 к. (можно 3 семикоп. марки).

Адресъ конторы и редакціи: Спб., Николаевская 2, кв. 43.

Контора открыта: по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 6 до 9 час. вечера; по вторникамъ, с[illegible]тницамъ и субботамъ отъ 2 до 5 ч. дня

УЧТЕНО 1949 И Л

УЖ Н479

V-й годъ изданія.

Наша Заря

Ежемѣсячный журналъ

№ 1.

С.-Петербургъ, 1914 г.

БИБЛИОТЕКА ИМЭЛ при ЦК ВКП(б)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
„Коммерческая Типографія“ Средняя Подъяч. 4. Тел. 520-32.
1914.

Р

ИНСТИТУТ В. И. ЛЕНИНА
№
БИБЛИОТЕКА
Мартынів.

Машина.

(Разсказъ).

I

Къ утру метель утихла. За ночь засыпала остановившійся на путяхъ, неподалеку отъ станціи, поѣздъ, еще недавно громыхавшій въ просторѣ южныхъ равнинъ. Снѣгъ набился въ колеса, въ проходы, облѣпилъ паровозъ.

Кругомъ снѣгъ.

Черезъ поле глядитъ съ краю поселка голубой домикъ. И онъ зарылся въ сугробахъ. А лѣтомъ здѣсь хорошо. Трещатъ въ березахъ скворцы; подсолнечники заглядываютъ черезъ рѣшетку. Вечерами жаворонки начинаютъ прощаться съ солнцемъ. На путяхъ загораются красные и зеленые огоньки.

Машинистъ Шварцкопфъ,—онъ ѣздитъ съ курьерскимъ,—отдыхаетъ свободными вечерами въ бесѣдкѣ, пьетъ пиво, покуриваетъ сигарку, смотритъ на огоньки.

Это лѣтними вечерами. А теперь снѣгъ.—Гудятъ телеграфные столбы, позваниваетъ вѣтромъ въ березахъ, шуршатъ на бесѣдкѣ плети замерзшаго хмеля. Теперь скучно.

Шварцкопфъ стоитъ у окна, смотритъ на занесенный поѣздъ, посапываетъ сигаркой.

— Порядки! Честному человѣку нельзя работать . . . Чортъ знаетъ! И *они* называютъ это дѣломъ!

Они . . .

. . . Грязные и оборванные, они еще недавно стаскивали сальные картузы и кланялись, когда ихъ ругали; за грошъ готовы были работать по восемнадцать часовъ, мерзнуть ночи, выщипывая, на ходу, краюшку за пазухой, молчаливо вздыхали... Есть что поразсказать тамъ, въ миломъ Амбертѣ, за кружкой пива. Не повѣрятъ, что повидалъ онъ за эти годы. А господа инженеры! Пропадали мосты, цѣлые поѣзда . . . Не повѣрятъ. И вотъ честному человѣку нельзя работать. И такъ неожиданно. То посматривали исподлобья да скалились, то вдругъ . . . Странный народъ. Можно, конечно, покуралесить, но остановить жизнь, бросить работу, когда для хорошей жизни работа-то и нужна, требовать неизвѣстно у кого, неизвѣстно чего, скандальничать и швырять кусокъ хлѣба! Ну, народъ! Все равно, скоро опять будутъ кланяться, а время идетъ и дѣло стоитъ, и честному человѣку нельзя работать . . .

Шварцкопфъ выкуриваетъ третью сигарку, подъ потолкомъ ходятъ синія волны.

Вторую недѣлю бродитъ онъ по своей чистой квартиркѣ, скучаетъ бездѣльемъ, насвистываетъ старинную пѣсенку, которую, бывало, пѣвалъ на берегахъ Фильса, въ Баваріи:

У Карли моей золотая коса,
А глаза голубые, какъ небеса . . .

То возьметъ флейту, подуетъ, положитъ на полочку и опять начинаетъ ходить по зальцу, покусываетъ сигарку, бранится за чадъ изъ кухни.

— Папочка, кофе пить . . —зоветъ дочь.

У ней золотая коса, голубые глаза, и зовутъ ее такъ же—Карля.

Не выпуская сигарки, онъ хмурится на свою гимназистку—тоже бездѣльничаетъ.

— Какой ты ки-ислый . . .

— Оставь.

Она кладетъ ему на плечи нѣжныя руки, заглядываетъ въ обвѣтренное лицо.

— Скучно?

Хмуро глядитъ онъ на бѣлое поле. Молчитъ. Смотритъ въ окно и Карля.

— Зима . . .—задумчиво говоритъ она.—Теперь и въ Амбертѣ зима.

Шварцкопфъ все молчитъ.

— А тамъ есть синіе колокольчики?—крупные, съ бѣлыми язычками . . . Встряхнешь, а они шумятъ . . .

Какіе тамъ колокольчики! Онъ никогда не видалъ никакихъ колокольчиковъ съ бѣлыми язычками.

— А скворцы? а подсолнечники?

— Что? гдѣ?

— Гдѣ! Въ Баваріи, у тебя . . .

— Тамъ все есть.

— А такіе злюки?

Онъ любитъ ее, свою синеглазую Карлю, съ ямочками на щечкахъ,—но теперь не время шутить. Посапываетъ сигарой—пф.пф. . . Карля обнимаетъ его толстую шею, цѣлуетъ колкую щеку, разглаживаетъ сѣдѣющіе усы.

— Сейчасъ я, ступай . . .—говоритъ онъ, тронутый лаской.

Уходитъ Карля, а онъ все глядитъ на бѣлое поле, думаетъ.

А какъ хорошо складывалось!

Карля кончитъ гимназію, онъ возьметъ отпускъ, и они поѣдутъ въ родной Амбертъ. Тамъ живетъ бабушка въ каменномъ домикѣ, на самомъ берегу Фильса. Тамъ растутъ большія деревья... Давно хочетъ взглянуть на синеглазую внучку. Писала, что есть напримѣтъ достойный молодой человѣкъ—механикъ на литейномъ заводѣ...

Шварцкопфъ бродитъ по зальцу, гдѣ все такъ блеститъ, прочно стоитъ по мѣстамъ.

...Такъ хорошо шло... Молодымъ пріѣхалъ онъ изъ Баваріи, бросилъ родной Амбертъ, чтобы учить этихъ людей, еще не понимавшихъ, какъ слѣдуетъ, въ машинахъ. Дороги только

налаживались. Пріѣхалъ по вызову, сталъ работать. Сколько народу прошло черезъ его руки! И теперь зарабатываютъ свой хлѣбъ. Есть, которые получаютъ больше, чѣмъ онъ. Его ученикъ теперь начальникъ дороги. Самъ онъ тридцать два года на службѣ. Да, тридцать одинъ годъ и семь мѣсяцевъ... двадцать три... нѣтъ, двадцать четыре дня. И ни разу крушенія! Да, можно гордиться. Не задавить ни одного человѣка! Пусть поищутъ еще такого. Когда поѣздъ мчится по семьдесятъ верстъ, гремитъ по мостамъ, реветъ въ віадукахъ, сыплетъ снопами искръ, а онъ, Шварцкопфъ, смотритъ впередъ, на бѣгущіе въ черноту рельсы,—можно спать спокойно въ теплыхъ купэ, подъ плэдами... Что имъ! Они не знаютъ, что такое паровозная тряска, они не имѣютъ понятія, какъ жжетъ раскаленная топка, какъ прохватываетъ съ боковъ, какъ бьетъ въ глаза вѣтеръ. Они спятъ спокойно.

...Ну да, работа оплачивается. Надо бы больше, но онъ доволенъ. Онъ сумѣлъ сколотить кое-что за долгіе годы. Въ банкѣ, которому можно повѣрить, есть его счетъ. А *они*, эти головушки, заговорившіе вдругъ о какой-то свободной жизни, зовутъ его буржуемъ и пробкой. И пусть. Да, онъ не похожъ на этихъ странныхъ людей, то недавно покорныхъ, привыкшихъ мерзнуть въ углахъ и щеляхъ, валяться на станціяхъ по прилавкамъ, закладывать шубы зимой и ходить съ худыми карманами, то вдругъ съ пустымъ брюхомъ заговорившихъ о какихъ-то правахъ. Откуда они такіе?! Ну, чтобы тамъ ни было—это ихъ дѣло, а онъ не кинетъ на вѣтеръ прожитой жизни. Нѣтъ, не кинетъ.

...За дорогой числятся порядочныя сбереженія. Немножко еще—и можно сойти съ паровоза, сѣсть пассажиромъ въ вагонъ и ѣхать на родину. Тамъ, въ тихомъ Амбертѣ, можно купить домикъ, конечно, съ садомъ. Розы будутъ расти по заборчику, въ букахъ будутъ свистѣть скворцы, голуби будутъ ворковать на черепичной крышѣ. Заведетъ и свиней: барду можно брать съ пивоваренаго завода. Тогда-то и начнется то настоящее, для чего стоило поработать. Тогда пусть посмѣютъ наступить на ногу! Тогда не скажутъ —извольте ѣхать со вторымъ номеромъ, когда слѣдуетъ ѣхать съ четвертымъ. Нѣтъ, тогда онъ никуда не поѣдетъ и ни съ какимъ номеромъ. Пусть эти номера шмыгаютъ днемъ и ночью,—онъ себѣ будетъ спать, пока не защекочетъ въ носу душистымъ кофе.

„Ну-ка, Матильда, гдѣ мои бурки?“ Хе-хе... Тогда ни бурокъ, ни рукавицъ не надо. Не придется перекусывать по буфетамъ и дремать у котла.

...А какія колбасы станетъ готовить Матильда, какое чудесное, самое свѣжее, пиво можно имѣть съ завода Клингросса,—золотистое, какъ янтарь. Чуть-чуть пѣнится и пузыриками покалываетъ во рту. Утромъ можно пройти по рѣкѣ, глядѣть на высокія горы, въ букахъ. Курить не такія поганыя сигарки. Вечеркомъ зайти къ Брауну. Кружка—другая пива, поговорить о политикѣ, какъ пойдутъ выборы... „А ну-ка, поразскажите, геръ Шварцкопфъ, о себѣ... какъ вы тамъ, въ холодной Россіи?“... Придвигаются, крякаютъ. въ ожиданьи поглядываютъ на него, повидавшаго кое-что такое, чего имъ и во снѣ не снилось. Партія въ кегли съ хозяиномъ... Хорошо, особенно, когда тутъ не пусто,—въ карманѣ... Хорошо!

... Вечеръ. Погасла заря. Въ тихой уличкѣ поютъ пѣсенку—„у Карли моей золотая коса“... Наигрываетъ флейта. Окна въ пушистомъ хмелѣ. Карля прикалываетъ розу, идетъ танцовать къ подругамъ. Звѣздочка вздрагиваетъ въ рѣкѣ. Слышно, движется кто-то отдыхающимъ шагомъ.

— Добрый вечеръ, геръ Шварцкопфъ!

— Добрый вечеръ, г. Шнейдевиндъ. Къ Брауну?

— Ага. Пошевеливайтесь. Сыграемъ вашу русскую партію...

— Эге!—

Да, стоило жить для этого, мерзнуть, ругаться со станціонными за задержки, пережидать заносы, валяться въ жару и лихорадкѣ, аккуратно посылать Матильду въ сберегательную кассу.

...Годъ отъ году становится плоше. На него начинаютъ коситься. „Наколотилъ деньгу-то!“ Если бы *они* больше думали о себѣ, знали свои машины, не пришлось бы имъ ахать, какъ Шварцкопфъ такъ „выганиваетъ“. Давнымъ-бы давно вышвырнули, если бы не его репутація. Ну, многіе ли изъ нихъ водили царскіе поѣзда, многіе ли имѣютъ брилліантовый перстень, золотые часы съ гербами? А у кого такая машина? Рты разинули, когда экспрессъ задержали на станціи, а онъ развилъ скорость до сотни верстъ. Покрылъ опозданіе, не истративъ ни на копейку больше. Надо умѣть! Что тогда было! Все гремѣло, тряслось. Небось, переполошились въ своихъ теплыхъ купэ! А онъ спокойно покуривалъ, держалъ твердую руку на тормазѣ. Да, машина!

Шварцкопфъ смотритъ на насыпь, гдѣ, засыпанный снѣгомъ, стоитъ его богатырь въ составѣ экспресса.

„Замерзъ!“

... Тогда,—это было въ тотъ понедѣльникъ,—несся онъ въ обратный конецъ. Ѣхалъ товарищъ министра. И вдругъ — красный флагъ на пути. Стопъ машина! Что такое?! Его окружили, сняли, грозили. Онъ ругался на безобразіе, а перепуганные пассажиры съ чемоданами тащились по насыпи. А этотъ господинъ съ бѣлымъ крестикомъ еще кричалъ на него! Какъ смѣлъ остановить поѣздъ? Какъ смѣлъ! Красный флагъ!! И ему еще понадобилась фамилія, этой брюзгѣ! „Ваша ф-фамилія!“ О, онъ ловко отвѣтилъ ему подъ раскатистый хохотъ этихъ бездѣльниковъ.

— „Она всѣмъ извѣстна — Шварцкопфъ!“ Его помощникъ выпустилъ паръ, и долго шипѣлъ сердитый гигантъ, закрылся бѣлыми клубами, точно сердился, что оставили его среди поля...

Каждый день Шварцкопфъ ходитъ на рельсы, подымается къ топкѣ, смотритъ,—не отвернулись ли части. Пока все цѣло. Конечно, придется ставить въ ремонтъ: испортили регуляторъ.

— Карля, бурки подай!

Карля приноситъ бурки.

— Опять къ машинѣ?

— Опять къ машинѣ,—угрюмо повторяетъ Шварцкопфъ.—Кофе я буду пить...

— Онъ глядитъ на свою луковицу,—черезъ сорокъ минутъ.

— Папулька!—кричитъ въ форточку Карля.

Шварцкопфъ грозитъ пальцемъ.

— Утонешь въ снѣгу!

Онъ оборачивается и съ улыбкой грозитъ кулакомъ.

II.

Шварцкопфъ шагаетъ въ сугробахъ. Замело протоптанную стежку. Итти трудно. Сверху—какъ корочка, а подъ ней точно пудра—глубоко проваливаются ноги. Слѣпитъ отъ солнца, отъ снѣга, рѣжетъ вѣтромъ.

...И чего смотритъ начальство! Остановили всю жизнь. Чорта два смыслятъ они въ политикѣ...

— А, чортъ!..

— Проклятая сторона...—ворчитъ онъ, вытряхивая снѣгъ изъ кармановъ.—

Дожди да вьюги.—И народъ такой... А, чортъ...

Онъ опять проваливается.

...Въ Регенсбургѣ тогда... когда стали заводы, — взводъ жандармовъ—и все кончилось, а тутъ... Дикая сторона!—

Вотъ и насыпь—цѣлое море снѣга. Воютъ звономъ столбы. Шварцкопфъ подымается къ паровозу.

Засыпанный снѣгомъ гигантъ, охваченный полосами мѣди, тускло блеститъ на солнцѣ. Цилиндры, какъ широкія плечи, выпятились съ боковъ. Зарылись въ снѣгу колеса Не дышитъ труба.

— Замерзъ...

Вотъ она испытанная машина, вѣрная и покорная. Темною ночью, когда все кругомъ спитъ, помощникъ сонно покачивается на пенькѣ, а кочегаръ подремываетъ у топки, только они двое пытаютъ тьму своими пятью глазами: онъ и машина. Только они двое переговариваются въ тревожной чернотѣ ночи:

...Па-та-та... па-та-та... па-та-та...

— Такъ, такъ... Сейчасъ закругленіе на подъемѣ...

Тянетъ промасленную рукоятку, и машина открываетъ мѣдную глотку:

... А-га-га-ай!... Па-та-та... па-та-та...

Зеленый глазъ глядитъ впереди. Станція набѣгаетъ, встрепанный человѣчекъ протягиваетъ пропускъ, а красный глазъ на хвостѣ едва видѣнъ. Впередъ!Небо бѣлѣетъ, алѣетъ заря надъ лѣсомъ, лѣниво тянетъ надъ болотами цапля.

...Па-та-та... па-та-та... па-та-та...

Хочется спать. Ну, послѣдній пролетъ, ничего. Вотъ и солнце. Ну, солнце-то мы поглядимъ тамъ, въ Амбертѣ. Тамъ-то ужъ разглядимъ его, какое оно такое. А теперь спать, спать...

Шварцкопфъ смотритъ на черную грудь, въ снѣгу.

— Замерзъ...

Паровозъ не урчитъ. Вездѣ ледъ. Набился въ цилиндры, оплелъ шатуны, опуталъ мѣдныя ленты, сосульками виситъ по трубѣ. Заткнулъ глотку свистка.

Шварцкопфъ подымается къ топкѣ.

...Карповъ, масла!..

Нѣтъ ни масла, ни Карпова.

Черезъ плохо прикрытую дверь намело снѣгу. Вездѣ, проклятый...

Шварцкопфъ вынимаетъ изъ сундучка сальную тряпку, протираетъ манометръ, мѣдныя части...

— Какая работа! Да, Карлсруэ не выпуститъ дряни.

Повертываетъ форсунку.

— Ледъ, вездѣ ледъ...

Закуриваетъ сигару. Смотритъ. Слушаетъ — гудятъ и гудятъ столбы.

...Итти надо. Ждетъ Карля...

Глядитъ на часы—пора.

....Грррр...—слышно въ вѣтрѣ знакомое—грррр...

Шварцкопфъ заглядываетъ въ окошечко— не видно за мутнымъ стекломъ.

Сходитъ на путь. Смотритъ, подставивъ ладонь отъ солнца.

...Что такое.

Въ гулѣ столбовъ пробивается рокочущій шумъ. Что-то черное ползетъ по пути и ворчитъ. И еще черное.

...Грррр...—ползетъ съ этимъ черномъ,—грррр....

Теперь ясно—дрезина, продирается по снѣгу. Вертятъ колеса. Сверкаетъ на солнцѣ. Слышится визгъ желѣза.

— Солдаты?! Значитъ, взялись.

Шварцкопфъ потираетъ занѣмѣвшія руки, попыхиваетъ сигаркой.

...Зотъ бравый народъ... Какъ наши баварцы. Ну, теперь все пойдетъ...

....Грррр... грррр....—ближе наползаетъ дрезина.

Солнце мѣшаетъ смотрѣть.

...Должно быть, къ Грачамъ... Тамъ, говорятъ, смѣстили начальника...

— Стой!—раздается команда,—Долой!

Заворчало желѣзо. Визгнуло.

— Стой!—скомандовали на задней.—Долой!

Остановилась и вторая дрезина.

...Хочетъ спросить?—думаетъ тревожно Шварцкопфъ.

Хочетъ поднять папаху.

— Кто ты такой?! Ни съ мѣста!

— Я?...—спрашиваетъ Шварцкопфъ и отступаетъ назадъ. Видитъ суровыя лица, хмурые взгляды.

— Кто?!

— Я... я... Шварцкопфъ... машинистъ—перваго...

— Какое депо?! Гдѣ живешь?!

— Я... Шварцкопфъ... машинистъ...—повторяетъ Шварцкопфъ и показываетъ черезъ поле, къ березамъ.

— Обыскать!

...Обыскать?!

Онъ отдается покорно, не понимая,—зачѣмъ обыскать. Растерянно смотритъ на людей съ хмурыми лицами.

— Я... ничего... я Шварцкопфъ... изъ депо...

— Есть!

Его держатъ. Передъ носомъ видитъ онъ револьверъ, свой револьверъ.

Да, его. Кругомъ неспокойно. Ему все грозили. Надо было ходить ночью въ депо.

— Звать! Фамилія какъ?!

— Я Шварцкопфъ... баварецъ Шварцкопфъ... баварецъ...

— А, Шварцкопфъ! Жидовская морда!... Руки!!

Его не пускаютъ, тащатъ. Онъ вырывается.

— Машинистъ я! Шварцкопфъ... Меня знаетъ самъ...

Одинъ мигъ видитъ онъ сѣрую спину, бѣлое поле, снѣга...

— О, мейнъ готтъ!—кричитъ онъ, болтая въ мѣшкѣ головой.—Каролинъ!

Мысли пропали въ вихрѣ. Гибнетъ, конецъ—это онъ чувствуетъ.

Это онъ испыталъ давно, когда тонулъ въ Фильсѣ.

— Къ паровозу!

Онъ покорно идетъ, выдирая изъ снѣга ноги, видя въ мѣшкѣ мутный свѣтъ—тихія сумерки.

Что-то жесткое жметъ въ поясницу. Что,—онъ не видитъ. Онъ не видитъ, какъ спрыгнули съ насыпи и провалились въ сугробъ.

. . . . . .

Онъ тряхнулся. Поползло подъ ногами. Стукнуло о желѣзо. Родившаяся въ залпѣ синяя струйка пропала: ее разметалъ вѣтеръ.

— Сажайсь!

Застучали, завизжали колеса.

....Гррррр....

Гудѣли столбы. Тоненько выло въ трубѣ паровоза. Курилось снѣжное поле.

Ив. Шмелевъ.

Сутуловскія святки.

(*Разсказъ*).

I.

Село Сутуловка—въ трехъ верстахъ отъ станціи того-же названія—забыто Богомъ и людьми, а теперь, вдобавокъ, задавлено полночью и вязкими сугробами; брехала лишь шалая собака порой, незнамо гдѣ сквозь вьюжную жуть, да плуталъ у гуменъ путникъ, пассажиръ съ ночного поѣзда, парень въ желтомъ байковомъ пиджакѣ и съ узломъ.

Вьюга хлестала его по лицу, кружила по засыпаннымъ колеямъ, налѣпивъ снѣгу полонъ ротъ; отъ нея гудѣли провода, несмолкаемые бубенчики чудились въ сугробахъ, и у глазъ вспыхивали синія зги.

— Мотри, такъ и подохнешь здѣсь,—думалъ парень, поджимая локти поуютнѣе:—ишь, дьяволъ, какъ заснащиваетъ!—Но уже чуялъ, что немного осталось до села; скоро дружнѣе завыли собаки невдалекѣ, закачался огонекъ; въ темномъ небѣ выросъ кто-то, плотный и широкій, и развелъ удивленно двѣ огромныхъ черныхъ руки,

— Мельница, таперь и прясло тутъ-же,—обрадовался путникъ и зашагалъ поскорѣе. За мельницей избы навалились мутнымъ пригоркомъ, засвѣтилось окно; на свѣту стоялъ караульщикъ, упавъ грудью на палку, весь въ снѣгу, и дремалъ.

— Дядя—а!—крикнулъ парень, дрожа отъ непогоды:—э—эй, гдѣ тутъ Кротонъ живетъ, Кротонъ, да лавошникъ—то?

...ав—во,—донеслось по вѣтру, разорванное въ клочья, и парень догадался, что кричатъ „направо". Столкнулся носъ къ носу съ мужикомъ, на нихъ ссыпало изморозь съ ветелъ, а тотъ вопилъ:

— Направо держи, за волостной, за волостной, говорю! Все одно не пущаетъ онъ ночкомъ—то!.. У его пушка насупротивъ воротъ стоитъ, смотри, какъ пальне—отъ, кормилецъ...

Парень завернулъ за уголъ, уже не слушая, миновалъ волостное съ палисадникомъ; туго вспоминая что-то, набрелъ на каменный флигель, въ окнахъ котораго колыхались красныя сумерки отъ лампадъ, и затукалъ по калиткѣ.

Спустя минуту, за воротами зашаркало, заплясалъ свѣтъ; на калитку влѣзъ тусклый фонарь и кто-то проскрипѣлъ сердито:

— Кто здѣсь такой, прощалыга, спокою ты людямъ не даешь? Чего надо, ну?

— Племянникъ—съ вашъ, здрассте, дяденька,—крикнулъ парень, задирая лицо кверху.—Митька я самый и есть, отоприте что-ль!

— Проваливай, проваливай, нечего къ замкамъ-то прицѣливаться! Ходитъ тутъ, всякое жулье... Чай, и пачпорта—то нѣтъ?

— Какъ—съ нѣтъ, вотъ, дяденька,—заворочался парень и, порывшись въ карманахъ, сунулъ къ фонарю бумагу. Фонарь слѣзъ, за калиткой забормотало; потомъ щелкнули засовы, кто-то невидный и маленькій пропустилъ Митьку впередъ, и тотъ, проходя сѣнями, увидѣлъ на стѣнѣ два ружья и небольшую пушку.

— Иди, иди,—скрипѣло сзади,—не присматривайся, я еще вотъ огляжу тебя, какъ слѣдоваитъ...

Въ горницѣ свѣтила приспущенная лампа; теперь видно стало лицо Митькино, смуглое и курносое, клокъ кудрей, ухарски выскочившій изъ подъ шапки; отдуваясь и крякая, отряхалъ онъ снѣгъ у порога, а Кротонъ, низенькій красногубый старичекъ съ остренькой бородкой и такими-же острыми, колючими глазками, гасилъ фонарь.

— Такъ-съ,—умильно усмѣхнулся онъ,—племянничекъ, говоришь. А откуда бредешь ты, милый, только не ври, я вѣдь, все вижу!

— Изъ Сызрани мы,—отвѣтилъ парень,—тамъ на пристаняхъ работали, я ужъ здѣсь двѣнадцать годовъ не былъ, какъ тятенька померши. Вотъ васъ, дяденька, я сразу призналъ, вы только сѣденькій стали... А это Аленушка,—ткнулъ онъ въ фотографію на столѣ,—пріемышекъ—то вашъ, помню; вмѣстѣ въ козанки съ ней играли, а теперь вонъ какая заглядистая стала, тутъ что-ли она?

— Вижу я, парень, мелешь ты все зря,—сказалъ строго старичекъ и глазки погасли, словно злымъ туманомъ замутило ихъ.—Возьми—ка ты свое тряпло да ступай, покедова урядника не позвалъ... И вовсе ты не Митька, не волынь попусту! Иди, провожу я...

— Дяденька,—умолялъ парень,—да что-же, смерзнуть что-ль мнѣ? И—эхъ!—плаксиво зажмурился онъ и, поднявъ узелокъ, сгорбился къ двери, но старичекъ окликнулъ его, усадилъ на стулъ и зашмыгалъ по горницѣ, потирая ладони.

У парня отъ тепла сладко заныло тѣло, тягота сонная налипла на глаза. Осовѣло хлопая рѣсницами, глядѣлъ онъ на Кротона, а тотъ все бѣгалъ плавно, будто усыпляя, и наконецъ вкрадчиво хихикнулъ:

— А что, Митя, съ дѣвками ты какъ? Можешь заправить, комаръ носу не подточитъ, а?

— Ну ужъ,—блаженно усмѣхнулся парень сквозь дремоту,—насчетъ бабьяго пола—то я стерьва... Гармошка вотъ у меня: какъ подморгнешь да тюлюлякнешь, дѣвки гуртомъ лѣзутъ, прямо рвачка! Мы въ Сызрани со всякимъ обращеніемъ знакомы: когда такое имъ развезешь, въ дикаденскомъ вкусѣ, что твой Максимъ Горькій и профессоръ кислыхъ щей!

— Это нашему королю въ масть,—согласливо закивалъ старичекъ,—вотъ ты поживи, да Аленушку развесели у меня; хворь у ей и думы всякія, боюсь, не свихнулась—бы... Развесели ее, я тебѣ награду дамъ, а энто... ни—ни, не баловаться! У ей женихъ есть, богачъ страшенный, такъ у меня чтобъ безъ шалостевъ! Ни—ни, слышишь?

— Чую,—сонно подмигнулъ парень и поплелся за Кротономъ въ каморку, гдѣ и легъ на сундучкѣ. Старичекъ, покашливая, удалился, тишь глохла въ комнатахъ; уже засыпалъ Митька и путались несуразно мысли, какъ скрипнула вдругъ половица и подъ вѣки влѣзъ опять надоѣдливый сторожкій свѣтъ.

— Не спишь еще,—прошипѣло отъ дверей.—Ты того... по горницамъ не вздумай лазить. На ключикъ все заперто, на ключикъ, а у меня и ружьецо виситъ. Такъ-то,—внушительно пристукнуло тамъ и затихло.

Митька подумалъ немного и удивленно хмыкнулъ. Потомъ зарылся лицомъ въ подушку, вздохнулъ и тутъ-же забылся.

II.

Рядомъ съ флигелемъ и лавка Кротонова вросла въ землю по-поясъ, вродѣ подвала. Дверь желѣзная, тяжкая; полъ земляной убитый; всегда сыро въ подвалѣ отъ гнилыхъ потемокъ, а въ потемкахъ этихъ покашливаетъ остроглазый Кротонъ, улыбчиво покашливаетъ и съ коварнымъ подмигомъ какимъ-то, отъ котораго неспокойно.

Утромъ поилъ онъ тамъ Митьку чаемъ съ лимономъ. Митька разсказывалъ, подобрѣвъ, о странствіяхъ своихъ съ самаго дѣтства, какъ плуталъ по степямъ, безпачпортный, холодный и голодный, потомъ опредѣлился на пристаня и теперь, слава Богу, живетъ ничего, ни шатко ни валко.

— Зря баять не стану,—съ достоинствомъ говорилъ онъ,—а сорокъ три цалковыхъ на книжку положилъ, какъ одну копѣечку. Мнѣ еще бы сэстолько, я и жениться могу; мои года такіе, что безъ дѣвки нельзи...

— Это вѣрно,—замѣтилъ Кротонъ,—и въ сумеркахъ не разглядѣть было—усмѣхается—ли онъ или отъ боли какой сморщинилъ лицо.—Ваше дѣло молодое, чай, вотъ на дядю цѣлишься теперь: помретъ, молъ, старый гвоздь, и мнѣ толика перепадетъ, а? Только я, вѣдь, крѣпонькій, самъ жениться могу, хе-хе! А то Аленушкѣ откажу все въ очистку, что?

— Ну васъ, дяденька, въ мысляхъ не держалъ этого сроду,—смутился Митька.—Дай вамъ Господь здоровья, что-же, и меня вотъ пріютили, голыша; значитъ, я съ родиной могу опять повидѣться, честь—честью...

— Такъ, такъ,—недовѣрчиво поклонился Кротонъ и, вздохнувъ, всталъ.—Ну, иди теперь, Аленушку посмотри, въ горницахъ она. Покалякай съ ней, разутѣшь... Да ты знаешь какъ, дѣло ваше молодое, хе-хе!

Митька поблагодарствовалъ за угощеніе и послушно вышелъ.

Вспомнилось, ему, какъ въ солнечные дни когда-то, можетъ, приснившіеся, бѣгалъ онъ въ красной рубашонкѣ по широкимъ травянистымъ улицамъ или купался въ серебряномъ прудѣ, подъ ветлами; тогда близкой была—будто глазъ касалась горячая зеленая земля, лукаво и внятно пѣли птицы въ травѣ, и сумерки на родимыхъ задворкахъ полны были дремотныхъ чудесъ.

И словно въ дремотѣ ихъ, смѣялась гдѣ-то въ далекомъ темноглазая дѣвочка со льняной косой...

— Поди, не подступишься теперь къ Аленкѣ,—подумалъ онъ, входя въ горницы:—гдѣ намъ, она на карточкѣ вонъ какой кралей глядитъ...—Нарочно подкашлянулъ у порога, потоптался, стѣсненный сладкой робостью, и заглянувъ за дверь, увидѣлъ Аленушку.

Она стояла у стола въ черномъ платкѣ и сарафанѣ старушечьемъ, не укрывшемъ высокую грудь. Съ плеча ползла коса тугая, желтая какъ поздняя рожь, строго сжатъ былъ пунцовый маленькій ротъ, и темные глаза ея глядѣли немощно и грустно.

— Не признаете, Аленушка?—шагнулъ къ ней Митька и, растерянно ухмыляясь, тронулъ бѣлую руку.—Я Митька, вѣдь, помните въ козанки еще вмѣстѣ играли, это я и есть, здравствуйте!

— Говорилъ мнѣ тятенька,—сказала дѣвушка и нехотя улыбнулась:—вонъ какой вы стали, совсѣмъ женихъ... садитесь-же, Митя.

Онъ присѣлъ со стылой усмѣшкой на лицѣ, не зная, что дальше дѣлать;—ну и краля,—подумалось ему и мутно заныло гдѣ-то,—только больно монашкой смотритъ, и о чемъ говорить, песъ ее знаетъ...

На пристаняхъ просто было все и понятно; въ воскресные вечера ходилъ онъ въ гости къ одному дворнику, другу своему, и распивалъ вмѣстѣ съ нимъ полбанки. Потомъ друзья вываливались къ воротамъ, гдѣ у каждаго была подружка—изъ горничныхъ, лущили сѣмячки, и Митька ухарски подыгрывалъ на гармошкѣ, вылупляя глаза на дѣвкину грудь. Иногда отправлялись еще гулять за городъ; но когда вставала луна, осиняя траву, и въ темныхъ лугахъ Волга мерцала серебрянымъ разливомъ, сердце отуманивалось тамъ непривычными и печальными желаніями и противно было смотрѣть, какъ хихикаютъ и льнутъ подружки, опьянѣвъ отъ краснаго вина...

— Глушь у васъ здѣсь,—сказалъ онъ наконецъ,—и вы, Аленушка, видать, закручинились что-й-то, скушно... У насъ теперь самое развеселое время, только ноги настраивай, танцы пойдутъ, музыка! Може, повеселить васъ, я на гармошкѣ сичасъ ударю!

— Что вы, что вы,—отмахнулась испуганно дѣвушка,—чать, день-то какой нонѣ, сочельникъ, ай забыли? Нонѣ Богъ родится, самый великій день. Что вы, и говорить-то объ этомъ грѣхъ!

— Богомольная какая,—подивился Митька,—и нарядъ-то у васъ монастырскій, иль дяденька скупится? Скушно, чай, съ нимъ?

— Мнѣ ничего не надо,—отвѣтила дѣвушка тихо и уронила къ щекамъ черныя рѣсницы.—Ко мнѣ вотъ страннички заходятъ, юродивенькіе; я ихъ чайкомъ попою, а они про святыя мѣста разскажутъ, гожо такъ... Житія вотъ когда почитаешь, какъ угоднички за насъ муки примали... Въ монастырь-бы я ушла...

— Въ монасты-ырь,—раскрылъ ротъ Митька и глупо заморгалъ; хотѣлъ еще что-то сказать, но дверь скрипнула и самъ

Кротонъ вошелъ, умильно посмѣиваясь, и закивалъ на нихъ головой.

— Такъ вотъ и калякаютъ дѣтки, калякаютъ!.. Дѣло ваше молодое, только и побалагурить, а Аленушкѣ въ диковинку парни-то, она все со странничками да со мной, старичкомъ. Вотъ ей и въ охоту! Калякайте, калякайте, дѣтки, я ничего!

— Я къ себѣ, тятенька, пойду, мочи мнѣ нѣтъ, — сказала вдругъ Аленушка и, не поднимая глазъ, вышла изъ горницы. Кротонъ подмигнулъ ей вслѣдъ и, скосясь лукаво на Митьку, ехидно шепнулъ: какъ? Тотъ пробормоталъ что-то, самъ не вникая въ слова; стало отчего-то неуютно и безпокойно и тогда, насупившись, потолкался онъ безъ смысла у окна и вышелъ наружу.

Вьюга унялась, сурово-синіе литые сугробы лежали въ поляхъ, лѣзли къ калиткамъ и вмѣсто крышъ нависали съ избъ.

Митька сходилъ зачѣмъ-то на станцію, побродилъ по вечернему селу, гдѣ все безмолвно было и пустынно; лишь розвальни сонно проскрипятъ да баба звякнетъ ведромъ у колодца. Раннія потемки набѣжали, сквозь нихъ тлѣлъ мрачный, исчерна-красный закатъ; въ избахъ затопились печи къ розговѣнью; горькій дымъ не поднимался и облакомъ мутнымъ осѣдалъ по рѣкѣ.

Будто во снѣ все было у Митьки; куда-то унесли его вдругъ, въ дальный край, и теперь сквозь туманъ не понять: онъ-ли плутаетъ безъ толку по темнымъ улицамъ, или видѣніемъ такимъ томитъ его злая лихорадка...

Наконецъ дошелъ онъ до Кротонова дома; въ лавкѣ трепыхалъ огонекъ, изъ горницы по вчерашнему тускнѣло алое отъ лампадъ. Въ черныхъ сѣняхъ котъ шмыгнулъ подъ ноги, замурчалъ, и отъ этого жуть подула слабымъ холодкомъ. Шумно раздѣлся Митька, совсѣмъ смущенный, и хотѣлъ уже прокрасться въ каморку, какъ изъ изъ сумерекъ выскользнула блѣдная Аленушка, вся въ слезахъ, и, сжавъ ему плечи, потянула къ огромнымъ своимъ, замерцавшимъ глазамъ...

— Что ты,—озлился вдругъ онъ отъ испуга и задергалъ плечами:—я же это, вотъ еще...

— Добрый человѣкъ, Митя,—припадала она къ нему, задыхаясь отъ слезъ,—помоги мнѣ, помоги, добрый человѣкъ!.. Опять онъ въ ногахъ валялся, плакалъ, иди, гритъ, за меня, не хочешь, силой возьму!.. Слезъ-то его не могу видѣть, Митенька, боязно мнѣ... Ты жалостный, вѣдь, дитёмъ меня зналъ, скрой меня, добрый человѣкъ! Здѣсь монастырь въ Вазеркахъ, туда меня довези, я тебѣ триста дамъ, въ банкъ онъ положилъ! Митенька, помоги...

Уткнувшись въ локоть голый, съ нѣжнымъ стономъ упала Аленушка на стулъ; Митька захлопалъ глазами, потерявшись, гладилъ ее бережно по спинѣ, бормоча:—какъ же это, а?—Потомъ, махнувъ рукой, отошелъ на цыпочкахъ въ каморку, легъ, крякнувъ отчего-то, на постель вверхъ лицомъ и пролежалъ такъ до частыхъ звѣздъ.

Опять Кротонъ заходилъ съ лампочкой, испытующе осмотрѣлъ закрытые его глаза; въ кухнѣ тяпала ножемъ стряпуха, плылъ вкусный чадъ; послѣ полночи загудѣли люди подъ окнами, стали ходить по скрипучимъ сугробамъ; повизгивали дѣвки, парни галдѣли, задирая, и наконецъ голосами сумрачными заблаговѣстили колокола.

III.

Въ праздникъ свѣтло выбѣлены горницы у Кротона; въ окнахъ тюлевыя занавѣски, на гремучихъ половицахъ цвѣтные половики; въ углу умѣстительный столъ подъ снѣговой скатертью, а на немъ яства жирныя, насдобленныя, и ядреныя наливки.

Придя отъ обѣдни, благолѣпно помолился Митька на богатые образа и скромно присѣлъ, предвкушая сладкое розговѣнье. Кротонъ замѣшкался на кухнѣ; въ горницѣ лишь Аленушка стояла у окна въ бирюзовомъ сарафанѣ, словно умытая радостью какой, а въ улицахъ ходилъ румяный народъ и курилась подъ солнцемъ голубая мятелица.

— Думы чудныя у васъ, Аленушка, — прервалъ молчаніе Митька.—Я думаю, что хворь у васъ какая нинаесть... Вчера хоть вотъ, зачѣмъ?.. и меня замутили... У дяденьки чего вамъ еще, жисть первѣйшая, всего вдоволь!

Хотѣлось еще сказать ей что-то, хорошее, отрадное; горячая радость заполоняла все отъ яснаго утра, отъ полнаго солнца. И еще невнятное томленіе вспыхивало порой, будто, какъ въ недавнемъ снѣ, подойдетъ сейчасъ родная Аленушка, тонки руки уронитъ ему на плечи, и о любовной, о тайной сласти улыбнутся близко темные глаза...

— Не надо мнѣ ничего, ахъ, — потемнѣла она и руками больно хрустнула, словно потягиваясь. — Не хворь это, такъ... Измоталась я здѣсь, не къ дому я. Вотъ въ монастырь скоро уйду, къ угодничкамъ, кельеночка у меня будетъ свѣтлая, тихая... Митенька, я, вѣдь, Богородицу видѣла, никому не сказываю только, первому вамъ... Вблизь, какъ васъ, Ее Матушку, сподобилась...

— Затменіе, чать, какое, — скучно отозвался Митька: — отъ тоски чего не прибредится!

— На пчельникѣ это было,—улыбнулась ласково Аленушка: — тишина такая, цвѣты пахнутъ, солнышко; у меня индо сердце зашлось, встала я на колѣнки у озерца, молюсь и подумала такъ: что это угодничкамъ разныя видѣнія бываютъ, а намъ нѣтъ, грѣшнымъ, хоть однимъ глазкомъ поглядѣть Ее, Матушку. И вдругъ помстилось мнѣ: идетъ это женщина по травѣ, босичкомъ, сарафанчикъ на ей синенькій, а на ликѣ, Митенька, чисто солнышко играетъ, смотрѣть нельзя. Я ужъ глазъ не подниму, не чую ничего, а Она, Кормилица, подошла ко мнѣ и говоритъ: гдѣ тутъ дорога на Выглядовку, дѣвонька? Я пробаяла чтой-то, да и забылась тутъ-же, ровно морокъ какой на меня нашелъ...

— Чудно,—хмыкнулъ Митька, выслушавъ все съ раскрытымъ ртомъ и, заслышавъ шаги, умолкъ.

Крадучись словно, вошелъ Кротонъ, примасленный и въ бѣлой рубахѣ, подпоясанной розовой ленточкой подъ грудки; усмѣхался, и отъ рубахи этой еще приторнѣй розовѣло дряблое лицо его, будто распаренное сейчасъ въ горячей банѣ.

— Ну, дѣтки, съ праздничкомъ,—поклонился онъ и провелъ по нимъ вглядкими глазами.—Съ праздничкомъ, Аленушка, поцѣлуй меня, старичка! Съ праздникомъ, Митенька!

Всхлипнувъ, припалъ онъ къ Аленушкиной щекѣ, поалѣвшей едва; потомъ ткнулся Митькѣ въ губы мокрымъ ртомъ, а тотъ смиренно поклонился и чмокнулъ красную руку.

— И васъ проздравляю, дяденька, спасибо за увѣтъ вашъ!

— Теперь съ ей вотъ поцѣлуйся,—покорно вздохнулъ Кротонъ, показавъ на Аленушку.—Молодые вы, хочется, чай... Аленушка, ты какъ, голубка?

— Ваша воля, тятенька,—опустила та глаза и, поалѣвъ вся, отвернулась.

— То-то,—жалобно проскрипѣлъ Кротонъ,—ваша воля... Вижу, вѣдь, наскрозь я васъ вижу. Вонъ онъ какой, кудрявый, стоитъ, такъ глазами-то и ѣстъ... Цѣлуйтесь ужъ, посластите... Поди къ нему.

Словно закруженный, увидѣлъ Митька въ близкомъ туманѣ застѣнчивую дѣвичью усмѣшку, губы безпомощныя, блаженныя; едва коснулся жаркаго ихъ дыханія и потупился тотчасъ, обезпамятѣвъ, а Кротонъ зашмыгалъ носомъ и, часто-часто тыкая платкомъ въ глаза, пятился къ двери.

— Плачетъ?—недоумѣнно взглянулъ Митька на Аленушку, и та, покачавъ головой, судорожно закрылась руками. Спустя минуту возвратился Кротонъ, молчаливый и съ красными глазами; разговѣлись не весело и втихомолку, послѣ чаю заперся Митька въ боковушкѣ своей, уставъ отъ всѣхъ смятеній, и, упавъ ухомъ на гармонику, принялся глушить тоску.

Одинъ ладъ попискивалъ, немного съ фальшью былъ; гдѣ-то зудящій нарывъ вскочилъ у Митки, а ладъ писклявый бередилъ его и бередилъ, пока не стало совсѣмъ тошно. Тогда, вконецъ измученный, оборвалъ Митька съ сердцемъ постылую польку „Тиръ-даръ-да“ и, скомкавъ шапку, выбѣжалъ въ улицы.

Мчались розвальни, на нихъ разлеглись вповалку красношекія бабы въ цвѣтныхъ платкахъ, голосили пьяныя пѣсни. Парни, распахнувъ поддевку до алой рубахи, перезванивали съ дробью на гармошкѣ, а отъ дугъ взвивались яркія ленты.

— Гуляютъ,—уныло думалъ Митька,—вонъ какъ запузыриваютъ, а тутъ очертѣло все, и зачѣмъ пріѣхалъ, дуракъ...

У розстани повстрѣчалъ его старинный знакомецъ, по прозванью сватъ Ай-ай. У свата голова была дыней и голая, глазки—какъ изюминки и съ хитрецой, а отъ беззубаго рта свисала ниже пояса тощая борода куделью. Въ сватовой веселой избѣ, гдѣ мычалъ теленокъ и пахло теплымъ пометомъ, пили водку; Митька помутнѣлъ вскорѣ и размякъ, сталъ разсказывать, какъ у Кротона всѣ—чисто штоломные и что ни дѣлаютъ, все съ надвертомъ. Сватъ Ай-ай мигалъ изюминками и съ дребезгомъ ржалъ, хотя было не надъ чѣмъ; въ концѣ-же навалился Митькѣ на ухо и опасливо набормоталъ, что въ Кащеевомъ дому давно не ладно и самъ онъ на пріемышка своего облизывается; а Митькѣ надо поаккуратнѣе, не то живо ему въ душу наплюютъ...

Подъ хмелькомъ воротился Митька домой; уже бѣлый мѣсяцъ заострился надъ звонницей. Въ дверяхъ самъ Кротонъ встрѣтилъ его, задумчивый, похлопалъ по плечу съ насильной усмѣшечкой и, показавъ на Аленушкину дверь, сказалъ:

— Дѣвка-то... цѣлый день лежитъ, вонъ какъ ты поцѣлуемъ своимъ ее разстроилъ, хе-хе!.. Чай, только и думы, что о тебѣ! И ты тоже, а? Я, вѣдь, знаю, чего вамъ надо-то, ступай, ступай ужъ, приласкай ее!

— Дыкъ она раздѣмшись дяденька,—нахмурился Митька и обиженно хмыкнулъ:—чтой-то шутите вы негоже, будетъ что-ль...

— Митенька, родной,—залепеталъ вдругъ Кротонъ, захлебываясь,—ступай ты къ ней, коль дядю любишь, ступай, вотъ Христомъ прошу тебя, Митенька! Да нешто я разлучникъ какой, не вижу что-ль я, Господи! Утѣшь ты меня, старичка! сходи къ ней, сходи,—и, жестко вцѣпившись въ Митькинъ локоть, хлюпая носомъ, тащилъ онъ его къ спальнѣ, куда и толкнулъ потомъ, заперевъ дверь на ключъ...

Зеленая лампада свѣтила въ дремотныхъ потемкахъ, и сквозь нихъ едва увидѣлъ Митька блѣдное лицо Аленушкино, лежавшее на подушкѣ въ темномъ облакѣ косъ. Испуганно повернула она къ нему большіе, прелестные отъ тревоги глаза и, ахнувъ, закрылась ладонями.

— Не самъ я,—буркнулъ онъ, опускаясь на табуретъ у постели:—энтотъ заладилъ, иди да иди, хнычетъ опять... Чтой-то чудно мнѣ все, не поймешь васъ... И давешнее тоже... самъ что-ль я? Коль въ обиду, простите...

— Не надо,—съ неслышимой болью прошептала Аленушка,—не надо про это...

— Конешно, знаю я,—обиженно ворчалъ Митька,—съ нашимъ братомъ, голышемъ, цѣловаться тоже не всякому пріятно... Наша доля такая, всякій брезговаитъ... Простите ужъ.

— Не то, Митенька,—слабо вздохнула Аленушка и вдругъ, открывъ лицо, улыбнулась медленно влажными еще глазами. Одѣяло сползло, бѣлое нѣжное плечо освѣтилось вблизи, и тогда, бормоча по хмельному:—а что же, что—же?—началъ Митька клониться къ раскрытымъ улыбчивымъ губамъ ея, не видя ничего сквозь сладкую мглу...

— Вотъ—вотъ и сговорились дѣтки,—проскрипѣлъ сзади умильный голосъ, и изъ потемокъ вышелъ Кротонъ, горбясь и заложивъ руки за спину.—Сговорились, дѣтки, кровь-то она свое возьметъ, играетъ она въ васъ, горячая, молодая! Вотъ не войди я, и грѣхъ какой случился бы, оно эдакъ, хе—хе!.. Ну что—же, ништо я разлучникъ какой, ты, Аленушка, не плачь, скажи мнѣ: пойдешь за Митю?

— Какъ вы, тятенька,—зарывшись въ подушку, отозвалась робко дѣвушка:—вы меня поили—кормили, я то что...

— Ага, какъ тятенька,—съ горечью затрясъ головой Кротенъ и вздохнулъ:—а раньше въ монастырь собиралась, лампадки жгла.. видно, вмѣсто игрушекъ все было! Вотъ те и монастырь... Ну, я ничего, ничего, ты не серчай Аленушка! Митенька, люба она тебѣ! Да самъ вижу, люба...

— Люба, дяденька,—хы-ы...—оскалился Митька, потерявшись отъ радости.

— Ну, благослови васъ Господь,—утеръ глаза Кротонъ и полѣзъ въ уголъ за образомъ; потомъ заставилъ цѣловаться, а

Библиотека Ивана Ивановича Лапшина

самъ всталъ въ дверяхъ, чтобъ не видно было лица, и заплакалъ.

— Умру вотъ, въ могилку скоро лягу, все вамъ оставлю... Сорокъ тыщевъ у меня, Митенька, все на васъ, на всю жисть хватитъ... А я туда, въ могилку, эхъ!...

— Дяденька!—крикнулъ задушенно Митька и заморгалъ:—такое вамъ спасибо, отъ сердца... в-вотъ! Вѣдь, сколько горя измыкалъ, откуда такое счастье?—и, всхлипнувъ, грохнулся Кротону въ ноги.

IV.

Передъ Новымъ Годомъ свозилъ Кротонъ молодыхъ въ губернію; Митькѣ подарилъ пальто кенгуровое, сѣрую шапку гречишникомъ, съ узорчатымъ верхомъ, и собственные золотые часы; Аленушкѣ-же купили тамъ алую бархатную шубку и сдѣлали подвѣнечное платье, а вдобавокъ исправили пискливый ладъ въ Митькиной гармошкѣ.

Послѣ-же Новаго Года поѣхали въ гости къ богатому мужику, Давыдкѣ Токареву, гдѣ молодыхъ почтили поклонами и усадили въ красный уголъ.

Народу наперлась у Давыдки полна изба; на столахъ наставили бутылей, накромсали горой студня и поросятъ. Чвакая, начали ѣсть и пить, и Митька подобрѣлъ скоро отъ хмѣля; но угрюмый Кротонъ не дотрагивался ни до чего, а, глядя на него, и Аленушка, которая только застѣнчиво молчала и клонила на грудь темные свои глаза.

Потомъ охмелѣли гости; бабы, держа платочекъ на отлетъ, кругомъ шли въ плясъ; поднялась сутолока; сватъ Ай-ай держалъ за пуговицы долгоносаго бѣлобрысаго телеграфиста и визгливо толковалъ:

— Мил-ай! Ты не обиждайся, что я тебя трясучимъ департаментомъ величаю! Самъ видалъ, милый: тыкаете это вы въ конторѣ въ шпеньки свои, трясетесь, чисто дураки! Мил-лай! Трясучій департаментъ! Хряпнемъ что-оль?

— Держи меня, вырвусь!—визгнулъ сватъ Ай-ай и несся, подергивая плечами, по избѣ, намахиваясь на кого-то длинной костлявой рукой. Въ окнахъ забубнили, и хлопнула дверь, напустивъ пару до потолка, все потерялось. Дрожа и смѣясь, притиснулась къ гармонисту Аленушка, зажмуривъ глаза отъ жути, и изъ пара лѣзли лохматыя и черныя чудища, путали все и зычно гоготали, ударяя въ заслонъ,

— Ряженые пришли!—горланилъ кто-то и засуетился:—эй, ребята, махнемте къ старостѣ, попужаемъ подлеца!—Пахнули опять паромъ, сквозь него бубенцы звенѣли на невидимыхъ дугахъ, стоялъ въ синемъ мѣсяцъ; и распаленный Митька, накинувъ кое-какъ шубку на Аленушку, толкнулся торопливо за народомъ, а сзади бѣжалъ Кротонъ, растопыривая руки—какъ незрячій, и шипѣлъ:

— Куда вы, куда вы?

— Туда,—смѣшливо оборвалъ Митька и, поваливъ Аленушку въ розвальни, крикнулъ: вали! Бубенцы дрогнули, залились, и ледяной вѣтеръ обжогъ щеки...

— Ухъ, Тишка рви,—заревѣлъ кто-то, качаясь стоймя съ возжами. Гомономъ буйнымъ ударила гармоника вдоль улицъ, на заднихъ саняхъ, отзываясь, подхватили веселую, заголосили бубенцы. Положивъ голову на плечо Аленушкино, мялъ Митька лады, не помня уже ничего, и въ пустынныхъ улицахъ ухало и звенѣло все отъ озорныхъ пѣсенъ.

Задребезжали въ окна къ старостѣ, ввалились въ душныя горницы, обмерзлые всѣ; опять забурлила кровь отъ пляски.—Ну, рви что-ль, эхъ,—съ болью выдавилъ Митька, звономъ разсыпчатымъ пустилъ, ахнули гости; неслись скочкомъ и въ присядку, хохлатые, черные, ѣхалъ цыганъ на медвѣдѣ, вопилъ татаринъ въ ермолкѣ; разъяренный сватъ Ай-ай прыгалъ по телячьи, взявъ въ зубы длинную бороду, визгливо ржалъ; въ сутолокѣ гремучей перемѣшалось все, кружительное мелканье стояло въ глазахъ и горло комкало отъ хмельной усталости, а румяныя бабы, поддавая грудью, подкидывали чоботами юбки выше колѣнъ и причитывали:

Молодка моя,
Молоденька!
Головка твоя,
Спобѣдненька!

Аленушку подтащили къ столу, влили насильно въ пунцовыя губы; къ ней разлетѣлся телеграфистъ, отставивъ локти щегольски, и шаркнулъ ногой:

— Позвольте васъ, мадамъ, на краковякъ, мы по благородному отчекрыжимъ!

— Я т-тебѣ за чужихъ дѣвокъ!—крикнулъ Митька и, трудно покраснѣвъ, шатнулся къ танцору—Ты чего, тебѣ харю что-ль накрокавячить, паршивый чортъ? Это что вотъ,—совалъ онъ ему къ зубамъ жилистый кулакъ:—это чѣмъ щи хлебаютъ что-оль? Ахъ, трясучій департаментъ...

— Будя, будя,—навалился кто-то межъ нихъ, и Аленушка припадала къ нему крутой грудью, умоляя, уставшими словно, сладкими глазами. Опять поднялась свалка у саней, взвыли бубенцы; Аленушкина щека горячая прильнула крѣпко, затмились глаза отъ теплыхъ косъ; въ рѣсницахъ луна качалась серебряной паутинкой, серебромъ гармоника пѣла, вздыхая надрывчато. До сердца захлестнула лунной вьюгой и не понять—гдѣ это, въ какой серебряной небылицѣ, а отъ завалинъ кряхтѣли вслѣдъ черныя старухи, на дорогу выбредали, горбатыя, ворча:

— Никакъ Кащеевы молодые загуливаютъ? . . Ишь, содомъ какой подняли, мотри, самъ кудрявый въ гармонь—то задуваетъ... Теперь пошла гульба на всю ночь, только дѣла имъ, кромѣшнымъ. . .

V.

Кровянымъ лучомъ коснулся звонницъ узорчатыхъ закатъ, алымъ оцвѣтилъ заиндевѣлыя ветлы въ оградѣ. Чиннымъ коль-

цомъ плыли невѣсты вокругъ, выходя по обычаю на вечернюю гулянку; низко клонили рѣсницы, притворщицы, кутая малиновыя губы въ бѣличій рукавчикъ; яркоцвѣтнымъ ручьемъ колыхались платки шелковые, яркоцвѣтные, а насупротивъ встали женихи въ поддевкахъ и лаковыхъ сапогахъ. Усмѣхались мигачи, переглядываясь съ сударушками, поскрыпывали заливчато гармошкой, и сваты чуяли ужъ, мотаясь по площади въ обнимку, что гулять по хмелю на Красной Горкѣ, бить горшки . . .

Вышла къ подругамъ и Аленушка, насурмивъ брови собольи, поярчѣвъ отъ крѣпкаго вѣтра. Поджимала губы цѣлованныя, надменно усмѣхаясь; озорной поволокой, любовной, вспыхивали темные глаза, а изъ-за парней смуглый кудряшъ улыбался ей, перебирая лады.

И вдругъ загомонили что-то на мосту, смятеніе поднялось; парни загалдѣли, рванулись было на околицу; въ сумеркахъ гайкало все и выло, отъ церкви бѣжалъ сватъ Ай-ай, закусивъ бѣлую бороду, а за нимъ трое крѣпкогрудѣхъ сыновей въ пунцовыхъ рубахахъ и вопили:

— Ребята, держи, не удай, выглядовскіе напираютъ!

Горячей волной полыхнуло у Митьки отъ самаго сердца, зубы стиснулись. Протолкавшись въ кипучую свалку, чмокнулъ онъ кулакомъ въ чье-то хлипкое мясо, потомъ еще, еще. Его сжали кругомъ, надавили на грудь до самаго дыханія; отшатнулся онъ немного, чтобъ развернуться повольнѣй, поувѣсистѣй, но тутъ словно чугуномъ сбожгло по скулѣ и, валя наземь, завертѣлось мутно—краснымъ передъ глазами. . .

— Уѣли . . .—бормоталъ онъ, ползая по сугробу,—по пято число, проздравили съ праздничкомъ . . ,

Пошатываясь, побрелъ онъ домой; въ темныхъ горницахъ встрѣтила его испуганная Аленушка, оплела шею бѣлыми руками, бережно зацѣловала жаркую боль. Убаюканный тишью сумеречной, подъ далекіе колокола, прилегъ обласканный Митька на Аленушкину грудь и вздохнулъ.

— Отрадно мнѣ съ тобой, Аленушка, добрая ты. . . Сколько горя я измыкалъ, плуталъ все тамъ, по степямъ, и думалъ: ужель и у меня любушка когда будетъ, ласковая да жалостная... Не зналъ тебя, Аленушка, а вотъ скучалось . . .

— А я то,—прижимаясь потѣснѣе, прошептала она:—разъ пересказать все, какія думы переплакала, какія отъ страму черныя мысли приходили . . . И теперь вотъ,—грустно добавила она, поведя плечами,—опять, Митенька, сердце болитъ . . .

— Какъ не болѣть,—встрепенулся Мнтька:—у васъ вонъ чисто покойникъ въ горницахъ-то, меня спервоначалу жуть взяла . . . Знаешь что, Аленушка? Какъ поженитъ насъ дяденька, махнемъ отсюда въ Сызрань, песъ съ ними и деньгами-то, тамъ луга какіе, воля! . . Эхъ, миленокъ! . .

Задумавшись вдругъ, затихли они въ сонныхъ сумеркахъ. Въ кухнѣ скрипнула дверь, кто-то возился, сладко покашливая; въ ледяныхъ узорахъ синѣла ночь, искрилась луна; подъ окномъ пѣлъ кто-то, невидимый, и мчались стороной дружные пьяные бубенцы . . .

VI.

Весь крещенскій сочельникъ продержалъ Кротонъ Митьку въ своемъ подвалѣ, будто для помочи, а къ вечеру усадилъ противъ себя и, потемнѣвъ, сказалъ:

— Ну, теперь, поди, нагулялся, чай и на мѣсто собрался? Ступай, къ поѣзду какъ разъ время, я не держу.

Митька осунулся, ослабѣлъ вдругъ до поту; неловко усмѣхнувшись, зацарапалъ онъ пальцами по прилавку и спросилъ:

— Дыкъ а Аленушка-то какъ-же? Вы опосля Крещенья помолвку посулили, тогды и поѣхалъ-бы . . .

— Ну, ужъ, ты шутки брось,—посуровѣлъ Кротонъ и дѣловито махнулъ рукой:—Пошутили, братъ, и будетъ, не все въ бирюльки играть, надо и дѣломъ заниматься. Ты нарядъ—отъ мой скинь, вонъ твоя ремузія въ уголкѣ лежитъ, одѣвайся. Часы ужъ такъ и быть дарю тебѣ, дѣвку ты мнѣ развеселилъ, за это не жалко.

— Такъ-съ,—поднялся Митька и началъ копаться въ потемкахъ. Потомъ отцѣпилъ часы, стукнулъ ими о прилавокъ и задергалъ щекой.

— Возьмите ужъ, покорно благодаримъ . . .

Нашелъ гармонику, завязалъ бережно въ дырявый платокъ; вздохнувъ, вытеръ лобъ рукавомъ и всталъ молча у притолоки, а Кротонъ забѣгалъ по лавкѣ и теръ ладони.

— А то, ишь, ловкачъ, думаетъ—подстрѣлилъ съ полукону и все! Нѣтъ, тутъ ее двадцать годовъ берегли да прятали, отъ одного страму, може, сердце изболѣло! . . Може, моя больто въ тыщу разъ дороже твоихъ кудряшекъ стоитъ, да не вашему разуму понять это . . . Ты не смотри, что я сѣденькій, я за вольный свѣтикъ-то зубами держусь, а они у меня крѣпкіе, милокъ, во-отъ! Что? Собрался ужъ?

— Прощайте, дяденька . . .—глухо сказалъ Митька.

— Прости меня, сынокъ,—покорно вымолвилъ Кротонъ,—послѣдній разокъ видимся, когда придешь еще, я тебя и не узнаю . . .—Онъ утеръ глаза; Митька поклонился ему въ ноги, чмокнулъ губы, потомъ руку дрожавшую и, крякнувъ, улѣзъ въ муть.

Черныя окна глядѣли изъ горницъ. Горстями сыпался въ нихъ снѣгъ, осѣдалъ на плечахъ Митькиныхъ, а онъ привалился безпамятно къ стѣнѣ и, дрожа, бормоталъ:

— Померзну, а ее увижу, я свое возьму . . . Аленушка, родная!

Тогда вышелъ темный кто-то изъ-за забора, спѣшитъ къ нему, протягивая руки. Почуявъ сердцемъ, шатнулся Митька къ Аленушкѣ, обнялъ плечи мягкія жалостно, заглянулъ въ огромные, черные при звѣздахъ глаза и тихо сказалъ:

— Прощай, Аленушка.

— Не уходи, милый, родной,— шепнула она, поднявъ скорбныя брови, и вскинувъ ему руки на голову, прижалась къ груди.—Митенька . . . помру, вѣдь, я, не покидай . . .

— Аленушка,—забормоталъ онъ, задыхаясь,—да я-же вернусь, голубка, я къ Миколѣ вешнему сторонкой гдѣ пройду. Я

вѣсточку дамъ, мы въ Сызрань укатимъ, тамъ вольное дѣло, луга какіе!—И притиснувъ ее покрѣпче, усмѣхнулся насильно:—у меня-же на книжку сорокъ три цалковыхъ положено, не пропадемъ-же, вотъ еще . . .

Падала Аленушка, не открывая наболѣвшихъ глазъ; въ забытьи, жарко дыша, довелъ ее до калитки Митька, зарылся въ послѣдній разъ въ горячія, безпомощныя губы. Отъ гуменъ оглянулся; не видно стало ничего, лишь вьюга крутилась надъ огоньками, колючками била по лицу, и тогда присѣлъ Митька, клоня голову къ колѣнямъ.

— Ишь, проклятая, хлещетъ какъ, всѣ глядѣлки залѣпила,—глухо пробурчалъ онъ и долго протиралъ рукавомъ глаза, тихо всхлипывая.

Потомъ побрелъ опять въ разъяренную муть; гудѣли провода, зеленымъ угольком мерцалъ семафоръ на станціи. Спотыкаясь отъ непогоды, путался Митька по заснѣженнымъ колеямъ, и несмолкаемые бубенчики плакали въ тусклыхъ сугробахъ . . .

Ал. Малышкинъ.

ДУБЪ.

Небо пусто, небо бирюзово.
Проносясь надъ садомъ, надъ поляной,
Дуетъ жесткій вѣтеръ — и сурово
Отвѣчаешь ты ему, багряный.

* * *

Сторожишь ты голый перекрестокъ,
Распростерся надъ корявымъ садомъ.
Зимній вѣтеръ холоденъ и жестокъ,
Онъ шуршитъ твоимъ сухимъ нарядомъ.

* * *

Прудъ въ лугу открылся, въ мастерскую
Блещетъ солнцемъ... Не бѣда! Тѣмъ ярче
Напишу твою красу земную,
Сохраню ее на-вѣки, старче.

Ив. Бунинъ.

ПѢСНЯ САМОѢДА.

(переводъ).

Я вышелъ ночью на гору,
Смотрю на море я,
А солнце смотритъ на море
И смотритъ на меня.

* * *

И хорошо надъ камнями
Втроемъ намъ быть во снѣ:
Мнѣ, солнечному пламени
И утренней волнѣ.

Алексѣй Липецкій.

ВОПЛИ.

изъ Верхарна

Вопли, звучащіе пѣсней по дорогѣ большой,
Съ вѣчнымъ припѣвомъ тоски безначальной,
Съ фразами жалкими, съ рифмой хромой,
Въ вечеръ воскресный—тоскливѣй, печальнѣй
Въ догорѣвшемъ отъ звука и свѣта покоѣ.
Засыпаетъ деревня. Уныло звонитъ
Свою жалобу колоколъ, ноя,
И дома, гдѣ запоръ и порогъ, источенный червями, закрытъ,
Издаютъ, словно люди, безумные крики страданья.
Иногда во фруктовомъ саду раздается мычанье,
Или шумъ въ конурѣ и въ хлѣву, И полей глубина
Наполняется дрожью и тьмой.
Никого.
Въ небесахъ лишь пустыня одна,
Тучи длинныя бродятъ толпой.
Въ безконечности тѣни, томленій,
Тамъ, вдали, въ этой скорби селеній,
Вопли, звучащіе пѣсней по дорогѣ большой,
Съ вѣчнымъ припѣвомъ тоски безначальной,
Съ фразами жалкими, съ рифмой хромой,
Умираютъ воскресной вечерней порой.

Б. Серебряковъ.

ИЗЪ САФО.

съ греческаго.

Пестрымъ тропомъ славная Афродита,
Зевса дочь, искусная въ хитрыхъ ковахъ!
Я молю тебя,—не круши мнѣ горемъ
Сердца, благая!

Но приди ко мнѣ, какъ и раньше часто
Откликалась ты на мой зовъ далекій
И, дворецъ покинувъ отца, всходила
На колесницу

Золотую. Мчала тебя отъ неба
Надъ землей воробушковъ милыхъ стая;
Трепетали быстрыя крылья птичекъ
Въ даляхъ эѳира.

И, представъ съ улыбкой на вѣчномъ ликѣ,
Ты меня, блаженная, вопрошала,—
Что со мной случилось, зачѣмъ богиню
Я призываю

И чего желаю душой смятенной.
„Въ чьемъ ты сердцѣ хочешь, скажи, чтобъ Пѣйто
„Страсть къ тебѣ зажгла? Пренебрегъ тобою
„Кто, моя Сафо?“

„Прочь бѣжитъ? — Начнетъ за тобой гоняться.
„Брать даровъ не хочетъ? — Придетъ съ дарами.
„Нѣтъ любви? — Полюбитъ тебя, и даже
„Противъ желанья.“

О, придижъ ко мнѣ и теперь! Отъ тяжкой
Скорби духъ спаси и, чего такъ страстно
Я хочу, и полни и въ дѣлѣ трудномъ
Помощь подай мнѣ!

В. Вересаевъ.

---

* * *

За послѣдніе годы В. В. Вересаевъ много работаетъ надъ классиками. Въ то время, какъ въ литературѣ господа Арцыбашевы—Наумовы звали къ послѣдней чертѣ, боролись противъ жизни, проповѣдывали самоубійство, Вересаевъ шелъ къ утвержденію жизни. Онъ написалъ повѣсть „Къ жизни“, критическое изслѣдованіе о Толстомъ и Достоевскомъ „Живая жизнь“. Продолженіемъ этого изслѣдованія является его новая работа „Аполлонъ и Діонисъ“. Начало этой работы напечатано въ интересномъ и содержательномъ сборникѣ „Слово“ подъ заглавіемъ „Аполлонъ-Богъ живой жизни“. Въ этой статьѣ В. Вересаевъ приводитъ много своихъ переводовъ изъ древнихъ. Статья и переводы проникнуты бодрымъ и свѣтлымъ отношеніемъ къ жизни. Художникъ-изслѣдователь въ поэзіи у древнихъ видитъ лучезарное воплощенье несокрушимаго крѣпкаго „дѣйственного и жизнелюбимаго Эллинскаго духа“. Дѣйственнымъ и жизнелюбивымъ настроеніемъ хочетъ заразить онъ современного читателя и помочь ему въ борьбѣ съ черными вороными тоски. Въ „сборникѣ первомъ“ издательскаго товарищества писателей въ 1912 году былъ напечатанъ прекрасный переводъ В. Вересаева. „Изъ гомеровскихъ гимновъ“—обращенье „къ Пану“— богу веселому пастбищъ, который своимъ „раскатистымъ кликомъ духъ поднимаетъ“. Когда родился этотъ свѣтлый богъ „шумный смѣшливый“, его отецъ Гермесъ „радъ былъ душой, глядя на милаго сына“. Онъ показалъ малютку свѣтлымъ олимпійскимъ богамъ, „*всѣхъ* порадовалъ мальчикъ и назвали мальчика *Паномъ*“.

Эту свѣтлую радость несетъ міру поэзія Гомера и недаромъ же Л. Н. Толстой, до самозабвенія любившій жизнь и природу, увлекался когда-то Гомеромъ и читалъ его въ подлинникѣ.

Предлагаемый здѣсь переводъ В. В. Вересаева изъ Сафо написанъ размѣромъ подлинника. Это переводъ сохранившагося въ цѣломъ видѣ произведенія знаменитой греческой поэтессы, о которой столько сложилось легендъ. Стихотвореніе дышетъ глубокимъ чувствомъ и любовною нѣжностью.

Знатокъ греческой литературы Коршъ во „Всеобщей литературѣ“, (т. 1 стр. 824) говоритъ о поэзіи Сафо слѣдующее:

„Лирическія“ пѣсни Сафо считаются лучшими ея произведеніями по красотѣ и граціи созданныхъ ею образовъ. Высоко цѣнили греки и особый размѣръ стиха, созданный Сафо и названный по ея имени „сафическимъ“, отличавшійся большой легкостью и граціей. Разсказываютъ, что однажды, когда племянникъ Солона спѣлъ ему пѣсню Сафо, Солонъ, ея современникъ, сказалъ, что онъ не хотѣлъ бы умереть, не заучивъ наизусть этой пѣсни. Такъ относился къ Сафо и весь древній греко-римскій міръ.

В. В. Вересаеву въ его переводѣ удалось передать свѣтлую грусть любящей женщины. Какъ это не похоже на то, что говорятъ намъ о любви пошлыя и ничтожныя черепки „Ревности“ съ ихъ вѣчнымъ „хочу“, „хотѣла“, „буду хотѣть“.

В. Львовъ—Рогачевскій.

Два типа.

(Нѣмецкій и англійскій рабочій).

I.

Когда я думаю о современномъ нѣмецкомъ рабочемъ, у меня въ памяти всегда невольно встаетъ величавый образъ Кёльнскаго собора. Какая мощная и мрачно-тяжелая громада, этотъ соборъ! Онъ точно придавилъ собой весь окружающій городъ, накинувъ на него свою исполинскую тѣнь. И въ то же время, какая стройность и пропорціональность въ его линіяхъ, какая легкость и красота въ его убѣгающихъ въ высь остроконечныхъ готическихъ башняхъ.

Взгляните на него издали, особенно въ тихій предзакатный часъ, когда весь предметъ окутанъ легкой голубоватой дымкой, и вамъ даже покажется, что величавый храмъ какъ-то непрочно прикрѣпленъ къ землѣ, и что вотъ-вотъ онъ подымется вверхъ и вознесется къ небу. И тогда вы необыкновенно ясно почувствуете, что подлинная, глубочайшая красота этого замѣчательнаго созданія германскаго зодчества заключается ни въ чемъ иномъ, какъ въ рѣдко-гармоническомъ сочетаніи каменной матерьяльности съ готической духовностью, пусть религіозной духовностью, но все-таки духовностью...

Вотъ то же поразительное сочетаніе земли и неба, матеріи и духа (прошу извиненія за эти устарѣлые термины идеалистической философіи) бросается невольно въ глаза, когда начинаешь приглядываться къ типу современнаго нѣмецкаго рабочаго. Возьмите созданныя имъ организаціи: милліонъ членовъ с.-д. партіи! $1^1/_2$ милл. членовъ кооперативовъ! $2^1/_2$ милл. членовъ профессіональныхъ союзовъ! 90 ежедневныхъ политическихъ газетъ! 77 великолѣпныхъ дворцовъ профессіональныхъ союзовъ! И все это вѣдь не какіе-нибудь карточные домики, разваливающіеся при первомъ же порывѣ вѣтра, а подлинныя созданія изъ стали и желѣза, легко выдерживающіе напоръ враждебной окружающей стихіи. Какія исполинскія глыбы овеществленной соціальной энергіи! Какое яркое олицетвореніе матеріальнаго начала, земли! Казалось бы, самая мысль о возможности красоты и духовности въ этой юдоли неустанной практической борьбы за конкретныя практическія улучшенія должна была бы представлятся совершенно чуждой и неумѣстной. А между тѣмъ, отступите нѣсколько въ сторону и окиньте общимъ взглядомъ весь сложный и многообразный міръ германскаго рабочаго движенія, и вы будете поражены его необыкновенной внутренней гармоничностью, легкостью и духовностью линій его организаціоннаго зодчества. И даже его дробленіе на три основныя и формально другъ отъ друга независимыя вѣтви-партію, союзы и кооперативы: всѣ три вѣтви, точно остроконечныя готическія башни. смѣло взбѣгаютъ вверхъ къ небесамъ и, въ ко концѣ концовъ, сливаются въ единой и нераздѣльной вѣнчанной главѣ, которую мы называемъ соціализмомъ. Тотъ же Кельнскій соборъ, но переведенный на языкъ современнаго пролетарскаго строительства.

Рабочее движеніе—это наиболѣе яркое отображеніе соціально-психологической сущности рабочаго данной страны. Оно-точно зеркало, въ которомъ полнѣе всего отражались его наиболѣе характерныя, наиболѣе отличающія отъ всего остального общества черты лица. Здѣсь—неоспоримое царство его коллективной индивидуальности. И поскольку отъ натуры рабочаго движенія можно умозаключать къ натурѣ его творца, постольку мы имѣемъ право утверждать, что наиболѣе замѣчательной, наиболѣе типичной особенностью нѣмецкаго пролетарія является, дѣйствительно, рѣдкое сочетаніе въ немъ земли, и неба, геніальнаго практицизма съ широтой кругозора и большой силой теоретической мысли.

Практицизмъ современнаго нѣмецкаго рабочаго находитъ свое наиболѣе яркое выраженіе въ его несравненной способности къ организаціи. Можно безъ преувеличенія сказать, что онъ-рожденный организаторъ. Въ немъ заложена какая-то особая сила сцѣпленія по отношенію къ себѣ подобнымъ, и онъ положительно не можетъ вздохнуть безъ того, чтобы не создать какого-нибудь общества или союза. Пробѣгите списокъ нѣмецкихъ рабочихъ организацій, и вы будете поражены ихъ обиліемъ, многообразіемъ, неожиданностью обслуживаемыхъ ими задачъ и запросовъ. Тутъ вы найдете не только партію, кооперативы, профессіональные союзы, образовательные ферейны и комитеты-эти наиболѣе обычныя и общепризнанныя формы пролетарской самоорганизаціи, но и многое, очень многое другое.

Такъ, вы найдете въ подобномъ спискѣ союзы стенографовъ и эсперантистовъ, союзы драматурговъ и велосипедистовъ, союзы гимнастовъ и атлетовъ, союзы пѣвцовъ и музыкантовъ, союзы гребцовъ и поклонниковъ плаванія и купанія. Даже физическіе недостатки служатъ для нѣмецкаго рабочаго лишнимъ поводомъ для созданія особыхъ организацій: вѣдь существуетъ же въ Германіи спеціальный союзъ „слѣпцовъ“—соціальдемократовъ, издающій свой спеціальный органъ „Die neue Zeit“. И я, право, нисколько ни буду удивленъ, если въ одинъ прекрасный день міръ проснется и узнаетъ, что народился союзъ с.-д. хромыхъ или союзъ с.-д, безрукихъ. Такова ужъ натура нѣмецкаго рабочаго: онъ и радоваться, и бороться, и страдать, и даже плакать желаетъ не въ одиночку а сообща.

При столь сильно развитомъ инстинктѣ внутренняго сцѣпленія могла бы существовать опасность безконечнаго дробленія широкой массы между маленькими изолированными организаціонными тѣлами. Къ счастію эта опасность совершенно парализуется какимъ-то прямо стихійнымъ тяготѣніемъ нѣмецкаго рабочаго къ централизаціи. Основывая какой-нибудь клубъ с.-д. курильщиковъ въ какомъ-нибудь Ростокѣ или Гальберштадтѣ, иниціаторы его ни на минуту не подумаютъ удовлетвориться рамками чисто—локальнаго объединенія. Какое тамъ!

Поговорите съ учредителями клуба, и вы непремѣнно узнаете, что у нихъ уже точно выработана широкая программа дальнѣйшихъ дѣйствій: сначала они распространятъ сферу вліянія клуба на смежную провинцію, потомъ на союзное государство, потомъ на всю имперію, разсыплютъ по странѣ густую сѣть филіальныхъ отдѣленій и заведутъ весь сложный административный аппаратъ, составляющій необходимую принадлежность каждой доброй нѣмецкой организаціи; центральное правленіе, областныя правленія, ежегодные съѣзды, органъ, систему „довѣренныхъ людей“ и т. д. И, когда все это будетъ осуществлено, дадутъ своему клубу какое-нибудь длинно-внушительное названіе въ родѣ „Центральный союзъ проникнутыхъ классовымъ сознаніемъ любителей куренія“, и вступятъ въ постоянныя сношенія съ существующими за-границей „Bruderorganisationen“ („братскими организаціями“) на предметъ созыва интернаціональныхъ конгрессовъ и созданія интернаціональной федераціи соціалистическихъ любителей куренія. Непремѣнно такъ!

Я отнюдь не шучу, а говорю совершенно серьезно. Вѣдь возьмите, напр., такія организаціи, какъ Союзъ рабочихъ-велосипедистовъ „Солидарность“ или „Союзъ рабочихъ пѣвцовъ“ (оба имѣютъ по 150.000 членовъ)—они построены какъ разъ по только что нарисованной мной схемѣ. Казалось бы, что общаго имѣютъ съ цѣнтрализаціей ѣзда на велосипедѣ или хоровое пѣніе? А вотъ поди жъ ты: и поютъ „централизованно“ и катаются на велосипедахъ „централизованно“. Ибо такова натура нѣмецкаго рабочаго: ему тѣсно въ рамкахъ узкаго локализма, ему хочется охватить щупальцами организаціи по-возможности весь міръ. И онъ систематически и упорно, не смущаясь временными неудачами и случайными преградами, идетъ къ своей цѣли: методически кладетъ кирпичикъ за кирпичикомъ, пока, наконецъ, въ одинъ прекрасный день не вырастаетъ, точно по волшебству, исполинское зданіе, предъ которымъ изумленные прохожіе начинаютъ задаваться недоумѣннымъ вопросомъ: а кто бы могъ быть этотъ геніальный зодчій?

Мнѣ едва ли нужно говорить, что тяга къ централизаціи является драгоцѣнной чертой нѣмецкаго пролетарскаго характера. Пусть въ примѣненіи къ катанію на лодкѣ или хоровому пѣнію она не лишена извѣстнаго комизма, но, вѣдь, по существу дѣла, именно въ этотъ стихійномъ влеченіи къ максимальной концентраціи силъ лежитъ основная причина необыкновенной мощи германскаго рабочаго движенія. Только благодаря ему, нѣмецкому пролетаріату удалось сравнительно такъ быстро и легко побѣдить локальную и профессіональную раздробленность трудящихся массъ и создать ту гигантскую политическую партію и тѣ исполинскіе профессіональные союзы съ ихъ желѣзной дисциплиной и блестяще организованнымъ административнымъ механизмомъ, которыя по справедливости являются предметомъ зависти со стороны рабочаго класса всѣхъ другихъ странъ. Особенно въ профессіональныхъ союзахъ практическій геній нѣмецкаго пролетарія достигаетъ своего подлиннаго апоѳеоза: когда послѣ Германіи я попалъ на англійскій берегъ и сталъ знакомиться съ дѣятельностью и формами столь прославленнаго британскаго трэдъ-юніонизма, я нерѣдко испытывалъ ощущеніе, близкое къ тому, которое переживаетъ современный инженеръ, разсматривая машину, построенную 40 лѣтъ назадъ.

Блестящій практицизмъ дополняется и дисциплинируется сильной и ясной теоретической мыслью. Нѣмецкій рабочій мыслитъ и при томъ мыслитъ въ высшей степени раціоналистически. Всякая мистика ему совершенно чужда, всякіе ирраціональные, не поддающіеся контролю разума, моменты не имѣютъ надъ его психикой никакой власти. Религія и церковь сводятся къ чистой формальности (какъ, напр., въ русской интеллигенціи), внутренняго существа его онѣ совсѣмъ не затрагиваютъ. Голова нѣмецкаго пролетарія устроена очень реалистически и хорошо воспринимаетъ только то, что точно, логично и опредѣленно, что можетъ быть взвѣшено, измѣрено и подсчитано. Докажи мнѣ, что это правильно, и я это сдѣлаю,—таковъ его основной принципъ. И, если вы докажете, вы можете быть увѣрены, въ быстромъ и раціональномъ осуществленіи вашего предложенія. Поистинѣ поразительна та легкость, съ какой всякія новыя идеи претворяются въ жизнь въ мірѣ германскаго рабочаго движенія. Вотъ нѣсколько любопытныхъ примѣровъ. Мысль объ устройствѣ партійной высшей школы была высказана впервые въ 1903 г., а въ 1906 г. школа уже стала совершившимся фактомъ. Начало агитаціи среди рабочей молодежи относится къ 1903—4 г.г., а уже въ 1908 г. и с.-д. партейтагъ и конгрессъ профессіональныхъ союзовъ занялись вплотную даннымъ вопросомъ, и уже въ 1913 г. въ рядахъ юношескаго движенія стояло свыше 100 тыс. человѣкъ. Созданіе страхового общества „Volksfürsorge“ (Народное попеченіе) стало серьезно обсуждаться въ 1909-10 гг., въ 1911 г. конгрессъ профессіональныхъ союзовъ и конгрессъ кооперативовъ высказались за осуществленіе даннаго проекта, а въ маѣ 1913 г. новое и многообѣщающее предпріятіе рабочаго движенія уже открыло свою дѣятельность. Признано полезнымъ и осу-

ществлено—это для нѣмецкаго пролетарія почти синонимы. Ибо въ его психологіи совсѣмъ нѣтъ консервативныхъ элементовъ, надъ ней невластны ни религіозные догматы, ни окостенѣвшія традиціи прошлаго,—только разумъ. Да и откуда взяться подобнымъ традиціямъ? Исторія современной Германіи начинается въ сущности съ 1871 г., миновавшія съ тѣхъ поръ 40 лѣтъ прошли для нея въ вихрѣ головокружительнаго движенія впередъ. И, если данный періодъ могъ заложить въ сознаніе пролетаріата какую-либо традицію, то это, конечно, только традицію непрерывнаго сжиганія старыхъ боговъ, да стремительнаго бѣга навстрѣчу будущему.

Та же сила раціоналистическаго мышленія надѣлила нѣмецкаго рабочаго оружіемъ анализа и синтеза, умѣніемъ разлагать сложныя общественныя явленія на ихъ составныя части и изъ отдѣльныхъ фактовъ и событій дѣлать обобщенія и выводы. При такихъ условіяхъ нисколько неудивительно, что онъ сталъ соціалистомъ и что изъ всѣхъ разновидностей современнаго соціализма онъ выбралъ какъ разъ наиболѣе позитивную и раціоналистическую—именно марксистскій соціализмъ. Проникновеніе же психологіи нѣмецкаго рабочаго соціалистическими идеями имѣло чрезвычайно важныя послѣдствія. Оно отточило его классовый инстинктъ въ острое, какъ стальной клинокъ, классовое самосознаніе, оно внесло внутреннее единство въ различныя формы его самодѣятельности, оно развило въ немъ чувство глубокой товарищеской солидарности и пробудило и воспитало въ его душѣ неутолимую жажду къ знанію и культурному самоусовершенствованію. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно въ корнѣ убило въ немъ психологію пролетарія—раба, и создало и укрѣпило психологію пролетарія—господина, пролетарія—владыки будущаго. Изъ объекта исторіи германскій рабочій превратился въ ея сознательнаго субъекта, и сталъ такимъ образомъ кузнецомъ своего собственнаго классоваго счастья.

II.

Совсѣмъ иной типъ представляетъ собой англійскій пролетарій.

Если съ мыслью о нѣмецкомъ рабочемъ у меня какъ-то невольно связывается величавый образъ кёльнскаго собора, то наоборотъ съ мыслью о его британскомъ собратѣ у меня такъ же невольно ассоціируется картина скучной и унылой улицы англійскаго города съ ея тѣсно прилѣпившимися другъ къ другу маленькими домиками, какъ двѣ капли воды похожими одинъ на другой. Ни готики, ни изящества, ни малѣйшаго намека на красоту и духовность! Просто длинная и плоская каменная казарма съ десятками оконъ и дверей, раздѣленная внутренними перегородками на рядъ „индивидуально—независимыхъ“ человѣческихъ жилищъ.

И это понятно. Нѣмецкій рабочій является гармоническимъ сочетаніемъ духа и матеріи. Наоборотъ, англійскій рабочій—это идеально—чистая, безпримѣсная матерія, это грубый *эмпирикъ* въ самомъ узкомъ и непосредственномъ значеніи даннаго слова. Меня никогда и ничто такъ не поражало, какъ почти полное отсутствіе у современнаго англійскаго рабочаго того, что принято называть теоретическимъ мышленіемъ. Англійскій рабочій чувствуетъ и дѣйствуетъ, но теоретически *думать* онъ оказывается совершенно не въ состояніи.

Утверждаютъ, что такова вообще британская натура: англичанинъ дескать практикъ прежде всего и никакая абстракція его не привлекаетъ. До извѣстной степени это вѣрно, но только до извѣстной степени. Вѣдь какъ-никакъ существуетъ же англійская наука, существуютъ Адамъ Смитъ и Рикардо, Фарадей и Чарльзъ Дарвинъ. И существуетъ же и не оскудѣваетъ въ Англіи вплоть до настоящаго дня длинный рядъ блестящихъ государственныхъ мужей, поражающихъ какъ разъ своимъ несравненнымъ умѣньемъ обобщать историческій опытъ своихъ предшественниковъ.

Но по отношенію къ пролетаріату приведенное утвержденіе несомнѣнно вполнѣ правильно. Несмотря на демократичность своихъ политическихъ учрежденій, въ соціальномъ отношеніи Великобританія внѣ всякаго сомнѣнія наиболѣе аристократическая страна въ Европѣ. Нигдѣ классовая дифференціація не выступаетъ такъ отчетливо, нигдѣ она не принимаетъ такихъ классическихъ, такихъ рѣзко—законченныхъ формъ, какъ именно здѣсь. Въ буржуазномъ обществѣ знаніе, теоретическое мышленіе являются привиллегіей господствующихъ элементовъ,—лучшая иллюстрація тому какъ разъ Англія: здѣсь опасную привычку теоретически мыслить, анализировать и обобщать явленія окружающей жизни почти цѣликомъ монополизировала въ свою пользу буржуазія, а на долю рабочихъ массъ остался только простой отупляющій механическій трудъ. Я не могу здѣсь останавливаться на выясненіи причинъ даннаго обстоятельства, я просто констатирую его какъ фактъ, ярко характеризующій всю исторію британскаго пролетаріата въ теченіи минувшаго полустолѣтія...

„Бездумность“ англійскаго рабочаго имѣетъ своимъ прямымъ послѣдствіемъ огромную власть надъ его психологіей всякаго рода ирраціональныхъ моментовъ, перешедшихъ къ нему по наслѣдству отъ прошлаго. Такова, напр., религія. Англійскій рабочій въ общемъ очень набоженъ и въ положенные дни аккуратно посѣщаетъ церковныя богослуженія. И это относится не только къ широкимъ массамъ, но и—странно сказать:—къ вождямъ. Кейръ-Гарди, напр.,—вѣрующій христіанинъ и нерѣдко выступаетъ съ проповѣдями въ храмахъ. Филиппъ Сноуденъ состоитъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ „Christian Commonwealth“—популярнаго въ Англіи религіознаго журнала. Крайній лѣвый соціалистъ, почти синдикалистъ, Джорджъ Лэнсбери явля-

ется пламеннымъ агитаторомъ „рабочей церкви“. А лидеръ парламентской фракціи „Labour Party“ Рамзай Макдональдъ вѣритъ самымъ элементарнымъ образомъ въ загробную жизнь. Попробуйте приложить подобную мѣрку къ Вандервельду, Жоресу, Адлеру, Шейдеману, Франку, и вы сразу почувствуете, что значитъ излишнее увлеченіе чистой эмпирикой!

Къ категоріи тѣхъ же ирраціональныхъ моментовъ относится громадная, прямо неизмѣримая власть традиціи. Она, эта власть, проявляется вездѣ и во всемъ, но, пожалуй, нигдѣ не выступаетъ такъ ярко—обнаженно, какъ въ мірѣ профессіональнаго движенія. Человѣку, не приходившему въ непосредственное соприкосновеніе съ британскимъ трэдъ юніонизмомъ, трудно, почти невозможно себѣ представить тотъ настоящій организаціонный хаосъ, который является наиболѣе характерной чертой его нынѣшняго состоянія. Достаточно сказать, что, напр., въ 1910 г. 2, 4 милл. трэдъ—юніонистовъ дѣлились между 1153 отдѣльными союзами, что въ одномъ только строительномъ дѣлѣ имѣлось 68, въ одной металической индустріи—211, а въ одной текстильной промышленности даже—273 независимыхъ организацій. При томъ организацій, нерѣдко взаимно конкуррирующихъ и ссорящихся другъ съ другомъ и, потому, лишь въ совершенно исключительныхъ случаяхъ, способныхъ къ единодушному выступленію противъ капитала.

Гдѣ причина этой пагубной раздробленности силъ, такъ чувствительно ослабляющей боевыя позиціи пролетаріата? Причина, конечно, въ традиціи. Прошлое завѣщало англійскому рабочему локальную и профессіональную обособленность въ сферѣ экономическаго объединенія, извѣстнаго рода организаціонный анархизмъ, больше всего на свѣтѣ боящійся централизаціи. Централизація, изволите-ли видѣть, ограничиваетъ свободу дѣйствій какихъ-нибудь двухъ десятковъ ворвикскихъ плотниковъ или трехъ съ половиной дюжинъ честерфильдскихъ каменщиковъ, а, потому, долой централизацію! Въ противоположность нѣмецкому пролетарію, всегда стремящемуся къ возможно большей концентраціи, англійскаго рабочаго какъ-то стихійно тянетъ къ возможно-большей ограниченности,—ограниченности въ предѣлахъ одной провинціи, одного города, даже одного квартала города. Всякая широта организаціоннаго захвата его пугаетъ, всякая смѣлость замысловъ и перспективъ приводитъ въ замѣшательство. Еще лѣтъ 50 тому назадъ съ подобными взглядами можно было сравнительно сносно существовать и даже вести болѣе или менѣе успѣшную экономическую борьбу. Теперь положеніе измѣнилось. Растущее объединеніе капитала и общее ухудшеніе положенія англійской промышленности властно диктуютъ британскому трэдъ-юніонизму политику максимальной концентраціи своихъ силъ. А между тѣмъ эта концентрація подвигается лишь черепашьими шагами впередъ. И вѣдь что замѣчательнѣе всего:

необходимость концентраціи принципіально признана всѣми, а вотъ смѣлости провести ее рѣшительно въ жизнь не хватаетъ ни у кого. Еще бы: священныя традиціи пострадаютъ! „Докажи мнѣ, что такъ поступали мои дѣды и отцы, и я сейчасъ же это сдѣлаю“ — думаетъ и чувствуетъ англійскій рабочій и, т. к. доказать нѣчто подобное по отношенію къ явленіямъ новаго времени не представляется возможнымъ, то онъ и дожидается обычно того момента, когда сама жизнь больно стукнетъ его лбомъ о каменную стѣну и насильно заставитъ сдѣлать шагъ впередъ. Постараться предупредить этотъ толчекъ своевременной перемѣной курса—ему какъ-то совсѣмъ не приходитъ въ голову.

Но «бездумность» англійскаго пролетарія не только отдаетъ его во власть окостенѣвшихъ пережитковъ прошлаго, — она еще крайне затрудняетъ его оріентировку въ условіяхъ и обстоятельствахъ настоящаго. Сдѣлать какое-нибудь, хотя бы самое элементарное обобщеніе изъ лежащихъ передъ нимъ фактовъ, для британскаго рабочаго вещь почти что невозможная: для этого слишкомъ лѣнива его мысль, слишкомъ непривычна она къ сколько-нибудь самостоятельной теоретической работѣ. Англійскій пролетарій можетъ 30 лѣтъ стоять предъ какимъ-нибудь политическимъ или экономическимъ дважды два и такъ и не додуматься, что въ итогѣ это даетъ четыре. И только, когда практика жизни сама произведетъ за него необходимое умноженіе, онъ приметъ результатъ, какъ непреложную истину. Не характерно-ли, въ самомъ дѣлѣ, что важнѣйшаго изъ обобщеній современнаго пролетаріата—соціализма—для англійскаго рабочаго въ массѣ все еще не существуетъ? И это послѣ 100 лѣтъ небывалаго капиталистическаго развитія! И не еще болѣе-ли характерно, что даже для той небольшой части британскаго пролетаріата, которая уже считаетъ себя соціалистической, новое міровоззрѣніе существуетъ преимущественно не въ его раціоналистически-марксистской формѣ, а главнымъ образомъ въ формѣ этико-религіозной. Даже и тутъ попытка компромисса между духомъ времени и всемогущей традиціей.

Да что соціализмъ! Соціализмъ—это все таки довольно сложное обобщеніе. Англійскій рабочій не сумѣлъ до сихъ поръ какъ слѣдуетъ додуматься до другого, гораздо болѣе легкаго и элементарнаго обобщенія, именно до обобщенія о необходимости самостоятельной защиты хотя бы своихъ непосредственныхъ интересовъ въ области политики. Правда, вотъ уже 13 лѣтъ, какъ существуетъ „Рабочая Партія“, но—надо откровенно сказать—ея положеніе даже и сейчасъ едва-ли можетъ быть признано особенно блестящимъ. Лишь съ большимъ трудомъ ей удается пускать корни въ пролетарскихъ массахъ и еще совсѣмъ недавно—въ концѣ 1913 г.—при голосованіи вопроса объ участіи трэдъ — юніоновъ въ политикѣ въ такихъ громадныхъ организаціяхъ, какъ союзъ ткачей или федерація углекоповъ, все-таки

не меньше 40% членовъ высказалось противъ политики, т. е. фактически противъ «Рабочей партіи». И это послѣ всѣхъ потрясающихъ событій послѣднихъ лѣтъ!

Отсутствіе соціалистическихъ взглядовъ и симпатій, отсутствіе яснаго классоваго самосознанія ведутъ естественно къ крайнему пониженію всей жизнедѣятельности пролетарскаго организма. Пульсъ теоретической мысли у англійскаго рабочаго бьется едва слышно. Широкихъ духовныхъ интересовъ у него никакихъ. Тяги къ книгѣ, къ лекціи, къ знанію почти незамѣтно (только въ самое послѣднее время начинаетъ намѣчаться въ этомъ отношеніи нѣкоторый поворотъ къ лучшему), оттого въ центрѣ всего его умственнаго міра стоитъ спортъ. Искусство, литература, наука — чуждыя понятія, наводящія только скуку и уныніе. Недаромъ, англійскій рабочій по правилу ничего не читаетъ, кромѣ спортивнаго отдѣла буржуазныхъ газетъ, да бульварныхъ романовъ 6-пенсоваго производства. Не даромъ также рабочая пресса и рабочія культурно-просвѣтительныя учрежденія находятся еще въ зачаточномъ состояніи. Удивительно-ли при такихъ условіяхъ, что въ мірѣ британскаго пролетарскаго движенія вы тщетно стали бы искать соціалистической „готики“ и внутренняго единства? Удивительно-ли, что британскій рабочій вплоть до настоящаго дня является не столько сознательнымъ субъектомъ, сколько безвольнымъ объектомъ исторіи, насильно влекомымъ обстоятельствами по волѣ вѣтра и волнъ? Поистинѣ печальная картина!

Но при всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ недостаткахъ англійскій рабочій обладаетъ однако однимъ очень крупнымъ достоинствомъ: онъ полонъ революціонной активности, полонъ въ гораздо большей степени, чѣмъ напр., его нѣмецкій собратъ Кто-то сказалъ, что англійскій характеръ подобенъ вулкану, покрытому снѣгомъ. Чрезвычайно мѣткое опредѣленіе! Вотъ и британскій рабочій: сонный и вялый въ обычное время, онъ въ иные моменты можетъ творить подлинныя чудеса храбрости и энергіи. Если правительство или предприниматель какъ-нибудь слишкомъ больно наступятъ ему на ногу,—онъ способенъ вскочить, какъ взбѣшенный, съ мѣста и, не разсуждая и не взвѣшивая всѣхъ за и противъ, со всего размаху закатить обидчику такую затрещину, отъ которой все буржуазное общество содрогнется въ своихъ основаніяхъ. Достаточно вспомнить хотя бы такіе яркіе факты недавняго прошлаго, какъ стачка желѣзнодорожниковъ въ 1911 г. или стачка углекоповъ въ 1912 г. И, конечно, эту революціонную активность приходится цѣнить очень высоко, ибо она въ высокой степени облегчаетъ сокрушеніе противниковъ пролетарскаго господства.

Тутъ иной читатель меня, пожалуй, прерветъ и скажетъ: „Ну вотъ видите, значитъ дѣло совсѣмъ не такъ ужъ плохо: революціонной энергіи у англійскаго рабочаго хоть отбавляй, а, если по части соціалистическаго сознанія и обнаруживается извѣстная недохватка, то

это, въ концѣ концовъ, не такъ ужъ важно. Классовый инстинктъ у англійскаго пролетарія все-таки работаетъ, а все остальное додѣлаетъ исторія“.

Конечно классовый инстинктъ, пробиваясь сквозь толстую шелуху реакціонныхъ идеологическихъ наслоеній, все-таки работаетъ и, конечно, исторія въ послѣднемъ расчетѣ можетъ все исправить и дополнить. Къ счастью, всѣ дороги ведутъ въ Римъ, и „государства будущаго“ не избѣжать и Англіи. Но, даже принимая все это во вниманіе, нельзя все-таки отрицать, что вопросъ о наилучшемъ использованіи въ интересахъ пролетаріата наличной общественно-политической коньюнктуры — остается весьма важнымъ вопросомъ. А что мы видимъ въ этомъ отношеніи въ Англіи?

Принято говорить, что своими послѣдними выступленіями британскій пролетаріатъ сумѣлъ вырвать у буржуазіи рядъ существенныхъ уступокъ. По чистой совѣсти, ни какъ не могу съ этимъ согласиться. Значеніе сдѣланныхъ завоеваній опредѣляется не ихъ абсолютной, а ихъ относительной цѣнностью, не тѣмъ, что фактически осуществлено, а тѣмъ, что могло бы быть осуществлено при максимальномъ использованіи данныхъ объективныхъ условій. Попробуйте приложить подобный критерій къ успѣхамъ англійскаго пролетаріата въ области соціальнаго законодательства въ теченіе послѣдняго времени, и вы будете прямо поражены ничтожностью достигнутыхъ результатовъ. Въ самомъ дѣлѣ, что дала рабочимъ массамъ 7-лѣтняя эра либеральнаго господства, дѣлающаго такъ много шуму около соціальной политики? Она дала имъ законъ о неприкосновенности фондовъ трэдъ-юніоновъ въ случаѣ стачекъ (1906 г.). пенсіи для престарѣныхъ (1909 г.), минимумъ заработной платы въ домашней промышленности и горномъ дѣлѣ (1911-12 гг.) и государственное страхованіе отъ болѣзни и безработицы (1912 г). Вотъ и все. Словъ нѣтъ, полезныя и крупныя реформы, но... развѣ этого только можно было бы добиться, если бы англійскій рабочій былъ нѣсколько болѣе похожъ на своего нѣмецкаго или бельгійскаго собрата?

Подумайте: страна всемогущаго парламента и почти безграничной политической свободы, страна, гдѣ не существуетъ ни всеобщей воинской повинности, ни широко—развѣтвленнаго административно-полицейскаго аппарата, страна, гдѣ почти отсутствуетъ реакціонное крестьянство и три четверти избирателей состоятъ ихъ рабочихъ,—да гдѣ же еще въ Европѣ имѣются столь благопріятныя для пролетаріата объективныя условія? Гдѣ пролетаріатъ силой вещей поставленъ въ болѣе выгодное историческое положеніе? Гдѣ предъ нимъ открывается болѣе легкая возможность стать подлиннымъ господиномъ и вершителемъ судебъ націи? Стоитъ ему только протянуть руку и къ его ногамъ посыпались бы золотыя яблоки соціализма. И будь на мѣстѣ англійскаго рабочаго его нѣмецкій, бельгійскій, скандинавскій коллега,

не подлежитъ сомнѣнію, что мы имѣли бы уже на лицо, если и не вполнѣ сформированное „государство будущаго“, то во всякомъ случаѣ государство, быстрыми шагами идущее по направленію къ данному идеалу. И вотъ вмѣсто этой чарующе-заманчивой, объективно вполнѣ возможной и осуществимой перспективы, какихъ-то три-четыре будничныхъ соціальныхъ реформы, оказывающихся почти вполнѣ пріемлемыми даже для полуфеодальной Германіи. Какое страшное разочарованіе! Какое неумѣніе пользоваться благопріятной общественно-политической конъюнктурой! Какое дѣтское безсиліе въ борьбѣ за свои интересы! И причина? Конечно, только исключительное пристрастіе англійскаго рабочаго къ чистому эмпиризму, конечно только отсутствіе у него соціалистическаго сознанія, только это.

Я знаю очень хорошо, что въ самые послѣдніе годы въ мірѣ британскаго пролетаріата обнаруживаются явственные признаки глубокаго внутренняго кризиса, что его старо-консервативная психика мало-по-малу начинаетъ революціонизироваться, что онъ медленно и какъ бы нехотя, но все-таки выходитъ на широкую дорогу соціалистическаго развитія. Отъ всей души привѣтствую этотъ здоровый и многообѣщающій процессъ и жду отъ него великихъ послѣдствій. Но и за-всѣмъ тѣмъ я все-таки думаю, что было бы большой ошибкой проявлять слишкомъ радужный оптимизмъ относительно *темпа* намѣчающейся эволюціи: какъ все въ Англіи, и это внутреннее перерожденіе британскаго рабочаго пойдетъ, по всей вѣроятности, медленнымъ и колеблющимся шагомъ впередъ, дѣлая частыя паузы и отступленія въ прошлое. Соціалистическій англійскій рабочій — это тоже дѣло будущаго и, благодаря его неспособности къ теоретическому мышленію, дѣло еще не такого близкаго будущаго. А до тѣхъ поръ всѣмъ сторонникамъ соціалистическаго міровоззрѣнія, слѣдящимъ за борьбой и дѣятельностью британскаго пролетаріата, придется, вѣроятно, еще не разъ съ горечью повторить знаменитую фразу Н. А. Добролюбова:

— Когда же придетъ настоящій день?

В. Майскій.

Поэтъ окуровской Руси. [1])

„— Гдѣ твой Эдипъ?“—вопрошалъ Тургеневъ загадочнаго „сфинкса“—„Карпа, Сидора, Семена, ярославскаго, рязанскаго мужичка, соотчича своего, русскую косточку“.

Всякому лестно было стать Эдипомъ этого ярославскаго сфинкса,—не только людямъ, „надѣвшимъ мурмолку“,—но загадочны были „эти широко разставленные небольшіе глаза“—... Надо уйти, избыть какъ-нибудь ужасъ непонятности этихъ глазъ, возстановить во что бы то ни стало нарушенную гармонію,—вѣдь—у каждаго человѣка должно быть мѣсто, куда бы онъ могъ пойти“...

И это „мѣсто“ находилось. Его не трудно было найти художникамъ, взращеннымъ тихой прелестью дворянскихъ гнѣздъ, овѣяннымъ ароматами вишневыхъ садовъ...—Тамъ, подъ тѣнью душистыхъ липъ, скользилъ прекрасный силуэтъ безпорочной Лизы, раздавался лукавый смѣхъ Зинаиды, трепетная Елена ждала своего Инсарова, разыгрывались великія мистеріи любви и подвига.

Не одинъ Тургеневъ прожилъ въ этомъ заколдованномъ, чарующемъ царствѣ: вся славная плеяда величайшихъ представителей нашей дворянской культуры находила тамъ же высшую гармонію, примиреніе роковыхъ коллизій.

И характерно,—художникъ, вышедшій изъ другой среды, вспоенный иными соціальными соками,—Гончаровъ—изъ того же источника черпалъ силу для созданія своихъ образовъ: такъ велика была сила притяженія стараго барства, такъ прочна и могуча была культура дворянскихъ гнѣздъ, чтобы ни говорилъ теперь о дикихъ и жестокихъ кошмарахъ Суходола—Бунинъ.

Сквозь призму этой культуры смотрѣли ея величайшіе представители на народъ и мудрено ли, что опоэтизированнымъ, свободнымъ отъ зловѣщихъ черныхъ пятенъ казался онъ имъ? Великіе художники, зоркіе вѣдуны жизни,—они не могли, конечно, не видѣть той пропасти, которая залегла между двумя полярными точками современной имъ культуры—бариномъ и мужикомъ, но такъ много давала культура барства, такую вѣру въ красоту человѣка будила она, столько надеждъ воскресшала, что *хватало и на мужика*.

Отъ редакціи: Въ статьѣ Раф. Григорьева съ нашей точки зрѣнія много невѣрнаго и во всякомъ случаѣ недоказаннаго, тѣмъ не менѣе, мы помѣщаемъ статью его, какъ заслуживающую вниманіе попытку подойти къ Горькому съ той стороны, съ которой обычно къ нему не подходили, а именно—со стороны познанія общественно-психологическихъ корней его творчества.

Правда, „сфинксомъ“ встаетъ онъ со страницъ корифеевъ нашей литературы, но сфинксомъ не такимъ страшнымъ, пугающимъ, безысходнымъ, а „круглымъ“ каратаевскимъ, одобродушеннымъ...

Но вотъ, надъ вишневыми садами раздался звукъ лопнувшей струны, Лопахины пришли на мѣстѣ святомъ строить свои дачи, и хорошо еще, если Лопахины, а то попросту Колупаевы съ Разуваевыми и Деруновыми.

Вмѣстѣ съ вырубленными липами и пошедшими на сломъ особняками исчезли и Рудины съ Лаврецкими, Кирсановы съ Райскими, Левины съ Нехлюдовыми... Изсякъ источникъ, десятилѣтія питавшій русскую литературу.

Поневолѣ пришлось обратиться къ другому, на новомъ мѣстѣ искать точку приложенія своихъ творческихъ силъ. И, конечно, въ этихъ поискахъ взоръ художника не могъ не упереться все въ того же „сфинкса“. Только теперь приходилось не извнѣ, а въ немъ самомъ находить элементы для гармоніи, ибо сторонняго мѣста не было, не имѣлось такой спасительной сокровищницы культуры, которой хватило бы теперь на мужика.

Лишь съ разложеніемъ барства, съ изчезновеніемъ дворянскихъ усадебъ столкнулись прямо, лицомъ къ лицу, представители „образованнаго класса“ съ народомъ.

Можно было, отбросивъ въ мужикѣ все загадочное, пугающее, надѣлить его чертами желательнаго, сотворить изъ него кумиръ по образу и подобію идеала, а то и просто „ошеколадить“. По этому пути шли въ русской литературѣ многіе изъ такъ называемыхъ „беллетристовъ—народниковъ“, представители теченія, отразившаго неизбѣжную тягу разночинной интеллигенціи къ сермяжнему мужицкому морю, ея поиски оплота въ строительствѣ новыхъ общественно-политическихъ формъ.

Но это была, воистину, линія наименьшаго сопротивленія, для большого художника, внутренне-свободнаго, непріемлемая. Тѣ шоры, которыми ограждалъ свою душу отъ трещинъ и сомнѣній Засодимскій, не могли, конечно, служить Глѣбу Успенскому. Не въ „возвышающихъ обманахъ“ могъ искать гармоніи такой тонкій аналитикъ, какъ онъ. Гл. Успенскому пришлось вступить на иные пути, требовавшіе душевныхъ затратъ, о которыхъ другіе писатели его эпохи не имѣли понятія. Успенскому обрѣтенная имъ—„гармонія“ стоила сумасшедшаго дома, да и не мудрено: въ условіяхъ окружающей его жизни для творчества свободнаго, не прибѣгавшаго къ примитивной идеализаціи, не было живоносныхъ ключей, которые могли бы питать жаждующую гармоніи и синтеза душу. Надо было быть щедро и исключительно одареннымъ отъ самой природы даромъ душевнаго равновѣсія, чтобы, какъ Короленко, въ 80-е годы улыбаться свѣтлой улыбкой все познавшей и пріявшей мудрости. Чеховъ лучистыми упованіями въ грядущее „небо въ алмазахъ“ преодолѣвалъ трагизмъ владѣвшей имъ скорби, порожденной, въ конечномъ счетѣ, безотрадной картиной русской жизни, ея народной культурой, пасующей передъ лакейской („Мужики“)...

Но всѣ писатели, которыхъ мы здѣсь мимоходомъ затронули, при всемъ разнообразіи ихъ дарованій, темпераментовъ, сферъ творчества, эпохъ, настроеній,—одинаково устанавливали свое *отношеніе къ народу*, располагали однимъ и тѣмъ же методомъ подхода къ нему. Этотъ методъ вполнѣ опредѣляется подчеркнутыми выше словами: независимо отъ того, *какъ* тотъ или иной художникъ „относился“ къ народу,—въ этомъ, конечно, разнствовали писатели даже одного и того же „направленія“,—но всѣ они—и Толстой, и Тургеневъ, и Гончаровъ, и Златовратскій, и Успенскій, и Чеховъ, и Короленко,—всѣ они свободно устанавливали свое отношеніе къ народу, *вырабатывали* это отношеніе, а не выясняли непроизвольно, какъ нѣчто стихійно выталкиваемое изъ нѣдръ творческаго естества.

„Они“ относились къ „народу“. Эта формула предполагаетъ самостоятельное существованіе двухъ составляющихъ ее частей, раздѣльное ихъ бытіе. Не объ „отщепенствѣ“ идетъ здѣсь у насъ рѣчь, мы хотимъ лишь подчеркнуть ту мысль, что для говорившихъ о народѣ писателей „народъ“ былъ не внутри ихъ, а внѣ, они имѣли его передъ собой, психологически отнюдь не ощущая себя нераздѣльно—слитой частицей народной стихіи. Въ этомъ явленіи нѣтъ ничего страннаго и противоестественнаго, поскольку литература выпестована интеллигенціей народа, стоящаго на крайне низкой, по сравненію съ этой интеллигенціей, ступени культурнаго развитія.

Но исторія литературы знаетъ здѣсь,—правда, крайне рѣдкія,—исключенія, когда художникъ и создавшій его народъ образуютъ одно неразрывное цѣлое. Такъ, однимъ изъ наиболѣе яркихъ и типичныхъ исключеній подобнаго рода является Шевченко.

Въ самомъ дѣлѣ, не показался ли-бы дикимъ самый вопросъ о томъ, какъ „относился“ великій поэтъ къ своему народу? Въ творчествѣ Шевченко нѣтъ „отношенія“, нѣтъ выработаннаго и отстоеннаго міросозерцанія, нѣтъ, пожалуй, и „любви къ народу“...

„Поэзія Шевченка есть непосредственное продолженіе поэзіи народной“,—эта костомаровская формула, вѣрно отражающая самое „нутро“ Шевченковскаго творчества, все еще недостаточно выпукло выражаетъ ту силу слитности души поэта съ душой народной, то полное отсутствіе противопоставленія въ поэзіи субъекта—объекту, которое тамъ характерно для поэзіи Шевченка. Эта черта, столь рѣдко встрѣчающаяся въ міровой поэзіи, естественно, должна предохранить душу художника отъ трагедіи раздвоенности, голвоокружительныхъ пропастей и „мертвыхъ точекъ“, порождаемыхъ неразгаданностью народнаго „сфинкса“. И для Шевченка, дѣйствительно, никакихъ сфинксовъ и не существовало и, въ сущности, все было для него ясно и просто: есть паны и москали—угнетатели съ одной стороны, и холопы, „громада“, народъ и онъ, Шевченко,—съ другой. Не пропасти, раздѣляющія, двѣ культуры, не ихъ взаимное отчужденіе и безысходное непониманіе терзали Шевченко. Нѣтъ!

Его стоны не были стонами о народѣ, а народа; на струнахъ бандуры великаго кобзаря рыдала Украйна о себѣ, о своей „гіркой долі“, и если звучали въ тѣхъ пѣсняхъ стальныя ноты ненависти и гнѣва, то это, опять таки, были не призывы и

прокламаціонные возгласы, а сама лютая холопская вражда къ панамъ горѣла въ нихъ неугасимымъ пламенемъ. Душа Шевченка терзалась муками угнетенія, рабства, придавленности, она обливалась кровью отъ ужасовъ крѣпостническаго позора, но не знала никогда трещинъ, надломовъ, противорѣчій, внутреннихъ терзаній, ибо, повторяемъ, это была душа самого народа, который не можетъ, вѣдь, смотрѣть на себя, какъ на „сфинкса", „относиться" къ самому себѣ.

Горькій принадлежитъ къ тому же разряду поэтическихъ бѣлыхъ воронъ, что и Т. Шевченко. И Горькій, подобно Шевченкѣ,—весь народный, стихійный, необъятный, продолженіемъ своимъ имѣющій народъ и самъ являющійся его продолженіемъ. Рядомъ съ Горькимъ въ современной русской литературѣ никто не имѣетъ права на званіе народнаго писателя. И творчество Горькаго, какъ Шевченка, народно не потому, что имѣетъ объектомъ своимъ народъ, не потому, что Горькій пишетъ о народѣ или какъ выражаются, „отражаетъ его чаянія": на эту тему пишутъ и другіе.

У Горькаго же не писанье о народѣ, а его самовыявленье. Судьба предназначила Горькому, какъ и Шевченкѣ, быть сосудомъ, вмѣщающимъ лучшія вина народныхъ думъ, его печалей и радостей, устремленій и взлетовъ.

Но въ то время, какъ сосудъ шевченковской поэзіи цѣленъ и проченъ и, вылитый изъ одного металла,—не даетъ трещинъ,—душа Горькаго—вся въ надломахъ, срывахъ, вся изъязвленна внутренней расщепленностью, изнемогаетъ отъ трагическаго безпокойства...

Почему же это такъ? Гдѣ искать причину этого страннаго противорѣчія? Какъ примиритъ полную и исключительную насыщенность народностью въ творчествѣ Горькаго съ его муками, ранами и сомнѣніями, понятными и законными лишь у художниковъ—дворянъ или интеллигентовъ—безпочвенниковъ? Откуда взялись въ этой насквозь народной душѣ трагическія сомнѣнія, черными кошмарами сказавшіяся на страницахъ его величайшей и подлинной исповѣди—„Городка Окурова"?

Вырѣшить этотъ вопросъ, вскрыть эти глубокія, потайныя пружины художества М. Горькаго,—значитъ подойти къ нему вплотную, овладѣть ключомъ его творческой лабораторіи.

II.

„Народъ не только сила, создающая матеріальныя цѣнности, онъ единственный и неизсякаемый источникъ цѣнностей духовныхъ, первый по времени, красотѣ и геніальности творчества философъ и поэтъ, создавшій всѣ великія поэмы, всѣ трагедіи земли и величайшую изъ нихъ—исторію всемірной культуры". („Разрушеніе личности").

„Хорошъ есть на землѣ народъ! Дикій онъ, замордованный и весьма несчастенъ, а хорошъ, добротный, даровитый народъ! Вотъ-ты погляди на него пристально и будешь любить". („Гор. Окуровъ").

— Съ праздникомъ, великій русскій народъ! Съ воскресеньемъ близкимъ, милый! („Лѣто").

„Народушко безсмертный, его же духу вѣрую, его силу исповѣдую, онъ есть начало жизни единое и несомнѣнное, онъ отецъ всѣхъ боговъ бывшихъ и будущихъ". („Исповѣдь").

— Великъ народъ русскій и неописуемо прекрасна жизнь". („Исп.").

Можно еще и еще приводить изъ разныхъ произведеній Горькаго его буйныя, яркія, экстатическія славословія, молитвенные гимны, возносимые Народу—„всесильному. безсмертному народу",—„благодатной силѣ всѣхъ силъ", „владыкѣ и чудотворцу земли"...

Въ этомъ Горькій не знаетъ устали, не знаетъ мѣры: весь пронизанный священнымъ трепетомъ, зажженный огнемъ религіознаго восторга, Горькій кладетъ земные поклоны своему народу, слагаетъ безпрерывные акаѳисты и порою, читая трепетно—напряженныя строки горьковскихъ народовосхваленій, начинаетъ казаться, что присутствуешь въ храмѣ на торжественной литургіи..

Народолюбіе, народъ... Старыя, похороненныя, полузабытыя слова...

Давно ли мы вышли изъ той угарной полосы, когда говорить о народѣ считалось „дурнымъ тономъ", когда само слово это подвергалось ожесточеннымъ преслѣдованіямъ, неизмѣнно заключалось въ ехидныя кавычки.

Одну изъ величайшихъ заслугъ Горькаго слѣдуетъ видѣть въ томъ, что онъ одинъ въ годы одичанія, посрамленія кумировъ, всеобщаго ренегатства, не переставалъ повторять это великое, священное слово.

Упрямо, разъ за разомъ, не уставая, поетъ Горькій славу народу русскому, народный коллективъ неизмѣнно ставя въ центрѣ своего творчества.

Но тутъ мы подходимъ къ роковой точкѣ горьковской поэзіи, къ тому ея пункту, гдѣ безпокойная, мятущаяся душа Горькаго трепещетъ, какъ раненая птица, въ конвульсіяхъ безплодныхъ и мучительныхъ исканій.

Народъ... Когда это слово произносилось прежде, былъ понятенъ его смыслъ и ясно конкретное содержаніе, въ него вкладываемое. Для Толстого и Тургенева такъ же, какъ для Рѣшетникова и Златовратскаго народъ—это мужикъ, деревенская Русь. Это пониманіе обще для русской литературы и общественности, начиная отъ Пушкина и декабристовъ, кончая представителями „активнаго народничества"... И когда послѣдніе пѣли:

„Руки онъ къ намъ простираетъ,
Насъ онъ на помощь зоветъ",

то ни для кого не составляло секрета, кто это „стонущій и тяжко вздыхающій" „простираетъ руки" и куда именно, въ какое мѣсто „намъ" надлежитъ отправиться „на *помощь*"...

А знаетъ ли кривой Тіуновъ изъ окуровскаго Зарѣчья, что такое его „русскій народъ", который онъ зоветъ насъ любить? Увы, не знаетъ!

А вѣдь М. Горькій—это Яковъ Тіуновъ русской литературы: такой же любящій, суровый, пламенный, народный, но безъ почвы подъ ногами, лишенный фундамента, непрочный, зыблющійся, обреченный трагедіи вѣчныхъ сомнѣній.

Трудно назвать другого писателя, который за такой короткій, сравнительно, періодъ своей литературной дѣятельности такъ метался бы, такъ мѣнялъ бы объективъ своего творческаго аппарата, такъ лихорадочно искалъ бы чего-то, какъ Горькій. Воистину, *творчество Горькаго не знаетъ осѣдлости.*

Чего же искалъ онъ? Быть можетъ это покажется парадоксомъ, но приходится сказать, что Горькій всегда—въ мучительно-направленныхъ поискахъ *народа*...

Трагедія Горькаго—это трагедія самого понятія „народъ", а эта послѣдняя порождена условіями экономическаго и общественнаго развитія Россіи, заключившими въ ковычки прежде ясное и не вызывавшее вопросовъ и сомнѣній понятіе.

Для Горькаго „народъ" уже не покрывался весь ни мужикомъ, ни бариномъ, ни другимъ какимъ-либо понятіемъ. Горькій вошелъ въ литературу въ наиболѣе пестрое, хаотическое, запутанное время нашей общественности.

Первая стадія процесса общественнаго разслоенія подходила къ концу, наступалъ фазисъ опредѣленныхъ классовыхъ группировокъ. Ориентироваться во всемъ этомъ сложномъ переплетѣ соціальныхъ новообразованій, гдѣ оскудѣвшая дворянская аракчеевщина свирѣпо косилась на пріодѣвшагося по-европейски „чумазаго" и благословно насаждала полицейскій соціализмъ подъ грозный рокотъ первыхъ раскатовъ рабочаго движенія; гдѣ „неслабѣющіе магниты" властно притягивали къ себѣ сыновъ деревни, создавая кадры народа новаго, до сихъ поръ невѣдомаго Руси; гдѣ деревня—старая, русская общинная деревня, надежа и оплотъ государства, фокусъ теорій и идеаловъ,—тронулась, вовлеченная въ стихійный водоворотъ, разслоилась, расщепилась,—разобраться во всемъ этомъ было не легко.

Въ Горькомъ идеально отражена эта тронувшаяся, сдвинутая съ „устоевъ", заколобродившая Россія. Личная судьба его, особенности этой причудливо сложившейся жизни, сильно способствовали подобнаго рода отраженію: Горькій странствовалъ, бродяжилъ. Былъ онъ человѣкъ „проходящій", не отстоенный, никогда не знавшій „мѣста", и не даромъ послѣдніе, автобіографическаго характера, очерки свои озаглавилъ онъ: „Изъ воспоминаній проходящаго". Никогда не былъ онъ мужикомъ, крѣпко не любилъ „землеѣдовъ тупорылыхъ", да и не знаетъ онъ деревни, если судить по „Лѣту"; въ босячествѣ очень быстро разглядѣлъ Горькій подъ живописностью лохмотьевъ гнойныя струпья хулиганства: не могъ пропитаться антинародной, асоціальной идеологіей люмпенства художникъ—весь въ нитяхъ, связующихъ съ коллективомъ; а изъ видовъ пролетарскаго труда позналъ онъ недолго лишь одинъ—въ крендельномъ заведеніи...

Исходилъ онъ Русь вдоль и поперекъ, этотъ „подмастерье малярнаго цеха" Алексѣй Максимовъ Пѣшковъ. Много народу перевидалъ, пропитался соленой влагой моря, сушился въ палящихъ просторахъ степей, вобралъ въ душу музыку лѣсныхъ шопотовъ,—а „народа" такъ и не нашелъ...

И послѣ долгихъ лѣтъ скитальчества, мятежныхъ исканій, безпокойства и мукъ—снова пришелъ къ своей духовной родинѣ, которую самъ же проклялъ, хотѣлъ позабыть и отъ насъ скрывалъ всю свою жизнь,—къ Окурову вернулся Горькій...

III

Вышелъ онъ изъ темнаго царства. Дѣтство и часть юности провелъ въ удушливомъ полумракѣ мѣщанскаго быта. Скорбная жизнь эта освѣщалась лишь тихимъ мерцаніемъ лампадокъ у иконъ Николая Чудотворца. Не рыдай мене Мати, Василія Блаженнаго, да свѣтлыми проблесками бабушкиной ласки....

Въ этихъ тысячахъ на рѣчкахъ Путаницахъ расположенныхъ Окуровыхъ (хотя бы это и были „губернскіе" Окуровы, вродѣ Нижняго) протекаетъ своя особенная жизнь, создается умокладъ съ рѣдко очерченными индивидуальными особенностями.

Ни капиталистическіе города, ни скудѣющія деревни не гутъ породить „философовъ" типа Якова Тіунова или Матвѣя Кожемякина. Ихъ могла вызвать къ жизни уѣздная, мелко-мѣщанская Русь, пахнущая допетровской стариной. Цѣпокъ и устойчивъ этотъ бытъ, и не безъ основанія сказалъ Тіуновъ:

— Что же Россія! Государство она, безсомнѣнно, уѣздное. Губернскихъ то городовъ—считай—десятка четыре, а уѣздныхъ—тысячи—поди-ка! Тутъ тебѣ и Россія!„

Властно захватываетъ души своихъ обитателей эта „Россія", и мудрость, ею созданная, неистребимой ржавчиной разъѣдаетъ сознаніе людей, взрощенныхъ окуровской почвой.

Самобытный укладъ порождаетъ не менѣе „самобытную" мудрость: бытіе опредѣляетъ собою сознаніе, и никакія хорошія книжки, никакія восторженныя мечты и счастливыя встрѣчи со сладкоголосыми Іонами не передѣлаютъ душу, воспитавшуюся на сочиненіяхъ: „Краткое всемірное позорище или малый ѳеатронъ" или „Объ изобрѣтателѣхъ вещей"...

Каковъ однако общій фонъ окуровской жизни? Какія впечатлѣнія давала она и какъ строила души людскія?

Объ этомъ повѣдалъ намъ Зарѣчненскій поэтъ Сима Дѣвушкинъ:

„Позади у насъ—лѣса, впереди—болото. Господи! Помилуй насъ! Жить намъ—неохота! Скушно, тѣсно, голодно—никакой отрады! Многіе живутъ лѣтъ сто,—а зачѣмъ ихъ надо? Можетъ было бы веселѣй, кабы вдоволь пищи... Ну, а тамъ живи скорѣй, да и на кладбище?".

Какъ экономическая единица, какъ хозяйственный организмъ, Окуровъ величайшая несуразность въ обществѣ, ввергнутомъ въ капиталистическій круговоротъ. Изо всѣхъ перспективъ, мыслимыхъ для какого-либо соціальнаго цѣлаго,—передъ Окуровомъ раскрывается лишь одна: умиранія, полнаго изчезновенія, безповоротнаго ущерба. Но—le mort saisit le vif... И покуда эта обреченная Русь продолжала и еще продолжаетъ влачить свое существованіе,—она неизбѣжно создавала идеологію, кругозоры который цѣликомъ замыкались Окуровомъ.

До конца 19 вѣка, пока процессъ капиталистическаго развитія лишь медленно и неуклонно разрыхлялъ цѣлину народ-

наго хозяйства Россіи, но не успѣлъ еще остро проявиться созданіемъ совершенно новыхъ и опредѣленныхъ классовыхъ группировокъ,—„цѣльную“ и „стройную“ уѣздно-мѣщанскую гармонію не нарушали никакіе диссонансы. Не то было въ 90-хъ годахъ и позднѣе, когда даже въ Окуровахъ нельзя было не почувствовать, что Россія тронулась, что все сошло со своихъ мѣстъ, забродило, пошло по-новому формироваться. Но всѣ огромные сдвиги эти совершались гдѣ-то во-внѣ, въ сторонѣ отъ Окурова и, естественно, поэтому, что понять и оцѣнить во всемъ ихъ огромномъ культурно-историческомъ значеніи, окуровецъ не былъ въ состояніи.

Главнѣйшій факторъ современности—рабочее движеніе,—въ сознаніи обитателя уѣзднаго городка не можетъ не преломиться въ видѣ не то мистической фантасмагоріи, не то пугачевщины: здѣсь неоткуда взяться серьезному, научному пониманію общественныхъ отношеній, такъ какъ оно мыслимо лишь при ихъ обостреніи, котораго Окуровъ не знаетъ и знать не можетъ.

При самомъ искреннемъ своемъ желаніи и при всѣхъ потугахъ сознанія, окуровецъ можетъ додуматься лишь до слѣдующаго, напр., объясненія всенароднаго движенія 905-го года:

— Возникаетъ Россія! Появился народъ всѣхъ сословій, и всѣ размышляютъ: почему инородные получили надъ нами столь сильную власть?

И это значитъ— просыпается въ народѣ любовь къ своей странѣ, къ русской милой землѣ его“...

Такъ разсуждаетъ Яковъ Тіуновъ, слывущій—и не даромъ—„первой головой“ Зарѣчья. Эта „философія исторіи“—законное дѣтище Окурова. Въ этомъ застойномъ уѣздномъ міркѣ, гдѣ нѣтъ ни городского пролетаріата, ни крестьянства, т. е. творческаго, жизнеспособнаго, созидающаго „народа“,—какъ можетъ сложиться правильное пониманіе тѣхъ, чреватыхъ огромными историческими послѣдствіями, потрясеній, подъ знакомъ которыхъ протекаетъ вся сложная, многогранная жизнь современныхъ капиталистическихъ странъ?

Горькій—плоть отъ плоти окуровской. Окуровской почвой онъ взращенъ и, увы!—окуровскими глазами смотритъ на міръ.

Тургеневъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ, опредѣляетъ послѣдняго, какъ „центральную натуру“ своего времени:—„Онъ всѣмъ существомъ своимъ стоялъ близко къ сердцевинѣ своего народа, воплощалъ его вполнѣ, и съ хорошихъ, и съ дурныхъ его сторонъ“. Эта характеристика вызвана у Тургенева тѣмъ, что Бѣлинскій „зналъ мало“, обладалъ недостаточнымъ образованіемъ. Это то обстоятельство, по мнѣнію Тургенева, и помогло Бѣлинскому стать „центральной натурой“, такъ какъ „ученый“ человѣкъ „не соотвѣтствовалъ бы“ эпохѣ, „не могъ бы быть въ 40-хъ годахъ такой русской центральной натурой“. Горькій является именно такой, въ тургеневскомъ смыслѣ, „центральной натурой“ уѣздной Россіи, захваченной новымъ процессомъ экономическаго развитія: никто такъ какъ онъ не „воплотилъ вполнѣ“ безпомощности сознанія обреченнаго мѣщанства передъ вновь возникающими явленіями осложненной дѣйствительности.

Раф. Григорьевъ.

Рабочая печать и законопроектъ о печати.

Можно безъ всякаго преувеличенія сказать: противъ рабочей печати, главнымъ образомъ, направленъ правительственный законопроектъ о печати; рабочей печати приходится выносить на себѣ всю, по истинѣ, невѣроятную тяжесть дѣйствующаго закона, на рабочей печати реакція испытала всю сладость новыхъ формъ репрессіи. Еще гдѣ то вырабатывается проектъ объ особой отвѣтственности за напечатаніе думскихъ рѣчей, заключающихъ въ себѣ признаки „уголовнаго преступленія“, а рабочая печать уже неоднократно привлекалась за оглашеніе рѣчей депутатовъ. Еще красуется въ проектѣ мудрое требованіе, чтобы въ цензурные комитеты отсылались первые экземпляры изданій, а у машинъ, печатающихъ рабочія газеты, уже теперь нерѣдко стоятъ чиновники и спѣшно просматриваютъ первые экземпляры, чтобы своевременно наложить арестъ и не выпустить изъ типографіи ни одного номера. Еще предстоитъ воплотится въ законѣ требованію, чтобы редакторъ обладалъ образовательнымъ цензомъ, а уже въ судахъ издѣваются надъ редакторами рабочихъ газетъ, допрашиваютъ ихъ, чѣмъ они занимались въ редакціи. Еще нужно ожидать усиленія по закону наказанія за т. е. преступленія печати, а для рабочей печати уже теперь писана почти лишь одна 129 ст. уг. уложенія и уголовной участи не избѣгаютъ даже хроникерскія замѣтки. Когда-то еще наступитъ судебная идиллія и можно будетъ редактора одновременно и въ тюрьму посадить и денежнымъ штрафомъ покарать, а рабочая газета уже теперь за одинъ и тотъ же номеръ штрафу подвергается и привлекается къ судебной отвѣтственности.

Даже приблизительная сводка всего, что вынесла рабочая печать за послѣдніе годы, составила бы мартирологъ, которому равный едва-ли можно отыскать въ прошломъ любого изъ европейскихъ народовъ. Пріостановка изданія на основаніи исключительнаго положенія, запрещеніе по суду, штрафы и аресты редакторовъ въ административномъ порядкѣ, тюрьма и крѣпость по суду, обыски въ редакціи, аресты сотрудниковъ—все это перенесла и продолжаетъ переносить рабочая печать. Мы не намѣрены здѣсь впрочемъ подводить итоги. Мы хотимъ лишь привести нѣкоторую иллюстрацію къ современному положенію рабочей печати и притомъ изъ области только судебной, а не административной репрессіи, такъ какъ размахъ послѣдней всѣмъ хорошо знакомъ и въ поясненіяхъ не нуждается. Эта иллюстрація непосредственно приведетъ насъ къ должной оцѣнкѣ правительственнаго проекта съ точки зрѣнія интересовъ рабочей печати.

По нашимъ подсчетамъ, не претендующимъ, конечно, на полноту, за время съ начала января по начало декабря 1913 года на изданія, выходящія на русскомъ языкѣ, было наложено комитетомъ по дѣламъ печати 457 конфискацій, изъ нихъ на рабочую печать—235 конфискацій, или немногимъ больше половины всего ихъ числа (51,4%). Иначе говоря, система конфискаціи—болѣе тяжелая, чѣмъ система административнаго взысканія, такъ какъ она связана съ привлеченіемъ къ судебной отвѣтственности и съ изъятіемъ изданія изъ обращенія,—падаетъ по преимуществу на рабочую печать. Въ среднемъ на одно нерабочее періодическое изданіе приходится 3 конфискаціи, на одно рабочее (считая преемницъ „Луча", „Правды" и народническаго „Трудового Голоса" за одно изданіе)—16,7 конфискацій. Если-жо взять только столичную (петербургскую и московскую) ежедневную политическую печать, то окажется, что на одну не-рабочую газету падаетъ въ среднемъ 4, 3 конфискаціи, на одну рабочую-69,6 конфискацій, т. е. въ 16 разъ больше! Спокойно жилось цензурнымъ комитетамъ, пока не народилась рабочая печать.

По какимъ поводамъ примѣнялась конфискація? За оскорбленіе святыни (73 ст. уг. ул.), за кощунство (74, ст. уг. ул.), за оскорбленіе Величества (103 ст. уг. ул.), за оскорбленіе памяти предшественниковъ царствующаго императора (107 ст. уг. ул.), и за развращеніе нравовъ (1001 ст. ул. о нак.,) рабочая печать ни разу не подвергалась конфискаціи, не-рабочая-же конфискована въ общей сложности въ 15 случаяхъ. Иное соотношеніе получается для другихъ преступленій печати. За дерзостное неуваженіе къ верховной власти и порицаніе существующаго образа правленія (ст. 128 уг. ул.) къ не рабочей печати конфискація не примѣнялась ни разу, къ рабочей примѣнялась 4 раза. За возбужденіе къ тяжкимъ преступленіемъ (къ бунту, ниспроверженію существующаго строя, неповиновенію законамъ, возбужденію вражды между классами и т. д.—129 ст. уг. ул.) не-рабочая печать была конфискована 18 разъ, рабочая—113 разъ. Возбужденіе къ устройству или продолженію стачки (ст. 1034^3 ул. о нак.) ни разу не повело къ наложенію конфискацій на нерабочую печать и послужило поводомъ къ 35 случаямъ конфискаціи рабочей печати. Разнаго рода возбужденіе въ печати (ст. 1034^4), напротивъ, чаще ведетъ къ конфискаціи не-рабочей печати (44 случая), чѣмъ рабочей (22 случая).

Отсюда видно, что обвиненія, предъявляемыя къ рабочей печати, болѣе тяжки и однородны: здѣсь преобладаютъ 129 ст. уг. ул. и 1034^3 ст. ул. о нак., изъ которыхъ первая влечетъ за собою ссылку на поселеніе или продолжительное тюремное заключеніе, а вторая—заключеніе въ тюрьмѣ на время не ниже восьми мѣсяцевъ. Не-рабочая печать чаще всего привлекается по 1034^4 ст. ул. о нак., влекущей за собою большей частью не продолжительный арестъ или денежный штрафъ.

Конфискація, наложенная комитетами по дѣламъ печати, не является окончательной и подлежитъ провѣркѣ суда, который можетъ ее утвердить или отмѣнить. Какъ пользуется судъ этимъ своимъ правомъ? Изъ разсмотрѣнныхъ судомъ 267 случаевъ конфискаціи отмѣнено 50 или 16%. Въ частности, отмѣна конфискацій для не-рабочей печати, конечно, болѣе благопріятна, чѣмъ для рабочей: изъ 124 случаевъ, разсмотрѣнныхъ судами, конфискацій не-рабочей печати отмѣнено 41 или 33%, изъ 143 случаевъ рабочей печати—всего 9 или 6,2%. Если взять только столичную (московскую и петербургскую) не-рабочую печать, то процентъ отмѣненныхъ конфискацій повысится до 50, а для столичной ежедневной не-рабочей печати даже до 55, т. е. половина конфискацій, наложенныхъ на столичную не-рабочую печать, отмѣняется судомъ, въ то время, какъ конфискація рабочихъ газетъ отмѣняется только по чрезвычайно рѣдкому исключенію. Изъ разсмотрѣнныхъ судами 19 конфискацій не-рабочей печати съ привлеченіемъ по 129 ст. уг. ул. отмѣна послѣдовала въ 6 случаяхъ, изъ 85 такихъ-же конфискацій рабочей печати отмѣнено всего пять, остальные 80 судомъ утверждены. Но и въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ отмѣны конфискаціи судъ не спѣшитъ со своимъ опредѣленіемъ и арестъ съ изданія снимается лишь тогда, когда всякій интересъ къ нему прошелъ и ущербъ, нанесенный конфискаціей, не можетъ быть восполненъ. Чаще всего арестъ снимается спустя двѣ недѣли послѣ конфискаціи, спустя 20—25 дней. Но бываетъ и лучше.—Пріуроченный къ съѣзду торговыхъ служащихъ московскій „Вѣстникъ торговыхъ служащихъ" былъ конфискованъ, конечно, немедленно по выходѣ въ свѣтъ, конфискація отмѣнена опять судомъ черезъ 28 дней, когда съѣздъ уже давно былъ захрытъ! Конфискація первомайскаго номера „Правды" за 1912 годъ была снята въ апрѣлѣ 1913 года, т. е. черезъ годъ! Арестъ съ двухъ номеровъ „Трудового Голоса" былъ снятъ только по приговору суда, причемъ въ обоихъ случаяхъ редакторъ газеты привлекался по 129 ст. ст. уг. ул.!

Надавно „Vorwärts" подсчиталъ, что въ 1913 году редактора германскихъ рабочихъ газетъ присуждены были въ общей сложности къ 60 мѣсяцамъ (или 5 годамъ) и одной недѣлѣ тюремнаго заключенія и къ 24.685 маркамъ денежнаго штрафа. Что и говорить—цифры высокія! Ну, а какой бы счетъ могла предъявить русская рабочая печать? Какъ мы видѣли, въ прошломъ году утверждено 80 конфискацій съ привлеченіемъ по 129 ст. Принимая во вниманіе, что, благодаря административнымъ штрафамъ и связанными съ ними арестами, редакторы рабочихъ газетъ мѣняются чуть-ли не ежедневно и каждый изъ нихъ уходитъ, имѣя за собой нѣсколько привлеченій

по 129 ст., можно сказать, что при болѣе быстромъ дѣйствіи судебной репрессіи годовой балансъ рабочей печати приблизился бы къ нѣсколькимъ десяткамъ лѣтъ тюремнаго заключенія, не считая многихъ мѣсяцевъ ареста и тысячъ штрафа, наложенныхъ въ административномъ порядкѣ. Кромѣ того, систематическія конфискаціи сопровождаются для рабочей печати пріостановленіемъ изданія до суда, а судебный процессъ неизмѣнно приводитъ къ запрещенію изданія навсегда. По даннымъ „Полнаго справочнаго указателя“ А. Никольскаго, съ конца 1905 года по 1 января 1913 г. по судебнымъ приговорамъ было запрещено навсегда 31 рабочее изданіе, среди которыхъ имѣются газеты («Начало», «Московская газета», „Живое Дѣло“, «Звѣзда» и др.), журналы („Научная Мысль“) и рядъ профессіональныхъ органовъ («Вѣстникъ золотосеребрянниковъ», „Вѣстникъ рабочихъ волокиистыхъ производствъ“, „Листокъ рабочихъ по обработкѣ дерева“, „Голосъ табачника“, „Голосъ ткача“, «Петербургскій сапожникъ“, „Печатное Дѣло“ и т. д.)

* *
*

Это настоящее рабочей печати бросаетъ свѣтъ и на будущее, которое ее ожидаетъ съ проведеніемъ въ жизнь правительственнаго проекта. Послѣдній всю систему репрессій строитъ на конфискаціи и послѣдующемъ судебнымъ приговорѣ. За исключеніемъ мѣстностей, объявленныхъ на положеніи чрезвычайной охраны и на военномъ положеніи, проектъ отмѣняетъ право изданія обязательныхъ постановленій и наложенія взысканій въ административномъ порядкѣ и устанавливаетъ „за преступныя дѣянія, совершаемыя посредствомъ печати“, „исключительно судебный порядокъ отвѣтственности“. Такимъ образомъ, и въ мѣстностяхъ съ усиленной охраной административныя взысканія къ печати не могутъ примѣняться и отвѣтственность установляется исключительно по суду. Понятно, что за такой отказъ отъ административной расправы власть должна быть вознаграждена усиленіемъ судебной репрессіи и при томъ въ такой степени, чтобы отъ „правового порядка“ въ нынѣшнее положеніе печати не было внесено никакихъ измѣненій и никакого ущерба для бюрократіи но получилось бы. „Переходъ отъ нынѣ дѣйствующаго судебно-административнаго порядка, говорится въ объяснительной запискѣ къ правительственному проекту, неминуемо долженъ вызвать нѣкоторыя измѣненія въ карательныхъ постановленіяхъ по преступленіямъ и проступкамъ, совершаемымъ посредствомъ печати, и тѣмъ обезпечить судебной власти средства борьбы съ преступленіями о печати, которыя въ настоящее время или остаются вовсе безнаказанными или караются крайне слабо“. Власти должны быть обезпечены средства борьбы о печати. И она получаетъ эти средства въ изобилiи.

Конфискація—до судебнаго приговора—по усмотрѣнію чиновника—цензора—допускается по закону и въ настоящее время, и мы видѣли, какъ широко примѣняется она по отношенію къ рабочей печати. Проектъ радикально совершенствуетъ порядокъ конфискаціи. Теперь требуется, чтобы въ цензурные комитеты экземпляры изданія представлялись *одновременно* съ выпускомъ ихъ въ свѣтъ, т. е. конфискація не можетъ помѣшать, по крайней мѣрѣ, первоначальному распространенію изданія, но можетъ пріостановить только дальнѣйшее его распространеніе. Проектъ требуетъ, чтобы въ комитеты представлялись *первые экземпляры* изданія немедленно по ихъ отпечатаніи, т. е. не только до выпуска въ свѣтъ изданія, но и до окончанія его печатанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, проектъ требуетъ, чтобы органы надзора допускались въ типографіи во всякое время, т. е. и въ то время, когда приступаютъ къ печатанію изданія. Это значитъ, что порядокъ конфискаціи, примѣняемый теперь по отношенію къ рабочей печати, все же по исключенію, узаконяется, становится общимъ правиломъ. Надзирающій чиновникъ получаетъ право явиться въ типографію, взять изъ машины первый экземпляръ и пріостановить дальнѣйшее печатаніе изданія. Нѣкоторые называютъ такой порядокъ возстановленіемъ въ скрытомъ видѣ предварительной цензуры. Но это—больше, чѣмъ цензура. Старая предварительная цензура могла исключать отдѣльныя статьи или даже фразы, но не имѣла права воспрепятствовать выпуску въ свѣтъ изданія: редакція могла исключить зачеркнутыя цензоромъ мѣста, могла пойти на другія уступки, изданіе могло получать роспространеніе. Порядокъ, устанавливаемый проектомъ, существенно ухудшаетъ даже это положеніе. Объ исключеніи отдѣльныхъ мѣстъ—по смыслу, по крайней мѣрѣ, проекта—не можетъ быть рѣчи. Вѣдь, проектъ построенъ на принципѣ „свободы печати“, цензурные комитеты не цензуруютъ изданія, а ищутъ въ немъ „преступленія“ и, если найдутъ, налагаютъ арестъ на все изданіе, но не на какую-нибудь отдѣльную его статью! И получается въ результатѣ не цензура, а право безконтрольнаго распоряженія судьбой изданія, право безудержной расправы со свободнымъ словомъ. Мы увидимъ сейчасъ, что право пріостанавливать изданіе, по буквѣ закона, принадлежитъ исключительно суду. Но принятый проектомъ порядокъ конфискаціи, по существу, передаетъ это право любому изъ надзирающихъ за печатью чиновниковъ. Ему принадлежитъ право конфискаціи, передъ нимъ открыты двери типографіи, ему должны быть представлены первые экземпляры изданія. И систематической конфискаціей, фактическимъ *воспрещеніемъ выхода въ свѣтъ изданія* онъ можетъ пріостановить послѣднее еще до того, какъ дѣло дойдетъ до суда. Легко себѣ представить, какія широкія возможности открываются для пресѣченія рабочей печати, если уже теперь она ежедневно то штрафуется, то конфискуется!

Въ настоящее время конфискація требуетъ утвержденія суда, который имѣетъ право въ распорядительномъ (а не судебномъ) засѣданіи пріостановить изданіе до судебнаго приговора. Проектъ, сохраняя такой порядокъ, надѣляетъ судъ новыми правами. При назначеніи наказанія за преступныя дѣянія, совершенныя посредствомъ печати, суду, помимо запрещенія или временной (на срокъ до пяти лѣтъ) пріостановки изданія, предоставляется также „пріостановить впредь до представленія издателемъ денежнаго обезпеченія, въ суммѣ отъ 100 до 3000 рублей, на уплату могущихъ быть присужденными съ него денежныхъ взысканій". Больше того. Это право принадлежитъ суду не только при назначеніи наказанія, (т. е. при судебномъ разбирательствѣ по существу обвиненія), но и въ порядкѣ утвержденія конфискаціи (т. е. въ порядкѣ распорядительномъ): судъ, утверждая арестъ, можетъ постановить или о пріостановленіи изданія или „объ обязаніи издателя внести въ обезпеченіе могущихъ быть присужденными съ него денежныхъ взысканій, сумму въ размѣрѣ отъ 100 до 3000 рублей, при чемъ въ семъ случаѣ, впредь до внесенія означенной суммы, изданіе пріостанавливается". И еще больше. Судъ не только имѣетъ право, но *обязанъ* потрбовать „денежное обезпеченіе", если конфискація послѣдовала съ привлеченіемъ, между прочимъ, по 128, 129 и 132 ст. уг. ул., т. е. по „политическимъ" преступленіямъ, наиболѣе часто вмѣняемымъ въ вину рабочей печати. Проектъ дѣлаетъ видъ, будто „денежное обезпеченіе" устанавливается въ обезпеченіе могущихъ быть присужденными съ издателя денежныхъ взысканій. Но на самомъ дѣлѣ мудрый законодатель руководствуется, конечно, даже не такими мотивами. Денежныя взысканія обезпечиваются проектомъ и безъ того въ совершенствѣ. По проекту, приговоры по дѣламъ печати о денежныхъ взысканіяхъ обращаются къ исполненію немедленно по вступленіи въ законную силу, не исключая и тѣхъ случаевъ, когда осужденный обвиняется въ новомъ преступленіи, угрожающемъ ему болѣе тяжкимъ наказаніемъ. Кромѣ того, денежныя взысканія, если они не уплачены въ теченіе семи дней, перелагаются съ отвѣтственнаго редактора на издателя, а если издателей нѣсколько, то распредѣляются между ними поровну съ круговою другъ за друга отвѣтственностью. Такимъ образомъ, есть конечно возможность взыскать денежные штрафы и безъ особаго ихъ денежнаго обезпеченія. Послѣднее имѣетъ другое значеніе и преслѣдуетъ другія цѣли; оно вводитъ *денежные залоги* на право выпуска въ свѣтъ изданій,—одно изъ наиболѣе тяжкихъ ограниченій свободы печати, ограниченій, какихъ, въ такомъ масштабѣ, не знало даже наше старое законодательство о печати. По старому, внесеніе залога требовалось только для изданій, выходившихъ безъ предварительной цензуры,—по проекту, внесеніемъ залога можетъ быть обязано всякое изданіе и отъ этого не спасаетъ даже предварительный контроль администраціи за содержаніемъ изданія

и право ея не допустить распространенія его въ самомъ началѣ. Наблюдающій чиновникъ стоитъ у машины, воспрещаетъ выпускъ изданія—вмѣстѣ съ тѣмъ другіе, судейскіе чиновники могутъ по новому поводу потребовать внесенія залога, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже обязаны это сдѣлать. Нужно ли говорить, что для рабочаго изданія внесеніе залога въ размѣрѣ не только тысячъ, но и сотенъ рублей, равносильно отказу отъ дальнѣйшаго существованія? Можно-ли сомнѣваться, что суды будутъ бить рабочую печать рублемъ и что именно противъ ребочей печати, бѣдной средствами, направлены главнымъ образомъ денежные залоги?

Утвержденіе конфискаціи влечетъ за собой преданіе суду и судебное разбирательство. Проектъ и въ этомъ отношеніи ухудшаетъ положеніе, приближая судебную процедуру къ административной расправѣ. По общему правилу судебному разбирательству должно предшествовать предварительное слѣдствіе, собираніе и провѣрка уликъ противъ обвиняемаго. Проектъ считаетъ такой порядокъ примѣнительно къ печати излишней роскошью. Предварительное слѣдствіе по дѣламъ печати отмѣняется—свидѣтели слѣдователемъ не допрашиваются, улики не провѣряютъ и дѣло прямо поступаетъ въ судъ. Вмѣсто обычнаго семидневнаго срока для вызова свидѣтелей обвиняемому предоставляется всего три дня, т. е. срокъ столь непродолжительный, что обвиняемый можетъ оказаться не въ состояніи использовать свое право по вызову свидѣтелей, за невозможностью, напримѣръ, установить ихъ мѣстожительство. По общему правилу каждое дѣло можетъ быть разсмотрѣно по существу въ двухъ судебныхъ мѣстахъ (въ окружномъ судѣ, напр., и въ судебной палатѣ), проектъ, въ отмѣну этого правила, постановляетъ, что приговоры огружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ по дѣламъ печати, независимо отъ тяжести угрожающаго обвиняемому наказанія, считаются окончательными, т. е. они не могутъ быть обжалованы въ высшую судебную инстанцію для пересмотра по существу (право апелляціи отмѣняется) и могутъ быть обжалованы только по нарушенію формальностей судопроизводства (право кассаціи сохраняется). И это независимо отъ тяжести наказанія, хотя бы обвиняемому угрожало лишеніе всѣхъ правъ и ссылка на поселеніе! Конечно, для нашихъ нынѣшнихъ судовъ гарантіи, устанавливаемыя закономъ для обвиняемаго, имѣютъ мало значенія: можно и при гарантіяхъ расправиться съ подсудимымъ по образцу военно-полевого суда. Но тенденція проекта показываетъ, что всякое стѣсненіе отброшено и со всякой даже сказкой о судебномъ безпристрастіи покончено. При отмѣнѣ предварительнаго слѣдствія и права апелляціи, при трехдневномъ срокѣ для вызова свидѣтелей, при требованіи, чтобы приговоръ въ окончательной формѣ былъ изготовленъ не позже семи дней по его постановленіи, любой судебно-литературный процессъ можно ликвидировать въ какой-нибудь мѣсяцъ. За

словомъ обвиненія надзирающаго чиновника немедленно послѣдуетъ дѣло возмездія суда, съ быстротою, приближающеюся къ идеалу карательный экспедиціи.

Судъ долженъ положить наказаніе—иначе, къ чему было проектъ о „свободѣ печати“ сочинять? и притомъ наказаніе суровое, ибо, какъ мы видѣли, судебной власти должны быть обезпечены средства борьбы съ печатью. Проектъ разрѣшаетъ и эту задачу. Наказывать—такъ наказывать, битъ—такъ бить и кнутомъ, и рублемъ! Теперь печать въ административномъ порядкѣ можетъ быть караема штрафомъ и въ судебномъ—уголовнымъ наказаніемъ. По проекту дѣло упрощается и судъ можетъ одновременно и въ тюрьму посадить и денежный штрафъ наложить. „За умышленное совершеніе преступнаго дѣянія посредствомъ печати“ редакторъ, сверхъ личнаго наказанія (т. е. ареста, тюрьмы и т. п.), подвергается дополнительному денежному взысканію въ первый разъ отъ 100 до 1000 рублей, а при повтореніи—отъ 500 до 3000 рублей. При этомъ штрафъ взыскивается въ такъ называемомъ безспорномъ порядкѣ и не подлежитъ замѣнѣ арестомъ или тюрьмою, иначе говоря, взысканіе обращается на имущество, каковое подлежитъ описи и продажѣ. Сверхъ того, при нѣсколькихъ штрафахъ, наложенныхъ по нѣсколькимъ дѣламъ, они не погашаются и ни въ какой мѣрѣ не измѣняются по правиламъ т. н. совокупности (большой штрафъ, напр., поглощаетъ меньшій), но каждый штрафъ въ отдѣльности взыскивается полностью. Вотъ какъ основательно будетъ поставлено дѣло. Помимо тюрьмы денежный штрафъ, взыскиваемый полностью безъ замѣны арестомъ, хотя бы цѣною распродажи съ молотка имущества редактора. Проектъ превосходитъ въ этомъ отношеніи даже губернаторскія обязательныя постановленія, которыя допускаютъ наложеніе либо штрафа либо ареста, замѣняютъ штрафъ арестомъ, сохраняютъ возможность уменьшенія или снятія наложеннаго ареста. Судъ можетъ наложить и личное наказаніе и денежный штрафъ, причемъ оба наказанія должны быть приведены въ исполненіе, безъ всякаго послабленія.

Само собою разумѣется, что отвѣтственность за преступленіе печати перелагается чуть ли не до десятаго колѣна. Къ суду привлекается, прежде всего, отвѣтственный редакторъ, если онъ не разысканъ, находится за границей, то—издатель, если издатель не разысканъ или находится заграницей, то—завѣдывающій типографіей, если типографія не извѣстна, то—лица, торгующія „преступнымъ“ изданіемъ въ разносъ или развозъ, завѣдывающій книжнымъ магазинамъ, публичной библіотекой, читальней, въ которыхъ обнаружено „преступное“ изданіе. Не пропадетъ за властью преступленіе и кто нибудь—не все ли равно кто? будетъ наказанъ! Однако, и такой „гарантіи“ свободы печати мало. Помимо, такъ сказать, преемниковъ въ нисходящей линіи—отъ издателя до уличнаго продавца газетъ—редакторъ

можетъ имѣть ихъ по боковымъ линіямъ, во всѣ возможныя стороны. Проектъ не упускаетъ этого изъ виду и находитъ, что возбужденіе преслѣдованія противъ кого либо изъ названныхъ лицъ не должно исключать привлеченія къ суду „всѣхъ другихъ лицъ, подлежащихъ равной отвѣтственности, или по правиламъ о соучастіи, за совершенное посредствомъ печати преступное дѣяніе“. Отъ прямой отвѣтственности никакъ не ускользнетъ авторъ, а „по правиламъ о соучастіи“ пойдетъ косить коса всѣхъ, кто подъ руку подвернется. Не иначе, какъ соучастниками, можно считать и фактическаго редактора, и секретаря редакціи, и завѣдывающаго отдѣломъ, и членовъ редакціонной коллегіи, и корректора. Всѣ они соучастники такого не только тяжкаго, но и сложнаго преступленія, какъ преступленіе печати! Ну, а родичи редактора, если они знали о замышляемомъ преступленіи, редакціонный служащій и его семья, если они охраняли покой редактора, въ моментъ, когда онъ занимался своимъ преступнымъ дѣломъ? Не будемъ гадать. Предоставимъ толкованіе мудраго проекта мудрому сенату...

* * *

За годъ 235 конфискацій, наложенныхъ на рабочую печать. За годъ въ среднемъ 69 конфискацій на одну рабочую газету или почти столько же судебныхъ дѣлъ. За годъ 80 утвержденныхъ конфискацій съ привлеченіемъ по 129 ст. ул. или почти столько же подготовляемыхъ приговоровъ, тяжкихъ, сопряженныхъ съ длительнымъ лишеніемъ свободы. За годъ пріостановка до суда нѣсколькихъ рабочихъ газетъ, нѣсколько тысячъ денежныхъ штрафовъ и нѣсколько лѣтъ ареста, наложенныхъ въ административномъ порядкѣ. Такова нынѣшняя практика, еще не исправленная маклаковскимъ проектомъ. Пусть теперь другъ—читатель рабочей печати самъ представитъ себѣ—особаго напряженія фантазіи не потребуется!—что ожидаетъ ее въ будущемъ, съ осуществленіемъ каторжныхъ замысловъ проекта, если принять во вниманіе, что проектъ сулитъ рабочей печати:

1) право администраціи конфисковать изданіе у машины, т. е. воспрепятствовать его выходу въ свѣтъ,

2) право суда пріостановить по приговору изданіе на время или запретить навсегда,

3) право суда пріостановить изданіе до постановленія приговора,

4) право суда потребовать внесенія „денежнаго обезпеченія“ до постановленія приговора въ размѣрѣ до 3000 рублей, и обязанность потребовать такое обезпеченіе, если конфискація, утверждена съ привлеченіемъ, между прочимъ, по 128, 129 и 132 ст. уг. ул.,

5) право суда потребовать внесенія денежнаго обезпеченія, также по приговору,

6) отмѣну предварительнаго слѣдствія и сокращеніе срока для вызова свидѣтелей,

8) отмѣну права апелляціи,

9) усиленіе наказанія присоединеніемъ къ личному наказанію денежнаго штрафа въ размѣрѣ до 3000 рублей,

10) „безспорное“ взысканіе всѣхъ денежныхъ штрафовъ полностью, безъ замѣны арестомъ, съ обращеніемъ взысканія на имущество редактора или издателя,

11) привлеченіе къ отвѣтственности всѣхъ, кого не только можно, но и нельзя представить себѣ въ качествѣ лицъ, причастныхъ къ преступленію.

Если при всѣхъ такихъ, во многомъ, новшествахъ рабочая печать не будетъ окончательно ликвидирована, то это явится, конечно, большой неожиданностью для авторовъ проекта!

М. Б—въ.

Арестанскія могилы.

(Отрывокъ).

Единственное окно нашей крошечной камеры выходило на узкій задній дворъ тюрьмы. Передъ окномъ тянулась узкая полоска убитой земли, безъ единаго деревца, безъ единаго кустика. А сзади возвышалась угрюмая и безобразная стѣна тюремнаго корпуса. Въ подвальномъ этажѣ, прямо противъ нашей одиночки, чернѣли окна смертницкихъ секретокъ. Выше шли окна тюремной церкви. Черезъ эти окна доносились до насъ звуки церковныхъ пѣснопѣній и запахъ ладана. На лѣво отъ церкви начинались окна тюремной больницы.

Мимо нашего окна проносили постоянно трупы арестантовъ, умершихъ въ больницѣ и отправляемыхъ въ покойницкую. И вторично проносили мимо нашего окна эти трупы, когда изъ покойницкой ихъ отправляли въ церковь для „отчитыванія“ передъ выносомъ ихъ за тюремныя ворота.

Слышишь тяжелый топотъ нѣсколькихъ человѣкъ подъ окномъ... Невольно встаешь со своего мѣста и подходишь къ рѣшеткѣ. Въ чемъ дѣло?

Позвякивая ключами, идетъ своей привычной лѣнивой походкой больничный надзиратель. Слѣдомъ за нимъ два арестанта несутъ на плечахъ грязныя носилки, покрытыя сѣрымъ больничнымъ одѣяломъ. Сквозь жидкое сукно одѣяла ясно проступаютъ очертанія человѣческаго тѣла. Впрочемъ, короткое одѣяло и не покрываетъ покойника цѣликомъ. Спереди торчатъ надъ носилками голыя ноги, грязныя и какъ будто сведенныя судорогой. Съ другого конца высовывается изъ подъ одѣяла голова. Виды спутанные, сбившіеся волоса, желтый, будто обтянутый пергаментомъ или смазанный какой то клейкой жидкостью, лобъ, часть лица съ заострившимися скулами, съ неподвижными бѣлесоватыми глазами...

За первыми носилками другія, съ такою же кладью...

Сзади идутъ гурьбой еще четыре арестанта. Эти идутъ налегкѣ, безъ всякой ноши.

— Двое сегодня, говорю я своему сожителю.

— Трое, поправляетъ онъ меня: утромъ еще одинъ перекувырнулся. Пронесли уже.

— Когда? Я не замѣтилъ.

— Вы спали тогда. Я не хотѣлъ будить.

— Вчера тоже двоихъ стащили... сейчасъ гробы понесутъ въ церковь...

Мы оба стоимъ у окна и ждемъ. Сейчасъ понесутъ изъ покойницкой гробы со вчерашними мертвецами. Гробы будутъ закрыты. Лицъ покойниковъ мы не увидимъ. Не будемъ даже знать, кого это несутъ мимо нашего окна, Но все же, почему то хочется видѣть, когда будетъ проходить мимо похоронная «процессія».

Вотъ, возвращаются носильщики. Опять спереди идетъ надзиратель, лѣниво побрякивая связкой ключей. За нимъ четверо арестантовъ несутъ на плечахъ простой деревянный гробъ, наскоро сколоченный изъ некрашенныхъ еле—еле остроганныхъ сосновыхъ досокъ. Сзади несутъ еще одинъ такой же гробъ.

Процессія скрылась за угломъ тюремнаго корпуса. Черезъ двѣ минуты мы слышимъ, какъ опускаютъ что то тяжелое на каменный полъ въ церкви. Изъ церковныхъ оконъ несется быстрое бормотаніе: это отчитываютъ покойниковъ.

Мы молча стоимъ у окна и слушаемъ. Слушаемъ съ величайшимъ вниманіемъ, хотя не знаемъ, кого это пронесли только что мимо насъ. М. б., кого нибудь изъ близкихъ товарищей, сидѣвшихъ въ корпусѣ? М. б., неизвѣстнаго намъ, но духовно близкаго намъ человѣка, пришедшаго въ тюрьму тѣмъ же путемъ, какимъ шли и мы? А м. б., человѣка, принадлежащаго при жизни къ совершенно иному лику, даже къ лагерю нашихъ враговъ?

Вотъ, *служба* въ церкви кончилась. Гробы выносятъ изъ церкви. Начинаютъ звонить тюремные колокола.

Звонаремъ служитъ въ тюрьмѣ одинъ арестантъ изъ «сучьяго кутка», кандидатъ въ палачи. Звонитъ онъ очень странно. Похоронный звонъ выходитъ у него веселый и скачущій, какъ какой то разухабистый плясовой мотивъ.

Сотни разъ слышалъ я этотъ похоронный звонъ въ тюрьмѣ. И всегда производилъ онъ на меня это странное впечатлѣніе. Высокіе и мелкіе звуки, скачущіе и обгоняющіе другъ друга среди угрюмаго и тяжелаго безмолвія тюрьмы. Эти звуки какъ будто плясяли и смѣялись надъ трупомъ. Эти звуки смѣялись надъ нами, не знающими, кого выносятъ сейчасъ изъ тюремной ограды, не знающими также, когда дойдетъ очередь до каждаго изъ насъ. А м. б., эти звуки радостно смѣялись тому, что кто-то избавился отъ муки тюрьмы и выходитъ теперь за тюремныя ворота...

Со страннымъ смѣшаннымъ чувствомъ прислушивалась тюрьма къ этимъ звукамъ.

Мы прислушивались, бывало, къ этому звону, пока не замолкали въ воздухѣ послѣдніе удары.

Звонъ прекратился. Значитъ, покойниковъ вынесли за ворота. Но долго еще сохраняется подавленное настроеніе въ камерѣ. Смерть прошла слишкомъ близко къ намъ. А главное, не знаешь, кого не стало на этотъ разъ. И упорно и безплодно работаетъ голова надъ вопросомъ, кого пронесли только что въ сосновомъ гробу мимо нашего окна? Кого нѣсколько минутъ передъ тѣмъ пронесли на носилкахъ въ покойницкую?

Такъ изо дня въ день таскали мертвецовъ мимо нашего окна. Казалось, мы живемъ на кладбищѣ. Да и чѣмъ, какъ не кладбищемъ, была наша тюрьма въ это время?

Смерть была здѣсь такой частой гостьей, что мы стали уже привыкать къ ея виду...

Но вдругъ число покойниковъ необычайно увеличилось. Раньше проносили мимо нашего окна по 1, по 2,—много—много—по 3 гроба въ сутки. Теперь стали проносить по 4 гроба въ день и больше. Это увеличеніе смертности было быстро замѣчено тюрьмой. И по тюрьмѣ пронесся зловѣщій слухъ: опять появился тифъ.

Не скажу, чтобы этотъ слухъ не вызвалъ волненія въ тюрьмѣ. Но, конечно, ни у кого и мысли не явилось о томъ, что заключенные должны такъ или иначе «предотвратить» надвигающуюся опасность. Только настроеніе въ тюрьмѣ стало еще болѣе подавленнымъ, еще болѣе безнадежнымъ, чѣмъ раньше.

Мнѣ хотѣлось узнать, насколько сильна эпидемія въ тюрьмѣ. И на амбулаторномъ пріемѣ я спросилъ фельдшера:

— Что, тифозныхъ будете въ этомъ году отправлять въ земскую больницу? Или здѣсь думаете лѣчить?

Фельдшеръ сдѣлалъ удивленное лицо:

— Тифозныхъ? Какихъ тифозныхъ? Никакого тифа въ тюрьмѣ нѣтъ и въ поминѣ!..

Фельдшеръ, съ которымъ я говорилъ, поступилъ въ тюрьму всего нѣсколько недѣль передъ тѣмъ и мы считали его довольно порядочнымъ человѣкомъ.

Поэтому, я переспросилъ его:

— Вы правду говорите, что въ тюрьмѣ нѣтъ тифа? Или такъ только, по обязанности службы?

Фельдшеръ слегка смутился:

— Помилуйте! Зачѣмъ я буду врать? Честнымъ словомъ васъ увѣряю... Довольно съ васъ?

Но это было сказано такимъ тономъ, что повѣрить этому «честному слову» было довольно трудно.

Въ тотъ же день нашъ коридорный надзиратель—добродушный болтливый старичекъ—съ таинственнымъ видомъ сообщилъ намъ, что въ тюрьмѣ свирѣпствуетъ сыпной тифъ: въ больницѣ уже больше 50 человѣкъ тифозныхъ, 12 человѣкъ уже стащили въ покойницкую. Надзиратель разсказалъ намъ объ этомъ съ важнымъ и таинственнымъ видомъ, и замѣмъ прибавилъ:

— Я слыхалъ, въ конторѣ докторъ про это съ начальникомъ говорили. Больше все о томъ говорили, почему такъ всѣ больные помираютъ. За одну недѣлю 12 человѣкъ, говорятъ, больно много выходитъ. У нихъ, вишь, для мертвыхъ процентъ, что ли, такой положенъ. А выходитъ, что противъ процента этого самаго много помираютъ. Докторъ говоритъ, болѣзнь такая, что никакъ ея не сообразишь. А начальникъ на то упираетъ, что не сами-ль они, т. е. это арестанты больные, душатъ другъ друга? Я такъ про себя думаю: не иначе, какъ душатъ другъ друга. А то, съ чего бы имъ помирать? Другой больной полежитъ, полежитъ, да и поправится. А тутъ, глядь,—что ни день, то 4—5 человѣкъ задавило! Не спроста это...

Догадка надзирателя о причинахъ ужасающей смертности среди тифозныхъ арестантовъ была такъ нелѣпа, что сперва я усумнился въ правдивости всего его разсказа. Рѣшилъ провѣрить правильность его сообщенія о тифѣ въ тюрьмѣ.

На другое утро какъ разъ представился для этого подходящій случай. Къ нашей камерѣ подошелъ—не помню уже, по какому дѣлу—больничный надзиратель, Костенко. Это былъ пожилой хохолъ, невысокаго роста, плотный и грузный съ довольно благообразной физіономіей. Онъ считался въ тюрьмѣ подстаршимъ и пользовался среди надзирателей большимъ авторитетомъ, какъ человѣкъ образованный, „съ понятіемъ“ и ревностный служака. Самъ онъ тоже былъ о себѣ довольно высокаго мнѣнія. Считалъ себя знатокомъ въ медицинѣ и, на правахъ больничнаго надзирателя, нерѣдко самъ ставилъ діагнозъ больничнымъ арестантамъ.

Бывало, напр., больной арестантъ проситъ взять его въ больницу, на пріемъ къ фельдшеру. Костенко, пришедшій на корридоръ за больными, немедленно приказываетъ коридорному надзирателю:

— Отчини дверь. Тутъ хлопецъ одинъ къ фершалу проснтся.

Дежурный отворяетъ дверь. Больной выходитъ на коридоръ. Костенко осматриваетъ его „испытующимъ“ взглядомъ.

— У тебя что?

— Грудь болитъ...

— А ну, разстегни рубаху! Открой ротъ! Шире!

Пощупаетъ ребра больного, посмотритъ ого языкъ, и крикнетъ сурово:

— Чего зря къ фершалу лѣзешь, когда здоровъ совсѣмъ! Такихъ, братъ, какъ ты, больныхъ у меня полтюрьмы. Всѣхъ къ фершалу не переводишь. Дежурный, загоняй его въ камеру! Слѣдующую дверь отчини!

Такъ вотъ, этотъ самый Костенко подошелъ зачѣмъ-то къ нашей камерѣ. Дверь нашей камеры была въ то время открыта—мы выставляли ведро для воды. Я и спросилъ Костенку:

— Скажите, вѣрно, что въ тюрьмѣ тифъ?

— Не знаю, не слышалъ ничего такого...

Видя, что старикъ уклоняется отъ прямого отвѣта, я сказалъ ему:

— Какъ же вы не знаете? Завѣдующій больницей, — и, вдругъ не знаетъ, что въ больницѣ творится.

Костенко расцвѣлъ отъ удовольствія и его оффиціальную сдержанность какъ рукой сняло:

— Т. е., какъ вамъ сказать въ точности? началъ онъ: Тифъ-то онъ, точно, что тифъ... Только и на чихотку больно похожъ... Медицина, видите ли, не вполнѣ тутъ дошла. Оно больше черезъ питаніе, т. е., проще сказать, черезъ ѣду выходитъ. Какъ съ постнаго перешелъ на скоромное, или, тамъ, со скоромнаго на постное, такъ тутъ оно и схватитъ... А то, еще бываетъ, и вѣтромъ надуетъ, обыкновенно оно чихоткой туберкулезной зовется. А то вдругъ тифъ оказывается. Теперь и тифъ разный бываетъ. Это, какъ когда. Только, что помираетъ теперь народу у насъ до пропасти,—это вѣрно.

Изъ этой рѣчи, признаюсь, многаго я не понялъ. Но ясно было одно: Костенко толковалъ съ фельдшеромъ о тифѣ и отъ него набрался учености. А ни съ того, ни съ сего бесѣдовать на научныя темы съ фельдшеромъ Костенко не сталъ бы. Значитъ, въ тюрьмѣ, дѣйствительно, началась тифозная эпидемія...

Эпидемія развивалась въ тюрьмѣ съ чудовищной быстротой. И арестанты узнавали о развитіи ея по непрерывному росту числа гробовъ, отправляемыхъ ежедневно за тюремную ограду.

Но несмотря на то, что смертность въ тюрьмѣ расла съ каждымъ днемъ, ни у кого изъ арестантовъ не являлось мысли требовать отправки въ больницу тифозныхъ больныхъ.

Смерть казалась тамимъ естественнымъ явленіемъ въ тюрьмѣ—могилѣ! А инстинктъ самосохраненія давно уже заглохъ въ людяхъ, привыкшихъ считать себя обреченными смерти...

М. б., многимъ смерть рисовалась тогда, какъ желанная избавительница? Трудно припомнить всѣ подробности пережитаго два года тому назадъ кошмара. Помнится, ни у меня, ни у товарища Б. такого отношенія къ смерти не было. Но я совершенно отчетливо помню, что въ разгарѣ эпидеміи чувство самосохраненія окончательно покинуло насъ.

Помимо такой случай.

Когда эпидемія достигла такого развитія, что замалчивать существованіе тифа въ тюрьмѣ стало просто смѣшно, администрація рѣшила объявить заключеннымъ, что въ тюрьмѣ тифъ, и рекомендовать, по этому случаю, арестантамъ соблюдать извѣстныя гигіеническія правила. Поручили обойти камеры и сдѣлать арестантамъ необходимыя указанія старшему надзирателю, прославившемуся весенней бойней заключенныхъ и послѣдующими истязаніями.

Зашелъ старшій и въ нашу одиночку. На этотъ разъ онъ былъ отмѣнно вѣжливъ. Поздоровался и заявилъ:

— У насъ теперь въ тюрьмѣ тифозные есть. Такъ вотъ, чтобы зараженія не было, приказано камеры чисто держать и воды сырой не пить. На умыванье сырая вода на коридорѣ стоитъ. А ежели пить хотите, такъ кипятокъ отъ чаю оставляйте. Кипятка вамъ довольно даютъ; а сырой воды давать ужъ не будемъ.

Произнеся эту рѣчь, старшій повернулся и вышелъ изъ камеры.

Итакъ тюремное начальство заботилось о томъ, чтобы предотвратить зараженіе арестантовъ тифомъ. Правда, объ этой заботливости извѣщалъ насъ не докторъ, не фельдшеръ, а старшій надзиратель, извѣстный своей жестокостью. Но все же, заботливость администраціи было на лицо. И эта заботливость произвела на насъ впечатлѣніе грубого издѣвательства. Вѣдь тифъ начался въ тюрьмѣ на нашихъ глазахъ, и мы слишкомъ хорошо знали, кто виновники эпидеміи!

Людей заперли въ каменные мѣшки, не давали имъ дышать чистымъ воздухомъ, морили ихъ голодомъ—пока не начался среди нихъ тифъ. И когда тифъ оказался слишкомъ опасенъ, когда смертность арестантовъ превысила установленный процентъ, къ намъ приходятъ и говорятъ:

— Вамъ грозитъ опасность зараженія. Мы заботимся о вашемъ здоровьѣ. Не пейте сырой воды.

Не владѣя собой отъ бѣшенства, я вскочилъ съ мѣста и бросился къ двери, чтобы отвѣтить старшему. Но тотъ былъ уже далеко. Тогда, не отдавая себѣ отчета, къ чему это, я взялъ чайникъ, въ которомъ мы всегда держали остуженную кипяченую воду для питья, и вылилъ все содержимое его въ грязное ведро.

Мой товарищъ по одиночкѣ молча смотрѣлъ на это. И по его лицу видно было, что онъ вполнѣ одобряетъ меня. Вѣроятно, мы оба одинаково хорошо понимали, какъ нелѣпо ради протеста или изъ духа противорѣчія пить сырую воду въ разгаръ эпидеміи тифа. Но какъ то совершенно естественно вышло такъ, что съ этого дня мы перестали оставлять себѣ кипяченую воду для питья и пили только сырую нефильтрованную воду...

Вообще, до тошноты противно было принимать какія бы то ни было мѣры предосторожности противъ заразы. Противно было цѣпляться за жизнь.

Какъ-то вечеромъ и я и товарищъ Б. лежали на койкахъ и молча смотрѣли въ потолокъ—единственное, что намъ оставалось дѣлать. Вдругъ товарищъ сказалъ:

— А вѣдь хорошо было бы заразиться теперь тифомъ...

Сказалъ онъ это серьезно и искренно, какъ будто подумалъ вслухъ.

Я взглянулъ на него съ удивленіемъ. Сперва его слова показались мнѣ шуткой или нелѣпостью. Но и въ себѣ я почувствовалъ то же странное желаніе, которое только что высказалъ товарищъ.

— Да, хорошо бы, согласился я невольно. Но сейчасъ же спохватился, что это глупо, и замѣтилъ:

— Однако какая чушь намъ въ головы лѣзетъ!

— Чѣмъ же чушь? продолжалъ развивать свою мысль товарищъ: Во первыхъ, перемѣна. Затѣмъ изъ окна смотрѣть, какъ мы теперь смотримъ; во сто разъ хуже, во сто разъ тяжелѣе, чѣмъ самимъ поваляться больными... Время тоже быстрѣе прошло бы... Да и конецъ оказался бы ближе...

Товарищъ серьезно высчитывалъ преимущества тифа. Я такъ же серьезно слушалъ его. Только съ послѣднимъ доводомъ я не согласился:

— Что конецъ ближе, это ничего не значитъ. Конецъ и такъ, безъ тифа, можно сдѣлать. Это не штука. А встяхнуться, дѣйствительно, хорошо бы. Въ окно смотрѣть, въ самомъ дѣлѣ, надоѣстъ...

Я помню съ мельчайшими подробностями этотъ разговоръ. Теперь, разумѣется, онъ и мнѣ самому представляться въ вы-

сокой степени нелѣпымъ. Покончить съ собой, когда опротивѣла жизнь,—легко и разумно. Но мечтать о томъ, какъ заразиться тифомъ,—это безмыслица. Это—мечты, мало подходящія для разумныхъ и сильныхъ людей. Но эти безумныя желанія какъ-то естественноя влялись у насъ въ разгарѣ тифозной эпидеміи, когда изо дня въ день носили мимо нашего окна трупы на носилкахъ, покрытыхъ одѣяломъ, и въ сосновыхъ гробахъ.

Не мы одни поддавались этому безумію. Какъ я говорилъ уже, инстинктъ самосохраненія замеръ у отданныхъ во власть заразы арестантовъ.

За время эпидеміи было довольно много случаевъ, что тифозные умирали въ общихъ камерахъ, не обратившись ни разу ни къ врачу, ни къ фельдшеру за помощью, не спросивши ни разу изъ больницы смягчающаго страданья лѣкарства.

Одинъ такой случай я помню особенно отчетливо.

Заболѣлъ въ общей политической камерѣ молодой рабочій Николай. Онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ уже второй годъ въ ожиданіи суда. Умный, веселый парень, жизнерадостный, ласковый—онъ былъ общимъ любимцевъ въ камерѣ.

При первыхъ приступахъ болѣзни Николай догадался, что схватилъ тифъ. Онъ просилъ товарищей ничего не заявлять объ его болѣзни фельдшеру. А старшему, если тотъ застанетъ его въ безпямятствѣ, Николай просилъ говорить, что у него припадки, которые быстро проходятъ безъ всякой посторонней помощи.

И онъ лежалъ на грязныхъ нарахъ, рядомъ со здоровыми, среди шума и гама, но ни разу не обратился въ больницу. Все время онъ сохранялъ полное сознаніе, и каждый день вставалъ въ шеренгу на утреннюю и на вечернюю повѣрку.

Товарищи подносили кружку воды къ его запекшимся губамъ, когда жажда сильно мучила его. Иногда оправляли сбившееся на немъ одѣяло. Этимъ ограничивался уходъ за больнымъ.

Положеніе Николая съ каждымъ днемъ становилось болѣе тяжелымъ. И онъ былъ уже безнадежонъ, когда на 8-й или 9 день болѣзни его вызвали неожиданно на свиданіе.

Больной не слышалъ, какъ выкликалъ его фамилію надзиратоль. Но узнавъ отъ товарищей, что его зовутъ на свиданіе, онъ рѣшилъ встать. Но идти онъ уже не могъ и попросилъ товарищей довести его до двери:

— Тамъ, дальше, какъ-нибудь вдоль стѣнки проберусь. Или другіе помогутъ...

Со свиданія онъ долго не возвращался. Затѣмъ его принесли въ камеру на рукахъ: надзирателю объяснили, что парню, молъ, дурно стало отъ духоты; а въ камерѣ онъ быстро придетъ въ себя; фельдшера тревожить нечего.

Вечеромъ больной скончался.

Меня поразило въ этомъ случаѣ одно обстоятельство. Составъ общей камеры, гдѣ умеръ Николай, былъ крайне смѣшанный. Здѣсь сидѣли и партійные революціонеры, и, мирные обыватели, захваченные въ тюрьму по ошибкѣ, и эксисты, и публика совершенно неопредѣленныхъ взглядовъ, и люди съ довольно темнымъ прошлымъ, о которомъ они избѣгали говорить

съ товарищами. И вся эта разношерстая компанія знала, что здѣсь, на общихъ нарахъ, рядомъ со здоровыми, умираетъ тифозный больной,—но не требовала изолированья его. Это не было проявленіе чувства товарищества. Это было отсутствіе инстинкта самосохраненія.

Въ тюрьмѣ ходили въ то время чудовищныя слухи о тюремной больницѣ. Увѣряли, что фельдшеръ травитъ безпокойныхъ больныхъ мышьякомъ.

Я думаю что эти слухи были не болѣе достовѣрны, чѣмъ предположенія надзирателя о томъ, что тифозные больные душатъ другъ друга. Но, что фельдшеръ не разъ кричалъ на больныхъ, грозясь „заморить“ ихъ, „сгноить ихъ въ больницѣ“, если они „хоть пикнутъ“,—это фактъ.

М. б., это были просто пьяныя угрозы. Но вполнѣ понятно, что въ напряженной атмосферѣ нашей тюрьмы эти угрозы принимались за чистую монету. И этимъ опредѣлялось отношеніе арестантовъ къ тюремной больницѣ.

Въ дружныхъ политическихъ камерахъ заключенные иной разъ вполнѣ сознательно отказывались выдать въ больницу захворавшаго товарища. Тогда приходили въ протестующую камеру надзиратели, старшій—тотъ самый, который рекомендовалъ намъ не пить сырой воды,—вытаскивалъ изъ кобуры свой блестящій наганъ,—и тифознаго насильно выволокивали на коридоръ, а оттуда тащили дальше, въ больницу.

Но такія сцены разыгрывались не часто. Слишкомъ рискованно было протестовать въ нашей тюрьмѣ, да къ тому же слишкомъ очевидна была безнадожность всякаго подобнаго протеста. Отказываясь выдать въ больницу захворавшаго товарища, заключенные могли напередъ знать, что больного заберутъ отъ нихъ силой. И все же, когда заболѣвалъ товарищъ, особенно близкій и дорогой другимъ заключеннымъ, дружныя политическія камеры порой пытались отстоять его.

Тифозная эпидемія развивалась въ тюрьмѣ съ ужасающей быстротой.

Да и не могла развиватяся она тамъ, гдѣ люди были скучены въ вонючихъ каменныхъ мѣшкахъ, гдѣ нечѣмъ было дышать, гдѣ люди днемъ и ночью испытывали мучительный голодъ.

Да, въ тюрьмѣ царилъ голодъ. Царилъ голодъ, во всемъ безпощадномъ значеніи этого слова.

Хлѣбъ выдавался арестантамъ невозможнаго качества—сырой и мелкій, какъ глина. И этого хлѣба не хватало и на полдня. Къ обѣду у большинства заключенныхъ не оставалось уже ни крошки хлѣба.

На обѣдъ приносили вонючую баланду мутно сѣраго цвѣта. При одномъ видѣ ея могло стошнить непривычнаго человѣка. Но и эту баланду арестанты хлѣбали съ жадностью, стараясь захватить себѣ въ бачокъ побольше омерзительной гущи, плававшей въ мутной водѣ. Осушали бачки до дна. Но отходили отъ бачковъ голодные, т. к. и баланды было вдвое меньше, чѣмъ требовалось. Послѣ баланды полагалась каша. Но ея выдавали не больше одной ложки на человѣка. И эта сухая каша, безъ масла, прѣсная, какъ солома, перемѣшанная нерѣдко съ пескомъ

скрипѣвшимъ во рту и крошившимъ зубы, эта каша была для арестантовъ лучшимъ лакомствомъ. Вотъ и вся пища, которую получали заключенные въ №-ской тюрьмѣ...

Еще 2 раза въ день выдавался намъ кипятокъ. Но у большинства заключенныхъ (особенно, у уголовныхъ) не было ни чаю, ни сахару. И имъ приходилось либо пить изъ кружки горячую воду безъ всего, либо просто смотрѣть на эту воду: то и другое было одинаково сытно, вкусно и питательно.

Въ углу каждой камеры стоялъ ящикъ для собиранія остающихся у арестантовъ хлѣбныхъ корокъ: изъ этихъ корокъ предполагалось—не то варить квасъ, не то приготовлять пойло для свиней старшаго надзирателя. Эти ящики вѣчно оставались пустыми, т. к. арестанты съѣдали даже совершенно обгорѣлыя корки хлѣба, превратившіяся въ уголь. Если какой-нибудь счастливецъ, получившій передачу съ воли, бросалъ въ такой ящикъ негодную корку отъ своей пайки хлѣба, кто-нибудь изъ голодныхъ арестантовъ тотчасъ же вытаскивалъ эту корку изъ пыли и съѣдалъ ее...

Такъ обстояло дѣло въ большихъ общихъ камерахъ. Только въ башняхъ, да въ одиночкахъ, куда чаще всего попадала болѣе состоятельная публика, кое-гдѣ ѣли до-сыта.

Тюремный тифъ, свирѣпствовавшій въ нашей тюрьмѣ, былъ въ полномъ смыслѣ слова голоднымъ тифомъ. Да и вообще тифъ въ тюрьмахъ—вѣрный показатель того, какъ морятъ арестантовъ голодомъ. Могилы умершихъ отъ тифа арестантовъ—памятникъ тѣмъ, кто нагонялъ государственную экономію, урѣзывая нормы продовольствія заключеннымъ; памятникъ тѣмъ, кто ратовалъ за сохраненіе „карательнаго значенія“ за тюрьмой и ради этого уничтожалъ помощь заключеннымъ съ воли; памятникъ тѣмъ, кто воровалъ въ тюрьмахъ, и тѣмъ, кто держалъ завѣдомыхъ воровъ—казнокрадовъ на мѣстахъ начальниковъ тюремъ, дорожа ими, этими ворами, какъ энергичными администраторами [1])...

Впрочемъ, къ чему писать объ этомъ? Къ чему писать о томъ, что всѣмъ хорошо извѣстно?...

Вернусь къ изображенію отдѣльныхъ фактовъ.

Какъ я говорилъ уже, тифозная эпидемія развивалась въ тюрьмѣ съ ужасающей быстротой. За 3 мѣсяца изъ тысячнаго населенія тюрьмы свыше 600 человѣкъ переболѣло тифомъ. Изъ нихъ выздоровѣло меньше половины.

Администрація тюрьмы отправляла тифозныхъ въ земскую больницу. Но туда отправляли лишь малосрочныхъ, уголовныхъ, да безнадежно тяжелыхъ больныхъ, на выздоровленіе которыхъ не было уже надежды. Рѣдко-рѣдко попадали туда подслѣдственные—политическіе.

И врачъ земской лѣчебницы громко жаловался на то, что при подобныхъ условіяхъ лѣченіе больныхъ невозможно:

— Ко мнѣ, по большей части, присылаютъ больного тогда, когда его надо везти ужъ на кладбище, говорилъ онъ одному моему товарищу.

[1]) Начальникъ №-ской тюрьмы въ 1911 г. былъ отданъ подъ судъ за то, что бралъ не по чину. Не дожидаясь суда, онъ покончилъ съ собой.

Но и въ больницѣ положеніе было въ это время въ 1909 г. уже не то, что годъ тому назадъ. Хозяиномъ положенія въ больницѣ была теперь тюремная стража, а не медицинскій персоналъ.

Надзиратели ходили по палатамъ, сквернословя и покрикивая на больныхъ. Отдавали приказанія больничнымъ служителямъ; слѣдили за тѣмъ, чтобы больные смирно лежали на койкахъ, не вставали съ мѣста, не ходили по палатѣ. Иные надзиратели въ своемъ усердіи доходили до того, что не позволяли арестантамъ поднять голову съ подушки. Особенно строго слѣдилъ за поведеніемъ больныхъ арестантовъ старшій больничный надзиратель Пятковичъ.

— Чего голову подымаешь? кричалъ онъ, бывало, на больного: Текать думаешь? Дорогу высматриваешь? Я тебѣ дорогу высматрю! Лежи, стерва! Тебѣ говорятъ, а то я тебѣ разомъ уложу...

И онъ тыкалъ револьверомъ въ лицо больного.

И часто оказывалось, что больной, на котораго онъ кричитъ, молится на койкѣ въ бреду. Больныхъ вставшихъ въ бреду съ койки—какъ это нерѣдко бываетъ съ тифозными—Пятковичъ билъ и собственно ручно укладывалъ на мѣсто.

Врачебный персоналъ больницы видѣлъ все это, но, повидимому, не могъ ничего подѣлать противъ этихъ безобразій. Пятковичъ вмѣшивался и въ чисто врачебные вопросы: онъ указывалъ, напр., врачу, какого больного когда выписать изъ больницы. И врачъ послушно выполнялъ его приказанія! очевидно, не послушаться Пятковича для врача было невозможно...

Для характеристики того, какъ цѣнила администраія это ретиваго надзирателя, разскажу одинъ случай.

Какъ-то изъ земской больницѣ выписали двухъ арестантовъ: только что оправившихся отъ тифа. Нужно было отвезти ихъ изъ больницы обратно въ тюрьму. Т. к. оба арестанта были политическіе, то доставку ихъ въ тюрьму поручили самому Пятковичу и еще одному надзирателю, такому же энергичному и надежному. Везти арестантовъ нужно было вечеромъ, и до вечера оба конвоира напились, что называется, вдрызгъ.

Тѣмъ не менѣе, изъ больницы имъ выдали обоихъ больныхъ.

Надзиратели усадили арестантовъ на подводу, сѣли сами и поѣхали. По дорогѣ они вынули свои наганы и начали бить арестантовъ. Приложатъ револьверъ къ виску арестанта и спрашиваютъ:

— Чѣмъ пахнетъ? Говори, чѣмъ пахнетъ!

Арестантъ молчитъ. Тогда Пятковичъ самъ отвѣчаетъ:

— Смертью пахнетъ! Смертью пахнетъ! Смертью пахнетъ.

И съ каждымъ разомъ оба надзирателя бьютъ арестантовъ рулами и рукоятками своихъ нагановъ по лицу и по головѣ.

Это—забава, широко распространенная среди надзирателей дусскихъ тюремъ. Увлекались этой забавой и надзиратели Н-ской тюрьмы. И обыкновенно это сходило имъ съ рукъ. Но на этотъ разъ получился скандалъ.

„Выздоровѣвшіе“ арестанты были доставлены изъ больницы въ тюрьму въ полубезсознательномъ состояніи, залитые кровью, съ проломленными головами. Привезли ихъ въ тюрьму уже ночью. Замѣтивъ, въ какомъ видѣ доставлены арестанты изъ больницы, старикъ—подворотній отказался принять ихъ, вызвалъ подъ ворота дежурнаго помощника и настоялъ на составленіи протокола.

Замять эту исторію не удалось, и дѣло перешло къ судебному слѣдователю. На допросѣ Пятковичъ съ апломбомъ показалъ, что арестанты обили себѣ головы о края телѣги, т. к. дорога была ухабистая, а сѣна въ телѣгу положили недостаточно. Но второй надзиратель выдалъ Пятковича.

— Выпили мы маленько, признался онъ, и, дѣйствительно, побили арестантовъ. Больно ужъ зло взяло на нихъ: ругались они на насъ, собаками называли.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этой исторіи обходилъ камеры мѣстный тюремный инспекторъ Ф., господинъ, получившій университетское образованіе, и потому старавшійся держаться „либерально“. Товарищи сообщили ему о томъ, какъ обращается Пятковичъ съ больными, разсказали и про этотъ случай.

— Я согласенъ, господа, что это недопустимо, отвѣтилъ инспекторъ: Но дѣло уже передано судебному слѣдователю. Надзирателей будутъ судить. Дальше отъ меня ничто не зависитъ.

— Но вѣдь пока что оба надзирателя продолжаютъ служить, замѣтилъ ему одинъ изъ политическихъ: А пока они служатъ, любому изъ насъ грозитъ то-же, что постигло нашихъ товарищей.

Инспекторъ подумалъ немного, и потомъ сказалъ, обращаясь къ начальнику тюрьмы:

— Послушайте, устраните какъ нибудь этихъ двухъ впредь до суда... Замѣнить ихъ есть кѣмъ.

— Слушаюсь! отвѣчалъ начальникъ.

Но надзиратели продолжали служить. А Пятковичъ продолжалъ избивать больныхъ арестантовъ съ удвоенной энергіей.

Такъ прошелъ мѣсяцъ.

Снова пріѣхалъ въ тюрьму либералъ-инспекторъ. Политическіе снова принесли ему жалобу на подвиги Пятковича.

— Я же велѣлъ уволить обоихъ надзирателей, съ удивленіемъ замѣтилъ инспекторъ, обращаясь къ смотрителю: Развѣ вы ихъ не уволили.

— Такъ точно: Ваше Превосходительство, уволилъ Въ тотъ же день. какъ вы изволили приказать.

— Какъ же они у васъ продолжаютъ служить?

— Съ увольненіемъ ихъ открылись вокансіи. Такъ вмѣсто того, чтобы замѣстить ихъ неопытными людьми, не знающими службы, я ихъ и принялъ отратно. Въ интересахъ службы... Давнишній опытъ, превосходныя аттестаціи...

Тогда инспекторп сказалъ арестантамъ.

— Видите, господа, мое приказаніе выполнено въ точности. Я вашу просьбу исполнилъ. А связывать начальника въ выборѣ надзирателей я не имѣю никакого права: вѣдь за тюрьму онъ отвѣчаетъ...

Съ этими словами инспекторъ вышелъ изъ камеры.

Больные арестанты оставались въ надежныхъ рукахъ.

Эпидемія въ тюрьмѣ все развивалась и развивалась пока не достигла высшей точки. За одинъ день въ тюрьмѣ оказалось 11 умершихъ. За слѣдующія сутки число умершихъ поднялось до 12.

Это было уже немножко множко, даже съ точки зрѣнія людей, вводившихъ голоданіе арестантовъ, а слѣдовательно и тюремный тифъ, въ свою программу. Здѣсь вступала въ свои права ариѳметика: Если за два дня умерло 23 человѣка, то чезъ какихъ нибудь $1^1/_2$ мѣсяца отъ тысячнаго населенія тюрьмы можетъ не остаться въ живыхъ ни одной души...

Объ этомъ приходилось серьезно подумать.

Въ виду чрезвычайности создавшагося положенія въ тюрьму пріѣхалъ губернаторъ, бравый старикъ, высокого роста, плотный, осанистый и очень представительный, несмотря на то, что лицо у него было слишкомъ толстое и красное. Обошелъ и осмотрѣлъ тюремные камеры, которыя были къ его пріѣзду тщательно прибраны и продензифицированы. Отдалъ распоряженіе, и уѣхалъ.

Черезъ нѣсколько дней тюрьма была взволнована неожиданнымъ извѣстіемъ: прошелъ слухъ, что губернаторъ заразился у насъ въ тюрьмѣ тифомъ. Никогда даже самые фантастическіе слухи объ амнистіи не вызывали даже въ тюрьмѣ такого восторга и ликованія, какъ это извѣстіе.

Губернаторъ схватилъ болѣзнь, предназначавшуюся для арестантовъ. Составлялись шуточные пари: выживетъ ли губернаторъ, или „подохнетъ“.

Черезъ недѣлю губернаторъ благополучно померъ: видно, онъ оказался слишкомъ полнокровнымъ, чтобы перенести высокій жаръ, связанный съ тифомъ. Нечего говорить, что всѣ газеты посвятили скончавшемуся губернатору прочувствованныя статьи; оказалось, что онъ палъ на своемъ посту, палъ, какъ жертва служебнаго дома, какъ жертва своихъ великодушныхъ заботъ о заключенныхъ...

Эти дни оживленіе царило въ тюрьмѣ, хотя смерть продолжала косить свои жертвы. На всевозможные лады перебирали арестанты сложившееся положеніе; развели въ тюрьмѣ тифъ, да перестарались до такой степени, что тифъ задавилъ самого г. начальника губерніи.

Но послѣ того, какъ губернаторъ палъ жертвой служебнаго долга, администрація принялась за энергичную борьбу съ эпидеміей. Всѣхъ больныхъ (даже осужденныхъ уже смертниковъ) перевели въ лечебницу. Улучшили питаніе арестантовъ. Стали тщательно дезинфицировать камеры. Разрѣшили передачу пищи съ воли. Улучшили и увеличили прогулки.

Тифъ сталъ ослабѣвать. И вскорѣ эпидемія прекратилась.

Впослѣдствіи всѣ арестанты, вышедшіе живыми изъ Н-ской тюрьмы, вспоминали о покойномъ губернаторѣ не иначе, какъ съ чувствомъ глубокой благодарности. Какъ-никакъ а онъ сдѣлалъ одно большое доброе дѣло: не заболѣй онъ тифомъ, не умри онъ такъ своевременно, тифъ, по всей вѣроятности, продол-

жался бы въ тюрьмѣ и задушилъ бы всѣхъ насъ, заключенныхъ.

Въ день похоронъ губернатора одинъ товарищъ сказалъ:

Спи спокойно въ сырой землѣ, жертва самоотверженныхъ заботъ объ узникахъ! Пусть земля лежитъ надъ твоимъ прахомъ такъ же легко, какъ легко лежитъ она надъ костями всѣхъ заморенныхъ тобою.

В. Войтинскій.

Пролетаріатъ и культура. [1])

Тов. Потресовъ затронулъ очень интересный вопросъ: творитъ ли и сотворитъ ли пролетаріатъ *свою* культуру внутри нынѣшняго строя? — Вопросъ, конечно, не имѣетъ у насъ сколько нибудь крупнаго практическаго значенія — какая можетъ быть въ дикой Россіи пролетарская культура, когда у насъ нѣтъ простѣйшихъ предпосылокъ для буржуазной культуры и царитъ самое доподлинное средневѣковье! Но разъ проблема поставлена, надо ее такъ или иначе разрѣшить. Намъ думается, что въ данномъ случаѣ тов. Потресовъ далъ ей невѣрное, неправильное освѣщеніе.

Проблема сама по себѣ несомнѣнно очень глубокая: изслѣдователь долженъ прослѣдить, какъ внутри стараго общества рождаются первые признаки новаго, какъ эти признаки растутъ и развиваются, какъ воздѣйствуютъ новыя явленія на существующій еще строй. Пусть тов. Потресовъ припомнитъ — о чемъ онъ, повидимому, не думалъ, когда писалъ свои статьи — эпоху возрожденія 15 и 16 вѣка. Не найдетъ ли онъ тамъ безконечный рядъ указаній, какъ внутри стараго организма (средневѣковья), еще совершенно живучаго и крѣпкаго, медленно, постепенно расли и развивались зачатки новой — буржуазной — культуры, какъ „новый духъ“ постепенно захватывалъ одну область за другой, видоизмѣняя ее и приспособляя къ новой жизни, новымъ условіямъ. Культурные перевороты сопровождались и заканчивались политическими революціями, въ 17 вѣкѣ въ Англіи, въ 18—во Франціи и т. д.

Развѣ въ Россіи зачатки буржуазной культуры не появились и не развились безконечно раньше, чѣмъ политическій буржуазный порядокъ, котораго собственно и посейчасъ еще нѣтъ у насъ? Развѣ средневѣковый общественный укладъ могъ помѣшать у насъ могучему проявленію литературы, искусства, науки?

Но разъ это такъ, разъ внутри стараго строя до сихъ поръ могли и могутъ развиваться культурные предпосылки новаго, почему же тов. Потресовъ такъ безнадежно смотритъ на культуру соціалистическаго строя? Почему онъ думаетъ, что буржуазія *могла* создать и создала свою культуру внутри средневѣковья, а пролетаріатъ не сможетъ сдѣлать это внутри буржуазнаго строя?

[1]) *Примѣч. ред.* Отвѣтъ А. Н. Потресова на эту статью, какъ и другимъ его критикамъ будетъ напечатанъ въ февр. Кн. „Н. З.“

Попробуемъ разобраться въ этихъ недоумѣнныхъ, невольно возникающихъ вопросахъ.

Прежде всего, кто является фактическимъ носителемъ и творцомъ буржуазной культуры? Купцы, фабриканты, банкиры съ ихъ чадами и домочадцами? — Нѣтъ, конечно, — художники, поэты, ученые врачи, инженеры и т. д., и т. д., тысячеголовая масса интеллигенціи, пришедшей на службу *капиталу* изъ разныхъ слоевъ, круговъ и классовъ. Именно *они* созидаютъ, изобрѣтаютъ, творятъ, а буржуазія платитъ и потребляетъ. Господствующій классъ имѣетъ своихъ ученыхъ и своихъ художниковъ. Но по мѣрѣ того, какъ внутри даннаго строя нарождаются новыя общественныя силы, эти силы все больше и больше получаютъ возможность создавать *своихъ* идеологовъ, къ нимъ изъ другихъ слоевъ и классовъ все больше и больше притекаетъ интеллигенція, становящаяся на позицію новаго строя. И чѣмъ сильнѣе, могучѣе и глубже растутъ новые классы, тѣмъ больше они имѣютъ возможность содержать своихъ идеологовъ, тѣмъ разнообразнѣе области этой идеологіи, тѣмъ ярче и опредѣленнѣе проявленія новой культуры внутри стараго строя.

Пусть тов. Потресовъ съ этой точки зрѣнія пересмотритъ возникновеніе и развитіе буржуазной науки и буржуазнаго искусства и онъ, конечно, увидитъ, какъ по мѣрѣ роста буржуазіи средневѣковые вкусы и взгляды постепенно отступали подъ напоромъ новыхъ силъ, и наука и искусство переходили отъ службы двору и дворянству на службу буржуазіи.

Но у пролетаріата, думаетъ тов. Потресовъ, ничего подобнаго нѣтъ и быть не можетъ вплоть до наступленія переходной эпохи, соціальной революціи. Вѣрно ли такое смѣлое утвержденіе? Не имѣемъ ли мы уже теперь рядъ данныхъ, противорѣчащихъ этому непроходимому пессимизму?

Въ одной отрасли культуры, въ сферѣ политики, пролетаріатъ уже создалъ свои, въ высшей степени благородныя формы: соц.-демократическій политикъ — символъ честности, безкорыстія, замѣчательнаго благоразумія, сочетающагося съ страстной борьбой и съ безконечной преданностью дѣлу пролетаріата. Тов. Потресовъ это охотно признаетъ. Слишкомъ самоочевидны признаки культуры въ этой сферѣ, чтобы въ ихъ существованіи можно было сомнѣваться. Но что значитъ такое созданіе новаго культурнаго типа — политика? — Это значитъ, что *до сихъ поръ* рабочему классу приходилось *всѣ свои силы* сосредоточивать на политической борьбѣ, на борьбѣ за свое *самостоятельное* существованіе внутри современнаго строя. Силъ на *другія* формы борьбы, на другія стороны культурнаго бытія почти не оставалось. Но теперь почти во всѣхъ капиталистическихъ странахъ пролетаріатъ уже завоевалъ себѣ право на самостоятельное развитіе. Теперь онъ можетъ, повидимому, начать развивать и иныя формы культуры.

Конечно, вполнѣ вѣроятно, что эти формы не достигнутъ такого совершеннаго развитія, какъ сфера политики, но думать,

что онѣ вовсе расти не могутъ, нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній.

Возьмемъ наиболѣе развитую изъ всѣхъ соц.-демократій, германскую. Мы видимъ здѣсь длинный рядъ очень характерныхъ явленій, свидѣтельствующихъ о громадномъ *усложненіи* формъ движенія, о перенесеніи его изъ сферы политической и экономической въ другія, до сихъ поръ незатрагивавшіяся. Мы видимъ здѣсь постепенную эволюцію, безостановочное развитіе и вширь и вглубь.

Чрезвычайно характернымъ въ этомъ развитіи является быстрое возрастаніе спроса на интеллигентскія силы и соотвѣтственно этому быстрый ростъ предложенія. По мѣрѣ того, какъ рабочій классъ начинаетъ усиливать свою дѣятельность въ различныхъ областяхъ движенія, по мѣрѣ этого усиливается сюда притокъ интеллигентскихъ силъ, становящихся на пролетарскую точку зрѣнія, отстаивающихъ интересы пролетаріата, находящихся на службѣ у него. И, чѣмъ развитѣе та или иная сторона движенія, чѣмъ больше тратитъ на нее пролетаріатъ силъ и средствъ, чѣмъ больше онъ можетъ содержать и поддерживать лицъ, занятыхъ въ данномъ, дѣлѣ, тѣмъ сильнѣе привлекаетъ онъ спеціалистовъ со стороны и тѣмъ больше вырабатываетъ ихъ изъ своей среды. И обратно, чѣмъ меньше силъ и средствъ сознательный пролетаріатъ отдаетъ какой-либо сторонѣ культуры, тѣмъ меньше туда притекаетъ силъ, тѣмъ она развивается слабѣе.

Такимъ образомъ, вопросъ сводится исключительно и единственно къ одному: какого могущества и сознательности достигнетъ и можетъ достигнуть рабочій классъ внутри капиталистическаго строя? Будетъ ли это могущество настолько велико, что онъ разовьетъ самыя разнообразныя отрасли культуры?

Повторяемъ, было бы совершенно ошибочно думать, будто вся суть заключается въ томъ, что пролетаріатъ исключительно *изъ своей среды* выдвинетъ художниковъ, музыкантовъ, поэтовъ. Было бы чудовищно думать, что при нынѣшнихъ условіяхъ физическаго труда, при ростѣ эксплоатаціи, при непрерывно ростущей интенсификаціи и производительности фабричной работы, пролетаріатъ могъ бы выдѣлить значительное количество геніевъ искусства. Тутъ, конечно, возможны только рѣдкія исключенія. Но все говоритъ за то, что такіе кадры пролетарскихъ представителей искусства могутъ создаться и создадутся изъ среды многочисленой интеллигенціи, становящейся на точку зрѣнія четвертаго сословія.

У насъ на глазахъ въ Германіи такая интеллигенція образуется. Она рекрутируется двоякимъ путемъ. Съ одной стороны, къ ней притекаютъ отщепенцы изъ другихъ общественныхъ классовъ, съ другой—дѣти пролетаріата, соціалъ-демократы второго и третьяго поколѣнія. Движеніе достигло уже такой силы, что оно содержитъ сотни такъ называемыхъ функціонеровъ: редакторовъ газетъ, депутатовъ, партійныхъ секретарей, членовъ правленій профессіональныхъ союзовъ, предсѣдателей страховыхъ кассъ и т. д. Всѣ они живутъ какъ средніе интеллигенты, воспитываютъ и обучаютъ дѣтей въ среднихъ и даже высшихъ школахъ. Такимъ образомъ, постепенно подготовляется довольно обширный кругъ лицъ, съ дѣтства воспитывающихся въ кругу с.-д. идей, будущихъ с.-д. идеологовъ, настоящихъ с.-д. интеллигентовъ.

Что германская соц.-демократія поглощаетъ все большее количество интеллигентскаго труда—несомнѣнно, притомъ не только въ сферѣ политики, но постепенно и въ рядѣ другихъ областей. Литераторы и ученые, такія имена, какъ Каутскій, Гильфердингъ, Мерингъ, Зюдекумъ и десятки другихъ, создали соц.-демократіи уваженіе даже среди ея враговъ. Партія начинаетъ притягивать теперь врачей, адвокатовъ, инженеровъ, педагоговъ. Раньше ея силы уходили исключительно на политику и политическую борьбу, теперь она въ той или иной формѣ затрагиваетъ и другія стороны жизни.

Новые виды движенія выдвигаютъ новыхъ дѣятелей. Имена педагоговъ Генриха Шульца, (с.-д. министра народнаго просвѣщенія, какъ его въ шутку называютъ), Рюле, Юргена Бранта извѣстны далеко за предѣлами соц.-демократіи, а ихъ работы по школьному вопросу и педагогикѣ закладываютъ новыя идеи, новый фундаментъ для свѣтлой школы будущаго. Адвокаты Газе, Гейне, Либкнехтъ и другіе—не только видные политическіе дѣятели, но и извѣстные юристы и т. д., и т. д.

Тутъ насъ прерываетъ тов. Потресовъ: но позвольте, вы говорите не на тему, ибо я указывалъ на поэтовъ, художниковъ, музыкантовъ, а вы толкуете о такихъ прозаическихъ товарищахъ, какъ врачи, адвокаты или учителя!—Но позвольте, тов. Потресовъ, я говорю именно на тему: я показываю, какъ постепенно, по мѣрѣ роста рабочаго движенія спросъ все возросталъ, какъ онъ удовлетворялся все большимъ предложеніемъ, какъ пролетаріатъ содержитъ все большее количество разнообразныхъ силъ, обслуживающихъ его.

Лѣтъ десять назадъ имперскій канцлеръ Бюловъ доказывалъ, что с.-д. не справятся съ управленіемъ страной, такъ какъ у нихъ не будетъ опытныхъ чиновниковъ и министровъ. На это покойный Бебель остроумно замѣтилъ: чиновники и министры будутъ точно также служить послѣ, какъ теперь служатъ существующему порядку, лишь бы мы имѣли возможность содержать ихъ. Тоже самое я позволю себѣ сказать и тов. Потресову: художники и поэты, музыканты и романисты будутъ служить пролетаріату въ достаточномъ количествѣ, создадутъ новыя школы и теченія, въ мѣдныя и въ іерихонскія трубы будутъ трубить о новомъ строѣ и новой жизни, лишь только пролетаріатъ найдетъ достаточно силъ содержать ихъ.

До адвокатовъ, врачей, педагоговъ пролетаріатъ уже доросъ, постепенно, медленно, путемъ тяжелой, упорной борьбы. Что мѣшаетъ ему пойти дальше въ этомъ направленіи?

Только недавно с.-д. организаціи начали культивировать музыку въ рабочей средѣ, и сразу же натолкнулись на безконечно благодарную аудиторію. Авторъ настоящихъ строкъ—непроходимый „ликвидаторъ“. Въ качествѣ такового ему не разъ въ самые темные годы реакціи (1908—1910) приходилось бывать въ рабочихъ петербургскихъ клубахъ на музыкальныхъ вечерахъ. Кажется, никогда мнѣ музыка не казалась такою дѣйственною, жизнеутверждающею, какъ въ этихъ небольшихъ душныхъ ком-

натахъ, переполненныхъ публикой, съ безконечнымъ интересомъ и вниманіемъ слушающей Бетховена или Чайковскаго.

Въ Германіи мнѣ дважды пришлось слушать знаменитую девятую симфонію Бетховена, одинъ разъ среди буржуазной публики на знаменитыхъ лейпцигскихъ концертахъ подъ управленіемъ еще болѣе знаменитаго Никиша, другой разъ—въ громадномъ концертномъ залѣ въ Берлинѣ при участіи рабочихъ хоровъ и оркестра (около 500 человѣкъ) при простомъ хорошемъ дирижерѣ. Надо было самому присутствовать въ залѣ, чтобы пережить вмѣстѣ съ пятитысячной толпой восторгъ и наслажденіе, значительно превосходящіе то, что испытывала буржуазная публика отъ несравненной игры Никиша. Пролетарская аудиторія оказалась неизмѣримо болѣе чуткой и воспріимчивой, чѣмъ пресыщенная буржуазная.

Пролетаріату въ его культурномъ подъемѣ нужно искусство, также какъ политика. Конечно, онъ еще не создалъ своей школы, потому что потребность проявилась недавно. На іенскомъ партейтагѣ 1913 г. правленіе партіи внесло предложеніе: создать иллюстрированный еженедѣльникъ, издаваемый по послѣднему слову типографскаго искусства, который содержалъ бы научный и художественный отдѣлы и за 25 пфенниговъ (12 коп.) давалъ бы лучшее, что есть въ этихъ областяхъ. Всѣ признавали важность и необходимость такого художественнаго изданія, но пока вопросъ отложили: надвинулся экономическій кризисъ, и журналъ не можетъ при такихъ условіяхъ разсчитывать на массовое потребленіе.

Но несомнѣнно, что черезъ годъ—два еженедѣльникъ начнетъ выходить. Онъ потребуетъ своихъ художниковъ, рисовальщиковъ, граверовъ. Создастся спросъ и не замедлитъ появиться предложеніе: появятся с.-д. художники. Но это вѣдь только первая ласточка. Движеніе растетъ неудержимо, культурность пролетаріата быстро поднимается. Рекомендую тов. Потресову побывать въ Берлинѣ или Лейпцигѣ на выставкахъ образцовыхъ квартиръ для рабочихъ. Онъ найдетъ тамъ не только предметы мѣщанскаго комфорта, о которыхъ онъ говоритъ, но и рядъ художественныхъ гравюръ.

Мнѣ весною прошлаго года пришлось быть въ маленькомъ саксонскомъ городкѣ Ризѣ въ складѣ центральнаго закупочнаго товарищества потребительныхъ рабочихъ обществъ. Учрежденіе въ высшей степени прозаическое, хотя и устроенное по всѣмъ правиламъ техники.

Насъ долго водили по складамъ и показывали всякія чудеса. Наконецъ управляющій говоритъ: „теперь я покажу вамъ нашу гордость“. Знаете, что является гордостью рабочаго потребительнаго общества: обширный залъ засѣданій совѣта, уставленный художественной мебелью, лампами, сдѣланными по рисункамъ художника, производящій импозантное впечатлѣніе. Когда я нѣсколько неловко замѣтилъ, что это, вѣроятно, стоитъ дорого, то получилъ гордый отвѣтъ: мы, рабочіе, любимъ красоту, какъ и представители другихъ классовъ.

У меня на стѣнѣ виситъ календарь, приложеніе къ „Vorwärts“. Сдѣланъ онъ очень художественно, по красивому рисунку. Сравните этотъ календарь съ тѣмъ кускомъ картона, на которомъ печатались всего 3—5 лѣтъ назадъ мѣсяцы и дни, и вы сразу увидите, что требованія рабочихъ поднялись, и издательство стремится удовлетворить ихъ.

Зайдите въ партійные книжные магазины. На ряду съ книгами, вы найдете на стѣнахъ массу художественныхъ гравюръ на продажу. Сравнительно недавно вы бы ихъ тамъ не нашли. Съ ростомъ культуры появился спросъ и на произведенія искусства. Сравните старыя партійныя изданія Дица съ аляповатыми, грубоватыми, рисунками и новѣйшія, стремящіяся сдѣлать книгу изящной, красивой, художественно выполненной.

Я бы могъ подобрать многое множество такихъ фактовъ. Всѣ они свидѣтельствуютъ объ одномъ: въ своемъ постепенномъ развитіи рабочее движеніе Германіи подняло пролетарскую культуру на столько, что за послѣдніе годы въ достаточно широкихъ кругахъ пролетаріата начали культивироваться и расти эстетическія потребности.

Конечно, до самостоятельныхъ художественныхъ школъ еще очень далеко, но все движеніе еще совсѣмъ новое, молодое. Нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ, чтобы пессимистически отрицать возможность его роста и развитія. Наоборотъ, горячій интересъ и быстрый подъемъ говорятъ за то, что эта самая молодая отрасль пролетарской культуры дастъ еще красивые, благоуханные цвѣты.

Пусть Верхарны и Анатоли Франсы, лучшіе поэты современности, близко стоящіе къ соціализму, еще идеалисты—одиночки, пусть они пока случайное явленіе въ современномъ искусствѣ. Пролетаріатъ культурно поднимается, и, можетъ быть, не далеко то время, когда появятся не одиночки, а цѣлая плеяда соціалистическихъ художниковъ.

Это не значитъ, конечно, что интеллигенты—художники, часто пришедшіе со стороны, будутъ навязывать свои вкусы рабочимъ. Произойдетъ, какъ и во всѣхъ другихъ областяхъ, взаимодѣйствіе: художникъ отдастъ на служеніе пролетаріату свой талантъ, пролетаріатъ дастъ этому таланту *содержаніе*. Такъ было, такъ будетъ. Не боясь ни какихъ упрековъ въ ревизіонизмѣ и прочихъ грѣхахъ, мы можемъ сказать: больше всего вѣроятія, что пролетаріатъ въ борьбѣ съ существующимъ строемъ достигнетъ такого культурнаго подъема, что будетъ въ состояніи поддерживать и содержать своихъ идеологовъ искусства, какъ онъ уже теперь имѣетъ своихъ ученыхъ, политиковъ, врачей, адвокатовъ и т. д., и т. д.

Свѣтлое царство соціализма онъ встрѣтитъ не въ замасленной куртке и рваномъ картузѣ, а въ прочно, красиво сшитой одеждѣ, сотканной изъ могучаго духа пролетарскаго единства, изъ крѣпкихъ и сильныхъ организацій, изъ многочисленныхъ радостныхъ проявленій пролетарской культуры, ибо побѣждаютъ не слабые и темные, а сильные, крѣпкіе и развитые.

Я. Пилецкій.

Съѣздъ народныхъ учителей.

„Велико общественное значеніе этого съѣзда, писала въ день его открытія „Новая Рабочая Газета“ (въ статьѣ Л. М.). Во всемъ мірѣ народный учитель явился въ извѣстную историческую эпоху важнѣйшимъ и дѣятельнѣйшимъ проводникомъ общественнаго прогресса. Ему принадлежитъ наибольшая заслуга въ дѣлѣ вовлеченія въ историческую сознательно-общественную жизнь тѣхъ крестьянскихъ и мѣщанскихъ массъ, которыя ходомъ капитализма оставлены въ сторонѣ отъ большой дороги капиталистическаго прогресса“.

„Школьный учитель, откликалось на противоположномъ политическомъ крылѣ—„Новое Время“ (въ статьѣ И. Гофштеттера), въ современной жизни совсѣмъ не какая-нибудь ни къ чему ненужная пустяковина. Онъ—главный рычагъ народнаго прогресса, главный подготовитель всѣхъ національныхъ успѣховъ и побѣдъ. Въ напряженной борьбѣ народовъ не только за господство, но и за самое существованіе на землѣ, онъ играетъ огромную, можетъ быть рѣшающую роль“.

При такомъ единодушномъ признаніи въ самыхъ противоположныхъ лагеряхъ и съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія огромнаго общественно-политическаго значенія народно-учительской массы, дѣлаетесь понятнымъ интересъ, который возбудилъ къ себѣ, повсемѣстно, рождественскій съѣздъ по народному образованію. Чѣмъ живетъ, какимъ богамъ молится, что несетъ въ алчущую знанія народную массу—та 160-ти тысячная учительская армія, которую, по волѣ государственно-экономической необходимости и настойчивыхъ требованій народа, господствующіе слои вынуждены были двинуть на борьбу съ деревенскою темнотою, кто они—эти дѣти деревни, почти на половину выходящіе изъ крестьянскаго сословія, и въ тоже время ея ближайшіе совѣтники, защитники и руководители,—такіе вопросы неизбѣжно возникали при видѣ пестрой семитысячной массы учительской молодежи, затопившей своимъ шумнымъ, говорливымъ потокомъ крупнѣйшія аудиторіи столицы.

Когда теперь, по окончаніи съѣзда, подводишь итоги отдѣльнымъ разорваннымъ наблюденіямъ и пытаешься формулировать точные отвѣты на поставленные выше вопросы, приходишь къ заключенію, что съѣздъ не далъ для того достаточно полнаго, отчетливаго матеріала.

Несомнѣнно, конечно, что всѣ попытки использовать съѣздъ для демонстраціи лойальности учительской массы по отношенію къ третьеюньскому режиму и его представителямъ, не нашли въ учительской средѣ себѣ отклика. Въ стремленіи къ созданію національно-патріотическаго ансамбля на съѣздѣ не было недостатка.

Въ правительственныхъ кругахъ могла казаться очень заманчивой мечта о парадированіи учительской массы вслѣдъ за колесницей современнаго національнаго режима въ качествѣ апостоловъ великодержавной идеи, въ образѣ тѣхъ легендарныхъ прусскихъ учителей, которые вмѣстѣ съ Мольтке разбивали подъ Седаномъ французскую армію и вмѣстѣ съ Бисмаркомъ объединяли Германію подъ главенствомъ прусскаго юнкерства.

Характерными, поэтому, являются не многочисленныя старыя полицейско-бюрократическія преграды, воздвигнутыя на пути съѣздовской работы, начиная съ отказовъ въ дачѣ отпусковъ учителямъ инспекторами и кончая шпіонствомъ на самомъ съѣздѣ, а наоборотъ тѣ небывалыя до сихъ поръ, хотя и робкія и неувѣренныя, попытки доброжелательнаго отношенія, о которыхъ мы говорили выше. Увы, онѣ не имѣли успѣха. Съѣздъ холодно отнесся къ оказаннымъ ему знакамъ милости и всѣ попытки патріотическихъ манифестацій, легшія несомнѣнно досаднымъ пятномъ на чистой политически работѣ съѣзда, въ существѣ своемъ остались все же только частнымъ дѣломъ предсѣдателя и его ближайшихъ соратниковъ.

Посколько съѣздъ подходилъ къ наиболѣе острымъ вопросамъ современной политики, онъ неизмѣнно и дружно голосовалъ за крайній лѣвый путь ихъ разрѣшенія. Онъ единодушно, съ разныхъ сторонъ подходя къ этому вопросу, высказался за демократизацію земствъ, за созданіе мелкой земской единицы, за распространеніе земства на неземскія губерніи. Онъ категорически, несмотря на упорное стремленіе оффиціальныхъ съѣздовскихъ круговъ, подавленныхъ идеей береженія съѣзда, не допустить этого вопроса до обсужденія и голосованія, осудилъ церковно-приходскія школы и потребовалъ объединенія школьнаго дѣла въ рукахъ министерства и земства. Съѣздъ высказался за передачу завѣдыванія школьными дѣлами въ руки демократизированныхъ самоуправленій. Онъ горячо осудилъ сословность школы и высказался за всеобщее обязательное обученіе; съѣздъ принялъ требованіе о запрещеніи дѣтскаго труда до 16 лѣтъ и реорганизаціи въ связи съ этимъ фабричной инспекціи на основѣ рабочаго представительства. Предложенія объ улучшеніи матеріальнаго и правового положенія учителя и права его на самое широкое объединеніе также нашли себѣ его поддержку. Много разъ въ разныхъ секціяхъ съѣздъ высказывался за созданіе профессіональнаго учительскаго союза. Съѣздъ высказался за привлеченіе населенія къ участію въ проведеніи школьнаго обученія, принявъ резолюцію (въ хозяйственной секціи) о созданіи школьныхъ попечительствъ и объ участіи ихъ представителей въ земскихъ школьныхъ комиссіяхъ, и потребовалъ (въ 1-й секціи) права свободнаго устройства родительскихъ собраній. Въ секціяхъ съѣзда были приняты резолюціи о преподаваніи въ начальной школѣ на родномъ языкѣ, объ организаціи соотвѣтствующей подготовки учителей

для инородческихъ школъ и пр. Наконецъ, въ нѣсколькихъ секціяхъ было констатировано, что только „обновленіе всего государственнаго организма“ можетъ создать условія, необходимыя для нормальной постановки народнаго образованія.

Нѣтъ возможности перечислять другія, болѣе или менѣе серьезныя, резолюціи по отдѣльнымъ вопросамъ, обсуждавшимся на съѣздѣ. Общій характеръ постановленій несомнѣнно свидѣтельствуетъ о демократическихъ настроеніяхъ съѣзда. Несмотря на опредѣленныя стремленія въ отдѣльныхъ секціяхъ вытравить болѣе или менѣе рѣшительныя проявленія демократическаго духа изъ секціонныхъ постановленій, послѣднія оказались все же окрашенными въ столь яркіе цвѣта, что предсѣдатель съѣзда съ его помощниками счелъ необходимымъ сначала отказать общему собранію съѣзда въ правѣ проголосовать и тѣмъ утвердить своимъ авторитетомъ резолюціи секцій, а затѣмъ и просто въ правѣ ознакомиться съ ними, прервавъ ихъ оглашеніе на серединѣ.

Резолюціи, конечно, не даютъ полнаго представленія о настроеніи съѣзда. Цѣлый рядъ мнѣній, дебатовъ, болѣе или менѣе рѣзкихъ конфликтовъ не зафиксированъ въ резолюціяхъ. Безпощадная „дѣловая“, вооруженная съ головы до ногъ живымъ оружіемъ фактовъ, критика современной русской дѣйствительности составляла основной фонъ преній на самыя казалось бы спокойныя темы. Пренія, поднятыя докладчиками на высоту чрезмѣрной абстрактности, черезчуръ робкой по отношенію къ проклятымъ вопросамъ реальной современной русской жизни, неизмѣнно падали внизъ въ самую гущу жизни, лишь только рядовой учитель—оппонентъ бралъ себѣ слово.

Каждый ораторъ везъ изъ своего угла къ центру, къ съѣзду, къ товарищамъ какую-нибудь свою мѣстную жалобу, свой мѣстный фактъ, которымъ и спѣшилъ подѣлиться съ собраніемъ. Онъ не замѣчалъ, что говоритъ не на тему, что въ порядкѣ дня стоятъ скромные и болѣе или менѣе благонадежные вопросы о школьныхъ радіусахъ, и школьныхъ комплектахъ, и упорно изъ засѣданія въ засѣданіе, отъ секціи къ секціи сплеталъ яркую нить разоблаченій, гдѣ, какъ на лентѣ кинематографа, быстро мелькали деревенскіе сыщики въ рясахъ, держи, морды изъ земскихъ начальниковъ, люди въ футлярахъ изъ инспекторовъ народныхъ училищъ и десятки другихъ столь-же смѣшныхъ и отвратительныхъ провинціальныхъ столповъ современнаго курса. Представителей послѣдняго мы не видѣли на съѣздѣ. Одна или двѣ попытки реакціонныхъ выступленій были встрѣчены бурнымъ протестомъ.

Но при всемъ томъ, съѣздъ далеко не былъ ни рѣзко „грандіознымъ съѣздомъ бунтарей“ ,,многодневнымъ митингомъ ярко-противогосударственнаго характера“, какимъ представлялся онъ глазамъ нововременскаго Меньшикова, но даже просто собраніемъ лицъ съ опредѣленно выраженными политическими стремленіями и интересами. Если можно говорить объ общемъ настроеніи съѣзда, если позволить себѣ

попытку уловить общую ноту въ разноголосомъ, шумномъ, до крайнихъ предѣловъ не спѣвшемся хорѣ угнетенныхъ голосовъ, звучавшихъ въ съѣздовскихъ аудиторіяхъ, она несомнѣнно не была политической. „Политика“ напирала на съѣздъ со всѣхъ сторонъ; кричащія язвы современнаго дворянско-полицейскаго уклада обнажались во всей своей неприглядности въ каждой почти учительской рѣчи, въ каждомъ сообщенномъ съ кафедры фактѣ. Безправная, темная, разоренная деревня, тянущаяся къ свѣту и освобожденію, рельефно вставала передъ глазами участниковъ съѣзда , настойчиво направляя ихъ мысль въ сторону главнаго врага народнаго пробужденія и главныхъ условій побѣды дѣла просвѣщенія страны.

Но въ главной массѣ своей собравшіеся на съѣздъ учителя столь же настойчиво избѣгали поднимать взоры въ этомъ направленіи и упорно обращались къ созерцанію ближайшихъ, „дѣловыхъ“, „практическихъ“ цѣлей и методовъ своей работы.

Конечно, во всѣхъ такихъ заключеніяхъ много субъективнаго, много спорнаго, зависящаго отъ случайнаго матеріала наблюденій. Но не случайнымъ и много говорящимъ является хотя бы тотъ фактъ, что на немъ не сложилось никакихъ политическихъ группъ, никакихъ болѣе или менѣе оформленныхъ теченій. Были несомнѣнно нѣкоторыя попытки въ этомъ направленіи, были безусловно и иниціативныя группки, являвшіяся представителями разныхъ политическихъ направленій русской демократіи, были, наконецъ, и болѣе или менѣе широкіе круги учителей, причисляющихъ себя идейно къ тому или другому соціалистическому теченію, не говоря уже о значительно болѣе широкой массѣ просто сочувствующихъ. Нельзя, наконецъ, было думать, какъ склонны были многіе къ этому, что самая работа не давала повода для опредѣленно партійныхъ выступленій. Наоборотъ, отсутствіе оформленныхъ, сильныхъ демократическихъ группъ все время чувствовалось на съѣздѣ. Собрать воедино разсыпанныя жемчужины жалобъ—протестовъ; непрерывно разбрасываемыхъ въ преніяхъ учителями—провинціалами, оформить ихъ, обобщить и выявить ихъ истинный смыслъ и значеніе; дать достойный всероссійскаго съѣзда общественный фонъ для нестройныхъ, разорванныхъ дѣловыхъ предложеній петербургскихъ докладчиковъ; отодвинуть второстепенное, детальное, менѣе важное и поднять основные вопросы школьной политики на высоту принципіальнаго обсужденія; показать учителямъ – членамъ съѣзда, а черезъ ихъ голову всему учительству, ихъ собственную силу и общественную роль; наконецъ, очистить съѣздъ отъ патріотической шелухи сенаторскихъ выступленій—все это могли лишь учителя, сплотившіеся вокругъ ясно формулированныхъ лозунговъ, вокругъ безупречно стойкихъ и негнущихся дѣятелей. Лишь они бы могли изъ разрозненнаго человѣческаго хаоса, какимъ открылся и закончился съѣздъ, высказать дѣйствительно единое цѣлое, доподлинный учительскій

союзъ, поставить на мѣсто разрозненныхъ единицъ и случайныхъ кружковыхъ объединеній по губерніи, по квартирѣ, по летучему знакомству на экскурсіи или въ поѣздѣ—крѣпко выкованное, спаянное единымъ чувствомъ, единымъ порывамъ учительство.

Всего этого не было сдѣлано, и думается, не по недостатку воли и желанія, а именно по тому пассивному сопротивленію, которое оказала сама учительская масса. Идея общественно—политическаго оформленія не привлекала ея; всей душой сочувствуя, горячо аплодируя опредѣленнымъ политическимъ выступленіямъ, въ массѣ своей учителя, повидимому, не считали ихъ главнымъ своимъ дѣломъ, наибольшее вниманіе сосредоточивая на „дѣловыхъ“ вопросахъ школьной практики и педагогическаго опыта.

Не случайность вѣдь и то, что наиболѣе посѣщаемой, оживленной, повидимому центральной секціей съѣзда была не *первая*, разсматривавшая вопросы школьной политики, программу введенія всеобщаго обученія, вопросъ о единой школѣ и пр. и не *третья*, дебатировавшая въ связи съ вопросомъ о подготовкѣ учителей и основныя темы о положеніи учителя и его объединеніи, а *вторая*, разсматривавшая общіе педагогическіе вопросы.

Вопросъ о проводимомъ въ настоящее время всеобщемъ обученіи собралъ въ аудиторіи Высшихъ Женскихъ Курсовъ 3—4 сотни человѣкъ, для докладовъ же о постановкѣ преподаванія географіи, естествознанія, исторіи въ начальной школѣ потребовался огромный залъ Народнаго Дома.

Съ точки зрѣнія старыхъ учительскихъ собраній и съѣздовъ революціонной эпохи, придется признать, что нынѣшній съѣздъ отличался несомнѣннымъ стремленіемъ къ приспособленію. Но, вспоминая недавнюю безпросвѣтную ночь реакціи послѣ освободительной эпохи, мы признаемъ нынѣшнюю учительскую работу и оживленіе значительнымъ шагомъ впередъ. Учителя не могли привезти съ собой другого настроенія, чѣмъ то, которое является господствующимъ въ широкихъ кругахъ провинціальной интеллигенціи. Съѣздъ лишь отразилъ тотъ переломъ и броженіе, которымъ живетъ глухая провинціальная Россія.

Кто прислушивался къ настроеніямъ земскаго третьяго элемента, старался дать себѣ отчетъ въ новыхъ стремленіяхъ пробуждающейся деревни, понять современную общественно-политическую идеологію кооперативныхъ и другихъ работниковъ деревенской Россіи, тотъ знаетъ это настроеніе. Эта политическая пассивность, на почвѣ стремленія укрѣпиться на новой дѣловой культурной работѣ, на почвѣ опьяненія буйнымъ ростомъ новыхъ культурно-хозяйственныхъ начинаній просыпающейся страны, въ разныхъ формахъ она непрерывно выростаетъ передъ нами при обозрѣніи различныхъ вѣтвей провинціальной культурной работы.

Забитая, связанная, загороженная со всѣхъ сторонъ сельская

Русь нашла въ себѣ силы для новаго пробужденія и подъема. Деревенская школа, агрономическая лекція, кооперативный кружокъ и тысячи другихъ формъ культурнаго пробужденія вытѣсняютъ, разбиваютъ старую затхлую крѣпостническую атмосферу деревенскаго быта. Новый урожай требуетъ и новыхъ косцовъ. „Гдѣ же вы умѣлые, съ бодрыми лицами?“; и сотни представителей молодой провинціальной интеллигенціи идутъ на службу пробуждающейся деревни.

Ограничатся ли они въ своей работѣ обслуживаніемъ лишь дѣловыхъ, практическихъ, весьма противорѣчивыхъ въ своемъ соціальномъ значеніи запросовъ деревни, обслуживаніи, вольно или невольно связанномъ иногда и съ дѣйствительно недопустимымъ поссибилизмомъ или выйдутъ на дорогу широкой демократической борьбы,—будетъ зависѣть отъ внутренняго развитія жизни самой деревни и общаго политическаго движенія въ странѣ.

Гр. Петровичъ.

За свободу печати.

I.

Разсматриваемый Думою правительственный законопроектъ о печати заслуживаетъ сугубаго вниманія всѣхъ политически-активныхъ элементовъ страны.

Во-первыхъ, этотъ законопроектъ явно угрожаетъ столь могучему орудію политической мысли и дѣйствія, какимъ является печать: вступленіе проектируемаго закона въ силу безконечно затруднило бы—даже по сравненію съ нынѣшнимъ положеніемъ—существованіе и развитіе легальной демократической, оппозиціонной и вообще независимой прессы.

Въ-вторыхъ, внесеніе законопроекта о печати является первымъ шагомъ къ замѣнѣ шаткихъ „временныхъ правилъ“, которыми до сихъ поръ формально регулируются въ Россіи гражданскія „свободы“, твердымъ „закономъ“.

Если этотъ первый опытъ удастся, за нимъ, несомнѣнно, послѣдуютъ другіе. Благосклонное отношеніе думской комиссіи къ этому первому дѣтищу законодательнаго творчества г. Маклакова уже поощрило министра внутреннихъ дѣлъ къ выработкѣ законопроекта о собраніяхъ и союзахъ въ замѣну „временныхъ правилъ“ 4 Марта 1906 г. А тамъ, глядишь, и всѣ прочія „свободы“ будутъ облечены въ броню „твердыхъ нормъ закона“!

Ошибочно думать, что такая замѣна не имѣетъ существеннаго значенія; что большой разницы нѣтъ, будутъ-ли „свободы уничтожаться при помощи административныхъ и судебныхъ „разъясненій“ и „дополненій“ существующихъ „временныхъ правилъ“, или-же всѣ эти незаконныя хирургическія операціи надъ «правилами» войдутъ въ „законъ“ и пріобрѣтутъ „законную“ силу.

„Легальность“, „законность“ есть могучее орудіе въ борьбѣ общественныхъ силъ. Тотъ, въ чьихъ рукахъ оно находится, получаетъ относительно большую возможность втягивать въ свою повседневную борьбу широкія массы неопредѣлившихся, колеблющихся, нерѣшительныхъ. Каждая легальная „зацѣпка“, при надлежащемъ использованіи ея, даетъ поводъ къ мобилизаціи въ опредѣленномъ направленіи все новыхъ и новыхъ общественныхъ элементовъ. И, наоборотъ. Всякая попытка власти, призванной въ глазахъ ея искреннихъ сторонниковъ „блюсти законъ“, бороться съ нежелательными ей явленіями путемъ нарушенія „легальности“ — все ярче и ярче вскрываетъ истинную природу этой власти и имѣющіяся въ данномъ строѣ противорѣчія, тѣмъ самымъ привлекая къ нимъ общественное вниманіе. Болѣе того. Практика «нажима на законъ», а тѣмъ болѣе явнаго попранія его, въ концѣ концовъ, неизбѣжно дезорганизуетъ самое власть и носителей ея велѣній: вселяетъ въ нихъ неувѣренность въ правильности ихъ собственныхъ дѣйствій; порождаетъ неодинаковость административной практики въ разныхъ мѣстностяхъ, разныхъ случаяхъ или разныхъ областяхъ управленія; вызываетъ въ подчиненныхъ колебанія и внутренній разладъ и такимъ образомъ расшатываетъ и разлагаетъ бюрократическій механизмъ.

Облечь дѣйствія бюрократіи въ одежду „закона“—значитъ укрѣпить бюрократическій аппаратъ. Именно эту цѣль и имѣло въ виду правительство Столыпина, когда пыталось провести черезъ 3-ю Думу законопроектъ о „неприкосновенности личности“; и ею же руководится правительство Коковцова, внося въ 4-ю Думу законопроектъ о печати и вырабатывая законопроекты о союзахъ и собраніяхъ, о стачкахъ и т. д.

Надо имѣть еще въ виду особый характеръ тѣхъ „временныхъ правилъ“, на смѣну которымъ идутъ проектируемые законы. „Правила“ эти вырабатывались и опубликовывались въ самомъ концѣ 1905 года и началѣ 1906. Октябрьское движеніе 1905 года претерпѣло уже въ это время удары, оказавшіеся для нея смертельными. Но вызванныя ею огромное общественное возбужденіе и острая борьба общественныхъ силъ далеко еще не улеглись. Торжествующей дворянско-бюрократической реакціи приходилось лавировать — пытаться бить освободительное движеніе по частямъ. Сосредоточивъ всѣ свои силы на подавленіи демократіи, она вынуждена была разсчитывать на сочувствіе, нейтралитетъ или крайнюю дряблость оппозиціи различныхъ частей имущихъ классовъ буржуазнаго общества, по возможности убаюкивать это общество мыслью, что ея репрессіи и ея безпощадная расправа мѣтятъ *только* въ революціонную демократію и ни мало не покушаются на права, пріобрѣтенныя „благомыслящимъ обществомъ“; что, наоборотъ, военно-полевое „успокоеніе“ народныхъ низовъ является лишь предпосылкою осуществленія „реформъ“ для общественныхъ верховъ.

Отсюда—двусмысленно-лицемѣрный характеръ не только всякихъ „декларацій“ и выступленій бюрократіи въ 1-ой и 2-ой Гос. Думахъ, но и ея законодательныхъ актовъ,—„временныхъ правилъ“, —изданныхъ въ это время. Не имѣя возможности открыто воплотить въ эти акты свои дѣйствительныя намѣренія, бюрократія вынуждена была прибѣгать въ этихъ „правилахъ“ къ недомолвкамъ, дѣлать ихъ до извѣстной степени растяжимыми, поддающимися „благожелательному“ толкованію.

Само собою разумѣется, что торжествующая контръ-революція съ самаго начала имѣла въ виду, укрѣпившись, толковать всякую преднамѣренную недоговоренность „правилъ“ въ ограничительномъ и запретительномъ духѣ. Но такъ же понятно, что каждая какая недоговоренность подъ напоромъ общественныхъ силъ способна была превращаться въ щель, черезъ которую эти силы могли находить себѣ болѣе или менѣе свободный выходъ.

Создался „переходный“ режимъ, при которомъ дѣйствительная мѣра „свободы“ гораздо непосредственнѣе опредѣляется „реальнымъ соотношеніемъ силъ“, чѣмъ при режимѣ вполнѣ установившемся и отлившемся въ твердыя формы законовъ, стоящихъ на пути свободному проявленію этого соотношенія.

Законопроектъ о печати, внесенный въ Г. Думу, означаетъ первый приступъ къ устраненію двусмысленности и неопредѣленности, къ закрѣпленію контръ-революціоннаго толкованія „временныхъ правилъ“, къ замазыванію всѣхъ тѣхъ щелей, черезъ которыя находятъ себѣ выходъ общественныя силы.

Такъ, напр., печать такъ или иначе приспособилась къ существующимъ правиламъ о редакторахъ и обрушивающимся на нихъ „обязательнымъ постановленіямъ“;—правительственный законопроектъ заклепываетъ эту отдушину и вводитъ редакторскій цензъ, матеріальную отвѣтственность издателя, залоги и т. д. Печать приспособилась до извѣстной степени и къ привилямъ о конфискаціяхъ, пользуясь для—хотя бы ограниченнаго—распространенія изданія временемъ, протекающимъ отъ посылки изданія въ комитетъ по дѣламъ печати до запретительнаго рѣшенія комитета;—законопроектъ и тутъ настигаетъ печать, устанавливая ссылку въ цензуру перваго же номера, вышедшаго изъ подъ станка, допуская цензурованіе въ типографіи, у самой машины. И т. д., и т. д.

Весь законопроектъ является ничѣмъ инымъ, какъ возведеніемъ осадныхъ укрѣпленій противъ печати во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, которые оказались слабымъ—съ точки зрѣнія реакціи слабымъ!—мѣстомъ „временныхъ правилъ".

Конечно, „реальное соотношеніе силъ", въ концѣ концовъ, пробиваетъ самую толстую броню любого закона, даже если складывается недостаточно благопріятно, чтобы опрокинуть законъ. Но, если при существованіи „временныхъ правилъ" понадобилось, напр., 3—4 года настойчивой работы, чтобы сдѣлать возможнымъ существованіе ежедневной с.-д-ой печати, хотя бы въ томъ жалкомъ видѣ, въ какомъ она сейчасъ имѣется, то какая гигантская затрата усилій потребуется, чтобы сохранить или возродить эту печать при вступленіи въ силу маклаковскаго законопроекта, единымъ взмахомъ уничтожающаго всѣ тѣ пути и методы борьбы за свободное слово, которые налажены до сихъ поръ!

Даже въ случаѣ полнаго конечнаго успѣха, всѣ эти усилія, затрачиваемыя на преодолѣніе новыхъ, нагромождаемыхъ законопроектомъ, препятствій будутъ чистой потерей для положительной политической работы. Какъ бы оптимистически кто ни смотрѣлъ на неизбѣжность или близость коренного перелома въ русской общественно-политической жизни, одинъ принципъ экономіи силъ долженъ заставить всю демократію и, особенно, рабочую демократію считать своимъ кровнымъ дѣломъ—не допустить претворенія законопроекта въ дѣйствующій законъ.

II.

Однако, далеко не одна демократія заинтересована въ провалѣ законопроекта о печати. Можно даже сказать, что наиболѣе непосредственно проектируемые удары падаютъ на печать буржуазно-либеральную. И вотъ въ какомъ смыслѣ.

Уничтоженіе печати *демократической* имѣлось реакціею въ виду уже при изданіи „временныхъ правилъ". Не вина реакціи, а бѣда ея, что непрерывный напоръ демократическихъ силъ не далъ возможности осуществить эти смертоубійственные планы.

Но проектируемое уничтоженіе всѣхъ тѣхъ зацѣпокъ и лазеекъ, какія имѣются во „временныхъ правилахъ", является прямымъ покушеніемъ на всѣ тѣ незначительныя *уступки*, которыя сдѣланы были въ свое время *имущимъ верхамъ* буржуазнаго общества изъ желанія сдѣлать ихъ соучастниками истребительной войны противъ демократіи.

„Новая Рабочая Газета", „Пролетарская Правда" или „Бодрая Мысль"—явленія, совершенно непредусмотрѣнныя „временными правилами" 1905 г. „Рѣчь", и „Русскія Вѣдомости" и т. п., наоборотъ этими правилами предусматривались и, въ качествѣ неизбѣжнаго зла, до поры до времени терпѣлись. Замѣна „правилъ" маклаковскимъ закономъ означала бы конецъ такому „терпѣнію". Толчекъ къ этой замѣнѣ данъ непереноснымъ для дворянско-бюрократической реакціи развитіемъ рабочей и демократической печати *вопреки* контръреволюціонному замыслу „временныхъ правилъ"; ея ближайшимъ результатомъ было бы уничтоженіе буржуазно-оппозиціонной печати, существующей въ ея нынѣшнемъ видѣ *въ силу* этихъ „правилъ".

Такимъ образомъ, буржуазная и оппозиціонная печать заинтересована въ провалѣ маклаковскаго законопроекта не менѣе, чѣмъ печать рабочая и демократическая. Осуществленіе этого законопроекта грозитъ ей—въ лучшемъ случаѣ—утратою остатковъ независимости, идейнымъ закабаленіемъ цензирующему чиновнику и дающему средства на изданіе денежному мѣшку. И если бы у дѣятелей буржуазной печати была хоть капля политическаго смысла и гражданскаго мужества, то организація широкаго общественнаго движенія протеста и противодѣйствія новому, рѣшительному натиску реакціи стала бы для нихъ самымъ насущнымъ, самымъ очереднымъ дѣломъ при первыхъ же признакахъ надвигающейся грозной опасности.

Однако, ничего подобнаго попыткамъ организаціи такого движенія мы не видѣли.

Конечно, среди политическихъ дѣятелей и носителей либерализма законопроектъ встрѣтилъ рѣзко отрицательное отношеніе и даже возмущеніе. Либеральные депутаты упорно боролись въ думской комиссіи противъ всего законопроекта въ цѣломъ и противъ отдѣльныхъ пунктовъ его. Либеральные журналисты по косточкамъ разбирали законопроектъ, доказывали его—не то что реакціонность, а подлинное варварство по отношенію къ литературѣ.

Но и тѣ, и другіе вели свою „борьбу", какъ будничное, очередное дѣло, входящее въ ихъ „профессіональныя" обязанности и разрѣшимое обычными „профессіональными" средствами. И тѣ, и другіе пальцемъ о палецъ не ударили, чтобы взбудоражить громадную массу своихъ избирателей и читателей, заставить ихъ почувствовать размѣры и принциціально-политическое значеніе грозящей опасности, превратить ихъ изъ пассивныхъ и, въ лучшемъ случаѣ, скорбно вздыхающихъ зрителей рѣшительнаго наступленія реакціи, въ активныхъ участниковъ борьбы съ нею. Можно поручиться, что десятки тысячъ даже интеллигентныхъ читателей столичной и провинціальной буржуазной прессы и не подозрѣваютъ, какая громадная и какая реальная опасность всякой общественности скрывается за тѣми сухими отчетами о работахъ думской комиссіи или тѣми ученѣйшими аналитическими статьями, посвященными законопроекту, которыя они равнодушно пробѣгаютъ за утренней чашкой кофе.

Развращенный 8-лѣтней практикой отмежеванія отъ демократіи,

компромиссовъ съ контръ-революціею, разслабленнаго политиканства, либерализмъ оказывается не въ силахъ аппелировать къ общественному движенію даже тогда, когда въ этомъ движеніи заключается единственное средство спасенія отъ грозящей ему смертельной опасности. Онъ до такой степени отвыкъ отъ атмосферы общественной борьбы, до такой степени потерялъ къ ней вкусъ, что даже всякое общественное „воздѣйствіе на Думу“ кажется ему, по характерному выраженію „Рѣчи“,—„фантастическимъ“! Его собственная и столь недавняя!—дѣятельность по организаціи банкетовъ, петицій, собраній, земскихъ и общественныхъ съѣздовъ и т. д. въ 1904—5 годахъ должна ему представляться мифомъ.

Болѣе того. Съ низинъ этого политическаго маразма всякое общественное движеніе, возникающее помимо и внѣ всякаго воздѣйствія по-революціоннаго либерализма, начинаетъ казаться ему какой-то досадною помѣхою тому болотному житію, болотному политиканству и болотной „борьбѣ“, съ которыми онъ успѣлъ сжиться. Недаромъ же въ думскихъ либеральныхъ кругахъ даже объ осторожныхъ и скромныхъ рѣшеніяхъ Всероссійскаго Литературнаго Общества говорятъ, что они только „помѣшаютъ“ борьбѣ г.г. депутатовъ противъ законопроекта! И недаромъ единственное, сколько нибудь широкое общественное движеніе въ защиту свободы печати—движеніе рабочаго класса—такъ упорно и такъ систематически замалчивалось буржуазною печатью! Ни одна изъ резолюцій рабочихъ въ защиту правъ свободнаго слова, ни одинъ изъ актовъ ихъ упорной и высоко-культурной борьбы за свою печать не находили себѣ ни мѣста, ни отклика на столбцахъ изданій, притязающихъ на званіе созидателей и хранителей „культурныхъ цѣнностей“!

III.

При такой очевидной разслабленности организованныхъ и руководящихъ круговъ либерализма, разумѣется, тщетно было бы ждать отъ нихъ иниціативы въ дѣлѣ общественной борьбы за свободу печати вообще и борьбы противъ новаго законопроекта въ частности. Если бы судьбы этой борьбы зависѣли только отъ этихъ круговъ, дворянско-бюрократическая реакція могла бы спать спокойно: законъ противъ печати былъ бы у нея въ карманѣ!

Но на аренѣ русской прогрессивной общественности есть другая организованная сила—*рабочая демократія*, передовые элементы которой, въ противоположность либерализму, быстро оправились отъ деморализующихъ ударовъ контръ-революціи, сохранили свою активность и свое принципіально-непримиримое отношеніе къ реакціи. И судьбы законопроекта о печати зависятъ, главнымъ образомъ, отъ того, насколько этой силѣ удастся взять на себя иниціативу широкаго, общенаціональнаго отпора акту рѣшительнаго наступленія реакціи,—частному, но, какъ мы видѣли, неразрывно связанному съ ея общей политикой.

Рабочій классъ не первый день ведетъ борьбу за печать и ея свободу. Съ того самаго дня, когда 3-е іюня 1907 г. оформило торжество реакціи и совершило разрушеніе добытыхъ ранѣе завоеваній, начинается упорная, кротовая работа по возстановленію легальной рабочей печати.

Уже въ 1910 году появляется ежемѣсячникъ „Наша Заря“. Нѣсколько раньше выходятъ въ свѣтъ профессіональная пресса и политическіе журнальчики („Даль“, „Живое Слово“. „Возрожденіе“ и др.), потомъ—еженедѣльныя газеты и, наконецъ, ежедневная рабочая пресса, опирающаяся на моральную и матеріальную поддержку широкихъ рабочихъ круговъ, выражающуюся въ обслуживаніи газетъ корреспондентскимъ матеріаломъ и статьями, распространеніи ихъ, безчисленныхъ „голосахъ рабочихъ“, постоянныхъ денежныхъ сборахъ, протестахъ противъ преслѣдованія рабочей печати какъ въ формѣ резолюціи, такъ даже и въ формѣ демонстративной забастовки.

Въ этой тяжелой и полной жертвъ борьбѣ за „свою“ печать въ умахъ передовыхъ рабочихъ формулируется и свое, пролетарское пониманіе „свободы печати“. Этотъ лозунгъ соціаль-демократической программы пріобрѣтаетъ въ рабочихъ кругахъ широкую популярность.

Наконецъ, эта упорная борьба рабочихъ за свою печать, сосредоточивающая на себѣ всѣ удары и ухищренія судебной и административной энергіи реакціи, отвлекаетъ ея силы и ея вниманіе отъ буржуазной оппозиціонной печати, обезпечивая ей такимъ образомъ сравнительно большій просторъ и свободу.

Такимъ образомъ уже въ этой стадіи борьба рабочихъ за печать имѣетъ громадное *общенаціональное* значеніе. Но въ томъ, какъ это значеніе осуществляется, заключается указаніе и на относительную *узость* движенія, на необходимость для него сдѣлать значительный шагъ впередъ въ смыслѣ обогащенія своего *содержанія*, если оно хочетъ служить *самостоятельнымъ* интересамъ рабочаго класса, а не просто разрыхлять общенаціональную почву, на которой потомъ выростаютъ брошенные чужой рукою посѣвы.

Въ самомъ дѣлѣ. Въ двухъ случаяхъ одинаково пролетаріатъ непроизвольно служитъ другимъ общественнымъ классамъ: во-первыхъ, когда онъ поддерживаетъ ихъ, не отдавая себѣ ясного отчета въ своихъ собственныхъ цѣляхъ, въ своей собственной программѣ, когда они, а не онъ, опредѣляютъ направленіе движенія. Во-вторыхъ,—когда его собственное движеніе, подъ какими радикальными логунгами и въ какой радикальной формѣ оно бы ни совершалось,—ограничивается „чисто—рабочими“ вопросами и является такимъ образомъ

на аренѣ *общенаціональной* политики *стихійнымъ* факторомъ, за спиною пролетаріата и безъ его вѣдома эксплуатируемымъ въ *своихъ* цѣляхъ чуждыми, а то и враждебными ему обществами силами.

Но пролетаріатъ не хочетъ и не долженъ служить другимъ классамъ. Наоборотъ. Онъ хочетъ и долженъ заставить ихъ служить себѣ. И сдѣлать это онъ можетъ только путемъ постояннаго и непрерывнаго вмѣшательства въ общенаціональную политику, но вмѣшательства не безпринципнаго и не безсистемнаго, а руководимаго ясно сознанными, програмными *классовыми цѣлями*. Съ этимъ надежнымъ компасомъ въ рукахъ пролетаріатъ можетъ и долженъ поддерживать всякое движеніе другихъ классовъ, поскольку оно идетъ въ *его* направленіи, и отказывать ему въ поддержкѣ каждый разъ, когда оно пытается уклониться отъ этого направленія. Такимъ именно образомъ перемѣщаетъ пролетаріатъ въ свою сторону равнодѣйствующую общественныхъ силъ, заставляетъ ихъ служить себѣ и толкаетъ общественное развитіе по желательному направленію.

Это хорошо поняли передовые рабочіе, когда они рѣшили воспользоватся хотя бы тѣмъ смутнымъ чувствомъ недовольства, которое вызвалъ въ не-пролетарскихъ кругахъ маклаковскій законопроектъ, чтобы попытаться расширить борьбу за „свою“ рабочую печать до размѣровъ общенаціональной борьбы за свободу печати вообще; когда они начали спеціальную кампанію протеста противъ „очередного“ натиска реакціи съ цѣлью вовлечь въ эту борьбу и другіе прогрессивные элементы общества и съ этого, наиболѣе удобнаго, конца начать ломать тотъ ледъ общественной пассивности и равнодушія, который составляетъ въ настоящее время *главную опору* реакціи.

Какъ ни мало развернулась еще эта кампанія протеста, но, опираясь на нее, марксисты уже смогли одержать крупную принципіальную побѣду надъ либеральною проповѣдью дряблости и разслабленности. Какъ бы скромны ни были рѣшенія Всероссійскаго литературнаго общества по вопросу о борьбѣ съ законопроектомъ, они во всякомъ случаѣ означаютъ принципіальный разрывъ съ настроеніями контръ-революціонной эпохи, принципіальное признаніе *общественнаго движенія*, движенія *читателей*—необходимою основою реальной борьбы за свободное слово. Они заключаютъ въ себѣ моральное обязательство и не-пролетарской печати пробуждать и ростить это движеніе [1]).

[1]) Важность и значеніе этого результата настолько очевидны, что и правдисты вынуждены были въ этомъ случаѣ идти по руслу, проложенному передовыми рабочими. Изворачиваться и перетолковывать свое поведеніе ихъ вожди могутъ теперь только, извращая всѣмъ доступные *факты*. Факты же эти таковы, что они не только не ушли съ собранія лит. общества съ проклятіемъ по адресу буржуазіи (какъ они сдѣлали это на извѣстномъ весеннемъ совѣщаніи), но и не смогли намѣтить никакой „особой линіи, которая дала бы имъ желанную возможность отмежеваться отъ „ликвидаторовъ“, и *всѣ* марксисты во всѣхъ существенныхъ вопросахъ дѣйствовали и голосовали въ этомъ случаѣ *одинаково и одинаково* формулировали свое принципіальное отношеніе и борьбѣ за свободу печати въ прочитанной на собраніи деклараціи.

Конечно, обязательство можетъ быть не выполнено и навѣрное будетъ не выполнено, если рабочіе успокоятся на достигнутыхъ результатахъ. Но эти результаты показываютъ, сколь многаго можно добиться при расширеніи начатой передовыми рабочими кампаніи.

Разумѣется, разбуженные рабочими и втянутые въ движеніе, непролетарскіе элементы ни въ коемъ случаѣ не усвоятъ себѣ всей полноты рабочихъ требованій въ вопросѣ о свободѣ печати. Буржуазно-демократическое движеніе останется буржуазно-демократическимъ, а либеральное-либеральнымъ. Соціальдемократическимъ ни то, ни другое не станетъ и не можетъ стать. И „шатанія“ того и другого также не прекратятся.

Но, поскольку пролетаріату удастся, пробуждая, поддерживая и толкая впередъ всякіе проблески прогрессивнаго общественнаго движенія, выпрямить путь буржуазной демократіи и вырвать элементы, тяготѣющіе къ либерализму, изъ подъ власти контръ-революціонныхъ настроеній, постольку онъ будетъ создавать болѣе благопріятную атмосферу для своего собственнаго, самостоятельнаго движенія и подготовлять болѣе благопріятное для себя рѣшеніе общихъ политическихъ вопросовъ, стоящихъ передъ страною.

Въ частности, пролетаріатъ такимъ путемъ скорѣе всего добьется отраженія той опасности, которая нависла надъ всею печатью вообще и рабочею въ особенности въ видѣ маклаковскаго законопроекта.

Кадетскій штабъ, сформировавшійся въ эпоху контръ-революціи и потому наиболѣе полно отражающій контръ-революціонныя настроенія либерализма, можетъ злобствуя за испытанное въ литературномъ обществѣ пораженіе сколько угодно запугивать свою паству фантастическими изображеніями „воздѣйствія на Думу“,—какъ будто бы рѣчь шла уже по малой мѣрѣ о барикадахъ! На самомъ дѣлѣ неустойчивость, внутреннее разложеніе и неувѣренность реакціи и поддерживающаго ее думскаго большинства столь *велики*, что ни одинъ ясновидецъ не возьмется сказать, насколько значительно должно быть общественное „воздѣйствіе“ на нихъ, чтобы они *не посмѣли* осуществить задуманное.

Но, если держаться самыхъ пессимистическихъ предположеній; если думать, что помѣшать претворенію законопроекта въ законъ ни въ коемъ случаѣ невозможно,—то все же лишь постольку удастся ослабить вредоносность закона и подготовить его отмѣну, поскольку уже теперь будетъ расти и крѣпнуть реальная общественная сила,

способная дать отпоръ натиску реакціи и перейти въ наступленіе.

Разрывъ съ пассивностью; общественное движеніе—симъ побѣдиши!

Ф. Д.

Иностранное Обозрѣніе.

I. Борьба за просвѣщеніе въ Бельгіи.

Бельгія, не смотря на довольно высокій уровень своего промышленнаго развитія, одна изъ наиболѣе неграмотныхъ странъ З. Европы. Этимъ она обязана главнымъ образомъ долголѣтнему господству клерикальной реакціи въ странѣ. Въ Бельгіи болѣе, чѣмъ гдѣ либо, школьный вопросъ есть вопросъ политическій.

Борьба съ клерикалами за школьную реформу въ свое время не мало содѣйствовала скрѣпленію блока между соціалистами и либералами. Блокъ этотъ однако своей цѣли не достигъ. Въ результатѣ послѣднихъ выборовъ клерикалы, вопреки ожиданію блокистовъ, еще болѣе укрѣпились въ своей позиціи. Тогда блокъ, продержавшійся 10 лѣтъ, распался. На поверхностный взглядъ можетъ казаться, что отказъ отъ тактики блока вызванъ былъ переходомъ соціалистовъ къ болѣе рѣшительному наступленію—къ всеобщей забастовкѣ... Это, однако, не вѣрно. Послѣ прошлогодней всеобщей забастовки, борьба бельгійскихъ либераловъ и соціалистовъ съ реакціей стала мало чѣмъ отличаться другъ отъ друга *по формѣ*, и тѣмъ не менѣе теперь ни тѣ, ни другіе не думаютъ о возстановленіи блока. Послѣ забастовки либералы стали прибѣгать къ такому радикальному по формѣ методу борьбы, какъ уличныя манифестаціи; одновременно соціалисты „отступили назадъ, чтобы лучше прыгнуть“ и дали лозунгъ, по формѣ весьма не воинственной. Фламандскій соц. органъ „Vooruit“, а за нимъ и Вандервельде въ „Ze Peuple“ заявили въ январѣ настоящаго года: „Задача этого года собрать полмилліона голосовъ подъ петиціею за всеобщее избирательное право“. Соціалисты отъ всеобщей забастовки сдѣлали ходъ назадъ къ петиціи, исходя изъ убѣжденія, что только такимъ способомъ удастся вовлечь въ движеніе отсталыя массы, безъ которыхъ нельзя дать второй, болѣе рѣшительной битвы. Такъ или иначе, *по формѣ*, по внѣшнимъ пріемамъ борьбы, соціалисты и либералы въ послѣднее время, какъ мы видимъ, приблизились другъ къ другу. Принципіально они теперь дальше

другъ отъ друга, чѣмъ даже наканунѣ и во время забастовки. Лидеры обѣихъ партій—Вандервельде и Гимансъ недавно заявили совершенно категорически, что для обѣихъ сторонъ выгоднѣе всего вести борьбу съ реакціей, сохраняя полную политическую независимость другъ отъ друга, „идя врозь“, хотя бы и къ одинаковой ближайшей цѣли. Это несомнѣнно обозначаетъ политическое протрезвленіе и этимъ протрезвленіемъ соціалисты (и либералы) обязаны фактамъ, обнаружившимся на послѣднихъ выборахъ, Во время этихъ выборовъ часть буржуазныхъ избирателей изъ страха передъ своими красными союзниками въ рѣшительный моментъ, вопреки лозунгу собственныхъ вождей, спряталась подъ крыло клерикаловъ; одновременно часть соціалистическихъ рабочихъ, вмѣсто того, чтобы идти впередъ въ тѣсномъ союзѣ съ либералами, предпочла воздержаться отъ голосованія. Въ результатѣ блокъ потерпѣлъ пораженіе.

Этотъ урокъ не прошелъ даромъ для „лѣвыхъ“ партій. Не успѣли соціалисты вложить мечи въ ножны послѣ всеобщей забастовки, какъ клерикальное правительство ихъ вновь провоцировало на битву, внеся въ парламентъ реакціоннѣйшій школьный законопроектъ, выработанный министромъ Пуллэ. Перчатка была поднята соціалистами и либералами, но на этотъ разъ аттака велась уже обѣими лѣвыми партіями параллельно и самостоятельно, и ужъ сейчасъ можно сказать, что они отъ этого въ энергіи только выиграли.

Провокаціонный ходъ правительства, вызвавшій аттаку оппозиціи, заключался въ слѣдующемъ.

Уже школьный законъ 1895 г. поставилъ въ Бельгіи т. наз. свободныя, т. е. католическія школы въ привиллегированное положеніе по сравненію съ общественными, коммунальными. Тѣ изъ „свободныхъ школъ“, которыя соглашались подчиниться нѣкоторому, на дѣлѣ фиктивному, контролю государства, по этому закону зачислены были въ категорію „покровительствуемыхъ“ и тѣмъ самымъ получили право на казенную субсидію.

Однако, до послѣдняго времени имъ выдавались фактически лишь небольшія субсидіи отъ казны и расходы ихъ покрывались главнымъ образомъ изъ пожертвованій богатыхъ католиковъ, которые и такъ уже были слишкомъ обременены расходами на поддержку „желтыхъ“ синдикатовъ, на подкупъ газетъ и на т. п. „благотворительныя“ дѣла. И вотъ, министерство Пуллэ рѣшилось, наконецъ, пойти къ цѣли болѣе прямымъ путемъ. Выработанный имъ въ прошломъ году законопроектъ требовалъ отъ казны 25 милліоновъ франковъ на католическія школы при сохраненіи ихъ полной свободы отъ государственнаго контроля. Согласно этому закону въ Брюсселѣ, напр., каждый ученикъ „свободной“, т. е. католической школы, долженъ получить отъ государства 69 фр. субсидіи въ то время, какъ ученики коммунальныхъ т. е. городскихъ школъ получаетъ тамъ только по 37 фр. субсидіи.

Законопроектъ этотъ, спѣшнаго, внѣочереднаго обсужденія котораго потребовало правительство, дабы ликвидировать это дѣло до выборовъ, вызвалъ бурю негодованія у соціалистическаго пролетаріата и у либеральной буржуазіи. Въ средѣ

октября 1913 г. начинается рядъ митинговъ протеста и уличныхъ демонстрацій противъ законопроекта Пуллэ, организованныхъ соціалистической „Рабочей партіей“, „Лигой Просвѣщенія“, „Лигой свободомыслящихъ“. Знаменательно было, что въ срединѣ декабря примѣру соціалистовъ послѣдовали и либералы. И они по новой методѣ устроили свою „самостоятельную“ манифестацію! 14 Декабря улицы Брюсселя представляли собою картину, которую едва ли гдѣ либо въ другомъ европейскомъ городѣ можно еще наблюдать. По улицамъ въ теченіе 5 часовъ двигался огромный кортежъ со знаменами, во главѣ котораго шли 2500 организованныхъ членовъ либеральной партіи, въ томъ числѣ 250 бургомистровъ, депутатовъ, сенаторовъ, земцевъ и т. д. Кортежъ этотъ остановился передъ Городской Думой, гдѣ говорились рѣчи; шествіе закончилось внушительнымъ массовымъ митингомъ. Этотъ фактъ показалъ, что тамъ, гдѣ либерализмъ еще живъ, соціалисты могутъ вовлечь его въ борьбу и не вступая съ нимъ въ блокъ.

Послѣдняя горячая схватка между оппозиціей и правительствомъ произошла въ срединѣ января настоящаго года въ парламентѣ во время обсужденія послѣднихъ статей законопроекта. Ораторы оппозиціи стастно напали на правительство. Они доказывали, что по правительственному законопроекту минимальная плата народныхъ учителей ниже платы жандармовъ, что ученики покровительствуемыхъ правительствомъ католическихъ народныхъ школъ даже по официальнымъ даннымъ обнаруживаютъ на экзаменахъ при поступленіи въ среднія учебныя заведенія полное невѣжество; что правительство сознательно не требуетъ опубликованія именъ директоровъ суисидируемыхъ „свободныхъ“ школъ, желая такимъ образомъ избавить ихъ отъ какого бы то ни было контроля и отвѣтственности, что дирекціи католическихъ школъ, пользуясь своей безотвѣтственностью и безнаказанностью, присваиваютъ себѣ сплошь и рядомъ деньги, ассигнуемыя на учителей, заставляя послѣднихъ выдавать квитанціи за гонораръ, котораго они не получили, что поэтому значительная часть тѣхъ 25 мил. фр., которые правительство теперь собирается выколотить изъ народныхъ денегъ для поддержки католическихъ школъ, пойдутъ даже не на эти школы, а на избирательную кампанію реакціонной католической партіи.

Не смотря на уничтожающую прижимку законопроекта, онъ прошелъ въ парламентѣ безъ всякихъ измѣненій большинствомъ нѣсколькихъ голосовъ; нѣкоторые параграфы его собрали только 6 голосовъ большинства. Правительство побѣдило; но, кто слѣдилъ по отчетамъ за парламентскими преніями, кто слѣдилъ за жалкими, безпомощными отвѣтами правительства на аттаку оппозиціи, тотъ могъ убѣдиться, что правительство на этотъ разъ одержало лишь Пиррову побѣду.

За двѣ недѣли до того, какъ въ реакціонномъ парламентѣ обсуждался и голосовался школьный законъ, предназначенный для увѣковѣченія невѣжества и предразсудковъ народныхъ массъ, въ соціалистическомъ Народномъ Домѣ Брюсселя праздновалось открытіе новаго Рабочаго Дворца, въ которомъ будутъ сосредоточены центральныя просвѣтительныя учрежденія Бельгійской Рабочей партіи. Торжественное открытіе Рабочаго Дворца

совершилось въ очень необычной обстановкѣ, показывающей, какой притягательной культурной силой уже сталъ въ настоящее время пролетарскій соціализмъ. Въ праздновеніи принялъ участіе знаменитый французскій писатель Анатоль Франсъ. Анатоль Франсъ уже и раньше не скрывалъ своихъ симпатій къ соціалистическому движенію; тутъ же онъ произнесъ рѣчь, которую иначе нельзя назвать, какъ соціалистической исповѣдью художника—идеалиста. Рѣчь свою, въ которой онъ говорилъ о гуманитарныхъ задачахъ науки, о томъ, что наука должна окунуться въ гущу общественной борьбы, о томъ, какъ вянетъ искусство въ капиталическихъ условіяхъ; о томъ, какъ постоянная угроза миру между народами дѣлается источникомъ власти для однихъ и наживы для другихъ, о томъ, что соціализмъ одинъ является противоядіемъ противъ войнъ,—онъ закончилъ словами: „Побѣда пролетаріата неизбѣжна, ибо природа вещей и условія жизни ее требуютъ и подготовляютъ“. Рѣчь знаменитаго художника Анатоля Франса является, несомнѣнно, знаменіемъ времени.

Другое лицо, участвовавшее въ соціалистическомъ праздникѣ, былъ человѣкъ, пришедшій сюда изъ міра, еще несравненно болѣе далекаго рабочимъ, чѣмъ среда, въ которой вращался Анатоль Франсъ. Мы имѣемъ въ виду М Солвэя, самаго богатаго капиталиста Бельгіи, „короля содового производства“. Этотъ человѣкъ, обязанный своимъ богатствомъ изобрѣтеніямъ, которыя онп сдѣлалъ въ области химіи, а затѣмъ чрезвычайной энеріи и предпріимчивости своей, не былъ и теперь не сталъ соціалистомъ и въ отношеніи къ собственнымъ рабочимъ никогда сантиментальности не проявлялъ. Но онъ, въ отличіе отъ массы современной капиталистической буржуазіи, человѣкъ идейный, а не только пріобрѣтатель, онъ преклоняется передъ самымъ фактомъ роста производительныхъ силъ общества и передъ властью человѣка надъ природой. Соотвѣтственно съ этимъ онъ, подобно нѣкоторымъ извѣстнымъ французскимъ инженерамъ и предпринимателямъ наполеоновской эпохи, вышедшимъ изъ сенсимонистской школы, сочувствуетъ всему тому, что способно поднять производительность человѣка, а прежде всего сочувствуетъ просвѣщенію массъ. Вотъ это то и создало нѣкоторыя точки соприкосновенія между Солвэемъ и бельгійской Рабочей партіей и побудило его пожертвовать ей милліонъ франковъ на просвѣтительныя учрежденія.

Милліонное пожертвованіе Солвэя, свидѣтельствующее о томъ, какую крупную культурную роль приписываетъ соціализму даже такой человѣкъ, какъ Солвэй, стоящій „по ту сторону баррикады“, чревато, конечно, нѣкоторыми опасностями. На это намекнулъ въ своей привѣтственной рѣчи Генрихъ Шульцъ, делегированный на то же собраніе германской соц. демократіей. „У насъ въ Германіи богатые люди жертвуютъ деньги только для разрушенія просвѣтительныхъ начинаній рабочихъ“,—говорилъ Шульцъ,—

„Одиако германское рабочее движеніе, не имѣя меценатовъ, тоже можетъ говорить о своихъ „милліонахъ“. Таковы, напр., 4¼ милліона ея избирателей, таковы 9 милліоновъ марокъ, собранныхъ изъ рабочихъ грошей на помощь безработнымъ, таковъ 1 милліонъ франковъ, составляющій годичный бюджетъ просвѣтительныхъ учрежденій германской соц. демокр. партіи. Вотъ

каковы „милліоны“ германскихъ рабочихъ... Наша просвѣтительная работа получаетъ свои импульсы отъ классовой борьбы и ея цѣль служить интересамъ этой борьбы...“

Слова вождя просвѣтительнаго движенія германскихъ рабочихъ Генр. Шульца имѣли характеръ предостереженія по адресу бельгійскихъ товарищей. Переводя его рѣчи на французскій языкъ, секретарь просвѣтитъ комитета бельгійской Рабочей партіи Де-Манъ подчеркнулъ, что онъ совершенно раздѣляетъ его взгляды; и видный бельгійскій соціалистъ де—Брукеръ по этому поводу помѣстилъ статью въ новомъ французскомъ марксистскомъ журналѣ („Socilaisme et Lutte de Classe“), заканчивающуюся слѣдующими словами:

„Милліонъ Солвэя былъ бы бичемъ для бельгійской секціи интернаціонала, еслибъ онъ оставилъ ее въ какое либо зависимое положеніе отъ капитализма. Мнѣ необходимо было доказать, что этого абсолютно нѣтъ, ибо для всего интернаціонала важно, чтобы всѣ его секціи сохраняли не связанными руками для веденія классовой борьбы“.

II. Финалъ Цабернскихъ событій въ Германіи.

Въ Германіи царитъ теперь реакція, не во многомъ уступающая католической реакціи въ Бельгіи, и все таки она не способна вдохнуть жизнь въ германскій либерализмъ. Здѣсь и со свѣчей не найдешь милліонера, подобнаго Солвэю или бургомистра, подобнаго тѣмъ, которые устраивали демонстраціи на улицахъ Брюсселя. Здѣсь либерализмъ отцвѣлъ, неуспѣвши расцвѣсть. Финалъ Цабернскихъ событій лишній разъ это подтвердилъ.

Сейчасъ послѣ того, какъ стали извѣстны подвиги лейтенанта ф.—Форстнера и полковника Рейтера въ Цабернѣ [1]), эта диктатура сабли надъ мирнымъ населеніемъ города вызвала возмущеніе во всѣхъ классахъ общества вплоть до націоналъ-либераловъ и клерикаловъ. Въ результатѣ рейхстагъ огромнымъ большинствомъ 293 голосовъ противъ 54 выразилъ недовѣріе канцлеру Бетманъ—Гольвегу. Этимъ и кончился бунтъ буржуазіи противъ реакціи. Въ этотъ моментъ канцлеръ защищалъ еще позицію оборонительную, оговариваясь, что онъ и самъ не во всемъ оправдываетъ цабернскихъ офицеровъ, что полковникъ Рейтеръ и по его мнѣнію превысилъ свои права, когда онъ приказалъ военной силой очистить площадь, когда онъ самъ, независимо отъ полиціи, предпринялъ аресты людей, не накрытыхъ на мѣстѣ преступленія и т. д. Эта неувѣренность въ тонѣ канцлера, а затѣмъ осужденіе лейтенанта ф.—Форстнера на 6 дней домашняго ареста послѣ того, какъ канцлеръ былъ у императора Вильгельма съ докладомъ въ Докауэтингенѣ, успокоили и

[1]) См. Иностр. обозрѣніе. „Наша Заря“ № 10—11. 1913 .

усыпили добрыхъ нѣмецкихъ бюргеровъ, тѣмъ болѣе, что предстоялъ еще въ Страсбургѣ военный судъ надъ Рейтеромъ и Форстнеромъ во 2-й инстанціи, а нападать на людей, находящихся подъ судомъ до вынесенія приговора надъ ними, не корректно. Это означало бы недовѣріе къ Фемидѣ и желаніе оказать насиліе надъ этой цѣломудренной богиней. Такъ разсуждали либеральные бюргеры, несмотря на то, что уже вызывающая рѣчь военнаго министна въ рейхстагѣ во время первой интерпеляціи могла бы послужить для нихъ показателемъ того, какъ отнесутся страсбургскіе военные судьи къ своимъ сословнымъ собратьямъ.

Но иначе, чѣмъ либеральные бюргеры, разсуждали и дѣйствовали откровенные реакціонеры во главѣ съ военной партіей. Они, видя, какъ бережно и осторожно либеральная буржуазія обходитъ всѣ щекотливые вопросы, связанные съ „эксцессами“ прусскаго офицерства, сразу перешли отъ обороны къ нападенію. Они то не ждали приговора военнаго суда, зная, что судьи, наоборотъ, сами ждутъ лозунга отъ нихъ.

Первый выступилъ открыто въ защиту Форстнера и Рейтера безъ всякихъ оговорокъ начальникъ берлинской полиціи Ф.—Яговъ. Это былъ сигналъ къ наступленію и военная партія въ награду за это оказала ему исключительную любезность: единственное штатское лицо, получившее приглашеніе на торжественный обѣдъ, устроенный генералами, былъ Ф.—Яговъ. Затѣмъ газеты сообщили сенсаціонную вѣсть. Въ разгарѣ цабернскихъ событій ихъ главный дирижеръ генералъ Деймлингъ и его подчиненный полковникъ Рейтеръ, оказывается, получили двѣ телеграммы, подписанныя кронпринцемъ. Одна изъ нихъ гласила: „Смѣло впередъ“, а другая—„Браво!“ Открытое поощреніе цабернскихъ подвиговъ со стороны Ф.—Ягова и самого кронпринца весьма смутили либеральную печать. Однако забить по этому поводу тревогу она не рѣшалась. Въ началѣ она высказывалась лишь сдержанно, надѣясь, что слухъ будетъ еще опровергнутъ; когда же по истеченіи долгаго времени опроверженіе не было сдѣлано, либеральная печать нашла новый поводъ для успокоенія: кронпринцъ былъ переведенъ изъ Данцига въ Берлинъ и разлученъ, такимъ образомъ, со своимъ любимымъ гусарскимъ полкомъ; очевидно, говорили либералы, что этотъ переводъ есть неодобрительная реакція отца не слишкомъ „импульсивное“ поведеніе молодого сына (ему 32 года); значитъ, безпокоиться нечего. Чѣмъ болѣе сдержана и выжидательна была позиція либераловъ, тѣмъ стремительнѣе становилась въ своей аттакѣ военная и юнкерская партія. 10 января, въ тотъ самый день, когда въ Страсбургѣ происходилъ судъ надъ Форстнеромъ и Рейтеромъ, въ Берлинѣ въ прусской палатѣ господъ консерваторы и аграріи призывали къ отвѣту канцлера за то, что онъ дескать ставитъ свою должность имперскаго канцлера выше, чѣмъ свою должность прусскаго премьеръ министра, за то, что имперское правительство не достаточно отстаиваетъ гегемонію Пруссіи въ союзной имперіи. Графъ Іоркъ фонъ Вартенбургъ, обосновывавшій интерпеляцію правительству, развернулъ цѣлую программу, отъ которой пахнуло средневѣковьемъ или вожделѣніями нашего „Союза русскаго народа“. Онъ обрушился на пра-

вительство за то, что оно своимъ закономъ, приведеннымъ въ дѣйствіе, о покрытіи военныхъ расходовъ прямыми налогами посягнуло на священныя привиллегіи союзныхъ государствъ и въ частности Пруссіи въ угоду демократіи; онъ обрушился на рейхстагъ за то, что онъ толкаетъ союзныя государства на путь демократизаціи ихъ ландтаговъ, за то, что онъ согласился путемъ выраженія недовѣрія канцлеру посягнуть на власть прусскаго премьеръ министра. Онъ обрушился на тѣхъ, которые превращаютъ, де,рейхстагъ во „французскій конвентъ", которые осмѣливаются въ рейхстагѣ дѣлать запросы военному министру, стремясь такимъ образомъ превратить прусскую армію въ парламентскую, посягая такимъ образомъ на прерогативы прусскаго короля, неограниченнаго начальника германской арміи. Единственный оплотъ монархіи, не капитулирующій передъ демократіей,—это Пруссія, восклицалъ Ф. Іоркъ; благодаря ей у насъ не можетъ быть и рѣчи о господствѣ парламентаризма и столичной черни не удастся измѣнить это положеніе вещей. Правительство, говорилъ онъ, должно помнить, что „прусскій король больше теряетъ, нежели германскій императоръ выигрываетъ, отъ того, что идеей германскаго единства злоупотребляютъ въ интересахъ демократическихъ вожделѣній и въ ущербъ прусской монархіи".

Рѣчь Ф. Іорка была хвалебнымъ гимномъ по адресу прусской солдатчины и въ палатѣ господъ не нашлось ни однаго человѣка, который возражалъ бы принципіально противъ текста интерпеляціи и противъ рѣчи графа Іорка. Когда же два—три члена палаты, профессора университета, заявили робко, что они не будутъ голосовать за интерпеляцію, хотя они и согласны съ ней, дабы ихъ голосованіе не было истолковано, какъ вотумъ недовѣрія къ правительству, прусскій „зубръ" Ф. Бухъ имъ на это отвѣтилъ цинично: „Что люди въ странѣ тамъ объ насъ будутъ говорить, намъ должно быть въ высокой степени безразлично. Съ этимъ пускай считаются парламенты, основанные на выборахъ". Въ то время, какъ прусскіе юнкера въ палатѣ господъ метали громы противъ слишкомъ покладистаго по ихъ мнѣнію канцлера, страсбургскій военный судъ, инспирируемый тѣми же юнкерами въ генеральскихъ мундирахъ, продѣлывалъ комедію суда надъ Рейтеромъ и Форстнеромъ.

Главные пункты обвиненія съ самого начала были устранены изъ обвинительнаго акта; показанія штатскихъ свидѣтелей, хотя бы то были показанія городовыхъ, жандармовъ, почтовыхъ служащихъ и разныхъ чиновниковъ гражданскаго вѣдомства, были отведены, какъ не заслуживающія довѣрія по сравненію съ показаніями военныхъ. Въ довершеніе всего въ защиту подсудимыхъ изъ архива извлечена была старая прусская военная инструкція 1820 г., на которую въ примѣчаніи ссылались другія прусскія же военныя инструкціи 1899 г. Согласно этой инструкціи начальникъ имѣетъ право во время безпорядковъ пускать въ ходъ военную силу *безъ приглашенія со стороны полиціи* въ томъ случаѣ, если военный начальникъ убѣдился, что полиція *слишкомъ медлитъ* съ приглашеніемъ войскъ и что она сама не въ состояніи справиться съ безпорядками. Вотъ эта то всѣми забытая прусская инструкція 1820 г., изданная во время самой глухой реакціи въ Европѣ во время дѣйствія знаменитаго „Священнаго Союза", эта инструкція, не вошедшая въ современный прусскій военный уставъ и противорѣчащая ему, инструкція, которая въ Эльзасъ-Лотарингіи,гдѣ совершались инкриминируемыя дѣянія, никогда не имѣла силы, теперь вытащена была на судъ изъ архива и на основаніи этой инструкціи подсудимые были оправданы. Этого мало; чтобъ подчеркнуть, что на судѣ дѣло шло не о торжествѣ права, а о побѣдѣ прусской военщины надъ гражданскимъ правопорядкомъ, предсѣдатель суда по телеграфу поздравилъ архиреакціонеровъ Ф. Ягова и Ольденбурга фонъ Янушау имъ же вынесеннымъ оправдательнымъ приговоромъ!

Какъ реагировали на эту насмѣшку надъ правосудіемъ тѣ политическія партіи, которыя въ рейхстагѣ выразили недовѣріе канцлеру сейчасъ же послѣ цабернскихъ событій? Какъ реагировали онѣ на то, что страсбургскій военный судъ возвелъ теперь диктатуру сабли въ принципъ?

Соц-демократія въ печати и на митингахъ протеста выставила требованіе уничтоженія военныхъ судовъ и подчиненія прусской арміи народу въ лицѣ германскаго рейхстага. Прогрессисты ограничивались требованіемъ уничтоженія устарѣлыхъ прусскихъ военныхъ инструкцій, противорѣчащихъ конституціи и уничтожающихъ свободу гражданъ, какъ будто при отсутствіи пресловутой инструкціи 1820 г. страсбургскіе суды не нашли бы другихъ аргументовъ для оправданія цабернскихъ героевъ; какъ будто дѣло тутъ было не въ системѣ, а въ маленькихъ недостаткахъ механизма. Но позорнѣе всего было поведеніе клерикаловъ и національ-либераловъ, этихъ рыцарей на часъ. Клерикалы и національ-либералы, которые въ началѣ событій тоже голосовали въ рейхстагѣ за выраженіе недовѣрія канцлеру, теперь, когда реакція мобилизовала всѣ свои силы и перешла въ наступленіе, сложили оружіе и запросили прощенія.

Боясь, какъ бы продолженіе войны съ правительствомъ не накликало бы новыхъ, худшихъ бѣдъ, какъ бы камарилья не поставила на канцлерскій постъ вмѣсто покладистаго Бетмана-Гольвега стремительнаго Ф. Ягова, національ-либералы съ радостью ухватились за нѣсколько ни къ чему не обязывающихъ фразъ, сказанныхъ Бетманъ-Гольвегомъ, чтобъ заявить, что теперь они удовлетворены имперскимъ правительствомъ, что теперь они ему, наконецъ, довѣряютъ вполнѣ. Они пошли даже гораздо дальше въ своемъ покаянномъ настроеніи. Когда 13 января, въ прусскомъ ландтагѣ повторилась таже сцена, которая за 3 дня до того имѣла мѣсто въ прусской палатѣ господъ, когда консерваторы сдѣлали нападеніе по всей линіи на правительство справа, національ-либералы выставили отъ себя ораторомъ наиболѣе праваго члена своей фракціи, д-ра Рохминга и этотъ докторъ взялъ подъ свою защиту не только канцлера, но и военнаго министра и военный судъ и весь прусскій націоналистическій курсъ: „Въ Эльзасѣ", говорилъ онъ, „безнаказанное издѣвательство надъ Пруссіей стало воскреснымъ развлеченіемъ... Я прусскій судья и я заявляю, что безконечно выше права и судьбы отдѣльныхъ лицъ стоитъ судьба націи, зависящая отъ организаціи арміи и въ не малой степени онъ духа офицерства

Главная вина цабернскихъ событій падаетъ на гражданское вѣдомство въ Эльзасѣ, которому не хватаетъ прусскихъ чиновниковъ... Государственный дѣятель долженъ считаться не только со справедливостью, но и съ государственной цѣлесообразностью. Примирительная политика въ Эльзасѣ не цѣлесообразна ни съ какой точки зрѣнія... Восторжествовать долженъ прусскій духъ, правящій на основѣ не сентиментальныхъ, а дѣловыхъ соображеній и т. д. и т. д.

Измѣна націоналъ-либераловъ при данномъ соотношеніи общественныхъ силъ ликвидировала окончательно наступившій было на моментъ политическій кризисъ въ Германіи и закрѣпила торжество прусской реакціи. Однако, чтобы сдѣлать послѣднюю попытку сомкнуть разстроенные ряды оппозиціи въ виду наступающаго непріятеля, соц.-демократы и прогрессисты внесли въ рейхстагъ интерпелляціи по поводу страсбургскаго суда, дебаты по которымъ состоялись 23 января. Въ защиту своей интерпеляціи Соц.-дем. фракція выставила первымъ ораторомъ Франка, и вторымъ Лебедура. Оба оратора дали уничтожающую критику поведенія правительства, въ связи съ цабернскими событіями и показали неосновательность тѣхъ надеждъ, которыя возлагаются на его исправленіе въ частности, они очень рѣзко напали на поведеніе кронпринца; они чрезвычайно зло высмѣяли его и указали, что его поведеніе является лучшимъ оправданіемъ республиканской программы соц.-дем. Свою брызжущую остроуміемъ и ѣдкимъ сарказмомъ рѣчь Франкъ закончилъ слѣдующимъ обращеніемъ къ буржуазнымъ партіямъ.

„Мы переживаемъ острый конфликтъ“, говорилъ онъ, и вопросъ лишь о томъ, какъ буржуазія будетъ вести себя въ этомъ конфликтѣ. Буржуазія въ дѣйствительности сильнѣе, чѣмъ она сама объ себѣ думаетъ. Она переоцѣниваетъ силу консерваторовъ. Консерваторы давно уже потеряли бы свое экономическое и политическое значеніе, если бы буржуазія ихъ не поддерживала... Буржуазія боится въ настоящее время рѣшительныхъ битвъ, потому что она еще не забыла пораженія, которое она потерпѣла 50 лѣтъ тому назадъ въ эпоху конфликта между парламентомъ и правительствомъ Бисмарка. Но съ тѣхъ поръ много воды утекло и историческія ситуаціи не повторяются всецѣло. Урокъ событій той эпохи заключается въ томъ, что одной парламенской борьбой побѣдить невозможно. Эта борьба должна опираться на волю народнаго большинства, проявляющагося внѣ парламента. Этого фактора не существовало 50 лѣтъ тому назадъ, но теперь онъ существуетъ.

Мы не ждемъ отъ васъ революціонныхъ дѣлъ; мы ждемъ отъ васъ только, чтобы вы имѣли мужество реализовать тѣ права, которыми вы обладаете. Тѣ господа справа черпаютъ свои права изъ мусора прошлаго. Мы же черпаемъ свои права и свою силу изъ почвы настоящаго. Мы, то смѣшанное общество, которое называется рейхстагомъ, за которымъ стоятъ милліоны и милліоны народа, мы истинные кузнецы будущей Германіи“.

Призывъ Франка, обращенный къ буржуазнымъ партіямъ, остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Онъ, конечно, правъ былъ, когда говорилъ, что буржуазія въ Германіи теперь неизмѣримо большая сила, чѣмъ 50 лѣтъ тому назадъ, что теперь она въ конечномъ счетѣ задаетъ тонъ, что теперь она могла бы справиться съ юнкерскимъ режимомъ, еслибъ она этого хотѣла. Но бѣда именно въ томъ, что она этого не хочетъ.. Какъ.

могутъ націоналъ-либералы отважиться на рѣшительную борьбу съ привилегіями прусскаго юнкерства и прусской военной касты, когда они сами добиваются всяческихъ монополій и привиллегій, когда они сами въ настоящее время въ Германіи въ лицѣ „Центральнаго союза промышленниковъ“ рука объ руку съ „Союзомъ сельскихъ хозяевъ“ организуетъ средніе классы буржуазіи для нападенія на коалиціонныя права рабочихъ съ одной стороны, для защиты протекціонистской таможенной политикой, съ другой?

Повидимому надо, чтобы разложеніе прусскаго бюрократическаго режима, симптомы котораго достаточно обнаружились уже на недавнемъ скандальномъ Кельнскомъ полицейскомъ процессѣ, значительно подвинулось впередъ. Надо, съ другой стороны, чтобы благоденствующая буржуазная Германія почувствовала нѣсколько такихъ сильныхъ подземныхъ толчковъ, какіе испытываетъ въ послѣдніе годы Англія, чтобы коалиція буржуазно-юнкерскихъ реакціоныхъ силъ, лишь изрѣдка разстраиваемая теперь небольшими семейными ссорами, дала чувствительныя трещины. Возможно, что надвигающійся промышленный кризисъ подготовитъ для этого почву, если онъ не расшатаетъ организацій рабочихъ..

А. Мартыновъ.

Борьба общественныхъ силъ въ 1913 году.

Классовое движеніе пролетаріата, начавшее вновь принимать массовые размѣры въ 1911 году, въ истекшемъ году продолжало развиваться внѣ непосредственной связи съ зарождающимися движеніями другихъ общественныхъ группъ. Общественно-политическая *изоляція пролетаріата*, достигнутая въ результатѣ классовыхъ столкновеній 1905—6 гг. и явившаяся основной предпосылкой побѣды контр-революціи, продолжаетъ существовать и опредѣлять собою характеръ новой эпохи общественнаго подъема въ нынѣшней его стадіи. Объективныя предпосылки этой изоляціи уже отходятъ въ прошлое; соціально-психологическая атмосфера, ее питающая, продолжаетъ оказывать свое дѣйствіе. Постольку лишь косвенно и незамѣтно для участниковъ общественной борьбы сказывается вліяніе все растущаго „оживленія“ пролетаріата на настроеніе и политическое поведеніе другихъ слоевъ общества. Тѣмъ болѣе вяло происходитъ политическая мобилизація этихъ послѣднихъ, не нашедшихъ еще своего общественнаго центра—той, болѣе опредѣлившейся, политической силы, къ движенію которыхъ они могли-бы прислониться. Процессъ „оживленія“ не-пролетарскихъ классовъ, запуганныхъ, распыленныхъ или развращенныхъ контр-революціоннымъ терроромъ, развивается поэтому съ крайней медленностью, съ большими задержками: мертвый часто хватаетъ живого

и пытается задушить его въ холодныхъ объятіяхъ; пособники реакціи и оппортунистическіе дѣльцы стараются отвести пробуждающееся недовольство въ русло контръ-революціонной политики. Неудача подобныхъ попытокъ и новыя проявленія растущаго въ различныхъ общественныхъ группахъ сознанія внутренней гнилости контръ-революціоннаго режима—таковъ главный итогъ общественной жизни истекшаго года.

Онъ начался въ разгаръ первой Балканской войны, когда послѣдняя уже достаточно обнаружила свой завоевательный и истребительный характеръ. Попытки реакціонныхъ и либеральныхъ славянофиловъ увлечь демократію идеей крестоваго похода противъ Ислама потерпѣли жалкое крушеніе. Новый годъ начинался среди изряднаго равнодушія къ событіямъ на Балканахъ.

Націоналистическая клика разсчитывала использовать въ своихъ интересахъ растущее въ обывательскихъ массахъ недовѣріе къ правительству и его политикѣ. Подъ предлогомъ плохой защиты русской дипломатіей „интересовъ Россіи", она пыталась вызвать „патріотическое" уличное движеніе и раздуть по всей странѣ пламя имперіалистскаго шовинизма. Въ Петербургѣ и Кіевѣ произошли уличныя манифестаціи, грозившія обострить отношенія Россіи съ Австріей. Но народъ не пошелъ за „патріотами", несмотря на то, что полиція, разгоняя манифестантовъ нагайками, какъ бы придала оппозиціонный характеръ ихъ реакціоннымъ выступленіямъ.

Избитые „патріоты" пытались поговорить о своемъ п р а в ѣ, какъ гражданъ заниматься „политикой", но ихъ представители въ Гос. Думѣ и правой печати во время вспомнили, что защита „права на политику" можетъ быть использована демократіей для цѣлей, ничего общаго не имѣющихъ съ имперіализмомъ,—и постарались замять инцидентъ. Въ результатѣ населеніе получило новый наглядный урокъ безцеремонности бюрократіи и нравственнаго ничтожества контръ-революціонныхъ „патріотовъ", а имперіалистской „идеѣ славянства" былъ нанесенъ сильный ударъ. Послѣдовавшая затѣмъ война между самими балканскими союзниками довершила банкротство русскаго „нео-славянофильства",—этой контръ-революціонной попытки оторвать оппозиціонное движеніе имущихъ классовъ отъ демократіи и избавить его отъ необходимости тѣхъ политическихъ и соціальныхъ уступокъ демократіи, которыя жизнь навязала имущимъ классамъ въ 1904—6 гг.

Процессъ накопленія оппозиціонныхъ элементовъ въ имущихъ верхахъ, обозначившійся уже въ 1912 году, продолжался и въ 1913-мъ.

Устами вновь выбраннаго предсѣдателя нижегородскаго биржевого комитета Салазкина крупная торгово-промышленная буржуазія снова формулировала свое недовольство господствующимъ режимомъ произвола и подавленія общественной самодѣятельности и свое стремленіе освободиться отъ дворянской диктатуры. Домовладѣльческая московская дума упорно отказывалась выбрать себѣ городского голову, угоднаго правительству. А на происходившемъ въ августѣ въ Кіевѣ всероссійскомъ съѣздѣ городскихъ дѣятелей недовольство буржуазіи вылилось

въ форму враждебной правительству манифестаціи во имя требованія „осуществленія манифеста 17 октября", выраженнаго въ извѣстной рѣчи и резолюціи А. И. Гучкова.

Эти манифестаціи верховъ буржуазіи и не прорывающееся наружу, но легко ощутимое, болѣе глубокое недовольство рядовой массы имущихъ не могло не отразиться на поведеніи тѣхъ политическихъ кружковъ, которые замѣняютъ собой отсутствующія у насъ организованныя партіи. Уже въ теченіе 1-й сессіи IV Госуд. Думы не только буржуазная „отвѣтственная оппозиція", но и октябристы взяли рѣзкую ноту въ критикѣ правительства во время бюджетныхъ преній. Принятая Думой формула перехода по бюджету мин.вн. дѣлъ являлась прямымъ обвиненіемъ всего существующаго режима. Въ теченіе лѣтнихъ каникулъ, одна за другой, партіи к.-д., прогрессистовъ и октябристовъ постановляли усилить „лѣвый", оппозиціонный характеръ своей думской дѣятельности. Результатомъ конференціи Союза 17 октября явилось въ концѣ истекшаго года распаденіе его думской фракціи на 3 части, изъ которыхъ „лѣвая" стремится къ политическому сближенію съ наиболѣе умѣренными элементами буржуазной оппозиціи.

Вновь выплываетъ идея образованія „центральной" буржуазной партіи изъ „лѣвыхъ октябристовъ", прогрессистовъ и правыхъ к.-д., которая объединила бы всѣ недовольныя группы имущихъ и защищала ихъ объединенные интересы одинаково противъ правительства и крѣпостниковъ, съ одной стороны, противъ демократіи,—съ другой. „Нужно имѣть смѣлость *не быть демократами*", заявилъ депутатъ-прогрессистъ фабрикантъ Бубликовъ, говоря о проектѣ такого объединенія. Какъ будто бы у этихъ господъ когда-нибудь не хватило „смѣлости" въ дѣлѣ забвенія интересовъ подлиннаго народа! Какъ будто-бы ихъ, очевидная теперь для нихъ самихъ, политическая слабость, безплодность ихъ собственной борьбы съ крѣпостниками коренится въ чемъ-либо другомъ, а не въ этомъ самомъ ихъ стремленіи „не быть демократами", то есть, обойтись *безъ демократіи* въ дѣлѣ борьбы „за конституцію", безъ уступокъ соціальнымъ и политическимъ требованіямъ народныхъ низовъ, безъ признанія необходимости самой широкой самодѣятельности этихъ низовъ для того, чтобы господство крѣпостниковъ было, наконецъ, ликвидировано и разъ навсегда!

Броженіе среди имущихъ классовъ, выразившееся въ этихъ политическихъ передвижкахъ, не выходитъ, дѣйствительно, доселѣ изъ тѣхъ рамокъ, въ которыя была втиснута политическая мысль буржуазіи вмѣстѣ съ торжествомъ контръ революціи. Постепенно руководящія буржуазныя группы отдѣлываются отъ надежды на то, что „власть" по собственному почину или подъ давленіемъ легкой благонамѣренной критики буржуазіи перенесетъ свой центръ тяжести съ землевладѣнія на „капиталъ и образованіе" и тѣмъ будетъ положено начало „правовому строю", одинаково удобному для эксплоататоровъ всѣхъ мастей. Но отказываясь отъ этой утопіи, представители буржуазной умѣренности и буржуазнаго либерализма еще не сдѣлали изъ своего опыта логическаго вывода о необходимости дѣйствительной

борьбы „за конституцію“,—той борьбы, при которой *придется* апеллировать къ народу, его самодѣятельности и активности.

Буржуазные верхи—въ лицѣ крупныхъ промышленниковъ и ихъ непосредственныхъ политическихъ представителей въ Думѣ—продолжаютъ поддерживать произволъ и гнетъ того самаго строя, который они критикуютъ (когда гнетъ и произволъ обрушиваются на рабочій классъ). Наиболѣе-же либеральная часть имущихъ классовъ, непосредственно не связанная съ тѣми карманными интересами, во имя которыхъ промышленные либералы терпятъ попраніе закона, совершенное по отношенію къ рабочимъ, обнаруживаетъ туже анти-демократическую тенденцію упорнымъ отказомъ отъ какого бы то ни было содѣйствія дѣлу пробужденія политической активности широкихъ массъ.

Въ истекшемъ году эти анти-демократическія и анти-боевыя тенденціи либеральнаго конституціонализма проявились въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ поразительной яркостью. Былъ моментъ, когда широкіе круги населенія напряженно ждали дня оффиціальнаго юбилея, который долженъ былъ принести нѣчто вродѣ *политической амнистіи*. Политическая пресса либерализма приложила всѣ усилія къ тому, чтобы лозунгъ такой амнистіи не сталъ лозунгомъ широкихъ общественныхъ круговъ, не вызвалъ внушительной манифестаціи общественнаго мнѣнія. Либеральная пресса усыпляла мысль своихъ читателей, увѣряя ихъ изъ „самыхъ достовѣрныхъ источниковъ“, что „почти всѣ“ жертвы контръ-революціи подпадутъ подъ дѣйствіе ожидавшагося указа. Воспитанный въ пассивности обыватель ждалъ, разинувъ ротъ... Два-три „пожеланія“, высказанныя органами самоуправленія, остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Всеобщее обывательское возмущеніе, вызывавшееся неоднократно экспериментами надъ средней школой, равнымъ образомъ не нашло своего выраженія въ какомъ-либо серьезномъ общественомъ движеніи. Буржуазные „отцы“, въ теченіе ряда лѣтъ убѣждавшіе своихъ дѣтей въ томъ, что они могутъ предоставить имъ всецѣло занятіе „политикой“, пальцемъ о палецъ не ударили, чтобы *политически бороться* за своихъ дѣтей.

Предпринятое г. Н. Маклаковымъ дѣло „освобожденія отъ печати“ точно также не побудило буржуазно оппозиціонные круги къ сколько-нибудь серьезной борьбѣ. Резолюціи протеста столичныхъ и провинціальныхъ газетъ противъ правительственнаго законопроекта не послужили началомъ какого-нибудь *общественнаго* отпора новымъ замысламъ реакціи. Лѣтнія конференціи либеральныхъ партій не затрагивали самаго вопроса о необходимости отстаивать крупицы свободы печати иными средствами, кромѣ заранѣе обреченныхъ на неуспѣхъ средствъ думской борьбы.

Нечего и говорить, что вся борьба рабочаго класса за право организаціи, за неприкосновенность личности, за свободу печати, не встрѣтила и въ истекшемъ году какой-либо политической поддержки со стороны русскаго либерализма.

Съ наибольшей яркостью основная политическая тонденція послѣдняго сказалась въ „дѣлѣ Бейлиса“, на время приковавшемъ къ себѣ вниманіе самыхъ широкихъ круговъ населенія.

Мракобѣсная политика націонализма нашла свое завершеніе въ оффиціальномъ воскрешеніи средневѣковой легенды. Надъ нѣсколькими милліонами русскихъ гражданъ нависло обвиненіе въ людоѣдствѣ. Разжиганіемъ религіознаго фанатизма въ темныхъ массахъ хотѣли получить прочную основу для дальнѣйшаго развитія націоналистической политики, прикрѣпляющей одураченный народъ къ „своимъ“ хищническимъ группамъ и отвлекающей его отъ борьбы съ дѣйствительнымъ угнетеніемъ и дѣйствительной эксплоатаціей.

Опьяненная предыдущими успѣхами, реакція зарвалась. Ея выступленіе въ союзѣ съ подонками общества вызвало негодованіе во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Волна протестовъ поднялась и въ Россіи. Трагическая судьба завѣдомо-невиннаго человѣка, ужасъ положенія цѣлой народности, надъ которой нависла угроза средневѣковыхъ обвиненій, откровенное зрѣлище г.г. Випперовъ, служащихъ цѣлямъ реакціонной политики,—все соединилось, чтобы вывести массы изъ состоянія обычнаго равнодушія. Кіевскій судебный процессъ начиналъ превращаться въ актъ политической борьбы между объединенными силами реакціи и разрозненными прогрессивными силами.

Но либеральные руководители общественнаго мнѣнія сдѣлали все возможное для того, чтобы робко начавшееся движеніе не пріобрѣло оформленно-политическаго характера. Какъ только харьковское медицинское общество подверглось репрессіи за свою резолюцію, данъ былъ сигналъ бить отбой. Рѣшительное выступленіе петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, вызвавшее ихъ преданіе суду, не было поддержано. Когда же судебное дѣло закончилось и насталъ моментъ поставить передъ обществомъ во весь ростъ вопросъ о борьбѣ съ выступившими въ этомъ дѣлѣ силами, „оппозиціонныя“ фракціи Гос. Думы не исполнили своего элементарнаго долга, не предъявили запроса о всей суммѣ тѣхъ незаконномѣрностей, въ которыхъ ярко сказалась отвѣтственность режима не только въ „дѣлѣ Бейлиса“, но и во всей политикѣ національной травли. Достигшее къ концу процесса сильной степени, общественное напряженіе постепенно разрѣдилась и морально опозоренная реакція уже вновь подняла голову.

Во всемъ этомъ, какъ нельзя болѣе ярко, сказалась та *отвычка* широкихъ круговъ демократіи отъ политической борьбы, которая сложилась въ теченіе контръ-революціонныхъ лѣтъ и которая систематически питалась и питается либерализмомъ, старающимся пріучить народъ къ мысли о томъ, что съ возникновеніемъ Думы обыватель долженъ возложить на нее и на засѣдающихъ въ ней „ходатаевъ“ все дѣло политической борьбы.

Именно симптомовъ пробужденія широкихъ круговъ непролетарской демократіи къ *политической самодѣятельности и политической борьбѣ* истекшій годъ почти не далъ. Кое-гдѣ на вновь выбранныхъ земскихъ собраніяхъ обозначилось стремленіе крестьянъ образовать самостоятельное представительство и занять самостоятельную позицію между дворянской и буржуазно-разночинной группами. Недавній учительскій съѣздъ засвидѣтельствовалъ фактъ серьезнаго политическаго броженія среди этого важнаго слоя демократической интеллигенціи.

Но именно учительскій съѣздъ показалъ, что если политическое недовольство среди интеллигентской демократіи велико, то наибольшей глубины и интенсивности оно достигло въ той области общественныхъ отношеній, которая *наименѣе непосредственно* связана съ наиболѣе острыми нуждами подлиннаго народа. Не политическое и гражданское безправіе народныхъ массъ, не соціальная несправедливость, отражающіяся въ современной школѣ и на положеніи учителя, вызвали наиболѣе рѣшительныя выступленія, а *національный вопросъ*, имѣющій, конечно, существенное значеніе въ жизни демократіи, но не могущій быть разрѣшеннымъ внѣ самой тѣсной связи съ коренными вопросами демократизаціи всего государственнаго и общественнаго строя. Въ этомъ болѣзненномъ концентрированіи интересовъ отдѣльныхъ слоевъ демократіи на національномъ вопросѣ сказывается не только реакція на анти-обшественную политику правительственнаго націонализма, но и недостаточное связываніе задачи борьбы противъ національнаго гнета съ болѣе общими задачами демократіи.

Политическая мобилизація демократіи еще только въ самомъ началѣ и ея передовымъ элементамъ еще много придется поработать, чтобы высвободить массы изъ подъ гипноза а-политическихъ и культурническихъ настроеній, мѣшающихъ ей взяться за продолженіе недодѣланнаго дѣла.

Отъ этой задачи демократіи не уйти, она все болѣе властно будетъ вставать передъ нею по мѣрѣ того, какъ будутъ разлагаться тѣ общественныя силы, диктатура которыхъ составляетъ содержаніе режима контръ-революціи.

Л. М.

Юбилей безъ юбиляра.

Для юбилея требуется юбиляръ—подлинный юбиляръ. Оно и нелѣпо было бы праздновать юбилей человѣка, когда онъ уже умеръ. Хотя бы у него былъ сынъ, хотя бы нѣкоторыми чертами онъ даже напоминалъ отца. Сынъ не могъ бы замѣстить отца ни въ какомъ случаѣ. А если онъ еще предавалъ дѣло отца, если онъ разрушалъ его работу, если для разрушенія этой работы онъ соединялся съ заклятыми врагами своего отца?

8 января исполнилось 50-лѣтіе существованія земства. И начиная съ этого числа въ теченіе нѣсколькихъ дней чествовали земство. Какое земство? То земство, которое развивалось и росло въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій и затѣмъ умерло въ 1905 году? Или новое земство, которое возникло на развалинахъ стараго? Но вѣдь первое земство чествовать нельзя: оно не дожило до 50-лѣтняго юбилея.

А второе? Второе не можетъ замѣщать первое ни въ какомъ случаѣ. Оно кое что унаслѣдовало отъ перваго. Культурную работу и оно ведетъ и нѣкоторыя заслуги въ этой области и за нимъ будутъ. Но преемственность между новымъ и старымъ земствомъ все таки разрушена. И въ то же время та достаточно рѣзкая пограничная черта, которая и старое земство отдѣляла отъ демократіи, теперь расширена и углублена. Отъ новаго земства демократію отдѣляетъ уже совершенно непроходимая пропасть.

Мы не склонны идеализировать и старое земство.

Узкій цензовой и сословный характеръ представительства дѣлалъ и старое земство неспособнымъ представлять, какъ слѣдуетъ, интересы широкой массы населенія. Но дворянскіе зубры, то большинство дворянства, которое сейчасъ, когда политическія направленія ясно опредѣлились, стоитъ даже правѣе октябристовъ, относилось равнодушно къ земству. Земство тогда зубрамъ было не нужно, оно ихъ не интересовало. И земствомъ завладѣло меньшинство дворянства, меньшинство, настроенное либерально, мѣстами даже демократически. Это меньшинство въ своей массѣ тоже неспособно было, конечно, отрѣшиться отъ своихъ классовыхъ интересовъ, и тамъ, гдѣ эти интересы заговаривали, оно дѣйствовало согласно имъ, въ ущербъ интересамъ массы населенія. Напр. когда дѣло шло объ обложеніи. Крестьяне, какъ общее правило, облагались сильнѣе, чѣмъ землевладѣльцы. Но въ культурной работѣ земское меньшинство дворянства было смѣлѣе. Тутъ оно совершило грѣхопаденіе. Оно приблизило къ себѣ такъ называемый третій элементъ. Масса интеллигенціи, и сплошь и рядомъ гонимой интеллигенціи не находящей себѣ работы на другихъ поприщахъ, устремилась сюда, на земскую ниву.

Рѣзкая демократическая струя вмѣстѣ съ нею ворвалась въ земство. И тѣсный альянсъ, который на почвѣ временной общности политическихъ интересовъ кое гдѣ образовался между демократически и даже соціалистически настроенною интеллигенціей, работающей въ земствѣ, и выбранными земцами, вызывалъ даже часто у многихъ вредныя и нелѣпыя иллюзіи, будто бы русская жизнь ниспровергла классовый принципъ, будто бы у насъ осуществляется какое то идиллическое соединеніе всѣхъ классовъ въ дружной борьбѣ противъ правительства.

Сама земская практика часто грубо и рѣзко разрушала эту иллюзію. Третій элементъ очень часто наталкивался на противодѣйствіе въ своей работѣ не только со стороны администраціи, но и со стороны выбранныхъ земцевъ.

Но пока земство было занято главнымъ образомъ культурной работой, въ немъ могли еще сравнительно дружно уживаться противоположные элементы, объединившіеся въ немъ.

Картина рѣзко измѣнилась, когда оппозиціонное настроеніе, все время въ земствѣ питавшееся постоянными столкновеніями съ администраціей, начало выливаться въ форму опредѣленнаго политическаго столкновенія земцевъ съ правительствомъ.

На первыхъ шагахъ этого столкновенія дворянскіе зубры продолжали дремать. Они не проснулись даже тогда, когда съѣздъ земскихъ дѣятелей въ 1904 году выступилъ съ конституціонными требованіями. Часть зубровъ сначала даже сочувственно поддерживала это конституціонное движеніе. 1905 годъ только разбудилъ зубровъ. Особенно когда городское движеніе увлекло и деревню, когда запылали дворянскія усадьбы. И не только у зубровъ, настоящихъ зубровъ движеніе 1905 года пробудило классовый страхъ и классовую ненависть.

И въ рядахъ старыхъ земцевъ, въ рядахъ того культурнаго, образованнаго меньшинства дворянъ, которые владѣли старымъ земствомъ, движеніе 1905 года вызвало рѣзкое раздѣленіе. Образовалось на земскихъ съѣздахъ значительное меньшинство, которое, чѣмъ дальше, тѣмъ все рѣзче и рѣзче поворачивалось противъ общественнаго движенія 1905—1906 гг. Это меньшинство подъ знаменемъ октябризма порвало связь съ остальными земцами, и протянуло руку дворянскимъ зубрамъ. Этимъ невѣжественнымъ рядовымъ представителямъ дворянства, объятымъ только однимъ ощущеніемъ, ощущеніемъ страха.

Вмѣстѣ съ зубрами прежніе либеральные представители земства сплотились вокругъ правительства, поддерживая его во всѣхъ его реакціонныхъ мѣропріятіяхъ. И вмѣстѣ съ ними они завладѣли земствомъ, рѣшительно очищая его отъ всего, что носило на себѣ какіе нибудь слѣды демократіи.

Въ настоящій моментъ, когда подоспѣлъ 50-лѣтній юбилей, этотъ реакціонный угаръ въ земствѣ уже прошелъ. Зубры снова охладѣваютъ къ земству. Земство становится либеральнѣе, чѣмъ оно было въ первые моменты реакціоннаго угара. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ снова дѣлается замѣтной широкая культурная работа.

Но прежнее земство все таки на оживетъ. Въ этомъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Классовое воспитаніе не пропадаетъ даромъ. Демократическій третій элементъ не пріобрѣтетъ уже въ земствѣ той огромной политической роли, которую онъ игралъ въ 90-хъ и началѣ 900-хъ г.г. Не пріобрѣтетъ, пока держится существующая избирательная система, отдающая земство въ руки дворянства.

Но, порвавъ рѣшительно и навсегда съ демокртіей, теперешнее земство плохо уживается и съ бюрократіей.

Бюрократія даже съ теперешнимъ земствомъ неспособна поладить, даже съ нимъ у него возникаютъ тренія и даже его оно боится.

Бюрократія напр. боялась встрѣчи теперешнихъ земскихъ людей съ Государственной Думой и устроила такъ, чтобы Гос. Дума во время земскаго юбилея не засѣдала.

Она побоялась также и торжественнаго собранія, которое Городская Дума хотѣла устроить въ честь съѣхавшихся земствъ и попросту его запретила.

Нѣмую встрѣчу она устоила земцамъ. Земцы наполняли Дворянское собраніе, министерство внутреннихъ дѣлъ и... молчали.

Къ нимъ никто не обращался съ рѣчами и имъ не нужно было отвѣчать. Да имъ и нечего было говорить. Они были не на своемъ мѣстѣ. Въ большинствѣ своемъ они только люди вчерашняго дня, люди, начавшіе свою дѣятельность съ разрыва преемственной связи съ старымъ земствомъ.

Имъ еще рано-праздновать юбилей, 50-лѣтній юбилей имъ не принадлежитъ, да и никому не принадлежитъ, такъ какъ старые земскіе работники, представители старой земской исторіи, сохранявшей непрерывную преемственность до 1905 г. теперь въ большинствѣ своемъ не у дѣлъ теперь удалены и удалены навсегда отъ земской работы.

Изъ 150 участниковъ земскихъ съѣздовъ, сказалъ Н. Н. Львовъ на банкетѣ общественныхъ дѣятелей, дѣйствующими (въ земской работѣ) оставалось всего нѣсколько человѣкъ.

Нѣмыми были теперешніе земскіе работники на оффиціальныхъ торжествахъ, нѣмыми они остались и на банкетѣ общественныхъ дѣятелей, устроенномъ въ честь ихъ. И тамъ имъ было нечего говорить. Потому что тамъ чествовалось старое земство. Да и то чествовалось условно. Рядомъ съ панегриками раздавались и рѣчи, рѣзко подчеркивавшія отрицательныя черты стараго земства, тѣ черты, которыя жили и въ старомъ земствѣ, благодаря лежавшей въ его основѣ сословной избирательной системѣ.

И то, что въ общемъ объединило говорившихъ на этомъ банкетѣ, относилось даже не къ старому, умершему въ 1905 году земству, а къ будущему земству, земству демократіи, земству построенному на всеобщемъ избирательномъ правѣ. Къ борьбѣ за это земство звали рѣчи на банкетѣ, въ преобразованіи земства на демократическихъ основаніяхъ они видѣли необходимый залогъ плодотворной земской работы.

Теперешніе земцы слушали эти рѣчи на банкетѣ, но не откликались на нихъ ничѣмъ. То, что они были не только на оффиціальныхъ торжествахъ, но и на банкетѣ общественныхъ дѣятелей, само по себѣ представляетъ, конечно, интересный и заслуживающій вниманія фактъ современности. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ, что даже въ лицѣ теперешнихъ земцевъ бюрократія не имѣетъ настоящихъ друзей и союзниковъ, что даже они могутъ ей измѣнить въ рѣшительный моментъ.

Но и общественные дѣятели, собравшіеся на банкетѣ, по крайней мѣрѣ болѣе демократическая ихъ часть, не имѣютъ основанія смотрѣть на теперешнихъ земцевъ, какъ на своихъ друзей и союзниковъ. Теперешніе земцы могутъ измѣнить бюрократіи, но демократіи имъ незачѣмъ даже измѣнять, потому что съ нею они просто вмѣстѣ не пойдутъ. А когда дѣло зайдетъ о рѣшительной демократизаціи Государственной ли Думы, земскихъ ли учрежденій, они пойдутъ противъ нея, они подадутъ руку тогда бюрократіи.

Но пока эта демократизація прямо имъ не угрожаетъ. О ней пока только говорятъ. Поэтому они могли присутствовать и на банкетѣ, гдѣ раздавались демократическіе лозунги, также какъ раньше присутствовали на оффиціальныхъ торжествахъ. Съ тѣмъ... чтобы уѣхать отсюда чужими и правительству и демократіи.

Н. Череванинъ.

Вмѣшательство Интернаціонала и с.-д. единство въ Россіи.

Положеніе дѣлъ въ россійской соціалъ-демократіи, вновь привлекшее къ себѣ всеобщее вниманіе фактомъ раскола ея думской фракціи, вызвало вмѣшательство Интернаціонала. По иниціативѣ друзей россійской соціалъ-демократіи—и прежде всего К. Каутскаго—международное соціалистическое бюро постановило сдѣлать попытку урегулировать организаціонныя отношенія между различными соц.-дем. фракціями Россіи и Польши (включая P. P. S.) путемъ совмѣстнаго обсужденія вопроса о возстановленіи между ними партійнаго единства.

Необходимо указать, что это не первая попытка со стороны Интернаціонала. Еще въ 1905 году Авг. Бебель по собственному почину обратился къ „большевикамъ“ и „меньшевикамъ“ въ лицѣ Н. Ленина, съ одной стороны, и редакціи „Искры“ съ другой, съ предложеніемъ своего посредничества въ дѣлѣ устраненія раскола. „Меньшевики“ отвѣтили согласіемъ. Напротивъ, Н. Ленинъ опубликовалъ отвѣтъ Бебелю, смыслъ котораго сводился къ кичливому: „не суйся“! Россійская-де соціалдемократія имѣетъ свои съѣзды, которые и разберутъ всѣ спорные вопросы. Собравшійся лѣтомъ 1905 г. подъ названіемъ «третьяго» съѣздъ большевиковъ одобрилъ отвѣтъ Н. Ленина Бебелю и, согласно обѣщанію Ленина, покончилъ съ расколомъ—объявивъ „внѣ партіи“ всю несогласно-мыслящую часть русской соціал-

демократіи, въ тотъ моментъ составлявшую значительное ея большинство.

Въ концѣ 1912 года на засѣданіи международнаго бюро предсѣдатель правленія германской с.-д. партіи Гаазе заговорилъ о необходимости давленія Интернаціонала въ цѣляхъ возстановленія с.-д. единства въ Россіи. Знакомый съ постановкой этого вопроса въ русскихъ фракціонныхъ кружкахъ, Гаазе заявилъ прямо и опредѣленно, что подъ дѣйствительнымъ единствомъ понимается объединеніе *всѣхъ* теченій россійской соціалдемократіи, въ томъ числѣ и т. н. «ликвидаторства». Имъ-же указано было, что на пути къ единству сотитъ претензія отдѣльныхъ группъ выдавать себя за всю россійскую с.-д-ію. Различные члены бюро выразили свою солидарность съ заявленіями, сдѣланными Гаазе.

Вскорѣ послѣ того Правленіе германской с.-д-іи попыталось созвать конференцію представителей всѣхъ частей россійской с.-д-іи для обсужденія при его участіи вопроса о возстановленіи единства. Единственнымъ условіемъ для этой конференціи Правленіе, съ своей стороны, ставило отказъ участниковъ отъ *отвода* какой либо приглашаемой группы на основаніи тѣхъ или другихъ ея прошлыхъ дѣйствій.

Т. н. «августовская» часть росс. с.-д-іи отвѣтила согласіемъ на германское предложеніе. Думская фракція также. Напротивъ, центръ «ленинцевъ» вновь отклонилъ посредническія услуги германской партіи, заявивъ, что не считаетъ возможнымъ объединяться съ «ликвидаторами». Вслѣдъ за тѣмъ и ссылаясь на этотъ отвѣтъ, Плехановъ и его кружокъ заявили о невозможности для нихъ явиться на конференцію.

Заслуживаетъ вниманіе это, какъ видитъ читатель, застарѣлое недовѣріе нашихъ „партійцевъ“ къ германскимъ марксистамъ, которыхъ въ другихъ случаяхъ выставляютъ своимъ собственнымъ прообразомъ [1]).

Возобновляя нынѣ свою попытку черезъ посредство междун. бюро, Каутскій и уполномочившее его правленіе германской партіи указываетъ, что для нихъ дѣло идетъ о созывѣ такой конференціи, на которой участники ея, отвлекшись отъ партійной исторіи и прошлыхъ взаим-

---

[1]) Въ большевистской печати дѣлалась попытка свалить отвѣтственность за неудачу попытки на самихъ нѣмцевъ. Именно было указано, что нѣмцы, якобы, настолько мало были освѣдомлены о положеніи дѣлъ въ Россіи, что въ намѣченный ими порядокъ дня конференціи ввели вопросъ о *программѣ*, тогда какъ-де у россійской соціалдемократіи давно имѣется программа, для всѣхъ ея членовъ обязательная. Надо полагать, что этотъ доводъ сознательно приводился для дураченія неосвѣдомленныхъ читателей, ибо Ленинъ конечно хорошо понимаетъ, что въ предложенномъ нѣмцами порядкѣ, дня, гласившемъ: а) программа, б) организація, въ пунктѣ а) имѣлось въ виду не дискутированіе всѣми признаваемой программы 1903 года, а выясненіе принципіально-тактическихъ разногласій въ отличіе отъ чисто-организаціонныхъ.

ныхъ обвиненій, послѣдовательно разсмотрѣли бы всѣ существенныя разногласія по вопросамъ текущей борьбы и постарались сообща выработать пріемлемую для всѣхъ ихъ линію поведенія.

На сколько до настоящаго времени высказалась печать большевистскаго толка, можно думать, что въ принципѣ эту постановку вопроса большевики нынѣ готовы признать. Большевистскій органъ заявляетъ, что отъ совмѣстнаго—при участіи представителей Интернаціонала—обсужденія спорныхъ вопросовъ не отказывается. Такъ какъ „августовская" часть с.-д-іи не имѣетъ основанія измѣнить прежнее свое отношеніе къ вопросу, то конференція, повидимому, состоится. Что касается польскихъ фракцій, то группа Р. Люксембургъ-Тышко сама возбуждала вопросъ о вмѣшательствѣ Междунар. Бюро въ русскія дѣла въ интересахъ возстановленія единства; польская с,-д. „оппозиція" дѣйствуетъ солидарно съ „ленинцами", а польская соціалист. партія (P. P. S.) заявила на засѣданіи Бюро о желательности предпринятаго имъ шага.

Если она состоится, конференція, во всякомъ случаѣ, не останется безплодной. Еслибъ даже оказалось, что ей не удается привести къ сближенію, а тѣмъ болѣе къ объединенію осколковъ старой с.-д. организаціи, одного результата она достигнетъ: она заставитъ различныя фракціи „подтянуться", опредѣленно формулировать свои точки зрѣнія на вопросы текущей борьбы и тѣмъ установить надлежащую перспективу въ той необъятной сферѣ „нашихъ разногласій", въ которой сейчасъ принципіально-важное перепутывается съ второстепеннымъ и случайнымъ, реальныя проблемы тактики съ мертвой традиціей и схоластикой догмотолкованія. Уже однимъ этимъ облегчена будетъ работа дальнѣйшаго выясненія стоящихъ передъ соціалдемократіей задачъ, хотя бы и впредь этому выясненію суждено было совершаться въ треніяхъ и борьбѣ между отдѣльными фракціями а не въ процессѣ политической дѣятельности объединеннаго коллектива.

Суждена ли россійской соціалдемократіи первая или вторая перспектива—мы не беремся сказать въ настоящее время. Кое что, несомнѣнно, зависитъ отъ „доброй воли" фракцій, въ частности и отъ доброй воли ихъ руководящихъ (литературныхъ, штабовъ. Было бы, однако, демагогіей или навностью—слѣды того и другого въ теченіе всѣхъ 10 лѣтъ нашего раскола были замѣтны у многихъ изъ «нефракціонныхъ» глашатаевъ единства—было бы демагогіей или наивностью приписывать этой доброй волѣ,-точнѣе ея отсутствію или недостаточности,—исключительное или только преимущественное значеніе въ неудачѣ предыдущихъ попытокъ объединенія соціалдемократіи. Какъ цѣлыя фракціи, такъ и особенно литературные штабы были иной разъ несомнѣнно и непосредственно отвѣтственны за неудачу отдѣльныхъ попытокъ установленія нормальныхъ отношеній внутри соціальдемократіи и въ этомъ смыслѣ давали основаніе говорить о недостаткѣ у

нихъ доброй воли. Но если въ теченіе цѣлаго десятилѣтія россійское соц.-дем. движеніе явно и очевидно безплодно бьется надъ рѣшеніемъ этой задачи, то лишь поверхностнѣйшій диллетантизмъ сведетъ хотя бы только ближайшія причины этого явленія къ „фракціонности" такъ называемыхъ „вождей", стоящихъ во главѣ того или другого теченія. Спѣшу оговориться. Сказаннымъ не хочу я отрицать, что отдѣльныя фракціонныя группы или ихъ «вожди» могутъ и должны быть признаны отвѣтственными за тѣ ядовитые цвѣтки, которые выросли и выростаютъ на почвѣ раскола.

Та удушливая атмосфера, въ которой приходится нынѣ жить дѣятелямъ рабочаго движенія, *не является* фатально - неизбѣжнымъ послѣдствіемъ отсутствія организаціоннаго единства, она могла бы быть устранена или разрѣжена „доброй волей" фракцій; вырожденіе фракціонной борьбы—борьбы направленій—въ безъидейную погоню за «захватомъ власти» въ рабочемъ движеніи, введеніе въ эту борьбу пріемовъ „нечаевщины" и демагогіи, представляетъ собою безусловно «лишнюю роскошь», а, между тѣмъ, благодаря этой «роскоши», существенно затрудняются тѣ возможныя совмѣстныя дѣйствія отдѣльныхъ фракцій, которыя еще не создали бы единства организаціоннаго и не устранили бы постоянно дѣйствующихъ факторовъ раздѣленія, но несомнѣнно подготовляли бы *психологическія предпосылки* единства для будущаго.

Вотъ почему, между прочимъ, подлежитъ безусловному отверженію та «сверхфракціонная» точка зрѣнія которая тщится въ одномъ моральномъ осужденіи потопить кружково - демагогическіе эксцессы фракціонной борьбы и самый фактъ существованія организаціонно-обособившихся направленій и неизбѣжно присущую имъ „фракціонность", то есть, внутреннюю дисциплину и стойкость въ отстаиваніи своихъ идейныхъ позиній. Эта точка зрѣнія, типичнымъ представителемъ который нынѣ является Г. В. Плехановъ, приводитъ на практикѣ, во имя абсолютной справедливости, къ чудовищной несправедливости смѣшенія въ одну кучу такихъ явленій, какъ рѣзкая опредѣленность, „фракціонныхъ" отвѣтовъ на проклятый вопросъ, съ одной стороны, и разрушающая самую возможность организаціоннаго развитія сектантски-демократическая склока вокругъ болѣе или менѣе пустого мѣста—съ другой. Только при такомъ смѣшеніи Г. В. Плехановъ и всѣ слѣдующіе за нимъ или ему подражающіе, дѣятели второго сорта могли дѣлать одинаково отвѣтственными и провозглашать таковыми передъ Интернаціоналомъ обѣ основныя группировки русскихъ с.-д. за отдѣльные эпизоды раскола и за весь расколъ въ цѣломъ, только при такомъ игнорированіи различія между „фракціонностью" и демагогіей, можно было передъ тѣмъ же Интернаціоналомъ объявлять причиной, напр., раскола въ думской фракціи „достойные сожалѣнія шаги" тѣхъ марксистовъ, которые всѣми силами стремились предотвратить этотъ расколъ [1]).

[1]) Недавній соратникъ Г. В. Плеханова, Х. Т. Роппопортъ въ статьяхъ, [illegible]

Стало ходячей фразой, между прочимъ, и въ западно-европейской соціалдемократической печати, что тактическія разногласія, раздѣляющія русскую соціалдемократію, гораздо менѣе глубоки и легче преодолимы, чѣмъ тѣ, которыя подтачиваютъ, но не могутъ разрушить, единство въ предѣлахъ, напр., французской или германской соціалдемократіи. Это въ извѣстномъ смыслѣ вѣрно. Вѣрно прежде всего въ томъ смыслѣ, что всѣ теченія внутри россійской соціалдемократіи признаютъ однѣ и тѣ же теоретическія основы своего политическаго міровоззрѣнія. Вѣрно также и въ томъ смыслѣ, что въ силу отчасти самой неразвитости общественныхъ отношеній и своеобразія условій развитія въ Россіи капитализма всѣ фракціи россійской соціалдемократіи ограничены одной и той же соціальной сферой — пролетаріатамъ городской промышленности. Попытки нѣкоторыхъ большевистскихъ литераторовъ конструировать различіе соціальной основы „большевизма“ и „меньшевизма“ въ 1905—7 гг.. по признаку большаго и меньшаго промышленнаго развитія „завоеванныхъ“ тѣмъ и другимъ теченіемъ районовъ и дѣлать отсюда выводы о „мелкобуржуазной“ примѣси въ меньшевизмѣ, не выдерживаютъ прикосновенія критики. Достаточно отмѣтить, что, согласно этой схемѣ, „большевистскій“ Уралъ приходилось отнести къ районамъ передовымъ, въ промышленномъ отношеніи а донецкую и бакинскую индустріи записать за счетъ россійской экономической отсталости.

И, однако, все болѣе яснымъ становится тотъ фактъ, что не столько сами „большевизмъ“ и „ меньшевизмъ“, сколько трудность ихъ органическаго сліянія въ единое с.-д. движеніе, коренится въ характерѣ самой соціальной среды, въ которой оба они черпаютъ свою силу. Классовый, такъ сказать, типъ русскаго пролетарія еще не окончательно отлился, благодаря непрекращающемуся вливанію въ рабочія массы новыхъ и новыхъ потоковъ крестьянскихъ пришельцевъ, постоянно стирающему рѣзкую грань между міромъ пролетаріата и міромъ мелкихъ собственниковъ. Вслѣдствіе этого, въ широкихъ массахъ пролетаріата, поскольку такія массы охватываются *политическимъ* настроеніемъ, съ трудомъ вырабатывается такое сознаніе классового единства въ политической борьбѣ, какое уже восприпято

длительность и видимую непзлечимость русскаго раскола личными свойствами Н. Ленина, этого, по его выраженію, „Столыпина русской с.-д-іи“, не знающаго, подобно покойному премьеру, иныхъ средствъ спасенія отечества, кромѣ сильно дѣйствующихъ. Эту „философію исторіи“ приходится признать слишкомъ поверхностной. Безпорно, безконечное кружковое распыленіе соціалдемократическаго коллектива сдѣлало возможной такую „диктатуру“ отдѣльныхъ личностей, которая несовмѣстима съ самымъ существомъ классового движенія. Безспорно также, что такая диктатура сама всегда является факторомъ дальнѣйшаго разложенія коллектива и значительнымъ препятствіемъ на пути къ единству. И, тѣмъ не менѣе, пригодныя для выполненія роли диктатора свойства отдѣльной личности являются лишь второстепеннымъ, производнымъ факторомъ. Нѣтъ Бонопарта безъ бонапартистовъ и бонапартизма.

массами по отношенію къ борьбѣ экономической. Отсюда отсутствіе со стороны русскихъ рабочихъ массъ той тяги къ единству, того сильнаго стремленія обезпечить себѣ сплоченность въ политической борьбѣ, которая въ многихъ странахъ Европы навязывала соціалдемократіи въ опредѣленные моменты объединеніе вопреки всѣмъ разъединяющимъ факторамъ. Въ этомъ отношеніи не слѣдуетъ предаваться иллюзіямъ. Ходячее положеніе о томъ, что рабочая масса требуетъ партійнаго единства нуждается въ нѣкоторомъ ограниченіи. Масса, конечно, предпочла бы единство нынѣшнему состоянію, но отсюда еще далеко до такого пониманія вреда наносимаго этимъ состояніемъ дѣлу классовой борьбѣ, которое могло бы внести коррективъ въ настроеніе организованныхъ верховъ, проникнутыхъ въ значительной своей части довольно слѣпымъ довѣріемъ къ вождямъ и отождествляющихъ с.-д. истину съ «догматическимъ богословіемъ» этихъ послѣднихъ. Масса должна была бы быть втянута въ интенсивную, планомѣрную политическую борьбу для того чтобы хорошая идея партійнаго единства пріобрѣла для нея плоть и кровь, отождествилась съ самой сущностью идеи классовой борьбы. Но для того чтобы масса такимъ образомъ втянулась въ планомѣрную политическую борьбу, сама партія должна преодолѣть организаціонное и тактическое „кустарничество“, выйти изъ рамокъ кружковщины не только формально, но и по содержанію своей работы; затрата энергіи на преодолѣніе внутреннихъ треній должна быть сведена къ минимуму.

Получается какъ бы порочный кругъ. Лишь политическое воспитаніе массъ сдѣлаетъ ихъ собственное давленіе гарантіей единства, но само политическое воспитаніе предполагаетъ воздѣйствіе партіи, уже достигшей единства.

При такомъ положеніи дѣлъ разсчитывать на объединеніе помимо или противъ воли объединяемыхъ не приходится. Чѣмъ политически болѣе рыхла масса, тѣмъ болѣе дѣло объединенія зависитъ отъ воли организованныхъ кадровъ. „Единство безъ вождей и, если нужно, противъ вождей“ въ данный моментъ представляется организаціонной утопіей. Простое равнодушіе сколько нибудь вліятельной группы къ дѣлу, начатому Интернаціоналомъ, сведетъ на нѣтъ все это дѣло.

Но та-же самая элементарность политическаго движенія массъ, которая не позволяетъ имъ стать активными творцами единства, препятствуетъ выработкѣ „тяги къ единству“ среди организованныхъ группъ. Политическое „кустарничество“ не дѣлаетъ единства движенія необходимостью. Только тогда, когда видишь съ какимъ легкимъ сердцемъ депутатская „шестерка“ разорвала единство думской фракціи, или какъ „безъ тоски, безъ думы роковой“ кружокъ Розы Люксембургъ ухитрился расколоть на почвѣ часто личныхъ дрязгъ совершенно—однородную по тактическимъ взглядамъ польскую соціалдемократію, — начинаешь цѣнить примитивность пониманія самихъ политическихъ задачъ въ одномъ случаѣ большевистскими депутатами, въ другомъ—

кружкомъ старѣйшихъ польскихъ марксистовъ. Политическое сектантство, представляющее себѣ весь процессъ воздѣйствія партіи на массы въ видѣ демагогическаго вдохновенія послѣднихъ „лозунгами“, исходящими отъ первой, и въ видѣ постепеннаго формированія себѣ подобныхъ —до послѣдней точки подобныхъ—прозелитовъ изъ аморфной массы, — такое сектантство не испытываетъ глубокой потребности въ единствѣ; напротивъ, задача фабрикованія во всемъ похожихъ на первоначальной образецъ новыхъ „гомункуловъ“ изъ политически—рыхлой массы скорѣе даже требуетъ, чтобы рамки секты-фракціи не были слишкомъ широки и чтобъ ея собственное внутреннее единство счастливо дополнялось основательнымъ „размежеваніемъ“ съ несогласно—мыслящими.

Въ какой мѣрѣ первоначальная „живучесть“ примитивнаго сектантскаго мышленія сохранилась у нашихъ „большевиковъ“ вопреки постояннымъ конфликтамъ между точкой зрѣнія секты и запросами классоваго движенія? Близкое будущее ответитъ на этотъ вопросъ. Пока что, оффиціальный органъ большевизма ответилъ на призывъ Интернаціонала разсужденіями, смыслъ коихъ былъ: мы согласны объединяться на условіи.... чтобы всѣ признали себя большевиками. И чтобы, кромѣ того, подписали зарокъ относительно „культурно-національной автономіи“. И, наконецъ, чтобы не заговоривали о „стачечномъ азартѣ“ тогда, когда большевики считаютъ это ненужнымъ.

Само собою разумѣется, что на этой почвѣ не можетъ быть разговора не только объ единствѣ, но и о соглашеніи, которое могло бы привести къ единству въ будущемъ.

Оно не можетъ быть достигнуто также на основѣ принятія одной опредѣленной формулировки конкретныхъ перспективъ ближайшаго будущаго въ смыслѣ признанія обязательною вѣры въ то-что русская жизнь идетъ и непремѣнно придетъ къ „повторенію 1905 года“. Построеніе партійной тактики на основѣ такой вѣры представляетъ собою все, что угодно, но не марксизмъ. Между тѣмъ, здѣсь рѣчь можетъ идти только о вѣрѣ. Форма, въ которой совершается исторически-неизбѣжный процессъ перехода политической власти отъ дворянства къ буржуазіи (въ широкомъ смыслѣ слова), не дана заранѣе; она зависитъ отъ тысячи, не подлежащихъ учету, факторовъ, которые, большей частью, не подвластны политическимъ партіямъ. Экономическій кризисъ, война, сплетеніе національныхъ антагонизмовъ съ соціальными, видоизмѣняютъ въ различныхъ смыслахъ внѣшнюю форму буржуазнаго переворота, не мѣняя его исторической сущности (что не мѣшаетъ отдѣльнымъ классамъ быть заинтересованными въ опредѣленной формѣ рѣшенія исторической задачи). Здѣсь полная аналогія съ перспективами слѣдующаго историческаго переворота—перехода власти къ пролетаріату. Въ концѣ концовъ, мы только знаемъ, что онъ неизбѣженъ, что онъ совершится въ результатѣ борьбы классовъ, что онъ приведетъ къ господствующему положенію („диктатурѣ“) нынѣшняго пролетаріата

на время переходной эпохи; что въ теченіе этой переходной эпохи будетъ произведена ломка экономическихъ основъ капитализма. Но форма, въ которой произайдетъ этотъ историческій переворотъ, намъ заранѣе не дана и зависитъ отъ многихъ факторовъ. Прямая гражданская война, война внѣшняя, легально совершающійся на почвѣ демократической конституціи переходъ власти—все это одинаково возможныя перспективы; самая ломка имущественныхъ отношеній можетъ производиться „сверху внизъ“, актами легальнаго государственнаго воздѣйствія, и „снизу вверхъ“, прямымъ примѣненіемъ „захватнаго права“. К. Каутскій допускаетъ, что въ такой странѣ, какъ Англія, весь соціальный переворотъ во всѣхъ его существенныхъ этапахъ совершится въ формахъ эволюціи и легальности—что, разумѣется, не исключаетъ самыхъ серьезныхъ общественныхъ потрясеній, какъ рѣшающихъ факторовъ, обусловливающихъ эту эволюцію. Въ своихъ письмахъ К. Марксъ указывалъ на вѣроятность того, что самый актъ „экспропріаціи экспропріаторовъ“ совершится въ формѣ выкупа, а не конфискаціи—что также предполагаетъ эволюціонную форму преобразованія.

Опредѣленныя теченія въ соціализмѣ являются оппортюнистическими не потому, что они допускаютъ подобный легальный и эволюціонный характеръ процесса перемѣщенія власти, а потому, что они *только его* включаютъ въ перспективы будущаго и, соотвѣтственно этому, стремятся всю тактику приспособить къ этимъ перспективамъ.

Совершенно тоже и съ перспективами нашего буржуазнаго переворота. Признаніе для будущаго неизбѣжности его „прусско-австрійской“ формы могло бы логически вести къ тѣмъ ужасамъ „легализма“ и „отказа отъ неурѣзанныхъ лозунговъ“, которые рисуются нашимъ „анти-ликвидаторамъ“ или разрисовываются ими. Но простое допущеніе возможности или даже вѣроятности при извѣстныхъ условіяхъ „прусско-австрійскихъ“ перспективъ не только вполнѣ умѣстно, но и необходимо для марксиста, стремящагося въ своей практической дѣятельности возможно тверже опираться на историческую реальность. Такое допущеніе не обязываетъ къ „урѣзыванію лозунговъ“, но застраховываетъ отъ простого обезьяничанія въ пріемахъ тактики дѣятелямъ предыдущей эпохи.

Признавая, что политическая форма слѣдующей стадіи буржуазнаго переворота не дана заранѣе, мы лишь обязываемъ себя строить свою тактику такимъ образомъ, чтобы она пригодилась и въ томъ, и въ другомъ изъ возможныхъ случаевъ. Это не оппортюнизмъ, а вѣрное слѣдованіе боевымъ традиціямъ международнаго марксизма.

Допуская оба исхода, мы не можемъ объявить „ликвидированными“ такъ называемые „неурѣзанные лозунги“ недавняго прошлаго. Но, сохраняя ихъ въ программѣ и ведя агитацію въ соотвѣтствіи съ ними, мы никоимъ образомъ не можемъ свести всю агитацію къ по-

пуляризаціи этихъ лозунговъ; а, слѣдовательно, введеніе въ нее тѣхъ или иныхъ „частчиныхъ требованій“ никоимъ образомъ не является свидѣтельствомъ объ отказѣ отъ иного пути развитія, кромѣ „прусско-австрійскаго“.

Впрочемъ, вопросъ о взаимоотношеніи между „неурѣзанными лозунгами“ и „частичными требованіями“ выходитъ за рамки вопроса о вѣроятности „прусско-австрійскаго“ эпилога. Онъ ставится, какъ вопросъ о самомъ методѣ соціальдемократической тактики вообще въ любыхъ историческихъ условіяхъ.

Но объ этомъ—въ слѣдующей статьѣ.

Л. М.

Н. К. Михайловскій.

(Къ десятилѣтію со дня его смерти).

Среди множества поминокъ въ настоящемъ—чуть не сплошь ретроспективномъ году, десятилѣтняя поминка по Н. К. Михайловскомъ стоитъ какъ бы особнякомъ, не вмѣщаясь въ ихъ равнодушно-историческій рядъ.

Правда, между нами и имъ, между современностью текущаго дня и днемъ его смерти, точно пропасть залегло десятилѣтіе, какихъ не много въ исторіи Россіи—десятилѣтіе первой русской революціи и неизвѣстно которой по счету реакціи. Но все же—пепла исторіи нѣтъ. Атмосфера полна еще дыханія прошлаго; и если вмѣстѣ съ шумомъ борьбы марксистовъ съ народниками умолкъ въ настоящее время и шумъ вокругъ имени Н. К. Михайловскаго, если „борьба за индивидуальность“, «формула прогресса» и весь имъ такъ названный субъективный методъ въ соціологіи уже въ давнопрошедшія времена перестали быть лозунгами, имѣющими магическую власть надъ умами, то имя Михайловскаго есть тѣмъ не менѣе знамя, къ которому не даромъ стекаются всѣ раздробленные и разбитые временемъ отряды народниковъ: и соціалисты-революціонеры, и народные соціалисты, и даже эмпирики-трудовики.

Въ гордомъ знамени имъ чудится опора противъ всеразрушающаго процесса вывѣтриванія, и цѣльность его духовнаго облика тѣмъ больше импонируетъ, чѣмъ меньше этой цѣльности у его современныхъ учениковъ. Потому то и идетъ такъ спѣшно работа по собиранію и возстановленію наслѣдства Н. К. Михайловскаго.

Но потому же самому для Н. К. Михайловскаго еще и не наступила безстрастная исторія.

И, конечно, мы, его прежніе противники, эту исторію меньше всего претендуемъ писать, хотя, вѣроятно, намъ придется еще не однажды обращаться къ реставрированному наслѣдству Н. К. Михайловскаго.

Въ настоящій же моментъ десятилѣтней годовщины со дня его смерти намъ хочется говорить не о его исторической роли въ цѣломъ, какъ мы ее понимаемъ, и не о томъ, что насъ съ нимъ раздѣляетъ, а объ одной только чертѣ его писательской личности, насъ въ немъ привлекающей и составляющей, на нашъ взглядъ, неизсякаемый источникъ его обаянія и его публицистической силы.

Это—я бы сказалъ—единство подхода во всемъ, чего бы ни касалось перо Михайловскаго,—научной ли новости, текущаго ли явленія беллетристики или событія общественно-политической жизни. Все было связано одно съ другимъ этимъ единствомъ, и всѣ эти отдѣльныя оцѣнки и расцѣнки были только лучами, которые въ разныя стороны неизмѣнно посылались свѣтящимся центромъ—его общественнымъ міросозерцаніемъ.

Въ этомъ многогранномъ единствѣ была большая вербующая сила, и сила тѣмъ болѣе дѣйствительная, что критическая мысль «профана» (такъ полемически—вызывающе въ 70-хъ годахъ аттестовывалъ себя Михайловскій) какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала общественно-психологическому содержанію радикально и соціалистически настроеннаго разночинца—интеллигента.

Она врывалась всюду, эта критическая мысль, въ самыя различныя области литературы и жизни и всюду вѣсу сокрушаемыхъ «авторитетовъ», противопоставляла не только молодой задоръ, но и большую освѣдомленность и тонкость анализа, но и удивительную стройность ею созданнаго цѣлаго. И чувствовался размахъ въ этой мысли, какъ и размахъ въ той исторической коллективной личности, которая проступала такъ явственно сквозь писательскій обликъ Н. К. Михайловскаго.

Это былъ тотъ широкій слой разночинной интеллигенціи, который не совпадалъ границами ни съ однимъ кружкомъ или партіей, однимъ своимъ флангомъ вклиниваясь въ среду революціи, другимъ—въ безформенную массу обывательской оппозиціонности. Интеллигентъ—радикалъ, въ которомъ быть можетъ уже не было жизнерадостнаго непосредственнаго оптимизма 60-хъ годовъ, но въ которомъ еще чувствовался разбѣгъ первоначальнаго выступленія на историческую сцену новаго общественнаго слоя. Въ немъ былъ громадный запасъ неизрасходованныхъ силъ и соотвѣтственно—психологическаго радикализма, обращеннаго во всѣ стороны жизни, во всѣ стороны знанія. Осознать все сущее, выработать міросозерцаніе, исходя изъ котораго имѣть право судить и размѣривать все, и являлось потребностью радикализма, нашедшаго свое выраженіе какъ въ богатомъ расцвѣтѣ идеологическаго творчества, такъ въ частности и въ созданіи той специфической литературной формы, которою былъ нашъ русскій журналъ пореформенной и дореволюціонной эпохи.

Н. К. Михайловскій и олицетворялъ своей личностью эту потребность и удовлетвореніе этой потребности—ярко, многообразно, красиво.

Правда, въ этой своей функціи онъ имѣлъ великихъ предшественниковъ, онъ примыкалъ къ поколѣнію публицистовъ-критиковъ 60-хъ годовъ. Но ему одному суждено было счастье на протяженіи десятковъ лѣтъ непрерывной работы развернуть всѣ

свои природныя возможности, стать тѣмъ самымъ какъ бы центральной фигурой интеллигентской полосы русской общественности. Счастье—и въ то же время несчастье! Ибо это значило также вмѣстѣ съ этой полосой пережить и кульминаціонный пунктъ ея развитія, и начавшійся періодъ упадка.

Мы не станемъ сейчасъ касаться этого упадка и фатальной встрѣчи разлагавшагося психологическаго радикализма старой формаціи съ новымъ радикализмомъ марксизма—многограннаго „единства“ Н. К. Михайловскаго съ многограннымъ „единствомъ“ ученія соціалдемократіи.

Въ настоящее время споръ этихъ „единствъ“ въ рядахъ интеллигенціи замолкъ, ибо современной интеллигенціи болѣе не нужно ни своего стародавняго интеллигентскаго дѣтища, ни дѣтища международной соціалистической мысли.

Намъ только хочется въ заключеніе, въ день годовщины памяти Н. К. Михайловскаго, отъ имени этого другого „единства“ почтить старое „единство“ интеллигенціи, почтить въ обаятельной личности покойнаго ея послѣдняго философа.

А. Потресовъ.

Опечатки:

Въ ст. „На грани двухъ міровъ“ Раф. Григорьева, помѣщенной въ 12 кн. „Н. З.“ за 1913 г. вкрались слѣдующіе опечатки:

Стр.:	строка:	напечатано:	слѣдуетъ:
48	22 сверху	неприглядной	неприкладной
51	17-18 „	еврейскаго	европейскаго
51	27 „	лично	подробно
52	15 „	пыта	быта
53	12 снизу	дѣловой	дѣловитъ

Редакторъ **А. Ѳ. Родинъ**. Издатель **Я. Л. Каневскій**.

В. ЛЕВИЦКІЙ.
АВГУСТЪ БЕБЕЛЬ

его жизнь и дѣятельность (1840—1913 гг.) съ портретомъ Бебеля ц. 35 к. (рабочимъ и приказчикамъ 24% скидки).

Складъ изд. Спб. кн. маг. бывш. Попова (Яснаго) Невскій пр. 66. Выписывать можно черезъ „Нов. Раб. Газ.“ Спб. Калашник. пр. 4, к. 19.

„Коммерческая Типографія“ Средняя Подъяческая 4. Тел. 520-32.

Вышелъ № 1 (Январь) журнала

РУССКОЕ БОГАТСТВО

Издаваемый ***Вл. Г. КОРОЛЕНКО.***

СОДЕРЖАНІЕ: 1. Молчаніе человѣка. *Вл. Табурина.* **2. А. Р. Уоллэсъ** *Діонео.* **3. Благодѣтель.** *С. Подъячева.* **4. Любимый бродяга.** Романъ *Уильяма Дж. Локка.* Переводъ съ англійскаго *З. Н. Журавской.* **5. Въ деревнѣ.** Стихотворенія. *А. Черного.* **6. Архивъ Н. К. Михайловскаго.** *Н. С. Русанова.* **7. Стихотвореніе.** *Вл. Ладыженскаго.* **8. Отецъ.** *Вл. Войтинскаго.* **9. Письмо П. Л. Лаврова. 10. Николай Константиновичъ Михайловскій.** *Вл. Короленко.* **11. Изъ Англіи.** *Діонео.* **12. Критическіе дни.** *Бѣлоруссова.* **13. Интеллигенція и рабочее движеніе въ Германіи.** *В. Майскаго.* **14. Жизнь идетъ.** *С. Елпатьевскаго.* **15. Гласные-крестьяне.** *С. Травинова.* **16. Хроника внутренней жизни.** *А. Петрищева.* **17. На очередныя темы.** *А. Пѣшехонова.* **18. Изъ писемъ Н. К. Михайловскаго.** (Къ 10-лѣтію его кончины). *Ек. Лѣтковой.* **19. Новыя книги, поступившія въ редакцію.**

Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою: на годъ 9 р., на 6 мѣс.—4 р. 50 к., на 4 мѣс.—3 р., на 1 мѣс.—75 к. Безъ доставки: на годъ—8 р., на 6 мѣс.—4 р. Съ наложеннымъ платежомъ отдѣльная книжка 1 р. 10 к. За границу: на годъ—12 р., на 6 мѣс.—6 р., на 1 мѣс.—1 р. Адресъ конторы журнала: С.-Петербургъ, Баскова, 9; въ Москвѣ: въ отдѣленіи конторы: *Никитскій бульваръ, д. 19;* въ Одессѣ: въ книж. магаз. „Одесскія Новости“, Дерибасовская, 20; въ магаз. «Трудъ», Дерибасовская, 25; въ Баку: въ книжн. торговлѣ «Сотрудникъ». Подписка отъ книжныхъ магазиновъ принимается только на цѣлый годъ и дѣлается уступка 40 коп. съ экземпляра.

Открыта подписка на 1914 годъ

на еженедѣльную еврейскую рабочую газету

„ЦАЙТЪ“

Условія подписки: на 1 годъ 2 р. 40 к., на 6 мѣс. 1 р. 20 к., на 3 мѣс.—60 к., на 1 мѣс.—20 к. За границу: на 1 годъ—4 р., на с.—2 р., на 3 мѣс.—1 р., на 1 мѣс.—35 к. Въ розничной про- цѣна №—5 к. 1) Подписка принимается только съ 1-го чис- аждаго мѣсяца, 2) За перемѣну адреса — 20 коп., 3) Суммы до 1 рубля можно присылать марками.

Адресъ редакціи и Конторы:

С.-Петербургъ, Пряжка, № 34.

XVII-й годъ изданія. Открыта подписка на 1014 г. на

ѣстія по литературѣ, наукамъ и библіографіи

къ Литературы—необходимый журналъ для интеллигентныхъ читателей, **издаваемый Т-вомъ М. О. Вольфъ.**

Годовая подп. цѣна „Извѣстій по Литературѣ“ и „Вѣстника Литературы“, съ дост. и перес. Съ перес. за грап.—1 р. 50 к. (=4 фр.).

Книгоиздательство и книжный магазинъ

Бывшій **М. В. ПОПОВА** С.-П-бургъ, Невскій, 66.

ФИРМА СУЩ. СЪ 1847 ГОДА.

Новыя книги:

О. Миртовъ. Яблони цвѣтутъ. Романъ. Ц. 1 р. **50** к.
Савватій. Тетрадь въ сафьянѣ . . , Ц. **1** р. — к.
Михаилъ М-скій. Отъ бурсы до снятія сана Ц. **1** р. — к.
А. Липецкій. Надя Данкова. Повѣсть . Ц. — р. **75** к.
Наемъ имущества подъ ред. В. Я. Крюковскаго тов. об.-прок. Прав. Сената (руков. для квартиронаним.) . . Ц. — р. **50** к.
В. Левицкій. Августъ Бебель. Его жизнь и дѣятельность . . . . . Ц. — р. **35** к.

Большой выборъ литературы по вопросамъ рабочаго, профессіональнаго движенія, страхованія рабочихъ (изд. „Прибой", „Наканунѣ", Г. Ѳ. Львовича, „Нашъ Міръ" и др.).

ВСѢ ВЫХОДЯЩІЯ КНИЖКИ—НОВИНКИ.

Книги высылаются наложеннымъ платежемъ. Каталоги безплатно.

Открыта подписка на 1914 г. на ежемѣсячный журналъ

ПОТРЕБИТЕЛЬ

Журналъ является органомъ Т-ва Потребительныхъ Обществъ юга Россіи

Участіе въ журналѣ принимаютъ: А. В. Гутовскій, М. Т. Девисъ, А. А. Евдокимовъ, А. С. Зарудный, В. Ф. Красновъ, К. А. Мацѣевичъ, Вл. Махновецъ, А. Н. Макаревскій, Б. С. Одеръ, Г. Н. Пелипенко, П. Т. Пушкаревъ, В. И. Сандуковъ и др.

Журналъ будетъ выходить книжками до 2-хъ печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: съ пересылкой и доставкой: на годъ 2 р., на ½ года 1 р. 20 к., на 3 мѣс. 70 коп. Адресъ конторы и редакціи: Харьковъ, Московская, 10.

Открыта подписка на 1914 г. (IV г. изданія).

ВѢСТНИКЪ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ

Ежемѣсячный информаціонный, справочный и библіографическій журналъ, Изд. при ближ. уч. В. И. Чарнолускаго.

Общіе вопросы образованія и воспитанія.—Семейн. воспитаніе.—Дошк. воспитаніе.—Начальная и высшая нач. общеобразоват. школы—Низш. професс. школа—Образованіе ненорм. дѣтей.—Образованіе учащаго персонала.—Внѣшк. образованіе.—Самообразованіе.—Дѣтск. чтеніе.

Условія подписки:—1. На „Вѣстникъ Нар. Образованія"—1 р. 50 к.;—отд. № 20 к.; любит. изданіе съ печатью на одной сторонѣ—2 р. 50 к.;—II. На особыя приложенія:—1) Спутникъ народн. учителя и дѣятеля народн. образованія. Изд. 2, перер.—75 к;—2) Ежегодникъ народн. образованія Годъ I. (4—6 вып.)—3 р.;—3. Настольная книга по народн. образованію. Изд. 2 перер. Годовой подписной взносъ на очередн. выпуски (на менѣе 4)—3 р. „Вѣстникъ Нар. Образованія" со всѣми особ приложеніями—8 р. 25 к.—Полн. комплектъ „Вѣстника" за 1911—1913 гг. (27 №№)—3 р. 50 к.—Отдѣльно отъ „Вѣстника" подписка на особ. приложенія не принимается.—Разсрочка допускается только при подписной суммѣ свыше 3 р.; при подп.—3 р., къ 1 апр.—3 р., ост.—къ 1 іюля.

Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Невскій, д. 92, кв. 17.

«Коммерческая Типографія», Средняя Подъяческая, 4. Телеф. 520-32.

V-й годъ изданія.

НАША ЗАРЯ

СОДЕРЖАНІЕ:

Николай Матвѣевъ. Перенесеніе Ѳомы и Павла. (Разсказъ).
Л. Григоровъ. Черный пудель. (Раз.).
Сергѣй Клычковъ. Аленькій цвѣточекъ. (Стихотвореніе).
Л. Морская. Баллада объ утонувшемъ кольцѣ. (Стихотвореніе).
С. Кошкаровъ. Горькая доля. (Стих.).
А. Коллонтай. Типы и формы страхованія материнства.
Раф. Григорьевъ. Поэтъ Окуровской Руси.
Н. Череванинъ. Экономическій подъемъ и политическій кризисъ.
В. Н. Засуличъ. Д. А. Клеменцъ (личныя воспоминанія)

СРЕДИ ЖУРНАЛОВЪ.
Л. Сѣдовъ, Деревенская идиллія.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.
А. Мартыновъ, 1. Англійскій протаріатъ на пути къ самостоятельности 2. Конституціонный кризисъ въ Швеціи.
Петръ П. Гомруль и рабочее движеніе въ Ирландіи. (Письмо изъ Англіи).

Л. М. Вмѣшательство Интернаціонала и с.-д. единство въ Россіи
А. Потресовъ. Критическіе наброски. (Еще къ вопросу о пролетар. культурѣ).
Отклики пролетарской культурѣ
Объявленія.

№. 2. Спб. 1914. Ц. 30 к.

Издательство „НАКАНУНѢ“.

Вышли въ свѣтъ брошюры:

Г. Батурскій и **С. Шварцъ**. Уставъ больничной кассы ц. 25 к. **М. Хейсинъ**. Что такое больничная касса и какой она должна быть? ц. 6 к. **М. Хейсинъ**. Врачебная помощь и больничныя кассы (съ рис.). ц. 8 к. **Е. Львова** женщина-работница ц. 3 к.; **В. Ежовъ** Больничныя кассы изд. 2 испр. ц. 15 к., **А. Н. Потресовъ**. П. Б. Аксельродъ (45 л. общ. дѣят.) съ портр. ц. 25 коп.

Печатаются:

В. Майскій. Какъ организованы рабочіе въ Германіи (съ рис.) ц. 15 к., **В. П.** Въ помощь увѣчному ц. 10 к. (2 изд.)

Готовятся къ печати:

Е. Бронская. В. Либкнехтъ (съ портр.) ц. 15 к. **В. Вольскій**. Что ожидаетъ печать (законопроектъ о печати) ц. 10 к.

Выписывать можно черезъ „Сѣверную Раб. Газету“ СПБ. Перекупной пер. д. 22/5 кв. 7, и черезъ „Страхованіе Рабочихъ“ Загородный пр., 12, кв. 40.

Только что вышла книга Изд. „НАКАНУНѢ“.

А. Н. Потресовъ. П. Б. Аксельродъ.

(45 л. Общ. дѣятельности).

Содержаніе: Предисловіе. Дѣтство. Годы ученія. Пробужденіе общественности. Начало революц. дѣятельности. Кіевскій кружокъ. Бѣгство заграницу. Первые годы эмиграціи. Редактированіе „Общины“. Отъ анархизма къ марксизму. Южно-русскій раб.-союзъ. Черный передѣлъ и „Сѣв. Союзъ Земли и Воли“. Періодъ 80-хъ гг. „Группа Освоб. Труда“. Призывъ. къ пролетарской самодѣятельности. Идейная борьба съ народовольчествомъ и либерализмомъ. 90-хъ гг. Начальные шаги рабоч. движенія въ Россіи. Статьи въ „Neue Zeit“ и „Работникѣ“. Теорія историч. своеобразія положенія русс. соц.-дем. и обоснов. тактики. Борьба съ экономизмомъ и русск. бернштейніанствомъ. Основаніе „Искры“ и „Зари“. Вопросъ о бурж. демократіи въ Россіи и о борьбѣ бурж. и соц. тенденцій въ русс. револ. движеніи. Расколъ въ с.-д. и теорет. обоснованіе „меньшевизма“. „Земская кампанія“ и „рабочій съѣздъ“. Заключеніе.

Цѣна 25 к.

Открыта подписка на 1914 годъ. на журналъ

„ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВРАЧЪ“

издаваемый **Правленіемъ Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова.**

Журналъ выходитъ книжками въ 7—8 листовъ каждая, ежемѣсячно, кромѣ 2-хъ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

I. Біологія, общая гигіена и эпидемологія. Ред. **Л. А. Тарасевичъ.** II. Санитарная статистика. Ред. **П. И. Куринъ.** и **В. С. Лебедевъ.** III—IV. Земская медицина.—Врачебный бытъ. Ред. **К. И. Шидловскій** и **В. А. Кирьяновъ.** V. Городская медицина. Ред. **М. М. Граиъ.** VI. Соціальная гигіена. Ред. **Л. Б. Грановскій.** VII. Профессіональная гигіена. Фабричная медицина. Ред. **В. Я. Канель** и **Е. Г. Мунблитъ** VIII. Школьная гигіена. Ред. **Д. Д. Бекарюковъ.** IX. Вопросы распространенія гигіеническихъ знаній. Ред. **А. В. Мольковъ.** X. Общественно-санитарное обозрѣніе. Хроника. Ред. **С. Ф. Кельхъ.**

Подписная цѣна на журналъ 5 рублей въ годъ: разсрочка не допускается.

Адресъ редакціи: Москва, Сущевская, д. 18. кв. 15. Телеф. 64-97.

V-й годъ изданія.

Наша Заря

Ежемѣсячный журналъ

№ 2.

С.-Петербургъ, 1914 г.

На декабрьскую кн. „Наша Заря“ за 1913 г. Судебной Палатой утвержденъ арестъ съ привлеченіемъ редактора по 1034[3] ст. Изъ книжки разрѣшено вырѣзать ст. „За кулисами реакціи“, послужившую поводомъ къ конфискаціи.

На Январьскую книжку наложенъ арестъ съ привлеченіемъ редактора и автора статьи „Арестантскія могилы“ Вл. Войтинскаго по 1034[3] ст. уг. ул.“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

„Коммерческая Типографія“ Средняя Подъяч. 4. Тел. 520-32.

1914.

Р.

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. В.К.П. (б.)
Б-ка.

Перенесеніе Ѳомы и Павла.

Разсказъ.

Полеживаютъ Ѳома Хруль и Павелъ Воздвиженскій другъ противъ друга на койкахъ въ крѣпостной одиночкѣ и читаютъ претолстыя книги—какъ вдругъ звякнулъ засовъ, распахнулась дверь и на порогѣ появился дежурный жандармъ, по прозвищу „Федотычъ Ласковый".

Ну-те, господа!—обратился онъ къ нимъ со своей лисиной ухмылочкой, загадочно растягивая слова,—укладывайте вещицы... Минутъ, этакъ, черезъ десятокъ я приду за вами.

И захлопнулъ дверь.

Озадаченные Ѳома и Павелъ вспрыгнули съ коекъ, уставились другъ на друга:

Что это значитъ? Куда? Что за сонъ?

Волнуясь, заходили по узкой камерѣ, шоркаясь при встрѣчѣ боками.

Ѳома—тщедушный, носатый, курчавый, а Павелъ длинный, нескладный, семинарскаго типа.

Нѣтъ, не то!.. не можетъ быть!—трясетъ нервно головой Ѳома, отбиваясь отъ какой-то назойливой мысли.

Позвольте,—преградилъ ему дорогу Павелъ.—Привлекаемся мы не по одному дѣлу!...

Ну!..

Слѣдовательно, отправлять насъ вмѣстѣ некуда?

Некуда! Я же говорю вамъ, тутъ есть что-то особенное,—вздернулъ острыя плечи Ѳома.

Погодите!—произнесъ Павелъ, и бросился къ окну.

Ѳома—туда же, на лету схвативъ намѣреніе Павла.

Припали къ рѣшоткѣ и въ одинъ голосъ позвали:

Семенъ!—А—Семенъ!.

Я здѣсь, слушаю..!—донеслось съ верхняго этажа.

Поскорѣе.. узнайте: не подана—ли карета?

Сію минуту!..

Въ чемъ дѣло? товарищи! Почему спрашиваютъ о каретѣ?—посыпались вопросы изъ оконъ.

Это насъ, Хруля и Воздвиженскаго, забираютъ куда—то...

Поднялась общая перекличка, разспросы, догадки. Наружные часовые требовали замолчать, но ихъ никто не слушалъ.

Павелъ! Ѳома!—окликнулъ ихъ Семенъ.

Внемлемъ!

Кареты нѣтъ!

Оба соскользнули съ подоконника.

Ясно!—подбросилъ голову Павелъ,—насъ хотятъ перевести въ седьмую камеру, въ вонючую..

Но это же возмутительно!—вскипятился Ѳома.

Возмущайтесь сколько угодно!.. это фактъ!. Я, Ѳома, вотъ что предлагаю: добровольно не пойдемъ, пусть переносятъ.

И будемъ не только протестовать противъ седьмой, но еще выставимъ требованіе—немедленно разсадить по разнымъ одиночкамъ! а если нѣтъ свободныхъ, пусть перевозятъ въ тюрьму. Вы меня простите за откровенность:—я очень тягочусь вами, а моментами даже ненавижу. Вы, конечно, понимаете, что причиной тому-это постоянное торчаніе съ глазу на глазъ..

Понимаю,—перебилъ Ѳома,—и меня извините,—я тоже очень не долюбливаю васъ..

Видите—взаимность. А чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Поѣдомъ поѣдимъ другъ друга. Жандармамъ этого и нужно.

Но мы не допустимъ.. Не станемъ тратить силы на изводъ, а направимъ ихъ на борьбу за лучшія условія заключенія.

Согласенъ.. будемъ бороться...—воодушевился Ѳома.

Хорошо! Пока начинаемъ съ пассивнаго сопротивленія... а дальше--посмотримъ!.

Продолжаемъ заниматься тѣмъ, чѣмъ занимались. Какъ ни въ чемъ не бывало!

Именно: какъ ни въ чемъ ни бывало!—

Растянулись по койкамъ, взялись за книги. Хотя не до чтенія,—предстоящее волнуетъ.

Все же принуждали себя лежать и глядѣть въ книги. Важно, чтобы Ѳедотычъ засталъ ихъ въ такомъ положеніи, что они и въ усъ не дуютъ.

Заключенные настойчиво подзывали ихъ къ окну, сердились, что они не откликаются.

Пришелъ Ѳедотычъ съ конвоемъ. Опнулся на порогѣ и остро, подозрительно глянулъ на Павла и Ѳому, погруженныхъ въ чтеніе.

Не упаковались что-то?—мягкимъ, вкрадчивымъ теноркомъ вопросилъ онъ, и осторожно, по кошачьи, шагнулъ въ камеру.

Такъ—такъ—съ!.. Можетъ не хочется съѣзжать отъ насъ? Вжились?.. Уже не иначе какъ вжились..

Что-жъ.. доложимъ...

Вышелъ за порогъ, обернулся.

Можетъ, пошутили?

Пошелъ вонъ!—буркнулъ изъ-за книги Ѳома.

Эге.. всурьезъ!.—ехидно подмигнулъ Ѳедотычъ и закрылъ дверь.

А ловко прокатили!—хвастнулъ Ѳома.

Павелъ недовольно отмахнулся: э, что тамъ прокатили!.

Я васъ не понимаю?—Осѣкся Ѳома.

Вы этимъ неумѣстнымъ „пошелъ“ сорвали молчаніе.

Да, вы правы.. Каюсь..

Помните, въ чемъ состоитъ тактика пассивнаго сопротивленія: спокойствіе, выдержка, никакихъ грубостей, явныхъ вызововъ, задираній.. Ведете себя такъ, точно не видите, не слышите, что противъ васъ предпринимаютъ. А вы нервничаете, дерзите..

Понимаю..

То-то,—смягчился суровый Павелъ, и добавилъ: съ караульнымъ начальникомъ, конечно, придется объясняться.

Берите ужъ, Павелъ, всѣ объясненія на себя. Мое положеніе, сами знаете, еврейское, взглянутъ на носъ и отвернутся. Да и выдержки у васъ больше.

Ладно!

Заслышавъ шаги по коридору, поднялись съ коекъ,—не вспрыгивать—же по солдатски при появленіи начальства.

Входитъ поручикъ,—брюнетъ строенъ, словно выточенъ; кисть руки въ бѣлой перчаткѣ на крутой груди, пальцами засунута за бортъ кителя. Надменно и строго официально заявилъ:

Отъ господина коменданта крѣпости поступило распоряженіе —перевести васъ въ другую камеру. Предлагаю собраться и слѣдовать съ конвоемъ!.

Господинъ офицеръ!—съ напускной учтивостью и убѣдительностью заговорилъ неподпоясанный Павелъ. Въ данный моментъ во всей крѣпости имѣется всего одна свободная камера, обозначенная нумеромъ 7-мъ. Очевидно, насъ могутъ перевести только въ нее. Эта камера граничитъ съ одной стороны съ отхожимъ мѣстомъ.

Я не могу входить съ арестованными въ обсужденіе распоряженій начальства, я обязанъ лишь въ точности исполнить приказаніе,—выразилъ твердо поручикъ и полубокомъ пренебрежительно повернулся къ Ѳомѣ и Павлу.

Помилуйте, господинъ караульный начальникъ!—мы вполнѣ учитываемъ ваше положеніе и обращаемся къ вамъ не за критикой, а съ просьбой передать вышеизложенное.

Мы надѣемся, что господинъ комендантъ вспомнитъ о свойствахъ седьмой камеры и отмѣнитъ распоряженіе.

Свою просьбу вы изложите потомъ.. письменно.

Къ сожалѣнію, это уже будетъ поздно.

Разглагольствовать мнѣ съ вами нечего! Даю четверть часа на размышленіе!

Совѣтую не упрямиться, а не то я заговорю съ вами по иному!

Мы размышляемъ достаточно!—закипятился Ѳома, выскочивъ изъ-за спины Павла. Вопросъ рѣшонъ и далеко не въ духѣ вашего совѣта!

Поручикъ презрительно, на—отмашь, смѣрилъ исхудалую, съ впалой грудью, фигуру Ѳомы и, повышеннымъ тономъ, раздраженно крикнулъ:

Я безъ церемоніи примѣню силу!

И съ грозной миной на лицѣ удалился.

Павелъ и Ѳома, не сходя съ мѣста, многозначительно покачали головами.

Однако..

Да—а.. козырь!.

Воинъ изъ молодыхъ да ранній!

Крутенько беретъ! Прытокъ!.

Чуетъ мое сердце, Павелъ, намнутъ намъ бока..

Если вы еще станете горячиться, задирать солдатъ, то все—конечно ребрамъ не сдобровать..

Если не перейдутъ границъ, я за себя ручаюсь..

Ну, на боковую,—предложилъ Павелъ.—Какъ ни въ чемъ ни бывало!

Расположились по койкамъ, взялись за книги.

Говорятъ, лежачаго не бьютъ..

Ну мы едва-ли можемъ разсчитывать на это,—иронически замѣтилъ Павелъ, теребя свою дьячковскую бородку.

Да, пословицы мудры, но не всегда оправдываются на практикѣ,—изрекъ тономъ сожалѣнія Ѳома.

Поговорили о поручикѣ и рѣшили, что хотя онъ и хорохорился, но съ докладомъ—то побѣжитъ, не рискнетъ самъ заваривать кашу.

Павелъ! Ѳома! Чортъ возьми! Что же вы не даете знать о себѣ!. Или васъ уже увезли? доносились тревожные голоса заключенныхъ.

Павелъ всталъ и разсказалъ имъ, что было и что они предполагаютъ предпринять.

Мы васъ поддержимъ! не уступайте! Ведите свою линію!

Это вамъ пакостятъ жандармы!—дружно совѣтовали и подбодряли заключенные.

Караульный начальникъ явился раньше, чѣмъ обѣщалъ и съ наскокомъ сообщилъ:

Господинъ комендантъ подтвердилъ распоряженіе и приказалъ сію минуту перевести васъ.

Коли такъ, мы заявляемъ категорически: добровольно не пойдемъ! переводъ—явное издѣвательство надъ нами!.

Ваше сопротивленіе ни къ чему не приведетъ, ничего не достигнете, безмысленно. Я больше не намѣренъ канителиться, рисковать собой изъ-за какихъ-то капризовъ!.—запальчиво произнесъ поручикъ.

—Мы ни въ какомъ отношеніи не разсчитывали на ваше послабленіе, поступайте такъ, какъ велитъ долгъ присяги..

Поручикъ подозвалъ жандарма.

Эти господа не желаютъ итти на собственныхъ ногахъ, такъ прокатите ихъ на подводахъ!...

Въ камеру съ Ѳедотычемъ во главѣ ввалили солдаты.

Павелъ и Ѳома бросились къ койкамъ, вытянулись на нихъ во весь ростъ, навзничъ.

Очки-то снимите, Павелъ, разобьютъ—предупредилъ Ѳома.

Да—да!..

Но Павелъ не знаетъ, куда ихъ положить, до столика далеко.

А Ѳедотычъ не торопится, наблюдаетъ; его лицо обострено въ тончайшую, ядовитую улыбочку, тянется впередъ, шмыгаетъ; щурятся глазки. Солдаты, за его спиной, ждутъ команды.

Не опасайтесь, не разобьемъ!—говоритъ Ѳедотычъ Павлу и протягиваетъ къ нему руку. Давайте ваши стеклышки, ужъ сберегу.

Павелъ сунулъ заботливому жандарму очки.

А я ихъ въ футлярчикъ.. и сохраню въ цѣлости.

Покосился насмѣшливо на Ѳому, потомъ на Павла,

Можетъ, привстанете и въ уголокъ отойдете, а мы ваши вещицы уложимъ.

Павелъ крѣпко уперся подбородкомъ въ грудь и неотрывно, не мигая, воззрился на солдатъ, словно гипнотизируетъ ихъ, а Ѳома вперилъ глаза въ потолокъ, блѣдное лицо нервно вибрируетъ.

Ахъ, какіе супротивники... себѣ и намъ безпокойство причиняете.

Ну—ка, землячки, долой ихъ съ коекъ.

Солдаты ринулись, и Ѳома и Павелъ мигомъ очутились на ихъ рукахъ.

Клади къ сторонѣ!.. вотъ сюда! Рядышкомъ—руководилъ Ѳедотычъ.

Пожитки сбрасывай въ одѣяла! Вотъ это!.. это!—указывалъ онъ на книги, на свертки съ чаемъ и сахаромъ, на булки, калоши, одежду, постель.

Солдаты, тѣснясь, мѣшая другъ другу, но стараясь на перебой, хватали вещи и кидали въ ту или другую кучу.

Поручикъ пѣтухомъ прохаживался по коридору мимо двери, заглядывалъ въ камеру.

Завязывай концы одѣялъ!—командовалъ Ѳедотычъ.

Получились два неуклюжихъ узла: сѣрый и кофейно-полосатый.

Двое отступи... хоть ты и ты! возьмите по узлу..

Другіе разбивайся на двѣ партіи: понесете этихъ... покойничковъ! сострилъ Ѳедотычъ.

Солдаты, осклабясь, обступили Павла и Ѳому, лежавшихъ неподвижно.

Берись этакимъ способомъ, какъ носятъ раненыхъ,—бойко наклонился къ Ѳомѣ и взялъ его подмышки юный безусый рядовой. Унтеръ—офицеръ съ толстымъ угреватымъ лицомъ обозлился:

Каки тамъ раненые... много чести!. вишь заартачились..... Бери!

Одна партія подхватила Ѳому, другая—Павла. Подхватили—кто за голову, кто за руку, кто за ногу! И приговаривали, шутили:

Э.. легокъ.. ядали вѣникъ банный!.

И нашъ ни чижолъ..—долговязъ.

Нашъ братъ хошь кого утащитъ—пробурчалъ угрюмый, плечистый дѣтина.

Ну—ну нечего балагурить! Вываливай!—приказалъ жандармъ.

Процессія вытянулась по коридору. Впереди поручикъ, за нимъ Ѳедотычъ, потомъ двѣ партіи съ Ѳомой и Павломъ, дальше вооруженный винтовками конвой и въ самомъ хвостѣ два солдата съ узлами на горбу.

У лѣстницы въ партіи съ Павломъ произошло замѣшательство, раздались голоса.

Стой! стой, ребята! неловко взяли... Клади его!

Подбѣжалъ Ѳедотычъ, вмѣшался.

Что такое?

Да, вишь, тащится по полу.. надо взяться половчае..

Двое солдатъ присѣли, подставили шеи, закинули на нихъ руки Павла; другіе изъ солдатъ взялись за ноги.

Ну, держись крѣпче!. Нечего представляться не живымъ—то!—строптиво, укоризненно, въ самое лицо Павла произнесъ одинъ изъ солдатиковъ, подставившихъ шею.

Подхватили, понесли со ступеньки на ступеньку. Павелъ обнялъ солдатъ, склонилъ голову..

А партія съ Ѳомой уже поднялась на второй этажъ, свернула направо по коридору. Ѳома что-то вертится, кружится въ солдатскихъ рукахъ, ойкаетъ, взвизгиваетъ..

Но.. но.. ты не дрыгайся!.. врешь! не вырвешься!. ворчатъ на него солдаты.

По вознѣ, разговору, шарканью въ коридорѣ заключенные догадались о происходящемъ и загалдѣли въ окна:

Товарищи, слышите шествіе!..

Да, да.. сподобились двѣ мощи... ха-ха-ха!

21-го іюня, значитъ, будетъ днемъ перенесенія Ѳомы и Павла.

Новый праздникъ!

Тропарь надо сочинить.

А.. слышите какъ звонятъ въ монастырѣ! Еще бы.. монахи рады.

Ваши шутки и смѣхъ, господа, неумѣстны! покрылъ всѣ голоса зычный басъ.

Не свирѣпствуйте, Леонидъ.

Я спрашиваю!—гремѣлъ басъ, какъ мы будемъ реагировать на насиліе надъ товарищами!

Изъ дверей корпуса во дворъ выскочилъ ефрейторъ—разводящій, волчкомъ завертѣлся передъ окнами и съ напускной осерчалостью заоралъ:—

Долой съ оконъ! Сичасъ долой! А не то!..—скверно выругался онъ.

А вы что глядите!—набросился онъ на двухъ наружныхъ часовыхъ. Олухи! Не позволяй галдѣть!

Процессія прослѣдовала въ седьмую камеру. Положивъ Ѳому и Павла бокъ—о бокъ на полъ, а узлы по койкамъ, караулъ удалился.

Ѳедотычъ, оставляя камеру послѣднимъ, бросилъ имъ съ растяжечкой:

Вста-а-нете.. надоѣстъ валяться-то!

Шаги затихли.

Павелъ, лежа на спинѣ, выразилъ:

Черти... перенесли!. А деликатно! безъ прикладной медицыны.

Хорошо деликатно!.—подпрыгнулъ возмущенный Ѳома. Меня щипали! это вамъ что—не прикладная медицина?

Пустяки!—принялъ сидячее положеніе Павелъ.—

Мнѣ тоже—попало: спиной о ступеньки лѣстницы колотили... А чувствуете, Ѳома, какое здѣсь амбрэ...

Ой, еще какъ чувствую... нестерпимо, тошнитъ,—завертѣлъ головой Ѳома и сморщилъ носъ.

Давайте требовать коменданта! предложилъ Павелъ.

Пусть самъ понюхаетъ, чѣмъ здѣсь пахнетъ.

Обязательно давайте!—

Вспрыгнули на ноги, кинулись къ двери и ну барабанить въ нее въ четыре кулака.

Чего тарзыкаете? закричалъ на нихъ часовой изъ коридора.

Требуемъ коменданта! коменданта! завопили они.

Полегше, полегше!—

Не унимаются, барабанятъ...

Явился караулъ.

Послушайте.. вы!. сократите свой пылъ!—прикрикнулъ на нихъ поручикъ.

Каменданта требуемъ!. немедленно!—

Не скандальте!.. Я прикажу связать!

Угроза не дѣйствуетъ и на дверь сыпятся удары кулаковъ, ногъ, каблуковъ...

Дверь неожиданно для Ѳомы и Павла распахнулась и они съ поднятыми кулаками очутились передъ стражей... Солдаты ринулись на нихъ, повалили на полъ, а Ѳедотычъ связалъ имъ руки и ноги.

Выдворивъ изъ камеры солдатъ, Ѳедотычъ, закрывая дверь, произнесъ съ растяжкой:

Не поздоровится! попросите пардону!

Оба лежали ничкомъ, Ѳома—ближе къ окну, а Павелъ—къ выходу.

Съ минуту прошло въ молчаніи.

Павелъ приподнялъ раскосмаченную голову.

Ѳома!—душевно окликнулъ онъ собрата.

Что Павелъ?—страдальческимъ тономъ откликнулся Ѳома.

Подкатывайтесь ко мнѣ, а я къ вамъ. Развяжемъ веревки и будемъ продолжать.

Идея!... Сдаваться ни за что!. позоръ!..

Корчась, извиваясь, каткомъ стали они подбираться другъ къ другу. Бичевки впивались, больно рѣзали тѣло при поворотахъ; головы стукались объ полъ. Часовой слѣдитъ въ глазокъ, подергиваетъ дверь и ворчитъ:

Лежите на мѣстѣ... доложу.. худо будетъ.

Подъѣхали вплотную, спина къ спинѣ.

Не трогайтесь, Павелъ... я повернусь и освобожу вамъ руки...

Только бы приловчиться... до узла добраться,—бормоталъ Ѳома, ворочаясь около Павла,—Ухватился!

Забавно!—съ грустной улыбкой произнесъ Павелъ.—Давно-ли подкапывались другъ подъ друга, а вотъ теперь подкатываемся...

Борьба, объединяетъ!—произнесъ Ѳома и восклицательно добавилъ: Борьба - великое дѣло!.

Скорѣе, Ѳома... Вы зубами...

Зачѣмъ зубами!... распуталъ и такъ.. Готово!

Готово!—радостно подпрыгнулъ Павелъ и усѣлся.—Теперь я васъ...

А связали не крѣпко...

Волокли деликатно! связали не крѣпко! нѣтъ, вы меня поражаете!

Все это пустяки

Бичевки сброшены, возбужденно всплыли на ноги; встряхнулись, расправили члены. Глаза горятъ.

Обструкція? или.... деструкція? задыхаясь отъ волненія, спросилъ Ѳома.

Жарь деструкцію!—громко, отважно выкрикнулъ Павелъ.

Схватилъ за ножку табуретку, взмахнулъ ею надъ головой, швырнулъ.., хряснулась объ колоду.... съ грохотомъ покатилась на встрѣчу ему, опять схватилъ ее, кинулся къ двери и сколько есть мочи бухъ... бухъ...

Ѳома поймался руками за спинку желѣзной койки, тряхнулъ разъ—два, ерзнулъ по полу, перебѣжалъ къ другой и эту тряхнулъ, двинулъ въ уголъ, сбросилъ съ нее узелъ, опрокинулъ столикъ, принялся пинать его, лягать... Павелъ бросилъ табуретку, подлетѣлъ къ окну, изступлено ухватился за раскрытую створку рамы, рванулъ.... а Ѳома въ тотъ моментъ ударилъ кулакомъ по стеклу. Трескъ! звонъ! Створка на полу!

Въ камеру ввалились толпой солдаты, яростно подмяли подъ себя Ѳому и Павла, навалились на нихъ грудью, притиснули. Посыпались тумаки кулаками, пинки колѣнками, нажимы, щипки...

Ѳома не стерпѣлъ и завопилъ, жалобно, протяжно:

Товарищи!.. насъ... истя-за-ютъ.. уб-бьютъ!...

Ну, и убьютъ ужъ—замѣтилъ усмѣхнувшись Ѳедотычъ, спѣшно приготовляя бичевки.

Вопль послужилъ сигналомъ. Во всѣхъ шестнадцати камерахъ второго этажа, гдѣ сидѣли политическіе, поднялось нѣчто невообразимое.

Люди метались въ камерахъ, безумно хлестались, колотили объ стѣны и двери, хватались за рѣшетки, безсильно дергая, повисали на нихъ... ломали, коверкали, кромсали все, что было подъ силу.

Изъ хаоса, грохота, звона, буханья, гремящихъ дверныхъ засововъ и замковъ прорывались истерическія рыданія, стоны, выкрики: „не смѣете бить!.. прекратите насиліе! варвары" и пѣніе: „Вставай, подымайся, рабочій народъ"!

Поручикъ, хватаясь то за револьверъ, то за эфесъ шашки, лихо носился по коридору, и ретиво командовалъ:

За мной!... сюда, ребята!

И солдаты, съ винтовками въ рукахъ, опрометью бросались за нимъ. Вся ватага наскакивала на какую-нибудь запертую дверь, потрясаемую извнутри, злобно, скверно ругала, грозила расправой.

А изъ камеры въ отвѣтъ:

Долой... долой... башибузуки!

Одинъ Ѳедотычъ не вышелъ изъ себя, не остервенѣлъ, а спокойно, не торопясь, съ ключами въ рукахъ, сновалъ среди мечущейся стражи, зорко оглядывалъ замки, засовы, провѣрялъ ихъ цѣлость и тамъ, гдѣ казалось ему ненадежно, ставилъ солдатъ.

Мчавшійся мимо него поручикъ, жестикулируя воинственно, крикнулъ:

Эти сволочи! мерзавцы!—сумасшедшіе въ штыки бы ихъ!..

Ѳедотычъ козырнулъ ему и въ догонку ухмыльнулся.

Бунтъ то ослабѣвалъ, то вспыхивалъ съ новымъ ожесточеніемъ и неистовствомъ. По двухэтажному зданію прокатывался безпрерывно оглушительный нарастающій гулъ; стѣны, потолки и полы дрожали, тряслись, въ окнахъ дребезжали стекла.

Стая голубей испуганно кружилась надъ крышей, боясь опуститься на нее.

Молодая, бѣлобокая буренушка начальника штаба крѣпости не щипала зеленую вкусную травку по откосу высокаго земляного вала, что проходитъ сейчасъ за каменной стѣной, а задрала хвостъ съ кисточкой, вскинула рогатую голову и не спускаетъ глазъ съ крѣпости: необычайный шумъ встревожилъ ее.

Изъ оконъ валитъ пыль столбомъ, летятъ обломки сокрушеннаго...

Отойди!.. буду стрѣлять!—свирѣпо орали наружные часовые, наводя винтовки на окна.

Въ коридорѣ второго этажа появился завѣдующій арестованными, штабный адъютантъ—толстенькій, рыженькій, по прозвищу „Кондукторъ".

Господа, перестанте!... запищалъ онъ тоненькимъ женскимъ голоскомъ, безтолково суясь отъ одной двери къ другой, пробуя тутъ и тамъ успокоить.

Перестаньте! Что вы дѣлаете? Что вамъ нужно?

Но никто не внималъ ему.

И онъ, съ отчаяніемъ махнувъ рукой, исчезъ.

Прибѣжалъ снизу запыхавшійся, безъ души ефрейторъ, кинулся вправо, влѣво и, увидѣвъ поручика, подскочилъ къ нему, донесъ о чемъ-то.

Поручикъ бросился къ лѣстницѣ, на бѣгу обдергивая китель.

По лѣстницѣ въ сопровожденіи двухъ офицеровъ—рунда и „кондуктора", подымался огромный, старый генералъ; лицо мясистое, красное, словно ошпаренное, совсѣмъ подъ цвѣтъ его лампасъ; вѣки и бритый подбородокъ отвисло оплыли усы, бульбовскіе. Переступалъ онъ со ступеньки на ступеньку, какъ слонъ медленно, грузно.

Поручикъ встрѣтилъ его на средней площадкѣ и, вытянувшись передъ нимъ въ струнку, подъ грохотъ отрапортовалъ о неблагополучіи.

Принялъ онъ этотъ рапортъ насупленно, хмуро, пыхтя, и прислушиваясь не къ словамъ поручика, а къ раскатистому грохоту.

Пока онъ подымался дальше, солдаты и Ѳедотычъ успѣли оповѣстить политическихъ о его прибытіи и деструкція быстро прекратилась.

Лишь въ одной изъ камеръ кто-то продолжалъ зыкать въ дверь, чѣмъ-то тяжелымъ, зыкалъ размѣренно, увѣсисто, точно вколачивалъ что-то.

Генералъ, поравнявшись съ этой камерой, грозно произнесъ хлипловатой октавой:

Что вы безобразничаете?..

Подать коменда—а—н—та—а!

Я—комендантъ!—рявкнулъ и натуршился генералъ.

Ага!—сорвалось злорадно за дверью.

Въ чемъ дѣло?

Требую лицомъ къ лицу!—

Генералъ сердито крякнулъ и направился дальше, по коридору; а вслѣдъ ему понеслось буханье въ дверь.

Коменда—анта пода—ать! сію минуту пода—ать!

Генералъ обернулся къ длинному хвосту свиты и приказалъ:

Ввести къ нему солдатъ... и если будетъ буйствовать, надѣть смирительную рубаху.

Остановившись у порога седьмой камеры, генералъ надуто, потупившись какъ быкъ, готовый поддѣть на рожища, промычалъ Ѳомѣ и Павлу:

Что вамъ нужно отъ меня?

Павелъ приподнялся на локтяхъ, страшенъ, волосы вздыблены, одна прядь торчитъ острымъ рогомъ, лицо красно, ноздри дрожатъ; воротъ блузы растегнутъ, стиснутые кулаки, связанныхъ повыше локтей рукъ прижаты къ груди. Изъ подълобья упорно уставился онъ на генерала, въ его взорѣ пылалъ гнѣвъ поверженнаго, униженнаго, но не побѣжденнаго противника.

И Ѳома, лежавшій ницъ, пластомъ, съ обнаженнымъ въ красныхъ полосахъ плечомъ, навелъ на генерала черное, выпуклое, налитое ненавистью око.

Генералъ почувствовалъ... дряблые, оплывшіе, въ синихъ жилкахъ вѣки, мигнувъ, пріоткрылись и отцвѣтшіе со старческой блесткой глаза пристально, съ любопытствомъ прошли по Ѳомѣ и Павлу.

Гмъ!—колыхнулась вся туша генерала,—Я—комендантъ!

И опять потупился.

Рекомендуемъ вамъ здѣшнюю атмосферу! звенящимъ отъ гнѣва голосомъ выкрикнулъ Павелъ—требуемъ немедленнаго перевода изъ крѣпости въ тюрьму!

Я отправлю васъ въ темный карцеръ.. если вы будете вести себя подобнымъ образомъ...

Мы предпочитаемъ карцеръ этому зловонію. Но и тамъ будемъ добиватся своего.

Предпочитаете... гмъ! Развяжите его!—кивнулъ генералъ солдатамъ.

Прошу развязать лишь ноги!

Ну что же... ноги...—согласился генералъ.

Павелъ всталъ и съ гордо поднятой головой вышелъ въ коридоръ мимо посторонившагося генерала, конвой окружилъ его и повелъ въ кромѣшное жилище.

А вы?—обратился генералъ къ Ѳомѣ.

Я вполнѣ присоединяюсь къ товарищу! задорно отвѣтилъ Ѳома.

Гмъ!—колыхнулась туша генерала. Присоединяетесь...

Развязать ноги!.. и... въ другой карцеръ!

Такъ Ѳома и Павелъ, объединившись въ великомъ дѣлѣ—борьбѣ, добились разъединенія ....правда, всего лишь на нѣсколько дней.

Николай Матвѣевъ.

Черный пудель.

Разсказъ.

Безуміе мое началось съ того момента, когда я увидѣлъ пуделя, чернаго, артистически-остриженнаго пуделя. Онъ сидѣлъ у воротъ роскошнаго пятиэтажнаго дома и веселыми глазами глядѣлъ на проходившихъ людей; у него была острая аристократическая морда, тонкія лапы съ пучками неостриженной шерсти, которая показалась мнѣ трепаннымъ шелкомъ, — такъ прекрасно она была выхолена; но главное, этотъ пудель былъ жирный, очень жирный, широкая и гладкая спина его походила на продолговатую подушку или на толстый и пышный валикъ турецкаго дивана.

Я сталъ. Я не могъ пройти мимо,—я былъ такъ удивленъ, будто увидѣлъ совершенно небывалую картину или мнѣ сообщили о чемъ-то выходящемъ изъ ряда вонъ, необыкновенномъ до послѣдней степени,—въ дѣйствительности же ничего подобнаго не было: я только увидѣлъ чернаго пуделя.

Изъ воротъ вышелъ дворникъ, онъ о чемъ-то думалъ и не обратилъ на меня вниманія; но я сдѣлался вдругъ крайне осторожнымъ и рѣшилъ перейти на другую сторону улицы; тамъ я занялъ постъ у газоваго фонаря, который теперь не горѣлъ, потому что былъ день, хотя такой мрачный, какъ осеннія сумерки. Небо низко висѣло надо всѣмъ и грозило либо дождемъ, либо снѣгомъ, либо просто грязью,—все это я, въ одинаковой мѣрѣ, ненавидѣлъ, но сейчасъ мало безпокоился,—весь я былъ поглощенъ чернымъ пуделемъ. Впрочемъ, я даже не сознавалъ хорошо, что со мною творилось. Въ моемъ организмѣ въ одно мгновеніе вспыхнула бездна ощущеній, острыхъ, колючихъ и сильныхъ, будто разнообразныхъ, но сливающихся въ цѣлое, въ одну муку, то замирающую, то такую острую, что хотѣлось крикнуть на всю улицу.

Въ этотъ день я съ ранняго утра бродилъ по городу,—бродилъ лунатикомъ. Я ни на что не обращалъ вниманія. Я даже не помню, по какимъ улицамъ двигалась моя фигура, что она думала, что чувствовала,—помню только,—когда почти надъ самой головой бахнула пушка, у меня мелькнула мысль, что я нахожусь на Петербургской сторонѣ,—пуделя же я увидѣлъ на Англійскомъ проспектѣ; какими улицами я пришелъ сюда—не помню.

Я смотрю на черную собаку и перевожу взоръ на окна величаваго дома... да, въ этомъ домѣ живетъ эта собака. Тамъ, за сверкающими окнами, роскошь, райская роскошь. У меня вспыхиваетъ мозгъ, я чувствую огонь въ головѣ и прикладываю холодную руку ко лбу; сердце мое будто стало, ноги и туловище не дѣйствуютъ, только голова работаетъ, одна голова,—въ ней рождаются картины, въ мозгу стучитъ, картины точно выковываются, одна за другой, одна за другой...

...Я вижу просторныя высокія комнаты. Глаза слѣпнутъ отъ ихъ убранства. Плюшъ, шелка, янтарный полъ,—онъ искрится маленькими неуловимыми молніями; таинственныя портьеры потрясаютъ меня,—я имъ отвѣшиваю поклонъ. Бросаю взглядъ на потолокъ—онъ разрисованъ знаменитыми мастерами и кажется мнѣ небомъ, которое можетъ поспорить съ тѣмъ небомъ, что раскинулось надо мной; сверкающая хрусталемъ люстра виситъ посреди этого многокрасочнаго неба и смотритъ настоящимъ солнцемъ; когда померкнетъ глупый сѣрый день, люстра вспыхнетъ золотыми лучами—и все подъ ней преобразится, все засверкаетъ тысячекратнымъ великолѣпіемъ...

...Тихо. Тамъ за этими зеркальными окнами таинственная тишина. Нѣжный шорохъ шаговъ нарушаетъ ее. Я вижу молодую хозяйку. Она красива. На бѣлой рукѣ сіяетъ жемчужный браслетъ; шея открыта,—она изъ снѣга. Вдругъ на лицѣ рождается забота,—бѣлая рука тянется къ кнопкѣ электрическаго звонка... точно изъ пола вырастаетъ нарядная горничная. Она—вся вниманіе и покорность.

— Цезаря накормили?—звучитъ небесный голосъ.

— Нѣтъ, онъ еще не ѣлъ,—отвѣчаетъ горничная.

— Почему?

— Не хочетъ.

Я смотрю на чернаго Цезаря и не понимаю, отчего онъ не хочетъ. Неужели его надо просить? Но что ему за охота—сидѣть на улицѣ? Развѣ его не пронизываетъ острая сырость? И наконецъ, каждую минуту можетъ пойти дождь, и онъ замочитъ свои лапы. Впрочемъ, горничная вымоетъ ихъ теплой водой,—нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, пачкать янтарный полъ грязными лапами.

Мозги мои горятъ еще сильнѣе, мнѣ кажется, что изъ ушей скоро выглянетъ пламя. Я прижимаю високъ къ желѣзному фонарному столбу и не чувствую, что прикоснулся. Кто-то проходитъ мимо, останавливается, смотритъ и какъ-то мгновенно исчезаетъ, точно проваливается. Мнѣ хочется крикнуть, но взоръ привлекаетъ какая-то дама въ полосатомъ старомодномъ пальто,—я смотрю на это пальто, оно постепенно удаляется, пропадаетъ, но полосы его еще остаются въ глазахъ моихъ, — онѣ мелькаютъ, какъ огромныя ряби. Я хочу отдѣлаться отъ нихъ, впиваюсь въ Цезаря,—и нѣсколько секундъ эти ряби дрожатъ на немъ... Я перевожу взоръ на окна...

И опять я слышу небесный голосъ:

— Василиса, гдѣ же Цезарь?

— Онъ прогуливается, ваше сіятельство.

— Одинъ?

— Да, одинъ.

Свѣтлые глаза хозяйки темнѣютъ, на мраморный лобъ набѣгаютъ морщинки.

— Сколько разъ я вамъ говорила, чтобы...

Въ глазахъ загорается гнѣвъ. Горничная сильно смущена и мчится за теплою шалью. Она проклинаетъ Цезаря, но я совсѣмъ не согласенъ съ нею. Я тоже возмущенъ ея халатностью: Цезарю нужна хоть какая-нибудь свита. И наконецъ, надо знать, сколько времени можно пребывать ему на петербургскомъ воздухѣ. Онъ наивенъ, разсѣянъ и мало считается съ климатическими условіями. Онъ можетъ простудиться самымъ настоящимъ образомъ.

Я гляжу на него. Удивительно, что ему не холодно, совсѣмъ не холодно. Онъ улыбается, глаза веселѣе, они сіяютъ, какъ два агата. Ему очень хорошо на у..цѣ... А въ моихъ ушахъ ни съ того, ни съ сего поднимается звонъ,—мнѣ кажется, что этотъ звонъ вырывается на улицу, заливаетъ всю улицу...

...Кто-то выходитъ изъ воротъ. Приглядываюсь.. горничная. Но она стоитъ и не обращаетъ вниманія на Цезаря. Своей юбкой она почти скрыла его,—мнѣ видна только морда, одна острая, прилизанная морда. И на ней по-прежнему написано полное довольство,—она спокойно-добродушно выглядываетъ изъ-за юбки. Вдругъ мнѣ показалось, что она замѣтила меня и смотритъ, въ упоръ смотритъ на мое лицо, потомъ на брюки, на мои бахромчатыя брюки. Неужели она смѣется надо мной, надъ моимъ рваньемъ?... Собака надъ человѣкомъ!..

Я хватаюсь за фонарь, я обнимаю желѣзный столбъ... нѣтъ, я не хочу падать на улицѣ. Это послѣднее дѣло. Я дергаю головой, чуть слышно вскрикиваю, внезапно выравниваюсь и оставляю столбъ,—остаюсь безъ помощи и не падаю. Да, я стою на своихъ ногахъ. Я даже могу пройтись, сдѣлать нѣсколько шаговъ... Нѣтъ, я еще крѣпокъ, я—геркулесъ, не трогайте меня, не прикасайтесь! Я никогда еще не чувствовалъ въ себѣ столько бодрости...

„Шла лѣсомъ—не качалась...“

— въ ушахъ, какъ вихрь, загудѣлъ этотъ нелѣпый мотивъ и повторяется... Я пою его про себя и вижу пьяную бабу, которая, мнѣ кажется, сейчасъ упадетъ и растелется на всю улицу. Баба исчезаетъ, въ головѣ вспыхиваютъ какіе-то обрывки мыслей, мелькаетъ знакомое лицо, улыбается и пропадаетъ... Я хочу вспомнить, что это? Напрягаю свою память—и вдругъ слышу хохотъ. Сильно вздрагиваю. Но это хохочутъ прохожіе. Имъ отчего-то весело. Я хочу поддержать ихъ, самъ хочу засмѣяться во всю грудь,—но что-то прыгаетъ изъ груди въ горло и захлопываетъ его, какъ пробкой. Шея моя вытягивается—и туманъ застилаетъ глаза... слезы, изъ глазъ моихъ полились слезы. Ахъ, да, я не хочу плакать! Я не ребенокъ... Кто-то пристаетъ ко мнѣ, я не отвѣчаю. Меня оставляютъ...

— Гавъ! гавъ! гавъ!—слышу я и опять впиваюсь въ чернаго пуделя. Онъ увидѣлъ какого-то господина и радуется ему. Онъ прыгаетъ, присядаетъ, визжитъ, лаетъ,—потомъ успокаивается, застываетъ въ прежней позѣ, но уже дальше отъ воротъ

и ближе ко мнѣ; физіономія его еще больше повеселѣла, глаза горятъ счастьемъ. Онъ быстро водитъ своей мордой, готовый каждую секунду побѣжать туда, гдѣ произойдетъ что-нибудь интересное. Онъ такъ оживленъ встрѣчей со знакомымъ господиномъ!

Онъ заражаетъ меня своимъ весельемъ, и мнѣ хочется подойти къ нему и погладить лощеную спину. А если онъ не любитъ, когда къ нему прикасаются чужіе, то быть можетъ, онъ позволитъ пожать его лапу? Быть можетъ, онъ разрѣшитъ мнѣ сказать нѣсколько словъ? Нѣтъ, дворникъ не подпуститъ меня.

Я тихо шепчу:

— Цезарь...

Онъ не слышитъ. Но, собственно, какое я имѣю право называть его просто Цезаремъ? Это такъ грубо съ моей стороны. Но мнѣ можно извинить,—я еще никогда не слыхалъ, какъ величаютъ собакъ дворянской породы. Что за ряби опять пошли въ моихъ глазахъ? Нѣтъ, не слѣдуетъ удаляться отъ фонаря...

Я держусь за желѣзный столбъ и продолжаю смотрѣть на Цезаря. Онъ тоже смотритъ на мою фигуру. Онъ продолжаетъ издѣваться надо мной... Но я уже не возмущаюсь: такъ оно должно быть въ нашемъ капиталистическомъ мірѣ—сильный смѣется надъ слабымъ, побѣдитель жизни надъ побѣжденнымъ... Да, дворникъ дастъ дорогу Цезарю, если онъ захочетъ войти во дворъ,—дворникъ съ почтеніемъ на лицѣ посторонится передъ Цезаремъ и схватитъ за шиворотъ меня, побѣжденнаго. И онъ будетъ правъ, потому что я оборванъ, потому что видъ мой очень опасенъ для тишины и спокойствія. Я выброшенъ за бортъ, а Цезарь спокойно плаваетъ на самомъ кораблѣ жизни, у него есть постоянное мѣстопребываніе, постоянная каюта и даже прислуга, которая за нимъ ухаживаетъ... Онъ побѣдилъ. Онъ превзошелъ человѣка. Онъ сильнѣе. Но неужели это правда?... Неужели я слабѣе его?.. Нѣтъ, этого не должно быть! Я не хочу, чтобы это было...

Все существо мое вспыхиваетъ отъ прилива негодованія, и мгновенно въ головѣ моей зарождается мысль. Она вихремъ кружится въ мозгу и растетъ, растетъ, словно комъ снѣга. Голова моя будто пухнетъ, я чувствую, какъ она расширяется, неотвратимая мысль распираетъ ее...

— Цезарь...—вдругъ ласково шепчу я.—Пойди сюда, Цезарь...

Онъ не слышитъ. Онъ занятъ, очень занятъ собой. Въ немъ точно играетъ веселая музыка, онъ прислушивается къ этой музыкѣ. Его аристократическая морда отражаетъ неизбывную радость жизни, радость бытія въ прекрасномъ видимомъ мірѣ. Онъ ощущаетъ пріятную теплоту въ своемъ выхоленномъ тѣлѣ.

— Цезарь... Цезарь...

Нѣтъ, онъ совсѣмъ не слышитъ. Я еще разъ произношу „Цезарь“ и умолкаю. Онъ не идетъ ко мнѣ. Ага! Ну, тогда я подойду къ нему. Я подойду къ вамъ, сіятельный песъ. Я ничего не буду дѣлать,—нѣтъ, я только подойду поближе, чтобы хорошенько разсмотрѣть васъ, полюбоваться вблизи вашимъ весельемъ, упиться вашей красотой. Развѣ въ этомъ что-нибудь оскорбительное?

Я тихо подвигаюсь къ черному пуделю. Я теперь даже не

смотрю на него. Меня интересуютъ тучи,—интересуетъ еще вонъ та стѣна дома съ очень красивымъ фасадомъ. Какой это архитекторъ строилъ этотъ домъ? Должно быть, талантливый человѣкъ... Ха, талантливый человѣкъ....

Пудель уже близко. Я наклоняюсь къ землѣ... протягиваю къ ней руку... Я шатаю одинъ камень, другой, третій... И этотъ третій поддается. Мои пальцы крѣпко сжимаютъ твердый дикій сколокъ... Но я это такъ... Я ничего не буду дѣлать съ этимъ грубымъ минераломъ. Я только подержу его и брошу.

...Пудель уже совсѣмъ близко. Я не смотрю на него. Я продолжаю глядѣть на произведеніе талантливаго архитектора. О, этому архитектору готовъ поставить какой угодно памятникъ, хоть до самаго неба!

...Я въ десяти шагахъ отъ пуделя. Каждый волосокъ его шерсти виденъ мнѣ; я замѣчаю, что носъ у него мокрый и чуть движется. Глаза сіяютъ, въ нихъ неуловимыя искры, живые огоньки... Внезапно я дѣлаю большой прыжокъ, высоко поднимаю руку, разжимаю кулакъ... камень падаетъ на собачій черепъ... Раздается рѣзкій визгъ... Собака валится на плиты тротуара, кувыркается въ конвульсіяхъ, а я хохочу во всю силу своихъ легкихъ... Вдругъ мнѣ кажется, что съ крыши дома посыпались жесткіе и тяжелые кирпичи, и одинъ стукнулъ по головѣ съ такой силой, что вмигъ все почернѣло...

. . . . . .

...Меня вчера выписали изъ Обуховской больницы. Я просилъ доктора разрѣшить полежать еще недѣлю,—въ больницѣ такъ тепло, такъ хорошо,—но докторъ сказалъ, что здоровымъ людямъ занимать больничную койку не полагается...

Я снова брожу по улицамъ. Одинъ знакомый безработный совѣтуетъ мнѣ подать въ судъ на дворника, но я смѣюсь въ лицо этому безработному:

— Я первый ударилъ...

— Но это собака, чортъ ее проглоти!

— Ахъ, у насъ нѣтъ равенства даже съ собаками, и я первый тронулъ чернаго пуделя. Я дважды виноватъ. Хорошо еще, что пудель остался живъ...

Я снова брожу по улицамъ. Проходя по мостамъ я съ улыбкой гляжу на темную воду. Она холодна, очень холодна, но только на одну секунду... На одинъ мигъ...

Л. Григоровъ.

АЛЕНЬКІЙ ЦВѢТОЧЕКЪ

Снова лѣсъ за туманами—
То туманъ надъ полянами,
Али—дымъ отъ кадилъ—.
Будто снова я маленькій
И хожу у проталенки
Гдѣ когда то ходилъ...

Вотъ и рѣчка журчащая
Льется чащею, чащею,
Словно въ чащу маня.
Снова, снова я маленькій!
Цвѣтикъ миленькій, аленькій,
Иль не помнишь меня?

Все, что было приснилося,
Все прошло, прояснилося,
И утихла гроза...
Что жъ поникъ подь осинкою
Въ синихъ глазкахъ съ росинкою
Али—это слеза?...

Звѣзды свѣтятся, свѣтятся—
Здѣсь никто мнѣ не встрѣтится:
Ахъ, никто не видалъ,
Какъ въ лѣсу на проталинкѣ
Цвѣтикъ аленькій, аленькій
Умиралъ, увядалъ!

Можетъ, снилось—не сбылося,
Можетъ, было—забылося:
Вѣдь никто не видалъ,
Какъ и я у проталинки,
Словно маленькій, маленькій,
Вспоминая, рыдалъ...

Серный Клычковъ.

Баллада объ утонувшемъ кольцѣ.

Въ часъ заката грустно алый море гордое устало,
Утомилось, притаилось, упоенно замолчало,

И не бьетъ волной напѣвной въ берегъ горькій и безгнѣвный,
Гдѣ томится, гдѣ тоскуетъ темноокая Царевна.

Отчего же у Царевны въ слезномъ жемчугѣ лицо?
Здѣсь Царевна потеряла драгоцѣнное кольцо.

Въ полусонной, затаенной, молчаливой глубинѣ,
На морскомъ, холодномъ, темномъ, безисходно жуткомъ днѣ,

Тамъ, гдѣ царству блѣдной тиши нѣтъ предѣла, нѣтъ конца,
Въ алой заросли коралла,—тамъ погибшій блескъ кольца.

И вздыхаетъ, и рыдаетъ одинокая Царевна,
Надъ волною замолчавшей, утомленно безнапѣвной,

И лучится тихой болью гордо-блѣдное лицо...
Кто найдетъ ей, кто вернетъ ей утонувшее кольцо?

Буря встала, задрожала надъ закатною печалью,
Загремѣла съ буйнымъ воемъ вольно кованною сталью,

Крылья шумныя взметнула,
Море дрогнуло отъ гула,

Гикомъ, крикомъ, рѣзкимъ кликомъ изступленно встрепетало,
Изступленно, опьяненно взликовало, хохотало,

И волной, волною шумной,
Потемнѣвшей и безумной,

Съ дна, гдѣ царству блѣдной тиши нѣтъ предѣла, нѣтъ конца,
Взмыло съ рокотомъ побѣднымъ блескъ погибшаго кольца.

И Царевны гордымъ счастьемъ свѣтитъ блѣдное лицо...
Только буря возвращаетъ утонувшее кольцо.

Только буря возвращаетъ тихой ласкѣ береговъ
Блескъ минувшихъ, утонувшихъ огнецвѣтныхъ сновъ.

Л. Морская.

ГОРЬКАЯ ДОЛЯ.

На фабрикѣ и стукъ и громъ,
И стонъ ремней и скрежетъ стали,
А въ блескѣ утра за окномъ
Поля и радостныя дали!

Я вижу ширь родныхъ степей—
Межъ нихъ ручей, какъ свѣтлый локонъ...
И стая бѣлыхъ голубей
Весь день все кружится у оконъ!

Склонясь къ станку, я чуть—дыша,
Свершаю трудъ свой подневольный,
А окрыленная душа
Надъ степью носится привольной...

То быстрой ласточкой мелькнетъ,
То бѣлымъ голубемъ взовьется—
И слышу я, какъ степь поетъ,
И какъ ручей вдали смѣется!

Меня манятъ, меня зовутъ
Просторы свѣтлые и степи...
Но воли нѣтъ! И въ жизни трудъ
Сковалъ мнѣ тягостныя цѣпи!

С. Кошкаровъ.

Типы и формы страхованія материнства.

Страхованіе материнства, какъ задача соціальной политики, можетъ въ значительной мѣрѣ разниться и по формѣ обезпеченія материнства и по самому своему объему. Подъ страхованіемъ материнства можно понимать непосредственную поддержку родильницы въ самый моментъ наступленія родовъ, въ періодъ безработицы, вынужденной болѣзненнымъ состояніемъ женщины, и законодательнымъ запрещеніемъ труда родильницы. Такого рода суженное представленіе о задачахъ страхованія материнства существуетъ въ большинствѣ странъ.

Но подъ страхованіемъ материнства можно понимать и нѣчто большее: цѣлую сложную, связанную другъ съ другомъ, цѣпь соціальныхъ мѣропріятій и реформъ, которыя обезпечиваютъ каждой женщинѣ выполненіе ея естественнаго назначенія, безъ риска быть раздавленной бременемъ матеріальной необезпеченности. Такого рода обезпеченіе материнства означало бы заботу общественнаго коллектива о женщинѣ съ момента наступленія беременности и до тѣхъ поръ, пока ребенокъ не перестанетъ нуждаться въ непосредственной материнской заботѣ. Страхованіе материнства означало бы поддержку матери въ различныхъ формахъ и различными способами, начиная отъ организаціи мѣстнымъ самоуправленіемъ широкой врачебной помощи для матери и ребенка, кончая пособіями, выдаваемыми государствомъ *каждой* нуждающейся женщинѣ, несущей тяжелое бремя материнства. Оно означало бы устройство спеціальныхъ пунктовъ-консультацій для младенцевъ, раздачу необходимаго гигіеническаго приданаго для новорожденнаго, устройство яслей, дѣтскихъ садовъ, реформированныхъ школъ, гдѣ дитя воспитывалось бы въ болѣе здоровой и нормальной атмосферѣ себѣ подобныхъ, организаціи пріктовъ для беременныхъ, обезпеченіи родильницъ уходомъ на дому или въ убѣжищѣ и т. п., а главное: расширеніе области охраны женскаго труда законодательнымъ путемъ, какъ необходимое дополненіе раціонально поставленой защиты материнства. При первомъ *видѣ* страхованія общество перестаетъ заботиться о матери, какъ только она стала на работу. При второмъ видѣ общественный коллективъ заботливо слѣдитъ за матерью и ребенкомъ до тѣхъ поръ, пока оба они нуждаются въ его поддержкѣ и защитѣ, далеко, за предѣлъ критическаго момента родовъ. Первый типъ,—*въ лучшемъ случаѣ* охватываетъ *всѣхъ самодѣятельныхъ женщинъ*, оставляя остальныхъ,—т. е. половину женскаго населенія большинства странъ,—безъ поддержки общества.

Вторая форма—охватываетъ *всѣхъ* женщинъ *неимущихъ сло-*

евъ. Но если первая форма обезпеченія материнства осуществившійся фактъ, то второй типъ предстоитъ еще отвоевать у жизни наиболѣе въ немъ заинтересованному классу.

Существующія въ настоящее время формы страхованія могутъ быть подраздѣлены на слѣд. основные типы:

1) *Обязательное государственное страхованіе* материнства, распадающееся на три особыя формы: а) страхованіе роженицъ въ связи съ обще-больничнымъ страхованіемъ въ общихъ кассахъ на случай болѣзни (типъ, припятый Германіей, Австріей, Венгріей, Люксембургомъ, Норвегіей, Россіей, Англіей, Швейцаріей, Босніей-Герцоговиной, Сербіей и Румыніей); в) страхованіе роженицъ въ отдѣльныхъ материнскихъ кассахъ (типъ, существующій въ Италіи); с) обезпеченіе матерей при помощи государственныхъ рентъ или единовременныхъ пособій матерямъ (типъ, введенный во Франціи и Австраліи).

2) Частное страхованіе материнства, въ свою очередь распадающееся на слѣд. три типа:

а) обезпеченіе матерей при помощи страхованія въ обществѣ взаимопомощи и самопомощи (форма, весьма распространенная во Франціи до 1913 г., сушествовавшая въ Англіи, до введенія государственнаго страхованія въ 1912 г. и встрѣчающаяся, хотя и въ ограниченныхъ размѣрахъ, и въ другихъ странахъ). Эти общества взаимопомощи со своей стороны могутъ быть двухъ родовъ: съ смѣшаннымъ на половину составомъ членовъ (напр. англійское общество "Heartsog Oaks", „Societés des secours mutuels" во Франціи, дѣйствующія и сейчасъ въ Швейцаріи общества, субсидируемыя государствомъ) или чисто *женскія* по составу активныхъ или дѣйствительныхъ членовъ (французскія „Mutualite Maternelle", итальянскія частныя кассы материнства въ Туринѣ, Миланѣ и т. д., касса материнства въ Карлсруэ и т. п.); в) кассы материнства, организуемыя предпринимателями, на манеръ первой кассы страхованія материнства, возникшей по иниціативѣ филантропа—фабриканта Долльфюса въ Мюльгаузенѣ въ 1866 г.); с) кассы филантропическія, выдающія пособія матерямъ натурой или деньгами при незначительномъ взносѣ со стороны страхующейся (напр. организація англійскаго общества „National Association for prevention of infant mortality", французская Charitè Maternelle и т. д.), въ отдѣльныхъ случаяхъ даже не требующихъ никакого взноса со стороны нуждающейся въ попеченіи общества матери.

За послѣдніе годы сталъ возникать еще третій основной типъ страхованія материнства при помощи *коммунальныхъ кассъ* (напр. въ городкѣ Саксоніи Зебницѣ).

Если ставить вопросъ о томъ, который изъ перечисленныхъ типовъ обезпеченія материнства является болѣе совершеннымъ, то отвѣтъ можно дать лишь съ рядомъ оговорокъ. Разумѣется, критеріумомъ для оцѣнки типовъ и формъ страхованія является та польза,

которую рабочій классъ въ цѣломъ извлекаетъ изъ этого мѣропріятія. Но и эта оцѣнка можетъ носить двоякій характеръ: можно подходить къ вопросу съ точки зрѣнія утилитарныхъ, непосредственно практическихъ интересовъ рабочихъ и можно оцѣнивать данное явленіе съ точки зрѣнія его полезности и нужности въ общемъ ходѣ борьбы рабочаго класса и тѣхъ коренныхъ задачъ, которыя преслѣдуются этой борьбой.

Если прилагать мѣрку перваго рода, то окажется, что въ отдѣльныхъ случаяхъ частное страхованіе типа взаимопомощи на подобіе французскихъ Mutualité Maternelle полнѣе выполняетъ свою задачу, чѣмъ наиболѣе совершенные изъ существующихъ видовъ государственнаго страхованія. Общества „Взаимопомощи Матерей“ не ограничиваются выдачей пособія роженицѣ, онѣ распространяютъ свою заботу за предѣлъ узко родового періода, даруютъ безплатную медицинскую помощь и устраиваютъ консультаціи для беременныхъ и для самыхъ младенцевъ, обезпечиваютъ мать широкой помощью „натурой“, организуя безплатный уходъ на дому за работницей, раздачу приданнаго младенцамъ и т. п. Ихъ дѣятельность по числу задачъ, которыя онѣ берутъ на себя шире и полнѣе, чѣмъ функціи государственныхъ больничныхъ кассъ.

Но если подходить къ вопросу обезпеченія материнства съ точки зрѣнія болѣе широкихъ задачъ рабочаго класса, если смотрѣть на обезпеченіе материнства, не только какъ на матеріальную поддержку работницы въ періодъ вынужденной безработицы но и какъ на одинъ изъ способовъ, подготовляющихъ человѣчество къ воспріятію новыхъ соціальныхъ отношеній, новыхъ взаимоотношеній между полами, тогда придется признать, что обще-обязательная форма государственнаго обезпеченія материнства является наиболѣе пріемлемымъ типомъ. Государственное страхованіе предпочтительнѣе и съ точки зрѣнія *принципіальной*, и съ точки зрѣнія технически—организаціонныхъ его удобствъ. По сравненію съ частными формами страхованія оно представляетъ слѣдующія преимущества: прежде всего оно естественно охватываетъ неизмѣримо большіе круги, чѣмъ въ состояніи охватить даже наиболѣе дѣятельное частное страхованіе. Далѣе оно уничтожаетъ въ корнѣ непріятный и вредный моментъ филантропіи, замѣняя его понятіемъ *права* матери на поддержку со стороны общества и *обязанности* общества по отношенію къ женщинѣ, обогащающей общественный коллективъ новымъ членомъ. Наконецъ, государственное страхованіе вноситъ принципъ обязательности тамъ, гдѣ частная иниціатива опирается лишь на „случайность“.

Если же выбирать между двумя типами само страхованія—*германскимъ*, связывающимъ страхованіе материнства съ больничнымъ, и *итальянскимъ*, вводящимъ принципъ самостоятельныхъ материнскихъ кассъ, то придется отдать предпочтеніе первому типу.

Основнымъ недостаткомъ отдѣльныхъ кассъ является прежде всего то, что при существующей системѣ *взносовъ* со стороны страхующихся, тяжесть страхованія ложится на плечи однѣхъ женщинъ, мужчины—рабочіе въ этихъ кассахъ не участвуютъ. Другимъ недостаткомъ этой формы является, что выдѣленіе материнскихъ кассъ создаетъ технически—организаціонную расщепленность страхованія, дробленіе вмѣсто болѣе цѣлесообразной концентраціи, ненужно удорожающій страховой государственный аппаратъ.

Тѣмъ не менѣе, высказываясь за типъ государственнаго страхованія материнства, связаннаго со страхованіемъ на случай болѣзни, нельзя не оговориться, что и эту форму обезпеченія материнства приходится разсматривать лишь какъ переходную стадію къ болѣе полной, всеобъемлющей и совершенной формѣ. Если подходить къ вопросу государственнаго и обще-обязательнаго обезпеченія материнства съ точки зрѣнія широкихъ соціальныхъ задачъ рабочаго класса, если разсматривать обезпеченіе материнства, какъ одинъ изъ способовъ разрѣшенія сложнаго конфликта между общественно-трудовыми задачами женщины и обязанностями материнства, какъ на мѣру, облегчающую тяжелый, но неотвратимый процессъ разложенія современной семьи, какъ на переходную стадію къ идеаламъ соціальнаго воспитанія, тогда недостатки смѣшенія и отожествленія болѣзни и функціи материнства, принятое больничнымъ страхованіемъ, становятся очевидными.

Пока государственное страхованіе материнства ограничивается узкой областью оказанія черезъ посредство больничныхъ кассъ помощи роженицамъ, въ лучшемъ случаѣ выдачей преміи кормящимъ (Швейцарія, Румынія условно Германія), обезпеченіе материнства еще умѣщается въ узкихъ рамкахъ больничнаго страхованія. Но стоитъ представить себѣ его расширенныя функціи и станетъ очевиднымъ, что больничное страхованіе не можетъ покрыть собою понятія государственнаго обезпеченія материнства. Расширеніе задачъ государственнаго обезпеченія материнства вытекаетъ изъ потребностей рабочаго класса. Въ представленіи организованной его части оно постепенно разростается до нормы соціалистическихъ идеаловъ, съ образцовыми убѣжищами для матерей, съ залитыми солнцемъ яслями, съ дѣтскими колоніями среди лѣсовъ и полей, съ организаціей спеціальныхъ общественныхъ работъ для беременныхъ и т. д.

Но даже не заходя такъ далеко и ставя болѣе узкія и осуществимыя задачи страхованію материнства, убѣждаемся, что понятіе вспомоществованія роженицъ не покрывается понятіемъ болѣзненнаго, патологическаго явленія, вызывающаго временную безработицу и требующаго поддержки больничной кассы.

Прежде всего обезпеченіе материнства при посредствѣ больничнаго страхованія суживаетъ кругъ женщинъ, на которыхъ распространяется страхованіе на случай родовъ. Данная система даетъ возмож-

ность разсчитывать на помощь лишь женщинѣ, дѣлающей аккуратно свои членскіе взносы въ кассу. Несамодѣятельныя и безработныя на эту помощь разсчитывать не могутъ. Даже, если по примѣру Англіи, распространить обязательное обезпеченіе на женъ застрахованныхъ (т. е. на несамодѣятельныхъ), то помимо законнобрачныхъ останется еще не малый контингентъ внѣбрачныхъ матерей. Въ Германіи, напр., ежегодно рождается 180.000 незаконныхъ младенцевъ, во Франціи ок. 70.000. Какъ быть съ внѣбрачными матерями? Общеизвѣстенъ фактъ, что именно среди незаконнобрачныхъ преобладаютъ *безработныя:* согнанная съ мѣстъ прислуга, ввиду ея „неприличнаго“ беременнаго вида, ремесленницы, потерявшія заработокъ, ввиду ихъ „неповоротливости“, наконецъ не малое количество юныхъ созданій, жившихъ при родителяхъ и принужденныхъ бѣгствомъ скрыть свой „позоръ“. Ихъ страховой законъ на случай болѣзни зачастую оставляетъ безъ необходимой помощи, такъ какъ задача больничнаго страхованія: обезпеченіе *не матери*, какъ таковой, а выдача пособія члену кассы.

По примѣру страхованія старости обезпеченіе материнства должно было бы распространяться на весь кругъ женщинъ, годовой доходъ которыхъ не превышаетъ опредѣленнаго максимума. Это положеніе сразу расширяетъ въ значительной мѣрѣ дѣятельность больничныхъ кассъ, но вноситъ и усложняющій моментъ въ простой принципъ обезпеченія на время болѣзни самодѣятельной части населенія. Далѣе больничное страхованіе ограничивается назначеніемъ пособія въ размѣрѣ неполнаго заработка. Интересы материнства требуютъ, чтобы размѣръ пособія не только равнялся полному заработку, но и *превосходилъ его*, такъ какъ въ моментъ родовъ расходы въ семьѣ значительно повышаются, мать—кормилица нуждается въ значительно лучшемъ питаніи и т. д. Различіе въ размѣрахъ пособія роженицѣ и больному члену кассы— значительно усложняетъ бухгалтерію и счетоводство больничной кассы. Затѣмъ—для больного члена кассы пособіе прекращается съ момента возвращенія его на работу. Въ интересахъ же матери и ребенка существенно, чтобы беременная женщина, остающаяся на работѣ, получала бы изъ кассы извѣстное вспомоществованіе, дающее ей возможность получить лишній кусокъ мяса, вернуться съ работы на трамваѣ вмѣсто утомительной прогулки пѣшкомъ, отдать бѣлье въ стирку вмѣсто того, чтобы промучиться самой надъ корытомъ и т. д. Такого рода пункты, отклоняющіеся отъ общей нормы, опять таки вносятъ усложняющій моментъ въ управленіе кассы.

Далѣе, огромное значеніе имѣетъ при родахъ снабженіе матери и новорожденнаго соотвѣтствующимъ бѣльемъ, одеждой, принадлежностями для мытья ребенка (ванна, простыни и т. д.). Это требованіе опять расширяетъ функціи больничныхъ кассъ, не идущихъ

дальше раздачи даровыхъ лѣкарствъ. Не меньшее значеніе имѣетъ организація правильнаго ухода на дому за роженицей.

Если для обычнаго больного достаточно обезпечить его уходомъ сидѣлки на счетъ кассы, то для роженицы—семьянинки совершенно недостаточенъ медицинскій уходъ акушерки. Практикующаяся французскими „Mutualitè Maternelle“ присылка на 3—4 часа въ день „замѣстительницы—хозяйки“, которая прибираетъ домъ, готовитъ обѣдъ, присматриваетъ за старшими дѣтьми и такимъ образомъ обезпечиваетъ полный отдыхъ роженицѣ на 3—5 дней послѣ родовъ—должна войти въ практику и государственнаго страхованія. Надобность въ подобной замѣстительницѣ хозяйки не исчезаетъ даже тогда, когда родильница ложится въ клинику. Но эта совершенно спеціальная функція еще болѣе усложняетъ задачи больничныхъ кассъ [1]).

Наконецъ, вопросъ о контролѣ, насколько вопросъ этотъ ясенъ и простъ при болѣзни члена кассы, настолько онъ усложняется, когда контролю подлежитъ беременная или кормящая мать, получающая пособіе при обязательствѣ воздержанія отъ работъ. Англійская практика показала, насколько сложенъ этотъ вопросъ. Можно ли лишать пособія родильницу, если контролирующее лицо застаетъ ее за корытомъ, за глаженіемъ, за шитьемъ? Всѣ эти работы входятъ въ число домашнихъ обязанностей хозяйки, но онѣ могутъ быть и скрытымъ способомъ работы на хозяина, предпринимателя. Въ данномъ случаѣ требуется совсѣмъ особая организація инспекціи, построенной на началахъ осторожности сужденій, внимательности къ каждому отдѣльному случаю. Такого рода инспекція легко могла бы быть организована при помощи самихъ заинтересованныхъ въ правильномъ расходованіи фонда лицами, преимущественно женщинами, хорошо знакомыми съ мѣстными условіями жизни и потребностями хозяйства, какъ существенно было бы проведеніе этой мѣры, но и данное расширеніе задачъ больничныхъ кассъ осложнило бы ихъ простую и ясную технику.

Можно было бы привести еще цѣлый рядъ другихъ желательныхъ мѣръ, входящихъ въ число задачъ страхованія материнства, напр., организація даровыхъ консультацій для матерей и дѣтей, раздача молока, устройство родильныхъ пріютовъ и т. д., но и перечисленныхъ выше самыхъ существенныхъ требованій достаточно, чтобы показать, что сколько-нибудь раціональная организація государственнаго обезпеченія материнства выходитъ за узкіе предѣлы дѣятельности больничныхъ кассъ. Даже, если переложить часть перечисленныхъ функцій на мѣстное самоуправленіе, напр. устройство консультацій, контроль надъ яслями, организація убѣжищъ для матерей, раздачу даровой

[1]) За послѣдніе годы организація частными обществами ухода на дому за родильницей и снабженія ея замѣстительницей по хозяйству начинаетъ получать широкое распространеніе и въ другихъ странахъ (Германіи, Венгріи, Австріи).

молока, то и тогда на обязанности больничныхъ кассъ, останется еще цѣлый рядъ задачи, которыя неизбѣжно переходятъ рамки страхованія на случай болѣзни По мѣрѣ расширенія требованій рабочаго класса въ области страхованія материнства, по мѣрѣ детализаціи этого вопроса и внесенія въ него подъ напоромъ самой жизни все большаго и большого числа функцій, будетъ неизбѣжно резростаться потребность выдѣлить обезпеченіе материнства въ самостоятельную отрасль соціальнаго страхованія.

Широкая постановка этой задачи требуетъ, чтобы за обезпеченіемъ материнства было признано столь же существенное значеніе, какъ и за другими основными отдѣлами соціальнаго страхованія: обезпеченія старости и инвалидности, страхованія на случай болѣзни, безработицы, несчастнаго случая.

Подобная разбивка соціальнаго страхованія на спеціальныя отдѣлы вызывается различіемъ причинъ, лишающихъ гражданъ трудоспособности и особыми задачами страхованія отсюда вытекающими. Ни одинъ законодатель не сочтетъ возможнымъ смѣшать задачи обезпеченія болѣзни съ страхованіемъ безработицы, страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ съ пенсіей на старость. Каждая изъ этихъ отраслей страхованія, какъ-бы технически-организаціонно эти вѣтви страхованія не были связаны между собой, имѣютъ свои, отличныя отъ другой отрасли функціи и задачи.

Но когда дѣло идетъ объ обезпеченіи столь важнаго и сложнаго соціальнаго явленія, какъ материнство, безцеремонно смѣшиваютъ двѣ совершенно различныхъ по характеру причины лишенія трудоспособности: болѣзни (явленіе патологическое) и производство на свѣтъ младенца—нормальную, соціальную функцію женщины. Это смѣшеніе понятій, представляющее серьезную принципіальную ошибку, внесено было въ законодательство иниціаторами германскаго страхованія, исходившими, при введеніи этого мѣропріятія, какъ извѣстно, изъ соображеній, ничего не имѣющихъ общаго съ дѣйствительнымъ благомъ рабочаго класса. Что данное смѣшеніе понятій вполнѣ вытекало изъ позиціи, занятой буржуазными классами и правительствомъ по вопросу обезпеченія материнства, очевидно само собою. Въ интересахъ государства необходимо было вступить въ борьбу съ плачевными результатами женскаго профессіональнаго труда. Однако признать существованіе тяжелой проблемы материнства, изъ котораго намѣчался одинъ выходъ-переложить, хотя бы часть матеріальной тяготы материнства съ плечъ частныхъ лицъ на общество, другими словами, вмѣшаться въ область семейныхъ отношеній и признать ненадежность семейнаго оплота—этого, разумѣется, буржуазное общество не могло. Представители современнаго классоваго государства нашли способъ ловко обойти чреватый послѣдствіями принципъ государственнаго обезпеченія материнства.

Продолжая отрицать само существованіе проблемы материнства,

они постановили оказывать помощь работницѣ-роженицѣ *не какъ матери*, а лишь, какъ члену больничной кассы, подвергшемуся временной неспособности къ труду. Это смѣшеніе понятій оправдывается одинаковостью внѣшнихъ симптомовъ родовъ и болѣзни, физіологическими страданіями и ослабленіемъ организма женщины во время родовъ.

Упорное желаніе правительственной власти дать именно эту, а не иную мотивировку страхованію роженицъ, повторяется всѣми буржуазными законодателями. Приравненіе родовъ къ патологическому явленію позволяетъ во-первыхъ сузить сферу обезпеченія материнства, ввиду того, что больничное страхованіе охватываетъ лишь самодѣятельныхъ (только въ Венгріи и Англіи *обязательное* обезпеченіе роженицъ распространяется и на женъ застрахованныхъ) [1]), во вторыхъ—свести самую помощь роженицамъ до узкаго круга обязательствъ кассы. Всякое расширеніе дѣятельности кассъ за извѣстныя рамки грозитъ пошатнуть финансовое равновѣсіе кассъ, построенныхъ на началахъ самострахованія, съ ограниченной поддержкой предпринимателей. Поэтому рабочему классу при выставленіи какого-нибудь требованія въ области обезпеченія материнства приходится постоянно считаться съ финансовой наличностью кассъ и либо отказываться отъ осуществленія даннаго пожеланія, либо относить его въ область пожеланій, относящихся къ коммунальной политикѣ. Пока обезпеченіе материнства будетъ составлять лишь незначительный подъотдѣлъ страхованія на случай болѣзни, оно никогда не сможетъ вырости до тѣхъ размѣровъ, какіе желательны въ интересахъ дѣла.

Рабочій классъ, усматривающій въ обезпеченіи материнства нѣчто большее, чѣмъ простую матеріальную поддержку роженицѣ, долженъ признать ложность принципа, позволяющаго смѣшивать два въ существѣ своемъ столь различныхъ понятія, какъ материнство и болѣзнь. Въ интересахъ будущаго важно, чтобы общественный коллективъ уже сейчасъ призналъ свою обязанность заботиться о подростающемъ поколѣніи, не только тогда, когда дитя уже ходитъ въ школу, но и съ самаго момента появленія младенца на свѣтъ. Осуществить эту заботу въ полной мѣрѣ—классовый коллективъ, какимъ является современное государство, разумѣется, не можетъ, но въ его власти сдѣлать, въ означенномъ направленіи, хотя бы первые шаги. Материнство должно быть признано важной соціальной, а не частно-семейной функціей, бремя материнства должно быть облегчено каждой женщинѣ черезъ посредство общественнаго коллектива—такое требованіе, которое вытекаетъ изъ широкихъ задачъ рабочей соціальной политики.

Отсюда—логическій выводъ: въ области обезпеченія материнства

[1]) Но и въ Англіи, *незаконнобрачная* мать, если она не относится къ числу лицъ, подлежащихъ страхованію, не имѣетъ права на пособіе.

долженъ быть сдѣланъ переходъ отъ отсталой формы обязательнаго государственнаго самострахованія работницъ къ болѣе совершенной формѣ страхованія, представляющей слѣдующій этапъ въ области соціальнаго обезпеченія, а именно переходъ къ системѣ обязательныхъ временныхъ *государственныхъ пенсій матерямъ*.

Если возможнымъ оказалось осуществить систему старческихъ пенсій (въ Англіи, Франціи, Даніи, Австраліи), устранивъ взносы, но не уничтоживъ моментъ общеобязательности, то нѣтъ никакихъ основаній думать, что временныя *материнскія пенсіи* являются утопіей. Объ утопичности этого мѣропріятія, впрочемъ, говорить уже больше не приходится съ тѣхъ поръ, какъ двѣ страны, играющія крупную роль въ міровой жизни, одна за другой, выступили на путь практическаго осуществленія этой третьей новой формы государственнаго обезпеченія материнства. Піонерами въ этомъ дѣлѣ оказались: Австралія, смѣлая въ своихъ соціальныхъ экспериментахъ, и Франція, наиболѣе остро ощущающая на себѣ печальные результаты современной намъ проблемы материнства.

Оба новыхъ закона во Франціи, о законодательной охранѣ труда роженицъ (17 іюля 1913 года) и финансовый законъ 31 іюля 1913 года, регулирующій экономическую сторону даннаго мѣропріятія, являются стройной и весьма смѣлой попыткой построить обезпеченіе материнства на новыхъ общественныхъ началахъ. По новымъ законамъ, государство обезпечиваетъ каждой неимущей гражданкѣ Франціи, относимой къ категоріи *самодѣятельныхъ*, опредѣленное пособіе въ періодъ родовъ; фондъ, изъ котораго выдается пособіе, образуется изъ взносовъ департаментовъ, коммунъ и государственной казны. Отличительнымъ свойствомъ этой формы государственнаго обезпеченія материнства является полное отсутствіе обремененія самой женщины *взносами* въ фондъ по обезпеченію роженицъ.

Австралійскій законъ (Maternity Allowance Assonted to 10 okt. 1912)построенъ на нѣсколько иномъ началѣ: каждая австралійская гражданка, родившая ребенка на Авст. землѣ или пароходѣ, принадлежащемъ Австралійской колоніи, имѣетъ право получить единовременное пособіе изъ государственной казны, равное 5 фунт. стерл. Лишены этого пособія лишь туземцы, азіаты, а также австралійки, родившія ребенка на чужой землѣ. Австралійскій законъ такимъ образомъ охватываетъ еще болѣе широкій кругъ роженицъ, чѣмъ законъ французскій, ничѣмъ не ограничивая права матери на пособіе, даже не требуя, чтобы та обязательно принадлежала къ категоріи работницъ наемнаго труда или доказала свою необезпеченность. Проведеніе въ жизнь Австралійскаго и Французскихъ законоположеній должно быть разсматриваемо, какъ крупный историческій этапъ въ дѣлѣ развитія государственнаго обезпеченія материнства. Самое осуществленіе новой формы государственной помощи, не основанной на системѣ обязательныхъ взносовъ (т. е. на самострахованіи), является побѣдой принципа общественнаго обезпеченія матерей. Какими бы недостатками не страдали французскій и особенно австралійскій законы, они являются живымъ отвѣтомъ на назрѣвающую потребность построить защиту и обезпеченіе материнства со стороны общественнаго коллектива на новыхъ началахъ, отличныхъ отъ несовершенныхъ формъ больничнаго страхованія.

Только что указанная форма пособій матерямъ не должна быть смѣшиваема съ итальянской формой страхованія материнства, покоющейся на принципѣ отдѣльныхъ кассъ материнства. Эту послѣднюю форму обычно проповѣдуютъ буржуазные защитники идеи страхованія материнства, начиная отъ родоначальника данной идеи Луи Франка и кончая д-ромъ Фишеромъ. Между системой общеобязательнаго пособія *роженицамъ* изъ государственнаго фонда и страхованіемъ при помощи кассъ материнства такая же существенная и очевидная разница, какая существуетъ между обезпеченіемъ старости на англійскій ладъ и самострахованіемъ рабочихъ на случай старости и инвалидности по германскому типу. И въ первомъ и во второмъ случаѣ основное отличіе заключается въ томъ, что при англійской системѣ рискъ по обезпеченію старости падаетъ не на одинъ опредѣленный классъ (рабочихъ), а равномѣрно распредѣляется между всѣми слоями населенія. Далѣе, отдѣльныя кассы материнства предполагаютъ разчлененіе взносовъ работницы на двѣ категоріи: въ больничную кассу на случай болѣзни, въ кассу материнства—на случай родовъ. Этимъ двойнымъ обремененіемъ работницы не исчерпываются минусы отдѣльныхъ кассъ, система двойныхъ взносовъ при страхованіи вноситъ моментъ раздробленности всего страхового аппарата, вредный для дѣла.

Кромѣ того, отдѣльныя кассы не устраняютъ главнаго недостатка самострахованія въ больничныхъ кассахъ—онѣ не осуществляютъ принципъ всеобщности [1]).

Главное преимущество системы пенсій, независимо отъ чисто принципіальнаго отличія отъ формъ самострахованія, заключается въ томъ, что каждое лицо, нуждающееся въ поддержкѣ государства, получаетъ ее въ той или иной формѣ не потому, что оно участникъ той или другой кассы, а потому простому *соціальному* принципу, что каждый членъ опредѣленнаго коллектива имѣетъ *право* въ *случаѣ нужды* на поддержку этого коллектива.

Признаніе и проведеніе въ жизни этого принципа тѣмъ болѣе важно въ вопросѣ обезпеченія материнства, что приблизительно половина женскаго населенія не относится къ числу самодѣятельныхъ.

[1]) Этимъ недостаткомъ страдаетъ впрочемъ и новый французскій законъ, основанный на системѣ временныхъ пенсій. Родовое вспомоществованіе получаетъ лишь нуждающаяся *наемная*работница, но не жена рабочаго; наемная работница должна быть притомъзанята *постояннымъ* наемнымъ трудомъ.

Разумѣется, обезпеченіе материнства при помощи обще-обязательныхъ пенсій внесло бы коренное измѣненіе въ существующую систему соціальнаго страхованія, особенно въ тѣхъ странахъ, гдѣ не дѣлалось еще опытовъ пенсіонной системы въ другихъ отдѣлахъ страхованія. Именно поэтому въ интересахъ единства системы страхованія важно было бы добиваться проведенія принципа уничтоженія взносовъ и перехода къ болѣе совершенной формѣ соціальнаго обезпеченія одновременно и для другихъ отраслей страхованія. Однако, эта широкая задача коренной реформы въ области соціальнаго страхованія нисколько не должна препятствовать стремленію построить прежде всего отрасль обезпеченія материнства на новыхъ началахъ.

Если общество уже сейчасъ рѣшается, въ Англіи, въ Даніи Франціи нести на себѣ бремя обезпеченія стариковъ, этого прошлаго страны, то почему бы ему отказаться взять на себя попеченіе о младенцахъ—этомъ будущемъ націи?

Отъ старика, имѣющаго права на полученіе пенсіи, ничего не требуется, кромѣ того, чтобы онъ достигъ извѣстнаго возраста и былъ лишенъ средствъ существованія. Опредѣленныя, ясно-обозначенныя требованія того же принципа могли бы съ успѣхомъ быть примѣнены и къ женщинѣ, ожидающей младенца, родильницѣ, или кормящей матери. Финансовое бремя по обезпеченію матерей должно было бы распредѣляться между предпринимателями, государствомъ и мѣстнымъ самоуправленіемъ. Техническій аппаратъ въ данномъ отдѣлѣ страхованія долженъ былъ бы представлять собою самоуправляющійся заинтересованными лицами—т. е. матерями—коллективъ, построенный на началахъ полнаго демократизма.

Таковы основныя, пока лишь весьма общія положенія того способа обезпеченія материнства, какой неизбѣжно явится на смѣну нынѣшней несовершенной системы страхованія роженицъ.

Обезпеченіе роженицъ при посредствѣ больничныхъ кассъ, [1]) покоющихся на основѣ принудительныхъ взносовъ, это лишь первый этапъ къ болѣе совершенной системѣ обезпеченія матерей, ближе отвѣчающей идеаламъ будущаго. Этотъ переходъ совершится неизбѣжно при расширеніи задачъ больничныхъ кассъ въ этой области и увеличеніи спроса на матеріальную поддержку матерей со стороны самихъ сознательныхъ, организованныхъ работницъ.

Поэтому для ускоренія даннаго процесса наиболѣе цѣлесообразнымъ и практически-осуществимымъ методомъ является: направить всѣ усилія на то, чтобы неустанно расширять функціи больничныхъ кассъ въ области обезпеченія материнства. Это расширеніе можетъ производится при помощи внесенія ряда поправокъ и дополненій—мѣра, вполнѣ пріемлемая для представителей рабочаго класса въ Россіи, едва-ли имѣющихъ основаніе разсчитывать на возможность проведенія въ ближайшее время закона объ обязательномъ и всеобщемъ обезпеченіи материнства на началахъ пенсіонной системы.

Только признаніе за материнствомъ значенія соціальной функціи даетъ возможность осуществить всѣ тѣ широкія задачи, которыя рабочій классъ вправѣ ожидать и требовать отъ раціонально-поставленной общегосударственной системы защиты и обезпеченія материнства.

А. Коллонтай

[1]) При расширеніи обезпеченія материнства въ рамкахъ больничнаго страхованія, обиліе и сложность новыхъ *функцій* больничныхъ кассъ вызоветъ и техническія трудности, устранить которыя окажется всего проще *выдѣленіемъ* этой соціальной задачи.

Поэтъ Окуровской Руси [1])

IV.

Мы уже отмѣчали ту, бросающуюся всѣмъ въ глаза черту творческой физіономіи Горькаго, которую можно опредѣлить, какъ *отсутствіе чувства осѣдлости*, вѣчное странствіе, непрерывное метаніе... Эта черта—глубоко трагична, она—продуктъ роковой колизіи между окуровскимъ естествомъ писателя и неудовлетвореннымъ, возмущеннымъ, бунтующимъ противъ окуровщины сознаніемъ.

Горькій—окуровецъ, отрицающій Окуровъ, бѣгущій отъ него, но не могущій его преодолѣть. И для Горькаго, какъ для Тіунова, Окуровъ—„тутъ тебѣ и Россія“. Окуровъ—весь русскій народъ... Почему же, однако, бѣжалъ онъ изъ этого своего кровнаго Окурова, всю жизнь предпочитая мыкаться „по чужимъ людямъ“, въ чуждой средѣ ища какихъ-то выходовъ?

Виной тому—эпоха, странное время, когда все пошло, двинулось куда-то, устремилось къ освобожденію, быть можетъ туманному, неосознанному, но властно зовущему къ далямъ, просторамъ...

Этотъ то магнитъ и вытащилъ Горькаго изъ окуровской трясины.

Стихія движенія, широко разлитая, въ силу опредѣленныхъ соціально-политическихъ причинъ, въ россійскомъ воздухѣ конца 19-го вѣка,—со всею своей принудительной мощью завладѣла душой крупнаго художника, который не былъ въ состояніи ни осознать этой стихіи во всей ея сложности и много гранности, ни понять причинъ, ее породившихъ.

Самъ Окуровъ не открывалъ никакихъ прорывовъ въ будущее, не давалъ никакихъ возможностей освобожденья: не было въ

[1]) См. „Н. З.“ № 1.

немъ силъ и элементовъ, необходимыхъ для этого, зналъ онъ лишь „безуміе и ужасъ“, темь безпросвѣтную...

Окуровъ—загадочно—кошмарный, мучительно-сонный, дикій, страшный и нелѣпый, съ Фелицатинымъ заведеніемъ, Вавилой Бурмистровымъ и Собачьей Маткой, Окуровъ кожемякинскаго дневника, отъ котораго впадаешь въ мрачную безнадежность и хочется вопить:—Да что же это такое?—весь этотъ міръ, этотъ осколокъ необъятной Руси ничего, кромѣ тоски и отчаянья, не могъ принести...

Вотъ онъ, Окуровъ,—послушайте:

— Есть люди, которые съ продухами, какъ ты его ни бей—ему ничего! Потому два дыханія имѣетъ!

Говорится это „внушительно и солидно“ во время избіенія:

...„Веселый, большой мужикъ Михайло, высоко поднимая ногу, тяжелыми ударами пятки, черной, точно лошадиное копыто, бухалъ въ его спину, а коренастый, добродушный Иванъ, стоя на колѣняхъ, истово ударялъ по шеѣ Савка, точно стараясь отрубить голову его тупымъ, краснымъ кулакомъ“.

„Что люди дрались—это было въ порядкѣ жизни; онъ (Матвѣй) много разъ видѣлъ, какъ въ праздники рабочіе, напившись вина, колотили другъ друга, пробуя силу и ловкость; видѣлъ и злыя драки, когда люди, сцѣпившись подобно псамъ, катались по землѣ безформеннымъ комомъ, яростно скрипя зубами и вытаращивъ налитые кровью, дикіе глаза“.

— Побить—это ни во что. Тогда вонъ торговцы съ площади лекаря Маркова бить бондарей наняли всего за полштофа...

...„ Бабы—онѣ пустыя, ихъ можно вотъ какъ бить. У мужика внутренности тѣсно положены, а баба—у нея пространство внутри. Она вродѣ барабана примѣрно“...

Вы видите, здѣсь создается цѣлая научная система мордованія, философія заушенія...

А вотъ—юродствующій чиновникъ Черноласкинъ, „а за нимъ шумной стаей молодыхъ собаченокъ, съ гикомъ и свистомъ, мчатся мальчишки, забѣгаютъ впередъ и, хватая грязь, швыряютъ ею въ дряблыя, дрожащія щеки чиновника, стараясь попасть въ его затравленные, безсильно злые глаза“.

...За что вы его?—спрашиваетъ Матвѣй кудряваго мальчугана.—Та—акъ!

— Ты бы его пожалѣлъ!—тихонько и оглядываясь совѣтуетъ Кожемякинъ,—Гляди, какъ онъ усталъ.—Я самъ усталъ!—правдиво отвѣчаетъ юный гонитель, отирая потное лицо рукавомъ рубахи.

А вотъ—базаръ. Сидятъ на землѣ три пыльныя фигуры—слѣпцы—нищіе.

„Вася Хряповъ, похожій на хорька, пристально смотритъ въ лица слѣпыхъ, соображая вслухъ:—Чай, поди обманываютъ?“ Тогда длинный неуклюжій Маклаковъ, торговецъ иконами, посудой и гармоніями, предлагаетъ:—А ты кинь имъ въ зенки—то пыли горсть! Вася подкрался и осыпалъ лица слѣпцовъ старой дорожной пылью“...

Цитировать ли еще? Выписывать, какъ каменщики бросили

въ творило извести живую собаку и любуются, какъ ей выжгло глаза—„смѣшно больно полощется она?“

Объ избіеніяхъ дѣтей? Объ издѣвательствахъ надъ женщинами?

Пришлось бы всю статью заполнить перепечатками...

Но вотъ что поразительно: несмотря на весь сознаваемый Горькимъ ужасъ и смрадъ Окурова, несмотря на мучительную жажду освобожденія,—Горькій чувствовалъ Окуровъ, „какъ свое тѣло“, а себя—„сердцемъ“ этого тѣла.

Эта исключительная,—при иныхъ условіяхъ счастливая (какъ мы это видимъ у Шевченки) особенность его творческой физіономіи,—стала для Горькаго его проклятіемъ. Крѣпкими, неразрывными, вѣчными нитями привязано его „сердце“ къ народу своему, но народъ этотъ—Окуровъ. И сознаніе не пріемлетъ этого сліянія, бунтуетъ противъ него: у Горькаго, какъ и у Чацкаго, „умъ съ сердцемъ не въ ладу“. Отсюда странная и поражающая двойственность въ оцѣнкахъ, даваемыхъ Горькимъ народу: въ однихъ—восторженная, образчики которой мы привели выше, въ другихъ—суровая, убійственная, яркимъ свидѣтельствомъ которой является хотя бы весь „Городокъ Окуровъ“ или такое, напримѣръ, ясно и четко формулированное: [1])

„Въ Россіи нѣтъ фундамента духовнаго, нѣтъ почвы, на которой можно строить храмы и всякіе дворцы разума, крѣпости, вѣры и надежды—все зыбко, сыпуче, все дресва и безплодно“.

Итакъ, подъ вліяніемъ двухъ причинъ: ярко сказавшагося сдвига русской жизни и отсутствія въ „народѣ“ какихъ бы то ни было потенцій къ освобожденію отъ кошмара окуровщины,—Горькій вышелъ на „большую дорогу“ этой жизни въ поискахъ „правды“, которая могла бы внушить ему вѣру въ торжество „разума“, оправдать его „сердце“, вопреки желанію „ума“, трепещущее отъ неистовой любви къ народу; подкрѣпить душу, содрагающуюся отъ ужаса, но не устающую возглашать Осанну...

V.

Первый періодъ литературной дѣятельности Горькаго, эпоха босяческаго романтизма, есть не что иное, какъ безсознательное проявленіе той тяги къ простору, далямъ, свободѣ, о которой мы говорили выше.

Послѣ окуровскаго удушья Горькій жадно искалъ свѣжести, яркости, красокъ, воздуха... И естественно, внѣшне наиболѣе пестрое, красочное, живописное, должно было прежде всего броситься въ глаза Горькому, приковать его къ себѣ.

Не нужно было, конечно, много времени, чтобы убѣдиться въ призрачности обрѣтенной „на днѣ“ правды...

Между тѣмъ, въ это время въ русской жизни четко сказалось новое явленіе—рабочій классъ, яркимъ блескомъ сверкнулъ невиданный еще свѣтъ пролетарскаго соціализма. Горькаго инстинктивно потянуло къ нему.

Въ соціализмѣ, съ грандіозностью его общечеловѣческихъ задачъ, съ народомъ, въ качествѣ Деміурга исторіи, съ вѣрою

[1]) „Жалобы“, разск. (Совр-къ 1911, I кн.)

въ конечное торжество человѣка, Горькій нашелъ много созвучныхъ его душѣ струнъ. Но соціализмъ, какъ закономѣрная историческая необходимость, какъ опредѣленное движеніе, протекающее по законамъ соціальнаго развитія, словомъ, соціализмъ въ современномъ научномъ понятіи этого термина, лежащій въ основѣ программъ рабочихъ партій,—явленіе, чуждое Горькому. Классовый пролетарскій характеръ современнаго соціализма не понятъ Горькимъ и всегда былъ для него расцвѣченной романтическими красками утопіей, воплощеніемъ идеалистическаго, полурелигіознаго мечтательства „народушки“...

Стоитъ только почитать, какимъ языкомъ выражаютъ горьковскіе „соціалъ-демократы“ основы своего міровоззрѣнія:

„Но вотъ идетъ человѣкъ,(?) освѣщаетъ жизнь огнемъ разума и кричитъ, зоветъ—эй, вы, тараканы, заблудшіе! Пора уже понять вамъ, что *у всѣхъ одинъ интересъ*, всѣмъ жить надо, всѣ рости хотятъ! Одинъ онъ, этотъ человѣкъ зовущій, и потому кричитъ громко, ему друзей надо, ему пусто одному то, пусто и холодно! И по зову его, всѣ сердца здоровыми своими кусками слагаются въ одно огромное сердце, сильное, глубокое, чуткое, какъ серебряный колоколъ... котораго еще не было отлито! Вотъ онъ благовѣститъ намъ этотъ колоколъ—соединяйтесь *люди* всѣхъ странъ въ одну семью!“ (Курс. нашъ. Р. Г.)

М. Горькій и не подозрѣваетъ, что ото всѣхъ этихъ мудрствованій и романтическихъ декламацій Андрея Находки вѣетъ философіей Якова Тіунова изъ окуровскаго Зарѣчья, и выдаетъ это за чистую соціалистическую монету.

Главный герой повѣсти „Мать“,—до сихъ поръ еще въ широкихъ читательскихъ кругахъ принимаемой, по какому-то странному недоразумѣнію, за художественное отраженіе русскаго рабочаго движенія,—„соціалъ-демократъ“ Павелъ Власовъ весь сшитъ изъ лоскутковъ ничего не значащихъ „хорошихъ словъ“ и чрезмѣрно—добродѣтельныхъ дѣяній. Какъ типъ, какъ художественное обобщеніе,—ходульнѣе и неестественнѣе этой фигуры трудно себѣ и представить. Горьковскій Павелъ это не Павелъ дѣйствительности, не Павелъ живой жизни: слишкомъ она,—особенно въ той ея грани, отраженіемъ которой должна была явиться „Мать“,—сложна и многообразна, чтобы быть обобщенной въ такомъ упрощенномъ и плоскомъ образѣ, какъ Павелъ Власовъ...

Въ процессѣ созданія этого образа ярче всего сказались непониманіе и отчужденность Горькаго отъ рабочаго класса и его движенія. Въ самомъ дѣлѣ: казалось бы, при такомъ огромномъ, исключительной важности заданіи, какое поставилъ себѣ Горькій въ этой повѣсти, значительный интересъ и большую важность должно было бы представить собой изображеніе роста, вскрытіе процесса превращенія вчерашняао дикаря, героя кулачныхъ боевъ и мордоворота, въ исключительный по своей нравственной силѣ и чистотѣ типъ идеалиста—борца,—прообразъ грядущаго человѣка. У Горькаго же этотъ то процессъ и не показанъ. Павелъ Власовъ пришелъ въ горьковскую повѣсть уже готовымъ, сложившимся, и на всемъ ея протяженіи мы нигдѣ не видимъ его въ раздумьѣ или сомнѣніи: черезчуръ ужъ онъ геометрически-прямолинеенъ и до обиднаго сытъ своей „идейностью“

Въ самомъ началѣ повѣсти есть, правда, нѣсколько страничекъ о ранней юности Павла. Ее провелъ онъ, какъ всѣ парни фабричной слободы: любилъ „погулять“, выпить, игралъ на гармоньѣ... Потомъ сталъ онъ вдругъ читать какія-то книжки, уходить изъ дому—и готово: передъ нами свѣжеиспеченный соціалдемократъ!...

Горькій совершенно отказался прослѣдить въ своемъ героѣ процессъ созданія новой личности—не смогъ!—не по силамъ ему разобраться въ сложномъ многообразіи современной жизни и ея „сознаніе“ предстаетъ взору художника оторваннымъ отъ породившаго это сознаніе „бытія“. Не только въ „Матери“, во всѣхъ его произведеніяхъ, не исключая и почему-то удовлетворившихъ въ этомъ отношеніи Г. В. Плеханова „Враговъ“,—остро проступаетъ указанное несоотвѣтствіе. Горькій нигдѣ почти не вскрываетъ основныхъ пружинъ, побуждающихъ опредѣленныя группы людей къ борьбѣ за другія, высшія формы общественности.

Рѣдкій изъ художниковъ съ такой силой, красотой и вдохновеніемъ, какъ Горькій, изображаетъ зарожденіе въ человѣческихъ душахъ сознанія, того свѣтлаго преображающаго весь строй души сознанія, когда весь міръ загорается новыми огнями, когда вся до того блѣдная и сѣрая жизнь предстаетъ, осіянная великимъ смысломъ и значительностью. Но это „сознаніе“ появляется у Горькаго какъ-то „вдругъ“, по мановенію какой-то волшебной палочки. Оно у него всегда—*чудо*. Попытокъ подложить подъ это „чудо“ опредѣленный соціально-политическій фундаментъ у Горькаго нѣтъ. Павелъ Власовъ—наиболѣе типичный продуктъ этой роковой черты. [1])

Колыбель современнаго соціализма, его духовная родина, великая плавильня его идей—городъ. Внѣ города не можетъ быть ни усвоена идеологія соціализма, ни понята его психологія. Пролетарскій поэтъ не можетъ въ то же время не быть поэтомъ города. Всѣ писатели, мыслители, поэты, художники, въ которыхъ есть элементы истиннаго „футуризма“, созданы подъ знакомъ этого, неоднократно уже воспѣтаго, „чарователя неустаннаго“.

Въ творчествѣ же Горькаго совершенно не ощущается стихія города. Она не задѣла души писателя, не отразила въ ней своего мятежнаго и яраго облика.

Устами героя „Исповѣди“ сдѣлалъ Горькій характерное признаніе:

„Городовъ я не любилъ. Жадный шумъ ихъ и эта безшабашная торговля всѣмъ—несносны были мнѣ, обалдѣвшіе отъ суеты города—чужды. Кабаковъ—избытокъ, церкви лишнія, построены горы домовъ—а жить тѣсно, людей много и всѣ не для себя—каждый привязанъ къ дѣлу и, видимо, всю жизнь бѣгаетъ по одной линіи, какъ песъ на цѣпи“.

Да, мудрено при такомъ взглядѣ на городъ быть „пѣвцомъ пролетаріата“, на каковой тронъ посадили Горькаго иные

[1]) Характерно, что изображеніе душевнаго ущерба удается Горькому неизмѣримо лучше, чѣмъ—роста. Стоитъ сравнить „Ненужнаго человѣка“ съ Власовымъ, чтобы убѣдиться въ этомъ.

изъ возжаждавшихъ и истосковавшихся по пророкамъ новоявленной „пролетарской культуры“...

Отъ городского пролетарскаго соціализма, Горькій, какъ извѣстно, очень быстро переметнулся къ „соціализму“ деревенскому, мужицкому, а затѣмъ—къ религіозному, богостроительскому...

Мы не станемъ останавливаться здѣсь ни на „Лѣтѣ“, ни на „Исповѣди“,—объ этомъ уже достаточно говорилось и писалось. Укажемъ лишь на то, бросающееся въ глаза обстоятельство, что на всѣхъ стадіяхъ горьковскаго соціализма лежитъ трагическая печать безпочвенности, зыбкости, всюду у него—переростъ „идеалистичности“ въ житейскомъ понятіи этого слова, надъ реальнымъ отраженіемъ живой дѣйствительности.

Яковъ Тіуновъ называетъ мѣщанъ „несоотвѣтствующими“ людьми:—„Никто не можетъ объяснить, кто есть въ Россіи мѣщанинъ и какому дѣлу—мѣсту соотвѣтствуетъ!“

Такимъ несоотвѣтствующимъ „дѣлу—мѣсту“ писателемъ и является М. Горькій, не знающій, „куда опредѣлиться“, гдѣ и въ чемъ искать выхода изъ тупика, созданнаго противорѣчіемъ между своимъ окуровскимъ „нутромъ“ и бунтующимъ противъ него сознаніемъ.

Здѣсь лежитъ ключъ къ пониманію одной выпукло проступающей и важной черты горьковскаго творчества:—его пресловутой „теоретичности“. Не замѣтить ее трудно; особенно ярко сказалась она въ упомянутыхъ „соціалистическихъ“ произведеніяхъ Горькаго, меньше—въ „Окуровѣ“.

О теоретичности Горькаго имѣется уже цѣлая литература, но, кромѣ голаго констатированья этой черты, тутъ естественно самъ собой напрашивается вопросъ, какъ это и почему писатель съ огромнымъ запасомъ наблюденій, знаніемъ жизни, сочной и яркой кистью, фатально сбивается на книжные афоризмы.

Да, Горькій „теоретиченъ“. Почти на всемъ протяженіи его литературной дѣятельности у него, дѣйствительно, была „линеечка“, посредствомъ которой онъ стремился познавать и отражать міръ. Но вѣдь въ этой „линеечкѣ“ кроется большая душевная драма. Эту „линеечку“ заставляла Горькаго брать въ руки борьба тѣхъ двухъ началъ въ его творческой личности, о которыхъ мы уже неоднократно говорили.

Все писательство Горькаго это—„поединокъ роковой“ между стихійной силы чувствомъ любви къ народу и отсутствіемъ вѣры въ этотъ народъ, который, въ силу пагубной аберраціи, символизированъ для Горькаго Окуровымъ.

Здѣсь, повторяемъ, ключъ „теоретичности“ Горькаго: „соціалъ-демократизма“, «богостроительства» и прочихъ „линеечекъ“, за которыя судорожно хватался художникъ. Во всѣ эти „теоріи“, уродовавшія здоровое ядро его творчества, загонялъ Горькаго страшный призракъ Окурова, отъ котораго онъ не могъ освободиться. Здѣсь искалъ онъ защиты, спасенія своей болѣющей, раздираемой мучительными противорѣчіями души. Онъ бралъ ту или другую „линеечку“ и подъ нее подгонялъ свой огромный и яркій талантъ. Не будь у Горькаго этой „линеечки“, подави онъ въ себѣ крики любящаго «сердца», пиши онъ лишь однимъ „умомъ“,—мы прокляли бы Горькаго, мы ужаснулись бы ему! Если бы не „богъ-народушко“, не «съ праздникомъ великимъ, милый!»—что это была бы за безысходная жуть, какая черная бездна сіяла бы въ русской литературѣ!

„Мать“, „Лѣто“, „Исповѣдь“ — все это въ значительной мѣрѣ надуманно, искусственно, антихудожественно... Но вѣдь *иначе нельзя было*: ибо невозможно носить въ себѣ вѣчно Окуровъ, нужно хоть какъ-нибудь избыть, отодвинуть этотъ жуткій кошмаръ,—давящій, пугающій, неистребимой ржавчиной засѣвшій въ душѣ...

VI.

Но на той же почвѣ, которая взрастила трагически—уродливую сторону горьковскаго творчества, выросли и наиболѣе красивые, нѣжные и ароматные — хотя и больные — цвѣты его поэзіи: страхъ передъ Окуровомъ сдѣлалъ Горькаго вдохновеннымъ пѣвцомъ „золотыхъ сказокъ“...

При всѣхъ зигзагахъ своей художественной кривой, при всей пестрой сложности этаповъ своего творческаго пути, Горькій въ одномъ оставался неизмѣненъ и всегда вѣренъ себѣ: въ боязни и недовѣріи къ дѣйствительности и предпочтеніи „возвышающаго обмана“, „тьмѣ низкихъ истинъ“.

Трудно назвать въ русской литературѣ, насквозь реалистической, „земляной“, другого писателя, который такъ страстно, горячо и убѣжденно декламировалъ бы на всемъ протяженіи своей жизни:

Господа! Если къ правдѣ святой
Міръ дорогу найти не умѣетъ,
Честь безумцу, который навѣетъ
Человѣчеству сонъ золотой...

Сколько разъ уже, казалось, стоялъ М. Горькій у порога обѣтованной „святой правды“, какъ часто возглашалъ онъ объ обрѣтеніи истины, какъ убѣжденно звалъ человѣчество на открытые имъ пути... Но мѣнялась горьковская „правда“, срывались пути, новыя истины волной заливали истины вчерашняго дня, и лишь *золотые сны*, какъ единое спасеніе, какъ послѣднее прибѣжище, какъ вѣчная, неугасимая и неугасающая лампада,—сверкали красотой нетлѣнности въ творчествѣ М. Горькаго.

Бѣдное человѣчество! Несчастные люди! Что знаютъ они, кромѣ ужаса, мрака и холода, да рѣдкихъ—блѣдныхъ и худосочныхъ — радостей!...

У каждаго человѣка долженъ быть свой Лука-утѣшитель: погибающему актеру онъ скажетъ, что есть гдѣ-то лѣчебница для пьяницъ; умирающей Аннѣ навѣетъ сказку о смерти—успокоительницѣ; Клеща подбодрить словомъ о томъ, что и въ Сибири хорошо; поддержитъ Настину грезу о ея возлюбленномъ—Гастошѣ въ лаковыхъ сапожкахъ...

Къ чему она, эта жестокая и неумолимая правда жизни?

— Она, правда-то, можетъ, обухъ, для тебя,—говоритъ Горькій устами Лука человѣку. Плетью обуха не перошибешь, но

сказкой, пожалуй, и перешибешь: вѣдь „во что вѣришь, то и есть“...

Если жизнь пуста и безотрадна, если она, кромѣ муки, позора и слезъ, ничего не даетъ бѣдной человѣческой душѣ, — пусть гонитъ она отъ себя эту живую жизнь, пусть создаетъ красивую золотую сказку о свѣтломъ, желанномъ и радостномъ.

За прозрачной и хрупкой стѣной этой мертвой радости и живутъ горьковскіе герои... Тамъ Настя мечтаетъ о Гастошѣ, тамъ одинокая проститутка „переписывается“ съ воображаемымъ Болесемъ, тамъ упиваются елейной ложью Луки, и всѣ живутъ, какъ „двадцать шесть“, ненавидящіе тупой ненавистью жизнь— эту грязную и мучительную пекарню,—во имя сказочной мечты о прекрасной, чистой и недосягаемой Танѣ...

А дѣйствительность, горькая правда жизни—къ чему она? Не лучше ли скрывать ее, прятаться отъ нея, уходить въ башню сказокъ?

— Иное, конечно, надобно показать, иное — надо скрыть; ибо ежели что безтолковое и вредное — зачѣмъ оно?“ — разсуждаетъ одинъ изъ новыхъ горьковскихъ героевъ, Калининъ [1]).

И, когда выслушавшій эту реплику суроваго вида мужикъ возражаетъ:

«... А вотъ у меня жена и сынишка сожглись живьемъ въ керосинѣ,—это какъ? Молчать объ этомъ?—

— Калининъ не отвѣчаетъ и лишь потомъ говоритъ своему собесѣднику:

—...„ Только вѣдь терзаютъ себя и другихъ! *Про такія дѣла забывать надо*!“ (Курс. нашъ.).

А вѣдь „такими дѣлами“, дѣлами ужаса и зла, наполнена вся жизнь... Забыть ее надо, создать взамѣнъ „золотую сказку“...

Это—единственная и несомнѣнная истина, которую Горькій вынесъ изъ своего богатаго жизненнаго опыта; истина, въ которую Горькій увѣровалъ больше и крѣпче всего и не устаетъ возглашать на всемъ протяженіи своего литературнаго пути. Возьмите, напримѣръ, одно изъ послѣднихъ его произведеній: „Слобода Толмачиха“. [2]) Несомнѣнно, это одно изъ лучшихъ горьковскихъ созданій. Здѣсь дарованье Горькаго сверкаетъ всѣмъ богатствомъ своихъ красокъ. И, какъ лучшее произведеніе художника, оно, конечно, очень типично для него. Въ „Слободѣ Толмачихѣ“—каждая буква горьковская и неудивительно поэтому, что мы находимъ здѣсь ту же поэму о сказкѣ— утѣшительницѣ, мечтѣ, спасающей отъ черной и грязной жизни.

Слобода Толмачиха—это знакомое намъ окуровское Зарѣчье. Она—при городѣ Буевѣ, на рѣкѣ Оберихѣ расположенномъ.

Мужчины слободы занимаются рыбной ловлей, охотой, птицеловствомъ, воровствомъ. Бабы истрепаны и грязны, съ синевою истощенія вокругъ глазъ. Толмачиха враждуетъ съ Буевомъ, какъ Зарѣчье съ Шиханомъ. Городъ боится и тѣснитъ толмачей; толмачи презираютъ горожанъ и болѣзненно завидуютъ ихъ крѣпкой и сытой жизни.

Мрачна, безрадостно — уныла и тяжела грубо-жестокая,

[1]) „Современникъ“ 1913 г. I кн. „Калининъ“ раз. М. Горькаго.
[2]) „Рус. Слово“ 1913 г. № 87.

убійственная жизнь Толмачихи. Отовсюду безнадежно и мертво смотритъ все подавляющая русская нищета. Ничего не даетъ эта проклятая дѣйствительность — ни яркости, ни пѣсенъ, ни цвѣтовъ,—одну тупую, сѣрую оторопь...

Остается одно: ожиданіе чуда, вѣра въ нѣчто, Богъ вѣсть откуда имѣющее явиться, страстная мечта по сказкѣ, которая должна скрасить нищую дѣйствительность, оправдать толмачей въ ихъ собственныхъ глазахъ.

„... Пріидетъ нѣкогда человѣкъ странній и возгласитъ мірови собезначальное слово... Кто знаетъ, когда пріидетъ онъ? Никто. Кому вѣдомо чудеса творящее слово его? Никому же“.

И все ищутъ этого невѣдомаго пророка, вперяютъ истомленныя жаждой очи въ пустыню Слободской яви... „Толците и отверзется“: и толмачи имѣютъ своего праведника и пророка.

Это Нилушка—невѣдомо отъ кого зачатый, сынъ Фелицаты, расторопной слободской бабы -- королевы, которая, по собственному выраженію, несетъ себя по землѣ «вродѣ ковша браги — пей, кому хочется, покуда есть чего пить».

Нилушка—юродивый, блаженненькій, полуидіотъ, почти не умѣющій говорить. Но онъ прекрасенъ:

„Онъ похожъ на ангела древняго письма съ южныхъ или сѣверныхъ вратъ старенькой церкви...

— О-осподи помилуй!
Во-олоки бѣгутъ,
Шоба-баки бѣгутъ,
Ок-котники стоятъ,
Волоковъ стелегутъ!
Осподи помилуй!..

Поетъ и весь свѣтится теплымъ свѣтомъ всему чужого веселья, легкій такой, пріятный, внутренне-чистый, легко вызывающій добрыя улыбки, мягкія чувства. Когда онъ на улицѣ, слобода живетъ тише, кажется благообразнѣе, люди смотрятъ на безумца болѣе ласково, чѣмъ на своихъ дѣтей, и кажется, что даже самымъ злымъ онъ близокъ и милъ. Летя въ золотисто-пыльномъ воздухѣ, его тонкая стройная фигурка, должно быть всѣмъ одинаково напоминаетъ церковь, ангеловъ, Бога, Рай; всѣ смотрятъ на него какимъ-то общимъ взглядомъ: задумчиво, немножко испытующе, немножко боязливо“.

„Болѣе ласково, чѣмъ на своихъ дѣтей“ смотрѣли на Нилушку слобожане...

...„Красавецъ Нилушка былъ необходимъ въ грязной, нищенской и больной жизни Слободы: онъ оттѣнялъ и завершалъ собою ея ненужность, безсмыслiе, безобразiе. Былъ онъ подобенъ яблоку, забытому на старой, кривой яблонѣ, сплошь покрытой лишаями; съ нея уже сняты всѣ плоды, она сбросила всѣ листья и дрожитъ на осеннемъ вѣтрѣ; былъ онъ похожъ на картину, единственную въ истрепанной, запачканной книгѣ безъ начала и конца,—книгѣ, которую уже нельзя и не стоитъ читать,—ничего не поймешь въ ней. И когда онъ, улыбаясь ласково, шелъ мимо приплюснутыхъ, гнилыхъ домовъ, мимо щеля-

выхъ заборовъ и буйныхъ зарослей крапивы такой сказочный и жалобный,—въ памяти вставали со страшной быстротою, смѣняя другъ друга, образы лучшихъ и любимыхъ людей русской земли, безконечной вереницей шли житійные люди, въ страхѣ за душу удалявшіеся отъ жизни въ лѣса и трущобы, отъ людей къ звѣрямъ. Вспоминались стихи слѣпыхъ и нищихъ, пѣснь объ Алексіи, Божьемъ человѣкѣ, и множество красивыхъ, но безжизненныхъ образовъ, въ которыхъ Русь вложила свою напуганную, печальную душу, свое покорное, пѣвучее горе"...

Нилушка умеръ, какъ святой: легъ и заснулъ.

И вотъ, нельзя было узнать озорниковатыхъ слобожанъ: «Почти на всѣхъ лицахъ, во всѣхъ глазахъ трепетало напряженное, пугливое ожиданіе чего-то».

И Антипа Волоноговъ, своего рода толмачихинскій Тіуновъ, выразилъ это чувство толмачей въ словахъ:

—«... Все ждалъ, а вдругъ, что и выйдетъ, чудесное, нежданное?»

Вѣдь тогда—«утѣшеньишко людишкамъ-то».

— „Иной разъ жалко ихъ, очень маятно живутъ, очень горько! А тутъ жили-были стервы—подлецы, а нажили праведника!»

Не знаемъ, что стало съ толмачами, потерявшими своего праведника,—первымъ дѣломъ, думаемъ мы, еще пуще запили они горькую, а потомъ принялись за поиски новаго святого. Что же касается самого Горькаго,—онъ всегда владѣлъ неумирающимъ Нилушкой. Правда, не разъ мѣнялся у Горькаго, — онъ этотъ праведникъ, и не часто бывалъ онъ легокъ и златокудръ, какъ Нилушка (хотя всегда — дурачекъ и косноязычный...), — но неизмѣнно святъ былъ онъ для Горькаго, святѣе всей яви—этой тяжелой, уродливой и грязной Толмачихи.

И такъ увѣровалъ Горькій въ грѣховность дѣйствительности, въ ея непререкаемую порочность, такъ проникся безнадежной вѣрой въ разъ навсегда установленное на землѣ господство окуровщины, — что явленія жизни, противорѣчащія этому представленію, кажутся ему странными, изъ иного міра принесенными, не землею взрощенными...

Вотъ увидѣлъ онъ толпу объединенныхъ единой волей, единымъ стремленіемъ людей.

Братски сомкнули оно свои ряды, всѣ груди слили въ одну и подставили ее подъ удары врага. Они бастуютъ. Они отвоевываютъ себѣ право на лучшую жизнь. И для того, чтобы воплотить свою классовую волю, они все—вплоть до самой жизни — приносятъ на алтарь своего общаго, братскаго дѣла. Они безстрашно ложатся на рельсы, на полотно дороги, чтобы остановить движеніе, и дѣйствительно, солдаты, ружья, жандармы—все это безсильно отскакиваетъ отъ этой стѣны солидарности, братства...

Или еще:

Вокзалъ итальянскаго города необычайно оживленъ. Все имѣетъ праздничный видъ. Улицы полны народа. Ждутъ чего-то. Подходитъ разукрашенный флагами поѣздъ и изъ него выскакиваютъ сотни дѣтей. Толпа радостно привѣтствуетъ ихъ. Съ пѣніемъ, музыкой, въ каскадахъ смѣха и говора возвращаются

въ городъ. Каждый семейный рабочій уводитъ къ себѣ одного—двухъ изъ маленькихъ гостей. Это необычайные гости: ихъ отцы и матери въ другомъ городѣ объявили войну господамъ жизни. Они бастуютъ, требуя, быть можетъ, лишняго куска хлѣба для своихъ дѣтей. И такіе же пролетаріи — сосѣди, которые вчера еще, быть можетъ, лишь приступили къ работѣ, которые завтра, быть можетъ, уже вновь будутъ голодать,—взяли къ себѣ этихъ дѣтей, чтобы облегчить борьбу ихъ отцамъ и своимъ братьямъ, чтобы не дать умереть съ голоду ихъ дѣтямъ...

Не чудо ли это? Гдѣ могъ видѣть подобное Горькій? Въ Окуровѣ, гдѣ всѣ ненавидятъ другъ друга какой-то тяжелой и мутной ненавистью; въ Толмачихѣ, гдѣ бьютъ смертнымъ боемъ женщинъ и дѣтей?...

Горькій не вѣритъ своимъ глазамъ. У него кружится голова...

И развѣ могъ онъ иначе озаглавить эти разсказанные имъ чудеса Запада, чѣмъ онъ это сдѣлалъ?

„Сказки"—въ этомъ одномъ заглавіи выражено цѣлое міровоззрѣніе; разсказана жизнь — больная, поруганная, безпросвѣтная; обнажена большая, кровавая рана души Горькаго...

Острый конфликтъ между сущимъ и должнымъ, дѣйствительностью и идеаломъ, жизнью и мечтой, конфликтъ, надъ разрѣшеніемъ котораго билось столько горячихъ сердецъ и свѣтлыхъ умовъ,—имѣетъ въ М. Горькомъ одного изъ своихъ величайшихъ художественныхъ отразителей.

Этого трагическаго противорѣчія, Горькій, сынъ Окурова и Толмачихи, продуктъ насквозь противорѣчивой, пестрой и запутаной общественности, разрѣшить не смогъ.

Такъ и войдетъ онъ въ исторію литературы съ этой незалѣченной раной въ душѣ..

Въ творчествѣ М. Горькаго самаго послѣдняго времени, въ его „Восп. проходящаго", „Хозяинѣ", печатающемся отрывками „Дѣтствѣ" и др., есть кое-какіе новые мотивы, звучитъ неслыханная нами до сихъ поръ у Горькаго мелодія обрѣтеннаго покоя, высшей гармонической радости. Та самая богатая и славная жизнь его, которую онъ до сихъ поръ являлъ намъ, какъ нѣчто смятенное, бушующее, раненое,—теперь предстоитъ намъ въ новомъ свѣтѣ—мягкомъ, примиренномъ, улыбчивомъ... Чувствуется *подведеніе итоговъ*, глубокое и трепетное самопроникновенье...

Теперь еще рано говорить объ *этомъ* Горькомъ, но наступленіе новой эры въ его творчествѣ кажется намъ необходимостью, такъ какъ весь пройденный до сихъ поръ Горькимъ путь уже замкнулся въ законченный кругъ...

Раф. Григорьевъ.

Экономическій подъемъ и политическій кризисъ.

По мнѣнію Карла Маркса „наступившее (въ Западной Европѣ) въ 1848 г., а въ 1849 достигшее еще большаго развитія процвѣтаніе торговли и промышленности парализовало революціонный подъемъ и сдѣлало возможными побѣды реакціи". Въ Россіи въ настоящее время наблюдается какъ будто противоположная связь: процвѣтаніе промышленности и торговли сопровождается усиленіемъ политическаго кризиса.

Экономическій подъемъ страны въ послѣдніе годы отличался чрезвычайно интенсивнымъ и въ то же время почти всеобщимъ характеромъ. Подъемъ въ промышленности шелъ рука объ руку съ подъемомъ въ земледѣліи.

Для земледѣлія истекшее пятилѣтіе сложилось въ высшей степени благопріятно. Въ 1911 году, правда, въ 20 губерніяхъ Восточной Россіи имѣлъ мѣсто сильнѣйшій неурожай, но недороду 1911 года предшествовали и за нимъ слѣдовали по два высокихъ урожая—въ 1909 и 1910 г.г. и въ 1912 и 1913 г.г. Въ итогѣ чистый сборъ зерна въ 72 губ. въ послѣднее пятилѣтіе—1909—1913 гг.—оказался выше сбора за предыдущее пятилѣтіе на 26%!

Не менѣе блестяще обстояли дѣла въ промышленности. Если мы возьмемъ даже хлопчатобумажную промышленность, въ которой подъемъ былъ наименѣе ярокъ, то окажется, что въ 1909—1913 гг. привезено хлопка на фабрики для переработки на 16,4% больше, чѣмъ въ предыдущее пятилѣтіе [1]). Добыча же каменнаго угля увеличилась за это пятилѣтіе на 22%, а выплавка чугуна на 32,4%.

Но не только въ среднемъ уровень промышленной жизни въ это пятилѣтіе былъ выше, чѣмъ въ предыдущее, онъ повышался въ теченіе пятилѣтія изъ года въ годъ. Промышленное оживленіе, начавшись съ конца 1909 года, росло непрерывно въ теченіе всѣхъ слѣдующихъ лѣтъ. Въ результатѣ выплавка чугуна возросла съ 1909 по 1913 г, на 66,6%. Добыча угля начала рости съ 1911 г. и къ 1913 г. возросла по сравненію съ 1910 г. на 48%. О растущемъ оживленіи въ промышленности говоритъ также значительное увеличеніе ввоза товаровъ, который въ большей своей части состоитъ изъ предметовъ потребленія промышленности—сырыхъ, полуобработанныхъ матеріаловъ и машинъ. Ввозъ товаровъ по европейской границѣ по даннымъ съ 1909 по 1913 г. возросъ на 48%.

Въ истекшемъ году въ Зап. Европѣ иАмерикѣ наблюдался

[1]) Данныя о привозѣ хлопка за 1905—1912 гг. взяты изъ послѣдней объясн. записки г. Коковцева, за 1904 г., изъ одной изъ прежнихъ его записокъ, а для 1913 г. принята цифра 1912 г. Эта цифра для него явно низка, такъ какъ, по всѣмъ имѣющимся даннымъ, положеніе хлопчатобумажной промышленности въ 1913 г. было въ общемъ лучше, чѣмъ въ 1912 г,

уже какъ будто переломъ промышленной конъюнктуры, склонность ея къ паденію. Напротивъ у насъ послѣ нѣкотораго ослабленія темпа промышленнаго подъема въ 1912 г.—подъ явнымъ вліяніемъ неурожая 1911 г., въ 1913 г. наблюдалось снова значительное усиленіе подъема. Въ то время какъ въ 1912 г. заказы въ О-вѣ Продамета (за 12 мѣс.) возросли по сравненію съ предыдущимъ годамъ только на 8%, въ 1913 г. они возросли на 31,3%. Въ 1912 г. ввозъ товаровъ по европ. и азіат. границѣ почти не увеличился, въ 1913 же году онъ возросъ на 17,2%.

Какое же вліяніе этотъ сильный экономическій подъемъ страны оказывалъ на политическое ея положеніе? Намѣчается ли въ данномъ случаѣ между экономикой и политикой связь обратная той, которую Марксъ устачавливалъ для 1849 г. въ Зап. Европѣ?

Марксъ былъ, по моему мнѣнію, правъ, когда считалъ, что обострению политическаго положенія въ 1847 г. содѣйствовалъ экономической кризисъ, а торжеству реакціи въ 1849 году содѣйствовало экономическое процвѣтаніе. Но торжество реакціи при извѣстныхъ условіяхъ возможно и безъ наступленія экономическаго подъема. Какъ разъ это наблюдалось у насъ. Экономическая депрессія у насъ одинаково сопровождала и революціонный подъемъ 1905—1906 гг. и побѣдоносное шествіе реакціи въ 1907—1909 гг.

Реакція у насъ восторжествовала, не смотря на экономическую депрессію, но, разъ она восторжествовала, разъ ея торжество сдѣлало невозможной для рабочихъ и крестьянъ революціонную борьбу, экономическая депрессія могла оказывать на нихъ уже только одно гнетущее вліяніе, отрѣзывая для нихъ возможность и экономической стачечной борьбы. Полная же невозможность какой бы то ни было борьбы за улучшеніе своего положенія могла только усиливать и укрѣплять ту апатію въ рабочей массѣ, которая являлась естественнымъ слѣдствіемъ подавленія революціи. Съ другой стороны реакціонное настроеніе, охватившее имущіе классы послѣ той паники, которую они пережили въ дни революціи, усиливалось и укрѣплялось полнымъ паденіемъ всякой активности въ рабочей массѣ. У буржуазіи, не говоря уже о землевладѣльцахъ, возрождалась старая, только что передъ этимъ поколебленная вѣра въ бюрократію, въ ея способность держать въ страхѣ и повиновеніи рабочую массу.

Не ясно ли, что при такихъ условіяхъ экономическая депрессія въ 1907—1909 гг. оказывала могущественную поддержку реакціи и что прекращеніе этой депрессіи, наступленіе экономическаго подъема было необходимымъ условіемъ для пробужденія политической активности въ странѣ.

Новое возрожденіе стачечнаго движенія среди рабочихъ, наступившее на почвѣ экономическаго подъема, не только пробуждало рабочихъ отъ апатіи, не только толкало ихъ къ сплоченію и самоорганизаціи, но и во всей остротѣ ставило передъ ними прежніе проклятые вопросы о полномъ ихъ безправіи, объ отсутствіи свободы коалицій, о невозможности при существующихъ политическихъ условіяхъ вести и сколько нибудь плодотворную экономическую борьбу. Движеніе среди рабочихъ не-

избѣжно поэтому становилось политическимъ движеніемъ. Подъ вліяніемъ же растущаго движенія среди рабочихъ снова пробуждалось и среди фабрикантовъ и заводчиковъ недовѣріе къ существующему политическому режиму, къ его способности обезпечивать въ странѣ порядокъ и спокойствіе.

Но дѣло не ограничивалось этимъ. Подъемъ вызвалъ цѣлый рядъ противорѣчій въ промышленномъ мирѣ, противорѣчій, порождавшихъ среди промышленниковъ и внутренній антагонизмъ и антагонизмъ ихъ къ правительству.

Прежде всего широкая волна недовольства прошла по самому старому промышленному району Россіи—Московскому. Въ Московскомъ районѣ господствуетъ текстильная промышленность, а ея меньше всего коснулся экономическій подъемъ. Какъ это ни странно, но оказалось, что чрезвычайно высокій урожай 1909 г. произвелъ болѣе сильное оживляющее вліяніе на металлургическую промышленность, чѣмъ на текстильную. Объясняется это съ одной стороны вздорожаніемъ ситца благодаря установившимся въ это время высокимъ цѣнамъ на хлопокъ, а съ другой—пробудившимся у крестьянъ стремленіемъ къ производительнымъ тратамъ—на покупку земли, на покупку земледѣльческихъ орудій. Крестьянскій кошелекъ даже при высокомъ урожаѣ оказался слишкомъ скуднымъ, чтобы дать крестьянамъ возможность одновременно и удовлетворять назрѣвшія производственныя потребности и повысить потребленіе дорожающихъ предметовъ бѣлья и одежды. Потребовался второй урожай въ 1910 г., чтобы и въ текстильной промышленности начался подъемъ. Но не успѣла еще текстильная промышленность войти какъ слѣдуетъ въ колею подъема, какъ неурожай 1911 года снова ее выбилъ изъ этой колеи.

Желѣзную промышленность отъ угнетающаго дѣйствія неурожая спасли подоспѣвшіе во время усиленные желѣзнодорожные заказы. Но текстильную промышленность отъ этого дѣйствія ничто не могло спасти и ее снова постигла депрессія. И опять потребовалось 2 высокихъ урожая, чтобы въ текстильной промышленности наступило нѣкоторое оживленіе [1]).

[1]) Насколько менѣе благопріятно было въ послѣдніе годы положеніе текстильной промышленности по сравненію съ желѣзной, можно видѣть изъ слѣдующей интересной таблички:

Въ милліонахъ пудовъ.

Годы.	Выплавлено чугуна.	Привезено на фабрики для переработки хлопка.
1908	171,0	24,90
1909	175,3	22,58
1910	185,6	22,69
1911	219,4	25,82
1912	256,3	25,28

Въ выплавкѣ чугуна всѣ года отмѣчоны ростомъ, въ количествѣ же перерабатываемаго хлопка ростъ даетъ только одинъ 1911 годъ, а въ 1909 и 1910 гг. наблюдается даже сильное паденіе количества перерабатываемаго хлопка по сравненію съ 1908 годомъ.

Не ясно ли при такихъ условіяхъ, что все говорившее вокругъ объ экономическомъ подъемѣ въ земледѣліи и промышленности, должно было будить сильнѣйшее недовольство въ представителяхъ московскаго промышленнаго и торговаго міра, такъ какъ этотъ подъемъ въ значительной степени проходило мимо ихъ.

Правительство ничѣмъ не могло придти на помощь текстильной промышленности. Тѣмъ хуже для него. Вниманіе тогда естественно направилось на общія условія, на препятствія, которыя они ставятъ развитію внутренняго рынка, подъему деревни. Въ—итогѣ буржуазія московскаго района становится въ явную оппозицію къ правительству. Она даетъ новые живительные токи партіи прогрессистовъ и посылаетъ въ Гос. Думу рядъ своихъ представителей, Коновалова, Салазкина и др.

Промышленный подъемъ затѣмъ поставилъ правительство лицомъ къ лицу съ рѣзко сталкивающимися интересами различныхъ группъ промышленниковъ и обнаружилъ полную неспособность его такъ примирять ихъ, чтобы идя на встрѣчу интересамъ однихъ промышленныхъ слоевъ, не возстанавливать противъ себя другихъ.

Съ самаго начала промышленный подъемъ сталъ въ противорѣчіе съ недостаткомъ топлива.

Не смотря на богатѣйшія залежи каменнаго угля, каменноугольная промышленность оказывалась періодически неспособной удовлетворить возрастанія потребности въ топливѣ. Рядомъ съ этимъ нефтяная промышленность Бакинскаго района, нуждаясь для своего расширенія въ повышенныхъ производственныхъ затратахъ, предпочитала даже сокращать свою добычу, чтобы поднять цѣны возможно выше и получить усиленные барыши безъ всякихъ затратъ.

Въ итогѣ—въ теченіе всего промышленнаго подъема почти непрерывно раздавались жалобы на недостатокъ топлива и на его дороговизну. И чрезвычайно характерно, что предсѣдатель комитета Нижегородской ярмарки, Салазкинъ, обращаясь съ различными пожеланіями къ г. Коковцову, выдвинулъ рядомъ съ необходимостью осуществлять манифестъ 17 октября, также необходимость принять мѣры противъ чрезвычайнаго вздорожанія топлива.

Радикальной мѣрой противъ этаго вздорожанія было бы допущеніе безпошлиннаго ввоза кам. угля изъ за—границы. Правительство на это конечно не пошло. Оно ограничилось только безпошлиннымъ ввозомъ нѣкотораго количества заграничнаго угля для нуждъ желѣзныхъ дорогъ. Внося этой мѣрой извѣстное раздраженіе въ среду углепромышленниковъ, оно въ то же время очень мало этимъ дѣлало для ослабленія недовольства широкихъ промышленныхъ круговъ, вызываемаго продолжающимся вздорожаніемъ топлива.

Рядомъ съ угольнымъ голодомъ періодически возникалъ также чугунный голодъ, и правительству и тутъ приходилось допускать безпошлинный ввозъ нѣкотораго количества чугуна для нуждъ заводовъ.

Также, какъ угольный голодъ, чугунный голодъ рѣзко сталкивалъ интересы различныхъ группъ промышленниковъ. Въ

сущности и тотъ и другой голодъ обрисовывалъ яркій намѣчающійся антагонизмъ между промышленностью юга, объединенной въ могучіе синдикаты „Продуголь“ и „Продаметъ“ и промышленностью Московскаго и Петербургскаго районовъ не только текстильной, но и металлургической.

При этомъ съ чугуномъ дѣла обстоятъ еще хуже, чѣмъ съ углемъ, такъ какъ недостатокъ чугуна на рынкѣ вызывается не стремленіемъ взвинтить цѣны путемъ искуственнаго сокращенія производства, а нежеланіемъ юга вообще отпускать чугунъ на продажу. Выплавка чугуна на югѣ объединяется съ переработкой его въ желѣзо и сталь. Вмѣсто того, чтобы выпускать чугунъ на рынокъ, Югъ предпочитаетъ перерабатывать его самъ. И дѣйствительно мы видимъ, что при огромномъ ростѣ выплавки чугуна, отпускъ Югомъ чугуна на продажу все время въ послѣдніе годы стоялъ на одной точкѣ и въ 1912 г. были отпущены на продажу тѣ же 42—43 милл., которые были отпущены въ 1908 г. (см. объ этомъ интересную статью Э. Вулиха въ № 9. „Торг.-пром. газеты“ за текушій годъ). При такихъ условіяхъ передѣльные заводы другихъ районовъ отъ полнаго кризиса спасалъ только болѣе усиленный отпускъ чугуна на продажу со стороны Урала. Но на Уралѣ наблюдается тотъ же процессъ вертикальнаго объединенія производства. Такимъ образомъ передѣльные заводы другихъ районовъ попадаютъ въ безвыходное положеніе и спасти ихъ отъ гибели можетъ только значительное пониженіе пошлины на чугунъ.

Въ этомъ пониженіи заинтересована также и вся промышленность Россіи, кромѣ южныхъ предпріятій, объединившихся въ синдикатъ „Продамета“. Благодаря чрезмѣрно высокимъ цѣнамъ на желѣзо у насъ сильнѣйшимъ образомъ тормозится развитіе производства машинъ и орудій какъ для нуждъ сельскаго хозяйства, такъ и для нуждъ промышленности. Собственное широкое развитіе этого производства является характернымъ признакомъ высокаго степени промышленнаго развитія, и переходу Россіи на эту высшую промышленную ступень мѣшаетъ въ настоящее время то гнетущее вліяніе, которое, благодаря высокимъ покровительственнымъ пошлинамъ, начинаютъ оказывать на экономическую жизнь синдикаты „Продамета“ и „Продуголь“.

Рядомъ съ промышленностью отъ дѣйствія этихъ синдикатовъ сильно страдаютъ также частныя желѣзныя дороги, получившія у насъ въ послѣднее время такое сильное развитіе. И общества частныхъ желѣзныхъ дорогъ первыя вступили въ борьбу съ синдицированною промышленностью Юга, найдя очень скоро и легко защиту своихъ интересовъ у правительства. Подъ ихъ вліяніемъ въ концѣ октября открылось междувѣдомственное совѣщаніе по предоставленію частнымъ жел. дорогамъ не болѣе—не менѣе, какъ права пріобрѣтать и эксплоатировать угольныя копи, нефтяныя земли, строить подвижной составъ и т. п. И не смотря на горячіе протесты въ этомъ совѣщаніи представителей промышленности, Совѣщаніе высказалось за предоставленіе частнымъ желѣзнымъ дорогамъ этого права для удовлетворенія въ извѣстныхъ размѣрахъ собственныхъ нуждъ въ топливѣ и подвижномъ составѣ. Это вызвало большое раздраженіе и тревогу среди промышленниковъ Юга и вопреки позиціи, занятой г. Туганъ—Барановскимъ въ „Рѣчи“, въ этомъ случаѣ къ протесту противъ новаго проекта должна присоединиться и демократія.

Частныя желѣзныя дороги не самостоятельныя предпріятія, онѣ находятся въ большой зависимости отъ казны, и казна всегда имѣетъ право ихъ выкупить. Развитіе промышленной дѣятельности частныхъ жел. дорогъ означаетъ поэтому усиленіе экономическаго могущества теперешняго государства, а этому усиленію демократія имѣетъ также мало основаній сочувствовать, какъ и представители промышленности. Но одной борьбой противъ подобныхъ проектовъ демократія не можетъ ограничиться. Если этотъ выходъ изъ гнетущаго положенія, въ которое попадаетъ промышленность, негоденъ,—необходимъ другой. И этимъ другимъ выходомъ по мнѣнію демократіи должно быть уничтоженіе покровительственной пошлины на желѣзо и уголь.

Въ ту же сторону, къ борьбѣ противъ этихъ покровительственныхъ пошлинъ, къ ихъ значительному ослабленію, если не полному уничтоженію, толкаютъ, какъ мы видѣли, и большинство промышленниковъ ихъ интересы. Но пусть попробуетъ теперешнее правительство приняться за серьезный пересмотръ теперешней покровительственной системы. Ничего, кромѣ раздраженія и возбужденія среди промышленниковъ, этотъ пересмотръ не вызоветъ. И правительство никогда не рѣшится встать на этотъ путь. Только на открытой парламентской аренѣ въ настоящемъ парламентѣ, имѣющемъ силу и вліяніе въ странѣ, могутъ быть серьезно поставлены и рѣшены подобные вопросы.

Итакъ мы видимъ, что экономическій подъемъ вызвалъ оживленіе политической активности въ странѣ, столкнулъ съ существующимъ режимомъ самымъ рѣшительнымъ образомъ городскихъ рабочихъ, вызвалъ болѣе или менѣе сильное недовольство бюрократіей по различнымъ причинамъ у всѣхъ группъ промышленниковъ, а значительную часть представителей промышленности и торговли поставилъ къ ней даже въ рѣзкую оппозицію.

Но было бы все таки ошибочнымъ думать, что экономическій подъемъ дѣйствуетъ только отрицательно на существующій политическій режимъ. Колебля его однѣми своими сторонами, онъ въ то же время укрѣпляетъ и поддерживаетъ другими.

Такъ безусловно укрѣпляюще на него экономическій подъемъ дѣйствуетъ во первыхъ постольку, поскольку содѣйствуетъ финансовому процвѣтанію государства. А онъ не можетъ ему не содѣйствовать. И дѣйствительно мы видимъ что напр. приростъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ за первые 10 мѣс. прошлаго года достигъ 10%, оказавшись рекордным за послѣдніе года (наибольшій приростъ былъ въ 1910 г.—10%) Есть всѣ основанія думать, что и за послѣдніе 2 мѣс. приростъ былъ не менѣе великъ. Считая 10% прироста для всего года, мы получимъ сумму обыкновенныхъ госуд. доходовъ для 1913 года равной 3416,5 милл. р., что дастъ увеличеніе по сравненію съ 1909 г., т. е. за 4 года экономическаго подъема,—на 35,2%

Хорошее же финансовое положеніе государства даетъ ему возможность оказывать большое вліяніе и на промышленную

жизнь страны. Такъ въ послѣдніе годы замѣтно были усилены въ государственной росписи траты на желѣзно-дорожное строительство и кромѣ того подъ вліяніемъ хорошаго финансоваго положенія охотнѣе приливаютъ капиталы и къ частнымъ дорогамъ, обезпеченымъ казенными гарантіями. Только благодаря фанансовому благополучію послѣднихъ лѣтъ наше правительство могло устроить и послѣдній крупный желѣзнодорожный заемъ на французскомъ рынкѣ.

И если мы примемъ во вниманіе, что распредѣленіе желѣзнодорожныхъ заказовъ находится въ рукахъ правительства, то станетъ ясно, что тотъ золотой дождь, который льется теперь на желѣзную промышленность по волѣ и милости начальства, долженъ сильно обрѣзывать крылья всякому оппозиціонному настроенію, которое можетъ тамъ возникнуть. Правда не одними желѣзнодорожными заказами живетъ желѣзная промышленность, но все таки они охватываютъ приблизительно 1/4 всего потребляемаго металла.

А затѣмъ правительство имѣетъ возможность ослаблять и усиливать заказы какъ разъ въ трудную минуту, когда другіе факторы дѣйствуютъ угнетающе на рынокъ. И не случайность, конечно, что съ августа 1911 г. по авг. 1912 г. когда недородъ 1911 г. долженъ былъ дѣйствовать угнетающе на желѣзный рынокъ, желѣзнодорожные заказы въ О-вѣ Продамета сдѣлали сразу рѣзкій скачекъ вверхъ повысившись болѣе, чѣмъ въ два раза. И не случайность вѣроятно также и то, что цифры разрѣшенныхъ къ постройкѣ путей ж. д. повышаются какъ разъ въ послѣднее время, съ цѣлью повидимому отдалить надвигающійся экономическій кризисъ и во всякомъ случаѣ помѣшать гнетущему вліянію на промышленность неизбѣжныхъ неурожаевъ, которые должны же смѣнить наконецъ слишкомъ хорошіе урожаи послѣднихъ лѣтъ.

А дѣйствуя на желѣзную промышленность, правительство косвенно дѣйствуетъ и на другія отрасли, прежде всего на угольную промышленность. Другія отрасли не находятся въ прямой зависимости отъ правительства и на настроеніе ихъ представителей не могутъ такъ непосредственно дѣйствовать тѣ или другіе мѣры правительства. Но слѣдуетъ вообще имѣть въ виду, что если при существующихъ политическихъ условіяхъ экономическій подъемъ вызываетъ цѣлую сѣть разнообразныхъ противорѣчій, сталкивающихъ не только рабочихъ, но и капиталистовъ, съ существующимъ режимомъ. то въ то же время онъ умѣряетъ и сдерживаетъ эти прочиворѣчія въ извѣстныхъ границахъ своимъ положительнымъ вліяніемъ на экономическое положеніе тѣхъ и другихъ. Нуженъ поэтому переходъ отъ подъема къ кризису, чтобы всѣ эти назрѣвшія и осознанныя во время подъема противорѣчія могли обостриться до той степени, когда они становятся угрожающими для даннаго режима. Недаромъ въ послѣдніе годы именно текстильная промышленность, которой меньше всего коснулся экономическій подъемъ, была въ первомъряду недовольныхъ изъ торгово—промышленнаго міра.

А затѣмъ нужно вспомнить и деревню, безъ стихійной хотя бы поддержки которой всѣ усилія города могутъ оказаться безплодными.

Деревня переживала сейчасъ чрезвычайно благополучные годы. Не составляетъ въ данномъ случаѣ исключенія и большинство тѣхъ восточныхъ губерній, которыя голодали въ 1911 г. Напротивъ въ большинствѣ этихъ губерній итогъ за послѣдніе годы оказался даже болѣе благопріятенъ, чѣмъ въ большинствѣ другихъ, не испытавшихъ голода. Въ самомъ дѣлѣ возьмемъ количество продовольств. хлѣбовъ на душу населенія, которое высчитываетъ Цен. Ст. Ком. для каждаго года. Тогда получимъ, что изъ губерній непострадавшихъ или мало пострадавшихъ отъ неурожая въ 1911 г. это количество въ 1909—1912 г.г. по сравненію съ предыдущимъ четырехл. возросло—въ Таврической губ. на 4%, Херсонской на 7%, Бессарабской на 13%, Екатеринославской на 15%. А изъ наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая въ 1911 г. это возростаніе сбора на душу населенія равняется въ Донской обл.—40%, въ Симбирской губ.—57%, Саратовской—74%, Самарской—96%!

Но это благополучіе, которое продолжалась и въ 1913 году, конечно, только временное явленіе. Увеличеніе чистаго сбора на 1 дек. въ 72 губ. въ истекшее пятилѣтіе такъ велико—оно достигло 21% по сравненію съ предыдущимъ пятилѣтіемъ—что объяснить его сельскохозяйственнымъ прогрессомъ нѣтъ никакой возможности. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить, что въ Германіи урожайность за все прошлое столѣтіе выросла на 100% а во Франціи даже только на 50%.

Высокая урожайность послѣднихъ лѣтъ, такимъ образомъ нами не заработана и за нее должна наступить расплата. Высокіе урожаи при той хищнической системѣ хазяйства, которая за 5 лѣтъ не могла у насъ повсемѣстно и радикально измѣнить-ся, должны были сильно истощить почву, а плодородіе почвы въ такихъ случаяхъ стихійно возстанавливается паденіемъ урожайности. Этого паденія и можно ожидать въ ближайшіе годы.

А тогда... тогда подвергнется испытанію и вся аграрная политика правительства, которыя сейчасъ въ счастливые по урожайности годы можетъ дѣйствовать усыпляющимъ образомъ на крестьянство.

Эта аграрная политика ведетъ къ сильному развитію пролетаріата въ деревнѣ, но это развитіе было конечно, чрезвычайно ослаблено высокой урожайностью послѣднихъ лѣтъ, и напротивъ будетъ усилено рядомъ неблагополучныхъ лѣтъ которые должны наступить. Если и теперь приходится читать извѣстія, какъ извѣстіе изъ Уфы въ „Русск. Словѣ“ отъ 7 янв.—„мѣстнымъ отдѣленіемъ Крестьянскаго Банка назначена на продажу на 15-е марта за невзносъ срочныхъ платежей огромная территорія, по пространству равная Черногоріи“,—то можно себѣ представить тѣ картины, которыя начнутъ разыгрываться въ случаѣ ряда неблагополучныхъ по урожаю лѣтъ. А рядомъ съ паденіемъ урожайности и отчасти въ связи съ нимъ есть всѣ основанія ожидать и паденія промышленной конъюнктуры въ ближайшіе годы. И пролетаріатъ, образующійся въ деревнѣ, потеряетъ возможность отхода въ городъ, которую онъ имѣетъ теперь.

Но не только растущій въ деревнѣ пролетаріатъ наполнитъ ряды недовольныхъ. Передъ лицомъ ряда неурожаевъ почув-

ствуетъ шаткость и неустойчивость своего положенія и большинство вновь испеченныхъ мелкихъ собственниковъ. Опасность каждую минуту очутиться на краю гибели и пополнитъ ряды деревенскаго пролетаріата разсѣетъ, въ нихъ всякое увлеченіе аграрной политикой правительства, если это увлеченіе и получилось.

Обостреніе недовольства въ городѣ и развитіе стихійнаго недовольства въ деревнѣ на почвѣ падающей экономической конъюнктуры, вотъ что сулятъ намъ ближайшіе годы,

Н. Череванинъ.

Д. А. Клеменцъ.

(личныя воспоминанія).

Я познакомилась съ Дмитріемъ Александровичемъ Клеменцомъ въ концѣ Апрѣля 1878 года. Онъ былъ давно нелегальнымъ и въ то время—недавно пріѣхавъ изъ за границы—жилъ безъ прописки въ квартирѣ, принадлежавшей доктору Веймару. Недѣли черезъ 3 послѣ моего оправданія, перемѣнивъ нѣсколько пріютовъ, туда же попала и я.

По разсказамъ я уже давно знала Клеменца. Его имя было одно изъ самыхъ извѣстныхъ именъ пропагандистовъ первой половины семидесятыхъ годовъ. Знала я его также какъ автора нѣсколькихъ остроумныхъ статей въ журналѣ „Впередъ“. Молва рисовала его при этомъ человѣкомъ веселымъ, склоннымъ къ шуткѣ, къ мистификаціи. Ѣдетъ онъ напримѣръ по желѣзной дорогѣ въ костюмѣ рабочаго, къ нему подсаживается студентъ и «по глазамъ видно—хочется юнцу пропагандой заняться».

Клеменцъ доставляетъ ему это удовольствіе, задаетъ вопросы насчетъ явленій природы, слушаетъ, удивляется, а потомъ возьметъ и поправитъ какую нибудь ошибку студента, съ ссылкой на такого—то профессора или на такой то учебникъ.

Послѣдніе три года Клеменцъ,—если и не сплошь, то по большей части - жилъ за границей. Не знаю, были ли у него какіе нибудь готовые планы, когда послѣ окончанія процесса 193 онъ вернулся въ Россію, но пока онъ во всякомъ случаѣ оставался въ сторонѣ. Онъ былъ чайковцемъ, но организованнаго кружка чайковцевъ уже не существовало, а съ новой организаціей будущихъ землевольцевъ, носившихъ еще названіе натансоновцевъ или троглодитовъ, онъ не сблизился.

Привелъ меня въ квартиру Веймара одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ троглодитовъ, Оболешевъ, извѣстный тогда подъ именемъ Алешки.

— Вотъ вамъ тутъ, чтобы не скучали интересный кавалеръ имѣется, да еще съ заграничнымъ штемпелемъ, рекомендовалъ мнѣ Алешка, вышедшаго намъ на встрѣчу Клеменца.

Клеменцъ проворчалъ что-то въ отвѣтъ на шутливую рекомендацію и видимо остался недоволенъ, сидѣлъ и молчалъ, пока не ушелъ Оболешевъ.

Первое впечатлѣніе не соотвѣтствовало составленному заранѣе представленію, но веселымъ я рѣдко видала Дмитрія Александровича также и впослѣдствіи. Онъ—правда—въ разговорѣ часто употреблялъ шутливыя выраженія; разсказывая что нибудь, онъ охотно выдвигалъ и подчеркивалъ комическія черточки. Н. А. Морозовъ приводитъ нѣсколько прозвищъ, данныхъ Клеменцомъ разнымъ изданіямъ. Я помню еще два: появившееся тогда „Начало“ онъ прозвалъ „мочаломъ“, а „Отечественныя Записки“ называлъ „Отечественными закусками“. Но таковъ—казалось мнѣ – былъ сложившійся характеръ его рѣчи, таковъ былъ его способъ выражать свои мысли. Вѣроятно въ ранней юности, когда этотъ способъ только что складывался, Клеменцъ радостно смотрѣлъ на свѣтъ божій, сыпалъ шутками отъ полноты веселья и шутка такъ сроднилась съ нимъ, что подвертывалась на языкъ даже тогда, когда невесело смотрѣли его глаза на разсмѣявшагося собесѣдника. Я впрочемъ не видала Дмитрія Александровича среди дѣйствующихъ товарищей, не видала его за дѣломъ. Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, когда мы были почти постоянно вмѣстѣ, я узнала его только какъ человѣка, очень добраго и чуткаго человѣка, который помогъ мнѣ въ трудное время послѣ оправданія.

Оно было для меня въ самомъ дѣлѣ трудное. Передъ этимъ я разсчиталась съ жизнью на волѣ и больше о ней не думала и вдругъ, совершенно неожиданно мнѣ вернули ее и надо было рѣшить, что мнѣ съ ней дѣлать и рѣшить какъ можно скорѣе. Между тѣмъ, все это первое время я была безпрерывно окружена все новыми и новыми незнакомыми людьми и должна была наскоро учиться „держать себя“ въ своемъ новомъ положеніи. Помню первый урокъ. Всего часа черезъ два послѣ освобожденія одинъ молодой человѣкъ обратился ко мнѣ съ восклицаніемъ.

— Вы должно быть теперь очень счастливы!

Я отвѣтила:

— Не очень—и тотчасъ же раскаялась въ своей необдуманной правдивости,—такъ много изумленія, огорченія и даже негодованія вложилъ онъ въ свое восклицаніе:—Что вы говорите!

Я поспѣшила стереть впечатлѣніе, сказала, что еще не опомнилась, не оглядѣлась. Этотъ—былъ радикалъ, а затѣмъ я попала въ среду людей, едва знакомыхъ съ радикалами, для которыхъ я была

нѣчто невиданное и неслыханное. Они рисковали изъ за меня, давая пріютъ въ своихъ квартирахъ, при другихъ обстоятельствахъ знакомство съ ними быть можетъ доставило бы мнѣ много удовольствія, но при данныхъ—и знакомство—то въ сущности не выходило, я чувствовала себя слишкомъ стѣсненной и поэтому—не смотря на окружающее меня сочувствіе,—болѣе одинокой, чѣмъ въ Домѣ Предварительнаго заключенія.

Оглядѣвшись въ своемъ новомъ убѣжищѣ, я сразу почувствовала большое облегченіе. Квартира наша находилась надъ ортопедической клиникой доктора Веймара и считалась необитаемой. Братъ доктора, студентъ, взялъ отъ нея ключъ сказавъ дворнику, что будетъ ходить въ эту квартиру готовиться къ экзамену. Прислуги конечно никакой не было. Чай варили на имѣвшейся у Клеменца спиртовкѣ, а ѣду приносилъ студентъ. Посѣтителей тоже было не много. Чтобы проникнуть къ намъ, надо было пройти черезъ помѣщеніе жившей вмѣстѣ съ Веймаромъ г-жи Ребиндеръ, а она не одобряла лишнихъ гостей. Кромѣ Эдиньки (такъ звали всѣ студента), забѣгавшаго по нѣсколько разъ на день и Грибоѣдова, близкаго пріятеля Клеменца и Веймара, заходилъ иногда только самъ докторъ Веймаръ. Изъ его разговоровъ съ Клеменцомъ всего живѣе врѣзались мнѣ въ память горькія жалобы на студентовъ медиковъ, отличившихся во время войны съ Турціей въ санитарномъ отрядѣ, которымъ завѣдывалъ Веймаръ.

Одна очень высокопоставленная особа пожелала, чтобы они были ей представлены, а студенты не пошли.

— Что мнѣ дѣлать,—жаловался Веймаръ. Я уж ъ имъ говорилъ ну что вамъ стоитъ выслушать нѣсколько милостивыхъ словъ изъ устъ прекрасной дамы и поцѣловать у ней ручку? Такъ нѣ ъ же, уперлись варвары и ни съ мѣста. Я ужъ ей докладывалъ, что они молъ стѣсняются неимѣніемъ хорошихъ костюмовъ, а она говоритъ—пусть придутъ въ тѣхъ, какіе обыкновенно носятъ. Ну, что съ ними дѣлать?

Въ этотъ моментъ никто не предсказалъ бы, что Веймаръ умретъ на каторгѣ.

Ни въ какомъ злоумышленіи онъ и дѣйствительно не былъ повиненъ. Уликами противъ него была покупка лошади, на которой скрылся убійца Мезенцева, и — главное — револьвера, изъ котораго стрѣлялъ Соловьевъ. Но лошадь онъ купилъ за нѣсколько лѣтъ до смерти Мезенцева и за ея дальнѣйшей судьбой не слѣдилъ, револьверъ же — свой собственный — далъ кому-то изъ радикаловъ безъ опредѣленной цѣли, а потомъ, перейдя черезъ нѣсколько рукъ, этотъ револьверъ достался Соловьеву.

По большей части мы съ Клеменцомъ оставались одни въ квартирѣ. Онъ сразу повелъ себя такъ, какъ будто ровно ничего особеннаго со мной не случилось и съ нимъ первымъ за послѣдній мѣсяцъ я почувствовала себя свободной. Въ первые дни, однако, я все же плохо поддерживала разговоръ и онъ оставлялъ меня въ покоѣ. Уйдетъ бывало въ свою комнату и читаетъ тамъ что-то, пока не придетъ съ ѣдой Эдинька или не настанетъ время чай пить.

Но скоро наши разговоры, начинавшіеся за чаемъ, стали затягиваться. Онъ говорилъ о жизни за границей, о Чайковцахъ, я о южныхъ бунтаряхъ, къ которымъ прежде принадлежала. Общаго между нами было то, что оба въ данный моментъ не принадлежали ни къ какой организаціи. Своими для Клеменца по старой памяти оставались Чайковцы, но онъ предвидѣлъ, что придется присоединиться къ Натансоновцамъ, этого потребуетъ долгъ, обязанность—больше некуда пристать, но радостныхъ перспективъ это въ немъ повидимому не вызывало. Послѣ разгрома пропагандистовъ 73—74 г.г., движеніе возродилось—сперва на югѣ, потомъ на сѣверѣ—въ видѣ бунтарства. Вмѣсто пропаганды повѣрили въ возможность поднять народъ посредствомъ агитаціи на почвѣ уже имѣющихся у него желаній и чаяній. Первый періодъ захватилъ Клеменца цѣликомъ, но второй вѣры онъ кажется не пережилъ и подошелъ къ ней поближе лишь теперь, когда и она уже была наканунѣ упадка.

Чаще и чаще Клеменцъ сталъ заговаривать со мной о Швейцаріи, о томъ, какая это прелесть горы и какое наслажденіе лазить по нимъ. Ему таки придется еще разъ туда съѣздить и какъ хорошо, что придется захватить тамъ часть лѣта.

Вотъ бы и вамъ поѣхать за компанію. На какія бы я васъ вершинки сводилъ!

Первое время я совсѣмъ не думала о поѣздкѣ за границу и когда Брешковская написала мнѣ (переписка завязалась у насъ въ Домѣ Пр. Зак. и продолжалась, когда я вышла оттуда, а она осталась дожидаться отправки въ Сибирь), что не совѣтуетъ ѣхать за границу, куда меня навѣрное будутъ отправлять. „Что за охота, писала она, фигурировать въ роли отставного героя“,—я съ ней совершенно согласилась.

Когда я передала Клеменцу слова Брешковской, онъ запротестовалъ.

— Я васъ не „фигурировать“ зову, а пошляться по горамъ. Тамъ не пофигурируешь и „геройство“ тамъ требуется совсѣмъ особое: круто не круто, а лѣзь.

Онъ очевидно страстно любилъ природу и умѣлъ рисовать ее мнѣ на соблазнъ, самыми неожиданными чертами. — Развѣ не интересно въ какой нибудь часъ пройти отъ средины лѣта черезъ Май и Апрѣль до Марта? Внизу уже трава вся скошена, а мы идемъ по цвѣтущему майскому лугу, потомъ оказывается, что еще только

зацвѣтаютъ первые весенніе цвѣточки, а черезъ 10 минутъ трава только что начинаетъ пробиваться изъ голой земли и по ней бѣгутъ струйки изъ подъ тающаго снѣга.

И я соблазнилась. Къ тому же приговоръ былъ кассированъ и со всѣхъ сторонъ стали настаивать на моемъ отъѣздѣ. Передавали, что какой то генералъ предлагалъ провезти меня подъ видомъ своей жены, строились и еще какіе то планы, но опытные люди, и Клеменцъ въ томъ числѣ, находили, что всего вѣрнѣе будетъ подождать Мойшу Зунделевича, который былъ въ это время въ Швейцаріи, и переѣхать границу обычнымъ контрабандным путемъ. Я тоже предпочитала этотъ способъ. Путешествіе съ генераломъ мнѣ совсѣмъ не улыбалось.

Послѣ кассаціи г-жа Ребиндеръ замѣтила около дома какіе-то зловѣщіе признаки (Эдинька увѣрялъ, что ей со страху показалось) и мы съ Клеменцомъ переселились къ его пріятелю Г. который служилъ гдѣ-то при желѣзной дорогѣ, кажется. Онъ любилъ радикаловъ, подсмѣивался надъ ними и въ тоже время оказывалъ имъ услуги. У него часто дѣлали обыски и всегда безъ результатовъ. Онъ говорилъ, что по разнымъ примѣтамъ безошибочно знаетъ уже съ вечера, что почью будетъ обыскъ и приготовляетъ бутылку водки и закуску. Полиція, по его словамъ, у него почти и не ищетъ, а только закусываетъ и умиляется:— Вотъ еслибы всѣ-то были такіе же понимающіе люди, а то иные сердятся, точно мы по своей волѣ по ночамъ рыскаемъ.

Въ настоящій моментъ онъ ручался за нашу полную безопасность. У него житье пошло совсѣмъ свободное, и можно было видѣться съ старыми пріятельницами, бывшими въ Петербургѣ.

Наконецъ пріѣхалъ Мойша и съ нимъ Сергѣй Кривчинскій, который прямо съ вокзала явился на квартиру Г. Сергѣй былъ лучшимъ другомъ Клеменца, но былъ совсѣмъ не похожъ на него въ данный моментъ въ особенности. Пріѣхалъ онъ весь сіяющій, въ самомъ восторженномъ настроеніи. Сквозь призму иностранныхъ газетъ и собственнаго воображенія мое оправданіе и послѣдовавшія затѣмъ демонстраціи показались ему началомъ революціи. Къ его пріѣзду Петербургъ давно принялъ свой обычный угрюмый видъ, но Сергѣй не давалъ этому обстоятельству сбить себя съ занятой позиціи. Городъ доказалъ уже, что представляетъ изъ себя—не помню ужъ—вулканъ или костеръ, лишь сверху покрытый пепломъ и готовый разгорѣться при первомъ же дуновеніи вѣтра. И все представлялось ему въ такихъ же огромныхъ размѣрахъ. Въ это время среди радикаловъ ходилъ по рукамъ разсказъ о Чигиринскомъ дѣлѣ, присланный изъ тюрьмы Стефановичемъ. Сергѣй прочелъ, нахмурился и нѣсколько времени молча думалъ, а потомъ заявилъ, что къ этому дѣлу нельзя подходить съ обычной нравственной мѣркой. Принципъ остается непоколебимымъ, но бываютъ моменты, когда насиліе надъ собственнымъ нравственнымъ чувствомъ становится подвигомъ (въ доказательство—ссылки на из-

вѣстное изрѣченіе Дантона, на „исповѣдь Наливайки“ Рылѣева). И Чигиринское дѣло именно таково, основаніе дружины дало начало громадному народному движенію.

Да вѣдь она уже кончилась, разгромлена, возражаютъ ему.—Это ничего не доказываетъ. Дружина быстро росла и сама по себѣ продолжала-бы расти все быстрѣе. Что, если бы нечаянный случай съ неосторожнымъ дружинникомъ произошелъ позднѣе, когда въ дружинѣ уже было бы 20 или 30 тысячъ? Тогда дѣло кончилось бы иначе...

Или примется увѣрять, что русскіе революціонеры всѣ на подборъ прирожденные вожди, гиганты.

—Ну гдѣ тамъ? Фантазируете вы,—скажешь ему. Въ отвѣтъ на это слѣдуетъ ссылка на мадамъ Роланъ, которая писала мемуары во время революціи и жаловалась, что между ея современниками нѣтъ крупныхъ людей.—А вѣдь намъ они кажутся гигантами. Я увѣренъ, что вижу нашихъ радикаловъ въ томъ самомъ свѣтѣ, въ какомъ увидитъ ихъ потомство.

Клеменцъ былъ старше Кравчинскаго всего на 2—3 года, но относился къ нему какъ-то по отечески, словно къ любимому дѣтищу, а за его гиперболы и фантазіи называлъ „синей птицей“. Въ такомъ состояніи, какъ въ эти нѣсколько дней, которые мы пробыли вмѣстѣ въ Петербургѣ, я уже никогда не видала Сергѣя, хотя долгіе годы знала его заграницей. Пріѣхалъ Сергѣй съ планомъ издавать въ Петербургѣ газету, онъ же придумалъ и названіе газеты: „Земля и Воля“, перешедшее на организацію.

Дней черезъ 5 мы тронулись въ путь—и безъ малѣйшихъ затрудненій добрались до Швейцаріи, если не считать того, что въ Берлинъ мы попали на другой день послѣ выстрѣла Нобилинга, и всѣ русскіе пріятели Зунделевича и Клеменца были въ тревогѣ, ожидая нашествія полиціи. Ни на одну квартиру мы не могли зайти и провели нѣсколько часовъ—до поѣзда въ какомъ то паркѣ.

До обѣщанныхъ горъ, пришлось пробыть въ Женевѣ недѣли двѣ и тутъ понадобилось все имѣвшееся у меня упорство и самая энергичная защита Клеменца, чтобы не дать втянуть себя въ „фигурированіе“, предсказанное Брешковской. Въ то время почти всѣ русскіе эмигранты становились анархистами и поддерживали тѣсныя сношенія съ швейцарскими, итальянскими и отчасти французскими анархистами. Заранѣе предполагалось, что и я окажусь анархисткой и когда пріѣду за границу, то изъ моей внезапной, всеевропейской извѣстности можно будетъ извлечь не мало пользы для дѣла анархіи. Я въ то время имѣла лишь смутное понятіе какъ объ анархіи, такъ и объ соціалдемократіи. Русская пресса не давала свѣдѣній о такихъ вещахъ, а попадавшія мнѣ въ руки заграничныя изданія давали слишкомъ отрывочныя. И вотъ на второй же или на третій день по пріѣздѣ мнѣ излагаютъ такой планъ: Парижскіе анархисты назначатъ

день и часъ моего пріѣзда въ Парижъ и пригоговятъ тамъ встрѣчу, можетъ собраться по меньшей мѣрѣ нѣсколько тысячъ. Полиція можетъ вмѣшаться, но арестовать меня ей не дадутъ. Я отказалась самымъ рѣшительнымъ образомъ, но меня увѣряли, что это необходимо и что я только потому и отказываюсь, что не знаю иностранной жизни. Клеменцъ сразу сталъ на мою сторону и защищалъ меня самымъ энергичнымъ образомъ, но когда мы остались одни — сталъ защищать авторовъ плана.

— Я то васъ довольно знаю, а имъ не въ домекъ, что вы ухитрились свою извѣстность до зубовнаго скрежета возненавидѣть. Самъ по себѣ планъ невинный и девять десятыхъ, дай только имъ вашу знаменитость, согласились бы на него съ удовольствіемъ.

Когда съ этимъ планомъ было покончено, возникъ другой. Я должна написать открытое письмо противъ нѣмецкихъ соціалдемократовъ и хорошенько ихъ отщелкать. Не помню уже въ какую именно газету предполагали послать письмо, но разсчитывали, что его станутъ перепечатывать и цитировать и оно широко распространится.

Къ этому плану Клеменцъ отнесся отрицательно не только изъ соображеній о моихъ свойствахъ, но и по существу. Нельзя ругать партію, не имѣя объ ней достаточнаго понятія. Я и безъ Клеменца конечно не согласилась бы писать о томъ, чего не знаю, и въ Парижъ бы не поѣхала, но сопротивляться въ одиночку цѣлой компаніи было бы очень непріятно, а съ нимъ я чувствала себя подъ надежной защитой.

Отправились мы наконецъ въ горы. Одинъ эмигрантъ поселился съ своей семьей въ горномъ шалэ надъ Сіономъ—маленькимъ городкомъ въ глубинѣ долины Роны—и пригласилъ насъ погостить. Въ эту пустынную мѣстность не заглядывали иностранцы, наводняющіе лѣтомъ Швейцарію. Къ нѣсколькимъ домикамъ, разбросаннымъ по горѣ, не было даже искуственно проложенной дороги, а вела наѣзжанная, вродѣ нашихъ проселочныхъ. А выше этихъ шалэ уже не было никакихъ жилищъ, кромѣ построекъ для пастуховъ на высокихъ пастбищахъ. Это-то и нравилось Клеменцу. Онъ въ принципѣ возвелъ ходить лишь въ такія горныя мѣста, которыя „не упомянуты въ путеводителѣ Бедекера“, а слѣдовательно не приспособлены для иностранцевъ и ими не посѣщаются.

Къ намъ присоединился одинъ молодой французъ. Мальчишкой лѣтъ 16-ти онъ при разгромѣ комунны бѣжалъ отъ Версальцевъ и съ тѣхъ поръ болтался въ эмиграціи. Во время своего прежняго пребыванія въ Швейцаріи Клеменцъ обратилъ на него вниманіе, говорилъ съ нимъ, старался пріохотить къ чтенію, настаивалъ, чтобы лѣнивый парень работалъ, когда находилась работа. Воспитаніе шло не особенно успѣшно, лѣнтяемъ онъ остался, но къ Клеменцу привязался какъ собака и считалъ его умнѣйшимъ изъ людей. Велъ онъ себя скромно, не претендовалъ, когда при немъ говорили по русски и настаивалъ, чтобы ему какъ младшему давали нести провизію.

Переночевавши въ шалэ у Эльсница, мы на другой же день отправились въ путь, разспросивши почтальона о ближайшихъ вершинахъ и проходахъ.

Шли мы „вольно“ безъ непреклонно установленнаго маршрута, только старались обыкновенно очутиться къ восходу солнца на открытомъ восточномъ склонѣ и какъ можно выше. Послѣ восхода солнца ложились спать прямо на травѣ, потомъ разыскивали покинутую пастушью хижину и варили тамъ чай. Ихъ не мало въ этой мѣстности На каждомъ горномъ пастбищѣ скотъ часется недѣли двѣ, а затѣмъ переходитъ на другое. Покинутое жилье пастуховъ остается не запертымъ и никому не запрещено входить въ него и разводятъ огонь на очагѣ, надъ которымъ висятъ на жѣлѣзныхъ крюкахъ большіе черные котлы. Мы такъ и дѣлали, и если находили около очага готовое топливо, то уходя оставляли на виду какую нибудь монету въ полной увѣренности, что хозяева найдутъ ее въ цѣлости, такъ какъ воры не заходятъ въ такую пустыню.

Мы дѣйствительно не встрѣчали никого и могли бы не видѣть ни одного человѣка, еслибы сами не шли иной разъ на звонъ колокольчиковъ на шеяхъ коровъ, чтобы за нѣсколько копѣекъ получить отъ пастуховъ вволю сливокъ, а иногда и сыру, и, распросивъ ихъ объ окрестныхъ проходахъ, выбрать себѣ ближайшую экскурсію. Открыли мы даже одинъ глетчеръ съ большимъ синимъ „моремъ льда“, тоже не упомянутый у Бедекера. Это было наиболѣе трудное путешествіе, такъ какъ идти пришлось не по лугамъ какъ прежде, а по камнямъ, что неизмѣримо труднѣе. Но мои спутники умѣли лазить по скаламъ, а у меня оказались къ этому великолѣпныя способности. Прошлявшись такъ дня три, мы спускались къ Эльсницамъ, отдыхали дня два въ цивилизованныхъ условіяхъ, запасались всѣмъ нужнымъ и опять уходили.

Такова была матерьяльная сторона этихъ своеобразныхъ прогулокъ, но въ чемъ была ихъ главная прелесть, чѣмъ именно произвели они на меня неизгладимое впечатлѣніе, оставшееся на всю жизнь, я не съумѣю разсказать съ художественной убѣдительностью, не буду и пытаться поэтому.

Но конечно не одна красота пейзажей дѣйствовала на меня такъ сильно. Мнѣ уже не случалось впослѣдствіи шляться по горамъ [1]) въ такихъ робинзоновскихъ условіяхъ, но я бывала, хотя и не часто

[1]) Кравчинскій написалъ въ „Подпольной Россіи“, что я одна бродила по горамъ, когда на меня напала тоска.

— Когда же я бродила одна, Сергѣй? Зачѣмъ вы это выдумали? Спросила я его.

— Бродили вы не одна, а съ Димитріемъ, но не могъ же я сказать этого иностранцамъ („Подп. Рос.“ была написана по итальянски).

Они увидѣли бы въ этомъ нѣчто предосудительное и вышла бы опять таки не правда, да еще больше, чѣмъ теперь.

въ такихъ мѣстахъ, которымъ у Бедекера посвящено по цѣлой страницѣ. Это разумѣется тѣ именно пункты въ горахъ, съ которыхъ открываются самые красивые виды, самыя широкія панорамы горъ. Ихъ прежде всего обстраиваютъ отелями и всячески приспособляютъ для иностранцевъ. И красота открывающихся видовъ производила, конечно, сильное впечатлѣніе, но совершенно иное. Отъ созерцанія этой красоты черезъ 2—3 часа уже чувствуется утомленіе, какъ отъ продолжительнаго пребыванія въ картинной галереѣ или въ театрѣ и хочется домой, на свободу отъ отелей и иностравцевъ. А въ тѣхъ пустынныхъ, почти не тронутыхъ людьми горахъ, которыя не упомянуты у Бедекера, я почувствовала себя въ какомъ-то другомъ мірѣ, тамъ съ каждымъ часомъ росло во мнѣ интенсивное чувство свободы отъ всего, что давило на душу, отъ людей и, главное, отъ себя самое. Отступили куда-то всѣ тяжелыя мысли и нерѣшенные вопросы. Не то, чтобы я иначе взглянула на нихъ: я просто отбросила на это время всякія мысли—„потомъ, успѣется“—а пока, отдавалась цѣликомъ впечатлѣніямъ этого иного міра. Точно на луну попала, приходило иной разъ въ голову.

Клеменцъ радовался, что его горы „оправдали себя“, какъ онъ выражался.

— Вы такъ ими хвастаетесь, точно они ваше собственное произведеніе.

— А то чье же по вашему? Кто же ихъ выдумалъ? И для меня-то, дѣйствительно, выдумалъ ихъ именно онъ. Выдумалъ въ Петербургѣ, въ квартирѣ Веймара.

Еще по дорогѣ въ Женеву, остановившись на нѣсколько дней въ Бернѣ, я познакомилась съ А. М. Э. или Анной какъ звали ее всѣ друзья и какъ скоро стала звать и я. Она была женою Клеменца, какъ онъ тогда же сообщилъ мнѣ, попросивъ не говорить Анкѣ, что знаю объ этомъ—потомъ она и сама скажетъ, а сейчасъ будетъ стѣсняться, а ему сдѣлаетъ нагоняй.

Позднѣе, когда Дмитрій Александровичъ былъ уже арестованъ, Анка разсказала мнѣ съ его словъ, что онъ и за границу то поѣхалъ на этотъ разъ главнымъ образомъ изъ за меня. „Вижу, молъ, человѣкъ съ утра до ночи только о томъ и думаетъ, на какомъ ему суку повѣситься (фигурально конечно). Ничего хорошаго выйти изъ этого не могло, я и надумалъ полечить ее горами“. Самъ онъ, разсказывала Анка, живя въ Швейцаріи прибѣгалъ къ этому леченью отъ всѣхъ душевныхъ невзгодъ. Изъ Россіи ли получатся скверныя вѣсти, или такъ тоска нападетъ, сейчасъ же въ горы уйдетъ, даже зимой хаживалъ, хотя конечно не на самыя пустынныя.

Анка была въ своемъ родѣ тоже замѣчательнымъ человѣкомъ. Она, какъ и Клеменцъ, была членомъ первоначальнаго кружка Чайковцевъ и во время дѣятельности этого кружка приносила ему много пользы.

Еврейка, дочь контрабандиста, она—съ дѣтства зная, какъ это дѣлается—первая устроила правильную, почти безопасную переправу черезъ границу и людей и изданій. Не идея служенія русскому народу привлекала ее, она его не знала, народомъ для нея была еврейская бѣднота. Русскихъ соціалистовъ она всей душой полюбила за опасности, за страданія, которымъ они подвергаются и всю душу вкладывала въ то, чтобы уменьшить эти опасности, облегчить страданія. Ея другой спеціальностью было заводить сношенія съ тюрьмами и тутъ она проявляла упорство и искуство, доходившее до виртуозности. Въ противоположность большинству тогдашнихъ радикаловъ, которымъ приходилось разрывать со своими родными, она осталась въ тѣснѣйшей дружбѣ со своей матерью (отецъ давно умеръ). Мать не только знала, чѣмъ занимается ея дочка, но даже сама помогала ей въ ея безкорыстной контрабандѣ. Въ этомъ она не видѣла ничего дурного, но заставила Анку поклясться, что она не крестится и не выйдетъ замужъ за гоя. Опасеніе, какъ бы мать не узнала и заставляло ее цѣлыми годами скрывать свои отношенія съ Дмитріемъ Александровичемъ.

Она умерла въ 90-хъ г. Тяжело легло на нее наступившее въ 80 г. реакціонное затишье. Дѣятельная любовь къ людямъ, нуждающимся въ ея заботахъ, составлявшая сущность ея натуры, не находила себѣ естественнаго исхода. Случится бѣда въ какомъ нибудь эмигрантскомъ семействѣ: умретъ кто нибудь, съума сойдетъ, заболѣетъ,—Анка тутъ. Всѣ свои помыслы сосредоточитъ она на этой семьѣ, работаетъ, хлопочетъ, изъ кожи лѣзетъ („собственную шкуру людямъ на кофту перешиваетъ“ какъ характеризовалъ разъ Клеменцъ ея склонность взваливать на свои плечи самую большую тяжесть, чтобы избавить другого отъ сравнительно меньшей). Но вотъ прошла бѣда, жизнь семьи входитъ въ обычную колею и Анка, успѣвшая всей душой, привязаться именно къ этой семьѣ, чувствуетъ, что она ужъ не нужна больше и опять становится чужой и лишней для нея... Въ послѣдніе годы жизни ее все больше и больше тянуло домой къ матери, ужъ тамъ-то она не будетъ лишней. Но для этого пришлось бы подавать прошенье: жить у матери подъ чужимъ именемъ невозможно...

Но въ Іюлѣ 1878 года это мрачное время было еще въ невѣдомомъ будущемъ, а наступило хорошее—послѣднее совсѣмъ хорошее въ жизни Анки. Въ Бернскомъ университетѣ, гдѣ она кончала медицину, начались вакаціи и Анка пріѣхала что-бы провести ихъ въ горахъ съ Димитріемъ Александровичемъ, съ ней пріѣхали ея бернскія пріятельницы и вся компанія поселились въ горахъ тоже надъ долиной Роны въ болѣе населенной мѣстности, ближе къ озеру. Тамъ же поселилась и я.

Отъ Сергѣя получались длинныя письма. Онъ присоединился къ

троглодитамъ и былъ все въ томъ же радужномъ настроеніи, въ какомъ пріѣхалъ въ Россію. Въ особенности восторженное письмо отъ него пришло послѣ дѣла Мезенцева. Всѣмъ намъ стало жутко за Сергѣя — въ это время уже начались смертныя казни. Клеменцъ рѣшилъ, что необходимо немедленно ѣхать въ Россію, но что-то — деньги, кажется — задержало его до конца Августа. Онъ уѣхалъ, рѣшивъ присоединиться къ троглодитамъ и принять участіе въ редактированіи газеты, а Сергѣя постараться хоть на время сплавить за границу. Такъ онъ и сдѣлалъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ арестованъ.

В. И. Засуличъ.

Среди журналовъ.

Деревенская идиллія.

Деревня привлекаетъ сейчасъ всеобщее вниманіе. Намѣтившійся въ широкихъ слояхъ городского населенія поворотъ къ политикѣ медленностью своего темпа обязанъ, между прочимъ, полнымъ незнакомствомъ съ настроеніемъ широкихъ слоевъ крестьянскаго населенія. Оживающія въ рабочей средѣ народническія иллюзіи тоже отчасти вызваны потребностью найти въ крестьянствѣ союзника для городской демократіи. Что же думаетъ и чѣмъ живетъ само это крестьянство? Оно пережило встряску 1904—1905 гг.; оно участвовало въ ломкѣ, болѣе или менѣе насильственной, всѣхъ старыхъ деревенскихъ устоевъ; оно сейчасъ реализуетъ результаты политики Крестьянскаго банка; его психологія должна была значительно измѣниться и усложниться, но въ какую сторону?

Нельзя сказать, чтобы этотъ вопросъ не ставился различными бытописателями деревни, и чтобы въ той или иной мѣрѣ они не пытались дать на него отвѣтъ. Но отвѣтъ этотъ не единый. Теченіе русской жизни осложнилось послѣ 1905 года и разбилось на отдѣльныя струи, текущія иногда рядомъ, а иногда и въ прямо противоположныя стороны. Соотвѣтственно этому и у наблюдателя исчезло былое спокойствіе: онъ становится судьей, часто въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Описанія его, поэтому, часто страдаютъ односторонностью, а изображаемая имъ картина лишена настоящей перспективы.

Такова и картина деревенской жизни и новыхъ деревенскихъ порядковъ, изображенная княземъ Евгеніемъ Трубецкимъ въ декабрьской книжкѣ „Русской Мысли“ *).

*) Русск. Мысль, 1912,12, статья князя Евгенія Трубецкого — „Новая земская Россія“.

„Два новыхъ факта — разсказываетъ князь Трубецкой — въ особенности поражаютъ наблюдателя русской деревни за послѣдніе годы—подъемъ благосостоянія и поразительно быстрый ростъ *новой* общественности *).

Ростъ благосостоянія сказывается въ улучшеніи техники крестьянскаго сельскаго хозяйства, въ употребленіи болѣе совершенныхъ земледѣльческихъ орудій, въ переходѣ къ высшему типу земледѣльческой культуры (многополье съ травосѣяніемъ), въ быстромъ ростѣ цѣнъ на рабочія руки, въ измѣненіи внѣшняго облика крестьянина (вытѣсненіе народнаго костюма полуевропейскимъ).

Новая общественность сказалась въ кооперативномъ движеніи, толчокъ къ которому дало помимо своего желанія правительство. Съ начала премьерства Столыпина—объясняетъ намъ князь Трубецкой—всѣ правительственныя заботы о деревнѣ опредѣляются главнымъ образомъ двумя мотивами — *страхомъ пугачевщины*, натворившей столько бѣдъ въ 1905 году, и *стремленіемъ создать въ противовѣсъ пугачевщинѣ новый типъ крестьянина—зажиточнаго*, а потому дорожащаго собственностью, недоступнаго революціонной пропагандѣ“. Съ этой цѣлью, во-первыхъ, систематически разрушалась община и, во-вторыхъ, принимался рядъ мѣръ къ поднятію крестьянскаго благосостоянія и въ особенности—крестьянскаго сельскаго хозяйства. А необходимымъ условіемъ этого послѣдняго явилось созданіе новой организаціи крестьянства на мѣсто разрушенной общины, каковой организаціей и являлась кооперація, главнымъ организаторомъ которой неизбѣжно является интеллигентъ. Такимъ образомъ, правительство, боровшееся, съ одной стороны, противъ организаціи деревни и противъ допущенія въ нее интеллигенціи, должно было съ другой стороны, само содѣйствовать и росту кооперації и наплыву въ деревню такъ называемаго третьяго элемента.

„О быстротѣ роста крестьянскихъ кооперацій — сообщаетъ намъ авторъ — свидѣтельствуетъ, напримѣръ, такой фактъ. Пять шесть лѣтъ тому назадъ въ знакомой мнѣ Калужской губерніи о нихъ почти вовсе не было слышно; а въ маѣ мѣсяцѣ 1913 года ихъ было уже *двѣсти* сорокъ, въ томъ числѣ до 150 однихъ кредитныхъ кооперативовъ, дѣлающихъ милліонные обороты въ видѣ ссудныхъ, вкладныхъ и т. под. операцій.

„А на — ряду съ кредитными множатся не по днямъ, а по часамъ другіе кооперативы—артели (особенно молочныя и маслодѣльныя), общества потребителей, товарищества, крестьянскія сельскохозяйственныя общества, при которыхъ утверждаются сельско-хозяйственные склады, сортировальные и прокатные пункты.

„Едва ли не самымъ мощнымъ стимуломъ къ развитію этихъ новыхъ формъ общественности въ нашей деревнѣ служитъ то направленіе, которое за послѣднее время приняла у насъ земская дѣятельность. Располагая, въ особенности благодаря правительственнымъ субсидіямъ, большими средствами для экономической помощи населенію, земства силою вещей вынуждены проводить эту помощь на мѣстахъ преимущественно черезъ кооперативы“.

Остановимся пока на этомъ. Въ идилліи, нарисованной княземъ Трубецкимъ, есть кое-что вѣрное, но это вѣрное окрашено въ черезчуръ розовый цвѣтъ. А кромѣ того, есть много и пре-

*) Въ цитатахъ курсивъ вездѣ кн. Трубецкого.

увеличеній и ошибокъ, происходящихъ отъ той особой точки зрѣнія, на которой стоитъ князь Трубецкой.

„Третій элементъ—говоритъ онъ—хлынулъ въ деревню и, во исполненіе предначертаній правительства, дружно принялся за ея организацію; въ этомъ—интереснѣйшее изъ современныхъ знаменій времени".

При какихъ условіяхъ „хлынулъ" и какъ шла „дружная работа"—объ этомъ мы недавно слышали изъустъ представителей самого третьяго элемента на кіевскомъ сельско-хозяйственномъ съѣздѣ. Приходится отмѣтить, — говорилъ на этомъ съѣздѣ г. Онуфріевъ (Екатериносл. губ.),—что здѣсь (т. е. въ земствахъ), помимо общаго для „третьяго элемента" безправія и третированія его земцами, въ отношеніи къ агрономамъ проглядываетъ еще та особенность, что они въ сущности не склонны признать агрономовъ за спеціалистовъ и въ душѣ мало убѣждены въ ихъ необходимости. Не секретъ, что сплошь и рядомъ земскія агрономическія организаціи, иногда очень крупныя, возникали подъ вліяніемъ совершенно стороннихъ причинъ... телеграммы ли покойнаго Столыпина, надежды ли „заткнувъ рты" просящимъ и т. д."*). Г. Пустовойтъ (Черниговская губ.) отмѣтилъ, что земцы начинаютъ коситься на агрономовъ, расширяющихъ въ силу естественнаго порядка вещей свою дѣятельность, и что нерѣдки случаи, когда агрономовъ выживали за увлеченіе кооперацією. А г. Мацѣевичъ (Харьковъ) добавилъ: «Агрономы считаются однимъ изъ тѣхъ элементовъ, за которымъ небходимо слѣдить. Мы, агрономы, какъ профессіональные работники, въ существѣ дѣла не призваны. Мы призваны, какъ отвлекатели соціальныхъ требованій крестьянства».

Такова «дружная работа» третьго элемента съ земствомъ. Что касается правительства, то о его воздѣйствіи на „дружную работу" говорилъ полтавскій губернскій агрономъ слѣдующее:

„Вы знаете, что условія работы въ деревнѣ не легки и не обставлены такъ, какъ надо. Агрономъ—прежде веего учитель населенія въ области сельскаго хозяйства. Для успѣшной дѣятельноети ему необходима полная свобода его работы, его бесѣдъ съ крестьянами; этого нѣтъ. Насъ прежде всего просѣиваютъ черезъ густое ситополитической благонадежности. О насъ наводятъ справки за 5 лѣтъ; я стою на чисто профессіональной почвѣ; свободна наша работа? Вѣдь, не свободна; я благонадеженъ, но работать мнѣ не даютъ. О всякой лекціи, о всякомъ собраніи я долженъ за семь дней заявлять исправнику, приходится прибѣгать къ разнымъ уловкамъ, нельзя просто и ясно дѣлать дѣло. Вопросъ, поднятый мной, это не политиканство, это вопросъ всей нашей дѣятельности. Мы не можемъ свободно появиться на курсахъ въ качествѣ лекторовъ. Я, напримѣръ, просилъ разрѣшенія относительно лекціи къ маю мѣсяцу, а получилъ это разрѣщеніе только въ августѣ. Въ земствѣ я служу уже 16 лѣтъ и ежегодно обо мнѣ наводятъ 12 справокъ, Это обидная и ненужная канитель. Не затрагивать политики мы не можемъ. Земству нужны работники, уѣздныя земства обращаются за кандидатами, а работники просѣиваются черезъ рѣшето. Отталкиваютъ отъ дѣла талантливыхъ и способныхъ людей; за какую-кибуть давнюю рѣчь на студенческомъ собраніи выбрасываются изъ рядовъ агрономическихъ работниковъ на всю жизнь. Пока дѣло идетъ такъ—половина государственныхъ средствъ тратится безцѣльно".

Другіе ораторы въ болѣе рѣзкой формѣ подчеркивали

*) Цитирую по ст. И. Прилежаева—„Первый Всеросійскій сельско-хозяйств. съѣздъ въ Кіевѣ", Завѣты, 1913,10.

произволъ администраціи въ деревнѣ, гражданское безправіе крестьянъ, вытекающую отсюда ихъ хозяйственную слабость. Такія же жалобы на безправіе, произволъ, притѣсненія раздавались на съѣздѣ народныхъ учителей въ Петербургѣ. Съ работой „третьяго элемента" въ деревнѣ дѣло пока обстоитъ, слѣдовательно, чрезвычайно не важно: и правительство, и земства только терпятъ по необходимости интеллигенцію въ деревнѣ, но строятъ на каждомъ шагу тысячи преградъ, окружаютъ ее сотни зоркихъ глазъ, призванныхъ наблюдать, и въ случаѣ надобности не пущать...

Не наклевывается и „дружная работа" правительства съ земствомъ. Хотя нынѣшнія земства оченъ благонадежны, но именно съ ростомъ благонадежности земствъ росла и требовательность бюрократіи. «Правительство не жалѣетъ средствъ въ помощь для всякихъ мѣръ, клонящихся къ улучшенію крестьянскаго благосостоянія», говоритъ кн. Трубецкой. Въ этихъ словахъ несомнѣнно заключается сильное преувеличеніе, но поскольку въ нихъ есть доля правды, эта готовность правительства давать земству деньги окупается умаленіемъ значенія самого земства, которое превращается въ посредника по распредѣленію казенныхъ денегъ, и усиленіемъ притязаній бюрократіи, сказывающимся въ стремленіи мѣшать всякой организаціонной дѣятельности въ деревнѣ и превратить работающую въ деревнѣ интеллигенцію, учителей, агрономовъ и т. под. въ чиновниковъ, исполняющихъ волю бюрократическаго начальства.

Доказатествомъ роста крестьянскаго благосостоянія служитъ въ глазахъ князя Трубецкого ростъ цѣнъ на рабочія руки въ сельскомъ хозяйствѣ. Дѣйствительно, въ послѣдніе годы умножились жалобы помѣщиковъ и крупныхъ землевладѣльцевъ на недостатокъ рабочихъ рукъ и на ихъ вздорожаніе. Насколько эти жалобы основательны, трудно судить за отсутствіемъ статистики. Цифра, приведенная кн. Трубецкимъ („лѣтъ десять тому назадъ въ Калужской губ. взрослая женщина получала 25 коп. въ день въ страдную пору; теперь въ то же самое время плата въ 40 коп. уже считается дешевою; въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ цѣна поднимается до 50 коп. и выше"), говоритъ только о сравнительно низкомъ у насъ уровнѣ заработной платы вообще и о подъемѣ, совершившемся за десять лѣтъ небывалаго вздорожанія предметовъ первой необходимости.

Но мы допускаемъ и то, что въ жалобахъ на недостатокъ рабочихъ рукъ въ деревнѣ есть нѣкоторая доля правды. Надежда на то, что столыпинская аграрная реформа сразу пролетаризируетъ массу крестьянскаго населенія и дастъ крупнымъ землевладѣлцамъ чуть не даровыя рабочія руки, пока не сбылась. Окончательно разстались съ землей пока только тѣ, кто и раньше ею не занимался, а работалъ въ городѣ. Среднее крестьянство пока держится за землю и даже при посредствѣ Крестьянскаго банка стремится увеличить свои участки. Еще больше увеличили свои владѣнія деревенскіе богатѣи и предъявили спросъ на рабочія руки чаще всего своихъ односельчанъ изъ многосемейныхъ или окончательно пролетаризованныхъ. Въ то же время значительную часть сельскохозайственныхъ рабочихъ силъ поглотили увеличившееся переселенческое движеніе, отходъ

на сельско-хозяйственныя работы за-границу и необыкновенный ростъ за-океанской эмиграціи.

Такимъ образомъ, ростъ цѣнъ на рабочія руки въ урожайные годы, какими были 1911,1912 и отчасти 1913 годъ, имѣлъ свои причины, но ясно, что эти причины преходящаго свойства. Какъ разъ теперь начинаютъ сказываться такіе плоды землеустройства и политики Крестьянскаго банка, которые должны сказаться въ массовой пролетаризаціи той части крестьянства, которая прибѣгла къ помощи означеннаго банка. Исторія въ селѣ Степанковѣ, гдѣ въ зимнюю стужу крестьянъ выжили изъ ихъ жилищъ и затѣмъ принялись за разрушеніе самыхъ этихъ жилищъ, поражаетъ своей ненужной жестокостью. Но и помимо того, теперь телеграфъ ежедневно приноситъ новыя извѣстія то съ средняго Поволожья, то изъ Малороссіи о публичной продажѣ сотенъ крестьяскихъ участковъ за невзносъ въ Крестьянскій банкъ срочныхъ платежей. Вторая стадія землеустройства, которая будетъ состоять въ массовомъ раззореніи мелкихъ крестьянъ-собственниковъ, благодаря ростовщическимъ условіямъ Крестьянскаго банка, окажется гораздо болѣе страшной по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ первая стадія. Пролетаризація крестьянства приметъ широкіе размѣры, а на другомъ полюсѣ дѣйствительно укрѣпится тотъ „сильный“ крестьянинъ, о которомъ мечталъ Столыпинъ.

Но и кн. Трубецкой видитъ исключительно этого же „сильнаго“ мужика. Это именно послѣдній и улучшаетъ свою сельскохозяйственную технику, занимается травосѣяніемъ, заводитъ артели и кооперативы, для него работаютъ агрономы, его интересамъ служатъ и земства. И мы не отрицаемъ, что въ этомъ заключается прогрессъ деревни, но какъ всякій прогрессъ въ обществѣ, раздѣленномъ на классы, это процессъ двусторонній. Закрывъ глаза на другую сторону медали, на совершающуюся пролетаризацію крестьянства, князь Трубецкой получилъ свою идиллію, которая ему нужна и въ настоящемъ и, еще больше, для будущаго.

„Теперь,—говорится въ цитируемой статьѣ,—совершается то, что въ 1905 году казалось самымъ невозможнымъ — кооперативное движеніе происходитъ на почвѣ совмѣстной культурной „органической“ работы интеллигенціи и массы и протекаетъ при благосклонномъ участіи правительства, которое финансируетъ это сближеніе“.

На вопросъ, каковъ будетъ результатъ этого сближенія, удастся ли правительству при помощи интеллигенціи перевоспитать крестьянъ въ благонамѣренныхъ мелкихъ помѣщиковъ или интеллигенція дастъ народу воспитаніе революціонное, авторъ отвѣчаетъ, что не будетъ ни того, ни другого.

„Безъ всякаго сомненія, то новое движеніе, которое совершается теперь въ деревнѣ, готовитъ въ близкомъ будущемъ радикальный переворотъ, какъ соціальный, такъ и политическій. Мы присутствуемъ при ростѣ будущей буржуазно-демократической Россіи. Въ деревнѣ нарождается могущественная мелкая буржуазія, по всему своему существу и складу одинаково чуждая, какъ идеаламъ объединеннаго дворянства, такъ и соціалистическимъ мечтаніямъ“.

Такимъ образомъ къ идилліи настоящаго присоединяется идиллія будущаго. Для того, чтобы осуществилась эта послѣдняя, необходимо: 1) чтобы новое развитіе уничтожало тѣ новыя соціальныя противорѣчія, которыя рядомъ съ мелкой буржуазіей въ деревнѣ создаютъ и сельскій пролетаріатъ, для котораго „соціалистическія“ мечтанія являются единственно возможнымъ спасеніемъ изъ его положенія; 2) чтобы было окончательно ликвидировано помѣщичье землевладѣніе и всѣ связанныя съ нимъ остатки крѣпостническихъ отношеній; 3) чтобы радикально измѣнилось отношеніе государственной власти къ культурной работѣ, въ которой такъ нуждается деревня.

Князь Трубецкой надѣется на естественное и мирное разрѣшеніе всѣхъ указанныхъ вопросовъ.

„Именно этотъ ростъ крестьянскаго богатства — говоритъ онъ — служитъ предвѣстникомъ окончательной ликвидаціи крупнаго землевладѣнія въ ближайшемъ будущемъ. Съ одной стороны, „поденныхъ нѣтъ“, и при нынѣшнемъ отсутствіи рабочихъ рукъ веденіе крупнаго хозяйства рано или поздно станетъ не возможнымъ; съ другой стороны, цѣны на землю достигали такого небывалаго роста, при которомъ наиболѣе совершенное крупное хозяйство не даетъ больше 2—3-хъ процентовъ нынѣшней стоимости каждаго даннаго владѣнія. Если уже теперь крупные землевладѣльцы „рѣдки какъ зубры“, то скоро, очень скоро они станутъ музейной рѣдкостью и, наконецъ, окончательно исчезнутъ.

Безспорно, что такова именно тенденція развитія, но мы уже видѣли, что, во первыхъ, если „поденныхъ“ нѣтъ, то поденные будутъ, а, во-вторыхъ, совершаемая Крестьянскимъ банкомъ экспропріація крестьянскаго землевладѣнія можетъ повести къ новому обостренію аграрнаго вопроса и вызвать новые толки о „принудительномъ отчужденіи“ раньше, чѣмъ крупное дворянское землевладѣніе будетъ ликвидировано окончательно. Обѣ формы ликвидаціи могутъ такимъ образомъ дополнить другъ друга.

О соціальныхъ противорѣчіяхъ князь Трубецкой думаетъ, что „разъ масса пріобщается къ благосостоянію, —пугачевски-эсеровскимъ формамъ соціализма тѣмъ самымъ наступаетъ конецъ“. Но не только пугачевски-эсеровскимъ... „Людей, заинтересованныхъ въ собственности, въ деревнѣ будетъ достаточно, чтобы бороться не только противъ пугачевской, но и противъ всякой соціалистической пропаганды. „Пріемы, посредствомъ которыхъ“ заинтересованные въ собственности люди„ деревн и борются противъ соціалистической пропаганды“ достаточно извѣстны. Но достаточно извѣстно также, что эти пріемы никогда къ желанной цѣли не приводили и соціалистическая пропаганда становится тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ фанатичнѣе деревенскіе собственники относятся къ своей собственности.

Остается еще вопросъ о правительствѣ. По мнѣнію князя Трубецкого, и оно окажется не въ силахъ противостоять крестьянско-демократическому движенію. „Это—такая волна, которая сама всѣхъ унесетъ за собою; нынѣшнихъ правыхъ,—тѣхъ, кто опредѣляетъ современный курсъ правительственной политики, она просто-напросто смететъ. Но и процессъ сметанія можетъ происходить болѣе или менѣе быстро при весьма разнообразныхъ комбинаціяхъ. При медленномъ, напримѣръ, процессѣ наростанія и самоопредѣленія крестьянской демократіи можетъ вѣдь слу-

читься, что ей придется вступать въ тѣ или другія сдѣлки съ группами и классами, стоящими на стражѣ нынѣшней правительственной политики. А въ такомъ случаѣ наврядъ ли можетъ быть рѣчь о сметаніи кого-бы то ни было. Наоборотъ, при болѣе быстромъ процессѣ можетъ понадобиться союзъ не съ силами вчерашняго дня, а съ силами будущаго, а тогда уступки тому самому соціализму, пропаганду котораго надѣется въ корнѣ заглушить князь Трубецкой, придется сдѣлать, болѣе или менѣе серіозныя, болѣе или менѣе упрочивающія его позиціи.

Князь Трубецкой представляетъ себѣ это развитіе и медленнымъ и мирнымъ. Но поскольку эта возможность не исключена, она предполагаетъ не побѣду буржуазной демократіи надъ помѣщиче-бюрократическомъ строемъ, а взаимное приспособленіе этихъ двухъ элементовъ, и тогда окажутся, пожалуй, болѣе правы единомышленники князя Трубецкаго—господа Струве и Изгоевъ, мечтающіе объ „оздоровленіи власти“, чѣмъ г. Трубецкой, надѣющійся ее смести. Впрочемъ, и то надо сказать, въ идилліи, нарисованной княземъ Трубецкимъ не надо быть слишкомъ строгимъ къ словамъ. Всего вѣроятнѣе, что и князь Трубецкой никого сметать не хочетъ, а такъ именно и полагаетъ, что то „оздоровленіе власти“, о которомъ говорятъ гг. Струве и Изгоевъ и къ которому и мы надѣемся еще вернуться, и будетъ равносильно ея сметанію. Только при такомъ пониманіи и сохраняется цѣльность „деревенской идилліи“.

Л. Сѣдовъ.

Иностранное обозрѣніе.

1. Англійскій протаріатъ на пути къ самостоятельности.

Нигдѣ въ Европѣ процессъ высвобожденія рабочихъ изъ подъ буржуазнаго вліянія не совершается съ такимъ трудомъ, какъ въ Англіи.

Англійскій промышленный пролетаріатъ началъ вести борьбу за свои классовые интересы, не прошедши школу буржуазныхъ революцій [1]) и не имѣя никакихъ предшественниковъ, опытъ которыхъ помогъ бы ему обобщать смыслъ его собственнаго движенія. Борьба эта велась долго и къ тому же при условіяхъ монопольнаго положенія Англіи на міровомъ рынкѣ, которое въ теченіе десятилѣтій замаскировывало тамъ непримиримость интересовъ труда и капитала. Все это

[1]) Англійская буржуазная революція завершилась задолго до возникновенія современной крупной индустріи и занятые въ ней рабочіе отъ этой революціи традицій не унаслѣдовали.

пропитало англійскій пролетаріатъ эмпиризмомъ и практицизмомъ, психологическими чертами, до сихъ поръ мѣшающими ему усвоить принципы и тактику современнаго соціализма.

Въ этомъ же направленіи вліяетъ на сознаніе рабочихъ своеобразная политическая обстановка Англіи, которой чуждъ духъ бюрократизма и военщины, въ которой классовой характеръ государства выступаетъ не въ такомъ откровенномъ и обнаженномъ видѣ, какъ на контигентѣ Европы. Достаточно указать хотя бы на то, что въ Англіи нѣтъ всеобщей воинской повинности, что военная служба тамъ свободная профессія и что правительство, вербуя рекрутовъ для арміи среди пролетарской молодежи, прибѣгаетъ къ такимъ же пріемамъ свободной конкурренціи и рекламы, къ какимъ прибѣгаетъ обыкновенный лавочникъ для привлеченія кліентовъ. Въ январѣ нынѣшняго года, напримѣръ, англійское военное министерство опубликовало во всѣхъ газетахъ объявленіе о пріемѣ рекрутовъ, въ которомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ расписываются прелести военной службы: „Въ арміи представляется всякому скорѣе, чѣмъ въ любой профессіи, удобный случай для занятія разнаго рода спортомъ и играми. Солдатъ побуждаютъ играть въ крокетъ, въ футболлъ, въ хоккэй, и для этихъ игръ во всѣхъ гарнизонахъ имѣются площадки... Солдатъ имѣетъ удобный случай безплатно повидать свѣтъ. Британская армія имѣетъ гарнизонъ во всѣхъ частяхъ свѣта, въ Гибралтарѣ, Египтѣ, Индіи, Южной Африкѣ и т. д. Пища въ казармахъ лучше и разнообразнѣе, чѣмъ въ гражданской жизни... Что ты теперь зарабатываешь и каковы твои виды на будущее въ гражданской жизни? Можешь ты съ увѣренностью разчитывать больше, чѣмъ на 25 шилинговъ въ недѣлю въ городѣ или чѣмъ на 20 шилинговъ въ деревнѣ? И даже при такой платѣ, что у тебя останется въ концѣ недѣли послѣ всѣхъ расходовъ... А вотъ послушай, что можетъ за семь лѣтъ службы скопить солдатъ“ и т. д. Это воззваніе военнаго министерства до такой степени похоже на обыкновенную коммерческую рекламу, что его отпечаталъ у себя въ отдѣлѣ объявленій и органъ „Рабочей партіи“, за что, впрочемъ, редакціи его вынесено было порицаніе на послѣднемъ партійномъ съѣздѣ. Однако тотъ фактъ, что даже соціалистическая газата, ведущая систематически антимилитаристскую агитацію, помѣстила на своихъ столбцахъ правительственное воззваніе, показываетъ, какое усыпляющее дѣйствіе вкрадчивый, демагогическій языкъ англійскаго либеральнаго правительства долженъ оказывать на сѣрыя рабочія массы Англіи.

Надо вообще сказать, что англійскіе либералы больше, чѣмъ либералы какой бы то ни было страны, постигли тайну демагогическаго воздѣйствія на пролетарскія массы. И это вполнѣ естественно; этому исскуству ихъ научила нужда. Въ Англіи давно исчезли всѣ промежуточные классы, въ союзѣ съ которыми черпаетъ свою силу континентальная буржуазія; пролетаріатъ составляетъ въ Англіи огром-

ное большинство населенія. При такихъ условіяхъ либеральная буржуазія можетъ въ Англіи удержаться у власти еще только однимъ способомъ — держа въ умственномъ плѣну значительную часть рабочаго класса, питая въ немъ всевозможныя иллюзіи.

Вопреки всѣмъ этимъ условіямъ, англійскій пролетаріатъ со времени утраты Англіей ея монопольнаго положенія, постепенно освобождается изъ коварныхъ объятій либеральной партіи. Только эта эмансипація, благодаря сравнительной умственной инертности англійскихъ рабочихъ, совершается въ меньшей мѣрѣ подъ вліяніемъ планомѣрной соціалистической пропаганды, чѣмъ подъ вліяніемъ подчасъ весьма суровыхъ уроковъ жизни. Поэтому и процессъ проясненія классового сознанія англійскихъ рабочихъ имѣетъ характеръ весьма импульсивный и сопровождается довольно большими шатаніями.

Яркой иллюстраціей этого зигзагообразнаго поступательнаго движенія англійскаго пролетаріата можетъ послужить стачечное движеніе англійскихъ рабочихъ въ 1912 г. и его непосредственное вліяніе на судьбу „Рабочей партіи“. Во время знаменитой стачки горнорабочихъ въ Англіи бастовалъ 1 милліонъ 400 тысячъ человѣкъ. Англійская промышленность въ этомъ году потеряла 40 милліоновъ рабочихъ дней. Нечего говорить, что этотъ взрывъ пролетарскаго движенія, потрясшій до основанія весь общественный строй Англіи, открылъ глаза и буржуазіи и самому пролетаріату англійскому на то, что въ немъ кроется колоссальная революціонная сила. Казалось бы, что это должно было сразу въ огромной степени увеличить вѣсъ и вліяніе Рабочей партіи въ парламентѣ и внѣ его. Случилось, однако, нѣчто противоположное. Анкета, сдѣланная въ крупнѣйшихъ трэдъ-юніонахъ въ связи въ осборнскимъ дѣломъ въ концѣ 1913 г., показала, что 40% ихъ членовъ равнодушно относится къ Рабочей партіи, а дополнительные выборы въ Честерфильдѣ показали, что тамъ, гдѣ консерваторы борятся съ либералами, выставленіе самостоятельныхъ кандидатуръ рабочихъ въ настоящее время есть дѣло безнадежное. Такимъ образомъ, оказывается, что послѣ великихъ забастовокъ 1912 г. престижъ Рабочей партіи скорѣе палъ, чѣмъ увеличился. Одновременно и такъ называемые „революціонные синдикалисты“, попытавшіеся было послѣ великихъ забастовокъ использовать боевое настроеніе рабочихъ массъ для своей пропаганды, потерпѣли полное пораженіе на чрезвычайномъ съѣздѣ трэдъ-юніоновъ, созванномъ по случаю событій въ Дублинѣ. Какой же, спрашивается, урокъ вынесли англійскія рабочія массы изъ своей побѣдоносной всеобщей забастовки 1912 г.? Лишь тотъ, что нужно централизовать организацію профессіональныхъ союзовъ, что нужно укрѣпить организаціонную связь между союзами горнорабочихъ, желѣзнодорожниковъ и транспортныхъ рабочихъ, дабы путемъ новаго, еще болѣе могучаго, массового стачечнаго подъема оказать *непосредственное* давленіе на либеральное правительство и такимъ образомъ

заставить его провести радикальныя соціальныя реформы. Подъ вліяніемъ опыта англійскія рабочія массы ставятъ себѣ уже радикальныя цѣли; подъ вліяніемъ опыта быстро ростетъ ихъ вѣра въ собственную силу; но связать концы съ концами онѣ, вслѣдствіе эмпиризма своего и неспособности къ абстрактному мышленію, еще не сумѣли. Онѣ не выяснили еще себѣ тѣсной связи между экономикой и политикой; онѣ не выяснили себѣ еще значенія гибкой политики, которая можетъ использовать въ одноиъ случаѣ выгодную экономическую, въ другомъ— выгодную политичестую конъюнктуру. Онѣ не выяснили себѣ еще предѣловъ того, что можетъ дать либерализмъ, хотя бы и подъ сильнымъ давленіемъ пролетаріата; онѣ не ставятъ еще себѣ поэтому проблемму борьбы за власть, ограничиваясь пока борьбой за вліяніе.

Однако, жизнь ихъ учитъ и постепенно направляетъ ихъ вниманіе и на эти вопросы, разрѣшимые лишь путемъ соціалдемократической тактики. Очень поучительны были для англійскихъ рабочихъ событія въ Дублинѣ. Еще больше заставили ихъ задуматься новѣйшія южно-африканкія событія—разгромъ рабочихъ организацій и введеніе осаднаго положенія въ Трансвалѣ во время забастовки,—всѣ эти подвиги, совершенные въ угоду крупному капиталу правительствомъ Бота при молчаливомъ одобреніи англійскаго намѣстника и агента либеральнаго министерства, лорда Гладстона.

По поводу всѣхъ этихъ событій лидеръ „Независимой рабочей партіи“ Кэйръ-Гарди писалъ: „Существуетъ ли еще британская конституція! Сохранили ли еще силу „Билль о правахъ“ и Habeas Corpus въ Британской имперіи?... То, что сегодня произошло въ Южной Африкѣ, то завтра при удобномъ случаѣ повторится въ Англіи. Конституціи служатъ только для охраны собственности и собственниковъ. Лишь поскольку онѣ эту задачу выполняютъ, съ ними считаются“. Восторженный пріемъ, оказанный въ Англіи высланнымъ изъ Трансваля вождямъ рабочаго движенія, и резолюція, единодушно принятая на послѣднимъ съѣздѣ Рабочей Партіи по поводу этихъ событій, показываютъ, что слова Кэйръ-Гарди нашли горячій откликъ въ сердцахъ англійскихъ рабочихъ массъ.

Въ сознаніи англійскаго пролетаріата бродятъ новыя мысли. Онъ еще путается въ противорѣчіяхъ; старая рутина еще сохранила власть надъ умами робочихъ; но уже ясно, что они выбиваются и выбьются на самостоятельную дорогу, что ихъ движеніе въ близкомъ будущемъ тѣсно сольется съ движеніемъ соціалистическаго интернаціонала. Это ясно чувствовалось, по свидѣтельству очевидцевъ, на послѣднемъ 14-мъ конгрессѣ британской „Рабочей Партіи“, засѣдавшемъ въ Глазго въ Январѣ настоящаго года.

Знаменательна была вступительная рѣчь предсѣдателя конгресса Фокса, указавшаго на то, что несоотвѣтствіе между огромнымъ напряженіемъ силъ англійскаго пролетаріата и незначительностью его за-

воеваній коренится въ раздробленности его организаціи. „Мы должны признаться“, говорилъ онъ, „что намъ слѣдуетъ поучиться у нашихъ германскихъ товарищей; у нихъ 2½ милліона рабочихъ организованы въ 40 професс. союзахъ, а у насъ 3 милліона рабочихъ не столько организованы, сколько разъединены тысячью мелкихъ трэдъ-юніоновъ“.

Знаменательно было и то, что на послѣднемъ конгрессѣ, вопреки традиціи, изъ порядка дня устранены были всѣ вопросы, не имѣющіе прямого отношенія къ политикѣ. Такимъ образомъ впервые проведено было ясное размежеваніе задачъ конгрессовъ Рабочей Партіи, съ одной стороны, конгрессовъ трэдъ-юніоновъ, съ другой.

Характеренъ для перемѣны настроенія рабочихъ былъ также рядъ резолюцій, принятыхъ конгрессомъ. Конгрессъ единодушно безъ дебатовъ принялъ соціалистическую декларацію, идя на встрѣчу объединенію съ Британской Соціалистической партіей. Конгрессъ отмежевался отъ либераловъ въ аграрномъ вопросѣ. Онъ принялъ резолюцію, внесенную „Независимой Рабочей Партіей“, которая отвергаетъ аграрную реформу либеральнаго правительства, стремящуюся насадить мелкихъ собственниковъ и тѣмъ самымъ, въ угоду крупнымъ землевладѣльцамъ, укрѣпить принципъ частной собственности на землю, и противоставилъ ей требованіе выкупа государствомъ всей поземельной собственности. Конгрессъ отмежевался также въ женскомъ вопросѣ отъ равноправокъ и суффражистокъ. Выставивъ требованіе всеобщаго избирательнаго права для мужчинъ и женщинъ, онъ отвергъ уравненіе правъ женщинъ и мужчинъ на почвѣ современнаго избирательнаго права; онъ отвергъ также послѣ горячихъ дебатовъ предложеніе фабіанцевъ, чтобы рабочая фракція голосовала въ парламентѣ противъ уничтоженія множественности вотумовъ, пока женщины не получили избирательныхъ правъ.

Всѣми этими рѣшеніями Конгрессъ значительно приблизилъ Рабочую Партію къ принципамъ и тактикѣ международной соц.-демократіи. Наряду съ этимъ, однако, онъ обнаружилъ и живучесть предразсудковъ англійскихъ рабочихъ. Это сказалось въ томъ, что критика оппортунизма парламентской фракціи, и въ частности ея предсѣдателя Макдональда, не встрѣтила сочувствія большинства. Особенно же это обнаружилось въ дебатахъ о настоятельной реформѣ избирательнаго права.

Благодаря тому, что англійская выборная система исключаетъ перебаллотировки, англійскіе рабочіе сплошь и рядомъ отказываются отъ выставленія самостоятельныхъ кандидатуръ, дабы не сыграть этимъ на руку консерваторамъ. Вслѣдствіе этой системы рабочіе при выборахъ проявляютъ въ Англіи самостоятельность лишь посколько это угодно либераламъ. Для устраненія этого зла „Независимая Рабочая Партія“ внесла на конгрессъ резолюцію, требующую введенія въ избирательную систему принципа пропорціональнаго представительства.

Желая разжижить это радикальное предложеніе, Макдональдъ предложилъ компромиссную формулу, требующую, чтобъ сохранено было единственное голосованіе, но чтобъ при этомъ сразу рядомъ съ первыми кандидатами въ спискѣ выставлены были и вторые. Въ результатѣ дебатовъ оба предложенія были провалены голосами горнорабочихъ, и все, такимъ образомъ, оставлено было при старомъ. Чтобъ понять это странное голосованіе, превышающее даже обычную мѣру консерватизма англійскихъ рабочихъ, надо принять во вниманіе два обстоятельства. Во 1-хъ, какъ усиленно подчеркивалъ Макдональдъ, введеніе пропорціональнаго представительства требуетъ при англійской выборной системѣ очень большихъ денежныхъ расходовъ, непосильныхъ для Рабочей Партіи при теперешней ея неорганизованности. Во 2-хъ, въ виду близости срока новыхъ выборовъ въ парламентъ резолюція о пропорціональномъ представительствѣ практическаго значенія не могла бы имѣть для ближайшей выборной кампаніи, а озлобить либераловъ она могла бы. Эта аргументація показываетъ, какъ у англійскихъ рабочихъ несомнѣнный ростъ соціалистическаго сознанія пока уживается съ самымъ близорукимъ практицизмомъ.

II. Конституціонный кризисъ въ Швеціи.

Германскіе воинствующіе реакціонеры распространили сферу своего вліянія и на Швецію. Желая привлечь ее на сторону тройственнаго союза и возстановить ее противъ тройственнаго соглашенія, они уже въ теченіе ряда лѣтъ черезъ посредство своихъ агентовъ обрабатываютъ въ соотвѣтственномъ духѣ общественное мнѣніе Швеціи, доказывая, что ей угрожаетъ опасность нашествія со стороны Россіи и что ей поэтому необходимо уже теперь усиленно вооружаться для самозащиты. Эта пропаганда нашла сочувственный откликъ въ придворныхъ и финансовыхъ кругахъ Швеціи, для которыхъ борьба съ „русской опасностью“ служитъ хорошимъ предлогомъ для установленія диктатуры сабли и для низверженія либераловъ, держащихъ теперь бразды правленія въ странѣ, опираясь на прочное парламентское большинство. Къ несчастію реакціонеровъ шведская либеральная партія въ отличіе отъ либераловъ большинства европейскихъ странъ не утратила еще демократическаго духа и шовинистическая травля встрѣтила поэтому съ ея стороны совершенно необычный для современнаго либерализма отпоръ.

Въ отвѣтъ на требованіе реакціонеровъ объ увеличеніи срока военной службы шведскій либеральный премьеръ—министръ Стаафъ сказалъ въ декабрѣ прошлаго года въ Карлскронѣ большую программную рѣчь, которая почти во всякой другой странѣ была бы совершенно невозможна въ устахъ министра. Говоря о внѣшней политикѣ великихъ державъ во время балканской войны, онъ напом-

нилъ, что и тогда шовинисты предсказывали неизбѣжность активнаго вмѣшательства великихъ державъ въ балканскія дѣла и что это все таки не случилось. Великія державы, говорилъ онъ, пожертвовали въ тотъ моментъ своимъ „престижемъ“ въ интересахъ мира и поступили такъ отнюдь не изъ моральныхъ, гуманныхъ соображеній, а исключительно изъ страха передъ послѣдствіемъ европейскаго пожара. Именно поэтому и теперь ожиданіе европейской войны неосновательно и вызывается преимущественно искусственно раздуваемой заинтересованными группами тревогой. Но независимо, впрочемъ, отъ степени вѣроятности войны Швеція не имѣетъ никакого основанія вступить въ оборонительно—наступительный союзъ съ одной изъ двухъ группъ великихъ державъ. Интересы маленькихъ государствъ обезпечиваются не дипломатическими союзами, а строгимъ нейтралитетомъ. Конечно, говорилъ Стаафъ, и при такой миролюбивой внѣшней политикѣ правительство обязано серьезно заботиться объ улучшеніи обороны страны. Но оно не имѣетъ права въ интересахъ этой обороны предлагать увеличеніе срока военной службы, ибо это не входило въ программу ни одной изъ партій во время выборовъ и проведеніе такой реформы парламентомъ равносильно было бы вѣроломному нарушенію обязательствъ, взятыхъ передъ избирателями. Въ виду этого правительство вноситъ въ парламентъ законопроектъ, который ограничиваетъ задачу военной реформы реорганизаціей арміи въ смыслѣ ея демократизаціи и увеличенія ея боевой готовности. И эта реформа потребуетъ жертвъ, говорилъ Стаафъ, но прежде всего жертвъ отъ имущахъ классовъ, которые обязаны ихъ нести, потому что они больше благъ отъ государства получаютъ, чѣмъ народъ.

Для усиленія арміи необходимо начать съ увеличенія числа инструкторовъ и унтеръ-офицеровъ и для этой цѣли правительство намѣрено между прочимъ увеличить срокъ военныхъ упражненій студентовъ до 500 дней; для покрытія новыхъ расходовъ на армію правительство намѣрено увеличить размѣры подоходнаго налога и налога на наслѣдство. Наряду съ этимъ правительство намѣрено ввести въ извѣстныя рамки военную дисциплину, внести юридическій элементъ въ дисциплинарныя наказанія, преобразовать военные суды въ духѣ судовъ гражданскихъ.

Чтобы выбить изъ сѣдла ненавистное министерство Стаафа, имѣющее твердую опору въ парламентѣ, реакціонеры рѣшили апеллировать къ „народу“. Они развели усиленную шовинистическую агитацію среди крестьянъ, пугая ихъ перспективой русскаго нашествія. Это „хожденіе въ народъ“ закончилось организаціей 30 тысячной крестьянской демонстраціей въ Стокгольмѣ, для чего крестьянамъ предупредительно выданы были даровые желѣзнодорожные билеты. Крестьянская процессія, состоявшаяся въ первыхъ числахъ февраля нынѣшняго года, закончились крестьянскимъ митингомъ передъ королевскимъ дворцомъ, на которомъ король лично выступилъ въ необычной роли митингового

оратора. Несмотря на то, что премьеръ-министръ заранѣе познакомилъ короля съ правительственной программой военныхъ реформъ и несмотря на то, что онъ рекомендовалъ королю быть сдержаннымъ въ своемъ выступленіи, король, въ противоположность Стаафу, доказывалъ въ своей рѣчи, что парламентъ имѣетъ право провести военную реформу независимо отъ обѣщаній, данныхъ разными партіями на выборахъ, и что онъ, король, намѣренъ провести эту реформу согласно указаніямъ свѣдущихъ лицъ „его арміи“. Въ тотъ же день Стаафъ на пріемѣ крестьянской депутаціи, какъ бы дезавуируя рѣчь короля, разъяснялъ крестьянамъ, что опасность войны Швеціи не угрожаетъ, что страхи войны искусственно разжигаются разнаго рода спекулянтами.

Выступленіе короля вызвало бурю негодованія въ парламентѣ. Въ порядкѣ дня стояло обсужденіе цивильнаго листа короля. Соц. демократъ Брантингъ, рѣзко критикуя неконституціонное поведеніе короля, предлагалъ въ видѣ протеста голосовать противъ цивильнаго листа. На такой рѣшительный шагъ парламентское большинство, однако, не осмѣлилось. Послѣ заявленія Стаафа, что правительство просило объясненія у короля, цивальный листъ былъ вотированъ.

Въ отвѣтъ на крестьянскую демонстрацію соц. демократы рѣшили устроить въ Стокгольмѣ рабочую контръ-демонстрацію. Когда градоначальнику представлено было расписаніе предполагающагося демонстративнаго шествія, онъ заявилъ, что не видитъ «разумнаго основанія» для такого шествія. Но на защиту предпріятія соц. демократовъ выступилъ премьеръ-министръ, заявившій, что онъ хочетъ лично обратиться съ рѣчью къ рабочимъ. 8-го февраля демонстрація состоялась. Она приняла небывалые размѣры. Въ шествіи участвовало 48 тыс. рабочихъ. Недалеко отъ королевскаго дворца передъ правительственнымъ зданіемъ шествіе остановилось, и къ рабочимъ обратились съ рѣчами Брантингъ и Стаафъ. Брантингъ говорилъ противъ новыхъ вооруженій и милитаризма вообще и противъ „личнаго режима“. Стаафъ развивалъ тѣ же положенія, что и въ рѣчи своей въ Карлскронѣ, и говорилъ, что правительство будетъ стоять на стражѣ интересовъ демократіи и будетъ отстаивать „право народа на самоопредѣленіе“.

Конфликтъ между королемъ и парламентскимъ правительствомъ вызвалъ сильнѣйшее возбужденіе въ странѣ. Разгорѣлась борьба партій въ университетахъ, въ печати; даже въ ресторанахъ то и дѣло происходили столкновенія.

Правительство два раза in corpore имѣло аудіенцію у короля, и король каждый разъ прерывалъ объясненія съ министрами для того, чтобы посовѣтоваться со своими придворными. Въ концѣ концовъ король отказался подписать объясненіе, проредактированное Стаафомъ, и отказался дать обѣщаніе впредь не выступать съ публичными рѣчами, не посовѣтовавшись заранѣе со своими министрами, отвѣтственными передъ парламентомъ. Тогда министерство Стаафа подало въ

отставку. Король вначалѣ предложилъ составить новый кабинетъ правому либералу Де-Геeру въ надеждѣ, что послѣднему удастся расположить либераловъ. Но Стаафъ, подавши въ отставку, сейчасъ же вступилъ въ роль партійнаго лидера либераловъ въ парламентѣ и подъ его руководствомъ никто изъ либераловъ искушенію не поддался. Де-Геeръ не могъ составить кабинета. Не захотѣла въ этотъ критическій моментъ взять на себя отвѣтственность и партія консерваторовъ, составляющая парламентское меньшинство въ нижней палатѣ.

Тогда королю осталось одно—призвать къ власти безпартійнаго реакціонера, бюрократа старой школы Гаммарскіэльда. Гаммарскіэльдъ, состоящій членомъ правленія одного банка, предложилъ портфель министерства иностр. дѣлъ директору этого самого банка Валленбергу, а портфель министерства внутр. дѣлъ Сидову, брату предсѣдателя союза предпринимателей. Другіе портфели тоже розданы были финансовымъ тузамъ, лично заинтересованнымъ въ милитаристическихъ затѣяхъ. Такъ составился новый кабинетъ.

На бѣду, однако, онъ съ перваго же дня очутился въ очень затруднительномъ положеніи. Соц. демократы и либералы, составляющіе вмѣстѣ большинство, сразу же выразили ему недовѣріе и демонстративно выступили изъ парламентской комиссіи обороны, чтобъ подчеркнуть нежеланіе работать съ этимъ министерствомъ. При такихъ условіяхъ новый кабинетъ вынужденъ былъ заявить, что первымъ шагомъ его будетъ роспускъ парламента и аппеляція къ избирателямъ. Теперь страна сама на выборахъ выскажется, за что она—за милитаризмъ и „личный режимъ“ или за парламентаризмъ и демократію[1]).

А. Мартыновъ.

Гомруль и рабочее движеніе въ Ирландіи.

(Письмо изъ Англіи).

Маркс какъ-то сказалъ, что всѣ великія событія повторяются въ исторіи два раза—одинъ разъ какъ трагедія, другой разъ какъ фарсъ. Правильность этого афоризма какъ нельзя лучше подтверждается происходящей въ настоящій моментъ борьбой изъ-за гомруля.

[1]) **Прим. отъ ред.** Послѣ того, какъ статья была написана, въ газетахъ было сообщено о роспускѣ шведскаго риксдага (парламента).

Если прислушаться къ рѣчамъ лидеровъ консервативной партіи, то можетъ показаться, что борьба идетъ не на жизнь, а на смерть, и что билль Асквита о гомрулѣ нарушитъ равновѣсіе всей англійской политической системы.

„Національное самоуправленіе Ирландіи угрожало бы самому нашему существованію какъ націи“ твердитъ вождь консерваторовъ Бонаръ Лоу. Бальфуръ кричитъ о сепаратистскихъ и иныхъ злонамѣренныхъ стремленіяхъ либеральнаго правительства. А вождь ульстерскихъ протестантовъ (сѣверной Ирландіи) преобразовалъ мѣстный комитетъ консервативной партіи во временное правительство, распредѣлилъ портфели этого мнимаго правительства между своими друзьями, учредилъ армію волонтеровъ, вооружилъ послѣднюю револьверами, деревянными ружьями и угрожаетъ возстаніемъ въ Ульстерѣ въ тотъ моментъ, когда билль о гомрулѣ станетъ закономъ. Съ другой стороны, глава ирландскихъ націоналистовъ Редмондъ и премьеръ Асквитъ превозносятъ свой билль, какъ величайшую реформу, которая избавитъ ирландскій народъ отъ всѣхъ золъ. Асквитъ выступаетъ въ роли Гладстона, маленькій Остинъ Чемберленъ въ роли своего великаго отца Джозефа, а Редмондъ рядится въ костюмы Парнелля.

Стоитъ, однако, поближе присмотрѣться къ дѣлу, чтобы убѣдиться, что весь этотъ шумъ не имѣетъ реальныхъ основаній. Лѣтъ 30—40 тому назадъ ирландскій вопросъ имѣлъ гораздо болѣе важное значеніе. Въ продолженіе трехъ четвертей столѣтія происходила почти непрерывная война между ирландскими фермерами (арендаторами) и англійскими лэндлордами (землевладѣльцами); одновременно борьба велась за національныя, религіозныя и культурныя требованія народа. Англійскій парламентъ съ 1830 по 1886 г. издалъ больше 50 репрессивныхъ актовъ противъ Ирландіи. Но репрессивныя мѣры имѣли обратное дѣйствіе, обостряя борьбу и вызывая открытыя возстанія ирландскаго народа, ибо, по образному выраженію Джозефа Чемберлэна, когда связывали больного, его этимъ отнюдь не лѣчили. Въ Ирландіи рядомъ съ партіей гомруля дѣйствовала революціонная аграрная лига. Ирландскіе крестьяне ожидали отъ гомруля избавленія отъ гнета и жестокой эксплоатаціи лэндлордовъ. Англійскіе же лэндлорды опасались, что ирландскій парламентъ подорветъ основу ихъ господства въ Ирландіи. Гладстонъ долженъ былъ признаться, что всѣ его репрессивныя мѣры противъ ирландскихъ націоналистовъ не дали желательныхъ результатовъ, только опозоривъ либеральную партію. Онъ убѣдился, что только широкими радикальными реформами возможно достигнуть успокоенія. Въ 1886 г. онъ пытался провести билль о гомрулѣ; затѣмъ въ 1893 году опять внесъ новый билль и поставилъ на карту судьбу своего кабинета. Билли Гладстона были отвергнуты—первый палатой общинъ, второй палатой лордовъ; кабинетъ Гладстона потерпѣлъ пораженіе. Но усилія піонеровъ реформъ не пропали даромъ. Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ и либеральныя и консервативныя правительства вынуждены были проводить рядъ аграрныхъ и иныхъ реформъ, которыя вмѣстѣ съ ростомъ англійскаго рынка въ значительной

мѣрѣ улучшили положеніе ирландскаго фермера [1]), сдѣлали его болѣе свободнымъ и тѣсно связали Ирландію съ Англіей узами экономическихъ интересовъ. Далѣе, соціальныя реформы—пенсіи старикамъ, а теперь государственное страхованіе отъ болѣзней и безработицы,—которыя оказались неизбѣжными для промышленной Англіи, оказываютъ и будутъ оказывать благодѣтельное вліяніе на земледѣльческую Ирландію. Въ 1912 году казна истратила на всѣ нужды Ирландіи на 15 милліоновъ рублей больше, чѣмъ получила отъ налоговъ въ Ирландіи. Въ 1893 г. налоги Ирландіи превышали расходы казны почти на 20 милліоновъ рублей. Но важнѣе всего то, что Ирландія перестала быть преимущественно земледѣльческой страной. За послѣдніе десять лѣтъ ирландская промышленность сдѣлала гигантскіе шаги впередъ. Аграрныя реформы, направленныя къ развитію земледѣлія, многочисленные эксперименты насажденія мелкихъ собственниковъ не въ состояніи были „повернуть назадъ колесо исторіи".

Площадь земли, занятая хлѣбопашествомъ въ періодъ съ 1855 по 1912 г., сократилась съ 5,682,992 до 3,920,962 акровъ, т. е. на 1,762,030 акровъ. Мелкіе собственники постепенно пролетаризовались и стали наемными рабочими у болѣе устойчивыхъ фермеровъ или уходили въ города на растущія, какъ грибы послѣ дождя, фабрики и заводы. Въ 1907 году вывозъ продуктовъ обрабатывающей промышленности исчислялся въ 207,826,730 рублей, а въ 1911 году достигъ 264,310,940 руб. Если къ этимъ цифрамъ прибавить вывозъ пива, спирта и минераловъ, который въ 1911 г. равнялся 43,797,670 руб. то общая сумма вывоза фабрикатовъ въ 1911 г. будетъ 313,108,610 руб.

Ростъ промышленности также виденъ изъ статистики банковыхъ вкладовъ.

Банковые вклады:

Въ 1881 г.	282,890,000	руб.
„ 1901 „	415,680,000	„
„ 1911 „	560,110,000	„

Ростъ крупной промышленности повелъ съ одной стороны къ развитію ирландской буржуазіи, нынѣ составляющей ядро реакціонной націоналистской партіи, съ другой къ скопленію значительныхъ пролетарскехъ массъ въ крупныхъ городахъ, и такимъ образомъ создалъ благопріятныя условія для массоваго рабочаго движенія. Въ теченіе послѣднихъ 8-9 лѣтъ въ Ирландіи выросли довольно сильные трэдъ-юніоны и въ прошломъ году на конгрессѣ этихъ союзовъ уже была заложена основа ирландской рабочей партіи, во главѣ которой стоятъ убѣжденные соціалисты Конноли, Патриджъ и Ларкинъ. Организованные ирландскіе рабочіе видятъ свое освобожденіе не въ гомрулѣ, а въ солидарности и единеніи съ англійскими и вообще рабочими другихъ національностей. Ирландскому народу приходится теперь вести борьбу не столько противъ англійскихъ лэндлордовъ, сколько противъ ирландскихъ капиталистовъ и ихъ

[1]) За послѣдніе 10 лѣтъ земельныя реформы въ Ирландіи потребовали расхода въ 960,000,000 рублей. Коттэджей для фермеровъ было построено въ Ирланди 41,862.

апологетовъ-націоналистовъ: Редмонда, Девлина и К°. Въ теченіе десятилѣтій націоналистическая партія, католическое духовенство и ихъ пресса усыпляли ирландскихъ рабочихъ иллюзіями о гомрулѣ, который де исцѣлитъ ихъ отъ всѣхъ соціальныхъ недуговъ. Но ирландскій пролетаріатъ силой вещей былъ приведенъ къ сознанію, что ирландскіе капиталисты, іезуиты, драпирующіеся въ тогу національныхъ освободителей, ихъ злѣйшіе враги. Происходившія нѣсколько мѣсяцевъ назадъ уличныя битвы и жестокій локаутъ въ Дублинѣ рельефно показали, что ирландскій пролетаріатъ наконецъ дѣйствительно пробудился и вступилъ на путь классовой борьбы.

Изъ вышесказаннаго ясно, что созданіе особаго ирландскаго парламента будетъ имѣть совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ во времена Парнелля. Въ настоящее время вопросъ о гомрулѣ сводится къ выработкѣ широкаго областного самоуправленія съ отдѣльными мѣстными парламентами для отдѣльныхъ частей Великобританіи и однимъ общимъ, къ тому, что англичане называютъ Home Rule all round. Такое же областное самоуправленіе правительство предполагаетъ въ будущемъ осуществить и для Шотландіи, Уэльса и собственно Англіи.

Въ Ирландіи, согласно правительственному законопроекту учреждается парламентъ: палата общинъ изъ 164 членовъ, сенатъ —изъ 40 членовъ. Каждый сенаторъ исполняетъ свои обязанности 5 лѣтъ. Члены сената на первое пятилѣтіе назначаются имперскимъ правительствомъ. Сенаторы выбираются народомъ въ четырехъ областяхъ Ирландіи на основѣ пропорціональнаго представительства. Избирательный цензъ для ирландской палаты общинъ тотъ же, что и для общеимперской палаты. Сенатъ не имѣетъ права иниціативы или veto въ финансовыхъ вопросахъ. Если же возникаетъ конфликтъ между обѣими палатами, лордъ-намѣстникъ созываетъ общее засѣданіе палаты общинъ и сената, которое рѣшаетъ спорный вопросъ простымъ большинствомъ голосовъ.

Въ вѣденіи ирландскаго парламента находятся только специфически ирландскія дѣла. Армія, флотъ, иностранная политика исключаются изъ его компетенціи. Въ рукахъ имперскаго парламента остаются также управленіе аграрной реформой 1903 года, биржи труда, пенсіи старикамъ, государственное страхованіе отъ болѣзни и безработицы и вообще вся налоговая система. Ирландскій парламентъ не имѣетъ права даже собирать свои собственные налоги; къ тому же имперское правительство пользуется правомъ абсолютнаго veto даже въ вопросахъ чисто ирландскихъ.

Ирландіи предоставляется право посылать 42 депутата въ имперскій парламентъ (въ настоящее время она представлена 103 депутатами) съ правомъ голоса по всѣмъ вопросамъ.

Съ введеніемъ гомруля ирландское правительство учредитъ свое министерство финансовъ, но оно будетъ получать непосредственно доходы только отъ почты. Всѣми важнѣйшими финансовыми дѣлами Ирландіи будетъ завѣдывать спеціальная финансовая комиссія, въ которую войдутъ по 2 представителя отъ имперскаго и ирландскаго правительства.

Для покрытія дефицита въ первый годъ предположено

отпустить изъ имперской казны около 20 милл. рублей. Впрочемъ взаимоотношенія между имперскими и ирландскими финансами не окончательно опредѣлены: билль допускаетъ измѣненія въ теченіе ближайшихъ 8—10 лѣтъ.

На почвѣ этого-то билля и происходятъ въ данный моментъ „горячія битвы".

Палата общинъ посвятила львиную долю двухъ сессій обсужденію билля и дважды его одобряла, но „реформированная" палата лордовъ оба раза отклоняла второе чтеніе. На основаніи новаго парламентскаго акта билль долженъ теперь въ третій разъ разсматриваться и голосоваться въ палатѣ общинъ. Такъ какъ со дня внесенія законопроекта прошли уже требуемые парламентскимъ актомъ два года, то король долженъ будетъ подписать его независимо отъ согласія палаты лордовъ. Консервативная пресса поэтому подняла вопросъ о прерогативахъ короля. Въ многочисленныхъ письмахъ въ „Times" реакціонные профессора конституціоннаго права совѣтуютъ королю не подписывать билля о гомрулѣ до тѣхъ поръ, пока народъ не выскажется при помощи новыхъ выборовъ. Правда, говорятъ они, король обязанъ слѣдовать совѣтамъ своихъ министровъ, пользующихся довѣріемъ большинства палаты общинъ, но, вѣдь, онъ можетъ призвать себѣ новыхъ совѣтниковъ, которые посовѣтуютъ ему произвести новые выборы. На это либеральный офиціозъ отвѣчалъ: если бы король послушался консерваторовъ и рѣшился бы вмѣшиваться въ политику, то онъ поставилъ бы въ опасность самое существованіе монархіи.

Не слѣдуетъ однако думать, что англійскіе либералы на самомъ дѣлѣ такіе ярые защитники прерогативъ народа, что они дѣйствительно страшно непримиримый народъ и не желаютъ жить въ мирѣ и дружбѣ со своими консервативными собратіями. Напротивъ, англійскіе либералы всѣхъ оттѣнковъ всегда изъ кожи лѣзутъ вонъ, чтобы укрѣпить монархію и пойти на встрѣчу желаніямъ консерваторовъ. Либеральное правительство, толкаемое ирландской націоналистической партіей—безъ голосовъ которой оно существовать не можетъ,—вынуждено проводить свой билль черезъ всѣ парламентскія стадіи, но оно отнюдь не прочь пойти на серьезныя уступки консерваторамъ; оно намѣрено считаться со всѣми ихъ предразсудками и внести измѣненія въ дважды утвержденный палатой общинъ билль. То самое либеральное пзвительство, которое посадило въ тюрьму вождя рабочихъ Тома Манна за призывъ къ солдатамъ не стрѣлять въ бастовавшихъ углекоповъ, смотритъ сквозь пальцы на консерваторовъ Карсона и отставного генерала британской арміи Ричардсона, ставшихъ во главѣ ульстерскаго „временнаго правительства" и арміи волонтеровъ и готовящихъ возстаніе на случай, когда Гомруль станетъ закономъ. То самое либеральное Правительство, которое противозаконно разгоняетъ митинги суфражистокъ и сотнями сажаетъ ихъ въ каторжныя тюрьмы, даетъ консерваторамъ полную возможность вооружать членовъ своихъ клубовъ и вообще всякихъ хулигановъ, именуемыхъ ульстерской національной милиціей. Открыто готовясь къ возстанію съ цѣлью уничтожить неугодный вамъ законъ.—говоритъ Ллойдъ Джорджъ, вы этимъ самымъ подаете примѣръ ши-

рокой массѣ рабочихъ, недовольной существующими законами и имущественными отношеніями. И лидеръ англійской рабочей партіи Рамзай Макдональдъ въ статьяхъ въ либеральной „Daily Chronicle" жалуется на то, что рѣчи и дѣйствія ульстерскихъ консерваторовъ Карсона и комп. пагубно дѣйствуютъ на рабочихъ, революціонизируютъ ихъ, ибо воочію показываютъ рабочимъ, что законы для богатыхъ не писаны

Въ то время, какъ либералы, консерваторы и націоналисты за кулисами ведутъ переговоры о компромиссѣ, а публично произносятъ „громовыя рѣчи" о гомрулѣ, объ ульстерскихъ протестантахъ съ цѣлью отвлечь вниманіе народа отъ неотложныхъ политическихъ и соціальныхъ реформъ, въ это время въ столицѣ „зеленаго острова", въ Дублинѣ, профессіональные союзы и молодая ирландская рабочая партія ведутъ борьбу съ ирландскими капиталистами и съ католической церковью.

Объединенные ирландскіе капиталисты—католики, при поддержкѣ англійскихъ капиталистовъ—протестантовъ, объявили войну ирландскому союзу транспортныхъ рабочихъ, во главѣ котораго стоятъ вожди рабочей партіи Конноли и Ларкинъ. Въ локаутъ вскорѣ были вовлечены почти всѣ промышленные рабочіе Дублина и сельскохозяйственные рабочіе дублинскаго округа. Но ирландскіе капиталисты не удовольствовались локаутомъ съ требованіемъ, чтобы рабочіе письменно обязались выступить изъ своего союза. Они воспользовались любезными услугами либеральнаго правительства, полиціи, военной силы и „независимыхъ судей".

Митинги забастовщиковъ разгонялись вооруженной силой, Ларкинъ, Патриджъ, Конноли были арестованны за рѣчи на митингахъ и обвинены на основаніи стараго, давно забытаго закона въ „возстановленіи одной части населенія противъ другой", въ призывѣ къ классовой борьбѣ! Власти усмотрѣли въ ихъ рѣчахъ государственное преступленіе, стремленіе къ ниспроверженію существующаго строя.

Полиція устраивала систематическія побоища, жестоко избивала забастовщиковъ, врывалась въ ихъ квартиры, избивала ихъ женъ и дѣтей, громила ихъ жалкое имущество.

И все это неудивительно, ибо въ данномъ случаѣ трогательный союзъ между правительствомъ и ирландскими капиталистами подкрѣпленъ непосредственными финансовыми интересами высшихъ представителей правительства въ Ирландіи въ предпріятіяхъ, играющихъ руководящую роль въ локаутѣ. Списокъ акціонеровъ дублинской трамвайной компаніи обнаруживаетъ, что—Свифтъ, высшій судья Дублина, объявившій митингъ и демонстрацію забастовщиковъ незаконными и судившій Ларкина и Конноли—акціонеръ компаніи; Фицджералдъ, предсѣдатель дублинскаго окружного суда, судившаго Ларкина и Конноли и прокуроръ Патрикъ Коллъ, обвинявшій Ларкина, фигурируютъ въ спискѣ акціонеровъ трамвайной компаніи, Доэрти—жена товарища министра Ирландіи владѣетъ акціями той же компаніи; Боландъ, главный организаторъ парламенской фракціи ирландской націоналистической партіи, видные члены парламента: націоналисты Бради, Коттонъ и другіе—состоятъ акціонерами той же компаніи.

Католическое духовенство въ церквахъ предаетъ анаѳемѣ антихриста Ларкина, а націоналистическіе органы печати рисуютъ Ларкина ирландскимъ Маратомъ, Конноли—Бабефомъ.

„Имя Ларкина“ пишетъ „New statesman“, органъ умѣренныхъ фабіанцевъ, въ респектабельныхъ кругахъ Дублина стало синонимомъ чего-то укоризненнаго, и это невольно наводитъ насъ на мысль что Ларкинъ позволилъ себѣ стать во главѣ союза, который былъ успѣшенъ въ борьбѣ. Очевидно Ларкинъ напоминалъ богатымъ о нищетѣ рабочихъ или его дѣятельность мѣшала пищеваренію богачей. Мы вспоминаемъ, какъ имущіе кассы Бельфаста [1]) глубоко ненавидѣли его во время стачки докеровъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мы вспоминаемъ что Ларкина травили, какъ опаснѣйшаго звѣря въ Коркѣ и въ Векефордѣ. Въ каждомъ случаѣ его тяжкій грѣхъ состоялъ въ томъ, что онъ находилъ людей, увязшихъ въ нищетѣ и невѣжествѣ и указывалъ имъ выходъ изъ ихъ ужаснаго положенія. Онъ ходилъ къ докерамъ, возчикамъ и вообще въ массу неквалифицированныхъ рабочихъ и воодушевлялъ ихъ вѣрой въ лучшее будущее“.

Ларкинъ, самъ портовый рабочій, организовалъ нѣсколько тысячъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ дублинскомъ округѣ; рядомъ удачныхъ стачекъ ихъ заработная плата поднялась съ 1 р. 50 к. на 2 р. 50 въ недѣлю. Ларкинъ организовалъ продавцовъ газетъ и много другихъ категорій рабочихъ. Ирландскій союзъ транспортныхъ рабочихъ, и работницъ независимо отъ отрасли труда, въ которой они заняты, устраиваетъ для нихъ лекціи, концерты, отвлекая пролетаріатъ отъ пивныхъ, танцовальныхъ клубовъ и церквей. Союзъ транспортныхъ рабочихъ успѣшно объединяетъ ульстерскихъ протестантовъ съ католиками и—это хуже всего явился иниціаторомъ образованія ирландской рабочей партіи и издаетъ свой собственный органъ „The Irish Worker“.

Послѣ кровавой расправы полиціи въ Дублинѣ съ сотнями забастовщиковъ англійскіе трэдъ-юніонисты и соціалисты по всей странѣ устроили митинги протеста. Министры и члены парламента были буквально засыпаны резолюціями, выразившими народный гнѣвъ и негодованіе. Засѣдавшій въ то время въ Манчестерѣ конгрессъ трэдъ-юніоновъ „самымъ рѣшительнымъ образомъ осудилъ правительство за воспрещеніе митинговъ и жестокое избіеніе гражданъ въ Дублинѣ, въ результатѣ котораго было нѣсколько сотъ раненныхъ и двое убитыхъ“... Многіе изъ ораторовъ, въ томъ числѣ президентъ федераціи углекоповъ Великобританіи Робертъ Смилли, высказывались за всеобщую стачку протеста. Конгрессъ отправилъ своихъ комиссаровъ въ Дублинъ для разслѣдованія дѣйствій властей, для устройства митинговъ и вообще для поддержки ирландскихъ трэдъ-юніонистовъ.

Англійскіе желѣзнодорожные и портовые рабочіе объявили бойкотъ дублинской промышленности и отказывались возить товары, приходившіе оттуда. Начались стачки симпатіи въ Ливерпулѣ, Бирмингамѣ Манчестерѣ и другихъ городахъ.

Подъ общимъ натискомъ англійскихъ организованныхъ рабочихъ либеральное правительство вынуждено было освободить

[1]) Бельфастъ—центръ ульстерскихъ протестантовъ.

Ларкина (онъ былъ приговоренъ къ семи мѣсячному тюремному заключенію). Ларкинъ сталъ выступать на многотысячныхъ митингахъ крупныхъ промышленныхъ центровъ Англіи. Его встрѣчали съ энтузіазмомъ.

Во всей Великобританіи начались сборы денегъ въ пользу жертвъ локаута. Парламентскій комитетъ трэдъ-юніоновъ открылъ подписку и вошелъ въ соглашеніе съ союзомъ кооперативныхъ обществъ относительно доставки провизіи для стачечниковъ. Въ Манчестерѣ кооперативнымъ союзомъ вскорѣ былъ снаряженъ пароходъ съ провизіей и отправленъ въ Дублинъ. Съ тѣхъ поръ кооперативные пароходы регулярно крейсируютъ между Манчестеромъ и Дублиномъ. Англійскіе трэдъ-юніоны поддерживаютъ это своеобразное пароходное движеніе щедрыми взносами. Федерація углекоповъ платитъ регулярно по 10,000 руб. въ недѣлю, другіе юніоны по 5,000, 1000, 500 руб.

Эти кооперативные пароходы везущіе въ Дублинъ провизію насчетъ англійскихъ трэдъ-юніоновъ какъ бы создали прочный мостъ между ирландскимъ и англійскимъ рабочимъ движеніемъ—и уже никакимъ усиліямъ ирландскихъ націоналистовъ не удастся разрушить этотъ мостъ солидарности.

Во всякомъ случаѣ правъ консервативный „Times“, заявляющій: „въ будущемъ національномъ собраніи Ирландіи несомнѣнно появится Ларкинъ во главѣ новой силы—рабочей, а то быть можетъ и соціалистической, партіи“, ибо ирландскимъ націоналистамъ уже пришлось серьезно считаться съ рабочей партіей при выборахъ въ Дублинскій муниципалитетъ. Два кандидата рабочей партіи были избраны, другіе ихъ кандидаты получили много голосовъ и стали угрозой націоналистамъ.

Должно быть по этой причинѣ англійское правительство вкупѣ съ націоналистской партіей въ своемъ биллѣ о гомрулѣ заранѣе распредѣлили избирательные округа для будущаго ирландскаго парламента и наиболѣе отсталымъ въ промышленномъ отношеніи округамъ наибольшее количество мѣстъ.

Петръ П.

Вмѣшательство Интернаціонала и с.-д. единство въ Россіи.

II. [1])

Было уже указано и К. Каутскимъ, и В. Адлеромъ, что вся повседневная агитація международной соціалдемократіи фактически ведется подъ флагомъ „частичныхъ требованій“—отдѣльныхъ пунктовъ с.-д. программы, выдвигаемыхъ въ каждый данный моментъ на первый

планъ политической коньюнктурой. Сегодня это—мѣра противъ вздорожанія жизни, завтра—отмѣна закона о 3-хъ лѣтней военной службѣ, послѣ завтра—расширеніе права коалицій, школьная реформа, реформа суда и т. д. Мы взяли рядъ вопросовъ, составлявшихъ за послѣдніе годы въ тотъ или иной моментъ „гвоздь“ с.д. агитаціи въ Германіи и Австріи, Голландіи и Бельгіи, Франціи, Италіи, Соединенныхъ Штатахъ. Ни въ одной изъ этихъ странъ, само собой разумѣется, ни одному соціалъ-демократу не приходило въ голову протестовать противъ того, что его партія выдвигала „частичное“ требованіе *вмѣсто* всей суммы политическихъ требованій, составляющихъ программу минимумъ партіи. Такой протестъ немыслимъ для соціалъ-демократа Запада, ибо все развитіе соціалистическаго рабочаго движенія подъ знаменемъ марксизма совершалось на почвѣ все болѣе широкаго объединенія и сплоченія трудящихся массъ вокругъ конкретныхъ политическихъ и соціальныхъ („частичныхъ“) лозунговъ, формулирующихъ наиболѣе остро ощущаемыя въ каждый данный моментъ нужды этихъ массъ. Самый методъ соціалдемократическаго воздѣйствія на народныя массы—въ отличіе отъ методовъ бланкистскаго, анархистскаго, республиканско-демократическаго и т. п.— заключается именно въ этомъ оперированіи съ „частичными“ требованіями, какъ средствомъ вызывать активное и самодѣятельное участіе массъ въ политической жизни и *этимъ путемъ* готовить рабочій классъ къ выполненію великихъ историческихъ задачъ, стоящихъ передъ нимъ.

Поэтому единственнымъ серьезнымъ-методологически-возраженіемъ, которое можно было бы сдѣлать противъ примѣненія въ Россіи тактики „частичныхъ требованій“,—было бы указаніе на то, чти *политическая обстановка* дѣятельности русской соціалдемократіи *принципіально отлична* отъ той, которая обусловливаетъ собою конкретный характеръ повседневной дѣятельности европейскихъ и американскихъ рабочихъ партій.

Въ 1908—11 гг. вопросъ именно такъ и ставился въ спорахъ между такъ называемыми „ликвидаторами“, съ одной стороны, и всѣми теченіями „бойкотистскаго“ соціализма, съ другой,—„чистыми“ большевиками, „отзовистами“, „ультиматистами“, польскими эсъ-деками и лѣво-народниками. По разному всѣ они обосновывали очевидную для всѣхъ ихъ обязательность тѣхъ—и только тѣхъ—пріемовъ повседневной борьбы и повседневной организаціонной дѣятельности, которые сложились къ 1905 г.; и тѣ изъ нихъ, которые, подобно кружкамъ Ленина и Тышко, „признавали“ такія новыя арены борьбы, какъ думскую трибуну, стремились къ тому, чтобы и на ней соціалисты вели агитацію въ тѣхъ же формахъ, въ какихъ до 1905 года она велась—безъ Думы [1]).

[1]) Характерный примѣръ: послѣ того, какъ былъ принятъ III Думой переходъ къ постатейному чтенію аграрнаго законопроекта Столыпина, Ленинъ и К° рѣшительно высказались противъ внесенія с.-д. фракціей поправокъ, имѣвшихъ цѣлью оградить интересы сельскаго пролетаріата при введеніи „реформы“ въ жизнь.

Но при всемъ различіи мотивировокъ одно общее было во всѣхъ нихъ: категорическое утвержденіе, что лжеконституціонный обликъ третье-іюньскаго политическаго строя абсолютно исключаетъ построеніе русской с.-д. тактики хотя бы съ нѣкоторымъ приближеніемъ къ ея западно-европейскимъ образцамъ.

При такой постановкѣ вопроса утвержденія, что дѣятельность „ликвидаторовъ“ логически ведетъ къ „столыпинской рабочей партіи“, къ „легализаціи во что бы то ни стало“, то есть, къ неизбѣжности купить возможность систематической работы на открытой аренѣ отказомъ отъ с.-д. программы и отъ классовыхъ основъ с.-д. тактики, *могли быть* искренними.

Но съ тѣхъ поръ очень много воды утекло. Исчезъ въ рядахъ россійской соціалдемократіи «отзовизмъ» — этотъ послѣдній отпрыскъ откровеннаго думскаго бойкотизма;—возникло въ рядахъ лѣво-народниковъ анти-бойкотистское теченіе; большевики-же не только все дальше двигались по наклонной плоскости „легальныхъ возможностей“, но и сами содѣйствовали завоеванію для русскаго рабочаго класса одной изъ важнѣйшихъ среди такихъ „возможностей“ — политической рабочей прессы. Для рѣшенія вопроса о томъ, что можно соціалдемократіи дѣлать открыто или опираясь на открытыя организаціи, у насъ теперь гораздо болѣе фактическихъ данныхъ, чѣмъ въ 1908—9 гг. Опытомъ доказано, что „открытая рабочая партія“ — не реакціонная мечта, ибо въ настоящій моментъ въ Россіи *такая партія въ извѣстномъ смыслѣ слова есть*, если слову „партія“ придавать политическое, а не формально-юридическое значеніе: она есть въ думскомъ представительствѣ, возникшемъ изъ *партійно-проведенныхъ* выборовъ и связанномъ съ многочисленными центрами рабочаго движенія; она есть—въ рабочей прессѣ, сплачивающей вокругъ себя десятки тысячъ передовыхъ пролетаріевъ и вносящей политическое единство въ ихъ повседневную борьбу; она есть въ руководящихъ центрахъ открыто-дѣйствующихъ рабочихъ организацій и временныхъ соединеній. Но какъ партія, она *не организована*, частью потому, что ея силы раздроблены между отдѣльными фракціями, частью потому, что ей *еще не удалось* преодолѣть внѣшнихъ условій въ такой мѣрѣ, чтобы создать устойчивыя и достаточно гибкія формы партійнаго сплоченія, обезпечивающія даже при настоящихъ условіяхъ безпрерывность и принципіальную послѣдовательность политическаго дѣйствія, и, наконецъ, она до сихъ поръ еще не вела планомѣрно *политической* борьбы за открытое свое существованіе. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что она еще только создается, съ каждой новой аги-

таціонной „кампаніей“ въ рабочихъ массахъ, съ каждымъ новымъ организаціоннымъ успѣхомъ рабочаго союза и даже съ каждымъ номеромъ «правдистскаго» органа.

Но по мѣрѣ того, какъ создается эта „открытая рабочая партія“, практически выясняется невозможность *принципіально* противопоставлять внѣшнія условія дѣятельности западно-европейской и русской соціалдемократіи, поскольку ими опредѣляются методы повседневной агитаціи. Это не значитъ, чтобы русскій лжеконституціонализмъ и хотя бы германскій конституціонализмъ можно было сопоставлять, какъ лишь количественно различныя степени отдаленія отъ демократическаго идеала. Не о томъ у насъ рѣчь. Мы говоримъ о томъ, вполнѣ уже выяснившемся фактѣ, что, подобно западно-европейскимъ собратьямъ, русскіе рабочіе получили въ третьеіюньскомъ режимѣ возможность повседневнаго активнаго вмѣшательства въ общественно-политическую жизнь—благодаря существованію Думы, рабочей печати, профессіональныхъ и иныхъ союзовъ, страховыхъ учрежденій, культурныхъ и кооперативныхъ организацій буржуазной демократіи и т. д., и т. д. А возможность такого повседневнаго активнаго вмѣшательства логически-неизбѣжно диктуетъ соціалдемократіи тотъ методъ агитаціи на почвѣ „частичныхъ лозунговъ“, который практикуется ею во всемъ мірѣ. Диктуетъ потому, что только этимъ методомъ приводятся въ движеніе широкія массы, такіе періоды, когда отсутствуютъ „великія потрясенія“, вызываемыя стихійнымъ развитіемъ независящихъ отъ нашей воли событій. Диктуетъ потому, что элементарная забота рабочаго союза объ упроченіи своего вліянія, рабочей газеты—о ростѣ ея тиража, рабочаго депутата—о поддержаніи интереса къ его дѣятельности среди избирателей вынуждаютъ всѣхъ ихъ не брезгать никакимъ дѣйствительнымъ средствомъ для развитія массового движенія.

Безжизненной была формула „частичныхъ требованій“, когда ее въ концѣ 90-ыхъ годовъ прошлаго вѣка выдвинули дѣятели покойнаго „Рабочаго Дѣла“—В. Иваньшинъ, Б. Кричевскій. В. Акимовъ, Не потому она была безжизненной, чтобы въ до-октябрской Россіи массамъ было не до свободы союзовъ, не до неприкосновенности личности и т. д.—„пока не совершено коренное преобразованіе“. Она была безжизненна потому, что пыталась пересадить методы европейской агитаціи при отсутствіи элементарныхъ политическихъ и организаціонныхъ предпосылокъ для нихъ, пыталась примѣнять эти методы силами кружкового подполья, въ которомъ *вынуждена* была замыкаться соціал-демократія при полномъ отсутствіи „зацѣпокъ“ въ средѣ подполья. И такъ какъ эта формула была безжизненна, то тогда права была “Искра“, возставшая противъ нея. А такъ какъ теперь радикально измѣнились политическія и организаціонныя предпосылки дѣятельности соціалдемократіи, то нынѣ анахронизмомъ—и реакціоннымъ—является по-

втореніе побѣдоносной въ 1901 годъ аргументаціи „искровцевъ“ противъ доктринерскихъ мечтаній „рабочедѣльцевъ“.

Повседневная дѣятельность „правдистовъ“ подвела ихъ уже и все ближе подводитъ къ *сознательному* примѣненію метода агитаціи на почвѣ „частичныхъ требованій“ Они еще повторяютъ свою анархистскую критику борьбы за свободу коалицій, но практически не рѣшились высказаться противъ ноябрскаго движенія прошлаго года, проходившаго подъ этимъ „ликвидаторскимъ“ лозунгомъ; но уже принципіально одобрили внесеніе с.д. фракціей „частичнаго“ законопроекта о правѣ коалицій. Они не возстали по существу противъ выдвинутой „ликвидаторами“ идеи агитаціи за „частичное“ требованіе свободы печати, кое что даже сдѣлали для развитія этой агитаціи и въ лицѣ своихъ петербургскихъ отвѣтственныхъ руководителей заявили, что такая „частичная“ цѣль, какъ отклоненіе Маклаковскаго законопроекта, можетъ быть достигнута и безъ „коренного преобразованія и т. д.“. Они пытались организовать всероссійскую страховую кампанію на почвѣ „частичнаго“ лозунга общегородской кассы и мотивировали этотъ лозунгъ не тѣмъ, что его осуществленіе предполагаетъ предварительное „коренное преобразованіе“, а, напротивъ, тѣмъ что онъ можетъ быть осуществленъ „давленіемъ массъ и при данномъ положеніи дѣлъ. Они,наконецъ, организуютъ атраціоную кэмпанію по поводу внесеннаго въ Думу законопроекта о 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ, каковое требованіе, хотя и помѣщенное ими произвольно среди трехъ“ неурѣзанныхъ лезунговъ“, пріобрѣвшихъ для нихъ сакраментальное значеніе, на самомъ дѣлѣ, и въ нашей программѣ, какъ у добрыхъ людей, стоитъ въ той же плоскости, какъ и другія соціальныя и политическія „частичныя“ требованія.

Словомъ, большевистская практика лишаетъ всякаго конкретнаго содержанія и всякаго моральнаго и логическаго оправданія ихъ „антиликвидаторскую“ пропаганду.

И, тѣмъ не менѣе, послѣдняя не ослабѣваетъ. И не ослабѣваетъ именно потому, что, какъ фракція, большевизмъ не можетъ отказаться отъ методовъ *демагогическаго* вліянія на рабочія массы. А это значитъ, что подобно французскому „революціонному“ синдикализму, онъ питаетъ массы „ соціальными мнѣами“, въ реальность которыхъ самъ не вѣритъ. Онъ говоритъ объ имѣющемъ фатально наступитъ завтра повтореніи 1910 года-въ то время, какъ всю свою дѣятельность строитъ на предпосылкѣ затяжного хода общественнаго развитія. Онъ гипнотизируетъ массы бойкотистской фразеологіей, чтобы подъ ея шумокъ слѣдовать за „ликвидаторами“ по пути преслѣдованія „частичныхъ“ цѣлей; онъ твердитъ о „старомъ подполѣ“, какъ центрѣ всей работы, а на дѣлѣ все больше перемѣщаетъ центръ работы въ сферу надполья.

Ибо и въ организаціоннбй практикѣ на дѣлѣ очень трудно

провести различія между работой „ ликвидаторовъ“ и „анти-ликвидаторовъ“, и въ же время именно въ области этой практики ленинцы выработали себѣ цѣлую систему пусканья пыли въ глаза внѣшнему міру относительно характера своей дѣятельности. Вопреки ихъ обычнымъ заявленіямъ, которыя, по генеральскому благодушію или по генеральскому злопыхательству, принимаетъ за чистую монету такой врагъ „ликвидаторства“, какъ Г. В. Плехановъ, „ леникцы“ на практикѣ совершенно одинаково съ „ликвидаторами“ рѣшаютъ вопросъ о пресловутомъ „сочетаніи“ двухъ организаціонныхъ методовъ, то есть, на дѣлѣ все большую часть организаціенно-политической постройки возводетъ внѣ формальныхъ рамокъ „стараго подполья“—внѣ рамокъ 102-ой статьи Угол. Улож.,—оставляя лишь *нѣкоторыя* функціи руководства и объединенія всецѣло въ рукахъ замкнутыхъ организацій стараго типа. *Тенденція* организаціоннаго строительства, во всякомъ случаѣ, такова и у „ленинцевъ“, и у „ликвидаторовъ“. „Расплывчаты“ сейчасъ организаціонныя постройки у тѣхъ и у другихъ одинаково. „Марксистское цѣлое“ у тѣхъ и другихъ носитъ однородный характеръ, опредѣляющійся реальными возможностями нынѣшняго положенія, а не той или иной доктриной.

И здѣсь, какъ и въ области тактики, мы имѣемъ дѣло съ тенденціей „большевиковъ“, тѣмъ болѣе непримиримыми изображать свои разногласія съ „ликвидаторами“, чѣмъ болѣе сходно тѣ и другіе рѣшаютъ вопросъ на практикѣ.

Не только прошлое, тяготѣющее надъ большевизмомъ, тянетъ его въ сторону этой политики безпринципной двойной бухгалтеріи. Будущее движенія въ лицѣ новыхъ, поднявшихся за послѣднее десятилѣтіе, пластовъ рабочей массы, неискушенныхъ въ классовой борьбѣ, точно также создаетъ соблазнъ прикрывать даже приличную будничную практику неприличной (для маркистовъ) фразеологіей. Романтически-настроенные, эти новые пласты пролетаріата „клюютъ“ на демагогическіе посулы. А логика кружково-фракціонной борьбы, потребность быть въ каждый данный моментъ „въ большинствѣ“ противъ враждебной фракціи, побуждаетъ къ все болѣе вопіющему противорѣчію между тѣмъ, что есть и тѣмъ, что говорится. Послѣдствія этой игры должны оказаться плачевными для самихъ игроковъ. Сейчасъ „правдисты“ заботливо высиживаютъ зародыши, изъ которыхъ неизбѣжно вырастутъ синдикалисты и лѣво народники (частью уже вырастаютъ) и еслибъ вожди большевизма могли глядѣть впередъ, они должны были бы сказать себѣ, что своевременное прекращеніе фракціонной войны, вынуждающее ихъ къ демагогической ловлѣ въ „низахъ“, лежитъ прежде всего въ ихъ интересахъ, ибо одно лишь можетъ спасти ихъ самихъ отъ внутренняго кризиса, который наступитъ тогда, когда дѣла и слова т. н. „послѣдовательнаго марксизма“ станутъ другъ противъ друга и начнутъ обличать другъ друга.

Мы, такимъ образомъ, еще разъ подошли къ „доброй волѣ“, или если хотите, къ „политической мудрости“ руководящихъ круговъ большевизма, какъ къ тому фактору, о который *сейчасъ* упирается всякая „объединительная“ кампанія. Говоримъ: сейчасъ, ибо завтра уже, когда народническо-синдикалистская опасность рѣзко обозначится въ самой большевистской арміи или когда обнаружатся другія разрушительныя послѣдствія неистовой фракціонной войны,—возможна сильная и здоровая реакція со стороны марксистскихъ элементовъ этой арміи, заставляющая считаться съ собой и вождей. Но сейчасъ, какъ указано въ этой статьѣ, такой реакціи со стороны большевистскихъ массъ ждать нѣтъ основаній и противъ большевистскаго штаба дѣло объединенія проведено быть не можетъ (хотя парализованіе отдѣльныхъ раскольничьихъ шаговъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вещь возможная).

Но апелляція къ доброй волѣ и политичсекой мудрости русскихъ швейцеровъ не представляется ли со стороны русскаго марксиста той же маниловщиной, какъ и апелляція Струве или Маклакова къ „государственной мудрости“ и доброй волѣ нашихъ отечественныхъ бисмарковъ?

Увы! Врядъ ли на этотъ вопросъ можетъ быть данъ какой-либо другой отвѣтъ, кромѣ утвердительнаго.

Значитъ: противъ воли большевистскихъ вождей соглашеніе, которое поставилъ себѣ цѣлью Интернаціоналъ, достигнуто быть не можетъ въ настоящее время: а на ихъ добрую волю разчитывать въ данный моментъ нѣтъ достаточныхъ основаній. Значитъ ли это, что попытка Интернаціонала является безполезной или донкихотской! Ни въ коемъ случаѣ. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что на вопросъ объ объединеніи ленинцы въ данный моментъ отвѣтятъ: „ни за что“. Но имъ придется *мотивировать* этотъ отказъ, впервые мотивировать „третьимъ лицамъ“, и тутъ уже пустыми фразами о людяхъ, желающихъ „ликвидировать“, никакъ не отдѣлаешься. Придется свести „наши разногласія“ къ конкретнымъ вопросамъ, придется доказывать, что эти разногласія непримиримы на практикѣ. Доказать этого „ленинцамъ“ не удастся. Если они, тѣмъ не менѣе, отвергнутъ соглашеніе, они не только помогутъ Интернаціоналу уяснить, гдѣ „корень зла“ въ нашемъ расколѣ; они еще неменуемо вызовутъ въ собственной средѣ сомнѣнія въ спасительности раскольничества. Не даромъ, какъ мы видѣли, Ленинъ и братія въ теченіе почти 10 лѣтъ уклоняются отъ подобной конференціи съ участіемъ европейцевъ! Чувствуютъ они, что передъ перспективой возможности дѣйствительнаго с. д. единства должны будутъ дрогнуть объединенные фракціоннымъ фанатизмомъ ряды. И чѣмъ болѣе сектантской „непримиримости“ захотѣли бы проявить вожди большевистскіе передъ лицомъ Интернаціонала, тѣмъ серьезнѣе противъ нихъ будетъ движеніе среди хотя бы части ихъ послѣдователей.

Еслибъ такая перспектива оказала спасительное дѣйствіе на лидеровъ секты и побудила ихъ серьезно и подъ угломъ реальныхъ ин-

тересовъ движенія разсматривать подлежащій обсужденію вопросъ, мы первые обрадоаались бы этому. Въ качествѣ „меньшевиковъ", вѣрныхъ дѣсятилѣтней традиціи, мы ожидаемъ торжества марксистскихъ принциповъ въ русскомъ рабочемъ движеніи не отъ дробленія соціалистическихъ силъ, а отъ ихъ объединенія въ возможно болѣе широкихъ рамкахъ.

Л. М.

Критическіе наброски.

Еще къ вопросу о пролетарской культурѣ.

Когда въ своихъ недавнихъ статьяхъ о пролетарской культурѣ я пытался датъ посильный анализъ причинъ, мѣшающихъ въ современномъ капиталистическомъ обществѣ развитію пролетарской культуры художества и придающихъ вообще односторонне-спартанскій характеръ всему культурному творчеству современнаго пролетаріата, то я зналъ, разумѣется, что вступаю на почву, почти совсѣмъ необработанную марксистской критикой —въ область, гдѣ существуютъ, пожалуй, различныя предрасположенія, но еще нѣтъ установившихся понятій.

И, конечно, я меньше всего могъ разсчитывать на безоговорочную санкцію этой своей попытки. Я ждалъ всякихъ возраженій. Но, признаться, не ожидалъ, что столкнусь съ того порядка возраженіями, которыя выдвинуты были нѣкоторыми изъ моихъ единомышленниковъ. Я имѣю въ виду въ особенности статью Н. Череванина въ „Современникѣ" (см. ноябр. кн.) и статью Пилецкаго въ „Нашей Зарѣ" (янв. этого года). Отчасти также и статью Раф. Григорьева въ декабрьской книжкѣ того же журнала.

Дѣло въ томъ, что есть возраженія и возраженія. Есть возраженія, могущія—независимо отъ того, вѣрны они или нѣтъ—дѣлать споръ интереснымъ и плодотворнымъ, двигать дальше анализъ вопроса, вносить въ него нужныя поправки, и есть возраженія, изъ которыхъ — при всемъ желаніи — трудно что либо извлечь. Трудно потому, что они либо заставляютъ споръ топтаться на мѣстѣ, вынуждая того, съ кѣмъ спорятъ, возстановлять точный смыслъ имъ сказаннаго и искаженнаго въ спорѣ, или повторять свои прежніе аргументы, когда эти неудобные аргументы просто напросто обойдены, точно ихъ въ полѣ спора и не было; либо, наконецъ, возраженія уводятъ въ сторону отъ столбового пути изслѣдованія, чтобы гдѣ-то въ проселкѣ поискать недостающихъ доказательствъ.

И, къ сожалѣнію, мнѣ приходиться констатировать, что всѣ эти виды того, какъ спорить не слѣдуетъ, въ изобиліи представлены въ статьяхъ моихъ оппонентовъ. Начну хотя бы съ конца — съ той проселочной дороги, куда съѣхали двое изъ моихъ почтенныхъ единомышленниковъ, но куда за ними съѣзжать я имѣю очень мало основанія.

Череванинъ и Пилецкій съѣхали... на интеллигенцію; съѣхали, вмѣсто того чтобы сдѣлать попытку съ своей стороны разобраться въ вопросѣ объ условіяхъ пролетарскаго развитія въ рамкахъ капиталистическаго общества и о вліяніи этихъ условій на характеръ вырабатываемой пролетаріатомъ культуры. Съѣхали, такъ какъ интеллигенція, изволите ли видѣть, сдѣлаетъ для пролетаріата то, чего до сихъ поръ для себя не могъ сдѣлать пролетаріатъ при всемъ своемъ огромномъ и многообразномъ движеніи: она подаритъ пролетаріату недостающую ему культуру художества!

И оба—Череванинъ и Пилецкій—при этомъ не чувствуютъ всей вопіющей несообразности такого метода рѣшенія вопроса, не ощущаютъ неловкости. Какое! Череванинъ въ сознаніи своей правоты шлетъ мнѣ упрекъ,—я, де, забылъ объ интеллигенціи, „потопилъ" ее „въ массѣ буржуазіи", почему и пришелъ къ ложнымъ выводамъ; а Пилецкій—тотъ снисходительно поучаетъ меня исторіи; исторія же по Пилецкому элементарно проста и гласитъ: нанимала буржуазія въ свое время и нанимаетъ до сихъ поръ интеллигенцію для своихъ надобностей, почему бы и пролетаріату теперь ее не нанять, чтобы она смастерила ему пролетарское художество! Такъ буквально и сказано: „художники и поэты, музыканты и романисты будутъ служить пролетаріату въ достаточномъ количествѣ, создадутъ новыя школы и теченія, въ мѣдныя и въ іерихонскія трубы будутъ трубить о новомъ строѣ и новой жизни, лишь только пролетаріатъ найдетъ достаточно силъ содержать ихъ".

Конечно, процессъ образованія у пролетаріата культуры художества, согласно этой, съ позволенія сказать, философіи исторіи, напоминаетъ больше торговую сдѣлку, и тончайшій изъ всѣхъ продуктъ коллективнаго творчества — художественная культура общественнаго класса,—точно сшитый у портного сюртукъ, изображается издѣліемъ, сработаннымъ интеллигенціей по заказу и мѣркѣ пролетаріата. Конечно, это не матеріализмъ, а вульгарная пародія на матеріализмъ, и къ этой пародіи, какъ будто, совсѣмъ не причастенъ мой другой оппонентъ, Череванинъ.

Вѣдь, Череванинъ, наоборотъ, идеализируетъ интеллигенцію, какъ и моментъ пріобщенія ея къ пролетарскому развитію. Вѣдь, онъ предполагаетъ, что „масса интеллигенціи" — замѣтьте: европейской интеллигенціи настоящаго времени — „относится" „съ извѣстной брезгливостью" къ безъидейному характеру современной буржуазіи и оголенности ея интересовъ (см. стр. 205). Вѣдь, онъ ждетъ, что эта интеллигенція — или извѣстная часть ея—войдетъ и внесетъ культуру художества въ среду пролетаріевъ, какъ только съ дальнѣйшимъ развитіемъ движенія и усиленіемъ образовательной подготовки юношества ослабнетъ дѣловито-спартанскій характеръ пролетаріата и усилится спросъ съ его стороны на художество.

Но по сути вопроса—не говоритъ ли Череванинъ, съ точки

зрѣнія марксизма, не менѣе непріемлемыя вещи о процессѣ возможнаго образованія пролетарской культуры художества, чѣмъ сказалъ своей пародіей Пилецкій? Ибо дѣло не въ томъ, хороша или дурна, идеалистична или продажна интеллигенція, а въ томъ, какимъ сверхъестественнымъ наитіемъ эта интеллигенція окажется вдругъ способной восполнить пролетаріату тотъ пробѣлъ въ его культурномъ развитіи, который наиболѣе интимно связанъ съ міромъ его внутреннихъ переживаній.

Одно изъ двухъ. Или интеллигенція въ той ея части, которая идетъ и—предполагается—въ еще большемъ количествѣ къ пролетаріату пойдетъ, есть лишь одинъ изъ видовъ общеродового понятія пролетаріатъ, и тогда непонятно, почему именно данной разновидности пролетаріата—въ противоположность другимъ — суждено стать выразительницей этихъ пролетарскихъ внутреннихъ переживаній, преодолѣть тѣ тормазы, которые у самого пролетаріата задерживаютъ художественное выявленіе этихъ переживаній, и тѣмъ положить основаніе пролетарской культуры художества; и непонятно тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ она этой носительницей стать не умѣла и не могла въ тѣхъ случаяхъ, когда она массами оказывалась въ сферѣ вліянія пролетарскаго движенія, какъ напр., въ Италіи или въ Россіи. Или интеллигенція, какъ это, повидимому, готовъ признать Череванинъ, есть особый общественный слой, съ своимъ житейскимъ укладомъ и съ своей специфической психикой, и тогда еще менѣе понятно, какъ этотъ слой—хотя бы даже въ части своей—умудрится стать тѣмъ необходимымъ дополненіемъ къ другому общественному классу, отъ котораго будетъ зависѣть обнаруженіе психики этого класса, его сокровеннаго „я“.

Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ —дипломированность, профессіонализмъ что-ли интеллигенціи совершитъ это чудо? Какъ разъ, однако, художество—и особенно художественная литература—меньше какой либо другой сферы творчества, въ томъ числѣ и политической, уже не говоря про научно-философскую, предполагаетъ непремѣнно спеціальную подготовку и, конечно, отсутствіе правильнаго высшаго или средняго образованія не помѣшало Шевченко стать національнымъ поэтомъ Украйны, не сдѣлало менѣе геніальнымъ шотландца Бернса, не лишило современную Россію появленія Горькаго. Ихъ длинный рядъ, этихъ самоучекъ-писателей, хотя бы начиная съ полулегендарной фигуры странствующаго актера Шекспира ихъ Страффорда и до детально знакомаго облика друга Бѣлинскаго, воронежскаго прасола Кольцова. И развѣ не о томъ же говоритъ и вся школа разночинцевъ-писателей 60-хъ годовъ, не говоритъ—примѣнительно къ живописи—и вся плеяда художниковъ, создавшихъ такъ называемое передвижническое теченіе въ русскомъ искусствѣ?

А затѣмъ—профессіонализмъ! По Череванину и особенно Пилецкому слѣдуетъ, что интеллигентскій профессіонализмъ играетъ какую то рѣшающую роль въ созданіи культурныхъ цѣнностей. Пилецкій такъ и заявляетъ, что, наприм., „творцами буржуазной культуры“ были не „купцы, фабриканты, банкиры съ ихъ чадами и домочадцами“, а „художники, поэты, ученые, врачи, инженеры и т. д. и т. д.,“ словомъ, „тысячеголовая масса интеллигенціи, пришедшей на службу капиталу изъ разныхъ слоевъ, круговъ и классовъ“.

Ахъ, тов. Пилецкій! Конечно кто же не знаетъ, что „купцы, фабриканты, банкиры“ пользовались трудомъ и искусствомъ всѣхъ родовъ спеціалистовъ? Но кто же не знаетъ и того,—и мнѣ какъ то совѣстно объ этомъ говоритъ—что эти спеціалисты—интеллигенты были родными дѣтьми того же буржуазнаго общества, буржуазіи, какъ класса, который безконечно шире переименованныхъ Пилецкимъ категорій и включаетъ въ себя между прочимъ и обширнѣйшіе мелкобуржуазные слои—этихъ постоянныхъ и главныхъ поставщиковъ интеллигентскихъ профессій. Кто не знаетъ также, что для слагавшагося буржуазнаго общества характернѣйшей фигурой былъ всегда самодѣльный человѣкъ изъ буржуазныхъ низовъ, the self made man—на всѣ руки-мастеръ, который, въ пику графамъ Альмавивамъ, работая локтями, всѣми правдами и неправдами лѣзъ на вершину соціальной пирамиды и провозглашалъ верховный принципъ человѣческаго общества—конкуренцію, какъ цирульникъ Фигаро или его прототипъ—Бомарше.

А въ Бомарше попробуйте-ка отдѣлить литератора отъ геніальнаго спекулянта и авантюриста. Похожъ ли этотъ представитель классической буржуазной литературы на „профессіональнаго интеллигента“ въ интерпретаціи Пилецкаго или Череванина?— Разумѣется, такъ же мало, какъ мало походилъ на „профессіональнаго интеллигента“ и нѣмецъ Гете, сынъ буржуазнаго патриція изъ города Франкфурта и тайный совѣтникъ на службѣ у герцога Веймарскаго.

А затѣмъ, тов. Пилецкому было бы невредно открыть любой курсъ западно-европейской литературы, чтобы ознакомиться хотя бы съ такими фактами изъ исторіи англійской буржуазной литературы, какъ тотъ, что основатель такъ назыв. буржуазной драмы въ Англіи Лилло былъ ювелиромъ, а самый выдающійся представитель „сантиментальнаго романа“ Ричардсонъ былъ сыномъ столяра, пробившимся до положенія хозяина типографіи и домовладѣльца, прежде чѣмъ начать-на 50-мъ году—свою литературную карьеру.

Въ томъ то и дѣло, что на первоначальныхъ стадіяхъ капиталистическаго развитія (я разумѣю начальный періодъ европейскаго капитализма, а не современныя отсталыя страны, въ которыя развитой капитализмъ импортируется) трудъ спеціалиста и вообще то говоря еще слабо отдѣленъ отъ труда предпринимателя—торговца, промышленника или отъ карьеры бюрократа. Но неизмѣримо еще въ меньшей степени существуетъ подобное отдѣленіе въ трудѣ писателя и особенно—писателя — художника. Профессіонализмъ въ художественной литературѣ, какъ типичное, бытовое явленіе, сравнительно поздняго происхожденія, и въ первыхъ лучахъ занимающейся буржуазной зари намъ недаромъ рисуется миннезингеръ Гансъ Саксъ, который пѣлъ свои пѣсни и одновременно тачалъ сапоги.

Но намъ совсѣмъ и не надо уходить вглубь прошлаго. Достаточно перебрать въ своей памяти лучшія страницы изъ исторіи русской литературы за большую часть истекшаго 19-го вѣка, чтобы получить богатѣйшій матеріалъ для утвержденія

мысли, что художественно-литературное творчество совсѣмъ не является какимъ то специфическомъ профессіонально-интеллигентскимъ занятіемъ. Напротивъ того. Нѣтъ другого занятія, которое бы такъ легко и такъ бы часто ассоціировалось съ цѣлымъ рядомъ другихъ, и такъ бы рѣдко—до сравнительно недавняго времени—выдѣлялось въ профессію, въ исключительную или главную доходную статью существованія человѣка. Въ частности, въ теченіе всего дворянскаго періода русской литературы оно совмѣщалось съ положеніемъ помѣщика, съ мундиромъ офицера, со службой чиновника.

И даже тогда, когда въ русскую литературу вошелъ разночинецъ-интеллигентъ, этотъ разночинецъ-интеллигентъ, если не по большей части, то во всякомъ случаѣ сплошь и рядомъ долженъ былъ дѣлать свою литературную работу простымъ придаткомъ къ работѣ, которая составляла его главную питательную артерію, будь то занятіе конторщика, контролера на конножелѣзныхъ дорогахъ (Баранцевичъ) или управляющаго имѣніями (Эртель). И развѣ только послѣднее десяти—пятнадцатилѣтіе въ Россіи успѣло внести измѣненія въ это традиціонное положеніе вещей, создавъ нѣкоторыя предпосылки для профессіоналистскаго оформленія труда беллетриста и поэта.

Во всякомъ случаѣ, ясно одно—исторія литературно-художественнаго творчества даетъ сложную и постоянно мѣняющуюся картину различныхъ соціальныхъ положеній и всевозможныхъ комбинацій, но эта исторія не даетъ ни малѣйшаго повода къ выдѣленію „профессіональной интеллегенціи“ въ какую то сверхобычную категорію, одаренную спеціальными талантами по созданію культуры художества. Нѣтъ, каждый изъ классовъ,—и помѣстный, и буржуазной всѣ ранговъ—строилъ культуру художества самъ въ извѣстные моменты своего раэвитія, усиліями тѣхъ изъ своихъ представителей, въ которыхъ наиболѣе ярко запечатлѣлось существо его психики, ея основной колоритъ, ея центральная мелодія.

И съ другой стороны, та же исторія говоритъ, какъ мы видѣли, что и въ самомъ характерѣ литературно-художественнаго творчества нѣтъ элементовъ недоступности его для всѣхъ тѣхъ, кто не прошелъ „академическую“ выучку или не можетъ ради спеціализаціи на этой работѣ ликвидировать свои прочія занятія. Литературно-художественная работа въ этомъ отношеніи гораздо болѣе—если можно такъ выразиться—демократична, чѣмъ наприм., работа философа, ученаго и даже публициста или парламентарія.

И потому—не подлежитъ сомнѣнію, что если пролетаріатъ въ состояніи дать изъ своей среды, правда, какъ рѣдкость, рабочаго-философа Дицгена, если онъ выдѣлилъ первокласныхъ парламентскихъ дѣятелей въ лицѣ Бебеля, Ауэра или нынѣшняго главы Германской парламентской фракціи Шейдемана, если онъ заполнилъ редакціи и создалъ цѣлый штабъ замѣтныхъ публицистовъ писателей, то тѣмъ болѣе—по условіямъ своего пролетарскаго развитія—онъ бы могъ создать и своихъ поэтовъ и беллетристовъ, могъ такъ же образовать въ литературѣ „школу“,—теченіе, какъ и въ общественно-политической жизни.

Болѣе того: положительно нѣтъ другой сферы творчества,

въ которой бы пролетаріатъ былъ такъ свободенъ, такъ абсолютно независимъ отъ „профессіональной интеллигенціи“, какъ именно въ художествѣ. Здѣсь, въ художествѣ, по отношенію къ интеллигенціи онъ находится въ такомъ же, если не болѣе, привилегированномъ положеніи, въ какомъ въ другихъ отрасляхъ, „интеллектуальной“ работы интеллигенція находится по отношенію къ пролетаріату. Ибо, если академическая дипломированность интеллигенціи или ея спеціализація на данной отрасли работы создаетъ громадныя преимущества ей въ наукѣ и публицистикѣ, то эти преимущества становятся до нельзя сомнительными тамъ, гдѣ дѣло идетъ о претвореніи душевнаго міра извѣстной среды въ соотвѣтствующую лирику или о подъитоживаніи своего житейскаго опыта съ этой средой въ художественномъ творчествѣ образовъ.

Здѣсь всѣ минусы на сторонѣ профессіональной интеллигенціи, поскольку эта интеллигенція имѣетъ свой собственный бытъ и этимъ бытомъ отрѣзана отъ быта среды, художественной выразительницей которой она хочетъ явиться; и всѣ плюсы у того, кто органически связанъ съ этой средой, кто самъ—своей собственной личностью—является ея отраженіемъ. Здѣсь всѣ данныя за то, что интеллигенція можетъ поставлять сколько угодно художественныхъ произведеній, а эти произведенія имѣть своимъ объектомъ пролетаріатъ, и все-же подобная литература окажется литературой интеллигенціи, посвященной бытописанію рабочаго класса или воспѣванію его исторической миссіи, но отнюдь не продуктомъ пролетарскаго творчества—пролетарскаго жизнеощущенія. Ибо одно дѣло становиться, какъ обыкновенно говорятъ, на точку зрѣнія рабочаго класса, усваивая извѣстный комплексъ идей, и совершенно другое—становиться на почву его психологіи—живописать міръ, имѣя глаза пролетарія.

Вотъ этого то кардинальнаго различія и не хотятъ знать ни Пилецкій, ни Череванинъ. Они даже какъ будто и не подозрѣваютъ о самой возможности существованія этого различія. По крайней мѣрѣ, это можно сказать о Пилецкомъ, который не только валитъ въ одну кучу художественное творчество и всѣ формы культурнаго и политическаго обслуживанія пролетаріата интеллигенціей, но даже готовъ въ одинъ Ноевъ ковчегъ вмѣстѣ съ творцами пролетарской культуры художества запереть и тѣхъ „опытныхъ чиновниковъ“, о которыхъ напомнилъ ему Августъ Бебель одной своей фразой въ одной изъ когда то имъ сказанныхъ рѣчей. Но увы! Бебель то, конечно, былъ правъ и, возражая канцлеру Бюлову, кстати замѣтилъ ему. что недостатка въ опытныхъ чиновникахъ никогда не будетъ у пришедшей къ власти соціальдемократіи—старые чиновники будутъ служить новой власти, какъ прежней,—и совершенно не правъ, и въ полной мѣрѣ некстати, всуе Пилецкій все это приплелъ въ данномъ случаѣ. Вѣдь, рачительный чиновникъ можетъ—на худой конецъ съ ущербомъ для совѣсти, но безъ особаго ущерба для дѣла,—осуществлять предписанія начальства, взглядовъ котораго онъ не раздѣляетъ; на то онъ и „чиновникъ“, т. е. профессіональный исполнитель чужихъ приказаній.

И рѣшительно не можетъ, еслибы даже хотѣлъ, поступать

такъ—художникъ. Ибо нельзя идти противъ совѣсти—нельзя лгать художественнымъ творчествомъ, нельзя симулировать наличность въ душѣ той психики, которой въ душѣ не имѣется. И если даже этого не понимаетъ Пилецкій, то что же и говорить о другомъ различіи—о различіи между обычной научно-культурной и политической работой разныхъ видовъ и тѣмъ, что носитъ названіе художественнаго творчества?

Это различіе, разумѣется, менѣе разительно-грубо, чѣмъ различіе между такими антиподами, какъ функція, чиновника съ одной стороны, и творчество художественныхъ цѣнностей съ другой; но отъ того оно нисколько не менѣе реально и на каждомъ шагу даетъ себя чувствовать въ жизни.

Правда, и для политика и для ученаго, пріобщиться къ идеологіи ему чуждаго класса не значитъ просто логически усвоить извѣстныя идеи, теоріи, программы и по этому пути логически же слѣдовать дальше. За идеями, теоріями, программами стоитъ опредѣленная воля и нужна опредѣленная же воля, чтобы ихъ усвоить; нужно желаніе солидаризироваться съ интересомъ класса, являющимся въ данной идеологіи рѣшающимъ. Словомъ, необходимо minimum нѣкоторое—въ извѣстныхъ пунктахъ по крайней мѣрѣ—психологическое средство, чтобы быть въ состояніи логически продѣлать или попытаться продѣлать процессъ усвоенія идеологіи.

Поэтому и процессъ усвоенія идеологіи пролетаріата интеллигенціей не проходитъ гладко и безболѣзненно. Идеологія можетъ прекрасно усвоиться отдѣльными интеллигентскими индивидуальностями, и изъ рукъ вонъ плохо усваивается интеллигенціей, какъ слоемъ, когда это усвоеніе становится распространеннымъ, какъ это было, напр. въ Россіи и съ марксизмомъ, и съ практической политикой соціальдемократіи въ теченіе послѣдняго десятилѣтія. Вѣдь, знаемъ же мы, по горькому опыту, какъ марксизмъ усиліями русской интеллигенціи можетъ амальгатироваться съ элементами то буржуазно-либеральнаго, то революціонно-интеллигентскаго мышленія. А развѣ опытъ Европы не говоритъ намъ о томъ же? не показываетъ, какъ полупролетарскій полукрестьянскій, еще въ значительной мѣрѣ интеллигентскій составъ итальянской соціалистической партіи фатально отражается на ея идеологіи? какую роль сыграла во Франціи волна интеллигентскаго мелкобуржуазнаго радикализма періода упадка, волна, ворвавшаяся подъ соціалистическимъ флагомъ въ движеніе 90-хъ годовъ и на своемъ гребнѣ принесшая Мильерана, Бріана и многихъ другихъ, имъ подобныхъ? И не то же ли явленіе приходится отмѣчать и въ Германіи, гдѣ отлично—какъ нигдѣ—работающая партійная машина тѣмъ не менѣе не безъ труда и не всегда безнаказанно перемалываетъ многочисленныя зерна чужеродныхъ идеологій, вошедшихъ въ нее при самомъ энергичномъ участіи той интеллигенціи, которая примкнула къ германской соціальдемократіи послѣ паденія въ 1890 г. исключительнаго закона, противъ соціальдемократіи направленнаго!

Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы можемъ наблюдать психологію въ роли закулиснаго режиссера идеологіи: чуждая пролетаріату психологія дергаетъ невидимыя нити, дергаетъ, напоминая о себѣ общественному слою, который почему либо—при

извѣстныхъ историческихъ условіяхъ, казалось, воспринялъ идеологію пролетаріата, и заставляетъ его приводить въ соотвѣтствіе эту обрѣтенную имъ идеологію съ тѣмъ сравнительно неподвижнымъ, консервативнымъ элементомъ въ себѣ, которымъ является его психологія.

И тогда то и начинается процессъ идеологическихъ передвижекъ и метаморфозъ, который часто на первый взглядъ представляется такимъ прихотливо-неожиданнымъ и малопонятнымъ. А на дѣлѣ, это, вѣдь, только возстановленіе нарушеннаго, было, равновѣсія, реваншъ импрессіонистскому разуму со стороны классового или группового уклада человѣческой психики, наименѣе поддающагося какому бы то ни было регулированію его сознательными усиліми человѣка.

Но именно поэтому, въ силу всего здѣсь только что изложеннаго, литературно-художественное творчество и является категоріей работы, въ которой одинъ общественный слой или одна общественная группа, скажемъ—нѣкоторая часть интеллигенціи, не въ состояніи собою замѣщать другой классъ—въ данномъ случаѣ пролетаріатъ, даже и въ предѣлахъ, въ какихъ это замѣщеніе—съ грѣхомъ пополамъ—практикуется въ сферѣ научной или политической.

Вѣдь, художественное творчество и имѣетъ какъ разъ непосредственно дѣло съ этой самой психологической подпочвой, отъ которой такъ трудно избавиться, которую нельзя—по желанію—взять да и сбросить, но которую такъ же нельзя заимствовать, какъ въ извѣстномъ смыслѣ можно заимствовать цѣлыя группы идей и программы.

Такъ, мы знаемъ, напр., что Жоресъ когда-то, въ 80-хъ годахъ, умѣренно-либеральный-депутатъ или Вольфгангъ Гейне въ юности чуть ли не бывшій антисемитомъ,—съ теченіемъ времени могли, однако, доразвиться до соціалистическаго „символа вѣры“ и, войдя въ составъ партійнаго пролетарскаго цѣлаго, начать говорить его именемъ и въ парламентѣ, и въ народныхъ собраніяхъ, и въ печати. Или, скажемъ, Мерингъ: въ 70-хъ годахъ онъ былъ націоналъ-либераломъ и въ національно-либеральномъ духѣ написалъ свою первую исторію германской соціалдемократіи. А затѣмъ, въ 90-хъ гг., кто не знаетъ, что онъ сталъ оффиціально-партійнымъ историкомъ той же соціалдемократіи и однимъ изъ виднѣйшихъ публицистовъ марксизма.

Но спрашивается, могла ли бы такая же эволюція съ Жоресомъ или Мерингомъ—этими типичными интеллигентами—столь же успѣшно закончиться и въ томъ случаѣ, еслибы она протекала въ сферѣ художественнаго творчества? могли ли бы мы ожидать—еслибы природа надѣлила ихъ даромъ художества, что послѣ обращенія въ соціализмъ они, стряхнувъ свою интеллигентскую психологическую складку, начнутъ создавать то искусство, которое является характернымъ проявленіемъ пролетарскаго художественнаго творчества?

Нѣтъ. Вотъ сѣдельникъ Игнатій Ауэръ, тотъ, внѣ всякаго сомнѣнія могъ бы, дѣйствительно, стать при извѣстныхъ условіяхъ поэтомъ пролетаріата: кто зналъ и слыхалъ этого увлекательнаго оратора и его сверкающую юморомъ и художественными, чисто народными, сравненіями и образами рѣчь, тотъ

непремѣнно долженъ былъ бы признать—это плоть отъ плоти, и кость отъ кости германскаго пролетаріата, это въ сущности недоразвившійся, соблазненный въ политику, пролетарскій поэтъ и сатирикъ. Но Жоресъ и Мерингъ—оба блестящіе стилисты и эрудиты—наоборотъ, типичные, рафинированные съ ногъ до головы „интеллигенты"—въ каждой строкѣ своей полемики, въ каждомъ оборотѣ своего пафоса. Ихъ соціалистическое выявленіе въ художествѣ дало бы, имъ быть можетъ, возможность развернуть замѣчательную художественную дѣятельность, написать работы, обнаруживающія выдающееся изученіе пролетарской среды и яркую антибуржуазную—соціалистическую окраску. Но едва ли бы эти работы оказались много ближе къ пролетарскому *жизнеощущенію*, чѣмъ произведенія той довольно многочисленной соціалистической литературы современнаго Запада, которая такъ характерна не для мірового движенія пролетаріата, а для ощущеній нѣкоторой части европейской интеллигенціи. Едва ли бы такое обращеніе въ соціализмъ для культуры художества было бы чѣмъ либо по существу отличнымъ отъ обращенія покойнаго Эмиля Золя или нынѣ здравствующихъ Анатоля Франса и Верхарна.

Но намъ и не нужно—собственно говоря—строить подобныхъ предположеній, психологически вѣроятныхъ, но все же немного гадательныхъ, а потому, при желаніи, могущихъ быть отведенными усиліями оппонентовъ. Мы, слава богу, живемъ въ Россіи, гдѣ опытъ съ пріобщеніемъ соціалистической интеллигенціи къ психологіи другихъ общественныхъ классовъ, сначала крестьянства, а потомъ и пролетаріата,—имѣетъ за себя пятидесятилѣтнюю исторію. Казалось бы, можно и нужно у этого опыта кое-чему поучиться, и казалось бы, послѣ него русскому публицисту-марксисту по рабы оставить надежды на интеллигенцію, какъ на тотъ животворной элементъ, при содѣйствіи котораго только и сможетъ сложиться художественная культура пролетаріата.

Вѣдь, разночинная интеллигенція, какъ только появилась на горизонтѣ русской исторіи, такъ чуть ли не съ перваго шага, еще раньше, чѣмъ успѣла общественно-полптически оформиться, начала создавать свое художество. И это художество было художествомъ крестьянства и городской бѣдноты въ томъ смыслѣ, что оно въ своей значительной части посвящено было имъ, что взоры художниковъ неизмѣнно тянулись къ „народу", и „народъ" былъ ихъ центральной фигурой.

Рѣшетниковъ изъ глубины своей пермской губерніи привезъ „Подлиповцевъ". Левитовъ, перевидавъ въ своей многострадальной жизни всѣ кабаки и ночлежки столицъ, выволокъ оттуда свою босяцкую Русь еще за тридцать лѣтъ до того, какъ этихъ босяковъ воспѣлъ Максимъ Горькій. Николай Успенскій рисовалъ свои крестьянскія сценки, и даже Помяловскій отъ своихъ Очерковъ бурсы и Молотова обращался къ своимъ „Порѣчанамъ". А дальше, устремленіе интеллигенціи къ „народу" сдѣлалось еще глубже и напряженнѣе: появились „нравы Растеряевой улицы" Глѣба Ивановича Успенскаго, а затѣмъ и вся эпопея его наблюденій надъ крестьянствомъ, его жажда проникнуть въ его психологію и проникнуться ею.

Рядомъ же романтика Златовратскаго чертила мудреные узоры на психологіи крестьянина, искусно сплетая интеллигентски-надуманное съ подлинно подслушаннымъ у жизни. И еще дальше Каронинъ завершалъ эту линію художественнаго „хожденія въ народъ" той интеллигенціи, которая не просто бытописала народъ—мало ли и до нея его бытописали, начиная съ Григоровича и Тургенева—но и дѣлала отчаянныя усилія психологически слиться съ народомъ, ибо въ этой психологіи она прозрѣвала источникъ великихъ обѣтованій—залогъ будущаго счастья на землѣ.

И что же сталось въ художествѣ съ этой линіей, обрѣло ли крестьянство или другой общественный классъ „народа" свое литературное въ ней выраженіе? Создалась ли крестьянская литература не въ смыслѣ литературы о крестьянствѣ, а въ смыслѣ литературы, надъ созданіемъ которой поработала коллективная психика этого класса? Можно ли про „народническую" литературу хотя бы съ малѣйшей тѣнью права сказать, что она—литература „народная", какъ народны тѣ пѣсни, которыя, неизвѣстно кѣмъ сложенныя, распѣваются русскимъ крестьянствомъ, какъ народенъ Шевченко?

Разумѣется, нѣтъ. Но эта народническая художественная литература есть незабвенный памятникъ, который разночинная интеллигенція извѣстнаго общественнаго періода воздвигла себѣ и своей психологіи; это первоисточникъ, по которому всегда будутъ изучать психологію крестьянофильства русской интеллигенціи и природу ея соціализма, первоисточникъ, на основаніи котораго будетъ возможно вылѣпить фигуру правдоискательствующаго интеллигента 60 и 70-хъ годовъ.

А, вѣдь, сколько самого пристальнаго, самого любовнаго изученія крестьянства, какое детальное знаніе быта, сколько психологическихъ чертъ крестьянина запечатлѣлось въ истинно художественныхъ образахъ! И всего этого оказалось мало, недостаточно... И все это — не художественная культура крестьянства, а лишь первая формація художественной культуры той разночинной интеллигентской демократіи, которая только что вышла передъ тѣмъ изъ своего историческаго небытія.

Да, скажутъ намъ, но это, вѣдь, опытъ интеллигенціи съ крестьянствомъ, и притомъ съ крестьянствомъ въ періодъ его общественной неподвижности и несознательности. Отчего бы, однако, опыту интеллигенціи не оказаться болѣе удачнымъ въ приложеніи къ пролетаріату? Вѣдь, пролетаріатъ, въ противоположность крестьянству, совсѣмъ не является сфинксомъ, котораго нужно еще разгадать; онъ такъ ярокъ въ своемъ движеніи, такъ опредѣленъ,—весь тутъ на ладони, наблюдай и бери, напитывайся его психологіей, становись его пѣснопѣвцемъ!...

— Какъ бы не такъ! Нелицепріятная исторія говоритъ совершеннно другое, а именно: что опытъ интеллигенціи съ пролетаріатомъ, въ смыслѣ художественныхъ пріобрѣтеній еще куда болѣе плачевенъ, чѣмъ предъидущій опытъ съ „народомъ" крестьянофильской интеллигенціи.

Ея собственно вовсе и нѣтъ—интеллигентской литературы о пролетаріатѣ, нѣтъ въ смыслѣ опредѣленной струи, на подобіе той, которая такъ явственно вливала свои воды въ русскую об-

щественность перваго тридцатилѣтія пореформенной жизни. Немногія произведенія — вродѣ Вересаевскаго „Конца Андрея Ивановича“ — стоятъ одиночками, случайными эпизодами въ литературѣ, у которыхъ нѣтъ ни предшественниковъ, — кромѣ, впрочемъ, произведеній народниковъ, и въ этомъ отношеніи давшихъ художественно цѣнный матеріалъ (вспомнимъ Каронинскій очеркъ „Снизу вверхъ“)—ни наслѣдниковъ, ни одновременно къ той же цѣли идущихъ товарищей. Даже и въ творчествѣ самого Вересаева эпизодично это обращеніе къ рабочей средѣ. И только Горькій одинъ вноситъ извѣстный диссонансъ въ это общее—какъ будто— равнодушіе литературы къ пролетаріату, литературы того поколѣнія, которое было такъ неравнодушно къ пролетаріату въ его общественно-политическомъ движеніи. Да, вѣдь, и то сказать: Горькій не интеллигентъ, но представитель низовъ, а затѣмъ и въ творчествѣ Горькаго — неслучайно — самыя неудачныя страницы именно тѣ, которыя посвящаются рабочему классу...

Но равнодушіе ли это?—Я думаю, нѣтъ. Это скорѣе безсиліе, сознаніе трудности перескочить черезъ ту бытовую, психологическую пропасть, которая отдѣляетъ интеллигенцію, какъ общественный слой, даже въ ея революціонной разновидности, отъ пролетаріата, какъ класса.

Вѣдь, такой пропасти не было даже между старымъ разночинцемъ и крестьяниномъ. Ибо сколько психологическихъ нитей, тянувшихся къ дѣтямъ деревни, привозило съ собою въ городъ то „молодое поколѣніе“ 60 и 70-хъ г.г., которое выходило изъ семей захолустныхъ дьячковъ и всякаго мелкаго провинціальнаго люда. Но даже такого психологическаго, бытового касанія нѣтъ у современной интеллигенціи съ пролетаріатомъ, и если въ политикѣ это отсутствіе касанія до поры до времени не давало себя знать, то оно даетъ себя знать самымъ чувствительнымъ образомъ—въ художествѣ.

Гдѣ ужъ тутъ быть интеллигентской литературѣ пролетаріата, когда нѣтъ даже самой первичной интеллигентской литературы о пролетаріатѣ. И это за періодъ почти въ четверть вѣка! И какой четверти вѣка! Когда ветхозавѣтный русскій человѣкъ въ героической повседневной борьбѣ вырабатывалъ изъ себя европейца! Сколько захватывающаго психологическаго интереса! Какой матеріалъ для художника!

И этого художника нѣтъ!

Но, можетъ быть, русская интеллигенція всего лучшаго періода ея существованія подлежитъ отводу? Можетъ быть, не она, но интеллигенція современнаго европейскаго общества—въ неизвѣстной части своей — таитъ въ себѣ эти не осуществившіяся до сихъ поръ возможности? Вотъ тезисъ, который, однако, всѣмъ бременемъ ложится на того, который бы захотѣлъ его поддерживать!

На этомъ, собственно говоря, я могъ бы и кончить эту часть своей аргументаціи. Но прежде чѣмъ кончить, мнѣ бы хотѣлось предупредить два возможныхъ недоразумѣнія при толкованіи здѣсь сказаннаго.

Во первыхъ, я нигдѣ не говорю объ индивидуальныхъ исключеніяхъ. Не существуетъ, конечно, непреодолимаго препятствія къ тому, чтобы—въ любой общественной средѣ—явился талантъ или геній и, силою случайнаго стеченія обстоятельствъ своей жизни, смогъ стать выразителемъ пролетаріата и его психологіи. Я все время оперирую не съ понятіемъ индивидуальности, а съ понятіемъ группового-коллективнаго творчества, которое въ литературѣ представляется тѣмъ, что обычно называется — теченіемъ. Такъ была широкая рѣка дворянской литературы нашихъ классиковъ. Такъ есть струя разночинства въ литературѣ. Но нѣтъ и не можетъ быть аналогичной струи интеллигентской литературы, выполняющей за пролетаріатъ роль творца недостающей ему культуры художества. Только это и хотѣлъ я сказать вышеизложеннымъ, возражая противъ утопіи, на мой взглядъ, весьма странно звучащей въ марксистскихъ устахъ.

И во вторыхъ, говоря: литература пролетаріата, я не думаю замыкать эту литературу въ рамки изображенія лишь одного пролетарскаго класса, нѣтъ, я имѣю въ виду *литературу пролетарскаго жизнеощущенія* во всемъ ея цѣломъ, о чемъ бы ни трактовала эта литература, какой бы предметъ ни брала объектомъ своего вдохновенія.

Но объ этомъ мнѣ еще придется говорить въ дальнѣйшемъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. Потресовъ.

P. S. Моя статья была уже набрана, когда въ только что вышедшемъ 1-мъ № журнала „Борьба“, въ „Письмахъ о пролетарской литературѣ“ А. Луначарскаго я прочелъ нижеслѣдующія строки:

„Въ высшей степени не правы тѣ, которые, какъ напримѣръ Потресовъ, стремятся доказать, что литература, беллетристика, для рабочаго есть роскошь, для которой онъ, во первыхъ, не находитъ времени, и которая, во вторыхъ, вещь относительно излишняя въ его борьбѣ, ему де нужно оружіе, а не цвѣты“.

Я не знаю, что означаютъ эти строки: то ли, что А. Луначарскій моихъ статей о культурѣ не читалъ, хотя и счелъ возможнымъ сдѣлать противъ меня этотъ небольшой полемическій выпадъ, или что либо другое. Во всякомъ случаѣ, я предлагаю Луначарскому подтвердить это свое утвержденіе точными выдержками изъ моихъ статей. Ибо негоже свою аудиторію вводить въ заблужденіе, *приписавъ* человѣку, съ которымъ вступаешь, хотя и мимоходомъ въ политику, *то, чего онъ никогда не говорилъ*.

А. П.

Политическое Обозрѣніе.

Въ царствѣ призраковъ.

Когда въ 1906 г. первая Дума боролась съ министерствомъ Горемыкина, о Госуд. Совѣтѣ совсѣмъ не было слышно. Такъ какъ будто его не существовало. И это было такъ естественно. Что было дѣлать тогда этому архаическому учрежденію, этому призрачному парламенту? Поддерживать министерство Горемыкина? Но оно не нуждалось въ такой поддержкѣ. Сила его ни въ малѣйшей степени не зависѣла отъ поддержки Госуд. Совѣта. А если бы министерство уступило Думѣ, тогда Гос. Совѣтъ, тоже уступилъ бы. Наполненный старыми бюрократами и сдобренный нѣсколько выборными представителями, онъ просто былъ какимъ то привѣскомъ къ министерству, способнымъ смѣть свое сужденіе имѣть только постольку, поскольку это допускало министерство.

А теперь? Теперь какъ будто все измѣнилось. Призраки ожили, начали какъ будто одѣваться плотью и кровью, а реальные вещи превратились въ призраки. Дума 3 іюня не настоящее народное представительство. Но все таки она кого то представляетъ — землевладѣльцевъ, имущіе слои города. И въ третьей Думѣ хотя не было настоящей яркой жизни, но пульсъ жизни все таки бился. Четвертая же является какимъ то живымъ мертвецомъ. Особенно въ послѣднюю сессію. Депутаты совсѣмъ охладѣли къ работѣ. Они просто не идутъ въ Думу. Трудно бываетъ чисто собрать кворумъ. Въ началѣ сессіи въ думскихъ кругахъ прямо тревожно дебатировался вопросъ, какъ бороться съ абсентеизмомъ депутатовъ. Охладѣли къ думѣ ея члены, охладѣла еще больше публика. Думой какъ то перестали интересоваться. Скоро, кажется, многіе начнутъ сомнѣваться въ самомъ сушествованіи этой Думы. И вотъ въ то время какъ Дума превратилась въ какой то живой трупъ, призрачный парламентъ — Государственный Совѣтъ вдругъ зажилъ яркой жизнью. Онъ сдѣлался предметомъ всеобщаго вниманія. О засѣданіяхъ его, по слухамъ, заговорили даже заграницей.

Что же превратило этотъ призрачный парламентъ въ реальность? Выдвинулъ ли онъ какіе нибудь больные вопросы русской жизни и, выдвинувши, нашелъ новые пути для ихъ разрѣшенія? Всеобщее вниманіе къ Гос. Совѣту привлекло обсужденіе имъ законопроекта о борьбѣ съ пьянствомъ. Пьянство, конечно, большое зло, но не единственное и не главное зло русской жизни. Почему же вопросъ о борьбѣ съ пьянствомъ такъ неестественно выпятился и пріобрѣлъ вдругъ такое огромное значеніе? Изобрѣлъ ли Гос. Совѣтъ по крайней мѣрѣ какое нибудь новое и дѣйствительное средство для борьбы съ

пьянствомъ. Нѣтъ, онъ обсуждалъ тотъ законопроектъ о борьбѣ съ пьянствомъ, который былъ выработанъ третьей Думой, и даже этотъ законопроектъ, самъ по себѣ очень мало дѣйствительный для борьбы съ пьянствомъ, изуродовалъ, лишилъ реальнаго содержанія. Главнымъ пунктомъ этого законопроекта было предоставленіе права сельскимъ обществамъ постановлять запретительные приговоры относительно винныхъ лавокъ. Значеніе этого пункта Гос. Совѣтъ уничтожилъ отверженіемъ другого пункта законопроекта Думы, лишавшаго землевладѣльцевъ возможности открывать винныя лавки на своихъ земляхъ. Эту возможность пожалѣлъ Гос. Совѣтъ, онъ оставилъ ее для землевладѣльцевъ, и тѣ винныя лавки, которыя будутъ изгонять изъ своихъ земель сельскія общества, будутъ просто перекочевывать на земли землевладѣльцевъ.

Но если ничего новаго Гос. Совѣтъ не изобрѣлъ и даже то, что выработала Дума, изуродовалъ, то спрашивается, изъ за чего производился шумъ, чѣмъ Гос. Совѣтъ сумѣлъ привлечь къ себѣ такое усиленное вниманіе?

Все дѣло въ томъ, что вопросъ о борьбѣ съ пьянствомъ былъ преподнесенъ тамъ подъ особымъ пикантнымъ соусомъ. Въ Госуд. Совѣтѣ раздались настоящіе трубные звуки. Пьянство вдругъ оказалось чуть не сновнымъ порокомъ, разорявшимъ и цродолжающимъ дальше раззорять Россію. И къ отвѣту за это было потянуто министерство финансовъ въ лицѣ г. Коковцева. Это оно потворствовало пьянству. Это оно спаивало Россію. И въ качествѣ главнаго обвинителя выступилъ... г. Витте. Странное и двусмысленное положеніе его было при этомъ. Если это спаиваніе народа происходило путемъ винной монополіи, то вѣдь творцомъ этой винной монополіи былъ самъ графъ Витте. Но гр. Витте нашелъ выходъ изъ затруднительнаго положенія: не винная монополія виновата, а неумѣлое пользованіе ею. Цѣлью реформы было, видите ли, уменьшеніе пьянства. Но эта цѣль, преслѣдовавшаяся при гр. Витте, при г. Коковцевѣ „отошла на задній планъ, а на первый выступило выкачиваніе съ народа посредствомъ питейной монополіи денегъ въ казну“.

„Во время войны, утверждалъ затѣмъ дальше г. Витте, въ виду надобности въ деньгахъ былъ сдѣланъ усиленный „нажимъ“ на извлеченіе изъ питейной монополіи обширныхъ денежныхъ средствъ. Нажимъ этотъ далъ съ казначейской точки зрѣнія прекрасные результаты: доходы казны отъ питейной монополіи съ 1904 года почти удвоились, увеличившись на 500 м. р. въ годъ. Въ 1904 г. валовой доходъ отъ винной монополіи равнялся 543 м. р. Въ 1914 г. по росписи ожидается доходъ въ размѣрѣ 935 м. р., но гр. Витте полагаетъ, что онъ будетъ равенъ не менѣе чѣмъ милльярду. Это огромное увеличеніе дохода отъ винной монополіи гр. Витте въ другой своей рѣчи изображаетъ красочно такъ: „Россійская имперія существуетъ болѣе тысячи лѣтъ, тѣмъ не менѣе до послѣдняго десятилѣтія питейный доходъ достигалъ только полумилльарда рублей, и вдругъ въ теченіе однихъ только десяти лѣтъ онъ увеличился настолько, настолько онъ въ имперіи увеличивался въ тысячи лѣтъ. Нормально ли это, спрашиваетъ г. Витте.

Г. Коковцевъ совершенно растерялся отъ этого неожидан-

наго натиска. Онъ пытался сначала въ качествѣ возраженія указывать на то, что онъ шелъ только по стопамъ гр. Витте и что политика его ничѣмъ не отличалась отъ политики послѣдняго. Но на гр. Витте это не подѣйствовало. Онъ поднялъ брошенную перчатку и повелъ аттаку на ново. Пусть, отвѣтилъ онъ, я „надѣлалъ массу ошибокъ, которыя привели руссій народъ къ тому ужасающему пьянству, которое въ настоящее время разворяетъ Россію. Естественно что мнѣ это больно, и вотъ я и желаю, чтобы, наконецъ, были исправлены тѣ ошибки, грубѣйшія ошибки, которыя сдѣлалъ Витте введеніемъ этой питейной монополіи, но вижу, что въ теченіе 10 лѣтъ этихъ ошибокъ не исправляютъ, и все остается въ такомъ же видѣ, а народъ все больше пьетъ и идетъ къ полнѣйшему разоренію".

Итакъ пьянство источникъ всѣхъ золъ, пьянство губитъ Россію. Въ отстаиваніи этой точки зрѣнія графу Витте по мѣрѣ силъ и умѣнья помогалъ въ Гос. Совѣтѣ и цѣлый рядъ другихъ ораторовъ. Вотъ напр. гр. Толь (по отчету „Рѣчи"):

„Деревня превратилась въ сплошной кошмаръ пьяныхъ; пьютъ всѣ, пьютъ взрослые, пьютъ женщины, пьютъ подростки, и дѣти, живя въ мрачной атмосферѣ разгула, слѣдуютъ примѣру отцовъ. Честные домовитые крестьяне исчезли и ихъ мѣсто заняла орава пьяныхъ. Населеніе отошло отъ церкви и число преступленіи увеличивается. Передъ нашими глазами разворачиваются картина убійствъ поджоговъ и даже изнасилованій скопомъ. Дѣти пропойцъ и алкоголиковъ слабовольны и слабосильны. Недородъ у насъ сдѣлался явленіемъ почти обычнымъ. Все чаще приходиться видѣть тощую руку протягивающуюся къ царскому пайку

Такія и подобныя рѣчи раздавались и изъ устъ другихъ ораторовъ. И ораторы изъ Государственнаго Совѣта настолько оглушили себя звуками собственнаго краснорѣчія, что окончательно повѣрили въ побѣдоносность своего похода противъ страшнаго врага, разворяющаго Россію. Презрительно, напр., отбросилъ г. Кони, указаніе на культурный подъемъ, какъ на единственное вѣрное средство борьбы съ пьянствомъ.

„Господа, заявилъ онъ, есть превосходная малороссійская пословица: пока солнце взойдетъ, роса глаза выѣстъ. Вѣдь это будетъ и у насъ. Нельзя въ данномъ случаѣ отказываться отъ борьбы, а ждать подъема культуры — это и значитъ отказаться отъ борьбы, т. е. отказаться отъ дальнобойныхъ орудій по отношенію къ врагу и замѣнить ихъ китайскимъ бумажнымъ змѣемъ". Итакъ подъемъ культуры это—бумажный змѣй, а „дальнобойныя орудія" это—запретительные приговоры, въ результатѣ которыхъ винная казенная лавка будетъ только перекочевывать изъ крестьянскихъ земель на помѣщичьи? Г. Кони можетъ возразить, что бумажнымъ змѣемъ онъ считаетъ только ожиданіе культурнаго подъема. Но почему же его ждать, почему не бороться за него, почему не добиваться свободнаго доступа въ деревню книгъ, библіотекъ, организацій всякаго рода чтеній, клубовъ? Почему не добиваться измѣненія матерьяльныхъ условій, которыя сдѣлали бы возможнымъ подъемъ культуры? Почему? Да если бы эти нормальныя дѣйствительныя средства борьбы съ пьянствомъ можно было бы пустить въ ходъ, развѣ тогда была бы возможна нелѣпая шумиха, которую произвелъ Государственный Совѣтъ по вопросу о пьянствѣ. Развѣ люди вродѣ

г. Кони осмѣлились бы тогда законопроекты, лишенные всякаго серьез-наго содержанія, выдавать за дальнобойныя орудія? И развѣ гг. Витте, Толь и др. осмѣлились бы тогда клеветать на руссій народъ? Да, клеветать. Потому что теменъ и невѣжественъ нашъ народъ и некультуренъ, но клевета, что онъ состоитъ поголовно изъ пьяницъ, клевета, что пьянство въ нашемъ народѣ все больше и больше усиливается и что отъ пьянства онъ разворяется. Ничего подобнаго не говорятъ объективныя цифры.

Возьмемъ въ самомъ дѣлѣ цифры душевого потребленія вина (въ ведрахъ 40%), начиная съ 1863 г. Что мы изъ этихъ цифръ увидимъ? Въ среднемъ по десятилѣтіямъ это душевое потребленіе равнялось:

Въ	1863—1872 гг.	—0,91
„	1873—1882 „	—0,78
„	1883—1892 „	—0,58
„	1893—1902 „	—0,51
„	1903—1912 „	—0,56

Какъ видимъ, чортъ не такъ страшенъ, какъ его малевали въ Гос. Совѣтѣ. Народъ нашъ вовсе не спивается все больше и больше. Пьянство у насъ даже сильно уменьшилось по сравненію съ 60-ми и 70-ми гг. Паденіе—и сильное паденіе — душевого потребленія вина наблюдалось въ первыя три десятилѣтія. Затѣмъ оно прекратилось. Прекратилось какъ разъ съ того времени, какъ подъ руководствомъ гр. Витте начала вводиться винная монополія. По годамъ это выступаетъ еще яснѣе. Съ 1892 — 1893 гг. паденіе душевого потребленія пріостанавливается. До 1906 года оно обнаруживаетъ только годичныя колебанія колеблясь въ обѣ стороны между 0,49 и 0,54.

Въ 1906 году получается рѣзкій скачекъ вверхъ—до 0,60, Въ Стат. по каз. прод. питей „поднятіе душевого потребленія отчасти въ 1905 г., а затѣмъ въ 1906 г." объясняется «событіями, охватившими въ эти годы Россію. Вообще исторіей потребленія спиртныхъ напитковъ устанавливается, что всякій нервный подъемъ и потрясеніе въ народѣ влечетъ за собой повышеніе душевого потребленія (1848 г. въ Германіи, 1970—1871 г. во Франціи)".

Къ этому объясненію, по скольку оно касается Россіи, слѣдуетъ внести существенную поправку. Въ 1905 г. душевое потребленіе вина существенно не повысилось, повышеніе его по сравненію съ предыдущими годами не выходило за предѣлы нормальныхъ колебаній, душевое потребленіе въ этомъ году было ровно только 0,53. И только въ 1906 году, когда нервное напряженіе перестало благодаря побѣдамъ реакціи находить прежній выходъ, только тогда душевое потребленіе сдѣлало значительный скачекъ вверхъ. Но затѣмъ оно начало слабѣть и въ 1909 г. достигло уровня 0,55, затѣмъ паденіе смѣнилось повышеніемъ въ 1910—1912 гг. въ явной связи съ высокими урожаями и высокой промышленной коньюнктурой этихъ лѣтъ т. к. такое явленіе наблюдалось и раньше. Но ни въ одномъ и изъ послѣднихъ лѣтъ душевое потребленіе не достигало уровня 1906 г., который въ свою очередь, какъ мы видѣли, значительно ниже средняго душевого потребленія въ 60-хъ и 70-хъ гг.

Вотъ дѣйствительная картина движенія пьянства. не дающая, какъ видимъ, никакого основанія для тѣхъ мрачныхъ заявленій о непрерывнымъ ростѣ пьянства и вызываемымъ этимъ ростомъ раззореніи крестьянства, которыя раздавались въ Госуд. Совѣтѣ.

Что касается дохода казны отъ пьянства, то онъ росъ сильнѣе, чѣмъ росло количество всего продаваемаго вина, благодаря повышенію цѣны на вино. Каковъ будетъ доходъ отъ винной монополіи въ 1914 г., мы не знаемъ, т. к. пока еще начало года и каково будетъ экономическое положеніе населенія въ этомъ году, совершенно не ясно. Предположенія на этотъ счетъ гр. Витте поэтому совершенно гадательны. Если же мы возьмемъ послѣдній годъ, за который имѣются точныя свѣдѣнія,—1912 г, то окажется что за 8 лѣтъ—съ 1904 по 1912 г.—продано вина больше на 37,2%, а выручено за него на 51,7% больше.

Финансовое вѣдомство такимъ образомъ умѣло эксплуатируетъ народный порокъ.

У насъ въ Россіи, при низкомъ культурномъ уровнѣ населенія, при отсутствіи у массы его разумныхъ развлеченій и при общемъ очень тяжеломъ характерѣ жизни, водка является неистребимой потребностью, и на уменьшеніе ея потребленія народъ идетъ очень неохотно. Поэтому только очень рѣзкое повышеніе цѣны вина можетъ вызывать сокращенія его потребленія. Вѣроятно этимъ рѣзкимъ повышеніемъ цѣны и объясняется паденіе потребленія въ первыя десятилѣтія.

Но если цѣна отъ года къ году возростаетъ не въ два или полтора раза, а на какихъ нибудь 1—2%, это на потребленіе не оказываетъ никакого вліянія. И вотъ такимъ умѣлымъ способомъ финансовое вѣдомство и добываетъ лишнія деньги съ народа. Такъ было при г. Коковцевѣ, но такъ было и при г. Витте.

Конечно, я не чувствую никакого желанія обѣлять г. Коковцева и снимать съ него отвѣтственность за эксплоатацію народнаго порока. Но г. Коковцевъ только маленькое звено въ бюрократическомъ механизмѣ и отвѣтственность онъ можетъ нести только вмѣстѣ со всей бюрократіей и вмѣстѣ, конечно, съ гр. Витте.

Во всякомъ случаѣ рость пьянства среди народа г. Коковцевъ не вызывалъ. И самый этой ростъ, это мнимое превращеніе нашего народа въ поголовное скопище пьяницъ существуетъ только въ воображеніи ораторовъ Гос. Совѣта.

Почему же разыгралось такъ воображеніе членовъ Гос. Совѣта, почему пьянство у нихъ пріобрѣло такіе чудовищные размѣры и почему столько страсти и энергіи они проявили въ своемъ походѣ на пьянство? Да потому что на дѣйствительныя бѣды, разъѣдающія Россію, глаза ихъ закрыты благодаря ихъ соціальному положенію и потому затѣмъ, что для значительной части членовъ Гос. Совѣта вопросъ о пьянствѣ далъ пріятную возможность сосчитаться съ ненавистнымъ имъ министромъ финансовъ г. Коковцевымъ. Г. Коковцевъ не дѣлалъ никакихъ попытокъ итти серьезно на встрѣчу вожделѣніямъ аграріевъ, онъ даже не дѣлалъ вида, что собирается предпринять что нибудь въ этомъ направленіи. Настолько онъ былъ недальновиденъ. Какъ предсѣдатель совѣта министровъ, г. Коковцевъ также не сумѣлъ установить добрыхъ отношеній съ правыми и націоналистами; онъ не покровительствовалъ имъ. Онъ только не мѣшалъ націоналистической политикѣ, но не поддерживалъ ее съ той страстью и энергіей, съ которыми ее поддерживалъ покойный Столыпинъ. Правые и націоналисты дарили за это г. Коковцева самой непримиримой ненавистью. И вотъ въ вопросѣ о пьянствѣ они съ нимъ сосчитывались.

Ненависть къ г. Коковцеву окрылила Гос. Совѣтъ, дала подлежащій полетъ его воображенію. И въ итогѣ былъ созданъ настоящій фантомъ—пьянство, какъ источникъ всѣхъ бѣдъ Россіи. Онъ сдѣлалъ видъ при этомъ, что онъ борется, настоящимъ образомъ борется съ пьянствомъ, но и борьба эта носила также совершенно фантастическій характеръ. Ничего реальнаго въ смыслѣ борьбы Гос. Совѣтъ, какъ мы видимъ, не изобрѣлъ, а на крайнее средство, которое ему предложилъ гр. Витте, на фиксацію питейнаго дохода онъ, конечно, не пошелъ. Еще бы ему пойти, когда самъ Витте нарисовалъ такую страшную картину.

„Представьте себѣ, говорилъ онъ что съ введеніемъ монополіи, съ 1904 г. энергическими и совокупными дѣйствіями правительства и общества, расходы народа на водку не уменьшились бы—объ этомъ я уже не говорю,—а хотя бы только не увеличились—такъ. что расходы народа на водку остались бы въ той же цифрѣ, весьма почтенной. больше полумилльярда рублей, то послѣ войны, въ 1903 г. дефицитъ былъ бы не въ 150 м. р. а въ 200 м. р. затѣмъ дефицитъ все увеличивались бы и въ 1914 году у насъ не только не было бы теперешней наличности въ 500 м. р. напротивъ того былъ бы дефицитъ въ 1250 м. р. который въ теченіе истекшихъ послѣднихъ семи лѣтъ пришлось бы покрывать займами или вводить новые налоги, такъ какъ почти всѣ дѣйствовавшіе ренѣе налоги и сборы, въ томъ числѣ особливо желѣзнодорожные, во время и по случаю войны были значительно повышены, и съ тѣхъ поръ не уменьщены?

1251 м. р. тогда нужно было бы добыть по меньшей мѣрѣ! Откуда? Другими косвенными налогами? спичечнымъ, табачнымъ, сахарнымъ? Самый крупный изъ нихъ сахарный, но масса населенія у насъ до сихъ поръ употребляетъ сахаръ въ небольшомъ количествѣ и всякія повышенія обложенія будутъ на потребленіи сахара отражаться гораздо чувствительнѣе, чѣмъ на потребленіи вина. Или можетъ быть увеличивать таможенное бложеніе? Но оно и безъ того чрезвычайно велико. Да и странно было бы спасать народъ отъ пьянства путемъ его раззоренія другими налогами, если бы пьяный налогъ даже можно было бы замѣнить другими. Но замѣнить его очень трудно. Вѣдь не нужно забывать, что чистый доходъ отъ винной монополіи, если его причислить къ налогамъ, вмѣстѣ съ сборами съ питей, составляетъ у насъ почти 2/5 всей суммы прямыхъ и косвенныхъ налоговъ[1]).

Ясно, поэтому, какъ день, что если бы удалось ограничить пьянство, фиксировать его на одномъ уровнѣ, не смотря на

[1]) По росписи на 1914 г. вся сумма прямыхъ и косвенныхъ налоговъ вмѣстѣ съ чистымъ доходомъ отъ винной монополіи равняется 1901 м. р. чистый доходъ отъ винной монополіи—695 м. р. (36,6%), а вмѣстѣ съ сборами съ питей, весь доходъ казны отъ питей—750 м. (39,4%).

ростъ населенія, и вмѣстѣ съ нимъ фиксировать и доходъ отъ пьянства, то пришлось бы приступить къ усиленному обложенію имущихъ классовъ.

И при настоящихъ условіяхъ это обложеніе должно было быть особенно большимъ, значительно превосходя обложеніе въ другихъ странахъ. Потому что сумма чистого дохода за вычетомъ нормальнаго минимума необходимаго для жизни, у насъ по сравненію съ другими странами, очень невелика.

Другое дѣло, если бы одновременно была произведена радикальная реорганизація государственнаго хозяйства, если бы радикально были пересмотрѣны государственные расходы и существенно сокращены, если бы обращено было вниманіе на болѣе раціональное веденіе у насъ огромнаго государственнаго хозяйства и на повышеніе его прибыльности, если бы средства государственныя употреблялись болѣе раціонально и въ большихъ размѣрахъ на развитіе производительныхъ силъ страны, о, тогда другое дѣло.

Тогда и обложеніе имущихъ классовъ потребовалось бы въ меньшихъ размѣрахъ, и оно—при сильномъ экономическомъ развитіи страны—было бы для нихъ менѣе чувствительно. А то извольте ли—доходъ, который такъ легко и свободно текъ изъ народнаго кармана въ государственное казначейство, добывать изъ кармана имущихъ классовъ! Наполненный представителями этихъ классовъ, Гос. Совѣтъ на это, конечно, не пошелъ и фиксацію, предложенную гр. Витте, отвергъ.

Итакъ нашъ призрачный парламентъ занимался совершенно призрачной работой? Нѣтъ не совсѣмъ. Нападенія на г. Коковцева дали какъ будто реальный результатъ. Г. Коковцевъ, долженъ былъ подать въ отставку. Выходитъ, что Гос. Совѣтъ не только изъ призрака парламента превратился въ реальность, но началъ даже свергать министерства.

А такъ какъ г. Коковцевъ исправлялъ двѣ должности—министра финансовъ и предсѣдателя совѣта министровъ, то его оказалось возможнымъ замѣнить двумя лицами—на должности министра финансовъ г. Баркомъ, на должности предсѣдателя совѣта министра—г. Горемыкинымъ. И по крайней мѣрѣ первое замѣщеніе находится въ явной связи съ походомъ Гос. Совѣта на г. Коковцева, т. к. на Барка какъ разъ возложено реформированіе финансовой политики и именно реформированіе въ смыслѣ прежде всего борьбы съ пьянствомъ и потомъ еще въ смыслѣ улучшенія постановки кредита.

Итакъ Гос. Совѣтъ произвелъ реальный результатъ? да если вѣрить въ реальность г. Барка, какъ реформатора финансовой политики. А повѣрить въ это чрезвычайно трудно. Мы указывали, что борьба, настоящая реальная борьба съ пьянствомъ, возможна только при радикальномъ измѣненіи всего облика русской жизни, при совершенно свободной работѣ всѣхъ стремящихся къ поднятію культурнаго уровня народа, при полной реорганизаціи бюджета, при перенесеніи налоговой тяжести на плечи богатыхъ слоевъ населенія. Можетъ быть г. Баркъ вмѣстѣ съ г. Горемыкинымъ собираются осчастливить Россію этимъ радикальнымъ измѣненіемъ условій ея жизни? Въ это очень трудно повѣрить.

Потомъ еще насчетъ „кредита“. Миссія г. Барка въ этомъ направленіи получила авторитетное толкованіе изъ устъ г. Савенко на съѣздѣ націоналистовъ.

Г. Савенко прочелъ на этомъ съѣздѣ докладъ о „націонализаціи кредита“, докладъ, имѣвшій большой успѣхъ.

„Націонализація экономическихъ отношеній, говорилъ онъ по отчету „Рѣчи“ тамъ же законна какъ и національная политики, такъ какъ тотъ, кто безсиленъ экономически, тотъ безсиленъ и политически... Въ Россіи произошелъ подлогъ: слово „руссій“ замѣнено словомъ „отечественный“, и вмѣсто *русской* промышленности у насъ поощряется *отечественная* промышленность, т. е. еврейская. Госуд. Банкъ давно обратился въ Россіи въ инородческую контору. Всѣ частные банки принадлежатъ инородцамъ и субсидируются Госуд. Банкомъ. Евреямъ—торговцамъ живется хорошо. Они получаютъ ссуды въ частныхъ банкахъ, субсидируемыхъ Государственнымъ.

Теперь, заявилъ А. И. Савенко, мы стоимъ уже, если не на порогѣ націонализаціи кредита, то на порогѣ возможности націонализаціи. Во главѣ нашего антинаціональнаго вѣдомства стало новое лицо. Ему даны опредѣленныя указанія о необходимости доступнаго кредита. Доступный кредитъ—это значитъ, что кредитъ долженъ быть доступенъ всей націи. Это та же націонализація кредита. И теперь можно надѣятся, что завѣты П. А. Столыпина наконецъ осуществятся“.

Читатели! Не кажется ли вамъ, что благословеніе свое г. Барку давалъ въ данномъ случаѣ какой то призракъ, неожиданно вставшій изъ могилы какой то выходецъ съ того свѣта, изъ давно прошедшихъ временъ, когда не было никакого капитализма, когда товарныя отношенія были въ зародышѣ и когда дворянинъ-помѣщикъ дѣйствовалъ одинъ на одинъ съ евреемъ-посредникомъ. Но теперь? Теперь развитая у насъ торгово-промышленная жизнь стономъ стонетъ даже отъ тѣхъ болѣе скромныхъ проявленій національной политики, которыя гг. Марковымъ и Савенко удается проводить въ жизнь. Такъ напр., черезъ 10 дней послѣ заявленій г. Совенко мы находимъ въ той же „Рѣчи“ слѣдующее сообщеніе.

„Подъ предсѣдателемъ члена Гос. Совѣта Н. С. Авдакова (кажется не инородецъ) состоялось особое совѣщаніе представителей промышленности и торговли по вопросу объ общей политикѣ правительства по отношенію къ промышленности. Было указано, что нынѣшній курсъ правительственной политики не только не способствуетъ развитію производительныхъ силъ страны, но, наоборотъ, значительно задерживаетъ его. Особенно вреднымъ были признаны проектируемыя ограниченія правъ евреевъ по образованію акціонерныхъ компаній и торгово-промышленныхъ обществъ“. Такъ полагаютъ представители промышленности. А тутъ имъ предлагаютъ націонализацію кредита, съ отстраненіемъ отъ кредита инородцевъ. Вѣдь это означало бы полное экономическое потрясеніе.

Не удивительно поэтому, что въ данномъ случаѣ г. Баркъ не умѣлъ оправдать довѣріе г. Савенко. 3 февраля сказалъ свою рѣчь г. Савенко, а 10 февраля г. Баркъ, принимая представителей банковъ, на ихъ вопросы категорически опровергъ

слухи о національзаціи кредита. П. Л. Баркъ подчеркнулъ, что слухи эти не имѣютъ никакого основанія и что онъ даже удивляется тому, какъ они могли возникнуть и распространиться".

Рядомъ съ этой столь же націоналистической сколько и нереальной задачей, на г. Барка его друзьями изъ стана правыхъ возлагалась и другая задача—монополизація хлѣбной торговли. Даже получалась какъ будто замѣна — вмѣсто винной монополіи — хлѣбная монополія. Дворянамъ-землевладѣльцамъ рисовались уже заманчивыя перспективы: евреи — скупщики хлѣба устраняются, дворяне имѣютъ дѣло непосредственно съ государствомъ, которое даетъ имъ очень, очень сходныя цѣны. Сообщеніе о хлѣбной монополіи попало даже въ заграничныя газеты. Но и тутъ нашимъ крѣпостникамъ пришлось разочароваться. Чаша сія миновала Россію. Извѣстія о монополіи хлѣбной торговли были категорически опровергнуты правительствомъ.

И въ итогѣ, что же такое г. Баркъ, зачѣмъ онъ вызванъ къ жизни? Реальность ли это, или тоже какой то фантомъ? Задачи у него, во всякомъ случаѣ, все призрачныя. Отъ однихъ онъ самъ былъ вынужденъ отречься, другія явно невыполнимы и къ выполненію ихъ онъ врядъ ли когда либо приступитъ.

Но одинъ г. Коковцевъ замѣщенъ теперь двумя лицами вмѣстѣ съ г. Баркомъ появился еще г. Горемыкинъ. Можетъ быть его появленіе намъ что нибудь выяснитъ? Врядъ ли. Явленіе это, пожалуй, еще болѣе загадочное. Потревожили 76-лѣтняго старца, а зачѣмъ никто до сихъ поръ не понимаетъ.

Означаетъ ли появленіе г. Горемыкина у кормила правленія—усиленіе реакціи? Но вѣдь, по совѣсти говоря, г. Коковцевъ совсѣмъ ничему не мѣшалъ. Очень успѣшно при немъ велась борьба съ просвѣщеніемъ и производились разгромы въ университетахъ, также успѣшно при немъ развивалось правосудіе и развилось до дѣла Бейлиса, вызвавшаго изумленіе во всемъ мірѣ, а въ министерствѣ внутр. дѣлъ дѣлъ былъ изготовленъ законопроектъ о свободѣ печати, уничтожавшій эту свободу и готовились законопроекты противъ другихъ свободъ. И общими усиліями такимъ образомъ чрезвычайно успѣшно осуществлялся манифестъ 17 окт..... въ духѣ Пуришкевича. Спрашивается, что тутъ новаго можетъ дать даже такой старый и несомнѣнный реакціонеръ, какъ г. Горемыкинъ? Какъ будто ничего.

Въ такомъ случаѣ назначеніе г. Горемыкина означаетъ поворотъ влѣво? Но опять таки гг. Кассо, Щегловитовъ, Маклаковъ не только остаются, но продолжаютъ дѣйствовать въ томъ же духѣ, какъ и раньше. Г. Кассо провелъ напр., пріемъ евреевъ въ среднія учебныя заведенія по жребію и сдѣлалъ попытку устранить г. Гримма изъ Госуд. Совѣта, лишивши его профессорскаго званія. Г. Щегловитовъ только что недавно въ Думѣ выступилъ съ апологіей разъяснительной дѣятельности Сената и выдвинулъ въ этомъ направленіи даже новую функцію — исправлять путемъ разъясненій законодательныя рѣшенія Думы. Г. Маклаковъ отличился запрещеніемъ празднованія юбилея Шевченко. Однимъ словомъ тутъ все остается по старому. А Госуд. Совѣтъ, который, какъ будто, только что сверглъ г. Коковцева и настроеніе котораго, надо полагать, солидарно съ настроеніемъ г. Горемыкина, реакціонное усердіе простеръ въ того, что отвергъ законопроектъ объ отношеніяхъ торговыхъ служащихъ къ хозяевамъ, какъ совершенно излишній, потому что, какъ пояснилъ г. Дурново, нѣтъ никакихъ основаній вмѣшиваться въ якобы патріархальныя отношенія между хозяевами и служащими. Итакъ поворота влѣво нѣтъ основанія ожидать.

Говорятъ, что г. Горемыкинъ призванъ составить работоспособное большинство въ Думѣ. Но на какой почвѣ онъ обоединитъ большинство въ Думѣ? На почвѣ дѣятельности гг. Кассо, Щегловитова, Маклакова? Безнадежная тогда, повидимому, задача, такъ какъ даже теперешняя Дума замѣтно лѣвѣе этихъ министровъ.

Г. Коковцевъ, говорятъ, возбудилъ всеобщее недовольство тѣмъ, что топтался на одномъ мѣстѣ. Ни впередъ, ни назадъ. Боюсь, что это провиденціальная участь и г. Горемыкина. Онъ тоже будетъ топтаться на одномъ мѣстѣ. Потому что реакція сейчасъ ни къ чему больше не способна. Жизнь слишкомъ переросла ее. Призраки прошлаго могутъ осаждать ее, могутъ давить на нее своими мертвыми лапами, но строить и перестраивать ее по своему они уже не въ силахъ. Даже нелѣпая четвертая Думая реальнѣе ихъ и даже съ четвертой Думой эти тѣни прошлаго не способны ужиться. А куда идти отъ четвертой Думы? Измѣнять снова избирательный законъ, чтобы отдать Думу въ руки дворянъ-крѣпостниковъ? Но вѣдь ряды послѣднихъ рѣдѣютъ, они осуждены на гибель экономическимъ развитіемъ и ничто ихъ не можетъ спасти. Мѣстами въ земствахъ они сами вопятъ о расширеніи избирательнаго права, потому что ихъ начинаетъ просто не хватать для земскаго представительства. Или можетъ быть дѣлать отчаянныя попытки для оживленія умирающихъ зубровъ? Но вѣдь для этого нѣтъ реальныхъ средствъ. А націоналистическая политика можетъ оживить кое гдѣ въ темной массѣ кровавыя легенды, но спасти отъ смерти зубровъ она не въ силахъ.

Кажущіяся же реальными средства, вродѣ національзаціи кредита, при малѣйшемъ прикосновеніи съ дѣйствительностью оказываются призраками, и самый націоналистическій министръ принужденъ отъ нихъ отрекаться, чтобы не скомпрометировать себя въ финансовомъ мірѣ.

Въ итогѣ реакція вынуждена топтаться на одномъ мѣстѣ. Никакихъ новыхъ серьезныхъ завоеваній она не въ состояніи дѣлать.

Но это все таки плохое утѣшеніе, Потому что и безъ новыхъ завоеваній призраки прошлаго играютъ у насъ слишкомъ большую роль, И для живой, рвущейся впередъ жизни все тяжелѣе становится ихъ мертвое засиліе.

Н. Череванинъ.

Отклики.

Новогодній подарокъ.

Какъ разъ наканунѣ Новаго Года газета „Россія“ опубликовала выработанный въ Мин. Вн. Дѣлъ проектъ „Закона объ обществахъ и союзахъ“.

Творчество мин. вн. дѣлъ г. Маклакова вполнѣ опредѣлилось и раньше. Остается оно прежнимъ и въ этомъ законопроектѣ: послѣдовательная, неприкрытая ликвидація всѣхъ завоеваній освободительной эпохи, „возведеніе въ „законъ“ всего административнаго „опыта“ послѣднихъ лѣтъ, мертвая опека надъ живой жизнью.

За законопроектомъ о печати послѣдовалъ законопроектъ объ обществахъ и союзахъ — дорогой новогодній по дарокъ.

День за днемъ развертывается трагическая картина борьбы рабочихъ за право коалицій. Сжатая и такъ въ узкія рамки правилъ 4 марта 1906 года, рабочая самодѣятельность подвергнута натиску администраціи, ломающей въ своемъ рвеніи всѣ законныя рогатки.

Въ регистраціи союзамъ отказываютъ по самымъ ничтожнымъ поводамъ. Союзы закрываются за помощь бастовавшимъ членамъ. Пресѣкается тѣмъ или инымъ путемъ возможность устраивать общія собранія членовъ. Терроризуются владѣльцы помѣщеній, отдаваемыхъ подъ общія собранія, подъ квартиры союза и т. п.

Полиція требуетъ вопреки закону списки всѣхъ членовъ союза. Полиція заявляетъ свое „право“ присутствовать на засѣданіяхъ *правленія* (союзъ картонажниковъ). Объ обыскахъ, арестахъ, высылкахъ нечего и говорить.

Новый законопроектъ всецѣло проникнуть идеей помощи заработавшейся администраціи, расчищенія путей для ея „государственной„ дѣятельности. Чутко прислушавшись къ запросамъ... полицейской борьбы съ общественнымъ и, главнымъ образомъ, рабочимъ движеніемъ, министерство внутр. дѣлъ новымъ законопроектомъ даетъ „хартію вольностей“ администраціи.

Въ новомъ законопроектѣ кой-что подверглось существеннымъ измѣненіямъ.

Попрежнему „воспрещаются общества и союзы, преслѣдующіе цѣли, воспрещенныя закономъ, противныя общественной нравственности или угрожающіе общественнымъ спокойствію и безопасности“.

Воспрещаются также политическія общества, управляемыя лицами или учрежденіями, находящимися заграницей. Попрежнему за градоначальникомъ или губернаторомъ остается широкое право „собственной властью“ пріостанавливать дѣятельность общества.

Перейдемъ къ нововведеніямъ. Раньше требовалось заявленіе администраціи за 2 недѣли до открытія дѣятельности общества. Теперь этотъ срокъ увеличенъ *до 6 недѣль*. Смыслъ этого нововведенія совершенно ясенъ.

Не всегда удается въ двѣ недѣли найти достаточно „приличный“ поводъ для отказа въ регистраціи, Теперь въ теченіи 6 недѣль „отказъ“. всегда будетъ сфабрикованъ по всѣмъ правиламъ политико-юридическаго искуства. Если тутъ вводится въ скрытомъ видѣ разрѣшительный порядокъ, то *явный* разрѣшительный порядокъ вводится для обществъ *политическихъ*, а равно такихъ, дѣятельность которыхъ предположено распространить за предѣлы губерніи или градоначальства. Лица, желающія образовать такія общества, должны *ходатайствовать*, какъ выражается законопроектъ, передъ главнымъ по дѣламъ объ обществахъ присутствіемъ, новымъ учрежденіемъ создаваемымъ при министерствѣ внутр. дѣлъ...

Не забываетъ законопроектъ и „служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ установленіяхъ“. До сихъ поръ Мин. вн. дѣлъ вмѣшивался своею властью въ дѣла объ обществахъ служащихъ совершенно вопреки закону. Теперь сія административная практика возводится въ законъ.

Отнынѣ для такихъ обществъ предполагается разрѣшеніе министра.

Устанавливая для политическихъ обществъ и для государственныхъ служащихъ особый сложный разрѣшительный порядокъ, законопроектъ этимъ самымъ какъ бы даетъ администраціи молчаливое предписаніе, на законныхъ теперь условіяхъ, не допускать такихъ обществъ, укрѣпивъ передъ лицомъ возрождающагося общественнаго движенія свою неприкрытую реакціонную позицію.

Во второй своей половинѣ законопроектъ посвященъ профессіональнымъ обществамъ Характеръ и размѣры дѣятельности этихъ обществъ съуживаются законопроектомъ самымъ рѣшительнымъ образомъ. Прежде всего, рабочіе союзы опредѣляются, какъ союзы по *профессіямъ* (слесарей, токарей и т. п.), а не по производствамъ (металлисты, текстильщики), какъ то было раньше.

Распылить, раздробить рабочій классъ на маленькія группки—явная цѣль этого „нововведенія“.

Въ этомъ смыслѣ законопроектъ выражается очень опредѣленно: профессіональное общество имѣетъ цѣлью „выясненіе, поддержаніе и согласованіе интересовъ, *исключительно* имѣющихъ *непосредственное* отношеніе къ профессіи его членовъ“. Далѣе узкіе размѣры дѣятельности проф. обществъ очерчиваются весьма тщательно и точно. Общества нынѣ могутъ имѣть цѣлью лишь „изысканіе способовъ къ устраненію посредствомъ *примирительнаго соглашенія* недоразумѣній, возникающихъ на почвѣ договорныхъ отношеній между нанимателями и нанимаемыми“. Изъ дѣятельности общества исключается даже то, что дозволялось пресловутыми правилами 4 марта: 1) культурно-просвѣт. дѣятельность, 2) выясненіе размѣровъ заработной платы и условій труда въ различныхъ отрасляхъ промышленности и торговли, 3) выдача пособій членамъ.

Но этого мало. Запрещая, само собой разумѣется, соединеніе обществъ въ союзы, законопроектъ распространяетъ на общія собранія членовъ профес. обществъ *правила публичныхъ собраній*.

Но и этого мало. Отнынѣ теряютъ право участія на общихъ себраніяхъ лица маложе 21 года, а также проработавшіе въ данномъ учрежденіи менѣе 1 года. Тутъ откровенность замѣчательная: „изъять“ изъ массоваго организованнаго рабочаго движенія живую, „безпокойную“ молодежь, а также наиболѣе сознательныхъ и стойкихъ пролетаріевъ, обрѣтающихся естественно на скверномъ счету у объединенныхъ фабрикантовъ,—таковъ политическій смыслъ прямыхъ цѣлей этихъ нововведеній.

Но и это не все. Нынѣ администрація будетъ имѣть полное право требовать списки *всѣхъ членовъ* профес. обществъ... Запросы, домоганія администраціи возводятся и тутъ въ норму закона.

Таковъ новогодній подарокъ, любезно предложенный казенными сферами счастливымъ россійскимъ гражданамъ. Жестоко ухудшая и такъ шаткое и урѣзанное правовое положеніе общественныхъ объединеній, новый законопроектъ цѣлый арсеналъ своихъ „нововведеній“ спеціально направляетъ противъ рабочихъ профессіональныхъ обществъ, ставя ихъ въ совершенно исключительное положеніе.

К. Ор.

Библіографія.

Издательство „Наканунѣ“ I серія. **Въ помощь больничнымъ кассамъ. № 1. М. Хейсинъ: Какой должна быть больничная касса? ц. 6 к., № 2. Г. Батурскій и С. Шварцъ: Уставъ больничной кассы (Параллельный текстъ нормальнаго и рабочаго уставовъ съ объясненіями), ц. 25 к., № 3. М. Хейсинъ: Врачебная помощь и больничныя кассы у насъ и за-границей** (съ 10 рис.), **ц. 8 коп.**

Скромно и дѣловито, безъ обычной въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ марксистскихъ кругахъ широковѣщательной рекламы, приступило къ своей дѣятельности новое марксистское издательство „Наканунѣ“. Передъ нами три первые выпуска „страховой серіи“ (намѣчены еще серіи „просвѣтительная“ „біографическая“ и др.). Въ то время, какъ объ брошюры М. Хейсина имѣютъ въ виду массового читателя, работа Г. Багурскаго и С. Шварца расчитана на болѣе узкій кругъ практическихъ дѣятелей, на которыхъ непосредственно ложится работа по выработкѣ наиболѣе соотвѣтствующаго интересамъ рабо-

чихъ устава больничной кассы. Батурскій и Шварцъ поставили себѣ задачу „предложить лучшій съ точки зрѣнія интересовъ рабочихъ проектъ устава кассы, возможный при дѣйствіи законовъ 23 іюня 1912 года". Эта задача разрѣшена болѣе, чѣмъ удовлетворительно. Книжка представляетъ комментарій къ нормальному уставу, къ тому уставу, который въ страховой кампаніи волей-неволей приходится брать за исходный пунктъ—въ большинствѣ случаевъ, потому что онъ навязывается предпринимателями, въ другихъ потому, что они предлагаютъ рабочимъ еще худшіе уставы.

Уполномоченные рабочихъ, избранные для обсужденія предлагаемаго предпринимателемъ проекта устава, найдутъ въ работѣ Батурскаго и Шварца незамѣнимый источникъ юридическихъ доводовъ какъ противъ не основанныхъ на законѣ и противорѣчащихъ ему измышленій хозяевъ, такъ и въ защиту вносимыхъ ими самими поправокъ. Самое ознакомленіе съ нею сразу откроетъ глаза уполномоченныхъ на характеръ предстоящей имъ работы; оно покажетъ имъ, что борьба съ предпринимателемъ должна вестись на дѣловой почвѣ.

Здѣсь не мѣсто останавливаться на деталяхъ и отмѣчать нѣкоторые мелкіе, совершенно несущественные, недочеты. Укажемъ, что авторы обстоятельно выясняютъ незаконность тѣхъ статей „нормальнаго" устава и устава „СПБ. Общества заводчиковъ и фабрикантовъ", которыя съуживаютъ права больничныхъ кассъ, а также и нѣкоторыхъ постановленій Совѣта по дѣламъ страх. раб., вынесенныхъ до изданія ихъ работы. Можемъ прибавить, что книжка Батурскаго и Шварца является необходимомъ руководствомъ не только при обсужденіи проекта устава кассы, но и для работниковъ уже дѣйствующей кассы: въ ней они всегда найдутъ ясное толкованіе статей устава и доводы въ пользу измѣненія тѣхъ или иныхъ статей его, невыгодныхъ для рабочихъ.

Брошюры М. Хейсина какъ нельзя болѣе своевременны. Въ одной изъ нихъ („Какой должна быть больн касса") обстоятельно выясняется, что задача больничной кассы заключается не только и не столько въ выдачѣ больничныхъ пособій, сколько на ряду съ этимъ и въ организаціи врачебной помощи; эта же задача по плечу не фабрично-заводскимъ кассамъ, а кассамъ крупнымъ, общимъ, охватывающимъ по возможности всѣхъ рабочихъ данной мѣстности. Только такія кассы будутъ достаточно сильны въ финансовомъ отношеніи и въ нихъ будетъ достаточно обезпечено самоуправленіе рабочихъ для того, чтобы дѣятельность кассъ была направлена въ интересахъ рабочихъ.

Брошюра написана ясно, понятнымъ массовому читателю языкомъ, написана занимательно и во всемъ изложеніи авторъ подкрѣпляетъ свои доводы примѣрами изъ жизни; она можетъ сослужить большую службу дѣлу пропаганды общихъ кассъ и рабочихъ страховыхъ лозунговъ. Вторая брошюра того же автора является какъ бы иллюстраціей сказанному имъ въ первой: вслѣдъ за выясненіемъ того, какъ законъ 23 іюня организуетъ врачебную помощь рабочимъ, М. Хейсинъ знакомитъ здѣсь читателя съ тѣмъ, какъ широко и цѣлесообразно сумѣли германскія больничныя кассы—самоуправляющіяся и крупныхъ размѣровъ—поставить дѣло врачебной помощи. Передъ нимъ проходятъ больничныя кассы, мюнхенская, лейпцигская, штутгартская, съ ихъ учрежденіями—больницами, санаторіями и пр. (рисунки поясняютъ текстъ); онъ знакомится съ ихъ дѣятельностью, изъ приводимыхъ цифръ узнаетъ, какое громадное значеніе имѣютъ они въ жизни рабочихъ. Лучшаго и болѣе наглядаго доказательства необходимости крупныхъ кассъ и самоуправленія рабочихъ въ кассахъ не остается желать. Надо надѣяться, что обѣ брошюры М. Хейсина будутъ надлежащимъ образомъ оцѣнены страховыми дѣятелями, которые обезпечатъ имъ массовое распространеніе.

В. Ежовъ.

Ввиду недостатка мѣста Воспоминаніе о С. Н. Кранигфельда и Резолюція Всероссійскаго Литературнаго Общества о законопроектѣ, о печати откладывается до слѣд. №

Редакторъ **А. Ѳ. Родинъ.** Издатель **Я. Л. Каневскій.**

„Коммерческая Типографія", Средняя Подъяческая, 4. Телеф.. 520-32.

Открыта подписка 1914 годъ.

НА ЖУРНАЛЪ

СТРАХОВАНІЕ РАБОЧИХЪ

(2-й годъ изданія).

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Антъ, Астровъ, Г. Батурскій, М. Балабановъ, М. Брагинъ, д-ръ Н. Вигдорчикъ, М. Вильнеръ, И. Гарви, Гласная Буква, д-ръ Грановскій, П. Динаринъ, К. Дмитріевъ, А. Дюбуа, В. Ежовъ, Ст. Ивановичъ, И. Ивановъ, А. Исаевъ, д-ръ Каниель, А. Коллонтай, И. Кочергинъ, С. Краніхфельдъ, А. Кругловъ, Г. Кузнецовъ, Ю. Ларинъ, З. Миндлинъ, А. Михайловъ, д-ръ Магула, Н. Морозовъ, д-ръ Е. Мунблитъ, Г. Наумовъ, А. Неустроевъ, А. Никитинъ, В. Олеинчъ, Ник. Петровичъ, С. Н. Прокоповичъ, А Рабиновичъ, А. Ройзманъ, В. Томскій, д-ръ М. Хейсинъ, С. Шварцъ, В. Шеръ. и др.

Подписная цѣна: на 1 годъ—**2** руб., на 6 мѣсяцевъ—**1** руб. Для рабочихъ на 1 годъ—**1** р. **50** к., на 6 мѣсяцевъ—**75** коп.

Контора ежедневно открыта отъ 7—9 час. вечера, по воскрес. и праздникамъ отъ 12—2 час. дня. Въ тѣ же часы въ редакціи выдаются справки по вопросамъ страхованія рабочихъ. Для полученія письменныхъ отвѣтовъ читатели соблаг. приложить марку.

Адресъ редакціи и конторы: **Спб., Загородный пр., д. 12, кв. 40.**

Принимается подписка 1914 года.

на еженедѣльный журналъ

„Заря Поволжья"

издающійся въ Самарѣ.

Журналъ ставитъ своею задачею всестороннюю защину интересовъ рабочихъ и торгово-промышленныхъ служащихъ.

Въ журналѣ ведутся отдѣлы: 1) Статьи по вопросамъ общественно-политической и экономической жизни; 2) Страхованіе рабочихъ; 3) Въ обществахъ и союзахъ; 4) Рабочая жизнь; 5) Хроника мѣстной и иногородней жизни; 6) Политическое обозрѣніе; 7) За-границей; 8) Фельетоны, разсказы и стихотворенія; 9) Почтовый ящикъ; 10) Объявленія и пр.

Адресъ Конторы и Редакціи: **Самара, Николаевская, 146 кв. 4.**

Подписная цѣна: на 1 годъ—**2** руб., на ½ года—**1** р. **10** к., на 3 м.—**55** к., на 1 мѣс.—**20** к. съ пересылкой.

Цѣна отдѣльнаго номера 5 коп. Пробный номеръ высылается БЕЗПЛАТНО.

XVII-й годъ изданія. Открыта подписка на 1014 г. на

Извѣстія по литературѣ, наукамъ и библіографіи

Вѣстникъ Литературы—необходимый журналъ для интеллигентныхъ читателей, **издаваемый Т-вомъ М. О. Вольфъ.**

1 р. Годовая подп. цѣна „Извѣстій по Литературѣ" и „Вѣстника Литературы", съ дост. и перес. Съ перес. за грап.—1 р. 50 к. (=4 фр.).

Книгоиздательство и книжный магазинъ

Бывшій **М. В. ПОПОВА** С.-П-бургъ, Невскій, 66.

ФИРМА СУЩ. СЪ 1847 ГОДА.

Новыя книги:

О. Миртовъ. Яблони цвѣтутъ. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.
Савватій. Тетрадь въ сафьянѣ . . . Ц. 1 р. — к.
Михаилъ М-скій. Отъ бурсы до снятія сана Ц. 1 р. — к.
А. Липецкій. Надя Данкова. Повѣсть . Ц. — р. 75 к.
Наемъ имущества подъ ред. В. Я. Крюковскаго тов. об.-прок. Прав. Сената (руков. для квартиронаним.) . . Ц. — р. 50 к.
В. Левицкій. Августъ Бебель. Его жизнь и дѣятельность . . . . . Ц. — р. 35 к.
А. Бибикъ. Къ широкой дорогѣ. Ром. съ пред. В. Львова-Рогачевскаго. Ц. 1 р. 20 к.

Большой выборъ литературы по вопросамъ рабочаго, профессіональнаго движенія, страхованія рабочихъ (изд. „Прибой", „Наканунѣ", Г. Ѳ. Львовича, „Нашъ Міръ" и др.).

ВСѢ ВЫХОДЯЩІЯ КНИЖКИ—НОВИНКИ.

Книги высылаются наложеннымъ платежемъ. Каталоги безплатно.

Открыта подписка на 1914 г. на ежемѣсячный журналъ

ПОТРЕБИТЕЛЬ

Журналъ является органомъ Т-ва Потребительныхъ Обществъ юга Россіи

Участіе въ журналѣ принимаютъ: А. В. Гутовскій, М. Т. Девисъ, А. А. Евдокимовъ, А. С. Зарудный, В. Ф. Красновъ, К. А. Мацѣевичъ, Вл. Махновецъ, А. Н. Макаровскій, Б. С. Одеръ, Г. Н. Пелипенко, П. Т. Пушкаревъ, В. И. Сандуковъ и др.

Журналъ будетъ выходить книжками до 2-хъ печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: съ пересылкой и доставкой: на годъ 2 р., на ½ года 1 р. 20 к., на 3 мѣс. 70 коп. Адресъ конторы и редакціи: Харьковъ, Московская, 10.

Вышла 1 № нефракціоннаго рабочаго журнала марксистскаго направленія.

„БОРЬБА"

СОДЕРЖАНІЕ: Отъ редакціи.- Историческое десятилѣтіе. **М. Покровскій.** Изъ исторіи общественныхъ классовъ Россіи—**В. Ш-ръ.** Наше проф. движеніе за послѣдніе 2 года.—**А. Луначарскій.** Пролетарская литература.—Расколъ думской фракціи.—**Н. Троцкій.** Парламентаризмъ и рабочій классъ.—**Е. Фрейманъ.** Очередные задачи прикон. движенія. **А. Зурабовъ.** Армянскій вопросъ и русская дипломатія. Обзоръ междун. раб. движенія. **Т.**—Памяти Н. Л. Гроссера—Зельцера

Условія подписки: на 1 г.—3 р., на 6 мѣс.—1 р. 50 к., на 3 м.—75 к. Ц. Отд. № 15 к.

СПБ. Плуталова ул., № 21, кв. 12.

«Коммерческая Типографія», Средняя Подъяческая, 4. Телеф. 520-32.

V-й годъ изданія.

НАША ЗАРЯ

СОДЕРЖАНІЕ:

А. Бибикъ. Къ морю, разсказъ.
Стих.: **С. Клычкова, А. Сергѣева, С. Кашкарова, Н. Венгрова.**
М. Панинъ. Переписка Маркса и Энгельса.
М. Павловичъ Международные конфликты и алармистская пресса.
Ив. Кубиковъ. Искусство и отношеніе къ нему пролетаріата.
В. Звѣздинъ. Памяти П. А. Злыднева.
Булкинъ. Рабочая самодѣятельность и рабочая демагогія.
Л. М. Отвѣтъ Булкину.
А. Мартыновъ. На что они разсчитываютъ? (кадетская дискуссія).
В. Львовъ-Рогачевскій. Огненное слово (100 л. Т. Г. Шевченко).

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.
Н. Череванинъ. Объ устояхъ реакціи.

КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.
А. Потресовъ. Еще къ вопросу о пролетарской культурѣ.

ОТКЛИКИ.
Резолюція Всероссійскаго Литературнаго Общества о законопроектѣ о печати, принятая 17-19 янв. 1914 г.
Л. М. С. Н. Кранихфельдъ (Некрологъ).
Н. Рожковъ. Союзъ русскихъ аграріевъ.
Библіографія.
Объявленія.

№. 3. Спб. 1914. Ц. 30 к.

Открыта подписка на 1914 годъ на ежемѣсячный общественно-политическій журналъ соціалъ-демократическаго направленія.

V годъ изд. **„Наша Заря"** **V годъ изд.**

Съ 1914 года въ журналѣ вводится **беллетристическій отдѣлъ** въ которомъ выразили согласіе участвовать: **Д. Айзманъ, А. Бибикъ, Ив. Бунинъ, В. Вересаевъ, Вл. Войновъ, Б. Верхоустинскій, А. Галина, В. Горянскій, Л. Григоровъ, С. Гусовъ, Оренбургскій, Л. Добронравовъ, Карменъ, С. Клычковъ, А. Липецкій, А. Малышкинъ, Н. Матѣевъ, В. Муйжель, А. Окуловъ, И. Окуневъ, Н. Олигеръ, А. Серафимовичъ, С. Сергѣевъ-Ценскій, И. Сургучевъ, К. Тасинъ. А. Чапыгинъ, Ив. Шмелевъ,** и мн. др.

Въ 1914 г. предполагается помѣстить слѣд. статьи: **П. Б. Аксельродъ.** Статьи по вопросамъ тактики: **М. Б—въ.** Рабочая печать и законопроектъ о печати; Первый годъ страхового закона; Охрана дѣтскаго труда **Н. В—ко.** Борьба за Тихій океанъ; Англо-Германское соглашеніе; **Л. Войтоловскій.** Кризисъ модернизма; Городъ и деревня въ современной литературѣ; **А. В. Горскій.** Современное состояніе права коалиціи въ Россіи; **Рав. Григорьевъ.** Поэтъ Окуровской Руси (о творчествѣ М. Горькаго); **К Дмитріевъ.** Городъ и деревня; Общіе вопросы рабочаго законодательства; **А. К. Ернанскій.** Тэйлоризмъ въ связи съ новѣйшими тенденціями капиталистическаго развитія; жилищная проблемма, какъ часть соціальнаго вопроса; **А. П. Калитинскій.** Статьи по естествознанію; **А. Коллантай.** Первый годъ примѣненія страхового закона въ Англіи; Движеніе въ пользу государственнаго страхованія материнства; политическія партіи въ Англіи и женское избирательное право; Работа соціалистовъ въ финляндскомъ парламентѣ; **Комаровъ.** Русская фабрично-заводская промышленность за послѣдніе 30 лѣтъ; **В. Львовъ-Рогачевскій.** Поэты—рабочіе; **В. Левицкій.** Старый и новый интернаціоналъ. Изъ исторіи парламентской тактики германской соціалъ-демократіи; **В. Майскій.** Два типа (англійскій и германскій рабочій); Культурныя задачи рабочаго движенія; Организаціи и пролетаріатъ; **Л. Мартовъ.** Итоги с. д. парламентаризма въ Россіи; Ф. Лассаль (къ 50 лѣтію со дня смерти); **А. Мартыновъ.** Исторія отношенія русскихъ соціалистовъ къ войнѣ; Синдикалистскій историкъ о Марксѣ и Бакунинѣ; **П. Масловъ.** Современное состояніе экономической науки; Вздорожаніе жизни; **М. П. Невѣдомскій.** Литературно-критическія статьи; **А. Никитинъ.** Законопроектъ о договорѣ найма торговыхъ служащихъ; **Г. Наумовъ.** Торговый договоръ съ Германіей; Аграрный вопросъ и аграрная политика; **Ортодоксъ.** Нравственное долженствованіе съ точки зрѣнія марксизма; **М. Панинъ.** Переписка Маркса съ Энгельсомъ; **А. Потресовъ.** О морали; Салтыковъ-Щедринъ (къ 25 лѣтію со дня смерти); Пролетаріатъ и искуство; **Т. Роштейнъ.** Поворотъ въ международныхъ отношеніяхъ; **Саваренскій.** Аграрный вопросъ въ европейской соціалъ-демократіи; **Спектаторъ.** Промышленное оживленіе и промышленный кризисъ; W. Къ 50 лѣтію земства. **М. Хейсинъ.** Во что вылилась общественная борьба съ туберкулезомъ въ Россіи; О кооперативномъ нейтрализмѣ; **Ф. Данъ.** Борьба за „частичныя требованія", **Евг. Маевскій.** Война и революція (десятилѣтіе русско-японской войны); **Я Пилецкій.** Письма изъ Германіи, **Петръ П.** Письма изъ Англіи; **С. Далинъ.** Первые шаги рабочаго движенія; Рабочій день; **М. Павловичъ.** Американскій имперіализмъ и мексиканская революція; Желѣзно-дорожный вопросъ на Балканахъ и борба за свободные выходы къ морямъ; Россія и Франція въ военномъ, торговомъ и финансовомъ взаимоотношеніяхъ; **Н. Череванинъ.** Промышленная конъюнктура. **Н. Оранскій.** Соц. печать передъ судомъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: на 1 годъ—3 р. (загран.—4 р.), на ½—1 р. 80 к. (загр.—2 р. 30 к.): на 3 мѣс.—1 р. (загр.—1 р. 30 к.); на 1 мѣс.—35 коп. (заграницу—45 к.). Отд. книжка въ продажѣ—30 к.; загран —40 к. Комплекты: за 1910 г. (безъ 5, 6 и 7 кн., разошедшихся)—1 р. 50 к.; за 1911 г. (безъ 1-ой кн.) и 1912 г. по 2 р.; за 1913 г.—2 р. 50 к. съ пересылкой въ Евр. Россію. Рабочимъ приказчикамъ и народ. учителямъ—15% скидки, за перемѣну адреса 21 к. (можно 3 семикоп. марки).

Адресъ конторы и редакціи: Спб., Николаевская 2, кв. 45.

Контора открыта: по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 6 до 9 час. вечера; по вторникамъ, средамъ, пятницамъ и субботамъ отъ 2 до 5 ч. дня.

V-й годъ изданія.

Наша Заря

Ежемѣсячный журналъ

№ 3.

С.-Петербургъ, 1914 г

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
„Коммерческая Типографія" Средняя Подъяч. 4. Тел. 520-32.
1914.

Р.

Инсти ут В. И. Ленина
№
Библиотека
Мартынов.

« Къ морю! »

(Разсказъ).

I.

Кузница работала вечеръ. Въ суетѣ труда никто не замѣтилъ, какъ прошелъ яркій лѣтній день и погасла цвѣтистая заря. Жарко пылали горны, стоявшіе двумя широкими и длинными рядами, и, накаляя желѣзо, гнали кверху, черезъ дырявые зонты надъ ними, тучи густого дыма, насыщеннаго удушливой сѣрой. Этотъ дымъ висѣлъ низко-низко надъ стальными наковальнями, похожими въ профиль на плоскія головы какихъ-то длинноносыхъ птицъ, закрывалъ высокіе своды каменнаго, насквозь прокопченнаго корпуса, и какъ въ густомъ туманѣ скрывалъ задніе горны и паровой пятитонный молотъ. Его неуклюжія, широко разставленныя, ноги едва прорисовывались.

Изъ одного горна выхватили длинную болванку желѣза, пронесли суетливо на рычагахъ, какъ тѣло змѣи, и сунули раскаленную голову подъ молотъ. Она зашипѣла. Молотъ плюснулъ стальнымъ лбомъ—и брызнуло дождемъ огненныхъ искръ. Туманъ на минуту разсѣялся, четко обозначилась массивная фигура гиганта, и кузница вся задрожала отъ его тяжелыхъ, размѣренныхъ ударовъ:

— Гупп! Гупп!

Стоголосый хоръ кувалдъ и ручниковъ точно притихъ, подавленный, и слышался только этотъ увѣренный и властный голосъ:

— Я вотъ ухну! Я вотъ плюсну! Гей—гупп!

Когда желѣзо потемнѣло, молотъ вздохнулъ выпущеннымъ паромъ и застылъ, снова окутанный мглою, въ мрачномъ раздумьи. Тогда ручники и кувалды еще громче подняли свой безпорядочный галдежъ.

— Клац! Клац! —падали дугою въ багровомъ туманѣ кувалды двухъ рослыхъ, винтомъ извивавшихся молотобойцевъ, Гулящева, самаго молодого изъ кузнецовъ, — крѣпкаго, узловатаго съ широкимъ бритымъ подбородкомъ и въ кожаномъ фартукѣ. А его ручникъ, словно бѣсенокъ, мелькалъ передъ каждымъ ударомъ кувалды и частой, пѣвучей дробью подзадаривалъ:

— Ну-ка! Ну-ка! Ше-ве-ли-ся! Разъ! Разъ!

А гдѣ-то тамъ въ кровавомъ туманѣ отплясывали:

— У-хо-ди-ли, при-хо-ди-ли, тили-тили...

— Гупп! Гупп! Гупп!—внезапно очнувшись, снова закашлялъ великанъ, вколачивая въ землю исполинскія клинья. Потомъ все слилось въ яростный, лишенный ритма галдежъ, какъ на базарѣ. Словно обезумѣвшія змѣи шипѣли въ корытахъ съ

вонючей водою накаленныя клещи и зубила, и клубился оттуда мутный паръ. Въ чугунныхъ трубахъ, спрятанныхъ въ землѣ, въ безсильной ярости вылъ воздухъ, нещадно гонимый вентиляторомъ къ горнамъ.

Кончивъ отдѣлку большого крюка, Гулящевъ бросилъ молотокъ и, пошатываясь отъ усталости и смахивая рукавомъ мокрой рубахи съ лица лившій потъ, побрелъ къ раскрытымъ воротамъ.

Прохладный вѣтерокъ дохнулъ въ горячее лицо, шевельнулъ длинными усами, поигралъ свѣтлыми кольцами на большой головѣ и прильнулъ къ емкой, волосатой груди.

Гулящевъ улыбнулся его дѣтской ласкѣ, шире распахнулъ мокрую сорочку, съ отложившейся на ея спинѣ солью, и задумчиво посмотрѣлъ на звѣздное небо.

Токарная тоже работала. Въ большія, зарѣшеченныя окна ея просвѣчивали расплывчатыя пятна газовыхъ рожковъ, мелькали между станками неясныя фигуры людей и играли тѣнями и бликами свѣта движущіеся шкивы и части станковъ. Слышался сдержанный, сосредоточенный шумъ, а гдѣ-то тамъ надъ крышей сухо и размѣренно кашлялъ газомоторъ.

Гулящеву захотѣлось пойти туда, провѣдать своего пріятеля. Оглянулся еще разъ на кузницу. Оттого, что дымъ заволокъ и очертанія и дали, она была похожа на огромную подземную пещеру, и люди, освѣщенные краснымъ свѣтомъ горна, сутулые, растерзанные, казались странными существами, обидно жалкими и безпомощными. Тяжелый и вязкій покровъ, наброшенный на его сознанье, точно прорвался и какъ-то внезапно ущемила мысль: что за сила приковала ихъ къ этимъ адскимъ горнамъ, словно тяжкихъ преступниковъ?!

Гулящевъ глубоко вздохнулъ и съ горькой улыбкой побрелъ въ токарную.

Отъ протяжнаго говора станковъ, лязганья и шороховъ отъ рѣзки металла, стоялъ густой, все заполнившій шумъ. А въ углу, гдѣ на быстроходахъ работали подвижные арматурщики, трещало, верещало и выло высоченнымъ, уши сверлящимъ, фальцетомъ, словно тамъ засѣлъ оркестръ козлоногихъ.

У токаря Шелестова, синеглазаго смугляка, станокъ шелъ на самоходѣ, а самъ онъ сидѣлъ на корточкахъ передъ ящикомъ и читалъ книжку. Въ центрахъ давно уже выгорѣло сало и начинало пищать.—Гулящевъ заботливо мазнулъ по центру саломъ и окликнулъ:

— Эге-эй! Добрый вечеръ, Митяй!

Шелестовъ оторвался отъ книги и посмотрѣлъ на него широкими и недоумѣвающими глазами,—будто откуда-то издали.

Гулящевъ разсмѣялся.

— Ты спалъ, что ли?

— Я? Та нѣтъ, понимаешь... Ухъ,—поморщился вдругъ, — ноги затекли.

Положивъ книгу въ ящикъ, онъ потянулся къ суппорту станка и прищурился на свѣтъ. Рядомъ съ пріятелемъ онъ выглядѣлъ нѣжнымъ и хилымъ, почти юношей, хотя ему также было за двадцать пять.

— Понимаешь—въ Индіи былъ! Да. Ну, братъ, и красота, я тебѣ скажу! Джунгли эти. Голубой Гангъ, — словно сказка! Конечно,—это больше издали кажется, а такъ-то—дерутъ, поди съ живого и мертваго. По все жъ таки—диво дивное! Сколько времени-то?

— Десять скоро.

— Да ну? А я думалъ—восемь! Во, братъ, какъ по Гангу то ѣздить,—ха, ха.

Глядя на пріятеля, Гулящевъ ласково улыбался и въ то же время завидовалъ.

— Ладно вамъ, паничамъ! запустилъ станокъ, да и почитывай!

— Ну, много-то, положимъ, не начитаешь! На прошлой недѣлѣ—кажется въ Америку дулъ—помазали цѣлковымъ.

— Что жъ цѣлковый!—возразилъ Гулящевъ.—А у насъ вотъ—ужъ подлинно пекло! Газету еще пробѣжишь, а книгу—куда возьмешь ее такими лапищами?!

— За корешокъ,—пошутилъ Шелестовъ.

Гулящевъ досадливо отмахнулся рукой и замолчалъ.

Шелестовъ промѣрялъ кронциркулемъ длинную штангу, сбросилъ навившуюся на суппортѣ стружку подъ станокъ, кое-гдѣ вытеръ, подмазалъ. У сосѣда вверху однообразно скрипѣла передача и устало хлопалъ, точно въ ладоши билъ, ослабѣвшій ремень. Тоскливо журчалъ въ переборѣ станокъ, безъ конца начиная все одну и ту же монотонную повѣсть:

— а-ау-а... а-ау-а...

Кто-то тамъ за долбежнымъ станкомъ, сосредоточенно клевавшимъ, какъ долговязая птица, замурлыкалъ:

...ой у лузи-и...

Кто-то подтянулъ баскомъ. Но въ другомъ концѣ вдругъ цыкнули,—щелъ мастеръ,—и пѣсня оборвалась.

— Тю-ур... тю-ур... съ унылой настойчивостью клюетъ станокъ.

— Пойдемъ-ка,—сказалъ Шелестовъ пріятелю,—и оба вышли изъ мастерской.

Заводъ дышалъ тяжело и глухо. Точно стоналъ онъ задавленнымъ стономъ. Даже здѣсь чувствовались глухіе, подземные удары молота. Минутами же гулъ завода замиралъ, точно отнесенный вѣтромъ, и тогда слышался немолчный шумъ города. Изъ общественаго сада иногда доносились вздохи духового оркестра.

— Ишь вѣдь,—гуля-ютъ!—замѣтилъ Гулящевъ, раскуривая папиросу.

— Хорошій вечерокъ!—отозвался Шелестовъ.

— А мы вотъ—работаемъ,—добавилъ Гулящевъ.

— Такъ вотъ и лѣта не увидишь,—сказалъ Шелестовъ, отвѣчая скорѣе на ходъ своихъ мыслей, нежели Гулящеву. — А славно бы рыбку поудить, въ поляхъ побродить. Давно уже не бывалъ.

И помолчавъ, еще печальнѣе добавилъ:

— Такъ-то вотъ, ковалище, и вся жизнь наша пройдетъ!

Гулящевъ швырнулъ окурокъ и возбужденно спуталъ волосы.

— И пройдетъ! Пройдетъ! А ты что думаешь?

— А то-жъ и думаю, — грустно улыбнулся Шелестовъ. И вдругъ оживился, заглянулъ близко въ лицо пріятелю и возбужденно заговорилъ:

— Знаешь, дружище, что мнѣ пришло въ голову? Дернемъ мы къ морю! А? къ морю! Въ Индіи—великій Гангъ, въ Америкѣ—статуя Свободы.—зато у насъ есть Кавказскія горы! Зато—Черное море! Знаешь—необъятное, свободное море!!

Борозды на лицѣ Гулящева затаяли.

Тоже... ха! Такъ вотъ и ждутъ насъ тамъ!

— Сергунь! Да вѣдь одинъ только разикъ! Только взглянуть на него! Знаешь, этакъ—однимъ глазкомъ, глазкомъ.

Шелестовъ такъ лукаво прищурилъ свой глазъ, что Гулящевъ добродушно разсмѣялся.

Къ океану-то, пожалуй, легче бы, — пробубнилъ онъ: на казенный то счетъ!

— Туда-то успѣется!—засмѣялся Шелестовъ. Нѣтъ, я серьезно, — уже настойчивѣе продолжалъ онъ, давая захватить себя самого давнишней мечтѣ.—Что мы теряемъ? Бобыли. Пожилимся, поскаредничаемъ, а тамъ разсчетъ—и гайда, тройка! А ежели что—грузить пароходы пойдемъ. Спинушка-то у тебя—слава богу! И за меня, дохлаго, потаскаешь.

Гулящевъ все еще колебался, не зная, насколько серьезно говоритъ пріятель. Но мысль о морѣ, о краѣ, гдѣ столько красоты и раздолья и солнечной ласки; возможность хоть на короткое время сбросить съ себя каторжное ярмо — увлекла его сразу.

— Погоди, ты не шутишь?—спросилъ онъ серьезно.

— Да нѣтъ же! Чудакъ!

Гулящева захлестнула вдругъ радость.

— Эхъ, чортъ! А вѣдь хорошо бы! А?

— Да вѣдь на всю жизнь было бъ, пойми!

Гулящевъ съ маху хлопнулъ пріятеля по плечу.

— Э, ѣдятъ его мухи! Была—ни была!

II.

Море показалось почти сразу, когда Гулящевъ и Шелестовъ вышли изъ знойной степи къ его высокому, обрывистому берегу.—

...Миитька!? — вырвалось у Гулящева. Широкимъ жестомъ онъ снялъ запыленную шляпу, точно привѣтствовалъ развернувшуюся ширь, и окаменѣлъ.

А Шелестовъ съ ходу сѣлъ на обрывистый край, и на усталомъ, запыленномъ лицѣ затеплился тихій восторгъ.

— Ну, что?—окликнулъ онъ пріятеля послѣ долгаго молчанія.

Гулящевъ шумно вздохнулъ.

— Нну-ну-у...

— Да ты хоть сумку то скинь,—замѣтилъ, погодя, Шелестовъ.

Но Гулящевъ разсѣянно отмахнулся рукою и весь погрузился въ необъятную ширь, съ безрасудною щедростью залитую свѣтомъ. Только когда долетѣла протяжная сирена далекаго

парохода, онъ тряхнулъ головою, словно сбрасывалъ чары, и воскликнулъ

— Тутъ, братъ, не то море, что вода, а десять морей! Воздуху! Свѣта! Солнца! Далечины! Эхъ, ты-ы, елка зеленая!

Онъ затрепеталъ вдругъ и, раскинувши руки, словно летѣлъ въ эти десять морей, онъ прыгнулъ внизъ. Шелестовъ только вскрикнулъ: чортъ! Сухая земля посыпалась подъ ногами шумнымъ ручьемъ; камни срывались, катились и прыгали, исчезая гдѣ то внизу, въ дикихъ порослякъ и каменныхъ глыбахъ.

Сажени три Гулящевъ стремительно ползъ на спинѣ и въ дикомъ восторгѣ кричалъ:

— Го-го-го-о!

Жестяной чайникъ, подвязанный къ сумкѣ, сорвался вдругъ съ привязи и съ гулкими вскриками, дѣлая все большіе дуговые прыжки, полетѣлъ внизъ. На полдорогѣ крышка его отбросилась въ сторону, а чайникъ, гремя все глуше и глуше, скатился къ самому морю.

— Держи—держи—держи—и!—кричалъ сквозь хохотъ Шелестовъ.

Гулящевъ ткнулся, наконецъ, ногами въ каменный выступъ и, все еще лежа на спинѣ, гоготалъ, какъ сумасшедшій.

Осторожный Шелестовъ прошелся въ одну и въ другую стороны—спуска не было видно.

— Качай!—кричалъ снизу Гулящевъ, широко растопыривая ноги и руки.—Забирай стружку! Поймаю!

— Держи!—безнадежно отозвался Шелестовъ и сунулся внизъ.

Ближе къ морю было прохладнѣе. Не видно было ни души.

Высоко надъ головами чертился по ясной лазури рваный узоръ коричневаго берега, за нимъ была душная бѣлесая степь. А внизу, во влажной истомѣ плескались лѣнивыя волны. Мелодичные плески ихъ были слышнѣе. Берегъ направо пятнили густой курчавой зеленью сады и виноградники; по отвѣснымъ отколамъ гранита ползъ, богъ знаетъ за что цѣпляясь, мѣдно-листый плющъ и дикій виноградъ; а къ низу червонѣлъ кустарникъ. На слоистой, разнопородной скалѣ стояли, четко рисуясь на просторѣ лазури и морской синевы, легкіе, стройные конусы двухъ темныхъ кипарисовъ. А еще дальше берегъ спокойнымъ, широкимъ изгибомъ окаймилъ синюю воду и далеко врѣзался вдругъ въ море островерхой скалой? И только у этой скалы волны были сторожки и пѣнились.

Вдали очертанія таяли. Сизыя, желтыя, розовыя краски берега сливались въ одну, дымчато—лиловую. А съ другой стороны, сквозь голубую дымку видна была скала—изнемогшій отъ зноя степи и погрузившійся въ море медвѣдь; и въ изумрудной раковинѣ, дивно сочетаясь съ зеленью каштановъ и кипарисовъ, мягко сверкали подъ солнцемъ граненныя жемчужины Гурзуфа.

Отъ зноя небо слегка туманилось. Рѣяли чайки,—бѣло-снѣжныя, легкія надъ синимъ безбрежьемъ. Гдѣ-то тамъ, за далекимъ—далекимъ горизонтомъ, шелъ пароходъ. Едва была видна бѣлая труба и тонкія мачты. Потомъ и труба скрылась,

и надъ сине-голубою чертой долго тянулась полоска бураго дыма,—все меньше, туманнѣе, глубже...

— Куда онъ ушелъ?—задумчиво спросилъ Гулящевъ. И въ томъ же раздумьи тихо отвѣтилъ себѣ:

— Можетъ—въ Турцію, Грецію... Или—кругомъ земли...

Тихонько вздохнулъ и умолкъ.

— А видишь—вонъ?—заговорилъ почти шопотомъ Шелестовъ, показывая невдалекѣ на тяжелую, красно-лиловую глыбу, отважно ступившую въ море. Волны пробили ей грудь и за ней, будто въ окно водяного царя, видны были вершины затонувшихъ утесовъ. Здѣсь волны не шли, а плавно вздымались, точно море дышало.

Гулящевъ поднялся. Въ широкой груди было тѣсно. Пьянило отъ шири, отъ волнъ и горячей лазури, отъ того, что сидѣли высоко надъ моремъ.

— Слушай, дружище... Эхъ, не дано мнѣ!.. Если бъ я могъ передать тебѣ все! Смотри—вѣдь—живое оно! Понимаешь? Взгляни ты на скалы, на горы,—вонъ—вонъ, заснѣжились. Что въ нихъ? Громозда! Они вѣчно молчатъ и не движутся. Мертвые! А вѣдь волны,—смотри, точно люди бѣгутъ! Милліоны! Безъ счету людей! По отрядамъ, идутъ все, идутъ... А если разбушуется?.! Эхъ!..

— Море, ты море! Живое, просторное!
Въ буряхъ и ласкахъ великое!
Море, отъ силы хмѣльное, отъ вольности!
Гордое, вѣчное!

— Да нѣтъ,—оборвалъ себя, обезкураженный. Извѣстно—коваль. Да и развѣ обскажешь, когда оно—вона, ччортъ, какая громадина!

Не отрывая глазъ отъ моря, онъ легъ рядомъ съ Шелестовымъ.

— Послушай,—мечтательно произнесъ Шелестовъ:—послушай, какъ поютъ внизу волны. Шепчутся. Издалека—знаешь, отъ Азіи, Босфора,—несутъ они сказки...

— О вѣчности горя и страданій...

— Да... Или нѣтъ: о просторѣ!

Умолкли. Рѣяла даль. Синева ея пала и на думы. Далеко отъ берега блеснула на солнцѣ мокрая спина дельфина.

Надъ нимъ стрѣлою мелькнула чайка; сверкнувъ бѣлизной, коснулась воды и взмыла съ тоскующимъ вскрикомъ.

Воздухъ, казалось, застылъ. Но море лѣниво зыбилось. Весь его необъятный просторъ былъ въ движеніи. Жаркое солнце стояло почти отвѣсно, и его свѣтъ горячимъ золотомъ дрожалъ, какъ ликующій смѣхъ, на хребтахъ медлительныхъ волнъ. Туда, къ закату, море точно было въ золотой кольчугѣ. А къ берегу волны катились хмельныя, истомныя. У самаго края глубокая ихъ синева переходила въ нѣжную прозелень. Когда же волна, выплеснувшись на берегъ, отливалась назадъ, навстрѣчу другой, въ ея прозрачномъ стеклѣ ясно былъ видѣнъ гравій.

— Нѣтъ, ты только посмотри!—вскрикнулъ внезапно Гулящевъ, тряхнувъ съ силой пріятеля.—Видишь тамъ свѣтлыя пятна? Чтобъ меня черти поджарили, если я видѣлъ подобное!

Шелестовъ и самъ уже замѣтилъ среди синевы эти свѣтлыя, нѣжно-лазурныя пятна. Словно огонь былъ на днѣ моря.

— Хо-ро-шо!—отвѣтилъ онъ въ тихомъ восторгѣ, улыбаясь задумчиво и ясно, какъ улыбаются дѣти.

Гулящевъ дернулъ его къ себѣ, чтобы поцѣловать. Но тутъ же устыдился своей слабости; сбросилъ огромный камень, а за нимъ бросился и самъ, неуклюже махая руками и сквозь шумъ рушенной земли крича какую-то неслыханную пѣсню. Когда Шелестовъ спустился къ водѣ, онъ лежалъ грудью на цвѣтистомъ гравіи, и прозрачныя волны, любовно шепча по гравію, шаловливо тянулись къ его загорѣлому, радостному лицу.

— Митя, гляди, какая краса! Я нашелъ какъ яичко малиновки. А зеленые-то, зеленые! Чортъ побирай! Да ты посмотри, что въ водѣ!

Гулящевъ забирался все дальше. Волны играли, смѣялись въ лицо, обдавая радужными брызгами, а онъ ласково отмахивался отъ нихъ, какъ отъ малыхъ ребятъ.—Да нѣтъ всѣ хороши! Вѣдь у каждаго что то свое, особенное!—Набравъ гравія полныя карманы и руки, онъ заявилъ:

— Ну, друже, разъ уже такъ—нужно выкупаться. Въ родѣ крещенія будетъ!

Шелестовъ все время щурился, немножко хмельной и усталый, и съ лица его не сходила ласковая улыбка. Кивнувъ головою, онъ сталъ раздѣваться.

Гулящевъ раздѣлся раньше. Шелестовъ никогда не видѣлъ его голымъ и теперь невольно залюбовался широченной, волосами поросшей, грудью и крѣпкими узлами мускуловъ.

— Ну и коваль—ковалище!

— Га? Ничего, говоришь?—Гулящевъ согнулъ руки и напружился.

Хха! Я тоже люблю себя чувствовать.—Да ты ворочайся! Вода—какъ хрусталь! Эхъ-ма! Хорошо, братъ, жить на свѣтѣ! А, токарь,-колесовичъ,—хорошо!

Шелестовъ быстро сбросилъ одежду. И вотъ, когда онъ уже медленно входилъ въ ласкающую воду, а Гулящевъ отошелъ назадъ, чтобы разбѣжаться, кто-то сзади, надъ ними, грубо и требовательно крикнулъ:

— Господа! Попрошу удалиться!

Шагахъ въ сорока, на небольшой площадкѣ, черезъ которую пробѣгала тропинка, стояли трое: широкій, пожилой мужчина въ легкой поддевкѣ,—не то—купецъ, не то—крупный подрядчикъ; другой прыщеватый и длинный, въ очкахъ и косовороткѣ былъ офицеръ, либо чиновникъ; третій—священникъ,—осанистый, въ чесунчовомъ подрясникѣ. У него была циновка, у первыхъ—мохнатыя простыни.

Шелестовъ покраснѣлъ и закусилъ губу. И бросая на Гулящева тревожные взгляды, онъ шутливо сказалъ:

— Что жъ, братъ,—не судьба! Поищемъ броду.

Гулящевъ стоялъ неподвижно, чуть склонивъ голову, точно измѣрялъ разстояніе. Бирюзово-сѣрые глаза ушли подъ нависшіе брови и, нѣтъ-нѣтъ, да и вспыхнутъ зловѣщимъ огонькомъ.

— Пойдемъ, Сергуня... Ну ихъ къ лѣшему!

Гулящевъ глубоко вздохнулъ и неохотно сталъ собирать одежду.

Въ это время купецъ рѣзко крикнулъ:

— Ну-съ? Просятъ вѣдь? Честью-съ!

Сергѣй вздрогнулъ и выпрямился, какъ пружина.

— Здѣсь, господа,—заявилъ онъ хмуро,—для всѣхъ мѣста хватитъ.

— Какъ-съ?—сощурился купецъ, будто не разслышалъ, и наставилъ ухо.

— А вотъ—такъ-съ!—жестко отрѣзалъ Гулящевъ.

Длинный поправилъ на носу очки, а священникъ вскинулъ плечами и пѣвучимъ, модулирующимъ басомъ протянулъ:

— Вотъ еще-оказія!—Ска-жите!

Прошла пауза.

— Пойдемъ,—настаивалъ Шелестовъ.—Вонъ за тотъ мысъ, тамъ еще лучше.

Гулящевъ вспыхнулъ и съ металлическимъ звономъ въ голосѣ крикнулъ.

— А туда—такъ же придутъ и прогонятъ?!

Купецъ хлопнулъ себя по ляжкамъ и изумленно воскликнулъ.

— Видали?! Нѣтъ, вы видали?!

Священникъ въ октаву кашлянулъ и сказалъ:

— Господа, вѣдь вы ждать заставляете. Не хорошо.

Гулящевъ обернулся къ нему и съ вызовомъ спросилъ:

— А почему, собственно *мы* должны уйти, а не *вы*?

— Ну, это ужъ наивно, Сергѣй!—замѣтилъ Шелестовъ.

— Наивно, говоришь? Ладно. А вотъ—пусть мнѣ отвѣтятъ!

— Хочу вотъ!

— Что за ссуббъекты?—слышно произнесъ длинный.

Кузнецъ коротко взмахнулъ толстыми руками, покраснѣлъ и высокимъ фальцетомъ закричалъ:

— Вы видали? Видали нахала? А,—„почему“! Что-съ? Да тутъ моя дача! Понимаешь ты, чучело, да-ача!

— Та-акъ,—злорадно ухмыльнулся Гулящевъ.—Такъ, такъ. Ну, а море--тоже твое? А воздухъ, а небо,—тоже твои?

Шелестовъ понялъ, что пріятель „застопорилъ“. И желая какъ-нибудь распутать затягивавшійся узелъ, онъ выступилъ впередъ и заговорилъ миролюбиво, какъ только могъ:

— Эхъ, господа, право... Вы же—всегда здѣсь. А вѣдь мы—первый разъ тутъ. Тащились сколько! И никогда, можетъ быть, не вернемся. Ну, что вамъ стоитъ подождать пять минутъ? Только пять минутъ!

Толстый яростно затопалъ ногами и визгливо закричалъ:

— Вонъ! Вонъ отсюда! Сволочь! бродяги! Да я стрѣлять сейчасъ буду! Стражниковъ позову!

Шелестовъ такъ покраснѣлъ, какъ будто его ударили по лицу. Но пугалъ его Гулящевъ: онъ дышалъ все тяжелѣе, лицо блѣднѣло все больше, и губы стали синими. На крѣпкой, стиснутой скулѣ дергался мускулъ. Съ такимъ лицомъ онъ однажды бросился на вооруженныхъ конвойныхъ, едва удержали товарищи.

Шелестовъ схватилъ его за руку и громко и строго позвалъ:

— Серега, оставь!

Гулящевъ полузакрылъ глаза и медленно провелъ по нимъ рукою. Разсмѣялся и, мягко оттолкнувъ пріятеля, онъ неторопливо пошелъ вдоль берега. Пройдя шаговъ тридцать, онъ круто

повернулъ и быстро покарабкался вверхъ. И прежде, чѣмъ дачники сообразили въ чемъ дѣло, онъ стоялъ выше ихъ на узкой тропѣ, о трѣзая имъ путь, такъ какъ другимъ концомъ тропа опускалась къ морю.

— Се-ре-га! —еще разъ предостерегъ Шелестовъ.

— Купайся!--откликнулся Гулящевъ, густо дыша вздымавшейся грудью.—Я братъ, вродѣ сверхдачника! Ха, ха, ха!., Брось ка табачекъ!

Шелестовъ посмотрѣлъ вокругъ. Досталъ и бросилъ Гулящеву табакерку, а затѣмъ бултыхнулся въ море.

За пріятеля онъ теперь не боялся; остритъ,—значитъ—прошло. Дачники Гулящеву также не были опасны, потому что въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ усѣлся, дорожка была настолько узка, что не давала имъ возможности напасть на него сразу троимъ.

Купецъ, стоявшій вторымъ, бросилъ вдругъ простыню и съ выпученными глазами побрался наверхъ. Но сѣрый камень стоялъ почти отвѣсно. Купецъ ушибъ колѣно и сползъ обратно.

— Ахъ ты сволочь! Бродяга!—завопилъ онъ сквозь слезы.—Чего тебѣ, лѣшему, нужно?—Толкай! При на него, Викторъ Иванычъ!.. Отецъ Власій!

Но Викторъ Иванычъ, стоявшій впереди него, растерянно ерзалъ очками, покашливалъ и не двигался съ мѣста.

— Ибрагимъ! Ибра-ги-имъ!—закричалъ купецъ, задирая круглую голову.— Сю-да-а...

Гулящевъ вскочилъ на ноги.

— Слушай ты, пузо!—сказалъ онъ сквозь зубы.—Если только явится кто—сброшу всѣхъ, какъ котятъ сброшу!

Викторъ Иванычъ невольно покосился внизъ, гдѣ на колючемъ терновикѣ висѣла упавшая бѣлая простыня.

— П... простите, но вѣдь это --чортъ знаетъ, что такое!—воскликнулъ онъ, взмахивая длинными руками и вскидывая плечами.—Вѣдь мы же здѣсь хозяева, надѣюсь?!

— Сейчасъ—я хозяинъ!—отвѣтилъ ему Гулящевъ.

— П... позвольте, однако!--Викторъ Иванычъ обернулся назадъ и въ изумленіи поднялъ плечи до самыхъ ушей.—То-есть чортъ знаетъ!

Священникъ что-то промычалъ, а купецъ схватился за голову и въ ярости простоналъ.

— Да вы, собственно, чего волнуетесь?—заговорилъ Гулящевъ уже спокойнѣе, съ добродушной улыбкой.—Охота купаться пожалуйста: дорога туда свободна. А воды въ морѣ, полагаю, хватитъ на всѣхъ. Митя-ай!—окликнулъ онъ Шелестова.—Ну что? Хо-ро-шо ли?

— Здорово! отозвался тотъ, бултыхаясь.—Вода—какъ видно!

— Ишь ты-ы, алкоголикъ! Ну купайся, купайся. Да не спѣши смотри, а то, братъ, коли, задамъ! Хо,-хо...

Про дачниковъ Гулящевъ словно забылъ. Дымилъ папиросой и съ щурой лаской смотрѣлъ, какъ тѣло Димитрія въ прозрачной, колышущейся водѣ принимало потѣшно-уродливыя, лягушечьи формы.

Изъ-за берегового выступа показался бѣлый пароходъ. Купецъ встрепенулся и замахалъ руками, собираясь кричать.

Викторъ Иванычъ бросился въ нему.

— Голубчикъ! Петръ Савичъ!

— Да, вѣдь, разбой же! Экспропрр...

Викторъ Иванычъ зажалъ ему ротъ.

— Ради Бога... голубчикъ... минутку!

Сбросивъ мѣшавшія ему очки, онъ торопливо вытащилъ портмонэ. Потянулъ было красную бумажку, но видно жалко ее стало; положилъ обратно и высыпалъ на руку серебро, рубля на три—четыре.

— П... послушьте, э-э... Какъ васъ...—обратился онъ затѣмъ къ Гулящеву. Возьмите—пожалуйста Кх!.. Въ дорогѣ, знаете... мы, конечно, понимаемъ... Кхе!

Надѣвъ очки, онъ строго посмотрѣлъ поверхъ ихъ, смѣшно наклонивъ свой высокій, залысившійся лобъ и сухо добавилъ:

— И прекратимъ, знаете, эту... комедію!

Обернувшись къ своимъ спутникамъ, онъ улыбнулся, будто спрашивалъ: а что, ловко вѣдь?!

Гулящевъ машинально протянулъ руку и взялъ монеты. Держа ихъ на открытой ладони, онъ съ минуту прощупывалъ Викгора Иваныча брезгливо-насмѣшливымъ взглядомъ. Потомъ зажалъ деньги въ кулакъ, размахнулся и съ силой швырнулъ ихъ въ море.

Бѣлыя монеты изумленно шелестнули; взвились, разлучаясь; блеснули на солнцѣ и клюнулись въ воду. Одна, самая маленькая, отстала и упала на гравій, звякнувъ такъ тихо, что слухъ едва уловилъ ея нѣжный, испуганный звонъ...

Шелестовъ бултыхался недолго.

— Ну, Адамъ!—сказалъ онъ, поднявшись на тропинку.—Ступай теперь ты. А я посижу въ пріятномъ обществѣ.

Лица дачниковъ были такъ безпомощно злы и растеряны,—у купца отвисла толстая губа,—что Шелестову стало передъ ними неловко. Но начатое нужно было довести до конца. Онъ сѣлъ немного поодаль и, на всякій случай, положилъ сбоку голяшъ.

— Посидите, господа, пока-что,—сказалъ онъ безъ всякой злобы.—Онъ скоро.

Купецъ разстегнулъ неожиданно воротъ рубахи и, колотя себя въ мягкую грудь, плаксиво закричалъ:

— Разите, душегубы! Стрѣляйте!

Потомъ тяжело опустился на землю и захлипалъ.

Викторъ Иванычъ, уронивъ очки, бросился къ нему.

— Голубчикъ! Петръ Саввичъ!.. Успокойтесь, Бога ради...

Отецъ Власій задернулъ зачѣмъ то подрясникъ, погладилъ холеную волнистую бороду и заговорилъ съ плохо скрытымъ лукавствомъ.

— Вы, какъ вижу, поинтеллигентнѣе будете вашего... товарища.—Онъ легонько кашлянулъ.—Простите, вы-про-летаріи?

Шелестовъ настороженно покосился на него и отвѣтилъ:

— Да. Онъ—кузнецъ, а я—токарь.

— Ну-съ, вотъ,—пролетаріи. Прекрасно, прекрасно. Значитъ: братство и равенство, свобода личности и прочее?! И ужъ конечно долой насиліе?! Та-акъ-съ Ну, что же! Противъ этого не спорю,—да, не спорю.—Лицо стало еще лукавѣе.—Ну, а какъ же, господа про-ле-та-ріи, называется то, что вы съ нами дѣлаете? Что-съ?

— Преступленіе!—живо обернулся Викторъ Иванычъ, трагически потрясая руками.—За это вы поплатитесь! По-пла-ти-тесь милостивые государи!

— Эге-эй!—крикнулъ, Голящевъ, войдя уже въ воду.—Отпусти ихъ, Митяй! А Митяй!? Чортъ съ ними...

И не дождавшись отвѣта, онъ ринулся въ море и поплылъ, широкими взмахами разрывая изумрудную воду.

Послѣ знойнаго дня ночью было прохладно и сыро, и донималъ голодъ. Пріятели потянулись было къ Ялтѣ, но пока не взошла луна, было темно. Да и устали. Поэтому развели у подножья скалы, терявшей вершину гдѣ то въ густой синевѣ неба, костерокъ и прикурнули.

Но не спалось. То разбудила хриплая сирена проходившаго парохода, то сверху откуда то неожиданно сорвался камень. Далеко гдѣ-то въ степи перекликались собаки.

Шагахъ въ десяти плескалося море,—густое,—тяжелое,—точно медленно колебался огромный листъ стали, отливая въ плавныхъ изгибахъ матовымъ холоднымъ блескомъ. Гдѣ-то въ расщелинѣ черезъ каждыя полминуты клокотала вода,—будто всхрапывалъ кто. Волны сонно плескались о выступъ скалы, а подбѣгая къ костру, онѣ на мгновенье загорались блѣднымъ багрянцемъ и сейчасъ же, одна за другой, покорныя, умирали на гравіи, едва успѣвъ шепнуть ему что-то завѣтное и печальное, что несли такъ далеко—далеко.

Послѣ нихъ оставалась лишь легкая пѣна, слегка закровавленная свѣтомъ костра.

Въ небѣ, глубоко-глубоко, сорвалась вдругъ яркая звѣзда, и покатилась по бархатной глади, оставляя золотую, медленно гаснущую полоску. Слухъ напряженно ловилъ таинственные звуки золотой струны и полета,—вѣдь онѣ такъ ясно чувствовались! Но небо стало какъ будто еще темнѣе, а тишина вверху и надъ моремъ—еще торжественнѣе, еще глубже.

Потомъ гдѣ то надъ степью поднималась луна. Вершины причудливыхъ скалъ освѣтились зеленоватымъ свѣтомъ. Отдѣлились тѣни. А внизу, подъ скалами, стало совсѣмъ черно. Только у самаго горизонта, надъ которымъ чуть теплилось заночевавшее облачко, пало блѣдное, серебристое пятно.

Вотъ мы и у свободнаго моря,—съ горькой улыбкой промолвилъ Гулящевъ.

Шелестовъ разсѣянно посмотрѣлъ на него, на море; но ничего не сказалъ. Поднялся, постоялъ у скалы и полѣзъ затѣмъ на ея вершину.

Быстро поднималась надъ степью луна. Чѣмъ выше—тѣмъ ярче. Блѣдное пятно, что пало на море, росло, разгоралось, и вотъ протянулось, уже перепоясало море отъ края до края серебрянымъ, чешуйчатымъ поясомъ. Далеко отъ берега въ эту полосу вошелъ, словно призракъ, бѣлый парусъ баркаса, и черезъ минуту исчезъ.

— Сергу-ня!—окликнулъ Шелестовъ сверху взволнованнымъ голосомъ.—Гей! Полѣзай, друже, сюда!

Помолчавъ немного, онъ запѣлъ,—тихо, раздумчиво:

„Отчего я люблю тебя, тихая ночь?..

Онъ зналъ эту пѣсню по слуху,—изъ ссылки... Но обида восторгъ и печаль—такъ тѣсно сплелись и такъ бурно заполнили его душу, что когда онъ съ глубокимъ надрывомъ и страстью бросилъ упрекъ этой ночи:

„Ты не мнѣ, ты другимъ посылаешь покой!"—

звуки вырвались стономъ. Пѣсня порвалась. И долго блуждалъ этотъ стонъ по угрюмымъ, застывшимъ скаламъ, освѣщеннымъ безжизненнымъ свѣтомъ.

Жутко было одиночество.

— Сергунь!—позвалъ онъ опять.

Тотъ не откликнулся. Тогда онъ спустился, встревоженный, внизъ.

Гуляшевъ сидѣлъ все въ той же позѣ, положивъ голову на обхваченныя руками колѣни, смотрѣлъ на море и... плакалъ. Плакалъ, самъ того не замѣчая.

— Митя!—вскликнулъ онъ вдругъ съ горечью:—да развѣ жъ мы такъ много требуемъ отъ жизни?.. Вѣдь мы же меньше,—неизмѣримо меньше беремъ отъ людей, чѣмъ даемъ имъ! Зачѣмъ же насъ... такъ вотъ?..

Голосъ его сорвался, и онъ умолкъ, тяжело дыша.

А когда Димитрій подошелъ къ нему и положилъ на плечо свою руку, онъ съ мучительной тоской и тревогой спросилъ:

— А что, если все... все, что есть въ жизни! такъ же проходитъ безслѣдно, какъ эти волны? Вѣдь Римъ, и Египетъ и кто тамъ—Александръ? Сколько крови было и страданій, а гдѣ все подѣвалось? Пропало. Ничего! Камни тамъ ковыряютъ. А море смѣется. Смотри, видишь тамъ парусъ? Это—наши мечты.

Крылатый парусъ медленно скользнулъ по серебряному поясу и исчезъ въ сѣрой таинственной мглѣ.

— Понимаешь?..

Шелестовъ чувствовалъ, какъ подъ его рукою вздрагивало мощное тѣло. О, да! Онъ понималъ... И было тоскливо и больно.

— Сережа!

Мысли толпились, давили. Но когда онъ облекалъ ихъ въ слова, выходило не то, все не то! Съ бѣшеной силой сдавилъ его руку и, вкладывая въ слова всю силу своего желанія и надежды, и страха, сказалъ:

— Вѣрь мнѣ, родной: если бъ я, хоть на мигъ усумнился—я бъ размозжилъ съ этой скалы свою голову!

Сергѣй жадно и пытливо заглянулъ ему въ лицо и послѣ долгаго молчанья отвѣтилъ:

— Я вѣрю тебѣ. Я хочу вѣрить! Потому что безъ вѣры—я доберусь до ихъ дачъ!

Понимаешь?

— Вѣрь!—съ глубокой убѣжденностью воскликнулъ Димитрій.—Море должно, море будетъ свободно!!

А. Бибикъ.

ВЪ ЛѢСУ.

Лѣсъ шумитъ и шумитъ, опадая,—
Цѣлый день я въ раздумьи блуждаю
У деревни въ лѣсу за рѣкой...
Иль прошла моя жизнь молодая,
Иль безумье мой странный покой?

За рѣкой, за туманомъ угрюмымъ
Такъ легка передъ вечеромъ даль
Такъ легко моимъ пѣснямъ и думамъ
Слиться съ вѣчнымъ, березовымъ шумомъ—
Такъ легко умереть и не жаль...

Жаль мнѣ юности только минувшей,
Въ чащѣ тихой, опавшей, заснувшей
Никому неповѣданныхъ слезъ—
Слушай, сердце безумное, слушай
Похоронную пѣсню березъ!..

С. Клычковъ.

ВЕСНА.

Я шелъ по улицѣ. Торжественный былъ вечеръ.
У дальнихъ звѣздъ цвѣла уже весна.
И вѣтеръ обвивалъ такъ бережно и нѣжно
Еще угрюмые стволы деревьевъ.
Кружился запахъ тающаго снѣга. . .
Шли тихо люди, и у каждаго въ рукѣ
Была свѣча, затепленная въ храмѣ,
Мигающая, робкая отъ вечера и вѣтра. . .
И все похоже было болѣе на сказку,
Чѣмъ на жизнь.
А тамъ вверху надъ лязгомъ шумныхъ улицъ
Катились медленно и плавно широкіе разливы мѣдныхъ звоновъ. . .
Но тишина была и радость на лицахъ всѣхъ идущихъ...
Вздыхалъ по временамъ неуслѣдимый вѣтеръ. . .

Сильнѣе трепетали свѣчи—но не гасли:
Ихъ укрывали бережно одни бумагою какой-то,—
Другіе-же ладонью. И становилась оттого ладонь,
Какъ свѣтъ закатный, розово-прозрачно. . .
. . . Шла рядомъ дѣвочка и ласковое пламя
Своей свѣчи была не въ состояньи
Укрыть отъ шутника,—оть вѣтра:
Ужъ слишкомъ маленькой была ея худая ручка. . .
Свѣча ея мигала ярче и сильнѣе, чѣмъ у другихъ,
Но было ясно мнѣ, что этотъ трепетъ—трепетъ передъ смертью.
Я наклонился—грубою ладонью закрылъ ея свѣчу—
И видѣлъ близко-близко у глазъ своихъ—ея глаза,
Какъ звѣзды въ этотъ вечеръ. . .
Иду къ тебѣ. . . Въ рукѣ ты не увидишь
Свѣчи затепленной у Горняго Престола—
Она въ глазахъ моихъ, въ глазахъ и сердцѣ.
Возьми ее—она твоя. . . Убереги ее отъ вѣтра. . .
Ея мерцанья такъ-же хрупки,
Какъ трепетъ той свѣчи у дѣвочки забытой,
Какъ то, что люди называютъ:—Счастье—
Возьми ее—она твоя. . .

Н. Ю. Венгровъ.

ВЕСЕННІЙ МОТИВЪ.

Вьются тучки, вьются по небу летятъ,
По лазури разсыпаются.
То растаютъ, то растутъ. . . Сойдутся въ рядъ.
Легкимъ пухомъ разлетаются.

Кружитъ вѣтеръ ихъ веселый въ небесахъ
Кружитъ, нѣжитъ, увивается. . .
И тѣнистые узоры на поляхъ
Тихо движутся, сплетаются.

А. Сергѣевъ.

ТѢНИ ЗАКАТА.

Легкія тѣни, летучія тѣни,—
Чуть загорѣлся закатъ.
Танецъ воздушныхъ, прозрачныхъ видѣній,
Танецъ дріадъ и наядъ.

Зыблются тѣни, колеблются тѣни,
Въ танцѣ воздушномъ летятъ.
Небо въ жемчужно-серебряной пѣнѣ
И пламенѣетъ закатъ.

Дрогнули тѣни, сливаются тѣни. . .
Тихо погаснулъ закатъ. . .
Словно лампады вечернихъ моленій
Первыя звѣзды горятъ.

А. Сергѣевъ.

* * *

Сегодня праздникъ, свѣтлый день,
Въ мое окно взглянуло солнце,
Гдѣ нѣжно бѣлая сирень
Цвѣтетъ, склонясь на подоконце.
Скользятъ по синему стеклу
Тѣней неясные узоры;
Цвѣты мнѣ шепчутъ про весну,
Про степь, про свѣтлые просторы....
И сердце чуетъ красоту
И рвется въ поле на свободу...
Ахъ, я сегодня не пойду
Дорогой скучною къ заводу!
Я не услышу стукъ колесъ
И стонъ и злобный скрежетъ стали...
Меня возьмутъ въ объятья грезъ
Степей обласканныя дали.
Я буду въ полѣ средь луговъ,
Бродить до поздняго заката,
Гдѣ много свѣта и цвѣтовъ,
Гдѣ воздухъ полонъ аромата!

С. Кошкаровъ.

Библиотека Института В. И. Ленина

Переписка Маркса и Энгельса.

I.

Свое литературное наслѣдство, включая переписку съ Марксомъ, Энгельсъ завѣщалъ Бебелю и Бернштейну. Бебель—вмѣстѣ съ Бернштейномъ—успѣлъ еще до своей смерти кончить трудъ по изданію «Переписки». Въ концѣ прошлаго года она опубликована—большое 4-хтомное изданіе, въ суммѣ немного меньше 2000 страницъ. Въ „Переписку", какъ поясняютъ въ предисловіи оба редактора, вошло почти все безъ всякихъ сокращеній и за исключеніемъ лишь тѣхъ рѣдкихъ писемъ, которыя при большой интимности не представляли сколько-нибудь существеннаго интереса для широкой публики.

Переписка обоихъ друзей обнимаетъ періодъ времени отъ 1844 до 1883 г., почти съ перваго момента зарожденія этой исключительной дружбы до смерти Маркса, т. е. четыре десятка лѣтъ. Извѣстно, что Энгельсъ много лѣтъ жилъ въ Манчестерѣ, въ то время, когда Марксъ—въ Лондонѣ. И этому обстоятельству, несчастливому,—какъ замѣчаетъ Викторъ Адлеръ [1]),—для друзей, мы обязаны счастливой возможностью глубже заглянуть въ тайники ума и души обоихъ творцовъ научнаго соціализма; полнѣе, точнѣе и глубже ознакомиться съ тѣмъ, какъ они жили и работали, любили, учили и сами учились; какъ вынашивались и создавались обезсмертившія ихъ имя творенія; какъ складывались ихъ отношенія къ людямъ — друзьямъ, противникамъ и врагамъ, ихъ семейныя и личныя отношенія; ихъ отношеніе къ самымъ разнообразнымъ вопросамъ исторіи и политической злобы дня;— словомъ, узнать обоихъ великихъ людей *во всемъ*, — на высотахъ абстрактной научной мысли, въ центрѣ кипучей политической и партійной жизни, въ кругу семьи и близкихъ людей вплоть до деталей ихъ будничной повседневности. И если сознательный пролетаріатъ всего міра благоговѣйно чтитъ свѣтлую память людей, показавшихъ и освѣтившихъ имъ ихъ историческій путь, то образъ этихъ людей, какъ онъ постепенно вырисовывается въ ихъ сорокалѣтней перепискѣ, образъ, художественный по цѣльности и въ высокой степени человѣчный, долженъ глубоко запечатлѣться въ сердцѣ сознательныхъ пролетаріевъ и всегда поддерживать къ нимъ горячую и неугасимую любовь.

Вокругъ Маркса и Энгельса, особенно Маркса, успѣла уже сложиться легенда, какъ о людяхъ безъ сердца, черствыхъ, всѣ симпатіи и влеченія которыхъ лежали лишь въ области абстрактныхъ мыслей и представленій. Если они что-либо любили, то лишь, какъ фанатики, отвлеченную идею, ими же созданную. Если они когда-либо съ людьми и считались, то лишь въ отвлеченномъ собирательномъ видѣ, какъ съ «классомъ». Марксъ и Энгельсъ, дѣйствительно, были прежде всего борцами за идею и всю свою жизнь отдали тому классу, которому принадлежитъ роль освободителя человѣчества. Но ихъ враги и недоброжелатели, явные и скрытые, исказили ихъ образъ и всѣми силами старались и стараются вынуть изъ него «душу живу», лишить его всего человѣчески-привлекательнаго. Приступая къ общей характеристикѣ „Переписки", какъ литературнаго памятника, нельзя удержаться, чтобы не отмѣтить, прежде всего, ихъ, и особенно Маркса, истинно-человѣчное отношеніе къ людямъ, конкретнымъ людямъ, съ которыми ихъ сталкивала жизнь. Въ этомъ отношеніи,—какъ и во многихъ другихъ,—„Переписка" даетъ богатѣйшій матеріалъ, изъ котораго мы возьмемъ лишь 2—3 примѣра.

При всей своей колоссальной занятости и при всей своей ужасающей нуждѣ, Марксъ всегда находилъ и время, и матеріальную возможность отзываться въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ это считалъ необходимымъ.

Такъ, 3 іюня 1852 г. онъ объясняетъ Энгельсу, почему онъ опоздалъ отвѣтомъ на его письмо. Жена товарища, издавна болѣвшая и лежавшая въ больницѣ, была выброшена на улицу предъ самой смертью, и умерла дома, у мужа, въ крайней нищетѣ. Ни гроша денегъ, а тутъ расходы на похороны и т. п. Никто другой не могъ здѣсь ничѣмъ помочь. „И такимъ образомъ,—пишетъ Марксъ, - пришлось этимъ дѣломъ заняться мнѣ. Безконечная бѣготня, пока все было улажено. Теперь опять все въ порядкѣ".—Фактъ незначительный, но тѣмъ болѣе характерный. Онъ показываетъ, какъ близко Марксъ принималъ къ сердцу горе и нужду товарищеской среды. Не было кому похоронить жену товарища, взять на себя необходимыя при этомъ хлопоты. И Марксъ тратитъ свое дорогое время и на это!

Другой фактъ, на этотъ разъ касающійся близкаго товарища-рабочаго, извѣстнаго Эккаріуса.—Весной 1860 г. Эккаріусъ заболѣлъ на почвѣ истощенія, о чемъ онъ и извѣщаетъ Маркса. Врачъ заявилъ ему, Эккаріусу, что онъ долженъ бросить свою профессію (портняжество), измѣнить образъ жизни и т. д. Марксъ нанимаетъ ему помѣщеніе около себя. Обѣдъ, — пишетъ Марксъ Энгельсу, — онъ получаетъ у меня и ему нечего дѣлать, какъ только гулять и поправляться, и надѣюсь, что онъ станетъ на ноги.

Или вотъ онъ у постели умирающаго Шаппера [1]). „Вчера опять

[1]) Der Kampf, октябрь 1913.

[1]) Шапперъ—бывшій членъ „Союза Коммунистовъ", но въ самомъ началѣ эмиграціи (1850 г.) вмѣстѣ съ другими отъ него откололся и сталъ въ оппозицію къ Марксу и Энгельсу.

былъ у Шаппера", — пишетъ Марксъ Энгельсу 28 апрѣля 1870 г. „Боюсь, онъ скоро умретъ. Говорилъ и держалъ себя предъ лицомъ смерти прекрасно... „Скажи всѣмъ нашимъ друзьямъ, — сообщаетъ Марксъ послѣднія слова Шаппера, — что я остался вѣренъ нашимъ принципамъ. Я не теоретикъ. Во время реакціи у меня было достаточно дѣла, чтобы прокормить свою семью. Я тяжело трудился и умираю пролетаріемъ".—Я передалъ ему,— продолжаетъ Марксъ,— привѣтъ отъ тебя и сказалъ ему, что ты навѣрное пріѣхалъ бы, еслибы зналъ, въ какой онъ опасности. И это доставило ему видимую радость..."—„Чтобы увидѣть Шаппера,—отвѣчаетъ Энгельсъ на другой день изъ Манчестера,—я дѣйствительно, пріѣхалъ бы, еслибы, судя по твоему письму, не полагалъ, что его ужъ нѣтъ въ живыхъ"...

Въ томъ же письмѣ отъ 28 апрѣля 1870 г. Марксъ проситъ своего друга написать другому опасно больному товарищу, чтобы тотъ побереглъ и не переутомлялъ себя занятіями сверхъ тѣхъ, которыя необходимы для заработка. «Сказалъ ему, что пока ты былъ на службѣ, ты весьма умѣренно занимался другими дѣлами (научными, изученіемъ языковъ,—М. П.). Сдѣлалъ это намѣренно, такъ какъ знаю, что онъ питаетъ къ тебѣ большое уваженіе». И если ты ему напишешь, то «во-первыхъ, его особенно подбодритъ такое съ твоей стороны вниманіе, во-вторыхъ, онъ приметъ къ сердцу именно твой совѣтъ не разрушать своего здоровья экстраординарными занятіями".

Неправда-ли, читатель, какъ это похоже на черстваго, бездушнаго Маркса, какимъ его такъ охотно рисуютъ наши враги и ложные друзья? И такихъ примѣровъ можно было бы привести множество.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи у насъ еще будетъ случай увидѣть, какое, въ сущности, любящее и нѣжное сердце скрывалось подъ суровымъ обликомъ великихъ борцовъ. Но тутъ въ связи съ вопросомъ, какъ Марксъ и Энгельсъ относились къ окружавшимъ ихъ людямъ, не можемъ не отмѣтить также еще одной черты—ихъ необыкновенной вѣрности и преданности тѣмъ, которымъ они однажды повѣрили и довѣрились.

Изъ другихъ писемъ Маркса,—его писемъ къ Фрейлиграту [1]),— извѣстно, какъ тяжело ему было отказываться отъ привязанности даже тогда, когда разницей въ типахъ, условіями и обстоятельствами жизни уже выѣдена была сердцевина дружбы и духовной солидарности. Фрейлигратъ, поэтъ революціи и пролетаріата 1848 г., былъ совсѣмъ другого склада ума, души и характера, чѣмъ Марксъ. При томъ жизнь въ эмиграціи съ самаго начала складывалось для обоихъ совершенно различно. Мало-по-малу дружба дала трещину и — чѣмъ дальше, тѣмъ больше — расхожденіе становилось неизбѣжнымъ. Но Марксъ не хотѣлъ и не могъ съ этимъ мириться. Въ длиннѣйшихъ

[1]) Опубликованы въ 1912 г. въ приложеніи къ „Neue Zeit".

письмахъ къ Фрейлиграту онъ стремится выяснить и устранить все то, что казалось ему одними только недоразумѣніями и пустяками. Не могу,—пишетъ онъ тамъ между прочимъ,—терять друзей изъ-за пустяковъ или по причинамъ несущественнымъ. — Въ перепискѣ съ Энгельсомъ эта благородная черта освѣщается еще гораздо ярче. Укажемъ лишь на одинъ-два примѣра.

Въ своихъ отношеніяхъ съ Марксомъ и Энгельсомъ Либкнехтъ далеко не всегда былъ на надлежащей высотѣ. Въ „Перепискѣ" онъ выступаетъ, какъ типъ стараго нѣмецкаго бурша. Онъ не точенъ въ своихъ обѣщаніяхъ и обязательствахъ, и на него трудно, поэтому, положиться. Болѣе того. Онъ нерѣдко довольно безцеремоненъ по отношенію къ своимъ друзьямъ и учителямъ. Не разъ онъ публично на нихъ ссылается, говоритъ и грозитъ отъ ихъ имени, не имѣя къ тому никакого основанія. Дѣлалось это отнюдь не преднамѣренно, а лишь по неосторожности. Однако, точныхъ и щепетильныхъ Маркса и Энгельса такое поведеніе Либкнехта не могло не возмущать. Возможно, что именно съ близкими людьми Либкнехтъ, по своему характеру, меньше различалъ ту грань, которая всегда даже въ самой тѣсной дружбѣ существуетъ между человѣкомъ и человѣкомъ. Беззавѣтный въ дружбѣ, онъ въ пылу борьбы съ врагами и противниками могъ приписать друзьямъ, самъ того не замѣчая, свои собственные мысли и взгляды, чего онъ, при большей осторожности, конечно не сдѣлалъ бы. Какъ бы то ни было, Марксъ и Энгельсъ сумѣли *понять его такимъ, какимъ онъ былъ*. И какъ онъ имъ, такъ они Либкнехту оставались вѣрными до конца своей жизни, беря его со всѣми его достоинствами и недостатками.—Таково же было отношеніе ихъ къ «старому Беккеру», великому „путанику" (Konfusionsrat'у), бывшему между Марксомъ—Энгельсомъ и интернаціональнымъ рабочимъ движеніемъ такимъ же посредствующимъ звеномъ, какимъ былъ Либкнехтъ между ними и нѣмецкимъ рабочимъ движеніемъ. Отношенія Маркса и Энгельса съ Либкнехтомъ, Беккеромъ и многими другими ярко свидѣтельствуютъ, что они, при всей своей суровости и требовательности, снисходительно и зачастую съ добродушнымъ юморомъ относились къ слабостямъ и недостаткамъ людей, съ которыми встрѣчались, строго индивидуализируя каждаго изъ нихъ.

Однако, все, на что здѣсь указано, важное и интересное само по себѣ, въ сравненіи со многимъ другимъ, чѣмъ богата „Переписка",— второстепеннаго характера. Это *надо* было сказать въ интересахъ исторической справедливости и чтобы подорвать легенду, складывающуюся на почвѣ тупой вражды или благожелательной ограниченности [1]). Но значеніе „Переписки" — повторяемъ—не въ томъ или

[1]) Въ январьской книжкѣ „Вѣстника Европы" г. Р. Бланкъ, редакторъ бывшаго еженедѣльнаго журнала „Запросы Жизни", знакомитъ читающую публику съ „Перепиской Маркса съ Энгельсомъ" и, между прочимъ, походя,

другомъ отдѣльномъ письмѣ, не въ той ли иной отдѣльной чертѣ, а въ томъ, какъ письмо за письмомъ, черта за чертой выясняется и складывается въ поразительное по крѣпости и гармоничности *цѣлое*— ихъ жизнь во всей ея сложности, разнообразіи и пестротѣ.

Въ письмахъ Маркса-Энгельса читатель находитъ представленными всѣ отрасли знанія. Марксъ и Энгельсъ вмѣстѣ обладали всѣми знаніями своего времени и были живымъ воплощеніемъ научной универсальности. При томъ, какими знаніями! То, что они знали, они знали до основанія, всеобъемлющимъ и точнѣйшимъ образомъ. Вся ихъ жизнь, — поскольку она оставалась незаполненной требованіями практическаго движенія, литературной работой, хлѣбными занятіями у Энгельса и борьбой съ гнетущей нуждой и болѣзнями у Маркса,— вся эта жизнь проходила въ безпрерывной «учебѣ». «Ochsen» — учиться было ихъ величайшимъ наслажденіемъ. Представить себѣ только, какую сокровищницу живого знанія эти люди въ себѣ заключали, люди, геніальные по способностямъ, уже самимъ воспитаніемъ поставленные въ уровень современнаго имъ знанія, люди ненасытной любознательности, колоссальнаго прилежанія и поистинѣ желѣзной энергіи и работоспособности! Занимаясь исторіей и политической экономіей главнымъ образомъ, ex professo, Марксъ попутно, во время болѣзни въ постели или «въ воскресенье для отдыха» изучаетъ огромные труды по химіи и математикѣ. Впрочемъ, математика, какъ философія и поэзія, ему дѣйствительно служили отдыхомъ. А Энгельсъ спеціально работаетъ въ области естествознанія, гдѣ онъ подъ часъ строитъ геніальнѣйшія догадки, пріобрѣтаетъ себѣ крупное имя, какъ военный авторитетъ, изучаетъ множество языковъ. Химія, физика, сельское хозяйство, механика, технологія, астрономія, математика, философія, политическая экономія, біологія, физіологія, этнографія, правовѣдѣніе, исторія, языки, которые изучаются группами — славянскіе, скандинавскіе,—персидскій языкъ и персидская литература... Все они знаютъ, все имъ доступно, вездѣ они „дома“... И обо всемъ они другъ другу пишутъ и все у нихъ отражается въ перепискѣ!..

Меньше всего они были при этомъ чисто кабинетными учеными. Они одинаково хорошо себя чувствуютъ и свободно движутся, какъ въ области теоріи, такъ и практическаго общественнаго дѣла. Замѣчательнѣе же всего то, что въ ихъ сознаніи вся жизнь, въ цѣломъ и частностяхъ, подчиняется требованіямъ ихъ исторической задачи и общественной практики. Не говоря уже о томъ, что всегда, когда только есть движеніе, имъ принадлежитъ, если не прямое, то косвенное руководство,—они ни одного шага не дѣлаютъ безъ того, чтобы не спросить себя, полезно-ли это будетъ «дѣлу», der Sache.

Какъ извѣстно, Энгельсъ принималъ участіе въ южногерманскомъ возстаніи въ маѣ 1849 г. Послѣ пораженія ему удалось бѣжать въ Швейцарію (откуда онъ потомъ ѣдетъ въ Англію). Изъ Веве онъ 25 іюля 1849 г. пишетъ женѣ Маркса: „Вы вмѣстѣ съ Марксомъ, вѣроятно, удивлены, что отъ меня такъ долго нѣтъ извѣстій... Съ появленіемъ пруссаковъ я не могъ удержаться, чтобы не принять участія въ возстаніи. Я былъ въ четырехъ сраженіяхъ, изъ нихъ два—довольно большія... Но послѣ всего счастливо остался невредимымъ и въ концѣ концовъ хорошо, что изъ нашей группы (группы „Новой Рейнской газеты“) хоть одинъ участвовалъ въ возстаніи. Ибо въ Баденѣ и Пфальцѣ была вся демократическая банда и будетъ теперь хвастать несовершонными геройскими дѣлами...» — «Я былъ въ большой тревогѣ за тебя»,—отвѣчаетъ ему Марксъ. И дальше: „Еслибы ты въ возстаніи не участвовалъ, то мы не могли бы выступить съ нашими взглядами на всю эту исторію...“ — Конечно, не надо себѣ это такъ представлять, что сначала Энгельсъ рѣшилъ, что его участіе въ возстаніи будетъ полезно „дѣлу“, и потомъ пошелъ воевать. Въ значительной, если не въ самой большой степени, Энгельсъ просто отдалъ дань своему революціонному темпераменту. Но для психическаго уклада обоихъ друзей характерно то, что интересами дѣла они стремятся осмыслить все: въ данномъ случаѣ, проявленіе своего революціоннаго темперамента, а, вотъ, въ другомъ и самую свою неутолимую жажду знанія.

18-го марта 1852 г. Энгельсъ, между прочимъ, пишетъ: „Втеченіе 14 дней я основательно занимаюсь русскимъ языкомъ и почти одолѣлъ грамматику. Черезъ 2—3 мѣсяца у меня будетъ уже необходимый запасъ словъ, и тогда я смогу приняться за что-нибудь другое. Съ славянскими языками я долженъ покончить еще за этотъ годъ, и, по существу, это вовсе не такъ трудно. Изученіе языковъ интересуетъ меня и само по себѣ. Но, кромѣ этого, необходимо, чтобы хоть одинъ изъ насъ двухъ зналъ языки, исторію, литературу и детали соціальнаго строя тѣхъ націй, съ которыми при ближайшихъ крупныхъ событіяхъ немедленно завяжется борьба...“

Мы приводимъ это выписки—и дальше приведемъ ихъ еще не мало,—такъ какъ по нимъ лучше всего, конечно, судить и о томъ, какъ Марксъ и Энгельсъ жили и учились, и о томъ, какъ они сами на свою жизнь и „учебу“ смотрѣли, и—главное!—о томъ, какъ все это отразилось въ ихъ перепискѣ между собою. Никакая біографія не могла бы *такъ* освѣтить ихъ „жизнь и дѣятельность“, какъ это сдѣлано 4-мя томами „Переписки“!

Такимъ образомъ, „Переписка“ представляетъ собой біографическій источникъ первостепенной важности. Это прежде всего. Но вмѣ-

---

бросаетъ такую фразу: „Онъ (Марксъ) вообще не отличался терпимостью къ людямъ. Повидимому, люди были для него больше объектами, чѣмъ субъектами...“ Если огромное множество фактовъ 4-хъ томовъ „Переписки“ его не разубѣдило и не заставило сойти съ проторенной дорожки въ оцѣнкѣ Маркса, какъ человѣка, то ему, г. Бланку, ничѣмъ ужъ помочь нельзя, ибо для него самого „повидимому“, Марксъ и Энгельсъ „больше объекты, чѣмъ субъекты“...

стѣ съ тѣмъ, въ письмахъ, въ этомъ чрезвычайно интенсивномъ и живомъ обмѣнѣ мнѣній обоихъ друзей содержится огромный матеріалъ по цѣлому ряду вопросовъ,—естественнонаучныхъ, философскихъ, общественныхъ, экономическихъ и — особенно, вопросовъ міровой политики, соціализма и международнаго рабочаго движенія. Предъ мысленнымъ взоромъ увлеченнаго читателя яркими, какъ бы движущимися, картинами проходитъ вся политическая исторія Стараго и Новаго свѣта чуть-ли не за полвѣка!

Что Марксъ и Энгельсъ, живя въ Англіи,—въ странѣ, въ соціально-экономическомъ отношеніи самой развитой въ прошломъ вѣкѣ,—и духовно, и, такъ-сказать, физически находились въ центрѣ міровой исторіи своего времени,—стало общимъ мѣстомъ, хотя и въ данномъ случаѣ этимъ общимъ мѣстомъ заслоняется яркая индивидуальная черта. Какъ это ни странно можетъ показаться, но Марксъ и Энгельсъ были довольно „хорошими“ нѣмцами, а Энгельсъ, пожалуй, былъ слишкомъ „хорошимъ“. Переписка даетъ тому не мало доказательствъ.

Такъ, чтобы подвинуть впередъ изданіе I т. «Капитала» на французскомъ языкѣ, Марксу необходимо было побывать въ Парижѣ. Но, узнанный тамъ полиціей Наполеона III („маленькаго племянника великаго дяди“), онъ былъ бы схваченъ и высланъ, вообще рисковалъ подвергнуться всякимъ непріятностямъ. Но съѣздить туда было необходимо. И вотъ у Маркса появляется мысль натурализоваться въ Англіи и поставить себя, такимъ образомъ, подъ защиту англійскаго закона. Этой мыслью онъ и дѣлится съ Энгельсомъ въ письмѣ отъ 20 марта 1869 г.; она кажется ему тѣмъ болѣе пріемлемой, что согласно дѣйствующему закону, „можно при желаніи стряхнуть съ себя черезъ шесть мѣсяцевъ англичанина“, т. е. англійское гражданство. Но мысль эта такъ и осталась невыполненной. И когда Энгельсъ въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ спрашиваетъ его, исполнилъ-ли онъ и, если нѣтъ, то, когда же онъ исполнитъ свое намѣреніе, то Марксъ отвѣчаетъ ему: «Свободнорожденнымъ британцемъ я пока еще не сдѣлался, Такимъ вещамъ противишься такъ долго, какъ только это возможно».—Что же. кромѣ рѣдкой общественной совѣстливости и чистоплотности, удерживало Маркса отъ этого, казалось бы, совершенно невиннаго шага, если не чувство приверженности къ собственной родинѣ?!

Какъ бы то ни было, по своему положенію, знаніямъ и широкимъ горизонтамъ, Марксъ и Энгельсъ, дѣйствительно, стояли въ центрѣ всей общественной и политической жизни своего времени. И это—опять таки—исчерпывающимъ образомъ отразилось въ ихъ перепискѣ. Тутъ все: и революція, и реакція, объединеніе Германіи и объединеніе Италіи, война за освобожденіе негровъ въ Америкѣ и революціонное движеніе въ Россіи, испанская революція и азіатскія владѣ-

нія Англіи, Интернаціоналъ и рабочее движеніе въ отдѣльныхъ странахъ, и ближній и дальній Востокъ, и далекая Польша, и близкая Ирландія,—все, рѣшительно все, имѣющее значеніе, находится въ полѣ зрѣнія обоихъ друзей. Всѣмъ они дѣляться, обо всемъ они обмѣниваются мнѣніями и спрашиваютъ другъ у друга совѣта. И не только дѣлятся, но и развиваютъ свои взгляды въ безчисленныхъ статьяхъ. Извѣстно, что, кромѣ цѣлаго ряда рабочихъ органовъ—нѣмецкихъ, англійскихъ и французскихъ,—Марксъ и Энгельсъ долгіе годы сотрудничали въ одной американской газетѣ («Нью-іоркской Трибунѣ»), одно время также въ одной вѣнской газетѣ („Neue Freie Presse“) и въ другихъ изданіяхъ. Но что болѣе широкой публикѣ станетъ извѣстнымъ лишь изъ „Переписки“, такъ это то, что множество статей и цѣлыхъ произведеній основателей научнаго соціализма еще должны быть разысканы и опубликованы, какъ напримѣръ, рядъ статей объ испанской революціи, о панславизмѣ, объ англо-китайскихъ торговыхъ сношеніяхъ и еще многое, многое другое...

Никого не удивишь, если скажешь, что оцѣнка, даваемая Марксомъ и Энгельсомъ текущимъ политическимъ событіямъ, ихъ работа мысли вообще не перестаетъ поражать своимъ блескомъ, глубиной и оригинальностью. Но нѣсколько неожиданна поистинѣ геніальная прозорливость. Энгельса. Мысль его, какъ молнія, ударитъ, зажжетъ и броситъ снопы яркаго свѣта далеко вокругъ себя. Если Марксъ значительно превосходитъ его глубиной и силою анализа, то Энгельсъ едва-ли уступаетъ ему въ размахѣ мысли и широтѣ кругозора. Какъ на одинъ изъ многихъ примѣровъ этого рода, укажемъ на отношеніе Энгельса къ австро-прусской войнѣ 1866 г. и оцѣнку ея возможныхъ послѣдствій.

Тотъ процессъ объединенія Германіи—быть можетъ, временное,—завершеніе котораго произошло въ этой войнѣ, могъ совершиться двояко: снизу или сверху. Снизу путемъ низверженія всѣхъ династій, отъ Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ до захудалыхъ германскихъ «владѣтельныхъ» князьковъ, и образованія демократической федеративной республики. Это и составляло идеалъ всѣхъ истыхъ революціонеровъ Германіи. Но этотъ идеалъ не осуществился, -слишкомъ ужъ неразвиты были для того общественныя силы Германіи,—и тогда оставался второй путь: „революція сверху“. А „сверху“ споръ шелъ между Пруссіей и Австріей и тянувшими къ Австріи южногерманскими государствами, Баваріей, Баденомъ и другими. Великая Германія вмѣстѣ съ Австріей или Малая Германія безъ Австріи—вотъ вопросъ, волновавшій тогда всѣ политическія партіи и группы Германіи. Въ концѣ концовъ вопросъ этотъ, какъ всѣ такіе вопросы, могъ быть рѣшенъ только силою. Въ войнѣ 1866 г. Австрія была Пруссіей разбита на голову и выброшена изъ союза герман-

скихъ государствъ. Споръ былъ разрѣшенъ въ пользу Малой Германіи, т. е. Пруссіи.

И вотъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что свершившихся событій, Энгельсъ съ поразительнымъ ясновидѣніемъ высказывается объ ихъ неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ.

„Австрія—говоритъ онъ—въ письмѣ отъ 25 іюля 1866 г. должна стать теперь венгерской (т. е., что значительную силу и преобладаніе въ ней неизбѣжно получитъ Венгрія,—М. П.); нѣмцы, какъ нація, будутъ отодвинуты на третье мѣсто, ибо впереди ихъ станутъ еще славяне... Главное зло—неизбѣжное отнынѣ проникновеніе прусскаго духа во всѣ поры общественной жизни Германіи. А затѣмъ—временное исключеніе Австріи (изъ германскаго союза, и немедленное возобладаніе славянскаго элемента въ Богеміи, Моравіи и Каринтіи, какъ слѣдствіе этого исключенія. Противъ того и другого ничего, къ сожалѣнію, не подѣлаешь".

Энгельсъ «сожалѣетъ» о неминуемомъ «возобладаніи славянскаго элемента», и Марксъ раздѣляетъ это сожалѣніе. Отрицательное отношеніе ихъ къ славянскимъ національностямъ (не ко всѣмъ: вспомнимъ Польшу!) объясняется той реакціонной ролью, которую „славянскій элементъ" сыгралъ въ общественномъ движеніи средины прошлаго вѣка: ролью чеховъ противъ нѣмцевъ, русинъ противъ поляковъ въ Австріи, хорватовъ противъ мадьяровъ въ Венгріи. Въ то время Марксъ и Энгельсъ не могли еще, кромѣ того, учесть все значеніе національнаго момента въ соціально-исторической эволюціи, момента, играющаго все большую и большую роль лишь съ конца прошлаго столѣтія. Но каково бы ни было отношеніе Энгельса къ «славянскому элементу»,—поражаетъ здѣсь этотъ глубоко вѣрный прогнозъ! Чтобы по достоинству оцѣнить мысли Энгельса въ цитированномъ письмѣ, надо лишь сказать, что онѣ не только сбылись съ буквально точностью, но что черезъ сорокъ лѣтъ послѣ того, какъ Энгельсъ ихъ высказалъ, онѣ,—конечно, независимо отъ него,—положены въ основу и разработаны въ трудахъ такихъ даровитыхъ и глубокихъ знатоковъ австрійской жизни, какъ Реннеръ и Бауэръ!—Правда, Энгельсъ въ этомъ письмѣ говоритъ также о томъ, что нѣмецкія провинціи Австріи вскорѣ тоже будутъ присоединены къ Германіи. Въ этомъ онъ ошибся, но ошибся лишь *политически*. Съ *исторической* же точки зрѣнія процессъ объединенія Германіи нельзя даже и теперь считать окончательно завершившимся. До сихъ поръ еще тяготѣніе нѣмецкаго населенія Австріи къ основной нѣмецкой массѣ Германіи не только не уменьшилось, но, быть можетъ, даже увеличилось. А въ самой Австріи оно вынуждено вести отчаянную борьбу за всѣ соціальныя и политическія позиціи противъ десятковъ милліоновъ мадьярской и особенно славянскихъ націй. Австрійскіе нѣмцы находятся, такимъ образомъ, подъ двойнымъ дѣйствіемъ центростремительныхъ тенденцій огромной нѣмецкой массы Германіи и центробѣжныхъ силъ мадьярства и, главнымъ образомъ, славянства въ самой Австріи. Едва-ли, поэтому, приходится даже теперь считать законченной концентрацію нѣмецкой національности. И мысль Энгельса ходомъ исторіи еще такъ или иначе можетъ осуществиться...

Надо вообще сказать, какъ мы ни пріучаемъ себя ставить Энгельса рядомъ съ Марксомъ, все же мы его въ сравненіи съ Марксомъ недооцѣниваемъ. Въ союзѣ первыхъ двухъ современныхъ „коммунистовъ" историческое значеніе Энгельса гораздо больше, чѣмъ мы, на самомъ дѣлѣ, привыкли думать.

Совершенно очевиднымъ становится изъ „Переписки" тотъ огромной важности фактъ, что безъ Энгельса—не только матеріальной его поддержки, но и умственнаго и моральнаго участія—даже генія Маркса не хватило бы для его безсмертнаго дѣла: исчерпывающей критики политической экономіи буржуазнаго общества и вскрытія дѣйствующихъ пружинъ всѣхъ человѣческихъ обществъ. Подробнѣе объ этомъ—еще дальше, въ другой связи. Но здѣсь мы, въ частности, еще отмѣтимъ, что многое изъ того, что мы считали принадлежащимъ Марксу, на самомъ дѣлѣ исходитъ отъ Энгельса. Такъ, „Революція и контръ-революція въ Германіи" на самомъ дѣлѣ вышла изъ подъ пера Энгельса, а не Маркса. Въ „Ньюйоркской Трибунѣ", гдѣ эти очерки впервые были напечатаны и гдѣ Марксъ безпрерывно работалъ около десяти лѣтъ, начиная съ 1851 г., огромная масса статей и очерковъ, авторомъ которыхъ считался Марксъ, на самомъ дѣлѣ, какъ выясняется изъ „Переписки", написано Энгельсомъ. Въ другой связи мы увидимъ, почему это такъ вышло. А тутъ отмѣтимъ еще тотъ новый и чрезвычайно интересный фактъ, что первый и, притомъ, основной эскизъ „Коммунистическаго Манифеста", самое названіе его, быть можетъ, даже иниціатива его изданія принадлежитъ Энгельсу.

Въ 1846 г. молодой Энгельсъ ведетъ дѣятельную пропаганду „коммунизма" въ Парижѣ среди нѣмецкихъ ремесленниковъ. Его письма (цѣлые доклады!) „къ Брюссельскому Комитету", во главѣ котораго находился Марксъ, очень интересно отражаютъ, съ какимъ огнемъ Энгельсъ ведетъ свою пропаганду и какъ онъ борется съ мелкобуржуазными квази-соціалистическими вліяніями. Въ одномъ изъ такихъ сообщеній („Письмѣ № III" отъ 23 октября 1846 г.) Энгельсъ разсказываетъ, какъ въ рабочемъ кружкѣ отъ него потребовали опредѣленія того, „что собственно есть коммунизмъ", и какъ онъ далъ настолько „простое опредѣленіе", чтобы оно при полномъ отрицаніи прудонизма и всякаго псевдо-соціализма исключало возможность „обхода и отклоненій при голосованіи". „Стремленія коммунистовъ я, стало быть, опредѣлилъ такъ: 1, осуществить интересы пролетаріевъ въ противоположность къ интересамъ буржуа; 2, осуществить это путемъ уничтоженія частной собственности и замѣны ея общностью благъ

(Gütergemeinschaft); 3, признать, что для проведенія всего этого въ жизнь нѣтъ другого средства, какъ насильственная и демократическая революція. Дебатировали объ этомъ два вечера".—Формула слишкомъ ужъ „простая", хотя объясняется и кануномъ революціи, и невыработанностью новыхъ взглядовъ. Но насъ въ данномъ случаѣ интересуетъ не это. Намъ важно отмѣтить, что подъ вліяніемъ хотя узкокружковой, но довольно продолжительной практической пропаганды „коммунизма" естественно было притти къ мысли объ изданіи своего рода символа вѣры. Разумѣется, такая крупная идея, какъ изданіе манифеста „коммунистовъ" не могла зародиться лишь въ результатѣ пропаганды среди нѣмецкихъ ремесленниковъ въ Парижѣ. Такая идея могла быть подсказана не иначе, какъ всѣмъ историческимъ и политическимъ положеніемъ предъ 1848 г. въ цѣломъ. Но извѣстную, и, быть можетъ, значительную роль сыграла въ этомъ и пропаганда Энгельса въ Парижѣ.

Черезъ годъ послѣ первыхъ своихъ докладовъ „Брюссельскому Комитету", 24 ноября 1847 г. Энгельсъ, между прочимъ, пишетъ Марксу:

„Вторникъ вечеромъ. Подумай же немного на счетъ исповѣданія вѣры. Я думаю, мы сдѣлаемъ лучше всего, если... назовемъ эту штуку: Коммунистическій *Манифестъ* (курсивъ Энгельса,—М. П.)... Я привезу съ собой написанное мною здѣсь; въ простомъ повѣствовательномъ тонѣ, но скверно изложено—страшно спѣшилъ. Начинаю я такъ: что такое коммунизмъ и потомъ перехожу прямо къ пролетаріату—исторія его образованія, отличіе его отъ носителей прежнихъ формъ труда (Unterschied von früheren Arbeitern), развитіе антагонизма между пролетаріатомъ и буржуазіей, кризисы, послѣдствія. Тутъ же различныя детали и, наконецъ, партійная политика коммунистовъ, поскольку она подлежитъ широкой огласкѣ..."—Мы имѣемъ предъ собой весь скелетъ Коммунистическаго Манифеста!

Могутъ возразить, что Марксъ и Энгельсъ часто видались, столковывались относительно предстоящихъ начинаній, что могло быть сказано и объ изданіи Манифеста, о содержаніи и характерѣ его и что, слѣдовательно, излагая Марксу планъ Манифеста, Энгельсъ возвращался лишь къ уже обсужденному ими вопросу. Но это было бы невѣрно. Извѣстно и выше намъ привелось уже говорить о томъ, какъ щепетильно-добросовѣстны были Марксъ и Энгельсъ въ обращеніи съ мыслями и взглядами другихъ (вспомнимъ хотя бы, какъ Марксъ цитируетъ въ „Капиталѣ" различныхъ авторовъ!). Совершенно исключается, поэтому, возможность, чтобы Энгельсъ преподносилъ Марксу въ видѣ новаго что-либо такое, о чемъ ужъ сказано было бы раньше, билъ бы Марксу челомъ его же добромъ.

Мы, быть можетъ, слишкомъ долго задержались на одномъ моментѣ, между тѣмъ, какъ въ этой перепискѣ такъ много цѣннаго и примѣчательнаго... Всего и не сообщишь... Но мы не можемъ устоять противъ искушенія отмѣтить еще одинъ интересный фактъ.

Послѣ Меринга, котораго считаютъ авторитетнѣйшимъ историкомъ германской соціалдемократіи, привыкли думать, что въ борьбѣ между лассальянцами и эйзенахцами, симпатіи Маркса и Энгельса потому были на сторонѣ эйзенахцевъ, что они, вдали и оторваные отъ родины, плохо представляли себѣ дѣйствительное политическое положеніе вещей въ ней. Это было-де основной причиной и разногласій между обоими друзьями и Лассалемъ—который на мѣстѣ, на родинѣ, въ состояніи былъ точнѣе учитывать происходившія тамъ событія и былъ, по этому, реалистичнѣе, чѣмъ Марксъ и Энгельсъ въ Англіи. Швейцеръ унаслѣдовалъ реализмъ Лассаля и въ отличіе отъ Либкнехта, исходившаго изъ того, что должно было бы быть, всегда въ своей политической агитаціи исходилъ изъ того, что есть. А Марксъ и Энгельсъ, не уясняя себѣ своевременно и въ точности развитія національной проблемы своей родины, были на сторонѣ Либкнехта, къ которому они къ тому же относились съ большимъ довѣріемъ... Цѣлый, крупный отдѣлъ своей „Исторіи германской соціалдемократіи", т. е. все, что относится въ ней къ ходу объединенія Германіи, Мерингъ построилъ на этомъ противопоставленіи Лассаллевскаго реализма Марксъ-Энгельсовскому утопизму. А оказывается, что все это построеніе держится... на песцѣ!..

Вѣрно то, что идеально честный и безкорыстный Либкнехтъ пользовался полнымъ довѣріемъ Маркса и Энгельса, какъ и то, что политикомъ Либкнехтъ былъ слишкомъ прямолинейнымъ и недостаточно діалектичнымъ. Но изъ чего слѣдуетъ, что Марксъ и Энгельсъ этого не знали, и почему въ связи съ этимъ нужно считать, что они временами не вполнѣ ясно представляли себѣ ходъ политическаго развитія на родинѣ?

Какъ Энгельсъ, да еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ учитывалъ факты, мы видѣли выше. Въ томъ же письмѣ отъ 25 іюля 1866 г. Энгельсъ говоритъ:

„На мой взглядъ, намъ остается лишь принять фактъ, какъ онъ есть, не одобряя его, и всѣми силами использовать открывающіяся теперь болѣе широкія возможности къ организаціи и объединенію нѣмецкаго пролетаріата въ *національныхъ* рамкахъ". (Курсивъ Энгельса—М. П.).

Да, вторитъ ему Марксъ, „я съ тобой совершенно согласенъ,—мы должны принять эту гадость, какъ она есть".

И такъ это было и относительно всѣхъ другихъ острыхъ и кардинальныхъ вопросовъ, волновавшихъ тогда Германію.

Либкнехту же не разъ и не разъ доставалось за недостаточную гибкость вообще, за „южно-германскія и федералистическія" симпатіи, въ особенности. „Либкнехту,—сообщаетъ Энгельсъ Марксу 6 декабря

1867 г.,—я подробно написалъ и потребовалъ отъ него, чтобы онъ нападалъ не только на Пруссію, но и на ея противниковъ—австрійцевъ, федералистовъ, вельфовъ и другихъ".—„Позиція,—пишетъ Марксъ другу 17 декабря того же года,—очень трудная. Въ своемъ отвѣтѣ (Либкнехту на соотвѣтствующій его запросъ,—М. П.) ты долженъ быть остороженъ. Въ этомъ положеніи требуется гораздо больше діалектической гибкости, чѣмъ имѣетъ ее нашъ Вильгельмъ" (т. е. Либкнехтъ,—М. П.),—Энгельсъ Марксу 19 дек. 1867 г.: „Разумѣется, переписка съ Вильгельмомъ требуетъ осторожности... Указалъ ему двѣ основныя точки зрѣнія: 1, къ событіямъ и результатамъ 1866 г. надо относиться не чисто отрицательно (нигилистически,—сказали бы у насъ въ аналогичномъ случаѣ,—М. П.), т. е. реакціонно, а критически, и 2, съ противниками Бисмарка бороться точно такъ же, какъ и съ нимъ самимъ, такъ какъ и они ничего не стоятъ".—

Всѣми нашими замѣчаніями и иллюстраціями то той, то другой стороны „Переписки" мы отнюдь не стремились исчерпать ея содержаніе или хотя сколько-нибудь значительную его часть. Собраніе писемъ—не научное произведеніе, изъ котораго можно взять и дать хотя сжатый, но точный экстрактъ. Это—также не художественное произведеніе, въ которомъ критикъ останавливается на его центральномъ образѣ или идеѣ. Въ перепискѣ, а тѣмъ болѣе такой живой, разносторонней и обширной, какъ Маркса съ Энгельсомъ, важно не что-либо въ отдѣльности, а все вмѣстѣ въ цѣлокупности. Поэтому, мы стремились дать читателю лишь нѣкоторую возможность судить о *значеніи* и *характерѣ* „Переписки" въ *общемъ*. А послѣ этого мы можемъ подробнѣе остановиться на тѣхъ *отдѣльныхъ моментахъ*, которые представляются намъ наиболѣе интересными и замѣчательными. И такихъ моментовъ мы выдѣляемъ два: дружбу Энгельса и Маркса, примѣра которой мы не знаемъ въ исторіи, и появленіе на свѣтъ самаго драгоцѣннаго плода этой дружбы---„Капитала". Объ этомъ—въ слѣдующей статьѣ.

М. Панинъ.

Международные конфликты и алармистская пресса.

§ 1. *Нѣсколько словъ по поводу журналистовъ, подлежащихъ разстрѣлу.*

Французскій депутатъ Морисъ Ажамъ, единомышленникъ Рейнаха и Дешанеля, стало-быть, человѣкъ отнюдь не революціоннаго образа мыслей, но являющійся, однако, сторонникомъ франко-германскаго

сближенія, писалъ,—не помнится гдѣ, кажется въ газетѣ „La France", что во время своего путешествія по Германіи онъ познакомился тамъ со многими коммерсантами и заводчиками, показавшими себя самыми горячими партизанами идеи сближенія между Франціей и Германіей. Болѣе того, по увѣренію Ажама, безусловно всѣ нѣмцы, имѣющіе какое-либо отношеніе къ коммерческимъ дѣламъ, являются убѣжденными пацифистами, сторонниками всеевропейскаго мира. Одинъ изъ такихъ миролюбивыхъ нѣмцевъ сказалъ Ажаму:

„Я желалъ бы быть диктаторомъ въ теченіе 24-хъ часовъ. Я приказалъ бы разстрѣлять 20 журналистовъ нѣмецкихъ и 20 французскихъ. Къ этому числу я присоединилъ бы нѣсколько важнѣйшихъ дипломатовъ той и другой страны,—и международный миръ былъ бы обезпеченъ на 50 лѣтъ".

Пусть это простая бутада, но въ этой бутадѣ есть извѣстная доля истины. Правда, я не знаю, какихъ именно журналистовъ имѣлъ въ виду собесѣдникъ Ажама, и почему онъ рѣшилъ ограничиться такимъ малымъ количествомъ разбойниковъ пера, мошенниковъ печати, подлежащихъ разстрѣлу. Ибо если признать цѣлесообразность предложеннаго метода разрѣшенія международныхъ конфликтовъ и водворенія всеобщаго мира мажду государствами, въ такомъ случаѣ нужно быть послѣдовательнымъ и не ограничиться какими-то сорока журналистами и нѣсколькими дипломатами. И почему такая строгость исключительно по отношенію къ французскимъ и нѣмецкимъ журналистамъ? Я бы могъ указать будущему диктатору, мечтающему о всеобщемъ мирѣ, этакъ штукъ на 100 нашихъ отечественныхъ журналистовъ—русскихъ, въ числѣ коихъ оказалось бы не мало архилиберальныхъ писакъ, дѣлающихъ все отъ нихъ зависящее, лишь бы провоцировать конфликтъ между Россіей и Австріей или Германіей; могъ бы назвать по именамъ не менѣе борзописцевъ австро-венгерскихъ, ведущихъ самую безсмысленную шовинистическую кампанію; перечислилъ бы ему десятки и десятки видныхъ публицистовъ сѣверо-американскихъ, итальянскихъ и т. д. Боже, сколько прибавилось къ этой славной братіи за послѣдніе два года достойныхъ коллегъ въ Болгаріи, Сербіи, Румыніи, Турціи. Боюсь, что нашему диктатору пришлось бы разстрѣлять по меньшей мѣрѣ человѣкъ 1000, чтобы заставить замолчать главныхъ крикуновъ, разжигающихъ путемъ печати конфликты между народами въ угоду господствующимъ классамъ и прежде всего металлургическимъ и въ частности пушечнымъ королямъ и баронамъ.

А что если диктаторъ, узнавъ о нѣкоторыхъ, имѣющихся у меня свѣдѣніяхъ, распорядился бы вдругъ арестовать меня, привести къ нему закованнымъ въ ручные и ножные кандалы и сказалъ бы мнѣ, представшему передъ его грозныя очи:

„Вотъ тебѣ дилемма: или я тебя разстрѣляю сейчасъ же, тебя, ведшаго всю свою жизнь борьбу противъ имперіализма и милитаризма, или ты назовешь мнѣ по именамъ безъ утайки всѣхъ, какъ мнѣ вѣдомо, хорошо тебѣ извѣстныхъ писакъ, главныхъ зачинщиковъ, сознательно разжигающихъ конфликты между государствами, провоцирующихъ войны и т. д.“.

У меня волосы подымаются дыбомъ при одной мысли, сколько человѣкъ я,—противникъ смертной казни,—могъ бы отправить на тотъ свѣтъ. Я вынужденъ былъ бы назвать цѣлый рядъ журналистовъ, въ родѣ англійскаго писателя Роберта Томпсона, бывшаго спеціальнаго корреспондента „Times“ а, который одновременно являлся представителемъ военной фирмы Армстронга въ дѣлѣ *заказовъ* на военныя суда, заказовъ, переданныхъ черезъ его посредство означенной фирмы правительствами Китая, Японіи и т. д. въ теченіе 1892—1898 гг. и который, въ концѣ-концовъ, поссорился съ означенной фирмой и привлекъ ее къ судебной отвѣтственности въ 1904 г. по обвиненію въ недоплатѣ ему всѣхъ слѣдуемыхъ комиссіонныхъ суммъ. Этотъ спеціальный корреспондентъ «Times»'а—самой вліятельной буржуазной газетѣ въ мірѣ, являлся одновременно дипломатическимъ агентомъ, тайнымъ „посломъ“ фирмы Армстронга и, конечно, занимая такой постъ, отнюдь не содѣйствовалъ на страницахъ своей газеты пропагандѣ идей пацифизма. Далѣе, я бы назвалъ грозному дипломату между прочимъ, имена тѣхъ 8 англійскихъ журналистовъ, которые до сихъ поръ числятся среди главныхъ акціонеровъ той же фирмы „Armstrong-Whitworth“.

Перейдя къ Франціи, я назвалъ бы, прежде всего, извѣстнаго Тардье,—главнаго редактора парижскаго „Temps“,—самой вліятельной, послѣ англійскаго „Times“, газеты на земномъ шарѣ. Король современнаго французскаго журнализма, одинъ изъ главныхъ иниціаторовъ и акціонеровъ извѣстнаго французскаго консорціума Нгоко-Санга, ведшаго подозрительныя дѣла съ нѣмецкимъ „Южно-Камерунскимъ Обществомъ“ и вызвавшаго своими интригами острый конфликтъ между Германіей и Франціей. Иниціаторъ финансово-промышленнаго предпріятія желѣзной дороги Хомсъ—Багдадъ, членъ совѣтовъ всякаго рода металлургическихъ и военныхъ заводовъ Тардье, вкупѣ съ его главными соредакторами, а также директоромъ газеты, Адріеномъ Эбраромъ, получалъ мзду и за статьи, не имѣющія какъ-будто непосреднаго отношенія къ французской внѣшней политикѣ. Какъ это было установлено въ 1911 г. журналомъ „Le Courrier Européen“, Тардье получилъ 4.000 фр. за три статьи въ пользу автономіи Македоніи отъ болгарскаго правительства, 20.000 фр. за статью, въ которой доказывалось, что младотурецкій комитетъ „Union et Progres“ представляетъ собой не что иное, какъ ассоціацію разбойниковъ, 10.000 фр. за сочувственную статью о присоединеніи Крита къ Греціи, 15,000 фр. за нѣсколько передовыхъ статей, въ теченіе недѣли, о блестящемъ финансовомъ положеніи Болгаріи, долженствовавшихъ подготовить выпускъ болгарскаго займа на парижской биржѣ, и т. д. и т. д.

А сколько такихъ Тардье имѣется въ Германіи, Австріи, Италіи, С.-Штатахъ и въ Россіи!

§ 2. *Австро-русскій конфликтъ и желтая печать.*

Буржуазный міръ дышетъ войной и насиліемъ, несетъ въ самомъ себѣ зерна новыхъ и новыхъ конфликтовъ. Однако, слѣдуетъ съ крайней осторожностью относиться ко всякого рода сенсаціоннымъ и часто явно тенденціознымъ сообщеніямъ наемныхъ писакъ о неизбѣжности той или другой войны, о неустранимости вооруженнаго конфликта между тѣми или другими государствами. Буржуазная пресса часто сознательно раздуваетъ маловажные конфликты и, наоборотъ, затушевываетъ самыя серьезныя чреватыя опасностями, экономическія столкновенія между государствами, если такія разоблаченія не соотвѣтствуютъ интересамъ кучки финансовыхъ и промышленныхъ олигарховъ, правящихъ данными странами.

Порой даже искреннія и высоко-образованные буржуазные публицисты и „знаменитые ученые“ либеральнаго міра до того опутываются и сбиваются съ толку всей этой систематической газетной ложью, раздуваніемъ мелкихъ треній въ одномъ случаѣ, замалчиваніемъ грозныхъ конфликтовъ—въ другомъ, что теряютъ всякую способность разбираться въ сложныхъ явленіяхъ современной международной политики, во всѣхъ хитросплетеніяхъ и интригахъ дипломатіи. Неудивительно, что буржуазные ясновидцы и прорицатели грядущихъ событій такъ часто ошибаются, когда въ одинъ голосъ изъ года въ годъ предсказываютъ близкую неизбѣжность тѣхъ или другихъ войнъ, которыя едва ли когда-нибудь разразятся, и въ то же время оказываются каждый разъ захваченными врасплохъ, когда вспыхиваютъ вооруженные конфликты, и мысль о возможности которыхъ никому изъ нихъ не приходила въ голову.

Извѣстно, что за нѣсколько дней до русско-японской войны всѣ французскія „свѣтила“ въ вопросахъ внѣшней политики доказывали невозможность этой войны, а за нѣсколько часовъ до нападенія японскихъ миноносокъ на русскую эскадру въ Портъ-Артурѣ, на парижской биржѣ было вывѣшено по распоряженію и за подписью министра иностранныхъ дѣлъ Делькассе, сообщеніе о томъ, что *войны не будетъ*. Даже разрывъ дипломатическихъ отношеній со стороны Японіи разсматривался какъ простой жупелъ.

Но бываетъ и обратное. У насъ въ Россіи были недавно свидѣтелями того, какъ австро-русскій конфликтъ изъ-за Балканъ до

того раздувался нашей націоналистической и либеральной прессой, что многіе считали войну между обоими государствами въ самомъ близкомъ будущемъ неизбѣжной. Между тѣмъ, правительства обѣихъ странъ, согласно исторической традиціи, въ наиболѣе опасные моменты кризиса дѣйствовали съ поразительной солидарностью въ Балканскомъ вопросѣ. Изъ неизданныхъ документовъ, опубликованныхъ бывшимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Ганото въ его „Histoire de France contemporaine“ (Paris, 1908 г.), извѣстно, что уже на знаменитомъ Рейхштадтскомъ свиданіи въ іюлѣ 1876 г. между русскимъ и австрійскимъ императоромъ князь Горчаковъ и графъ Андраши обсуждали вопросъ объ уступкѣ на случай русско-турецкой войны Бессарабіи въ пользу Россіи, а Босніи-Герцоговины—Австріи [1]). Тайное соглашеніе между правительствами обѣихъ странъ было подписано, что не мѣшало шовинистическимъ органамъ прессы и въ Австріи и въ Россіи вести алармистскую кампанію противъ сосѣдней страны.

На свиданіи въ Бухлау 1908 г. Извольскій далъ carte blanche Эренталю насчетъ аннексіи Босніи и Герцеговины. Болѣе того,— какъ писала „Рѣчь“ (23 сент. 1903 г.): „А. П. Извольскій самъ *первый* и *добровольно* предложилъ Австріи присоединеніе Босніи подъ условіемъ открытія проливовъ“.

Нынѣ повторилась таже исторія. Правда, какъ теперь очевидно изъ текста союзныхъ договоровъ между балканскими государствами, Россія, содѣйствуя образованію Балканскаго союза, имѣла въ виду направить его противъ Австріи, создать барьеръ пангерманскому Drang nach Osten (стремленію на Востокъ), хотя правительственный органъ „Россія“ объявилъ „чистѣйшимъ вымысломъ отъ перваго до послѣдняго слова“ всѣ толки „о роли Россіи, вынудившей будто бы Болгарію къ заключенію военной конвенціи съ Сербіей“ и о „связи болгарской мобилизаціи съ нашей пробной мобилизаціей“.

Уже изъ той поспѣшности и энергичнаго тона, съ какимъ оффиціозъ нашего правительства выступилъ съ своимъ категорическимъ опроверженіемъ по поводу всѣхъ этихъ „толковъ“, очевидно, что наши дипломаты не допускали и мысли о цѣлесообразности войны Россіи съ Австріей изъ-за Балканскаго вопроса, предпочитая германскій Drang nach Osten путемъ всякаго рода ни къ чему не обязывающихъ Россію комбинацій, въ родѣ Балканскаго союза, который, неожиданно, обрушился на Турцію и спуталъ всѣ планы.

Такимъ образомъ, когда вспыхнулъ балканскій пожаръ, и явные, и тайные шовинисты въ Россіи и въ Австріи стали шумѣть, требуя

[1]) Прибавимъ, что Ганото не имѣлъ передъ собой текста Рейхштадтскаго соглашенія, который теперь уже извѣстенъ. Россія дала Австріи право отказать въ своемъ согласіи, при заключеніи русско-турецкаго мира, на всякое территоріальное измѣненіе на Балканахъ, которое не соотвѣтствовало бы интересамъ Австріи.

отъ своихъ правительствъ энергичныхъ шаговъ во имя „престижа имперіи“, „защиты ея законныхъ интересовъ“ и т. д., русскіе и австрійскіе дипломаты поспѣшили столковаться и пришли къ тайному соглашенію по поводу Балканъ, и это—несмотря на тренія между обоими государствами изъ-за Балканскаго полуострова, взаимныя интриги, мобилизаціи и т. д. Въ то время, какъ Австрія загораживала Сербіи и Черногоріи путь къ Скутари и Адріатическому морю, Россія держалась той же политики относительно болгарскихъ притязаній насчетъ Константинополя и Дарданеллъ. Обѣ великія державы одновременными и параллельными усиліями отбрасывали союзниковъ отъ „свободнаго выхода“ къ морямъ Адріатическому и Мраморному. Такимъ образомъ, обѣ соперничающія первоклассныя державы, Австрія—враждебная „великой Сербіи“ и Россія враждебная „великой Болгаріи“, какъ бы сдавливали желѣзными обручами своего veto союзныя балканскія государства, прижимали ихъ другъ къ другу и заставляли балканскихъ имперіалистовъ искать себѣ компенсаціи по линіи наименьшаго сопротивленія: въ области той же несчастной Македоніи, уже давно вѣроломно взмѣренной, взвѣшенной, преступно раздѣленной между союзниками по договору 1913 г. и теперь подлежащей новому раздѣлу и разсѣченію путемъ уменьшенія доли Болгаріи въ угоду захватнымъ планамъ сербскихъ, греческихъ и черногорскихъ имперіалистовъ.

Такъ, не въ малой мѣрѣ по винѣ австрійской и русской дипломатіи возникла 2-я Балканская война.

И послѣдующія мрачныя событія отнюдь не разрушили этого интимнаго австро-русскаго единенія въ балканской политикѣ, несмотря на весь гамъ русской и австрійской прессы о *діаметральной* противоположности интересовъ обѣихъ странъ на полуостровѣ. Конечно, интересы русскаго и австрійскаго имперіализма на Балканахъ не совпадаютъ вполнѣ, конечно, виды русскихъ и австрійскихъ дипломатовъ въ очень многихъ пунктахъ не сходятся, но это не мѣшаетъ правительствамъ обѣихъ странъ избѣгать острыхъ взаимныхъ треній и придумывать каждый разъ какой-нибудь компромиссъ, конечно, насчетъ той или другой страны. Такъ было до сихъ поръ, такъ, вѣроятно, будетъ и впредь.

Какъ теперь окончательно установлено послѣ опубликованія румынской „Зеленой книги“, и Россія и Австрія одновременно, хотя по различнымъ соображеніямъ, поддерживали Румынію въ ея стремленіи воспользоваться конфликтомъ между союзниками и напасть на Болгарію.

Изъ телеграммы отъ 29 мая 1913 г. румынскаго повѣреннаго въ Петербургѣ мы видимъ, что русская дипломатія сочувствовала румынскимъ вооруженіямъ противъ Болгаріи. Румынскій повѣренный телеграфируетъ своему правительству, что въ отвѣтъ на

сообщеніе, сдѣланное имъ петербургскому кабинету, что Румынія не можетъ остаться безучастной къ возможному новому нарушенію мира, на сохраненіе коего она надѣется, *русскій министръ иностранныхъ дѣлъ указалъ* на *общность*, уже не впервые проявляющуюся, *русскихъ и румынскихъ интересовъ*, и что обоимъ государствамъ слѣдовало бы работать на пользу мира на Балканахъ. Положеніе, занятое Румыніей, должно было бы дѣйствовать благотворно, послуживъ угрозой болгарамъ, отъ которыхъ Россія тщетно добивается согласія на разоруженіе.

13-го іюня—указывается въ книгѣ—русскій посланникъ въ Бухарестѣ заявилъ, что болгары, не желая слушать никакихъ совѣтовъ, повидимому, готовы начать войну съ Сербіей и Грецією. По *мнѣнію г. Шебеко, угрожающее положеніе, занятое Румыніей, могло бы въ самомъ дѣлѣ подѣйствовать умѣряюще на болгаръ, удержавъ ихъ отъ рѣшительныхъ выступленій.* Румынія, по словамъ посланника, играетъ въ настоящую минуту преобладающую роль на Балканахъ.

Мы думаемъ, что всякіе комментаріи къ этимъ извлеченіямъ изъ румынской „Зеленой книги“ излишни. Мы ограничимся тѣмъ, что присоединимъ къ этимъ извлеченіямъ изъ „Зеленой книги“ текстъ послѣдней депеши болгарскаго министра Данева отъ 1-го іюля адресованной представителю Болгаріи въ С.-Петербургѣ Бобчеву.

„Мы въ волненіи. 26-го іюня мы передали нашу просьбу въ руки Россіи. Мы предвидѣли тяжелыя жертвы. Но предложенныя намъ условія превзошли самыя ужасныя ожиданія. Мы въ отчаяніи подчинились, принесли и эту невыносимую жертву въ полномъ убѣжденіи, что у насъ, по крайней мѣрѣ, будетъ покрытъ тылъ противъ Румыніи Турціи“.

Даневъ даетъ описаніе послѣднихъ движеній румынскихъ и турецкихъ войскъ и продолжаетъ:

„Россія ничего не предпринимаетъ. Чѣмъ Болгарія заслужила это жестокое обращеніе? Развѣ голосъ Россіи такъ слабъ, что онъ не будетъ услышанъ въ Бухарестѣ и Константинополѣ? Если Россія предполагаетъ представить насъ нашей собственной участи, то пусть она намъ сообщитъ это заблаговременно для того, чтобы принять собственныя мѣры или по крайней мѣрѣ, съ честью умереть“.

Болгарскіе имперіалисты сдѣлались жертвой ложной идеи о діаметральной противоположности направленія австрійской и русской политики на Балканахъ. Разъ было извѣстно, что Австрія въ силу тайныхъ обязательствъ вынуждена въ случаѣ конфликта между Болгаріей и Румыніей стать на сторону послѣдней стало быть нельзя было сомнѣваться въ томъ, что Россія, наоборотъ, сдѣлаетъ все возможное, чтобы парализовать дѣйствія Румыніи, а тѣмъ болѣе Турціи, окончательное вытѣсненіе которой изъ европейской территоріи

разсматривалось съ „русской точки зрѣнія“, какъ страшный непоправимый ударъ, нанесенный Австріи, какъ сигналъ къ ея развалу.

Аттакованная съ трехъ сторонъ—благодаря попустительству и даже подстрекательствамъ со стороны Россіи и Австріи-Румыніей, Сербіей, Грецією, Черногоріей и Турціей, Болгарія по винѣ шайки безумныхъ авантюристовъ, отдавшихъ приказъ о вторженіи болгарскихъ войскъ въ Сербію и Грецію, была вынуждена пойти на капитуляцію и подписать позорный Бухарестскій договоръ 28 іюля 1913 г.

Въ качествѣ результата политики, которую вели Австрія и Россія, любопытно отмѣтить, что румынскіе имперіалисты будируютъ теперь противъ Австро-Венгріи. „Конечно, вы насъ поддерживали въ конфликтѣ съ Болгаріей, говорятъ румынскіе джингоисты австрійскимъ дипломатамъ, но вѣдь обѣ наши страны чуть ли не въ союзѣ, а вотъ Россія, которая была, казалось, во враждебной намъ комбинаціи странъ, оказала намъ не меньшее содѣйствіе—чѣмъ вы. Стало быть *ваша австрійская политика на Балканахъ ничѣмъ не отличалась отъ русской*, и слѣдовательно вы не оказали намъ содѣйствіе въ *той мѣрѣ*, какой мы въ правѣ были ожидать именно отъ страны, считавшейся чуть ли не нашей союзницей.

Съ 1876—78 гг. по 1913 г. что измѣнилось въ основномъ характерѣ австро-русскихъ дипломатическихъ отношеній на Балканахъ? Въ 1876—1878 гг. Австрія поддержала Россію въ ограбленіи Румыніи, въ отнятіи у послѣдней Бессарабіи, въ 1913 г. Россія поддержала Австрію въ награжденіи Румыніи за счетъ несчастной Болгаріи. Болѣе того, обѣ державы—и Россія и Австрія,—и только обѣ эти державы выступили post factum съ протестомъ противъ Бухарестскаго договора, санкціонировавшаго ограбленіе Болгаріи, договора, сдѣлавшагося однако возможнымъ только благодаря той поистинѣ демонической игрѣ, которую и Австрія и Россія вели на Балканахъ.

Если въ результатѣ балканскихъ событій Румынія охладѣла къ Австріи, зато Черногорія—этотъ единственный вѣрный другъ Россіи, какъ выражался императоръ Александръ III объ этомъ маленькомъ государствѣ—совершенно отвернулась отъ великой державы-покровительницы. Черногорское правительство нашло, что политика Россіи въ балканскомъ вопросѣ былы черезчуръ *австрофильской*. Извѣстно, какое негодованіе въ Черногоріи возбудилъ докладъ императорскаго россійскаго вице-консула въ Скутари г. Миллера и согласіе Россіи на присоединеніе къ Албаніи города Скутари, гдѣ уже стоялъ черногорскій гарнизонъ послѣ ухода изъ этой крѣпости албанскихъ войскъ. Въ *видѣ компенсаціи за отказъ Австріи и стоящей за ея спиной Германіи отъ поддержки болгарскихъ притязаній относительно Мраморнаго моря и Константинополя, Россія согласилась противодѣйствовать, совмѣстно съ другими державами, планамъ Сербіи и Чер-*

ногоріи относительно Скутари и выхода къ Адріатическому морю.

Въ качествѣ протеста противъ „измѣническаго“ акта Россіи, черногорскій король распорядилася закрыть единственный русскій женскій институтъ въ Черногоріи, такъ называемый Маріинскій институтъ, состоявшій подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны и содержавшійся на русскія средства. Этотъ институтъ, просуществовавшій 43 года въ Черногоріи, закрытъ королемъ Николаемъ подъ предлогомъ *„новыхъ“ земельныхъ пріобрѣтеній*, вызывающихъ-де необходимость въ другомъ „институтѣ“, болѣе приспособленномъ къ потребностямъ страны. Этимъ своеобразнымъ актомъ черногорское правительство какъ бы желало подчеркнуть въ глазахъ народа и всей Европы, что „новыя земельныя пріобрѣтенія“ добыты королевствомъ менѣе всего благодаря поддержкѣ Россіи, а скорѣе наперекоръ послѣдней...

Такова подлинная австро-русская политика на Балканахъ въ ея важнѣйшихъ проявленіяхъ: негласныя взаимныя соглашенія, солидарныя дѣйствія, которымъ не могутъ помѣшать ни интриги обѣихъ державъ другъ противъ друга, ни мобилизаціи войскъ, совершаемыя какъ въ непосредственныхъ интересахъ металлургическихъ и пушечныхъ королей, такъ и въ видѣ уступки „общественному мнѣнію“ обѣихъ странъ требованіямъ австро-венгерскихъ имперіалистовъ, съ одной стороны, русскихъ „славянофиловъ“—и кадетъ съ другой,—тайныя соглашенія, солидарныя дѣйствія, которыя не могутъ быть замаскированы фразами о роковомъ соперничествѣ и непримиримости.

Интересы русскаго и австрійскаго имперіализма на Балканахъ не совпадаютъ, но эти конфликтные интересы легко находятъ свое разрѣшеніе въ компромиссахъ насчетъ третьихъ державъ. Было время, когда Сербія служила удобной размѣнной монетой при сведеніи русскихъ счетовъ съ Австро-Венгріей. Нынѣ эта великая историческая миссія служить размѣнной монетой въ рукахъ нашей дипломатіи выпадаетъ, очевидно, на долю Черногоріи и преимущественно Болгаріи, которымъ и придется жестоко платиться за всякій шагъ къ сближенію между Россіей, съ одной стороны, Австро-Венгріей и Румыніей—съ другой. Пока въ такихъ удобныхъ размѣнныхъ монетахъ нѣтъ недостатка, самые грозные конфликты не представляютъ особой опасности.

Былъ и другой факторъ, благодаря наличности котораго война между Австріей и Россіей была невозможна. Въ Индіи дикаго слона для укрощенія ставятъ между двумя ручными коллегами. Благодаря Тройственному Соглашенію и Тройственному Союзу Россія и Австрія имѣли каждый по бокамъ двухъ ручныхъ коллегъ, Францію и Англію съ одной стороны, Италію и Германію съ другой, сдерживавшихъ ихъ.

Притомъ четыре ручныхъ слона дѣлали другъ другу, незамѣтно для окружавшей ихъ публики, знаки, говорившіе: «А вѣдь наши дикіе слоны такіе же мирные, какъ мы, и драться другъ съ другомъ совсѣмъ не собираются. Они похожи на тѣхъ забулдыгъ, которые, завязавши съ кѣмъ-нибудь ссору, вопятъ: „удержите меня,—или я надѣлаю бѣду“. А все же наши мнимые буяны молодцы. Своимъ озорствомъ на глазахъ всей публики они и себѣ, и намъ служатъ великую службу».

Въ самомъ дѣлѣ пока Россія и Австрія дѣлали видъ, будто хотятъ броситься другъ на друга, ихъ коллеги—Германія съ одной стороны, Англія съ другой—успѣли подъ предлогомъ разговоровъ объ охранѣ всеевропейскаго мира столковаться по поводу разныхъ интересныхъ сюжетовъ: Багдадской дороги, Африканскихъ рельсовыхъ путей и т. д. А Франція, союзница Россіи, умудрилась черезъ посредство Думера и другихъ опытныхъ дѣльцовъ завязать съ Австріей переговоры о Süd-Bahn, о Балканскихъ желѣзнодорожныхъ линіяхъ и проч.

Главная выгода въ результатѣ всѣхъ этихъ треволненій досталась международному синдикату, могущественной ассоціаціи французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, русскихъ и другихъ металлургистовъ и финансистовъ, этой грозной капиталистической интернаціонали, раздувавшей весь этотъ конфликтъ, пугавшей народы возможностью всеевропейской войны съ цѣлью—какъ это и удалось блестяще—добиться новыхъ кредитовъ на арміи и флоты въ интересахъ повышенія акцій заводовъ Круппа, Армстронга, Крезо, Викерса и т. д.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Мих. Павловичъ (Волонтеръ).

Искусство и отношеніе къ нему рабочаго класса.

I.

Вопросъ о роли искусства въ жизни рабочихъ массъ и о пролетарскомъ искусствѣ въ частности, занимаетъ въ настоящее время передовые круги рабочихъ. И это вполнѣ понятно. Необходимость искусства, какъ одного изъ средствъ развитія индивидуальности рабочаго, не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Рабочая масса, проникнутыя въ моментъ подъема коллективнымъ духомъ, въ моменты затишья часто распадается на составныя единицы. Западно-европейская практика движенія выдвинула демократизацію науки, искусства и литературы, какъ одно изъ средствъ укрѣпленія рабочей солидарности. Искусство и литература вносятъ бодрящее начало въ жизнь пролетаріата. Болѣе, чѣмъ для какого-либо другого класса настоящаго времени, исскуство для пролетаріата есть серьезное и необходимое общественное дѣло. Оно будитъ работу мысли и не даетъ заснуть чувству энтузіазма, въ тусклые будничные моменты жизни. Но кромѣ того, искусство развиваетъ въ рабочемъ большую чуткость и отзывчивость во взаимномъ товарищескомъ общеніи и даетъ тонкое пониманіе всѣхъ самыхъ интимныхъ сторонъ человѣческихъ переживаній. Въ результатѣ получается та степень облагораживающаго вліянія на окружающую среду, которая такъ необходима для мыслящаго рабочаго авангарда.

Свѣтъ этого сознанія будетъ охватывать все болѣе и болѣе широкіе рабочіе круги и будетъ тѣмъ скорѣе приближать тотъ моментъ, когда пролетаріатъ выдѣлитъ изъ своей среды творцовъ новыхъ культурныхъ цѣнностей въ области искусства и литературы. Подготовительный процессъ будетъ предшествовать самостоятельному пролетарскому художественному творчеству. Волею историческихъ судебъ этотъ подготовительный періодъ можетъ растянуться на такой большой срокъ, что окончаніе предварительной стадіи будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ началомъ крушенія капиталистическаго строя жизни.

Въ этомъ смыслѣ тѣ положенія, которыя развиты въ статьѣ А. Н. Потресова (О жизни безъ литературы), заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія. По мнѣнію А. Потресова, въ рамкахъ современнаго капиталистическаго общества, всѣ свои силы пролетаріатъ вынужденъ класть въ культуру практическаго дѣйствія, а на культуру художества уже не остается ни силъ, ни времени, ни досуга.

„Мы не хотимъ быть пророками, и предсказывать будущее,—заканчиваетъ А. Потресовъ.—Въ этомъ будущемъ, быть можетъ, окажутся факторы, которые мы не въ состояніи учесть и предвидѣть. Но одно несомнѣнно: если къ тому времени не измѣнится типъ развитія,—предполагать же такое измѣненіе у насъ нѣтъ никакихъ основаній,—то едва ли измѣнится что-нибудь къ лучшему и въ тѣхъ условіяхъ, которыя сейчасъ стоятъ на пути пролетарскаго художества“.

Отвѣтная статья тов. Валеріанова настолько малоубѣдительна, что разбирать ее послѣ обратнаго отвѣта А. Потресова уже не представляется большой надобности. Необходимо только еще рѣзче поочеркнуть несостоятельность тѣхъ иллюзій, которые внушены тов. Валеріанову культурно-просвѣтительной дѣятельностью пролетаріата крупныхъ промышленныхъ центровъ, а также нѣкоторыми попытками рабочаго творчества.

Скажемъ прямо: всѣ попытки рабочаго творчества настоящаго

времени говорятъ о благихъ намѣреніяхъ ихъ авторовъ, но въ общемъ многочисленные художественные опыты производятъ впечатлѣніе весьма скучное. Мы не беремъ такія исключенія, какъ творчество А. Бибика, Ивана Вольнаго или нѣкоторыя стихотворенія А. Дикаго; мы не беремъ наконецъ отдѣльныхъ удачныхъ стихотвореній того или иного автора-рабочаго. Но въ общемъ можно одно сказать: при такой бѣдности культуры художества, еще рано пѣть отходную буржуазному искусству въ цѣломъ, какъ это наивно дѣлаютъ нѣкоторые товарищи.

На основаніи цѣлаго ряда наблюденій, можно придти къ довольно любопытному выводу. Не смотря на то, что богатое содержаніе жизни вовсе не исчерпывается лучшими писателями настоящаго времени, рабочая интеллигенція предпочитаетъ говорить о новыхъ произведеніяхъ М. Горькаго, Шмелева, Бунина и друг.; говорятъ о Бибикѣ или Иванѣ Вольномъ, но вообще рабочая беллетристика тонетъ въ ихъ сознаніи, какъ часть обширнаго моря словесности. Рабочій-интеллигентъ, вкусившій благъ отъ художественной русской литературы, не можетъ не видѣть въ рабочей беллетристикѣ наивности въ построеніи или слабости стиля и формы.

Но нѣкоторые скажутъ на это: зато рабочая боллетристика разсказываетъ иногда о такихъ явленіяхъ жизни, описанія которыхъ вы не найдете у лучшихъ корифеевъ современной русской литературы. Это правильно, но это нисколько не мѣняетъ существа дѣла, ибо въ искусствѣ важно не *что* изложено, а *какъ* написано. Въ самомъ дѣлѣ, если рабочему—интеллигенту нужно узнать бытъ рабочихъ другихъ профессій, или другихъ мѣстъ, то онъ обращаетъ свои взоры не на фельетонъ съ рабочей беллетристикой, а на послѣднюю страницу рабочей газеты или профессіональнаго журнала, гдѣ онъ найдетъ безпритязательный матеріалъ для своихъ сужденій. При чемъ иная замѣтка-хроника своей непосредственностью такъ взволнуетъ его, какъ не затронутъ десятокъ газетныхъ рабочихъ разсказовъ. Если такъ обстоитъ дѣло съ литературными опытами, то о другихъ областяхъ художественнаго творчества, почти совсѣмъ недоступныхъ, нечего и говорить. Необходимо остановиться бы еще на рабочемъ театрѣ или вѣрнѣе на сценическомъ рабочемъ творчествѣ (что, конечно, не одно и тоже), но этому необходимо посвятить самостоятельную статью.

Но, скажутъ мнѣ, вы требуете отъ рабочаго, чтобы онъ уже теперь далъ такія художественныя произведенія которыя можно было бы поставить рядомъ съ художествомъ буржуазной культуры. Отвѣчаю: ничего я не требую, а только думаю, что не слѣдуетъ обольщаться иллюзіями и принимать младенческій лепетъ въ области искусства за начало возмужалости. Я лично думаю,—и не только думаю, но и по себѣ чувствую,— что на извѣстной высотѣ своего самосознанія, передовой рабочій даже не можетъ мириться съ тѣмъ, когда къ нему подходятъ

съ особымъ масштабомъ, понижая къ нему, какъ къ рабочему, тѣ требованія, которыя возлагаетъ на него міровая исторія.

Въ отвѣтъ на слова „поменьше самообольщенія“, тов. Валеріановъ выдвигаетъ „побольше вѣры“. На это послѣднее хочется сказать: побольше внимательнаго изученія дѣйствительности, ибо „возвышающій обманъ“ вреденъ для насъ не только въ строительствѣ новыхъ формъ жизни, но и во всѣхъ другихъ областяхъ рабочаго творчества.

Тов. Валеріановъ, выдвигая борьбу за культуру художества, какъ очередную задачу, думаетъ, что „теперь пролетаріатъ въ своемъ развитіи достигъ такого пункта, гдѣ онъ долженъ обратить вниманіе на свою доселѣ второстепенную задачу“. Это печальное заблужденіе. Если для многихъ странъ Европы не только борьба за свою культуру художества, но даже и процессъ демократизаціи созданій стараго искусства, находится еще въ промежуточной стадіи, то о нашемъ просвѣтительномъ движеніи нечего и говорить. Мы сейчасъ не только не достигли въ своемъ развитіи „такого пункта“, но даже не прошли еще „пункта перваго“, пройденнаго уже германскимъ рабочимъ движеніемъ. Этотъ „пунктъ первый“ заключается въ воспріятіи культуры практическаго дѣйствія. Прошли ли мы эту первую стадію? Нѣтъ еще, но мы ее конечно пройдемъ. Въ Германіи уже невозможно повтореніе диктатуры àla Швейцеръ, а въ Россіи?.. Пусть тов. Валеріановъ вглядится въ текущую рабочую дѣйствительность и скажетъ: прошли мы этогъ первый періодъ культуры, или только проходимъ, переживая застарѣлую болѣзнь, унаслѣдованную отъ чисто-интеллигентскагоперіода соціал-демократическаго движенія.

Это точное знаніе дѣйствительности отнюдь не есть приглашеніе къ тому, чтобы угашать духъ живой въ рабочемъ творчествѣ. Это только говоритъ о необходимости громадной подготовительной работы и тутъ дѣйствительно нужно „поменьше инертности и побольше дѣла“. Этотъ подговительный періодъ заключается въ усвоеніи великихъ художественныхъ цѣнностей, созданныхъ не только буржуазной культурой, но и культурой, которая предшествовала торжеству буржуазіи.

Когда я вижу рабочаго, мусолящаго карандашъ и полчаса придумывающаго рифму къ четвертой строкѣ; когда я узнаю, что этотъ рабочій не имѣетъ ни малѣйшаго представленія о поэзіи Лермонтова и Пушкина и имѣетъ смутное понятіе о Некрасовѣ; когда я знаю, что плодомъ такихъ невѣроятныхъ потугъ, явятся слабыя вирши, правда съ призывомъ къ борьбѣ,—мнѣ хочется убѣдить его, что онъ приступаетъ не съ того конца и что его работа безполезна, хотя онъ уже и напечаталъ пару стиховъ въ одной изъ рабочихъ газетъ. И это не единичный фактъ: я знаю рабочихъ-писателей, имѣющихъ довольно смутное понятіе о Тургеневѣ, Чеховѣ или Салтыковѣ, не говоря уже о западно-европейскихъ классикахъ. И замѣтьте слѣдующее: у писателя

рабочаго болѣе или менѣе интереснаго (напр. у А. Бибика) вы всегда увидите слѣды предварительной эстетической культуры, которая такъ нужна для самостоятельнаго творчества.

Значитъ ли это, что надо изгнать со страницъ рабочей прессы рабочую беллетристику. Отнюдь нѣтъ, иначе пришлось бы лишиться нѣкоторыхъ ростковъ художества, которые мы дѣйствительно должны беречь и лелѣять [1]). Необходимо только дѣлать строгій отборъ и чаще напоминать о той преемственности, которая существуетъ между культурой художества прошлаго и художествомъ будущаго.

Не одного рабочаго смущаетъ то обстоятельство, что М. Горькій со дна жизни поднялся на головокружительную высоту міровой славы. И при этомъ рѣдко кто даетъ себѣ трудъ подумать, что М. Горькій началъ не съ пренебреженія, а съ внимательнаго усвоенія перловъ классической русской литературы. Что наконецъ слѣды этой предварительной стадіи въ своемъ творчесвѣ Горькій никогда не отрицалъ а наоборотъ подчеркивалъ важоость и необходимостъ сокровищницы русской литературы, которую, кстати сказать, онъ знаетъ весьма основательно. Кромѣ того, по свидѣтельству многихъ знающихъ жизнь писателя, М. Горькій никогда не перестаетъ работать надъ своимъ саморазвитіемъ.

Но тов. Валеріановъ думаетъ, что питаясь „отъ культурныхъ плодовъ буржуазіи“, мы тѣмъ самымъ подчиняемъ „себя воздѣйствію буржуазной культуры, которое не можетъ быть положительнымъ для насъ, —оно безусловно отрицательно“. Высказанное въ такой категорической формѣ это положеніе тов. Валеріанова, является въ корнѣ ложнымъ; къ тому же оно плохо вяжется съ другимъ его заявленіемъ о необходимости отдѣленія пшеницы отъ плевелъ.

Буржуазная культура не есть явленіе однородное: она распадается на культуру художества революціоннаго періода и на культуру періода упадка. Объ этомъ какъ разъ и говоритъ австрійскій соц.-дем. Бахъ, статья котораго изложена В. Левицкимъ въ № 10—11 „Нашей Зари“. Буржуазія въ первый революціонный періодъ своего творчества выдѣлила цѣлый рядъ дивныхъ художниковъ слова, живописи и музыки. Къ этимъ художникамъ революціоннаго періода современная упадочная буржуазія относится равнодушно. Значитъ ли, что эти произведенія должны погибнуть? Отнюдь нѣтъ. Эти произведенія бережно воспримутъ и сохранитъ пролетаріатъ. Если бы это было не такъ, тогда правъ оказался бы Л. Андреевъ въ своихъ истерическихъ выкликахъ: „Горитъ Мурильо, горитъ Веласкецъ“! Но марксистская литературная критика уже сколько разъ заявляла, что Леон. Андреевъ не правъ.

---

[1]). Возьмемъ хотя бы прекрасный разсказъ А. Бибика „Черствый человѣкъ“.

Мнѣ кажется, что А. Н. Потресовъ однимъ мѣстомъ своей статьи ввелъ въ соблазнъ тов. Валеріанова, подвигнувъ его же такую категоричность отрицанія. Говоря совершенно справедливо о томъ, что „нужна большая предварительная работа, чтобы въ сознаніи массъ, находящихся подъ впечатлѣніемъ буржуазныхъ культурныхъ воздѣйствій, „отдѣлилось золото онъ лигатуры"—А. Н. Потресовъ, въ другомъ мѣстѣ своей статьи говоритъ о великой консервативно-умѣряющей силѣ буржуазнаго искусства, даже въ его лучшихъ образцахъ. Далѣе, по мнѣнію А. Потресова, если бы не было этихъ тѣней прошлаго, въ видѣ крупныхъ художественныхъ цѣнностей буржуазной культуры, то безотрадность и несоотвѣтствіе психикѣ пролетаріата

„Текущей литературы ощущалась бы много больнѣе и реакція противъ нея могла бы развить потребность въ пролетаріатѣ *своего* (курс. А. Потресова) художества ему нужнаго и дорогого".

. Въ результатѣ рабочей интеллигенціи литература не представляется „ареной, которая должна быть еще оспоренной, въ которой существуютъ хотя и прикровенно, но тѣ же антагонизмы, что пропитываютъ собою и всю современную общественность".

На этихъ мысляхъ А. Н. Потресова необходимо остановиться подробнѣе. Мнѣ кажется, что разсматривать интересъ рабочей интеллигенціи къ лучшимъ созданіямъ прошлаго и отчасти настоящаго искусства, какъ печальную необходимость, мѣшающую самостоятельному творчеству,—ошибочно. Наоборотъ: можно разсматривать эту стадію не только, какъ исторически-необходимую. но и какъ важную и полезную. Можетъ ли пролетаріатъ двинуться къ самостоятельному художественному творчеству, не воспринявъ художества прошлаго?

Нѣтъ не можетъ. Онъ долженъ дѣйствительно отдѣлить „золото отъ лигатуры", но пока пролетаріатъ не продѣлаетъ этой работы, онъ не можетъ двинуться ни шагу впередъ. Критическое отношеніе къ цѣнностямъ стараго искусства не есть голое отрицаніе его, съ чѣмъ конечно согласенъ и А. Н. Потресовъ. Что можетъ быть примитивнѣе общественнаго міросозерцанія Бальзака? Однако это былъ одинъ изъ любимѣйшихъ писателей Маркса, потому что Бальзакъ, какъ художникъ, ярко вскрывалъ противорѣчія классовыхъ интересовъ между аристократіей (какъ старой, такъ и новой наполеоновской) и крупной буржуазіей.

Пронеся черезъ горнило своего сознанія цѣнности классическаго художества, пролетаріатъ нѣсколько иначе переоцѣнитъ прошлое искусство, но оно не уйдетъ изъ поля его сознанія, какъ не ушли изъ поля сознанія революціонной буржуазіи лучшія созданія искусства феодальнаго періода. Пользуясь словами Гегеля, можно сказать, что оно-это искусство прошлаго будетъ жить въ сознаніи рабочаго, какъ „отмѣненный моментъ".

Но это и будетъ значить. что „отмѣненный моментъ" былъ когда то, въ первоначальной стадіи эстетическаго развитія пролетаріата, важенъ и необходимъ.

Правда, какъ совершенно правильно указываетъ и А. Потресовъ, неутолимая потребность художественнаго обобщенія современной рабочей жизни, такъ и остается незаполненной: не только западно-европейская, но и современная русская литература очень мало даетъ въ смыслѣ художественнаго воспроизведенія рабочей жизни. Если мы подойдемъ съ строгой мѣркой къ нѣкоторымъ русскихъ малочисленнымъ романамъ и повѣстямъ изъ современной рабочей жизни, то за ничтожными исключеніями („Мордовка" и „Хозяинъ" Горькаго и значительная часть романа А. Бибика), всѣ они окажутся, пользуясь выраженіемъ Добролюбова, „ниже эстетическій критики".

Тяжело мириться съ этимъ фактомъ, но остается нѣкоторый выходъ изъ этого положенія. Я имѣю въ виду ту, правда далеко не полную компенсацію, которую могла бы дать мемуарная литература соціалистическаго движенія и внутренней рабочей жизни [1]).

Эта мемуарная литература: какъ у насъ, такъ и на Западѣ, еще весьма не богата [2]), но все же она даетъ больше для пониманія рабочаго движенія, чѣмъ современное художество. Даже пасторъ Гере („Три мѣсяца на фабрикѣ")—этотъ интеллигентъ, пришедшій на фабрику со стороны, не смотря на то что писалъ онъ свою книгу въ то время, когда его міросозерцаніе находилось еще въ процессѣ дальнѣйшаго развитія. Съ такимъ же интересомъ читаются мемуары одного германскаго рабочаго. Въ настоящее время говорятъ о мемуарахъ одной видной австрійской работницы. Есть интересныя страницы изъ жизни рабочей Европы въ книгѣ А. Коллонтай.

Наша мемуарная литература крайне бѣдна; но достаточно было покойному Коновалову въ полубеллетристическомъ „Дневникѣ Агита-

---

[1]) Мимоходомъ необходимо сказать, что и эпоха революціоннаго народничества нашла себѣ далекое не полное отраженіе въ художественной литературѣ. Настроенія и переживанія героической интеллигенціи 70 годовъ, нашли своихъ пѣвцовъ въ лицѣ Некрасова, Успенскаго, Салтыкова и цѣлой плеяды второстепенныхъ народниковъ, но все таки очень многое,—отчасти и благодаря неблагопріятнымъ внѣшнымъ условіямъ,—не нашло своего отраженія въ литературѣ. Тургеневъ въ „Нови" могъ отмѣтить только нѣкоторыя вѣрныя черты (напр. взаимное непониманіе психики агитаторовъ-интеллигентовъ и пропагандируемыхъ ими крестьянъ), но въ общемъ, какъ извѣстно, романъ Тургенева съ его аппологіей культуртрегерства (Соломинъ), является однимъ изъ слабыхъ произведеній писателя.

Конечно не могъ заполнить этого пробѣла и художественно слабый „Андрей Кожуховъ" Кравчинскаго. И только потокъ мемуарной литературы бывшихъ народовольцевъ, хлынувшій послѣ пятаго года, далъ чрезвычайно много новаго и интереснаго объ этой эпохѣ, не только для историка, но, быть можетъ, и для будущаго художника.

[2]) „Мемуары" Бебеля мы исключаемъ. Это скорѣе прекрасная книга историка-очевидца, великая личность котораго была, къ счастью для соціалистическаго движенія, цѣликомъ поглощена коллективомъ.

тора“ пріоткрыть завѣсу, скрывающую жизнь подполья, какъ сразу передъ этимъ волнующимъ душу документомъ, потускнѣли многія чудныя писанія современныхъ беллетристовъ. Повторяемъ, это не можетъ возмѣстить для насъ художественнаго обобщенія, но все же рѣдкія наблюденія и мемуары помогаютъ намъ въ познаніи жизни рабочихъ массъ. Можно только пожалѣть, что этихъ документовъ и на Западѣ и у насъ чрезвычайно мало. Какой богатый матеріалъ имѣется у нѣкоторыхъ русскихъ передовыхъ рабочихъ, проработавшихъ въ движеніи иногда болѣе 15 лѣтъ. А между тѣмъ интересъ къ мемуарной литературѣ среди русской читающей публики вообще говоритъ что этотъ подвигъ является знаменіемъ времени. Конечно, и здѣсь нуженъ талантъ, но тутъ на первомъ мѣстѣ выступаютъ требованія искренности правды.

Извиняясь за это отступленіе въ сторону, перехожу вновь къ оцѣнкѣ стараго искусства. Остается всетаки неопровергнутымъ то замѣчаніе А. Н. Потресова, что даже лучшія произведенія стараго искусства служатъ укрывательницей „консервативно-умѣряющей силы“. Иными словами говоря, здѣсь не только чистое золото, но есть несомнѣнные элементы вредной для пролетаріата лигатуры. Съ этимъ нельзя не согласиться, ибо иначе пришлось бы переть противъ фактовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ того же Шиллера, котораго приводитъ австійскій с.-д. Бахъ. Обратимъ вниманіе на отдѣльныя мѣста его лучшихъ произведеній. Возьмемъ „Донъ-Карлоса“. Мы видимъ въ этой драмѣ, какими ужасными чертами рисуетъ Шиллеръ деспотизмъ, въ лицѣ испанскаго короля Филиппа II. Мы переживаемъ душевныя терзанія Донъ-Карлоса и его мачехи-королевы. Мы слышимъ пламенныя слова маркиза Позы. Но когда мы начинаемъ разбираться въ рѣчахъ Позы, мы видимъ, что въ его мечтаніяхъ отразилась эпоха, въ которую Шиллеръ начиналъ свое творчество—эпоха просвѣщеннаго абсолютизма, когда думали, что просвѣщенный гуманностью абсолютный властелинъ можетъ дать счастье народу. И вотъ передъ нами въ сплавѣ вмѣстѣ съ золотомъ изрядный кусокъ лигатуры. Далѣе, напр., извѣстно, какъ еще Л. Берне въ своихъ „Парижскихъ письмахъ“, зло, и не безъ основанія, вышучивалъ своеобразный героизмъ Шиллеровскаго Вильгельма Телля.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что элементы „консервативно-умѣряющей силы“, несомнѣнно на лицо. И все таки мы должны сказать, что элементы „лигатуры“ покрываются съ большимъ остаткомъ наличностью золота въ произведеніяхъ западныхъ и русскихъ классиковъ.

Если мы внимательно присмотримся къ тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя получаются отъ искусства, то увидимъ, что дѣйствуетъ золото, а лигатура проходитъ мимо сознанія рабочаго, т. е. въ рѣдкихъ случаяхъ дѣйствуетъ „сплошное вліянія сплава“. Здѣсь необ-

ходимо учитывать не только степень, но и характеръ воспріятія. Не только въ разные возрасты человѣкъ по разному относится къ одному и тому же произведенію искусства, но и соціальное положеніе, принадлежность къ тому или другому классу общества опредѣляетъ, куда направится центъ тяжести вниманія зрителя или читателя. Эта тема о классовой психологіи воспріятія очень интересная, требующая самостоятельной статьи. Мнѣ лично, путемъ наблюденій, приходилось иногда поражаться, какъ оппозиціонно настроенный рабочій иногда изъ самаго невиннаго произведенія ухитряется дѣлать революціонные воводы! Весь центръ тяжести вниманія рабочаго уходитъ въ сторону, волнующую его сердце и въ дѣйствительной жизни, а вся „лигатура“ проходитъ или мимо сознанія, или онъ относится къ ней иронически-снисходительно. Разумѣется, мы говоримъ о лучшихъ созданіяхъ искусства, которыя не усыпляютъ мысль рабочаго, а заставляютъ усиленно умственно работать надъ выясненіемъ міровыхъ вопросовъ

II.

Но не только для самостоятельнаго творчества въ области искусства, а даже и для предварительнаго эстетическаго развитія массъ, необходимъ большій досугъ и цѣлый рядъ благопріятныхъ условій. Поэтому никакъ нельзя игнорировать предпосылокъ экономическаго характера, которые могутъ ускорить культурное развитіе пролетаріата. Дѣло вѣдь идетъ не о томъ, чтобы отдѣльныя наиболѣе энергичныя единицы достигли высокой степени развитія, а чтобы демократизація искусства и литературы коснулась широкихъ рабочихъ слоевъ. Экономическій или политическій гнетъ не можетъ остановить роста рабочаго сознанія, но оба эти вида угнетенія могутъ замедлять развитіе рабочей культуры.

Демократизація искусства не во всѣхъ государствахъ Европы идетъ одинаково успѣшно. Напр., во Франціи, торжество бульварнаго романа отравляетъ своимъ ядомъ весьма значительную часть пролетаріата. Но есть полное основаніе думать, что въ рамкахъ существующаго капиталистическаго строя усвоитъ цѣнности стараго искусства.

Еще до пришествія соціалистическаго строя, будетъ возможно отвоевать у буржуазіи цѣлый рядъ реформъ въ области рабочаго законодательства. Это конечно отнюдь не ослабитъ классовыхъ противорѣчій, ибо ростъ потребностей матеріальной и духовной культуры среди рабочаго класса, при наличности роста сознанія, все острѣе будетъ подчеркивать необходимость коренного переворота. Рядъ соціальныхъ реформъ, при наличности интенсивной работы по части демократизаціи искусства, приведетъ къ тому, что пролетаріатъ окажется подготовленныхъ, въ лицѣ своихъ передовыхъ слоевъ, къ самостоятельному творчеству въ области художества, къ началу соціаль-

ной революціи. Здѣсь мы уже переходимъ въ область гадательнаго, но одно несомнѣнно: періодъ соціальнаго переворота закончится не въ одинъ день, а растянется на значительный промежутокъ. Къ этому времени силы пролетаріата возрастутъ количественно и качественно. Къ тому же помимо демократизаціи науки и искуства, *ускоренный темпъ развитія* въ этотъ длительный періодъ „кануна“ соціальной революціи, настолько обогатитъ культуру практическаго дѣйствія, что возможно будетъ перенесеніе части этихъ неизмѣримо выросшихъ силъ въ область пролетарскаго художества. Необходимо имѣть въ виду и то обстоятельство, что къ началу конца капиталистическаго строя жизни, процессъ культурнаго одичанія буржуазнаго общества сдѣлаетъ дальнѣйшіе, шаги и, быть можетъ, не одинъ геній, вооруженный богатымъ матеріаломъ культуры прошлаго, вродѣ современнаго Верхарна, перейдетъ изъ стана буржуазіи, въ станъ борющаюся пролетаріата.

Задача передовой рабочей демократіи всѣхъ странъ стараться какъ можно интенсивнѣе и шире пріобщить массу къ искусству и классической литературѣ и тѣмъ ускорить эстетическое развитіе рабочихъ массъ. А для того, чтобы умѣть отдѣлять пшеницу отъ плевелъ, этому авангарду, не покладая рукъ, приходится работать надъ своимъ саморазвитіемъ. Для нашей рабочей интеллигенціи эта задача облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что, въ силу цѣлаго ряда особенностей нашего историческаго развитія русская литература и искусство, за исключеніемъ новѣйшей ея модернистской вѣтви, проникнута, болѣе, чѣмъ какая другая литература, демократическими тенденціями.

При свѣтѣ соціалистическаго сознанія, нѣкоторыя, даже очень старыя произведенія искусства, могутъ получить совершенно новую своеобразную опѣнку. И не только пролетаріатъ, но и лучшіе представители разночинной интеллигенціи, благодаря своему пониманію передовой идеи вѣка, бросаютъ иногда новый свѣтъ на то или иное произведеніе стараго искусства. Казалось бы, что новаго можно сказать о Венерѣ Милосской или Сикстинской Мадоннѣ, но вотъ подходятъ къ этимъ созданіямъ искусства два писателя-общественника и въ результатѣ мы имѣемъ глубоко волнующій очеркъ Гл. Успенскаго „Выпрямила“, вызванный видомъ Венеры Милосской въ Луврѣ и коротенькій очеркъ Вересаева „Мать“, по поводу Сикстинской Мадонны. При видѣ картины Рафаэля въ Дрезденѣ Вересаевъ испыталъ „радость и гордость за человѣчество, которое сумѣло воплотить и вознести такое материнство“.

Передъ передовой рабочей демократіей Россіи и Запада стоитъ сейчасъ задача внести въ оцѣнку многихъ произведеній искусства, свои поправки и свое освѣщеніе. Какъ у насъ такъ и на Западѣ, есть много спорнаго въ оцѣнкѣ того или иного генія искусства. Бахъ приводитъ примѣръ разнорѣчивой оцѣнки Вагнера. Но то, что произошло съ оцѣнкой Вагнера, можетъ произойти и съ оцѣнкой всякаго другого генія.

Не нужно обольщаться иллюзіями: сплошь и рядомъ, мы будемъ вынуждены у одного и того же художника отдѣлять золото отъ лигатуры. И въ этомъ смыслѣ никакія признанныя номенклатуры не должны быть для насъ святынями. Если мы, напр., видимъ, что у поэта Надсона есть упадочныя стихотворенія, продиктованныя трусостью передъ жизнью, разочарованіемъ и страхомъ смерти (стих. „Какъ бѣлымъ саваномъ покрытая снѣгами“), то мы прямо объявляемъ, что гниль восьмидесятыхъ годовъ коснулась души поэта и напитала его музу ядомъ невѣрія. Этому страху передъ смертью мы находимъ противоядіе въ томъ же старомъ искусствѣ и приводимъ проникнутое свѣтлымъ взглядомъ на жизнь и смерть, пушкинское „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“. При этомъ мы ни на минуту не забываемъ, что у Надсона есть рядъ хорошихъ стихотвореній, а у Пушкина—этого величайшаго генія русской поэзіи, кромѣ дивныхъ, полныхъ человѣчности стиховъ, имѣется вульгарно узко-націоналистическое стих. „Клеветникамъ Россіи“.

Этотъ отборъ лучшаго въ міровомъ искусствѣ производился всегда, хотя и безсистемно, передовой демократіей. Немыслимо, напр., въ поэзіи Гейне восторгаться одинаково той поэзіей, которая была навѣяна близкимъ вліяніемъ Маркса или презрѣніемъ къ прусскому абсолютизму и тѣми стихами, которые посвящены культу Наполеона.

Во всякомъ случаѣ все, что поднимаетъ нашъ духъ (напр., лучшія симфоніи Бетховена или симфоническія поэмы Листа), возбуждаетъ чувство протеста или состраданія (напр. поэзія Некрасова и картины старыхъ передвижниковъ), заставляетъ думать надъ сложностью жизни (напр. Ибсенъ, Л. Толстой или Успенскій),—все это имѣетъ цѣнность для эстетическаго развитія рабочей демократіи. Кромѣ того остается еще міръ личныхъ интимныхъ переживаній и ихъ отраженій въ искусствѣ. Такова многочисленная область лирической поэзіи въ ея лучшихъ образцахъ, такова напр. музыка Шопена или симфоній Чайковскаго. На все отзовется, при благопріятныхъ условіяхъ, душа мыслящаго рабочаго и все это послужитъ матеріаломъ его будущаго самостоятельнаго художественнаго творчества.

Путь, которымъ идетъ пролетаріатъ къ царству будущаго—это тяжелый и тернистый путь. На его пути сирены буржуазнаго упадочнаго искусства стараются усыпить его усталый, послѣ тяжелой физической работы, мозгъ. И это иногда, къ величайшему несчастью для движенія, удается въ достаточной мѣрѣ. Поэтому возникаетъ вопросъ о томъ, чтобы парализовать ядъ упадочнаго искусства и противопоставить теперь же, искусству упадка, искусство, созданное буржуазіей въ періодъ ея подъема. Это искусство періода подъема, все болѣе и

болѣе, для буржуазіи настоящаго времени—„забытыя слова“. Мы должны взять эти „забытыя слова“, которыя фактомъ своего существованія обличаютъ упадокъ и лицемѣріе современнаго строя жизни. Присяжный разрушитель всѣхъ буржуазныхъ цѣнностей, анархистъ Бакунинъ, съ почтеніемъ остановился передъ „Девятой симфоніей“ Бетховена и воскликнулъ: „все погибнетъ, а 9-я симфонія останется“. Но сохранится не только „Девятая симфонія“: останутся многія дивныя созданія стараго творчества.

Когда Бетховенъ написалъ свою третью (героическую) симфонію, то онъ посвятилъ ее Наполеону, ошибочно видя въ Наполеонѣ защитника свободы. Но когда Наполеонъ окончательно выявилъ себя, какъ деспота и душителя свободы, то Бетховенъ не уничтожилъ партитуры своей симфоніи. Нѣтъ, онъ въ негодованіи разорвалъ надпись съ посвященіемъ Наполеону и написалъ просто: „Посвящается герою“, давъ этимъ понять, что его симфонія посвящается всѣмъ настоящимъ и будущимъ борцамъ за свободу. Послѣдуемъ въ данномъ случаѣ бетховененскому методу, не противорѣчащему нашимъ принципамъ: борясь съ буржуазіей, не отринемъ лучшихъ созданій искусства, а принесемъ ихъ, какъ общечеловѣческую цѣнность, въ царство свободнаго будущаго.

Иванъ Кубиковъ.

Памяти Петра Александровича Злыднева.

Смерть жатву жизни коситъ... Она какъ будто вступила въ союзъ съ врагами рабочаго дѣла и именно теперь, во время подъема, каждый день вырываетъ изъ нашихъ рядовъ то одного, то другого, еще молодыхъ, полныхъ силъ, едва достигшихъ расцвѣта. 30—35 лѣтъ—вотъ порогъ, перейти который не суждено многимъ и многимъ. Уходятъ изъ жизни то на тюремной койкѣ, то въ далекой ссылкѣ, то за-границей, на чужбинѣ, принужденные эмигрировать.

Какое-то повѣтріе мора, пляска смерти!

Рѣдѣютъ ряды тѣхъ, кого сплотилъ и знаменитый Совѣтъ Рабочихъ депутатовъ. Въ маѣ 1911 г. въ бакинской тюрьмѣ скончался Богданъ Кнунянцъ (С. Петровъ—Радинъ) [1]). Въ январѣ 1914 г. въ Читѣ внезапно умеръ Петръ Злыдневъ. Я сопоставилъ два близкихъ, дорогихъ имени потому, что и въ жизни они стояли рядомъ. Изъ членовъ Совѣта, сидѣвшихъ въ 1906 году на скамьѣ подсудимыхъ, была пятерка особенно сблизившихся

[1]) См. некрологъ о немъ въ „П. З.“ за 1911 г. № 5.

между собою товарищей, въ бесѣдахъ, спорахъ, дружескихъ пререканіяхъ коротавшихъ дни заключенія. И вотъ теперь двоихъ ужъ нѣтъ въ живыхъ, а третій очень боленъ туберкулезомъ. За 7 лѣтъ процентъ огромный!

Живой, порывистый, страстный „профессіоналъ“—революціонеръ Богданчикъ—какъ звали близкіе Кнунянца—и спокойный, уравновѣшенный, съ малороссійской чуть-чуть флегмой, Петръ Александровичъ, сейчасъ только отъ токарнаго станка, дополняли въ нашей семьѣ другъ друга. „Не кипятись, Богданчикъ! найдемъ на чемъ столковаться!“—съ улыбкой заявлялъ Злыдневъ во время дружескихъ споровъ о с.-д. тактикѣ при 1-ой и 2-й Думахъ... Одинъ съ самаго начала былъ въ меньшевистскихъ рядахъ, другой пришелъ къ нимъ послѣ тяжелыхъ исканій, теоретическихъ мукъ и тревогъ. И обоихъ, едва перешагнувшихъ 30 лѣтъ, смерть оторвала отъ жизни...

У меня нѣтъ подъ руками точныхъ біографическихъ датъ П. А. По своей скромности—одна изъ отличительныхъ, характерныхъ чертъ покойнаго—онъ рѣдко дѣлился съ нами воспоминаніями дѣтства, рѣдко разсказывалъ о себѣ. Родился Злыдневъ въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ въ полукрестьянской, полу-рабочей семьѣ на границѣ Малороссіи, былъ годъ или два въ церковно-приходской школѣ, гдѣ дьячекъ не столько училъ, сколько изводилъ ребятъ и рано, лѣтъ съ 12, сталъ зарабатывать хлѣбъ. Работалъ сначала на брянскомъ заводѣ, кочевалъ и по другимъ мѣстамъ, проходя заводскую муштровку и потомъ къ концу 90-хъ годовъ—очутился въ Питерѣ, на Обуховскомъ заводѣ, издавна служившемъ однимъ изъ центровъ рабочаго движенія. Регулярно посѣщаетъ онъ воскресныя школы, бываетъ на очень тогда рѣдкихъ лекціяхъ и быстро выдвигается среди рабочихъ, какъ толковый, дѣльный товарищъ. При всякихъ трениіяхъ и столкновеніяхъ съ администраціей П. А. неизмѣнно является представителемъ своей мастерской. Отъ конфликтовъ въ мастерской, черезъ конфликты на всемъ заводѣ Злыдневъ приходитъ къ обще-классовой позиціи пролетаріата, вступаетъ, не оставляя своей профессіи токаря, въ с.-д. организацію и становится извѣстнымъ передовымъ слоямъ петербургскихъ рабочихъ. Ни на одну іоту не раздѣляя упованій „гапоновцевъ“, онъ съ агитаціонными цѣлями постоянно бываетъ на собраніяхъ отдѣловъ „Общества“. Чуть не погибши 9-го января, онъ, въ рядахъ меньшевиковъ, ведетъ кампанію по поводу комиссіи Шидловскаго и является въ ней уполномоченнымъ своего завода, и здѣсь вмѣстѣ, а отчасти и во главѣ другихъ, проводитъ и защищаетъ извѣстныя требованія. Комиссія была сорвана, Злыдневъ очутился въ тюрьмѣ. Освобожденный въ концѣ мая П. А. сейчасъ же принимается за работу. Отъ обуховскаго подрайона онъ делегируется въ Невскій районный комитетъ тогдашней меньшевистской группы и тутъ застаютъ его октябрьскіе дни. Подъ его непосредственнымъ вліяніемъ Обуховскій заводъ—однимъ изъ первыхъ—бросаетъ работу. Возникаетъ, сначала для руководства всеобщей стачкой, а потомъ и какъ выразитель воли петербургскаго пролетаріата, Совѣтъ Раб. Деп. и П. А. сейчасъ же принимаетъ горячее участіе въ его дѣлахъ. Съ самаго начала онъ членъ Исполн. Комитета. Дважды Совѣтъ ко-

мандируетъ его къ премьеръ-министру гр. Витте. Послѣ 27 нояб.—день ареста предсѣдателя—Злыдневъ выбирается подавляющимъ большинствомъ въ президіумъ Совѣта и такимъ образомъ является руководящимъ лицомъ въ послѣдніе дни существованія Совѣта. На судѣ именно ему поручено было отъ лица всѣхъ подсудимыхъ передъ началомъ судебнаго засѣданія огласить и въ письменномъ видѣ передать предсѣдателю декларацію, въ которой заявлялось отношеніе къ суду. На вопросъ о виновности Злыдневъ отвѣтилъ: „имѣю честь принадлежать къ Росс. С. Д Р. Партіи и быть членомъ С. Р. Д. и его Исполн. Комитета". Въ книгѣ, написанной нами въ тюрьмѣ—Исторія Пет. Совѣта Раб. Депутатовъ—П. А. помѣстилъ отчетъ о своихъ посѣщеніяхъ гр. Витте. Вмѣстѣ съ другими Злыдневъ былъ лишенъ правъ и отправленъ въ ссылку на поселеніе въ далекій Обдорскъ. Оттуда приблизительно черезъ годъ ему удалось перебраться въ одинъ изъ южныхъ уѣздовъ Тобольской губ. и поступить тамъ на службу. Въ 12-омъ году онъ переселяется въ Омскъ...

Таковы даты жизни. Не хочу ограничиваться ими и хочу попытаться, по личнымъ впечатлѣніямъ, хотя бы отчасти, воссоздать незаурядную личность покойнаго.

Мы встрѣтились съ П. А. черезъ два—три дня послѣ его выхода изъ тюрьмы. Я уже раньше слышалъ, какую серьезную силу представляетъ Злыдневъ, какимъ большимъ вліяніемъ пользуется онъ и у себя на Обуховскомъ и на сосѣднемъ Семянниковскомъ заводахъ. Понятно съ какимъ интересомъ я вглядывался въ него. Средняго роста, плотный, широкоплечій, чистенько и тщательно, но не щеголевато, одѣтый, Злыдневъ не торопясь разсказывалъ о тюремной отсидкѣ, объ этомъ рабочемъ „университетѣ", съ легкимъ юморомъ освѣщая различныя пирепетіи тюремной жизни. И тотчасъ же онъ перешелъ къ тѣмъ очереднымъ задачамъ, которыя, по его мнѣнію, стояли передъ рабочими. „Цусима встряхнула всѣхъ и вся; градомъ сыплются резолюціи съ осужденіемъ существующаго строя отъ всевозможныхъ обществъ, союзовъ, корпорацій; печать полна ими; чего молчать намъ, рабочимъ? И мы выработаемъ нашу рабочую резолюцію; закрѣпимъ въ ней наше отношеніе къ происходящему; выставимъ наши требованія. И потребуемъ напечатать ее въ радикальной газетѣ. Она будетъ у насъ не анонимная, а самая подлинная, съ подписями тысячъ обуховцевъ. Увидите, какъ эти всколыхнетъ рабочихъ".

Дѣло быстро наладилось. Въ сотрудничествѣ съ 20—30 передовыми рабочими былъ выработанъ и средактированъ текстъ очень большой резолюціи, могущей служить, по тому времени, прекраснымъ матеріаломъ для агитаціи. На заводѣ шло обсужденіе по мастерскимъ, а внѣ завода шли массовки и летучки, неизмѣннымъ предсѣдателемъ которыхъ былъ Злыдневъ. Говорилъ онъ не спѣша, безъ пафоса и страстныхъ нотъ, на время захватывающихъ толпу, но толково, отчетливо и просто формулируя мысли. И была въ его рѣчахъ какая-то особая спокойная увѣренность въ правильности с.-д. пути, была та постоянная интимная связь со слушателями, которой не было и быть не могло у насъ „интеллигентовъ".

И самые пожилые, уравновѣшенные, видавшіе виды рабочіе, не одинъ десятокъ лѣтъ проведшіе на заводѣ, склонялись на его доказательства. Недѣли черезъ двѣ-три подъ резолюціей стояли подписи около 4 тысячъ обуховцевъ. „Мы ихъ засвидѣтельствуемъ говорилъ Злыдневъ—пусть знаютъ, что рабочіе не только подписываютъ, но и хотятъ отвѣчать за свои мысли. А резолюцію выборные отвезутъ въ газету и попросятъ напечатать. Увидите какъ всколыхнутся питерскіе рабочіе".

Къ сожалѣнію „беззаглавная" „Наша Жизнь" отказалась напечатать нашу резолюцію. И обиженно разсказывали обуховцы: нецензурно-молъ! Когда пишутъ резолюціи десятокъ инженеровъ, врачей—словомъ „господа", то выходитъ „цензурно", подходяще и редакція рискуетъ, а наша рабочая резолюція чистой публикѣ неинтересна, хотя бы и съ 3 тысячами подписей.

Видалъ я П. А. не только на массовкахъ и митингахъ, встрѣчался съ нимъ и на засѣданіяхъ Невскаго рийоннаго с. д. комитета и на тѣхъ собраніяхъ представителей мастерскихъ и заводовъ, начавшихъ тогда возникать профессіональныхъ союзовъ и всякихъ рабочихъ обществъ, которые должны были, по мысли меньшевиковъ, послужить ядромъ обще-россійскаго рабочаго объединенія. Раза три или четыре бывалъ у него на дому, заходя отдохнуть и перекусить. И на квартирѣ у него—тамъ жили еще трое рабочихъ, каждый въ своей комнаткѣ, а одна была общая—было какъ-то особенно спокойно, дѣловито. Книги въ порядкѣ: на стѣнѣ—гитара была и хорошая „итальянская" гармоника. Все какъ-то подходило къ П. А., все было, какъ въ немъ самомъ, чисто, уютно и кругло.

И угощая онъ посмѣивался: иной изъ нашихъ профессіоналовъ на митингѣ какъ разливается о насъ, голодныхъ, холодныхъ, бездомныхъ пролетаріяхъ, а самъ-то должно быть, кромѣ чая да колбасы рѣдко, что видитъ. Не было въ Злыдневѣ ни того щегольства мудренымъ словомъ, хлесткой фразой, что порою вырабатывали въ рабочихъ прежніе кружки, не было въ немъ ни заносчивости, вотъ молъ я настоящій рабочій, ни тѣни заискиванія. Держалъ онъ себя просто и вмѣстѣ съ тѣмъ съ большимъ достоинствомъ. И я представляю себѣ, какъ просто, и увѣсисто П. А. отвѣчалъ гр. Витте на его предложеніе посѣтить по поводу предполагавшейся демонстраціи Трепова: „Сов. Раб. Деп. поручилъ намъ довести до вашего свѣдѣнія то, что мы сказали и не уполномочилъ насъ ходить по петербургскимъ генераламъ"!

Съ нами, очень сблизившимися въ тюрьмѣ, онъ держалъ себя съ какой-то хорошей, ровной ласковостью. Внимательно вслушиваясь въ наши споры и толки, онъ рѣдко вмѣшивался въ нихъ, но чувствовалось, что онъ не только слушаетъ ихъ, но и знаетъ нѣчто такое, чего намъ не дадутъ никакія книги. Это нѣчто—была его кровная связь съ рабочими, интимная близость къ рабочей жизни. И эта связь, эта близость трогательно отмѣчалась его обуховцами; въ дни передачъ камера П. А. заполнялась всякими коллективными приношеніями, я помню, какъ въ день его имянинъ ему притащили такой огромный пирогъ, что онъ еле пролѣзъ въ узкую дверь, а на пирогѣ была

надпись—дорогому П. А.—такая-то мастерская. Приносили ему и сигары, хотя онъ и не курилъ, и всякую всячину и, глядя на что-нибудь новое у него въ камерѣ, мы шутливо спрашивали—обуховскій заводъ?

И на самомъ судѣ обуховцы не только оффиціально, такъ сказать солидаризировались со своимъ депутатомъ, предъявивъ за подписями резолюцію о томъ, что „Злыдневъ творилъ ихъ волю", но и проходя передъ судомъ, какъ свидѣтели, подчеркивали достоинства П. А. О нихъ говорила и администрація завода: какой то полковникъ или генералъ, словомъ важное лицо въ администраціи, показывалъ, что при всѣхъ столкновеніяхъ съ рабочими, контора завода вела переговоры всегда съ Злыдневымъ и привыкла считаться съ нимъ, какъ съ дѣльнымъ, толковымъ рабочимъ. И любопытно отмѣтить, что самъ онъ, несмотря на увлеченіе общественною жизнью съ удовольствіемъ говорилъ о своемъ ремеслѣ токаря и очень вкусно разсказывалъ о томъ, какъ хорошо точить на хорошо прилаженномъ станкѣ.

Вспоминается мнѣ, и огромный митингъ 6-го, кажется, ноября на Обуховскомъ заводѣ. Выступали—тогда въ первые на заводѣ—лидеры с—р—овъ, со стороны с—д. Алексинскій и я, а предсѣдательствовалъ по обыкновенію Злыдневъ. Алексинскій усомнился и имѣлъ всѣ поводы къ этому—въ подлинности постановленія одного волостного схода, оглашеннаго на митингѣ, и на этой почвѣ страсти разгорѣлись, до—нельзя. Нѣкоторое время среди колоссальнаго шума и гвалта не слышно было ни слова, но П. А. скоро успокоилъ собраніе, предложивъ выбрать коммиссію для разбора инцидента. Не бѣда, говорилъ онъ мнѣ потомъ, что рабочіе такъ хлопаютъ с—рамъ, у нихъ, вѣдь, все, чего душа проситъ: и земля и воля. Идутъ-то все—таки рабочіе съ нами и за нами; мы дѣлаемъ рабочую политику.

Ссылка забросила его въ Обдорскъ, оторвала отъ станка и кипучей рабочей жизни и пришлось приноравливаться къ новымъ условіямъ. Уйти изъ ссылки и стать нелегальнымъ Злыдневу не хотѣлось: какой я профессіоналъ и нелегальный, я съ налету ничего сдѣлать не смогу, мнѣ нужно войти въ рарочую массу, сжиться съ нею, а такъ, сегодня здѣсь, а завтра тамъ—не моя это работа. Ужъ лучше выждать!...

Какъ только выбрался я изъ тюрьмы, въ октябрѣ 13 года, я тотчасъ написалъ П. А., прося сообщить о себѣ. Изъ писемъ его я узналъ, что матеріально онъ устроился недурно и начавъ службу на 20 р. окладѣ конторщикомъ, онъ теперь бухгалтеръ одной изъ крупныхъ фирмъ Омска.

Но въ двухъ полученныхъ мною письмахъ ясно сквозила неудовлетворенность жизнью.„ Чорта—ли въ томъ—писалъ Злыдневъ—что я въ концѣ—концовъ устроился, развѣ въ этомъ мое дѣло"? И отвѣчая на мой вопросъ, какъ онъ относится къ текущимъ событіямъ, къ огромному подъему рабочаго движенія а вмѣстѣ съ тѣмъ къ неслыханной братоубійственной войнѣ среди с—д—овъ, Злыдневъ писалъ: хочется вмѣшаться—да во первыхъ негдѣ, а во вторыхъ боюсь, не потерялъ ли я за это время пониманія рабочаго, чувства близости и родства съ нимъ.

А это—главное, существенное. Эхъ! въ Питеръ бы теперь, на заводъ куда—нибудь.

„Насчетъ „предателей" и „измѣнниковъ" и пр. ругани, о которой и я наслыханъ—надо пренебречь. Всякіе фрукты выростали у насъ, но такой гадости я еще не видывалъ. Увѣренъ, однако, что рабочій жнлудокъ и ихъ переваритъ, а пролетарское дѣло выйдетъ на хорошую дорогу... О Хрусталевѣ читалъ и не такъ ужъ удивился. Помнишь, какъ мы ему не довѣряли, ждали мы отъ него многое плохое, но такой мелкой пакости не ждалъ. Погибшій онъ человѣкъ"....

Въ январѣ П. А. собирался ѣхать въ Иркутскъ и „по душамъ" потолковать обо всемъ. Судьба не захотѣла снова свести насъ! Въ ноябрѣ по глупому „недоразумѣнію" я сидѣлъ уже въ иркутской одиночкѣ и выйдя, изъ нея, я узналъ, что дорогой и славный товарищъ только что у[illegible]ръ въ Читѣ.

В. Звѣздинъ.

Рабочая самодѣятельность и рабочая демагогія [1]).

Въ связи съ расколомъ во фракціи снова выплываетъ наружу старый, а для россійской соціальдемократіи все еще новый вопросъ объ интелигентской и рабочей партіи. 6 депутатовъ отъ обязательной рабочей куріи стараются вездѣ, гдѣ только можно подчеркнуть, что они, не въ примѣръ остальнымъ соціальдемократамъ, есть истинные представители пролетаріата. Имъ и только имъ пролетаріатъ поручилъ отстаивать въ Думѣ свои интересы, защищать свое право, свою честь. Свой расколъ Малиновскій и иже съ нимъ стараются представить какъ необходимость отстоять волю и желаніе рабочей массы отъ покушеній остальной интеллигентской части фракціи. Рабочіе депутаты борятся за свою самостоятельность внутри фракціи, пишетъ несвѣдущая либеральная пресса о расколѣ; къ сожалѣнію и нѣкоторые рабочіе готовы видѣть въ этомъ раскольническомъ поступкѣ куріальныхъ депутатовъ борьбу за независимость и самостоятельность рабочихъ представителей. Но такъ-ли это на самомъ дѣлѣ? Вѣдь если депутаты отъ рабочихъ курій подняли знамя возстанія за свою независимость, если они искренно хотятъ высвободиться, наконецъ, изъ подъ интеллигентской опеки, стать на свои ноги, то намъ, меньшевикамъ—рабочимъ, слѣдовало бы только сказать: въ добрый часъ. Мы—смѣю думать, что не только пишущій эти строки, но и большинство меньшевиковъ рабочихъ, не раздѣляемъ возрѣній Ф. Д. и С. на вопросъ о взаимоотношеніи интеллигенціи и рабочихъ въ русской соціальдемократіи. Мы не видимъ ничего демагогическаго, ничего несоціальдемократическаго, ни-

---

Примѣчаніе редакціи: Печатая ст. Булкина, редакція помѣщаетъ отвѣтъ ему Л. М., выражающій точку зрѣнія редакціи не затронутые Булкинымъ вопросы.

чего, въ концѣ концовъ, синдикалистскаго въ томъ, что рабочіе стремятся въ своей рабочей партіи занять руководящее мѣсто. Больше того, считаемъ это явленіе вполнѣ нормальнымъ, а при настоящихъ условіяхъ даже прогрессивнымъ. Русскимъ соціальдемократамъ для подкрѣпленія своего мнѣнія часто приходится ссылаться на опытъ Западной Европы. Но все же нужно не забывать, что примѣръ Западной Европы не всегда умѣстенъ. Нельзя намъ рабски копировать Западъ. Въ каждой странѣ существуютъ и національныя и мѣстныя особенности. Вспомните, какъ неодобрительно относился Марксъ къ попыткамъ нѣмецкихъ эмигрантовъ соціальдемократовъ направить американское рабочее движеніе по образцу Германіи. Россія еще далеко не достигла той ступени экономическаго развитія, какая свойственна гигантамъ капитализма—Германіи, Англіи или хотя бы даже Франціи. Тамъ на Западѣ уже болѣе или менѣе завершился процессъ классового строенія, классового группированія. Выкристаллизованныя соціальныя противорѣчія тѣсно разграничиваютъ интересы каждаго класса, каждой соціальной группы въ отдѣльности и заставляютъ для защиты ихъ образовывать политическія партіи. Тамъ интеллигенція стоитъ подъ буржуазнымъ, враждебнымъ пролетаріату, флагомъ. Она часто поддерживаетъ крупный капиталъ, крупную буржуазію противъ рабочихъ; рѣже соблюдаетъ нейтралитетъ, и ужъ совсѣмъ рѣдко протягиваетъ руку рабочимъ. На служеніе къ западноевропейскому пролетаріату изъ рядовъ интеллигенціи идутъ только единицы—бѣлые вороны, какъ тамъ называютъ ихъ.

И понятно, что рабочему классу не опасны эти выходцы изъ буржуазной среды, эти бѣлые вороны. Прошедшій долгую школу классовой самодѣятельности, выдвинувшій изъ своихъ рядовъ такихъ незабвенныхъ, талантливыхъ личностей, какъ Бебель, Ауэръ, Шумаеръ, и др., создавшій могущественныя политическія партіи, онъ не можетъ уже сбиться съ дороги. Ничто не въ силахъ отклонить его отъ разъ намѣченной цѣли — соціализма, никто не въ состояніи заразить этотъ громадный пролетарскій организмъ, чуждымъ ему буржуазнымъ вліяніемъ. Каутскій, Адлеръ, Гэдъ и Бернштейнъ да, даже онъ,—только части самодвижущагося пролетарскаго механизма. Они растворены въ самодѣятельной пролетарской партіи, а тѣмъ самымъ, и разорвана пуповина, связывающая ихъ съ буржуазной средой. Въ Западно-европейскихъ соціалистическихъ партіяхъ нѣтъ, конечно, дѣленія на интеллигента и рабочаго, но только потому, что тамъ ни количественно, ни качественно интеллигенція не играетъ и не можетъ играть существенной роли. Настоящими политическими вождями германской рабочей партіи являются не Каутскіе, а Бебели—теперь Шейдеманы. Но такъ ли обстоитъ дѣло у насъ въ Россіи? Увы, далеко, далеко не такъ. Слабо выраженнымъ, не проникшимъ еще во всѣ поры хозяйственной жизни капиталистическимъ отношеніямъ вполнѣ соотвѣтствуетъ у насъ и слабая степень классовой дифференціаціи (разслоенія) населенія.

Кадетская партія можетъ у насъ одновременно опираться и на крупную буржуазію, и на прогрессивно демократическіе слои—приказчиковъ. Ни для кого не секретъ, что русская соціальдемократія и по настоящее время пользуется среди интеллигенціи и мелкой буржуазіи значительнымъ вліяніемъ. Для всякаго, знакомаго съ соціальнымъ составомъ избирателей въ Госуд. Думу по II-ой куріи, совершенно ясно, что полученные соціальдемократіей, по приблизительному подсчету В. Левицкаго, 43.549 голосовъ при выборахъ въ IV Гос. Думу по этой куріи, за очень малымъ исключеніемъ, голоса не рабочихъ, а буржуазной демократіи. По мнѣнію тов. С., мы должны только радоваться и гордиться тѣмъ, „что къ намъ идутъ и подъ наше знамя становятся всѣ лишенные правъ, всѣ угнетенные“. Но кто въ Россіи имѣетъ права, кто въ Россіи не униженъ? Вѣдь только одно помѣстное дворянство чувствуетъ себя здѣсь прекрасно. Недовольство проникло отъ самыхъ низшихъ до самыхъ верхнихъ слоевъ населенія, отъ пролетаріата до магнатовъ капитала. И чтожъ, всей этой разношерстной толпѣ мы должны открыть двери и сказать „придите къ намъ всѣ труждающіеся и обремененные“? Но чѣмъ же мы тогда отличаемся отъ кадетовъ и въ особености отъ народниковъ, которые могутъ со слезами на глазахъ призывать къ этому трогательному объединенію? Процитированная фраза и фактъ голосованія массы интеллигенціи за соціальдемократію показываютъ, насколько слабо выражена въ русской соціальдемократіи ея классовая сущность. Она скорѣе просто демократическая, чѣмъ выпукло классовая партія пролетаріата. Года, десятилѣтія существуетъ соціальдемократія, но нѣтъ еще рабочей партіи.

Десятки лѣтъ рабочій былъ для соціальдемократіи только опекаемымъ, несовершеннолѣтнимъ ребенкомъ. Отъ имени рабочаго класса говорила и дѣйствовала радикальная интеллигенція. Она парализовала волю и умъ рабочаго. Эта опека привела къ тому, что сознательный рабочій не воспиталъ въ себѣ пролетарской мысли и воли, превратился въ автоматъ для интеллигентскихъ вождѣленій. Русскій сознательный рабочій сошелъ со своего классоваго пути. Подъ вліяніемъ радикальной интеллигенціи, онъ подмѣнилъ свою классовую задачу фракціонной борьбой. Радикальная интеллигенція, заполнившая ряды соціальдемократіи, пользуясь своимъ культурнымъ превосходствомъ, пользуясь стихійнымъ революціоннымъ настроеніемъ рабочихъ, воспитала послѣднихъ въ духѣ любви и преклоненія предъ революціонной фразой. У нея нѣтъ ничего другого; она давала, что могла давать. И рабочій повѣрилъ въ революціонную фразу, можно сказать влюбился въ нее, совершенно забывая, что для него истинная революціонность заключается не въ фразѣ, а въ классовомъ строительствѣ пролетаріата, въ развитіи классоваго сознанія и классовой самодѣятельности рабочихъ массъ. Фракціонность—вотъ второе, еще горшее зло, которымъ наградила насъ „соціалистическая“ интеллигенція. Только у насъ въ Россіи можно встрѣтить такой болѣзненный, чисто интеллигентскій фракціонный фанатизмъ у рабочихъ. На Западѣ рабочій прежде всего соціальдемократъ, а потомъ уже ортодоксъ или ревизіонистъ. У насъ же наоборотъ. На Западѣ при выборахъ ли въ профессіональный союзъ, въ правленіе ли политической партіи, въ рабочій ли секретаріатъ, въ Рейхстагъ ли, наконецъ, прежде всего цѣнится рабочій, какъ соціальдемократъ, какъ цѣнный работникъ, умѣющій постоять за интересы рабочаго класса. Тамъ ревизіонистская организація посылаетъ

въ Рейхстагъ радикала, тамъ ортодоксальная организація приглашаетъ на вакантное мѣсто секретаря ревизіониста. Всюду цѣнятся только спеціалисты, знатоки своего дѣла. Никому и въ голову не приходитъ руководствоваться при назначеніи на отвѣтственный постъ кого-либо его фракціонностью. И масса, и ея вожди въ своихъ поступкахъ исходятъ изъ интересовъ обще пролетарскихъ, а не частныхъ фракціонныхъ. У насъ, конечно, все шиворотъ навыворотъ.

Господствующая фракція проведетъ въ Думу не лучшаго рабочаго, не лучшаго защитника интересовъ рабочихъ, а заядлаго фракціонера. Какое кому дѣло, что въ Думѣ онъ окажется молчальникомъ какое кому дѣло, что онъ не можетъ использовать Думу для усиленія вліянія рабочаго класса, укрѣпленія его организацій. Зато онъ большевикъ, онъ не усилитъ вліянія меньшевиковъ—а это одно уже много, черезъ чуръ даже много значитъ. Проигрываетъ же при этомъ конечно пролетаріатъ. Зачѣмъ же мы призывали рабочихъ въ участію къ выборахъ?. Какое дѣло широкимъ массамъ до нашихъ фракціонныхъ разногласій, какое имъ дѣло до большевиковъ и меньшевиковъ?. Имъ нужно, чтобы депутаты отстаивали въ Думѣ обще пролетарскую политику. А вотъ новые недавніе перлы нашей фракціонности. Молодое, только что пустившее ростки въ рабочей массѣ, профессіональное движеніе, казалось бы, могло насъ всѣхъ объединить. Всѣмъ намъ, и темнымъ несознательнымъ рабочимъ, и народникамъ и большевикамъ, и меньшевикамъ одинаково туго приходится отъ капитала. Газеты ежедневно приносятъ извѣстія о нашихъ пораженіяхъ. Каждому ясно, что сильному, силоченному, организованному капиталу должна быть противопоставлена не менѣе сильная, сплоченная профессіональная организація. Всѣ мы казалось должны были бы дорожить и заботится о нашихъ профессіональныхъ организаціяхъ, вмѣстѣ трудиться надъ укрѣпленіемъ существующихъ и бороться за свободу союзовъ, безъ которой немыслимы сильныя профессіональныя организаціи. Но не такъ представляютъ себѣ дѣло зараженные фракціонной болѣзнью, ослѣпленные фракціоннымъ фетишизмомъ, потерявшіе свое классовое чутье въ мусорѣ радикальныхъ фразъ нѣкоторые „сознательные“ рабочіе. Для нихъ бороться за свободу союзовъ, значитъ отказаться отъ марксизма, итти нога въ ногу съ либерализмомъ.

Какое имъ дѣло, что въ свое время западно-европейскіе рабочіе боролись за свободу коалиціи, видѣли въ ней не буржуазное, а свое пролетарское дѣло; какое имъ дѣло, что ни одинъ сознательный. ортодоксальный рабочій Германіи не можетъ понять, почему борьба за свободу союзовъ есть либерализмъ, и настойчиво твердитъ—что это наша пролетарская задача. У насъ вѣдь свое самобытное интеллигентское, а не пролетарское, толкованіе марксизма. Классовой инстинктъ нашему „сознательному“ рабочему ничего не говоритъ, онъ потерялъ свою волю, автоматически повторяетъ избитыя радикальныя, интеллигентскія фразы, вмѣстѣ съ анархистами твердитъ: все или ничего. Вооружившись этимъ дешевымъ, сильно устарѣвшимъ оружіемъ, онъ борется, мѣшаетъ, всѣми силами препятствуетъ настоящей пролетарской борьбѣ—борьбѣ за свободу союзовъ. И ему удалось дезорганизовать коалиціонную кампанію. Но не за счетъ своего оружія онъ побѣдилъ. Вѣдь это было разрушеніе, а не созиданіе; давно извѣстно,—что разрушать куда легче, чѣмъ созидать. Ослѣпленные фракціонеры идутъ дальше. Потерявшіе разсудокъ, запуганные словомъ „ликвидаторъ“, загипнотизированные, они не разбираютъ уже ничего, и на алтарь своей фракціонности несутъ и закалываютъ новыя жертвы: существующія профессіональныя и просвѣтительныя организаціи. Всякому маломальски знакомому съ теоріей и практикой профессіональнаго движенія извѣстно, что тутъ не можетъ быть никакихъ разногласій между большевиками и меньшевиками. Всякому ясно, какъ дороги и неоцѣнимы для профессіональной организаціи старые, опытные, дѣятельные работники. И меньшевики рабочіе строго соблюдали эти истины. Всякому также извѣстно, что вынесшимъ въ значительной степени на своихъ плечахъ, оберегавшимъ въ трудную годину реакціи профессіональное движеніе и отъ апатіи рабочихъ массъ, и отъ полицейскихъ преслѣдованій меньшевикамъ чужда была фракціонная политика. Имѣя большинство въ районахъ, они выбирали большевиковъ въ центральное правленіе; имѣя большинство въ центральномъ правленіи, они выбирали на отвѣтственный постъ секретаря большевика.

Но измѣнились времена. Лучшая часть профессіональныхъ работниковъ меньшевиковъ волею судебъ пребываетъ—кто заграницей, кто въ ссылкѣ, кто въ тюрьмѣ.

Новый элементъ, вошедшій въ профессіональные союзы лишь въ послѣднее время—въ періодъ новаго расцвѣта промышленности и оживленія рабочаго движенія, не знакомъ ни съ практикой, ни съ исторіей, ни съ традиціями профессіональнаго движенія. А демагоги между тѣмъ не дремлютъ и пользуются удобнымъ случаемъ нанести новый ударъ рабочему классу. Фракціонное чудовище требуетъ все новыхъ и новыхъ жертвъ. Ему мало, что посѣяна вражда и рознь въ политическихъ организаціяхъ. И вотъ его агенты работаютъ въ профессіональныхъ союзахъ, вооружаютъ одну часть рабочихъ противъ другой. Демагоги не стѣсняются, въ ихъ изображеніи „ликвидаторъ“—это классовый врагъ рабочихъ. Льются помои на голову лучшихъ рабочихъ, играютъ на темнотѣ и несознательности рабочихъ. Дѣло сдѣлано, успѣхъ обезпеченъ. Въ одинъ прекрасный день наверху одного изъ самыхъ старыхъ и сильныхъ профессіональныхъ союзовъ—металлистовъ—взвился фракціонный большевистскій вымпелъ. Демагоги радуются, ликвидаторы разгромлены, лучшіе работники устранены отъ работы. Радуются и большевики рабочіе, и въ ослѣпленіи не видятъ, что профессіональный союзъ бьется въ судорогахъ, что они сами собственными руками вонзили кинжалъ въ сердце союза. Въ этотъ день положенъ конецъ единству профессіональнаго движенія, а значитъ и его силѣ, его росту.

Изъ рукъ рабочаго класса фракціонеры выбили одно изъ самыхъ сильныхъ оружій пролетаріата въ борьбѣ съ капиталомъ: сплоченный и сильный единствомъ профессіональный союзъ. Рабочіе этого не забудутъ. Этотъ день былъ однимъ изъ самыхъ позорныхъ дней въ исторіи рабочаго движенія Россіи.

Какое еще нужно доказательство того, насколько вредно отражается на судьбахъ рабочаго движенія руководящая роль интелигенціи въ рядахъ соціальдемократіи. Кому еще не ясно, что сознательный большевикъ рабочій сошелъ съ своего классового пути и предаетъ интересы рабочаго класса во имя интересовъ своей фракціи. А что интересы класса и фракціи не совпадаютъ, это видно хотя бы изъ вышеописанныхъ примѣровъ. Классу важно прежде всего, чтобы союзъ былъ единъ—фракціи, чтобы онъ былъ фракціоннымъ.

Мнѣ скажутъ, что у насъ не только интеллигенція, но и рабочіе фракціонны. Не оспариваю этого. Узкая конспиративная организація по существу своему враждебна классовой самодѣятельности. А традиціи прошлой чисто интеллигентской соціальдемократіи, психологія настоящаго полуинтеллигентскаго по своему вліянію подполья, безусловно накладываютъ отпечатокъ на многихъ сознательныхъ рабочихъ. Русскій сознательный рабочій еще и теперь не окончательно отрѣшился отъ рабской психологіи, и часто безъ всякого критическаго анализа на вѣру принимаетъ слова новаго барина-интеллигента. Еще хуже дѣло обстоитъ среди полусознательныхъ и совершенно несознательныхъ рабочихъ. Мнѣ, да и многимъ, вѣроятно, приходилось встрѣчать какого либо Ѳому или Ерему, совершенно несознательнаго, часто даже неграмотнаго рабочаго. Этотъ рабочій совсѣмъ не разбирается въ вопросахъ классовой политики, теорія классовой борьбы для него недоступная книга. Но онъ по своему преданъ соціальдемократіи, онъ энергиченъ. И посмотришь, для чего использована у насъ энергія этого неграмотнаго, неразбирающагося рабочаго. Вонъ онъ стоитъ посреди кучки такихъ же, какъ и онъ, несознательныхъ рабочихъ и ораторствуетъ. Толпа жадно внимаетъ. Казалось бы, о чемъ можетъ говорить этотъ несознательный рабочій? Но онъ говоритъ, говоритъ горячо и увлекательно о классовыхъ врагахъ пролетаріата. Кто же въ его представленіи врагъ рабочихъ—правительство, буржуазія? Нѣтъ, меньшевики—ликвидаторы. Со всей силой, со всей своей страстностью и подкупающей искренностью онъ обрушивается на меньшевиковъ рабочихъ. Изъ устъ этого оратора то и дѣло вылетаютъ энергичныя фразы: „предатели рабочихъ“, измѣнники, слуги хозяевъ, буржуазіи. Они, т. е. мельшевики рабочіе, хотятъ уничтожить соціальдемократію и просить правительство открыть новую партію. И окружающіе въ знакъ согласія со словами оратора киваютъ головами . . . Въ сторонѣ стоятъ истинные вдохновители этого Ѳомы—Каменевы, Зиновьевы, и отъ удовольствія потираютъ руки. Они прекрасно поняли, что этотъ Ѳома можетъ оказаться весьма цѣннымъ орудіемъ ихъ фракціонныхъ вожделѣній, недаромъ они такѣ старались надъ его воспитаніемъ и просвѣщеніемъ, недаромъ они постарались провести этого несознательнаго рабочаго въ комитетъ. Такъ подпольная, интеллигентская по своему вліянію, соціальдемократія воспитываетъ изъ рабочихъ не борцовъ за классовые интересы пролетаріата, а узкихъ фанатиковъ—фракціонеровъ.

И виною здѣсь, конечно, не злая воля Зиновьевыхъ и Каменевыхъ, а желѣзная логика подполья, изолирующаго своихъ обитателей отъ живой общественной жизни и пріучающаго ихъ

ставить свои кружковые интересы и переживанія выше реальной политической работы И не только несознательные Ѳомы и Еремы, но и цѣлый рядъ широко образованныхъ, могущихъ быть украшеніемъ даже для западно-европейскихъ партій, рабочихъ, вращаясь въ пропитанной фракціонной атмосферой организаціи, отдаютъ свои силы, свой умъ, свою энергію и знаніе на служеніе фракціонному Молоху. Сотни лучшихъ рабочихъ ежемѣсячно вырываются изъ рядовъ пролетаріата и наполняютъ собою тюрьмы, идутъ въ ссылку, идутъ на поселеніе, идутъ на каторгу не за то, что они служили интересамъ своего класса, развивали его сознаніе, укрѣпляли его мощь, не за то, что они боролись съ правительствомъ, съ буржуазіей, а за то, что они боролись съ рабочими меньшевиками, или наоборотъ. Возможно что либо подобное на Западѣ? Можно ли при такихъ условіяхъ закрывать глаза на интеллигентскую опасность въ русской соціальдемократіи. Соціальдемократія, строго классовая партія, защитница интересовъ пролетаріата; развитіе классоваго сознанія пролетаріата, развитіе его самодѣятельности и группированіе его въ классовую партію она считаетъ своей главнѣйшей задачей. И поскольку интеллигенція бозсознательно мѣшаетъ выполненію этой исторической задачи, мы не можемъ быть равнодушными, мы должны активно вмѣшиваться въ ходъ событій и взять бразды правленія съ собственныя руки. Борьба идетъ не противъ отдѣльнаго интеллигента, не противъ отдѣльнаго инженера, адвоката, редактора и т. п., борьба происходитъ за то, чѣмъ должна быть соціальдемократія: классовой ли рабочей партіей или интеллигентской сектой, хотя бы и группирующей вокругъ себя рабочихъ. До сего времени пролетаріатъ поддерживалъ соціальдемократію лишь въ качествѣ наиболѣе демократической партіи, но никогда не считалъ ее своей собственной партіей. Въ ряды соціальдемократіи входили только отдѣльные представители рабочаго класса, совершенно растворяясь въ этой радикальной интеллигентской организаціи, подчиняясь ея вліянію. Но, по мѣрѣ роста классоваго сознанія пролетаріата, пробуждалось среди соціальдемократическихъ рабочихъ какое то инстинктивное недовѣріе къ интеллигенціи. Вѣдь если о исторіи соціальдемократіи говорятъ, что это исторія фракціонной борьбы, то съ такимъ же правомъ о ней можно сказать, что это непрерывная борьба рабочихъ съ интеллигенціей внутри соціальдемократіи за власть, за превращеніе соціальдемократіи въ рабочую партію. Эта борьба, начатая вскорѣ же послѣ образованія соціальдемократіи, то затихая на время, то разгораясь съ новой силой, продолжается и до нашихъ дней. Обыкновенно знамя возстанія поднимали наиболѣе сознательные рабочіе, но попытки ихъ всегда подавлялись въ самомъ зародышѣ. Борьба съ чрезмѣрнымъ интеллигентскимъ вліяніемъ внутри соціаль-демократіи, призывъ къ рабочей самодѣятельности объявлялись—синдикалистскими; самихъ рабочихъ—иниціаторовъ этой кампаніи клеймили, какъ демагоговъ. Но вотъ въ 1906—07 году, въ связи съ выступленіемъ извѣстнаго вождя меньшевизма П. Б. Аксельрода, открыто признавшаго, что соціаль-демократія есть партія родикальной интеллигенціи, а не рабочихъ, и призывавшаго къ построенію рабочей партіи, лозунгъ самодѣятельность рабочихъ дѣлается

популярнымъ. Меньшевики рабочіе начинаютъ подготовительныя работы къ созыву рабочаго съѣзда; ихъ самоотверженно поддерживаетъ большинство меньшевистской интеллигенціи; среди большевистскихъ рабочихъ замѣтно колебаніе, и только большевистская интеллигенція дружно выступила на защиту старой соціальдемократіи. Разразившаяся реакція сдѣлала немыслимымъ какое бы то ни было проявленіе общественной самодѣятельности. Вмѣстѣ съ многими вопросами русской общественности, временно сошелъ со сцены и вопросъ о рабочемъ съѣздѣ.

Товар. С. заявляетъ, что соціальдемократія „въ своихъ собсобственныхъ рядахъ не признаетъ раздѣленія на рабочихъ и не рабочихъ". Для Запада это утвержденіе пожалуй будетъ вѣрно, и мы говорили выше, почему.

Зато для Россій оно безусловно невѣрно. Вѣдь, что изъ себя представляла агитація за созывъ рабочаго съѣзда, какъ не ту же борьбу рабочихъ съ интеллигентскимъ вліяніемъ внутри соціальдемократіи? Вѣдь конечная цѣль рабочей агитаціи за съѣздъ была или созданіе особой рабочей партіи помимо соціальдемократіи, или превращеніе послѣдней изъ интеллигентской въ самодѣятельную пролетарскую партію. И при той и при другой постановкѣ вопроса всѣ защитники рабочаго съѣзда одинаково исходили изъ того, что соціальдемократствующая интеллигенція мѣшаетъ развитію и проявленію классовой самодѣятельности пролетаріата. Какъ видите, тов. С., былъ моментъ, когда огромная часть соціальдемократовъ признавала эту разницу между рабочими и не рабочими. Да помнится, что и вы были тогда въ числѣ защитниковъ рабочаго съѣзда, т. е. въ числѣ при знававшихъ эту разницу, вмѣстѣ съ ними боролисьза рабочую партію.

Что же измѣнилось съ тѣхъ поръ? Какъ и тогда, въ Россіи нѣтъ еще самодѣятельной пролетарской партіи. Вмѣсто единой большой соціалистической подпольной секты, гдѣ боролись лишь два направленія—меньшевики и большевики, теперь существуетъ нѣсколько самостоятельныхъ маленькихъ подпольныхъ сектъ. Подполье сузилось, его вліяніе на рабочихъ уменьшилось. Всѣ вмѣстѣ взятыя существующія теперь подпольныя организаціи не представляютъ и $^1/_{10}$ той силы, которая присуща была подполью 1906-07 года. Вліяніе интеллигенціи попрежнему въ этихъ организаціяхъ преобладающее. По прежнему защита интересовъ пролетаріата, борьба за его организацію подмѣнены фракціонной междоусобицей. Насколько соціальдемократія еще интеллигентская организація, видно опять таки изъ фактовъ послѣдней избирательной кампаніи. Избирательная кампанія одинъ изъ самыхъ удобныхъ поводовъ для политическаго выступленія пролетаріата, одинъ изъ самыхъ важныхъ моментовъ для его классового самоопредѣленія. Тутъ должно было быть выдвинуто одно изъ кардинальнѣйшихъ требованій пролетаріата въ настоящій моментъ—свобода коалицій и на немъ сосредоточено все вниманіе. Мы должны были мобилизовать всѣ свои силы, требовать отъ буржуазіи, чтобы въ Думѣ она поддержала это требованіе нашихъ депутатовъ. По ироніи судьбы мы сами разодрались именно изъ за лозунга свободы коалицій. Вмѣсто политической кампаніи выборы въ Думу превратились въ фракціонное заушеніе. Еще разительнѣе примѣръ съ кандидатами въ выборщики.

В. Левицкій съ радостью констатируетъ, что при выборахъ въ 4 Думу соціальдемократія выставляла кандидатами по II гор. куріи рабочихъ и приказчиковъ. Но увы! изъ 53 случаевъ самостоятельнаго выступленія соціальдемократіи, считая въ среднемъ на каждое выступленіе по 2 кандидата, т. е. изъ 106 соціальдемократическихъ кандидатуръ ему удалось зарегистрировать рабочихъ и приказчичьихъ только 15 (14%). Мало, очень, мало для рабочей партіи. Гдѣ же здѣсь мѣсто самодѣятельности пролетаріата? Видимо въ рядахъ соціальдемократіи все осталось по старому, она, какъ была интеллигентской по своему вліянію, по своей психологіи, такъ и осталась. И это нужно смѣло признать, не боясь того, что скажетъ по этому поводу княгиня Марья Алексѣевна—буржуазная печать.

Ну, а если все осталось по старому внутри соціальдемократіи, то по прежнему будетъ вестись и борьба рабочихъ за превращеніе соціальдемократіи въ рабочую партію. Рѣчь идетъ конечно не о простой замѣнѣ Зиновьева Ѳомою, не просто мозолистая рука смѣняетъ бѣлоручку. Вопросъ куда сложнѣе. Для насъ центръ тяжести, вся суть вопроса въ томъ, чтобы смѣнившія лица могли смѣнить и политику и направленіе соціальдемократіи. Мы хотимъ, чтобы превращенная въ рабочую, соціальдемократія сумѣла бы ликвидировать фракціонность во имя фракціонности, сумѣла бы отказаться отъ преклоненія предъ радикальной фразой, поставила во главу угла своей дѣятельности развитіе самодѣятельности рабочаго класса, организацію пролетаріата въ единую партію. Словомъ мы хотимъ, чтобы рабочая партія ставила интересы рабочаго класса выше интересовъ своей фракціи, своего кружка, своей секты.

Имѣются ли въ наличности въ рабочемъ классѣ силы, способныя выполнить эту программу. Да, имѣются. Они находятся за дверьми подполья, внѣ официальной соціальдемократіи, въ легальномъ рабочемъ движеніи. Легальное рабочее движеніе развивалось подъ лозунгомъ самодѣятельности рабочихъ, оно не находилось подъ вредной опекой интеллигенціи, рабочіе тамъ не принижены такъ, какъ въ подпольѣ и сумѣютъ постоять за себя. Пусть раскольникамъ и демагогамъ удалось внести сюда дозу фракціоннаго яда, пусть имъ удалось привлечь на свою сторону легальныя организаціи. Побѣда эта временная. Рабочіе скоро на своей спинѣ почувствуютъ весь вредъ раскольнической политики и повернутся спинами къ нынѣшнимъ руководителямъ. Нельзя долго кормить легальное рабочее движеніе вреднымъ суррогатомъ классовой политики—фракціонностью. Рабочимъ, организованнымъ въ профессіональные союзы, просвѣтительныя организаціи, больничныя кассы, нужна и положительная программа дѣйствій. А ее то и не смогутъ дать фракціонные демагоги. Въ запасѣ у нихъ нѣтъ ничего, кромѣ хлесткихъ революціонныхъ фразъ. Да, практическая дѣятельность, дѣйствительное проведеніе классовой политики находится въ прямомъ противорѣчіи съ ихъ фракціонными интересами. Правда, правдисты всячески подлаживаются подъ настроеніе этихъ рабочихъ. Они заговорили о популярной-литературѣ, популярно ведутъ свою га-

зету, вездѣ стараются подчеркнуть, что въ отличіе отъ меньшевиковъ они являются настоящей рабочей фракціей. Но вѣдь мало сказать, нужно на дѣлѣ показать и зарекомендовать себя защитникомъ пролетарской самодѣятельности. А то иначе можетъ получиться конфузъ. При внимательномъ осмотрѣ окажется, что подъ грязной рабочей блузой стоитъ заправскій ряженный интеллигентъ.

Мало повторять „мы рабочіе“ и говорить о самодѣятельности; нужно сознательнымъ рабочимъ перестать ждать, когда интеллигенція разчиститъ имъ путь, а теперь же приняться за созданіе условій, въ которыхъ могла бы развиваться самодѣятельность рабочихъ массъ. По мѣрѣ того, какъ усиливается біеніе пульса общественной жизни, массы приходятъ въ движеніе. И дѣло рабочей интеллигенціи придать этому движенію плоть и кровь, создать и укрѣпить тѣ учрежденія, которыя могутъ служить ему опорнымъ пунктомъ, вдохнуть въ нихъ пролетарскій духъ и путемъ живой и плодотворной дѣятельности пріобрѣсти довѣріе массъ и стать истинными руководителями рабочаго движенія и будущей рабочей партіи. И путь, на который мы призываемъ встать рабочую интеллигенцію, такимъ образомъ діаметрально противоположенъ тому, на который вступили Малиновскій и его товарищи: они желаютъ сплотить рабочихъ не вокругъ классовой работы, а вокругъ фракціи, и покрываютъ авторитетомъ рабочихъ представителей разгромъ и дезорганизацію рабочихъ учрежденій и организацій во имя подавленія ликвидаторства. Тамъ царитъ рабочая демагогія во имя торжества фракціоннаго кружка Ленина и Малиновскаго, здѣсь объединеніе рабочей интеллигенціи во имя торжества пролетарскаго дѣла.

Булкинъ.

Отвѣтъ Булкину.

Тов. Булкинъ является однимъ изъ видныхъ представителей пролетарской интеллигенціи, созданной развитіемъ рабочаго движенія въ прошломъ десятилѣтіи. Это обстоятельство даетъ основаніе думать, что выражаемые имъ взгляды могутъ встрѣтить сочувственный откликъ среди передовыхъ рабочихъ. Именно поэтому мы не можемъ оставить ихъ безъ возраженія. Ибо даваемая имъ постановка вопроса теоретически невѣрная, фактически не обоснованная и практически — безплодная, не можетъ дать передовымъ рабочимъ надежнаго компаса для выхода изъ тѣхъ дебрей, въ которыя заведено движеніе ихъ класса.

Русская демократическая интеллигенція, ходомъ исторіи брошенная въ объятія соціализма и вынужденная идти къ пролетаріату, создала соціалдемократическую партію по своему образу и подобію, придала ей опредѣленныя организаціонныя

формы и наложила печать своего вліянія на содержаніе ея дѣятельности. Это—историческій фактъ. Констатируя его, т. Булкинъ движется въ кругу традиціонныхъ представленій „меньшевизма“.

Онъ выходитъ изъ этого круга, когда задачу преодолѣнія „фракціонной“, сектантской стадіи соціалдемократическаго движенія пытается рѣшить въ плоскости борьбы рабочихъ за отстраненіе „интеллигентовъ“ отъ руководящаго вліянія на ходъ рабочаго движенія. Это значитъ—рубить сучья, не трогая корней. Выходя въ этомъ пунктѣ изъ круга „меньшевистскихъ“ идей, т. Булкинъ возвращается къ элементарной позиціи „Рабочей Воли“, комитетскихъ „оппозицій“ 1902—3 гг. „Харьковскаго пролетарія“, Бойкова („Кузнеца“) и другихъ рабочихъ той эпохи, потому именно и стертыхъ, какъ особое теченіе, „искровствомъ“ — этой интеллигентски — окрашенной формой соціал-демократизма, что, при всей своей исторической ограниченности, „искровство“ лучше, полнѣе и шире выражало (или отражало) потребности классоваго движенія пролетаріата, чѣмъ упомянутыя группы, пытавшіяся маленькими средствами сектантскаго арсенала рѣшить большую политическую задачу.

Русское общество не дифференцировано въ достаточной мѣрѣ, заявляетъ тов. Булкинъ, а потому интеллигенція — слой мелкобуржуазный — можетъ въ значительной своей части стать подъ знамя соціалдемократіи. Совершенно вѣрно. Но т. Булкинъ не видитъ, къ какимъ выводамъ обязываетъ его это положеніе.

Недифференцированность общества выражается не только въ возможности для массовой интеллигенціи „заражаться“ соціалистическими настроеніями. Она находитъ свое выраженіе также и въ соціально-политической физіономіи русскаго рабочаго. И при томъ въ двухъ смыслахъ. Во первыхъ—это особенность Россіи — русскій рабочій, въ общемъ и цѣломъ, сильно пропитанъ настроеніями и предрасположеніями, вытекающими изъ не вполнѣ порванной соціальной связи съ *крестьянствомъ*. Во вторыхъ — и здѣсь черты русскаго рабочаго схожи съ чертами пролетарія въ нѣкоторыхъ другихъ, менѣе дифференцированныхъ странахъ какъ Франція, — во вторыхъ, русскій рабочій на нынѣшней стадіи классоваго своего развитія упрощенно, по сектанстки мыслитъ свой классовый антагонизмъ съ буржуазнымъ обществомъ и свою классовую борьбу съ нимъ (предрасположеніе къ бланкизму, анархизму и синдикализму).

Если русская демократическая интеллигенція создала с.-д. партію по своему образу и подобію, то создавала она эту партію изъ матеріала, даваемаго русскимъ рабочимъ классомъ, опредѣленными очень широкими его слоями.

„Большевизмъ“ не былъ „привитъ“ къ русскому рабочему движенію. Онъ привился къ нему, найдя въ немъ благопріятную почву для своего развитія. Эволюція одного крыла „искровства“ къ „послѣдовательному марксизму“ нашихъ дней происходила въ процессѣ приспособленія чисто-интеллигентской идеологіи „профессіональныхъ революціонеровъ“ къ психологіи опредѣленныхъ низовъ пролетаріата.

Нельзя игнорировать такихъ фактовъ, какъ прочное и долговременное господство „большевизма“ въ с.-д. организаціяхъ Иваново-Вознесенска, подмосковнаго раіона, Урала. Здѣсь менѣе,

чѣмъ гдѣ либо въ Россіи (кромѣ Донецкаго бассейна), менѣе, чѣмъ даже на Кавказѣ и въ Ригѣ, рабочій составъ организацій былъ смѣшанъ съ «интеллигенціей». Здѣсь партійная самодѣятельность не была скована опекой интеллигентовъ. Въ 1905 году иваново-вознесенская организація была единственной (кромѣ окраинъ), въ которой членскіе взносы рабочихъ составляли большую половину бюджета организаціи. А, между тѣмъ, и тогда, и послѣ указанные районы неизмѣнно давали ультра-большевистскій типъ соціалдемократовъ.

Безспорно, этотъ самый типъ одной изъ основныхъ чертъ своихъ имѣетъ ту степень политической и культурной *пассивности*, при которой опека надъ этимъ слоемъ рабочихъ со стороны посторонняго пролетаріату общественнаго слоя является почти неизбѣжной. Въ этомъ смыслѣ опять таки интересенъ примѣръ Иваново-Вознесенска. Съ самаго зарожденія с.-д. кружкового движенія въ этомъ центрѣ въ 90-хъ гг. оно было пропитано сильнымъ стремленіемъ къ организаціонной самостоятельности, къ «чисто-рабочему» характеру движенія. И, какъ указано выше, мѣстныя условія ослабляли здѣсь непосредственное вліяніе «интеллигенціи». И что-же? Высланные и разбредшіеся по разнымъ концамъ Россіи «иваново-вознесенцы» стали въ концѣ 90-ыхъ годовъ нарицательнымъ именемъ для особаго, почвеннаго, анти-интеллигентскаго теченія въ рабочей средѣ, выдвигавшаго всюду стремленіе къ независимости движенія отъ интеллигентовъ. Отъ „иваново-вознесенскаго толка“ пошла на югѣ струя анти-интеллигентскаго „Харьковскаго пролетарія“ и первой открытой рабочей организаціи въ Россіи („Общество взаимопомощи“ въ Харьковѣ). А на мѣстѣ, въ самомъ Ив.-Вознесенскѣ, съ вовлеченіемъ въ движеніе массъ, создался, при почти полномъ отсутствіи непосредственнаго вліянія интеллигентовъ, одинъ изъ очаговъ рабочаго „большевизма“, слѣпо повинующагося идейной диктатурѣ Парижа, Кракова или Петербурга.

Опека интеллигенціи, говоритъ т. Булкинъ, привела къ тому, что пролетаріатъ „не воспиталъ въ себѣ пролетарской мысли и воли“. Но, вѣдь, можно сказать и на оборотъ: отсутствіе самостоятельной мысли и воли, отсутствіе классоваго воспитанія сдѣлало возможной и при данныхъ историческихъ условіяхъ неизбѣжной опеку интеллигенціи. Здѣсь причина переплетается съ слѣдствіемъ, между ними происходитъ взаимодѣйствіе, обусловленное факторомъ, питающимъ и причину, и слѣдствіе—малой дифференцированностью общества. Съ своей односторонней постановкой вопроса т. Булкинъ опоздалъ на 10 лѣтъ. Въ былыя времена на лицо былъ очевидный фактъ: громадная сила интеллигентской организаціи, давящая на передовой слой рабочихъ всей своей коллективной массой, несомнѣннымъ и значительнымъ теоретическимъ превосходствомъ, несомнѣннымъ перевѣсомъ политической умѣлости; даже специфическій литературный жаргонъ революціонной интеллигенціи, жаргонъ резолюцій и передовицъ, представлялъ собой факторъ, обезпечивающій преобладающее вліяніе за посвященными. Эта большая сила парализовала процессъ политическаго самоопредѣленія передовыхъ рабочихъ, развитіе навыковъ къ коллективной самодѣятельности. Но, вѣдь, послѣ 1907 года всѣ эти условія исчезли совершенно. Въ теченіе долгаго времени «начальство ушло» изъ нашего рабочаго движенія. Революціонная интеллигенція разсѣялась. Былъ періодъ, когда этотъ уходъ интеллигенціи ощущался рабочими не какъ благо, а какъ большое зло. 5 лѣтъ назадъ рабочіе кружки и союзы готовы были *платить* «профессіоналамъ» за то, чтобы они не уходили отъ движенія. За этотъ періодъ, казалось бы, слѣды зависимости пролетарскаго авангарда отъ долго опекавшей его интеллигенціи должны были бы стереться. И они значительно стерлись для части пролетаріевъ, — для той его части, которая носитъ названіе «ликвидаторской». Но для другой части часъ освобожденія еще не наступилъ. И причины этого приходится искать не въ обратномъ пришествіи «интеллигенціи», какъ опекающаго слоя, что, повидимому, думаетъ т. Булкинъ. Такого „второго пришествія“ нѣтъ. Гдѣ та „большевистская“ интеллигенція, которая теперь, въ наши дни, сидѣла бы на плечахъ большевистской части пролетаріата, какъ сплоченный общественный слой? Ея нѣтъ: большевистская интеллигенція ушла отъ „ленинизма“. Ушли Богдановы, Луначарскіе, Рожковы, Покровскіе, Базаровы и мн. другіе; даже Алексинскіе отъ него ушли. Побѣды „Правды“ надъ организованнымъ рабочимъ движеніемъ не суть побѣды какого-нибудь слоя интеллигенціи съ опредѣленной стройной идеологіей. Вѣдь, для этихъ побѣдъ то и характерно, что кучка людей въ буквальномъ смыслѣ слова безъ имени или съ именами неудобо-называемыми, кучка, представляющая собой не интеллигенцію, а скорѣе интеллигентскій люмпенъ-пролетаріатъ, беретъ въ руки палку и становится „капраломъ“, имѣя въ качествѣ идейнаго знамени имя одного интеллигента—Ленина. Но, если она, взявъ палку, могла стать капраломъ, значитъ, была—въ большевистской части пролетаріата—потребность въ такой палкѣ и въ такомъ капральствѣ. Вѣдь, чтобы въ своемъ родѣ сознательные рабочіе „приняли“ все, что имъ навязываютъ эти капралы, приняли даже пресловутаго „икса“, въ качествѣ командира, — для этого нужно было, чтобы эти рабочіе *жаждали* „крѣпкой власти“ надъ собой. Пусть это будетъ жажда интеллигентской власти — по старой памяти о лучшихъ дняхъ интеллигентской власти,—но на дѣлѣ они удовлетворили свою жажду, получивъ диктатуру не интеллигенціи, какъ цѣлаго обширнаго слоя, а отдѣльныхъ, повторяемъ, скорѣе люмпенскихъ кружковъ, откровенно-демагогическихъ и свободныхъ отъ „идеализма“, характернаго для русской революціонной интеллигенціи. И тов. Булкину надо было бы не изображать положеніе дѣлъ въ современномъ рабочемъ движеніи въ краскахъ 1904—6 гг., а поставить себѣ прежде всего вопросъ: какія спеціальныя причины — на фонѣ несамостоятельности классоваго мышленія, укрѣпленной годами интеллигентской опеки—вызвали такую сильную тягу части пролетаріата къ новому „начальству“, къ новой „сильной власти“.

Если-бъ тов. Булкинъ этотъ вопросъ поставилъ и на него отвѣчалъ безъ предвзятаго мнѣнія, онъ долженъ былъ бы сказать: то романтически, бунтарски настроенная часть пролетаріата возмутилась противъ „ликвидаторовъ“, противъ обнаружившейся въ рабочемъ движеніи 1907—11 гг. европейской соціалдемократи-

ческой струи, противъ начавшагося строительства „открытой рабочей партіи“ марксистки-воспитанными элементами пролетаріата.

Противъ *васъ* т. Булкинъ, противъ васъ и подобныхъ вамъ руководителей рабочаго движенія послѣднихъ лѣтъ направленъ этотъ „бунтъ“, и онъ имѣетъ свои глубокіе корни. Вы не смотрите на то, что сбитый „правдизмомъ“ съ толку рабочій—романтикъ проклинаетъ Потресова, обвиняетъ „измѣнникомъ“ Череванина, грозится убить Ежова и т. д., никогда, быть можетъ, не читая этихъ писателей: романтизмъ всегда немного склоненъ къ „символизму“ и не можетъ называть вещи своими именами. Онъ говоритъ „Ежовъ“, а имѣетъ въ виду тотъ скептицизмъ, съ которымъ рабочіе—марксисты отзывались на разговоры о „возстаніи“, могущемъ произойти въ любую осень; онъ кричитъ: „Потресовъ“, а таитъ въ сердцѣ обиду за развѣнчиваніе всесторонняго „бойкота“; онъ ругаетъ Череванина, а вспоминаетъ призывы къ организаціи, рѣзкую критику „партизанства“, борьбу противъ „стачечнаго азарта“, увѣщанія не игнорировать реальнаго соотношенія общественныхъ силъ, призывы къ теоретическому углубленію своихъ политическихъ позицій. Это—бунтъ противъ Дементьевыхъ, Гвоздевыхъ, Чиркиныхъ, Романовыхъ, Булкиныхъ, Кабцановъ и т. д.,—какъ представителей цѣлаго, въ столицахъ довольно густого, слоя марксистовъ—рабочихъ, пытавшихся и пытающихся „ликвидировать“ младенческо—романтическую стадію русскаго рабочаго движенія. Въ борьбѣ противъ этого слоя пробужденные общественнымъ подъемомъ романтическіе элементы хватаются за люмпенскіе кружки „правдистовъ“, какъ за внѣшнюю силу, могущую придать имъ недостающую—именно вслѣдствіе ихъ незрѣлости—политическую оформленность и дисциплину. Не будь этихъ кружковъ, они потянулись бы къ Плеханову, къ лѣво-народникамъ, къ синдикалистамъ. Впрочемъ, если именно правдистское люмпенство притянуло ихъ сильнѣе, чѣмъ могли это сдѣлать Плехановъ, синдикалисты и (пока!) народники, то это снова доказываетъ, что „правдизмъ“ самъ въ себѣ имѣетъ извѣстныя, недостающія его конкуррентамъ, свойства приспособляемости, дѣлающія его въ русскихъ условіяхъ наиболѣе жизнеспособной изъ демагогическихъ группъ (и это несмотря на испускаемые имъ „иксъ—лучи“).

Тов. Булкинъ не имѣлъ теоретической рѣшимости взглянуть въ глаза этой истинѣ, этому весьма вѣрному факту серьезной и глубокой идейной борьбы, которая охватываетъ широкіе слоя пролетаріата и въ которой онъ долженъ будетъ изжить свои романтическія иллюзіи, ибо нѣтъ силы, которая могла бы надолго остановить ростъ марксизма, марксистскаго соціалдемократизма въ разъ пробудившемся рабочемъ классѣ. Не рѣшившись взглянуть въ глаза этому факту, т. Булкинъ пытается, реконструировавъ картину движенія, какою она была въ 1905—7 гг., искать исхода въ организаціи, такъ сказать, классовой борьбы внутри соціалдемократіи: рабочіе (съ марксистской по духу интеллигенціей) противъ мелкобуржуазныхъ элементовъ! Тутъ на первыхъ же порахъ т. Булкинъ сталкивается съ тѣмъ непріятнымъ для него фактомъ, что эта форма уже предвосхощена... тѣмъ самымъ большевизмомъ, противъ котораго онъ борется. Какъ все, могущее быть превращеннымъ въ якобы—

марксистскій шаблонъ, и эта формула не безъ успѣха использована „правдистами“. И тов. Булкинъ начинаетъ съ первой уступки имъ—съ признанія нѣкоторой правильности ихъ дѣленія с.д. фракціи на куріальныхъ и не-куріальныхъ депутатовъ, съ выраженія не-согласія съ доводами Ф. Д. С. и другихъ публицистовъ „Нов. Р. Г.“ противъ этого дѣленія. Онъ дѣлаетъ имъ вторую уступку, когда источниковъ не чисто пролетарскаго характера современной соціалдемократіи ищетъ въ вліяніи ея въ отдѣльныхъ мѣстахъ на демократическіе слои избирателей, на тѣхъ самыхъ „попутчиковъ“, которыми Г. Зиновьевы играютъ для того, чтобы объяснить наличность „ликвидаторства“ въ нашемъ движеніи. Между тѣмъ, совершенно ясно, что именно „куріальное“ существованіе русскаго фабрично-заводскаго пролетаріата, то есть его полная общественная и культурная оторванность отъ другихъ демократическихъ классовъ,[1]) вырабатываніе имъ своей политической физіономіи внѣ повседневнаго общенія и тренія съ другими общественными слоями создавало и создаетъ всѣ тѣ предпосылки, которыми питается однобокость и упрощенность его политическаго міровоззрѣнія, сдѣлавшія возможнымъ въ 90-ыхъ годахъ претвореніе въ его средѣ марксизма въ „экономизмъ“, а въ 900-ыхъ—въ большевизмъ и неизмѣнно обрекавшія его на роль наковальни для молота демагогіи. Вѣдь, еще съ 90-ыхъ П. Б. Аксельродъ подчеркивалъ и указывалъ, что выработка дѣйствительно классового самосознанія при условіяхъ слабой дифференцированности общества, пойдетъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ успѣшнѣе втянемъ мы передовые слои пролетаріата въ тѣ сферы общественныхъ интересовъ, въ которыхъ бьется пульсъ русской политической жизни; чѣмъ, слѣдовательно, скорѣе удастся намъ разбить стѣну, отгораживающую фабрично-заводскую жизнь отъ остальной жизни страны. Многое было сдѣлано было въ этомъ отношеніи „Искрой“ и ея послѣдователями; гораздо больше—„инородческими“ с.д. партіями, для которыхъ старалось само правительство: у нихъ съ самаго начала этой разобщенности не было, и въ значительной мѣрѣ, этимъ объясняется другой ходъ развитія пролетарскаго движенія. У насъ и послѣ „Искры“ меньшевикамъ пришлось опять выдвигать туже задачу и при „земской кампаніи“, и тогда когда они звали рабочихъ къ выборомъ въ Думу и тогда, когда „ликвидаторы“ усиленно привлекали рабочихъ къ участію въ „общественныхъ съѣздахъ“. Отказомъ отъ этой традиціи, тѣсно связанной съ стремленіемъ отстоять марксизмъ въ рабочемъ движеніи отъ всѣхъ видовъ романтической реакціи, является капитуляція тов. Булкина передъ „куріальнымъ аргументомъ“. Нѣтъ: именно потому, что выборы въ рабочей куріи происходятъ не на почвѣ *классовой борьбы*, внѣ соприкосновенія пролетаріата съ организованными общественными силами, а лишь въ плоскости его соприкосновенія съ аппаратомъ полицейскаго государства, какъ таковымъ, какъ аппаратомъ голаго насилія—именно поэтому, въ этихъ выборахъ классовое содержаніе выражено лишь элементарно, односторонне, неполно, и постольку ими дается лишь слабая гарантія дѣйствительной партійности,

[1]) Кромѣ политически и культурно—отсталаго крестьянства.

то есть марксисткой устойчивости избранниковъ рабочей куріи, какъ таковыхъ. И именно потому, что выборы по городской куріи, при всѣхъ неблагопріятныхъ для пролетаріата и соціалдемократіи условіяхъ, даютъ возможность болѣе разностороннему развитію классового содержанія политической борьбы,—именно поэтому въ извѣстныхъ случаяхъ с.д.-успѣхи въ этой куріи означаютъ дѣйствительный прогрессъ движенія, какъ движенія классового.

Резюмируемъ: тов. Булкинъ пытается бороться съ большевистской „простотой“ путемъ извѣстнаго „опрощенія“ меньшевизма, путемъ возвращенія рабочаго „ликвидаторства“ къ его провозвѣстникамъ прошлаго десятилѣтія въ лицѣ „антиинтеллигентскихъ“ противниковъ тогдашней партійной организаціи. Но рабочее движеніе дѣйствительно выросло и усложнилось. Орудія идейной борьбы не могутъ браться теперь изъ арсенала первой половины 90-ыхъ годахъ, тѣмъ болѣе, что и противникъ вооруженъ лучше, чѣмъ тогда. Противъ пулеметовъ правдистской демагогіи нельзя идти съ кремневымъ ружьемъ „Рабочей воли“. Идейная борьбы, возникающая теперь въ болѣе широкихъ кругахъ пролетаріата, должна быть изжита до конца, которымъ не можетъ не быть ликвидація политическаго романтизма. Въ этой борьбѣ марксистская рабочая интеллигенція побѣдитъ не какъ фракція, организующая классовую борьбу внутри соціалдемократіи между пролетаріатомъ и мелкой буржуазіей, но какъ авангардъ классовой борьба пролетаріата, мобилизующій его классовой *разумъ* противъ эксплуатируемыхъ извнѣ и извнутри проявленій унаслѣдованной пролетаріатомъ „мелкобуржуазной“ стихіи.

Л. М.

На что они разсчитываютъ?

(Кадетская дискуссія).

„Особенность нашего времени“ пишетъ въ „Рус. Вѣд.“ по поводу кадетской партіи В. Маклаковъ,—„броженіе среди единомышленниковъ... Если пресса, которая грѣшитъ скорѣе склонностью скрывать ошибки *своихъ*, рѣшилась высказать неудовольствіе, значитъ неудовлетворенность дошла до того напряженія, когда замалчивать ее только опасно. Наступилъ предѣлъ, когда тайное становится явнымъ...“ Фактъ, отмѣчаемый Маклаковымъ, очень симптоматиченъ. Благодаря наростанію общественнаго движенія и значительному сдвигу въ политической подпочвѣ недавно произошелъ обвалъ—раскололась на три части партія октябристовъ. Теперь по той же причинѣ нарушился внутренній миръ кадетской партіи. Ей не грозитъ расколъ, но распря въ ея рядахъ приняла уже такіе размѣры, что приходится вынести споръ на судъ общественнаго мнѣнія. На вождей нападаютъ въ партіи и слѣва и справа. Лѣвые кадеты на страницахъ хотя и сугубо умѣреннаго, но менѣе „отвѣтственнаго“ либеральнаго органа — „Русскихъ Вѣдомостей“ забили тревогу по поводу того, что кадетская фракція въ Думѣ слишкомъ вяло, слишкомъ неэнергично дѣлаетъ оппозицію правительству. Такіе же голоса раздавались на совѣщаніи земскихъ дѣятелей по адресу дипломатичнаго кадетскаго оратора: „Мы не должны прятать наше программное требованіе всеобщаго избирательнаго права, намъ нужно быть принципіальными“, шумѣли кн. Шаховской и др. Раньше, чѣмъ обнаружилось это недовольство на лѣвомъ флангѣ, подъ вліяніемъ того же общественнаго сдвига, того же наростанія общественнаго движенія, стали раздаваться тревожные гудки на крайне правомъ крылѣ партіи.

Отдаленная перспектива новой „смуты“ всполошила „вѣщаго“ Петра Струве, который по сему случаю началъ кликушествовать на страницахъ „Русской Мысли“. Господинъ Струве тоже хочетъ использовать наростаніе недовольства въ странѣ для „достиженія“ свободы, но свободы, примѣнительной къ... традиціонной власти. По этому сей, нынѣ славянофильствующій, декадентъ торопится преподать свои мудрые совѣты „больной власти“, предлагая ей для исцѣленія снадобье, изготовленное въ „вѣхистской“ аптекѣ.

„Въ 1904—1906 г.г.—пишетъ онъ въ „Русской Мысли“—произошелъ великій переломъ, который состоялъ въ томъ, что интеллигенція въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ химически соединилась съ народомъ... Былое пассивное содружество власти и народа рушилось“. „Это неестественное положеніе власти въ безвоздушномъ пространствѣ чрезвычайно опасно и для власти и для страны“. Отсюда проистекаетъ „проблемма, которая должна быть осуществлена совокупными усиліями всѣхъ прогрессивныхъ и въ тоже время охранительныхъ силъ“—проблемма „оздоровленія власти“. Эта проблемма рѣшается пріобщеніемъ къ властвованію“ среднихъ элементовъ страны“, созданіемъ опоры для власти „въ среднихъ слояхъ, въ земледѣльческомъ (читай—землевладѣльческомъ! А. М.) и буржуазномъ классѣ“. Задача эта уже поставлена была въ 1907—1913 г. въ эпоху „успокоенія“. „Въ этомъ, говоритъ Струве, было историческое призваніе Столыпина и тѣхъ общественныхъ элементовъ, которыя шли подъ флагомъ октябризма(!)“. „Но эпоха успокоенія была потеряна въ смыслѣ органическаго укрѣпленія власти“. Власть проявила до сихъ поръ еще слишкомъ мало охоты къ „самоограниченію“, ибо она въ борьбѣ съ революціей покинула „нейтральную“ позицію и прониклась „политическимъ направленствомъ“. Отъ этого увлеченія „политикой“, однако, власть можетъ излечиться, ибо „сѣдалище современной реакціи находится внѣ бюрократіи, какъ таковой“; оно находится въ объединенномъ дворянствѣ“. „Въ общемъ и цѣломъ русскій чиновникъ—такой же обыватель, какъ и всѣ прочіе, и поскольку... это обывательство не преодолѣвается профессіонально—служебной тенденціей... бюрократія въ массѣ не идетъ съ реакціей“. Что „оздоровленіе власти“ возможно частично уже сейчасъ, показываетъ примѣръ „либеральнаго“ режима, который утвердился на Кавказѣ при намѣстничествѣ графа Воронцова-Дашкова, несмотря на то,„можетъ быть, именно потому, что Воронцовъ—Дашковъ старозавѣтная фигура“.

Таковъ охранительно-прогрессистскій, бюрократически-конституціонный рецептъ для обновленія Россіи, прописанный вѣщимъ знахаремъ Петромъ Струве!

Туда же, хотя и болѣе окольными путями, зоветъ сейчасъ кадетскую партію сладкорѣчивый Маклаковъ. „Кто еще не утратилъ“, пишетъ онъ, „если не вѣры (вѣра уже утрачена), то по

крайней мѣрѣ желанія найти выходъ изъ тупика безъ революціонныхъ взрывовъ, безъ помощи внѣшнихъ неудачъ и катастрофъ", тотъ долженъ избрать новый путь, соотвѣтствующій измѣнившейся ситуаціи. Въ третьей Думѣ, послѣ того, какъ Столыпинъ освободился отъ «безразличной (!) или, пожалуй, прогрессивной (!!) политики», послѣ того, какъ «открылся націоналистическій курсъ» и когда думское большинство этотъ курсъ, «быть можетъ, скрѣпя сердце поддерживало», оппозиціи приходилось бороться и съ правительствомъ и съ самой Думой. Въ четвертой Думѣ мы по прежнему, даже больше прежняго, должны быть въ оппозиціи правительству и его политикѣ. Но теперь, «за 1½ года въ Думѣ правительственнаго большинства не нашлось», теперь и «октябристы идутъ въ томъ же направленіи, какъ оппозиція»; по этому теперь намъ приходится бороться не противъ нихъ, а вмѣстѣ съ ними». Чтобъ изолировать реакцію и толкнуть власть на путь реформъ, кадеты должны заключить съ октябристами «соглашеніе на конкретной программѣ, хотя и не кадетской, но прогрессивной»; это «создастъ правовое и психогическое давленіе на власть». Такое «превращеніе Думы 3-го іюня въ прогрессивную Думу поднимет интересъ къ ней и симпатіи страны больше, чѣмъ краснорѣчіе оппозиціи»... И съ этимъ нужно торопиться, иначе будетъ поздно...

Нынѣшнія платформы Струве и Маклакова есть по существу старая идеологія «Вѣхъ», переложенная на языкъ практической политики. Но «Вѣхи» писались въ моментъ буржуазнаго испуга; поэтому авторы ихъ выдвигали на первый планъ отрицательную, «успокоительную» сторону своей программы и злобно обрушивались на предполагаемаго виновника всѣхъ бѣдъ — на „интеллигенцію", т. е. на революціонныхъ идеологовъ. Теперь ситуація измѣнилась. Страна начинаетъ лѣвѣть, буржуазія начинаетъ оправляться отъ испуга. По этому «вѣхисты» сейчасъ утратили свой воинственный пылъ и выдвигаютъ на первый планъ положительныя задачи. Они теперь не говорятъ открыто о крестовомъ походѣ противъ интеллигенціи, и жалобно и меланхолически взываютъ лишь къ заключенію мира съ «нейтральными» элементами бюрократіи и съ «полѣвѣвшимъ» октябризмомъ. Меланхолическіе призывы Струве и Маклакова сейчасъ, однако, никакого отклика не находятъ въ кадетской партіи.

Даже товарищъ Струве по „Вѣхамъ" — А. Изгоевъ въ той самой книжкѣ „Руской Мысли", въ которой выдвигается «проблема оздоровленія власти», пишетъ:

„Черезъ IV Думу обновленіе не совершится. Политика береженія ея никакихъ за собой разумныхъ основаній не имѣетъ... Неудача „лѣвыхъ октябристовъ" не есть ихъ личная неудача. Она знаменуетъ собой крахъ цѣлой идеи. Обновленіе Россіи не можетъ совершиться силами помѣстнаго класса. Лучшіе люди его безсильны. 1861 г. не повторится. Рѣшеніе общественной задачи переходитъ въ другія руки: „идетъ демократія".

Слово «демократія» въ устахъ Изгоева имѣетъ, конечно, специфическій смыслъ. Одинъ фактъ возрожденія рабочаго движенія не побудилъ бы Изгоева говорить такія рѣчи. Если Изгоевъ констатируетъ, что «идетъ демократія», то это значитъ, что

слышенъ голосъ уже не только рабочихъ, что изъ всѣхъ щелей начинаютъ уже выползать на свѣтъ запуганные либеральные обыватели. Именно это послѣднее «движеніе» и подсказываетъ Маклакову, что «положеніе Думы теперь благодарнѣе», именно это побуждаетъ его и Струве торопиться со своими совѣтами, ибо кто знаетъ, что день грядущій намъ готовитъ, кто знаетъ, не превратится ли «движеніе» въ смуту?

Но на бѣду ни «больная власть» ни «земцы-октябристы» не обнаруживаютъ пока никакого желанія идти на встрѣчу правымъ кадетамъ. Пока „движеніе" наблюдается только въ странѣ, а правящіеся сферы остаются неподвижно въ своей охранительной позѣ. При такихъ условіяхъ рѣчи Струве и Маклакова, не суля и «клока щерсти», лишь компрометируютъ кадетскую партію въ глазахъ тяготѣющей къ ней обывательской массы.

Это хорошо понимаютъ менѣе «импрессіонистскіе» кадетскіе вожди и особенно хитроумный Милюковъ, котораго прямо таки разсердили эти «безтактные» совѣты. П. Милюковъ, очень мягко возражая на нападки друзей слѣва, обрушивается въ «Рѣчи» двумя сердитыми фельетонами противъ Струве и Маклакова. «Упреки», обращенные къ оппозиціи,—въ ослабленіи опредѣленности и энергіи», пишетъ онъ, «должны удесятериться въ случаѣ принятія совѣтовъ В. А. Маклакова, ибо именно на подозрѣніи въ склонностяхъ къ этого рода совѣтамъ они и основываются». Конечно, эти упреки сами по себѣ не смутили бы Милюкова и К°, если-бъ совѣты Маклакова имѣли какое либо практическое значеніе, но они безплодны:

„Попытка соглашенія, о которомъ говоритъ В. А. Маклаковъ, только что была сдѣлана по иниціативѣ А. И. Коновалова... Всѣмъ извѣстно, что попытка эта оборвалась не на сопротивленіи слѣва... Когда очередь дошла до земцевъ-октябристовъ... эта группа отвѣтила на предложеніе слѣва—декларацій независимости"... Очевидно, продолжаетъ съ досадой Милюковъ, что „власть обладаетъ несравненно большими средствами, чтобы дать почувствовать этимъ дѣятелямъ зависимость отъ себя, чѣмъ имѣютъ они, чтобы держать въ зависимости власть... Въ процессѣ „изоляціи" власти эти люди будутъ послѣдними, которые отпадутъ. И они отпадутъ тогда, когда въ нихъ никакой надобности не будетъ для общества".

Милюковъ сердится—зеленъ виноградъ!..

Еще рѣшительнѣе Милюковъ отвергаетъ совѣты Струве. Почему, спрашиваетъ Милюковъ, Струве считается только съ однимъ выходомъ изъ настоящаго положенія—съ „оздоровленіемъ власти"? Почему онъ игнорируетъ другую имъ же начертанную перспективу—„постепеннаго наростанія государственной смуты, въ которой средніе классы... будутъ оттѣснены на задній планъ стихійнымъ напоромъ народныхъ массъ"? Вѣдь, какъ бы не былъ „желателенъ" первый выходъ, нельзя же отрицать, что при „рускихъ условіяхъ", когда по признанію Струве „изъ потрясеній не выносится никакихъ уроковъ", наиболѣе вѣроятенъ какъ разъ путь, ведущій черезъ „великія потрясенія"? Далѣе, Милюковъ подвергаетъ критикѣ и то, что „желательно" Петру Струве. Еслибъ Струве, говоритъ онъ, захотѣлъ быть послѣдовательнымъ, еслибъ онъ осмѣлился ясно формулировать свой совѣтъ, онъ бы сказалъ: „Дайте участіе во властвованіи

среднимъ классамъ (именно „классамъ“) и съ ихъ помощью держите въ повиновеніи народныя массы“. Но даже эта формула слишкомъ радикальна для словянофильствующаго Струве. „Казалось, предлагая власти опираться на болѣе широкій соціальный базисъ, чѣмъ „объеденное дворянство“, П. Б. Струве предлагаетъ ей все таки нѣкоторый базисъ,.. обязывающій къ опредѣленной соціальной политикѣ. Но „чтобы сдѣлать свою мысль болѣе пріемлемой для власти“, онъ дополняетъ ее теоріей политической „нейтральности“ власти, теоріей, вовсе не чуждой и современной „больной власти“ и совершенно несовмѣстимой съ какимъ бы то ни было конституціонализмомъ:

„Что скажетъ П. Б. Струве“, спрашиваетъ Милюковъ коварно, „если И. Л. Горемыкинъ выйдетъ въ Г. Думѣ съ декларацiей... что власть выше партій, такъ какъ исходитъ изъ одного источника, что никакое участіе общественныхъ элементовъ въ „властвованіи“ для нея „недопустимо“, и это въ своей „нейтральности“ она усматриваетъ связь свою съ тѣми традиціями, въ которыхъ нѣтъ мѣста никакимъ „новымъ явленіямъ“.?..

Я думаю, что оставаясь послѣдовательнымъ, П. Б. Струве долженъ будетъ признать такую декларацію вполнѣ совмѣстимой со своими принципами „оздоровленія власти“, особенно... если будетъ прибавлено еще нѣсколько теплыхъ словъ о „развитіи производительныхъ силъ“.., какъ это сдѣлано въ декларацiи „Новаго Времени“.

Очень ехидные вопросы Милюковъ предлагаетъ Петру Струве!.. Но эти ехидные вопросы обязываютъ и мы вправѣ спросить самаго Милюкова, какіе же онъ дѣлаетъ практическіе выводы изъ того, что на октябристовъ нечего разсчитывать, что вѣроятнѣе всего „они отпадутъ отъ власти, когда въ нихъ никакой надобности не будетъ для общества“, что соглашеніе власти со средними классами („именно классами“) предполагаетъ недоброе намѣреніе „и съ помощью держать въ повиновеніи народныя массы“, что „при русскихъ условіяхъ“ путь къ обновленію вѣроятнѣе всего лежитъ „черезъ постепенное нарастаніе государственной смуты“?

Изъ фельетоновъ Милюкова видно только, чего не слѣдуетъ дѣлать, что совѣты Струве и Маклакова нужно рѣшительно отвергнуть. Но вопросъ въ томъ, что же дѣлать? По этому вопросу дипломатическій лидеръ кадетской партіи хранить загадочное молчаніе.

Нѣкоторый отвѣтъ на этотъ вопросъ намъ дастъ, однако, другой представитель кадетскаго центра—Шингаревъ, который тоже принялъ участіе въ этой тактической дискуссіи, который также, какъ и Милюковъ, отвергаетъ соглашеніе съ октябристами: „Оппозиція“, пишетъ онъ въ „Рѣчи“, „должна оставаться не только оппозиціей, направленной противъ реакціонной власти, но и оппозиціей рыхлымъ, неустойчивымъ, приспособляющимся ...теченіямъ октябризма, которыя мѣшаютъ политическому освобожденію Россіи, и не помогаютъ ему“. Что же непримиримый Шингаревъ совѣтуетъ дѣлать? Объ этомъ онъ говоритъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 45) Послушаемъ его:

„Безсиліе оппозиціи Думы есть результатъ безсилія страны. Безъ поддержки организованнаго общества законодательныя учрежденія будутъ еще болѣе неустойчивыми... Одно для всѣхъ должно быть ясно... Равно обязательна при всякихъ условіяхъ громадная организаціонная работа въ странѣ, которая до сихъ поръ еще проводится слабо, безъ должной энергіи и упорства... Работа въ странѣ во много разъ тяжелѣе, чѣмъ въ Думѣ, но именно сюда начинаетъ переходить центръ тяжести политической борьбы“.

Отвѣтъ какъ будто вполнѣ удовлитворительный: но отвѣтъ этотъ данъ въ общихъ, отвлеченныхъ выраженіяхъ, а намъ желательно было бы знать, кого или что Шингаревъ подразумѣваетъ, говоря о „странѣ“, о какомъ „организованномъ обществѣ“ или организованныхъ общественныхъ силахъ онъ говоритъ, какую политическую борьбу „въ странѣ“ онъ имѣетъ въ виду? И вотъ, если мы раскроемъ скобки формулы Шингарева, то окажется, какъ видно изъ контекста его статьи, что подъ „организаціонной работой“ и „политической борьбой“ въ „странѣ“ здѣсь подразумѣвается всего на всего лишь—борьба на аренѣ мѣстнаго самоуправленія. Но вѣдь въ мѣстномъ самоуправленіи населеніе такъ же худо или, вѣрнѣе, еще хуже представлено лишь въ Гос. Думѣ, вѣдь тамъ „оппозиція“ еще малочисленнѣе, вѣдь на дверяхъ этихъ учрежденій висятъ еще болѣе тяжелые „замки“, чѣмъ тѣ, которыми, по выраженію Милюкова, „заперто дѣло прогрессивнаго законодательства“ въ Россіи? Увы Шингаревъ это и самъ знаетъ и говоритъ поэтому съ грустью: „Органы самоуправленія еще все преживаютъ періодъ затянувшагося исцѣленія послѣ серьезной болѣзни 1906—1907 г. Въ нихъ все еще преобладаютъ испуганные собственники, не видящіе новой надвигающейся опасности, готовые „работать“ съ властью. Борьба въ странѣ еще болѣе трудна ...чѣмъ въ законодательныхъ учрежденіяхъ.

Получается какой то заколдованный кругъ! Выходъ изъ этого круга, однако, вполнѣ возможенъ и на него неоднократно указывали кадетамъ послѣдовательные демократы (безъ кавычекъ!). Стоитъ расширить понятіе „страна“ за предѣлы „payslégal“, за предѣлы населенія, надѣленнаго правами по 3-іюньской конституціи, стоитъ пойти съ призывомъ къ политической самодѣятельности въ эту настоящую „страну“, стоитъ отказаться отъ самоприспособленія къ „испуганнымъ собственникамъ“ и приняться за приспособленіе всяческихъ собственниковъ къ движенію демократіи: стоитъ либераламъ использовать выгоды и преимущества своего соціальнаго положенія для поддержки и въ Думѣ, и въ печати и другими путями той политической борьбы, которая уже ведется съ великими трудностями и съ немалымъ успѣхомъ въ рабочемъ классѣ, стоитъ все это сдѣлать—и заколдованный кругъ будетъ прорванъ. Думская „оппозиція“, найдетъ опору въ „народѣ“. Удобный случай для такой поддержки представлялся, между прочимъ, недавно, когда пролетаріатъ началъ борьбу за свободу печати. Извѣстно, какъ кадеты на нее реагировали. Тутъ, когда рѣчь шла о реальной „поддержкѣ страной“ думской опозиціи, они даже самаго этого слова испугались, боясь компрометирующаго сосѣдства съ рабочими.

Спрашивается, почему же послѣ этого Милюковъ усердно подчеркиваетъ, что выходъ изъ тупика вѣроятнѣе всего лежитъ,

черезъ „постепенное наростаніе государственной смуты“ и „напоръ народныхъ массъ, вдохновляемыхъ крайними элементами“? Спрашивается, почему же онъ упрекаетъ Струве за то, что тотъ изъ „вѣхистскаго“ доктринерства игнорируетъ эту перспективу? Не есть ли эта перспектива въ устахъ Милюкова просто „жупелъ“, которымъ онъ пугаетъ реакціонеровъ, и на осуществленіи которой онъ вовсе не разсчитываетъ? Этого мы не думаемъ. Милюковъ и иже съ нимъ сейчасъ, при создавшихся условіяхъ, при твердости реакціоннаго курса, какъ видно, дѣйствительно строятъ свои расчеты на „постепенномъ наростаніи смуты“ и еще больше на *ростѣ внѣшнихъ государственныхъ осложненій*, что не мѣшаетъ Милюкову искренне говорить: „никто, конечно, не желаетъ великихъ потрясеній и всякій изъ насъ предпочелъ бы дѣйственно стремиться къ иному исходу“. Мы вполнѣ допускаемъ, что кадеты въ настоящій моментъ строятъ свои разсчеты на этой перспективѣ. *Но это и не противорѣчитъ ихъ теперешней тактикѣ.* Вѣдь тактика партіи опредѣляется не только ея взглядомъ на объективный ходъ вещей, не только рисующейся ей исторической перспективой, но и *той ролью, которую она себѣ уготовляетъ въ этихъ будущихъ историческихъ событіяхъ.* Но какъ разъ объ этомъ щекотливомъ вопросѣ Милюковъ благоразумно умалчиваетъ въ своемъ спорѣ съ Маклаковымъ и Струве.

Это, однако, не трудно отгадать на основаніи всего поведенія кадетской партіи. Особенно показательна въ этомъ отношеніи позиція, занятая кадетами въ вопросѣ о русско-германскимъ конфликтѣ, возбужденномъ нѣмецкой печатью. „Ближайшіе годы“, пишетъ Шингаревъ въ цитированной выше статьѣ, „когда Россіи въ 1914 г. необходимо подготовить и заключить новый торговый договоръ съ Германіей, могутъ стать годами крупныхъ внѣшнихъ осложненій и затрудненій, къ которымъ надо подготовиться, быть организованными и сплоченными, если желаемъ успѣха. А между тѣмъ, что дѣлается, ведетъ... къ нарушеніи внутренняго мира“...

Вы видите, г. Шингаревъ уже хочетъ „приготовиться“ къ крупнымъ внѣшнимъ осложненіямъ“ вмѣсто того, чтобы приготовиться къ ихъ предупрежденію и устраненію. Отчего же миролюбивый г. Шингаревъ загорѣлся такимъ воинственнымъ пыломъ? Неужели изъ за торговаго договора? Какіе пустяки! „Умыселъ другой тутъ былъ“ и этотъ, умыселъ намъ открываетъ „Рѣчь“. „Пусть наша дипломатія не будетъ слишкомъ пуглива“, пишетъ по вопросу о русско-германскомъ конфликтѣ „Рѣчь“. „Но вступая въ полосу испытаній, пусть наше правительство подумаетъ—объ укрѣпленіи „глиняныхъ ногъ“. Справедливо говоритъ... „Berliner Tageblatt“, что войны нашего времени суть массовыя войны и мудрое государственное искусство должно возбудить одушевленіе и любовь къ родинѣ въ массахъ... Если этотъ добрый совѣтъ ...былъ бы услышанъ у насъ, то не пришлось бы, пожалуй, жалѣть даже и о начавшейся травлѣ. И такъ, ларчикъ просто открывается: „Крупныя внѣшнія осложненія“ имѣютъ выгодную свою сторону; ставя правительство въ затруднительное положеніе, они могутъ „оздоровить власть“ и заставить ее позаботиться „объ укрѣпленіи глиняныхъ ногъ“. Этими соображеніями кадеты и руководились, когда они шли недавно на пресловутое „совѣщаніе“ съ Горемыкинымъ, на которымъ они предлагали „пушки за реформы“. Имъ тамъ основательно отвѣтили, что „реформы не стоятъ въ порядкѣ дня совѣщанія“. Но этотъ отвѣтъ ихъ не смутилъ и не смутитъ. Исходя изъ „революціонныхъ“ перспективъ Милюкова, они тонко разсчитываютъ, что по мѣрѣ „постепеннаго наростанія смуты“, а особенно по мѣрѣ того, какъ будетъ запутываться узелъ внѣшнихъ осложненій, будетъ приближаться моментъ, когда изолированная власть почувствуетъ въ нихъ нужду, когда въ „сферахъ и цѣна на кадета и на „средніе классы“ пойдетъ въ гору, если, конечно, кадеты до того не слишкомъ скомпрометируютъ себя въ глазахъ власти, если они до того не слишкомъ переусердствуютъ въ дѣлѣ ея изоляціи.

Въ результатѣ мы видимъ, что не такая уже большая пропасть отдѣляетъ Милюкова отъ Струве и Маклакова. И Милюковъ мечтаетъ объ „оздоровленіи власти“ и онъ мечтаетъ о соглашеніи между властью и „средними классами“. Онъ только хочетъ совершить эту сдѣлку на болѣе выгодныхъ для „общества“ условіяхъ; онъ только ждетъ для этого болѣе благопріятнаго момента; онъ только съ меньшимъ страхомъ смотритъ въ глаза грядущимъ „великимъ испытаніямъ“, которымъ не онъ и не его партія, а другіе могутъ подвергнуть упрямую власть.

Сейчасъ, подъ вліяніемъ наростанія движенія въ странѣ и сгущенія правительственной реакціи, въ большинствѣ своемъ лѣвѣютъ, но лѣвѣя они все же остаются вѣрными нашей старой либеральной традиціи, которую еще въ 1859 г. Добролюбовъ мѣтко характеризовалъ эпиграфомъ, взятымъ у Гоголя—„Я уже мигаю Лукьяну Ѳедосѣевичу, чтобы онъ козырялъ—нѣтъ... А вѣдь тутъ только козырни, валетъ мой пикъ и беретъ“.

Къ счастью, и у русской демократіи есть столь же старая традиція—зорко слѣдитъ за тѣмъ, какъ либералы ведутъ свою игру.

А. Мартыновъ.

Огненное слово.

(къ столѣтію со дня рожденія Т. Г. Шевченко 25 ф. 1814—25 ф. 1914 г.).

„Подаі дуні убогій силу
Щобъ огненно заговорила,
Щобъ слово пламенемъ взялось
Щобъ людямъ, серце разтопило
І на Украйну понеслось
І на Украіні святилось
Те слово—Божее кадило
Кадило истини!“

Бываютъ поэты, влюбленные въ «звоны-перезвоны», въ холодныя слова. Они пишутъ по формулѣ «быть можетъ, все въ мірѣ

лишь средство для ярко пѣвучихъ стиховъ». Это пѣвцы для гостиной, «пѣвцы, которые нравятся» по выраженію пѣвца демократіи Уитмана. Они заняты только собой, въ ихъ груди бьется «холодное сердце русалки», они ищутъ „сочетанія словъ", ихъ единое отечество—„пустынная душа".

Отъ стоновъ, страданій людскихъ убѣгаютъ они на высоты Парнаса или удаляются „подъ сѣнь струй".

Но бываютъ „поэты—отвѣчатели", поэты „поборники воли", апостолы великихъ завѣтовъ, которые, какъ Шелли, „горятъ желаньемъ преобразовать міръ". Они не удаляются на Парнасъ, а вмѣстѣ съ обездоленнымъ людомъ, совершаютъ крестный путь на Голгоѳу. Прометей, похитившій огонь у боговъ, чтобы принести его людямъ и прикованный за это къ скалѣ — духовный отецъ этихъ поэтовъ. Они приходятъ „глаголомъ жечь" сердца людей. Они приносятъ міру благую вѣсть братства и человѣчности, они захватываютъ своимъ порывомъ даже равнодушныхъ. Каждый изъ нихъ можетъ сказать о себѣ: „слава моей книги — ничто, порывъ ея—все".

Стихи ихъ „жгутся", волнуютъ, мучатъ, поэзія ихъ прошла «сквозь строй», они говорятъ, когда нельзя молчать отъ избытка сердца.

Такимъ поэтомъ былъ Т. Г. Шевченко, бывшій крѣпостной Энгельгарда.

Поэтъ и художникъ, выкупленный въ 1838 году у барина прожилъ на свѣтѣ всего 47 лѣтъ, изъ нихъ 24 года былъ крѣпостнымъ, а 10 лѣтъ содержался въ крѣпостяхъ и казармахъ.

По словамъ поэта Н. А. Некрасова.

Все онъ извѣдалъ, тюрьму петербургскую.
Справки доносы; жандармовъ любезности—
Все—и раздольную степь Оренбургскую,
И ея крѣпость. Въ нуждѣ, въ неизбѣжности
Жилъ онъ солдатомъ съ солдатами жалкими.
Жилъ оскорбляемый всякимъ невѣждою,
Могъ умереть онъ, конечно, подъ палками,
Можетъ и жилъ только съ этой надеждою.

Въ своемъ посвященіи сестрѣ поэтъ замѣчаетъ съ грустью, что ему нравилось пройти „ще зъ-малечку колючу ниву".

Ребенокъ-пастухъ, потомъ казачекъ у барина въ передней, потомъ школьный «попихачъ», крѣпостной, политическій узникъ, штрафованный солдатъ, которому втеченіе шести лѣтъ запрещали рисовать, Т. Г. Шевченко всю свою жизнь шелъ по колючему полю.

Поэтъ затрачивалъ по его признанію огромныя усилія «чтобы не погибнуть», года неволи надломили его чуткую, нѣжную душу, но эти же годы выковали пламенную ненависть къ притѣснителямъ. Онъ сталъ суровымъ обличителемъ «жестокихъ, людей неситихъ».

Черезъ великія, незабываемыя муки онъ пришелъ «къ страшному уразумѣнію своего прошлаго». Огненное слово поэта—

выстраданное слово. Не холодная русалка, а кнутомъ изсѣченная муза подсказала поэту черныя страницы и горькія думы.

Но у Т. Г. Шевченко вы никогда не найдете пессимистической просебятины, причитаній и жалобъ. Крѣпостной людъ скорбитъ, мечтаетъ, отдается воспоминаніямъ, и протестуетъ въ каждомъ стихотвореніи, въ каждой поэмѣ Шевченко.

О немъ говоритъ біографъ: „Душа його боліла за увесь замученій рідній йому людъ і голосъ його — то бувъ голосъ того люду".

Вмѣстѣ съ народомъ онъ жаждетъ пришествія правды.

Выстраданное слово поэта было стономъ и протестомъ замученнаго народа. Т. Г. Шевченко, какъ пророкъ Іезекіиль, котораго онъ иногда вспоминалъ, обращался къ людямъ, какъ власть имущій, забывая о себѣ.

„Слова його лились, текли
І въ серце падали глибоко,
І ніби тимъ огнемъ пекли
Холодні душі".

Не кающійся дворянинъ оплакивалъ долю Антона Горемыки и взывалъ къ состраданію, а протестовалъ, вчерашній крѣпостной, вчерашній рабъ и каждое слово его горѣло краской стыда и кипѣло негодованіемъ противъ тѣхъ, кого онъ называлъ: „коты", „людоѣды", „пани лукави", „псари и псарята".

Каждое его слово, каждый образъ, это—„слезы—кровь".

Родная хата и степная могила давали поэту богатѣйшій матеріалъ для его творчества. *Воспоминанія* о прошломъ Украйны, съ одной стороны и личныя *переживанія* съ другой — рисовали въ его воображеніи и картины былого и образы настоящаго. Разсказъ дѣда, пѣсни кобзарей превращали самого поэта въ кобзаря—не слѣпого, а зрячаго.

Первый, великій, народный поэтъ былъ послѣднимъ великимъ кобзаремъ и въ его поэзіи переплелись красными кровавыми нитями легенда о были.

Т. Г. Шевченко былъ поэтомъ романтикомъ, онъ весь былъ захваченъ національнымъ романтизмомъ, мечтой о великомъ прошломъ. Этой мечтой овѣяны его поэмы „Гайдамаки", „Гамалія", „Чернецъ", „Невольникъ", его многочисленныя лирическія стихотворенія. Поэтъ любилъ *вспоминать* о томъ, что „було, колись, минулося. не вернется знову". Онъ съ восторгомъ воспѣвалъ героическій періодъ казачества и самый Днѣпръ въ его поэзіи становился сѣдымъ казакомъ.

Степная могила переговаривается съ вѣтромъ, поэтъ плачетъ, а въ его воображеніи.

„Пишними рядами
Виступаютъ Отамани . . .
І гетьмани всі въ золоті"

Призраки героическаго прошлаго приходятъ къ поэту въ его „хатину". садятся подлѣ него.

„И про Украину
Размовляютъ, росказуютъ"

Этотъ романтизмъ отражалъ настроенія народовъ, его мечты о прошломъ, но В. Короленко правъ былъ, когда этому „очарованію національнаго романтизма“, этой глубокой тоскѣ о прошломъ славной Украйнѣ (противопоставлялъ горячую любовь ко всей странѣ и ея грядущему.

„Козакъ Шевченко, его гайдамаки, его мужикъ и дивчина— представлялись для меня напримѣръ красивой отвлеченностью— пишетъ Короленко. Его „разноплеменая душа“ „протестовала противъ рѣзко подчеркнутаго національнизмъ поэмы Гайдамаки“.

Но мечта о прошломъ переплеталась въ поэзіи Т. Шевченко съ гнѣвнымъ протестомъ противъ кабалы, противъ неволи въ настоящемъ, противъ „распинателей“.

Герои прошлаго вставали какъ урокъ и примѣръ, ихъ слова воскресали какъ завѣтъ борьбы и здѣсь поэзіи Шевченко имѣла огромное реальное значеніе.

Его поэмы, посвященныя подневольному люду, бѣдной голотѣ глубоко реалистичны, его „Наймичку“ нельзя читать безъ слезъ.

Измученный охваченный пламеннымъ гнѣвомъ народъ заговорилъ въ поэзіи Шевченко и тѣ, которые теперь на берегахъ. Днѣпра съ ненавистью проклинаютъ поэта, рвутъ и топчутъ его потретъ издѣваются надъ его памятью проявляютъ свою дикую ненависть къ обездоленному люду, къ „Катеринѣ и “Петрусю“.

Огенное слово Шевченко облеклось въ яркіе художественное образы рѣдкой красоты, нѣжности и силы. Поэтъ, который отростилъ поднятую имъ на пыльной дорогѣ вѣточку вербы въ прекрасное дерево, лелѣялъ все живое и это живое захватываетъ васъ въ каждой его строкѣ.

Трудно сказать что было бы съ его талантомъ, если бы поэта поддерживала всегда любовь, если бы къ нему относилась по человѣчески, а не травили его съ дѣтства!

Съ какой тоской писалъ поэтъ изъ казармы куда его заточили. о своей убитой душѣ.

Т. Г. Шевченко изъ *мєртвой вѣтки* выростилъ большое красивое дерево и часто подъ тѣнью своей „вербы-фаворитки“ засыпалъ и уносился мечтою хоть во снѣ на родину. (Онъ любилъ эти сны!)

Враги поэта поступили съ нимъ иначе, они всѣми силами стремились растоптать на пыльной дорогѣ уничтожить огромный, живой талантъ, обезкрылить и обезгнѣвить поэта, принеснаго людямъ огонь.

И все таки даже послѣ десяти лѣтъ солдатчины поэтъ спасъ свою музу.

Изъ казармы смердячої чистою святою.

Поэтъ могъ съ гордостью сказать своей музѣ „у насъ нема зерна неправды за собою!

Когда французскій поэтъ Альфредъ Мюссе завѣщалъ, чтобы надъ его могилой посадили иву. Почитатели исполнили его завѣтъ.

Т. Г. Шевченко тоже оставилъ свой „заповітъ“:

Якъ умру, то поховайте
Мене на могилі
Середъ степу широкаго
На Вкраіні милій . . . .
Щобъ Лани широкополі
І Дніпро і кручі
Було видно,—було чути
Якъ реве могучий“ . . .

Родина выполнила завѣтъ своего поэта, воспѣвшаго Днѣпръ, какъ Пушкинъ воспѣлъ Неву, а Некрасовъ—Волгу.

Высоко надъ Днѣпромъ возвышается „Тарасова Гора“ и разсказываетъ прекрасную и трогательную легенду о пѣвцѣ Днѣпра.

Эта легенда будитъ горячій откликъ въ каждомъ изъ насъ.

Сто лѣтъ прошло со дня рожденія поэта и свыше 50 лѣтъ со дня его смерти, а „Тарасова гора“ продолжаетъ волновать людей, собирать „бездомную голоту“ и звать ихъ на борьбу.

Когда-то свѣтлый геній человѣчества изгнанникъ Шелли завѣщалъ, чтобы послѣ смерти тѣло его сожгли, а сердце послали на родину... Сердце Т. Г. Шевченко бьется въ каждомъ словѣ его пламенныхъ стихотвореній, въ каждой его думѣ, и всѣ его думы были посвящены Украйнѣ, „заплаканной“, „окраденной„, „безталанной“ безконечно ему милой...

Но не только ей. Поэтъ со своимъ огненнымъ словомъ шелъ туда, гдѣ „живі люде въ кайданахъ забиті“, ко всѣмъ тѣмъ, кто вынесъ „лютую муку“.

Ко всѣмъ, кто горячо любитъ свою родину, но не на словахъ а на дѣлѣ.

Нужно-ли удивляться, что въ далекой Сибири въ одномъ изъ городовъ 25 февраля 1914 года вся площадь была запружена народомъ во время панихиды надъ поэтомъ. Тамъ было очень немного малороссовъ, тамъ были люди говорящіе на языкѣ братства и человѣчества.

„Заповітъ“ Т. Г. Шевченко поютъ и въ Кіевѣ—на Днѣпрѣ, и въ Саратовѣ — на Волгѣ, и въ Петербургѣ — на Невѣ. Этотъ „заповітъ“ и понынѣ звучитъ, какъ живой призывъ:

„Кой дани порвіте,
І вражою злою кровью
Волю окропіте!
І мене въ семьі великій
Въ *семьі вольній, новій*
Не забудьте помянути
Незлимъ, тихимъ словомъ“ *).

Грозный признакъ такихъ поминокъ тревожитъ не на шутку нашихъ „двухфранковыхъ патріотовъ“ (такъ зовутъ парижскихъ kamlo—черносотенцевъ).

25 февраля 1914 года вся страна не могла семьей великой, вольной, открыто и торжественно помянуть поэта, душу свою положившаго за народъ.

---

*) Это стихотвореніе напечатано во всѣхъ сборникахъ Кобзаря см. т. I изд. Яковенка стр. 269.

Почти всюду, и на родинѣ поэта, вмѣсто великаго праздника былъ трауръ безмолвія, трауръ въ странѣ, гдѣ порой и понынѣ „на всіхъ языкахъ все мовчитъ“.

Но если-бы поэтъ поднялся на своей Тарасовой горѣ, оглянулся кругомъ и спросилъ-бы всю страну: слышитъ-ли она и помнитъ ли его „заповітъ“ вся страна отвѣтила-бы ему:

Слышу, батько!.. Слышу и помню!

В. Львовъ-Рогачевскій.

Политическое обозрѣніе.

Объ устояхъ реакціи.

Не такъ давно засѣдалъ съѣздъ объединенныхъ дворянъ. Газеты отмѣтили этотъ съѣздъ ироніей и насмѣшками. Съѣздъ дѣйствительно носилъ каррикатурный характеръ. Начало свои занятія благородное сословіе съ обсужденія вопроса о какихъ-то 100 — 150 т. р., которые остались недовзысканными по исполнительнымъ листамъ съ виновныхъ въ безпорядкахъ и погромахъ 1905—1906 г.г.

Чтобы добиться ихъ взысканія или по крайней мѣрѣ гарантировать себя съ этой стороны въ будущемъ, съѣздъ постановилъ поручить своему совѣту возбудить ходатайство объ отмѣнѣ неприкосновенности надѣльныхъ земель въ „исключительныхъ случаяхъ массовыхъ уголовныхъ преступленій“ и разработать вопросъ о коллективной отвѣтственности крестьянскихъ обществъ за убытки, которые дворяне могутъ потерпѣть отъ этихъ „массовыхъ преступленій“.

Пока все спокойно въ деревнѣ, никакихъ признаковъ волненій и безпорядковъ среди крестьянъ незамѣтно, но дворяне неспокойны. Какъ промотавшіеся люди, они не могутъ успокоиться отъ того, что какая-то мелочь для всей Россіи—100—150 тыс. р.— не взыскана еще съ крестьянъ и боятся, что тоже повторится въ будущемъ. Западная Европа не знаетъ крестьянскихъ волненій погромнаго характера, но для Россіи они оказались возможными и самочувствіе дворянъ говоритъ имъ, что они возможны и въ ближайшемъ будущемъ, что вся столыпинская политика, всѣ аграрныя мѣропріятія послѣднихъ лѣтъ не гарантируютъ деревню отъ повторенія подобныхъ волненій. Можетъ быть чутье обманываетъ въ данномъ случаѣ дворянъ, но и тогда остается весьма характернымъ это проявленіе страха передъ крестьянами, когда тѣ остаются совершенно спокойными, эта боязнь новыхъ погромовъ и стремленіе обезопасить себя заранѣе по крайней мѣрѣ отъ матеріальнаго ущерба, который эти погромы могутъ имъ нанести.

Со страхомъ смотрятъ дворяне на крестьянъ, со страхомъ и враждой они относятся также ко всему что способствуетъ интеллектуальному и культурному подъему крестьянъ. Даже теперешнее земство, земство, въ которомъ дворянамъ обезпечено преобладаніе, вызываетъ у объединенныхъ дворянъ вражду. Членъ Гос. Сов. Н. Е. Раковичъ дошелъ до того, что на земство взвалилъ отвѣтственность за оскудѣніе переживаемое землевладѣніемъ. Земство, по его словамъ, это „червякъ, подтачивающій землевладѣніе“.

Со страхомъ онъ говорилъ о проектируемомъ волостномъ земствѣ и съ враждой о нынѣ существующей организаціи земства. Нужно помѣшать, по его мнѣнію, всѣми силами непрерывному увеличенію земскаго обложенія и съ этой цѣлью реформировать земство, начавши это реформированіе съ уничтоженія губернскихъ земствъ. Не нужны губернскія земскія собранія, не нужны губернскія земскія управы, не нужны ихъ работа по части медицины, по части народнаго образованія и въ особенности по части статистики, которая „никому никогда не была нужна“.

Съѣздъ присоединился къ мнѣнію г. Раковича и поручилъ совѣту разработать вопросъ о желательности упраздненія губернскихъ земскихъ учрежденій.

Это отношеніе къ губернскимъ земствамъ съ перваго взгляда кажется даже страннымъ. Вѣдь, если въ земствѣ вообще обезпечено преобладаніе дворянству, то въ губернскомъ земствѣ въ особенности.

И кн. Ухтомскій, исходя изъ этого, утверждалъ, что бороться противъ губернскаго земства дворянамъ, это, значитъ, признать самимъ себя несостоятельными.

Но дѣло объясняется просто. Средній культурный уровень нашего „благороднаго сословія“ чрезвычайно низокъ. Въ своемъ большинствѣ оно способно только къ временному натиску на земство, съ тѣмъ, чтобы подъ вліяніемъ отчаяннаго порыва, совершить въ немъ, подобно гуннамъ, опустошенія. Такой моментъ былъ въ 1906 — 1907 годахъ. Но систематически заниматься земствомъ и входящими въ кругъ его вѣдѣнія куллтурными вопросами, дворяне въ своей массѣ не склонны и неспособны. На эту работу идетъ только культурное меньшинство дворянства. Земствомъ прежде, поэтому, владѣли кадеты и отчасти октябристы, натискъ зубровъ въ 1906– 1907 г.г. привелъ къ устраненію изъ земства кадетовъ, но поработавши въ земствѣ, произведя въ немъ различныя опустошенія, зубры охладѣли опять къ земству, предоставивши работу въ немъ октябристамъ, которые ближе къ нимъ, чѣмъ кадеты, но которые все-таки кое чѣмъ существеннымъ отъ нихъ отличаются, которые въ дворянствѣ представляютъ всетаки его болѣе культурное меньшинство и которые имѣютъ корни и въ другихъ имущихъ сословіяхъ деревни и города. Большинству дворянства земство такимъ образомъ фатально остается чуждымъ. Измѣнились хозяева земства, измѣнился и третій элементъ, групирующійся вокругъ земетва, земскіе представители второго и третьяго элемента сильно поправѣли, а земля все таки вертится, земство продолжаетъ свою культурную миссію, поднимаетъ интеллектуально и культурно

деревню и, хотя и безсознательно, но сколачиваетъ этимъ гробъ и роетъ яму для умирающаго благороднаго сословія. И вотъ ненависть къ этому неизбѣжнаму очагу культуры начинаетъ шевелиться у нежелающаго умирать дворянства. А тутъ еще растущее земское обложеніе, когда дворянство и безъ того съ каждымъ годомъ все болѣе нищаетъ и оскудѣваетъ.

Съѣздъ остался вѣренъ себѣ и дальше, когда горячимъ сочувствіемъ поддержалъ Пуришкевича въ его походѣ противъ бывшаго недавно съѣзда по народному образованію, и призналъ нежетелальнымъ созывъ въ будущемъ подобныхъ съѣздовъ.

Закончились занятія съѣзда резолюціями, направленными противъ инородцевъ, финляндцевъ и евреевъ. Относительно финляндцевъ съѣздъ постановилъ присоединить къ имперіи всю Выборгскую губ., а не только три прихода, привлечь Финляндію къ большему несенію военно—финансовой тяготы, и напомнить правительству о „неуклонномъ“ проведеніи закона объ общеимперскомъ законодательствѣ.

Что касается евреевъ, то съѣздъ нашелъ нужнымъ во первыхъ исключить ихъ изъ арміи и во вторыхъ процентную норму, существующую въ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, распространить на женскія среднія школы.

Итакъ вражда къ живущимъсъ ними бокъ о бокъ крестьянамъ, т. е. къ массѣ собственнаго народа, вражда къ культурѣ и непримиримая вражда къ инородцамъ вотъ три кита, на которыхъ строится теперь міровоззрѣніе „объединенныхъ дворянъ“.

Бюрократія, конечно, нѣсколько лѣвѣе ихъ. Самая работа ея надъ общегосударственными задачами нѣсколько расширяетъ ея кругозоръ по сравненію съ объединенными дворянами. Работа надъ государственными финансами ставитъ ее по необходимости въ извѣстное взаимодѣйствіе съ буржуазіей; финансовая же и внѣшняя политика заставляютъ ее считаться и съ Европой. Но тѣнь объединеннаго дворянства вѣетъ надъ бюрократіей. И даже мало этого. Съ объединеннымъ дворянствомъ бюрократія чувствуетъ сейчасъ болѣе тѣсную, болѣе органическую связь, чѣмъ какую она чувствовала до 1905 года. Потому что сама дворянская и землевладѣльческая въ своей массѣ по происхожденію, бюрократія также какъ масса дворянства не можетъ забыть ужасовъ крестьянскихъ погромовъ. И еще меньше можетъ забыть тѣ опасности, которыми ея господству грозило вообще общественное движеніе 1905—1906 гг. Кое-чѣмъ въ результатѣ этого движенія бюрократіи пришлось поступиться, пришлось создать около себя выборное законодательное учрежденіе, пришлось допустить нѣкоторую свободу печати, пришлось открыть кое гдѣ двери общественной самодѣятельности. Но именно потому, что ей пришлось кое чѣмъ существеннымъ поступиться, спокойствіе ее покинуло навсегда. Что то новое глядитъ въ жизни отовсюду и предрекаетъ ей или новыя и новыя уступки или полное крушеніе ея господства. И общая опасность объединяетъ сейчасъ бюрократію съ объединеннымъ дворянствомъ такъ, какъ никогда.

Бюрократія поневолѣ отстаетъ нѣсколько отъ объединеннаго дворянства и той ломки теперешняго земства, которой хотѣли бы объединенные дворяне, она производить не станетъ. Губернскія земскія учрежденія она уничтожать не будетъ, тѣмъ

болѣе, что и трудно это сдѣлать при наличности Госуд. Думы. Но и ни одного серьезнаго шага влѣво отъ теперешняго земства она не допуститъ. Она не допуститъ образованія мелкой земской единицы, о которой съ ужасомъ говорилъ на съѣздѣ объединенныхъ дворянъ Г. Раковичъ, не допуститъ и расширенія земскаго представительства, котораго добиваются октябристы, не допуститъ, чтобы буржуазія деревни и города овладѣла земствомъ и вытѣснила оттуда совершенно, благородное сословіе“.

А борьба съ культурой? Столь-же послѣдовательной, какъ объединные дворяне, бюрократіи тутъ трудно быть. Но все таки она борется съ культурой. Одинъ г. Кассо чего стоитъ. Новаго съѣзда по народному образованію она во всякомъ случаѣ не допуститъ. На счетъ этого г. Пуришкевичъ можетъ быть совершенно спокоенъ.

Полное единомысліе въ отношеніи къ этому съѣду съ г. Пуришкевичемъ, проявляется вѣдь такъ ярко въ тѣхъ гоненіяхъ, которыя въ разныхъ мѣстахъ, какъ говорятъ газетныя извѣстія, воздвигнуты на бывшихъ участниковъ этого съѣзда. Учителей и учительницъ, бывшихъ на съѣздѣ и выступившихъ на немъ, изгоняютъ со службы. Участники съѣзда такъ терроризированы, что тамъ, гдѣ съ ними не раздѣлались, они но рѣшаются выступать съ какими нибудь отчетами и докладами.

Что касается борьбы съ инородцами, то та программа-максимумъ, съ которой выступаютъ объединенные дворяне, конечно, неосуществима. Лишить, напр., евреевъ всякой экономической роли и вліянія, это легче сказать, чѣмъ сдѣлать. Бюрократія не можетъ идти такъ далеко и вызывая полное экономическое потрясеніе, подрубать сукъ, на которомъ она сидитъ. Но и дворянская программа-минимумъ, которую въ этомъ вопросѣ проводитъ бюрократія, тоже достаточно серьезна и широка. Промышленность и торговля, по крайней мѣрѣ, дѣйствіе этой политики на себѣ чувствуетъ достаточно сильно. И все рѣзче и рѣзче въ еврейскомъ вопросѣ представители промышленности и торговли сталкиваются съ правительствомъ.

Такъ, напр., 10 марта

„въ многолюдномъ совѣщаніи представителей промышленности и торговли, по отчету „Рѣчи“,обсуждался вопросъ объ отношеніи къ новымъ ограниченіямъ правъ евреевъ на участіе въ акціонерныхъ компаніяхъ. Докладчикомъ выступилъ С. С. Новоселовъ. Онъ сообщилъ, что въ настоящее время около 300 уставовъ акціонерныхъ обществъ лежатъ въ министерствѣ торговли безъ движенія въ виду тѣхъ препятствій къ ихъ утвержденію, которыя заявлены министерствамъ внутреннихъ дѣлъ. Препятствія эти вызваны опасеніемъ, что во вновь учрежденныхъ компаніяхъ съ акціями на предъявителя будутъ участвовать евреи, которые такимъ обрѣзомъ обойдутъ законъ, воспрещающій евреямъ пріобрѣтать недвижимыя имущества внѣ черты осѣдлости“.

Послѣ преній, возникшихъ по этому докладу, было *„единогласно* постановлено обратиться къ министру внутр. дѣлъ съ просьбой принять особую депутацію по этому вопросу. Депутаціи поручено указать министру на то, что новыя ограниченія для евреевъ въ области акціонернаго законодательства, несомнѣнно, задержатъ развитіе отечественной промышленности и этимъ увеличатъ общую зависимость Россіи отъ иностранной индустріи. Прекращеніе же притока частныхъ капиталовъ въ промышленность грозитъ странѣ новымъ экономическимъ кризисомъ и безработицей со всѣми ихъ послѣдствіями“.

Какъ видимъ, дѣла съ націоналистической политикой правительства стоятъ достаточно серьезно и дальнѣйшее движеніе въ сторону дворянской программы-максимумъ встрѣтятъ, пожалуй, непреодолимыя препятствія.

Правящая бюрократія по необходимости стоитъ нѣсколько лѣвѣе объединенныхъ дворянъ и правящій центръ теперешней Думы—группа земцевъ-октябристовъ стоитъ несомнѣнно лѣвѣе бюрократіи. И тѣмъ не менѣе, какія то нити тѣснымъ образомъ связываютъ всю эту троицу въ одно цѣлое. Не будучи въ состояніи цѣликомъ слѣдовать за объединенными дворянами бюрократія не можетъ въ данный моментъ и рѣзко разойтись съ ними. Не сочувствуя многимъ реакціоннымъ порывамъ бюрократіи октябристы не могутъ тѣмъ не менѣе и особенно далеко уйти отъ нея. Какъ магнитъ, бюрократія притягиваетъ къ себѣ октябристовъ. Дѣло тутъ не въ томъ только, что они достаточно развращены своимъ долгимъ союзомъ съ бюрократіей. Всѣ факты послѣдняго времени говорятъ, что дѣло обстоитъ глубже, что по своимъ взглядамъ, по своему настроенію октябристы близкіе родственники бюрократіи. Они лѣвѣе бюрократіи и поэтому кое что зловредное изъ законопроекта о печати они устранили, но вѣдь самое зловредное въ немъ—фактическую предварительную цензуру, образовательный цензъ для редакторовъ, сохраненіе надзора за печатью въ рукахъ министерства внутреннихъ дѣлъ они оставили. Не случайно вѣдь это. Не случайно также и то, что они почти совершенно сходятся съ бюрократіей въ отношеніи къ рабочему движенію и всѣ запросы соціалъ-демократіи — о преслѣдованіи профессіональнаго движенія, о вмѣшательствѣ полиціи въ стачки и страховую кампанію, о преслѣдованіи органовъ рабочей печати—проваливаютъ самымъ послѣдовательнымъ и усерднымъ образомъ. Они правѣе, гораздо правѣе, въ этомъ отношеніи массы промышленниковъ. Тѣ при всей своей враждѣ къ рабочимъ и рабочему движенію понимаютъ, что чрезмѣрное полицейское усердіе иногда сильно вредитъ ихъ интересамъ. И совѣтъ съѣздовъ представителей промышленности и торговли счелъ нужнымъ, напр., даже обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ со спеціальнымъ ходатайствомъ ослабить переходящее всякія границы рвеніе администраціи въ области страхованія рабочихъ и выражающееся въ запрещеніи собраній рабочихъ, необходимыхъ для ознакомленія съ дѣломъ и выбора уполномоченныхъ, въ арестѣ и высылкѣ болѣе энергичныхъ дѣятелей больничныхъ кассъ и пр.

Октябристы правѣе промышленниковъ, потому что партія октябристовъ, это—плохо спаянный сбродъ представителей различныхъ слоевъ и классовъ, въ которомъ представители городской и деревенской буржуазіи перемѣшаны съ дворянами-землевладѣльцами, неспособными цѣликомъ стереть со своего лица крѣпостническую печать, и вчерашними бюрократами, загорающимися непримиримой ненавистью ко всему, что носитъ на себѣ хоть малѣйшіе слѣды волненій и безпорядковъ.

Годы контръ-революціи, хотя и плохо, но спаяли этотъ сбродъ въ одно цѣлое, а неслыханный нажимъ администраціи на выборы въ четвертую Думу, сохранилъ ему преобладающую роль и въ четвертой Думѣ. Неизбѣжное историческое развитіе должно устранить эту слякоть съ политической арены въ самомъ ближайшемъ будущемъ. Та же неизбѣжная гибель грозитъ имъ, которая грозитъ и объединеннымъ дворянамъ и теперешней бюрократіи. А общая опасность всегда объединяетъ. И пока октябристы не созрѣли еще до того, чтобы окончательно расползтись въ разныя стороны, они непреодолимо тянутся къ бюрократіи. Въ союзѣ съ нею для нихъ единственное спасеніе, въ систематическомъ питаніи и поддерживаніи иллюзій о возможности какой то общей конституціонной работы съ бюрократіей единственный смыслъ ихъ существованія. И ничто поэтому не въ силахъ выбить ихъ изъ этой позиціи, даже самое авторитетное заявленіе, что ихъ конституціонныя стремленія безполезны и противорѣчатъ исконнымъ устоямъ Россіи.

И въ итогѣ IV Дума, гдѣ правятъ также какъ и въ III-ей, октябристы, остается такимъ же врагомъ народа, врагомъ общественнаго развитія, какъ и ея предшественница. Нѣтъ, даже худшимъ. Потому что относительно третьей Думы не было никакихъ иллюзій, а теперь нѣкоторыя колебанія и шатанія въ средѣ октябристовъ подъ напоромъ яркаго лѣвѣнія со стороны буржуазіи, вызываютъ эти иллюзіи среди извѣстныхъ слоевъ населенія. Подъ вліяніемъ этихъ шатаній засуетились правые кадоты, гг. Струве, Маклаковъ и др. и самымъ усерднымъ образомъ начинаютъ сватать кадетовъ съ октябристами. Боязнь демократіи и ея движенія заставляетъ ихъ искать точку опоры справа, хотя-бы у октябристовъ, разъ въ IV Думѣ безъ октябристовъ составить большинство невозможно.

Рабочій пролетаріатъ во имя своихъ классовыхъ интересовъ не можетъ примириться съ IV Думой и лежащей въ ея основѣ избирательной системой. Всеобщая, прямая, равная и тайная подача голосовъ при выборахъ въ народное представительство диктуется его классовыми интересами. Но сейчасъ, къ счастью для пролетаріата, его классовые интересы въ этомъ пунктѣ совпадаютъ съ интересами всѣхъ производительныхъ классовъ населенія. Дума 3 іюня должна исчезнуть, такъ какъ она становится явной преградой общественному развитію.

Поскольку существуетъ свобода парламентской трибуны, это великое завоеваніе общественнаго движенія 1905 года, даже и эта Дума служитъ дѣлу борьбы съ бюрократіей. Но разъ нельзя уже обойтись безъ народнаго представительства, то изъ всѣхъ возможныхъ Думъ, эта Дума въ данный моментъ наиболѣе удобна, или наименѣе вредна для бюрократіи.

Оппозиціоннаго сплоченія вокругъ нея общества и населенія нѣтъ и быть не можетъ, потому что оппозиціонный огонь не горитъ и не загорается въ этой дряблой Думѣ. Но она мѣшаетъ въ то же время оппозиціонному сплоченію одновременно и противъ бюрократіи и противъ Думы 3 іюня среди имущихъ слоевъ населенія, потому что колебанія и шатанія октябристовъ плодятъ среди этихъ слоевъ оппозиціонныя иллюзіи. И въ этомъ отношеніи гг. Струве и Маклаковъ оказываютъ въ высшей степени цѣнную услугу бюрократіи и стоящимъ за нею объединеннымъ дворянамъ. Бюрократія тянется за объединенными дворянами, октябристы тянутся за бюрократіей, а гг. Струве и Маклаковъ предлагаютъ общественному развитію тянуться за октябристами.

Въ то время какъ становится съ каждымъ днемъ все болѣе яснымъ, что Думу 3 іюня необходимо устранить съ дороги, чтобы было возможно дальнѣйшее общественное развитіе, они какъ разъ отказъ отъ этой задачи, отказъ отъ демократизаціи Думы, хотятъ положить въ основу образованія лѣваго большинства въ Думѣ. Дмже и это, по всѣмъ извѣстіямъ, не соблазняетъ октябристовъ. Даже при этомъ условіи они боятся лѣваго большинства, потому что боятся, что тогда оборвутся нити связывающія ихъ съ правительствомъ. Своими призывами гг. Маклаковы никакого лѣваго большинства создать не въ силахъ, за то для значительныхъ слоевъ населенія они пытаются не безъ успѣха затемнить создающуюся ясность положенія. Въ печати писали, что гг. Струве и Маклаковъ пытаются партію к.-д. отвлечь въ сторону отъ интересовъ демократіи. Нѣтъ дѣло обстоитъ еще хуже. Они добиваются, чтобы кадеты измѣнили тѣмъ интересамъ общественнаго развитія, которые въ данный моментъ являются не только интересами демократіи, но интересами всѣхъ производительныхъ классовъ населенія вплоть до крупной торгово-промышленной буржуазіи.

Бываютъ моменты, когда непреодолимые интересы толкаютъ и крупную буржуазію къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ со всей демократіей вплоть до наиболѣе активнаго ея слоя, рабочаго пролетаріата.

И къ этому моменту мы сейчасъ приближаемся вплотную. Политическую жизнь необходимо наконецъ сдвинуть съ той мертвой точки, на которой она застряла. Этого повелительно требуютъ интересы общественнаго развитія. А сдвинуть политическую жизнь съ мертвой точки можетъ только измѣненіе избирательной системы при выборахъ въ Думу. Другого выхода нѣтъ. Только этимъ путемъ Россія можетъ выйти изъ того политическаго болота, въ которомъ она застряла, благодаря фактическому союзу дворянъ, бюрократіи, октябристовъ и всѣхъ колеблющихся элементовъ буржуазіи подъ предводительствомъ гг. Струве и Маклакова.

Вывести Россію изъ этого болота можетъ только пролетаріатъ своей цѣлесообразно направленной борьбой. Рѣшительный походъ противъ Думы 3 іюня съ требованіемъ всеобщаго и т. д. избирательнаго права при выборахъ въ Думу, имѣетъ всѣ основанія стать въ ближайшее время тѣмъ живымъ лозунгомъ, энергичная борьба за который можетъ обезпечить пролетаріату поддержку всѣхъ живыхъ силъ страны.

Н. Череванинъ.

Критическіе наброски.

Еще къ вопросу о пролетарской культурѣ[1]).

Итакъ, я надѣюсь, мнѣ удалось доказать, что и Череванинъ, и Пилецкій воистину зря захотѣли стать аргонавтами и—въ поискахъ за золотымъ руномъ пролетарской культуры художества—пропутешествовали въ интеллигенцію. Пролетарская культура художества не кладъ, который можно найти въ пятидесятомъ государствѣ и оттуда его вывезти, не заморская „синяя птица“, а нѣчто по своему существу способное быть только сугубо доморощеннымъ, домодѣльно—пролетарскимъ, что можно разсматривать лишь въ органической, тѣснѣйшей связи съ культурой пролетаріата во всемъ ея цѣломъ, а стало быть и въ связи со всей наличностью психическихъ силъ, съ ихъ направленіемъ и характеромъ, данными пролетаріату условіями его развитія въ капиталистической цивилизаціи.

Конечно, я понимаю, мои оппоненты пустились въ свой путь не случайно и не случайно искали рѣшенія вопроса о пролетарской культурѣ художества въ различныхъ комбинаціяхъ съ интеллигенціей, провозглашая, какъ это сдѣлалъ, напр., Череванинъ (на стр. 204 своей статьи),—въ видѣ общаго тезиса, что „именно профессіональная интеллигенція является творцомъ художественныхъ цѣнностей“,—или какъ Пилецкій, пророча, что „кадры пролетарскихъ представителей искусства могутъ создаться и создадутся изъ среды многочисленной интеллигенціи, становящейся на точку зрѣнія четвертаго сословія“ (стр. 68)[2]). Вѣдь, въ интеллигенцію они *вынуждены* были уйти отъ прискорбнаго факта, что въ самомъ то пролетаріатѣ и въ условіяхъ его общественнаго развитія имъ нечего было противопоставить произведенному мною анализу.

Но отъ этого отступленія въ интеллигенцію имъ легче не стало, „кривая не вывезла“ и въ концѣ концовъ имъ все же пришлось, правда, отмалчиваясь, какъ я дальше покажу, отъ моихъ аргументовъ, дать свое собственное объясненіе путей пролетарскаго развитія.

---

[1]) См. № 2 „Наша Заря“.

[2]) Тов. Пилецкій оговаривается, что въ Германіи эта интеллигенція рекрутируется частью изъ дѣтей функціонеровъ—должностныхъ лицъ рабочаго движенія. Эта оговорка, однако, рѣшительно ничего не мѣняетъ въ сути вопроса: для насъ важно не происхожденіе того или другого интеллигента: мало ли чей „дѣдъ землю пахалъ“,—а условія развитія его собственной психики. И я не вижу основанія почему быдѣтямъ должностныхъ лицъ, прошедшимъ гимназію и университетъ, не быть самыми типичными интеллигентами по духу—хотя и соціалдемократами по своимъ убѣжденіямъ.

Но, боже мой, какое объясненіе! По Пилецкому оно сводится къ тому, что пролетаріатъ, занятый прежде цѣликомъ политической борьбой, теперь уже завоевалъ себѣ „право на самостоятельное развитіе“ „почти во всѣхъ капиталистическихъ странахъ“ и, поэтому, очевидно, на досугѣ можетъ „начать развивать и иныя формы культуры“ въ томъ числѣ и культуру художества. Однако, прибавляетъ сейчасъ же Пилецкій, было бы чудовищно думать, что пролетаріатъ (за „рѣдкими исключеніями“) эту культуру развивать будетъ самъ. Для этого у пролетаріата, по мнѣнію Пилецкаго, оказывается все же—нѣтъ времени. То есть, однимъ духомъ: времени нѣтъ и время имѣется, и это неизвѣстно какое, имѣющееся или неимѣющееся, свободное время будетъ затрачено... вы думаете на что? На культуру художества?—ошибаетесь, оно будетъ затрачено на наемъ соотвѣтствующей по спеціальности интеллигенціи, которая уже въ свою очередь и займется за пролетаріатъ культивированіемъ художества!

Таково построеніе Пилецкаго. И—долженъ признаться—я стою передъ нимъ въ совершеннѣйшемъ недоумѣніи: брать ли построеніе въ серьезъ или просто тов. Пилецкій захотѣлъ пошутить надъ читателемъ и надъ своимъ оппонентомъ?

Во всякомъ случаѣ, въ этомъ построеніи есть лишь одно положеніе, которое можно уловить, какъ опредѣленную мысль, а не безплотный фантомъ, самоуничтожающійся при малѣйшемъ къ нему приближеніи. Это его утвержденіе, что раньше пролетаріатъ поглощался всецѣло политикой, тогда какъ въ настоящее время онъ можетъ отдавать, усложняя движеніе, все большее количество времени всевозможной культурной работѣ, причемъ за спросомъ пролетаріата на эту работу неизмѣнно слѣдуетъ удовлетвореніе этого спроса предложеніемъ со стороны спеціалистовъ интеллегенціи.

Въ сущности, въ эту же мысль упирается—съ нѣкоторыми варіантами—и объясненіе, которое даетъ Череванинъ. У Череванина только почти выпадаетъ вся первая часть изъ тезиса Пилецкаго, ибо вопросъ о поглощенности пролетаріата политикой больше подразумѣвается имъ, чѣмъ en toutes lettres признается, въ его замѣчаніи, что „интеллигентными людьми представители пролетаріата до послѣдняго времени“ „становились“ „исключительно почти на почвѣ дѣловой практики, на почвѣ удовлетворенія практическихъ потребностей движенія“, откуда вытекала и та „спартанская“ дѣловитость, которая препятствовала сближенію не пролетарской, изъ міра поэтовъ и художниковъ, интеллигенціи съ пролетаріатомъ, и тѣмъ не давала развиться пролетарской культурѣ художества. Однако, вниманіе Череванина сосредочивается не на этомъ, а на мысли, что подобное положеніе вещей измѣнится, когда усложненное движеніе осуществитъ задачу „болѣе широкаго и всесторонняго развитія подростающаго поколѣнія“. Тогда то и осуществится счастливое оплодотвореніе пролетаріата этой артистической и литературной интеллигенціей, тогда то и родится художество. Такъ говоритъ Череванинъ...

Кто изъ нихъ больше не правъ, Пилецкій или Череванинъ я бы затруднился сказать, ибо мнѣ кажется, они оба преподносятъ читателю букетъ изъ разнообразныхъ невѣрностей.

Невѣрна уже сама исходная мысль Пилецкаго о первоначальной поглощенности пролетаріата политикой, поглощенности, отъ которой, будто бы, лишь съ теченіемъ времени освобождаются силы пролетаріата.

Вотъ истина, поставленная на голову! Какъ разъ наоборотъ: если взять за послѣдніе 50 лѣтъ эволюцію германскаго движенія, то передъ нами развернется картина колоссальнѣйшей интенсификаціи политической жизни, процессъ непрерывваго раскрыванія новыхъ сферъ общественно-политической дѣятельности пролетаріата, использованія имъ такихъ учрежденій или организацій, которыя онъ раньше не умѣлъ или не былъ въ состояніи использовать.

Можно сказать, политика что дальше, то все глубже и шире распускаетъ свои безчисленныя щупальцы, и все гуще плететъ паутину. А съ тѣмъ вмѣстѣ создается и невѣдомая прежде дробность работы и за всякой спеціализаціей, по коммунальной политикѣ, по вопросамъ страхованія, по вѣдомству профессіональнаго движенія и пр. и пр., грозитъ исчезнуть—вмѣстѣ съ поколѣніемъ людей 60 и 70-хъ годовъ, „стариковъ“—и тотъ обаятельный типъ интегральнаго, всеобъемлющаго соціалдемократическаго работника первыхъ призывовъ, который заложилъ фундаментъ величія германской соціалдемократіи.

Передъ нами, такимъ образомъ, вовсе не „перенесеніе“ движенія—какъ выражается Пилецкій—„изъ сферы политической и экономической въ другія, до сихъ поръ не затрагивавшіяся“, а громадное разростаніе дифференцированной, усложненной политики—„практической политики“ всевозможныхъ родовъ, лавинообразно надвинувшейся на жизнь рабочаго авангарда и начинающей уже давать себя чувствовать наиболѣе дальновиднымъ дѣятелямъ рабочаго движенія своей оборотной стороной, —ощущаться ими, какъ опасность. Противъ этой то опасности суженія горизонтовъ и приниженія движенія всепроникающимъ практицизмомъ, съ каждымъ годомъ сильнѣе накладывающимъ свою печать на духовную жизнь соціалдемократіи, и раздались за послѣдніе годы предостерегающіе голоса, и возникла реакція, надѣющаяся въ усиленіи культурно-просвѣтительной дѣятельности и подготовкѣ юношества найти хотя бы нѣкоторый коррективъ къ этому процессу развитія.

Но, вѣдь, одно дѣло коррективъ сознательныхъ усилій, который, разумѣется, можно лишь всячески привѣтствовать, и другое—этотъ стихійный уклонъ пролетарскаго развитія, имѣющій—внѣ всякаго сомнѣнія—глубочайшіе корни въ исторической обстановкѣ, въ которой происходитъ движеніе. Очевидно, нужно, чтобы въ самой этой обстановкѣ произошли предварительно коренныя перемѣны, чтобы многолѣтній застойный характеръ общественной жизни смѣнился рѣшительнымъ ходомъ впередъ, такъ сказать, пертурбаціонной полосою исторіи, чтобы съ тѣмъ вмѣстѣ измѣнился и этотъ уклонъ развитія, и коррективъ пересталъ быть, какъ нынѣ, незначительной струйкой, которая еле замѣтно вливается въ главное русло движенія, и самое русло перемѣнило свое направленіе.

А до тѣхъ поръ, лишь совершенно искажая перспективу и насилуя дѣйствительность, можно говорить объ этой струѣ коррективa, какъ о нѣкоемъ факторѣ, способномъ преобразовать весь тонъ современной соціалдемократической жизни и взамѣнъ дѣловито-спартанскаго дать новый укладъ, привлекательный для профессіональной интеллигенціи и способствующій цвѣтенію художества.

И мнѣ странно слышать, что подобныя рѣчи говоритъ Череванинъ, ибо такъ говорить значитъ смѣшивать болѣе широкое понятіе спартанства современнаго пролетаріата съ той опредѣленной категоріей усложненнаго движенія, которая характерна для переживаемаго нами момента затяжной европейской реакціи; значитъ забывать, что спартанство существовало и тогда, когда и въ поминѣ еще не было современной гипертрофіи практицизма и спеціализаціи, когда на авансценѣ фигурировало интегральное поколѣніе Бебеля и всѣхъ тѣхъ, что вмѣстѣ съ нимъ „становились интеллигентными людьми“ не столько „на почвѣ дѣловой практики“ (въ чемъ видитъ спеціальную причину современнаго зла Череванинъ), сколько въ атмосферѣ культурно-просвѣтительнаго движенія 50 и 60-хъ годовъ.

И хуже того: значитъ методологически оставаться на самой поверхности явленій, значитъ вмѣсто того, чтобы заглядывать вглубь, въ причинную взаимозависимость, порождающую это отсутствіе въ пролетаріатѣ художественнаго творчества, ограничиваться тѣмъ, что брать уже готовое слѣдствіе этихъ причинъ и на это слѣдствіе обрушиваться своей педагогикой. По истинѣ, это напомнило мнѣ ту „ромашку“, которой когда то Родбертусъ клеймилъ рецептуру катедеръ-соціалистовъ.

И добро бы рѣчь еще шла объ общихъ задачахъ культурно-просвѣтительной работы въ пролетаріатѣ и о нарочитой необходимости культивированія этихъ задачъ въ виду современнаго сугубо „практическаго“ уклона развитія. Но, вѣдь, дѣло то не въ этомъ; но, вѣдь, Череванинъ то мѣтитъ на большее. Онъ нашелъ въ просвѣщеніи свой „жизненный элексиръ“ для пролетаріата и хочетъ, истребляя спартанскія наклонности въ пролетаріатѣ при помощи этого элексира, имъ же выращивать и истинно художественныя произведенія искусства!..

Конечно, что и говорить, высота культурнаго уровня данной среды отражается самымъ непосредственнымъ образомъ на всѣхъ продуктахъ ея творчества; слѣдовательно, должна отразиться и на возможной культурѣ художества. Въ этомъ, какъ и во всѣхъ отношеніяхъ, поле для просвѣтительной дѣятельности въ пролетаріатѣ необъятно велико и ждетъ своихъ сѣятелей.

Но развѣ въ конечномъ счетѣ отъ просвѣтительной дѣятельности зависитъ, сколько творческихъ силъ среда вырабатываетъ и куда она ихъ направляетъ? Вспыхнетъ ли въ ней огонь непремѣнно художественнаго творчества, или загорятся другіе огни и начнутъ возникать иного рода духовныя образованія? А то такъ и вовсе не загорятся: знаемъ же мы, въ извѣстныя эпохи, высоко-культурныя въ то же время творчески глубоко-безплодныя страны, какъ знаемъ съ другой стороны и полуварварское творчество.

Стало быть, не въ просвѣщеніи, какъ бы оно ни было важно — фокусъ вопроса. Но, конечно, и не въ соображеніяхъ Пилецкаго, полагающаго, что за всякимъ культурнымъ спросомъ пролетаріата, поддержаннымъ его силами и средствами, автоматически слѣдуетъ удовлетвореніе спроса профессіональной интеллигенціей, и что отсутствіе пролетарской культуры художества объяснимо лишь тѣмъ, что потребность въ художествѣ пролетаріата успѣла проявиться лишь за послѣднее время.

Нѣтъ, потребность пролетаріата въ художествѣ стародавняго происхожденія; ей столько же лѣтъ, сколько и всей сознательной жизни пролетаріата. Съ первымъ же проблескомъ этой сознательности пролетаріатъ потреблялъ всевозможное художество той культуры, которая окружала его въ современномъ ему обществѣ. И не только потреблялъ, но и самъ—и не въ очень маломъ количествѣ—посылалъ своихъ представителей на поэтическую гору Парнасъ. И если эти представители тамъ не сказали своего художественно-цѣннаго и въ то же время пролетарскаго слова, то не потому, чтобы просто у пролетаріата не имѣлось вкуса къ художеству. Вкусъ то былъ, охота то была, но что то мѣшало тому, чтобы психика пролетаріата выдѣляла элементы дѣйствительно характернаго творчества.

Вотъ къ этому-то „что-то“ и надо было вплотную подойти Пилецкому вмѣсто того, чтобы сочинять несуществующую гармонію между спросомъ пролетаріата и предложеніемъ интеллигенціи, точно этотъ пролетарско-интеллигентскій балансъ способенъ разрѣшить вопросъ о культурѣ художества, не разрѣшенный до сихъ поръ и родными дѣтьми рабочаго класса.

Въ своихъ статьяхъ о культурѣ я пытался посильно разобраться именно въ этихъ условіяхъ. Быть можетъ, недостаточно быть можетъ, невѣрно. Но съ этой—пусть недостаточной, пусть невѣрной—попыткой Череванинъ и Пилецкій во всякомъ случаѣ должны были считаться, выступая противъ меня: они сколько угодно могли ее раскритиковывать, но они обязаны были на нее реагировать потому, что она является центральнымъ пунктомъ всего поднятаго мною вопроса. Но они, вмѣсто этого, ее, къ сосожалѣнію, почти сплошь замолчали...

Какъ, быть можетъ, вспомнитъ читатель „Нашей Зари“, передо мною стояла проблема пролетарской культуры въ современной капиталистической цивилизаціи, и я ставилъ вопросъ, почему эта культура, т. е. совокупность выявляющихся творческихъ силъ рабочаго класса, распредѣляется по сферамъ своего приложенія такъ, а не иначе; почему, съ одной стороны, въ районѣ практической работы пролетарское творчество огромно, и создается небывалая раньше культура классовой, экономической и политической борьбы, и съ другой — этого творчества не замѣчается вовсе въ сферѣ художества.

И я говорилъ, что направленіе этой культуры, разительную неравномѣрность въ распредѣленіи силъ, мы поймемъ лишь въ томъ случаѣ, если будемъ разсматривать эту совокупность творческихъ силъ, именуемую культурой, какъ производное, во первыхъ, отъ роли пролетаріата въ капиталистической цивилизаціи, во вторыхъ, отъ центростремительныхъ, нивеллирующихъ

свойствъ этой цивилизаціи, оказывающихъ на пролетаріатъ свое сильнѣйшее дѣйствіе.

Эти двоякаго рода причины даютъ и двоякаго рода послѣдствія: развитое спартанство пролетаріата и рядомъ — относительно неразвитое его бытовое обособленіе, а также тѣсно связанное съ нимъ необособленіе художественное. Величайшій изъ когда либо бывшихъ новаторовъ, пролетаріатъ, имѣетъ здѣсь— въ этой сравнительной необособленности быта—свою ахиллесову пяту, ту пуповину, черезъ которую буржуазное общество можетъ до извѣстной степени переливать въ него свои соки.

Вотъ сущность аргументаціи моихъ прежнихъ статей. Но вы напрасно будете искать эту сущность въ пространныхъ репликахъ Пилецкаго и Череванина. Въ своемъ спорѣ они ухитрились ее прозѣвать. Пилецкій рѣшительно и безповоротно — цѣликомъ. Череванинъ на добрыя девять десятыхъ, если одною десятою, имъ воспроизведенной, моей аргументаціи, счесть то „спартанство", которое, выхваченное изъ всей связи, его объяснявшей, оказалось всего на всего механизированнымъ отсутствіемъ досуга у пролетаріата.

Такъ Череванинъ и пишетъ: „Что же касается слабаго досуга, на который напираетъ Потресовъ, то, во-первыхъ, вмѣстѣ съ ростомъ пролетарской интеллигенціи практическія задачи будутъ падать на каждаго ея представителя меньшей тяжестью, а во-вторыхъ, досугъ—понятіе относительное, и сильная развившаяся потребность всегда найдетъ время для своего удовлетворенія".

Но, во-первыхъ,—укажу Череванину,—въ своихъ статьяхъ я говорилъ не объ одной „пролетарской интеллигенціи". Переобремененіе дѣломъ у этой интеллигенціи есть не болѣе, какъ концентрированное выраженіе явленія, распространяющагося на всѣхъ вообще, включая и самыхъ рядовыхъ, „организованныхъ" пролетаріевъ. Ибо все ростущая, съ интенсификаціей общественно-политической жизни и обостреніемъ классовыхъ отношеній, дѣловая организованность пролетаріата, по условіямъ жизни рабочаго класса, не можетъ быть чѣмъ либо другимъ, какъ именно ростущей связанностью его досуга, т. е. того небольшого количества времени, которое у него остается отъ фабрично-заводскаго дня. Этотъ то досугъ и пропитывается все больше настроеніемъ дѣла, становится все больше дѣловымъ.

А во-вторыхъ, — и это главное — Череванинъ совершенно напрасно вздумалъ полагать, что я „напираю" на „слабый досугъ". Я напираю не на „слабый досугъ", изолированно взятый, а на гораздо болѣе сложную комбинацію чертъ, составляющую извѣстный психологическій укладъ. Поэтому, я и пишу, что „для организаціи подлиннаго „бездѣлья", для культуры того важнаго и, скажемъ болѣе, необходимаго человѣческаго „бездѣлья", которое называется художествомъ, остается не только безконечно мало простора во времени, но и *безконечно мало вниманія*".

Я этимъ хочу сказать, что вырабатывается психологія опредѣленной среды, съ ей свойственной качественной разстановкой занятій, съ ея предпочтеніями и недооцѣнками, вытекающими изъ особенностей этой среды. Особенности же среды пролетаріевъ—это особенности организованнаго и организующагося для битвъ и завоеваній, военно-классового стана, какъ я опредѣлялъ—„боевого товарищества". Ну, а если это такъ, то тѣмъ самымъ дана и атмосфера спартанства — съ практическимъ ригоризмомъ, съ его отодвинутой назадъ неприкладной стороной идеологіи, съ его неполноправнымъ художествомъ.

Я говорилъ — „пролетарская Спарта" и не думалъ никакъ, что для русскихъ читателей и даже писателей еще нужно болѣе детально выяснять, что Спарта есть типъ и типъ повторяющійся, хотя и въ разныхъ общественно-историческихъ варіантахъ. Мнѣ казалось къ тому же, что еще слишкомъ недавно въ Россіи переживали то же sui generis спартанство — и даже нѣсколько смѣнъ спартанства—чтобы не понимать съ полуслова, что значитъ это понятіе. Правда, это было спартанство интеллигентское, но, быть можетъ, съ еще болѣе рѣзко обрисованнымъ утилитаризмомъ умонастроенія, съ сосредоточеніемъ вниманія на одномъ и съ пренебреженіемъ къ другому. Вспомнимъ, напр., весну интеллигенціи—выступленіе разночинства въ 60-хъ годахъ, когда, еще не зная, что дѣлать въ общественно-политической жизни, разночинецъ уже твердо зналъ свои идейныя симпатіи и антипатіи, возводилъ въ культъ практически нужную науку и отметалъ... безполезное искусство, никчемнаго Пушкина.

Въ пролетаріатѣ эта антитеза полезнаго и безполезнаго, разумѣется, выражается иначе. Иначе хотя бы потому, что она является въ немъ не догматомъ какой бы то ни было теоріи, а совершенно безсознательно осуществляемымъ психологическимъ выборомъ, невольнымъ слѣдствіемъ той всемірной задачи и ея подготовленія въ ростущей борьбѣ, которая возложена на него современнымъ развитіемъ исторіи.

Однако, спартанство, пусть окургуженное до простого недосуга, все же, по крайней мѣрѣ, имѣется все жехоть зарегистрировано. Но даже самой элементарной регистраціи нѣтъ у Череванина (я ужъ не говорю про Пилецкаго) того другого момента въ моемъ объясненіи отсутствія въ пролетаріатѣ художества, который связанъ съ дѣйствіемъ на пролетаріатъ культуры буржуазнаго общества черезъ посредствующій каналъ сравнительной бытовой необособленности.

Хуже того—онъ замѣненъ другимъ, той одной „изъ двухъ главныхъ причинъ", мною якобы „выдвинутыхъ" (см. ст. Череванина, стр. 203), въ качествѣ которой у Череванина фигурируетъ роль вліянія на пролетаріатъ „тѣней прошлаго", т. е. классической литературы. Если, однако, эта причина является одною изъ тѣхъ двухъ, на которыхъ построено все зданіе моей аргументаціи, то не ясно-ли, что это зданіе только карточный домикъ, который Череванинъ и можетъ, разумѣется, походя сдуть, и, сдувая, взять на себя благодарную роль защитника классиковъ, — роль, которую беретъ на себя и мой третій оппонентъ, Раф. Григорьевъ.

Раф. Григорьевъ, впрочемъ, не такъ радикаленъ. Онъ все-же, излагая меня, отмѣчаетъ сосѣдство, въ которомъ находится мое утвержденіе о буржуазныхъ классикахъ съ моими же соображеніями о бытѣ и характерѣ вліянія на пролетаріатъ буржуазной культуры вообще. Только это сосѣдство остается у него безъ

всякихъ послѣдствій, оно не превращается въ кровную, органическую связь которой она является у меня Ну, а внѣ этой связи что же удивительнаго, что мысль становится собственной противоположностью—отсутствіемъ мысли, какой-то дурного тона безсмыслицей.

Резюмирую: понять мою мысль о буржуазныхъ классикахъ можно только понявъ всю развернутую мною концепцію въ цѣломъ и оцѣнивъ тѣ особенности историческаго развитія пролетаріата въ капиталистическомъ обществѣ, которыя дали пролетаріату возможность утвердить въ безпримѣрномъ масштабѣ свое боевое бытіе—политическое и экономическое,—и не дали сформироваться бытію, если можно такъ выразиться, обывательски-штатскому, оставивъ—за предѣлами товарищества — въ этомъ штатскомъ быту широко разверстыми ворота для буржуазныхъ воздѣйствій.

Поэтому, я и перехожу предварительно къ этому противорѣчію сильнаго „товарищества“ и слабаго быта. Гдѣ историческіе корни этого противорѣчія и каковы его неизбѣжныя послѣдствія?

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. Потресовъ.

P. S. Я уже писалъ свой отвѣтъ моимъ критикамъ, когда получилъ возможность прочесть помѣщаемую въ этой же книжкѣ „Нашей Зари“ прекрасную статью Ивана Кубикова „Искусство и отношеніе къ нему рабочаго класса“.

Въ ней—на мой взглядъ—данъ здоровый отвѣтъ на ростущую въ русскомъ пролетаріатѣ тягу къ художеству.

Не измышленіе во чтобы то ни стало своихъ собственныхъ художниковъ,—будутъ художники,—тѣмъ лучше!—а пріобщеніе къ міровой культурѣ художества — вотъ единственный лозунгъ, который можетъ быть плодотворнымъ.

И я привѣтствую т. Кубикова за его кличъ—въ науку къ классикамъ, за его приглашеніе пролетаріата окунуться въ художественное творчество Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Салтыкова, Тургенева...

Я привѣтствую его даже и тогда, когда онъ споритъ со мною и когда я съ нимъ не совсѣмъ соглашаюсь. Но объ этомъ до слѣдующаго раза.

А. П.

Отклики.

Резолюція Всероссійскаго Литературнаго Общества о законопреектѣ о печати, принятая 17-19 янв. 1914 г.

Всероссійское Литературное Общество, выслушавъ и обсудивъ въ засѣданіи очереднаго общаго собранія 17—19 января, 1914 г., доклады по поводу правительственнаго законопроекта о печати, разсматриваемаго въ настоящее время въ Государственной Думѣ, пришло къ слѣдующимъ заключеніямъ:

Законопроектъ, долженствовавшій поставить на мѣсто временнаго режима печати органическій законъ на началахъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17 октября, въ дѣйствительности представляетъ собою механическое сочетаніе дореформеннаго устава о цензурѣ, временныхъ правилъ о печати 1905—1906 г.г. и обязательныхъ постановленій съ присоединеніемъ новыхъ чрезвычайныхъ мѣръ судебной репрессіи.

1. Сохраненіе прежнихъ спеціальныхъ органовъ надзора за печатью въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ съ широкими полномочіями по предварительному просмотру и предварительному аресту повременныхъ изданій, книгъ и брошюръ противорѣчитъ правовому режиму печати и заявленію самихъ составителей проекта, утверждающихъ, что цѣлью его является устраненіе административнаго воздѣйствія на печать.

2. Постановленія законопроекта, оставляющія разрѣшительный порядокъ выпуска повременныхъ изданій внѣ городовъ и искажающія явочный порядокъ въ городахъ, проникнуты духомъ полицейской опеки надъ гражданами и недовѣріемъ къ литературной дѣятельности, какъ профессіи.

3. Вводимый проектомъ образовательный цензъ для редакторовъ—окончаніе курса учебныхъ заведеній не ниже среднихъ, ограничивая примѣненіе явочнаго порядка и лишая права редактировать повременные изданія лицъ, не удовлетворяющихъ этому чисто формальному условію, хотя бы они по своему умственному развитію и познаніями были вполнѣ подготовлены къ осуществленію этого права, нарушаетъ интересы печати всѣхъ направленій и особенно тяжело должно отразиться на положеніи печати, предназначенной для рабочихъ и крестьянъ, а также на изданіяхъ, выходящихъ не на русскомъ языкѣ.

4. Устанавливаемое законопроектомъ представленіе повременныхъ изданій—брошюръ—органамъ надзора для предварительнаго просмотра до выхода ихъ въ свѣтъ (контрольные сроки) создаетъ особый видъ цензуры, имѣющей цѣлью пресѣкать всякое распространеніе „вредныхъ“ произведеній; такіе контрольные сроки, нарушая самый принципъ свободы печати, несовмѣстимы съ манифестомъ 17 октября, что признано было уже въ 1905 году Высочайше учрежденнымъ совѣщаніемъ для составленія новаго устава о печати (комиссія Д. Ѳ. Кобеко).

5. Принятый законопроектомъ порядокъ предварительнаго до судебнаго приговора ареста, предоставляя это право административнымъ органамъ и допуская примѣненіе этой наиболѣе чувствительной для печати мѣры по всякому поводу, открываетъ широкую возможность для администраціи пользоваться этимъ средствомъ для систематической борьбы съ нежелательными ей изданіями и направленіями.

6. Въ соотвѣтствіи съ общими цѣлями, полицейскимъ духомъ законопроекта, находится и сохраненіе спеціальныхъ видовъ цензуры—придворной, духовной и иностранной.

7. Обращаясь къ карательной части законопроекта, всероссійское литературное общество усматриваетъ, что намѣчаемый новый порядокъ игнорируя задачи правосудія, преслѣдуетъ только цѣль подавленія гласности.

1. Рѣшительно противорѣчащее тенденціямъ законодательства культурныхъ странъ, соединеніе принципа отвѣтственности всѣхъ соучастниковъ по общимъ началамъ уголовнаго права съ принципомъ спеціальной отвѣтственности редактора, издателя, и т. д. вплоть до разносчика произведеній печати, расширяетъ до безпредѣльности кругъ лицъ, отвѣчающихъ за уголовно наказуемыя дѣянія печати.

2. Постанавливаемыя законопроектомъ предварительныя до судебнаго приговора карательныя мѣры въ видѣ пріостановленія изданій и требованія денежнаго обезпеченія, носящаго характеръ залога, въ размѣрахъ, угрожающихъ окончательно подорвать матеріальныя силы изданія, а также дополнительныя кары по судебному приговору въ формѣ разорительныхъ штрафовъ, пріостановленія и прекращенія изданій и пр., въ связи съ цѣлымъ рядомъ направленныхъ противъ дѣятелей печати изъятій изъ дѣйств. процессуальныхъ нормъ (сокращенные сроки, отмѣна права апеляціи, немедленное исполненіе приговоровъ о денежныхъ взысканіяхъ и др.) при отсутствіи господствующаго въ законодательствѣ всего культурнаго міра сокращеннаго срока давности, угрожаетъ совершенно убить независимую печать.

3. Длинный рядъ новыхъ видовъ уголовно наказуемыхъ дѣяній, расширяющій крайне растяжимую уже по дѣйствующимъ карательнымъ законамъ сферу отвѣтственности по дѣламъ печати, и сохраненіе подсудности всѣхъ этихъ дѣлъ печати коронному суду безъ присяжныхъ засѣдателей, завершаютъ систему репрессій, направленныхъ противъ свободнаго слова.

Имѣя въ виду этотъ характеръ правительственнаго законопроекта, въ нѣкоторыхъ важныхъ частяхъ уже одобреннаго комиссіей Государственной Думы, Всероссійское Литературное Общество обращаетъ вниманіе русскихъ гражданъ на серьезную опасность, грозящую русской печати и вмѣстѣ съ нею интересамъ свободы и культуры.

Идя по пути востановленія стараго порядка, реакція по всей линіи стремится закрѣпить и еще болѣе ухудшить режимъ, превратившійвъ мертвую букву совокупность гражданскихъ вольностей, провозглашенныхъ въ 1905 г. Основанный на отрицаніи правъ писателей и читателей, законопроектъ покушается на одно изъ необходимѣйшихъ условій культурнаго обшежитія, на одно изъ наиболѣе цѣнныхъ политическихъ правъ. Единственное это право удалось націи осуществить, несмотря на гнетъ реакціи, въ сколько нибудь широкомъ объемѣ. Лишеніе этого права явилось бы тяжелымъ ударомъ для всей русской общественности, въ особенности для демократіи.

Всероссійское Литературное Общество считало бы позоромъ для Россіи принятіе такого закона послѣ всѣхъ жертвъ, принесенныхъ русской литературой и русскимъ народомъ дѣлу свободы печати. Двойнымъ позоромъ считало бы оно, если-бъ такой законъ былъ принятъ безъ самой упорной борьбы со стороны всѣхъ заинтересованныхъ, и прежде всего со стороны дѣятелей печати.

Долгъ Государственной Думы—отвергнуть законопроектъ безъ постатейнаго обсужденія. Во всякомъ случаѣ, думская оппозиція обязана противодѣйствовать принятію законопроекта всѣми мѣрами парламентской борьбы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Всероссійское Литературное Общество, выражаетъ убѣжденіе, что только усиліями самихъ гражданъ и воздѣйствіемъ общественнаго мнѣнія всей страны на Государственную Думу, можетъ быть отведенъ отъ русской печати занесенный надъ ней ударъ.

Обсудивъ затѣмъ мѣры, которыя Общество могло бы со своей стороны принять для защиты печати, Всероссійское Литературное Общество въ томъ же засѣданіи постановило поручить Совѣту:

а) Образовать комсссію изъ дѣятелей періодической печати, писателей и юристовъ для составленія меморандума по поводу законопроекта о печати съ тѣмъ, чтобы меморандумъ былъ подписанъ редакціями изданій, писателями и журналистами, и появился въ свѣтъ до разсмотрѣнія законопроекта въ общемъ собраніи Государственной Думы;

б) созвать Всероссійскій съѣздъ дѣятелей печати въ апрѣлѣ 1914 г.

в) войти въ сношенія съ литературными организаціями и редакціями для устройства областныхъ съѣздовъ и совѣщаній дѣятелей печати;

г) принять мѣры къ привлеченію вниманіи общественныхъ организацій и всего общественнаго мнѣнія страны къ проектируемому закону о печати;

д) организовать лекціи и публичныя собранія съ преніями по поводу законопроекта и положенія печати;

е) приступить къ изданію книгъ и брошюръ о законопроектѣ и положеніи печати;

ж) образовать комиссію для выработки обращенія ко всему русскому обществу отъ имени дѣятелей печати съ разъясненіемъ основныхъ положеній законопроекта о печати;

Сверхъ того Всероссійское Литературное Общество признало желательнымъ:

а) чтобы въ Государственную Думу черезъ представленныя въ ней фракціи направлялись резолюціи, выражающія мнѣнія общественныхъ группъ о законопроектѣ о печати;

б) чтобы былъ учрежденъ фондъ на изданія книгъ и брошюръ о положеніи печати и для оказанія помощи лицамъ, пострадавшимъ отъ судебныхъ и административныхъ репрессій по дѣламъ печати;

в) чтобы во всей странѣ было организована одновременное выступленіе печати по поводу законопроекта о печати.

Резолюція принятая 14 февраля. 1914 г.

Общее Чрезвычайное Собраніе Всероссійскаго Литературиаго Общества, состоявшееся 14 февраля с. г., выражаетъ крайнее сожалѣніе по поводу того, что газеты „Рѣчь“, „Современное Слово“, „День“ и „Русское Слово“ не нашли въ себѣ минимума мужества, необходимаго для того, чтобы напечатать цѣликомъ принятую единогласно въ засѣданіи 19 января с. г. резолюцію по поводу законопроекта о печати. Это воздержаніе отъ напечатанія цѣликомъ принятой обществомъ резолюціи, является неожиданнымъ и вреднымъ для дальнѣйшей борьбы за свободу печати, компрометируя первое же выступленіе и заставляя опасаться въ дальнѣйшемъ подобныхъ же уклоненій отъ выполненія несомнѣннаго моральнаго обязательства для органовъ прогрессивной печати.

С. Н. Кранихфельдъ.

Тяжело писать о смерти—особенно о внезапной смерти—близкаго товарища и друга. Вдвойнѣ тяжелѣй, когда съ умершимъ тебя связываетъ непрерывная нить совмѣстныхъ паралельныхъ переживаній, тянущаяся на цѣлые четверть вѣка.

25 лѣтъ назадъ на школьной скамьѣ я познакомился съ Сергѣемъ Николаевичемъ Кранихфельдомъ. Хотя и въ одномъ классѣ, онъ былъ старше меня на 3 года—разница въ этомъ возрастѣ очень замѣтная.—и мы не могли сразу сойтись очень близко: для сложившагося юноши я былъ еще во многихъ отношеніяхъ мальчуганамъ. Вскорѣ, однако, сблизила насъ сходство той отчужденности, которую каждый изъ насъ чувствовалъ по отношенію къ типичной „обывательской“ средѣ дерптовской гимназіи; сходство идейныхъ запросовъ и въ одиночку выработаннаго элементарнаго чувства протеста, направленнаго противъ всей мрачной эпохи, точнымъ выраженіемъ которой являлась окружавшая насъ гимназическая атмосфера. Въ одиночку я напалъ на драгоцѣнный источникъ для утоленія пробудившейся жажды: въ публичной библіотекѣ отыскалъ газеты 70-хъ годовъ и въ нихъ – отчеты о политическихъ процессахъ, которые почти наизусть вызубривалъ, ища одновременно и программы для жизни, и личныхъ образцовъ—для подражанія. Также въ одиночку С. Н. отыскивалъ гдѣ то рѣдкіе въ то время экземпляры зарубежныхъ изданій—помню, онъ мнѣ разсказывалъ въ тѣ дни о „Самоуправленіи“ „Свобод, Словѣ“, называлъ имена Дебагорія Мокріевича и другихъ—и болѣе опредѣленно проникался политически—оппозиціоннымъ настроеніемъ. Вмѣстѣ мы знакомились съ „нелегальными“ рукописями Л. Толстого и оставались неудовлетворенными. Писаревъ, Михайловскій, Шелгуновъ.

Наконецъ, случай знакомитъ насъ обоихъ съ „Манифестомъ“ Маркса и Энгельса. Теоретическая сторона его не задѣваетъ нашихъ юныхъ умовъ: мы остаемся тѣми же „субъективистами“, какпми были, читая Шелгунова или Михайловскаго, но насъ ослѣпляетъ грандіозная картина міровой борьбы за соціализмъ, насъ чаруетъ глубина революціоннаго отрицанія, наполняетъ энтузіазмомъ мощный призывъ къ активности. Мы себя чувствуемъ уже не только врагами абсолютизма, но и соціалистами.

Это предопредѣляетъ дальнѣйшія наши исканія по вступленіи въ Университетъ.

Уже въ гимназіи среди небольшого кружка „радикаловъ“, сложившагося въ выпускномъ классѣ, С. Н. создалъ себѣ репутацію необыкновенно чистаго, добраго и вдумчиваго человѣка и въ тоже время надежнаго и стойкаго товарища. Его поразительная скромность и крайняя застѣнчивость обезоруживали даже противниковъ—а у насъ въ тѣ тяхія времена было много противниковъ среди „патріотически“ (теперь бы сказали: черносотено) настроенныхъ сверстниковъ. Его полная беззаботность по отношенію къ жизненнымъ благамъ, въ которой—онъ былъ

старше всѣхъ насъ—чувствовался не молодой задоръ, а какая-то особенная поглощенность духа высшими интересами, импонировала и намъ и учителямъ. „Кранихфельдъ богоравный“ или „богоподобный“—эта шутливая кличка, придуманная остряками нашего класса, какъ-то „прилипла“ къ С.Н., выражая одновременно уваженіе товарищей и отношеніе къ нему какъ къ человѣку „не отъ міра сего“.

Интересъ къ изученію исторіи, проявившійся уже въ гимназіи, побудилъ С. Н. поступить на историко-филолог. факультетъ спб. университета. Здѣсь онъ сблизился съ немногими въ то время радикальными элементами студенчества и продолжалъ свои исканія, направленныя къ выработкѣ цѣлостного міровоззрѣнія. Черезъ исторію и философію исторіи онъ пришелъ къ матеріализму и марксизму, тогда какъ большинство изъ насъ шло къ той же цѣли черезъ политическую экономію.

Разсѣянный и философски-беззаботный, С. Н. никакъ не укладывался въ рамки конспираціи, навязанной намъ тѣми строгими временами. Эта беззаботность и оборвала его студенческую „карьеру“ въ самомъ началѣ.

На одной изъ петербургскихъ улицъ полиція подобрала студенческій билетъ С. Н., въ которомъ оказалась вложенной кой какая „нелегальщина“. Нелегальщина была довольно-невинной и охранка не сразу приняла мѣры, а снеслась съ университетскомъ начальствомъ.

Происшедшее вслѣдъ за тѣмъ крайне характерно для тогдашнихъ подлыхъ временъ и представляло бы забавный эпизодъ, если-бъ не его печальный для С. Н. финалъ.

Однажды вечеромъ заходитъ онъ на квартиру къ товарищу, у котораго находился и я, и разсказываетъ съ возмущеніемъ, что получилъ отъ ректора Никитина приглашеніе явиться немедленно къ нему на квартиру. По прибытіи С. Н. выслушалъ отъ Никитина замѣчаніе за то, что онъ небрежно одѣвается, что его студенческій мундиръ ветхъ и нуждается въ ремонтѣ. Никитинъ упомянулъ о „дырявыхъ карманахъ“, но С. Н.—у и въ голову не пришло что эта необыкновенная бесѣда носитъ какой то „наводящій“ характеръ. По тогдашнимъ университетскимъ правамъ, онъ не могъ понять ее иначе, какъ неожиданную со стороны приличнаго Никитина фельдфебельскую выходку. На нее онъ реагировалъ тѣмъ что, не говоря ни слова и не прощаясь, вышелъ изъ его кабинета. Къ намъ онъ пришелъ совершенно разстроенный тѣмъ, что по обычной своей деликатности не „выругалъ“ Никитина.

Быть можетъ, еслибъ онъ это сдѣлалъ, онъ бы развязалъ языкъ послѣднему, который какъ оказывается самъ растерялся отъ неожиданнаго оборота своего слишкомъ дипломатическаго подхода къ дѣлу.

Ибо вечеромъ вернувшись къ себѣ, С. Н. снова нашелъ у себя приглашеніе Н. пожаловать къ нему немедленно-же. Эта настойчивость навела С. Н. на сомнѣнія, что дѣло не такъ просто. Но по обычной беззаботности онъ отложилъ рѣшеніе загадки до утра. А ночью пришла „средиземная эскадра“ и забрала С. Н., котораго Никитинъ такъ и не успѣлъ предупредить о готовящемся набѣгѣ.

Это было въ 1892 году. У С. Н. при обыскѣ нашли нѣсколько нелегальныхъ изданій въ одномъ экземплярѣ. Даже и въ тѣ времена при полномъ отсутствіи данныхъ о причастности къ „сообществу“ человѣкъ могъ разсчитывать отдѣлаться пустяками. Но С. Н. преслѣдовала несчастливая звѣзда. Его такой мирный, такой незлобивый видъ вызвалъ у жандармовъ „безсмысленныя мечтанія“; съ присущимъ имъ топорныхъ пониманіемъ психологіи они рѣшили, что напали на слабовольнаго человѣка, котораго можно припугнуть и заставить говорить. И такъ какъ у него нашли экземпляры только что вышедшаго „Летучаго листка народовольцевъ“, котораго типографія усиленно разыскивалась, то С. Н. предложили, не давая показанія о происхожденіи найденныхъ у него другихъ изданій, открыть, отъ кого онъ получалъ этотъ листокъ. Убѣдившись же, что имѣютъ дѣло съ человѣкомъ столь же стойкимъ, сколько и скромнымъ, жандармы озлились и характеризовали С. Н., какъ нарочито-упорствующаго преступника. Въ результатѣ „Особое совѣщаніе“, не ограничившись обычнымъ заключеніемъ въ „Кресты“, отдало С. Н. подъ гласный надзоръ на 3 года, съ высылкой изъ унив. городовъ, несмотря на старанія того же Никитина, хлопотавшаго объ оставленіи С. Н. въ университетѣ.

Мечты о научной дѣятельности, какъ историка, были разбиты. Полное отсутствіе средствъ вынудило С. Н. ѣхать въ Ригу, гдѣ ему обѣщали конторскую работу. Здѣсь онъ заканчиваетъ выработку своего марксистскаго міровоззрѣнія въ кружкахъ латышской и русской молодежи. При разгромѣ первой легальной латышской марксистской газеты въ 1896 г. и послѣдовавшихъ арестовъ среди интеллигенціи пострадалъ и С. Н. Послѣ, если не ошибаюсь, годового заключенія его, съ продленіемъ срока надзора, высылаютъ въ Ташкентъ. Тамъ онъ изучаетъ методы русской колонизаціи окраинъ и „ташкентскаго“ первоначальнаго накопленія, о чемъ помѣщаетъ статьи въ „Жизни“ и провинціальныхъ изданіяхъ. Затѣмъ ему удается переѣбраться въ Самару, гдѣ въ концѣ 90-хъ годовъ создался вліятельный провинціальный марксистскій центръ.

Первый кризисъ русскаго марксизма закалилъ міровоззрѣніе С. Н. Для него, по складу его ума и его характера, былъ органически-не переносенъ всякій эклектизмъ. Бернштейніанскія и „идеалистическія“ тенденціи русскихъ “критиковъ“ вызывали въ немъ глубокое отвращеніе. Онъ примкнулъ къ лагерю „искровцевъ“ и сталъ ярымъ сторонникомъ этого боевого теченія въ русской соціалдемократіи.

Какъ уже указывалось въ печати, получивъ въ 1903 г. неожиданное наслѣдство, С. Н. отдалъ его „искровцамъ“, и продолжалъ жить частной службой. Новый, назрѣвшій въ с.-д-іи кризисъ былъ для С. Н., какъ и для многихъ марксистовъ, горестнымъ сюрпризомъ. Связанный дружескими отношеніями съ многими „большевиками“, онъ нѣкорое время пытался остаться внѣ борющихся лагерей. Сообщая мнѣ объ эксцессахъ „большевизма“, онъ въ то же время взывалъ къ миру и обвинялъ нашу фракцію въ полемическомъ усердіи. Для меня однако, не было сомнѣній, что С. Н. все же будетъ съ нами. Ибо, имѣя съ нимъ дѣло, всегда можно было также положиться на его марксистскую совѣсть и марксистское пониманіе, какъ и на его вѣчную стойкость и политическое мужество.

Въ 1905 году С. Н. участвовалъ въ октябрскихъ и декабрскихъ событіяхъ, состоя членомъ комитета желѣзнод. союза въ Харьковѣ. Это опять ему стоило тюрьмы и потери мѣста и заработка. Послѣ попытки отдѣлиться въ Боку, откуда его выслали, С. Н. активно работалъ въ редакціи Полтавскаго „Колокола“ и смѣнившихъ его с. д. газетъ.

Въ годы реакціи, упорно борясь за существованіе, С. Н продолжалъ работать въ профессіональномъ движеніи. Въ послѣдніе годы онъ состоялъ членомъ Правленія Союза конторщиковъ и редакціи союзнаго органа, былъ делегатомъ на приказчичьемъ съѣздѣ 1912 году, писалъ въ „Возрожденіи“, „Дѣлѣ Жизни“, „Лучѣ“, „Нов. Раб. Газетѣ“. Тюрьма и высылка изъ столицы вновь обрушились на него въ 1913 году. Въ качествѣ „свѣдующаго лица“ онъ работалъ въ коммиссіяхъ при III и IV думскихъ фракціяхъ.

На похоронахъ С. Н. 26 Февраля рельефно выразилось отношеніе къ нему со стороны всѣхъ знавшихъ его хотя бъ немного, какъ къ одному изъ самыхъ цѣнныхъ по внутреннимъ своимъ качествамъ работнику нашего движенія и къ одному изъ симпатичнѣйшихъ представителей поколѣнія марксистской интеллигенціи 90-годовъ. Русской соціалдемократіи можно пожелать, чтобы и впредь она насчитывала въ своихъ рядахъ побольше дѣятелей съ цѣльной душой и цѣльнымъ міровоззрѣніемъ, подобныхъ С. Н. Кранихфельду. Покойный скончался 24 Февраля 43 лѣтъ отъ роду.

Л. М.

Союзъ русскихъ аграріевъ.

Я не принадлежу къ числу тѣхъ, кто считаетъ праздным занятіемъ изученіе тенденцій, обнаруживаемыхъ современной дѣйствительностью и свидѣтельствующихъ о видахъ на будущее. На мой взглядъ это занятіе не только не праздное, но напротивъ очень важное а теоретически и практически.

Особенно большое значеніе имѣетъ въ современной русской дѣйствительности все, что касается сельскаго хозяйства въ Россіи; его состояніе должно быть изучено весьма тщательно, чтобы прогнозъ будущаго былъ вѣренъ, и слѣдовательно и очередныя задачи текущаго момента были опредѣлены правильно.

Въ статьѣ объ аграрныхъ отношеніяхъ въ черноземной Россіи („Наша Заря“ за 1913 г.) я уже сдѣлалъ попытку отчасти освѣтить этотъ вопросъ. Какъ и можно было ожидать, Вл. Ильинъ усмотрѣлъ что въ этой попыткѣ „правый ликвидаторъ“ оказался „правѣе“ либера-

ла. Очевидно, съ точки зрѣнія Ильина неважно, вѣрно или невѣрно пониманіе дѣйствительности,—онъ полагаетъ, что существуетъ не правильный или неправильный ея анализъ, а „лѣвый“ и „правый“: разсужденіе, принадлежащее къ числу тѣхъ, о которыхъ по всей справедливости можно сказать, что они „лѣвѣе здраваго смысла“. Пусть мнѣ докажутъ, что мой анализъ ошибоченъ,—я самъ тогда отъ него откажусь, но когда меня увѣряютъ, что мое пониманіе дѣйствительности „правѣе кадетскаго“,—это на меня не производитъ ровно никакого впечатлѣнія.

А между тѣмъ каждый божій день доказываетъ, что мое пониманіе современной русской аграрной дѣйствительности правильно.

Два года тому назадъ въ статьѣ „На два фронта“ („Наша Заря“ за 1912 г.) я указывалъ на проектъ г. Бехтѣева превратить объединенное дворянство въ союзъ русскихъ сельскихъ хозяевъ. Мнѣ отвѣчали, что проектъ такъ и остался проектомъ,

Правда, объединенное дворянство осталось въ видѣ особой организаціи. И понятно почему: тамъ сильны еще обломки старыхъ хозяевъ-крѣпостниковъ въ стилѣ Пуришкевича и Маркова 2-го, и они, естественно, цѣпляются за отживающую сословность. Но рядомъ съ сословной организаціей въ концѣ 1912 и началѣ 1913 г. возникла внѣсословная организація сельскохозяйственныхъ предпринимателей въ Россіи—Всероссійская сельскохозяйственная палата. Ея уставъ былъ утвержденъ 15 ноября 1912 г., открыта была палата 14 декабря 1912 г.; второе ея общее собраніе происходило 22—24 марта 1913 г. а въ ноябрѣ 1913 г. вышелъ первый номеръ ежемѣсячнаго органа нашего союза аграріевъ подъ названіемъ „Вѣстникъ Всероссійской Сельскохозяйственной Палаты“.

И уставъ палаты, и ея составъ, и доклады и резолюціи второго ея общаго собранія, и содержаніе № 1-го „Вѣстника“ чрезвычайно характерны и заслуживаютъ самаго пристальнаго вниманія.

Первые два параграфа устава не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что передъ ними—дѣйствительно союзъ русскихъ аграріевъ: палата „имѣетъ цѣлью представительство и защиту общихъ интересовъ сельскаго хозяйства Россійской имперіи, выясненіе его нуждъ, разработку мѣръ, клонящихся къ его преуспѣянію, а также содѣйствіе земствамъ, общественнымъ организаціямъ и сельскимъ хозяевамъ въ осуществленіи ихъ сельскохозяйственной дѣятельности“ (§ 1); „въ означенныхъ видахъ палата а) представляетъ правительственнымъ органамъ о нуждахъ сельскаго хозяйства и даетъ заключенія по проектамъ и вопросамъ, передаваемыхъ на ея разсмотрѣніе подлежащими вѣдомствами; б) устраиваетъ с.-х. съѣзды и совѣщанія...; в) собираетъ, разрабатываетъ и распространяетъ всякаго рода статистическія и иныя свѣдѣнія, касающіяся сельскаго хозяйства, производитъ изслѣдованія, издаетъ періодическіе органы и т. п.; г) устраиваетъ конкурсы и выставки и содѣйствуетъ устройству таковыхъ другими органами; д) содѣйствуетъ распространенію всякаго рода кооперативныхъ, промышленныхъ, торговыхъ, кредитныхъ, страховыхъ и иныхъ товариществъ, обществъ и артелей въ области сельскаго хозяйства и связанныхъ съ нимъ промысловъ; [1]) е) не входя въ самостоятельныя коммерческія операціи, способствуетъ организаціи сбыта произведеній сельскаго хозяйства и связанныхъ съ нимъ промысловъ, пріобрѣтенію сельскими хозяевами орудій, машинъ, сѣмянъ, удобреній, с.-х. животныхъ и проч., а равно учреждаетъ справочныя бюро, конторы и агентства какъ въ Россіи, такъ и заграницей; ж) содѣйствуетъ земствамъ и всѣмъ вообще общественнымъ с.-х. организаціямъ въ осуществленіи ихъ задачъ въ области с.-х. дѣла; з) открываетъ мѣстные отдѣлы и и) учреждаетъ комиссіи и комитеты по отдѣльнымъ предметамъ вѣдѣнія палаты“.

Ни слова о сословности—и чрезвычайная, небывалая до сихъ поръ въ Россіи широта правъ и разнообразіе „предметовъ вѣдѣнія“. И § 9, трактующій о составѣ членовъ, также не ставитъ сословныхъ перегородокъ: „дѣйствительными членами палаты могутъ быть: 1) представители преслѣдующихъ однородныя съ палатой цѣли с.-х. обществъ и товариществъ и ихъ союзовъ и другихъ частныхъ организацій и учрежденій, распространяющихъ свою дѣятельность на районъ не менѣе уѣзда [2]) и объединяющихъ своихъ членовъ на почвѣ с.-х. интересовъ; 2) землевладѣльцы и арендаторы, ведущіе собственное хозяйство не менѣе трехъ лѣтъ; 3) не подходящія къ названнымъ категоріямъ лица, по избранію Совѣта большинствомъ ²/₃ голосовъ“.

С.-х. предприниматели и ихъ общества—вотъ кого организуетъ палата, вотъ кто является вершителями дѣлъ въ ней.

Таковъ уставъ. Не менѣе важенъ фактическій составъ членовъ. Сюда входятъ 32 с.-х. общества—въ томъ числѣ об-во сахорозаводчиковъ, с.-х. общество „Русское Зерно“, Русское общество птицеводства, но болѣе всего мѣстныхъ с.-х. обществъ, причемъ подавляющее большинство ихъ — южнорусскія, прибалтійскія, заподнорусскія и польскія, т. е. обслуживающіяся интересы аграріевъ тѣхъ уѣздовъ и губерній, которые имѣютъ первостепенное значеніе для капиталистическаго сельскаго хосяйства. Въ числѣ 169-ти отдѣльныхъ лицъ, числящихся дѣйствительными членами палаты, видимъ крупныхъ сельскохозяйственныхъ предпринимателей главнымъ образомъ изъ числа умѣренно—правыхъ, націоналистовъ и октябристовъ, также изъ польскаго коло Г. Думы и Совѣта. Здѣсь и націоналистъ Балашовъ, и октябристы Богдановъ, Шидловскій, графъ Гейденъ, Гижицкій, Демидовъ, Звегинцевъ, графъ Капнистъ, Киндяковъ, Хомяковъ и др. и правые Нейдгартъ, Гурко, гр. Олсуфьевъ, и, наконецъ, даже лидеръ думскихъ прогрессистовъ Ефремовъ. Крайніе правые, вродѣ Штюрмера,—рѣдкое исключеніе нигдѣ, какъ и Штюрмеръ, изъ числа готовыхъ на всякія сдѣлки съ болѣе умѣренными, если это будетъ выгодно. Пока нѣтъ ни одного кадета, но мы не поручимся, что такъ будетъ долго. Рябушинская, Расторгуевъ, Крымъ и другіе — характерны какъ крупные землевладѣльцы—не дворяне.

Не менѣе интересны и постановленія общаго собранія 22—24 марта 1913 г. Главныя изъ нихъ сводятся къ слѣдующему: по вопросу о вывозѣ с. х. продуктобъ палата старается избавить русскихъ сельскихъ хозяевъ отъ исключительной зависимости отъ германскаго рынка и имѣетъ въ виду расширить рынокъ англійскій, увеличить сбытъ русскаго мяса и съ этою цѣлью подлежать и интенсифицировать скотоводство; стремится къ развитію с.-х. образованія въ интересахъ предпринимательскихъ хозяйствъ, предполагая, что крестьянамъ въ этомъ отношеніи могутъ помочь не с.-х. школы. а лишь дополнительные курсы, чтенія и демонстраціи; хлопочетъ объ учрежденіи Центральнаго с.-х. банка при финансовомъ участіи въ немъ государственной казны; проектируетъ примѣненіе тракторовъ въ крупномъ сельскомъ хозяйствѣ, увеличеніе примѣненія минеральныхъ удобреній на свекловичныхъ плантаціяхъ, улучшеніе по американскому способу гужевыхъ дорогъ для ускоренія и удешевленія перевозки хлѣба и т. д.

Палата надѣется получить отъ правительства въ первый годъ своего существованія пособіе въ 12.000 рублей. Ежегодныя пособія изъ государственной казны прямо предусматриваются уставомъ (§ 41).

Наконецъ, любопытна еще одна черта: подобно германскимъ аграріямъ, и наши не прочь взять подъ свою высокую руку зажиточныхъ крестьянъ: готовы поддержать ихъ отчасти, восхваляютъ новую аграрную политику, въ хроникѣ Вѣстника“ сочувственно отмѣчаютъ ростъ с.-х. товариществъ и артелей въ деревнѣ: оказывается, что на 1 января 1913 г. ихъ было всего 902, въ томъ числѣ по сельскому хозяйству вообще 321 и спеціальныхъ 581, изъ которыхъ 461 — молочныя, 77 — для совмѣстнаго пользованія машинами и орудіями, 9 для виноградарства и винодѣлія, 7 для пчеловодства, 6—садоводства и огородничества, 6—скотоводства, 4—сбыта яицъ, 3 рыболовства, 2—потребителей торфа и по одному для льноводства, сѣменоводства, шелководства, кролиководства, производства и сбыта крамала и производства с.-х. меліорацій, причемъ почти всѣ эти организаціи возникли въ теченіе послѣднихъ 4 лѣтъ. Эти данныя важны и сами по себѣ, потому что указываютъ на быстрый ростъ с.-х. организацій зажиточнаго крестьянства: путь испытанный нашими западными сосѣдями послѣ революціи 1848 года. Характерно ихъ сочувственное цитированіе тѣмъ, что наши крупные аграріи, явно стремясь къ постановкѣ своихъ хозяйствъ на культурно-капиталистическую ногу, вполнѣ понимаютъ, что ихъ интересы обезпечиваются между прочимъ и существованіемъ „крѣпкаго“ крестьянства.

[1]) Опять весьма характерное ограниченіе: *крестьянскія* с.-х. общества,

[2]) Характерно, что о потребительныхъ товариществахъ—ни слова

охватывающія обычно меньшую территорію,—исключаются.

Подъ покровомъ реакціи совершается перерожденіе крѣпостниковъ въ культурно-капиталистическихъ сельскихъ хозяевъ. Это несомнѣнно. Не слѣдуетъ этому радоваться, незачѣмъ и печалиться, надо это понимать и соотвѣтственно дѣйствовать.

Н. Рожковъ.

Библіографія.

Д-ръ Штокманъ. Политико—Экономическіе Этюды. *Цѣнность и эксплуатація съ энергетической точки зрѣнія. Изд. кн. маг. Яснаго (быв. Попова) СПБ.*

Едвали въ какой либо другой области науки, кромѣ политической экономіи, можно наблюдать такое явленіе: въ теченіе шестилесяти лѣтъ происходитъ борьба представителей науки противъ одного ея теченія, марксизма. Тѣмъ не менѣе, не смотря на всѣ усилія, на всѣ подвиги почтенныхъ ученыхъ, никакого успѣха въ этой борьбѣ со стороны академической науки не видно: она попрежнему топчется на одномъ мѣстѣ, повторяя зады. Этимъ неблагодарнымъ дѣломъ занялся и г. Штокманъ.

Нужно замѣтить, что многія возраженія критиковъ, такъ же какъ и г. Штокмана, вполнѣ справедливы. Справедливо, что Марксъ не Богъ, что „вѣчныя“ истины онъ не могъ открыть, что онъ ошибался, какъ и всѣ смертные; тѣмъ не менѣе опроверженія теоріи марксизма г. Штокманъ, какъ и другіе критики, не далъ и *не могъ* дать. Происходило и происходитъ это прежде всего и главнымъ образомъ потому, что теорія Маркса базируетъ на опытѣ работающихъ и работавшихъ въ производствѣ людей, т. е. на опытѣ почти всего предшествовавшаго и современнаго ему человѣчества. Обобщеніемъ этого опыта является, напримѣръ, трудовая теорія цѣнности. Современная академическая наука является обобщеніемъ опыта предпринимателей и именно ихъ *частно-хозяйственнаго опыта.* Этотъ опытъ говоритъ, что цѣнность создается спросомъ и предложеніемъ, цѣной, потребностью и т. д., но только не трудомъ. Получаются результаты созершенно различныхъ „опытовъ“: въ одной и той же наукѣ политической экономіи ученые говорятъ на разныхъ языкахъ, большею частію непонятныхъ другъ другу. Во всякомъ случаѣ можно сказать, что языкъ марксизма непонятенъ для буржуазнаго ученаго и многое имъ понимается навыворотъ. Напримѣръ, д-ръ Штокманъ, критикуя теорію прибавочной цѣнности никакъ не можетъ допустить мысль, что рабочій, затративши опредѣленное количество энергіи, можетъ за это, въ обмѣнъ, въ видѣ заработной платы, получить ея меньше. Вѣдь, если—разсуждаетъ авторъ, рабочій получитъ меньше, то онъ умретъ, если получитъ все, то откуда получится прибавочная цѣнность? Это недоразумѣніе г-на Штокмана ярко иллюстрируетъ различіе опыта, изъ котораго исходитъ съ одной стороны марксизмъ, а съ другой стороны буржуазная наука. Для предпринимателя, поскольку онъ изъ *общественнаго человѣка* превратился въ накопляющій деньги аппаратъ, человѣческая энергія равноцѣнна всякой другой энергіи, получаемой отъ силъ природы человѣкомъ. Но для общественнаго человѣка силы природы,—ея даръ—и представляетъ цѣнность только энергія человѣчества, затрачиваемая въ борьбѣ съ природой. Ясно, что эти точка зрѣнія діаметрально противуположны, ясно также, что не смотря на всѣ усилія буржуазной политической экономіи нельзя навязать ея исходную точку зрѣнія работающему субъекту. Поэтому отдѣльныя, даже справедливыя замѣчанія по поводу той или другой ошибки Маркса теряютъ всякое значеніе и тонутъ въ основной ошибкѣ самого критика. Во всякомъ случаѣ марксизмъ не виноватъ въ томъ, что критики приступаютъ къ дѣлу, не продумавши до конца основныхъ началъ критикуемаго ими ученія.

Нельзя не указать на слишкомъ злобный характеръ многихъ замѣчаній автора о марксизмѣ и маркисистахъ: книга г. Штокмана значнтельно выиграла бы, если бы онъ обнаружилъ больше вдумчивости и меньше злости.

П. Масловъ.

ОТЪ РЕДАНЦІИ. Номеръ былъ уже сверстанъ, когда мы получили отъ т. И. Кубикова дополненіе къ его статьѣ:

Послѣ мѣста, гдѣ говорится о культурномъ развитіи Горькаго, надо вставить:

Въ послѣднемъ своемъ отвѣтѣ противникамъ, А. Н. Потресовъ говоритъ, что художественная литература меньше чѣмъ какая либо другая область творчества въ спеціальной подготовкѣ. Но это надо понимать весьма условно. Литературное образованіе (конечно не школьное, не гимназическое, а въ смыслѣ упорнаго саморазвитія) необходимо для пролетарія художника въ высшей степени. Также необходимо и знаніе передовыхъ идей вѣка. Горькій отличается отъ Кольцова и Шевченка не только степенью своего таланта, но и степенью своей культуры. Когда Кольцовъ брался за болѣе сложныя темы „Думы“), то получалась посредственность. Тоже и съ Шевченкой: сфера его творчества при всей его дароватости съужена сравнительно напр. съ сферой творчества однороднаго съ нимъ по типу поэта Некрасова. „Субъектъ и объектъ я еще понимаю, а вотъ абсолюта—ни крошечки“, пишетъ Кольцовъ въ своемъ миломъ, наивномъ письмѣ къ Бѣлинскому. Поэтъ пролетарій съ такой низкой степенью развитія сейчасъ положительно немыслимъ, ибо мучительные вопросы сложной современности требуютъ гораздо болѣе значительной степени развитія.

Редакторъ **А. Ѳ. Родинъ.** Издатель **Я. Л. Каневскій.**

Во избѣжаніе перерыва въ доставкѣ журнала, контора журнала проситъ подписчиковъ, уплатившихъ только 1 р., поспѣшить уплатою слѣд. взноса до выхода апрѣльской книжки.

Открыта подписка на 1914 г. на внѣпартійную, прогрессивную, общественную политическую и литературную газету

„ПОЛТАВСКІЙ ДЕНЬ“

Газета выходитъ ежедневно кромѣ понедѣльниковъ и дней послѣпраздничныхъ.

Условія подписки: на 12 мѣс. 6 р.; 6 мѣс. 3 р. 20 к.; 3 мѣс.—1 р. 70 к.; 1 мѣс. 60 к. Адресъ редакціи и конторы: уголъ Котляревской и Пушкинской ул., д. № 30.

Открыта подписка 1914 годъ.

НА ЖУРНАЛЪ

СТРАХОВАНІЕ РАБОЧИХЪ

(2-й годъ изданія).

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Антъ, Астровъ, Г. Батурскій, М. Балабановъ, М. Брагинъ, д-ръ Н. Вигдорчикъ, М. Вильнеръ, Н. Гарви, Гласная Буква, д-ръ Грановскій, П. Динаринъ, К. Дмитріевъ, А. Дюбуа, В. Ежовъ, Ст. Ивановичъ, И. Ивановъ, А. Исаевъ, д-ръ Канель, А. Коллонтай, И. Кочергинъ, С. Кранихфельдъ, А. Кругловъ, Г. Кузнецовъ, Ю. Ларинъ, З. Миндлинъ, А. Михайловъ, д-ръ Магула, Н. Морозовъ, д-ръ Е. Мунблитъ, Г. Наумовъ, А. Неустроевъ, А. Никитинъ, Б. Оленичъ, Ник. Петровичъ, С. Н. Прокоповичъ, А Рабиновичъ, А. Ройзманъ, В. Томскій, д-ръ М. Хейсинъ, С. Шварцъ, В. Шеръ. и др.

Подписная цѣна: на 1 годъ—**2** руб., на 6 мѣсяцевъ—**1** руб. Для рабочихъ на 1 годъ—**1** р. **50** к., на 6 мѣсяцевъ—**75** коп.

Контора ежедневно открыта отъ 7—9 час. вечера, по воскрес. и праздникамъ отъ 12—2 час. дня. Въ тѣ же часы въ редакціи выдаются справки по вопросамъ страхованія рабочихъ. Для полученія письменныхъ отвѣтовъ читатели соблаг. приложить марку.

Адресъ редакціи и конторы: **Спб., Загородный пр., д. 12, кв. 40.**

Принимается подписка 1914 года.

на еженедѣльный журналъ

„Заря Поволжья“

издающійся въ Самарѣ.

Журналъ ставитъ своею задачею всестороннюю защиту интересовъ рабочихъ и торгово-промышленныхъ служащихъ.

Въ журналѣ ведутся отдѣлы: 1) Статьи по вопросамъ общественно-политической и экономической жизни; 2) Страхованіе рабочихъ; 3) Въ обществахъ и союзахъ; 4) Рабочая жизнь; 5) Хроника мѣстной и иногородней жизни; 6) Политическое обозрѣніе; 7) За-границей; 8) Фельетоны, разсказы и стихотворенія; 9) Почтовый ящикъ; 10) Объявленія и пр.

Адресъ Конторы и Редакціи: **Самара, Николаевская, 146 кв. 4.**

Подписная цѣна: на 1 годъ—**2** руб., на ½ года—**1** р. **10** к., на 3 м.—**55** к., на 1 мѣс.—**20** к. съ пересылкой.

Цѣна отдѣльнаго номера 5 коп. Пробный номеръ высылается БЕЗПЛАТНО.

XVII-й годъ изданія. Открыта подписка на 1914 г.

Извѣстія по литературѣ, наукамъ и библіографіи

Вѣстникъ Литературы—необходимый журналъ для интеллигентныхъ читателей, **издаваемый Т-вомъ М. О. Вольфъ.**

1 р. Годовая подп. цѣна „Извѣстій по Литературѣ“ и „Вѣстника Литературы“, съ дост. и перес. Съ перес. за грап.—1 р. 50 к. (=4 фр.).

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА

В. ЛЬВОВЪ-РОГАЧЕВСКІЙ.

ДВѢ ПРАВДЫ.

Книга о Леонидѣ Андреевѣ. (Съ иллюстр. к-во Прометей Н. Н. Михайлова). Цѣна 1 р. 50 к., 232 стр. 1914 г.

Живое слово. Открыта подписка на 1914 г. на иллюстрированный еженедѣльный журналъ. Въ теченіи 1914 г. подписчики получатъ: 52 №№ журнала, составляющихъ за годъ два тома большого формата, каждый свыше 500 стр., съ многочисленными иллюстраціями. 42 книги „Библіотеки живое слово“, содержащихъ слѣдующія три полныхъ собранія сочиненій (стоящія въ отдѣльной продажѣ свыше 20 р.) съ портретами авторовъ и вступительными статьями: В. Г. Бѣлинскаго, И. С. Никитина, Джека Лондона. 6 кн. „Наука и Жизнь“. 24 №№ „Дѣтскіе годы“ двухнедѣльное приложеніе для дѣтей. 12 №№ „Другъ хозяйки“ еженедѣльное иллюстрированное приложеніе, содержащее: Новости моды съ чертежами выкроекъ 12 №№ „Спутникъ Хозяина“ еженедѣльное практическое руководство съ чертежами и рисунками домашн. ремеслъ и занятій. 2 преміи; 1 календарь отрывной (ежемѣсячникъ) на 1914 годъ. 1 альбомъ „Русская живопись“.

Подписная цѣна за годъ. въ Москвѣ съ доставкой—6 р. 50 к., во всѣ города Россіи съ пересылкой—7 р., за границу—10 р.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Москва, Тверская, Леонтьевскій пер., д. 26, кв. 7, а также во всѣхъ почтово-телегр. учр. и въ лучшихъ книжн. магазин. Россіи.

Учитель и школа Открыта подписка на 1914 г. на двухнедѣльный журналъ, издаваемый при участіи Постоянной Комиссіи по устройству курсовъ для учителей и СПБ. Общества народныхъ университетовъ. Въ завѣдываніи отдѣлами принимаютъ участіе; Веселовскій Б. Б., Гердъ В. А., Душечкинъ Я. И., Знаменскій С. Ф., Куприянова Л. П., Левитинъ С. А., Проскурякова Е. Ѳ. Сабинина М. В., Соломинъ Г. К. Уваровъ М. С. Чарнолусская Е. М. Чарнолускій В. И. и др- Независимый, хорошо образованный учитель и отвѣчающая требованіямъ современной педагогики и интересамъ народныхъ массъ школа—вотъ тѣ начала, за которыя будетъ бороться журналъ. Въ видѣ приложеній дано будетъ 10 книгъ, по 5—6 листовъ кажлая: 5 книгъ педагогическихъ, написанныхъ спеціально для журнала: 1) проф. И. И. Исторія педагогическихъ идей, 2) Рудольфъ Шульце—Итоги экспериментальной психологіи примѣнительно къ педагогической практикѣ, 3) Кершенштейнеръ или проф. Гурлиттъ—О единой школѣ, 4) Г. Винекенъ и др.—Свободныя школьныя общины и 5) М. С. Уваровъ—Школьная гигіена. Остальныя 5 книгъ подписчики получатъ по выбору изъ списка приложеній къ журналу „Вольный университетъ“.

Подписная цѣна за годъ: безъ приложеній 3 р., съ приложеніями 6 р.; за оба журнала („Учитель и школа“ и „Вольный университетъ“): безъ приложеній 5 р., съ приложеніями 8 р. Желающіе получить приложенія обоихъ журналовъ доплачиваютъ 1 р. 50 к. Допускается взносъ въ 2 срока: при подпискѣ половина подписной цѣны и къ 1 мая остальная сумма.

Контора открыта отъ 12 до 5 ч., редакція отъ 2 до 6 ч. Адресъ редакціи: СПБ., Кабинетская, 18; телеф. 565—79

Съ 10 декабря 1913 года въ Оренбургѣ издается ежедневная политическая и литературная газета

„ОРЕНБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ“

Прямой и главной задачей газеты является выясненіе нуждъ мѣстнаго края въ различныхъ проявленіяхъ его общественной и экономической жизни, разработка вопросовъ городского и вновь народившагося земскаго самоуправленія въ интересахъ широкихъ круговъ населенія. Объективность и спокойный тонъ въ достиженіи указанныхъ цѣлей—газета ставитъ себѣ особенной задачей.

г. Оренбургъ уголъ Николаевской и Орской ул., Южный рядъ Гостинаго двора. Подписная цѣна: на годъ—6 р., 6 мѣс.—3 руб. 50 коп., 3 мѣс.—2 р., 2 мѣс.—1 р. 35 к. 1 мѣс.—70 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„МУЗЕЙ ТРУДА“.

СПБ., Надеждинская, д. № 1 кв. 66.

Поступила въ продажу открытка

«На кого распространяется страхованіе материнства въ разныхъ странахъ». Цѣна 2 коп. **Отзывы печати:** „Открытка издана хорошо и несомнѣнно получитъ широкое распространеніе въ рабочихъ кругахъ. Нужно пожелать, чтобы новое издательство „Музей Труда“ приступило къ выпуску и другихъ подобныхъ открытокъ по всѣмъ вопросамъ страхованія“... („Путь Правды“ № 32) „Мы рекомендуемъ открытку всѣмъ рабочимъ и работницамъ“ („Сѣв. Рабоч Газета“ № 18).

Готовятся къ печати двѣ серіи открытокъ въ краскахъ: Страхованіе рабочихъ въ разныхъ странахъ (отъ болѣзни, несчастн. случ. старости, инвалидности, безработицы и т. д.). Вліяніе усталости на количество несчастныхъ случаевъ. Издательство проситъ рабочія общества присылать для разработки матеріалы по вопросамъ охраны и гигіены труда (уставы, отчеты, доклады, анкеты, обслѣдованія и т. д.).

Открыта подписка на 1914 годъ на крестьянскую и рабочую газету

„СТОЙКАЯ МЫСЛЬ“

Выходитъ по средамъ, пятницамъ и воскресеньямъ.

Въ вышедшихъ номерахъ были напечатаны статьи и стихотворенія: Альбина, Альфы, М. А., Батрака, Б. Брайнеса, Б-ова, Клина Буревого, Бориса Воронова, Бориса Василеостровскаго, П. О. Дарскаго, И-ви, С. Каллистова, И. Кочураго, Крестьянина, Гр. Курочкина, Вас. Леоновича. Рабочаго, Н. Ракитникова, Рт., Глѣба Свирова, Вас. Суровцева, И. Сѣрыхъ. Г. Ульянова и др.

Подписная цѣна: на годъ—4 руб., на 6 мѣс.—2 р., на 3 мѣс.—1 р. 10 к. на 1 мѣс.—40 коп. При коллективной подпискѣ на 25 и болѣе экземпляровъ, подписная плата на 50% (вдвое) меньше.

Адресъ редакціи и конторы: **Спб., Петерб. стор., Теряева ул., д. 3, кв. 65** (входъ со двора). Контора открыта ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней отъ 12 час. дня до 8 час. вечера.

Открыта подписка на 1914 г. на ежемѣсячный журналъ исторіи и исторіи литературы (2-ой годъ изданія).

„ГОЛОСЪ МИНУВШАГО“.

подъ редакціей С. П. Мельгунова и В. И. Семевскаго.

Въ 1914 году предполагаются для помѣщенія въ отдѣлѣ воспоминаній и матеріаловъ, между прочимъ, слѣдующія статьи

Ашенбренеръ, М. Ю.—Л. А. Волькенштейнъ. Н. Б. Броневскій. Изъ записокъ (нач. XIX в.). Бѣлоконскій, И. П.—Отрывки изъ воспоминаній. Виташевскій Н. А.—На Карѣ. Ванченко, К. И. Воспоминанія Украинскаго актера, Де-Воланъ, Г.—Очерки прошлаго. Изъ записокъ кн. Д. М. Волконскаго (1804—1830 г.). Давыдовъ, Н. В.—Изъ помѣщичьей жизни трехъ поколѣній, Кони, А. Ѳ.—Изъ воспоминаній о гр. Лорисъ—Меликовѣ. Лазурскій, В. Ѳ.—Яснополянскіе посѣтители въ 1894 г. Изъ записокъ М. И. Муравьева-Апостола. Отрывки изъ записокъ С. А. Мусина-Пушкина (о А. И. Желябовѣ). Никифоровъ, Л. П. Мои тюрьмы.—Изъ воспоминаній о Сютаевѣ. Пеликанъ, А. А.—Во второй половинѣ XIX в. Плехановъ, Г. В.—Изъ воспоминаній. Рѣпинъ, И. Е.—Отрывки изъ воспоминаній стараго земца. Мельгуновъ, С. П. Изъ записокъ масона Н. П. Сафонова. Старининъ, И.—Записки библейскаго книгоноши. Изъ записокъ врача Сычугова. Тимирязевъ, К. А.—Изъ университетскихъ воспоминаній. Толстой, Н. А.—Исповѣдь. (Записки священника). Торгашевъ, П. И.—Записки народовольца. Ушаковъ.—Корпусное воспитаніе при Николаѣ 1. Декабристы въ Сибири. (Изъ переписки Розена, Пущина, Поджіо и Завалишина). Шаховской, Д. И., кн., Изъ послѣднихъ дней жизни А. И. Тургенева. Шпицеръ, С. Неизданные отрывки и замѣтки Д. Б. Веневитинова Тарасовъ, Е. И —Русскіе гетингенцы первой четверти XIX в. Изъ донесеній раба и холона помѣщика Власьева (нач. XIX в.) Шлиссельбуржецъ Игнатій Вѣщицкій. Матеріалы по исторіи русской цензуры 1820—1850 гг. Дѣло Ситникова 1831 г. (Проектъ вѣчнаго правленія). Изъ переписки О. М. Бодянскаго съ гр. С. Г. Строгановымъ (40-е гг.). Каллашъ, В. В.—АполлонъГригорьевъ оПетрашевскомъ. Кашинъ Н. П., Административныя высылки изъ Москвы въ 1848—1853 гг. Попельницкій, А. З.—Запрещенный по Высочайш. повелѣнію обѣдъ въ Москвѣ 19 Февраля 1858 г. Изъ эпохи освобожденія крестьянъ (изъ переписки Шретера съ Дубровинымъ). Изъ переписки А. М. Унковскаго съ Г. А. Джаншіевымъ. Изъ переписки Д. А. Милютина.—Письма М. С. Щепкина. Пантелѣевъ, Л. Ѳ. Изъ жизни московскаго университета. Изъ записки П. А. Валуева съ А. Е. Тимашевымъ 1869 г. Изъ переписки земскихъ дѣятелей 70—80 г. (изъ архива В. Ю. Скалона). Оберучевъ, К.—Годъ жизни П. Ф. Якубовича и др.

Условія подписки: съ доставкой и пересылкой: на годъ—8 руб.; на 6 мѣс.—4 руб.; на 1 мѣсяцъ—1 руб. Для народныхъ учителей и учащихся допускается разсрочка: 2 р.—1-го января; 2 р.—1-го апрѣля; 2 р.—1-го іюля и 2 р.—1-го сентября. За границу: на годъ—10 руб. на 6 мѣс.—6 руб. Съ наложеннымъ платежомъ отдѣльная книжка—1 руб. 10 коп. Перемѣна адреса—20 коп. На 1913 г. подписка принимается лишь съ № 2 (февраля) по цѣнѣ 7 р. 50 к. (январьская книга вся разошлась). **Подписка принимается:** Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала: при книгоиздательствѣ „Задруга“ Н. Кисловка, д. 1, кв. 4 (отъ 10 до 4 ч. в.). Въ Петербургѣ: 1) въ книжномъ складѣ „Провинція“ (Стремянная, 6), 2) въ книжномъ складѣ Г. С. Цукермано (Александринская пл., д. 5).

Открыта подписка на 1914 годъ на ежемѣсячный журналъ

„УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ“

(Третій годъ изданія).

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ. Съ достав. и перес. въ годъ въ Россіи 6 р., на 6 мѣс.—3 р. на 3 мѣс.—1 р. 50 коп., на 2 мѣс.—1 р. 10 к., на 1 мѣс. —60 к. За границу съ достав. и перес. въ годъ 8 р. на 6 мѣс.— 4 р., на 3 мѣс.—2 р. на 2 мѣс.—1 р. 50 коп. на 1 мѣс.—75 коп.

Для народныхъ учителей, сельскаго духовенства, младшаго земскаго медицинскаго персонала, а также для учащихся, рабочихъ и крестьянъ допускается, при непосредственномъ обращеніи въ редакцію, льготная подписка: на годъ 5 руб., на 6 мѣс. 2 руб. 50 коп. и на 3 мѣс. 1 р. 25 к. съ доставкою и пересылкою. За перемѣну адреса взимается 30 коп., причемъ необходима присылка стараго адреса.

Подписка принимается въ конторѣ „Украинской Жизни“

Москва, Б. Дмитровка, 14.—Телеф. № 344-48.

«Украинская Жизнь» въ 1914 году будетъ выполнять тѣ же задачи, какія выполнялись ею до сихъ поръ. Программа журнала. Руководящія статьи по національнымъ вопросамъ.—Обзоръ событій текущей жизни на Украйнѣ. Сужденіе печати, преимущественно русской и польской, объ украинскомъ вопросѣ.—Письма изъ россійской Украины и изъ Галиціи.—Критическія статьи и литературныя обозрѣнія; библіографія.—Украинское искусство.—Мемуары и статьи по исторіи украинскаго возрожденія.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Отвѣты редакціи на вопросы читаелей, относящихся къ программѣ журнала.

Продолжается подписка на 1914 годъ на

ВѢСТНИКЪ ПСИХОЛОГІИ,

Криминальной Антропологіи и Педологіи (Вѣстникъ Психо Неврологическаго Института).

подъ общею редакціею академика В. М. Бехтерева и при ближайшемъ участіи проф. С. К. Гогеля (криминальная антропологія), проф. А. Ф. Лазурскаго (психологія) и директора Педологическаго Института проф. К. И. Поварнина (педологія). Въ 1914 году журалъ выходитъ въ количествѣ 5 книжекъ, объемомъ въ 6—8 листовъ каждая.

Подписка принимается: въ канцеляріи Психо-Неврологическаго Института. Гг. иногородніе приглашаются свои заявленія о подпискѣ и подписныя деньги адресовать: „Психо-Неврологическій Институтъ. С.-Петербургъ“. Подписная цѣна—6 руб. въ годъ съ пересылкой; на ½ г.—3 р. Для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и учителей начальныхъ школъ, при подпискѣ не посредственно черезъ канцелярію Института,—3 р. 50 к., на ½ г.—2 руб

Принимается подписка на 1914 годъ на ЖУРНАЛЪ

„НАШЕ ПЕЧАТНОЕ ДѢЛО“

посвященный интересамъ рабочихъ печатнаго дѣла.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ.

Условія подписки: на годъ—1 руб., 20 к., на 6 м.—65 к., на 3 м.—40 к.

Цѣна отдѣльнаго № 5 коп.

Высылается на комиссію. Адресъ конторы и редакціи: С.-Петербургъ Свѣчной 11, ком. 77 (2-й этажъ). Контора и редакція открыты: въ будніе дни отъ 6 до 9 веч.

Сѣверная рабочая газета“ Продолжается подписка.

Въ газетѣ имѣются слѣдующіе постоянные отдѣлы: 1) статьи, 2) Фельетоны, 3) заграницей, 4) Гос. Дума (стенографич. отчетъ членовъ с.-д. фракціи), 5) въ Таврическомъ Дворцѣ, 6) въ с.-д. фракціи, 7) телеграммы, 8) хроника, 9) судьбы печати,, 10) голоса рабочихъ, 11) московская жизнь, 12) рабочее движеніе, 13) страхованіе рабочихъ (статьи и корреспонденціи), 14) въ обществахъ и союзахъ, 15) рабочая жизнь, 16) Прибалтійскій край, 17) въ городѣ и деревнѣ, 18) юридическіе отвѣты, 19) почтовый ящикъ.

По четвергамъ и воскресеньямъ въ фельетонѣ—повѣсти, разсказы стихотворенія различныхъ авторовъ: А. Бибика, Вильки-Слесаря, Клавдіи Вольной, Сергѣя Ганьшина, Н. Ляшко, Марусина, Л. Морской, А. Окулова, А. Сергѣева, раб. Сѣдого, Н. Тасина, И. Шмелева и м. д.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ—5 р. 50 к., на полгода 2 р. 50 к., на 3 мѣсяца—1 р. 25 к., на 1 мѣсяцъ—45 к. Заграницу: на годъ—10 р. 50 к. на полгода 5 р. 50 к., на 3 мѣсяца—2 р. 75 к., на 1 мѣсяцъ—1 руб. За перемѣну адреса 20 коп. Подписка только съ 1-го числа.

Адресъ конторы и редакціи: СПБ., уг. Перекупного пер. и Конной ул. (близъ Старо-Невскаго). д. 5—22 кв. 7 (входъ по парадной лѣстницѣ съ Конной).

ВОЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ

(журналъ научно-популярный и общественный).

Въ завѣдываніи отдѣлами и редактированіи статей перваго отдѣла принимаютъ участіе: Айналовъ Д. В., проф. Андрусовъ Н. И., пр. доц. Бернацкій М. В., проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ И. А., проф. Ф. Боргманъ И. И., проф. Бороздинъ А. К., акад. Вернадскій В. И., Веселовскій Б. Б. Водовозовъ В. В., Заксъ Б. Я., проф. Златогоровъ С. И., проф. Ивановъ А. А., Карякинъ В. А., проф. Клоссовскій А. В., проф. Книповичъ Н. М., Коганъ П. С., Корниловъ А. А., проф. Костычевъ С. П., проф. Кравковъ С. П., Купріянова Л. П., Кускова Е. Д., проф. Лапшинъ И. И., Орловъ А. С., Магазинеръ Я. М., проф. Савичъ С. Е. пр.-доц. Соколовъ К. Н., Уваровъ М. С., проф. Чугаевъ Л. А. и др. **Въ видѣ приложеній будетъ дано 10 книгъ**, написанныхъ спеціально для журнала, по 5—6 листовъ каждая: 1) Атомы и микроорганизмы: а) проф. Боргманъ И. И.—Атомистическое строеніе тѣлъ и б) проф. Златогоровъ С. И.—О микроорганизмахъ и ихъ роли въ природѣ; 2) проф. Тарле Е. В.—Крестьяне и рабочіе во Франціи въ эпоху великой революціи; 3) пр.-доц. Максимовъ Н. А.—Лекціи по ботаникѣ, 4) Коганъ П. С.—Романтизмъ и реализмъ въ литературѣ XIX ст., 5) проф. Ивановъ А. А.—Курсъ астрономіи; 6) пр.-доц. Соколовъ К. Н.—Основныя понятія о правѣ и государствѣ; 7) Водовозовъ В. В.—Турецкій переворотъ 1908 г. и балканскій вопросъ; 8) пр.-доц. Бенацкій М. В.—Современныя экономическія проблеммы; 9) проф. Чугаевъ Л. А.—Происхожденіе матери и радіоактивныя вещества и 10) проф. Кравковъ С. П.—Почва, ея происхожденіе и свойства. Подписная цѣна за годъ: безъ приложеній 3 р., съ приложеніями 6 р.; за два журнала („Вольный университетъ“ и „Учитель и школа“): безъ приложеній 5 р., съ приложеніями 8 р. Желающіе получить и приложенія къ журналу „Учитель и школа“ доплачиваютъ 1 р. 50 коп. Допускается взносъ въ 2 срока: при подпискѣ половина подписной цѣны и къ 1 мая остальная сумма.

Издательство „НАКАНУНѢ“.

Вышли въ свѣтъ брошюры:

Г. Батурскій и **С. Шварцъ.** Уставъ больничной кассы ц. 25 к. **М. Хейсинъ.** Что такое больничная касса и какой она должна быть? ц. 6 к. **М. Хейсинъ.** Врачебная помощь и больничныя кассы (съ рис.). ц. 8 к. **Е. Львова** женщина-работница ц. 3 к.; **В. Ежовъ** Больничныя кассы изд. 2 испр. ц. 15 к., **А. Н. Потресовъ.** П. Б. Аксельродъ (45 л. общ. дѣят.) съ портр. ц. 25 коп.

В. Майскій. Какъ организованы рабочіе въ Германіи (съ рис.) ц. 15 к., **В. П.** Въ помощь увѣчному ц. 10 к. (2 изд.)

Готовятся къ печати:

Е. Львова В. Либкнехтъ (съ портр.) ц. 15 к. **В. Вольскій.** Что ожидаетъ печать (законопроектъ о печати) ц. 10 к.

Выписывать можно черезъ „Сѣверную Раб. Газету“ СПБ. Перекупной пер. д. 22/5 кв. 7, и черезъ „Страхованіе Рабочихъ“ Загородный пр., 12, кв. 40.

— ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА —

ежемѣсячный профессіональный журналъ

„Жизнь фармацевта“,

посвященный защитѣ интересовъ служащихъ фармацевтовъ и дѣлѣ правильной постановки лекарственно помощи населенію

„Жизнь Фармацевта“ издается при Правленіи Петербургскаго Общества служащихъ фармацевтовъ при ближайшемъ участіи старыхъ сотрудниковъ журналовъ „Фармацевтическій Трудъ“, „Южный Фармацевтъ“ и „Жизнь Фармацевта“.

Подписная цѣна: на годъ—1 руб. 50 коп.; до конца года 1 руб. 1/2 года—75 коп.

Контора и редакція—С.-Петербургъ, Надеждинская ул., 1, кв. 66.

Библиотека
Института В. И. Ленина

„Коммерческая Типографія“, Средняя Подъяческая, 4. Телеф. 520-32.

Совѣтъ Съѣздовъ Представителей Промышленности и Торговли приглашаетъ къ подпискѣ на свой переодическій органъ

„ПРОМЫШЛЕННОСТЬ и ТОРГОВЛЯ“

(VII-й годъ изданія). Выходитъ дважды въ мѣсяцъ 1 и 15 каждаго мѣсяца.

С.-Петербургъ, Литейный, 46. Телеф.: 131-21, 433-86 и 458-79. Телегр. адр.: Петербургъ „Ассоціація“.

— ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: —

съ доставкой и пересылкой на годъ—12 р., на 6 м.—7 р. и на 3 м.—4 р.

Годовой экземпляръ составляетъ два большихъ тома около 1.200 страницъ четкой печати.

Вышла 1 № нефракціоннаго рабочаго журнала марксистскаго направленія.

„БОРЬБА“

Содержаніе: Отъ редакціи.—Историческое десятилѣтіе **М. Покровскій** Изъ исторіи общественныхъ классовъ Россіи—**В. Ш-тъ.** Наше проф. движеніе за послѣдніе 2 года.—**А. Троцкій.** Парламентаризмъ и рабочій классъ—**Е. Фрейманъ.** Дчередные задачи прикон. движенія **А. Зурабовъ.** Армянскій вопросъ и русская дипломатія. Обзоръ междун. раб. движенія. **Т.**—Памяти Н. Л. Гроссера—Зельцера.

Условіе подписки: на 1 годъ—3 р., на 6 мѣс.—1 р. 50 к., на 3 м.—75 к. Ц. Ото. № 15 к.

СПБ. Плуталова ул., № 21, кв. 12.

Приймаеть ся передплата на 1914-й рік

на новий науковий журнал украіознавства

УКРАІНА

орган Украінського Наукового Товариства у Київі, що виходитиме що три місяці, лнижками в 8—10 аркушів, при участи визначнійших украінських учених, при близшій участіи проф. Михайла Грушевського, під одвічальною редакдією Костянтина Михальчука.

Передплата на рік 3 пересилкою в Росіі 4 р. (можна частиоами на 2 руб.), для Австріі 11 корон. Квигарням і посередникам 5 проц. від виплачених грошея.

Редакція і контора: Київ. Велика Піодвальна, 36 кв. 8, Бюро Украінського Наукового Товариства.

Книгоиздательство и книжный магазинъ

Бывшій **М. В. ПОПОВА** С.-П-бургъ, Невскій, 66.

ФИРМА СУЩ. СЪ 1847 ГОДА.

Новыя книги:

О. Миртовъ. Яблони цвѣтутъ. Романъ. Ц. **1** р. **50** к.
Савватій. Тетрадь въ сафьянѣ . . . Ц. **1** р. — к.
Михаилъ М-скій. Отъ бурсы до снятія сана Ц. **1** р. — к.
А. Липецкій. Надя Данкова. Повѣсть . Ц. — р. **75** к.
Наемъ имущества подъ ред, В. Я. Крюковскаго тов. об.-прок. Прав. Сената (руков. для квартиронаним.) . . Ц. — р. **50** к.
В. Левицкій. Августъ Бебель. Его жизнь и дѣятельность . . . . . Ц. — р. **35** к.
А. Бибикъ. Къ широкой дорогѣ. Ром. съ пред. В. Львова-Рогачевскаго. Ц. **1** р. **20** к.

Большой выборъ литературы по вопросамъ рабочаго, профессіональнаго движенія, страхованія рабочихъ (изд. „Прибой", „Наканунѣ", Г. Ѳ. Львовича, „Нашъ Міръ" и др.).

ВСѢ ВЫХОДЯЩІЯ КНИЖКИ—НОВИНКИ.

Книги высылаются наложеннымъ платежемъ. Каталоги безплатно.

Открыта подписка на 1914 г. на ежемѣсячный журналъ

ПОТРЕБИТЕЛЬ

Журналъ является органомъ Т-ва Потребительныхъ Обществъ юга Россіи

Участіе въ журналѣ принимаютъ: А. В. Гутовскій, М. Т. Денисъ, А. А. Евдокимо въ А. С. Зарудный, В. Ф. Красновъ, К. А. Мацѣвичъ, Вл. Махновецъ, А. Н. Макаровскій Б. С: Одеръ, Г. Н. Пелипенко, П. Т. Пушкаревъ, В. И. Сандуковъ и др.

Журналъ будетъ выходить книжками до 2 печатныхъ листовъ. **Подписная цѣна:** съ пересылкой и доставкой: на годъ 2 р., на ½ года 1 р. 20 к., на 3 мѣс. 70 к. Адресъ конторы и редакціи: Харьковъ, Московская, 10.

„ВОЗРОЖДЕНІЕ"

Принимается подписка на 1914 г. на еженедѣльную общественно-политическую экономическую и литературную газету посвященную еврейскимъ интересамъ и издающуюся при ближайшемъ участіи И. С. Туркельтауба.

Подписная цѣна (съ доставкой и пересылкой): Въ Вильнѣ: на 1 годъ 2 р. 50 к. на полгода—1 р. 25. и 3 мѣс.—75 к. Въ др. городахъ: на 1 годъ—3 р. на полгода—1 р. 50 к. и 3 мѣс.—1 р. Подписавшіяся на годъ получатъ безплатно сборникъ разсказовъ И. С. Туркельтауба „Подъ чужимъ небомъ".

«Коммерческая Типографія», Средняя Подъяческая, 4. Телеф. 520-32.

Библіотека Института В. И. Ленина

121

V годъ изданія.

НАША ЗАРЯ

СОДЕРЖАНІЕ:

Вл. Войновъ. Получай!!! разск.

Сергѣй Рѣшетовъ. Въ голодный годъ, очеркъ.

Стих.: **Верхарна, П. Орѣшина, М. Моравской.**

К. Оранскій. Рабочая печать подъ судомъ.

Ѳ. Ротштейнъ. Поворотъ въ международныхъ отношеніяхъ.

К. Дмитріевъ. Общіе вопросы рабочаго законодательства ст. I.

Ив. Кубиковъ. О романѣ А. Бибика.

Ф. Вейсъ. Съѣздъ латышскихъ марксистовъ.

В. Левицкій. Германская с.-д-ія на нелегальномъ положеніи.

А. Потресовъ. Критическіе наброски. (Еще къ вопросу о пролетарской культурѣ).

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Ф. Д. Бурные дни.

Н. Череванинъ. Кризисъ обостряется.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

А. Мартычовъ. I. „Нейтральная" армія и ульстерскіе заговорщики. II. „Дѣло Кайо" и выборы во Франціи.

Я. Пилецкій. Письмо въ редакцію.

Библіографія.

Объявленія.

№. 4. Спб. 1914. Ц. 30 к.

Открыта подписка на 1914 годъ на ежемѣсячный общественно-политическій журналъ соціалъ-демократическаго направленія.

V ГОДЪ изд. **„Наша Заря“** **V ГОДЪ изд.**

Съ 1914 года въ журналѣ вводится **беллетристическій отдѣлъ** въ которомъ выразили согласіе участвовать: **Д. Айзманъ, А. Бибикъ, Ив. Бунинъ, В. Вересаевъ, Вл. Войновъ, Б. Верхоустинскій, А. Галина, В. Горянскій, Л. Григоровъ, С. Гусовъ, Оренбургскій, Л. Добронравовъ, Карменъ, С Клычковъ, А. Липецкій, А. Малышкинъ, Н. Матвѣевъ, В. Муйжель, А. Окуловъ, И. Окуневъ, Н. Олигеръ, А. Серафимовичъ, С. Сергѣевъ-Ценскій, И. Сургучевъ, К. Тасинъ. А. Чапыгинъ, Ив. Шмелевъ,** и мн. др.

Въ 1914 г. предполагается помѣстить слѣд. статьи: **П. Б. Аксельродъ.** Статьи по вопросамъ тактики: **М. Б—въ.** Рабочая печать и законопроектъ о печати; Первый годъ страхового закона; Охрана дѣтскаго труда **К. В—но.** Борьба за Тихій океанъ; Англо-Германское соглашеніе; **Л. Войтоловскій.** Кризисъ модернизма; Городъ и деревня въ современной литературѣ; **А. В. Горскій.** Современное состояніе права коалиціи въ Россіи; **Раф. Григорьевъ.** Поэтъ Окуровской Руси (о творчествѣ М. Горькаго); **К Дмитріевъ.** Городъ и деревня; Общіе вопросы рабочаго законодательства; **А. К. Ермансній.** Тэйлоризмъ въ связи съ новѣйшими тенденціями капиталистическаго развитія; жилищная проблемма, какъ часть соціальнаго вопроса; **А. П. Калитинскій.** Статьи по естествознанію; **А. Коллантай.** Первый годъ примѣненія страхового закона въ Англіи; Движеніе въ пользу государственнаго страхованія материнства; политическія партіи въ Англіи и женское избирательное право; Работа соціалистовъ въ финляндскомъ парламентѣ; **Комаровъ.** Русская фабрично-заводская промышленность за послѣдніе 30 лѣтъ; **В. Львовъ-Рогачевскій.** Поэты—рабочіе; **В. Левицкій.** Старый и новый интернаціоналъ. Изъ исторіи парламентской тактики германской соціалъ-демократіи; **В. Майскій.** Два типа (англійскій и германскій рабочій); Культурныя задачи рабочаго движенія; Организаціи и пролетаріатъ; **Л. Мартовъ.** Итоги с. д. парламентаризма въ Россіи; Ф. Лассаль (къ 50 лѣтію со дня смерти); **А. Мартыновъ.** Исторія отношенія русскихъ соціалистовъ къ войнѣ; Синдикалистскій историкъ о Марксѣ и Бакунинѣ; **П. Маслов.** Современное состояніе экономической науки; Вздорожаніе жизни; **М. П. Невѣдомскій.** Литературно-критическія статьи; **А. Никитинъ.** Законопроектъ о договорѣ найма торговыхъ служащихъ; **Г. Наумовъ.** Торговый договоръ съ Германіей; Аграрный вопросъ и аграрная политика; **Ортодоксъ.** Нравственное долженствованіе съ точки зрѣнія марксизма; **М. Панинъ.** Переписка Маркса съ Энгельсомъ; **А. Потресовъ.** О морали; Салтыковъ-Щедринъ (къ 25 лѣтію со дня смерти); Пролетаріатъ и искуство; **Т. Ротштейнъ.** Поворотъ въ международныхъ отношеніяхъ; **Саваренскій.** Аграрный вопросъ въ европейской соціалъ-демократіи; **Спектаторъ.** Промышленное оживленіе и промышленный кризисъ; W. Къ 50 лѣтію земства. **М. Хейсинъ.** Во что вылилась общественная борьба съ туберкулезомъ въ Россіи; О кооперативномъ нейтрализмѣ; **Ф. Данъ.** Борьба за „частичныя требованія“, **Евг. Маевскій.** Война и революція (десятилѣтіе русско-японской войны); **Я Пилецкій.** Письма изъ Германіи, **Петръ П.** Письма изъ Англіи; **С. Далинъ.** Первые шаги рабочаго движенія; Рабочій день; **М. Павловичъ.** Американскій имперіализмъ и мексиканская революція; Желѣзно-дорожный вопросъ на Балканахъ и борба за свободные выходы къ морямъ; Россія и Франція въ военномъ, торговомъ и финансовомъ взаимоотношеніяхъ; **Н. Череванинъ.** Промышленная конъюнктура. **К Оранскій.** Соц. печать передъ судомъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: на 1 годъ—3 р. (загран.—4 р.), на ½—1 р. 80 к. (загр.—2 р. 30 к.): на 3 мѣс.—1 р. (загр.—1 р. 30 к.); на 1 мѣс.—35 коп. (заграницу—45 к.). Отд. книжка въ продажѣ—30 к.; загран—40 к. Комплекты: за 1910 г. (безъ 5, 6 и 7 кн., разошедшихся)—1 р. 50 к.; за 1911 г. (безъ 1-ой кн.) и 1912 г. по 2 р.; за 1913 г.—2 р. 50 к. съ пересылкой въ Евр. Россію. Рабочимъ приказчикамъ и народ. учителямъ—15% скидки, за перемѣну адреса 21 к. (можно 3 семикоп. марки).

Адресъ конторы и редакціи: Спб., Николаевская 2, кв. 43.

Контора открыта: по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 6 до 9 час. вечера; по вторникамъ, средамъ, пятницамъ и субботамъ отъ 2 до 5 ч. дня.

V-й годъ изданія.

Наша Заря

Ежемѣсячный журналъ

№ 4.

С.-Петербургъ, 1914 г.

Библіотека Института В. И. Ленина

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
„Коммерческая Типографія“ Средняя Подъяч. 4. Тел. 520-32.
1914.

Библиотека
Института
при ЦК ВКП(б)

Библиотека
Института В. И. Ленина

Получай!!!

I.

Ночью на морѣ гудѣла низовка; тучи трепались тяжелыми черными космами, вѣтеръ ихъ тискалъ одну на другую, выжимая изъ густой, мокрой тьмы косые потоки воды и бросая ихъ въ холодную пѣну.

Каюки на причалахъ скрипѣли и бились о липкій, зализанный волками берегъ; по ерикамъ кипѣли ручьи, а камышъ по надъ гирломъ стоналъ, какъ живой, въ безисходной и жуткой тоскѣ.

Безпокойная черная ночь бѣсновалась и выла на всѣ голоса до самаго утра, а когда на востокѣ сквозь ржавую муть пробилась бѣлесое небо, вѣтеръ замѣтно упалъ, и голая вымокшая полоска земли, задавленная грузомъ набухнувшихъ хатъ, глянула сѣро и жалко.

Ночью немногіе спали, а къ утру добрая половина Кагальничанъ спустилась на берегъ и сбилась густой, молчаливой толпой у выхода въ море.

Ждали покорно, безмолвно; глядѣли то въ землю, то въ сѣрую мглу, упавшую густо и плотно на мутную воду.

У многихъ оставалась надежда на случайный удачный исходъ.

Но соленые старики, посѣдѣвшіе въ морѣ, только покачивали головами и коротко покрикивали на бабъ.

Дзоганиха худая, простоволосая, не отрываясь, глядѣла въ заливъ, и вѣтеръ трепалъ ея жидкія бѣлыя патлы, обдавая землистое, мятое лицо хлесткою пѣной.

Юхимъ Дзоганенокъ стоялъ возлѣ матери, хмуро уставившись въ землю. Вчера самого старика снаряжали всѣмъ скопомъ, помогали укладывать крючья, штопали сѣти. Потомъ пожелали удачи, и крутобокій просмоленный дубъ ушелъ въ открытое море, увозя на себѣ семерыхъ молодцовъ, побывавшихъ не разъ въ ночныхъ схваткахъ съ казачьей командой.

Ушелъ съ Дзоганомъ въ море крутекъ Ларивонъ, рябой, одноглазый рыбакъ, пробитый въ шести мѣстахъ казацкими пулями; ушелъ Вертунокъ—зубоскалъ, задирала, готовый по пьяному дѣлу полѣзть на самого чорта; ушли два Кондѣйкины, добрые крутьки, загнавшіе въ прошломъ году каюкъ съ казаками на желтую косу; да пара братовъ-соколовъ Бери-Борода, тоже забывшихъ уже, когда довелось въ первый разъ понюхать казацкаго пороху.

Народъ былъ ядреный, хожалый, прошедшій и кельи и мельи, да вотъ и на нихъ, видно, есть неудача — не вернулись до свѣта.

А если крутекъ не вернулсл до свѣта, пиши въ поминанье: либо водой захлестнуло, либо попалъ подъ винтовку.

Все одно—край.

Знали про то кагальничане, и сумно было у нихъ на душѣ, когда они вышли на берегъ взглянуть на послѣдокъ, прежде чѣмъ сѣсть за поминки.

Знала и старая Дзоганиха съ сыномъ Юхимомъ, что батька уже не вернется, а вотъ же пришла за другими и треплетъ по вѣтру свои побѣлѣвшія космы.

II.

Уже ободнялось почти, когда за косой забальанѣло косое крыло чернаго паруса; потомъ проступило сквозь сѣрую муть другое—подальше.

Тогда сразу загомонили по всему широкому берегу.

Вѣтеръ уже не стоналъ, а ровная крѣпкая низовка гнала по небу крутыя, помятыя тучи.

Скоро двѣ черныхъ посуды врѣзались въ гирло, и стали полнѣть. Впереди шла качаясь фелюга, набитая густо казачьей командой, подъ сто аршиннымъ просмоленнымъ парусомъ; а немного подальше, накренившись почти до воды, выступалъ арестованный дубъ.

Дзоганъ сидѣлъ на казачьей фелюгѣ, а у крутьковъ на рулѣ помѣстился казачій урядникъ.

Фелюга была при полномъ парадѣ, а на заднемъ дубу оснастка глядѣла изрядно потрепанной.

Стало быть жарко пришлось молодцамъ въ эту ночь; можетъ кого и не стало.

Бабы стѣной повалили впередъ; хотѣлось скорѣй разглядѣть, разузнать—какъ и что.

И только одна жена Дзогана осталась на мѣстѣ: она уже видѣла мужа и теперь не сводила съ него ожидающихъ глазъ.

А дубы подходили все ближе и ближе.

Уже и Кондѣйкиныхъ братьевъ успѣли узнать—одинъ перевѣсился за бортъ, другого держали подъ мышки Бери-Борода съ Вертункомъ; Ларивонъ былъ безъ шапки, а по правой щекѣ текла кровь.

Остальные сидѣли совсѣмъ хорошо—ничего имъ не дѣлалось.

Поровнявшись съ толпой, казаки, какъ одинъ, повернули къ Кагальнику чубатыя головы, и съ берега было видать, какъ горѣли у нихъ подъ папахами злые глаза.

Было мутно и больно отъ этой минутной близости; сердце горѣло и билось въ жестокой обидѣ; мимо везли арестованныхъ братьевъ, сыновъ, а придти имъ на помощь нельзя было.

Казаки это знали отлично и держали нарочно фелюгу къ рыбацкому берегу.

Потомъ, давъ поглядѣть на своихъ толпѣ рыбаковъ, круто

свернули на орцо и пошли на тотъ бокъ, гдѣ на острой полоскѣ земли ютился казачій поселокъ.

Неожиданно Дзоганъ махнулъ папахой.

Тогда, какъ одинъ, сняли шапки кагальничане и дружно махнули въ сторону уходившаго дуба.

Бабы задергали мелко плечами.

— Прощай, батько! — промолвилъ Юхимъ и, тряхнувъ головой, зашагалъ прочь отъ берега.

— Прощайте и вы,—отвѣтили съ дуба.

Рыбалки остались стоять.

И только когда пропали изъ виду совсѣмъ оба паруса, уныло пошли по домамъ додумывать свою мужицкую, крѣпкую думу.

III.

Съ Юхимомъ случилось неладное,—сталъ крѣпко и мрачно задумываться.

Сначала ходилъ цѣлыми днями по берегу, потомъ закурилъ.

Съ утра уходилъ въ корчму, торопился напиться, потомъ уходилъ отъ людей, и бабы видали не разъ, какъ онъ сумно сидѣлъ возлѣ моря, глядѣлъ куда-то впередъ неподвижными, мутными глазами.

Какъ-то пришла Навалиха и, качая сѣдой головой, разсказала, что парень лежалъ на пескѣ и плакалъ.

Потомъ Юхимъ бросилъ все сразу, проспался и утромъ пришелъ къ матери.

— Маты! Сбирай у дорогу, трэба уiхать.

— До кого?—спытала стара.

— До людiй!—отвѣтилъ Юхимъ.

Дзоганиха тихонько заплакала, но перечить не стала.

Собрала все что было, дала пять корбованцiвъ грошей, положила въ мѣшокъ кусокъ сала и хлiбъ и перекрестила дiтыну.

Юхимъ вскинулъ котомку за плечи, поглядѣлъ еще разъ на широкое море и тихо пошелъ на Азовъ.

Когда море пропало изъ глазъ, сѣлъ на землю, подперся рукой и крѣпко задумался.

— Съ чего оно такъ? Жили-жили, ходили по морю, какъ по дому—гдѣ хотѣлъ тамъ и сталъ; сыпали крючья и сѣтки; брали севрюгу, бѣлугу, снимали съ крючка осетра; возили до прасола въ Таганрогъ и были одѣты, обуты, ще-й укишени бренчало. А потомъ пріѣхали казаки, сѣли насупротивъ Кагальника и стали чинить свои порядки. По гирлу — можно, по морю — нельзя; по осени—дѣлай скачекъ, весной—не моги. Почему не моги? Чи земля клиномъ зишлась, чи міру тiсно стало? А якъ воно житы безъ рыбы? Земли немае—песокъ да вода, худобы немае, а если-бы и была—держать негдѣ. Съ чего же жить мужикамъ, когда море отняли. Поставили вышку на томъ берегу; день и ночь казакъ въ трубу смотритъ; какъ замаячилъ какой ни на есть парусъ,—сейчасъ снаряжаютъ погоню. Сѣтки рвутъ, шнуры рѣжутъ, крючья топятъ, рыбу себѣ забираютъ, людей стрѣляютъ,

сажаютъ въ тюрьму. Вотъ надысь батько... іхавъ соби, якъ панъ... на дубу весь запасъ въ порядкѣ имѣлъ, а теперь отвезли... какъ скотину въ Азовъ погнали, заковали въ кайданы, въ Сибирь пойдетъ.

Юхимъ поглядѣлъ на пустое, высокое небо и всталъ.

Лугъ лежалъ кругомъ душистый, зеленый, посмитьюшки въ воздухѣ рѣяли, чайки сверкали косыми веселыми крыльями; съ моря тянуло упругою, крѣпкою свѣжестью.

— Це не діло! Не можно такъ!—Подумалъ Юхимъ и пошелъ черезъ лугъ, пригибая ногами душистую сочную траву.

IV.

Вернулся Юхимъ только къ Спасу. Пришелъ прямо къ матери—худой, побѣлѣвшій съ ввалившейся грудью. Сказалъ, что ходилъ далеко, на край свѣта; работалъ по шахтамъ, побачилъ людей, узналъ, какъ живутъ въ другомъ мѣстѣ.

Грошей принесъ совсѣмъ мало, зато сталъ глядѣть якъ старый, усе баче наскрозь, на усе отвѣтъ дать можетъ.

Отдохнулъ день другой, потомъ вышелъ на берегъ, выволокъ старый, разбитый каюкъ, наворотилъ гору пакли и сталъ зачинять дыры.

Пришли старики, поглядѣли, одобрили:

— Видать, что Юхимка за умъ взялся. Да и дѣло ли байдини бить въ эти годы? Парень при силѣ, руками справляется, а головой Богъ не обидѣлъ—весь въ Дзогана. Пришли Юхимовы сверстники, про все разспросили, въ корчму повели.

Потомъ жизнь сама собой сладилась и все пошло по хорошему, только сѣтей, да крючковъ у парня не было; предлагали взаймы—отказался.

Поговорили и бросили

А ужъ пора къ Спасу пошла, готовились дѣлать скачекъ, и всюду дымились котлы съ горячей смолой, сучились шнуры, звенѣло желѣзо.

Дни были крѣпкіе, синіе, воздухъ стоялъ неподвижный, и по заливу бродили спокойныя, пухлыя тучки...

Когда былъ законченъ каюкъ, Юхимъ опустилъ его на воду и тихо поплылъ на ту сторону.

Тамъ отыскалъ земляка, служившаго въ плотникахъ при рыболовной командѣ и провелъ съ нимъ весь вечеръ, угощалъ его на свой счетъ казенною водкой.

А когда затемнѣло уѣхалъ назадъ и почти цѣлую ночь провелъ возлѣ моря, дѣлая что-то, понятное ему одному.

Ночью подулъ легонькій низовый вѣтеръ и небо захмарило.

Юхимъ поглядѣлъ на заливъ, слушая далекіе звуки, шедшіе съ моря и успокоился. Завтра будетъ низовка.

V.

День Перваго Спаса гуляли въ корчмѣ. Всѣ были пьяны, галдѣли, куражились. Соленые старики разсказывали ребятамъ

про схватки съ командой, про удачные смѣлые набѣги на запо вѣдныя воды.

Водка лилась безъ конца, топали пудовыми сапогами и горланили дикія пѣсни. Къ ночи устали, умаялись, ложились, кого гдѣ свалило.

По улицамъ шли, ругая низовку, которая грозила испортить дозволенный, законный скачекъ въ гирлахъ.

Юхимъ не пилъ цѣлый день и только передъ тѣмъ, какъ уйти, попросилъ большой стаканъ водки, опрокинулъ его до дна и вышелъ на дворъ.

Было мокро, темно, солома гудѣла на крышахъ, взлетая на воздухъ, а съ моря шелъ грозный, волнующій гулъ.

Юхимъ забѣжалъ на минуту домой.

Мать крѣпко спала.

Сталъ на колѣни у изголовья и приложился губами къ рукѣ.

Потомъ осторожно прикрылъ дверь и пошелъ прямо къ морю.

Сѣвъ на каюкъ, перерѣзалъ ножемъ веревку и поднялъ бабайки.

Буря еще не пришла и море ходило большими тяжелыми залезками, посылая въ лицо холодную пыль.

Юхимъ приналегъ полной грудью и, ловко справляясь съ волной, рѣзалъ широкое гирло, тихо сплывая подъ вѣтеръ.

Становилось свѣжѣй и свѣтлѣй.

Временами корму поднимало совсѣмъ и въ такія минуты казалось, что каюкъ вотъ—вотъ захлеснетъ.

Тьма стала гуще, чернѣй, а тучи ложились пластами—одинъ на другой, опускаясь все ниже и ниже.

Скоро по реву волны стало ясно, что буря близка.

Лодка черпнула воды, встала отвѣсно и черная тьма наверху метнулась въ стремительномъ ужасѣ.

Юхимъ приналегъ, выправилъ лодку и бросилъ ее впередъ крѣпкимъ толчкомъ.

— Нужно держаться по вѣтру, выйду какъ разъ — думалъ крутекъ, напрягая послѣднія силы, и лодка болталась во тьмѣ, какъ пробка въ бушующемъ водоворотѣ, срываясь съ волны на волну.

Брызгнуло мелкимъ дождемъ — сбоку и больно, потомъ прокатился тяжелый ударъ и бѣлое лезвіе, врѣзавшись въ низкое небо, расплавило черную тьму въ серебряный блескъ.

Юхимъ однимъ взглядомъ окинулъ кипящую воду и бросилъ бабайки.

— Оно—подумалъ онъ, успѣвъ уловить среди бѣшеной пляски совсѣмъ недалеко черную тѣнь; потомъ перегнулся за бортъ и выставилъ руки.

Что-то тревожно заскрежетало, и холодная цѣпь забилась въ рукахъ у Юхима.

Накинувъ петлю, Юхимъ опустился на дно и вынулъ тяжелую длинную жердь. Ощупалъ ее отъ края до края руками и убѣдившись, что все сохранилось, какъ надо, пошелъ вдоль по цѣпи впередъ.

Скоро рука его ткнулась въ холодную, мокрую доску и сердце метнулось въ груди и заныло томительно больно.

Да это онъ—плавучій кордонъ съ шестью казаками, среди которыхъ одинъ виновникъ поимки отца.

Это онъ подглядѣлъ въ трубу выходъ крутьковскаго дуба и поднялъ тревогу по всей рыболовной командѣ.

Онъ не стрѣлялъ, не шумѣлъ; онъ далъ спокойно уйти въ открытое море, а потомъ въ каюкѣ приплылъ на казармы и вывелъ фелюгу на самыхъ крутьковъ.

Объ этомъ Юхимъ узналъ все, какъ нужно, отъ земляка, живущаго въ плотникахъ при рыболовной командѣ.

Да это постъ № 5, который и нуженъ Юхиму.

Теперь, когда подъ рукой скользнули холодныя доски, стало все ясно и просто.

Припомнился день, когда провозили крутьковъ подъ самымъ кагальникомъ, потомъ припомнилось утро въ лугу, когда убитый Юхимъ сидѣлъ на травѣ, глядѣлъ въ пустое открытое небо и думалъ, что дѣлать?

Теперь уже не было въ мысляхъ тумана, люди на рудникѣ дали отвѣтъ.

Нащупалъ дрожащей, застывшей рукой связку двухъ бревенъ и сунулъ тяжелый конецъ стержня.

Лодку бросало тупыми неровными толчками, трудно было стоять.

Сталъ на колѣни и вынулъ кресало.

— А ну..!—Сказалъ самъ себѣ и чиркнулъ желѣзомъ по кремню.

Выбилась искра и тотчасъ погасла.

Чиркнулъ еще; погасла опять.

Тогда зажмурилъ глаза и дернулъ три раза подъ самый фитиль.

Вода засычала и бѣлое пламя забило фонтаномъ у самой руки.

Попробовалъ стержень...

Торчитъ хорошо.

Тогда перебилъ ножемъ петлю, хватился за мокрую цѣпь и сильнымъ послѣднимъ толчкомъ отбросилъ каюкъ отъ кордона.

Вѣтеръ ударилъ въ борты и каюкъ понесло за низовкой.

Сидѣлъ на носу и горячими ясными глазами слѣдилъ, какъ прыгаетъ бѣлое пламя.

Потомъ стало сразу темно, должно быть закрыло фитиль угломъ повернувшагося кордона.

Тогда всталъ во весь ростъ, набралъ, сколько могъ, грудью воздуха и покрылъ голосъ бури.

— А ну по-лу-чай!!:

Гдѣ-то хлопнули дверью и косой снопъ огня упалъ черезъ раму въ черную пропасть.

Потомъ стало снова темно...

И вдругъ точно лопнуло небо.

Отъ края до края взметнулся небесный огонь, и черная мгла, расколовшись на части, хлестнула желѣзнымъ, громовымъ ударомъ подъ самыя тучи.

Вздыбилась вода, доплеснула до неба, и мертвою глыбой упала въ пучину.

— Га-га-а-а!!!—Запѣло на тысячи голосовъ.

— Га-га-а-а!!!—Разрывая надутую грудь отвѣтилъ Юхимъ.

Потомъ что то тупо легло на плечи и черная тьма замолчала.

Владиміръ Войновъ.

Въ голодный годъ.

(Изъ очерковъ „До нѣмаго года“)

Тяжело пришлась нашей семьѣ зима голоднаго года.

Отца за вѣчное пьянство уволили наконецъ изъ дворниковъ. Съ хозяйской квартиры мы были выдворены и ютились на краю города, въ крошечномъ домикѣ, передѣланномъ изъ бани. Нѣсколько недѣль шатался отецъ безъ работы, потомъ поступилъ на мануфактуру, на шесть гривенъ въ день. Матери больной, беременной, съ ребятами на рукахъ было не до работы. А между тѣмъ три прожорливыхъ рта ежедневно требовали картошки и хлѣба, значительно къ этому времени подорожавшихъ.

Вотъ тутъ то и я оказался работникомъ.

Однажды мать, собирая отцу обѣдать, бросила на ходу:

— Кумова Танька вчера принесла и бѣлаго, и чернаго. Денегъ семь копѣекъ.

Отецъ молчалъ.

— Въ Клюкинѣ, говоритъ, хорошо подаютъ.

Отецъ продолжалъ молчать.

— Что молчишь?- Осердилась мать.—Вино жрать—твое дѣло, скандалить—мастеръ, а теперь молчишь!.. Любуйся на него,—указала она на меня,—учи—приказчикомъ выйдетъ...

И пошла перебранка—ежедневная наша гостья за послѣднее время. Мать кричалачасто-часто, облѣпила отца обидными названіями, а тотъ отвѣчалъ нехотя, время—отъ—времени, приправляя каждое слово-матершиной.

А вечеромъ, ложась спать, отецъ съ матерью говорили похорошему, безъ ругани. Отецъ подозвалъ меня, забралъ въ колѣни и спросилъ, пойду ли я съ Танькой сбирать.

Для меня вопросъ этотъ былъ рѣшенъ раньше. Ужъ не впервой объ этомъ тихонько толковали отецъ и мать, и я понималъ, о чемъ идетъ рѣчь. Разговаривалъ я съ Танькой, дочерью нашего кума, живущаго неподалеку. Она разсказывала столько занимательнаго о своемъ нищенствѣ, что я давно порывался присоединиться, но было тамъ училище и пугала сумка, которую могли видѣть товарищи. Теперь я пересилилъ себя, понялъ необходимость положительнаго отвѣта и твердо сказалъ:

— Пойду.

На утро смѣнилъ я училищную сумку на нищенскую, и съ Танькой отправился на „работу“.

Не прошло и недѣли, какъ я освоился съ новымъ положеніемъ и полюбилъ его.

* * *

Сбирать я отправлялся въ село Клюкино и на мануфактуру, находящіеся верстахъ въ трехъ отъ города. Въ самомъ городѣ ходить „по-міру“ было неудобно: нищихъ въ это голодное время скопилось множество, сумки далеко не полнились, а главное—могли видѣть товарищи и знакомые отца.

На мануфактуру и въ Клюкино я путешествовалъ черезъ день, по праздникамъ всегда на фабрику—во вдовью спальню.

Выходили „мірничать“ мы вдвоемъ, съ Танькой. Старше меня, уже опытная въ дѣлѣ нищенства, она была добрымъ поводыремъ. Отношенія у насъ установились—идиллическія. Нищенское горе и радости переживали сообща. Указывали другъ другу денежныя и „пшеничныя“ мѣста (гдѣ подаютъ копѣйку или баранку), взаимно предупреждали о собакахъ, о домахъ, гдѣ можетъ „влетѣть“. Закончивъ трудовой день, сходились въ условленномъ мѣстѣ и дѣлились закраской—бѣлымъ хлѣбомъ и баранками.

Клюкино—большое торговое село, зажиточные дома. Разсказывали, что старики Клюкина когда-то нажились на купонахъ своего издѣлія. Всѣ солидные мужики держались „старой вѣры“. Подавало село сносно, часто баранкой или кускомъ ситника. Зато и псовъ домовитые Клюкинскіе мужики держали свирѣпыхъ—и не особо лежала душа ходить къ нимъ за подаяніемъ.

Въ Клюкинѣ, какъ и на мануфактурѣ, были любимыя мѣста.

Изъ такихъ мѣстъ вначалѣ пугало одно, гдѣ подавали деньгами и помногу—до пятака— и гдѣ повторялась одна и та же исторія

Отворишь дверь и встанешь у порога. Напоминать о себѣ не полагалось.

— По избѣ, обыкновенно, расхаживаетъ какой-то человѣчина, шершавый, въ халатѣ, изъ-подъ котораго виднѣется грязная рубаха. На столѣ графинъ и чашка огурцовъ.

Нѣкоторое время стоишь незамѣченнымъ, потомъ человѣчина вдругъ устремляетъ на тебя злые глаза и спрашиваетъ:

— Опять пришелъ?

Молчаніе.

— Что молчишь, несчастный, червь земли?

Молчаніе.

— Скажи своему отцу, что онъ—мошенникъ и сукинъ сынъ—посылаетъ тебя *пресмыкаться*.

Молчаніе.

— Скажи отцу, что и ты—сукинъ сынъ: молчишь, когда ругаютъ твоего отца.

Ты пытаешься наконецъ сказать что-нибудь протестующее.

— Что?! Разговаривать?! Вонъ!

И лѣвая рука шершаваго человѣка бросаетъ въ сумку мѣдякъ, а правая беретъ за шиворотъ и переноситъ тебя за порогъ.

Не обходилъ я дома этого чудака: подавалъ онъ монетой крупной, а шиворотъ... это было совсѣмъ не больно.

Заходилъ неукоснительно еще къ одному сапожнику, у котораго можно было обогрѣться и послушать его нравоученій. Сапожникъ былъ старый и еле ковырялъ починку. Входя къ нему, слѣдовало скромно, „по-новому“, перекреститься и поздороваться. Онъ отвѣчалъ на привѣтствіе, называя по имени, и усаживалъ на липку. Говорилъ онъ вещи не совсѣмъ пріятныя: называлъ меня лодыремъ, котораго слѣдуетъ драть; шпынялъ за то, что не иду въ мастеровые, хотя бы къ нему въ сапожники; поносилъ новые, дурные, по его мнѣнію, порядки и хвалилъ старое время, когда народъ держали въ строгости, отчего и урожай былъ, и нищихъ не водилось. Но все это говорилось старческимъ безобиднымъ манеромъ и меня нисколько не пугало. На дорогу сапожникъ давалъ каравай хлѣба и справлялся, цѣлы ли сапоги.

Былъ и еще одинъ домъ, куда я входилъ запросто, здоровался, какъ большой, „за-руку“, и сидѣлъ столько времени, сколько хотѣлось.

Еще въ началѣ своего нищенства я зашелъ однажды въ этотъ домъ за милостыней. Вхожу и вижу: по избѣ ходятъ два парня и ругаются. Увидавъ меня, переглянулись. Я помянулъ имя Христа.

— Подать Христа-ради?—Спросилъ одинъ изъ нихъ.

— А можетъ ты намъ подашь Христа-ради, а? Ты, небось, утромъ пошелъ на добычу—тебя матка покормила, а мы еще не ѣли.

Я не зналъ, что отвѣтить.

— Что братъ, темнѣешь?

Эта заподозрѣнность показалась не справедливой. Я на минуту замялся, потомъ рѣшительно подошелъ къ столу и сталъ выкладывать куски хлѣба:

— Ѣшьте.

— Не нужно. Иди, братъ. Еще скажешь потомъ, что отняли.

— А чего—иди. Вправду ѣшьте. Я еще насбираю,

Нѣсколько минутъ колебаній и отнѣкиваній—и мы втроемъ за столомъ. Достали луку и соли и сдѣлали крутую мурцовку.

Сотрапезники оказались безработными съ мануфактуры.

Разставались друзьями. Они находили, что я складный парень, а мнѣ нравилось ихъ обращеніе—какъ съ большимъ.

Въ слѣдующіе дни—нечего грѣха таить—я избѣгалъ новыхъ знакомыхъ. Не очень нравилось приходить домой съ пустой сумкой и выслушивать отъ матери выговоры. Однажды я все же зашелъ. Парни уже работали и въ моихъ кускахъ не нуждались. На этотъ разъ они были очень привѣтливы, угостили чаемъ и много смѣялись, вспоминая мурцовку.

Съ тѣхъ поръ я заходилъ къ нимъ постоянно.

* * *

Значительно труднѣе было „мірничать“ на мануфактурѣ.

Расположенная на громадномъ пространствѣ, раздѣленная на нѣсколько дворовъ со сторожами у воротъ, мануфактура казалась крѣпостью, которую нужно было каждый разъ брать приступомъ, если хочешь идти домой не съ пустой сумкой. Нищихъ тамъ начальство не допускало—сторожа обязаны были ловить ихъ, отправлять въ главную караулку передъ грозныя очи „старшаго“ мѣстной полиціи.

Подходя къ мануфактурѣ, я приводилъ себя въ боевую готовность: пряталъ сумку подъ пальтишко, принималъ независимый видъ и—важно, гоголемъ старался пройти въ ворота. Но это удавалось только вначалѣ. Присмотрѣвшись, сторожа поняли, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и нужно было выдумывать что-нибудь похитрѣе. Все-же почти всегда смекаешь, какъ проскочить въ ворота. Или я подходилъ къ смѣнѣ, когда въ потокахъ рабочаго люда превращаешься въ песчинку, незамѣтную для глазъ сторожевыхъ псовъ, или подкравшись тихонько сбоку, пускаешься въ ворота бѣгомъ. Сторожамъ, тяжело одѣтымъ, оставалось разводить руками.

Но пройти ворота—еще полъ-бѣды. Главное, чего слѣдовало опасаться,—это хожалаго, который могъ появиться передъ тобой тамъ, гдѣ совсѣмъ не думаешь его встрѣтить. Хожалый—это завѣдующій порядкомъ въ спальнѣ, для обитателей послѣдній большое лицо, могущее при желаніи надѣлать много пакостей. Не допускать нищихъ въ спальню и *преслѣдовать* подающихъ было его прямою обязанностью. Правда, при зоркихъ глазахъ и прыткихъ ногахъ нищихъ-малышей онъ страшенъ только вначалѣ, когда его форма не приглядѣлась.

По неопытности я однажды забрался къ одному изъ хожалыхъ, живущихъ здѣсь же въ спальнѣ, за милостыней.

Иду по длинному корридору спальни и заглядываю въ какую-то каморку. Подходя къ лѣстницѣ въ другой этажъ, машинально отворяю послѣднюю дверь.

И—о, ужасъ: длинная фигура хожалаго, свирѣпые, щетинистые усы.

Я застылъ на мѣстѣ.

— Пошелъ вонъ!

Перышкомъ вылетаю изъ комнаты. Поднимаясь въ слѣдующій этажъ, замѣчаю на двери дощечку съ жирной надписью: „хожалый“.

Подавали на мануфактурѣ не всѣмъ, все увѣряли, что подастъ Богъ. Нищихъ ходило необычно много, а заработки, при наплывѣ рабочихъ рукъ изъ голодныхъ деревень, стояли невысокіе. Чтобы сборъ оказался добрымъ, нужно было попадать къ смѣнѣ, когда рабочая братія обѣдаетъ—самъ ѣшь, неловко отказать другому. Въ иное время то заперто, то спятъ. Ходить по администраціи мало толку. Зайдешь на кухню вкусно—пахнетъ, шипѣніе такое аппетитное. По кухнѣ мечется разкраснѣвшаяся кухарка. Увидитъ тебя и кричитъ недовольно·

— Здѣсь не подаютъ, убирайся...

За то въ праздникъ мануфактура была щедра. Настолько щедра, что набрать полную сумку стоило какого-нибудь часа. Дома по такимъ днямъ ждали меня съ добычей какъ именинника, до меня не пили настоящаго праздничнаго чая.

И если въ будни за поискомъ куска хлѣба бывалъ готовъ забраться хоть къ собакѣ въ будку, то въ праздникъ важничалъ: ходилъ, сбиралъ по заранѣе намѣченному плану, съ такимъ расчетомъ, чтобы набрать по возможности однихъ пироговъ и въ самое короткое время.

На мануфактурѣ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ шести-этажныхъ спальныхъ гигантовъ, находилась спальня, гдѣ жили однѣ работницы—вдовы,—старая, деревянная, одноэтажная, похожая на большую черепаху. Туда-то я прежде всего и направлялъ въ праздники свои шаги.

Норовилъ попасть часамъ къ девяти, къ самому праздничному чаю.

Хорошо встрѣчали вдовицы. Входишь какъ въ свой домъ, къ старымъ, испытаннымъ друзьямъ. Кругомъ знакомыя бабы, зовутъ къ себѣ наперерывъ. Суютъ пироговъ съ пшеномъ, съ гречихой, съ самой печенкой. Сажаютъ пить чай, даютъ въ бумажку сахару. Разспрашиваютъ про домашнихъ. Вся спальня знала, что отецъ мой работаетъ здѣсь же, на мануфактурѣ, и сочувствовали нашимъ недохваткамъ.

Мое появленіе вызывало въ памяти вдовъ пережитыя времена, будило ихъ тоску по роднымъ. Всѣ онѣ безъ мужиковъ, всѣ—деревенскія. Пошли работать—оставили дома ребятъ. Сердце болитъ.

Вотъ одна спрашиваетъ, сколько мнѣ лѣтъ.

— Десять.

— Ахъ, и мой былъ-бы теперь такимъ же большимъ. Прибралъ Богъ—вотъ ужъ пятый годъ пошелъ.

Другая сообщаетъ, что у нея въ деревнѣ есть сынишка, на годъ моложе, зовутъ Васькой.

Иная не выдерживаетъ потока нахлынувшихъ воспоминаній и утираетъ слезы...

Уходилъ я обласканный, съ полной сумкой—и съ бурной благодарностью въ своемъ маленькомъ сердчишкѣ къ этимъ роднымъ бабамъ...

Въ праздникъ одна радость шла за другой.

Съ фабрики летишь до города сломя голову,—знаешь, съ какимъ нетерпѣніемъ тебя ожидаютъ дома. Вонъ у околицы, у поворота къ кладбищу стоитъ мать. Сдѣлала руку козырькомъ и всматривается въ снѣговую даль. Она не разъ подогрѣвала самоваръ, не разъ выбѣгала на перекрестокъ, но я замѣшкался—больно ужъ хорошо во вдовьей спальнѣ. Сестренки сдѣлали въ мерзлыхъ окошкахъ „глазки“ и стоятъ на посту.

— Ленька идетъ!—Заорутъ онѣ, увидавъ насъ съ матерью.

Входишь домой и какъ-бы переносишь всю теплоту изъ вдовьей спальни въ нашу убогую избушку.

Отецъ солидно молчитъ—признакъ довольства, мать ухаживаетъ за тобой—не замерзъ-ли, не напали ли собаки. А сестренки... тѣ прыгаютъ вокругъ стола козлятами: онѣ получили вволю пироговъ со всяческой начинкой...

Славное это было время—хожденіе „по міру“. Правда, не легко бѣгать зимой, по морозу, въ истоптанныхъ кожандахъ, иногда одолѣвали собаки, не терпящіе нищенскаго духа, иногда

изъ домовъ гнали въ загорбокъ. Но что значили эти мелочи въ сравненіи со всѣми привлекательными сторонами нищенства.

А ихъ было такъ много.

Въ семьѣ за время нищенства я занималъ особое положеніе. Относились ко мнѣ, какъ къ работнику, имѣющему свое дѣло, исполняющему свои семейныя обязанности. Отецъ совсѣмъ пересталъ пороть, а мать только въ случаяхъ особаго озорства давала разъ-другой по чему попадетъ и не зажимала голову въ колѣни, какъ это дѣлала раньше. Да и самъ я какъ будто выросъ на это время, велъ себя дома маленькимъ мужикомъ.

Знакомство со школьными товарищами порвалъ,—они и не захотѣли бы водиться съ нищимъ. Новымъ товарищемъ была неизмѣнная Танька, которую называли моей невѣстой. Потомъ познакомился съ другими нищими, привыкъ къ нимъ, сошелся—они оказались болѣе интересными, чѣмъ школьники,—дѣти городскихъ мѣщанъ,—чистенькіе, но и не искренніе.

А воля, новизна переживаній? Съ утра уходишь изъ дому—и вольная птица. Ни тебѣ матери, надоѣдливо читающей нотацію, ни тебѣ попа въ школѣ, вѣчно запойнаго, пошло гнусящаго, съ' грозной линейкой въ рукѣ.

Бодро выходишь изъ города по дорогѣ на добычу. Ноги шагаютъ легко, руки требуютъ движенія, сумка съ боку и не чувствуется. А въ головѣ веселыя мысли. Ожиданіе новыхъ впечатлѣній, надежды на хорошую „закраску“. Отъ удовольствія запустишь ледышкой въ пробѣгающую собаку, привѣтливо раскланяешься съ незнакомой бабой, которая отъ неожиданности остановится и гадаетъ, чей это мальчишка. Смотришь, есть и попутчики—порожній обозъ. Не замѣтно для возчика, сидящаго на первой лошади, пристроишься на пристяжку и лихо докатишь до мѣста „работы“...

Сергѣй Р.

Эмиль Верхарнъ.

ПРАЗДНЕСТВО.

Многошумный,
Ликующій праздникъ возвѣщенъ былъ съ утра.

И руки, пылая, вплетали, какъ въ схваткѣ безумной,
Золотыя сверканья и блескъ серебра
То въ звенящія спицы
Колесницы,
То въ шлею, то въ дугу.

На лугу,

Гдѣ встаютъ бастіоны,
Ликовали въ блесящихъ мундирахъ своихъ батальоны,
И вѣтромъ съ далекаго берега ржанье коней донесло.

Подъ навѣсомъ, закованнымъ въ сталь и стекло,
Флаги качались, сверкали значки,
И солнце, лаская фронтоны,
Бросало дрожащаго свѣта скачки
На знамена.

А дальше,—гдѣ бухты и портъ
Къ сверканьямъ эфира
Подымали суда вымпела, украшая штандартами бортъ,
И качались такъ нѣжно
На шири безбрежной,
Какъ лиры.

А тамъ, еще дальше, гдѣ городъ простертъ,
Изъ улицы въ улицу стѣны и зданья
Катили, ликуя, привѣтственныхъ словъ начертанья.
Работали всюду—внизу и на крышахъ строеній
Въ хаосѣ звуковъ и быстрыхъ движеній
Съ пивомъ пылающимъ, пивомъ крылатымъ,
Какъ съ братомъ;
Работали всюду въ порывахъ, весельи и шумѣ,
Какъ будто-бы трепеты яркихъ безумій
Уже загорѣлись въ предмѣстьяхъ, домахъ и сердцахъ,
Хотя еще полный восторгъ не пропѣлъ на устахъ.

И вотъ въ этотъ часъ
Тотъ, во имя кого совершались кипѣнія массъ
Нѣжныхъ, простыхъ и суровыхъ,
Изучалъ, какъ загадку, полетъ
Тѣхъ словъ, что метнетъ
Въ движеніе толпъ величавыхъ и буйно-багровыхъ.
Онъ былъ имъ когда-то совѣтомъ, огнемъ и вождемъ ихъ стремленья.
Слова обрѣталъ онъ для черныхъ страданій и бѣдъ,
Но какими словами баюкать теперь опьяненья.
И грозную дрожь тріумфальныхъ побѣдъ?

Разсыпаясь
Многоликимъ призывомъ летѣли впередъ колокольные звоны
Туда, гдѣ ликующій праздникъ зажегъ бастіоны;
Звенѣли, болтая, взвиваясь
Въ пожары простора.
И вдругъ—изъ угрюмыхъ громадъ,
Тяжекъ и грубъ, какъ набатъ,
Рухнулъ огромный побѣдный раскатъ
Собора.

И съ этой минуты,

Извилисто—быстрой, какъ дикія смуты,
Съ глухихъ перекрестковъ, домовъ, площадей безконечныхъ
Къ ослѣпленному блескомъ трибуну ихъ стали стремиться
Вереницы
Толпъ вѣковѣчныхъ.

Съ рынка, гдѣ арки,
Огромны, красивы и ярки,
Вонзали свои орифламмы въ фронтоны,
Двигались женщины, мѣрно сдвигая колонны,
Съ шеей могучей, съ грудью широкой
И высоко
Онѣ поднимали дѣтей своихъ, прямо держа предъ собою,
Чтобы слить
Грядущаго свѣтлую нить
Съ празднично-буйной волною.

Черные фартуки, синія блузы натискомъ ярымъ
Прошли по глухимъ тротуарамъ.
Школьники въ юномъ и свѣтломъ экстазѣ
Напирали на двери лицеевъ и стѣны гимназій,
И весело двери сдавались предъ натискомъ ихъ.
Арсеналы и доки изъ глубей своихъ
Горящія мощныя толпы бросали
Въ открытыя дали.

И все поднимался и все поднимался потокъ многонѣнный
Къ шири проспектовъ по глухимъ переулкамъ,
И казалось порою, что рухнутъ тяжелыя стѣны
Въ шествіи пламенномъ, шествіи гулкомъ,
А окна, ворота, балконы,
Залитые вихремъ протянутыхъ рукъ, одѣтые въ крики,
Слѣдили какъ росъ ураганъ изступленный,
Какъ несъ онъ, волна за волною, огромныя массы,
Чтобъ бросить на площадь прибой ихъ столикій.

Тріумфаторъ-же ждалъ
И въ молчаньи террасы,
Колеблясь, рѣшенья искалъ.
Въ тѣ дни, когда былъ онъ вождемъ, то городъ, застывшій
отъ слезъ,
Его на вершины величья вознесъ,
Но теперь
Столько призывовъ металось и билось о дверь,
Что онъ заблудился во мракѣ исканій.

Подъ полуденнымъ солнцемъ, бросающимъ искры и пурпуръ
сверканій,
Цѣлый народъ,
Мчавшійся въ крикахъ и вихрѣ движеній впередъ,
Волнами своихъ ликованій и бурей величій
Схватилъ, опьянилъ его, сдѣлалъ своею добычей.

А толпа возрастала еще, возрастала опять
И какъ будто дома и колонны хотѣла поднять,
Чтобъ вовлечь въ трепетанье и ярость страстей
Даже косность недвижныхъ вещей.
И смотрѣлъ онъ, какъ море бросалось на сушу,
Какъ неесъ къ нему грозныя волны прибой
И тоже сливался съ грозой ликованій, съ побѣдной толпой
И приступомъ шелъ на него и хотѣлъ разгромить его душу.

Но гордость такъ мало его опьянила,
Что своими онъ сдѣлать не смогъ эти ритмы побѣды и силы
И вотъ, вспоминая лишь скорби, которыя раньше всегда
облегчалъ,
Онъ вдругъ, какъ когда-то, въ тѣ тяжкіе дни—зарыдалъ.

Что то внезапно ворвалось въ теченіе грезъ.
Изступленная радость услышала шопотъ какихъ то угрозъ,
И мгновенно прервалося то золотое звено,
Что длинною нитью трибуна и городъ сковало въ одно.
И дивныя искры безумій и звоновъ
Сожгли его тѣло, души не затронувъ.
Хотѣли онѣ его сжечь на своихъ свѣтозарныхъ кострахъ,
Но нашли въ его сердцѣ лишь пепелъ и прахъ,
И самъ онъ не понялъ той силы, что билася въ немъ все
сильнѣй и сильнѣе:
Онъ былъ лишь—увы!—человѣкомъ идеи.
А праздникъ еще свѣтозарнѣе всталъ и зажегъ торжество,
Метнувшись гигантскимъ прыжкомъ чрезъ него.
Итакъ,
Отъ того что съ невѣдомой силой
Далекое, грустное—отзвукъ исчезнувшихъ дней,—
Въ немъ жило;

Итакъ,
Отъ того что не смогъ
Въ этотъ часъ обновленья
Измѣнить онъ тотъ свѣтлый потокъ, въ которомъ дрожали
его сновидѣнья,—
Сраженное сердце застыло
И палъ онъ въ разгарѣ побѣды своей.

Перев. ***Д. Шиперовичъ.***

Библиотека Института Славяноведения

Изъ пѣсенъ крестьянина.

I.

На родинѣ.

Отчего, родныя хаты,
Вы такъ буднично угрюмы?...
Сердце бьется виновато,
Сердце гложутъ злыя думы.
Отчего на низкой крышѣ
Потемнѣла въ ночь солома?
Сердцу больно... сердце слышитъ,
Какъ не весело жить дома.
Въ каждой хижинѣ—кручина,
Не додуманная дума...
Ни коровы, ни овчины—
Ни у свата, ни у кума.
Подъ рубахою посконной
Сердце плачетъ одиноко...
Слезы ночью предъ иконой
Льются рѣченькой глубокой...
Да не Богъ, а злые люди
Раскололи счастье наше!...
Ахъ, скажите: скоро-ль будетъ
Жизнь отравленная краше?
Въ каждой хатѣ—злая думка,
А въ душѣ—позоръ недавній...
А въ душѣ, какъ въ старой сумкѣ,
Кѣмъ-то брошенные камни.

II.

Думка.

Вѣтромъ сдуло съ крышъ солому;
Въ окнахъ выбитыхъ—тряпицы...
По раздолію родному

Мы разбросаны, какъ птицы.
Въ полѣ-ль трудимся мы мало,
Что бѣдны казной и хлѣбомъ?...
Или правдушки не стало
Подъ широкимъ синимъ небомъ?
Цѣлый вѣкъ мы голодаемъ...
Гдѣ-же счастье, край родимый?
Нѣтъ, мы правдушки не знаемъ,—
Насъ она проходитъ мимо!
Вѣкъ живемъ въ богатыхъ нивахъ,
Землю-матушку ласкаемъ...
А не видимъ дней счастливыхъ,
Солнца радости не знаемъ!
Вспомни насъ въ понурыхъ хатахъ,
Матка-правда, край родимый!
Мы-ли въ жизни виноваты,
Что проходитъ счастье мимо?

III.

Въ полѣ.

Виснетъ полное зерно,
Стебли тонкіе дрожатъ..
Льется красное вино—
Ярко пламенный закатъ.
Колосится матка-рожь,
Разливается волной...
Ржанымъ полемъ не пройдешь,
И тропинки—ни одной!
Въ красной гречѣ—пѣсенъ звонъ,
Въ синемъ небѣ—тишина...
Отдаетъ жнецу поклонъ
Золотистая волна.
Эй, раздайся, греча-мать,
Доспѣвай, сѣдой овесъ...
Полно, други, горевать,
На просторѣ—не до слезъ!

IV.

Молотьба.

Только пыль летитъ съ соломы,
Пляшетъ въ воздухѣ зерно...
Никого не встрѣтишь дома,
Всѣ столпились на гумно.
Солнце, солнце, жарь намъ спины,
Выгоняй девятый потъ...
Въ сторонѣ растутъ овины,
Къ небу высится ометъ.
Въ бородѣ торчатъ колючки,
Подъ рубахой потъ да пыль...
Здѣсь—и бабушки, и внучки,
Старый дѣдка и костыль.
Разъ, два, три... Солома пляшетъ,
Горы золота растутъ...
Не въ скирдахъ-ли—счастье наше
И не счастье-ль—этотъ трудъ?

П. Орѣшинъ.

Холодная весна.

Весна, весна... сколько голодныхъ,
Сколько пьяныхъ въ весеніе дни!
Лица дѣвушекъ малокровныхъ
Талому снѣгу сродни.

Лица скучныя безработныхъ
Подъ солнцемъ блѣднѣй, чѣмъ всегда...
Надъ Невою всѣ такъ охотно,
Глядятъ, какъ бурлитъ вода!

Зябнутъ, смотрятъ... онъ ихъ влечетъ,
Ледъ, зарею ранней зажженный...
Не пророчество ль отдаленное
Несетъ съ собой ледоходъ?

М. Моравская.

Рабочая печать подъ судомъ.

Войдите въ залу судебнаго засѣданія. Слушается литературное дѣло. Судится редакторъ рабочей газеты.

Передъ скучающими и безстрастными людьми съ золотыми цѣпями прокуроръ, слегка приподнявшись, произноситъ неясно, сквозь зубы, пару торопливыхъ фразъ о „несомнѣнности“ состава преступленія и о необходимости обвинительнаго вердикта. Никакихъ аргументовъ, ни капли заинтересованности въ дѣлѣ. Все это лишнее. Не о чемъ говорить долго. Со вздохомъ предсѣдатель даетъ слово защитнику и, нетерпѣливо слушая его, ждетъ когда тотъ, наконецъ, кончитъ. Бываетъ, защитника рѣзко обрываютъ, указывая, напримѣръ, на усталость суда, на желаніе суда скорѣе покончить съ дѣломъ и т. п. Бываетъ, останавливаютъ его, указывая на ненужность, «извѣстность для суда» той или иной его защитительной аргументаціи, т. е. налагая свою руку на существо его рѣчи, самовольно опредѣляя направленіе и задачи этой рѣчи. Все во имя скорѣйшаго, во истину скорострѣльнаго, рѣшенія дѣла!

Такъ идутъ, бѣгутъ эти дѣла, кончаясь неизмѣнно, за изумительно рѣдкими исключеніями, механически-обвинительными приговорами. Печать безнадежности и предрѣшенности лежитъ на всей процедурѣ судебнаго разбора этихъ дѣлъ. Какая-то автоматическая процедура, какая-то административно-канцелярская отписка, со всею ея фатальной опредѣленностью и шаблонной законченностью.

Все вянетъ и никнетъ въ этой бездушной атмосферѣ литературныхъ процессовъ. Забываютъ, что судятъ живого человѣка, скромная фигура котораго темнѣетъ на скамьѣ подсудимыхъ.

Процессъ упрощенъ до дослѣдней степени. Совершенно отвлеченный отъ индивидуальнаго фактическаго матеріала, захваченный въ смутную сферу *политическихъ* оцѣнокъ и побужденій, проникнутый политическимъ духомъ, онъ превратился въ воплощеніе административной кары, административнаго пресѣченія.

Какъ слѣдствіе реакціонныхъ настроеній, съ яркостью проявляется со стороны суда нескрываемое враждебное презрѣніе къ обвиняемымъ редакторамъ. Велики страданія рабочаго человѣка, сидящаго на скамьѣ подсудимыхъ въ качествѣ „отвѣтственнаго редактора“.

Полнымъ сарказма тономъ задаютъ ему стереотипный вопросъ: «Когда вы занялись литературной журнальной дѣятельностью?“—И ждутъ съ улыбками, какъ то отвѣтитъ простой, рабочій человѣкъ, „нанятой“ редакторъ, на ихъ мудреный вопросъ... Иногда получаютъ полный достоинства и смѣлой откровенности отвѣтъ, иногда слышатъ отвѣтное слово—неуклюжее и робкое; тогда шире расплываются судейскія улыбки... Затѣмъ

слѣдуютъ настойчивые вопросы: сколько ъъ мѣсяцъ жалованья получали? Кто нанималъ васъ? Предупреждали ли васъ о привлеченіи къ суду?.. Нерѣдко слышатся и другіе, еще болѣе примѣчательные вопросы, полные аристократическаго презрѣнія. Не исполнялъ ли редакторъ другой какой-либо работы въ редакціи, напр., *не подметалъ ли онъ тамъ половъ*? Дѣло редактора „Н. Р. Г." М. Коккоя, 19 декабря 1913 г., въ суд. палатѣ). Редактора той же газеты В. Е. Рыбина 22 янв. с. г. на засѣданіи по его дѣлу въ СПБ. Окруж. Судѣ грубо спросили, *умѣетъ ли онъ хотъ читать*... Прокуроръ, случается, бросаетъ «возмущенное» слово о бездѣльникахъ, которые не хотятъ работать и идутъ получать легкое редакторское жалованіе.

И какъ ясно при этомъ проявляется стремленіе оттолкнуть съ дороги фигуру „отвѣтственнаго редактора" и добраться до дѣйствительнаго нерва газеты, до ея идейнаго и литературнаго персонала!.. Все чаще забрасываютъ обвиняемыхъ редакторовъ настойчивыми вопросами о томъ, кто является дѣйствительнымъ редакторомъ, кто пишетъ статьи, кого видѣли въ редакціи, кто встрѣчалъ васъ и т. д., и т. д... А прокуроръ съ паѳосомъ говоритъ о „злыхъ людяхъ", „врагахъ существующаго строя", прячущихся-де за спинами «бѣдныхъ", „обманутыхъ" людей... Въ 4-хъ случаяхъ (2 дѣла народнической газеты, 1—дѣло „Сѣв. Правды", 1—дѣло „Новой Раб. Газеты") открывая новую эру, направили дѣло къ дослѣдованію для опредѣленія фактическаго редактора.

Всѣ эти разнообразныя вспышки откровенныхъ соціальныхъ антипатій и антидемократическихъ настроеній яркой общественно-бытовой чертой вкраплены въ бездушную и вялую по существу обстановку „административнаго" разбора литературныхъ дѣлъ. Но тутъ же рядомъ вырисовывается другая общественная черта этихъ процессовъ—поражающій субъектизмъ откровенно—политическаго свойства. Рабочая соціалистическая печать поставлена совершенно въ исключительное положеніе. То, что безпрепятственно печатается, сообщается, комментируется въ общей „большой" либеральной прессѣ,—сплошь да рядомъ получаетъ ярлыкъ „преступности", будучи помѣщено на страницахъ рабочей газеты. Тутъ вспоминаются слова одного изъ прокуроровъ, сказанныя еще на процессѣ покойной „Звѣзды", слова о томъ, что рабочую газету необходимо карать не за дѣйствительный составъ „преступленія" по той или иной статьѣ уголовнаго уложенія, а за „*направленіе*"... Это смѣлое слово господина прокурора фактически стало принципомъ судебнаго разбирательства въ большинствѣ литературныхъ дѣлъ рабочей печати. Безконечной чередой идутъ привлеченія къ суду за помѣщепіе *хроникерскихъ* замѣтокъ, въ которыхъ лишь регистрируются, сообщаются извѣстные факты... Рабочая газета уже не можетъ *сообщать* того, что дѣлается на свѣтѣ, не можетъ часто даже *перепечатывать хронику* изъ буржуазныхъ газетъ; безъ опасности попасть подъ судъ за „возбужденіе".

Двѣ мѣрки создались въ текущей административной и судебной практикѣ по литературнымъ дѣламъ. Рабочую газету привлекаютъ за то, за что никогда не привлекаютъ и не привлекутъ газету буржуазную.

11 декабря 1913 года редакторъ „Нов. Раб. Газ." Коккой судился въ Окр. Судѣ за помѣщеніе замѣтки „Слѣжка за предсѣдателемъ совѣта министровъ", въ которой сообщалось о подслушиваніи телефон. разговоровъ и о репрессіяхъ противъ служащихъ телефон. станціи. Сообщеніе объ этихъ фактахъ обошло всѣ газеты, будучи напечатано въ рядѣ живыхъ замѣтокъ, и только тогда, когда оно черезъ нѣсколько дней развилось въ сокращенномъ видѣ въ рабочей газетѣ, оно стало сообщеніемъ „завѣдомо ложныхъ свѣдѣній о правительственномъ установленіи", возбуждающихъ „враждебное отношеніе" къ нему... На этотъ разъ редактора все-таки оправдали.

Это политическое пристрастіе является ближайшимъ слѣдствіемъ опредѣленнаго классоваго настроенія. которымъ охваченъ современный судъ. Въ рабочей печати подъ обвиненіе поставлены всѣ области общественной мысли и общественнаго дѣйствія, всѣ отдѣлы газетнаго листа, общественнаго, литературнаго и просто освѣдомительнаго характера. Все, что отъ демократіи, объявлено „преступленіемъ".

Свобода думскаго слова... Эта свобода въ результатѣ опредѣленной судебной политики давно уже сведена съ пьедестала „незыблемости" и выглядитъ весьма печально. Читатель помнитъ, какое возбужденіе поднялось въ либеральной печати, когда журналистъ Гростернъ былъ осужденъ петербургской судебной палатой за стенографическое изложеніе въ польской газетѣ думской рѣчи деп. Родичева и когда этотъ приговоръ былъ подтвержденъ Сенатомъ. Но дѣло Гростерна не представляло изъ себя ничего новаго въ общемъ развитіи судебныхъ прецедентовъ послѣдняго времени. Редакторы осуждались за стенографическое изложеніе думскихъ рѣчей еще до этого дѣла, (и, конечно, послѣ него)—съ одинаковой невозмутимостью. Но либеральная печать проходила мимо этихъ случаевъ, ибо это относилось къ редакторамъ не „широкой" прессы,а рабочихъ газетъ. Въ этомъ отношеніи либеральная печать всегда оставалась вѣрной себѣ. Она молчала, когда судъ со все возрастающей рѣшительностью каралъ редакторовъ за изложеніе думскихъ рѣчей с.-д. депутатовъ; она подняла свой голосъ—по случайному поводу, уже тогда, когда обвинительные приговоры за печатаніе думскихъ рѣчей стали совершенно обыденнымъ явленіемъ... И нынѣ мы наблюдаемъ нѣчто весьма опасное по своимъ послѣдствіямъ. Защита все больше теряетъ охоту (а иногда и возможность) серьезно бороться съ практикой обвиненія за думскія рѣчи и почти безгласно проходитъ мимо такого обвиненія, не думая о какомъ-либо принципіальномъ отпорѣ. Ненормально, конечно, и съ юридической, и съ общественной стороны такое поведеніе защиты, но обусловлено оно силой вещей, несомнѣнной побѣдой реакціи въ этой области.

Давно уже въ 1907 году Сенатъ по дѣлу рабочаго Ивана Федорова, обвинявшагося въ распространеніи отдѣльно напечатанной „декларації" с.-д. фракціи 1-ой Гос. Думы, произнесенной въ думскомъ засѣданіи депутатомъ Джапаридзе, далъ свое знаменитое разъясненіе о возможной „преступности" и допустимой наказуемости думскихъ отчетовъ, „неполныхъ", измѣненныхъ въ количественномъ или въ качественномъ отношеніи.

Это разъясненіе сыграло, какъ извѣстно, огромную роль въ судебной практикѣ, главнымъ образомъ, въ отношеніи къ рабочей печати. Безъ дальнѣйшихъ разсужденій, и чѣмъ дальше, тѣмъ все настойчивѣе и автоматичнѣе, судъ сталъ карать за стенографическое изложеніе рѣчей с.-д. депутатовъ (при сокращенномъ изложеніи думскихъ рѣчей даннаго засѣданія), превративъ въ итогѣ довольно смутное разъясненіе Сената, снабженное всетаки различными ограничительными оговорками, въ безоговорочный практическій принципъ полнаго „равенства передъ закономъ“ думской рѣчи со всякимъ инымъ газетнымъ матеріаломъ. Думская рѣчь нынѣ потеряла рѣшительно всѣ признаки „неприкосновенности“, она приравнена къ гонимому обывательскому слову. О принципѣ ея „свободы“, о необходимости прежде всего въ ея изложеніи установить измѣненность „въ количественномъ или качественномъ отношеніи“ уже не заикаются, объ этомъ не упоминаютъ, подходя къ ней въ полицейскихъ побужденіяхъ съ тѣми же мѣрками, какъ и къ обыкновенной политической статьѣ.

Вотъ нѣсколько примѣровъ.

19 октября 1913 г. редакторъ газеты „Лучъ“ осуждается за напечатаніе среди прочаго думскаго матеріала изложенія рѣчи депутата Н. С. Чхеидзе, выступившаго съ заявленіемъ по дѣлу Бейлиса, направленнымъ по адресу націоналистической политики... Усмотрѣнъ призывъ „къ учиненію *бунтовщическаго* дѣянія“.

Редакторъ того же „Луча“ (Антоновъ) 19 декабря 1913 года признается судебной палатой виновнымъ въ напечатаніи (въ № 140 газеты) рѣчи с.-д. депутата Петровскаго, посвященной положенію шахтеровъ. Депутатъ „имѣлъ смѣлость“ заявить, ссылаясь на примѣръ завоеванія англійскими горнорабочими 8 час. рабочаго дня и пр., что и русскіе шахтеры добьются улучшенія своего положенія, добьются и общей демократизаціи страны и передачи земли крестьянамъ и затѣмъ „пойдутъ вмѣстѣ съ шахтерами всего міра“.

На борьбу за иной строй жизни... Газета имѣла смѣлость это напечатать, а у суда хватило рѣшительности осудить за это редактора за „возбужденіе къ учиненію *бунтовщическаго* дѣянія“ (1 п. I ч. 129 ст. уг. ул.).

Тотъ же редакторъ признается виновнымъ въ помѣщеніи рѣчи члена Г. Думы Ягелло о польскомъ самоуправленіи. Инкриминируется всего одна—двѣ фразы. Польскій с.-д. депутатъ указалъ въ своей рѣчи, что рабочій классъ Польши требуетъ демократизаціи самоуправленія, всеобщаго избирательнаго права, и будетъ бороться вмѣстѣ съ пролетаріатомъ Россіи.

Одно указаніе на демократизацію самоуправленія—это... возбужденіе къ „*ниспроверженію*“ существующаго строя (2 п. 129 ст).

Въ цѣломъ рядѣ аналогичныхъ процессовъ судили думское слово рабочихъ депутатовъ. Но довольно и приведенныхъ примѣровъ, чтобы видѣть, до какихъ предѣловъ дошло судебное игнорированіе принципа свободы слова народнаго представительства.

„Возбужденіе“... Къ ниспроверженію существующаго строя, къ бунтовщическимъ дѣяніямъ и т. д. Неопредѣленно формулирована 129 статья уг. ул., говорящая объ этихъ страшныхъ вещахъ. Но если бы даже современный судъ руководствовался тѣмъ смысломъ 129 ст., который вкладывался въ нее составителями уголовнаго уложенія 1903 года, онъ не могъ бы дойти до содержанія своей нынѣшней практики. Составители уг. ул. въ рядѣ точныхъ сужденій своихъ оговорили право общественной критической мысли, право критики существующаго общественнаго строя, обсужденія его недостатковъ и выясненія путей къ будущему строю, т. е. непреложную свободу выраженія оппозиціонной и даже соціалистической мысли. Политическое *мнѣніе*—ненаказуемо. Такъ высказались составители уг. ул. 1903 года, по существу своему суроваго и реакціоннаго. Они уже ясно указали, что необходимымъ признакомъ “бунтовщическаго дѣянія“ (1 п. I ч. 129 ст.) является не оппозиціонность, даже не неправомѣрность, а исключительно „насильственность“. Теперь эти принципы оставлены далеко позади, преданы забвенію. Именно противъ теоретической мысли, политическихъ *мнѣній* направляются нынѣ стрѣлы правосудія. Прокуратура, безъ всякихъ колебаній отдавшаяся власти политическихъ побужденій и старыхъ дореформенныхъ цензурныхъ подозрѣній, приходитъ въ тревогу отъ словъ и словечекъ и призываетъ громы 129 ст. за одни намеки и указаніе на необходимость той или иной реформы, за одно рѣзкое и яркое слово, за одно противорѣчащее почему-либо психологіи прокуратуры политическое сужденіе. *Нѣтъ критерія*, и такъ неопредѣленно формулированная 129 ст. раздута до безконечности и скорпіонами своими направлена противъ демократической общественности, во всей ея совокупности. О чемъ бы ни трактовала газетная статья, но если въ ней пробивается демократическій духъ, если въ ней—Боже упаси! Говорится о „демократизаціи“, о „демократическомъ строѣ“ или просто высказывается „критическое“ отношеніе къ „первому сословію“—дворянству или къ господствующей реакціи, берегитесь—вы совершаете преступленіе, вы призываете къ „бунту“, вы сѣете „вражду между отдѣльными классами населенія“!..

3 октября 1913 г. редакторъ „Луча“ осуждается за литературно-критическій фельетонъ объ Эмилѣ Верхарнѣ, въ которомъ разбирались основные мотивы творчества бельгійскаго поэта и цитировались отдѣльныя мѣста его произведеній. Этотъ фельетонъ, оказалось, заключалъ въ себѣ „возбужденіе къ ниспроверженію существующаго строя“. Счастливая Бельгія, твой государственный порядокъ защищается судомъ далекаго Петербурга!

Далѣе, рабочая газета нынѣ не можетъ безопасно описывать тяжелое экономическое положеніе тѣхъ или иныхъ слоевъ народа, указывать имъ на необходимость борьбы за улучшеніе своего положенія, порицать эгоизмъ имущихъ классовъ...

Тутъ кроется полицейская „опасность“, наши „обновленные“ цензора берутся за удобный для нихъ неясный 6 п. 1 ч. 129 ст., карающій „возбужденіе вражды между отдѣльными классами населенія“.

19 декабря 1913 года редакторъ „Новой Рабочей Газеты“ Коккой приговаривается сиб. суд. палатой къ 3 мѣсяцамъ

тюрьмы за помѣщеніе статьи о „золотомъ тельцѣ“, гдѣ говорилось въ общей теоретической формѣ о капитализмѣ, о жестокихъ его проявленіяхъ. Газета наказана за одно лишь критическое отношеніе къ фундаменту настоящаго—капиталу...

Въ тотъ же день 19 декабря редакторъ „Луча“ Антоновъ осужденъ за хроникерскую замѣтку, гдѣ въ нѣсколькихъ строчкахъ разсказывалось о тяжеломъ экономическомъ положеніи рабочихъ въ Чіатурахъ. 21 января 1914 г. редакторъ „Новой Рабочей Газеты“ Тенцовъ судится за помѣщеніе статьи „Къ труженикамъ моря“, въ которой описывалось дѣйствительно ужасное положеніе матросовъ на торговыхъ судахъ и, конечно, ни въ одной строчкѣ не заключалось ни „призывовъ“, ни даже упоминанія объ эгоизмѣ хозяевъ. Палата оправдала редактора Тенцова, но прокуроръ поддерживалъ обвиненіе по 6 пункту 129 ст. очень рѣшительно. Повѣдать о томъ, что народъ тамъ-то и тамъ-то живетъ, дѣйствительно, въ ужасныхъ условіяхъ—это, по мнѣнію прокуратуры, преступленіе. Безмятежное спокойствіе сильныхъ міра сего дороже всѣхъ другихъ соображеній.

19 декабря 1913 года редакторъ той же „Н. Р. Г.“ Рыбинъ осуждается по тому же 6 пункту на 4 мѣсяца за статью „Два противника“, заключавшую въ себѣ теоретическій анализъ соціальной психологіи и политическихъ стремленій двухъ классовъ дворянства и буржуазіи. Въ этой статьѣ, между прочимъ, говорилось, что „къ дѣлу отстаиванія свободы рабочихъ организацій“ дворянская Россія относится „непримиримо враждебно“, что „для дворянской реакціи классовая работа пролетаріата не имѣетъ никакихъ другихъ законовъ и причинъ, кромѣ зловредныхъ агитаторовъ и не менѣе зловредныхъ рабочихъ газетъ“ и т. п. *) Казалось бы, здѣсь—область политическихъ оцѣнокъ и теоретическихъ сужденій, область, принципіально освобожденная отъ уголовной кары.

И гдѣ тутъ „возбужденіе вражды“, гдѣ „призывы“?

Объявляется преступной газетная статья, порицающая враждебное отношеніе извѣстнаго класса къ безспорному общественному благу—свободѣ организацій.

За непочтительное отношеніе къ „первому сословію“ получайте 4 мѣс. тюрьмы.

Передъ нами поразительное явленіе. Нельзя заикнуться о дворянствѣ, объ имущихъ классахъ.

Спокойствіе „перваго сословія“ поставлено подъ усиленную охрану прокуратуры. Прокуратура съ рвеніемъ защищаетъ опредѣленные классовые интересы, защищаетъ ихъ противъ общественной критики уголовной карой.

Такъ судятъ, такъ примѣняютъ законъ, когда дѣло идетъ о статьяхъ и законахъ, посвященныхъ описанію рабочей жизни или анализу общественныхъ и классовыхъ отношеній.

Съ еще большимъ размахомъ примѣняются къ газетному матеріалу общеполитическаго характера 1-й и 2-й пункты 129 ст. („бунтовщическое дѣяніе“ и „ниспроверженіе“). Прокуратура выхватываетъ изъ публицистической статьи отдѣльныя слова

*) Цитирую по тексту оглашеннаго въ открытомъ засѣданіи обвинительнаго акта.

какъ то „борьба“, „демократизація“, „демократическое движеніе“ и, съ поразительной прозорливостью читая въ сердцахъ неизвѣстныхъ авторовъ, *толкуетъ* передъ судомъ эти слова и фразы, какъ „несомнѣнное“ выраженіе преступныхъ призывовъ къ ниспроверженію и бунту. Судъ почти всегда соглашается съ такой полицейской оцѣнкой печатнаго матеріала, и все дальше и дальше протягиваются щупальцы 129 статьи. На примѣрахъ привлеченія за передачу думскихъ рѣчей мы могли уже видѣть общій характеръ обвинительныхъ призывовъ и приговоровъ въ этой области. Вотъ еще яркіе примѣры.

21 января 1914 г. Судится редакторъ газеты „Живая жизнь“ А. Васильевъ за напечатаніе ряда статей—по 1 п. I ч. 129 статьи.

Вотъ фельетонъ: „Прежде и теперь“, трактующій о будущей борьбѣ за демократизацію существующаго строя и необходимости подготовки кадровъ рабочей с.-д. интеллигенціи. Рабочая интеллигенція,—говорится въ статьѣ,—должна заняться усиленной подготовкой сознательныхъ рабочихъ элементовъ въ роли руководителей и организаторовъ демократической массы, „грядущія событія будутъ имѣть еще большее значеніе, чѣмъ 1905—6 годъ“... *). Хотя тутъ же въ статьѣ имѣется оговорка, что неизвѣстно, какую форму приметъ предстоящая борьба между новой и старой Россіей, цитированныя фразы вставляются цѣликомъ въ обвинительный актъ, какъ выраженіе преступныхъ „призывовъ“, и, за эти фразы, въ согласіи съ обвиненіемъ, судъ приговариваетъ редактора къ крѣпости... За возбужденіе къ *бунтовщическимъ* дѣяніямъ...

Вотъ еще статья „Въ защиту печати“. Здѣсь сообщаются читателю вотъ какія страшныя вещи. Рабочая печать—„зародышъ борьбы рабочихъ за свободу печати, собраній. союзовъ и стачекъ“, и дальше—„частичная борьба за легализацію рабочей газеты превращается во всеобщую борьбу за демократизацію существующаго строя“. Вотъ и все. Но обвиненіе именно въ этихъ фразахъ усмотрѣло „возбужденіе къ учиненію бунтовщическаго дѣянія“. *Легализація* газеты, борьба за свободу печати—это бунтъ, мятежъ... Судъ на этотъ разъ не пошелъ за прокуратурой и оправдалъ редактора. Кстати сказать, какъ необычны и рѣдки эти оправдательные вердикты, это расхожденіе Суда съ призывами прокурора...

А вотъ и еще перлъ обвинительныхъ тенденцій. Тотъ же редакторъ судится за статью, посвященную „десятилѣтію южныхъ стачекъ“. Авторъ высказываетъ въ статьѣ свои соображенія, что эти стачки способствовали „популяризаціи общихъ экономическихъ требованій, а прежде всего—требованія восьмичасового рабочаго дня“, что „волна забастовокъ окончательно ввела въ обиходъ россійскаго рабочаго движенія всеобщую стачку въ разныхъ ея формахъ“, что „забастовкѣ суждено сыграть крупную роль при завоеваніи новаго политическаго и общественнаго строя“. И въ этихъ фразахъ (только въ этихъ фразахъ),—въ констатированіи безспорныхъ явленій, въ общихъ вы-

*) Цитирую по оглашенному въ судѣ обвинит. акту.

водахъ историческаго анализа,—обвиненіе, раздраженное, можетъ быть, однимъ лишь упоминаніемъ о *„завоеваніи“* новаго строя, съ поразительной настойчивостью находитъ тоже вѣчное „возбужденіе къ учиненію *бунтовщическаго* дѣянія“...

Въ другой статьѣ: „Противорѣчія протекціонизма“ (въ той же газетѣ „Живая жизнь“) авторъ ея осмѣлился бросить замѣчаніе о „трехъ китахъ, которыми держится русское государство—самодержавіе, православіе, и народность“. За эту фразу, воздвигнуто обвиненіе по 128 статьѣ: „порицаніе установленнаго основными государственными законами образа правленія въ Россіи“. Тутъ уже получился великій конфузъ. Основными законами объявлена барабанная формула черной сотни. Прокуроръ отказался въ засѣданіи суда отъ обвиненія...

Тотъ же редакторъ А. Васильевъ осужденъ за статью „Выборы въ Финляндіи“ (№ 18 „Живая жизнь“), въ которой, между прочимъ, говорилось о сопротивленіи *„на законной почвѣ“* финляндскихъ должностныхъ лицъ новому закону. Опять возбужденіе къ учиненію *бунтовщическаго* дѣянія...

Но мало этого, мало этой удивительной практики съ 129 статьей. Есть еще одна удобная статья въ уложеніи о наказаніяхъ—1034[4] ст. (3 пунктъ), говорящая о „распространеніи завѣдомо-ложныхъ о дѣятельности правительственнаго установленія или должностнаго лица... свѣдѣній, возбуждающихъ въ населеніи враждебное къ нимъ отношеніе“. Содержаніе этой статьи ясно. Ею карается сообщеніе ложныхъ *свѣдѣній*, указаніе вымышленныхъ *фактовъ* о дѣятельности *опредѣленнаго* должностнаго лица или учрежденія. И ею нельзя, естественно, карать высказываніе политическихъ *сужденій* о дѣятельности правительства, карать оппозиціонную критику, хотя бы самую рѣзкую; и, конечно, уже эту статью никакъ невозможно примѣнять къ сужденіямъ о такихъ явленіяхъ и предметахъ, какъ, напримѣръ, „реакція“, „реакціонная политика“, въ которыхъ нѣтъ никакихъ признаковъ какого-либо „должностнаго лица“ или „правительственнаго установленія“...

Между тѣмъ, прокуроръ и судъ направили остріе 1034[4] статьи (3 п.) именно на эту область. Карается то, что не подлежитъ уголовному преслѣдованію ни по одной статьѣ нашихъ уголовныхъ законовъ, карается по суду то, что могло бы служить матеріаломъ развѣ ужъ только для 500 рублеваго административнаго штрафа. Карается оппозиціонная и демократическая критика правительственной дѣятельности, критика реакціи...

Какія уже тамъ „завѣдомо-ложныя“ свѣдѣнія. Комитетъ по дѣламъ печати налагаетъ арестъ съ привлеченіемъ по 3 п. 1034[4] ст. за какую-нибудь статейку, напримѣръ, о провинціальномъ помпадурѣ, уже въ 7 час. утра удостовѣрившись въ „завѣдомой ложности“ свѣдѣній о неприкосновенномъ губернаторѣ города Глупова... А если ни о какомъ „должностномъ лицѣ“ не упоминается, никакихъ фактовъ не сообщается, а просто говорится о политикѣ,—комитетъ по дѣламъ печати и тутъ спокойно привлечетъ 3 п. 1034[4] статьи, признавъ, вѣроятно, отъ себя лично политическія сужденія автора неправильными, а потому и... „завѣдомо-ложными“.

Вотъ статья въ № 69 „Новой Рабочей Газетѣ“: „На скамью подсудимыхъ!“ (редакторъ Пашковъ, засѣданіе окр. суда 17 февраля 1914 г.). Статья написана въ день оправданія Бейлиса, говоритъ о томъ, что Бейлиса „соединенными усиліями жандармеріи, юстиціи и полиціи, удалось посадить на скамью подсудимыхъ“, что его «морили два года»... и что нынѣ правда пробилась сквозь «толстую кору извращеній и погромнаго краснорѣчія»... *). Это все. Гдѣ тутъ «свѣдѣнія» о комъ-нибудь? Конечно, ихъ нѣтъ; ясно—это политическая статья, дающая общую оцѣнку извѣстнымъ явленіямъ. Ну такъ что же! Два мѣсяца тюрьмы редактору!

24 февраля въ Окр. Судѣ судится редакторъ „Новой Раб. Газеты“ Фатовъ за напечатаніе статьи: „Къ положенію въ русскихъ тюрьмахъ“ (письмо европейскихъ общественныхъ дѣятелей, нѣсколько сотъ подписей). Опять какимъ-то непонятнымъ способомъ устанавливается (?) „завѣдомая ложность“ свѣдѣній. Конечно, не устанавливается, а просто субъективно предполагается, это считается достаточнымъ.

15 марта редакторъ той же „Н. Р. Г.“ А. П. Петровъ судится по 3 п. 1034[4] статьи за рядъ обще-политическихъ статей, посященныхъ дѣлу Бейлиса, также за напечатаніе резолюцій рабочихъ о процессѣ Бейлиса. Въ этомъ дѣлѣ прокуратура побила рекордъ по части примѣненія пресловутой 1034[4] ст. Въ инкримитируемыхъ политическихъ статьяхъ «Первые дни» и «Хочется кушать» ни однимъ словомъ не упоминается о правительствѣ, даже не говорится о «правительственной реакціи»; дѣло идетъ лишь о «черной сотнѣ», «господахъ Марковыхъ и Пуришкевичахъ»... Ни что же сумняшеся прокуратура поддерживаетъ обвиненіе, возведя, повидимому, черную сотню въ рангъ «правительственнаго установленія» или «должностнаго лица», о которыхъ только и говоритъ 1034[4] статья. Черную сотню, въ качествѣ какого-то совершенно оффиціальнаго учрежденія, стремятся охранить, съ оружіемъ уголовной кары въ рукахъ, отъ свободной общественной критики... Здѣсь политическая откровенность достигла крайнихъ предѣловъ.

Въ инкримитируемыхъ резолюціяхъ рабочихъ говорится о «кровавомъ навѣтѣ», созданномъ реакціей, и о солидарности русскихъ и еврейскихъ пролетаріевъ. Все это «завѣдомо-ложныя свѣдѣнія»—Богъ знаетъ, о комъ и чемъ... Изъ одной напечатанной резолюціи взята и поставлена, въ качествѣ «преступной», въ обвинительный актъ такая фраза: «мы считаемъ обвиненіе Бейлиса... *ложнымъ*». Это тоже «завѣдомо-ложное свѣдѣніе»! Бейлиса оправдали, а сказать, что обвиненіе было ложно, нельзя.

Въ этомъ дѣлѣ судъ не счелъ возможнымъ пойти за ретивой прокуратурой и оправдалъ редактора.

№ 12 нашего журнала за 1913 годъ привлеченъ по той же 1034[4] ст. за политическую статью о дѣлѣ разбойника Куща, гдѣ сообщались факты, взятые изъ свидѣтельскихъ показаній и иныхъ данныхъ, выяснившихся на судѣ по этому дѣлу. Опять «завѣдомо-ложныя» свѣдѣнія...

---

*) Цитирую по оглашенному обвинит. акту.

№ 1 «Нашей Зари» за 1914 г. привлеченъ за статью «Арестанткія могилы», беллетристическ-й очеркъ, посвященный художественному образу—неизвѣстной «№—ской тюрьмѣ». Какъ тутъ опредѣлить правительственное установленіе, о которомъ распространяются «завѣдомо-ложныя» свѣдѣнія? Да никакъ; книжку конфисковали.

Вотъ удивительные примѣры примѣненія 1034[4] статьи, ставшей воистину любимымъ оружіемъ въ борьбѣ противъ свободы демократической мысли.

Строптивый административный духъ ворвался въ мертвое и сухое уложеніе о наказаніяхъ и заставляетъ плясать статьи съ разными значками подъ музыку боевой реакціи.

Но не исчерпывается этимъ богатая практика современнаго русскаго суда надъ рабочей печатью. Наибольшее число привлеченій въ послѣднее время падаетъ на *хронику*, посвященную рабочему, въ частности стачечному движенію. На публицистическихъ статьяхъ борятся съ политической *мыслью* демократіи; здѣсь, въ хроникѣ, совершенно откровенно, рука объ руку съ активной администраціей, борятся съ *движеніемъ*, въ его наиболѣе живыхъ пунктахъ и «тревожныхъ» проявленіяхъ.

Вотъ *страховая кампанія*. Газета „Лучъ“, въ № 115, въ хроникѣ, петитомъ, помѣщаетъ фактическое сообщеніе о состоявшемся легальномъ собраніи уполномоченныхъ въ Варшавѣ и, излагая ходъ этого собранія, сообщаетъ, между прочимъ, основные пункты резолюціи, принятой тогда, въ присутствіи полиціи, безъ всякихъ препятствій. Назначенные правительствомъ депутаты не должны принимать участія въ страховомъ присутствіи,—говоритъ эта резолюція. Замѣтка кончается указаніемъ на то, что, судя по собранію, польскіе рабочіе будутъ „съ энергіей отстаивать свои рабочіе интересы въ страховой кампаніи“. Двѣ ети фразы взяты въ обвинительный актъ, и редакторъ С. Г. Григорьевъ признанъ 29 октября 1913 года судебной палатой виновнымъ по 3 п. 129 статьи—въ „возбужденіи къ противодѣйствію закону о страхованіи рабочихъ“. Итакъ, рекомендація дѣйствій вполнѣ лойяльныхъ (ибо отказъ отъ приглашенія администраціи есть свободное ненаказуемое проявленіе частной воли) и указаніе на защиту рабочими своихъ рабочихъ интересовъ объявлено преступленіемъ, противодѣйствіемъ закону о страхованіи рабочихъ. Тотъ же редакторъ осужденъ за помѣщеніе въ № 118 „Луча“ сообщенія о резолюціи рабочихъ книгоиздательства „Копѣйка“, одобряющихъ отказъ „назначенцевъ“ отъ участія въ страховомъ присутствіи. Какъ еще ярче можно выразить административно-политическій духъ и классовую точку зрѣнія, проникающую судебное производство по дѣламъ рабочей печати!

Судебная борьба съ *стачечнымъ* движеніемъ принимаетъ еще болѣе поражающія по своей откровенности формы.

Извѣстно, какимъ событіемъ въ рабочемъ движеніи была упорная стачка лесснеровцевъ. На нее было обращено, конечно, сугубое вниманіе административной и судебной власти. И не одинъ редакторъ поплатился свободой за *сообщеніе* лишь фактическихъ свѣдѣній о забастовкѣ и о сочувствіи къ ней рабочихъ. Заднимъ числомъ получено потомъ было сообщеніе, что на заводѣ Лесснеръ были въ то время какіе-то казенные заказы; это дало поводъ объявить заводъ Лесснера предпріятіемъ, „пріостановленіе дѣятельности котораго угрожаетъ безопасности государства“.

Редакторъ „Живой Жизни“ М. Г. Котовъ 6 ноября 1913 г. осуждается на 2 мѣс. тюрьмы за помѣщеніе одного лишь привѣтствія Лесснеровцамъ отъ группы еврейскихъ рабочихъ, а другой редакторъ той же газеты обвиняется за помѣщеніе привѣтствія музыкантовъ слободы Калачъ, Воронежской губерніи и за сообщеніе о рѣшеніи делегатскаго собранія металлистовъ Выборгскаго района поддержать бастующихъ сборами.

Все это „возбужденіе къ продолженію стачки“...

Перестало быть уже удивительнымъ, когда карають за отдѣльную фразу обращенія къ бастующимъ товарищамъ „держаться крѣпче“ (въ хроникерскихъ замѣткахъ о казеныхъ заводахъ или частныхъ съ „казеными заказами“). Теперь все чаще и чаще предъявляютъ обвиненіе за замѣтки, въ которыхъ при всемъ желаніи нельзя найти ничего „возбуждающаго“, гдѣ только *сообщается* о забастовкѣ.

Вотъ замѣтка о заводѣ Барановскаго (дѣло „Живой Жизни“, № 13—въ суд. палатѣ 21 января 1913 г.), гласящая слѣдующее: „Къ заводу отъ рабочихъ никто не подходитъ. Работаютъ 4 женщины. Администрація завода набирала у воротъ на работу женщинъ, но безрезультатно“. Далѣе сообщаютъ фамили 4 женщинъ... И больше ничего. Прилагается „сообщеніе“ о казеныхъ заводахъ,—и готово возбужденіе къ продолженію стачки въ предпріятіяхъ, пріостановленіе дѣятельности котораго угрожаетъ безопасности государства“ (1 п. 1034 ст.). Вотъ еще примѣръ: № 18 той же „Живой Жизни“, сообщеніе о франко—русскомъ заводѣ: „вывѣшено объявленіе съ приглашеніемъ рабочихъ, распространяются слухи, будто рабочіе ходили къ администраціи для переговоровъ о прекращеніи стачки, но бастующіе рабочіе этимъ слухамъ значенія не придаютъ. Опять „возбужденіе“... По двумъ приведеннымъ замѣткамъ редакторъ (А. В. Васильевъ) получилъ оправдательный приговоръ, хотя прокуроръ поддерживалъ обвиненіе въ полной мѣрѣ. И скольно разъ вообще по такимъ же точно замѣткамъ редакторы рабочихъ газетъ по другимъ процессамъ осуждались на тюремное заключеніе. Редакторъ „Новой Рабочей Газеты“ В. Е. Рыбинъ приговоренъ къ 2 мѣсяцамъ тюрьмы (22 января с. г.) за напечатаніе такой (одной) фразы, какъ „возбуждающей“, въ замѣткѣ о забастовкѣ на Невскомъ Судостр. заводѣ: „маляры постановили продолжать забастовку до полнаго удовлетворенія требованій“..

Редакторъ „Новой Рабочей Газеты“ Пашковъ 17 февраля с. г. осуждается, между прочимъ, за замѣтку о заводѣ Гейслера (опять „Казенные заказы“!), гдѣ сообщалось о ходѣ переговоровъ съ администраціей и о рѣшеніяхъ бастующихъ...

Но всего болѣе удивительнымъ является предъявленное къ редактору „Луча“ Антонову обвиненіе (19 декабря 1913 г., суд, палата) въ напечатаніи замѣтки о Невскомъ судостроительномъ заводѣ (казенномъ)—буквально слѣдующаго содержанія: „Бастуютъ 4 недѣли. Вывѣшено объявленіе, что желающіе работать могутъ записываться, но рабочіе не идутъ“. Ни слова больше.

Только тутъ еще имѣется характерное примѣчаніе редакціи, что она не можетъ по, „независящимъ обстоятельствамъ“ сообщать болѣе подробныя свѣдѣнія о забастовкѣ. И все таки-привлекли. И всетаки прокуроръ находилъ въ замѣткѣ „несомнѣнный составъ преступленія“! Судъ естественно въ данномъ случаѣ счелъ возможнымъ оправдать редактора. Мы видимъ: рабочая газета потеряла передъ лицомъ россійской государственности возможность даже просто *сообщать* о забастовкахъ на казенныхъ заводахъ и на частныхъ, которые искуственно ставяться въ юридическое положеніе „общественно-необходимыхъ“ предпріятій (пытались однажды превратить въ такое предпріятіе даже частное „Международное Об-во спальныхъ вагоновъ“). Правильно усмотрѣли въ рабочій хроникѣ соціалистической газеты, хроникѣ, составляемой самими рабочими, непосредственно обслуживающей рабочее движеніе, тревожное проявленіе общественнаго подъема массы и разрастающейся связи ея съ рабочей печатью. Усмотрѣли это, поняли это. И посыпались судебныя привлеченія, какъ изъ рога изобилія.

Въ серіи живыхъ примѣровъ мы разсмотрѣли текущую судебную практику по дѣламъ рабочей печати. Еще много можно было бы привести аналогичныхъ иллюстрацій, но и приведенные примѣры рисуютъ исчерпывающими чертами типичную картину того, что творится въ судѣ на этихъ процессахъ. Рабочая печать выхвачена судомъ изъ рядовъ нашей общественности, впередъ всѣхъ посажена на скамью подсудимыхъ. Ликвидирована свобода думскаго слова рабочихъ депутатовъ. „Бунтомъ“, „мятежомъ“ и всяческимъ преступленіемъ объявлены простая критика правительства, призывъ къ образованію легальныхъ организацій, упоминаніе о всеобщемъ избирательномъ правѣ и общей демократизаціи страны, указаніе на тяжелое положеніе рабочихъ, порицаніе имущихъ классовъ. Преступленіе—сообщить, только сообщить о забастовкѣ. Преступленіе—сказать непочтительное слово о реакціонной политикѣ. Преступленіемъ стало то, чтораньше „наказывалось“ лишь административнымъ штрафомъ на основаніи усиленной охраны...

Вся сумма настроеній господствующей дворянско-бюрократической реакціи, ея классовый духъ, ея ближайшія чаянія, ея текущая борьба противъ демократическаго и пролетарскаго движенія,—какъ въ фокусѣ, отразились въ современномъ политическомъ судѣ, преобразивъ его въ яркое по выпуклости общественное явленіе.

К. Оранскій.

Поворотъ въ международныхъ отношеніяхъ.

Прошло уже то время, когда наша дипломатія, не взирая на недавнюю Цусиму, ощущала прочную почву подъ ногами и распоряжалась съ хозяйскимъ видомъ на всѣхъ четырехъ концахъ земного шара. Захотѣлось ей основаться въ Персіи—она послала войска въ Персію. Вздумалось ей изморить Китай финансовымъ голодомъ— она добилась и этого. Надоѣло ей ждать естественной кончины больного человѣка на Босфорѣ—она устроила нападеніе извнѣ. Все, чего нога хотѣла,—все получала. А теперь, вотъ, чувствуется не то. Ужъ какъ ей хотѣлось занять турецкую Арменію, а не вышло. Въ Персіи дѣла тоже пріостановились: никакъ она не можетъ устроить отложенія, по монгольскому образцу, Азербейжана, и трансиранская дорога тоже не трогается съ мѣста. Или, вотъ, исторія съ германской военной миссіей въ Константинополѣ. Чего ужъ, кажется, неудобнѣе этой попытки Высокой Порты реорганизовать армію? Коковцевъ, будучи какъ разъ въ Берлинѣ, немедленно поднялъ вопросъ, и затѣмъ пошла писать губернія. Ничего не вышло и пришлось отступить. Пришлось сказать, что не реорганизація турецкой арміи тревожитъ Россію, а лишь тотъ фактъ, что глава миссіи будетъ командовать и константинопольскимъ гарнизономъ. Германія, чтобы „спасти лицо“ пріятеля, согласилась на такой компромиссъ, и генералъ Сандерсъ пересталъ командовать первымъ армейскимъ корпусомъ. За то онъ остался генералъ-инспекторомъ всей турецкой арміи, а другой нѣмецкій генералъ былъ приставленъ къ турецкому командиру корпуса въ качествѣ „помощника“. Русская дипломатія показала видъ, что она очень довольна такимъ рѣшеніемъ конфликта, и тѣмъ дѣло окончилось.

Словомъ, куда ни взглянуть, вездѣ наши дипломатическія дѣла пошли на убыль. Что-то гдѣ-то мѣшаетъ, и всѣ точно сговорились не дѣлать Россіи въ дальнѣйшемъ уступокъ. Что же такое произошло? Произошло невѣроятное: Англія помирилась съ Германіей—помирилась и ликвидировала весь конфликтъ, на которомъ выѣзжала русская—да и не одна русская—дипломатія. Англію уже больше не напугаешь угрозою примкнуть къ Германіи. Съ своей стороны, и Германія уже больше не боится, что Россія нападетъ на нее съ тыла въ то время, какъ она сама будетъ возиться съ Англіей. Миръ между Англіей и Германіей обезоружилъ русскую дипломатію и тѣмъ привелъ къ концу безпримѣрный въ исторіи международныхъ отношеній дипломатическій шантажъ.

Воспользоваться затрудненіями другихъ державъ и заставить уплатить себѣ за нейтральность—такова всегда была политика русской дипломатіи. Такъ она упразднила парижскій запретъ выхода изъ Чернаго Моря во время франко-прусской войны, такъ она укрѣпила свою позицію въ Манчжуріи и сѣверной Анатоліи, пока Англія была занята въ Южной Африкѣ, и такъ въ періодъ ссоры Англіи съ Германіей она заставила признать свои „права“ въ Персіи и Монголіи и могла безнаказанно заварить кашу на Балканахъ. На игру въ открытую, при равныхъ условіяхъ, она никогда не была ни способна, ни достаточно смѣла, и всякій разъ, какъ она пыталась это, она неизмѣнно оставалась въ проигрышѣ. Примѣръ—вся дипломатія, предшествовавшая русско-турецкой войнѣ, и знаменитое соглашеніе Извольскаго съ Эренталемъ въ Бухлау.

И этому нечего удивляться. Дипломатія—это тотъ инструментъ, посредствомъ котораго государства стараются воздѣйствовать на международныя отношенія такъ, чтобы по возможности изолировать главныхъ соперниковъ или намѣченную жертву и

поставить ихъ въ положеніе, не допускающее иного исхода, какъ сдаться, либо рѣшиться на невыгодную войну. Для пользованія этимъ инструментомъ недостаточно обладать ловкимъ и дальнозоркимъ умомъ. Нужны еще и соотвѣтствующія объективныя условія, изъ коихъ главное—собственная сила, придающая цѣнность предлагаемой однимъ дружбѣ и предъявленному другимъ ультиматуму: капитулировать или драться. Но какая уже за русскою дипломатіею сила! Сто и больше лѣтъ тому назадъ, въ періодъ докапиталистическаго развитія, когда и сама государственная и военная организаціи построены были на слѣпомъ подчиненіи и невѣжествѣ народныхъ массъ, Россія, будучи въ состояніи двинуть на поле брани сотни тысячъ темныхъ рабовъ, была грозною военною державою, и ея дипломатія несомнѣнно работала успѣшно. Съ тѣхъ поръ условія радикально измѣнились. Капитализмъ создалъ новую военную технику и новую военную тактику, и мѣсто прежней физической силы и массоваго натиска заняла личная иниціатива и моральная дисциплина. А это какъ разъ такія качества, которыя не могутъ выростать на почвѣ нашей полукрѣпостнической еще государственности. Отсюда пораженія русскаго оружія подъ Севастополемъ, отсюда его неудачи даже въ борьбѣ съ Турціей, и отсюда позоръ русско-японской войны. При такихъ условіяхъ и дипломатіи работать трудно. Напрасно она пыталась передъ крымской войною склонить на свою сторону Австрію и напоминала ей о старомъ долгѣ съ 1849 г.: Австрія не пошла ей навстрѣчу, потому что не вѣрила въ цѣнность ея дружбы. Напрасно, съ другой стороны, она пугала Японію: Японія не придала значенія ея угрозамъ. А во время войны съ Турціей она только тѣмъ купила себѣ невмѣшательство Австріи, что заранѣе, какъ некредитоспособный купецъ, уступила ей Боснію и Герцеговину. И эту внутреннюю слабость русской дипломатіи державы въ общемъ хорошо понимаютъ!

Въ виду этихъ обстоятельствъ приходится удивляться, что именно англійская дипломатія—несомнѣнно, самая успѣшная въ Европѣ—такъ долго давала себѣ импонировать русской дипломатіи и русской силѣ. Ей ли, давнишней соперницѣ Россіи, было не знать ихъ—въ особенности послѣ русско-японской войны?

Но это ослѣпленіе было лишь производнымъ отъ другого, еще болѣе непонятнаго, каковымъ являлась внезапная и, какъ казалось, непримиримая вражда Англіи къ Германіи. Сколько было потрачено бумаги и учености на то, чтобы показать, какъ неизбѣжна эта вражда и какъ неминуемо она должна привести къ вооруженному столкновенію и къ всемірной войнѣ! Тутъ были и анализъ торгово-промышленной конкуренціи между обѣими странами на міровомъ рынкѣ, и указаніе на стремленіе Германіи къ захвату гегемоніи на морѣ, и описанія широкихъ колоніальныхъ вожделѣній пангерманцевъ, и многое другое. Будущій историкъ сможетъ доказать, что дѣло обстояло куда проще. Онъ укажетъ, что хотя германская конкурренція стала припирать англійскую торговлю и промышленность еще въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ, ставъ совсѣмъ грозною къ серединѣ слѣдующаго десятилѣтія; что хотя колоніальныя вожделѣнія германскихъ финансистовъ и промышленниковъ начали стѣснять

Англію уже въ девяностыхъ годахъ; и что хотя Германія впервые набросала свою морскую строительную программу въ 1898 г. и затѣмъ стала осуществлять еще большую въ 1900 г., Англія вплоть до 1903 г. не только продолжала поддерживать съ нею самыя дружескія сношенія, но и активно помогала ей въ колоніальныхъ предпріятіяхъ и въ завоеваніи торговыхъ рынковъ (анатолійская желѣзная дорога, соглашеніе относительно португальскихъ колоній, совмѣстный походъ на Венецуэлу, и пр). Фактически еще въ 1900 г. Чемберлэнъ, тогда руководящій членъ кабинета, публично предлагалъ Германіи союзъ, и вплоть до 1902 г. дискуссіи по морской стратегіи Англіи и въ самомъ парламентѣ и внѣ его все еще вращались вокругъ Средиземнаго, а не Сѣвернаго моря. Въ 1903 г. произошелъ разрывъ по вопросу о багдадской желѣзной дорогѣ, и это именно легло въ основу всей десятилѣтней вражды Англіи къ Германіи.

Но и этому фактору не слѣдуетъ придавать то значеніе, какое ему придавалось. На основаніи того, что говорилось и писалось по этому вопросу въ Англіи, посторонніе наблюдатели тоже были убѣждены, что Англія на смерть перепугана германской тягой на Востокъ, къ Индіи, гдѣ лежитъ центръ тяжести британской Имперіи. На дѣлѣ напуганъ былъ только наивный англійскій обыватель, а тѣ, которымъ вѣдать надлежитъ, прекрасно понимали всю неубѣдительность этой опасности. Фактически еще въ самомъ началѣ рокового 1903 года англійское правительство не безъ дружелюбія относилось къ этой тягѣ, какъ мѣрѣ пересѣченія подобной-же тяги Россіи съ сѣверо-востока, и тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Лэнсдаунъ даже выработалъ въ согласіи съ нѣмецкими финанистами планъ сотрудничества въ предпріятіи англійскаго капитала. Лопнуло это дѣло совершенно внезапно—можно сказать, въ три недѣли. Предложенныя нѣмцами условія сотрудничества были для англійскихъ финансистовъ непріемлемы, и они отказались пойти на сдѣлку, предложенную Лэнсдауномъ. А для того, чтобы нѣмцамъ не было повадки искать финансовой помощи у другихъ англійскихъ группъ, болѣе скромныхъ, чѣмъ они, они рѣшили вынудить само правительство къ отступленію. Съ этой цѣлью они при помощи „Таймса“ и другихъ подобныхъ органовъ подняли шумную агитацію противъ самаго проекта дороги черезъ Багдадъ къ Персидскому заливу, какъ предпріятію, угрожающему Индіи и самому существованію британской имперіи, и такъ хорошо повели дѣло, что, дѣйствительно, правительство должно было сдаться и подъ напоромъ „общественнаго мнѣнія“ заявить, что и оно убѣдилось въ опасности нѣмецкаго проекта, а потому рѣшило вовсе отвергнуть предложенія его авторовъ.

Отсюда и началась „вражда“ Англіи къ Германіи. Такъ какъ недостатка въ инкриминирующемъ матеріалѣ въ видѣ извѣстныхъ рѣчей императора Вильгельма и пангерманскихъ публицистовъ и генераловъ въ отставкѣ не было, то умѣлымъ рукамъ агитаторовъ не трудно было составить обвинительный актъ противъ Германіи, и послѣдняя стала въ глазахъ публики „наслѣдственнымъ врагомъ“. На помощь финансистамъ вскорѣ явились связанные съ ними фабриканты вооруженій и судостроители, равно какъ и сенсаціонная пресса, и правительство

въ концѣ концовъ само пошло по тому-же пути. Консервативное министерство, въ которомъ состоялъ членомъ Лэнсдаунъ, поспѣшило заключить оборонительное соглашеніе съ Франціей и Испаніей, а смѣнившее его въ концѣ мая 1905 г. либеральное правительство, въ которомъ иностраннымъ вѣдомствомъ сталъ завѣдывать сэръ Эдуардъ Грей, человѣкъ безъ всякихъ знаній иностранныхъ дѣлъ, безъ знанія даже иностранныхъ языковъ, и поэтому всецѣло попавшій въ руки своимъ чиновникамъ, пошло еще дальше, превративъ соглашеніе съ Франціей и Испаніей въ наступательное и заключивъ такое-же соглашеніе съ Россіей. Отнынѣ каждый новый инцидентъ въ международныхъ отношеніяхъ, какъ анексія Босніи и Герцеговины, столкновеніе Германіи съ Франціей по поводу дезертировъ въ Казабланкѣ, посылка германскаго судна въ Агадиръ и т. п., сталъ для англійской дипломатіи поводомъ къ прямымъ угрозамъ и провокаціи; можно смѣло сказать, что Англія нисколько не виновна въ томъ, что по поводу того или иного изъ этихъ споровъ не загорѣлась война. Изъ-за этой вражды пришлось жестоко расплачиваться не только Персіи, но и Китаю и германолюбивой Турціи, а косвенно также и Австріи. Персія потеряла свою конституцію, которую сама-же Англія первоначально помогла ей добыть, и фактически свою независимость, Китай лишился Монголіи и Тибета и въ недалекомъ будущемъ лишится всей Мандчжуріи, сѣверной и южной, Турція вынесла контръ-революцію, организованную изъ англійскаго посольства, нападеніе со стороны Италіи, спущенной съ цѣпи Англіей, и затѣмъ цѣлый рядъ ультиматумовъ со стороны Россіи, албанскихъ возстаній, поощрявшихся черезъ Черногорію Россіей-же, и наконецъ великую ампутацію, совершенную подъ покровительствомъ Россіи, почувствовавшей новый приливъ смѣлости подъ эгидою Англіи, и, наконецъ, Австрія увидѣла себя подъ бойкотомъ англо-французскихъ финансистовъ.

Въ концѣ концовъ англо-германская рознь такъ-же быстро и неожиданно лопнула, какъ десятью годами раньше англо-американская дружба. И публика толкуетъ событія неправильно, приписывая сближеніе между прежними врагами балканской войнѣ. На дѣлѣ обстоитъ такъ, что само англо-германское сотрудничество во время балканскаго кризиса было результатомъ состоявшагося уже сближенія и только закрѣпило его, какъ закрѣпляетъ его въ настоящій моментъ параллельное движеніе англо-германской финансовой дипломатіи въ Китаѣ. А обстоятельства, приведшія къ сближенію, отчасти заключались въ томъ, что Англія всякій разъ, какъ рѣшалась на борьбу, видала себя покинутой франко-русской дипломатіей (какъ это было во время анексіоннаго кризиса, во время свиданія въ Потсдамѣ и даже при столкновеніи въ Агадирѣ, когда сама Франція отсовѣтовала посылать флотъ къ африканскому берегу и поспѣшила начать дипломатическій разговоръ съ Германіей), а отчасти въ томъ, что цѣна, которую она вынуждена была уплачивать за французскую, и особенно русскую ненадежную дружбу, оказывалась все болѣе и болѣе невыгодною по сравненію съ выигрышемъ. Германія, напр., уже въ началѣ 1911 года формально выразила готовность сдать свою позицію на персидскомъ заливѣ

въ пользу Англіи; а между тѣмъ Россія все ближе и ближе придвигалась съ разныхъ концовъ къ Индіи—черезъ Тибетъ, черезъ Персію, а въ послѣднее время и черезъ Арменію. Тутъ-то и обнаружилось, что вся такъ называемая „германская опасность“ не стоила ни одной понесенной Англіей жертвы, включая колоссальный расходъ по морскимъ вооруженіямъ, разстроившимъ ея финансы, и что, съ другой стороны, вся хваленная дружба съ Россіей не стоитъ ломаннаго гроша. Непосредственно послѣ Агадира, этого кульминаціоннаго пункта англо-германской ссоры, начинаетъ явственно обрисовываться новое направленіе въ англійской дипломатіи, точно этотъ острый кризисъ нуженъ былъ, чтобы обнаружить всю нелѣпость предыдущей десятилѣтней иностранной политики Англіи. Уже на третій день послѣ знаменитой боевой рѣчи Ллойда Джорджа во дворцѣ лондонскаго лордъ-мэра въ палатѣ авторитетными устами премьера Асквита было заявлено, что англо-французская дружба не „исключительна“, а „включительна“, а черезъ нѣсколько дней Грей подтвердилъ это и добавилъ, что Англія ничего не будетъ имѣть противъ того, чтобы придти къ повсемѣстному соглашенію съ Германіей въ Африкѣ. Съ тѣхъ поръ и началось англо-германское сближеніе. Англійская пресса рѣзко перемѣнила тонъ своихъ статей о Германіи, министры и политики стали изъясняться Германіи въ безкорыстной дружбѣ, лордъ Холдэнъ поѣхалъ въ Берлинъ, а затѣмъ начались формальные переговоры, которые закончились теперь разграниченіемъ „сферъ вліянія“ въ передней Азіи и центральной Африкѣ—за счетъ, конечно, Турціи и Португаліи. Взаимопомощь во время балканскаго кризиса была лишь одною фазою въ этомъ общемъ процессѣ сближенія, и нынче ни въ Англіи, ни въ Германіи больше не слышно о грядущей войнѣ между обоими народами.

Конецъ англо-германской розни означаетъ собою и конецъ англо-русской исключительной дружбы. Ссориться съ Россіей у Англіи нѣтъ ни охоты, ни, покамѣстъ, надобности,—охоты потому, что англійскіе финансисты и судостроители нашли въ Россіи отличное поле для своей просвѣщенной дѣятельности, а надобности потому, что непосредственной опасности отъ русскаго натиска на Индію еще нѣтъ. Но Англія уже несомнѣнно принимаетъ всяческія мѣры предосторожности и не пускаетъ Россію дальше къ Персидскому заливу ни черезъ Персію, ни черезъ Арменію. Сближаясь все больше и больше съ Германіей, она тѣмъ самымъ создаетъ для себя положеніе, защищающее ее отъ ходовъ русской дипломатіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ готовитъ для Россіи угрозу на западной границѣ на случай, если Россія вздумаетъ пойти ей на перекоръ. Это именно русская дипломатія знаетъ и потому чувствуетъ себя нехорошо. Теперь она старается всѣми способами поддерживать близкія отношенія съ Англіей (къ нимъ относится недавній проектъ Сазонова устроить въ Лондонѣ своего рода дипломатическій clearing house для дѣлъ тройственнаго соглашенія и предоставленіе англичанамъ монополіи по выполненію русскихъ судостроительныхъ программъ) и посѣять недовѣріе между нею и Германіей, съ каковою цѣлью она и затѣяла дутую исторію съ германской миссіей. Но эти старанія не увѣнчиваются успѣхомъ и осуж-

дены и въ будущемъ на неудачу *). Масленница прошла—наступилъ, если и не совсѣмъ постъ, то довольно сѣренькіе будни.

Шести-лѣтній престижъ русской дипломатіи сыгралъ во внутренней жизни Россіи разрушительную роль. Не только правительственные, но и общественные круги, стоящіе на задворкахъ правительственной власти, прониклись сознаніемъ своей международной важности, и даже у либераловъ проснулось чувство „народной гордости“ и выявился „національный ликъ“. Какъ-же было не возникнуть извѣстной солидарности между правительствомъ и „обществомъ“—между Сазоновымъ и „РѢчью“, между Столыпинымъ и октябристами? Уже первые дипломатическіе переговоры между Англіей и Россіей за кулисами алжезирасской конференціи—переговоры, окончившіеся открытіемъ для Россіи доступа къ англійскому денежному рынку—подняли духъ правительства и поставили его въ такія моральныя и матеріальныя условія, что оно могло рѣшиться на роспускъ первой Думы; когда-же оно заручилось письменнымъ соглашеніемъ съ Англіей лѣтомъ 1907 г., оно произвело измѣненіе избирательнаго закона. Съ другой стороны, уже къ концу 1908 г. наше „общество“—даже либеральное—продѣлывало въ трогательномъ единеніи съ нашимъ иностраннымъ вѣдомствомъ всю офиціальную „славянскую“ политику анексіоннаго кризиса, и годомъ позже г. Милюковъ заявлялъ на торжественномъ банкетѣ въ Лондонѣ, что онъ представляетъ „оппозицію Его Величества“. Дипломатическіе успѣхи русскаго правительства несомнѣнно содѣйствовали и его внутреннему укрѣпленію и силѣ его натиска въ контръ-революціонные годы, и потому прекращеніе ихъ должно отразиться и на ходѣ дѣлъ внутри страны. Національный ликъ вынужденъ будетъ отказаться отъ своего вызывающаго выраженія. Есть основанія думать, что истина эта начинаетъ проникать въ сознаніе ближайшихъ руководителей нашей иностранной политики и ихъ приспѣшниковъ въ либеральномъ лагерѣ. Вопросъ только въ томъ, окажутся-ли они достаточно сильны, чтобы оказать сопротивленіе тѣмъ элементамъ, которые сдѣлали себѣ профессію изъ авантюризма; если да, то правительственный режимъ и во внутреннихъ дѣлахъ долженъ будетъ взять болѣе умѣренный курсъ, если же нѣтъ, то Россіи не миновать разгрома, внѣшняго, и внутренняго.

Ѳ. Ротштейнъ.

*) Какъ разъ въ моментъ, когда пишутся эти строки, въ Германіи поднялся газетный походъ на Россію. Чѣмъ-бы онъ ни вдохновлялся, онъ составляетъ знаменательное явленіе: онъ показываетъ, что Германія больше не боится Россіи. Такого похода, довольно частаго въ бисмарковскую эпоху, не было за послѣднія десять лѣтъ. Теперь помирившись съ Англіей, Германія намѣрена показать Россіи, что ей подобаетъ быть скромнѣе и больше не присваивать себѣ дипломатической диктатуры на континентѣ. Характерно, что кромѣ какъ въ „Таймсѣ“ этотъ походъ нигдѣ въ англійской прессѣ не нашелъ осужденія, и даже въ органѣ нашего министерства финансовъ это осужденіе носило весьма мягкій характеръ, какъ это естественно въ тѣхъ случаяхъ, когда двое ссорятся въ присутствіи общаго пріятеля.

Общіе вопросы рабочаго законодательства.

1. Общіе и сепаратные законы.

1.

19 февраля Государственный Совѣтъ 72 голосами противъ 64 безъ перехода къ постатейному чтенію отклонилъ законопроектъ о договорѣ найма торговыхъ служащихъ. Принципіальную и тактическую обосновку этого шага дали въ засѣданіи 13 февраля графъ А. А. Бобринскій и П. Н. Дурново.

Кіевскій сахарозаводчикъ высказался *противъ изданія сепаратныхъ законовъ* для отдѣльныхъ группъ наемнаго труда на томъ основаніи, что происхожденіе такихъ законовъ вызывается обычно давленіемъ извнѣ на органы власти „шаекъ бунтовщиковъ“.

Такіе „нажимы“ вообще „едва ли должны служить вѣскимъ поводомъ къ установленію той или другой законодательной нормы“. Но особенно нежелательны уступки внѣшнему давленію въ тѣхъ случаяхъ, когда въ этомъ нѣтъ никакой нужды. Таковъ какъ разъ и данный случай: „забастовка приказчиковъ и не такъ страшна для Россіи, и остается подъ большимъ сомнѣніемъ, будетъ ли она, если намъ удастся отклонить обязательность письменныхъ договоровъ“.

Развивая дальше мысль графа А. А. Бобринскаго, сподвижникъ Плеве и Витте, П. Н. Дурново нашелъ *преждевременнымъ изданіе и общаго закона* объ отношеніяхъ всѣхъ вообще нанимателей къ нанимаемымъ.

„Если бы нашелся такой смѣлый и не совсѣмъ благоразумный человѣкъ, который предложилъ бы издать въ настоящее переходное время такой общій законъ, я бы назвалъ такого человѣка агитаторомъ, но понялъ бы его намѣренія, которыя въ сущности сводились бы къ желанію способствовать водворенію смуты“.

И въ сепаратныхъ законахъ П. Н. Дурново усматривалъ именно опасность перваго шага по пути къ такому общему закону:

„Если вы не хотите, чтобы этотъ законопроектъ черезъ нѣсколько лѣтъ былъ примѣненъ и къ вашей прислугѣ, о чемъ уже началась агитація, и къ сельскимъ рабочимъ (П. Н. Дурново, какъ свидѣтельствуютъ его знаменитыя операціи съ овсомъ въ 1906 г., самъ крупный помѣщикъ), то слѣдуетъ отклонить переходъ къ постатейному разсмотрѣнію“.

Итакъ, общіе рабочіе законы водворяютъ смуту въ отношеніяхъ нанимателей и нанимаемыхъ, а сепаратные являются лишь переходнымъ этапомъ къ общимъ законамъ. Отсюда логически вытекаетъ вы-

водъ, который и сдѣлалъ, ставя по обыкновенію точки на і, П. Н. Дурново: „*Къ изданію законовъ соціальнаго значенія слѣдуетъ приступать съ величайшей осторожностью*, и ссылаться на примѣры Западной Европы у насъ нельзя".

Еще со временъ Лассаля извѣстно, что слуги реакціи не краснобаи. Въ отличіе отъ либераловъ, они имѣютъ мужество открыто высказывать свои взгляды, не опасаясь того впечатлѣнія, которое они могутъ произвести на инако мыслящихъ—будь то власть предержащая или „безсмысленный народъ, поденщикъ, рабъ нужды, заботъ". Такая откровенность цѣнна тѣмъ, что классовая подоплека современной политики выступаетъ здѣсь во всей своей наготѣ, не прикрываясь фиговыми листочками различныхъ идеологій, и для самыхъ отсталыхъ слоевъ населенія съ перваго взгляда становятся понятны движущія силы политической жизни. Такіе наглядные политическіе уроки разрыхляютъ почву для воспріятія теоретической пропаганды.

Мы нисколько не сомнѣваемся, что рабочій классъ въ цѣломъ, торговые служащіе въ особенности, сумѣютъ сдѣлать надлежащіе выводы и изъ голосованія Государственнаго Совѣта, и изъ рѣчей графа Бобринскаго и П. Н. Дурново.

Мы сейчасъ этой практической стороны дѣла касаться не будемъ, а остановимся лишь на вопросѣ, который попутно, помимо своей волп, а, можетъ быть, и вовсе безсознательно затронули оба оратора Государственнаго Совѣта,—на вопросѣ о *соотношеніи общихъ и сепаратныхъ законовъ въ связи съ происхожденіемъ и развитіемъ рабочаго законодательства.*

2.

Великіе лозунги „свободы, равенства и братства" въ буржуазномъ обществѣ, въ силу классовыхъ противорѣчій, на каждомъ шагу превращаются въ свою противоположность. Продавая свою рабочую силу, „свободный, какъ птица", пролетарій является по отношенію къ ея покупателю равноправной стороной. Но это равенство сторонъ только формальное: фактически условія сдѣлки односторонне диктуются продавцу покупателемъ, какъ болѣе сильной стороной. Рабочее движеніе, противопоставляя покупателямъ рабочей силы не распыленныхъ продавцовъ ея, а ихъ организаціи, усиливаетъ этимъ позиціи послѣднихъ и такимъ образомъ стремится до извѣстной степени возстановить фактическое равновѣсіе договаривающихся сторонъ. Рабочее законодательство, какъ продуктъ рабочаго движенія, стремится закрѣпить въ законодательномъ порядкѣ достигнутые на этомъ пути результаты.

Итакъ, рабочее законодательство ставитъ своей задачей *путемъ нарушенія формальнаго равноправія договаривающихся сторонъ установить въ той или иной степени ихъ фактическое равноправіе.* *) Въ этихъ цѣляхъ законодательство объ охранѣ труда вторгается въ „свободный" договоръ найма, ставитъ его подъ свой контроль, предусматриваетъ въ той или иной степени его содержаніе (длина рабочаго дня, способы расплаты и т. д.) и такимъ образомъ ограничиваетъ произволъ сильнѣйшей стороны въ пользу слабѣйшей. Въ „свободѣ" договора, въ „свободѣ" труда, какъ составной части личной „свободы", рабочее законодательство пробиваетъ болѣе или менѣе крупную брешь.

Изъ сказаннаго уже ясно, что въ законодательной охранѣ труда наиболѣе нуждаются именно тѣ слои рабочаго класса, которые наименѣе всего способны собственными силами добиться ограниченія произвола покупателей рабочей силы. Въ дѣйствительности однако мы въ большинствѣ случаевъ видимъ обратное. Рабочее законодательство распространяется преимущественно на наиболѣе сознательные и организованные или во всякомъ случаѣ на наиболѣе способные и готовые къ отпору слои рабочаго класса. Первыми добились законодательной охраны труда фабричные рабочіе; отсюда и берутъ свое начало термины: фабричное законодательство, фабричная инспекція и т. д. Правда, внутри этой группы рабочихъ охрана труда обыкновенно прежде всего распространяется на болѣе слабые элементы—дѣтей и женщинъ. Но не говоря уже о томъ, что при тѣсной связи всѣхъ элементовъ фабричнаго производства обычно „за юбками женщинъ прячутся и мужчины", здѣсь проявляется робость современной законодательной иниціативы, не отваживающейся посягнуть на „свободу труда" взрослыхъ мужчинъ. Во всякомъ случаѣ характерно уже то, что законодательная охрана распространяется лишь на *фабричныхъ* дѣтей и женщинъ, оставляя за своими предѣлами, можетъ быть, еще болѣе нуждающихся въ защитѣ дѣтей и женщинъ, занятыхъ въ ремеслѣ и особенно въ домашней промышленности.

Мало по малу законодательство объ охранѣ труда начинаетъ раздвигать свои рамки, распространяя свое дѣйствіе и на другія отрасли производительнаго труда—ремесло, домашнюю промышленность, сельское хозяйство.

Этотъ процессъ *превращенія фабричнаго законодательства въ рабочее* происходитъ очень медленно, по мѣрѣ того, какъ съ одной стороны въ рабочее движеніе втягиваются отсталые слои рабочаго класса, поскольку съ другой стороны организованный авангардъ пролетаріата все опредѣленнѣе выступаетъ борцомъ не только за групповые, но и за общіе классовые интересы рабочихъ. Но и на этомъ развитіе рабочаго законодательства остановиться не можетъ.

---

*) Нерѣдкость, конечно, и обратное, когда остріе закодательныхъ нормъ, въ угоду сильнѣйшей стороны, направляется противъ слабѣйшей. Таковы напр., всѣ законы, касающіеся сельскихъ рабочихъ въ Россіи. Это противорабочее законодательство мы въ настоящее время оставляемъ въ сторонѣ.

Съ теченіемъ времени купля-продажа рабочей силы становится все болѣе господствующимъ отношеніемъ между людьми, изъ области производства все глубже проникая и въ области непроизводительнаго труда (торговля, домашнее хозяйство, интеллигентныя профессіи). Въ силу этого становится все болѣе настоятельно необходимымъ дальнѣйшее расширеніе рамокъ рабочаго законодательства.

3.

Нося на себѣ отпечатокъ своего происхожденія изъ нѣдръ рабочаго движенія, являющагося и впослѣдствіи его двигателемъ, современное законодательство объ охранѣ труда во всѣхъ странахъ представляетъ изъ себя нагроможденіе въ разное время по разнымъ поводамъ и при разныхъ обстоятельствахъ возникавшихъ и потому плохо согласованныхъ между собой частныхъ, сепаратныхъ законовъ и повсюду еще далеко отъ того, чтобы охватить всѣ случаи купли-продажи рабочей силы. Если мы для примѣра возьмемъ Россію, то, откидывая потеряянныя грамоты временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма (напр., екатерининскій ремесленный уставъ), даже здѣсь можно прослѣдить, какъ законодательство съ отдѣльныхъ группъ фабрично-заводскихъ рабочихъ распространяется на болѣе широкій кругъ ихъ, и какъ подъ вліяніемъ событій 1905 г. дѣлаются робкія, непослѣдовательныя и въ большинствѣ случаевъ неудачныя попытки распространить законодательную охрану на нѣкоторыя новыя группы рабочихъ и служащихъ (ремесло, торговля).

Такое положеніе вещей ставитъ передъ рабочимъ движеніемъ всѣхъ странъ вполнѣ опредѣленную задачу—создать *единое общее для всѣхъ продавцовъ рабочей силы рабочее законодательство, которое давало бы опредѣленный минимумъ охраны труда для всѣхъ случаевъ купли-продажи рабочей силы.*

Эта обобщающая тенденція вполнѣ явственно проявляется сейчасъ въ рабочемъ движеніи. При обсужденіи всякаго новаго проекта дѣлаются попытки раздвинуть его рамки на всѣ отрасли наемнаго труда. Распространеніе страховыхъ законовъ на всѣхъ наемныхъ рабочихъ является однимъ изъ лозунговъ текущей страховой кампаніи въ Россіи. Рѣзкій протестъ даже въ лагерѣ правдистовъ вызвала опубликованная фракціей Малиновскаго первоначальная редакція законопроекта о 8-часовомъ рабочемъ днѣ, распространявшая эту норму въ сельскомъ хозяйствѣ только на крупныя предпріятія [1]).

[1]). Въ этомъ промахѣ мы видимъ не столько сознательную поблажку мелкому сельскому хозяйству, сколько непростительную въ такихъ важныхъ политическихъ выступленіяхъ небрежность. По фракціоннымъ соображеніямъ, чтобы отвлечь вниманіе отъ проекта о свободѣ коалицій, законопроектъ группы Малиновскаго былъ на живую нитку сшитъ изъ лоскутковъ, вырѣзанныхъ изъ проектовъ французской и датской соц. фракцій и проекта Пажитнова, напе-

Изъ тѣхъ же мотивовъ вытекаетъ стремленіе *распространить уже дѣйствующее законодательство на новыя группы рабочихъ.* При этомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда такія попытки исходятъ отъ отдѣльныхъ группъ рабочихъ, онѣ могутъ сами по внѣшности принимать частичный характеръ. Таково, напр., въ Россіи требованіе ремесленныхъ рабочихъ о распространеніи на нихъ фабричнаго законодательства и страховыхъ законовъ.

Особнякомъ и притомъ только въ группахъ, относительно слабо связанныхъ еще съ главнымъ потокомъ рабочаго движенія, стоятъ случаи отсутствія такой обобщающей тенденціи. Такъ, тщательная и выдержанная разработка вопроса о договорѣ найма торговыхъ служащихъ въ соотвѣтствующей секціи IV ихъ съѣзда имѣла все-таки тотъ существенный недостатокъ, что не было перекинуто моста между этимъ проектомъ и дѣйствующими нормами фабричнаго законодательства.[1])

Необходимо во избѣжаніе недоразумѣній сдѣлать одну существенную оговорку, вытекающую изъ несоотвѣтствія дѣйствующаго законодательства требованіямъ рабочихъ. Установленіе связи между новыми законопроектами и дѣйствующими сепаратными законами вовсе не требуетъ включенія въ проекты недостатковъ законовъ. Оно требуетъ только, чтобы проектъ во всякомъ случаѣ не спускался ниже границы дѣйствующихъ законовъ. Наоборотъ, включеніе въ проекты тѣхъ или иныхъ улучшеній можетъ служить поводомъ добиваться включенія ихъ и въ дѣйствующіе законы. *Не равненіе по худшему образцу, а подтягиваніе къ высшимъ нормамъ*, не шаблонное распространеніе дѣйствующаго минимума, а извлеченіе возможнаго максимума изъ всѣхъ дѣйствующихъ и проектируемыхъ нормъ—такова должна быть задача обобщенія законодательства объ охранѣ труда.

Сознаніе необходимости такого единаго рабочаго законодательства проникаетъ на Западѣ и въ среду буржуазныхъ соціалъ-реформаторовъ, *практически* связанныхъ съ рабочимъ законодательствомъ или рабочимъ движеніемъ. Такъ, на по слѣднемъ съѣздѣ представителей промысловыхъ судовъ въ Германіи (Лейпцигъ, 18—20 сент. 1913) адвокатъ Зинцгеймеръ представилъ интересный докладъ о такомъ объединеніи (кодификаціи) рабочаго законодательства, чтобы отдѣльныя положенія его распространялись на всѣ категоріи труда, включая и прислугу, и сельскихъ рабочихъ. Въ тезисахъ доклада, принятыхъ съѣздомъ [2]), содержаніе такого

чатанныхъ въ приложеніи къ его книгѣ „Нѣкоторые итоги и перспективы въ области рабочаго движенія въ Россіи“. Спб. 1910 г Пунктъ о крупномъ земледѣліи (grande culture) взятъ буквально изъ французскаго проекта.

[1]) Въ дебатахъ проскальзывали единичныя и не всегда удачныя указанія на необходимость такой связи.

[2]) Кромѣ предпринимателей, опасавшихся отъ такого объединенія дальнѣйшаго развитія законодательной охраны труда, противъ положеній доклада возражали лишь представители буржуазныхъ обществъ торговыхъ служащихъ, находя обиднымъ и унизительнымъ подведеніе ихъ подъ тѣ же законодательныя нормы, что и рабочихъ.

общаго закона (вѣрнѣе—устава или уложенія) намѣчалось слѣд. образомъ: „охрана жизни, здоровья и нравственности рабочихъ; рабочее время, воскресный отдыхъ, ночная работа, отпуски, вопросы заработной платы, сроки предупрежденія, правила внутренняго распорядка, ученичество, рабочее представительство, свобода коалицій“ и еще нѣкоторые частные пункты. Эти нормы должны распространяться на всѣхъ рабочихъ, заключающихъ договоръ найма, независимо отъ того, заняты ли они въ промышленномъ предпріятіи или нѣтъ.[1])

А наши доморощенные буржуазные соціалъ-реформаторы въ своемъ законодательномъ творчествѣ даже въ моменты наибольшаго радикализма думали главнымъ образомъ о томъ, какъ бы не „передать“, и суживали до возможнаго предѣла сферу дѣйствія вырабатываемыхъ ими законопроектовъ.[2])

Необходимо замѣтить еще слѣдующее.

Въ нашихъ гражданскихъ законахъ имѣются статьи о договорѣ найма, примѣнимые ко всѣмъ случаямъ, на которые не распространяется дѣйствіе сепаратныхъ рабочихъ законовъ. Но эти общіе законы лежатъ за предѣлами рабочаго законодательства, не имѣя существеннаго признака его—защиты интересовъ слабѣйшей стороны. Сейчасъ въ Государственную Думу внесенъ проектъ обязательственнаго права (5-ая книга Гражданскаго Уложенія). Задачей рабочаго представительства въ Думѣ и рабочихъ организацій внѣ ея должно быть требованіе включенія въ этотъ проектъ общихъ нормъ объ условіяхъ и формахъ рабочаго договора, т. е. превращеніе проекта (точнѣе—соотвѣтствующей части его) въ фундаментъ общерабочаго законодательства.

4.

Объединеніе законодательства объ охранѣ труда, имѣющее цѣлью распространеніе его на всѣ случаи купли-продажи рабочей силы, отнюдь не исключаетъ необходимости сепаратныхъ законовъ для отдѣльныхъ группъ рабочихъ. Наоборотъ, исторически само складываясь изъ сепаратныхъ законовъ, общерабочее законодательство въ свою очередь должно стать исходнымъ пунктомъ для ихъ дальнѣйшаго развитія. При этомъ уже второстепенное значеніе имѣетъ та внѣшняя форма, въ которую могутъ вылиться эти сепаратные законы (часть общаго закона, или отдѣльный законъ, или новелла къ основному закону [3]).

[1]) См. CorrespondenzBlatt der Generalkommission 1913, № 40. Докладъ. Зинцгеймера изданъ и отдѣлькой брошюрой.

[2]) Срав., напр., кадетскій законопроектъ 1905—6 г.г. о 8 час. раб. днѣ.

[3]) Этого вопроса мы подробнѣе коснемся въ слѣд. статьѣ.

Общерабочее законодательство даетъ тотъ минимумъ охраны рабочихъ интересовъ, въ которомъ нуждается всякій договоръ найма. Но есть немало случаевъ, когда отдѣльныя группы рабочихъ въ силу особо тяжелыхъ условій труда (напр., горнорабочіе) или слабой способности къ отстаиванію своихъ интересовъ собственными силами (домашняя промышленность) нуждаются въ специфической, *усиленной защитѣ своихъ интересовъ*.

Въ этихъ цѣляхъ и необходимо изданіе для нихъ особыхъ положеній, сепаратныхъ законовъ. При этомъ для защиты интересовъ отдѣльныхъ группъ рабочихъ на вѣсы законодательства бросается вся сила организованнаго рабочаго движенія: рабочіе на дому безъ такой поддержки едва ли скоро добились бы законовъ объ охранѣ труда въ домашней промышленности, изданныхъ за послѣдніе годы въ Германіи и Англіи.

Но этимъ усиленіемъ общихъ законодательныхъ нормъ не исчерпывается значеніе сепаратныхъ законовъ. На нихъ же ложится обязанность предусмотрѣть и предотвратить тѣ нежелательныя возможности и послѣдствія, которыя для отдѣльныхъ группъ рабочихъ вытекаютъ *изъ профессіональныхъ особенностей ихъ работы*.

Таковы, напр., всѣ законы о санитарныхъ условіяхъ труда въ отдѣльныхъ производствахъ: профессіональные союзы на Западѣ подробно разрабатываютъ эту сторону законодательной охраны.[1])

Домашняя прислуга нуждается въ особомъ приноровленномъ къ ея крѣпостной зависимости отъ хозяевъ законѣ.

По условіямъ торговой дѣятельности нормировка рабочаго времени торговыхъ служащихъ сразу сводится къ нулю, если она не влечетъ за собой и нормировки часовъ торговли вообще. Эта особенность дѣлаетъ безусловно необходимыми сепаратные законы для торговыхъ служащихъ.

Далѣе, сепаратный законъ можетъ быть изданъ и тогда, когда при данномъ положеніи вещей удастся добиться усиленія охраны только для той или иной группы рабочихъ, почему-либо поставленныхъ въ привилегированное положеніе (напр., для металлистовъ, работающихъ на судостроительныхъ, оружейныхъ и т. п. заводахъ; или усиленіе санитарнаго надзора въ предпріятіяхъ, изготовляющихъ продукты личнаго потребленія). Не использовать этой выгодной ситуаціи съ тѣмъ, чтобы затѣмъ добиваться обобщенія новыхъ нормъ, было бы непростительной ошибкой.

Въ отдѣльныхъ случаяхъ приходится считаться и съ пережитками прошлаго—напр., съ предразсудками тѣхъ или иныхъ группъ наемнаго труда, отдѣляющихъ себя отъ рабочихъ и не желающихъ подходить подъ нормы общерабочаго законодательства. Этими предраз-

[1]) Въ книгѣ Умбрайта: Die Arbeiterschtz gesetzgebung напечатанъ цѣлый рядъ подобныхъ законопроектовъ герм. с.-д. фракціи и проф. союзовъ.

судками на Западѣ въ значительной степени осложнены вопросы о страхованіи служащихъ, объ организаціи промысловыхъ судовъ и т. д. Ведя неустанную идейную борьбу съ этимъ наслѣдіемъ прошлаго, рабочее движеніе не можетъ отказать въ поддержкѣ отсталымъ группамъ, борящимся за изданіе сепаратныхъ законовъ, разъ они не идутъ въ разрѣзъ съ стремленіями рабочаго движенія въ цѣломъ.

Преимущества, которыя сепаратные законы извлекаютъ изъ существованія общаго закона, очень значительны. Во первыхъ, въ общемъ законѣ есть извѣстный минимумъ охраны, изъ котораго уже можетъ увѣренно исходить сепаратный законъ. Во вторыхъ, только при наличности общаго закона можно быть увѣреннымъ, что отъ охраны не ускользнетъ та или иная группа лицъ наемнаго труда, Какъ ни полонъ, напр.. въ принятой на 4-мъ съѣздѣ торговыхъ служащихъ резолюціи перечень лицъ, на которыхъ должны распространяться законопроекты о договорѣ найма, все же и въ немъ есть значительные пробѣлы (не упомянуты, напр., служащіе у адвокатовъ, включенные въ новѣйшій австрійскій законъ 1910 года о договорѣ найма торговыхъ служащихъ).[1])

Итакъ, *обобщеніе рабочаго законодательства* и на ряду съ этимъ *спеціализація его*, изданіе общаго закона и сепаратныхъ законовъ въ развитіе и дополненіе его [2])—такова задача рабочаго движенія въ борьбѣ за законодательную охрану труда, намѣчающая общее направленіе его дѣятельности въ этой области. Но мало правильно опредѣлить направленіе; необходимо выбрать еще наиболѣе короткій и легкій путь въ этомъ направленіи, чтобы съ наименьшими затратами силъ достигнуть наибольшихъ результатовъ. А для этого необходимъ правильный учетъ всей соціально-политической обстановки. Только точно опредѣливъ исходную точку и соотношеніе общественныхъ силъ, можно установить конкретную линію поведенія въ каждый данный моментъ.

Отправной точкой рабочаго законодательства, какъ указано уже выше, являются болѣе или менѣе несовершенные сепаратные законы (уставъ о промышленности, законы о страхованіи, временныя правила 15 ноября 1906 года), оставляющіе внѣ своей компетенціи громадные слои рабочихъ и служащихъ. Какъ ни плохи эти законы, они все же лучше, чѣмъ ничего. Поэтому расширеніе ихъ границъ является одной изъ очередныхъ задачъ. И правъ былъ П. Н. Дурново, когда опасался, что сепаратный законъ о договорѣ найма торговыхъ служащихъ въ умѣлыхъ рукахъ можетъ стать преддверіемъ къ болѣе общему закону о рабочемъ договорѣ.

[1]) Соотвѣтствующая поправка вносилась во время преній, но не получила закрѣпленія въ резолюціи.

[2]) „Единое рабочее законодательство не можетъ отмѣнять дѣйствія сепаратныхъ законовъ, поскольку они вытекаютъ изъ самыхъ условій труда, или мѣшать въ будущемъ ихъ возникновенію, разъ это окажется необходимымъ. Наоборотъ, растущая диференціація законодательства—желательное и необходимое орудіе прогресса". (Тезисы Зинцгеймера, принятые лейпцигскимъ съѣздомъ представителей промысловыхъ судовъ).

Борьба за общій законъ, частью которой является и борьба за обобщеніе и расширеніе уже существующихъ законовъ, вовсе не стоитъ въ противорѣчіи съ борьбой за сепаратные законы и не только въ тѣхъ случаяхъ, когда они лишь дополняютъ и развиваютъ общій законъ, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда они могутъ стать въ будущемъ однимъ изъ слагаемыхъ этого общаго закона. Такъ, борьба за законодательный минимумъ рабочаго дня шахтеровъ, во многихъ странахъ Запада, мѣстами увѣнчавшаяся частичнымъ успѣхомъ, вовсе не мѣшаетъ борьбѣ за общую законодательную нормировку рабочаго дня. Или другой примѣръ: попытки превратить въ временныхъ правилахъ 15 ноября смѣшанныя комиссіи въ органы надзора съ участіемъ рабочихъ или включить въ нихъ параграфы о промысловыхъ судахъ не означали бы отказа отъ общаго требованія коренной реорганизаціи фабричной инспекціи и введенія промысловыхъ судовъ.

Такимъ образомъ голосованіе противъ сепаратнаго закона лишь потому, что это сепаратный законъ, только лило бы воду на колесо графовъ Бобринскихъ...

Имѣя передъ собой рядъ сепаратныхъ законовъ по однимъ и тѣмъ же вопросамъ, приходится строго слѣдить за тѣмъ, *чтобы нормы одного закона не были ниже другихъ*. Нельзя, напр., допускать пониженія предѣльнаго дѣтскаго возраста въ ремесленномъ и торговомъ законодательствѣ сравнительно съ фабричнымъ. Наоборотъ, *при прохожденіи каждаго новаго сепаратнаго закона крайне важно добиваться включенія въ него впервые новыхъ нормъ*, которыя въ качествѣ прецедента облегчили бы соотвѣтствующій пересмотръ болѣе раннихъ законовъ. Такъ, если вообще признавать цѣлесообразнымъ законодательную нормировку коллективнаго договора, то добиваться включенія въ отклоненный Госуд. Совѣтомъ законопроектъ статьи, хотя бы въ редакціи австрійскаго закона, частично признающей тарифный договоръ (6), было бы несомнѣнно шагомъ впередъ въ развитіи нашего законодательства. Такое же значеніе могло имѣть включеніе въ законъ о несчастныхъ случаяхъ въ предпріятіяхъ Мин. Фин. принципа вознагражденія за профес. заболѣванія. Недаромъ графы Тизенгаузены въ 3-ьей думѣ употребили такія геройскія усилія, чтобы оторвать этотъ хвостъ министерскаго законопроекта, не желая создавать прецедента, на которое могло бы ссылаться рабочее представительство при обсужденіи общихъ страховыхъ законовъ.

До сихъ поръ мы имѣли ввиду главнымъ образомъ отношеніе къ сепаратнымъ законамъ, исходящимъ отъ правительственной власти или не пролетарскихъ партій. Но рабочее движеніе и само можетъ брать на себя иниціативу въ подобныхъ случаяхъ, если: 1) это является необходимымъ въ цѣляхъ развитія сознанія и организован-

ности, особенно среди отсталыхъ элементовъ пролетаріата; 2) если при данномъ соотношеніи силъ можно добиться практическихъ результатовъ для той или иной группы рабочихъ. Впрочемъ, къ этому вопросу мы еще вернемся въ дальнѣйшихъ статьяхъ. Сейчасъ же мы имѣли ввиду показать, хотя бы отчасти, всю сложность тактики въ примѣненіи къ рабочему законодательству, поскольку она вытекаетъ изъ соотношенія общихъ и сепаратныхъ законовъ. И здѣсь не готовый шаблонъ, по всѣмъ правиламъ большевистскаго искусства отлитый въ „неурѣзанный“ лозунгъ, а научный марксистскій анализъ дѣйствительности является единственно надежнымъ критеріемъ для того или иного отношенія къ вопросамъ рабочаго законодательства.

К. Дмитріевъ.

О романѣ А. Бибика *).

I.

Напечатанный два года тому назадъ въ журн. „Совр. Міръ“ романъ А. Бибика „Къ широкой дорогѣ“ прошелъ незамѣченнымъ, если не считать отзыва Львова-Рогачевскаго. А между тѣмъ, несмотря на всѣ значительные недочеты, это первое произведеніе рабочаго беллетриста заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Въ этомъ произведеніи есть главы и страницы, отмѣченныя печатью подлиннаго художества и глубокой значительности. Эта большая значительность отдѣльныхъ мѣстъ дѣлаетъ добрую половину этого романа цѣннымъ художественнымъ матеріаломъ для выясненія развитія рабочаго самосознанія.

Можно спорить о степени художественнаго таланта писателя, но одно несомнѣнно: передъ нами первое произведеніе художника-реалиста, давшаго широкую картину жизни рабочаго коллектива и показавшаго сложный процессъ выдѣленія изъ этого коллектива своей собственной рабочей интеллигенціи. Можно только привѣтствовать выходъ этого романа отдѣльнымъ изданіемъ.

Романъ А. Бибика рисуетъ бытъ рабочаго и ростъ его сознательности въ дореволюціонную эпоху. На пятомъ годѣ, который только слегка намѣченъ въ концѣ, кончается романъ.

Но, прежде чѣмъ перейти къ положительнымъ сторонамъ романа, остановимся на его недочетахъ.

*) „Къ широкой дорогѣ“ изд. М. В. Попова, ц. 1 р. 20 к.

Прежде всего передъ нами не романъ, а очерки, связанные не развитіемъ дѣйствія, а лишь дѣйствующими лицами. Очеркъ первый — первая часть романа, второй — ссылка и третій — прибой пятаго года.

Въ лучшемъ случаѣ это повѣсть-хроника, отдѣльныя части которой имѣютъ далеко не одинаковую цѣнность.

Далѣе. Основная идея романа, которую, судя по послѣднимъ восклицаніямъ Игната, хотѣлъ выявить авторъ, — не выявлена. „Подполье открыло свое лицо, герои примелькались... нужно готовиться къ новой работѣ“, — таковъ заключительный аккордъ, но этотъ аккордъ для насъ художникомъ не подготовленъ, а потому нашъ умъ и чувство этотъ выводъ считаетъ навязаннымъ. Для того, чтобы подготовить насъ къ этому выводу, художникъ долженъ былъ показать намъ картину рѣзкаго несоотвѣтствія дѣйствій стараго подполья требованіямъ рабочаго класса, онъ долженъ былъ показать намъ картину распада старыхъ формъ; ему необходимо было показать намъ широкую картину неизбѣжнаго столкновенія якобинствующей интеллигенціи съ интеллигенціей рабочей, но объ этомъ въ романѣ почти ничего нѣтъ. Мы говоримъ почти, т. е. за исключеніемъ прекрасной сцены конфликта съ представителемъ партіи на митингѣ, гдѣ выступаетъ старый рабочій Перегудовъ. Но для восклицаній въ заключительной части эта сцена недостаточна. Что касается споровъ о характерѣ прокламаціи (первая часть романа) между комитетскими, съ одной стороны, и Артемомъ — съ другой, то мы думаемъ, что врядъ ли самъ авторъ придаетъ этому широкое толкованіе. Правда, какъ увидимъ ниже, здѣсь Бибикъ, какъ художникъ, убѣждаетъ насъ, но этотъ споръ о характерѣ „требованій“ въ плоскости, разбираемой Бибикомъ, былъ изжитъ еще въ дореволюціонный періодъ, т. е. въ предѣлахъ стараго подполья.

Когда писатель убѣждаетъ насъ какъ художникъ, то мы принимаемъ его окончательный выводъ, какъ непререкаемую истину. Такъ убѣждаетъ насъ Гоголь финальнымъ аккордомъ въ „Ссорѣ Ивана Ивановича“, такъ убѣждаетъ насъ Тургеневъ заключительными словами Лаврецкаго въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“. И совсѣмъ не убѣждаетъ Горькій своими заключительными словами въ надуманной повѣсти „Лѣто“. И обратно: когда читаешь „Юность“ Ивана Вольнаго — эту свѣтлую поэму деревни, преображенной правдой общественной, то кончая первую часть вдругъ вспоминаешь послѣднія слова изъ горьковскаго „Лѣта“: съ праздникомъ великій русскій народъ, съ близкимъ воскресеніемъ, милый! Такова тайна художественной убѣдительности. Повторяемъ: этой художественной убѣдительности въ конечномъ выводѣ А. Бибика нѣтъ.

Но мы можемъ у самаго А. Бибика найти доказательство художественной убѣдительности частнаго порядка. А. Бибикъ въ первой части своего романа набрасываетъ передъ нами картину назрѣванія стачки. Мы видимъ, съ какими невѣроятными трудностями сѣрая несоз-

нательная масса сплачивается для протеста, мы видимъ, какъ Игнатъ и Артемъ, прямо съ чрезмѣрными усиліями сдерживаютъ распаденіе борющагося коллектива. Мы видимъ, наконецъ, какъ еще мало связующаго цемента сознательныхъ элементовъ движенія. И когда потомъ мы читаемъ, что Игнатъ и Артемъ настаивали передъ комитетскими, что первая прокламація должна быть чисто экономическая, то мы понимаемъ все трагическое положеніе Игната и Артема: передъ ними съ одной стороны „комитетъ“, немедленно связывающій политику съ экономикой, съ другой—сѣрая масса, которую съ такимъ трудомъ раскачали еще только для экономической борьбы. Здѣсь Бибикъ убѣждаетъ насъ, какъ художникъ, и мы задумаемся надъ сложной проблемой, правда уже давно истекшаго, историческаго періода.

Вообще говоря, къ роману А. Бибика болѣе идетъ тотъ подзаголовокъ, которымъ снабдилъ авторъ отдѣльное изданіе романа. Это именно, прежде всего, исторія развитія сознанія „Игната изъ Новоселовки“.

Первая часть романа является наиболѣе выдержанной. Правда и тамъ есть одно мѣсто, мѣшающее цѣльности. Я имѣю въ виду любовь Артема къ одной дѣвицѣ, которую перебиваетъ у него богатый молодой буржуй Клякса. Въ настораляхъ конца 18-го вѣка есть любимая антитеза: бѣдная пастушка, богатый отвергнутый хамъ и бѣдный, но милый любовникъ. У пролетарія Бибика наоборотъ: онъ—бѣдный благородный рабочій, она коварная матеріалистка, ушедшая къ буржую Клаксѣ. Правда Артемъ не бросается въ озеро, подобно бѣдной Лизѣ, обманутой Эрастомъ, но все-таки антитеза принимаетъ у А. Бибика характеръ мелодрамы, правда обработанной въ пролетарскомъ духѣ. Можно на это возразить, что такія явленія возможны, но вѣдь все дѣло въ томъ, что званіе художника реалиста обязываетъ брать изъ жизни не исключительное, а наиболѣе типичное.

Во второй части романа авторъ рисуетъ рознь интеллигенціи и рабочихъ въ ссылкѣ. Эта рознь отнюдь не носитъ принципіальнаго характера. Ясно, что здѣсь была обоюдная идеализація. Рабочій середнякъ, изъ котораго состоитъ изображаемая Бибикомъ ссылка, смотрѣлъ на каждаго интеллигента, какъ на образецъ подвижничества, а посему былъ удивленъ, столкнувшись въ обыденной жизни съ повышенными требованіями относительнаго комфорта и жизненныхъ удобствъ у интеллигенціи. Съ другой стороны, интеллигентъ—практикъ идеализировалъ до крайности рабочую среду, надѣляя ее авансомъ всѣми добродѣтелями, предполагая, въ своей уже интеллигентской наивности, что эта среда по самому пролетарскому характеру гарантирована отъ элементовъ обывательщины въ будничной повседневной жизни.

Все это А. Бибикъ-художникъ несомнѣнно показалъ намъ, но мнѣ кажется, что онъ недостаточно рѣзко подчеркиваетъ элементъ мелочности и отсутствія принципіальности, присущій этимъ недоразумѣніямъ. Въ разсказѣ стараго Журбы о своемъ конфликтѣ въ ссылкѣ эти взаимныя недоразумѣнія носятъ уже явно выраженный комическій характеръ. Разговоры наборщика Вани и Игната о самостоятельной рабочей партіи на фонѣ этихъ мелкихъ конфликтовъ кажутся ненужными и излишними. Ближе къ истинѣ Артемъ, которому заброшенные въ это сѣверное захолустье рабочіе и интеллигенты одинаково кажутся „затерянными и несчастными“.

Эти ссыльныя недоразумѣнія, изображенныя А. Бибикомъ, всецѣло достояніе эпохи до пятаго года. Дѣло и сейчасъ не обходится безъ конфликтовъ, но это уже недоразумѣнія другого порядка. Взаимной идеализаціи нѣтъ и недоразумѣнія идутъ совершенно не по линіи раздѣла соціальнаго состава ссылки.

II.

Въ первыхъ главахъ своего романа А. Бибикъ показываетъ намъ заводъ и его будничную жизнь. И нужно сказать: показываетъ достаточно ярко. Вы видите здѣсь большое разнообразіе индивидуальностей, вы слышите шумъ и свистъ машинъ... При чемъ инстинктъ художника ведетъ здѣсь Бибика къ тому, что онъ отмѣчаетъ все наиболѣе типичное. Бѣлинскій гдѣ то говоритъ, что задача художника не описывать, какъ люди изо-дня въ день спятъ, встаютъ, обѣдаютъ, а показать какой-нибудь одинъ обѣдъ, какъ показалъ Вальтеръ Скоттъ въ своемъ романѣ обѣдъ рыцарей, отмѣчая всѣ характерныя черты феодальнаго быта.

Вотъ тоже самое и у Бибика. Правда, повышенная интенсивность труда, послѣ пятаго года, измѣнила кое въ какихъ деталяхъ эту картину, но все-таки нужно проработать долгіе годы въ мастерской, чтобы оцѣнить, какъ мѣтко схватилъ художникъ особенности обыденной рабочей жизни. При чемъ эта типичность тѣмъ поразительна, что здѣсь признаютъ природу своихъ будней и токарь и слесарь и типографщикъ и вообще любой рабочій, ибо мѣняются инструменты въ рукахъ работника, а особенности обыденной жизни остаются тѣже самыя. Коллективно вышучиваютъ бородатаго котельщика, болторѣзъ Швабра собираетъ на полбутылки, Черницынъ и Асмоловскій ведутъ съ похмѣлья разговоръ о вчерашнемъ и о своихъ дѣвицахъ. Наконецъ, пѣніе,—сначала веселое, а затѣмъ грустное; „спрыски“ съ Игнатова отца; разговоры о газетныхъ извѣстіяхъ по поводу разстрѣла стачечниковъ, начинающееся броженіе,—все это сплетается въ одинъ клубокъ. И всѣ,—и носители прекраснаго въ душѣ, и носители мѣщанскаго и пошлаго, и заскорузлые старички,—все, затѣмъ, объединяется въ одно въ кратковременномъ порывѣ протеста. Такова картина, нарисованная истиннымъ художникомъ-реалистомъ.

Въ романѣ рядъ рабочихъ типовъ. Сначала обратимъ наше вниманіе на стариковъ. Прежде всего молодежь смущаетъ обывательскій покой стариковъ и вноситъ безпокойство въ ихъ души. Старикъ Максимъ, отецъ Игната, убѣжденъ, что плетью обуха не перешибешь и говоритъ о „дряни“, которая мутитъ народъ. Стачка приводитъ къ разрыву Игната съ отцомъ. Отецъ бросаетъ въ Игната ключомъ съ крикомъ: „Вонъ сукинъ сынъ! — Вонъ изъ моего дома“. Но подъ конецъ тяжелаго жизненнаго опыта, когда Игнатъ уже былъ въ ссылкѣ, онъ начинаетъ чувствовать Игнатову правду. Когда дочери его Катя и Марфуша работаютъ передъ праздниками до полуночи, то уже самъ говоритъ:

„А вотъ пускай-бы тамъ... забастовали“. И какъ-бы резюмируя свое ожесточеніе, онъ, уже измученный тяжелой болѣзнью, кричитъ женѣ, чтобы больше не зажигала лампадокъ: „А на масло — тово! Ни единой — слышишь! Ни единой копѣйки не трать! Поняла? Намаслились!“ Измученный тяжелой борьбой за существованіе Максимъ умираетъ трагической смертью у воротъ завода, поглотившаго его здоровье и геркулесовскую силу.

Старикъ Костычевъ, этотъ, по выраженію Максима, „хитрый кацапъ“, даже въ самый сильный моментъ, когда Артемъ показываетъ свое исполосованное казацкой нагайкой тѣло, когда даже старики расходятся въ угрюмомъ молчаніи, способенъ процѣдить язвительное слово „дочитались“. Этотъ кремень стараго заскорузлаго обывательскаго консерватизма, искалѣчивъ три пальца, изъ коихъ два опять стали дѣйствовать, получивъ 3 тыс. премін, строитъ себѣ домишко и окончательно обростаетъ шерстью.

Далѣе идетъ арматурщикъ Сурковъ — старый болтунъ и пьянчужка. Его разсужденія о томъ, что студенты и прокламаціи пишутъ и въ кишкахъ, какъ въ макаронахъ, копаются,—въ настоящее время уже покрыты давностью. Теперь уже и старики этого не говорятъ. Но Сурковъ носитъ въ себѣ еще одну черту, такъ знакомую у стариковъ, молодымъ сознательнымъ рабочимъ. Сурковъ презираетъ сознательныхъ, какъ плохихъ работниковъ. Онъ чувствуетъ свое ничтожество, а посему хотя въ этомъ желаетъ найти утѣшеніе. Сцена его состязанія съ Игнатомъ по части продуктивности въ работѣ — великолѣпна. „Это видно не книжки читать“, кричитъ Сурковъ, заранѣе увѣренный въ побѣдѣ. И когда Игнатъ, введя новый пріемъ въ работу, обгоняетъ Суркова, то съ досады Сурковъ идетъ съ завода и напивается пьяный.

Но среди этихъ стариковъ есть одинъ, который всѣмъ своимъ существомъ тянется къ правдѣ. Это—токарь Журба. Какими любовными чертами зарисовываетъ передъ нами рабочій-художникъ этотъ обаятельный образъ стараго токаря! Въ Журбѣ громадный источникъ потенціальной силы рабочей коллективности. Ему душно въ этой будничной обстановкѣ мастерской. Весной Журба открываетъ окно и, когда нѣтъ по близости начальства, долго смотритъ на щебечущихъ птицъ; какъ птица стремится къ свѣту солнца, такъ Журба стремится понять жизнь не въ ея обывательской повседневности, а при солнечномъ свѣтѣ высшей правды. Душѣ его претитъ всякое низкопоклонство и когда во время завтрака по заводу проходитъ директоръ, а старики Сурковъ, Костычевъ и Максимъ встаютъ и кланяются, то Журба, послѣ небольшого колебанія, бурчитъ: „А пускай онъ лучше сдохнетъ собачій сынъ! Чортъ его носитъ! Поѣсть не дастъ спокойно“. Онъ неграмотенъ, но потребность выйти изъ узкаго круга интересовъ у него такъ велика, что онъ негодуетъ: „Чортъ васъ знаетъ! И отчего это никто изъ васъ газеты не выпишетъ? Ну пускай ужъ — я неграмотный старый клыкъ, а вы жъ таки умѣете читать“... И эти слова его старики пытаются отпарировать каждый по своему.

Онъ любитъ пѣніе и, когда пѣсенъ на заводѣ не слышно, то ему кажется, что рабочіе стоятъ у станковъ, какъ собаки около будокъ. И понятно, когда такой правдоискатель по призванію сталкивается съ молодымъ рабочимъ карьеристомъ Никоновымъ, то говоритъ ему прямо: „Ты, братъ, не обижайся, а только то скажу: по свинячему такъ дѣлаешь ты, вотъ что. И человѣкъ ты ничего себѣ и газету большую читаешь. А какъ до дѣла — молчокъ. Боишься чего? Тутъ все свои“. На отрицательный отвѣтъ Никонова, онъ продолжаетъ: „А не боишься, такъ зачѣмъ же такъ; мазнешь по губамъ да и спрячешь. Бога, ты говоришь, нѣтъ, а что есть? Молчишь. Рабочая партія — молчишь“. И не добившись отъ Никонова ничего, Журба уходитъ, махнувъ рукой со словами: „Нигдѣ видно правды не добьешься“. Таковъ этотъ старикъ съ сердцемъ юноши, оживающій только въ присутствіи полной энтузіазма сознательной рабочей молодежи.

Карьеристъ Никоновъ, ушедшій съ завода въ коммерсанты, фигура въ романѣ эпизодическая. Онъ когда то „пострадалъ“, но съ тѣхъ поръ ушелъ въ свою скорлупу. На приставаніе Журбы, онъ съ рѣзкостью говоритъ: „Бери газету и читай самъ. Съ меня довольно. Потаскали—будетъ съ меня“.

Теперь обратимся къ категоріи пошляковъ, олицетворяемыхъ у Бибика двумя персонажами: Асмоловскимъ и Черницынымъ. Предоставимъ на минуту слово автору: „Черницынъ— скуластый, угреватый парень съ рыжей щетиной на верхней губѣ. Асмоловскій—извѣстный гармонистъ. У него большой выпуклый лобъ, шапка черныхъ волосъ, взбитыхъ, какъ у поэта, и блѣдное, хотя и потасканное лицо. Оба работали въ полосатыхъ брюкахъ и въ темныхъ приличныхъ пиджакахъ и рубашкахъ-фантазіяхъ, что иному было бы впору и на праздникахъ носить. Внѣ завода выдавали себя за конторщиковъ, либо „механиковъ“. Писатель увѣренной рукой набрасываетъ передъ нами этихъ полусонныхъ, съ опухшими глазами, рабочихъ. Это они прино-

сятъ на заводъ скабрезныя карточки и вообще вносятъ съ собой элементы пошлости.

Этотъ элементъ пошлости Асмоловскій вноситъ даже въ самый серьезный моментъ стачки. Когда директоръ, окруженный бастующей толпой рабочихъ, приглашаетъ депутатовъ въ кабинетъ для переговоровъ, то Асмоловскій, въ толпѣ, затягиваетъ пошлѣйшую шансонетку „Ахъ какъ смѣшно въ отдѣльномъ кабинетѣ“... Толпа гогочетъ. Правда это дало возможность въ процессѣ спора съ директоромъ выдвинуться Игнату и Артему, но это случайность. Асмоловскому просто пришла пошлѣйшая ассоціація, ибо въ самые серьезные моменты жизни борющагося коллектива Асмоловскіе могутъ пребывать въ качествѣ людей, которымъ на все и наплевать. Когда началась стачка, рабочіе потянулись по домамъ и Игнатъ съ тоскою видѣлъ, какъ Черницинъ и Асмоловскій, внося элементъ пошлости, понижаютъ создавшееся настроеніе. Черницинъ держалъ за хвостъ испачканную въ пыли селедку, а вокругъ него острили, смѣялись. Многіе направились въ трактиръ и пивныя. Асмоловскій, оказавшійся героемъ дня послѣ удачной шансонетки, позвалъ извозчика и нарочито приказалъ: къ любушкамъ!“ Напутствуемый „сочными пожеланіями“ рабочей толпы, онъ уѣзжаетъ вмѣстѣ съ Черницинымъ. Конечно, въ моментъ великаго подъема и Асмоловскій не прочь поговорить о „цивилизаціи“ и „началѣ возстанія“, а Черницынъ даже поступаетъ въ дружину, но изгоняется оттуда за проданный револьверъ.

Асмоловскіе это продуктъ большихъ городовъ, гдѣ буржуазная пошлость не можетъ не захватывать отдѣльные неустойчивые эллементы изъ рабочей среды. Правда, ихъ немного. Обыкновенно это большіе франты и далеко не всегда пьяницы. Обезпеченные порядочнымъ заработкомъ, они являются посѣтителями кафе съ открыми сценами, иногда солидными знатоками фарсовъ, оперетокъ и цирковыхъ борцовъ,—словомъ это элементы той трактирной цивилизаціи, которая, если они не пьяницы, дѣлаетъ ихъ карьеристами и будущими мастерами. И въ тѣхъ предпріятіяхъ, которые находятся ближе къ городскому центру и дальше отъ городской окраины,—какъ напр. въ типографской промышленности,—этихъ элементовъ больше.

Прежде, чѣмъ перейти къ представителямъ рабочей интеллигенціи Игнату и Артему, остановимся еще на одной интересной фигурѣ романа. Это—рабочій Костычевъ, демагогъ съ большимъ устремленіемъ къ самой безпринципной махаевщинѣ. Въ первой части романа онъ въ тѣни, но зато въ ссылкѣ онъ мобилизуетъ вокругъ себя середняковъ-рабочихъ и ведетъ походъ противъ ссыльной интеллигенціи. А. Бибикъ не щадитъ его и рисуетъ самыми отталкивающими чертами. Прикрываясь громкими фразами, спекулируя передъ ссыльными интеллигентами своимъ пролетарскимъ „естествомъ“, онъ тайно отъ товарищей получаетъ изъ дому деньги. Когда Игнатъ хотѣлъ регулировать

внутренній распорядокъ въ ссыльной кузницѣ, принаджалещей рабочимъ, то Костычевъ обругалъ его „буржуемъ“. Игнатъ ушелъ и кузница распалась, попавъ въ руки мѣстному обывателю, у котораго работали тѣ-же ссыльные, но уже на тяжелыхъ условіяхъ. Костычевы— это палки въ колесахъ пролетарскаго движенія. Съ какимъ трудомъ въ дни подъема пятаго года, Игнатъ ведетъ борьбу съ его наглой демагогіей и съ какой злобой кричитъ на него Костычевъ: „интеллигентскій ставленникъ“.

Какъ все это знакомо и какъ все это удивительно вѣрно схвачено Бибикомъ. Гл. Успенскій, любя крестьянство, терзаясь за него, не смущался выставлять отрицательные стороны мужицкой жизни. А. Бибикъ, какъ бытописатель рабочихъ, идетъ въ своей правдивости по стопамъ Успенскаго. Онъ также болѣетъ душой и эта боль писателя чувствуется въ эпизодической сценѣ семейнаго конфликта рабочаго Павла съ его обремененной дѣтьми женой, сознательной работницей. Но, болѣя душой, онъ не скрываетъ отъ насъ тѣхъ явленій рабочей жизни, которыя ослабляютъ силу рабочаго коллектива.

III.

Игнатъ и Артемъ—это два психологическихъ типа, которые проходятъ черезъ все наше рабочее движеніе. Артемъ—прежде всего порывъ, прежде всего чувство, а уже потомъ размышленіе. Игнатъ —прежде всего размышленіе, а уже потомъ порывъ и чувство. Вѣрнѣе, Игнатъ всегда успѣваетъ свое чувство захватить мыслью, какъ клапаномъ, регулирующимъ силу пара. Артемъ,—романтикъ Игнатъ, реалистъ. Артемъ не можетъ владѣть своими чувствами. Видъ раздавленнаго человѣка приводитъ его въ оцѣпенѣніе, но затѣмъ, оживляясь, онъ говоритъ Игнату: „знаешь, я могу сейчасъ выкинуть что нибудь... отчаянное“.

Когда потокъ рабочихъ при словѣ „директоръ“, какъ вспугнутое стадо, двигается къ заводу, Артемъ не выдерживаетъ и кричитъ: „Гайками рабовъ проклятыхъ“, а Игнатъ беретъ свое чувство въ руки и, подчиняя его мысли, говоритъ: Если бы поднять одинъ цехъ, тогда стали бы и остальные. Обрадованный Артемъ даетъ новое направленіе своему порыву. Онъ бьетъ въ набатъ и черезъ нѣсколько минутъ заводъ стоялъ, благодаря сочетанію мысли Игната и бурному порыву Артема.

И такъ во всемъ. Очарованный музыкой „Гугенотовъ“, Артемъ кричитъ, не выдерживая шума публики: „Эй вы! Поменьше распускайтесь“. У Игната была эта же самая мысль, но онъ не только ее не привелъ въ дѣйствіе, но въ смущеніи потянулъ Артема за пиджакъ.

Львовъ-Рогачевскій очень вѣрно отмѣчаетъ тонкое пониманіе природы у Игната и безразличное отношеніе къ ней Артема, но

Львовъ-Рогачевскій не совсѣмъ правъ, когда говоритъ, что Артемъ не слышитъ музыки жизни. Нѣтъ, онъ слышитъ ее, но онъ не выноситъ въ этой музыкѣ замедленныхъ темповъ,—вотъ его несчастье. Когда Артемъ и Игнатъ бесѣдуютъ послѣ оперы о жизни и искусствѣ, то вы видите, какими причудливыми изгибами скачетъ мысль Артема и какъ эта же мысль у Игната, дѣлая медленный и плавный поворотъ, вдругъ разрѣшается въ гармоничный выводъ, и тогда Артемъ тихо восклицаетъ: „Ага“!

Весь во власти своего настроенія, Артемъ всегда нуждался въ контролѣ рабочаго коллектива, который быть можетъ научилъ бы его, хотя отчасти, умѣрять пылъ своего, по глубокому выраженію Игната, „большого наболѣвшаго сердца“. Но судьба сложилась иначе. Бѣжавъ изъ ссылки, онъ перешелъ на нелегальное положеніе и тѣмъ оторвался отъ рабочаго коллектива. Скитался онъ по Россіи, былъ заграницей и пойманный вернулся въ ссылку морально разбитый, съ большимъ надрывомъ въ душѣ. Заграницей рабочее движеніе казалось ему слишкомъ будничнымъ, а онъ желалъ, чтобы душа всякаго соціалиста была теперь же глубокой и многозвучной. Все это конечно будетъ не сразу, но его душа не признаетъ этого медленнаго темпа жизни, а потому онъ обрушиваетъ свое недовольство на будничную жизнь западно-европейскихъ рабочихъ. Мелкая будничная партійная работа ему кажется тоже скучной и „истрепанный“ по его собственнымъ словамъ, за время своего нелегальнаго положенія, онъ уходитъ отъ жизни, разочаровавшись въ ней. Вся эта картина душевнаго опустошенія Артема на фонѣ мрачной сѣверной природы производитъ глубокое впечатлѣніе своей художественной правдой.

Игнатъ вышелъ изъ южнаго городского пригорода съ его дивной малороссійской природой. Отъ окружающей пошлости родной обстановки онъ убѣгалъ въ лѣсъ, въ поле и тамъ предавался своимъ юношескимъ мыслямъ о Богѣ и жизни... Затѣмъ поступленіе на фабрику, знакомство съ Артемомъ, совмѣстное чтеніе „Спартака“, лекціи въ кружкѣ и наконецъ книга, которая производитъ переворотъ въ его душѣ. У каждаго передового рабочаго на зарѣ своей юности была такая книга. Для Игната—это былъ томъ Писарева со статьей „Прогрессъ въ мірѣ животныхъ и растеній“. Религіозность исчезла, что, разумѣется, не разрушило серьезнаго отношенія къ жизни. И съ этимъ серьезнымъ отношеніемъ къ жизни онъ уходитъ въ далекую сѣверную ссылку. Здѣсь его чуткость и глубокое проникновеніе въ смыслъ происходящихъ явленій даетъ ему возможность, въ конфликтѣ между интеллигентами и рабочими, встать на объективную нейтральную позицію и тѣмъ внести извѣстное успокоеніе въ полную тревоги душу интеллигентки Нины.

Онъ любитъ природу, но никогда за этой природой не забываетъ живого человѣка съ его скорбями. Вотъ почему гамсуновскій „Панъ“ съ его культомъ природы, — культомъ, изъ-за котораго уже не видно

человѣка съ его мыслями и страданіями, претитъ его пролетарской психикѣ.

Въ моментъ великаго подъема пятаго года, Игнатъ вновь въ своемъ родномъ городѣ, въ своей домашней обстановкѣ. Мать и окружающія ее кумушки и вся эта семейная обывательщина тяготитъ его. Эти страницы романа очень живы и интересны. Игнатъ достаточно силенъ для того, чтобы сохранить свою самостоятельность, но частыя столкновенія съ матерью терзаютъ его душу.

Мать Игната Наталья — это удивительно яркій и живой типъ. Сотни передовыхъ рабочихъ могутъ узнать въ этой матери свою мать со всѣми противорѣчіями ея душевной жизни. Тутъ все: заскорузлое мѣщанство и назойливость упрековъ; хвастовство своимъ сыномъ, почтеніе къ нему, смѣшанное съ любовью и раздраженіемъ на то, что онъ интересы общественные ставитъ выше интересовъ семейныхъ. Всѣ эти противорѣчія уживаются въ душѣ Натальи. Только часъ тому назадъ она изводила Игната своими упреками, а теперь, когда Игнатъ удираетъ изъ дому при приближеніи жандармовъ, она терзается страхомъ за его участь. Когда ротмистръ ругаетъ ея сына, то она, какъ тигрица, готова броситься на него и въ свою очередь обрушивается градомъ ругательствъ на жандарма, а по уходѣ жандармовъ плачетъ о своемъ Игнатѣ. Повторяемъ: вся эта сцена, удивительно живая, даетъ намъ удивительно яркій образъ рабочей матери безъ всякаго романтическаго ореола.

Въ бурные моменты пятаго года мысль Игната все время полна напряженія. Когда заводскій инженеръ напоминаетъ Игнату о равнодѣйствующей, которую надо учитывать въ движеніи, то онъ развиваетъ только тайную мысль его. Больше всего озабочиваетъ Игната отсутствіе сплоченности въ рядахъ рабочаго коллектива. Его задушевная рѣчь на заводѣ, обращенная къ старикамъ, пытается перекинуть мостъ между старымъ и молодымъ поколѣніемъ, ибо онъ понимаетъ, что пассивное и критически-выжидательное положеніе стариковъ можетъ провалить дѣло борьбы за свободу. И для того, чтобы самому понять и учесть мысли и желанія стариковъ, онъ, предсѣдательствуя на митингѣ, пытается вовлечь стариковъ въ обсужденіе создавшагося положенія вещей. Рѣчь старика Перегудова на митингѣ—одинъ изъ интересныхъ эпизодовъ романа. Перегудовъ говоритъ о томъ незаслуженномъ презрѣніи соціал-демократической молодежи къ старикамъ, которое мѣшаетъ правильному взаимному пониманію. Говоритъ также о томъ, что молодые „не съ того конца рѣзьбу рѣжутъ“ и что многіе соціал-демократы вчерашняго дня не лучше ихъ—старыхъ грѣшниковъ. Говоритъ Перегудовъ обо всемъ этомъ безсвязно и сбивчиво. Вѣдь первый разъ онъ выжалъ изъ себя свои неповоротливыя мысли! И чуткій Игнатъ понимаетъ это,—онъ горячо пожимаетъ ему руку и взволнованно говоритъ: „спасибо“. Вѣдь Игнатъ чувствуетъ, что одна такая рѣчь отъ

сердца,—рѣчь человѣка массы, даетъ для дѣла солидарности больше, чѣмъ иные пустозвонные, закругленные періоды оратора отъ имени партіи — „не то гимназистъ послѣднихъ классовъ, не то первокурсникъ“. Не понимая всего значенія рѣчи Перегудова, выскакиваетъ другой ораторъ, дабы спѣшно возразить „отъ имени партіи“. И когда Игнатъ лишаетъ его этой „спѣшности“, то онъ язвительно спрашиваетъ: „Развѣ вы, товарищъ Игнатъ, не марксистъ уже“. Когда доходишь въ романѣ А. Бибика до этого мѣста, то по ассоціаціи вдругъ припоминаются сотни аналогичныхъ, глупыхъ и безобразныхъ эпизодовъ прошлаго и настоящаго... И какъ великолѣпно отвѣчаетъ этому юнцу Игнатъ: „я учусь быть марксистомъ“.

Конечно, въ дни великаго прибоя были захватывающіе душу моменты полнаго слiянія стихіи и всѣхъ элементовъ партійнаго и рабочаго сознанія. Но если разсматривать романъ А. Бибика, какъ исторію развитія самосознанія Игната изъ Новоселовки, тогда художникъ вправѣ былъ дѣлать отборъ и брать изъ этихъ событій то, что, по совершенно вѣрному опредѣленію Львова-Рогачевскаго, является фономъ для характеристики Игната.

* * *

Какъ извѣстно, высшее проявленіе общественности писателей 60-хъ и 70-хъ годовъ и эстетики классической литературы представителей стараго барства, нашло свой гармоническій синтезъ въ творчествѣ Гаршина, Короленко и Чехова. То же самое сочетаніе элементовъ добра и красоты принесъ писатель огромнаго дарованія, вышедшій изъ народа, М. Горькій. Это же сочетаніе мы имѣемъ у лучшихъ писателей-демократовъ нашего времени. Выступать въ литературѣ съ протоколизмомъ Рѣшетникова теперь уже невозможно. Эту истину долженъ помнить каждый рабочій, выступающій на писательскую арену. Правда, Рѣшетниковъ—этотъ угрюмый плебей, вышедшій изъ дебрей Пермской губ. и прошедшій тяжелую цѣпь страданій, разсказываетъ намъ потрясающую правду, но онъ держитъ наше вниманіе *только* этой правдой жизни „Подлиповцевъ“ и уже всѣ другія произведенія Рѣшетникова читаются съ большимъ трудомъ и интересны только для спеціалистовъ. Когда мы обращаемся къ А. Бибику, то мы радуемся, что этотъ писатель-рабочій, вооруженный значительно большимъ запасомъ культуры, нежели Рѣшетниковъ, даетъ намъ въ лучшихъ мѣстахъ своего романа сочетаніе правды и красоты.

Дарованіе писателя-рабочаго еще находится въ стадіи своего-дальнѣйшаго развитія,—это видно по нѣкоторымъ его новымъ разсказамъ. „Рѣшетниковы выражаютъ мысль необходимости чего то новаго въ художественномъ словѣ, уже не помѣщичьяго, хотя и выражаютъ въ безобразномъ видѣ“,— писалъ Достоевскій Страхову. Мы скажемъ:

А. Бибикъ не только выражаетъ мысль чего то новаго, но и даетъ это новое въ лучшихъ мѣстахъ своего романа, при томъ не въ безобразномъ видѣ, а какъ несомнѣнный художникъ.

Въ самомъ дѣлѣ, возьмите у Рѣшетникова вступленіе къ первой главѣ „Подлиповцевъ“ съ протокольнымъ описаніемъ деревни „Подлипной“ и сравните съ описаніемъ природы Бибиковской „Новоселовки“ и вамъ станетъ ясна разница писаній того и другого.

Сравните глубокую воспріимчивость автобіографическаго Игната къ музыкѣ и чисто анекдотическій разсказъ Рѣшетникова о посѣщеніи оперы и вы увидите разницу степени эстетическаго развитія плебея, разночинца и передового рабочаго. Наконецъ, вспомните, что даже писатель громаднаго таланта Гл. Успенскій игнорировалъ пейзажъ,—въ то время какъ писатель-рабочій, не чуждый всѣхъ радостей бытія, показываетъ намъ картины южной и сѣверной природы. И какой знаменательный символическій фактъ! Геніальный, но озлобленный Достоевскій, у котораго также отсутствуетъ пейзажъ, пишетъ злую карикатуру на Тургенева, какъ писателя, не могущаго себѣ представить любовь иначе, какъ на лонѣ природы, окруженную растеніями о которыхъ надо справляться въ ботаникѣ. И теперь приходитъ рабочій-художникъ, общественные идеалы котораго такъ далеки отъ умѣреннаго либерализма великаго представителя стараго барства, и тоже рисуетъ любовь рабочаго Игната и интеллигентки Нины, въ полѣ, гдѣ вечерній закатъ смѣняется очарованіемъ луннаго свѣта.

Творчество А. Бибика—это скромный, но истинный провозвѣстникъ культуры будущаго художества. Сочетаніе элементовъ истины, добра и красоты и признаніе правъ человѣка на всю полноту земного счастья,—вотъ что принесутъ съ собой въ міръ представители пролетаріата,—будущіе рабочіе поэты и художники.

Иванъ Кубиковъ.

Съѣздъ латышскихъ марксистовъ

Недавно состоялся IV съѣздъ латышскихъ марксистовъ, на которомъ присутствовало 18 делегатовъ съ рѣшающимъ, 8 съ совѣщательнымъ голосомъ, а также представители нѣкоторыхъ рабочихъ организацій Россіи.

Послѣдній съѣздъ латышскихъ марксистовъ состоялся въ 1908 году и нынѣшній долженъ былъ подвести итоги работы за періодъ реакціи и новаго пробужденія рабочаго движенія, періодъ, обогатившій практику латышскихъ с.-д. новыми формами дѣятельности. Тотъ путь открытаго рабочаго движенія во

всѣхъ его разнообразныхъ проявленіяхъ, который ощупью намѣчался и проходился не всегда съ должной рѣшительностью, слѣдовало нынѣ намѣтить отчетливѣе на основаніи накопившагося опыта и дать толчекъ къ болѣе планомѣрному и плодотворному развитію.

Но, къ сожалѣнію, IV съѣздъ латышскихъ с.-д. въ очень недостаточной степени оправдалъ возлагавшіяся на него надежды. На немъ преобладало—правда большинствомъ только *одного*, по нѣкоторымъ вопросамъ двухъ голосовъ—то теченіе среди латышскихъ марксистовъ, которое симпатизируетъ поборникамъ раскола въ русскомъ рабочемъ движеніи—ленинскому кружку. Тѣмъ самымъ данъ уже общій отвѣтъ на вопросъ—насколько удовлетворительно съѣздъ разрѣшилъ стоявшія передъ нимъ задачи.

IV съѣздъ латышскихъ марксистовъ означаетъ попытку возврата къ старой, практикой латышскаго рабочаго движенія отброшенной, большевистской идеологіи, попытку возврата къ старымъ организаціоннымъ методамъ работы, попытку насажденія въ латышскомъ рабочемъ движеніи той фракціонной нетерпимости и кружкового сектанства, которое такъ широко практикуется ленинскимъ кружкомъ. Правда, эта попытка удалась далеко не въ полной степени, она показала, какъ шатки тѣ „принципіалныя“ основы, на которыхъ покоится проповѣдь раскола и размежеванія на практикѣ на два и болѣе фронтовъ. Но все таки IV съѣздъ знаменуетъ собой перемѣну „власти“ въ латышской с.-д.-іи. Отъ официальныхъ органовъ этой власти должны были отойти товарищи, которые, не отрицая неоходимости подполья, въ то же время сознавали, что центръ тяжести с.-д. работы перенесся на арену открытыхъ проявленій рабочаго движенія и что въ связи съ этимъ, при измѣнившейся общественно-политической обстановкѣ послѣ-революціоннаго періода, дѣятельность латышскихъ марксистовъ, поскольку они желаютъ въ максимальной степени выполнить задачу руководства массовымъ рабочимъ движеніемъ, должна принять иныя формы, становясь на испытанную почву западно-европейской с.-д.-іи. Нынѣ въ латышской с.-д.-іи официальная „власть“ перейдетъ къ людямъ, которые до сихъ поръ находились подъ сильнымъ вліяніемъ революціонной фразеологіи и кружковой демагогіи ленинской группы и, какъ наиболѣе консервативный элементъ латышскаго рабочаго движенія, старались подчеркивать старые методы узко-кружковой работы, всецѣло принявъ пресловутый лозунгъ раскола—„борьбы съ ликвидаторствомъ“.

Въ центрѣ преній съѣзда стояли „русскія дѣла“ Въ этомъ сказалась та громадная роль, какую играютъ судьбы русскаго с.-д. движенія въ работѣ марксистовъ латышскаго края. Передъ самымъ почти съѣздомъ „русскія дѣла“ обогатились расколомъ въ думской фракціи и съѣзду пришлось выслушать длиннѣйшій перечень—если не ошибаюсь въ 32 пунктахъ—тѣхъ „принципіальныхъ“ разногласій, которыя заставили расколоть фракцію и обогатить Думу фракціей Малиновскаго.

Передъ лицомъ одной изъ наиболѣе хорошо организованныхъ частей россійскихъ марксистовъ впервые столкнулись обѣ части рабочаго движенія Россіи: августовское объединеніе и

ленинскій кружокъ. И если гдѣ-нибудь за послѣдніе годы во всей своей наготѣ „философія“ раскола должна была столкнуться лицомъ къ лицу съ искреннимъ желаніемъ объединенія—такъ это было на латышскомъ съѣздѣ.

Латышскій съѣздъ лишній разъ показалъ, что единство с.-д. Россіи не можетъ быть поставлено на сколько нибудь прочную почву, пока не будетъ сломлена *общими усиліями всѣхъ безъ различія с.-д.* та, питаемая неразвитымъ состояніемъ русскаго рабочаго движенія, безотвѣтственность и фракціонная травля, которую сдѣлала своимъ символомъ вѣры ленинская группа. Ради раскола она не остановилась въ данномъ случаѣ передъ самыми открытыми попытками расколоть латышскихъ марксистовъ, ради раскола ей необходимо было оторвать латышскую с.-д. отъ августовскаго объединенія, если бы для этого пришлось даже тормозить все движеніе латышскаго пролетаріата и внести въ среду латышскихъ с.-д. всѣ демагогическіе пріемы братоубійственной фракціонной войны.

Свою первую резолюцію съѣздъ вынесъ о думской фракціи. Въ оправданіе раскола большевики не могли преподнести ничего другого, кромѣ перечня мелкихъ обидъ, обхода при назначеніи ораторовъ, „обдѣленія“ при намѣченіи кандидатовъ въ комиссіи и пр. Можно было ждать отъ людей, поставленныхъ въ центръ русской политической жизни, *политическихъ* аргументовъ. Можно было полагать, что разъ приверженцы Ленина дѣйствительно сторонники единства, о чемъ иногда находятъ нужнымъ сообщать разныя „Правды“, то они покажутъ, какъ они сумѣли цѣнить единство такого важнаго органа классовой борьбы, какъ думская фракція. Большевики на съѣздѣ показали только, какъ *легко* по приказу „свыше“ единство фракціи было разорвано. Правда, былъ одинъ принципіальный аргументъ—національный вопросъ. Этотъ бѣдный національный вопросъ, неправильную постановку котораго лидеръ фракціи Малиновскаго не столько открылъ будто бы по своему знанію вопроса, сколько по „чутью“!.. Это замѣчательно тонкое „чутье“, какъ извѣстно, лидера не обмануло, ибо другой лидеръ теперь со свойственнымъ ему наѣздничествомъ успѣлъ въ одинъ мигъ „разнести“ всѣхъ сторонниковъ такъ называемой культурно-національной автономіи и записать ихъ въ разрядъ „мѣщанъ“, „либераловъ“, „мѣщанскихъ опортунистическихъ элементовъ“, въ лучшемъ случаѣ „около партійныхъ“ с.-д.

Однако, даже IV съѣздъ латышскихъ марксистовъ, — побоялся, въ виду обнаружившейся безпомощности мастеровъ раскола, большинствомъ одного голоса принять резолюцію, оправдывающую пагубный шагъ „шестерки“. Резолюція о расколѣ въ думской фракціи констатируетъ, что расколъ во фракціи—слѣдствіе раскола въ партіи, что единство фракціи необходимо и *возможно* на основаніи постановленій партіи, ея конференцій и пр. (къ таковымъ постановленіямъ, конечно, не могутъ быть причислены резолюціи всевозможныхъ совѣщаній приверженцевъ Ленина). Далѣе указывается, что с.-д. должны найти такой модусъ совмѣстной работы, который гарантировалъ бы права меньшинства фракціи. Этотъ пунктъ, конечно, при желаніи можно истолковать, какъ требованіе федеративнаго начала, хотя о та-

ковомъ принципѣ авторы резолюціи не рѣшались говорить. Резолюція о фракціи принята единогласно. Она является большой уступкой со стороны меньшинства съѣзда, но это меньшинство было готово на большія уступки поскольку большинство согласилось не подчеркивать своихъ симпатій къ ленинизму.

Однако большинство въ дальнѣйшемъ оказалось далеко не столь уступчивымъ. Въ резолюціи о фракціи было трудно провести свою линію — зато совсѣмъ другое дѣло въ вопросѣ объ отношеніи латышскихъ с.-д. къ расколу вообще. Здѣсь и представитель ленинскаго кружка могъ развернуться во всю ширь и „отхватить" отъ русскаго рабочаго движенія добрую его половину, объявивъ ее не признающей партіи; стало быть и разговора о единствѣ съ этой половиной быть не можетъ. Этой простой схемы для большинства съѣзда было достаточно.

Важнѣйшіе тезисы предложенной по этому вопросу резолюціи гласили: объединеніе возможно только между с.-д., признающими подполье и неурѣзанные лозунги; такое объединеніе возможно, какъ объединеніе снизу. Въ центрѣ внутренней борьбы русскихъ марксистовъ стоитъ вопросъ о ликвидаторствѣ, котофое было осуждено въ 1908 и 1910 году. Попытка примиренцевъ объединиться съ ликвидаторами оказалась безуспѣшной: первые подпали подъ идейно-политическую зависимость послѣднихъ. Съѣздъ латышскихъ марксистовъ осуждаетъ ликвидаторство, разрываетъ связь съ августовскимъ объединеніемъ и *примыкаетъ* къ ленинскому кружку. Съѣздъ латышскихъ марксистовъ требуетъ скорѣйшаго созыва съѣзда общерусскаго.

Эту редакцію сами авторы подъ натискомъ меньшинства съѣзда должны были измѣнить, вычеркнувъ мѣсто, говорящее объ организаціонной связи съ ленинскимъ кружкомъ. Мѣсто это было замѣнено другимъ, гласящимъ, что латышскіе марксисты для политическихъ кампаній координируютъ свои дѣйствія съ тѣми с.-д. группами, съ которыми будетъ совпадать принятая съѣздомъ политическая линія. Подразумѣвалась, конечно, ленинская группа. Но и этой редакціи резолюціи не суждено было быть принятой. Путемъ „обработки" поправками, меньшинству удалось немного испортить ленинское торжество; въ окончательной формѣ принятая резолюція—9-ю голосами, противъ 8—осуждая, конечно, ликвидаторство и отзывая представителя изъ августовскаго объединенія, въ то же время ясно говоритъ, что никакой организаціонной связи не должно быть и съ ленинскимъ кружкомъ, и что латышскіе марксисты и впредь будутъ солидарны съ пролетаріатомъ Россіи во всѣхъ его выступленіяхъ и политическихъ кампаніяхъ. Но затѣмъ слѣдуетъ курьезный пунктъ, который говоритъ, что осужденіе ликвидаторства не относится къ нелегальнымъ организаціямъ, примыкающимъ къ августовскому объединенію, координація дѣйствій съ ними резолюціей не исключена. Пунктъ принятъ 8 голосами меньшинства при 5—противъ и остальныхъ воздержавшихся.

Но кто же осужденъ? „Ликвидаторство"—резолюція понимаетъ такъ, какъ это опредѣлялось въ 1908 году—какъ стремленіе одной части интеллигенціи ликвидировать существующія организаціи русскихъ марксистовъ и замѣнить ихъ безформенными объединеніями въ рамкахъ легальности *во что бы то ни*

стало, даже отказываясь отъ *программы* и пр. Наврядъ ли много таковыхъ ликвидаторовъ насчитывалось въ 1908 году и навѣрное ихъ чрезвычайно трудно будетъ отыскать въ лѣто 1914-ое. И, конечно, ни одинъ изъ тѣхъ, кого принято называть „ликвидаторомъ" по распространительному толкованію, изъ-за такого „осужденія", вынесеннаго на латышскомъ съѣздѣ, слезы не прольетъ.

Резолюція, кромѣ того, констатируетъ, что объединеніе „снизу" должно быть подкрѣплено объединеніемъ „сверху". Привѣтствуется иниціатива Интернаціонала и поручается новому руководящему учрежденію въ своихъ выступленіяхъ въ дѣлѣ объединенія русскихъ с.-д. руководствоваться принятой резолюціей.

Меньшинство съѣзда свои взгляды изложило въ резолюціи, которая въ формѣ декларации за подписями 8 рижскихъ делегатовъ съ рѣшающимъ и 5 делегатовъ съ совѣщательнымъ голосомъ не была поставлена ими на голосованіе. Резолюція стояла на точкѣ зрѣнія августовской конференціи. Снята она была со слѣдующей приблизительно мотивировкой: резолюція—принимая во вниманіе императивные мандаты противной стороны—не ставится на голосованіе, чтобы не обострять отношеній среди латышскихъ марксистовъ, въ томъ убѣжденіи, что резолюціи противной стороны, если за ними не будетъ устойчиваго большинства, только обострятъ отношенія среди лат. с.-д., что помѣшаетъ успѣшной работѣ. Въ интересахъ совмѣстной работы меньшевики голосовали за компромиссную резолюцію, за которую могли голосовать всѣ делегаты.

Эта компромиссная резолюція, никого не осуждая, стояла на точкѣ зрѣнія резолюціи Интернаціонала и принциповъ объединенія августовской конференціи, но отзывала представителя изъ августовскаго блока. Она выражала защищавшуюся отдѣльными товарищами такъ называемую „нейтральную" позицію. Но эта резолюція получила только 8 голосовъ и меньшинство своей уступкой не привлекло никого изъ „ленинцевъ" къ „золотой серединѣ".

Большинство, состоящее на половину изъ рижскихъ делегатовъ, на половину изъ делегатовъ латышской провинціи, гдѣ рабочіе движеніе значительно отстало и по разнымъ причинамъ застряло въ старой оболочкѣ, было неуступчиво.

Послѣ насилія, произведеннаго надъ меньшинствомъ, ему ничего другого не оставалось, какъ мотивированнымъ заявленіемъ сложить съ себя всякую отвѣтственность за принятую резолюцію, которая, какъ говорилось въ заявленіи, противорѣчитъ постановленію Интернаціонала, поддерживаетъ раскольническую политику Ленина, вноситъ фракціонную войну въ среду латышскихъ марксистовъ.

Въ той фракціонно накаленной атмосферѣ, какая господствовала на съѣздѣ, трудно было переубѣдить его большинство аргументами политическаго благоразумія. Для каждаго, маломальски фракціонно не предубѣжденнаго делегата, была бы ясной вся шаткость той философіи раскола, какая преподнасилась представителемъ ленинскаго кружка. Если делегаты съѣзда ждали отъ него раскрытія тѣхъ принципіальныхъ „тайнъ",

которыя якобы оправдываютъ вакханалію фракціонной травли, они жестоко ошиблись.

Вторымъ, наиболѣе острымъ вопросомъ съѣзда, былъ вопросъ о такъ называемомъ „текущемъ моментѣ“ и задачахъ марксистовъ. Принятая резолюція была составлена въ обычно ленинскомъ духѣ. Составителямъ нужно было во что бы то ни стало втиснуть туда схему трехъ „неурѣзанныхъ“ лозунговъ, и съ точки зрѣнія мѣстныхъ условій и мѣстной агитаціи очень много можно было бы возразить насчетъ второго лозунга „землицы“, стоя и на большевистской почвѣ. Но вѣдь побѣдителямъ, какъ людямъ, которыми руководилъ главнымъ образомъ фракціонный задоръ, нужна была фракціонная схема.

Въ заслугу *меньшинства* съѣзда нужно отнести принятую въ концѣ концовъ поправку о мобилизаціи силъ пролетаріата вокругъ борьбы за частичныя требованія и объ отстаиваніи и расширеніи открытыхъ базъ рабочаго движенія. По довольно странному недосмотру составители резолюціи забыли въ числѣ задачъ марксистовъ указать и думскую работу. Это пришлось дополнить меньшинству. Резолюція была принята 10-ю голосами при 8 воздержавшихся.

Изъ остальныхъ резолюцій, на которыхъ мы не можемъ по недостатку мѣста остановиться подробнѣе, важнѣйшія выработаны меньшинствомъ съѣзда и приняты съ небольшими поправками. Тѣмъ самымъ получилось довольно ощутительное несоотвѣтствіе между общей резолюціей о „задачахъ и моментѣ“ и отдѣльными резолюціями о конкретныхъ задачахъ.

Не сказывается ли въ принятіи резолюцій меньшинства, которому не разъ привѣшивался этикетъ искореняемаго „ликвидаторства“, та неоспоримая истина, что тамъ, гдѣ люди хотятъ дѣйствительно разрѣшать острые вопросы практики—взаимное пониманіе и соглашеніе сейчасъ возможны? И развѣ тѣмъ самымъ не вынесенъ уничтожающій приговоръ той—можетъ быть и сознательной—поддержкѣ раскола, которая учинена принятіемъ фракціонной резолюціи о „русскихъ дѣлахъ“?

Изъ резолюцій съѣзда, трудно совмѣстимыхъ съ ленинскимъ поклоненіемъ старому подполью и боязнью всего, носящаго имя открытаго рабочаго движенія и печать легальности—слѣдуетъ отмѣтить *—резолюцію о проф. движеніи и экономической борьбѣ*, подчеркивающую усиленную борьбу за легальные и нейтральные проф. союзы и за расширеніе рамокъ легальности; далѣе *резолюцію о культурно-просвѣтительныхъ обществахъ*, заявляющую, между прочимъ, о возможности и необходимости использованія этихъ обществъ и клубовъ, какъ опорной базы для *открытыхъ политическихъ кампаній*. Большая *резолюція о работѣ въ деревнѣ* среди сельскаго пролетаріата ставитъ на *первый планъ* организацію политическихъ кампаній вокругъ частичныхъ требованій. *Резолюція о страхованіи рабочихъ*, призывая къ энергичному участію въ больничныхъ кассахъ, къ расширенію ихъ сферы дѣятельности и самодѣятельности рабочихъ, къ борьбѣ за общегородскія кассы, настоятельно рекомендуетъ *не отказываться отъ участія въ кассахъ групповыхъ* и выдвигаетъ лозунгъ областныхъ и общероссійскаго рабочихъ съѣздовъ по дѣламъ страхованія.

Въ концѣ можно еще отмѣтить резолюцію о кооперативномъ

движеніи, призывающую подерживать существующія и основывать при благопріятныхъ условіяхъ новые рабочіе потребительные кооперативы.

Гораздо менѣе удачны резолюція объ участіи въ избирательной кампаніи въ мѣстныя коммунальныя самоуправленія, со слишкомъ поспѣшно принятымъ запрещеніемъ даже техническихъ соглашеній съ городскими демократическими слоями, и резолюція объ отношеніи къ буржуазнымъ партіямъ района дѣятельности лат. марксистовъ, своей также поспѣшной недооцѣнкой назрѣвающихъ, правда робкихъ, оппозиціонныхъ тенденцій кущаго либерализма. Наконецъ резолюція о легальной печати могла включить и борьбу за свободу печати. Соотвѣтствующая поправка, въ виду злободневности вопроса, была предложена къ общей резолюціи о задачахъ марксистовъ—но отклонена.

* * *

Главная отрицательная сторона съѣзда скажется во „внѣшней политикѣ“ латышскихъ марксистовъ.

На первыхъ порахъ, пока практика не сократитъ фракціоннаго пыла новаго руководящаго учрежденія лат. марксистовъ, ленинскій кружокъ сможетъ разсчитывать на официальную поддержку латышей. Но поскольку новый центръ захочетъ фрондировать въ полномъ блескѣ своего ленинскаго мундира, онъ на первыхъ же шагахъ столкнется съ сильной оппозиціей, опирающейся на наиболѣе развитую и европеизированную территорію дѣятельности латышскихъ с.-д. г. Ригу съ ея широкимъ открытымъ рабочимъ движеніемъ. Поскольку новый руководящій центръ захочетъ послѣдовательно воплотить въ жизнь протащенныя черезъ съѣздъ *фракціонныя* рѣшенія, исправить на практикѣ фракціонныя „упущенія“ съ осужденіемъ недостаточнаго числа „еретиковъ“ и попытается свернуть работу лат. марксистовъ съ установившагося пути—онъ будетъ содѣйствовать росту внутренней борьбы и станетъ препятствіемъ на пути правильно начавшейся совмѣстной работы подполья и открытыхъ организацій.

„Идейныя“ позиціи „ленинизма“ среди латышскихъ марксистовъ слишкомъ слабы—это показываетъ его шатаніе и отступленіе по резолюціямъ о „русскихъ дѣлахъ“ и о „текущемъ моментѣ“ и неспособность сказать „свое слово“ по вопросамъ работы. Его мысль безпомощно запуталась между традиціонными формулами и властными велѣніями жизни.

Весьма возможно, что товарищи, призванные сейчасъ руководить латышскимъ рабочимъ движеніемъ, скоро найдутъ выходъ на болѣе здоровый путь, освободившись отъ ленинскихъ пеленокъ. И нынѣшняя оппозиція должна постараться, чтобъ это случилось поскорѣй—а что это можетъ быть, за то ручаются совмѣстно принятыя резолюціи по важнѣйшимъ вопросамъ конкретной работы.

Ф. Вейсъ.

Германская соціаль-демократія на нелегальномъ положеніи.

(3-й т. Воспоминаній Авг. Бебеля).

Было время—и оно не такъ далеко отъ насъ,—когда германская соціальдемократія въ теченіе 12 лѣтъ (1878—1890 г.г.) находилась на нелегальномъ положеніи, будучи поставлена внѣ закона изданными спеціально противъ нея исключительными законами. Объ этой славной полосѣ дѣятельности германской соціальдемократіи живописуетъ намъ посмертный трудъ Авг. Бебеля, изданный недавно К. Каутскимъ—третій томъ его Воспоминаній[1]), къ сожалѣнію, не законченный и доведенный только до 1882 г.

Работа Бебеля знакомитъ съ тѣмъ, какъ дѣйствовавшая до того совершенно открыто германская соціальдемократія вынуждена была исключительными законами перейти на нелегальное положеніе и какъ совершалось ея приспособленіе къ новымъ условіямъ дѣятельности. Для русскаго читателя, въ частности, особый интересъ представляетъ тотъ способъ, какимъ германскіе соціальдемократы разрѣшали въ ту эпоху вопросъ о „подпольѣ“ и „надпольѣ“, который вызывалъ еще недавно такіе горячіе споры и у насъ въ Россіи,[2]) а также постановка и распространеніе нелегальнаго с. д. органа, исторіи котораго въ 3-й т. Воспоминаній Бебеля удѣлено значительное вниманіе.

Исключительные законы противъ соціалистовъ были приняты рейхстагомъ, несмотря на энергичные протесты с. д. фракціи, большинствомъ 221 противъ 149 голосовъ 19 октября 1878 г., а 21 октября, т. е. черезъ два дня, эти законы уже вошли въ силу. И тотчасъ же начались репрессіи противъ соціаль-демократическихъ организацій, профессіональныхъ союзовъ, рабочихъ газетъ, а вскорѣ и высылки изъ крупныхъ центровъ—Берлина, Гамбурга и Лейпцига—наиболѣе замѣтныхъ дѣятелей партіи[3]).

Ударъ, обрушившійся на германскую соціальдемократію, застигъ ее въ расплохъ и произвелъ нѣкоторое замѣшательство въ ея рядахъ, они на время дрогнули и лишь послѣ колебаній и внутреннихъ треній партійная работа стала налаживаться вновь.

[1]) Aus meinem Leben v. Aug Bebel Dritter Teil Stuttgart 1914 r I. H. W. Dietz 270 s. О первыхъ томахъ воспоминаній Бебеля см.: о 1 т. ст. *Е. Левита* „Воспоминанія А. Бебеля“. (Наша Заря 1910 г. № 1); о 2-омъ т. В. Левицкаго „Лассальянцы и Эйзенахцы въ освѣщеніи А. Бебеля“. (Н. З. 1911 г. № 1)

[2]) 3 т. Воспоминаній Бебеля далъ поводъ Г. Зиновьеву (см. его ст. въ 3 № „Просвѣщенія“—„Авг. Бебель въ эпоху подполья“) утверждать, что во время исключ. законовъ Бебель и др. германскіе соц.-демократы дѣйствовали чуть ли не по буквальному рецепту газеты „Путь Правды“. Ниже мы увидимъ, какъ обстояло дѣло въ дѣйствительности и въ какой мѣрѣ всуе взываетъ Г. Зиновьевъ къ тѣни покойнаго Бебеля для посрамленія такъ наз. „ликвидаторовъ“ и для оправданія примѣромъ германскихъ с.-д. большевистской линіи въ тактико-организаціонныхъ вопросахъ.

[3]) Объ эпохѣ искл. законовъ подробнѣе см. мою брошюру „А. Бебель“.

Еще за нѣсколько недѣль до принятія исключительнаго закона центральный комитетъ партіи, находившійся тогда въ Гамбургѣ и руководимый Авг. Гейбомъ, заявилъ въ печати о своемъ роспущеніи, не желая дожидаться того времени, когда онъ будетъ роспущенъ полицейскимъ запрещеніемъ. Въ заявленіи за подписью всѣхъ членовъ центральнаго комитета объявлялось товарищамъ, что отнынѣ въ Германіи не существуетъ болѣе централизованной и вообще планомѣрной организаціи соціаль-демократіи; что прекращается пріемъ денежныхъ посылокъ на имя казначея партіи и что тамъ, гдѣ еще существуетъ партійная организація, она немедленно должна быть распущена. Въ заключеніе центральный комитетъ призывалъ товарищей къ единству, въ области тактики.

Бебель осуждаетъ тонъ этого заявленія, какъ и вообще все поведеніе центральнаго комитета, хотя признаетъ, что надо было роспустить организацію прежде, чѣмъ ее закроютъ. Но гамбуржцы слишкомъ поспѣшили и ничего не сдѣлали, чтобы отступленіе партіи передъ исключительными законами совершалось въ болѣе организованномъ видѣ и было достойно такой боевой партіи, какъ соціальдемократія. Тонъ заявленія гамбуржцевъ, напротивъ, меньше всего способенъ былъ вдохнуть мужество въ тѣхъ, кто упалъ духомъ, и поддержать энергію въ дезорганизованныхъ репрессіей с. д. рядахъ.

Растерянность, охватившая партію подъ пятой исключительнаго закона, нашла себѣ выраженіе, между прочимъ, въ томъ взглядѣ, что партіи необходимо переждать первое время и не проявлять признаковъ существованія, дабы не раздражать реакцію и не вызывать этимъ новыхъ репрессій. Этотъ ошибочный взглядъ былъ въ то время довольно широко распространенъ среди членовъ партіи и гамбуржцы въ своемъ заявленіи только отразили это настроеніе. Бебель и тогда считалъ такой взглядъ неправильнымъ, находя, что исключительные законы будутъ преодолѣны не пассивнымъ непротивленіемъ имъ, но активной борьбой съ ними и энергичной дѣятельностью соціальдемократіи. Но онъ рѣшительно оспариваетъ распространенное (и принимаемое даже Ф. Мерингомъ) представленіе о томъ, что въ тотъ моментъ, когда вожди обнаружили бездѣятельность и колебанія, массы „спасли положеніе“. Люди это утверждавшіе—говоритъ Бебель:

„Не имѣли никакого представленія о дѣйствительномъ положеніи вещей, о которомъ мы не имѣли возможности публично и торжественно возвѣщать... Массы и вожди не могли дѣйствовать одни безъ другихъ. Хотя среди руководителей—въ широкомъ смыслѣ слова—оказалось больше измѣнниковъ и трусовъ, чѣмъ это было бы желательно, однако матеріальная нужда большинства изъ нихъ извиняетъ многое. Но и въ массахъ, въ особенности въ среднихъ и небольшихъ городахъ, мѣстами нерѣдко господствовала подавленность“.

Высылки семейныхъ рабочихъ съ мѣстъ ихъ родины или постояннаго заработка, раззореніе десятковъ людей, благодаря закрытію газетъ и кооперативныхъ типографій, гдѣ они разсчитали, лишеніе заработка, должностныхъ лицъ партійной организаціи и профессіональныхъ союзовъ, съ одной стороны, наступившій промышленный кризисъ и травля соціальдемократовъ со стороны полиціи, капиталистовъ и обывательскихъ круговъ, напуганныхъ „краснымъ призракомъ“, съ другой—все это дезор-

ганизовывало массы и лишало энергіи ихъ вождей. Понятно поэтому, что многіе прежніе видные работники партіи отстранились отъ нея, другіе просто идейно измѣнили ей, третьи перекочевали навсегда за границу.

При такомъ настроеніи—пишетъ Бебель— „необходимо было прежде всего получить снова твердую почву подъ ногами, снова собрать дезорганизованныя первымъ натискомъ исключительныхъ законовъ массы и обезпечить имъ отступленіе".

Однимъ изъ первыхъ шаговъ въ этомъ направленіи была организація денежней поддержки подвергавшимся репрессіямъ въ силу исключительныхъ законовъ; особенно это важно было въ виду, совпаденія экономическаго кризиса съ политической реакціей. Какъ ни казалась мелкой работа по собиранію средствъ и распредѣленію ихъ среди репрессивныхъ нѣкоторымъ очень „революціонно" настроеннымъ соціальдемократамъ, но вожди партіи придавали этому дѣлу столь важное значеніе, что Бебель лично взялся за него, удѣляя ему свой досугъ, остававшійся отъ работы для заработка и парламентской дѣятельности. И дѣятельность Бебеля въ этой области увѣнчалась успѣхомъ. На Виденскомъ съѣздѣ въ 1880 г. Бебель представилъ денежный отчетъ, изъ котораго явствовало, что до 1 авг. 1880 г., т. е. менѣе, чѣмъ за два года, удалось выдать 10 тыс. высланнымъ изъ Берлина и ихъ семьямъ, 5 тыс. другимъ репрессивнымъ, $2^1/_2$ т. уплачено денежныхъ штрафовъ.

Но собираніе денегъ и поддержка репрессивныхъ могли только ослабить дезорганизацію въ рядахъ партіи, но не могли двигать ее впередъ. Для этой послѣдней цѣли потребовалась кропотливая работа-агитаціонная и организаціонная,—которую въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, изо дня въ день, вели сотни и тысячи соціальдемократовъ. Работа эта стоила многихъ жертвъ и вызывала преслѣдованія; она приносила не розы, а терніи и шипы, она была не эффектна, носила будничный характеръ, но она была необходима въ интересахъ партіи и она была блистательно выполнена. Какъ много и напряженно приходилось работать руководителямъ партіи, видно изъ многихъ писемъ Бебеля того времени къ различнымъ товарищамъ, перепечатываемымъ имъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Въ письмѣ отъ 19 іюля 79 г. къ Энгельсу Бебель пишетъ: сверхъ писемъ".

„Вы и Марксъ должны извинить меня за то, что я такъ рѣдко пишу, но я дѣйствительно занятъ сверхъ мѣры; постоянно мѣняя шкуру, то въ качествѣ дѣлового человѣка и коммивояжера [1]), то въ качествѣ партійнаго человѣка, и въ обоихъ случаяхъ выполняя самыя непріятныя обязанности, я нахожусь въ постоянномъ возбужденіи и работаю сверхъ мѣры".

Въ письмѣ къ Фломару 15 янв. 80 г. Бебель сообщаетъ:

„Моя работоспособность съ каждымъ днемъ все и больше выдерживаетъ испытаній отъ всевозможныхъ дѣлъ, такъ что всякая работа, для которой мнѣ необходимо собрать мысли, дѣлается почти невозможной. Съ 8 до 12 ч. утра работа для заработка, до $1—1^1/_2$ ч. дня засѣданіе правленія въ кооперативѣ; отъ 2-хъ до 7 веч. опять работа для заработка. Если-бы я не использовалъ части своего времени, удѣляемаго заработку, на партійныя дѣла, то по вечерамъ я не могъ бы справиться со всей работой... Къ тому же множество заботъ и непріятностей всякаго рода, т. что я не удивлюсь, если въ одинъ прекрасный день со мною не случится того же, что и съ бѣднымъ Гейбомъ" [1]).

[1]) Бебель въ то время былъ представителемъ и разъѣзднымъ агентомъ своего компаніона токарнаго мастера Исслейба.

Въ другомъ мѣстѣ Бебель говоритъ объ томъ времени, что „16 час. раб. день былъ для меня правиломъ".

Съ роспущеніемъ центральнаго комитета и вообще официальной партійной организаціи, фактическимъ партійнымъ центромъ стала парламентская с. д. фракція—единственная легальная и открыто дѣйствовавшая партійная организація. Такъ какъ наиболѣе вліятельные ея члены—Бебель, Либкнехтъ и Газенклеверъ жили постоянно въ Лейпцигѣ, то этотъ городъ сталъ фактическимъ центромъ партіи, до высылки ихъ оттуда въ 81 г.

Положеніе с.-д. фракціи въ эту пору было чрезвычайно отвѣтственное. Она была единственнымъ авторитетнымъ партійнымъ учрежденіемъ, къ голосу котораго прислушивались рабочія массы. На девятерыхъ составлявшихъ ее депутатовъ ложилось множество работы, какъ парламентской, такъ и внѣпарламентской. Въ рейхстагѣ ей приходилось выступать противъ феодальной и буржуазной реакціи, отстаивать право соціальдемократіи на открытое существованіе, бороться съ бисмарковской политикой кнута и пряника, выступать противъ исключительныхъ законовъ, разоблачать дѣянія правительственныхъ провокаторовъ и въ то же время отражать нападенія буржуазныхъ либераловъ, вмѣстѣ съ правительствомъ обвинявшихъ соціальдемократію въ разрушительныхъ стремленіяхъ. Въ общемъ и цѣломъ с.-д. фракція съ честью выполняла эти обязанности. Бывали, конечно, въ ея выступленіяхъ промахи, какъ напр. рѣчь с.-д. депутата М. Кайзера въ защиту протекціонизма, за которую на фракцію обрушились какъ заграничные с.-д. органы, такъ и Марксъ и Энгельсъ, но это были только исключенія. Непріятно подѣйствовало заграницей и въ самой Германіи выступленіе нѣкоторыхъ с.-д. депутатовъ, отрекшихся въ рейхстагѣ отъ заграничнаго органа партіи „Соціальдемократъ", но это заявленіе было отчасти вызвано неосмотрительнымъ поведеніемъ редакціи этого органа, не всегда достаточно считавшагося съ легальнымъ положеніемъ фракціи и дѣлавшаго нерѣдко шаги, могущіе повредить дѣлу. Недовольство въ партіи отреченіемъ депутатовъ отъ „Соц.-Демократа" было столь велико, что фракція сочла нужнымъ при первомъ же удобномъ случаѣ заявить съ парламентской трибуны о своей идейной и политической солидарности съ заграничнымъ партійнымъ органомъ.

Напротивъ того, фракція, съ одобренія большинства партіи, отгораживалась всегда отъ анархистовъ, дѣятельностью которыхъ реакція пользовалась для борьбы съ соціальдемократіей. Съ этой точки зрѣнія понятно выступленіе Бебеля и другихъ депутатовъ с.-д. фракціи послѣ событія 1-го марта 1881 г. въ Россіи, заявившихъ, что тактика и методы соціальдемократіи не имѣютъ ничего общаго съ анархистскими и террористическими. Это заявленіе вызвало тутъ же протестъ члена фракціи Гассельмана, крайне „лѣво" настроеннаго. За это пуб-

[1]) Предсѣдатель ц. к., партіи умершій въ 79 г. отъ порока сердца, пріобрѣтеннаго на почвѣ переутомленія и чрезмѣрной работы.

личное выступленіе противъ фракціи, къ которой онъ принадлежалъ, Гассельманъ былъ исключенъ изъ ея среды, а немного позже и изъ партіи.

Члены с.-д. фракціи, будучи наиболѣе „неприкосновенными“ членами партіи, хотя и ихъ неоднократно привлекали къ судебной отвѣтственности, высылали изъ мѣстъ ихъ постояннаго жительства и также, какъ и рядовыхъ членовъ партіи, сажали въ тюрьму во время парламентскихъ каникулъ—пользовались своимъ привиллегированнымъ положеніемъ для агитаціонныхъ поѣздокъ по Германіи, для завязыванія и поддержанія сношеній съ товарищами во всей Германіи и съ заграничниками (прежде всего съ Марксомъ и Энгельсомъ). Фракція же организовала заграничный органъ и контролировала его веденіе, причемъ многіе ея члены (Либкнехтъ, Газанклеверъ, Ауэръ и Бебель) были его усердными сотрудниками. Словомъ во все время исключительныхъ законовъ с.-д. фракція выполняла обязанности партійнаго центра. Отдѣльнаго отъ фракціи партійнаго правленія не было, хотя послѣ Виденскаго съѣзда 1880 г. нѣкоторыя свои воззванія общепартійнаго характера с.-д. фракція подписывала: „Правленіе с.-д. партіи“

Первое время послѣ введенія исключительныхъ законовъ было сдѣлано нѣсколько попытокъ создать вмѣсто задушенныхъ органовъ печати новые, политически безцвѣтные, лишь бы сохранить какіе-нибудь литературные центры и обезпечить работу партійнымъ типографіямъ и партійнымъ литераторамъ. Но реакція не терпѣла и этихъ безцвѣтныхъ органовъ рабочей печати, да они, впрочемъ, и не могли удовлетворить сознательныхъ рабочихъ, настроеніе которыхъ, подъ вліяніемъ репрессій, становилось все болѣе революціоннымъ.

Такимъ образомъ сталъ неотложнымъ вопросъ о созданіи заграницей нелегальнаго партійнаго органа. И члены с.-д. фракціи, многіе изъ которыхъ долгое время противились идеѣ нелегальнаго органа изъ опасенія новыхъ репрессій, съ середины 79 г. занялись вопросомъ объ его практическомъ осуществленіи.

Необходимость заграничнаго партійнаго органа вызывалась еще и тѣмъ, что послѣ объявленія исключительныхъ законовъ заграницей появились два органа, издававшіеся членами партіи, но безъ всякаго ея контроля, и постепенно пріобрѣтавшіе вліяніе среди нѣкоторыхъ круговъ германскихъ соціальдемократовъ. Одинъ изъ этихъ органовъ „Фонарь“, издававшійся К. Гиршомъ сперва въ Парижѣ, а потомъ въ Брюсселѣ, былъ по своему содержанію не столько политическимъ органомъ, сколько агитаціоннымъ революціоннымъ листкомъ, редакторъ котораго, стоя на с.-д. точкѣ зрѣнія, не всегда однако тактично держалъ себя по отношенію къ товарищамъ въ Германіи, рѣзко нападая, напр. на отдѣльные промахи с.-д. фракціи и ея членовъ. Такой органъ, несмотря на сочувствіе къ нему Маркса и Энгельса, не могъ удовлетворить руководителей партіи.

Въ еще большей степени это относилось къ другому заграничному органу—„Свободѣ“ бывшаго с.-д. депутата І. Моста, который, эмигрировавъ въ Лондонъ, чѣмъ дальше, тѣмъ все больше становился на анархистскую точку зрѣнія, рѣзко выступая противъ „парламентскаго кретинизма“ с.-д. фракціи и парламентской дѣятельности партіи вообще, восхваляя „революціонные“ акты террористовъ и анархистовъ. [1]).

Этимъ двумъ органамъ надо было противопоставить органъ, который былъ бы правомочнымъ выразителемъ мнѣнія партіи, стоящимъ подъ ея постояннымъ и организованнымъ контролемъ и въ тоже время содѣйствующимъ выработкѣ среди членовъ партіи единообразныхъ взглядовъ въ области тактики. Такимъ органомъ явился еженедѣльный цюрихскій „Соціаль-демократъ“, первый номеръ котораго вышелъ 28 сентября 79 г.

Рѣшивъ издавать заграницей газету, вожди партіи отнюдь не думали дѣлать ее безконтрольнымъ и безотвѣтственнымъ органомъ, дѣйствующимъ *внѣ* и *надъ* партіей. Напротивъ того, они настаивали на томъ, что руководящая редакціонная коллегія должна находиться въ постоянномъ общеніи и подъ контролемъ лейпцигскихъ руководителей партіи. Когда цюрихская группа, помогавшая въ постановкѣ органа, выдвинула кандидатуру Либкнехта въ редакторы, Бебель писалъ Фольмару:

„О переселеніи Либкнехта въ Цюрихъ нечего и думать. Мы и не думаемъ въ той мѣрѣ, какъ Вы предполагаете, переносить центръ тяжести заграницу. Редакторъ вмѣстѣ съ Шраммомъ, Хёхбергомъ и Бернштейномъ (упомянутой группой цюрихчанъ *В. Л.*) составятъ коллегію (для веденія органа *В. Л.*) *Само собою разумѣется, что изъ Германіи будетъ доставляться главный матеріалъ*“.

То же желаніе подчинить органъ контролю заставило фракцію настаивать на Цюрихѣ, какъ на мѣстѣ его изданія, т. к. этотъ городъ былъ ближе къ Германіи, чѣмъ Лондонъ, который предлагали Марксъ и Энгельсъ и рекомендуемый ими въ качествѣ кандидата на постъ редактора К. Гиршъ. Фракція настояла на своемъ, хотя это и стоило ей отказа отъ редакторства Гирша, не желавшаго переѣзжать въ Цюрихъ, и недовольства Маркса и Энгельса назначеніемъ фракціей на постъ редактора Г. Фольмара. И она дѣйствительно осуществляла свой контроль надъ „Соц.-Дем.“. Въ своихъ письмахъ къ его редактору Фольмару, Бебель отъ имени фракціи систематически указывалъ на недостатки въ веденіи органа и на отдѣльные промахи. Въ первое время Бебель неоднократно настаивалъ на необходимости болѣе рѣшительнаго и рѣзкаго тона въ „Соціальдемократѣ“. Въ письмѣ, напр., отъ 30 ноября 79 г. Бебель писалъ:

„По отношенію къ линіи журнала я совѣтую болѣе рѣшительный тонъ; настроеніе нашихъ людей движется все болѣе и болѣе влѣво. Продолжающіяся репрссіи и возобновленіе осаднаго положенія въ высшей степени раздражаютъ и они требуютъ дать выраженіе этому раздраженію“.

Къ этимъ указаніямъ Бебеля толкала также постоянная критика умѣренности „С.-Д.“ въ письмахъ къ нему и Либкнехту Маркса и Энгельса, недовольныхъ близкимъ участіемъ въ Цюрихскомъ журналѣ оппортуниста Хёхберга и первое время отказавшихся даже сотрудничать въ немъ изъ-за появленія нѣсколькихъ неудачныхъ не марксистскихъ статей.

---

[1]) Органъ Моста довольно широко распространялся въ Берлинѣ, гдѣ пользовался значительнымъ успѣхомъ среди революціонно-настроенныхъ рабочихъ, ожесточенныхъ репрессіями правительства и экономическимъ кризисомъ.

Но, критикуя „С.-Дем.“ за умѣренность тона, Бебель предостерегаетъ Фольмара отъ излишне революціоннаго тона, къ которому пріучилъ рабочихъ Мостъ и которому сталъ слѣдовать Фольмаръ подъ вліяніемъ критики лейпцигцевъ и лондонцевъ. Въ письмѣ отъ 5 янв. 80 г. Бебель пишетъ Фольмару:

„Я не могу отрицать, что какъ въ стихотвореніи, такъ и въ статьѣ (по поводу которыхъ возникли споры внутри фракціи *В. Л.*) имѣются мѣста, легко могущія подать поводъ къ процессу по обвиненію въ госуд. измѣнѣ для распространителей. Затѣмъ предпослѣдній абзацъ статьи „Наши праздники“ можетъ быть использованъ противъ насъ и притомъ въ рейхстагѣ. Во всякомъ случаѣ Вы показали, что если Вы пожелаете, то можете писать въ духѣ Ганса (т. е. Моста *В. Л.*) и это должно успокоить ворчуновъ“ (т. е. Маркса, Энгельса, Гирша и другихъ критиковъ *В. Л.*).

А въ письмѣ отъ 15 янв. того же года Бебель снова писалъ:

„Вы дѣйствуете такъ, какъ многіе изъ нашихъ партійныхъ товарищей; они все еще живутъ какъ бы при старомъ положеніи вещей, такъ что все еще говорятъ на старомъ жаргонѣ. Этого, однако, легко было бы избѣгать и это надо дѣлать“[1]).

Приступивъ къ изданію заграницей „Соціальдемократа“, германскіе соціальдемократы, бывшіе всегда сторонниками „легальности“ и не желавшіе никогда давать повода своимъ противникамъ для привлеченія по той или иной статьѣ уголовнаго уложенія, обставили его изданіе такимъ образомъ, чтобы избѣгнуть преслѣдованій, если не за распространеніе журнала (что было невозможно), то за чтеніе его. Съ этою цѣлью „Соц.-Дем.“ вначалѣ не былъ объявленъ офиціальнымъ органомъ партіи (это было сдѣлано, только въ 80 г., когда его распространеніе было вполнѣ налажено), но лишь органомъ „группы соц.-дем., говорящихъ на нѣмецкомъ языкѣ“, „международнымъ органомъ с.-д. на нѣмецкомъ языкѣ“. Эта уловка имѣла тотъ смыслъ, что, хотя распространеніе органа являлось уголовнымъ преступленіемъ, но полученіе его въ одномъ экземплярѣ и чтеніе его не могло послужить поводомъ къ привлеченію за участіе въ „преступномъ сообществѣ“ (что сильно облегчало вербованіе подписчиковъ и разсылку имъ журнала), т. к. чтеніе и даже полученіе издаваемаго заграницей, хотя и недопускаемаго въ Германію, журнала само по себѣ не подлежало наказанію.

Чтобы показать читателямъ, что „С.-Д.“ является фактически органомъ партіи, въ редакціонномъ воззваніи 1-аго номера было указано, что „С.-Д.“ будетъ руководиться „Готской программой“ (т. е. послѣдней до изданія исключ. законовъ программой герм. соц.-демократіи), что онъ „вполнѣ и цѣликомъ стоитъ на почвѣ германской соціалъ-демократіи, какой она была и какова она есть“ и что въ этомъ смыслѣ онъ является „не частнымъ предпріятіемъ, но оффиціальнымъ центральнымъ органомъ партіи“.

[1]) Изъ сказаннаго въ текстѣ видно, насколько превратно излагаетъ дѣйствительность Г. Зиновьевъ, когда онъ изображаетъ дѣло такъ, что появленіе нелегальнаго органа сразу укрѣпило революціонный духъ въ партіи. На самомъ же дѣлѣ первоначально физіономія. „С.-Д.“ была столь неопредѣленна, что въ немъ помѣщались статьи какъ оппортунистическаго, такъ и излишне революціоннаго (въ смыслѣ революц. фразеологіи) характера; только давленіе изъ Германіи постепенно настолько выпрямило линію „С.-Д.“, что вначалѣ бойкотировавшіе его лондонскіе „старики“—Энгельсъ и Марксъ примирились съ нимъ.

Въ первомъ же № „С.-Дем.“ появилось воззваніе депутатовъ с.-д. фракціи, за ихъ подписями, въ которомъ указывалось, что партія не должна давать реакціи изображать соціалъ-демократію въ видѣ краснаго призрака и должна дѣйствовать такъ, чтобы отвѣтственность за господствующую въ странѣ неурядицу возлагалась народомъ на виновниковъ исключительныхъ законовъ. Воззваніе это показалось черезчуръ „умѣреннымъ“ берлинской с.-д. организаціи, отказавшейся даже распространять этотъ номеръ „С.-Д.“, но оно вполнѣ соотвѣтствовало тому общему направленію, въ которомъ фракція руководила партіей: ни отъ чего не отрекаясь въ смыслѣ своихъ принциповъ, не давать увлекаться революціонными фразами въ ущербъ тому по истинѣ революціонному дѣлу, какимъ является с.-д. агитація и организація с. д. силъ.

Доставка и распространеніе „Соц.-Демократа“ въ Германіи требовали большой осмотрительности и сноровки, такъ какъ полиція и шпіоны тщательно слѣдили и старались пронюхать, какимъ путемъ и гдѣ они происходятъ. Но въ рядахъ соціалъ-демократіи въ это тяжелое время нашлись столь же искусные конспираторы и организаторы, сколь тактичны были ея политическіе вожди. Въ 3 т. воспоминаній Бебеля разсказывается много курьезныхъ случаевъ надуванія полиціи и шпіоновъ. Впослѣдствіи конспиративная организація распространенія достигла такой степени совершенства, что „С. Д.“ удавалось перепечатывать въ самой Германіи, причемъ ни разу не произошло „провала“.

Въ своей ст. въ „Просвѣщеніи“ Г. Зиновьевъ утверждаетъ (стр. 24), что во время исключ. законовъ въ Германіи, главная *партійная* работа производилась въ „подпольѣ“ и весь остовъ партійной организаціи былъ тоже „подпольный“. Изъ „подполья“ направлялась вся работа и въ „надпольѣ“. Здѣсь Г. Зиновьевъ, по обыкновенію всѣхъ правдистовъ, смѣшиваетъ воедино два понятія—подпольное и нелегальное, но даже утвержденіе, что главная работа партіи исходила и руководилась изъ нелегальной организаціи—тоже противорѣчило бы исторической дѣйствительности. Мы уже видѣли выше, что руководила движеніемъ с.-д. фракція, т. е. открытая, легальная организація партіи.

Что во время исключительныхъ законовъ, когда почти ни одно собраніе рабочихъ не разрѣшалось, с.-д. приходилось устраивать свои совѣщанія и собранія *нелегально*—это само собой разумѣется, какъ и то, что съѣзды и конференціи свои партія могло устраивать только заграницей. Но это не исключало того, что во все время существованія исключ. законовъ соц.-дем. вела неустанную „борьбу за легальность“ какъ путемъ попытокъ созданія легальныхъ органовъ печати и организаціи всякаго рода легальныхъ рабочихъ собраній и обществъ (проф. союзы въ 80 гг., выступленія с.-д. депу-

татовъ на избират. и другихъ собраніяхъ, политич. общества защиты интересовъ раб. класса въ Берлинѣ, служившія легальнымъ прикрытіемъ для с.-д. партійной организаціи), такъ и легальной дѣятельностью въ парламентѣ, ландтагахъ и муниципалитетахъ и во время избирательной кампаніи во всѣ эти учрежденія. И эта „борьба за легальность“ велась до тѣхъ поръ, пока напору рабочихъ массъ и усиліямъ соц.-демократіи не удалось пробить бреши въ загражденіяхъ исключительныхъ законовъ и завоевать ей до нѣкоторой степени легальное положеніе, хотя оффиціально партія все еще оставалось *нелегальной*.

Фактовъ этого рода Г. Зиновьевъ могъ бы найти безчисленное множество въ той самой книгѣ Бернштейна о рабочемъ движеніи въ Берлинѣ, откуда онъ черпаетъ свой матеріалъ о нелегальной организаціи соц.-демократіи. Въ той же книгѣ онъ могъ бы прочесть, что, по мѣрѣ развитія легальныхъ организацій въ Берлинѣ между ними и замкнутой нелегальной партійной организаціей „довѣренныхъ лицъ“ („Cotrora“) стали назрѣвать многочисленные конфликты. При этомъ надо замѣтить, что берлинская подпольная организація отличалась сектантскимъ духомъ, крайнимъ „революціонизмомъ“ съ антипарламентскимъ оттѣнкомъ [1]). (Недаромъ изъ ея рядовъ въ началѣ 90-хъ гг. выросла анархо-синдикалистская оппозиція т. наз. „молодыхъ“). Характерно, что столкновенія эти возникали на почвѣ, аналогичной съ той, на какой у насъ въ Россіи въ годы контръ-революціи происходили конфликты между оторванными отъ массъ дѣятелями подпольныхъ партійныхъ организацій и дѣятелями открытыхъ организацій изъ-за стремленія первыхъ руководить массовымъ движеніемъ, не желая въ то же время признавать роли болѣе неоформленныхъ, но зато и болѣе связанныхъ съ рабочими массами открытыхъ организацій.

Послѣ паденія исключительныхъ законовъ въ своемъ отчетѣ отъ имени правленія партіи партійному съѣзду въ Галле, Бебель между прочимъ заявилъ:

„Я считаю необходимымъ самымъ категорическимъ образомъ заявить, что никогда, ни въ какое время не существовало въ Германіи тайнаго сообщества, не было даже рѣчи о немъ и не могло быть, иначе оно было бы обнаружено въ любое время. Фракція, руководящая партіей, не могла входить въ такое сообщество уже благодаря одной публичности своего положенія. Результаты достигнуты, безъ такого тайнаго сообщества, единственно благодаря идейной сплоченности и чувству солидарности“.

Это заявленіе противорѣчитъ всему изображенію Зиновьевымъ германскаго „подполья“ въ эпоху исключ. законовъ. А между тѣмъ именно это заявленіе, а не утвержденіе Зиновьева соотвѣтствуетъ дѣйствительности. И въ 3 т. Воспоминаній Бебеля мы находимъ множество подтвержденій этого. На стр. 137 Бебель пишетъ:

[1]) Бебель такъ характеризуетъ (стр. 136) руководящій составъ берлинск. „подпольной“ организаціи: „составъ берлинскаго правленія вслѣдствіе преслѣдованій и процессовъ мѣнялся очень часто. Нерѣдко въ немъ сидѣли завѣдомые полицейскіе агенты, которые щеголяли своимъ радикализмомъ и стремились вызвать конфликты съ нами“ (с. д. фракціей). Объ этихъ словахъ Бебеля Зиновьевъ, разумѣется, не упоминаетъ

„Во все время закона противъ соціалистовъ мы строго слѣдили за тѣмъ, чтобы не возникло общей распространенной по всей Германіи тайной организаціи. Мы были убѣждены, что послѣдняя въ короткое время будетъ раскрыта и приведетъ къ общему преслѣдованію самаго худшаго рода. Если товарищи организовались въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ, то въ случаѣ раскрытія преслѣдованіе не могло выйти за предѣлы одной мѣстности. Если для опредѣленной цѣли собирались на совѣщаніе, то преслѣдованіе могло возникнуть только за устройство неразрѣшеннаго закономъ собранія“.

И далѣе Бебель разсказываетъ, какъ на многихъ процессахъ товарищей онъ выступалъ въ качествѣ свидѣтеля, доказывавшаго, что такой общей тайной организаціи не существуетъ.

Мы видимъ, слѣдовательно, что Бебель, въ числѣ прочихъ руководителей германской соціалъ-демократіи, во время исключительныхъ законовъ былъ противъ необходимости той самой „іерархіи“ партійныхъ учрежденій, изъ-за отрицанія существованія которой въ 1910—12 гг. наши большевики распинали А. Н. Потресова и прочихъ „ликвидаторовъ“. И замѣтьте: это отрицаніе производилось во имя „легальности“ и борьбы за нее и изъ желанія с.-д. быть неуязвимой, съ точки зрѣнія закона. Въ Россіи „послѣдовательные“ окрестили бы такой образъ дѣйствій „столыпинствомъ“, или по меньшей мѣрѣ „либеральной рабочей политикой“.

Когда въ концѣ 79 г. Фольмаръ разослалъ вмѣстѣ съ очереднымъ № „Соц.-Дем.“ циркуляръ, въ которомъ оффиціально говорилъ отъ имени партіи въ Германіи, Бебель тотчасъ же написалъ ему:

„Тамъ, гдѣ есть „оффиціальный“ листокъ тамъ есть и „оффиціальное“ правленіе; по крайней мѣрѣ имѣется очень много и очень вліятельныхъ людей, которые вѣрятъ въ это и думаютъ, что послѣднее находится въ Лейпцигѣ и что это гнѣздо (т. е. руковод. фракціи *В. Л.*) слѣдуетъ уничтожить“.

Еще болѣе рѣзкую отповѣдь получилъ отъ Бебеля Фольмаръ и цюрихцане вообще послѣ того, какъ въ Февралѣ 1880 г. въ „С.-Д.“ помѣщено было воззваніе, въ которомъ товарищи призывались къ образованію общей тайной организаціи по всей Германіи. Бебель написалъ по этому поводу негодующее письмо въ Цюрихъ и сообщая объ этомъ въ своихъ воспоминаніяхъ прибавляетъ: „Мнѣ нечего прибавлять, что задуманная въ Цюрихѣ тайная организація были нами задушена въ зародышѣ“.

Бебель такимъ образомъ выступилъ въ данномъ случаѣ какъ „ликвидаторъ“ подпольной организаціи.

Еще болѣе характеренъ другой случай, разсказываемый Бебелемъ. Въ Лейпцигѣ осенью 1880 г. среди высланныхъ изъ Берлина с.-д. оказался кузнецъ Генрихъ. На всѣхъ нелегальныхъ собраніяхъ Генрихъ выступалъ „самымъ радіальнымъ образомъ“. Между прочимъ онъ настаивалъ на образованіи оформленной нелегальной организаціи съ оффиціальнымъ уставомъ. „Противъ этого—пишетъ Бебель—я боролся энергично и онъ потерпѣлъ пораженіе“. Вскорѣ послѣ этого Бебелю пришлось отлучиться и по возвращеніи онъ къ удивленію своему узналъ, что планъ Генриха о тайной организаціи принятъ въ его отсутствіе. Бебель возмутился, созвалъ совѣщаніе, на которомъ добился отмѣны этого рѣшенія и постановленія объ уничтоженіи имѣющихся экземпляровъ выработаннаго устава. Въ очень скоромъ

времени обнаружилось, что Генрихъ былъ по просту провокаторомъ. Обнаружилось это такимъ образомъ, что во время произведенныхъ обысковъ *единственный* экземпляръ устава, который было постановлено уничтожить, былъ найденъ у него. Это навело на подозрѣнія, которыя привели къ его разоблаченію. Очевидно, эта тайная оформленная организація была необходима властямъ для созданія процессовъ о тайномъ сообществѣ, чтобы терроризировать соціальдемократовъ суровыми приговорами[1]).

Осенью 1880 г. фракція рѣшила созвать заграницей съѣздъ для улаженія нѣкоторыхъ конфликтовъ внутри партіи, для выясненія тактики партіи, и рѣшенія нѣкоторыхъ организаціонныхъ вопросовъ. При созывѣ съѣзда Бебель все время старался о томъ, чтобы не подать юридическихъ поводовъ для преслѣдованій за участіе въ немъ. Такъ онъ писалъ въ Цюрихъ, чтобы въ объявленіи о созывѣ съѣзда на стр. „Соц.-Дем." говорилось не о съѣздѣ, а о совѣщаніи: „Это облегчитъ намъ впослѣдствіи нашу защиту на судѣ".

Съѣздъ, состоявшейся въ Швейцаріи—въ Виденѣ—(на немъ присутствовало 56 чел.—всѣ главные дѣятели партіи въ Германіи и заграницей), между прочимъ постановилъ вычеркнуть изъ программы слово „законными" въ томъ пунктѣ программы, гдѣ говорится, что партія стремится къ достиженію своихъ цѣлей „всѣми законными средствами". Г. Зиновьевъ приходитъ отъ этого рѣшенія въ умиленіе, усматривая въ немъ признакъ „революціонности" (въ духѣ „послѣдовательныхъ") германской соціальдемократіи; при этомъ онъ предусмотрительно опускаетъ замѣчаніе Бебеля, что эту замѣну многіе *неправильно* истолковали „не какъ простое слѣдствіе положенія, въ которомъ партія находится, но какъ революціонный актъ, который долженъ ниспровергнуть всю прежнюю тактику".

Послѣ виденскаго съѣзда, на которомъ были улажены внутреннія разногласія и изъ партіи исключены ставшіе анархистами Мостъ и Гассельманъ, фракція сочла умѣстнымъ, за подписью „правленія партіи", обратиться къ товарищамъ съ призывомъ къ организаціи. Возваніе это гласило, между прочимъ: „Итакъ организуйтесь, все равно какъ... Организація повсюду до самыхъ отдаленныхъ мѣстъ, гдѣ мы имѣемъ сторонниковъ, и во всякой мыслимой формѣ. Это первая заповѣдь". Далѣе воззваніе призывало къ распространенію „Соц. Дем.", къ сборамъ денегъ для поддержки партіи и предостерегало отъ шпіоновъ.

Какъ видимъ, и тутъ нѣтъ рѣчи о подпольной „іерархіи". Рекомендуется лишь „организація въ любой формѣ". Не напоминаетъ ли и это призывы къ организаціи „ликвидаторовъ",

[1]) И поистинѣ нужно быть Г. Зиновьевымъ, чтобы послѣ этого писать, что „Бебель фактически былъ главнымъ дѣятелемъ тогдашняго подполья". Признавая, что Бебель былъ противникомъ излишней централизаціи, Зиновьевъ говоритъ что „это ничего общаго не имѣетъ съ отрицаніемъ самаго „подполья", какъ главной базы партійной работы. Что имѣетъ это общаго съ ликвидаторскимъ отрицаніемъ самаго подполья и пресловутой „борьбы за легальность". Очень много общаго имѣетъ, ибо т. наз. „ликвидаторы" „отрицали подполье", именно въ смыслѣ Бебеля, а Бебель признавалъ „пресловутую борьбу за легальность", которую выдвигаютъ и противники Зиновьева—„ликвидаторы". Нѣтъ плохое дѣло—оперировать съ Бебелемъ, въ качествѣ приверженца „подполья" въ большевистскомъ его пониманіи.

которыхъ большевики обвиняли въ былое время замѣну партійныхъ ячеекъ „непартійными" организаціями, союзами и съѣздами?

Въ концѣ 1882 г. на стр. „Соц. Дем.". появилась статья, которая, отвѣчая на обвиненія противниковъ въ томъ, что с.д. стремится разрушить собственность, семью и государство, признавала это, употребляя крайне рѣзкія выраженія. Такъ она писала:

„Мы отвѣтимъ силою на насиліе. Мы вѣримъ въ переворотъ и освобожденіе въ близкомъ будущемъ и будемъ готовиться къ нимъ при помощи тайной организаціи и агитаціи и всего того, что запрещаютъ Ваши законы".

Бебель тотчасъ же написалъ по этому поводу Энгельсу:

„Статья написана хорошо и съ принципіальной точки зрѣнія правильна, но тактически *ошибочна*. Если мы будемъ говорить языкомъ Фольмара, то мы всѣ въ теченіе мѣсяца будемъ приговорены за нарушеніе ст. 80, 81, 128 и 129 и т. д. нашего Угол. Улож. на 5-10 л. тюрьмы, и если органъ будетъ вестись въ подобномъ духѣ, то тоже-самое ожидаетъ всякаго, кто будетъ его распространять. Такимъ языкомъ говорить невозможно, какъ бы правиленъ онъ не былъ. Мы погибнемъ съ такимъ языкомъ и поэтому мы не должны такъ говорить".

Мы видимъ изъ далеко не полнаго, за недостаткомъ мѣста, обзора матеріала, даваемаго 3-й томомъ Воспоминаній Бебеля, что германская соціальдемократія въ годы исключительныхъ законовъ, находясь на нелегальномъ положеніи, сумѣла не зарыться въ подпольѣ и не проповѣдывать его, какъ единоспасающее средство, но искусно вела борьбу „за легальность", т. е. за открытое существованіе соціальдемократіи, разумѣется, используя для своихъ цѣлей все необходимое „нелегальное", и цѣлесообразно сочетая и *подчиняя* его своей открыто дѣйствующей организаціи, въ лицѣ с. д. фракціи, а впослѣдствіи и открытыхъ рабочихъ организаціи и легальной прессы.

И вожди партіи, какъ напр. Бебель, открыто формулировали свою позицію въ этомъ вопросѣ, они не боялись ссылки на ст. Угол. Уложенія и борьбы съ іерархіей и подпольемъ въ большевистскомъ смыслѣ, тамъ, гдѣ оно препятствовало развитію партіи. Ихъ не смущали при этомъ мнимо революціонные выкрики анархистовъ типа Моста и Гассельмана или берлинской оппозиціи, ибо они знали, что революціонна не красивая фраза о революціонныхъ дѣйствіяхъ, а само революціонное дѣйствіе, каковымъ являлась ихъ повседневная работа по просвѣщенію головъ и организаціи массъ. И не гоняясь за выработкой уставовъ тайныхъ организацій и оформленія послѣднихъ, они готовы были удовлетворяться „организаціей въ любой формѣ", „совѣщаніемъ" вмѣсто съѣзда, неформленный („lose") организаціей вмѣсто офиціальнаго „комитета" и т. п.

И на этомъ пути они побѣдили.

Призывая русскій пролетаріатъ „говорить по нѣмецки" т. наз. „ликвидаторы" и имѣли въ виду гибкость тактики германской соціальдемократіи, искони отличавшую ее и въ особенности, проявившуюся въ годы исключительныхъ законовъ подъ руководствомъ Бебеля. И сколько бы Г. Зиновьевъ не утверждалъ, что онъ тоже согласенъ говорить и даже уже говоритъ „по нѣмецки", но эта нѣмецкая тактика Бебеля и Либкнехта не имѣетъ ничего общаго съ «ликвидаторствомъ», а есть наилучшее вы-

раженіе именно для тактики «послѣдовательныхъ» большевиковъ, онъ въ лучшемъ случаѣ находится въ положеніи того мольеровскаго мѣщанина, который не зналъ, что говоритъ прозой. Г. Зиновьевъ не сознаетъ (или не хочетъ сознаться?), что проза, на которой онъ говоритъ, есть не марксистская проза Бебеля-Либкнехта, но полумарксистскій, полу-анархистскій языкъ всѣхъ этихъ Мостовъ, Гассельмановъ и прочихъ «революціонныхъ», критиковъ «оппортунизма», «легализма», «ликвидаторства» Бебелей, Либкнехтовъ и Ауэровъ.

В. Левицкій.

Критическіе наброски.

Еще къ вопросу о пролетарской культурѣ. *)

Итакъ, я подхожу къ вопросу о характерномъ съ моей точки зрѣнія для пролетарскаго развитія противорѣчіи между тѣмъ, что я называю сильнымъ „товариществомъ", и тѣмъ, что опредѣляется мною, какъ слабость—открытость буржуазнымъ воздѣйствіямъ—пролетарского быта. Подхожу и при этомъ чувствую, какъ уже одно приближеніе къ вопросу вызываетъ тревогу въ умахъ иныхъ изъ моихъ, даже благосклонно ко мнѣ относящихся единомышленниковъ: какъ бы ненарокомъ не обидѣлъ онъ пролетаріатъ!

Вѣдь, вотъ Раф. Григорьевъ, кажется, на что ужъ милостивый критикъ, а и тотъ—изъ опасенія за пролетаріатъ—немилостиво заподозрилъ меня въ незнаніи вещей, извѣстныхъ—надо полагать—даже марксистамъ приготовительнаго класса. Я, де, вижу въ пролетарскомъ бытѣ „мѣщанство", и не вижу, какъ „тамъ же въ этихъ рабочихъ квартиркахъ съ геранью и канарейками зрѣетъ и выковывается новый идеалъ человѣка—общественная личность"; говорю о спартанской дѣловитости и „не останавливаюсь" „на томъ, какимъ грандіознымъ моральнымъ завоеваніемъ является эта „дѣловитость"; не отмѣчаю, „какой огромный переворотъ въ прогнившей семейной и половой морали капиталистическаго мѣщанства „совершаетъ" „рабочее движеніе" и т. д. и т. под.

И выводъ: „не находитъ ли самъ А. Н. Потресовъ, что *его* пролетарій, стоящій у вратъ грядущаго царства, черезчуръ нищъ, излишне ариѳметиченъ, скучновато—дѣловой и кромѣ „истрепанной блузы" и „рукъ, покрытыхъ мозолями", ровно ничѣмъ не владѣетъ?".

*) См. №№ 2 и 3 „Нашей Зари".

Я отвѣчу контръ—вопросомъ: не находитъ ли самъ Раф. Григорьевъ, что онъ могъ бы приберечь свое недоумѣніе, еслибы только далъ себѣ трудъ съ нѣсколько большимъ вниманіемъ разобраться въ мысляхъ Потресова, которыя онъ критикуетъ. Ибо, кажется, не нужно отличаться чрезмѣрной догадливостью, что-бы понять: проблемма, стоявшая передъ Потресовымъ, заключалась не въ тысяче—первомъ повтореніи общеизвѣстныхъ азовъ, касающихся психологическаго переворота, который несетъ пролетарію его классовая борьба.

Она заключалась въ томъ, чтобы выяснить, почему этотъ переворотъ въ душѣ пролетарія еще и до настоящаго времени психологически въ извѣстной степени локализированъ; почему территорія пролетарской души совсѣмъ неравномѣрно окрашена въ цвѣтъ переворота и въ ней ясно различимы двѣ рѣзко отграниченныя области: съ одной стороны область чувствъ, воспитываемыхъ въ борьбѣ и товариществѣ и проектирующихся въ своеобразной культурѣ всего того круга, который охватывается понятіемъ движенія, *) и съ другой—область досуга, домашности, личныхъ отношеній, эстетики, вкуса... гдѣ пролетарій не функціонируетъ, какъ товарищъ и воинъ, гдѣ онъ живетъ обывателемъ.

Отдѣлены ли эти области другъ отъ друга китайской стѣной, представляютъ ли собой закупоренные герметически, себѣ довлѣющіе комплексы чувствованій?

Разумѣется, нѣтъ. Разумѣется, между ними происходитъ постоянная диффузія—взаимопросачиваніе. Разумѣется, и тамъ, и тутъ даетъ себя знать вліяніе позиціи пролетаріата въ развитіи капиталистической цивилизаціи.

Но это вліяніе даетъ себя знать по разному въ каждой изъ двухъ половинокъ пролетарской души. Въ одной—классовая позиція развертываетъ всю картину своей классовой психики, является отправнымъ пунктомъ развѣтвленной, но цѣльной системы отношеній, основой отчетливо выраженнаго душевнаго уклада, надъ которымъ возвышается вся идеологическая постройка современнаго пролетаріата.

Въ другой—позиціяпролетаріата, какъ класса, лишь проступаетъ отдѣльнымъ слагаемымъ—и притомъ, досихъ поръ не преобладающимъ—въ суммѣ вліяній, идущихъ съ разныхъ сторонъ. Ходъ развитія капиталистическаго общества дѣйствуетъ здѣсь еще въ значительной мѣрѣ недифференцированно, почему классовая позиція и не проводитъ въ психикѣ своей рѣзко очерченной линіи, не претворяется въ тезисъ сознанія, въ догму, въ составную часть многообразно-единаго, жизнеощущенія класса.

*) Къ слову сказать, эту культуру движенія Раф. Григорьевъ счелъ почему то возможнымъ скинуть со счетовъ, послѣ чего, разумѣется, ему уже было нетрудно представить себѣ „моего" пролетарія вступающимъ въ „царство грядущаго" едва ли не просто голышомъ т. е.—странный человѣкъ!—раздѣлъ пролетарія и самъ же затѣмъ удивляется!

И если тамъ, гдѣ пролетарій товарищъ и воинъ, ни одна изъ чертъ, накладываемыхъ на пролетаріатъ его классовымъ положеніемъ, не затеривается въ одиночку, а всѣ онѣ, пріобщаясь къ цѣлому, слагаются въ *типъ*, то здѣсь, наоборотъ, самыя реальныя измѣненія не синтезируются, но остаются какимъ то эмпирически даннымъ сырымъ матеріаломъ. Иначе говоря, здѣсь почему то не успѣло еще выработаться у класса подлинной индивидуальности, здѣсь его классовое лицо еще расплывается въ неоформленныхъ контурахъ. И соотвѣтственно этому здѣсь классовая активность не достигла еще того уровня, который называется творчествомъ.

Конечно все относительно. Рѣчь, повторяю, идетъ не о томъ что нѣтъ вовсе классовыхъ чертъ въ этой сферѣ вкусовъ, эмоцій, переживаній пролетаріата, которая лучше всего опредѣляется, какъ частная интимно-личная жизнь пролетарія, его жизнь на досугѣ, внѣ труда, посвященнаго заработку, и внѣ исполненія имъ его гражданскихъ обязанностей. Для той цѣли, которую я ставилъ и ставлю себѣ, не имѣетъ значенія, абсолютно ли отсутствуютъ здѣсь классовыя черты, или при стараніи возможно открыть ихъ извѣстное количество здѣсь важно другое—и только это другое и важно—важна та отсталость, которую приходится констатировать, чрезвычайная отсталось процесса пролетарски-классоваго оформленія психическихъ чертъ данной сферы по сравненію съ тѣмъ, какъ далеко классовое оформленіе зашло въ сферѣ пролетарской гражданственности.

Констатировать же эту отсталость—этотъ контрастъ между психической классовою опредѣленностью и таковой же безформенностью можно на любой категоріи явленій, встрѣчающейся и тамъ, и здѣсь, въ обѣихъ частяхъ двухсторонняго пролетарскаго осуществованія. Раф. Григорьевъ помянулъ о морали. Чтожъ, я готовъ начать свое сопоставленіе именно съ морали, которая какъ разъ охватываетъ и сферу гражданственности, и лично-интимную сферу.

Когда то въ своихъ „Элементахъ идеализма въ соціализмѣ“, В. И. Засуличъ замѣтила, что у марксизма нѣтъ „оффиціальной системы морали“. Съ еще большимъ правомъ можно сказать, что ея нѣтъ у пролетаріата вообще. Но та же В. И. Засуличъ была совершенно при этомъ права, отмѣчая, что „у организованнаго и борющагося пролетаріата есть общеобязательныя нравственныя требованія“ и совершенно справедливо прибавляла: „Солидарность—основное требованіе этой нравственности. Не дѣлай ничего, идущаго въ разрѣзъ съ интересами того цѣлаго, къ которому принадлежишь, какъ бы ни было это для тебя лично нужно—таково минимальное требованіе солидарности. Дѣлай все отъ тебя зависящее для общаго дѣла, не щади для него ничего личнаго, умри за него, если понадобится,—таково максимальное требованіе“.

И это, безъ всякаго сомнѣнія, дѣйствительный итогъ—резюме

той моральной практики, которая осуществляется пролетарскимъ «товариществомъ», не занесенная ни на какія скрижали завѣта. Это квинтэссенція пролетарской гражданственности, непосредственный выводъ изъ борьбы и сплоченія, характерныхъ для рабочаго класса и его исторической миссіи. Но спрашивается: существуетъ ли аналогичный неписанный кодексъ морали во той сферѣ пролетарскихъ отношеній, которая стоитъ за чертою гражданственности? Иначе говоря: сложилась ли тамъ—скажемъ въ семьѣ, въ отношеніяхъ между полами, такого рода практика, которая поддавалась бы соотвѣтствующему обобщенію въ правило, въ идеальную норму?

Я полагаю, безпристрастный изслѣдователь скажетъ: то, что здѣсь намѣчается, пока лишь нѣкоторыя необходимыя предпосылки для того, чтобы въ дальнѣйшемъ могла на этой новой основѣ развиться подобная практика. Это еще только расчистка почвы величайшимъ изъ когда либо бывшихъ революціонеровъ—капиталистическимъ развитіемъ. Конечно, разрушеніе идетъ. Идетъ разрушеніе старой—крестьянской и мѣщанской семьи, всего ветхозавѣтнаго бюргерства, захлестываемаго водоворотомъ растущихъ спрутовъ городовъ и гибнущихъ поселковъ. И съ ними вмѣстѣ постепенно расшатывается и та старая семья, которая составляла основу первоначальнаго, только что изъ крестьянско-мѣщанской среды рожденнаго пролетаріата и которая въ сущности ее составляетъ еще и до нашего времени.

Разрушеніе—расшатка идетъ. Но даже и въ отдаленнѣйшей степени имъ не соотвѣтствуетъ созиданіе, выявленіе существенно новаго типа отношеній, который былъ бы отличенъ отъ бюргерскаго—въ его послѣдовательныхъ метаморфозахъ—и въ самомъ дѣлѣ запечатлѣвалъ бы въ себѣ оригинальныя черты пролетарскаго класса. И это несмотря на слишкомъ сто лѣтъ, въ теченіе которыхъ женщина достигала своего „равноправія“, загоняемая на „равныхъ“ основаніяхъ съ мужчиной на фабрику, какъ загонялись туда же подростки и дѣти, вырываемые изъ родныхъ ими семей.

Въ концѣ концовъ, изъ этого равенства передъ лицомъ эксплуатаціи вышло женское рабочее движеніе съ его отдѣльными организаціями, съ его соціальной политикой, съ его штабомъ дѣятельницъ и съ его, въ конечномъ счетѣ, разумѣется, оздоровляющимъ дѣйствіемъ на рабочую среду. Къ обще-пролетарской гражданственности присоединилась, такимъ образомъ, гражданственность спеціально пролетарско-женская, и армія эмансипаціи рабочаго класса пополнилась новыми отрядами.

Но это было обогащеніе прежде всего пролетарской гражданственности и всего на всего только первый предварительный этапъ на пути къ измѣненію семейныхъ традицій и отношеній, унаслѣдованныхъ пролетаріатомъ отъ его первичной материнской ячейки—ремесла и крестьянства. Важный и нужный, конечно, этапъ, но этапъ, еще не вы-

ходящій за предѣлы реформы, заявляющей себя и въ другихъ, преимущественно мелкобуржуазныхъ, слояхъ и прослойкахъ современнаго общества по мѣрѣ того, какъ въ этомъ обществѣ съ дальнѣйшимъ развитіемъ капитализма все напряженнѣе становится борьба за существованіе.

Какъ разъ на этомъ этапѣ, въ этомъ пунктѣ, женское рабочее движеніе, столь своеобразное и специфически-классовое во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ, съ революціей, какъ и подобаетъ ему—члену боевого общепролетарскаго товарищества, а не съ реформой въ видѣ центральной идеи,—какъ разъ въ этомъ пунктѣ оно лишь подхватываетъ психологическую нить, которая тянется еще съ 18-го и съ первой половины 19-го вѣка, съ самыхъ раннихъ провозглашеній буржуазной демократіей женскихъ правъ и женской эмансипаціи. Оно прислоняется здѣсь къ современному классово-недифференцированному процессу выявленія женской трудовой и самостоятельной личности, не теоретизируя и обобщая, а—я бы сказалъ—какъ то молчаливо-эмпирически, въ соотвѣтствіи съ общимъ молчаливымъ эмпиризмомъ, которымъ можетъ быть характеризовано отношеніе рабочаго движенія ко всей лично-интимной сторонѣ, отодвинутой далеко назадъ стороною гражданственной.

Поэтому, если въ политикѣ—во всемъ гражданскомъ обиходѣ—новы и оригинальны фигуры Цицъ, Бадеръ, Адельгейды Поппъ и другихъ „пролетарокъ“, то за то отнюдь не нова, неоригинальна и не отличительно свойственна пролетаріату та „новая женщина“ въ ея лично-интимной сферѣ, о которой съ легкой руки А. М. Коллонтай заговорили и въ нашей литературѣ. Да не случайно и то, что и А. М. Коллонтай, рисуя эту „новую женщину“, принуждена была брать образцы для нея не изъ среды пролетарской, а изъ среды преимущественно промежуточныхъ элементовъ буржуазной демократіи и интеллигентской богемы. А въ силу этого и портретъ „новой женщины“ получился съ рядомъ привходящихъ чертъ, типичныхъ для этой богемы, а совсѣмъ не для пролетаріата.

Въ пролетаріатѣ же, т. е. въ толщѣ его, передъ нами до сихъ поръ въ видѣ широчайшей основы семейнаго строя, его фундаментальнаго типа, раскинулся старо-мелкобуржуазный укладъ съ нѣсколько видоизмѣненной примѣнительно къ новымъ условіямъ жизни, но въ сущности вѣчно той же центральной осью въ образѣ „хозяйственной женщины“ — „Hausfrau“, какъ говорятъ нѣмцы, у которыхъ этотъ типъ пріобрѣлъ наиболѣе классически выраженныя формы.

И тотъ же мелкобуржуазный укладъ даетъ себя знать и въ рядахъ пролетарской интеллигенціи, только здѣсь онъ болѣе—если можно такъ выразиться — модернизированъ, являя всевозможныя комбинаціи стараго мѣщанства съ новѣйшими напластованіями интеллигентски-демократическаго склада. Я бы даже сказалъ, въ пролетарской интеллигенціи онъ въ извѣстномъ смыслѣ болѣе отчетливо выраженъ, ибо пролетарская интеллигенція, какъ лучше поставленная часть рабочаго класса, до нѣкоторой степени болѣе свободна отъ разрушительнаго дѣйствія капиталистическаго развитія.

Но то и заслуживаетъ всяческаго вниманія, но то и существенно, что интеллигенція класса, которая призвана всегда въ наиболѣе обобщенной формѣ выражать его основныя тенденціи, что эта пролетарская интеллигенція въ сферѣ лично бытовыхъ отношеній не консолидируетъ спеціально пролетарскія особенности. А эти особенности, безъ сомнѣнія, въ пролетарской семьѣ какъ и во всемъ пролетарскомъ бытѣ, имѣются, но только въ видѣ какой то разсыпанной храмины, неорганизованныя жизнью и непроведенныя черезъ сознаніе. Пролетарская интеллигенція выявляетъ не ихъ, не ихъ культивируетъ, а безсознательно или сознательно подражаетъ окружающему укладу буржуазно-демократическаго общества.

Мы стоимъ, такимъ образомъ, передъ фактомъ, какъ будто бы противорѣчащимъ нашему обычному представленію о механизмѣ классовыхъ противорѣчій, безъ котораго нельзя объяснить ни одного, хотя бы сколько нибудь замѣтнаго явленія въ общественной жизни и въ особенности нельзя двинуться ни шагу во всемъ, что непосредственно связано съ идеологіей и съ душевными переживаніями классовъ. Точно здѣсь отказывается дѣйствовать тотъ законъ общественной психологіи, для освѣщенія и разъясненія котораго такъ много сдѣлалъ Плехановъ.

Я имѣю въ виду постоянно повторяющуюся въ исторіи мысли, какъ и вообще въ исторіи культуры и общественности, тенденцію къ *возраженію* — желаніе „сдѣлать обратное“ тому, что дѣлалось ранѣе,—желаніе которое стоитъ въ непосредственной связи съ явленіемъ классовой борьбы и классовой психологіи и только при ихъ посредствѣ находитъ ключъ къ объясненію. Классъ, ведущій борьбу противъ класса, стремится дѣлать противоположное тому, что дѣлаетъ классъ, съ которымъ онъ борется, стремится не только въ районѣ концентраціи этой борьбы, но и далеко за предѣлами ея, въ областяхъ, съ которыми, однако, почему либо установилась психологическая ассоціація.

Такъ, буржуазія, борясь противъ аристократіи, не только выставляла опредѣленныя политическія требованія, но и противорѣчила аристократіи всѣми особенностями своихъ нравовъ, вкусовъ, стиля, эстетики, и это свое противорѣчіе, проявляемое въ жизни, задокументировала въ философіи, въ литературѣ, въ искусствѣ. Мы знаемъ, напр., въ литературѣ смѣна формъ на протяженіи 18-го вѣка означала и смѣну нравственныхъ лозунговъ, и главнымъ объектомъ буржуазной драмы, обошедшей всѣ сцены Европы, было не что либо другое, какъ именно проповѣдь тѣхъ добродѣтелей буржуазной семьи, ко-

торыя представляли такой непримиримый контрастъ съ моральнымъ разваломъ дворянства. Къ моменту великой революціи эта борьба достигла особенной остроты, вызывая по словамъ Плеханова, „ненависть ко всѣмъ аристократическимъ вкусамъ и традиціямъ".

„Всѣ наши приличія, говоритъ цитируемая Плехановымъ „La chronique de Paris" того времени,—вся наша вѣжливость, вся наша галантность, всѣ наши взаимныя выраженія въ уваженіи, въ преданности въ покорности должны быть выброшены изъ нашего языка. Все это слишкомъ напоминаетъ старый порядокъ". Переживаетъ своего рода превращеніе весь обрядъ жизни. Прежнее „вы" смѣняется демократическимъ „ты" даже въ оффиціальныхъ отношеніяхъ; дорогіе костюмы исчезаютъ, чтобы уступить мѣсто простымъ *).

И точно такъ же и аристократія съ своей стороны—при сходныхъ условіяхъ—манифестируетъ всѣмъ своимъ бытомъ противъ ненавистной ей буржуазной демократіи. „Когда реставрація Стюартовъ—замѣчаетъ тотъ же Плехановъ — временно возстановила въ Англіи господство стараго дворянства, это дворянство... проявило сильнѣйшую склонность къ привычкамъ и вкусамъ, *прямо противоположнымъ* пуританскимъ **) правиламъ жизни. Пуританская строгость нравовъ уступила мѣсто невѣроятной распущенности. Тогда стало признакомъ хорошаго тона любить и дѣлать то, что запрещали пуритане. Пуритане были очень религіозны. Свѣтскіе люди временъ реставраціи щеголяли своимъ безбожіемъ. Пуритане преслѣдовали театръ и литературу: ихъ паденіе дало сигналъ къ новому и сильному увлеченію театромъ и литературой. Пуритане носили короткіе волосы и осуждали изысканность въ одеждѣ: послѣ реставраціи явились на сцену длинные парики и роскошные наряды. Пуритане запрещали игру въ карты: послѣ реставраціи картежная игра стала страстью и т. д. и т. д. ***).

Ну, а въ русской общественности, когда перебираешь исторію ея въ своей памяти, невольно вниманіе приковывается къ своеобразному при неразвитыхъ классовыхъ отношеніяхъ того времени - сколку съ революціи нравовъ, идей, вкусовъ и даже костюма, которой сопровождалась въ Европѣ освободительная борьба знаменитаго „третьяго сословія". Разночинно-интеллигентская масса, вступавшая въ общественную жизнь въ 50 и 60-хъ годахъ прошедшаго столѣтія, дебютировала именно своимъ „возраженіемъ" тогдашнему дворянско-бюрократическому обществу съ его необходимымъ дополненіемъ въ лицѣ старо-мѣщанскаго „темнаго царства", дебютировала бытовой революціей, которая вспыхнула и вихремъ ворвалась въ застоявшійся воз-

*) См. ст „Французская драмат. литература и франц. живопись XVIII вѣка съ точки зрѣнія соціологіи" въ Сборн. „За двадцать лѣтъ".

**) Пуритане были крайними представителями революціонной мелкой буржуазіи въ Англіи 17-го вѣка.

***) См. статью „Объ искусствѣ" въ сборникѣ „За двадцать лѣтъ".

духъ русской дѣйствительности, задолго до того, какъ были ясно, формулированы и стали центральными идеями мысли о революціи соціальной и о революціи политической.

Эта бытовая революція имѣетъ свои символы, свои незабвенныя имена, которыя достаточно упомянуть, чтобы возсоздать въ представленіи читателя все содержаніе этой революціи. Я назову прежде всего человѣка, никогда реально не существовавшаго и, однако, какъ никто, воплотившаго въ своей личности именно эту бытовую революцію, какъ никто—своимъ собственнымъ временемъ признаннаго его законнѣйшимъ представителемъ.—Базаровъ Тургенева!

Этотъ раціоналистъ-просвѣтитель, въ сущности, — и это характерно — на всемъ протяженіи романа не говоритъ ни единаго слова, которое бы намѣтило его общественно-политическое credo; даже отношеніе его къ „мужику"—этотъ оселокъ позднѣйшаго народничества—остается сомнительнымъ. Никакихъ революціонныхъ группировокъ — тогда еще, впрочемъ, и не существовавшихъ въ Россіи, никакихъ практическихъ линій! Это просто едва соскочившій со школьной скамьи студентъ медицины, безъ опредѣленнаго плана, но съ цѣлымъ ворохомъ идей въ головѣ, которыя рвутся наружу, желая собою заразить цѣлый міръ; съ громаднымъ запасомъ на разрядившейся энергіи и вѣры въ себя, въ эту энергію и въ эти идеи.

И однако, — это революціонеръ, революціонеръ съ головы до пятъ, кождымъ своимъ движеніемъ, каждымъ словомъ демонстрировавшій то „отрицаніе", которое было разлито въ атмосферѣ того времени—отрицаніе традицій, „авторитетовъ", склада жизни, съ остріемъ, направленнымъ противъ дворянства; отрицаніе, которое хотѣло весь этотъ *бытъ* перестроить заново, на иныхъ, раціональныхъ основаніяхъ.

А что дѣлаютъ въ романѣ „Что дѣлать" Чернышевскаго его персонажи? Они своимъ личнымъ примѣромъ, разрѣшеніемъ личныхъ вопросовъ слагаютъ настоящій манифестъ — единственный манифестъ того времени — манифестъ бытовой революціи, манифестъ, безконечно глубже уходившій въ почву тогдашней общественности, чѣмъ всѣ прокламаціи „Молодой Россіи" и „Великоросса". Ибо проблема о томъ, какъ наладить свои взаимныя отношенія Вѣрѣ Павловнѣ, Лопухову и Кирсанову, ибо „сны Вѣры Павловны" были моральной проблемой и „снами" всей тогда просыпавшейся, юной разночинно-интеллигентской Россіи.

Разночинство провозглашало новую жизнь, новыя представленія о женщинѣ, о семьѣ, о воспитаніи дѣтей, новыя основы морали, новые вкусы, даже новыя мелочи жизни. Оно ни въ чемъ не хотѣло походить на этихъ слащавыхъ и слабовольныхъ людей, идеологовъ предыдущаго дворянскаго періода русской исторіи. Оно даже одѣвалось по своему, демократически-небрежно, дѣвушки стригли свои во-

лосы, мужская молодежь, наоборотъ, ходила лохматая, и фигура, какъ и костюмъ „нигилиста“, были ходячей демонстраціей противъ общепринятыхъ правилъ общежитія.

На этомъ контрастѣ грядущей силы и уходящаго въ прошлое безсилія, на этой излюбленной психологически-бытовой антитезѣ построена была вся литературная критика того времени. А эта критика—и это стоитъ отмѣтить—пріобрѣла ту значительность, которой она уже больше не достигала никогда въ общественной жизни, не только, и не столько потому, что во главѣ этой критики стояли такіе одаренные ея представители, какъ Добролюбовъ и Писаревъ, и меньше всего потому, что цензура, тѣсня, загоняла въ эту критику рядъ публицистическихъ мотивовъ, сколько потому, что именно чрезъ нее и подлежащія ея вѣдѣнію области проходилъ нервъ того времени, нервъ бытовой революціи.

Потому и зрѣніе читателя, какъ и писателя, было особенно остро, особенно чувствительно именно въ этихъ вопросахъ житейскаго уклада и протеста противъ него со стороны человѣческой личности. Напомню, хотя бы, какое крупное мѣсто занимаетъ въ литературной работѣ Добролюбова образъ Катерины въ „Грозѣ“ Островскаго. „Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ“ — такъ гласитъ заголовокъ статьи Добролюбова, лучъ свѣта, который загорался, погасая, ибо протестъ Катерины противъ жизни былъ еще только протестомъ смерти, добровольнаго ухода изъ жизни.

Но отсюда, отъ этихъ безчисленныхъ, большихъ и малыхъ протестовъ, которыми безымянная, новая Россія начинала свое сознательное историческое существованіе, изъ эмбріона этой бытовой революціи ведетъ свое происхожденіе и вся дальнѣйшая общественно-политическая революція разночинства—ея многолѣтняя, все больше съ теченіемъ времени заполнявшаяся конкретнымъ содержаніемъ борьба.

И только при свѣтѣ этой же бытовой революціи, этой жажды „возражать“, „противорѣчить“ становится ясной и та безудержная полемическая страстность, съ которой Писаревъ, нападая на чистое искусство, въ его глазахъ ассоціированное съ элементами психологіи тогдашняго дворянства, разноситъ Пушкина и чуть ли не топчетъ въ грязь одинъ изъ поэтичнѣйшихъ образовъ міровой литературы Татьяну изъ Пушкинскаго „Евгенія Онѣгина“. Онъ на ней стихійно изливалъ антидворянство разночинной среды, и эта среда внимала ему, какъ своему самому близкому выразителю ея настроеній, ея завѣтнѣйшихъ чувствъ и симпатій...

Итакъ, бытовая революція разночинства; бытовая революція въ 18-вѣкѣ третьяго сословія противъ дворянства; бытовая революція англійской аристократіи противъ мелкобуржуазныхъ пуританъ... И нѣтъ бытовой революціи,—съ ей соотвѣтствующими декларациями, съ объявленной войной противъ старыхъ вкусовъ, привычекъ, эстетики, даже

одежды, какъ бывало прежде—у пролетаріата, который, конечно, въ механикѣ современнаго общества представляетъ несравненно болѣе серьезнаго потрясателя основъ, чѣмъ любой изъ ему предшествовавшихъ «бытовыхъ» революціонеровъ.

И если разночинецъ-интеллигентъ своей одеждой, прической, какъ и всей своей повадкой, въ свое время манифестировалъ свое „нигилистическое“ міросозерцаніе, если такъ же поступалъ и просвѣщенный представитель третьяго сословія въ 18-мъ вѣкѣ, то наоборотъ, нашъ „потрясатель основъ“, становясь сознательнымъ, неизмѣнно и непремѣнно одѣваетъ котелокъ, манишку, пиджакъ, и этимъ его облаченіемъ въ костюмъ культурнаго бюргерства обозначается ростъ его чувства собственнаго достоинства, желаніе его — представителя обездоленныхъ низовъ—быть, какъ, люди, быть не хуже другихъ.

Это первый и прибавимъ —вполнѣ естественный шагъ для пришельца изъ этихъ низовъ: онъ беретъ, что можетъ, изъ готоваго запаса матеріальной и нематеріальной культуры господствующаго общества, онъ, во имя отрицанія имъ съ себя сбрасываемой былой некультурности, пріобщается къ этой чужой инородной культурѣ, прежде чѣмъ можетъ начать вырабатывать свою собственную. Законнѣйшій этапъ на пути поступательнаго хода развитія рабочаго класса, какъ законно и въ своемъ родѣ прогрессивно было когда то вліяніе культуры дворянства на представителей, „третьяго сословія“, и соотвѣтственно—подражаніе «третьяго сословія“ этому дворянству, увѣкоченное—правда, въ сатирической формѣ—Мольеромъ во образѣ bourgeois-gentilhomme—мѣщанина въ дворянствѣ.

Но уже гораздо менѣе законно и вызываетъ на размышленія, когда этотъ этапъ первичнаго подражанія такъ до поры до времени и закрѣпляется дальнѣйшимъ развитіемъ, когда это развитіе продолжаетъ свое прежнее, направленіе и общая консолидація классового сознанія и классового чувства не вызываетъ смѣны подражанія обычнымъ въ такихъ случаяхъ „противорѣчіемъ“, даже и на очень значительной высотѣ классового самоопредѣленія. Съ этой точки зрѣнія я и хочу остановиться на одной «мелочи жизни», заинтересовавшей меня—при всей своей незначительности.

Въ прошломъ году рабочій Цюрихъ и съ нимъ вмѣстѣ представители соціалистическаго интернаціонала хоронили великаго вождя нѣмецкаго пролетаріата — Августа Бебеля. На похороны прибыла большая часть соціалдемократической фракціи германскаго рейхстага и 70—80 преимущественно рабочихъ депутатовъ—цвѣтъ современнаго пролетаріата—шли попарно за гробомъ. Я, какъ сейчасъ, вижу эту картину: они всѣ были въ черныхъ сюртукахъ, въ перчаткахъ, на головахъ цилиндры. Словомъ—полная имитація зажиточнаго бюргерства. И думалось, глядя на нихъ, на эту гвардію всего мірового пролетарскаго воинства: это конечно, пустякъ! что такое покрой

костюма? цилиндръ или широкополая шляпа—не все ли равно? Развѣ отъ этого убудетъ что либо изъ революціоннаго содержанія современнаго рабочаго движенія? пострадаетъ его смыслъ?

Ну, разумѣется нѣтъ. И, однако, вѣдь, такъ же можно сказать: что такое писательскій стиль? А, вѣдь, не даромъ старое французское реченіе гласитъ: le style c'est l'homme,—по стилю познается человѣкъ. Такъ и тутъ, по этой пустяковой, какъ будто, детали познается не характеръ, конечно, исторической роли пролетаріата въ судьбахъ капиталистической цивилизаціи,—не объ этомъ идетъ сейчасъ рѣчь,—но стиль его современнаго пролетарскаго уклада, стиль жизни его лучшихъ людей.

Ибо и въ обыденной жизни, какъ и въ палеонтологіи, есть извѣстная связанность частей, и какъ по кости допотопнаго животнаго можно возстановлять его недошедшій до насъ цѣльный скелетъ, такъ и здѣсь одна характерная мелочь тянетъ за собой другую и является символомъ цѣлаго. Да къ тому же—вѣдь, передъ нами въ данномъ случаѣ не одна только мелочь, случайно попавшая въ мое поле зрѣнія, но и такія подлинно серьезныя явленія жизни, какъ семейный укладъ, о которомъ я говорилъ уже раньше, и вообще вся практика взаимоотношеній половъ, и многое другое, мною незарегистрированное.

И эта вся совокупность согласно свидѣтельствуетъ объ одномъ: что существуютъ какіе то причины которыя, раскалывая пролетарское бытіе пополамъ, продолжаютъ въ одной половинѣ его поддерживать линію первональнаго „подражанія“ въ то самое время, когда въ другой половинѣ линія направленія обратнаго, линія „возраженія“, линія классового самоопредѣленія зашла въ своемъ развитіи необычайно далеко. Что то стоитъ на пути къ воздѣйствію однаго полюса этого бытія на другой, къ выравненію двухъ сферъ, изъ которыхъ въ одной кипитъ борьба и идетъ противопоставленіе своего типа чужому, а въ другой—происходитъ усвоеніе и приспособленіе своего къ чужому и чужого къ своему, принятіе формъ, отштампованныхъ психикой буржуазнаго общества...

Конечно, Плехановъ правъ*), когда замѣчаетъ, что и „противорѣчіе“, это слѣдствіе классовой борьбы, не надо понимать „отвлеченно“, что нападенію подвергаются прежде всего тѣ провинціи психологической территоріи, „которымъ принадлежала гегемонія въ предъидущую эпоху“ и что „бѣдствія войны“ „лишь постепенно“, выходя за предѣлы данной „провинціи“, распространяются на другія. Это все такъ, но этого недостаточно было бы для объясненія существующаго раскола двухъ половинокъ пролетарской психики, какъ явленія, хотя, разумѣется, и не постояннаго, но во всякомъ случаѣ затяжного, проходящаго на протяженіи больше полувѣка черезъ всю исторію развитія европейскаго пролетаріата.

*) См. Бельтовъ „Къ вопросу о развитіи монист. взгляда на исторію“ стр. 195.

И мы, поэтому, подходимъ вплотную къ необходимости разобраться въ тѣхъ общественно—историческихъ условіяхъ, въ которыхъ Развертывалась и развертывается до сихъ поръ классовая борьба рабочаго класса. Ибо въ нихъ, и только въ нихъ, и можетъ заключаться отвѣтъ на наши недоумѣнные вопросы.

Въ своихъ первыхъ статьяхъ я далъ частичный отвѣтъ на этотъ вопросъ, говоря о существованіи въ капиталистической цивилизаціи единаго культурнаго цѣлаго небывалой центростремительной силы и мощности и въ связи съ этимъ о дѣйствіи капитализма, не только разслаивающемъ, но въ нѣкоторыхъ онтношеніяхъ и нивеллирующемъ, подводящемъ всѣхъ и вся подъ одинъ культурный ранжиръ.

Но это, повторяю, лишь *часть* возможнаго и нужнаго отвѣта.

Другая же часть, которой я буду касаться въ настоящей статьѣ, дается *взаимоотношеніемъ*, сложившимся въ процессѣ развитія въ міровой общественной жизни, *между* тремя ея основными элементами: *капиталистической буржуазіей* (она включаетъ въ себя и буржуазію земельную), все сильнѣе въ своихъ рукахъ концентрирующей всѣ богатства народовъ и съ ними вмѣстѣ—всю ненависть обдѣленныхъ и весь напоръ ихъ движенія; далѣе—постепенно пролетаризирующимся *мелкобуржуазными слоями* различныхъ видовъ, какъ крестьянско—ремесленнаго, такъ и интеллигенски-демократическаго; и, наконецъ, *пролетаріатомъ*, съ его разгорающейся во всемірный пожаръ классовой борьбой. Впрочемъ, правильнѣе будетъ сказать, что насъ занимаетъ не взаимоотношеніе этихъ трехъ элементовъ во всемъ его объемѣ, а вліяніе—размѣры и характеръ этого вліянія, оказываемаго первыми двумя на пролетаріатъ и его психологію.

Вліяніе капитала и вліяніе мелкобуржуазной среды—это два порядка вліяній, не суммирующихся другъ съ другомъ до одного конечнаго результата, а дѣйствующихъ въ разныхъ плоскостяхъ, каждый ему свойственнымъ методомъ.

Плоскость дѣйствія капитала, это сфера преимущественно разростающейся классовой—политической и экономической борьбы между нимъ и пролетаріатомъ, ибо капиталъ въ его различныхъ подраздѣленіяхъ все болѣе становится монополистомъ власти и все болѣе сосредоточиваетъ на себѣ вниманіе своего антагониста. По закону противодѣйствія организующійся капиталъ мобилизуетъ и организуетъ боевое пролетарское товарищество, формируя враждебную ему психику пролетаріата, и изъ своего отрицанія рождая въ пролетаріатѣ духъ соціализма—идеалъ обобществленнаго производства. Это антагонистическое дѣйствіе, можно сказать, есть нервъ всего современнаго развитія опредѣляющій факторъ его поступательнаго хода.

Но есть цѣлая обширная область, гдѣ капиталъ, являясь великимъ разрушителемъ, не является, однако, источникомъ антагонистическаго противопоставленія одной психики другой—это именно область лично-инктимныхъ отношеній рабочаго класса, область его бытового обихода. Не потому, разумѣется, чтобы не былъ достаточно великъ котрастъ между этими двумя бытовыми укладами, но потому, что этотъ контрастъ уже слишкомъ великъ. Лучше сказать: потому что бытовая дифференція между классами отодвинула ихъ другъ отъ друга настолько далеко, на такую дистанцію, при которой уже нѣтъ и не можетъ быть бытового касанія между ними, какъ явленія рядового, а не исключительнаго.

Есть громадная арена борьба между классами, но нѣтъ уже общей почвы, на которой бы онѣ вмѣстѣ изживали—хотя бы и антагонистически—свой бытъ, какъ это было возможно въ прежнее время между хозяиномъ и подмастерьемъ между дворяниномъ и бюриромъ. Конфликты классовъ съ теченіемъ времени дѣлаются все болѣе безличными. Въ стѣнахъ фабричнаго зданія изчезаютъ послѣдніе остатки личныхъ отношеній между хозяевами дѣла и ихъ рабочимъ персоналовъ. А застѣнами—давно уже выросла другая, еще болѣе высокая, стѣна—стѣна всей жизни, дѣлающая неосуществимымъ бытовое смѣшеніе классовъ, буржуазнаго и пролетарскаго, подобное тому, которое мы видимъ въ старинныхъ романахъ и драмахъ: дворянинъ врывался въ буржуазную семью, буржуа лѣзъ въ дворянство, разночинецъ Базаровъ пріятно проводилъ свое лѣтнее время въ усадьбѣ дворянъ Кирсановыхъ.

Буржуа и пролетарій не въ такихъ обоюдныхъ отношеніяхъ, чтобы дѣлать возможнымъ перекрещиваніе своихъ жизненныхъ путей. Они неизбѣжно незнакомы другъ съ другомъ. Они знаютъ другъ друга по внѣшнимъ признакамъ, только то, что видно съ улицы, со стороны, въ лучшемъ случаѣ—абстрактно-книжно, изъ литературы.

Вотъ почему тотъ громадный очагъ „возраженій“, „противорѣчій“, который заложенъ въ классовой борьбѣ, останавливается у порога лично-интимной психики пролетаріата и не вызываетъ въ этой психикѣ того перманентнаго бунта, того желанія дѣлать наоборотъ, которое въ другой половинѣ ея привело къ многообразному творчеству.

Но за то тѣмъ свободнѣе—безъ помѣхи—можетъ осуществляться, въ направленіи своей плоскости, другое вліяніе на пролетаріатъ, вліяніе мелкобуржуазной среды. Вліяніе уже тѣмъ кардинально отличное отъ вліянія капитала, что оно до сихъ поръ оказываетъ свое дѣйствіе на пролетаріатъ не посредствомъ противорѣчія, а черезъ далеко идущую въ глубь историческаго прошлаго бытовую традицію, вызывая подражаніе.

Почему это такъ? Мнѣ думается, цо многимъ причинамъ: здѣсь играютъ свою роль и вѣковая исторія выдѣленія пролетаріата, какъ

класса, изъ ремесла и крестьянства, и съ каждымъ днемъ все растущее сосредоточеніе классового вниманія на томъ фокусѣ борьбы настоящаго времени, который представляетъ собою взаимоотношеніе труда и концентрированнаго капитала. То замедляя, то ускоряя свой темпъ, въ теченіе всей современной эпохи, идетъ процессъ образованія пролетаріата, представляющій обратную сторону процесса разложенія мелкобуржуазныхъ классовъ. Мелкая буржуазія вывѣтривается въ непосильной борьбѣ съ капиталомъ, и одна частица ея за другой превращается въ матеріалъ для формированія пролетарскаго класса.

Вслѣдъ за матеріальной пролетаризаціей—съ большимъ отставаніемъ — тянется пролетаризація идейная: новыхъ адептовъ постепенно вбираетъ въ себя классовая борьба съ ей соотвѣтствующей идеологіей.

Но психологія? Она тоже, конечно, пролетаризируется въ той своей части, которая непосредственно связана съ новымъ классовымъ положеніемъ и изъ него вытекающей борьбой. Но она остается сравнительно неизмѣненной или малоизмѣненной, въ сферѣ лично-интимныхъ отношеній, въ сферѣ привычекъ, вкусовъ, бытового обихода. Ибо пролетаризація мелкобуржуазнаго класса *не сопровождается революціоннымъ переломомъ* въ этой части психики, отрицаніемъ ея прошлаго, провозглашеніемъ новыхъ началъ.

Наоборотъ, старая психика *мирно врастаетъ* въ измѣнившееся съ пролетаризаціей положеніе и не революціонно, а реформаторски, незамѣтными заплатами и передѣлками, приспособляется къ нему. Пролетаризація вызываетъ жажду возражать не своему собственному классовому прошлому, которое еще долгое время представляется близкимъ и милымъ, а тому капиталистическому минотавру, которому принесена эта жертва и подъ знакъ борьбы съ которымъ все больше становится жизнь.

Такъ съ непрерывно идущимъ процессомъ пролетаризаціи въ пролетаріатъ непрерывно вливаются все новыя и новыя волны мелкобуржуазной психики. Мертвый хватаетъ живого. Однако, умирающая мелкая буржуазія еще далеко не умерла, и пролетаріату приходится считаться не съ однѣми живучими традиціями, но и съ реально существующимъ факторомъ современной общественности. Эта же реальность—мелкая буржуазія, продолжающая жить съ грѣхомъ пополамъ, видоизмѣняясь и приспособляясь къ новымъ условіямъ усложнившейся жизни—въ своихъ отношеніяхъ къ пролетаріату, въ своемъ дѣйствіи на него, представляетъ величину двухстороннюю или лучше—двѣ совсѣмъ различныя, разнокачественныя величины: одну—систематически убывающую и другую—сравнительно устойчивую и чрезвычайно большую.

Съ одной стороны, мелкая буржуазія, какъ величина общественно-политическая, все сильнѣе затѣняется въ сознаніи пролетаріата и отодвигается на задній планъ основной борьбой капиталистическаго общества, а съ другой—она до сихъ поръ, какъ повелось

это изстари, какъ тому основаніе положила родословная пролетаріата—его первоначальное происхожденіе—еще въ очень значительной степени является законодательницей вкусовъ, обычаевъ, нравовъ пролетаріата, гегемономъ его быта, его домашняго уклада.

Пожалуй даже, чѣмъ больше изчезаетъ съ общественно-политической сцены мелкая буржуазія, какъ самостоятельная категорія, какъ элементъ, съ которымъ серьезно считаются и поэтому ненавидятъ, чѣмъ больше эту ненависть оттягиваетъ къ себѣ преуспѣвающая буржуазія современнаго общества,—тѣмъ легче на пролетаріатъ излучаетъ мелкая буржуазія свое бытовое вліяніе—атмосферу бытового подражанія, а не бытового протеста. А это вліяніе тѣмъ болѣе дѣйствительно, что мелкобуржуазная среда, въ отличіе отъ остальной буржуазной среды капиталистическаго общества и въ противоположность къ ней, имѣетъ тысячи точекъ бытового соприкосновенія съ пролетаріатомъ, она обволокиваетъ его во всѣхъ порахъ современной общественности не столько и не только классово-антагонистически, какъ я бы сказалъ—добрососѣдски-обывательски...

Итакъ, наличность этихъ двухъ порядковъ вліяній на пролетаріатъ и тѣ особенности этихъ вліяній, которыя дѣлаютъ ихъ другъ съ другомъ не конкурирующими, а распредѣляющими между собой свои сферы прямого или антагонистически обратнаго дѣйствія на пролетаріатъ, только она способна объяснить раздвоенность пролетарской психики, эту противоположность двухъ областей его чувствованія: одну — боевую, возражающе творческую, другую — подражательно-мирную.

Мнѣ кажется, что вниманіе изслѣдователей, всецѣло поглощенное первой—прогрессивной и творческой частью пролетарскаго бытія, слишкомъ игнорировало до сихъ поръ эту другую его часть, еще насквозь пропитанную элементами мелкобуржуазнаго склада. Потому и оставались не оцѣненными такія серьезныя явленія его умственной жизни, какъ контрастъ между отсутствіемъ творчества пролетаріатъ въ художествѣ и громадностью его творчества во всемъ, что связано съ жизнью его боевого товарищества.

Поэтому, въ частности, и мои критики не поняли моего брошеннаго вскользь замѣчанія о существованіи въ буржуазной классической литературѣ элементовъ консерватизма, о томъ внутреннемъ противорѣчіи, которое „великую сокровищницу цѣнностей“ превращаетъ въ извѣстномъ смыслѣ и въ „великую укрывательницу буржуазнаго духа“.

Такъ, Иванъ Кубиковъ полагаетъ, что я говорю о тѣхъ соціально-политическихъ идеяхъ, которыя выражены въ тѣхъ или другихъ классическихъ произведеніяхъ великихъ буржуа прошедшаго времени, и справедливо замѣчаетъ при этомъ, что эти соціально-политическія идеи по своему дѣйствію на современный пролетаріатъ, что эта „лигатура“, не идетъ ни въ какое сравненіе съ тѣмъ золотомъ

художественныхъ образовъ, которое въ этихъ произведеніяхъ разсыпано.

Это вѣрно. Но я имѣлъ въ виду другую „лигатуру“ — лигатуру мѣщанскаго психологическаго склада. Этой лигатуры неизмѣримо больше въ буржуазной классической литературѣ, чѣмъ тѣхъ рѣчей маркиза. Позы или идеологій Вильгельма Телля, на которыя ссылается т. Кубиковъ. И эта лигатура гораздо дѣйствительнѣе въ своемъ оказательствѣ на современный пролетаріатъ, чѣмъ устарѣвшая идеологія классиковъ. Она дѣйствительна потому, что она имѣетъ своего *аналога*—подобіе себѣ—въ нѣкоторыхъ элементахъ той психики, которая до настоящаго времени еще прочно сидитъ въ пролетаріи. Значитъ ли это, что я рекомендую не изучать этой литературы? что я не придаю ей огромнаго значенія въ дѣлѣ поднятія уровня культурнаго творчества пролетаріата?

Разумѣется, нѣтъ! Черезъ нее пролетаріату *надо* пройти,—какъ надо пройти черезъ всю культуру современной цивилизаціи. Пройти и постараться критически преодолѣть, взявъ изъ нея всѣ ея рельныя цѣнности!

Но это большая, самостоятельная тема, которой я посвящу особую статью. *).

А. Потресовъ.

Политическое обозрѣніе.

Бурные дни.

Мартъ и начало апрѣля были бурными днями для рабочаго движенія.

Еще въ началѣ марта политическое стачечное движеніе охватило самые широкіе круги рабочаго Петербурга. Какъ отмѣчалось въ печати организованными рабочими группами, движеніе это вспыхнуло самопроизвольно, стихійно. Эта стихійность сказывалась очень ярко и въ самыхъ поводахъ къ стачкѣ. Просматривая газетную хронику, мы встрѣтимъ поводы, самые разнообразные: „тайное совѣщаніе“ правительства съ членами Г. Думы и не приглашеніе на это совѣщаніе с. д. депутатовъ; выступленіе тов. мин. внутреннихъ дѣлъ Золотарева по ленскому запросу; преслѣдованіе профессіональныхъ и культурно-просвѣтительныхъ рабочихъ организацій; гоненіе на рабочую печать; стѣсненіе свободы слова с. д.-ихъ депутатовъ предсѣдателемъ Г. Думы и т. д.

*) Въ предыдущей моей статьѣ въ 3 № „Н. З.“ на стр. 93 послѣ третьяго обзаца по недосмотру оказались пропущенной слѣд. фраза: „Итакъ, въ чемъ же фокусъ вопроса и гдѣ основа его рѣшенія? Какъ разъ тамъ, гдѣ почему-то упорно его не желаютъ искать Череванинъ и Пилецкій—въ историческихъ условіяхъ развитія пролетаріата, въ обстановкѣ функціонированія пролетарской среды“.

Эта необычайная пестрота поводовъ къ забастовкѣ свидѣтельствуетъ объ отсутствіи организаціи, которая,—если и не охватывала бы массы, то могла бы планомѣрно направлять ихъ усилія въ „одну точку“. Но, съ другой стороны, она же неопровержимо свидѣтельствуетъ о крайне напряженномъ состояніи рабочей массы, о ростущемъ ощущеніи ея, что „такъ дальше жить нельзя“, что жизнь, какова она сейчасъ есть, невыносимо давитъ со всѣхъ сторонъ.

И вотъ въ эту то атмосферу повышенной возбудимости, въ разгаръ забастовки, переползавшей съ одного предпріятія на другое и захватившей въ свой круговоротъ до 150000 рабочихъ, пали одна за другою двѣ волнующихъ вѣсти: сначала—о массовыхъ заболѣваніяхъ работницъ на различныхъ фабрикахъ и заводахъ; потомъ—о взрывѣ на электрической станціи о-ва 1886 года, унесшемъ 3 человѣческихъ жертвы.

Чрезмѣрный трудъ; полное пренебреженіе интересами жизни и здоровья рабочихъ; полная несостоятельность и законовъ объ охранѣ труда и фабричной инспекціи—вотъ о чемъ кричали всякому петербургскому рабочему массовыя заболѣванія и взрывъ на электрической станціи. Естественна—та новая однодневная забастовка, которая была отвѣтнымъ крикомъ возмущенія рабочаго Петербурга, тѣ попытки демонстраціи, которыми она сопровождалась.

Возбужденіе росло, а вмѣстѣ съ тѣмъ множились и событія, подливавшія масло въ огонь: убійство рабочаго Андреева городовымъ во время демонстраціи на Петербургской сторонѣ; пріостановка дѣятельности, а затѣмъ и закрытіе крупнѣйшей рабочей организаціи Петербурга—союза металлистовъ; и, наконецъ, карательный предпразничный локаутъ, объявленный спб. обществомъ фабрикантовъ и заводчиковъ и казенными заводами и обрушившійся на 7.000 рабочихъ.

Всего этого могло оказаться болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы довести температуру до „бѣлаго каленія“ и, при извѣстныхъ условіяхъ, вызвать бурную вспышку со стороны доведенныхъ до отчаянія рабочихъ массъ.

На эту вспышку совершенно открыто спекулировали черносотенныя газеты и черносотенныя организаціи. Въ одно и то же время, какъ по заказу, во всѣхъ органахъ реакціонной печати, отъ „Русскаго Знамени“ и „Земщины“ до „Новаго Времени“ и оффиціозной „Россіи“, стали появляться сообщенія о комитетѣ отравителей, устроенномъ соціалистами и разбрасывавшемъ „капсюли“ съ ядовитымъ порошкомъ для наказанія тѣхъ, кто не хотѣлъ примыкать къ забастовкамъ. Въ рабочей средѣ шныряли темныя личности, усиленно агитировавшія на ту же тему. Съ трибуны Государственной Думы злостная басня была повторена Марковымъ 2-мъ и Замысловскимъ. Въ томъ же духѣ были использованы реакціонною печатью двусмысленныя заявленія и

умолчанія управляющаго отд. промышл. и торговли, г. Литвинова—Фалинскаго въ его объясненіяхъ по запросу о массовыхъ заболѣваніяхъ.

Этой темной агитаціи подрѣзало крылья предложеніе, внесенное въ Гос. Думу соціалъ-демократическою фракціею: образовать для разслѣдованія причинъ массовыхъ заболѣваній анкетную думскую комиссію съ привлеченіемъ къ участію въ ея работахъ „представителей рабочихъ организацій (профессіональныхъ союзовъ и больничныхъ кассъ), равно какъ и спеціалистовъ врачей и техниковъ“.

Сколько ни кричали черносотенцы о „незаконности“ и даже „революціонности“ (!) этого предложенія, имѣвшаго уже свои прецеденты въ дѣятельности трехъ Думъ и опиравшагося на § 47 думскаго наказа (о приглашеніи свѣдующихъ лицъ),—истинная причина того бѣшенства, съ какимъ они накинулись на предложеніе с.д-ой фракціи, была слишкомъ очевидна: они боялись даже приступа къ безпристрастному разслѣдованію событій, къ поискамъ того „комитета отравителей“, о которомъ они трубили. Провокаціонная агитація черносотенцевъ была сорвана и скоро замерла.

Что среди рабочихъ ни на какой замѣтный успѣхъ такая агитація разсчитывать не могла,—понятно само собою. Но эта попытка черной сотни перенести свою дѣятельность изъ темныхъ мѣщанскихъ и крестьянскихъ словъ въ рабочую среду, куда она послѣ 1905 г. и сунуться не смѣла, и отъ привычныхъ „ритуальныхъ“ мотивовъ перейти къ демагогической агитаціи, непосредственно направленной противъ рабочаго соціализма, лишь обострила начавшій уже совершаться поворотъ вниманія наиболѣе воспріимчивыхъ и зрѣлыхъ буржуазно-демократическихъ элементовъ къ рабочему движенію.

Прежде всего съ давно уже невиданною широтою отозвалось студенчество. Резолюція протеста слушательницъ бывшихъ Женскихъ Курсовъ собрала 771 подпись. Наиболѣе демократическое и наиболѣе бѣдное студенчество психо-неврологическаго института собрало въ своей средѣ въ пользу жертвъ локаута свыше 400 рублей.

Въ то же время вопросъ о событіяхъ въ рабочей жизни былъ поставленъ въ Императорскомъ техническомъ обществѣ и петербургской городской думы. Техническое общество ассигновало въ пользу безработныхъ жертвъ локаута имѣвшіяся въ его распоряженіи 6000 рублей и постановило образовать анкетную комиссію для разслѣдованія условій труда на петербургскихъ фабрикахъ и заводахъ, пригласивъ въ ея составъ до 40 представителей рабочихъ организацій и больничныхъ кассъ, а также депутатовъ обѣихъ с. д-ихъ фракцій и трудовой группы. Городская Дума, съ своей стороны, рѣшила также образовать анкетную комиссію и ассигновать для безработныхъ 100.000 рублей.

Какъ извѣстно, постановленія эти не были приведены въ исполненіе. Первое же засѣданіе анкетной комиссіи при техническомъ обществѣ не было допущено градоначальникомъ. Имъ же были опроте-

стованы рѣшенія городской Думы. Отъ этого однако сами постановленія не лишаются симптоматическаго значенія, какъ показатели извѣстной эволюціи настроенія въ нѣкоторыхъ общественныхъ группахъ и кое какихъ возможныхъ путей развитія въ будущемъ.

* * *

Наиболѣе знаменательнымъ для оцѣнки переживаемой стадіи рабочаго движенія слѣдуетъ считать тотъ фактъ, что, несмотря на крайнее возбужденіе, рабочія массы съумѣли противостоять провокаціи реакціи.

Отдѣльныя с.-д-ія и лѣвонароднические группы вели агитацію за самый нецѣлесообразный въ данномъ случаѣ, но привычный отвѣтъ на локаутъ-забастовку протеста. Появлялись и листки съ призывомъ къ уличной (и даже вооруженной) демонстраціи въ день 4 апрѣля, т.-е., въ день, когда благодаря совпаденію ленской годовщины съ страстною пятницею и предпраздничною суетою, такая демонстрація очень не улыбалась широкимъ слоямъ городского населенія.

Эта агитація не увѣнчалась успѣхомъ. Рабочія массы инстинктомъ почувствовали всю нецѣлесообразность чрезмѣрнаго обостренія положенія въ данный моментъ и всю опасность изолированнаго выступленія рабочихъ.

Это настроеніе массъ такъ ясно давало себя знать, что даже „Путь Правды“, указавъ въ первые дни локаута, что „у петербургскаго пролетаріата пока еще недостаточно“ „силы организованности“, затѣмъ во все продолженіе бурныхъ событій могъ лишь хранить растерянное молчаніе. А въ лѣво-народнической „Стойкой мысли“ можно было прочесть такой же категорическій совѣтъ рабочимъ не бастовать въ отвѣтъ на локаутъ, какой въ первый же день локаута дала „Сѣверная Рабочая Газета“ и руководящій коллективъ организованныхъ рабочихъ меньшевиковъ.

Не прошло еще и двухъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ между „Лучомъ“ и „Правдою“ велась ожесточенная полемика по вопросу о методахъ проведенія забастовокъ. Слѣдуетъ-ли въ одной и той же забастовкѣ смѣшивать требованія экономическія и политическія? Утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ былъ, по заявленію „Правды“, служить показателемъ „послѣдовательности“ и всѣхъ иныхъ марксистскихъ добродѣтелей, какъ отрицательный—признакомъ „ликвидаторства“ и всякой оппортунистической скверны.

Теперь объ этомъ вопросѣ почти не вспоминаютъ, ибо сама жизнь рѣшила его—и рѣшила не въ пользу „правдизма“: за послѣдній годъ раздѣленіе забастовокъ экономическихъ и политическихъ вошло въ *практику* самыхъ „правдистскихъ“ слоевъ рабочаго класса, стало основнымъ правиломъ успѣшнаго веденія стачечной борьбы, хотя, быть

можетъ, сознаніе „правдистовъ“ еще далеко не усвоило себѣ всего значенія этого факта и не сдѣлало изъ него соотвѣтствующихъ выводовъ.

Затѣмъ наступила очередь вопроса о самомъ *существѣ стачечной тактики*. И по этому вопросу велось не мало споровъ. И тутъ тактика „развязыванія“ все новыхъ и новыхъ стачекъ, исходившая изъ чисто синдикалистскаго представленія о чудесныхъ, воспитывающихъ и развивающихъ энергію, свойствахъ любой стачки самой по себѣ, противоставлялась, какъ тактика „послѣдовательнаго марксизма“, „ликвидаторскому“ и „оппортунистическому“ стремленію къ внесенію въ стачечное движеніе планомѣрности и организованности, и преодолѣнію стихійности. Всякому извѣстно, какъ злостно было использовано и еще используется въ интересахъ полемики словечко „стачечный азартъ“, которымъ одна изъ статей „Луча“ характеризовала синдикалистскую тактику „стачечной гимнастики“, проповѣдывавшуюся „Правдой“!

На самомъ дѣлѣ и тутъ „правдизмъ“ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе. Прежде всего,—въ области *экономической* борьбы. Несмотря на то, что промышленное оживленіе создавало благопріятныя условія для успѣшности даже стихійнаго стачечнаго движенія, результаты тактики „стачечной гимнастики“ оказались столь плачевными для рабочихъ, что не замѣтить ихъ было невозможно. И весь послѣдній годъ былъ годомъ отказа „правдистовъ“ отъ примѣненія въ области экономической борьбы той тактики, которая еще недавно объявлялась истиннымъ порожденіемъ марксистской „послѣдовательности“!

На страницахъ и „Правды“, и профессіональныхъ органовъ, руководимыхъ „правдистами“, можно теперь читать тѣ самые „ликвидаторскіе“ призывы къ планомѣрности и организованности, то самое осужденіе проповѣди стихійности стачекъ („стачечнаго азарта“), за которые подвергался такимъ неистовымъ наскокамъ покойный „Лучъ“!

Но, если въ области экономической борьбы тактика марксизма рѣшительно восторжествовала надъ тактикою синдикализма, то тѣмъ усиленнѣе стремился „правдизмъ“ вознаградить себя въ области борьбы *политической*. Здѣсь тактика „стачекъ во что бы то ни стало“, какъ единственной достойной формы протеста и борьбы пролетаріата, оставалась символомъ вѣры „правдизма“ до самыхъ послѣднихъ дней.

Апрѣльскія событія нанесли первый сильный ударъ синдикалистской тактикѣ и въ области политики. Тутъ рабочія массы впервые уперлись въ тотъ несомнѣнный фактъ, что и въ политической борьбѣ стачка не всегда является единственнымъ цѣлесообразнымъ средствомъ. Отдѣльныя группы и одиночки „правдистскаго“ или лѣво-народническаго направленія по инерціи давали все тотъ же привычный отвѣтъ. Но, какъ мы уже видѣли, „Путь Правды“ впервые вынужденъ былъ остановиться въ раздумьи и заговорить о „недоста-

точной *организованности*", какъ объ условіи, не дающемъ рабочимъ возможности пустить въ ходъ оружіе стачки. Это — однобокая (потому что не исходящая изъ оцѣнки всей совокупности политическихъ условій и общественныхъ отношеній) критика политическаго „стачкизма", но это, несомнѣнно, его критика. Въ вопросѣ о политической стачкѣ въ „правдистскомъ" синдикализмѣ также пробита первая брешь. И никакія послѣдующія рѣчи о томъ, что отъ тактики политическихъ стачекъ во что бы то ни стало имѣется въ виду переходъ къ „высшимъ формамъ" борьбы, не могутъ уничтожить значенія того факта, что эта тактика потерпѣла крушеніе.

А значеніе этого факта для судебъ рабочаго движенія—огромно: крушеніе „правдизма" въ этой области, за которую онъ наиболѣе упорно держался, открываетъ путь для болѣе цѣлесообразной затраты громадной энергіи, развиваемой пролетаріатомъ; оно еще разъ наглядно показываетъ демагогическій характеръ той травли, которая ведется синдикалистскимъ крыломъ русской с.-д-іи противъ марксистскаго крыла ея; оно тѣмъ самымъ создаетъ реальную основу (и является психологической предпосылкой) той тяги къ единству, которая за послѣднее время начинаетъ дѣлать очевидныя завоеванія среди передовыхъ рабочихъ, находившихся до сихъ поръ подъ идейнымъ вліяніемъ „Правды".

Такимъ образомъ событія послѣдняго времени указываютъ на новый крупный шагъ впередъ, сдѣланный въ своемъ развитіи русскимъ рабочимъ движеніемъ. Но наряду съ этимъ тѣ же событія ярко оттѣнили и слабыя стороны движенія. Мы уже указывали на полную неорганизованность его.

Вмѣстѣ съ тѣмъ еще разъ бросалось въ глаза, что движеніе, пріобрѣтая все большій размахъ, остается по-прежнему почти исключительно *петербургскимъ*. Только Рига шла на этотъ разъ вровень съ Петербургомъ, Москва крайне слабо откликнулась на событія. Остальная рабочая Россія молчала. Въ этой территоріальной ограниченности заключается, по прежнему, главный источникъ слабости движенія.

Но обнаружилось и другое. Синдикалисткая тактика „правдизма" потерпѣла крушеніе. Но, т. к. это крушеніе еще не осознано и не продумано рабочими массами, то оно на первыхъ порахъ не толкнуло массы на путь другой, болѣе цѣлесообразной и дѣйственной тактики, а заставило ихъ остановиться какъ бы въ раздумьи, въ нерѣшительности, породило своего рода пассивность,

Рабочія массы не отвѣтили на локаутъ нецѣлесообразной въ данномъ случаѣ забастовкой. Но онѣ оставили почти неиспользованными и всякія другія формы борьбы съ локаутомъ—протеста противъ насилія, вмѣшательства въ ходъ событій съ цѣлью повліять въ своихъ интересахъ на соотношеніе общественныхъ силъ.

Такъ обращаютъ на себя вниманіе крайне незначительные денежные сборы въ помощь жертвамъ локаута, — сборы, которые могли бы имѣть не только матеріальное, но и демонстративное значеніе. Неуспѣхъ сборовъ не можетъ быть объясненъ исключительно внѣшними причинами (вродѣ предпраздничнаго времени и т. п.). Онъ порожденъ, прежде всего, внутреннимъ состояніемъ рабочихъ массъ, которыя вдругъ увидѣли невозможность идти прямолинейно по проторенному пути и не умѣютъ еще найти новой дороги. Призывъ къ помощи жертвамъ локаута, сдѣланный с.-д-ою думскою фракціею, руководящимъ коллективомъ рабочихъ-меньшевиковъ и „Сѣверною Рабочею Газетою", не былъ поддержанъ ни „Путемъ Правды", ни большевистскою „шестеркою", вообще не указавшими никакихъ способовъ выраженія солидарности съ локаутированными рабочими.

Далѣе. Мы видѣли, какой горячій откликъ встрѣтили событія въ демократической части студенчества, въ демократической интеллигенціи (техническое общество) и даже въ извѣстной части общества, далекой отъ всякаго демократизма, но учитывавшей политическое значеніе событій. Для использованія этой благопріятно для рабочихъ складывавшейся общественной атмосферы не было сдѣлано почти ничего. Рабочія организаціи дружно откликнулись на призывъ техническаго общества посылать делегатовъ въ образованную имъ комиссію для изслѣдованія причинъ массовыхъ заболѣваній. Но, когда первое же засѣданіе комиссіи было закрыто градоначальникомъ; когда имъ же было опротестовано постановленіе городской думы, когда Государственная Дума отвергла предложеніе с.-д-ой фракціи, — не было сдѣлано ни малѣйшихъ попытокъ, чтобы побудить демократическую часть общества бороться за приведеніе въ исполненіе ея постановленій и пожеланій, искать другихъ путей для выраженія своей солидарности съ рабочимъ классомъ, сдѣлать и закрѣпить опредѣленные политическіе выводы изъ занятой ею позиціи. Освобожденное отъ непосредственнаго давленія пролетаріата „общество" быстро успокоилось, и та же городская управа, которая поддерживала предложеніе и объ анкетной комиссіи, и объ ассигнованіи 100.000 р., черезъ недѣлю уже бойко расправлялась съ „забастовщиками" городскихъ боенъ и невскаго пригороднаго трамвая.

Исчерпавъ въ теченіе какихъ нибудь полутора лѣтъ свой „стачкистскій" букварь, „правдизмъ" предсталъ въ своемъ подлинномъ видѣ—*анархо-синдикалистскаго экономизма* съ его проповѣдью политической пассивности, изоляціи пролетаріата отъ соприкосновенія съ другими общественными силами и воздѣйствія на нихъ, воздержанія отъ непрерывнаго и дѣятельнаго вмѣшательства въ текущую политическую жизнь, — все это, разумѣется, подъ предлогомъ крайней „неурѣзанности" своихъ лозунговъ и своей тактики, подъ предлогомъ „подготовки" къ тому времени, когда станутъ возможны „высшія формы". Правдистскій большевизмъ возвращается, въ сущности, на

старыя большевистскія позиціи 1903 — 5 г.г., когда (какъ это ни покажется страннымъ тому, кто знаетъ большевизмъ лишь эпохи 1912 — 13 г.г.) именно большевики вели ожесточенную борьбу противъ того, что имъ казалось „стачечнымъ азартомъ", — противъ всякихъ „частичныхъ" стачекъ и иныхъ выступленій, противъ всякихъ попытокъ воздѣйствія рабочихъ на другіе общественные слои, противъ всякихъ „частичныхъ" актовъ организаціоннаго строительства и организаціонной борьбы—во имя все того же грядущаго, „слушнаго часа".

Въ лицѣ „правдизма" большевизмъ завершилъ свой круговоротъ и возвращается на свои старыя позиціи именно въ то время, когда и страна снова стоитъ на порогѣ кризиса. Но съ 1905 года много воды утекло. Яснѣе стали очертанія классовъ и опредѣленнѣе ихъ идеологія. Значительно повысился уровень сознанія рабочей массы и на практикѣ сложились извѣстныя организаціонные навыки у ея авангарда. Если крушеніе „правдизма" эпохи 1912—13 г. заставляетъ идейный штабъ большевизма круто повернуть назадъ, то рабочія массы оно побудитъ сдѣлать крупный шагъ впередъ.

Значительную роль въ этомъ движеніи впередъ сыграетъ тотъ фактъ, что за послѣдніе дни и провинція (югъ, Уралъ) охватывается сильнымъ экономическимъ движеніемъ. Это движеніе показываетъ, что и рабочая провинція пробуждается. Съ обостреніемъ экономической борьбы создается почва и для политическаго движенія пролетаріата, а это значитъ, что наступаетъ конецъ эпохѣ изоляціи рабочаго движенія Петербурга и 1—2 центровъ.

Въ оформленіи рабочаго движенія въ провинціи крупную роль сыграетъ, несомнѣнно, и агитація въ связи съ „днемъ рабочей печати", впервые въ широкомъ масштабѣ объединившая рабочее движеніе провинціи и Петербурга въ единомъ политическомъ актѣ. Ибо, несмотря на всѣ усилія „Пути Правды" превратить „день рабочей печати" въ фракціонный „юбилей" одной рабочей газеты, даже въ Петербургѣ, гдѣ вліяніе „правдистовъ" особенно сильно, этотъ „день" принялъ характеръ политической манифестаціи въ защиту свободы печати вообще и рабочей въ особенности—въ гораздо большей степени, чѣмъ на это можно было надѣяться, какъ онъ принялъ характеръ манифестаціи той тяги къ единству на почвѣ выполненія очередныхъ политическихъ задачъ, о которой мы говорили выше.

Наконецъ, событія самыхъ послѣднихъ дней—привлеченіе къ суду т. Чхеидзе, открытое покушеніе на свободу депутатскаго слова и открытое нападеніе на послѣдніе остатки правъ Думы, какъ самостоятельнаго законодательнаго учрежденія,—знаменуютъ наступленіе эпохи явнаго „конституціоннаго кризиса", зовущаго всѣ живыя общественныя силы къ дѣятельному вмѣшательству въ судьбы страны. Пролетарскія массы не останутся глухими къ этому зову. Яркіе факты, говорящіе сами за себя, не могутъ не привлекать ихъ вниманія, не могутъ не заставить ихъ задуматься надъ тѣмъ, что-же и какъ дѣлать.

Бурные мартовскіе и апрѣльскіе дни подвели итогъ развитію рабочаго движенія въ контръ-революціонную эпоху.

Ф. Д.

Кризисъ обостряется.

Дума ожила. Она опять стала центромъ всеобщаго вниманія. Она оказалась неспособной наносить удары. Въ такомъ случаѣ начали наносить удары ей. И удары прямые, открытые. Глава правительства, правда, расположенъ къ думѣ. Кричатъ объ этомъ офиціозы, говоритъ онъ объ этомъ самъ и зоветъ благодушно членовъ Думы на чашку чая. За чашкой чаю мы устранимъ всякія недоразумѣнія, думаетъ онъ. И кажется онъ искрененъ. Онъ просто весь въ прошломъ.

Жизнь послѣднихъ лѣтъ текла мимо него. Онъ разбирается въ ней только постольку, поскольку находитъ въ ней черты стараго—близкаго, знакомаго ему стараго. И въ появленіи именно такой фигуры во главѣ правительства нельзя не видѣть чрезвычайно показательный симптомъ настоящаго времени. Всякія иллюзіи, всякія сомнѣнія исчезаютъ. Г. Горемыкинъ во главѣ правительства, это стѣна, вдругъ совершенно ясно обрисовавшаяся для самыхъ близорукихъ людей, стѣна между бюрократіей и всѣми живыми силами страны. Мы ничего не хотимъ ломать, говоритъ г. Горемыкинъ, потому что по сравненію со старымъ ничего существенно не измѣнилось. И онъ увѣренъ, что и законы, которые создались въ послѣреволюціонное время, никакихъ серьезныхъ измѣненій въ старые устои не внесли.

Обязанъ ли глава правительства являться въ Думу для объясненій, которыя она отъ него требуетъ? Конечно, нѣтъ.

Обладаетъ ли Дума законодательной иниціативой? Сомнительно. Во всякомъ случаѣ, если правительство заявляетъ, что беретъ на себя выработку законопроекта, то Дума не смѣетъ приступать къ этой выработкѣ, хотя бы правительство вырабатывало его безконечно.

Это слишкомъ буквальное толкованіе закона, говорила съ упрекомъ правительству „Рѣчь". Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣйствительно слишкомъ буквальное толкованіе закона, отнимающее у него всякій смыслъ. Но излишнимъ буквоѣдствомъ бюрократія, конечно, не отличается. Гг. Кассо, Щегловитовъ, Маклаковъ не хо-

тятъ, а г. Горемыкинъ просто неспособенъ видѣть въ законахъ то, что противорѣчитъ старымъ испытаннымъ бюрократическимъ устоямъ.

И когда въ законѣ оказалось стоящимъ совершенно ясно—чернымъ по бѣлому: члены Думы пользуются *полной* свободой сужденій, г. Горемыкинъ внимательно прочелъ этотъ пунктъ закона и понялъ его совершенно наоборотъ. Члены Думы, разсудилъ онъ, пользуются далеко не полной и даже совсѣмъ неполной свободой сужденій. А слова „полной свободой сужденій“ нужно понимать только въ томъ смыслѣ, что члены Думы за свои „свободныя“ сужденія судятся не обыкновеннымъ судомъ, а верховнымъ.

И въ итогѣ Чхеидзе привлекается къ суду за свою рѣчь, сказанную въ Думѣ, а часть членовъ правительства находитъ, что слѣдуетъ привлечь къ суду и товарища предсѣдателя Думы, г. Коновалова—„за бездѣйствіе власти“—за то, что онъ допустилъ „преступную“ рѣчь въ стѣнахъ Думы.

Дальше, конечно, идти уже некуда. Это заключительное звено той аттаки на всѣ завоеванія 1905 года, которая велась послѣднее время бюрократіей. Систематической практики администраціи, направленной къ ограниченію, къ сведенію на нѣтъ этихъ завоеваній, оказалось мало. И вотъ изобрѣтаютъ законопроектъ о печати, уничтожающій и тѣ небольшія крохи свободы, которыя существовали до сихъ поръ. А потомъ берутся и за думу. Свобода парламентской трибуны давно уже смущаетъ нашу бюрократію. Сначала не рѣшались посягнуть на нее прямо и вмѣсто этого сдѣлана была попытка воздвигнуть стѣну между Думой и страной. Услужливый Сенатъ разъяснилъ, что только печатаніе полностью всего стенографическаго отчета предохраняетъ печать отъ преслѣдованія за воспроизведенныя рѣчи Думы. Тутъ, значитъ, еще предполагалось, что рѣчи отдѣльныхъ представителей Думы могутъ расходиться со статьями закона, что члены Думы за эти рѣчи не подвергаются преслѣдованію, и даже печать не подвергается преслѣдованію за эти рѣчи, если она воспроизводитъ весь стенографическій отчетъ. Иммунитетъ членовъ Думы былъ такимъ образомъ еще недавно, совсѣмъ недавно, внѣ всякихъ сомнѣній даже для бюрократіи. И возбужденіе извѣстнаго гололобовскаго дѣла можно было еще толковать въ ограничительномъ смыслѣ, какъ ограниченіе иммунитета только по отношенію къ частнымъ лицамъ, только въ дѣлѣ нарушенія ихъ интересовъ.

Теперь дѣлается послѣдній шагъ. Пытаются уничтожить совершенно свободу парламентскихъ сужденій, пытаются нанести ударъ самому важному, самому крупному завоеванію общественнаго движенія 1905 года. Рушится свобода парламентской трибуны, и рушатся тогда всѣ остальныя завоеванія 1905 года. Конечно этого не будетъ. Руки бюрократіи тутъ коротки. Но попытка лишить Гос. Думу всякаго общественнаго значенія означаетъ начало рѣшительнаго кризиса, который зрѣлъ и назрѣвалъ уже давно.

Жизнь наша представляла въ послѣднее время какое-то соединеніе несоединимыхъ вещей и это должно когда-нибудь кончиться.

Въ итогѣ общественнаго движенія 1905 года общая картина жизни существенно измѣнилась. Старое осталось въ громадной пропорціи, оно заполнило большую часть картины. И стало безобразнѣе прежняго. Но рядомъ съ нимъ пустило ростки новое. И противорѣчіе стало отъ этого острымъ и жгучимъ. Съ одной стороны такія подчасъ ужасныя и въ то же время такія странныя и причудливыя проявленія произвола, что щедринская сатира кажется теперь болѣе современной, чѣмъ она была для своего времени. А съ другой стороны кое-что напоминающее Европу. Нѣкоторая свобода печати, возможность для гражданъ и даже для рабочихъ въ нѣкоторыхъ узкихъ предѣлахъ организовываться и развивать, самодѣятельность, что-то въ родѣ народнаго представительства и по основнымъ законамъ даже съ законодательными правами, наконецъ, свобода парламентской трибуны.

Движеніе 1905 г. привело къ этимъ завоеваніямъ. Всю картину жизни ему измѣнить не удалось, но въ старое все-таки вдвинуто кое что новое, и то непримиримое противорѣчіе, которое получается отъ смѣшенія стараго съ новымъ, является залогомъ движенія впередъ, неизбѣжнаго движенія съ неизбѣжной конечной побѣдой.

Въ этомъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Весь вопросъ только въ формахъ, способахъ устраненія противорѣчія. И тутъ возможны различные пути. Противорѣчія жизни могутъ устраняться повторными кризисами, какъ это наблюдалось во Франціи, или сдѣлкой, соглашеніемъ стараго съ новымъ.

Старое, это бюрократія, неохотно разстающаяся со своимъ господствомъ. Новое, это бѣшено стремящійся впередъ капитализмъ, радикально измѣняющій всю экономическую жизнь страны и нуждающійся для своего движенія въ новой политической обстановкѣ, въ новыхъ политическихъ формахъ.

Но бюрократія не виситъ въ воздухѣ. Она всегда имѣетъ опредѣленную классовую основу. Въ Пруссіи, Австріи, Россіи, во многихъ другихъ странахъ этой основой является поземельное дворянство.

И поэтому когда напр. въ Пруссіи бюрократія вступила въ сдѣлку съ буржуазіей, она вступала не одна, а вмѣстѣ, рука объ руку съ поземельнымъ дворянствомъ.

И казалось многимъ, что такое же соглашеніе образуется и у насъ. Покойный Столыпинъ долженъ былъ сыграть у насъ роль Бисмарка. Но онъ не сыгралъ этой роли. И дѣло тутъ было не только въ томъ, что онъ былъ слишкомъ малъ, что не доросъ онъ до Бисмарка. Просто Бисмаркъ у насъ былъ невозможенъ. Наша бюрократія неспособна его выдѣлить изъ своей среды и неспособна идти за нимъ.

Безконечно малая эластичность нашей бюрократіи по сравненію съ прусской бюрократіей послѣ революціоннаго времени бросается въ глаза. Та сдѣлана была какъ будто совсѣмъ изъ другой глины.

Реакція есть всегда реакція. И колебаніе законности, разгулъ произвола всегда является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ борьбы реакціи съ революціей. Но въ прусской реакціи все таки чувствовалась нѣкоторая связанность, нѣкоторое тяготѣнье къ законности. Такіе эксцессы, какъ сѣченіе на желѣзнодорожной станціи драгомана посольства, какъ тѣсная связь разбойничей шайки—(Куща) съ полиціей, или оставшееся почти безнаказаннымъ убійство уральскимъ полиціймейстеромъ среди бѣлаго дня двухъ евреевъ, такіе факты были, конечно, тамъ невозможны. Эти факты стоятъ за предѣлами борьбы съ революціей, борьба съ революціей ихъ не требовала. И именно поэтому они чрезвычайно показательны. Въ Пруссіи послѣ 1848 произволъ выражается въ сознательномъ нажимѣ на законъ для борьбы съ политическими врагами, нажимѣ цѣлесообразно регулируемомъ и направляемомъ изъ центра. У насъ же произволъ ничѣмъ не ограниченъ, это— болѣзнь, которою больна вся администрація сверху до низу, борьба съ революціей ее только усилила, обострила до послѣдней степени. И въ результатѣ жертвами борьбы съ революціей оказываются драгоманъ посольства, или два мирныхъ еврея, пожаловавшіеся на взяточника.

И если Прусская бюрократія отъ своего произвола могла сравнительно легко повернуть къ устойчиваму правовому порядку, то нашей сдѣлать это безконечно труднѣе.

И не только въ области произвола огромное различіе. Прусская бюрократія сумѣла подготовить побѣдоносную войну сперва съ Австріей, потомъ съ Франціей. Наша проявила себя достаточно во время войны съ Японіей и нѣтъ никакихъ основаній думать, что въ этомъ отношеніи что нибудь существенно измѣнилось.

Прусская бюрократія вступила въ конфликтъ и съ народнымъ представительствомъ послѣ революціоннаго времени, но вступила на почвѣ преслѣдованія опредѣленной практической цѣли, подготовленія къ войнѣ. И добившись своего, искала мира съ народнымъ представительствомъ, стремилась и умѣла вести за собой. Наша же бюрократія съ трудомъ уживается даже съ октябристской думой.

Въ чемъ же дѣло, гдѣ источникъ этого яркаго различія между нашей современной бюрократіей и прусской бюрократіей послѣ революціоннаго времени?

Дѣло, конечно, не въ томъ, что бюрократія наша не успѣла перевоспитаться, не успѣла приспособиться къ новымъ явленіямъ жизни.

Прусская бюрократія передъ 1847 располагала для своего перевоспитанія менѣе, чѣмъ 40 годами. У насъ же послѣ крестьянской реформы прошло уже 53 года.

Все дѣло въ томъ классѣ, который стоитъ за бюрократіей, который наполняетъ ея ряды, который пропитываетъ ее своимъ духомъ, своей психологіей. Поземельное дворянство стояло за прусской бюрократіей, поземельное дворянство стоитъ и за нашей. Но какая крупная разница между нашимъ и прусскимъ дворянствомъ!

При всѣхъ феодальныхъ пережиткахъ, которыя прусское поземельное дворянство въ себѣ сохранило, это—все таки классъ, живущій настоящимъ, а не прошлымъ, игравшій и продолжающій играть крупную роль въ экономической жизни страны. У насъ же это падающій классъ, не имѣющій будущаго, классъ, который давно уже терпитъ непрерывныя пораженія на экономической аренѣ.

Та огромная жизнедѣятельность, которую прусская бюрократія во главѣ съ Бисмаркомъ обнаружила послѣ 1848 года и выражавшаяся, въ побѣдоносныхъ войнахъ за объединеніе, была плоть отъ плоти той жизнедѣятельности, которую пополняющее бюрократію дворянство, обнаруживало въ экономической жизни. Въ 1848 году городская буржуазія въ Германіи была только зарождающимся классомъ, еще экономически слабымъ, еще достаточно неокрѣпшимъ, а поземельное дворянство уже давно, изъ года въ годъ, одерживало побѣды въ экономической жизни, поднимало культуру земли, развивало технику земледѣлія *).

Черезъ порожденную имъ бюрократію оно могло протянуть руку городской буржуазіи, потому что если не совсѣмъ, то въ очень большой степени оно стояло на одинаковой съ нимъ экономической почвѣ.

И промышленное развитіе до начала 70-хъ гг., до эпохи низкихъ цѣнъ, не стояло ни въ какомъ противорѣчіи съ его интересами, т. к. если оно вело къ вздорожанію рабочихъ рукъ, то оно вело и къ подъему цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты.

У прусскихъ поземельныхъ дворянъ, стоявшихъ въ 50-хъ и 60-хъ гг. всецѣло на почвѣ товарнаго мѣноваго хозяйства, сумѣвшихъ уже давно приспособиться къ нему, могъ быть и былъ общій языкъ съ городской буржуазіей. У нашего же дворянства, для котораго развитіе товарнаго мѣноваго хозяйства являлось до сихъ поръ гибелью, нѣтъ и не можетъ быть никакого общаго языка съ городской и зарождающейся сельской буржуазіей.

Достаточно вспомнить объ антисемитизмѣ нашего дворянства.

*) Также какъ у насъ, крупное землевладѣніе въ Пруссіи было по преимуществу дворянскимъ землевладѣніемъ. Но въ то время, какъ у насъ крупное дворянское землевладѣніе таетъ не по днямъ, а по часамъ, въ Пруссіи оно до начала 70-хъ гг, до эпохи этихъ низкихъ цѣнъ, имѣло рѣшительный перевѣсъ надъ мелкимъ. „Обслѣдованіе сельсхохозяйственныхъ владѣній, говоритъ г. Булгаковъ въ своемъ трудѣ „Капитализмъ и земледѣлье“, было произведено прусскимъ статистическимъ бюро въ 1849, 1852, 1855 и 1858 и... Цифры свидѣтельствуютъ объ одновременномъ увеличеніи площади всѣхъ категорій хозяйствъ... Но приростъ этотъ распредѣляется неравновмѣрно: крупныя хозяйства ростутъ значительнѣе, чѣмъ мелкія.. относительная доля крупнаго хозяйства становится больше“ (II т. 56) Рядъ косвенныхъ признаковъ указываетъ на продолженіе этого процесса и въ 60-хъ гг.

Пруское дворянство проникнуто тоже антисемитизмомъ, но это антисемитизмъ умѣренный, антисемитизмъ, не угрожающій экомономической жизни никакими потрясеніями. Онъ не ставитъ себѣ фантастическихъ задачъ изгнанія евреевъ изъ экономической жизни, потому что это антисемитизмъ людей, считающихся съ законами экономическаго развитія.

У насъ же бюрократія, отравленная дворянской агитаціей, по годамъ теперь держитъ у себя уставы акціонерныхъ обществъ, оставляя ихъ безъ утвержденія, потому что въ этихъ уставахъ нѣтъ достаточныхъ ограниченій для участія евреевъ въ правленіяхъ обществъ. И готовитъ законъ, который ограничиваетъ въ этомъ отношеніи права евреевъ, готовитъ при этомъ, по свѣдѣніямъ „Русскаго Слова“, съ новымъ нарушеніемъ законодательныхъ правъ Думы въ порядкѣ верховнаго управленія. Нечего и говорить, что эти ограниченія, въ виду огромной роли евреевъ въ экономической жизни, будутъ ограниченіями и экономическаго развитія страны, будутъ ослаблять, задерживать притокъ капиталовъ къ производительнымъ цѣлямъ. Рѣзкое осужденіе поэтому, подобныя мѣры находятъ въ массѣ буржуазіи. Но какое дѣло до этого дворянству, подчиняющему своему вліянію бюрократію, когда оно вовсе не стоитъ на почвѣ современнаго экономическаго развитія, а напротивъ гибнетъ по мѣрѣ его поступательнаго роста?

Дворянство сейчасъ настолько лишено жизненныхъ соковъ, настолько пропитано труннымъ ядомъ, что большая или меньшая связь съ нимъ, или большая или меньшая независимость отъ него той или другой общественной группы, той или другой партіи можетъ служить критеріемъ ея жизнеспособности. И это такъ ярко выступаетъ на примѣрѣ октябристовъ. Октябристы имѣютъ за собой только меньшинство дворянства, они связаны и съ буржуазными слоями деревни и города и они поэтому болѣе чутки, болѣе поддаются требованіямъ времени, чѣмъ чисто дворянскія партіи— правые и націоналисты. Но за ними идетъ все-таки значительное меньшинство дворянства, съ помощью этого меньшинства они поддерживаютъ свое господство въ современномъ земствѣ, дворянскіе и отчасти бюрократическіе элементы сильны въ этой партіи и это является тяжелой гирей, тянущей ее внизъ. Партія эта, явившаяся въ результатѣ паники среди имущихъ классовъ, вызванной революціей и объединившая на моментъ въ своихъ рядахъ тройцу—дворянство, бюрократическіе элементы и буржуазію, явно не отвѣчаетъ сейчасъ требованіямъ времени и должна исчезнуть съ политической арены вмѣстѣ съ современной бюрократіей и дворянствомъ.

Эту жалкую партію сравниваютъ часто съ германскими націоналъ-либералами. Но этимъ дѣлаютъ ей слишкомъ много чести. Она не стоитъ даже этого сравненія. Націоналъ-либералы вѣдь сначала были частью прогрессистовъ и въ рядахъ этой партіи энергично боролись съ Бисмаркомъ. Пришли же они къ Бисмарку, послѣ побѣдоносныхъ войнъ, послѣ объединенія Германіи, послѣ серьезныхъ толчковъ, которые онъ сумѣлъ дать экономическому развитію страны. И иначе и быть не могло, потому что націоналъ-либералы германскіе, это не помѣсь подобно октябристамъ совершенно разнородныхъ и непримиримыхъ между собою элементовъ, а партія крупной буржуазіи.

Октябристы, какъ я уже говорилъ въ прошлой статьѣ, нѣсколько лѣвѣе бюрократіи, но далеко они отъ нея уйти не могутъ. Это сказалось со всей яркостью въ начавшейся сейчасъ борьбѣ за права Думы.

Вся оппозиція объединилась на предложеніи отложить бюджетныя пренія до того момента, когда будетъ проведенъ и станетъ закономъ—законопроектъ о безотвѣтственности депутатовъ. Но октябристы не пошли въ этомъ отношеніи съ оппозиціей, даже лѣвые октябристы не пошли. Во время же рѣчей представителей оппозиціи, октябристскій предсѣдатель Думы проявлялъ крайнюю степень угодничества по отношенію къ правительству, обрывалъ ораторовъ, лишалъ ихъ слова, Керенскому мѣшалъ даже произносить слова „государственный строй“.

А когда на слѣдующій день лѣвые выступили съ обструкціей противъ правительства, онъ сразу примѣнилъ къ нимъ высшую мѣру—исключеніе на 15 засѣданій, не остановился передъ приводомъ въ залу засѣданій вооруженной силы, и униженно извинялся передъ г. Гучковымъ за то, что обструкція лѣвыхъ не давала ему говорить.

Но это еще цвѣточки. Ягодки подготовляются въ будущемъ, въ видѣ компромисса съ правительствомъ, по которому рядомъ съ безотвѣтственностью депутатовъ за свои рѣчи передъ судебными инстанціями, предполагается предоставлять большинству Думы право изгонять совсѣмъ изъ своей среды и даже лишать навсегда избирательныхъ правъ депутатовъ, выступающихъ съ слишкомъ свободными рѣчами.

Положеніе, такимъ образомъ, совершенно ясно и учетъ его даетъ совершенно опредѣленное противопоставленіе—объединеніе всѣхъ живыхъ силъ страны противъ дворянства, съ цѣлью устраненія его съ политической арены, съ цѣлью устраненія всякихъ элементовъ его господства въ политической жизни. Въ томъ направленіи, въ которомъ давно уже работаетъ экономическій процессъ, должны работать и политическія силы страны.

И жизнь даетъ явные признаки этого объединенія противъ дворянско-бюрократическаго засилья, угнетающаго страну.

Происходившая въ концѣ марта конференція партіи народной свободы показала усиленіе въ партіи лѣвыхъ элементовъ. Тонъ конференціи задавали не правые элементы, тяготѣющіе къ союзу съ октябристами, а лѣвые, для которыхъ и тактика г. Милюкова ка-

жется слишкомъ умѣренной. „Всѣ ожиданія, говоритъ отчетъ „Русскаго Слова“, какого-то генеральнаго сраженія между правыми к.-д., типа В. А. Маклакова и М. В. Челнокова, и центральнымъ комитетамъ, и въ частности П. Н. Милюковымъ, не оправдались. На руководящіе органы партіи и ея лидеровъ, дѣйствительно ожесточенно нападали, но не справа, а слѣва...

...Делегаты съ мѣстъ рѣзко упрекали фракцію за то, что она слишкомъ много вниманія удѣляетъ законодательной работѣ, недостаточно используетъ думскую трибуну для агитаціонныхъ выступленій и права запросовъ, уступая въ этомъ отношеніи инициативѣ болѣе лѣвыхъ фракцій“. (Р. С. отъ 27 марта № 71).

Происходившая затѣмъ конференція прогрессистовъ (въ серединѣ апрѣля) обнаружила такое же лѣвое устремленіе.

„Конференція признала, что неотложной задачей момента нужно считать единодушный дружный отпоръ со стороны организованныхъ представителей общества въ Думѣ и странѣ покушеніямъ на самыя основныя права народа...

...Бюджетная борьба должна вестись путемъ отказа въ отпускѣ кредитовъ.. Нынѣшняя палата... не можетъ въ полной мѣрѣ выполнить эту задачу, и потому нѣтъ необходимости беречь Думу даннаго состава и бояться ея роспуска“ („Р. С.“ отъ 17 апр. № 88).

Это новое настроеніе умѣренно-оппозиціонныхъ партій сказалось достаточно рѣзко въ послѣднемъ наростающемъ конфликтѣ—по поводу привлеченія Чхеидзе.

Прогрессисты внесли въ Думу законопроектъ о неприкосновенности депутатскаго слова. По инициативѣ прогрессистовъ, затѣмъ, было созвано экстренное совѣщаніе всѣхъ бюро оппозиціонныхъ партій, на которомъ было внесено предложеніе объ отсрочкѣ обсужденія бюджета до того момента, когда будетъ принятъ законопроектъ о неприкосновенности депутатскаго слова. Это предложеніе встрѣтило полное сочувствіе со стороны всѣхъ оппозиціонныхъ партій, было внесено затѣмъ въ Думу отъ лица всей оппозиціи и было поддержано ея голосованіемъ, за нѣкоторыми впрочемъ исключеніями: 9 прогрессистовъ и 9 кадетовъ воздержались отъ голосованія, въ томъ числѣ изъ кадетовъ—гг. Маклаковъ, Челноковъ, Новиковъ.

Но это почти полное единодушіе оппозиціи было самымъ рѣзкимъ образомъ поколеблено на слѣдующій день, когда крайняя лѣвая—трудовики и соціалъ-демократы, послѣ новаго внесенія и новаго отверженія предложенія объ отсрочкѣ обсужденія бюджета,—начали обструкцію.

Кадеты и прогрессисты могли, конечно, считать нецѣлесообразнымъ именно этотъ методъ борьбы въ данный моментъ, но, если имъ дорого было единство оппозиціи, они должны были сдѣлать отъ себя

все зависящее, чтобы рѣзко отмежевать себя отъ большинства Думы, отъ враговъ свободы думскаго слова. Они этого не сдѣлали, а сдѣлали нѣчто прямо противоположное. Когда Родзянко предложилъ высшую мѣру—исключеніе на 15 засѣданій для депутатовъ крайней лѣвой, у нихъ не хватило мужества и политическаго чутья, чтобы голосовать противъ этой мѣры. Они воздерживались. Воздерживались, когда депутатовъ исключали и они уходили сами. Воздерживались когда Чхенкели и другіе отказались добровольно уйти и была впервые введена въ залу засѣданія вооруженная сила. А нѣкоторые изъ прогрессистовъ, въ томъ числѣ лидеръ ихъ Ефремовъ, голосовали даже за исключеніе. Это уже совсѣмъ позоръ, но достаточно позорно и воздержаніе, когда производятъ насиліе надъ людьми, съ которыми непосредственно передъ этимъ выступали вмѣстѣ, которые борятся въ данный моментъ за то, что объединяетъ всю оппозицію, но пользуются только въ этой борьбѣ другими, болѣе рѣшительными, средствами.

Что касается самого метода борьбы, то депутатъ Шингаревъ, говорившій послѣ изгнанія депутатовъ крайней лѣвой, призналъ съ думской трибуны этотъ методъ борьбы виолнѣ законнымъ, заявивъ, что онъ „не чуждъ и не можетъ быть чуждъ ни одной политической партіи“. „Сегодня однако, заявилъ Шингаревъ, мы не считали этотъ методъ борьбы для себя необходимымъ и подходящимъ“. Почему? Потому, видите ли, что „эта борьба распространяется не только на правительство, съ которымъ мы будемъ призывать Васъ бороться, но это есть борьба и съ большинствомъ Гос. Думы, которое по бюджету не приняло пока еще никакихъ для насъ нестерпимыхъ рѣшеній“.

Da ist der Hund begraben, Здѣсь зарыта собака. Они еще надѣются. Надѣются на какія-то комбинаціи съ октябристами, на то, что съ октябристами вмѣстѣ имъ удастся организовать походъ на правительство. Не удалось добиться отсрочки обсужденіи бюджета до принятія закона о безотвѣтственности депутатовъ, такъ можетъ быть удастся добиться вмѣстѣ съ октябристами отверженія какихъ-нибудь кредитовъ, или въ крайнемъ случаѣ принятія хоть порицающихъ резолюцій. Какъ будто сейчасъ, когда совершается нападеніе на самое основное завоеваніе 1905 года, когда борьба начинаетъ принимать крайне острый характеръ, какія-то резолюціи, состряпанныя въ октябристской кухнѣ, могутъ производить какое-нибудь впечатлѣніе! А когда рядомъ съ такими резолюціями октябристы измѣняютъ на каждомъ шагу правозглашаемымъ имъ принципамъ. Когда во всѣхъ рѣшительныхъ случаяхъ они пасуютъ передъ правительствомъ, кадеты и не особенно правые кадеты вродѣ Шингарева могутъ протестовать противъ смѣшенія большинства Думы съ правительствомъ, а оффиціозъ к.-д. партіи „Рѣчь“ можетъ оправдывать воздержаніе отъ голосованія, когда это большинство производитъ насиліе надъ дѣйствительными борцами за права народнаго представительства.

Нѣтъ, если и есть какая-нибудь возможность разъединить октябристовъ съ бюрократіей, толкнуть ихъ на рѣшительные шаги противъ правительства, то этого можно добиться только самой энергичной борьбой съ ними самымъ энергичнымъ давленіемъ на нихъ общественнаго движенія. И поэтому въ томъ, что тактика обструкціи объединила борьбу противъ правительства съ борьбой противъ большинства Думы, не недостатокъ ея, а несомнѣнное достоинство. Борьба одновременно и противъ бюрократіи и противъ большинства Думы является сейчасъ неотложной задачей демократіи.

Н. Череванинъ.

Иностранное обозрѣніе.

I. *„Нейтральная" армія и ульстерскіе заговорщики.*

Либеральные политики всегда ссылались на Англію, какъ на классическій примѣръ парламентской монархіи, въ которой вопреки формальнымъ правамъ короны и палаты лордовъ, палата депутатовъ всемогуща, въ которой исполнительная власть совершенно подчинена законодательной, въ которой корона соблюдаетъ строгій нейтралитетъ, являясь уже съ давнихъ поръ чѣмъ то въ родѣ политической декораціи.

Тѣ же либеральные политики ссылались всегда на Англію, какъ на страну, давнымъ давно покончившую со всякими катастрофами и окончально вошедшую въ русло мирнаго, эволюціоннаго развитія.

Послѣднее десятилѣтіе разрушало постепенно эти иллюзіи. Ростъ политическаго движенія пролетаріата разстроилъ идиллію общественныхъ отношеній въ Англіи. Чтобы задержать процессъ высвобожденія рабочихъ изъ-подъ буржуазной опеки, либеральная партія выдвинула программу болѣе или менѣе радикальныхъ соціально-политическихъ реформъ; и это, съ своей стороны, сильно обострило отношенія между либералами и консерваторами, въ лагерь которыхъ перешла подъ флагомъ юніонизма значительная часть крупной буржуазіи (представили тяжелой индустріи). При все болѣе обостряющихся классовыхъ противорѣчіяхъ традиціонные методы чисто парламентской политической борьбы въ Англіи оказались недостаточными.

На лѣвомъ крылѣ общества, въ рабочей средѣ, стало нарастать революціонное настроеніе. Параллельно съ этимъ и на правомъ крылѣ среди консерваторовъ и юніонистовъ быстро созрѣвали контръ-революціонные планы, для осуществленія которыхъ они стали вытаскивать изъ политическаго арсенала старыя оружія, довольно опасныя, хотя и заржавленныя отъ долгаго неупотребленія.

Либеральные доктринеры разныхъ странъ не мало были поражены, когда англійская палата лордовъ въ 1909 г. для защиты „незаработанныхъ доходовъ" крупныхъ землевладѣльцевъ отъ налоговъ вздумала посягнуть на бюджетное право нижней палаты, вздумала прибѣгнуть къ праву veto, которымъ она двѣсти лѣтъ уже не пользовалась. Эта попытка нарушенія прочной парламентской традиціи была отбита либералами, но лишь послѣ упорной борьбы и цѣной потери господствующей партіей многихъ голосовъ на выборахъ. Консерваторы послѣ этого сомнительнаго пораженія оружія не сложили. Они, напротивъ, стали еще смѣлѣе и рѣшили взять реваншъ при проведеніи правительствомъ Асквита другой реформы, при проведеніи home-rul'a (самоуправленія) въ Ирландіи.

Въ сущности вопросъ объ ирландскомъ самоуправленіи уже давно потерялъ свою остроту для англійскихъ лордовъ, потому что тѣсно связанныя съ home-rul'емъ аграрныя реформы—выкупъ земли ирландскими фермерами—уже раньше проведены были въ жизнь. Но за споромъ о home-rul'ѣ скрывалась борьба за власть между консерваторами и либералами. И вотъ, чтобы нанести рѣшительный ударъ либеральному режиму, консерваторы рѣшили прибѣгнуть къ самому крайнему средству. Въ отвѣтъ на двухкратное принятіе законопроекта объ ирландскомъ самоуправленіи нижней палатой консерваторы стали открыто готовить вооруженное возстаніе въ протестантской провинціи Ирландіи—въ Ульстерѣ. Благодаря слѣпому довѣрію къ прочности парламентаризма въ Англіи, многіе къ затѣѣ ульстерскихъ заговорщиковъ очень долго относились съ насмѣшкой, какъ къ bluff'у, какъ къ ребяческой игрѣ. Но въ недавнее время дѣло внезапно приняло очень серьезный оборотъ. Когда либеральное правительство, совершенно безучастно относившееся къ военнымъ приготовленіямъ ульстерскихъ заговорщиковъ, рѣшило, наконецъ, стянуть въ Ульстеръ войска, то къ ужасу правительства офицера отказались ему подчиниться. Они подали въ отставку и взяли прошенія объ отставкѣ обратно лишь послѣ того, какъ они получили письменное удостовѣреніе за подписью военнаго министра, что ихъ не заставятъ насильственно подавлять ульстерское движеніе. Это событіе поразило общественное мнѣніе Англіи, какъ громъ среди яснаго неба! Оказалось, что пресловутая нейтральность арміи и короля—есть мифъ и въ Англіи, что высшіе офицера въ Англіи въ заговорѣ съ ульстерцами, что нити заговора исходятъ отъ самаго королевскаго дворца и что армія до такой степени ненадежна, что правительство сочло себя вынужденнымъ передъ ней капитулировать.

Письменное удостовѣреніе, выданное военнымъ министромъ Силли забастовавшимъ офицерамъ и противорѣчивыя объясненія, данныя по этому поводу Асквитомъ, показали, что либеральное правительство совершенно потеряло голову.

Контръ-революціонные консерваторы ликовали по поводу пораженія либеральной партіи, которое на этотъ разъ равносильно было пораженію всего англійскаго парламентаризма. Но тутъ въ дѣло вмѣшался еще одинъ, совершанно непредвидѣнный консерваторами факторъ, который грозилъ испортить всѣ ихъ чертежи.

Когда въ парламентѣ обсуждался вопросъ о поведеніи офицеровъ, на трибуну выступилъ депутатъ-рабочій Джонъ Уордъ, который при громѣ апплодисментовъ на скамьяхъ лѣвыхъ произнесъ знаменательную рѣчь, тѣмъ болѣе знаменательную, что Уордъ принадлежитъ не къ Рабочей партіи, а къ либеральной.

«Мы радуемся», сказалъ онъ, обращаясь къ консерваторамъ, «что вы поставили вопросъ ребромъ. Вопросъ слѣдующій: должны ли народъ и страна издавать законы совершенно свободно отъ вмѣшательства короля и арміи или нѣтъ? Должны ли мы въ Англіи имѣть народное правительство или палата депутатовъ должна раньше, чѣмъ издать тотъ или иной законъ, запросить представителей офицеровъ, соотвѣтствуетъ ли этотъ законъ ихъ вкусу? Если вамъ хочется рѣшать большіе политическіе вопросы путемъ апелляціи къ вооруженной силѣ, то я могу васъ увѣрить, что народныя массы тоже не откажутся пойти по этому пути». Послѣ этого Уордъ прочиталъ съ парламентской трибуны напечатанный въ «Daily Herald» манифестъ Британской соц. партіи къ солдатамъ британской арміи, въ которомъ солдаты приглашаются бдительно слѣдить за поведеніемъ офицеровъ, чтобы въ подходящій моментъ послѣдовать ихъ примѣру. Манифестъ заканчивается словами: «Ваши офицера вамъ показали, что значитъ классовая солидарность. Организуйтесь же, чтобы въ свою очередь заявить, когда день наступитъ,—мы отказываемся стрѣлять!» Въ томъ же духѣ говорилъ другой рабочій депутатъ Томасъ, представитель желѣзнодорожниковъ: «Нѣтъ такого учрежденія», говорилъ онъ, «какъ бы оно ни было могущественно или освящено временемъ, съ которымъ я не вступилъ бы въ истребительную войну, какъ только оно вздумало бы преградить путь къ осуществленію нашихъ конституціонныхъ свободъ». Ораторъ напомнилъ про послѣднюю желѣзнодорожную забастовку, когда правительство мобилизовало всю армію для возстановленія и охраны желѣзнодорожнаго сообщенія и сдѣлалъ слѣдующее предостереженіе: «Въ ноябрѣ настоящаго года можетъ вновь разразиться всеобщая желѣзнодорожная забастовка. При новой политической ситуаціи мы при извѣстныхъ условіяхъ будемъ вынуждены посовѣтовать тремъ стамъ тысячамъ желѣзнодорожниковъ организовать большую вооруженную силу, чтобъ не остаться беззащитными передъ лицомъ вооруженной силы государства». Рѣчь Томаса была покрыта такими же бурными апплодисментами, какъ и рѣчь Уорда.

Консерваторы, прибѣгшіе къ содѣйствію арміи для борьбы съ парламентомъ, разрушили мифъ о политической нейтральности арміи и короны въ классической странѣ парламентаризма. Но какъ только они прибѣгли къ этому оружію, они убѣдились, что оно обоюдоострое.

Рабочіе спросили себя: «Если офицеры отказываются употреблять оружіе противъ ульстерскихъ заговорщиковъ, то почему солдатамъ не отказаться идти противъ стачечниковъ? Не даетъ ли имъ примѣръ консерваторовъ право идти въ ту же армію для пропаганды среди солдатъ своей политики?" Эти рѣчи смутили широкіе круги буржуазіи. Среди буржуазіи стали раздаваться голоса: если правительство не дастъ рѣшительнаго отпора революціонерамъ справа, Англіи угрожаетъ судьба Мексики.

Все это на моментъ обезкуражило консерваторовъ и либеральное министерство вновь взяло болѣе твердый курсъ. Асквитъ заявилъ, что письменное удостовѣреніе выдано было офицерамъ безъ вѣдома кабинета въ цѣломъ. Отставка военнаго министра, взявшаго на себя отвѣтственность за это унизительное удостовѣреніе, была принята, равно, какъ и отставка другихъ генераловъ, подписавшихъ письмо; правительство издало циркуляръ къ арміи, требующій отъ нея безоговорочнаго подчиненія отвѣтственному передъ парламентомъ министерству. Въ заключеніе самъ премьеръ-министръ Асквитъ принялъ въ критическій моментъ портфель военнаго министерства, подвергшись для этой цѣли по англійскимъ обычаямъ вторичному народному переизбранію.

Если-бъ вожди англійской Рабочей Партіи были искушены въ политической мудрости, если-бъ они знали, что основная добродѣтель гражданина есть недовѣріе, они бы не удовлетворились указанными шагами правительства тѣмъ болѣе, что, вопреки недвусмысленному толкованію закона въ упомянутомъ министерскомъ циркулярѣ, провинившіеся офицера все-таки не были привлечены къ отвѣтственности. Но, не привыкшіе къ послѣдовательной и самостоятельной политической тактикѣ, они легко дали себя усыпить, принявши затишье передъ бурей за ясную погоду.

Выступивъ въ органѣ Рабочей Партіи совершенно основательно противъ блока Рабочей Партіи съ либералами при будущихъ выборахъ, Кэйръ Гарди страннымъ образомъ мотивировалъ это тѣмъ, что теперь послѣ отставки военнаго министра опасность военной диктатуры уже, дескать, миновала, какъ будто либеральное министерство обнаружило хоть когда-либо готовность серьезно бороться съ этой опасностью. Консерваторы, которые судя по голосамъ печати, вначалѣ сильно смущены были угрозами вождей рабочаго движенія, очень скоро опять преисполнились дерзости, когда убѣдились, до какой степени рабочіе вожди еще легковѣрны въ Англіи, и приготовили странѣ новый сюрпризъ, еще болѣе эффектный, чѣмъ забастовка кавалерійскихъ офицеровъ.

Уже давно циркулировалъ слухъ, что таинственный пароходъ „Фанни" съ грузомъ оружія (35 тыс. ружей и 3½ милліона патроновъ), закупленнаго въ Германіи, крейсируетъ недалеко отъ шотландскихъ береговъ. Существовало подозрѣніе, что оружіе это предназначено для ульстерцевъ и англійскій флотъ слѣдилъ за пароходомъ. Несмотря на это, вдругъ обнаруживается, что ульстерскимъ заговорщикамъ удалось заполучить весь транспортъ оружія путемъ сложныхъ стратегическихъ маневровъ, разыгранныхъ какъ по нотамъ. Съ „Фанни" оружіе перегружено было на другой корабль „Моунтжой", который выгрузилъ его въ трехъ ирландскихъ гаваняхъ, близко расположенныхъ къ Бельфасту, главному городу провинціи Ульстеръ. Изъ этихъ трехъ гаваней оружіе было развезено спѣшно на 800 автомобиляхъ въ разныя условленныя мѣста. Чтобы вся эта выгрузка и развозка оружія совершалась безпрепятственно, революціонные милиціонеры окупировали на день всѣ 3 гавани, и вокзалъ въ Бельфастѣ, оцѣпили въ этихъ мѣстахъ всѣ поли-

цейскія казармы, принудили таможенную стражу удалиться, прервали всѣ телеграфныя и телефонныя сообщенія. И власти англійскія обо всемъ этомъ узнали только post-factum, когда оружіе было уже спрятано въ разныхъ укромныхъ углахъ ульстерской провинціи! Очевидно, что этотъ сложный планъ не могъ бы быть проведенъ тамъ гладко, если-бъ ульстерцы не имѣли соучастниковъ въ полиціи, арміи и флотѣ. Нужно полагать, что послѣ этого неслыханнаго событія у многихъ въ Англіи откроются глаза на истинное положеніе вещей, на то, что либеральными заплатами уже теперь никакъ не залѣпить глубокой трещины, которую далъ англійскій парламентаризмъ.

II. „Дѣло Кайо“ и выборы во Франціи.

Скандальное „дѣло Кайо“ было хорошей прелюдіей къ недавно закончившимся въ первомъ турѣ парламентскимъ выборамъ во Франціи. Въ событіяхъ, связанныхъ съ „дѣломъ Кайо“, ярко обнаружились физіономіи трехъ политическихъ группировокъ страны—реакціонной коалиціи подъ главенствомъ Бріана и Барту, „объединенныхъ радикаловъ“ и „объединенныхъ соціалистовъ“—и итоги выборовъ вполнѣ соотвѣтствовали итогамъ предшествовавшаго имъ громкаго политическаго скандала.

Конгрессъ радикаловъ въ По сдѣлалъ попытку возродить разлагающуюся мелко-буржуазную радикальную партію во Франціи. На этомъ конгрессѣ впервые выработаны были нормы партійной дисциплины, которыя должны были положить конецъ царству личнаго карьеризма въ партіи. На этомъ же конгрессѣ выработана была программа, или вѣрнѣе политическая платформа, включающая въ себя три основныхъ требованія: постепенное возвращеніе къ двухгодичной военной службѣ, введеніе прогрессивнаго подоходнаго налога и монополизацію свѣтскаго школьнаго образованія.

Уже съ самаго начала смѣны министерства Барту радикальнымъ министерствомъ Думерга и Кайо ясно стало, что радикалы, ставши у кормила правленія, не намѣрены серьезно проводить свою программу. Вмѣсто того, чтобы приступить къ постепенному сокращенію срока службы, сенская федерація радикаловъ издала декларацію, въ которой осуществленіе этой реформы откладывается на неопредѣленное время и ставится въ зависимость отъ предварительной реорганизаціи арміи, характеръ которой опять таки точнѣе не опредѣляется въ декларацiи, а, пока улита ѣдетъ, радикальное министерство стало вводить въ армію такія нововведенія, которыя заранѣе уже преграждали путь къ будущей реформѣ. Второе программное требованіе—монополизація свѣтской школы, не говоря уже о его сомнительной цѣнности, уже потому не могло быть осуществлено, что на это у государства при современныхъ условіяхъ средствъ не хватаетъ.

Изъ всей радикальной программы остался такимъ образомъ одинъ только пунктъ—финансовая реформа.

Проведеніе вотъ этой то единственной реформы и вызвало бѣшенную аттаку Бріана и Барту противъ радикальнаго министерства Думерга и Кайо, аттаку, имѣвшую непосредственной

цѣлью—дискредитировать личность Кайо, доказать, что онъ въ свое время корыстно вмѣшался въ пользу проворовавшагося банкира Рошетта. Бѣшенныя личныя нападки реакціонныхъ республиканцевъ противъ вождя радикальной партіи, какъ правильно замѣтилъ одинъ французскій роялистъ, были обратно пропорціональны степени принципіальныхъ разногласій между двумя борющимися партіями: чѣмъ меньше основанія имѣлъ Бріанъ *принципіально* бороться противъ неустойчивой политики Кайо, тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ сосредоточивать свои нападенія на его личность.

Разоблаченія реакціонеровъ въ первый моментъ произвели ошеломляющее впечатлѣніе, но стрѣлы ихъ, какъ и слѣдовало ожидать, ранили не только тѣхъ, въ кого они мѣтили, а ихъ самихъ. Разоблаченія сразу же обнаружили такую *всеобщую* деморализацію въ буржуазныхъ партіяхъ, что парламентъ въ испугѣ прибѣгъ къ крайнему средству—назначилъ слѣдственную парламентскую комиссію съ чрезвычайными полномочіями подъ предсѣдательствомъ соціалиста Жореса. Въ моментъ всеобщаго переполоха и взаимнаго заподазриванія одни только соціалисты оказались людьми, стоящими выше всякихъ сомнѣній! Буржуазныя партіи добровольно избрали верховнымъ судьей надъ собой Жореса. Это была колоссальная моральная побѣда соціализма, которая, конечно, отнюдь не входила въ разсчеты авторовъ разоблаченій.

Парламентская комиссія работала съ лихорадочной быстротой. Что же она обнаружила? Что Кайо велъ себя не хуже и не лучше, чѣмъ любой средній министръ современной республиканской Франціи. Онъ, какъ оказалось, лично не былъ заинтересованъ въ покровительствѣ Рошетту. Но онъ, будучи министромъ финансовъ, вмѣстѣ съ министромъ юстиціи Монисомъ, дѣйствительно оказалъ противозаконное давленіе на судъ, съ цѣлью отсрочить разбирательство дѣла Рошетта и сдѣлалъ онъ это потому, что Рошеттъ угрожалъ въ моментъ обсужденія въ палатѣ бюджета выступить съ разоблаченіями, чрезвычайно дискредитирующими нравы господствующихъ во Франціи партій вообще. Рошеттъ угрожалъ выпускомъ брошюры, въ которой онъ докажетъ, что Франція въ теченіи 20 лѣтъ потеряла 10 милліардовъ франковъ, благодаря эмиссіонной операціи банковъ, поддерживаемой подкупленной финансистами прессой при попустительствѣ властей. Чтобы эти всѣ разоблаченія не оказали вреднаго для правительства вліянія на ходъ бюджетныхъ преній въ парламентѣ, Кайо и согласился нажать административную кнопку и такимъ способомъ отсрочить разбирательство дѣла Рошетта.

Парламентская комиссія на конкретномъ случаѣ показала, какъ могущественныя финансовыя сферы при помощи подкупленной печати оказываютъ развращающее вліяніе на политику правительства, какъ съ своей стороны, правительство оказываетъ незаконные давленіе на судъ, какъ пресловутое раздѣленіе властей подъ вліяніемъ борьбы интересовъ разныхъ кликъ превращается въ буржуазномъ государствѣ въ фикцію. Это былъ грозный обвинительный актъ, но направленный не спеціально противъ Кайо и его партіи, а противъ буржуазныхъ партій вообще. Это былъ обвинительный актъ противъ всей капиталистической

системы. Это и подчеркнули соціалисты въ своей декларації, прочитанной въ парламентѣ по поводу дѣла Кайо. Радикальная партія отъ всего этого дѣла пострадала постольку, поскольку обнаружилось, что и она, вопреки своей программѣ и вопреки интересамъ своихъ мелко-буржуазныхъ приверженцевъ, какъ только очутится у власти, роковымъ образомъ подпадаетъ подъ вліяніе финансовой плутократіи, которой реакціонные республиканцы служать не за страхъ, а за совѣсть.

Отъ всего затѣяннаго Бріаномъ и К° политическаго скандала выиграли только соціалисты, какъ и можно было ожидать, и это, конечно, отразилось на парламентскихъ выборахъ. Пока извѣстны только результаты главныхъ выборовъ, состоявшихся 26-го апрѣля. Перебалотировки еще впереди. Но уже теперь можно сказать, что соотношеніе силъ между борющимися другъ съ другомъ буржуазными партіями остается приблизительно то же, что было и раньше и что побѣду одержала на выборахъ одна только партія „объединенныхъ соціалистовъ". „Объединенные соціалисты" выиграли въ Парижѣ 30 тысячъ, въ окрестностяхъ Парижа 25 тыс., во всей Франціи—болѣе 280 тысячъ новыхъ голосовъ. На выборахъ 1906 г. за партію голосовало 877 тыс. человѣкъ, въ 1910 г.—1.110,000 ч. а въ нынѣшнемъ 1914 г.—1.398,000, что составляетъ 16% всѣхъ избирателей. На прошлыхъ выборахъ 1910 г. соціалисты завоевали на первомъ турѣ 34 мѣста, а въ концѣ выборовъ располагали 68 мѣстами. Теперь они получили на главныхъ выборахъ сразу 40 мѣстъ, а на перебалотировкахъ разсчитываютъ получить еще 56, такъ что въ общемъ ихъ парламентская фракція будетъ вѣроятно численностью отъ 90 до 100 человѣкъ, т. е. на 30 человѣкъ больше, чѣмъ въ 1910 г.

Избирательная кампанія соціалистовъ прошла подъ знакомъ *единства*. Разногласія между гедистами и жоресистами совершенно почти стерлись на практикѣ послѣ того, какъ Жоресъ категорически отказался отъ тактики блока съ радикалами. На этотъ разъ, на противъ того, можно было бы упрекнуть, если не Геда,—онъ остался вѣренъ себѣ, то сильнѣйшую гедистскую организацію—„Соціалистическую федерацію Сѣвера", въ томъ, что она слишкомъ исключительно подчиняла всю избирательную кампанію одной задачѣ—борьбѣ съ реакціей, недостаточно подчеркивая соціалистическія задачи партіи. Такъ гедистскій органъ, издающійся въ Лиллѣ—„Le Reveil du Nord" уже наканунѣ главныхъ выборовъ открылъ на своихъ столбцахъ „свободную трибуну" на время избирательной кампаніи, дабы предоставить возможность мѣстнымъ радикаламъ, лишившимся незадолго до этого своей газеты, вести широкую избирательную агитацію. Далѣе „Соціалистическая федерація Сѣвера" рѣшила на перебаллотировахъ выставить общій списокъ кандидатовъ съ радикалами, который былъ напечатанъ дважды на страницахъ „Le Reveil du Nord" въ двухъ рядомъ помѣщенныхъ манифестахъ „Соціалистич. федерації" и „Федерації радикаловъ" Надо, впрочемъ, замѣтить, что не всѣ видные члены этой гедистской организаціи грѣшили слишкомъ большой уступчивостью въ отношеніи къ радикаламъ. Въ противоположность секретарю организаціи, рабочему Делори, запретившему расклейку иллюстрированныхъ афишъ противъ

3-хъ лѣтней службы, дабы не отпугнуть союзниковъ, въ противоположность мѣстному „избирательному комитету", заявившему, что въ отличіе отъ главныхъ выборовъ 10 мая въ день перебалотировокъ „рѣчь будетъ не о той или другой программѣ, а лишь о торжествѣ или пораженіи реакціи", гедистскій кандидатъ Геськеръ, напр., выступалъ и послѣ 26 апрѣля на собраніяхъ съ рѣзко соціалистической пропагандой.

Въ общемъ и цѣломъ, повторяемъ, внутри партіи принципіальныхъ споровъ между гедистами и жоресистами объ избирательной тактикѣ не было. И синдикалисты, что особенно знаменательно, на этотъ разъ не бросали палокъ подъ колеса партіи. Стоя формально на антипарламентарной точкѣ зрѣнія, они не могли, конечно, открыто поддерживать избирательную кампанію соціалистовъ, но въ скрытой формѣ они это дѣлали. Въ этомъ отношеніи характерна была передовица въ номерѣ отъ 28 апрѣля ихъ органа «La Bataille sindicaliste» Передовица начинается со словъ: „Выборы; первый туръ... Что объ нихъ сказать, такъ какъ вѣдь избѣгнуть говорить объ нихъ невозможно?" Далѣе, указывая на симптомы упадка буржуазныхъ партій и буржуазнаго парламента, авторъ передовицы говоритъ: „Истинными побѣдителями въ воскресеніе были объединенные соціалисты. Они выиграли 6 мандатовъ и потеряли только одинъ мандатъ Миранса, о которомъ они навѣрно не жалѣютъ. Они имѣютъ шансы одержать на перебаллотировкахъ еще болѣе полную побѣду. Судя по всему, именно они выйдутъ съ настоящимъ тріумфомъ изъ избирательныхъ битвъ". Характерно и то, что вопреки антипарламентарной догмѣ синдикалистовъ, 3/4 столбцовъ указаннаго номера ихъ органа посвящены итогамъ выборовъ. Это очень мало похоже на активный бойкотъ выборовъ!

Изъ всего соціалистическаго лагеря противъ „Партіи объединенныхъ соціалистовъ" во время избирательной кампаніи выступалъ только старый „стачкистъ" Аллеманъ, который незадолго до этого откололся отъ нея и основалъ вмѣстѣ съ Шовэномъ, Камбіэ и другими новую „Рабочую Партію". Ежедневный органъ этой „истинно революціонной" партіи раскольниковъ—„Le Cri du Peuple" изо дня въ день обливаетъ цѣлыми ушатами помоевъ „Партію объединенныхъ соціалистовъ", обвиняя ее въ томъ, что она продалась „жидо-массонамъ" (буквальное выраженіе газеты!), обвиняя ее въ томъ, что газета „L'Humanité" содержится дескать на средства Рейнаха, Ротшильда и др. „жидовъ милліонеровъ" и т. д. и т. д. Грязная, штрейкбрехерская кампанія такъ постыдно кончающаго свою революціонную карьеру Аллемана рѣшительно никакого, однако, успѣха не имѣла. Даже въ томъ округѣ, который Аллеманъ представлялъ 9 лѣтъ въ парламентѣ, онъ на послѣднихъ выборахъ собралъ всего на всего 1,270 голосовъ!

Соціалистическая партія выйдетъ изъ послѣдней избирательной кампаніи не только болѣе вліятельной и болѣе численной, но и гораздо болѣе сплоченной. Весьма характерно, при этомъ, для соціально-политическихъ условій экономически отсталой Франціи, что наибольшія завоеванія соціалисты теперь, какъ и на прошлыхъ выборахъ, сдѣлали въ сельскихъ округахъ. И, что особенно удивительно, они пользуются успѣхомъ не только

среди пролетаризированныхъ крестьянъ и мелкихъ арендаторовъ, но и среди сравнительно благоденствующихъ провансальскихъ крестьянъ-собственниковъ. Отто Поль въ своихъ интересныхъ корреспонденціяхъ о послѣдней сельской избирательной кампаніи во Франціи объясняетъ это тѣмъ, что провансальскіе крестьяне виноградари сохранили еще не тронутой свою идеалистическую вѣру въ республику, основанную на равенствѣ и справедливости, и съ этой точки зрѣнія считаютъ соціалистовъ единственными настоящими республиканцами. Къ тому же они, если и не испытываютъ непосредственно гнета со стороны крупныхъ землевладѣльцевъ и промышленныхъ капиталистовъ, то все же имѣютъ нѣкоторое представленіе о прелестяхъ капитализма, посколько они сталкиваются съ нимъ въ лицѣ крупныхъ торговыхъ фирмъ, складовъ и банковъ.

Соціализмъ во Франціи побѣждаетъ, какъ единственный преемникъ идей честной и послѣдовательной демократіи.[1])

А. Мартыновъ.

Письмо въ редакцію.

Ув. тов.! такъ какъ первая книжка „Н. З.“, гдѣ была помѣщена моя статья, конфискована, не дойдя до очень многихъ читателей, и такъ какъ тов. Потресовъ, полемизируя противъ моихъ взглядовъ, не совсѣмъ вѣрно ихъ излагаетъ, то разрѣшите въ настоящемъ коротенькомъ письмѣ еще разъ вернуться къ поднятому вопросу о культурѣ и пролетаріатѣ.

Суть моей небольшой статьи была такова. Пролетарская борьба все усложняется и захватываетъ все новыя и новыя области, по мѣрѣ того, какъ рабочій классъ развивается и укрѣпляетъ и расширяетъ свои позиціи. Организованный сознательный пролетаріатъ предъявляетъ все новыя требованія къ современному строю и проявляетъ все новыя потребности. Къ числу такихъ новыхъ потребностей, съ каждымъ днемъ обнаруживающихся яснѣе, властнѣе и шире, принадлежитъ также область искусства, „художества“ по опредѣленію Потресова. На цѣломъ рядѣ примѣровъ я показалъ въ статьѣ, какъ выявляется въ пролетарской средѣ это стремленіе къ изящному, къ музыкѣ, живописи, литературѣ.

А интеллигенція, о которой я такъ много говорю, по словамъ Потресова, и которую я будто бы ставлю во главу угла?—Вотъ тутъ-то и заключается невѣрность въ передачѣ моихъ мыслей со стороны уважаемаго товарища, слишкомъ отдавшагося полемикѣ. „Было бы болото, а черти будутъ“,—говоритъ пословица. Расли бы и развивались только запросы и потребности рабочаго, а способы удовлетворить ихъ онъ найдетъ. Ясно, что центръ тяжести лежитъ въ выясненіи условій, при которыхъ эти запросы появляются и растутъ и въ установленіи того, поскольку они могутъ зацвѣсти пышнымъ цвѣтомъ или по скольку морозъ и вьюга классовой борьбы загубятъ ихъ. Я надѣялся, что тов. Потресовъ, въ качествѣ наиболѣе призваннаго изъ насъ всѣхъ въ данномъ вопросѣ, остановится именно на этой сторонѣ дѣла. Почему рабочій классъ, все болѣе стремящійся пріобщиться къ культурѣ художества, особенно за самые послѣдніе годы, не сможетъ удовлетворить въ достаточной мѣрѣ своихъ стремленій? Почему онъ не создастъ своихъ поэтовъ, художниковъ, музыкантовъ, когда въ достаточно широкихъ массахъ окрѣпнетъ потребность въ удовлетвореніи своихъ эстетическихъ запросовъ? Почему въ политикѣ, наукѣ, правѣ, педагогикѣ сознательный пролетаріатъ имѣетъ своихъ идеологовъ во все большемъ количествѣ, а въ искусствѣ ихъ имѣть вовсе не будетъ при существованіи, конечно, нынѣшнихъ условій?

Сознательность рабочаго класса, несмотря на невѣроятное обостреніе классовой борьбы, растетъ непрерывно. Его психика обогащается, его стремленія усложняются. Именно тутъ и лежитъ, по моему мнѣнію, залогъ того, что пролетаріатъ пріобщитъ также и художество къ арсеналу своихъ орудій классовой борьбы, что и на этой почвѣ ему придется, по мѣрѣ усиленія потребностей, дать битву существующему строю, а не оставаться беззащитнымъ противъ всѣхъ ухищреній буржуазнаго искусства. Очень было бы хорошо, если бы тов. Потресовъ разрѣшилъ поднятый имъ вопросъ въ данномъ отношеніи.

А интеллигенція? Спроситъ все-таки у меня читатель. На нее я смотрѣлъ и смотрю, какъ на наиболѣе пригодное орудіе для разрѣшенія этого сложнаго вопроса. Только Потресовъ и тутъ не точно воспроизвелъ мою мысль. Я указалъ, между прочимъ, что с. д. интеллигенція рекрутируется, по крайней мѣрѣ въ Германіи, двоякимъ путемъ—либо благодаря притоку отщепенцевъ изъ другихъ классовъ изъ буржуазіи, либо изъ рядовъ самого пролетаріата. Потресовъ смотритъ на вопросъ сквозь русскіе очки: сознательные интиллегенты и малосознательная масса. Конечно, въ результатѣ только литература о массѣ, въ лучшемъ случаѣ литература для массы, но вовсе не литература самой массы. Но я *такъ* вопроса не ставилъ. По мѣрѣ роста сознательности массы разница между интеллигентомъ и не интеллигентомъ не въ томъ, что одинъ думаетъ, а другой работаетъ, а въ томъ, что думаютъ и чувствуютъ *оба*, но одинъ дѣлаетъ своею спеціальностью литературу, политику, и т. д., а другой вынужденъ довольствоваться слесарствомъ или сапожничествомъ. Великое вліяніе классовой борьбы и состоитъ въ томъ, что переходъ отъ станка къ умственному труду дѣлается *массовымъ* явленіемъ, а сапожникъ Гансъ Саксъ или мѣщанинъ Кольцовъ были явленіями *единичными*, исключительными.

И я полагаю, что какъ только, по мѣрѣ роста сознательности пролетаріата, культура художества станетъ необходимой потребностью достаточно широкихъ массъ, такъ и появятся художники, литераторы и т. д. Они будутъ творить и писать не о массахъ, не для массъ, а будутъ истинными пролетарскими представителями искусства, какъ имѣются истинные пролетарскіе политики, педагоги и т. д. А Потресовъ изображаетъ, будто я говорю что интеллигентъ въ карманъ норовитъ, и когда найдетъ въ пролетарскомъ карманѣ достаточно монетъ, тогда будетъ пѣть во славу рабочаго класса...

Кончая, я могу повторить только еще разъ: побѣждаютъ сильные и развитые, а не слабые и темные. Все большія массы сознаютъ и понимаютъ, что культура художества эту силу увеличиваетъ, что она тоже является крѣпкимъ оружіемъ въ классовой борьбѣ. Разъ такъ, тогда возможность развитія ея обезпечена. Конечно, заранѣе можно сказать, что она не зацвѣтетъ такъ сильно, какъ политика или экономика, но что она будетъ обречена на самое жалкое прозябаніе, никакихъ данныхъ для такого утвержденія нѣтъ.

Всякая борьба есть борьба политическая, но отсюда не слѣдуетъ, что понятіе классовой борьбы покрывается понятіемъ политики, какъ утверждаетъ Потресовъ. Я говорю, что формы классовой борьбы пролетаріата усложняются, что она втягиваетъ и новыя сферы, раньше невиданныя, а Потресовъ подмѣняетъ это тѣмъ, что политическая борьба усложняется. Я говорю, что по мѣрѣ развитія и роста рабочаго класса онъ можетъ включить—никакихъ данныхъ противъ нѣтъ—и культуру художества въ область своего оружія борьбы, а Потресовъ противопоставляетъ „спаратанство“. Точно одно противорѣчитъ другому, точно искусство является роскошью для пресыщенныхъ, а не насущной потребностью для всякаго сознательнаго пролетарія.

Съ тов. привѣтомъ *Я. Пилецкій.*

[1]) *Отъ ред:* Статья была уже сверстана, когда получились извѣстія о результатахъ перебаллотировокъ. „Обоединенные соціалисты“ завоевали еще 62 мѣста, такъ что въ новомъ парламентѣ ихъ фракція будетъ состоять изъ 102 деп.

Библіографія.

А. Богдановъ. Наука объ общественномъ сознаніи. *(Краткій курсъ идеологической науки въ вопросахъ и отвѣтахъ)*

Дать популярный курсъ объ идеологіи, выяснить ея значеніе въ общественной жизни и процессъ ея развитія,—задача очень важная и интересная. Въ марксистской литературѣ нѣтъ такой книги, которая хотя бы отчасти выполняла эту

задачу. Поэтому книгу А. Богданова можно было бы привѣтствовать, какъ заполняющую указанный пробѣлъ, если бы она не страдала очень существенными недостатками.

Чтобы написать книгу о значеніи идеологіи и ея развитіи, не только нужно быть хорошо знакомымъ съ различными областями научнаго знанія, но и съ исторіей человѣчества, въ особенности съ исторіей народнаго хозяйства, въ связи съ которымъ авторъ, совершенно правильно, разсматриваетъ развитіе идеологіи. Эта наиболѣе важная сторона работы Богданова какъ разъ болѣе всего страдаетъ дефектами. Чтобы объяснить различныя стороны общественной идеологіи экономическими отношеніями, авторъ дѣлаетъ такія натяжки, такъ безцеремонно обходится съ исторіей, что несмотря на сочувствіе идеѣ, руководившей авторомъ, приходится признать нежелательность такого рода насилія надъ фактами и надъ исторіей. Желая объяснить всѣ идеологическія движенія экономикой, авторъ упрощаетъ всю сложность этихъ явленій и иногда представляетъ ихъ въ совершенно искаженномъ видѣ. Приведу рядъ примѣровъ. Трудъ первобытныхъ людей, какъ правильно отмѣчаетъ авторъ, сопровождается пѣсней. Пѣсня и ритмъ облегчали и дѣлали болѣе пріятной работу. Но изъ этого не слѣдуетъ, что „правильность ритма въ трудовыхъ крикахъ" превращала ихъ въ примитивную пѣсню. Разумѣется пѣсня болѣе ранняго происхожденія: танцы и ритмическія пѣсни журавлей едва ли можно объяснить трудовымъ началомъ.

Точно также нѣтъ никакого основанія объяснять происхожденіе анимизма изъ патріархальнаго быта, такъ какъ анимизмъ возникаетъ раньше патріархальной семьи, хотя дальнѣйшее развитіе религіознаго сознанія находится въ несомнѣнной связи съ развитіемъ соціальныхъ отношеній.

Появленіе жрецовъ авторъ относитъ къ феодальному періоду. Такимъ образомъ охотничьи племена съ шаманами попадаютъ въ феодальный періодъ.

Письменность относится авторомъ также къ феодальному періоду, а слѣдовательно туда относятся и охотничьи племена, употреблявшія іероглифы. Впрочемъ живопись и ваяніе находятъ даже у пещерныхъ людей...

Съ экономической исторіей авторъ также не церемонится въ угоду предвзятой теоріи. Такъ, образованіе городовъ въ средніе вѣка авторъ объясняетъ прогрессомъ техники, хотя перемѣщеніе деревенскихъ ремесленниковъ въ города вовсе не вызывалось измѣненіемъ техники. Авторъ слишкомъ упрощаетъ экономическую исторію, объясняя эпоху открытій и изобрѣтеній уменьшеніемъ количества золота и серебра и т. д. и т. д. Такая упрощенная и подогнанная подъ теорію исторія, разумѣется, никуда не годится. Между тѣмъ въ книгѣ очень много интересныхъ соображеній, остроумныхъ объясненій, показывающихъ въ авторѣ вдумчивое отношеніе къ самымъ различнымъ явленіямъ общественной жизни. Къ сожалѣнію, явныя натяжки и насиліе надъ исторіей портятъ книгу и въ значительной степени ее обезцѣниваютъ.

П. Маслов.

Библіотека Института В. А. Обручева

Опечатки:

Въ ст. Ивана Кубикова (Квадрата) „Искусство и отношеніе къ нему пролетаріата" въ № 3 „Наша Заря" вкрались слѣдующія опечатки:

Стр.	строка	напечатано	слѣдуетъ
40	1	проникнутыя	проникнутое
41	24	не что	не только что
44	2	же такую	на такую
46	3	чудныя	нудныя
46	11	подвигъ	сдвигъ
47	32	пропущено слово	„пролетаріатъ"
50	19	принесетъ	пронесетъ.

Редакторъ **С. Д. Хенинъ.** Издатель **Я. Л. Каневскій.**

„Коммерческая Типографія", СПБ., Средн. Подъяч. 4. Тел. 520-32.

„Сѣверная Рабочая Газета".

Продолжается подписка.

Въ газетѣ имѣются слѣдующіе постоянные отдѣлы: 1) статьи, 2) Фельетоны, 3) заграницей, 4) Гос. Дума (стенографич. отчетъ членовъ с.-д. фракціи), 5) въ Таврическомъ Дворцѣ, 6) въ с.-д. фракціи, 7) телеграммы, 8) хроника, 9) судьбы печати,, 10) голоса рабочихъ, 11) московская жизнь, 12) рабочее движеніе, 13) страхованіе рабочихъ (статьи и корреспонденціи). 14) въ обществахъ и союзахъ, 15) рабочая жизнь, 16) Прибалтійскій край, 17) въ городѣ и деревнѣ, 18) юридическіе отвѣты, 19) почтовый ящикъ.

По четвергамъ и воскресеньямъ въ фельетонѣ—повѣсти, разсказы стихотворенія различныхъ авторовъ: А. Бибика, Вильки-Слесаря, Клавдіи Вольной, Сергѣя Гаплыгина, Н. Ляшко, Маруси Л. Мезской, А. Окулова, А. Сергѣева, раб. Сѣдого, И. Тасина, И. Шмелева и м. д.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ—5 р. 50 к., на полгода 2 р. 50 к., на 3 мѣсяца—1 р. 25 к., на 1 мѣсяцъ—45 к. Заграницу: на годъ—10 р. 50 к. на полгода 5 р. 50 к., на 3 мѣсяца—2 р. 75 к., на 1 мѣсяцъ—1 руб. За перемѣну адреса 20 коп. Подписка только съ 1-го числа.

Адресъ конторы и редакціи: СПБ., уг. Перекупного пер. и Конной ул. (близъ Старо-Невскаго). д. 5—22 кв. 7 (входъ по парадной лѣстницѣ съ Конной).

Книгоиздательство и книжный магазинъ

Бывшій **М. В. ПОПОВА** С.-Петербургъ, Невскій, 66.

ФИРМА СУЩ. СЪ 1847 ГОДА.

Новыя книги:

О. Миртовъ. Яблони цвѣтутъ. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.
Савватій. Тетрадь въ сафьянѣ . . . Ц. 1 р. — к.
Михаилъ М-скій. Отъ бурсы до снятія сана Ц. 1 р. — к.
А. Липецкій. Надя Данкова. Повѣсть . Ц. — р. 75 к.
Наемъ имущества подъ ред. В. Я. Крюковскаго тов. об.-прок. Прав. Сената (руков. для квартиронаним.) . . Ц. — р. 50 к.
В. Левицкій. Августъ Бебель. Его жизнь и дѣятельность . . . . . Ц. — р. 35 к.
А. Бибикъ. Къ широкой дорогѣ. Ром. съ пред. В. Львова-Рогачевскаго. Ц. 1 р. 20 к.

Большой выборъ литературы по вопросамъ рабочаго, профессіональнаго движенія, страхованія рабочихъ (изд. „Прибой", „Наканунѣ", Г. Ѳ. Львовича, „Нашъ Міръ" и др.).

ВСѢ ВЫХОДЯЩІЯ КНИЖКИ—НОВИНКИ.

Книги высылаются наложеннымъ платежемъ. Каталоги безплатно.

„ЦАЙТЪ“. Принимается подписка на 1914 г. на еженедѣльную еврейскую рабочую газету

Подписная цѣна: Въ Россіи: на годъ—2 р. 40 к. на ½ г.—1 р. 20 к., на 3 мѣс.—60 к. на мѣс.—20 к.

За границу: на годъ—4 р. на ½ года—2 р. на 3 мѣс.—1 р. на мѣс.—35 к.

Адресъ конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Пряжка д. 84, кв. 8. Контора газеты **„Цайтъ“.**

„Библіографическій Ежегодникъ“ подъ редакціей И. В. Владиславлева. Выходитъ (не позже февраля мѣсяца каждаго года). Вып. I. 208+XXXII стр. 60 к. Вып. II. 312+XXXIV стр. 90 к. Вып. III. 1 р. 50 к. **И. Владиславлевъ. Русскіе писатели XIX—XX ст.** Опытъ библіографич. пособія по новѣйшей русской литературѣ. Изд. 2-е, перераб. и дополн. 1913 г. 1 руб. **И. Владиславлевъ. Что читать?** Указатель систематическаго домашняго чтенія для учащихся. **Выпускъ I.** Художественная литература въ связи съ критикобіографическими очерками. Изд. 2-е, перераб. и дополн. 1914 г. 35 к. **Выпускъ II.** Художественная литература въ связи съ критическими и историко-литературными матеріалами. 1911 г. IV+92 стр. 40 к. **Выпускъ III.** Жизнь замѣчательныхъ людей. 1914 г. 60 к. Содержаніе: Предисловіе.—I. Общественные дѣятели. II Дѣятели на поприщѣ науки. III. Философы. IV Писатели. V. Дѣятели на поприщѣ искусства VI. Представители религіи и церкви. VII. Знаменитые путешественники. VIII. Великіе изобрѣтатели. **И. Владиславлевъ. Тетрадь для записи о прочитанныхъ книгахъ.** Пособіе для учащихся. Изд. 3-е. 1914 г. 20 коп.

Издательство „НАКАНУНѢ“.

Вышли въ свѣтъ брошюры:

Г. Батурскій и **С. Шварцъ.** Уставъ больничной кассы п. 25 к. **М. Хейсинъ.** Что такое больничная касса и какой она должна быть? ц. 6 к. **М. Хейсинъ.** Врачебная помощь и больничныя кассы (съ рис.). ц. 8 к. **Е. Львова** женщина-работница п. 3 к.; **В. Ежовъ** Больничныя кассы изд. 2 испр. ц. 15 к., **А. Н. Потресовъ.** П. Б. Аксельродъ (45 л. общ. дѣят.) съ портр. ц. 25 коп.

В. Майскій. Какъ организованы рабочіе въ Германіи (съ рис.) ц. 15 к., **В. П.** Въ помощь увѣчному ц. 10 к. (2 изд.). **Е. Львова** В. Либкнехтъ (съ портр.) ц. 15 к. **В. Вольскій.** На пути къ свободѣ слова (законопроектъ о печати) ц. 10 к.

Выписывать можно черезъ „Сѣверную Раб. Газету“ СПБ. Перекупкой пер. д. 22/5 кв. 7, и черезъ „Страхованіе Рабочихъ“ Загородный пр., 12, кв. 40.

«Коммерческая Типографія», Средняя Подъяческая, 4. Телеф. 520-32.

V-й годъ изданія.

НАША ЗАРЯ

СОДЕРЖАНІЕ:

М. Моравская. Разбитыя зеркала (разсказъ).
П. Орѣшинъ. Башмаки (разсказъ).
В. Александровскій. Печаль осени (стихотвореніе).
А. Сергѣевъ. Бабье лѣто (стих.).
Н. Ю. Венгровъ. Весна (стихот.).
С. Давыдовъ. Дѣдовъ край (стих.).
К. Залевскій. Національный вопросъ въ Россіи.
М. Павловичъ (Волонтеръ). Международные конфликты и аларми-стская пресса.
Ода Ольбергъ. Съѣздъ въ Анконѣ.
К. Дмитріевъ. Общіе вопросы рабочаго законодательства. Ст. 2.
Л. Сѣдовъ. Среди журналовъ.
Л. Мартовъ. Тактика „лѣваго блока“.
Г. Наумовъ. Хлѣбныя пошлины.
К. Антоновъ. Интеллигенція въ русскомъ рабочемъ движеніи.
Л. М. По поводу ст. К. Антонова.
П. Аксельродъ. Къ 100 л. со дня рожденія Михаила Бакунина.
ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.
И. Череванинъ. Оппозиція въ думѣ и въ странѣ.
Отклики.
Библіографія.
Объявленія.

№. 5. Спб. 1914. Ц. 30 к.

Открыта подписка на 1914 годъ на ежемѣсячный общественно-политическій журналъ соціалъ-демократическаго направленія.

V ГОДЪ изд. **„Наша Заря"** V ГОДЪ изд.

Съ 1914 года въ журналѣ вводится **беллетристическій отдѣлъ** въ которомъ выразили согласіе участвовать: **Д. Айзманъ, А. Бибикъ, Ив. Бунинъ, В. Вересаевъ, Вл. Войновъ, Б. Верхоустинскій, А. Галина, В. Горянскій, Л. Григоревъ, С. Гусовъ, Оренбургскій, Л. Добронравовъ, Карменъ, С. Клычковъ, А. Липецкій, А. Малышкинъ, Н. Матвѣевъ, В. Муйжель, А. Окуловъ, И. Окуневъ, Н. Олигеръ, А. Серафимовичъ, С. Сергѣевъ-Ценскій, И. Сургучевъ, К. Тасинъ, А. Чапыгинъ, Из. Шмелевъ,** и мн. др.

Въ 1914 г. предполагается помѣстить слѣд. статьи: **В. Б. Аксельродъ.** Статьи по вопросамъ тактики: **М. Б—въ.** Рабочая печать и законопроектъ о печати; Первый годъ страхового закона; Охрана дѣтскаго труда **К. В—ко.** Борьба за Тихій океанъ; Англо-Германское соглашеніе; **Л. Войтоловскій.** Кризисъ модернизма; Городъ и деревня въ современной литературѣ; **А. В. Горскій.** Современное состояніе права коалиціи въ Россіи; **Раф. Григорьевъ.** Поэтъ Окуровской Руси (о творчествѣ М. Горькаго); **К. Дмитріевъ.** Городъ и деревня; Общіе вопросы рабочаго законодательства; **А. К. Ермансній.** Тэйлоризмъ въ связи съ новѣйшими тенденціями капиталистическаго развитія; жилищная проблемма, какъ часть соціальнаго вопроса; **А. П. Калитинскій.** Статьи по естествознанію; **А. Коллантай.** Первый годъ примѣненія страхового закона въ Англіи; Движеніе въ пользу государственнаго страхованія материнства; политическія партіи въ Англіи и женское избирательное право; Работа соціалистовъ въ финляндскомъ парламентѣ; **Комаровъ.** Русская фабрично-заводская промышленность за послѣдніе 30 лѣтъ; **В. Львовъ-Рогачевскій.** Поэты—рабочіе; **В. Левицкій.** Старый и новый интернаціоналъ. Изъ исторіи парламентской тактики германской соціалъ-демократіи; **В. Майскій.** Два типа (англійскій и германскій рабочій); Культурныя задачи рабочаго движенія; Организаціи и пролетаріатъ; **Л. Мартовъ.** Итоги с. д. парламентаризма въ Россіи; Ф. Лассаль (къ 50 лѣтію со дня смерти); **А. Мартыновъ.** Исторія отношенія русскихъ соціалистовъ къ войнѣ; Синдикалистскій историкъ о Марксѣ и Бакунинѣ; **П. Масловъ.** Современное состояніе экономической науки; Вздорожаніе жизни; **М. П. Невѣдомскій.** Литературно-критическія статьи; **А. Никитинъ.** Законопроектъ о договорѣ найма торговыхъ служащихъ; **Г. Наумовъ.** Торговый договоръ съ Германіей; Аграрный вопросъ и аграрная политика; **Ортодоксъ.** Нравственное долженствованіе съ точки зрѣнія марксизма; **М. Панинъ.** Переписка Маркса съ Энгельсомъ; **А. Потресовъ.** О морали; Салтыковъ-Щедринъ (къ 25-лѣтію со дня смерти); Пролетаріатъ и искуство; **Т. Ротштейнъ.** Поворотъ въ международныхъ отношеніяхъ; **Саваренскій.** Аграрный вопросъ въ европейской соціалъ-демократіи; **Спектаторъ.** Промышленное оживленіе и промышленный кризисъ; W. Къ 50 лѣтію земства. **М. Хейсинъ.** Во что вылилась общественная борьба съ туберкулезомъ въ Россіи; О кооперативномъ нейтрализмѣ; **Ф. Данъ.** Борьба за „частичныя требованія", **Евг. Маевскій.** Война и революція (десятилѣтіе русско-японской войны); **Я Пилецкій.** Письма изъ Германіи, **Петръ П.** Письма изъ Англіи; **С. Далинъ.** Первые шаги рабочаго движенія; Рабочій день; **М. Павловичъ.** Американскій имперіализмъ и мексиканская революція; Желѣзно-дорожный вопросъ на Балканахъ и борба за свободные выходы къ морямъ; Россія и Франція въ военномъ, торговомъ и финансовомъ взаимоотношеніяхъ; **Н. Череванинъ.** Промышленная конъюнктура. **Н Орансній.** Соц. печать передъ судомъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: на 1 годъ—3 р. (загран.—4 р.), на 1/2—1 р. 80 к. (загр.—2 р. 30 к.): на 3 мѣс.—1 р. (загр.—1 р. 30 к.); на 1 мѣс.—35 коп. (заграницу—45 к.). Отд. книжка въ продажѣ—30 к.; загран—40 к. Комплекты: за 1910 г. (безъ 5, 6 и 7 кн., разошедшихся)—1 р. 50 к.; за 1911 г. (безъ 1-ой кн.) и 1912 г. по 2 р.; за 1913 г.—2 р. 50 к. съ пересылкой въ Евр. Россію. Рабочимъ приказчикамъ и народ. учителямъ—15% скидки, за перемѣну адреса 21 к. (можно 3 семикоп. марки).

Адресъ конторы и редакціи: Спб., Николаевская 2, кв. 45.

Контора открыта: по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 6 до 9 час. вечера; по вторникамъ, средамъ, пятницамъ и субботамъ отъ 2 до 5 ч. дня.

V-й годъ изданія.

Наша Заря

Ежемѣсячный журналъ

№ 5.

С.-Петербургъ, 1914 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
„Коммерческая Типографія" Средняя Подъяч. 4. Тел. 520-32.
1914.

Р.

ИНСТИТУТ В. И. ЛЕНИНА
№
БИБЛИОТЕКА

Мартинов.

Разбитыя зеркала.

I.

Оля была сиротою и жила у родственниковъ. Лишь комнату ей уступили даромъ, за обѣдъ и стирку она платила,—родственники были бѣдные.

Они жили въ домѣ дешевыхъ квартиръ, построенномъ извѣстнымъ филантропомъ. Люди цѣлые годы ждали очереди, чтобы туда попасть, а кому это посчастливилось, тотъ уже не двигался съ насиженнаго мѣста. И семья желѣзнодорожнаго служащаго, у котораго послѣ смерти отца поселилась Оля, девять лѣтъ жила на третьемъ этажѣ, въ квартирѣ номеръ сто восьмой.

Сидя за шитьемъ въ отведенной ей маленькой полутемной комнаткѣ, Оля часто мечтала о покинутомъ домикѣ близъ станціи Раздѣльной, гдѣ ея отецъ былъ будочникомъ. Она вспоминала степной просторъ, открывающійся тамъ изъ окна, сиреневые кусты, „свою собственную“ грядку гвоздики и молодого кассира, изъ интеллигентовъ, который окончилъ гимназію, вмѣсто университета попалъ на службу, и часто заходилъ къ сторожу, чтобы жаловаться на судьбу его хорошенькой дочкѣ. Онъ говорилъ о своихъ разочарованіяхъ съ интересно—мрачнымъ видомъ, но въ глубинѣ души подумывалъ, что можно было бы, пожалуй, совершить мезальянсъ, жениться на этой золотоволосой Олѣ. А тамъ со современемъ его переведутъ на большую оживленную станцію... и жить было-бы недурно.

Но сторожъ простудился, счищая съ рельсовъ снѣгъ въ бѣшеную февральскую вьюгу, и внезапно умеръ; а дочку его увезъ къ себѣ въ большой портовый городъ, сердобольный дядя—кондукторъ.

Здѣсь она получила работу,—шила на дому мѣшки для зерна. И дѣлая шпагатомъ частые стежки, чтобы при нагрузкѣ изъ этихъ мѣшковъ не высыпались зерна, она вспоминала хлѣбныя поля близъ милой станціи Раздѣльной, съ которой она разлучена навсегда.

Передъ окнами дядиной квартиры съ весны строился домъ. Съ каждымъ днемъ незамѣтно темнѣли маленькія уютныя комнаты, каждый рядъ свѣже-положеннаго кирпича отнималъ у нихъ полоску свѣта. Олѣ казалось, что именно полосами отрѣзываетъ свѣтъ противоположная стѣна, и она тоскливо думала, что скоро въ спальнѣ и въ ея комнатѣ станетъ сумрачно, какъ въ дерюжномъ мѣшкѣ.

Каждую недѣлю относила Оля въ портъ мѣшки для хлѣба и съ жалобной завистью глядѣла на поѣзда, съ грохотомъ бѣгущіе по деревянной приморской эстокадѣ: они проходятъ мимо покинутой Раздѣльной...

Давно уже оттуда не было писемъ,—вѣроятно господина кассира перевели, какъ онъ надѣялся, на какую нибудь большую, интересную станцію... И эта неизвѣстная большая станція, на которой о ней позабыли, казалась такой далекой, словно отъ нея отдѣляло Олю все Черное море.

II.

Рано утромъ въ субботу проходила Оля по базару. Она пошла въ этотъ день закупать провизію на обѣдъ, чтобы выручить тетку, всегда занятую подъ праздникъ купаньемъ ребятишекъ. Она глядѣла на пышныя южныя астры, такія дешевыя здѣсь въ іюлѣ, на яркіе бумажные вѣера, которые „слободскія“ хозяйки красоты ради приколачиваютъ къ стѣнамъ, и думала, что бы ей купить для украшенія своей маленькой комнаты, такой хмурой отъ темныхъ обоевъ. Для цвѣтовъ у нея не было вазона, а стѣнной вѣеръ стоитъ слишкомъ дорого.

Вдругъ она замѣтила рябого цыгана съ блестящими зубами, который, неустанно улыбаясь, предлагалъ всѣмъ встрѣчнымъ зеркала. У него не было даже лотка, зеркала просто висѣли на двухъ накрестъ сколоченныхъ палкахъ, на гвоздяхъ, прибитыхъ густо въ рядъ, и колебались при каждомъ шагѣ продавца. Тамъ были зеркала большія и маленькія, квадратныя и круглыя, въ золоченыхъ, черныхъ или просто бѣлыхъ некрашенныхъ рамкахъ изъ жести; эти дешевыя зеркальца разсыпали по мостовой яркіе солнечные зайчики, и искривляли все, что вздумало въ нихъ отразиться. Только небо отражалось неизмѣненнымъ.

Взглянувъ на товаръ веселаго цыгана, Оля вспомнила, что у нея въ комнатѣ нѣтъ зеркала.

— До чего я опустилась!—подумала она съ чисто — женскимъ ужасомъ,—хожу простоволосая, чолку завить не предъ чѣмъ...

И, словно угадывая ея мысли, плутоватый продавецъ затараторилъ:

— Купи, барышня,—хорошенькая будешь, куфюру важную сооружать будешь... зеркалы свѣтлыя, стеклы толстыя... вѣкъ прослужитъ, дочкѣ въ приданное давать будешь!..

Оля купила небольшое зеркальце и бережно понесла домой. Когда она повѣсила его на стѣнку, въ комнатѣ сразу стало свѣтлѣе, словно въ ней появилось новое маленькое окно. И вмѣстѣ съ искривленной стѣной строющагося напротивъ дома въ немъ отразился кусокъ синяго неба.

— Вотъ какъ легко приклонить небо къ землѣ!..—разсмѣялась обрадованная Оля; и подумала, что если бы, скажемъ, всю стѣнку надъ кроватью увѣшать зеркалами, въ комнатѣ стало бы куда веселѣе!

И съ тѣхъ поръ, каждую субботу, возвращаясь въ базара, она вѣшала противъ окна новое зеркальце, оправдываясь передъ теткой, когда ее бранили за мотовство:

— Очень ужъ сумно въ квартирѣ...

Но и зеркала мало помогали. Съ каждымъ днемъ все выше подымалась стѣна строющагося напротивъ дома, и все уже становились полоски неба въ отраженіяхъ Олиныхъ зеркалъ.

III

— Приходите-ка посмотрѣть, Оля Васильевна, какъ пышно распустились мои олеандры! Надъ балкономъ я устроилъ парусиновый навѣсъ, и тамъ уютно пить чай, среди цвѣтовъ, словно на дачѣ.

— Благодарствуйте,—отвѣтилъ за племяницу кондукторъ.— Она у насъ слишкомъ много дома сидитъ... Ты пошла бы провѣдать дочку господина управляющаго? Дочь управляющаго дешевыми домами филантропа была худая молоденькая дѣвушка, страдающая хлорозомъ. Она почти цѣлые дни пролеживала, не двигаясь, на широкомъ диванѣ, въ томъ же домѣ, въ квартирѣ съ улицы, во второмъ этажѣ.

Квартира съ улицы, въ которой жилъ управляющій, была самой свѣтлой и обширной въ этомъ зданіи; а главное, въ ней былъ балконъ, откуда виднѣлось море. Правда, мимо этого балкона, по дурно мощеному спуску, въ портъ цѣлый день грохотали телѣги, и невыносимо порой дребезжало на нихъ листовое желѣзо или длинныя стальныя полосы. И нервная дочка управляющаго, которую раздражалъ даже трескъ разсыхающейся лѣтомъ мебели, держала окна плотно закрытыми, и рѣдко, только ради гостей, выходила на балконъ. Но все же Оля любила бывать въ этой свѣтлой, нарядной квартирѣ, хотя бѣдная барышня смотрѣла на нее свысока, словно на служанку.

И сегодня Оля пошла туда, ободренная приглашеніемъ хозяина, чтобы посмотрѣть расцвѣтшіе олеандры и новую занавѣску. Но уже съ порога встрѣтили ее непріятными словами:

— Вы слишкомъ нравитесь моему отцу, Оля!

— Что вы говорите Нина Никитишна, я съ нимъ и разговоровъ не завожу... Такъ, въ кои вѣки Никита Петровичъ пройдетъ по двору, голову подыметъ и доброе утро, въ окошко, скажетъ...

Не даромъ Оля такъ длинно оправдывалась. Она давно замѣтила, что управляющій поглядываетъ на нее, «какъ мартовскій котъ». Ей не хотѣлось, чтобы люди думали что нибудь дурное—тогда придется перестать бывать въ этой милой квартирѣ и пить чай, на балконѣ съ видомъ на море.

Но Нина Никитишна рѣшила поговорить на чистоту, ее давно безпокоило поведеніе отца:

— Папаша, пожалуй, вздумаетъ на тебѣ жениться, а жалованье у него небольшое, и онъ порядкомъ скупъ... Я не намѣрена дѣлиться хозяйствомъ со всякой пришлой... станешь моей мачехой, заѣмъ тебя попреками, такъ и знай...

Оля расхохоталась:

— Падчерица мачеху заѣстъ! Слыханое дѣло! — повторяла она сквозь слезы и, успокоившись, прибавила серьезно:

— Никогда я, барышня, объ этомъ не думала и думать не хочу.

— Да,—смягчившись заговорила Нина,—это и для тебя совсѣмъ не подходитъ: онъ вѣдь старъ и скуповатъ, мой отецъ. Да и я вѣчно больна, охота въ одномъ домѣ съ живымъ покойникомъ жить...

Она лѣниво сняла со стѣнки повѣшенное низко надъ дива-

номъ небольшое овальное зеркало и стала внимательно разглядывать свое блѣдное, тусклое лицо. Трудно было держать надъ собою, лежа, это зеркало въ старой массивной деревянной рамѣ, и дочь управляющаго вяло протянула его Олѣ:

— Подержите!

Оля держала его, привставъ на диванъ колѣномъ, въ неловкой и утомительной позѣ, а Нина считала раннія морщины на своемъ полудѣтскомъ лицѣ. И обѣимъ дѣвушкамъ было горько: одной, что ею помыкаютъ, а другой — отъ мысли о незаслуженно-раннемъ увяданіи.

Пришелъ управляющій и долго лебезилъ передъ Олей. Пили чай на балконѣ. Олеандры сладко пахли миндалемъ; дулъ жаркій вѣтеръ съ моря, надувая занавѣски, словно паруса: освѣщенная гавань внизу сіяла, какъ звѣздное небо, опрокинутое на землю. У Олп, утомленной цѣлодневнымъ шитьемъ, мгновеніями кружилась голова, и тогда огоньки пароходовъ медленно уплывали передъ глазами вдаль; и казалось, что она ѣдетъ въ далекое и опасное путешествіе...

Ее тревожило ухаживанье Никиты Петровича. „Честный человѣкъ такъ не заигрываетъ, вовсе онъ не хочетъ на мнѣ жениться, а такъ“... думала она, смущаясь даже въ мысляхъ опредѣлить словомъ его цѣли.

И ея догадка была вѣрной. Управляющій былъ еще скупѣе и расчетливѣе, чѣмъ его считала дочь. Прощаясь съ Олею на лѣстницѣ, онъ сказалъ тономъ, въ значеніи котораго нельзя было сомнѣваться:

— Хотите быть моей *хозяйкой*, Оля Васильевна?

Она, не отвѣтивъ, сбѣжала внизъ, и отъ волненія сильно захлопнула за собой скрипучую парадную дверь.

На слѣдующее утро Никита Петровичъ повторилъ свое предложеніе ея роднымъ, но высказалъ его уже совершенно серьезно. Ольга Васильевна, молъ, смогла бы вести его небольшое хозяйство и быть помощницей больной дочери.

— Жалованьемъ не обижу! — добавилъ онъ и отечески погладилъ дѣвушку по головѣ.

Оля наотрѣзъ отказалась, и тетка не могла понять ея сдерживаемаго возмущенія. Но кондукторъ задумчиво почесалъ за ухомъ и, что-то соображая, сказалъ женѣ:

— Оставь дѣвушку въ покоѣ!

IV.

Всю ночь не давало Олѣ спать неожиданное предложеніе. Значитъ, самое лучшее, что ее могло ждать, — это стать „полюбовницей“. Она, вѣдь, безприданница, она—безродная, безъ счастья и доли. И, вѣроятно, надолго она останется жить, здѣсь, въ темнѣющей дядиной квартирѣ, откуда пріютившая ее семья никогда не выберется, потому что дешевле не найти.

И все же, подъ утро она заснула съ рѣшеніемъ — „не поддаваться». Мѣшки, такъ мѣшки! Есть на свѣтѣ судьба и похуже этой, и авось...

Она заснула на словѣ „авось“, и ей снился хорошій сонъ,— верба и чистое небо надъ степью. Но утромъ, когда, проснувшись, она подняла вверхъ глаза, силясь вспомнить, что означаютъ по соннику вербныя почки, она не увидѣла даже клочка неба въ самомъ верхнемъ изъ своихъ зеркалъ! За вчерашній день каменьщики успѣли поднять стѣну выше Олинаго окна.

Всѣ зеркальца были темными, словно ослѣпшіе глаза. И желтоватыми бѣльмами отражалась во всѣхъ зеркалахъ эта стѣна изъ пористаго, потемнѣвшаго отъ дождей известняка, похожаго цвѣтомъ на дерюгу хлѣбныхъ мѣшковъ.

Теперь въ комнатѣ стоялъ желтоватый сумракъ, и дѣвушка почувствовала себя словно замурованной, заживо погребенной въ этой комнаткѣ съ темными обоями?

— Можно ли будетъ шить?—съ тоскливымъ безпокойствомъ подумала она, и не одѣтая, въ одной сорочкѣ, сѣла на подоконникъ съ неоконченнымъ вчера мѣшкомъ, пытаясь дрожащими пальцами сдѣлать нѣсколько стежковъ. Но неловко направляли иглу еще вялыя отъ сна руки, она проскользнула мимо толстаго шва и глубоко вонзилась дѣвушкѣ въ палецъ.

Оля выдернула иголку и, не опуская руки, глядѣла, какъ изъ уколотаго пальца стекаютъ на ея синеватую въ сумеркахъ сорочку крупныя темныя капли крови.

И мысли ея были совсѣмъ безнадежными.

Теперь нѣтъ у нея своего угла... Конечно, тетка позволитъ работать въ свѣтлой столовой, но тамъ мѣшаютъ дѣти... А главное, у нея нѣтъ уже своего угла, потому что эта комната похожа теперь на мрачную нору, на звѣриную нору, гдѣ можно только спать.

Она съ отвращеніемъ взглянула на стѣну за окномъ, навсегда оттѣснившую свѣтъ, и тотчасъ отвернулась, чтобы ея не видѣть. Но напротивъ окна, надъ кроватью, ея глаза встрѣтили опять ту же стѣну, въ каждомъ изъ зеркальныхъ окошекъ.

Въ истерической злобѣ она схватила со стола неубранный послѣ вчерашняго глаженья утюгъ и его острымъ переднимъ кантомъ растрескала всѣ свои маленькія зеркала.

На звонъ разбиваемыхъ стеколъ прибѣжали разбуженные теткины дѣти и остановились испуганно на порогѣ.

— Олька сошла съ ума! — закричалъ старшій мальчикъ, и другіе шопотомъ повторили за нимъ:

— ... сошла съ ума...

А Оля, не двигаясь, лежала въ одной сорочкѣ на кровати, усѣянной колючими осколками разбитыхъ зеркалъ, и безудержно плакала.

На слѣдующій день она согласилаоь стать „хозяйкой“ Никиты Петровича.

М. Моравская.

Башмаки.

Вотъ уже мѣсяцъ, какъ Настенка безъ башмаковъ сидитъ. Не разъ плакала. Наступила весна, всѣ улицы мокрыя, и въ

такихъ худыхъ башмакахъ, какъ у Настенки, хоть не выходи изъ дома: промокнешь до косточки.

—Эй, ты... гдѣ ты тамъ?... Настенка!—звонко кричитъ иногда изъ кухни рыжеволосая Дарья.—Сходи-ка въ лавочку!

Настенка начинаетъ хлюпать.

— Въ чемъ я пойду-то... Купили-бы хоть какіе-нибудь...

— Я вотъ тебѣ поговорю тамъ, негодная!—вылетаетъ изъ кухни Дарья.—Пойдешь ты, али нѣтъ!

Настенка, что-то бормоча, вытираетъ кулаками выступившія на глаза слезинки и лѣзетъ подъ кровать за своими дырявыми башмаками.

На дворѣ—грязь невылазная.

Настенка осторожно, на каблукахъ, переходитъ дворъ, стараясь обойти тутъ и тамъ разбросанныя лужи, и долго стоитъ около раскрытыхъ воротъ и смотритъ на улицу. А подъ воротами—самая большая лужа.

— Дяденька, перенеси-и-и...—слезливо проситъ она первую попавшуюся бороду.

— Што-о-о?.. Сама перейдешь!—торопливо отвѣтилъ „дяденька“; потомъ со всего размаху перепрыгнулъ лужу и обдалъ Настенку холодными и липкими, какъ деготь, брызгами.

Еще минутъ пять ждетъ Настенка, кто-бы перенесъ её, и наконецъ, никого не дождавшись, высоко вздергиваетъ подолъ длинной, материной кофты и робко ступаетъ въ лужу. Сразу похолодѣли ноги и скользятъ въ мокрыхъ башмакахъ, точно по намыленному корыту.

Но теперь—не страшно... Всю широкую улицу, покрытую кое-гдѣ синеватымъ снѣгомъ и холодными булькающими ручьями, Настенка пробѣгаетъ безъ передышки.

— Што это ты дѣвченку такъ пускаешь!—Не разъ говорила Дарьѣ толстая, низкорослая лавочница, хлопая руками себя по бедрамъ.—Простудишь дѣвченку-то... долго-ли до грѣха?..

— А ты, чѣмъ жалѣть-то, взяла бы да купила ей туфли... горячо отвѣчала Дарья.—А насчетъ болѣзни не сумлевайся... не господа—хворать-то...

Настенка возвращается изъ лавки съ мокрыми ногами и покраснѣвшимъ носомъ. У порога она обѣими руками стаскиваетъ съ себя башмаки и долго вытираетъ ихъ тряпкой. Дарья старается не смотрѣть на эту церемонію. Ей жалко Настенку, но она молчитъ и только живѣе вертитъ въ рукахъ подвернувшуюся посудину или сердито бросаетъ въ уголъ осыпающійся полынковый вѣникъ...

— Люди, какъ люди,—говоритъ она, когда Иванъ возвращается съ почты обѣдать,—а мы хуже свиней живемъ: ни башмаковъ у насъ, ни платья, какъ слѣдуетъ...

— Што-же, родить што-ли вамъ башмаки-то!—съ аппетитомъ разжевывая кусокъ чернаго хлѣба, говоритъ Иванъ.—Обожди, деньги получу—всё будетъ...

— Все бу-у-удетъ!—передразниваетъ Дарья, морща широкое, загорѣлое лицо.—Да когда это слыхано, что-бы у насъ все было... На табакѣ больше прокуришь, чѣмъ заработаешь...

— Да кто-же виноватъ-то теперь!—пылитъ Иванъ, останавливаясь жевать.—Я што-ли виноватъ!.. Стерва...

— Я виновата!—не поддается Дарья, и грязнымъ холщевымъ фартукомъ вытираетъ слезы.

Настенка въ розовомъ, запачканномъ на груди, платьишкѣ стоитъ у печки и угрюмо смотритъ на лохматую, запотѣвшую на лбу, голову отца.

— Я виновата,—продолжаетъ Дарья.—Намедни проигралъ полтинникъ, а я виновата....

— И больше проиграю!—выпученными глазами глядя на жену, кричитъ Иванъ.—И трешну проиграю—не ваше дѣло.. Не твои проигрываю...

— Валяй, валяй...

— Ну и молчи... нечего попреки дѣлать!

— Какъ-бы не молчать... Дѣвка безъ сапогъ сидитъ, а мы будемъ въ „темную“ пропузыриваться... Молчать надо, какъ-же...

Не выдержалъ Иванъ: бросилъ въ Дарью деревянную ложку, выскочилъ изъ-за стола и, потуже затянувъ поверхъ пиджака ремень съ бляхой почтоваго вѣдомства, вышелъ на улицу.

* * *

Сумерки наступили.

Въ маленькой ободранной комнатѣ, которая замѣняетъ собою залу, столовую и спальню, надъ широкой кроватью виситъ на четырехъ веревкахъ деревянная люлька.

— А баю-баю-баю-ю-ю, скучнымъ голоскомъ тянетъ на кровати Настенка,—баю, баюшки, баю...

Потомъ перестаетъ качать и, сложивъ ноги калачикомъ, молча сидитъ до тѣхъ поръ, пока маленькое больное существо не запищитъ изъ люльки. Непріятно плачетъ больной ребенокъ, братъ маленькой Настенки: тонко, протяжно и такъ-то жалостно...

Настенка сначала упрямо отказывалась за нимъ ухаживать, но когда узнала, что онъ боленъ, ей стало жалко; и теперь она цѣлые дни проводитъ возлѣ деревянной люльки.

Когда станетъ скучно, Настенка сниметъ съ люльки грязный ситцевый пологъ, наклонится къ маленькому личику больного Лёшки и начнетъ звонкимъ голоскомъ разсказывать, что на умъ придетъ...

Дарья ушла отыскивать отца, который сегодня долженъ получить жалованье; Настенка про это знаетъ и вотъ, облокотившись на край люльки и глядя въ безцвѣтные глаза обезсилѣвшаго отъ болѣзни Лешки, разсказываетъ:

— А еще была маленькая дѣвочка Настенка... Глупенькая она была... Башмаковъ у нея не было... А мама все съ отцомъ ругалась: все хотѣла Настенкѣ башмаки купить... Хорошіе башмаки, съ пуговицами, какъ у барыни... А у отца денегъ не было и онъ изъ-за этого ругался съ мамой и билъ её... Мама плакала, а Настенка стояла у печки. Глупая была дѣвченка, эта Настенка... Братишка былъ у ней,—Лёшкой звали,—маленькій—маленькій... А у Лешки былъ кашель, и онъ лежалъ къ люлькѣ на мягкихъ тряпочкахъ... А потомъ...

Настенка задумалась.

— Что-же потомъ?..

Потерялась, оборвалась ниточка нехитраго Настенкинаго

разсказа. Лёшка глядитъ на неё маленькими застывшими глазенками и точно понимаетъ что-то...

Молчитъ Настенка. Въ два маленькіе окна синими глазами глядятся сумерки. Въ уголкѣ подъ темными образами ярко блеститъ розовый огонекъ лампадки. Гдѣ-то за окномъ отчаянно мяучитъ кошка...

— А еще,—какъ-бы о чемъ-то вспомнивъ, тихо продолжаетъ Настенка,—былъ маленькій зайчикъ, и у него тоже башмаковъ не было... А въ лѣсу было холодно, зайчикъ озябъ и началъ молиться Боженькѣ... Долго молился, и вотъ разъ приходитъ Боженька, въ рукахъ у него башмаки... новые съ пуговицами... какъ у барыни...

Опять недосказала Настенка. Опять смотритъ она въ маленькое лицо больного Лёшки, а Лёшка спитъ и его хриплое дыханіе теплымъ вѣткомъ касается лица Настенки. Наконецъ, стало скучно. Легла Настенка на кровать поудобнѣе, съёжилась въ клубочекъ, полежала немного съ закрытыми глазами, помечтала о новыхъ башмакахъ, да и заснула такъ крѣпко, что вернувшаяся Дарья цѣлые полчаса стояла у дверей, пока добудилась...

* * *

Въ одно изъ воскресеній, послѣ получки жалованья и огромнаго выигрыша, который выражался въ суммѣ немного больше четырехъ рублей, Иванъ чувствовалъ себя нѣсколько свободнѣе.

— Ну, будетъ, дура ругаться-то! сказалъ, онъ, когда Дарья внесла въ комнату фыркающій самоваръ.—Чего тебѣ еще надо?.. Чѣмъ твоя душенька не довольна?..

И засмѣялся, расправивъ тощую, черную бородку.

— Ну, чего тебѣ надо?... За квартиру внесли: цѣлый мѣсяцъ живи теперь, точно барыня... А напьемся чаю, на базаръ пойдемъ, купимъ Настенкѣ башмаки съ высокими каблуками...

Такъ что-ли, Настенка?..

Настенка свѣтлыми, радостными глазами смотритъ на своего отца и въ знакъ согласія киваетъ ему головой. Для воскресенія Дарья вплела ей въ маленькую косицу пышную голубую ленту, и Настенка то и дѣло любуется въ надтреснутое зеркало и звонко спрашиваетъ:

— Хорошо, мама?.. Хорошо?..

— Хорошо, милая, хорошо!—ласково отвѣчаетъ Дарья.—Садись, сейчасъ пироги готовы...

За столомъ Иванъ разсказалъ женѣ, какъ онъ сумѣлъ выиграть столько денегъ, что съ новаго года ему „по слухамъ“ прибавятъ рубля два—три жалованья...

— Пора-бы ужъ...—разжевывая капустный пирогъ, сказала Дарья, потомъ помолчала немного и тихонько добавила:

— Не умеръ-бы Лешка-то...

— Не умретъ!—вскинулъ глаза Иванъ.—Наша порода живущая...

— Нѣтъ мама, Лешка не умретъ!—не удержалась сидѣвшая у окна Настенка.—Бабушка Наталья сказала такъ..

А въ залѣ тихо, безъ крика стоналъ въ люлькѣ маленькій Лёшка. Иногда онъ пытался кашлянуть, но кашель почему-то не выходилъ, обрывался и переходилъ въ какой-то непріятный, слюнявый хрипъ.

— Бабушку Наталью позвать-бы надо; пусть посидитъ,

пока мы сходимъ!—замѣтилъ Иванъ.—Верхній базаръ не близко, да и не сразу купишь... до вечера, чего добраго, проваландаешься.

Настенка, слушая отца, обѣими руками выбираетъ изъ пирога капусту и искристыми глазами глядитъ на Дарью. Давно уже не было такъ весело, какъ сегодня. И отецъ сегодня добрый и мать тоже.

— Хорошо бы всегда такъ!—подумала про себя Настенка, а вслухъ добавила:

— Папа мнѣ съ пуговками.. и носокъ, что-бы вострый былъ... Ладно?..

За бабушкой Натальей посылать не понадобилось. Она сама пришла. Тихо отворила дверь, перекрестилась два раза и, шамкая, поздравила съ Христовымъ праздникомъ.

— Ладно,—сказалъ Иванъ—проходи, старая, за столъ... погляжу я на тебя: шибко помолодѣла ты...

* * *

Базаръ въ разгарѣ. Въ солнечномъ весеннемъ воздухѣ гудятъ тысячи голосовъ. У небольшихъ деревянныхъ лавченокъ выкрикиваютъ торговцы.

— Эй, пряники, орѣхи... Тульскіе пряники, кедровые орѣхи... подходи, кому надо!

— А вотъ календари, открытки, почтовая бумага...

— Ваше степенство, чего прикажете?...

— Дешево, дешево, дешево...

— Зайдите, господинъ...

Иванъ въ черной тужуркѣ и новомъ картузѣ проходитъ въ раскрытую дверь лавки. На рукахъ у него Настенка, а за нимъ—жена въ плюшевомъ пальто съ чернымъ потрепаннымъ воротникомъ. Настенка то и дѣло поправляетъ на головѣ розовый шерстяной платокъ и крѣпко обхватываетъ руками шею отца.

— Ну, выбирай, Настенка!—говоритъ ей, улыбаясь Иванъ.—Ну, какіе тебѣ?...

Торговецъ въ сѣрой шапкѣ, опоясанный зеленымъ кушакомъ, достаетъ башмаки. Настенку поставили на прилавокъ и примѣрили первую пару. Не подходятъ: малы...

— Давай вторую...

Вторая пара, третья, четвертая.

— Вотъ эти,—пищитъ Настенка.

— Што-же можно и эти,—говоритъ Иванъ,—сколько стоютъ?

— Четыре съ полтиной.

— Это на восемъ лѣтъ-то четыре съ полтиной?...

— Помилуйте-съ,—извивается торговецъ, самые лучшіе... шагреневые-съ....

И разговарить не сталъ Иванъ; взялъ на руки Настенку и вышелъ вонъ.

— Грабители!—сказала Дарья, выходя изъ лавки...

— А вамъ за грошъ, да пошире!—бросаетъ вдогонку обиженный торговецъ.—Вчерашній день ищете... нѣтъ его, онъ прошелъ...

Снова затерялись въ разноцвѣтной толпѣ. Настенка показываетъ покраснѣвшимъ пальцемъ на разложенные подъ навѣсами пряники и что-то толкуетъ матери...

— Зайдите, господинъ... милости просимъ.

Зашли. Снова примѣрили.

— Сколько стоютъ?..

— Четыре съ полтиной, господинъ...

— Два съ полтиной:—сажая на руки Настенку говоритъ Иванъ.

— Што вы, господинъ... Если хотите, за четыре ровно берите...

— Бога-то побойтесь!—вмѣшалась Дарья.

— Ну, три съ полтиною давайте... Богъ съ вами...

— Два съ полтиной!—твердо повторилъ Иванъ и, кивнувъ Дарьѣ головой, вышелъ изъ лавки.

Долго втроемъ ходили они по базару,—все торговались, приглядывали,—и наконецъ вышли къ „музыкальному ряду“. Около лавокъ молча стоитъ народъ.

Иванъ остановился.

Дарья даже поднялась на цыпочки.

Настенка и ротъ разинула.

А граммофонъ поетъ:

Съ ярмарки ѣхалъ ухарь-купецъ,
Ухарь-купецъ, удалой молодецъ...

— Эка его разрываетъ какъ!—говоритъ какая-то рыжая, затасканная шапченка.—Вотъ бы въ деревню намъ...

А граммофонъ уже другую затягиваетъ:

Не осенній мелкій дождичекъ
Брызжетъ, брызжетъ сквозь туманъ...

— Пойдемъ, Иванъ,— безпокойно говоритъ, наконецъ, Дарья.—Ужъ вечеръ... пойдемъ...

— Успѣемъ,—добродушно баситъ Иванъ.—Не къ спѣху...

И опять стоятъ. Настенка присмирѣла и пристально глядитъ черезъ сотни головъ въ широкую, свѣтлую трубу поющаго граммофона. Немного дальше, лавки черезъ три, поетъ другой граммофонъ, но его не слышно. Гдѣ-то въ другомъ концѣ базара на низкихъ голосахъ заливается „саратовская“ гармоника. Кто ловко перебираетъ лады, и гармоника серебристой трелью, приправленною звонкими колокольчиками, весело откалываетъ какую-то русскую разухабистую пѣсню...

— Иванъ!—крикнулъ кто-то въ толпѣ.

Иванъ оглянулся назадъ и узналъ своего квартирнаго сосѣда, плотника. Въ сдвинутой на затылокъ шапкѣ, низенькій, но плечистый, онъ отчаяннно работаетъ плечами, и черезъ минуту подошелъ къ Ивану...

Улыбнулся Иванъ. Но плотникъ не отвѣтилъ тѣмъ-же, а только опустилъ глаза и, обернувшись къ Дарьѣ, тихонько буркнулъ:

— Померъ мальченка-то

Покачнулась Дарья; сначала не поняла, раскрыла широко глаза и съ минуту стояла такъ; потомъ вдругъ опомнилась, схватилась руками за голову и молча метнулась въ сторону.

— Вотъ тебѣ, дочка, и башмаки!—угрюмо сказалъ Иванъ и, совершенно позабывъ о плотникѣ, съ опущенной головой сталъ догонять быстро побѣжавшую по дорогѣ Дарью.

* * *

За окномъ темная, мартовская ночь.

У Ивана въ квартирѣ тишина и пахнетъ ладаномъ.

Въ переднемъ углу на столѣ, покрытомъ бѣлою скатертью, стоитъ маленькій гробикъ. На кровати Дарья сидитъ съ заплаканными глазами. Къ ней жмется маленькая, пріунывшая Настенка. Она часто, на цыпочкахъ, подходитъ къ гробику, заглядываетъ въ желтое, какъ растаявшій воскъ, личико крохотнаго покойника и осторожно, когда въ комнатѣ никаго нѣтъ, гладитъ ему руки, сложенныя крестъ-на-крестъ.

Въ кухнѣ, сгорбившись, сидитъ Иванъ и смотритъ черезъ открытую дверь въ маленькую залу, гдѣ робко и туско теплится одна тонкая свѣчка.

Тихо, какъ въ лѣсу. Только изрѣдка по всему дому пробѣжитъ тяжелый вдохъ Дарьи и на одну минуту спугнетъ ту тяжелую, горемычную думу, которая, какъ запахъ ладана, разливается по всей квартирѣ...

П. Орѣшинъ.

ПЕЧАЛЬ ОСЕНИ.

Плакали розы о лѣтѣ минувшемъ...
Было и мнѣ тяжело въ полумглѣ.
Ты наклонились надъ розой прильнувшей
Нѣжно къ холодной, осенней землѣ
И замерла неподвижно, вздохнувши...

Понялъ тоску я твою. Отвернувшись
Плакалъ безвучно, не зная о чемъ...
Тихо къ рукѣ моей въ мглѣ прикоснувшись
Нѣжно сказала ты: — Полно... Пойдемъ...
Плакали розы о лѣтѣ минувшемъ.

В. Александровскій.

БАБЬЕ ЛѢТО.

Въ самомъ дѣлѣ „бабье лѣто“:
Вся природа разодѣта
Какъ поэты говорятъ—
Въ пышный радужный нарядъ.
На вѣтвяхъ висятъ сережки,

Какъ на свадьбѣ пляшутъ мошки,
Свившись въ легкій хороводъ:
Все танцуетъ! все поетъ!
Отъ былинки до былинки
Протянулись паутинки
И по нимъ, скользнувъ изъ тучъ,
Золотой танцуетъ лучъ.
Мягкій воздухъ чистъ и ясенъ.
Міръ какъ женщина прекрасенъ
Въ этой дивной пестротѣ
И нарядной чистотѣ.

А. Сергѣевъ.

Весна.

Бѣгутъ вагоны. Гулкій мостъ.
Поля. И дымчатыя рощи...
И міръ такъ радостенъ и простъ—
Я ничего не знаю проще!

Звенитъ и плещется Весна.—
Уже на склонахъ травы сочны...
Душа, какъ облако, ясна,
Какъ цвѣтъ черешни—непорочна...

И только плачетъ талый снѣгъ,
Что часъ, то горше, безутѣшнѣй...
Веселый свистъ. Ритмичный бѣгъ...
И солнце вешне—вешне—вешне...

Н. Ю. Венгровъ.

Дѣдовъ край.

Походилъ я по лугамъ изсохшимъ,
По унылымъ побродилъ полямъ,
Поклонялся маловодной Мокшѣ
Ея древнимъ, тихимъ берегамъ.

Въ деревняхъ скитался я по гумнамъ,
Одинокій, ночи коротал,
А по-утру, вмѣстѣ съ утромъ шумнымъ
Шелъ я дальше, ни великъ ни малъ.

Въ дальнемъ краѣ, гдѣ село родное,
Вышелъ дѣдъ мой старый на крыльцо...
Какъ онъ плакалъ, что опять его я,
Что въ пыли дорогъ мое лицо!..

Не узнала только—съ низкой крыши
Встрепенулась стая голубей.
Вотъ свободные! Все выше, выше,
Закружились надъ пластомъ полей...

Здѣсь по-старому: сосѣди тѣ-же, –
Ковыляютъ тихо старики;
Какъ и прежде, не бойчѣй, не рѣже,
На рѣкѣ бьютъ дружнѣе вальки...

Что-же, дѣдушка,—въ лачугѣ курной
Будемъ думать, что намъ дни свѣтлы...
Ты шуми лишь знай, шуми лазурнѣй,
Стволикъ глоданный сухой ветлы!..

Степанъ Давыдовъ.

Національный вопросъ въ Россіи.

I.

Событія послѣднихъ лѣтъ выдвинули національный вопросъ на очередь дня политической жизни Россіи.

Національный вопросъ созданъ многолѣтнимъ, очень сложнымъ процессомъ историческаго развитія, а его актуальность въ настоящее время является слѣдствіемъ развитія самодѣятельности широкихъ массъ разноплеменнаго населенія Россіи, нашедшаго впервые свое выраженіе въ памятныхъ событіяхъ 1905 г., одной изъ сторонъ того процесса, который вызвалъ къ жизни широкое рабочее движеніе, неукладывающееся въ рамки подновленнаго бюрократическаго строя.

Реакція старается лишь использовать въ своихъ интересахъ національное движеніе, принявшее у различныхъ народовъ Россіи широкіе размѣры, придать ему выгодный для себя характеръ, разжигая націонализмъ во всѣхъ его проявленіяхъ; это дѣлаетъ не только истинно-русская реакція, но и реакція угнетенныхъ народовъ, особенно опасная вслѣдствіе ореола мученичества, создаваемаго руссификаторской политикой бюрократіи. И ея старанія не безрезультатны. Этому въ значительной мѣрѣ содѣйствуетъ и то, что русскіе марксисты удѣляютъ очень мало вниманія національному вопросу.

Задача марксистовъ, по нашему мнѣнію, состоитъ въ томъ, чтобы и въ этой, какъ и въ иныхъ областяхъ общественной и политической жизни, занять вполнѣ опредѣленную позицію и во всеоружіи своей идеологіи выступить на борьбу со всѣми общественными элементами Россіи, враждебными пролетаріату и прогрессу. Позиція эта намѣчена въ 1903 г.; въ ея основу положенъ принципъ права народовъ на національное самоопредѣленіе.

Кромѣ этого требованія, мы находимъ также три другія, касающіяся національныхъ отношеній: 1) широкое областное самоуправленіе для тѣхъ частей Россіи, которыя отличаются особыми бытовыми условіями и особымъ составомъ населенія; 2) равноправіе націй и 3) право каждаго получать образованіе на родномъ языкѣ и пользоваться таковымъ во всѣхъ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ.

Въ настоящее время, ввиду вышеуказанныхъ особенностей момента, у многихъ появляется вполнѣ естественный вопросъ, какъ слѣдуетъ понимать право на національное самоопредѣленіе, правильна ли вся позиція россійскихъ марксистовъ, исчерпывается ли постановка національнаго вопроса выставленными ими требованіями.

Намѣчаются два теченія. Еврейскіе марксисты полагаютъ, что право на самоопредѣленіе означаетъ введеніе культурно-національной автономіи; В. Ильинъ и его политическіе друзья отождествляютъ таковое съ образованіемъ національныхъ государствъ.

Намъ думается, что, если первые недостаточно учитываютъ всю сложность условій россійской жизни, то вторые совершенно не считаются ни съ тенденціями ея развитія, ни съ тенденціями капитализма вообще.

Учитывая послѣднія и не вдаваясь ни въ подробный разборъ этихъ теченій, ни въ подробную характеристику плана преобразованія государственнаго строя Россіи, мы попытаемся въ настоящей статьѣ доказать правильность въ общемъ и цѣломъ позиціи, занятой русскими марксистами въ 1903 г., выяснивъ, какъ слѣдуетъ ее понимать, и тѣмъ самымъ, надѣемся, бросимъ лучъ свѣта на вопросъ, интересующій и европейскихъ марксистовъ и В. Ильина.

Для этого мы прежде всего должны отдать себѣ отчетъ въ томъ, что такое нація въ современномъ значеніи этого слова и въ какихъ матеріальныхъ условіяхъ развиваются націи, населяющія россійское государство.

Нація не обладаетъ разъ на всегда для всѣхъ временъ и мѣстъ опредѣленными признаками. Она—категорія историческая,—которая развивается въ зависимости отъ развитія производительныхъ силъ.

Обыкновенно понятіе націи отождествляется съ понятіемъ сложившагося въ процессѣ товарнаго производства національнаго государства, причемъ ея признаками считаются: общность территоріи, происхожденія, матеріальной и духовной культуры—торговли, промышленности, нравовъ, обычаевъ, законодательства, науки, религіи, литературы, искусства, языка. Но многіе изъ этихъ признаковъ—общность происхожденія, нравовъ, обычаевъ,

религіи, искусства, языка—объединяли еще членовъ кочевыхъ племенъ. Общность территоріи стала играть роль лишь съ переходомъ послѣднихъ къ осѣдлому быту. Развитіе товарнаго производства, правда, вызвало къ жизни національное государство, но на ряду съ нимъ мы видимъ и другой типъ государствъ—т. н.—„государства націй“ (Nationali tätenstaat), на территоріи которыхъ живутъ коллективы, обладающіе разнородной духовной культурой. Поэтому уже отождествленіе понятій націи и національнаго государства—глубокая ошибка, тормозящая постановку національнаго вопроса. Изъ вышеуказанныхъ признаковъ націи нѣкоторые, какъ, напр. общность происхожденія, уже давно потеряли свое значеніе, иные постепенно теряютъ его. Капиталистическое развитіе, создавъ производство на всемірный рынокъ и объединивъ въ немъ самые разнородные національные элементы, лишаетъ торговлю и промышленность національнаго характера. Оно создало грандіозныя средства передвиженія и сообщенія, что содѣйствуетъ разселенію членовъ различныхъ націй въ поискахъ заработка или выгоднаго помѣщенія капитала.

Населеніе современныхъ государствъ и ихъ областей, городовъ, общинъ съ каждымъ годомъ становится все болѣе разнороднымъ по своему національному составу. Подъ вліяніемъ развитія капитализма происходитъ процессъ сплоченія отдѣльныхъ областей „государствъ націй“, при одновременномъ сохраненіи въ нихъ широкаго областнаго самоуправленія или надѣленія ихъ таковымъ, если онѣ имъ не обладали, введеніе одного для всего государства законодательства и одного государственнаго языка, объединеніе въ одинъ классъ—съ одной стороны буржуазіи, съ другой—въ борьбѣ съ ней—пролетаріата всѣхъ націй. Одновременно въ силу вышеуказанныхъ причинъ, намѣчается, правда, медленный, но постоянный процессъ постепеннаго преобразованія національныхъ государствъ въ „государства націй“. Отождествленіе понятій націи, національныхъ интересовъ съ понятіями государства, государственныхъ либо областныхъ интересовъ, становится абсолютно недопустимымъ. Территорія, не смотря на ея крупную роль въ жизни націи, постепенно однако перестаетъ составлять непремѣнный признакъ послѣдней.

Наиболѣе характернымъ признакомъ современной націи является ея духовная культура. Правда, значеніе, напр. религіи, какъ національной особенности, уменьшается и вслѣдствіе того, что члены одной націи часто принадлежатъ къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ, и потому, что съ распространеніемъ образованія религіозныя чувства ослабѣваютъ. Но иначе обстоитъ дѣло съ остальными сторонами духовной культуры. Капитализмъ, вовлекая въ водоворотъ экономическихъ и политическихъ отношеній широкія народныя массы, съ одной стороны порождаетъ борьбу ихъ за демократію, съ другой—пріобщаетъ ихъ къ духовной культурѣ, усиливаетъ тѣмъ развитіе послѣдней. И, хотя разселеніе націй и усиленіе ихъ взаимнаго общенія, ведутъ къ развитію повсюду однихъ и тѣхъ же нравовъ и обычаевъ, обращаетъ научныя и художественныя цѣнности въ международное достояніе, а классовыя противорѣчія постепенно налагаютъ на психику, науку, искусство, литературу классовый отпечатокъ, все же въ нихъ національный элементъ играетъ доминирующую

роль. Особенно это замѣтно въ развитіи языка, ибо чѣмъ больше, вслѣдствіе ряда вышеуказанныхъ причинъ, обогощается содержаніе духовной культуры, тѣмъ болѣе богатымъ становится ея внѣшняя форма—языкъ, и успѣшно развивается у всѣхъ націй, на ряду съ государственнымъ языкомъ.

Ассимиляція—процессъ, разсчитанный на цѣлыя столѣтія.

Интернаціональная культура—идеалъ далекаго будущаго; въ настоящее время замѣчаются лишь ея элементы. Современная же духовная культура по общему своему характеру—національна. Ея развитіе съ каждымъ годомъ усиливается. На очередь дня встаетъ вопросъ о созданіи для нея возможно болѣе благопріятныхъ условій, въ чемъ особенно заинтересованъ пролетаріатъ, въ борьбѣ котораго за классовую диктатуру, повышеніе его культурнаго уровня играетъ колоссальную роль.

Происходитъ процессъ національнаго самоопредѣленія. Развивается борьба за право на самоопредѣленіе, т. е. за реализацію его формъ, борьба, составляющая одну изъ важнѣйшихъ классовыхъ задачъ пролетаріата.

Право на національное самоопредѣленіе—отнюдь не абстрактная формула, какъ полагаютъ нѣкоторые еврейскіе марксисты, а равно польская марксистка Роза Люксембургъ, ибо не абстрактенъ самъ фактъ самоопредѣленія націи. Послѣднее обозначаетъ именно опредѣленіе себя даннымъ коллективомъ, какъ націи, и опредѣленіе имъ тѣхъ формъ отношенія его къ государству и другимъ націямъ, занимающимъ одну съ нимъ территорію, которыя лучше всего гарантируютъ ему свободу развитія его культурныхъ силъ. Напротивъ, абстрактна постановка этого вопроса у его противниковъ, разсматривающихъ сущность права на національное самоопредѣленіе внѣ связи съ конкретнымъ содержаніемъ понятія націи въ данный историческій моментъ. Нація *именно* можетъ самостоятельно рѣшать только тѣ дѣла, которыя въ этотъ моментъ подлежатъ ея компетенціи. Національное самоопредѣленіе—длительный историческій процессъ, зависящій отъ развитія производительныхъ силъ и обусловливаемой послѣдними структуры государствъ—слѣдствіе развитія политическаго и національнаго сознанія народныхъ массъ. Завоеваніе націями права на національное самоопредѣленіе и реализація его формъ—лишь конечный этапъ этого процесса. Формы національнаго самоопредѣленія бываютъ различны въ зависимости отъ матеріальныхъ условій мѣста, эпохи и историческаго развитія націи, а именно: государственная независимость, территоріальная автономія, культурно—національная автономія, равноправіе. Въ періодъ капиталистическаго развитія государственная независимость, какъ не отвѣчающая его тенденціямъ, бываетъ таковой только въ видѣ исключенія. Формы эти обыкновенно намѣчаются раньше наиболѣе активными элементами націи, въ послѣднее время—идеологами пролетаріата, и если они учитываютъ тенденціи общественнаго развитія, то, вслѣдствіе зависимости сознанія отъ этихъ тенденцій, послѣ извѣстнаго промежутка времени, созданныя ими формы самоопредѣленія становятся выраженіемъ стремленій всей націи; при этомъ каждый классъ вкладываетъ въ эти формы свое классовое содержаніе. Въ настоящій историческій моментъ лишь нація, живущая сплошной массой на данной территоріи, рѣшаетъ всѣ ея дѣла и можетъ получить право на реализацію той формы ея отношенія къ государству, которую считаетъ наиболѣе подходящей. Если же данная область населена нѣсколькими націями, то вопросы, касающіяся экономическихъ отношеній, администраціи, и др., за исключеніемъ дѣлъ духовной культуры, подлежатъ компетенціи всего населенія, а каждая нація въ отдѣльности можетъ самостоятельно рѣшить лишь эти послѣдніе, какъ составляющіе нынѣ аттрибуты понятія націи. Въ такихъ областяхъ право данной націи на самоопредѣленіе не выходитъ за этого рода границы: оно кончается тамъ, гдѣ нарушаетъ право другой націи. Опредѣленіе внутренняго устройства области, съ разнороднымъ населеніемъ, съ наибольшимъ успѣхомъ можетъ быть совершено общегосударственнымъ народнымъ представительствомъ, а задача пролетаріата даннаго государства состоитъ въ отстаиваніи при этомъ своихъ интересовъ и правъ національныхъ меньшинствъ.

Въ Австріи, гдѣ національный вопросъ давно является злободневнымъ, и гдѣ на территоріи каждой области перемѣшано населеніе разныхъ націй, одинъ изъ теоретиковъ рабочаго класса Отто Бауэръ полагаетъ, что наиболѣе полной формой самоопредѣленія, гарантирующей maximum правъ каждой націи въ сферѣ духовной культуры, охраняющей права меньшинства и въ то же время согласной съ тенденціями развитія, является автономія, основанная на персональномъ принципѣ, (т. н. культурно—національная автономія).

„Надо каждую націю—пишетъ онъ—(опредѣлившуюся путемъ свободнаго выбора каждой личностью своей національной принадлежности) въ общинѣ, округѣ, области, наконецъ, государствѣ конституировать какъ публично—правовую корпорацію, задача которой—заботиться объ удовлетвореніи культурныхъ потребностей націи, строить для нея школы, библіотеки, театры, музеи, народные университеты, подавать, гдѣ требуется, юридическую помощь", имѣя для этого свой бюджетъ. „Каждая нація—читаемъ дальше—могла бы собственными средствами покрывать свои культурныя нужды; ни одна нація не должна была бы для этого вести въ государствѣ борьбы за власть". *)

К. Каутскій, вопреки невѣрному утвержденію В. Ильина, осуждающаго культурно-національную автономію, выставленіе этого требованія О. Бауэромъ считаетъ крупной заслугой, сомнѣваясь лишь въ возможности проведенія въ буржуазномъ государствѣ столь радикальной реформы. Единомышленникъ же О. Бауэра—Р. Шпрингеръ въ подтвержденіе возможности въ недалекомъ будущемъ культурно-національной автономіи ссылается на существованіе уже въ настоящее время цѣлаго ряда учрежденій—основанныхъ на персональномъ принципѣ: камеръ, товариществъ, церкви, больничныхъ обществъ, и т. д.

Таковы общія тенденціи развитія національнаго самоопредѣленія. Каковы же условія его развитія въ Россіи?

II.

Требованіе права на національное самоопредѣленіе имѣетъ особенно важное значеніе въ платформѣ россійскихъ маркси-

*) См. Отто Бауэръ «Національный вопросъ и С.-Д».

стовъ вслѣдствіе крайней сложности и разнородности общественной жизни Россіи. Капиталистическое развитіе сплотило, правда, всѣ области ея въ одинъ цѣльный государственный механизмъ узами совмѣстныхъ экономическихъ интересовъ, гораздо болѣе прочными, чѣмъ узы правительственнаго аппарата и военной силы бюрократическаго государства; создало у буржуазіи всѣхъ націй, населяющихъ территорію Россіи, потребность въ усиленіи послѣдней, какъ государства, стоящаго на стражѣ интересовъ всероссійскаго капитализма; объединило разноплеменный пролетаріатъ въ борьбѣ за демократію и улучшеніе экономическаго положенія. Даже Царство Польское—бывшая часть нѣкогда сильнаго самостоятельнаго государства, нынѣ несравненно тѣснѣе связано съ Россіей, въ предѣлахъ которой оно втеченіе столѣтняго слишкомъ развитія стало современной капиталистической страной, чѣмъ съ австрійской или Прусской Польшей.

Но области, входящія въ составъ россійскаго государства, обладаютъ цѣлымъ рядомъ специфическихъ особенностей въ сферѣ національной культуры, правовыхъ понятій, и даже экономическихъ отношеній. Нѣкоторыя изъ нихъ, составляя неотъемлемую (какъ выражается Польское Коло II Думы о Царствѣ Польскомъ въ своемъ проектѣ автономіи), часть его, представляютъ все же по своей внутренней структурѣ цѣльные организмы, сложившіеся и оформившіеся въ процессѣ длительнаго развитія. Это относится прежде всего къ Царству Польскому. Его гражданское законодательство, основанное на Кодексѣ Наполеона I, ускоривъ темпъ его экономическаго развитія, содѣйствовало также капитализаціи деревни, упроченію въ ней института частной собственности, введенію всесословной гмины.

Украина, Кавказъ, Латышскій край, Литва, Сибирь и др. отличаются своеобразіемъ аграрныхъ отношеній. Населеніе Кавказа, Сибири—разнородностью нравовъ и обычаевъ.

Крайняя разнородность населенія относится къ наиболѣе характернымъ особенностямъ Россіи. Великоруссы составляютъ лишь 43,30% всего населенія: на 125.800.000 —ихъ числится 57.620.000; малоруссовъ—22.950.000; поляковъ—9.000.000; татаръ—3.750.000; бѣлоруссовъ—5.886.000; евреевъ—5.200.000; латышей—2.000.000; эстовъ—1.112.000; литовцевъ—1.600.000; армянъ—1.173.000; грузинъ—1.200.000, и, наконецъ, рядъ мелкихъ народностей—около 14.000.000. На что особенно важно, такъ это разселеніе этихъ націй по всему государству, разнородность населенія отдѣльныхъ областей и городовъ. Въ 20 губерніяхъ Европейской Россіи съ 45.000.000 жителей ни одна нація не достигаетъ 70% общаго состава населенія. Литовцы въ коренной литовской—Ковенской губ., составляютъ 37%, въ Виленской—17%, въ Гродненской—0,2%; въ Сувалкской же, сросшейся съ Царствомъ Польскимъ втеченіи многолѣтняго развитія—52%; но даже тамъ лишь 9,2% городского населенія. Евреевъ въ тѣхъ же губерніяхъ насчитывается: въ Ковенской—14%, въ Виленской 12,72%, Гродненской—17,37%, Сувалкской—10,14%; они составляютъ во многихъ городахъ этого края большинство, въ среднемъ же свыше 40% городского населенія.

Поляки, живя въ числѣ 7.000.000 на территоріи Царства польскаго, составляютъ въ то же время 2/5 населенія литовскихъ губерній и въ числѣ около 1.000.000 разсѣяны по всей Россіи. Евреи же въ Царствѣ Польскомъ составляютъ 17% населенія, а въ городахъ этого края живутъ въ очень значительномъ количествѣ, а именно: въ 74 изъ 116 городовъ составляютъ относительное большинство, въ нѣкоторыхъ же—80%. На территоріи Кавказа на ряду съ 2.000.000 русскихъ, 1.160.000 грузинъ, 1.000.000 армянъ, 1.200.000 татаръ, 450.000 евреевъ, разсѣяно 15 мелкихъ народностей. При этомъ армяне, напр. составляютъ 3/4 населенія уѣздовъ Ахалканскаго и Барчаяинскаго, принадлежащихъ къ тифлисской, по преимуществу грузинской губ. Латышей въ Лифляндіи—всего 43,30% общаго состава населенія. 22% украинцевъ живутъ внѣ той территоріи, гдѣ эта нація составляетъ большинство. Татары разселены среди другихъ націй въ Крыму, Поволжьи, на Кавказѣ. Даже великоруссы составляютъ незначительное меньшинство на окраинахъ: 19%—на Кавказѣ, 26,50% — въ Черниговской губерніи, 5½% въ Лифляндской губ., и т. д.

Развитіе капитализма внесло сильное оживленіе въ среду этого разноплеменнаго населенія. Съ одной стороны, оно ввело широкія массы въ кругъ вопросовъ политической жизни, и толкнуло на борьбу за демократію. Съ другой, разбудило ихъ къ духовной жизни, которая приняла форму національной культуры.

Въ такихъ условіяхъ развивается политическое сознаніе различныхъ классовъ населенія Россіи, складывается его національное самоопредѣленіе. Событія 1905 г. показали, что формы послѣдняго въ общемъ и цѣломъ совпадаютъ съ намѣченными нами тенденціями государственнаго развитія Россіи и подтверждаютъ правильность позиціи, занятой въ сферѣ національнаго вопроса россійскими марксистами. Во главѣ движенія выступаетъ объединенный пролетаріатъ всѣхъ націй, толкая всѣ эти жизнеспособные ихъ элементы на борьбу во имя общихъ задачъ всероссійской демократіи. Реакціонные элементы всѣхъ этихъ націй тоже постепенно сплачиваются въ одно цѣлое. Резолюціи многочисленныхъ съѣздовъ, митинговъ, собраній, общественныхъ учрежденій, возванія политическихъ партій вовсе не содержатъ въ себѣ сепаратистскихъ тенденцій. Обыкновенно выставляются требованія демократизаціи государственнаго строя Россіи на началахъ: областного самоуправленія, автономіи, равноправія націй, обученія на родномъ языкѣ; иногда—культурно-національной автономіи; лишь въ немногихъ случаяхъ—пожеланіе переустройства Россіи на федеративныхъ началахъ. Требованія гарантіи свободнаго развитія національной культуры предъявляются не только со стороны культурныхъ націй—польской, литовской, еврейской, армянской и др., но и народцами, впервые заявляющими о своихъ культурныхъ нуждахъ—киргизами, бурятами, черемисами, вотяками и даже якутами.

Сепаратистскія тенденціи и до 1905 г. проявлялись по временамъ лишь среди поляковъ, будучи совершенно чужды другимъ націямъ Россіи. Но и на сознаніи различныхъ классовъ этого народа отразились условія капиталистическаго развитія занимаемой имъ страны. Въ первую половину XIX ст. за воз-

становленіе польскаго государства боролось лишь мелкое и среднее дворянство, иногда увлекая за собой незначительные слои мелкой буржуазіи, Широкія народныя массы не принимали участія въ политической жизни. Выступленіе ихъ на арену политической жизни выдвинуло другіе политическіе идеалы. Уже теоретики первой соціалистической группы—„Пролетаріатъ“ указали на то, что задача польскаго рабочаго класса состоитъ не въ стремленіи къ отдѣленію отъ Россіи, а въ борьбѣ, совмѣстной съ рабочими всего государства, за его демократизацію и автономію Польши. С-Д. Ц. П: и Л. развила и обосновала программу автономіи; въ ея программѣ отмѣчено, что реализація принциповъ демократіи должна быть дѣломъ всероссійскаго Учредительнаго собранія. При этомъ компетенціи общегосударственнаго парламента должны подлежать: таможенная, податная система, законодательство гражданское и уголовное, общія основы народнаго просвѣщенія, фабричное законодательство, а также законодательство, гарантирующее гражданскія права; компетенціи же сейма: администрація, судопроизводство, больничное дѣло, школы, законодательство, касающееся внутреннихъ дѣлъ страны.

Правда, въ 90 г.г., вслѣдствіе развитія буржуазіи польскаго происхожденія и порожденнаго имъ національма, усилившагося благодаря обострению преслѣдованій поляковъ и другихъ націй съ одной стороны, отсутствію демократическаго движенія въ Россіи—съ другой—двѣ польскія политическія партіи Н.-Д. и П. П. С. выставили требованіе возстановленія польскаго независимаго государства. Но лишь только въ Польшѣ и остальной Россіи начинаетъ развиваться массовое политическое движеніе, партіи эти постепенно ликвидируютъ свои сепаратистскія тенденціи. Въ 1905 г. они выставляютъ требованіе автономнаго польскаго сейма, обладающаго компетенціей въ сферѣ администраціи, культуры и законодательства; причемъ П. П. С. связываетъ дѣло автономіи Польши съ дѣломъ демократизаціи государственнаго строя Россіи. Подобныя же требованія выставляютъ и многочисленныя собранія рабочихъ, крестьянъ, интеллигенціи, буржуазіи и состоявшійся въ концѣ 1905 г. въ Варшавѣ съѣздъ 1500 представителей крестьянства.

Общелитовскій съѣздъ въ Вильнѣ въ декабрѣ 1905 г., въ которымъ приняли участіе 2000 делегатовъ, требуетъ автономіи Литвы. Требованіе областной автономіи выдвигается общественными элементами народовъ Латышскаго, Эстонскаго, Армянскаго, Грузинскаго, Украинскаго. Широкія массы еврейскаго народа, вслѣдъ за еврейскими марксистами изъ Бунда, требуютъ культурно-національной автономіи.

Дальнѣйшее развитіе національнаго самоопредѣленія всѣхъ націй Россіи происходитъ по пути, намѣченному въ 1905 г. Въ послѣднее время русская націоналистическая печать и даже нѣкоторые представители прогрессивныхъ элементовъ русскаго общества указываютъ на возрожденіе сепаратизма среди поляковъ и украинцевъ. Но они глубоко заблуждаются.

Краковская Временная Комиссія. готовящая польскіе легіоны на случай войны Австріи съ Россіей съ цѣлью отторженія отъ послѣдней Царства Польскаго и присоединенія его къ Австріи, не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія среди народныхъ

массъ этого края. Она пользуется поддержкой австрійскаго правительства, *) опирается на чувства австрійскаго патріотизма польскаго населенія Галиціи, и ея дѣятельность является лишь выраженіемъ австрійскаго аггресивнаго имперіализма и ликвидаціи идеи возстановленія польскаго государства, идеалъ котораго только въ роли декораціи фигурируетъ въ программѣ примкнувшей къ Временной Комиссіи С—Д. Галиціи и Силезіи.

Среди украинцевъ сторонниками отдѣленія Украины отъ Россіи являются лишь члены небольшой группы интеллиганціи т. н. Укр. Народной партіи и исключенный изъ Украинской С.-Д. г. Донцовъ съ нѣсколькими своими друзьями. У первыхъ ихъ сепаратистскій идеалъ служитъ лишь средствомъ для борьбы съ украинскимъ пролетарскимъ движеніемъ и флагамъ, подъ которымъ ведется пропаганда крайняго націонализма и антисемитизма. Вторые находятся подъ вліяніемъ краковской Временной Коммисіи.

За то въ послѣдніе годы среди различныхъ націй пріобрѣтаетъ все большую популярность требованіе культурно-національной автономіи. Всѣ еврейскія политическія партіи постепенно приближаются къ позиціи, занятой бундомъ. Многіе литовскіе, латышскіе, украинскіе, грузинскіе, армянскіе марксисты высказываются за выставленіе этого требованія.

(окончаніе слѣдуетъ).

К. Залевскій.

Международные конфликты и алармистская пресса.

(Окончаніе).

§ 4. *Англо-германскій конфликтъ. Пророчество Чемберлена и англійская дѣйствительность.*

Карлъ Марксъ уже въ 1864 г. въ такъ называемомъ „учредительномъ адресѣ“, принятомъ Интернаціональной рабочей ассоціаціей, совѣтовалъ пролетаріату заняться вопросами внѣшней политики и подчеркивалъ, что рабочій классъ долженъ самъ овладѣть тайнами международнаго государственнаго искусства, слѣдить за дипломатическими интригами правительствъ и въ случаѣ надобности „противодѣйствовать имъ всѣми имѣющимися въ его распоряженіи средствами“. Къ сожалѣнію, даже теперь многіе писатели, выступающіе въ качествѣ пред-

*) См. циркуляръ австрійскаго министра внутреннихъ дѣлъ отъ іюня 1913 г. относительно стрѣлковыхъ обществъ въ Галиціи.

ставителей пролетаріата, не обнаруживаютъ никакой склонности самостоятельно овладѣвать „тайнами“ дипломатическаго искусства и въ наиболѣе важныхъ вопросахъ международной политики порой слишкомъ легко, безъ всякой провѣрки, принимаютъ на вѣру тенденціозныя утвержденія корифеевъ буржуазной науки и наемныхъ писакъ, сознательно раздувающихъ обыкновенные экономическіе конфликты до размѣра непримиримыхъ столкновеній, грозящихъ близкой войной.

Однимъ изъ наиболѣе разительныхъ примѣровъ некритическаго отношенія многихъ революціонныхъ писателей къ тенденціознымъ утвержденіямъ алармистской буржуазной печати является тотъ „кредитъ“, какимъ въ теченіе долгаго времени пользовалась на страницахъ соціалистической и въ особенности анархо-синдикалистской печати легенда о *непримиримомъ* англо-германскомъ *экономическомъ* конфликтѣ, грозящемъ де близкой войной на морѣ и сушѣ между обѣими великими державами, войной, которая можетъ вызвать всеевропейскій пожаръ, бросивъ сразу же Тройственный Союзъ противъ Тройственнаго Соглашенія и втянувъ въ эту гигантскую схватку цѣлый рядъ второстепенныхъ государствъ: Данію, Бельгію, Голландію, Швецію и т. д.

Авторъ этихъ строкъ никогда не придавалъ особенно опаснаго значенія именно англо-германскому экономическому конфликту, никогда не допускалъ мысли о томъ, что именно борьба этихъ обѣихъ странъ за *внѣшніе рынки* должна неминуемо вызвать войну между ними. И не потому, что онъ преуменьшалъ размѣры и значеніе этой борьбы за рынки, хотя видѣлъ, что самый характеръ „борьбы за рынки“ сильно измѣнился въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій и принялъ новыя формы. Понятно, что въ силу самихъ условій развитія международнаго капиталистическаго хозяйства Англія и Германія вынуждены были придти въ столкновеніе во многихъ пунктахъ земного шара. Но на ряду съ Германіей передъ Англіей стоитъ цѣлый рядъ другихъ могучихъ и неудержимо развивающихся странъ, конкурренція которыхъ на томъ или другомъ рынкѣ была гораздо опаснѣе для Великобританіи, чѣмъ конкурренція Германіи. Такъ изъ Персіи Англію уже давно „вышибаетъ“ Россія, на Балканскомъ и Мало-Азіатскомъ рынкахъ далеко болѣе успѣшно, чѣмъ Германія, съ Великобританіей конкуррируетъ въ экспортѣ и импортѣ товаровъ Австрія и даже Италія, на Дальнемъ Востокѣ все большее и большее вліяніе пріобрѣтаетъ союзникъ Англіи—Японія, изъ Южно-американскаго рынка Англію собираются вытѣснить съ помощью Панамскаго канала С. Штаты.

И съ того момента, какъ янки стали обнаруживать твердое намѣреніе превратить Панамскій каналъ въ грозную военную базу для утвержденія американской гегемоніи на Тихомъ океанѣ и окончательнаго подчиненія своему протекторату—силой ли оружія или дипломатіей доллара—Мексики и другихъ государствъ центральной Америки,

англійская промышленная буржуазія стала видѣть своего главнаго врага не въ имперіалистической Германіи, а въ имперіалистической сѣверо-американской республикѣ [1]). Очевидно, что экономическій и военный разгромъ Германіи ничего бы не далъ промышленной Англіи, ибо мѣсто Германіи на всемірномъ рынкѣ заняли бы другія государства, которыя воспользовались бы англо-германскимъ конфликтомъ лишь для того, чтобы усилить свои собственныя позиціи и на счетъ Англіи и на счетъ Германіи.

Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что Англія все болѣе переходитъ въ разрядъ странъ, вывозящихъ не товары, а капиталы, и съ этой точки зрѣнія Германія также не является главнымъ конкурентомъ Великобританіи на всемірномъ рынкѣ.

Сэръ Edgard Speyer опредѣлялъ въ 1911 г. сумму англійскихъ капиталовъ, вложенныхъ въ иностранныя и колоніальныя предпріятія, въ $3^1/_2$ милліарда фунтовъ стерлинговъ, т.-е. почти въ 35 милліардовъ рублей. Не трудно представить себѣ, какія громадныя суммы извлекаетъ англійская буржуазія отъ этихъ избыточныхъ капиталовъ, вложенныхъ „за границей“ Соединеннаго Королевства. Въ 1877 г. эти доходы опредѣлялись въ 450 милл. рублей; черезъ 30 лѣтъ въ 1907 г. доходы отъ англійскихъ капиталовъ, вложенныхъ за границей, опредѣлялись уже въ 1.275 милліоновъ рублей, въ 1910 г.—въ $1^1/_2$ милліарда рублей. Однако многіе статистики считаютъ эти цифры доходовъ, которыя даютъ въ своихъ ежегодныхъ отчетахъ англійскіе чиновники, слѣдящіе за подоходнымъ налогомъ, не полными. Очевидно, что часть доходовъ удачно скрывается отъ бдительнаго ока инквизиторовъ фиска.

Въ іереміадахъ о гибели или сильномъ упадкѣ англійской индустріи подъ вліяніемъ нѣмецкой конкурренціи была значительная доза лицемѣрія и блэффа.

Чтобы напугать англійскую буржуазію перспективой неизбѣжной и скорой гибели англійской индустріи подъ вліяніемъ нѣмецкой конкуренціи, алармисты, сопоставляя статистическія данныя о развитіи фабричной промышленности и внѣшней торговли Англіи и Германіи, пользовались испытаннымъ методомъ. Сравнивалась относительно замедленная быстрота развитія въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій уже зрѣлой, достигшей расцвѣта крупной англійской индустріи съ головокружительной быстротой развитія только что начавшей создаваться молодой нѣмецкой крупной индустріи, и понятно, что людямъ мало свѣдущимъ, незнакомымъ съ правильными статистическими методами, не могущимъ дѣлать какіе либо положительные выводы относительно будущаго изъ сравненія быстроты промышленнаго

[1]) Объ этомъ вопросѣ, а также о международной борьбѣ за мало-азіатскій, средне-азіатскій, южно-американскій рынки см. нашу книгу „Великіе желѣзно-дорожные и морскіе пути будущаго“. Спб. 1913.

развитія двухъ странъ, *стоящихъ на различныхъ стадіяхъ экономической эволюціи,* начинало казаться, что индустріальная Англія въ самомъ близкомъ будущемъ будетъ стерта съ лица земли Германіей, если только Великобританія не предотвратитъ этой катастрофы, объявивъ какъ можно скорѣе войну своему непримиримому врагу и уничтоживъ его. Полный военный разгромъ Германіи, уничтоженіе ея торговаго флота англійскими эскадрами, блокада и разрушеніе великихъ германскихъ торговыхъ портовъ Гамбурга и Бремена англійскими дреднаутами и супердреднаутами—вотъ что могло де явиться единственнымъ средствомъ, способнымъ остановить чудовищно быстрое развитіе промышленныхъ силъ Германіи, захватъ ею міровой гегемоніи и вытѣсненіе ею Англіи съ авансцены всемірной исторіи.

15 мая 1903 г. Чемберленъ выступилъ съ своей пресловутой „Тарифной программой", а уже въ октябрѣ того же года въ Глазговѣ, городѣ знаменитаго теоретика свободной торговли Адама Смита, Чемберленъ произнесъ нашумѣвшую рѣчь, въ которой пошелъ значительно дальше «Тарифной программы» и потребовалъ полнаго возстановленія протекціонной системы для предотвращенія надвигающейся промышленной катастрофы.

Курьезно, какимъ статистическимъ трюкомъ пользовался Чемберленъ, чтобы доказать свою мысль объ упадкѣ и гибели англійской промышленности въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій. Сравнивая цифры англійской торговли, Чемберленъ бралъ въ качествѣ отправной точки 1872 г. исключительный годъ послѣ франко-германской войны, годъ, когда *цѣны на всѣ товары поднялись въ необычайной степени* и промышленная дѣятельность шла усиленнымъ ходомъ, чтобы возстановить потери двухъ предшествующихъ лѣтъ. Перечисляя одна за другой различныя вѣтви англійской промышленности и давая цифры внѣшней торговли за 1902 г., Чемберленъ говорилъ о каждой отрасли англійской индустріи: *она погибла, она умерла* и т. п. Изъ результатовъ англійскихъ выборовъ 1906 и 1910 г.г. очевидно, что эти мрачные выводы не очень-то напугали народныя массы Великобританіи. Мы знаемъ, что Чемберлену и его сторонникамъ не удалось привлечь на свою сторону большинство избирателей. Наоборотъ программа Чемберлена имѣла результатомъ дислокацію уніонистской партіи и ея пораженіе какъ на выборахъ 1906 г. такъ и дважды на выборахъ 1910 г. Зато выводы Чемберлена относительно гибели англійской промышленности подъ вліяніемъ иностранной конкуренціи нашли большой кредитъ во Франціи, гдѣ подъ иностранной конкуренціей, погубившей Великобританію, подразумѣвалась, конечно, исключительно германская конкуренція. Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія во Франціи появились десятки толстыхъ сочиненій, сотни брошюръ и тысячи газетныхъ и журнальныхъ статей о промышленномъ завоеваніи Англіи германскимъ капиталомъ.

Что англійская промышленность, вопреки предсказаніямъ Чемберлена, отнюдь не погибла и не остановилась въ своемъ развитіи подъ вліяніемъ иностранной и прежде всего нѣмецкой конкуренціи, въ этомъ теперь едва ли кто либо будетъ сомнѣваться. Sir John Simon сравнилъ недавно данныя объ экспортѣ фабрикатовъ важнѣйшихъ отраслей англійской промышленности за 1902 и 1912 г.г.:

	1902. 1912. Въ милліонахъ фунтовъ стерлинговъ.
Металлургическая промышленность поднялась съ	28 до 48
Шерстяная	„ . . . . . 23 „ 37
Хлопчатобумажная	„ . . . . . 72 „ 122

Экспортъ фабрикатовъ равнялся въ 1902 г.—174 милл. ф. стер., а въ 1912 г. 297 милл. ф. стер. Если включить англійскія колоніи и владѣнія, общій экспортъ равнялся въ 1902 г. 283 милл. ф. стер., а въ 1912 г. 454 милл. ф. стер.

§ 5. *Французская анархо-синдикалистская печать и англо-германскій конфликтъ.*

То обстоятельство, что французскіе анархо-синдикалисты съ такимъ легковѣріемъ повторяли доводы буржуазныхъ алармистовъ относительно неизбѣжности въ самомъ близкомъ будущемъ англо-германской войны, объясняется, какъ я показалъ въ моей статьѣ, напечатанной въ „Современникѣ" за іюль 1911 г., а также въ брошюрѣ „Conflit anglo-allemand" (La guerre improbable), тѣмъ, что многіе „революціонные" публицисты того времени совершенно не понимали роли военныхъ фирмъ, всѣхъ этихъ заводовъ Круппа, Армстронга, Крезо въ умышленномъ раздуваніи слуховъ о неизбѣжности войны между тѣми или другими первоклассными державами, а стало быть и въ обостреніи международныхъ отношеній. Перечтите статьи недавняго редактора „Bataille Syndicaliste", Дэлези и печатавшіяся подъ заголовкомъ „Надвигающаяся война" въ „La guerre Sociale" и вышедшія отдѣльной брошюрой въ 1911 г. Вы найдете тамъ трафаретныя фразы о непримиримой борьбѣ между англійской и германской промышленностью изъ-за міровой гегемоніи, какъ будто на всемірномъ рынкѣ борются только обѣ эти страны, о грозномъ нѣмецкомъ предпріятіи—Багдадской дорогѣ, якобы угрожающей господству Англіи въ Индіи, о сравнительныхъ морскихъ силахъ Германіи и Великобританіи, о нейтралитетѣ Бельгіи, о Флисингенѣ, о визитѣ Эдуарда VII въ Парижъ и т. д., но вы не найдете тамъ ни одной фразы о роли военныхъ фирмъ въ распространеніи всякаго рода алармистскихъ извѣстій, о тенденціи желтой прессы пугать народы въ интересахъ пушечныхъ королей перспективой войны, международныхъ кровавыхъ столкно-

веній. Прочтите также статью извѣстнаго анархо-синдикалистскаго писателя Меррейма „Приближеніе войны“ въ „La vie Ouvrière“, пересмотрите, что писалось по этому вопросу другими анархо-синдикалистскими авторитетами, и вы увидите, подъ какимъ гипнозомъ желтой прессы находилась вся французская анархическая и анархо-синдикалистская пресса. Нужно было сенсаціонное разоблаченіе Либкнехта относительно заводовъ Круппа, чтобы многіе публицисты поняли наконецъ, что не слѣдуетъ относиться съ слѣпымъ довѣріемъ къ утвержденіямъ буржуазной прессы о неизбѣжности англо-германской и другихъ войнъ и что въ подобныхъ алармистскихъ увѣреніяхъ всегда заключается значительная доля блэффа, имѣющаго цѣлью создать почву для новыхъ вооруженій, поддерживать тревожное настроеніе въ народныхъ массахъ и этимъ самымъ толкать ихъ въ объятія реакціи. Въ этомъ отношеніи значеніе разоблаченій Либкнехта колоссально, ибо нужно признать, что аналогичныя разоблаченія Штюклена въ германскомъ рейхстагѣ по тому же вопросу въ 1911 г. прошли совершенно незамѣченными въ европейской соціалистической прессѣ.

Слѣдуетъ оговориться, что въ томъ усердіи, съ какимъ нѣкоторые анархисты и анархо-синдикалисты подхватили утвержденіе желтой прессы о неизбѣжности войны между первоклассными государствами была извѣстная доля сознательнаго преувеличенія. Нужно было заставить соціалистовъ вообще и германскую соціальдемократію прежде всего высказаться по вопросу о всеобщей забастовкѣ на случай „неминуемой войны“ между первоклассными государствами; для этого приходилось волей неволей стращать воображеніе легковѣрныхъ людей призракомъ надвигающейся и неотвратимой катастрофы. Правда, было проще и искреннѣе со стороны эрвеистовъ и анархо-синдикалистовъ поставить вопросъ о томъ, какъ реагировать передъ лицомъ не воображаемой только, неотвратимой, „грядущей“ и т. д. европейской войны, а той *фактической*, подлинной, тянущейся уже многіе годы кровавой и раззорительной для страны, войны, которую сама Франція ведетъ въ Марокко. Мы знаемъ, что въ Марокко находится громадная французская армія въ 76.000 человѣкъ, ведущая непрерывную войну съ марокканцами, защищающими независимость своей страны, что колоссальные расходы на эту войну явились, какъ это оффиціально признается въ проектѣ бюджета на 1914 г., одной изъ важнѣйшихъ причинъ тяжелаго финансоваго положенія переживаемаго нынѣ Франціей и необходимости внутренняго займа въ $1^1|_2$ милліарда франковъ для покрытія дефицита *); мы знаемъ, что въ этой войнѣ погибло уже тысячи французскихъ солдатъ и предвидятся въ будущемъ новыя и новыя человѣческія жертвы и новые колоссальные расходы. Только

*) Согласно оффиціальной формулировкѣ заемъ имѣетъ цѣлью покрыть экстраординарные расходы „на оборону страны и Мароккскую экспедицію“.

за послѣдніе три года (1911, 1912, 1913) мароккская авантюра стоила Франціи по оффиціальнымъ даннымъ болѣе 400 милліоновъ франковъ, и уже предвидится на 1914 г. расходъ по Мароккской авантюрѣ въ 202 милл. фр. При такихъ обстоятельствахъ, если французскіе анархо-синдикалисты искренно ставили вопросъ о всеобщей забастовкѣ, какъ средствѣ предотвратить войну, они должны были начать съ использованія этого метода у себя на родинѣ. Но анархо-синдикалисты хорошо знали, что французскій пролетаріатъ не пойдетъ за ними, что призывъ къ всеобщей забастовкѣ въ связи съ кровавой и раззорительной для Франціи мароккской войной не встрѣтитъ никакого сочувствія въ французскомъ рабочемъ классѣ, подавляющая масса котораго относится отрицательно къ анархо-синдикалистскимъ идеямъ. При такомъ неблагопріятномъ положеніи было удобнѣе вмѣсто того, чтобы обсуждать какими мѣрами помѣшать фактической войнѣ, которую Франція вотъ уже нѣсколько лѣтъ подрядъ ведетъ съ населеніемъ Марокко, поставить вопросъ о томъ какъ быть, въ случаѣ „неизбѣжной“, „грядущей“, но все же лишь гипотической войны между Англіей и Германіей: а стало быть и между Тройственнымъ Союзомъ и Тройственнымъ Соглашеніемъ. Ясно, что разсматривая въ этой удобной для себя плоскости вопросъ о средствахъ предотвращенія, „неминуемой“ войны, анархо-синдикалисты имѣли возможность сколько угодно щеголять пустозвонными, ничему не обязывающими ихъ громкими, революціонными фразами о всеобщей забастовкѣ „grève générale“ и изобличать германскую соціал-домократію и французскихъ соціалистовъ, осуждавшихъ эту пустозвонную трескотню, въ опортунизмѣ, трусости и т. д.

Замѣтимъ между прочимъ, что тотъ же характеръ неискренности носитъ нынѣшняя, правда, не имѣющая абсолютно никакого успѣха и не находящая никакого отлика во французскомъ рабочемъ классѣ, кампанія Эрве по поводу Эльзаса и Лотарингіи. Эрве несомнѣнно сознательно преувеличиваетъ, когда говоритъ будто идея реванша, мечта о возвратѣ Эльзаса и Лотарингіи сильна до сихъ поръ во всѣхъ классахъ французскаго общества, въ пролетарскихъ массахъ, среди крестьянства. Подхвативъ утопическую идею нѣкоторыхъ французскихъ буржуазныхъ пацифистовъ Эрве ставитъ передъ собой цѣль добиться обмѣна Эльзасъ-Лотарингіи на французское Конго, Тонкинъ и Мадагаскаръ съ цѣлью окончательнаго установленія всеобщаго европейскаго мира и борьбы съ современнымъ имперіализмомъ. Но пусть онъ добьется лучше, ну хотя бы прекращенія мароккской экспедиціи. Вѣдь Жоресъ безусловно былъ правъ, когда въ своихъ рѣчахъ въ парламентѣ, въ своихъ статьяхъ въ l'Humanité доказывалъ, что Мароккская авантюра явилась отправной точкой современнаго невыносимаго положенія въ Европѣ. Именно Франція нападеніемъ на Марокко, которому предшествовали переговоры съ Испаніей, Австріей, Италіей

и т. п., открыла вопросъ о турецкомъ наслѣдствѣ разожгла дремавшіе аппетиты въ Испаніи, Италіи, Австро-Венгріи, балканскихъ странахъ. Не будь мароккской экспедиціи, не было бы можетъ быть триполитанской авантюры, не было-бы итало-турецкой войны, а стало быть и нападенія балканскихъ государствъ на Оттоманскую имперію.

§ 6. *Интернаціонализація капитала и ея вліяніе на международныя отношенія.*

Буржуазные ученые являются непримиримыми врагами теоріи Маркса въ примѣненіи къ объясненіямъ явленій внутренней жизни современныхъ государствъ. Что „экономическая структура есть реальный базисъ, на которомъ покоются юридическія и политическія надстройки“ и т. д., что весь современный правовой порядокъ носитъ классовой характеръ, этого корифеи буржуазной науки никогда не признаютъ, и эту истину они всегда будутъ оспаривать со всей своей энергіей. Удивительно ли, что люди, находящіеся подъ вліяніемъ буржуазной науки, съ изумленіемъ раскрываютъ порой глаза, когда имъ начинаешь говорить о классовой подоплекѣ всего современнаго соціальнаго и въ частности уголовнаго законодательства. Поразительная сцена произошла во французскомъ парламентѣ во время недавняго послѣдняго ночного засѣданія (15 апрѣля 1914 г.), гдѣ Жоресъ произнесъ свою заключительную рѣчь по дѣлу коммиссіи о скандалѣ Рошетта, Кайо и т. д. Когда Жоресъ указалъ, что Кайо и Монисъ не могутъ быть *на легальномъ основаніи* подвергнуты какому либо наказанію за вмѣняемый имъ въ вину проступокъ и повторилъ вопросъ своего товарища Колли:

„Какъ, неужели намъ приходится лишній разъ констатировать, что законы направлены только противъ бѣдныхъ и рабочихъ. Послѣдніе всегда будутъ подвергаться наказаніямъ, для нихъ всегда найдется какой-нибудь параграфъ въ уголовномъ кодексѣ. Работаютъ ли пролетаріи или бастуютъ, законъ никогда не бастуетъ по отношенію къ нимъ. А на противоположной сторонѣ мы видимъ министровъ, правителей государства, самовольно остановившихъ ходъ судопроизводства въ интересахъ какого то мошенника, и неужели окажется что противъ этихъ министровъ ничего нельзя предпринять, кромѣ вынесенія по ихъ адрессу словеснаго порицанія“?

Когда Жоресъ, процитировавъ эти слова, воскликнулъ: „Лучше сказать пролетаріату грубую истину. Да нашъ уголовный кодексъ изобилуетъ законами противъ бѣдныхъ, но не знаетъ ни одного параграфа, карающаго злоупотребленія власть имущихъ“, со стороны нѣкоторыхъ депутатовъ буржуазныхъ партій раздались протесты и восклицанія: „Законъ одинаковъ для всѣхъ. Нѣтъ двухъ кодексовъ для бѣдныхъ и для богатыхъ“. Однако, для доказательства неправильности точки зрѣнія Жореса его противники могли сослаться лишь на единственный параграфъ, именно 179-й, который, какъ оказалось, былъ

введенъ въ кодексъ *всего три года тому назадъ* и притомъ не могъ быть примѣненъ къ Кайо и Монису.

Если въ вопросахъ внутренней политики, соціальнаго развитія государствъ и т. д. буржуазные ученые являются непримиримыми врагами теоріи Маркса то, наоборотъ, въ объясненіи событій внѣшней политики современные буржуазные публицисты являются ярыми сторонниками „экономическаго толкованія исторіи“, притомъ въ очень узкомъ смыслѣ, обнаруживая на каждомъ шагу крайне вульгарное пониманіе разыгрывающихся событій, не имѣющее ничего общаго съ тѣмъ глубокимъ всепроникающимъ анализомъ, который давалъ всегда при объясненіи того или другого явленія жизни геніальный Марксъ.

Въ международныхъ трепіяхъ между Франціей и Германіей, между Германіей и Англіей, между Россіей и Австріей, между Франціей и Италіей буржуазные ученые видятъ проявленіе „непримиримаго“ противорѣчія интересовъ, „великихъ“ экономическихъ антагонизмовъ, долженствующихъ неизбѣжно закончиться вооруженными конфликтами. Читайте произведенія буржуазныхъ писателей о внѣшней политикѣ, просмотрите передовицы такихъ газетъ какъ Times, Temps и т. д., у васъ запестритъ въ глазахъ отъ всѣхъ этихъ фразъ о „непримиримой борьбѣ за рынки“, о планахъ Германіи экономически поработить тѣ или другія области Франціи, о великомъ экономическомъ значеніи какой либо пустяковой мало-азійской или китайской желѣзно-дорожной концессіи, отъ овладѣнія которой якобы зависитъ судьба того или другого первокласснаго европейскаго государства и, наконецъ, о необходимости имѣть сильныя арміи и сильные флоты, чтобы отстоять всѣ эти великіе экономическіе интересы въ свою пользу и предотвратить нападеніе на собственную территорію со стороны грознаго конкуррента. Буржуазная пресса сознательно раздуваетъ всѣ эти международные конфликты, порой совершенно незначительные, и иногда пишетъ о грозныхъ конфликтахъ тамъ, гдѣ ихъ даже нѣтъ и помину.

Капиталъ все болѣе интернаціонализируется, и часто, когда идетъ рѣчь о какомъ-нибудь великомъ „національномъ“ предпріятіи, не знаешь, гдѣ начинаются капиталы страны, подъ эгидой которой ведется данное предпріятіе, и гдѣ кончаются капиталы буржуазіи другого государства, противъ интересовъ котораго якобы создано данное предпріятіе. Такъ въ Центральномъ Совѣтѣ, управляющемъ Багдадской дорогой, числится 11 нѣмцевъ, *восемь французовъ* и одинъ швейцарецъ. Хорошо извѣстно, что главный редакторъ французскаго „Temps“ Тардье, въ качествѣ публициста разжигавшій въ своихъ статьяхъ франко-германскій конфликтъ, въ качествѣ акціонера нѣсколькихъ французскихъ финансовыхъ и промышленныхъ обществъ и съ одобренія послѣднихъ, поддерживалъ самыя интимныя отношенія съ соотвѣтствующими нѣмецкими обществами и фактически стоялъ на почвѣ тѣснѣйшаго экономическаго сближенія между Франціей и Гер-

маніей. Помимо этого тотъ же Тардье, въ которомъ такъ ярко воплощается вся психологія французской буржуазіи—*не разъ обвинялъ* именно *соціалистическую партію въ постоянномъ противодѣйствіи франко-германскому сближенію.*

„Кто въ теченіе семи лѣтъ—писалъ негодующимъ тономъ въ передовой статьѣ отъ 20 дек. 1911 г. „Temps"—объявлялъ актомъ измѣны всякую политику экономическаго сближенія Франціи съ Германіей? Кто недавно нападалъ на Крезо за его соглашеніе съ Круппомъ для совмѣстной эксплоатаціи марокканскихъ копей? Кто старался пригвоздить къ позорному столбу французскихъ предпринимателей, объединявшихся съ нѣмецкими фирмами для полученія концессій на общественныя работы въ имперіи шерифа? Кто сбросилъ Бріана и Пишона въ тотъ моментъ, когда они, не дѣлая никакихъ территоріальныхъ или политическихъ уступокъ, пытались примирить французскіе и нѣмецкіе интересы въ Конго? Кто, какъ не Жоресъ, его газета и его друзья"?..

Само собой разумѣется, что подобныя неосторожныя откровенности вырываются изъ устъ буржуазныхъ писакъ только въ пылу полемики, въ минуту крайняго раздраженія, заглушающаго голосъ здраваго смысла, запрещающаго именно въ интересахъ господствующихъ классовъ говорить открыто о всѣхъ этихъ международныхъ франко-германскихъ трестахъ, синдикатахъ, консорціумахъ, о сближеніи французскаго заводчика Крезо съ великимъ нѣмецкимъ „пушечныхъ дѣлъ мастеромъ" Круппомъ или пангерманскаго авериста Манѣсмана съ французскими капиталистами—Отріеномъ и Гонтье.

Но если буржуазныя газеты Парижа и Берлина рѣдко проговариваются о явленіяхъ такого рода франко-германскаго экономическаго „эндосмоса", развѣ факты грубой дѣйствительности не трубятъ чуть ли не каждый день объ этомъ тѣмъ, кто имѣетъ уши, чтобы слышать и глаза, чтобы видѣть? Только на этихъ дняхъ вся американская пресса сообщила, что главнымъ обстоятельствомъ, заставившимъ С.-Штаты поспѣшить съ объявленіемъ войны Хуэртѣ, былъ фактъ появленія въ мексиканскихъ водахъ *нѣмецкаго* торговаго судна „Ипиронга", которое должно было выгрузить для Хуэрты 200 *французскихъ* полевыхъ пушекъ съ значительнымъ запасомъ аммуниціи. Мудрый Эдипъ разрѣши: было ли это „истинно-нѣмецкое" судно, сооруженное гдѣ-нибудь у Шихау въ Эльбингѣ или у Бломма и Фосса въ Гамбургѣ, выстроено на „истинно-французскіе" капиталы или же эти французскія пушки сооружены на какомъ-нибудь частномъ заводѣ въ центральной Франціи, находящемся всецѣло въ рукахъ нѣмецкихъ акціонеровъ. Ибо разслѣдованія послѣдняго времени доказали, что если многіе *нѣмецкіе* химическіе, стеклянные и т. д. заводы принадлежатъ французамъ, то, наоборотъ, многіе *французскіе* металлургическіе заводы, желѣзные рудники и т. д. принадлежатъ нѣмцамъ.

И все же, несмотря на фактическое сближеніе французскихъ и нѣмецкихъ капиталистовъ, несмотря на непрерывный ростъ товарооборота между обѣими странами, поднявшагося съ 1.588.700.000 франковъ въ 1910 г. до 1.943.700.000 фр., т. е. почти до 2-хъ милліардовъ франковъ въ 1913 г., отношенія между Франціей и Германіей крайне натянуты въ данный моментъ и грозятъ новыми треніями и конфликтами. Еще никогда среди французскихъ „обывателей" не было такъ сильно убѣжденіе въ томъ, что Германія готовится къ нападенію на Францію и отторженію отъ нея новыхъ провинцій, какъ нынѣ. Объ этомъ разсказываютъ многіе соціалистическіе депутаты, вернувшіеся послѣ выборной кампаніи. Этимъ объясняется поразительныя побѣды реакціонеровъ въ нѣкоторыхъ округахъ. Въ Германіи, наоборотъ, среди массъ населенія, на которыя не распространяется вліяніе соціалъ-демократической прессы, крѣпнетъ увѣренность, что Франція мечтаетъ о реваншѣ и провоцируетъ Россію къ конфликту съ сосѣдней страной. Европейскія правительства боятся войны, но развѣ тотъ кто играетъ съ огнемъ, не рискуетъ вызвать пожаръ, кто сѣетъ вѣтеръ, не рискуетъ увидѣть бурю. Кампанія желтой прессы начинаетъ приносить обильные плоды во Франціи, Германіи, Австріи и Россіи, въ то время какъ въ Англіи, наоборотъ, боязнь неизбѣжной войны съ той или другой континентальной державой замѣтно слабѣетъ. Слишкомъ долго англійская желтая пресса трубила о неустранимости войны съ Германіей, слишкомъ много писала о лихорадочныхъ нѣмецкихъ приготовленіяхъ къ нападенію на Великобританію, и населеніе страны постепенно перестаетъ бояться „нѣмецкаго нашествія", перестаетъ какъ-будто довѣрять всѣмъ измышленіямъ алармистской прессы.

Соціалистическая печать должна всѣми силами бороться противъ той паники, которую старается вызвать въ населеніи желтая пресса, рисуя призракъ неизбѣжнаго нападенія на „отечество" со стороны того или другого сосѣда. Страхъ населенія передъ непріятельскимъ нашествіемъ становится болѣе, чѣмъ когда либо, выгодной статьей, которая приноситъ громадныя барыши металлургистамъ и пушечнымъ королямъ. Милитаризмъ съ такой быстротой и очевидностью превращается изъ орудія осуществленія опредѣленныхъ задачъ, господствующихъ классовъ въ *самоцѣль*, что это начинаетъ вызывать тревогу въ нѣкоторыхъ кругахъ буржуазіи. „Нужно чтобы крупныя военныя фирмы были слугами націи, а не ея господами" восклицаетъ морской министръ Черчиль въ своей рѣчи 13 окт. 1913 г. въ Манчестерѣ.

Легко высказывать подобныя пожеланія, но какъ буржуазіи выйти изъ того тупика, въ который загнало ее безостановочное развитіе классовыхъ антагонизмовъ, какъ устранить новое неразрѣшимое противорѣчіе, созданное желѣзнымъ ходомъ всей экономической и соціальной эволюціи послѣднихъ двухъ десятилѣтій. Интернаціонализація капиталовъ, образованіе международныхъ трестовъ и консорціумовъ, гигантское развитіе товарооборота, „эндосмосъ" во всѣхъ проявленіяхъ международной экономической жизни—все это толкаетъ финансовыхъ и промышленныхъ королей передовыхъ странъ къ возможно болѣе

тѣсному сближенію между собой, къ полюбовнымъ соглашеніямъ и „пацифистской“ политикѣ.

Для всякаго внимательнаго наблюдателя, не желающаго ограничиваться общими банальными, потерявшими уже всякую цѣнность, фразами о „непримиримой“ борьбѣ за рынки, между французскими, нѣмецкими, англійскими и другими капиталистами, очевидно, что эта *„непримиримая“ борьба все больше и больше отходитъ въ область преданія.* Въ значительномъ большинствѣ случаевъ, въ „международной“ борьбѣ за тѣ или другіе рынки, за тѣ или другія желѣзнодорожныя, нефтяныя и т. д. концессіи, рѣчь идетъ уже не о борьбѣ между стоящими другъ противъ друга отдѣльными, независимыми фирмами, между конкуррентами, не имѣющими ничего общаго между собой и желающими уничтожить другъ друга. Нѣтъ дѣло идетъ лишь о борьбѣ между компаньонами, участниками одного и того же международнаго промышленнаго или финансоваго предпріятія, лишь о числѣ акцій или облигацій, приходящихся на долю той или другой національной группы. Въ большинствѣ случаевъ франко-нѣмецкихъ, англо-германскихъ, англо-американскихъ конфликтовъ изъ-за африканскихъ, мало-азіатскихъ и китайскихъ концессій мы имѣемъ передъ собой тренія, нелады между компаньонами, иниціаторами, одного и того же предпріятія, *равно заинтересованными въ процвѣтаніи послѣдняго*, а не традиціонную борьбу между конкуррентами, старающимися взорвать на воздухъ капиталы и фирму противника. Понятно, что эта интернаціонализація всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ предпріятій нашего времени, которая въ дальнѣйшемъ процессѣ развитія капиталистическаго производства и вывоза прибавочной стоимости изъ передовыхъ странъ во всѣ сосѣднія и отдаленныя государства, будетъ все болѣе и болѣе усиливаться, ведетъ къ измѣненію и смягченію характера борьбы между капиталистами разныхъ странъ.

Однако, задачи внутренней политики, обостреніе классовой борьбы, страхъ передъ пролетаріатомъ и пробуждающимися массами, желаніе найти громоотводъ противъ молній народнаго гнѣва, заставляетъ даже тѣхъ капиталистовъ, которые не заинтересованы въ дивидендахъ пушечныхъ оружейныхъ и судостроительныхъ заводовъ и какъ огня боятся войны съ сосѣдней страной, поддерживать политику шовинизма, новыхъ и новыхъ вооруженій и провокацій по отношенію къ другимъ государствамъ.

И въ концѣ концовъ, подобно волшебнику, не сумѣвшему справиться съ вызванными имъ же силами, буржуазія въ лицѣ пацифистовъ въ ужасѣ и страхѣ начинаетъ снова метаться передъ неожиданно показавшимся призракомъ европейской войны, этой прелюдіи соціальныхъ катастрофъ и крушенія современнаго порядка.

Мих. Павловичъ (Волонтеръ).

Съѣздъ въ Анконѣ

ст. Оды Ольбергъ [1]).

Оба главные вопроса, интересовавшіе партію, были разрѣшены въ Анконѣ въ томъ духѣ, который, по мнѣнію правленія партіи, представлялъ послѣдовательное примѣненіе принципа, приведшаго на съѣздѣ въ Реджіо Эмиліа къ исключенію изъ партіи правыхъ реформистовъ. Франкъ-масоны были исключены въ Анконѣ большинствомъ 27 тыс противъ 6,500 голосовъ, и всякія избирательныя соглашенія на коммунальныхъ (общинныхъ) выборахъ были запрещены большинствомъ 22,600 голосовъ противъ 11,800. Товарищъ Муссолини, редакторъ центральнаго ор-

[1]) *Прим. отъ редакціи*: Печатаемая нами ст. „Съѣздъ въ Анконѣ“ принадлежитъ перу итальянской марксистки Оды Ольбергъ, постоянной сотрудницы нѣмецкаго марксисткаго журнала „Die Neue Zeit“. Статья эта прислана авторомъ для напечатанія въ „Нашей Зарѣ“. Для разъясненія читателямъ, незнакомымъ съ итальянскими дѣлами, нѣкоторыхъ вопросовъ, затрагиваемыхъ Одой Ольбергъ, редакція считаетъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

Орденъ франкъ-масоновъ („вольныхъ каменщиковъ“), участіе въ которомъ было признано на съѣздѣ въ Анконѣ несовмѣстимымъ съ участіемъ въ соціалистической партіи, представляетъ изъ себя пережитокъ возникшихъ еще до Великой Франц. Революціи полу-религіозныхъ, полуполитическихъ организацій, въ которыхъ группировались люди различныхъ политическихъ воззрѣній, ставившіе своей цѣлью достиженіе извѣстныхъ нравственныхъ идеаловъ и стремленіе къ общечеловѣческому прогрессу. Въ настоящее время въ католическихъ странахъ (Италія, Франція) франкъ-масонскія ложи (организаціи) преслѣдуютъ борьбу за свободу мысли и съ порабощающимъ умы массъ вліяніемъ католическихъ (клерикальныхъ) организацій; масонскія ложи формально безпартійны, но проникнуты въ общемъ буржуазно-демократическимъ духомъ. Въ этихъ странахъ многіе соціалистически настроенные элементы входятъ въ масонскія ложи и играютъ въ нихъ довольно замѣтную роль. Участіе соціалистовъ въ такихъ организаціяхъ, дѣлающихъ иногда тѣ или другія политическія выступленія, вызываетъ во Франціи и въ Италіи недовольство среди членовъ рабочей партіи. Во Франціи вопросъ этотъ много разъ поднимался въ печати и на съѣздахъ партіи (ея марксистскимъ крыломъ), но до настоящаго времени не разрѣшенъ въ виду практической его трудности: т. к. очень многіе видные дѣятели партіи состоятъ одновременно и членами масонскихъ организацій. Въ Италіи взявшее въ послѣдніе годы верхъ въ партіи крайне-революціонное большинство анконскимъ постановленіемъ сдѣлало попытку разомъ разрѣшить спорный и сложный вопросъ.

Это революціонное большинство далеко не является марксистскимъ, будучи лишь реакціей на долгіе годы господствовавшее въ партіи оппортунистическое реформистское направленіе. Ода Ольбергъ, какъ марксистка, протестуетъ въ своей статьѣ противъ такого не марксистскаго разрѣшенія исторически сложившагося противорѣчія путемъ отлученія и исключенія.

Въ крайностяхъ революціонизма, выразившихся какъ въ резолюціи о масонахъ, такъ и въ рѣшеніяхъ относительно избирательныхъ соглашеній на коммунальныхъ выборахъ, она справедливо усматриваетъ опасность, не меньшую, чѣмъ опасность реформизма. Она опасается, что въ противовѣсъ отвергнутому партіей реформизму, большинство партіи станетъ на путь сектантской исключительности и въ политической тактикѣ займетъ чисто отрицательную, бойкотистскую, сказали бы мы, позицію. На самомъ же дѣлѣ партія должна развиваться на почвѣ повседневной дѣйствительности и путемъ не исключенія своихъ членовъ, отклоняющихся въ томъ или иномъ пунктѣ теоріи отъ большинства, но путемъ перевоспитанія ихъ въ процессѣ этой политической работы. Только на этомъ пути соціалистическая партія, соединяя въ себѣ одновременно свой идеалистическій духъ и свой практически-политическій характеръ, сможетъ стать и станетъ партіей рабочаго класса, т. е. его широкихъ массъ.

гана партіи „Впередъ“ (Avanti), увѣрялъ насъ при этомъ, что, если отъ этого и порѣдѣютъ ряды партіи, то безпокоиться все же нечего. Словно соціалистическая партія въ Италіи для того, чтобы обрѣсти себя, должна постоянно отрывать отъ себя отдѣльныя части.

Чтобы понять процессъ, совершающійся въ настоящее время внутри партіи, которая едва насчитываетъ 50 тыс. членовъ, необходимо вспомнить о періодѣ господства въ ней реформизма, когда въ теченіе многихъ лѣтъ партія относилась терпимо и солидаризировалась съ лицами и дѣйствіями, которыя не имѣли ничего общаго съ соціализмомъ. Теперь мы переживаемъ обратное, періодъ нетерпимости. Если раньше существовала та опасность, что культъ личностей могъ приводить къ тому, что психологическіе кризисы отдѣльныхъ лицъ легко превращались въ партійные кризисы, то теперь открыто высказывается мысль, что партія должна поглотить личностей, служащихъ ей. „Для каждаго настаетъ его очередь“ сказалъ Муссолини. Такъ партія переходитъ отъ одного эксцесса къ другому, не подозрѣвая, что развитіе партіи не можетъ дѣлаться автоматически, что партійная практика не можетъ измѣняться такъ, какъ взгляды отдѣльныхъ руководителей.

Результатомъ принятыхъ въ Анконѣ рѣшеній должно быть исключеніе изъ партіи франкъ-масоновъ или считаемыхъ франкмасонами, съ одной стороны, распущеніе партійныхъ организацій, которыя, въ силу мѣстныхъ условій, вынуждены были бы вступить въ избирательныя соглашенія на коммунальныхъ выборахъ, съ другой стороны. Возможно, что мы въ Италіи переживемъ такую полосу партійной исторіи. Мы переживемъ ее, какъ пережили полосу сотрудничества классовъ и хожденія ко двору реформистовъ. Но партія и рабочія массы дорого заплатили за реформистскій экспериментъ, и дорого, быть можетъ, придется имъ заплатить и за теперешній экспериментъ.

Вопросъ объ орденѣ франкъ-масоновъ пріобрѣтаетъ главное значеніе тѣмъ характеромъ, который былъ приданъ ему на съѣздѣ. Только очень немногіе и притомъ невліятельные ораторы старались изобразить франкъ-масоновъ, въ качествѣ корыстныхъ людей, измѣнниковъ партіи и т. д. Товарищи, для которыхъ въ настоящее время „настала очередь“ внутри партіи — Муссолини и Маццони—пытались дать болѣе серьезное и принципіальное освѣщеніе вопроса. „Мы не нуждаемся въ общечеловѣческихъ идеалахъ“, говорилъ Муссолини, „массы не нуждаются въ образованіи, а тѣмъ болѣе въ философіи“, говорилъ Маццони, и оба получили за это аплодисменты и громкое одобреніе. Франкъ-масоновъ исключили не за тѣ свойства, которыя они отрицали: что они лживы, корыстны, не преданы партіи, но за открыто признаваемое ими стремленіе углубить образованіе массъ, указать имъ общечеловѣческіе идеалы, научить ихъ признавать соціализмъ, въ качествѣ міровоззрѣнія и культурной миссіи. Для франкъ-масоновъ мотивы ихъ исключенія, какъ они высказывались во время преній, были столь же почетны, насколько жалко и безсильно было поведеніе большинства ихъ на съѣздѣ. Число франкъ-масоновъ въ партіи и въ парламентской фракціи довольно велико. Несмотря на травлю и клеветы, которыя продолжаются

противъ нихъ въ теченіе двухъ лѣтъ, эти товарищи должны найти въ себѣ мужество сдѣлать выборъ между партіей и орденомъ франкъ-масоновъ. Это сдѣлали только немногіе. Большинство же практически не подчинилось исключенію, словно желая демонстрировать фактическую моральную несовмѣстимость того и другого: *послѣ постановленія съѣзда* они стали хранить въ тайнѣ свою принадлежность къ партіи и къ франкъ-масонамъ. Если это въ дѣйствительности такъ и будетъ и орденъ франкъ-масоновъ не предприметъ ничего противъ этого, то придется сказать, что постановленіе объ исключеніи въ Анконѣ имѣетъ за собой оправданіе въ той именно мѣрѣ, въ какой оно практически безсильно и безполезно.

Гораздо большее значеніе, чѣмъ постановленіе противъ франкъ-масоновъ имѣетъ рѣшеніе объ *избирательной тактикѣ на коммунальныхъ выборахъ*. Если въ первомъ вопросѣ желали отбросить идеалы, то во второмъ нисколько не заботились о реальномъ. И это несмотря на то, что депутатъ отъ Неаполя, тов. Луччи, подробно обрисовалъ фактическое положеніе вещей во многихъ южно-итальянскихъ городахъ. Онъ указывалъ, какъ безсмысленно выставленіе собственныхъ кандидатовъ въ городахъ, въ которыхъ не насчитывается и 100 членовъ партіи, если пренебречь огромной неорганизованной массой, которая, напр., въ Неаполѣ, Торрэ Аннунціатѣ и Галиполи доставила побѣду соціалистическому кандидату въ ведущейся ради ея интересовъ борьбѣ въ городскомъ самоуправленіи. Въ краснорѣчивой, убѣдительной рѣчи Луччи указывалъ на отношенія въ крупнѣйшемъ городѣ Италіи—Неаполѣ. Тамъ населеніе достигаетъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ, но оно не является еще пролетаріатомъ, т. к. въ Неаполѣ нѣтъ еще самостоятельной промышленности. Это населеніе живетъ въ ужаснѣйшихъ условіяхъ, городское управленіе отказываетъ ему во всемъ, тратя общественныя средства въ интересахъ роскоши для богачей. Эти массы, большею частью безграмотныя, но недовольныя своимъ положеніемъ, обманываемыя и эксплуатируемыя буржуазными партіями, обращаются къ нашей партіи и группируются вокругъ ея знамени. Во время коммунальныхъ выборовъ, на которыхъ эти массы въ настоящее время играютъ рѣшающую роль, они ожидаютъ отъ нашей партіи руководства и защиты своихъ интересовъ. Должна ли наша партія отвѣтить имъ: „въ Анконѣ собрался съѣздъ партіи, большинство делегатовъ котораго не знаетъ ничего о Неаполѣ и о его нуждахъ, и этотъ съѣздъ постановилъ, что мы должны изгнать изъ городского управленія теперешнихъ дѣльцовъ, замѣстивъ всѣ городскія должности организованными членами партіи. Партійная группа состоитъ всего изъ 100 членовъ, а для занятія всѣхъ должностей требуется около 1000 человѣкъ. Подождите поэтому до тѣхъ поръ, пока у насъ не будетъ тысячи человѣкъ; продолжайте жить въ трущобахъ, давайте себя эксплуатировать! Въ силу рѣшенія съѣзда мошенники и дѣльцы пока должны оставаться на своихъ мѣстахъ“. Такъ говорить массамъ нельзя и не должно; это было бы не политично, это было бы, какъ правильно указалъ Луччи, нечестно и звучало бы насмѣшкой надъ нуждой массъ.

Та самая партія, которая воспользовалась всеобщимъ изби-

рательнымъ правомъ, чтобы собрать милліонъ голосовъ и завоевать болѣе 50 депутатскихъ мѣстъ, хотя она насчитываетъ менѣе 50 тыс. членовъ, постановленіемъ въ Анконѣ отказывается на коммунальныхъ выборахъ отъ использованія силы пролетарскаго голосованія. Она дѣлаетъ это, потому что хочетъ примѣнять одну и ту же тактику по отношенію къ парламентскимъ и коммунальнымъ выборамъ, не замѣчая, что на практикѣ здѣсь двѣ совершенно различныя тактики. На парламентскихъ выборахъ неорганизованная, не соціалистическая масса можетъ выбирать себѣ соціалистическихъ представителей; на будущихъ коммунальныхъ выборахъ она этого не сможетъ дѣлать повсюду, гдѣ мѣстная партійная организація численно такъ слаба, что изъ ея членовъ нельзя составить общиннаго управленія. Въ такихъ случаяхъ массѣ придется удовлетвориться меньшинствомъ мандатовъ, а опытъ показываетъ, что это меньшинство въ самоуправленіи всегда бываетъ безсильно по отношенію къ большинству, хотя у него по закону имѣются контрольныя функціи по отношенію къ этому большинству. Такимъ образомъ въ Анконѣ для большаго числа общинъ была принята тактика, практически равносильная тактикѣ воздержанія отъ выборовъ.

Если наши партійныя организаціи послѣдуютъ анконскому рѣшенію, но они не только оттолкнутъ отъ себя часть новыхъ избирателей, которые идутъ туда, гдѣ защищаютъ ихъ насущные интересы, но они прямо толкнутъ массы въ объятія противниковъ. Боясь затемнить классовый характеръ партіи яснымъ, заключеннымъ на опредѣленный срокъ избирательнымъ соглашеніемъ съ республиканцами и радикалами, отъ которыхъ требовалось бы только заполненіе мѣстъ отсутствующихъ у насъ кандидатовъ для составленія органа самоуправленія, фактически вынуждаютъ многочисленныхъ пролетаріевъ и еще не превратившійся въ пролетаріатъ бѣдный народъ поддерживать буржуазныя партіи. Если анконское постановленіе проводить въ избирательной тактикѣ въ южной Италіи, то оказалось бы, что расширеніе избирательнаго права не имѣло бы никакой пользы для южно-итальянскаго пролетаріата.

Могутъ сказать, что партія вынуждена принять такую тактику, чтобы не затемнить классоваго сознанія массъ. Нельзя де говорить массамъ, что радикалы и республиканцы на парламентскихъ выборахъ являются ихъ врагами, а на коммунальныхъ выборахъ—ихъ союзники. Конечно, это не идеальное положеніе, конечно, оно не изъ пріятныхъ. Но, если въ какой-либо общинѣ нѣтъ водопровода, нѣтъ канализаціи, нѣтъ кладбищъ, нѣтъ больницъ для больныхъ, если кварталы, гдѣ живутъ бѣдные, представляютъ изъ себя клоаку, то въ такой общинѣ бѣдный народъ, несущій на себѣ все бремя налоговъ и не имѣющій никакой охраны, не обладаетъ никакимъ классовымъ сознаніемъ, потому что онъ лишенъ элементарнаго человѣческаго сознанія. Онъ прежде всего нуждается въ элементарныхъ условіяхъ культурнаго общежитія: они привьютъ ему классовое сознаніе скорѣе, чѣмъ самая принципіальная избирательная тактика. Тамъ, гдѣ классовое сознаніе уже есть, какъ, напр., въ сѣверной или средней Италіи, тамъ оно не затемнится, если отказываться отъ всякихъ соглашеній и осуществлять свои цѣли собственными средствами. На югѣ нельзя затемнить классоваго самосознанія: тамъ надо сперва имѣть чистую воду для питья, создать физическія и моральныя условія, при которыхъ человѣкъ можетъ существовать, чтобы защищать свои права. Предоставить бѣдный южноитальянскій народъ самому себѣ, пока онъ не превратится въ пролетаріатъ и образуетъ сильную партію, значило бы для партіи стать въ противорѣчіе съ человѣческими идеалами соціализма и неизбѣжно вредить своимъ успѣхамъ въ болѣе прогрессивныхъ частяхъ страны. Если бы это дѣйствительно случилось, пришлось бы сказать, что противовѣсъ реформизму оказался еще болѣе опаснымъ, чѣмъ самъ реформизмъ.

Но мы не думаемъ, чтобы постановленіе съѣзда или поведеніе центральнаго органа были бы въ состояніи изгнать изъ движенія духъ идеализма и отдалить его отъ реальности. Идеальное и реальное должны взаимно проникать другъ друга. Масса видитъ въ соціализмѣ не только классовый интересъ, но и идеалъ человѣчества и будетъ это дѣлать, несмотря на всѣ противоположныя теоріи, въ силу неистребимаго идеализма, присущаго юности и всякому здоровому движенію. А реальное есть нѣчто столь здоровое, что его тоже нельзя долгое время игнорировать или изгонять резолюціями.

Если въ партіи снова возникнетъ борьба, она выдержитъ ее, какъ выдержала и прежнюю борьбу. Партія должна вести массы, но временами массы ведутъ за собой партію. Если при этомъ встрѣчаются обходные пути и перемѣна направленія, то отъ этого несвободно ни одно человѣческое дѣйствіе. Важна лишь воля къ прогрессу и цѣль. Путь труденъ и на немъ встрѣчаются препятствія не только во внѣшнихъ обстоятельствахъ, но и во внутреннихъ отношеніяхъ; въ не ясной волѣ и невѣрномъ пониманіи. Но ни одно препятствіе не затемнитъ передъ нами цѣли, ни одно не ослабитъ воли, возникающей какъ непобѣдимый источникъ вѣчно юной массы, которой принадлежитъ будущее.

Ода Ольберг.

Общіе вопросы рабочаго законодательства.

II. Уставъ, законъ и новелла.

I.

Законы объ условіяхъ труда и найма разбросаны у насъ по различнымъ частямъ Свода Законовъ: отдѣльные куски рабочаго и противорабочаго законодательства вкраплены въ Уставы о промышленности, горный, путей сообщенія и т. д. Въ настоящее время дѣлается попытка выдѣлить всѣ эти законы въ особый уставъ въ родѣ устава о промышленности. При Государственной Канцеляріи, по сообщеніемъ газетъ, образовано

муждувѣдомственное совѣщаніе для разсмотрѣнія проекта особой части Свода Законовъ, посвященной рабочему законодательству.

Въ рукахъ реакціи и такая узко „дѣловая", чисто кодификаціонная работа можетъ превратиться въ орудіе борьбы со своими политическими противниками. Всѣмъ, вѣроятно, памятенъ еще шумъ, вызванный нѣсколько лѣтъ назадъ новыми изданіями Госуд. Канцеляріи, (продолженія 1906, 1908, 1909 г.г.), въ которыхъ непріятные для реакціи законодательные акты дробились на части и прятались въ незамѣтныя примѣчанія къ захудалымъ статьямъ отжившихъ законовъ. Нельзя, разумѣется, ожидать тщательности, заботливости и безпристрастія и отъ кодификаціи рабочаго законодательства: бойся данайцевъ и тогда, когда они приносятъ дары. Уже по одному этому необходимо добиваться контроля законодательныхъ учрежденій надъ „редакціонной" работой Государственной Канцеляріи и особаго совѣщанія.

Но если отрѣшиться отъ этихъ истинно-русскихъ особенностей кодификаціонной работы въ нашемъ „обновленномъ строѣ", нельзя не признать объединенія рабочихъ законовъ въ особомъ уставѣ дѣломъ полезнымъ. Такое объединеніе можетъ облегчить рабочимъ борьбу за осуществленіе уже дѣйствующихъ законовъ, освобождая ихъ отъ необходимости рыскать по дебрямъ и закоулкамъ многотомнаго Свода; эти путешествія для людей, не искушенныхъ въ юридическомъ крючкотворствѣ, дѣло не только не легкое, но и не всегда безопасное. Объединеніе рабочихъ законовъ можетъ облегчить борьбу и за дальнѣйшее развитіе рабочаго законодательства, рѣзче подчеркивая всѣ недостатки и пробѣлы дѣйствующихъ законовъ и наглядно обнаруживая неодинаковую степень охраны труда для различныхъ слоевъ рабочаго класса. Здѣсь уже ясно видна связь между формальнымъ объединеніемъ рабочихъ законовъ въ особомъ уставѣ и той обобщающей тенденціей въ рабочемъ законодательствѣ, о которой рѣчь шла въ первой статьѣ. Если даже жалкіе обрывки россійскаго законодательнаго творчества въ области охраны труда оказывается необходимымъ выдѣлить въ особый отдѣлъ, тѣмъ болѣе это относится къ развитому рабочему законодательству съ широкой сферой дѣйствія и богатымъ содержаніемъ.

Кодификація можетъ стать оружіемъ въ рукахъ не только реакціи, но и рабочаго движенія, которое не можетъ брезговать и этимъ подсобнымъ средствомъ защиты рабочихъ интересовъ.

Съ выдѣленіемъ рабочаго законодательства въ особый уставъ вовсе не завершается законодательное творчество въ области охраны труда. Развитіе законодательства опредѣляется не юридическими соображеніями и формальными признаками, а развитіемъ общественныхъ отношеній и соотношеніемъ общественныхъ силъ. Какъ бы полно, закончено и совершенно ни казалось въ данный моментъ рабочее законодательство въ той или иной странѣ, но дальнѣйшее развитіе капитализма, видоизмѣняя матеріальныя условія труда и найма, ставитъ передъ законодательнымъ вмѣшательствомъ въ взаимоотношенія труда и капитала все новыя задачи, а ростъ рабочаго движенія заставляетъ законодательную власть искать практическаго ихъ разрѣшенія.

Такъ, 80-ые годы поставили на очередь вопросъ о государственномъ страхованіи рабочихъ. Съ 900-хъ годовъ не сходитъ съ законодательнаго порядка дня вопросъ о страхованіи отъ безработицы. Движеніе англійскихъ горнорабочихъ выдвинуло проблему о законодательномъ минимумѣ заработной платы, проблему, о которой такъ рѣзко отозвался Марксъ по поводу включенія соотвѣтствующаго пункта въ французскую программу—минимумъ [1]). Развитіе коллективныхъ договоровъ вызвало пересмотръ законодательства о договорѣ найма, насквозь пропитаннаго индивидуализмомъ римскаго права въ его буржуазной переработкѣ (рецепціи). Наконецъ, самые послѣдніе годы положили фундаментъ подъ международное рабочее законодательство, еще недавно совсѣмъ не существовавшую область международнаго права...

Вообще нельзя предусмотрѣть предѣловъ, до которыхъ можетъ дойти законодательство объ охранѣ труда. *) Можно только сказать, что развитіе его не остановится до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать купля-продажа рабочей силы.

II.

Не останавливая законодательнаго творчества, можетъ быть, даже наоборотъ, давая нѣкоторые добавочные толчки ему, кодификація рабочихъ законовъ можетъ только видоизмѣнить нѣсколько тѣ внѣшнія формы, въ которыя отливается борьба за законодательную охрану труда. Впрочемъ, видоизмѣненіе это уже предвосхищается существованіемъ тѣхъ отдѣльныхъ законовъ, изъ которыхъ складывается уставъ.

По своему происхожденію рабочее законодательство отличается отъ тѣхъ законодательныхъ нормъ, которыя регулируютъ вытекающія изъ буржуазнаго уклада жизни, но не враждебныя ему отношенія людей, или берутъ на себя охрану устоевъ порядка и законности. Гражданское, Уголовное и т. п. Уложенія возникаютъ обычно, какъ нѣчто цѣлое, подвергающееся затѣмъ частичнымъ исправленіямъ и добавленіямъ до тѣхъ поръ, пока не наступитъ моментъ новаго коренного ихъ пересмотра. Во всякомъ случаѣ здѣсь уже со дня рожденія закона существуетъ извѣстная цѣльность, законченность, связанность частей.

Совсѣмъ не то рабочее законодательство.

Здѣсь всякая норма, идя наперекоръ устоямъ и идеологіи буржуазнаго общества („свобода" труда, „свобода" договора!) съ трудомъ и наперекоръ волѣ господствующихъ классовъ, подъ давленіемъ извнѣ вырывается у законодательныхъ учрежденій. Отсюда то нагроможденіе несогласованныхъ, отрывочныхъ, нерѣдко случайныхъ и противорѣчивыхъ нормъ, которыя столь характерны для такъ назыв. англійскаго типа законодательства. Кодификація этихъ нормъ въ большинствѣ случаевъ лишь приводитъ ихъ въ нѣкоторый порядокъ, но рѣдко и въ очень

[1]) „Если французскій пролетаріатъ еще такой недоростокъ, что нуждается въ подобныхъ приманкахъ, то ему не нужны еще вообще никакія программы" (Письмо къ Зорге 15 ноября 1880 г.).

*) Само собой разумѣется, что это законодательство должно укладываться въ рамки буржуазнаго строя. Выработанные фракціей Малиновскаго законопроекты далеко не безгрѣшны въ этомъ смыслѣ, отравленные ревизіонистской идеей „врастанія" въ будущій строй.

слабой степени пополняетъ пробѣлы и придаетъ новому уставу извѣстную законченность и полноту. Уставъ рабочаго законодательства—не монолитъ, вродѣ знаменитаго кодекса Наполеона, а напоминаетъ скорѣе лоскутное одѣяло съ большими или меньшими прорѣхами по срединѣ. Дальнѣйшая работа и должна состоять въ устраненіи существующихъ недостатковъ и пробѣловъ.

При слабомъ развитіи или зародышевомъ состояніи рабочаго законодательства внесеніе въ законодательныя учрежденія законопроекта, объемлющаго *всѣ* стороны охраны труда, имѣетъ громадное принципіальное и тактическое значеніе. Таковъ, напр., извѣстный проектъ германской соц-д-іи 1884 года, въ 27 пунктахъ намѣчающій всѣ существенные элементы рабочаго законодательства. Подобный всеобъемлющій законопроектъ, не расчитывая на немедленное проведеніе въ жизнь, важенъ тѣмъ, что формулируетъ основыя требованія рабочаго класса и даетъ поводъ широко развернуть дебаты по такому важному вопросу рабочаго движенія.

Но внесеніе общаго законопроекта вовсе не исключаетъ возможности и необходимости и частичныхъ законопроектовъ. Та же германская с.-д-ія наряду съ законопроектомъ 1884 г. неоднократно вносила и отдѣльный законопроектъ о 8-часовомъ рабочемъ днѣ. Мы не говоримъ уже о многочисленныхъ поправкахъ ея къ законопроектамъ правительства и буржуазныхъ партій; эти поправки она вноситъ съ первыхъ же дней парламентской жизни, вступивъ на этотъ путь при обсужденіи промышленнаго устава (мартъ 1869 г.), давшемъ одинъ изъ первыхъ *практическихъ* успѣховъ соц.-діи: принятіе поправки Бебеля объ отмѣнѣ рабочихъ книжекъ, до сихъ поръ еще тяготѣющихъ надъ австрійскими рабочими.

По мѣрѣ усвоенія основныхъ лозунговъ охраны труда рабочимъ классомъ и вынужденнаго примиренія буржуазнаго сознанія съ фактомъ „посторонняго вмѣшательства въ частное дѣло каждаго“ съ одной стороны, по мѣрѣ выдавливанія рабочимъ движеніемъ все новыхъ и новыхъ нормъ съ другой, центръ тяжести законодательнаго творчества с.-діи, естественно, переносится отъ формулировки общихъ основныхъ положеній на все большую и большую ихъ детализацію. Парламентскія фракціи при участіи внѣпарламентскихъ организацій, особенно професс. союзовъ, вырабатываютъ и вносятъ въ парламенты все большее количество частныхъ законопроектовъ, касающихся отдѣльныхъ сторонъ или отдѣльныхъ отраслей труда, все большее количество поправокъ (новеллъ) къ уже дѣйствующимъ законамъ въ цѣляхъ ихъ пополненія и улучшенія. При этомъ, разумѣется, не исключается возможность внесенія и общаго законопроекта, разъ того требуютъ интересы движенія...

Детализація и спеціализація рабочихъ законопроектовъ вплоть до новеллъ, какъ уже мимоходомъ указывалось въ первой статьѣ, вовсе не стоитъ въ противорѣчіи съ той обобщающей тенденціей, которой проникнуто развитіе современнаго рабочаго законодательства, Даже, наоборотъ, не только сопутствующей, но часто единственной цѣлью частичнаго законопроекта или новеллы можетъ быть распространеніе уже дѣйствующихъ нормъ на новыя категоріи рабочихъ.

Въ послѣднемъ счетѣ цѣнность всякаго законодательнаго акта опредѣляется его содержаніемъ, а не формой. Очень часто незамѣтная съ виду новелла имѣетъ большое практическое и принципіальное значеніе; напомнимъ хотя бы проведенную въ порядкѣ 87 статьи новеллу 12 сентября 1907 года, изъявшую изъ Временныхъ Правилъ 15 ноября 1906 г. принципіально важное право переносить празднованіе воскресеній въ мѣстностяхъ съ рѣзко преобладающимъ „инославнымъ или иновѣрнымъ населеніемъ“ на иные дни „соотвѣтственно мѣстнымъ вѣроисповѣднымъ условіямъ“...

Къ тому же во многихъ случаяхъ трудно провести границу между уставомъ и закономъ, закономъ и новеллой—все равно, какъ наука объ языкѣ далеко не всегда можетъ точно установить разницу между языкомъ и нарѣчіемъ, нарѣчіемъ и говоромъ... Законопроектъ фракціи Малиновскаго о соціальномъ страхованіи можно разматривать, какъ проектъ общаго устава рабочаго страхованія. Но онъ является частнымъ законопроектомъ по отношенію къ рабочему законодательству вообще.

Само собой разумѣется, что рабочее движеніе, оцѣнивая чужіе законопроекты не по ихъ формѣ, а по ихъ содержанію и для своихъ законопроектовъ изъ арсенала своего парламентскаго оружія выбираетъ наиболѣе подходящую по тактическимъ соображеніямъ форму, внося сегодня общій законопроектъ, а завтра дробя его на рядъ частныхъ законовъ и новеллъ. Только сектантское буквоѣдство рѣшится прилагать „принципіальную“ мѣрку тамъ, гдѣ рѣшающее слово принадлежитъ цѣлесообразности.

III.

Обращаясь къ современной Россіи, мы не имѣемъ ввиду входить въ общую оцѣнку с.-д. парламентской тактики. Но нельзя всетаки не отмѣтить недостаточной ея гибкости, въ силу чего остаются неиспользованными въ интересахъ движенія многія возможности парламентской работы. Такъ, наряду съ широкимъ и умѣлымъ использованіемъ права запросовъ, думская фракція, на нашъ взглядъ, недостаточно пользуется правомъ законодательной иниціативы, въ частности и въ области рабочаго законодательства; въ силу этого и запросная дѣятельность фракціи иногда даетъ далеко не все, что могла бы дать. Одной изъ причинъ недостаточнаго использованія законодательной иниціативы является, на нашъ взлядъ, переоцѣнка фракціей значенія *формы* законодательнаго творчества.

Большинство законопроектовъ фракціи до сихъ поръ затрагивало тотъ или иной вопросъ во всемъ его объемѣ (законопроектъ о свободѣ коалицій, о 8-часовомъ днѣ); чуть ли не единственнымъ исключеніемъ былъ законопроектъ объ отмѣнѣ крѣпостнаго права на Кавказѣ. Мы нисколько не думаемъ отрицать громаднаго значенія за подобными общими законопроектами, особенно когда они, какъ законопроектъ о свободѣ коалицій, представляютъ откликъ на рабочее движеніе внѣ Думы, формулируютъ его очередной лозунгъ, обобщаютъ и организуютъ

его отдѣльныя повседневныя проявленія. Но мы думаемъ, что наряду съ такими общими законопроектами фракція должна откликаться на запросы движенія и *частными законопроектами (вплоть до новеллъ)* такъ же, какъ наряду съ общимъ запросомъ о преслѣдованіи професс. союзовъ или стачекъ, фракція вноситъ частные запросы о закрытіи того или иного союза, о репрессіяхъ противъ стачечниковъ той или иной фабрики.

Изданіе рабочихъ законовъ далеко еще не означаетъ ихъ осуществленія въ жизни. На почвѣ ихъ примѣненія идетъ непрерывная борьба между заинтересованными сторонами. Предприниматели обходятъ законы, находя поддержку въ административной, циркулярной и „разъяснительной“ дѣятельности всевозможныхъ учрежденій. Рабочіе въ свою очередь по мѣрѣ роста сознательности и укрѣпленія професс. организацій все упорнѣе отстаиваютъ пріобрѣтенныя права. Борьба за примѣненіе рабочаго законодательства становится существенной частью професс. борьбы. Страховая кампанія—очень яркій примѣръ этому.

Думское представительство рабочаго класса не можетъ оставаться и не оставалось до сихъ поръ въ сторонѣ отъ этого отстаиванія рабочими своихъ правъ: оно внесло не одинъ запросъ по поводу нарушенія рабочихъ законовъ. Напомнимъ, напр., запросъ 1909 г. о „разъяснительной“ дѣятельности Главнаго-Фабричнаго Присутствія. Проведеніе страховой кампаніи дало цѣлую уйму матеріаловъ для подобнаго рода запросовъ, использованную пока еще далеко недостаточно.

Судьба с.-д. запросовъ хорошо извѣстна. Они по годамъ лежатъ безъ движенія въ запросной комиссіи, а затѣмъ отклоняются болѣе или менѣе компактнымъ большинствомъ Думы, причемъ обыкновенно такое отклоненіе мотивируется отсутствіемъ незаконномѣрности, сопровождаясь нерѣдко вздохами о желательности измѣненія: закона, стоящаго на пути принятію запроса.

Для насъ сейчасъ неважно, насколько юридически состоятельны подобныя ссылки. Во многихъ случаяхъ онѣ вытекаютъ изъ своеобразнаго, сплошь и рядомъ явно неправильнаго, толкованія закона. Въ другихъ случаяхъ ссылка можетъ быть и болѣе обоснована ввиду различнаго пониманія самого права запросовъ: внеся запросъ, фракція руководствуется не только наличностью формальнаго нарушенія той или иной буквы закона, но и болѣе широкими соображеніями политической цѣлесообразности.

Какъ бы то ни было, ссылкой на отсутствіе незаконномѣрности завершается судьба запроса. Намъ представляется, что въ подобныхъ случаяхъ фракціи необходимо поднять оборванную пленумомъ нить. Ловя политическихъ противниковъ на словѣ, фракція должна немедленно внести новеллу къ дѣйствующему закону, устроняющую формальное препятствіе къ принятію запроса. Поступая такъ, она ставитъ противниковъ передъ дилеммой или принять эту новеллу, или высѣчь самихъ себя, обнаруживъ все лицемѣріе своего преклоненія передъ „легальностью“.

[1]) Вопросъ о внесеніи новеллъ въ цѣляхъ большаго согласованія думской работы и внѣдумскаго движенія былъ поднятъ нами въ сессію 1909-10 года, но не встрѣтилъ сочувствія въ фракціи третьей Думы. Статья на эту тему была передана въ „Проф. Вѣстникъ“, но не была напечатана ввиду прекращенія журнала.

Въ такихъ случаяхъ новелла является прямымъ продолженіемъ запроса. Сейчасъ, когда маклаковскій наказъ руками Родзянки —бросаетъ палки подъ колеса запросной дѣятельности, а думская практика усваиваетъ манеру молчаливыхъ массовыхъ отклоненій с.-д. запросовъ особенно важно было бы подобное *сочетаніе запросной дѣятельности съ законодательной инициативой.* Но этимъ еще не исчерпывается значеніе новеллъ.

Примѣненіе рабочаго законодательства наглядно обнаруживаетъ всѣ слабыя стороны его. Борьба рабочихъ за пріобрѣтенныя права переплетается поэтому съ борьбой противъ недостатковъ и пробѣловъ дѣйствующаго законодательства—все равно, будетъ ли это борьба за новыя нормы, за отмѣну или расширительное толкованіе старыхъ нормъ. Моментами борьба эта сосредоточивается на нѣкоторыхъ пунктахъ, особенно больно дающихъ себя знать продавцамъ рабочей силы; на нихъ концентрируется тогда рабочее вниманіе, вокругъ нихъ складывается рабочая организованность. Въ такихъ случаяхъ было бы вполнѣ цѣлесообразно внесеніе фракціей соотвѣтствующей новеллы къ дѣйствующему закону.

Иллюстрируемъ это положеніе двумя—тремя примѣрами. Только что начавшаяся дѣятельность больничныхъ кассъ уже обнаружила страховую несостоятельность ихъ прикрѣпленія къ фабрикамъ, а въ то же время объединенію кассъ ставятся все новыя и новыя преграды. Было бы поэтому вполнѣ своевременнымъ внести новеллу къ страховымъ законамъ объ общихъ кассахъ. Агитація професс. союзовъ противъ сверхурочныхъ работъ могла-бы сопровождаться внесеніемъ новеллы къ закону 2 іюня 1897 г. объ ихъ воспрещеніи. Строительныя катастрофы, столь участившіяся за послѣдніе годы, могли-бы поставить на очередь какъ законопроектъ объ охранѣ труда строительныхъ рабочихъ, такъ и новеллу о распространеніи на нихъ страховыхъ законовъ. На массовыя отравленія работницъ на Треугольникѣ фракція могла-бы регировать не только запросомъ, но и законопроектомъ о санитарныхъ условіяхъ труда на резиновыхъ фабрикахъ. Воспрещеніе союзамъ торговыхъ служащихъ реагировать на перешедшее всякій предѣлъ нарушеніе законныхъ часовъ торговли—прекрасный поводъ для внесенія соотвѣтствующей поправкикъ Временнымъ правиламъ 15 ноября 1906 г. о привлеченіи союзовъ къ надзору за соблюденіемъ обязат. постановленій.

Но возникаетъ вопросъ, почему вносить только новеллу, а не новый законопроектъ въ отмѣну дѣйствующаго закона? Намъ представляются, что оба эти пути законодательной работы *не исключаютъ, а пополняютъ другъ друга.*

Общіе законопроекты пріобрѣтаютъ особое значеніе именно теперь, когда новый розмахъ рабочаго движенія требуетъ обобщенія и углубленія его, концентраціи его на основныхъ лозунгахъ. Но выработка подобныхъ законопроектовъ при серьезномъ и добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу требуетъ много времени и силъ:іони должны быть формулировкой требованій организованныхъ рабочихъ, а не составленной на спѣхъ фермулировкой взглядовъ отдѣльныхъ лицъ. Вотъ почему наряду съ тяжелой артиллеріей для обстрѣла позицій противниковъ вполнѣ цѣлесообразно пускать въ ходъ и легкую артиллерію. Политическая

жизнь насквозь проникнута злободневностью, требующей ковать желѣзо, пока горячо. Немедленный живой откликъ на злобу дня новеллой или частичнымъ законопроектомъ обогатилъ бы арсеналъ фракціи новымъ очень острымъ орудіемъ.

Мы намѣренно не коснулись вопроса о принципіальной допустимости новеллъ вообще, находя его попросту празднымъ вопросомъ. Въ законодательной дѣятельности центръ тяжести лежитъ не въ формѣ, а въ содержаніи. Только содержаніе и должно оцѣниваться принципіально, съ точки зрѣнія соотвѣтствія его программѣ и общимъ задачамъ движенія. Что касается формы, то она диктуется тактическими соображеніями.

Могутъ еще, пожалуй, сказать, что полезныя на Западѣ съ установившейся парламентской жизнью новеллы совершенно непригодны для россійскихъ политическихъ условій: составъ Думы заранѣе исключаетъ всѣ шансы превращенія новеллы въ законъ и въ то же время отодвигаетъ на задній планъ болѣе общія и широкія задачи. Такой практицизмъ, измѣряющій цѣнность тѣхъ или иныхъ дѣйствій прежде всего шансами на ихъ непосредственный успѣхъ, такое противопоставленіе частыхъ и общихъ задачъ представляются намъ на столько чуждыми всему духу марксизма и с.-діи, что едва ли стоитъ серьезно противъ этого возражать.

Итакъ, болѣе широкое пользованіе на ряду съ запросами законодательной инціативой во *всѣхъ ея формахъ* является очередной задачей дѣятельности фракціи. Въ области рабочаго законодательства эта дѣятельность предполагаетъ самое тѣсное сотрудничество професс. организацій съ думскимъ представительствомъ рабочаго класса.

К. Дмитріевъ.

Среди журналовъ.

Теоретики компромисса.

Въ рядѣ статей въ „Русской Мысли“ подъ общимъ заглавіемъ „На Перевалѣ“ г. Изгоевъ дѣлаетъ смотръ всѣмъ тѣмъ общественнымъ группамъ, которыя, достигши „Перевала“, теперь собираются двинуться въ дальнѣйшій путь. То обстоятельство, что онъ сумѣлъ разглядѣть въ первыхъ рядахъ наблюдаемой имъ арміи рабочій классъ, показывало, что онъ не лишенъ наблюдательности, но дальше этого онъ пойти не сумѣлъ и внутренняго строенія пролетарскаго отряда не понялъ. Объ этомъ намъ приходилось уже говорить и возвращаться къ этому вопросу сейчасъ не видимъ надобности.

Отъ пролетаріевъ г. Изгоевъ перешелъ къ октябристамъ, вѣроятно, потому, что оппозиціонныя резолюціи на съѣздѣ, выступленія А. И. Гучкова и послѣдовавшій затѣмъ расколъ октябристской думской фракціи сдѣлали на время октябристовъ героями дня. Г. Изгоевъ отнесся неодобрительно къ правымъ октябристамъ, пожурилъ октябристовъ-земцевъ, но рѣшительно обрадовался существованію такой разновидности, какъ октябристы лѣвые. Почему? Да, потому что, вмѣстѣ съ г. Струве, онъ надѣется изжить реакцію посредствомъ *оздоровленія власти*. Въ той же книжкѣ „Русской Мысли“, въ которой г. Струве заявлялъ, что задача оздоровленія власти разрѣшима, такъ какъ бюрократія только за страхъ служитъ реакціи, причемъ указывалось, что это оздоровленіе зависитъ не столько отъ бюрократіи, сколько отъ умѣренныхъ элементовъ [1]), г. Изгоевъ напередъ выдавалъ премію этимъ умѣреннымъ элементамъ (октябристамъ тожъ) и звалъ ихъ къ власти [2]):

„Имѣть группу образованныхъ, просвѣщенныхъ, пользующихся уваженіемъ людей, къ которымъ страна могла бы обратиться въ минуту нужды въ людяхъ, это большой общественный выигрышъ“.

Страна—это, конечно, не вся Россія, а только третьеіюньская pays légal, („законная страна“) минусъ тѣ кусочки демократіи, которые проникли даже въ третьеіюньскую думу и которые были временно удалены изъ Думы 22 апрѣля при активномъ содѣйствіи группы „образованныхъ, просвѣщенныхъ, пользующихся уваженіемъ“ лѣвыхъ октябристовъ и при пассивномъ оказательствѣ не менѣе „образованныхъ и просвѣщенныхъ“ ка-детовъ. Но именно думскія событія этихъ дней показали, что группа „образованныхъ и просвѣщенныхъ“ сама по себѣ неспособна „оздоровить власть“ даже въ духѣ П. Струве, а исторія учитъ насъ, что если бъ даже такое „оздоровленіе“ оказалось возможнымъ, то оно никогда не обходится безъ вмѣшательства демократіи, какъ это произошло, напримѣръ, въ 1830 году во Франціи, гдѣ переходъ власти въ руки группы „образованныхъ, просвѣщенныхъ и т. д.“ совѣтниковъ Луи Филиппа не обошлось безъ нѣкоторой встряски со стороны парижской демократіи.

Г. Изгоевъ этого не отрицаетъ. Обѣщавъ заранѣе предоставить „оздоровленіе власти“ лѣвымъ октябристамъ, онъ не забываетъ и своей собственной партіи конституціонныхъ демократовъ, которымъ, по его словамъ, суждена на перевалѣ не очень почтенная роль политической сводни между демократіей и будущими министрами изъ лѣвыхъ октябристовъ.

„Конституціонная демократія не можетъ, конечно, отрицать политическихъ и соціальныхъ столкновеній, то болѣе, то менѣе острыхъ, рождаемыхъ противорѣчіемъ взглядовъ и интересовъ живущихъ подъ одной государственной кровлей общественныхъ группъ. Но что она рѣшительно и безповоротно

[1]) Р. М. 1914, 1. П. Струве. Оздоровленіе власти, стр. 148—158.
[2]) Р. М. 1914. 1. А. С. Изгоевъ. На перевалѣ. Стр. 140—147.

отметаетъ—это хиліастическое представленіе о „соціальной революціи“... Конституціонная демократія не придетъ неожиданно и внезапно... Она можетъ только врастать въ вѣками устраивавшуюся жизнь... Она, слѣдовательно, должна и принципіально исповѣдывать допустимость компромиссовъ, конечно, осмысленныхъ и цѣлесообразныхъ“ [3]).

Къ осмысленнымъ и цѣлесообразнымъ компромиссамъ самъ г. Изгоевъ причисляетъ участіе въ выборахъ Родзянко въ предсѣдатели Госуд. Думы, голосованіе за законопроектъ о введеніи исковерканнаго земства въ западныхъ губерніяхъ, участіе въ переговорахъ съ правительствомъ. Но дѣло сейчасъ не въ этомъ. Роль, предназначенная г. Изгоевымъ для конституціонныхъ демократовъ, состоитъ въ томъ, чтобы, не отрицая политическихъ и соціальныхъ столкновеній, отметать, однако, соціальную революцію и исповѣдовать компромиссы. Эту роль конституціонные демократы до сихъ поръ выполняли въ совершенствѣ: политическими и соціальными столкновеніями они пользовались для того, чтобы пугать власть скверными послѣдствіями ея собственной неуступчивости, а путемъ компромиссовъ съ октябристами старались о врастаніи конституціонной демократіи въ русскую жизнь. Почему изъ этихъ стараній ничего не вышло? Потому что политическія и соціальныя столкновенія какъ разъ противорѣчатъ и мѣшаютъ политикѣ компромиссовъ, потому что тѣ народныя движенія, которыя выростаютъ на почвѣ соціальныхъ столкновеній, не только сами не согласны удовольствоваться компромиссомъ, но не даютъ и другимъ общественнымъ группамъ проводить политику компромиссовъ, какъ бы ни была склонна къ нимъ данная группа. Рабочее движеніе своей рѣзкой и опредѣленной постановкой соціально-политическихъ вопросовъ мѣшало и мѣшаетъ конституціонной демократіи проводить политику компромиссовъ, мѣшаетъ ей всецѣло воспринять октябристскую тактику оздоровленія власти посредствомъ прислужничества передъ этой самой властью.

Г. Изгоевъ это понимаетъ. Онъ знаетъ, что конституціонной демократіи еще приходится вести борьбу за собственное существованіе, что ей еще необходимо вступить въ тѣсныя отношенія съ городской и сельской демократіей, что на пути къ этому лежатъ внѣшнія препятствія и что въ силу этого нельзя, слѣдовательно, всецѣло отворачиваться отъ политическихъ и соціальныхъ столкновеній, ни окончательно пойти путемъ компромиссовъ, которые на долго, если не навсегда, оттолкнули бы въ лагерь болѣе рѣшительный и городскую и сельскую демократію.

Но, зная все это, г. Изгоевъ все же хочетъ спасти свой принципъ компромисса и надѣется добиться этого исключительно путемъ теоретической пропаганды. Вступленію конституціонныхъ демократовъ на путь компромисса, по мнѣнію г. Изгоева, среди прочихъ причинъ мѣшаетъ еще:

[3]) Р. М. 1914, 3. А. С. Изгоевъ. На перевалѣ. Стр. 97—103.

„застой идеологической работы,—я бы сказалъ,—трусость теоретической мысли, боязнь оторваться отъ прошлаго въ поискахъ новыхъ путей“.

На практикѣ конституціонные демократы идутъ путемъ компромисса, но „теоретически эта работа совершенно не освѣщается“, т.-е. люди, идя на компромиссы, не хотятъ въ этомъ признаться и объясняютъ свои поступки другими, а не компромисными соображеніями.

Кто слѣдилъ за тактикой конституціонныхъ демократовъ, тотъ согласится съ г. Изгоевымъ, что это дѣйствительно такъ, что они боятся теоретическаго освѣщенія своей тактики, но они имѣютъ для себя оправданіе въ тѣхъ соціальныхъ конфликтахъ, въ томъ обостреніи классовой борьбы, въ атмосферѣ которой имъ приходится дѣйствовать: въ такой атмосферѣ приходится переходить отъ жалкихъ компромиссовъ къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ и теоретизировать по поводу такихъ колебаній изъ стороны въ сторону вовсе не легко. Хорошо было старому англійскому либералу Морлею написать цѣлую книгу „О компромиссѣ“, когда тихое теченіе англійской жизни, не омрачаемое никакими крупными внутренними столкновеніями въ теченіе почти полустолѣтія, покоилось исключительно на компромиссѣ. Но пусть попробуетъ теоретизировать о компромиссѣ какой-нибудь нынѣшній англійскій либералъ, хотя бы тотъ же Асквитъ, которому приходится и мелкую буржуазію успоканвать, и ирландскихъ націоналистовъ привлекать на свою сторону, и съ суфражистками воевать, и передъ революціонизирующимся рабочимъ движеніемъ отчитываться.

Г. Изгоевъ не хочетъ считаться съ тѣмъ фактомъ, что нельзя теоретизировать въ пустомъ пространствѣ, что и теоретическая мысль является отраженіемъ складывающихся или сложившихся въ общественной жизни взаимоотношеній. А г. Струве приходитъ ему на помощь и заявляетъ, что ничего этого нѣтъ, что до сихъ поръ „наши общественныя направленія“ *сознательно* подчиняли свою работу мысли общественнымъ запросамъ, но что сейчасъ происходитъ процессъ эмансипаціи отъ этой общественности:

„Цѣльное міросозерцаніе—это я самъ, и ни откуда оно мнѣ не можетъ быть доставлено... Наши общественныя направленія (народничество, марксизмъ) разрушились, какъ цѣльныя міросозерцанія, въ процессѣ роста здороваго духовнаго индивидуализма... Эпоха общественныхъ направленій, какъ міросозерцаній, какъ религій, отошла въ область исторіи. Теперь эти направленія—идейныя окаменѣлости, которыя никакими заимствованіями извнѣ не могутъ быть превращены въ живые организмы“. *)

Тонъ писаній г. Струве очень часто бываетъ декретирующій, и ему можно было бы противопоставить не мало утвержденій совершенно противоположныхъ. Но намъ кажется, что въ самихъ писаніяхъ г. Струве, въ писаніяхъ самыхъ послѣднимъ мѣсяцевъ, можно найти утвержденія, совершенно опровергающія выше приведенныя цитаты.

*) Р. М. 1914. 3—П. Струве. Почему застоялась наша духовная жизнь.

Въ статьѣ объ оздоровленіи власти, помѣщенной въ первой книжкѣ „Русской Мысли“ за этотъ годъ, г. Струве повторяетъ не разъ уже раньше высказанную имъ мысль, что

„въ 1904—1906 гг. произошелъ великій переломъ, который состоялъ въ томъ, что интеллигенція въ нѣкоторомъ отношеніи *химически соединилась съ народомъ*“ (курс. г. Струве), а *„міросозерцаніе* и правосознаніе народа измѣнилось глубже, чѣмъ *политическое устройство* страны, чѣмъ ея государственное право“.

Если эти строки имѣютъ какой-нибудь смыслъ, то только тотъ, что послѣ 1904—1906 гг. въ умственную жизнь страны втянуты широкія народныя массы и что міросозерцанія, бывшія прежде исключительно достояніемъ интеллигенціи, теперь только становятся достояніемъ этихъ массъ. Спрашивается, можно ли ввиду такого процесса говорить объ окаменѣлости нашихъ идейныхъ направленій? Скорѣе можно сейчасъ говорить о пропитываніи нашихъ направленій широкой общественностью, чѣмъ объ эмансипаціи отъ общественности.

Процессъ проникновенія новыхъ идей въ широкіе слои культурно-отсталыхъ массъ не можетъ не быть болѣзненнымъ и не можетъ не поглощать массы умственной энергіи. И уже одного этого обстоятельства было бы достаточно для отвѣта на поставленный г. Струве вопросъ — почему застоялось наша духовная жизнь? Если подъ застоемъ понимать отсутствіе новыхъ теоретическихъ работъ, посвященныхъ дальнѣйшей разработкѣ идейнаго багажа нашихъ общественныхъ теченій, то застой этотъ въ значительно мѣрѣ объясняется расходованіемъ умственной энергіи въ указанномъ направленіи.

Это не единственная причина. Есть и другая. Г. Струве вполнѣ справедливо связываетъ творческую работу мысли съ ростомъ здороваго индивидуализма, но здоровый индивидуализмъ можетъ явиться только результатомъ здоровой общественности, а мы чрезвычайно далеки отъ таковой. Г. Струве, конечно, гордъ успѣхомъ сборника „Вѣхи“ и думаетъ, что пропаганда этого сборника уже сдѣлала достаточно въ смыслѣ насажденія здороваго индивидуализма, противопоставивъ матеріализму и нигилизму религіозный идеализмъ. Но не говоря уже о томъ, что это невѣрно,—ибо у русской интеллигенціи всегда было гораздо больше религіознаго идеализма, чѣмъ матеріализма и нигилизма, если подъ первымъ понимать правильное представленіе о закономѣрности общественныхъ явленій, а подъ вторымъ —радикальное отрицаніе существующаго общественнаго уклада,—религіозный идеализмъ сборника „Вѣхи“ и его предшественниковъ былъ безплоденъ и практически и теоретически. Интеллигенціи, чувствовавшей себя послѣ разгрома революціи въ роли кающагося грѣшника, было пріятно читать эти покаянныя страницы, доказывавшія ей ея негодность и никчемность, но когда покаянное настроеніе стало проходить и неразрѣшенные вопросы русской общественности опять стали грозно напоминать о себѣ, то не въ „Вѣхахъ“ и не у ихъ авторовъ стали искать отвѣта на „проклятые вопросы“, а если бы и стали, то ничего, кромѣ совѣта сѣять капусту, тамъ бы не нашли.

Именно на успѣхѣ своего сборника и на дальнѣйшей судьбѣ его идей г. Струве лучше всего могъ бы убѣдиться, что міросозерцаніе дается не изъ глубины индивидуальнаго духа, а изъ соотношеній, существующихъ въ данной общественной средѣ.

Отсюда меньше всего, конечно, слѣдуетъ, что мірозерцаніе интеллигенціи, если уже говорить только о ней, осталось такимъ же въ 1914 г., какимъ оно было въ 1904. Среди многихъ происшедшихъ измѣненій есть одно, около котораго все время вертится г. Струве, но котораго онъ не хочетъ или не можетъ назвать. Это—окончательное исчезновеніе интеллигенціи какъ цѣлаго и распредѣленіе ея между различными общественными классами, завершеніе того процесса, который намѣтился еще въ концѣ прошлаго столѣтія.

Но объ этомъ процессѣ, какъ и о томъ, почему о немъ не хочетъ или не можетъ говорить г. Струве, придется поговорить особо.

2. *Радикализмъ словъ.*

На страницахъ лѣво-народническаго журнала „Завѣты“ С. Мстиславскій разоблачаетъ предразсудокъ объ „антимилитаризмѣ соціалистовъ“. Источникомъ этого предразсудка, по словамъ Мстиславскаго служитъ „принципіальное“ (это г. Мстиславскій ставитъ слово принципіальное въ кавычки) голосованіе соціалистовъ противъ военныхъ ассигнованій. Но г. Мстиславскій увѣряетъ, что

„причина ихъ не въ отрицаніи арміи и—я чувствую себя въ правѣ сказать это въ данный моментъ,—не въ отрицаніи милитаризма, въ его цѣломъ. Милитаризмъ двоеликъ, какъ Янусъ: и если одно лицо его обращено на рубежъ, то второе, и притомъ наиболѣе грозное, смотритъ пристально внутрь страны. И съ этимъ лицомъ приходилось считаться больше всего соціалистамъ“.

Такимъ образомъ, соціалисты, оказывается, борются только съ однимъ лицомъ милитаризма, которое направлено на усмиреніе стачечниковъ и на всякаго рода внутреннюю расправу, но съ милитаризмомъ, направленнымъ во внѣ, на войны съ сосѣдними народами, соціалисты принципіально не борются. Доказательства? Ихъ давно собрала анархистско-синдикалистская литература, занятая разоблаченіемъ соціальдемократическихъ политиковъ, и С. Мстиславскій черпаетъ изъ этого источника. Источникъ не Богъ вѣсть какой обильный, но все же кое-что какъ будто пригодно для новаго (въ который разъ?) уничтоженія „реальной политики соціальдемократіи“.

Итакъ, Бебель въ рѣчи 7 марта 1901 года сказалъ:

„Если война будетъ угрожать существованію Германіи, то, клянусь вамъ, мы всѣ до послѣдняго человѣка, даже старики, станемъ подъ ружье и будемъ охранять родную землю... до послѣдняго издыханія отстаивать каждый клочекъ нашей земли".

И это все, что приводится изъ Бебеля, какъ будто тотъ же Бебель не велъ упорной борьбы противъ франко-германской войны, какъ будто не онъ мужественно протестовалъ противъ присоединенія Эльзаса и Лотарингіи, какъ будто не онъ ежегодно въ теченіе многихъ лѣтъ съ трибуны рейхстага разоблачалъ всю внутреннюю лживость такъ называемыхъ патріотическихъ партій и всю грозящую народнымъ массамъ опасность отъ шовинистическихъ выкриковъ и имперіалистскихъ затѣй Этихъ партій, какъ будто не онъ, Бебель, и не его партія сдѣлали борьбу съ милитаризмомъ въ Германіи дѣломъ широкихъ слоевъ народа.

Далѣе слѣдуетъ Жоресъ, который также однажды сказалъ:

„Если война разразится, мы должны быть готовы не къ тому, чтобы отступиться отъ родины, предоставить случайностямъ разгрома и реакціи нашу Францію, Францію революціи минувшей и революціи грядущей—нѣтъ мы должны быть готовы освободить ее отъ всѣхъ побѣдителей: побѣдоноснаго капитала и побѣдоноснаго врага".

И опять таки это все, что приводится изъ Жореса, какъ будто не онъ велъ и ведетъ столь же упорную борьбу съ французскимъ милитаризмомъ, шовинизмомъ и имперіализмомъ и питающимъ ихъ капитализмомъ, какую велъ Бебель въ Германіи.

Мы сейчасъ вернемся къ тому, что видитъ криминальнаго въ этихъ рѣчахъ г. Мстиславскій, а пока посмотримъ на другія доказательства г. Мстиславскаго. Главную причину грѣхопаденія соціализма онъ видитъ въ признаніи „родины"—современнаго государства. Разъ признаешь послѣднее, то, разсуждаетъ г. Мстиславскій, естественно признавать войну, хотя бы оборонительную, а, признавая войну, надо признавать и армію. А такъ какъ г. Мстиславскій къ тому же и считаетъ себя знатокомъ военнаго дѣла и можетъ доказать, что войско отъ обороны неизбѣжно переходитъ въ наступленіе и что рекомендуемая соціальдемократами милиція съ современной военно-технической точки зрѣнія оказывается войскомъ мало пригоднымъ, то онъ приходитъ къ заключенію, что соціальдемократы, чтобы быть послѣдовательными, должны признать всякую войну и всякую армію.

Что касается самого г. Мстиславскаго, то онъ считаетъ себя послѣдовательнымъ въ обратную сторону, отрицая родину, всякую войну и всякое войско. И то, что это отрицаніе остается только на бумагѣ, г. Мстиславскаго мало безпокоитъ, ибо онъ проповѣдуетъ возвращеніе соціализма къ тактикѣ бланкизма, къ тактикѣ инициативнаго меньшинства, съ презрѣніемъ глядя на соціалистовъ, для которыхъ пріобрѣтеніе „темной" (опять кавычки г. Мстиславскаго) массы стало необходимымъ условіемъ успѣха.

Да, въ этомъ все дѣло. Соціалисты не хотятъ довольствоваться тѣмъ, чтобы въ красиво отчеканенныхъ фразахъ на бумагѣ или передъ аудиторіей радикальствующихъ дегенератовъ различныхъ классовъ формулировать свой сверхъ-революціонизмъ. Они не придаютъ значенія бумажному отрицанію, а хотятъ, чтобы отрицаніе стало достояніемъ массы, ибо только тогда оно становится жизненнымъ. Въ этихъ цѣляхъ, между прочимъ, необходимъ постоянный культурный подъемъ этой массы и отпоръ всему, что этому культурному подъему препятствуетъ. Если нѣмецкій пролетаріатъ дошелъ до отрицанія войны, а Китай, напримѣръ, съ его многовѣковымъ варварствомъ грозитъ разрушить всю германскую культуру, то неужели германскій пролетаріатъ долженъ проникнуться принципомъ непротивленія злу насиліемъ и выжидать сложа руки? Что въ рѣчахъ, говорящихъ о защитѣ культуры своей родины, заключается гуманизирующій, а не человѣконенавистническій принципъ, показываетъ отношеніе соціалистическаго Интернаціонала къ Россіи. Пока въ послѣдней не было самостоятельнаго рабочаго движенія, ведущаго внутреннюю борьбу съ милитаризмомъ и шовинизмомъ, до тѣхъ поръ международный соціализмъ видѣлъ въ проповѣди войны съ Россіей борьбу съ грозящей всеевропейской реакціей. Но это отношеніе измѣнилось, какъ только въ Россіи появились внутреннія, достаточно мощныя и способныя къ развитію, антимилитаристскія силы. Съ тѣхъ поръ лозунгомъ международнаго соціализма стала не война съ Россіей, а солидарность съ тѣми ея силами, которыя внутри нея объявили войну войнѣ.

Такъ обстоитъ дѣло съ вопросомъ объ оборонительной войнѣ. Что касается возможности ея перехода въ наступательную и якобы негодности милиціи, то тутъ опять таки г. Мстиславскій черезчуръ увлекся своимъ бумажнымъ отрицаніемъ. Для соціализма дѣло идетъ о томъ, чтобы сдѣлать армію народной, чтобы понятіе народъ всецѣло слить съ понятіемъ армія. И такъ какъ соціализмъ видитъ въ этомъ народѣ не просто „темную" массу, а борющіеся за господство разные классы, такъ какъ среди этихъ классовъ соціалисты разглядѣли классъ промышленнаго пролетаріата, господство котораго, по ихъ мнѣнію, подготовляется всѣмъ ходомъ общественнаго развитія то они полагаютъ, что этотъ результатъ общественнаго развитія, скажется и въ той демократической арміи, которая въ своихъ дѣйствіяхъ (въ мирѣ и на войнѣ) будетъ руководиться не духомъ нынѣшнихъ воспитанныхъ въ казармахъ солдатъ, а духомъ пролетарской демократіи.

Но это предполагаетъ, конечно, опредѣленный процессъ классовой борьбы, классоваго воспитанія, процессъ продолжительный, требующій затраты массы силъ и энергіи. А кто подходитъ къ „темной" массѣ съ предвзятымъ предубѣжденіемъ, со страхомъ запачкать свои чистые (на бумагѣ чистые) принципы, тому здѣсь дѣлать нечего, тому лучше вообще перестать болтать о соціализмѣ.

Л. Сѣдовъ.

Тактика „лѣваго блока“.

I.

„Ликвидаторовъ“ недавно снова „разъяснили“. Разумѣется, въ „Пути Правды“. Изъ „либеральной рабочей партіи“ они пожалованы въ часть „буржуазной демократіи“. И, вмѣсто смертельной, безпощадной борьбы „послѣдовательныхъ марксистовъ“ съ этими „измѣнниками“, читателямъ „Пути Правды“ рисуется перспектива „совмѣстныхъ дѣйствій пролетарской и буржуазной демократіи (трудовики и ликвидаторы) противъ правыхъ и противъ кадетовъ“.

Это пріятное открытіе преисполняетъ умнаго передовика „Пути Правды“ чрезвычайнымъ самодовольствомъ. Видно, что новая мысль досталась ему путемъ упорныхъ „исканій“ и чрезвычайнаго напряженія отпущенныхъ ему благодѣтельной природой умственныхъ способностей. Но, принадлежа совершенно очевидно къ породѣ людей, которыхъ пословица не совѣтуетъ „заставлять Богу молиться“, онъ не могъ удержаться и разбилъ себѣ лобъ.

Бѣдняга писалъ свою „руководящую“ статью по поводу послѣднихъ яркихъ событій въ Думѣ. И воплощеніемъ „лѣваго блока“ между пролетарской и буржуазной демократіей явилось въ его изображеніи совмѣстное выступленіе 21 лѣваго депутата при обструкціи 22 апрѣля и при возвращеніи обструкціонистовъ въ Думу 7 мая. Но усвоенная имъ классификація при столкновеніи съ дѣйствительной картиной связанныхъ съ „обструкціею“ событій приводитъ къ неожиданнымъ заключеніямъ.

Оказывается, что „лѣвый блокъ“ состоитъ въ томъ, что „буржуазная демократія“ (въ лицѣ „ликвидаторовъ“ и трудовиковъ) договаривается съ пролетарской („Р. С. Д. Р. Ф.“) о совмѣстномъ рѣшительномъ выступленіи противъ правительства. Выступленіе происходитъ, производитъ сильное впечатлѣніе въ странѣ, вызываетъ рѣзкое столкновеніе между блокомъ и „предательской буржуазіей“ въ лицѣ к.-д. Пока все идетъ, какъ по писанному, и авторъ гордо пишетъ: „пролетарская демократія ни на іоту не ослабила своей самостоятельности и не отступила отъ своей пролетарской, правдистской линіи“. Онъ даже забывается до такой степени, что прибавляетъ: „поддержали эту линію противъ либераловъ только трудовики и ликвидаторы, хотя тѣ и другіе нерѣдко колеблются въ пользу либераловъ“. „Ликвидаторы поддержали“! Бумага все стерпитъ. Авторъ, конечно, знаетъ, что и иниціатива, и планъ совмѣстнаго выступленія 21 апрѣля принадлежали „ликвидаторамъ“, что въ обструкціи 22 апрѣля центральнымъ моментомъ былъ отказъ Чхенкели выйти изъ Думы... Но... „мы пахали“.

Далѣе. „Буржуазная демократія“, въ лицѣ „ликвидаторовъ“, получая отъ рабочихъ со всѣхъ концовъ Россіи энтузіастическія привѣтствія, договаривается съ другой буржуазной демократіей (трудов. группа) и съ пролетарской (фракція Малиновскаго) о дальнѣйшей тактикѣ. Вырабатывается декларація, въ которой „лѣвый блокъ“ достойно отвѣчаетъ и на политику думскаго большинства, и на поведеніе „предательской буржуазіи“. Но г-нъ Р. В. Малиновскій, вождь пролетарской демократіи, идетъ къ вождю „предательской буржуазіи“ Милюкову, противъ которой производится совмѣстное выступленіе, и на груди его выплакиваетъ свою неудовлетворенность принятой „лѣвымъ блокомъ“ тактикой, говоря о томъ, что онъ „задыхается“ и что онъ считаетъ необходимымъ для „лѣваго блока“ апеллировать къ избирателямъ. Добрый вождь предательской буржуазіи (см. его интервью въ „Петерб. Курьерѣ“) утѣшаетъ вождя „правдистской, пролетарской демократіи“ и деликатно объясняетъ ему, что, хотя, съ точки зрѣнія предательской буржуазіи, лѣвый блокъ и совершилъ большую глупость, но что осложнять ее предательствомъ по отношенію къ самому лѣвому блоку вождю „пролетарской, правдистской демократіи“ отнюдь не слѣдуетъ, почему и совѣтуетъ ему не „ставить товарищей въ еще болѣе трудное положеніе“.

Но вождь „пролетарской, правдистской демократіи“ хорошо помнитъ одно: что надо „поступать наоборотъ“ совѣтамъ „предательской буржуазіи“. Презрѣвъ, поэтому, совѣты г. Милюкова и „ни на іоту не ослабляя своей самостоятельности“, онъ вручаетъ г. Родзянко свою отставку и бѣжитъ, сверкая пятками, заграницу, подкидывая своимъ товарищамъ какое то письмо съ объясненіями, которое они въ теченіе 2-хъ недѣль не рѣшались опубликовать для того, чтобы не ослѣпить читателей яркостью той „пролетарской, правдистской линіи“, которая въ немъ выражена.

Такимъ образомъ, воспѣтый умникомъ изъ „Пути Правды“ лѣвый блокъ, по сопоставленію съ неумолимыми фактами, рисуется, какъ попытка „буржуазной демократіи“ организовать народныя силы вокругъ ведущейся въ Думѣ борьбы,—попытка, срываемая безчестной, безотвѣтственной и безпринципной политиканской игрой тѣхъ, кто себя именуетъ „пролетарской, правдистской демократіей“. И послѣдній штрихъ въ этой картинѣ дается объясненіемъ поведенія Р. В. Малиновскаго, исходящимъ отъ его друзей: „пролетарская, правдистская демократія“ не вынесла испытаній, „надорвалась“, „душевно устала“ отъ столь горделиво возвѣщенной борьбы одновременно съ черносотенной реакціей и съ буржуазнымъ либерализмомъ.

Можетъ быть, съ моей стороны жестоко упоминать объ этомъ злостномъ политическомъ банкротствѣ фракціи г. Малиновскаго и

„Пути Правды“? Но, помимо того, что это банкротство—злостное, мы не можемъ пройти мимо попытки даже это банкротство использовать для возвеличенія „правдистской линіи“ и оклеветанія ея идейныхъ противниковъ.

II.

Итакъ, „ликвидаторы“ являются разновидностью буржуазной демократіи и, въ качествѣ таковыхъ, подлежатъ, вмѣстѣ съ трудовиками, включенію въ „лѣвый блокъ“.

Не надо, однако, думать, что это, такъ сказать, „окончательное“ мнѣніе „Пути Правды“. Какъ всякіе торговцы старымъ хламомъ, „правдисты“ въ области идейнаго обмѣна не знаютъ „цѣнъ безъ запроса“. Они запрашиваютъ очень много—чтобы ихъ признали единственными представителями пролетаріата. Но они готовы сторговаться и на меньшемъ,—чтобы ихъ признали единственно выдержанными его представителями.

Послѣ того, какъ авантюристъ, стоявшій во главѣ ихъ, продемонстрировалъ „самостоятельную правдистскую линію“, они, очевидно, возгордились и объявили, что все, внѣ ихъ стоящее, относится къ буржуазной демократіи. Но 30-го апрѣля, когда еще Малиновскій скромно занималъ мѣсто въ хвостѣ боевого временнаго соглашенія думской крайней лѣвой, они сами были скромнѣе и писали по иному.

Въ № 74-омъ въ передовой они тоже пишутъ о событіи 22-го апрѣля:

„Когда дѣло дошло до серьезной борьбы на думской аренѣ—представители рабочихъ оказались, конечно, на первомъ мѣстѣ и, въ качествѣ союзниковъ, они встрѣтились *только* съ небольшой группой трудовическихъ депутатовъ, такъ или иначе связанныхъ съ крестьянской массой“.

Какъ видите, „убѣжденія“ 30-го апрѣля сильно отличаются отъ „убѣжденій“ 13-го мая. Соціалдемократическіе депутаты фигурируютъ въ апрѣльской схемѣ въ качествѣ не представителей буржуазной демократіи, но „представителей рабочихъ“. Послѣдніе встрѣтили 22 апрѣля поддержку *только* въ трудовикахъ: это значитъ, что терминомъ „представители рабочихъ“ здѣсь обнимаются и „шестерка“ и с.-д. фракція.

Въ промежуткѣ между 30 апрѣля и 13 мая „Путь Правды“ изъ все того же стараго хлама вытащилъ еще одно опредѣленіе различія между „пролетарской, правдистской линіей“ и линіей „ликвидаторовъ“.

Онъ нашелъ его въ различномъ отношеніи къ крестьянству и буржуазіи.

„Послѣдовательные“, говорилъ „Путь Правды“, видятъ въ демократическомъ крестьянствѣ единственную опору для пролетаріата въ его борьбѣ за неурѣзанные лозунги. Напротивъ, ликвидаторы считаютъ крестьянство несознательнымъ и не вѣрятъ въ его способность встать на путь рѣшительной демократической борьбы; недовѣряя ему, они возлагаютъ всѣ свои надежды на движеніе либеральной буржуазіи, а потому отвергаютъ тактику „лѣваго блока“.

Это опредѣленіе, конечно, ближе къ истинѣ, но заключаетъ въ себѣ истину, преломленную черезъ призму политическихъ предразсудковъ большевизма.

Изъ двухъ классовъ буржуазнаго общества — капиталистической буржуазіи и мелкаго „трудового“ крестьянства—разумѣется, послѣднее демократичнѣе и радикальнѣе въ своемъ отношеніи къ основамъ крѣпостническаго строя и къ правовымъ надстройкамъ на немъ. Разумѣется, только въ общемъ и цѣломъ. Есть извѣстныя области права и общественной морали, въ которыхъ консерватизмъ крестьянской демократіи оказывался очень часто упорнѣе и непреодолимѣе, чѣмъ консерватизмъ капиталистической буржуазіи: таковы области вопросовъ религіозной свободы, женскаго равноправія, равноправія евреевъ и т. п. Но, въ общемъ и цѣломъ, на протяженіи періода борьбы съ сословностью и полицейскимъ абсолютизмомъ крестьянская собственность потенціально радикальнѣе и демократичнѣе собственности капиталистической. Отсюда слѣдуетъ, что въ процессѣ ликвидаціи сословности и абсолютизма окончательный разрывъ пролетаріата съ крестьянствомъ произойдетъ позже, чѣмъ окончательный разрывъ пролетаріата съ либеральной буржуазіей: у пролетаріата вмѣстѣ съ крестьянствомъ (и съ мѣщанской демократіей), окажутся нѣкоторыя общія политическія задачи уже тогда, когда у пролетаріата и капиталистической буржуазіи никакихъ общихъ прогрессивныхъ задачъ не будетъ.

Но это все—*въ потенціи*. Это все въ томъ—вѣроятномъ, но не неизбѣжномъ — случаѣ, если историческій процессъ, какъ принято выражаться, „дойдетъ до своего логическаго конца“. И по мѣрѣ того, какъ процессъ будетъ приближаться къ этому концу, будетъ видоизмѣняться взаимоотношеніе между *объективными* интересами буржуазнаго либерализма и крестьянской демократіи, обуславливая собою возможность все болѣе дѣйствительнаго воздѣйствія пролетарской демократіи на послѣднюю. Тѣ дружескія „сосѣдскія“ отношенія, которыя съ 1905 года установились между пролетарской демократіей и *передовыми отрядами* демократіи крестьянской, являются прообразомъ этой возможной и при извѣстныхъ условіяхъ необходимой будущей политической кооперації между пролетаріатомъ и „трудовымъ крестьянствомъ“ (плюсъ мелкобуржуазная городская демократія), какъ классами, въ процессѣ борьбы за раскрѣпощеніе.

Но въ настоящее время, на той стадіи историческаго процесса, которую переживаетъ Россія, когда на очереди дня стоитъ не послѣдній актъ „буржуазной реформы“, а всего лишь первые ея рѣши-

тельные шаги, взаимоотношеніе классовъ представляется въ иномъ свѣтѣ. Громадныя массы трудового крестьянства не только не переросли политически прогрессивную буржуазію, онѣ значительно отъ нея отстали. Временное объединеніе значительныхъ крестьянскихъ массъ въ 1906 — 07 гг. вокругъ политическаго народничества свидѣтельствуетъ лишь о *тенденціи* развитія крестьянства. (въ его массѣ) къ соціально-политическому радикализму, а отнюдь не о достигнутомъ уже въ 1906 — 7 гг. принципіальномъ разрывѣ съ „либерально-монархической" оппозиціей, подъ знакомъ которой стояли обывательскія массы города и деревни въ эпоху освободительнаго движенія: ибо и временнымъ, и неглубокимъ, и непрочнымъ было это объединеніе.

Объективное взаимоотношеніе крестьянства и буржуазіи въ современной Россіи опредѣляется тѣмъ, что соціальный и политическій прогрессъ буржуазіи двигаетъ впередъ экономическій прогрессъ въ деревнѣ и даетъ толчокъ политическому развитію крестьянства. Всякая, хотя бы ультра-умѣренная, и даже аполитическая культурная дѣятельность буржуазнаго либерализма содѣйствуетъ высвобожденію деревни изъ-подъ духовной опеки старыхъ сословій, изъ-подъ власти консервативнаго крѣпостническаго міровоззрѣнія. И обратно: процессъ демократическаго самоопредѣленія деревни, какъ и процессъ развитія въ „трудовомъ" крестьянствѣ общественной самодѣятельности, ближайшимъ образомъ содѣйствуютъ укрѣпленію въ деревнѣ экономическихъ и культурныхъ устоевъ господства буржуазіи. До тѣхъ поръ, пока надъ всей политической жизнью страны господствуютъ контр-революціонныя настроенія, порожденныя разбившейся о собственныя противорѣчія революціей (а эпоха ихъ господства приходитъ къ концу)—это взаимоотношеніе затушевывается политиканствомъ буржуазнаго либерализма, его оппортюнистическимъ приспособленіемъ къ господствующимъ соціальнымъ группамъ. Съ растущимъ оживленіемъ общественной жизни „нормальное" взаимоотношеніе должно будетъ снова проявиться, какъ и въ 1904 — 6 гг. въ стремленіи буржуазнаго либерализма пойти на встрѣчу крестьянству въ его аграрныхъ и правовыхъ требованіяхъ.

Тактика „лѣваго блока", то есть постоянной политической кооперации пролетаріата и „трудового крестьянства" въ одновременной борьбѣ и съ крѣпостничествомъ и съ буржуазіей, является, поэтому, висящей въ воздухѣ. Ея первымъ и основнымъ грѣхомъ является то, что она фатально ведетъ къ изоляціи передовыхъ элементовъ мелкобуржуазной и крестьянской демократіи отъ тѣхъ широкихъ народныхъ массъ города и деревни, которыя подлежатъ еще элементарному политическому воспитанію и которыя въ обстановкѣ классоваго общества и полицейскаго государства не могутъ это политическое воспитаніе пріобрѣсти внѣ той арены, гдѣ сельская и городская демократія соприкасаются съ буржуазіей въ качествѣ не абсолютно-антагоническихъ соціальныхъ группъ, но какъ участники одного и того же процесса

борьбы за самораскрѣпощеніе. И къ такой изоляціи мелкобуржуазныхъ народныхъ массъ отъ ихъ авангарда, послѣдовательно проведенная тактика „лѣваго блока" ведетъ путемъ приспособленія къ романтическимъ или соціально-реакціоннымъ иллюзіямъ отсталыхъ массъ, тѣмъ самымъ содѣйствуя внѣдренію этихъ иллюзій въ пролетаріатъ.

Всѣ наиболѣе „блестящія" проявленія тактики „лѣваго блока" за истекшее десятилѣтіе служатъ тому подтвержденіемъ.

III.

Вотъ—бойкотъ I-й Думы. „Пролетаріатъ и крестьянство" противопоставлены городскимъ буржуазнымъ и мелкобуржуазнымъ элементамъ, впервые дающимъ старому режиму серьезный бой на аренѣ законодательныхъ выборовъ. Утопическая, основанная на романтической иллюзіи, тактика даетъ жалкій результатъ: соціалистическіе авторы идеи бойкота не поймали крестьянской и мелкобуржуазной демократіи, они схватили только ея *тѣнь* въ видѣ идеологическихъ народническихъ группъ. Сама крестьянская масса пошла на выборы „съ кадетами", на выборахъ выдѣлила изъ себя политическую партію „трудовиковъ"; въ союзѣ съ к.-д. противъ черной сотни и „за Думу" трудовики получили первый политическій опытъ и пришли къ болѣе или менѣе отчетливому партійному самоопредѣленію и лишь постольку могли занять въ Думѣ сколько-нибудь самостоятельную позицію.

Вотъ—борьба I-й Думы съ реакціей. Рабочая группа, выдѣлившись изъ трудовой подъ с.-д. знаменемъ, побуждаетъ „трудовиковъ" къ систематическому давленію на думское большинство въ процессѣ поддержки его противъ реакціи—въ цѣляхъ болѣе радикальной, болѣе народной постановки этой борьбы. Что дѣлаютъ сторонники „лѣваго блока"? Задаваясь цѣлью осуществить, во что бы то ни стало, этотъ блокъ, какъ союзъ пролетаріата и крестьянства противъ буржуазіи (большевики), противъ капитализма (эс-эры), они *срываютъ* Думу, какъ „общенаціональный центръ" борьбы за раскрѣпощеніе, какъ арену постояннаго соприкосновенія и взаимо-дѣйствія между буржуазіей и нуждающимся въ политическомъ воспитаніи крестьянствомъ. Ихъ страшитъ это взаимодѣйствіе; они пугаются вліянія на крестьянскій авангардъ „конституціонныхъ иллюзій", не видя, что для крестьянскихъ *массъ* дѣло еще идетъ о пріобщеніи къ конституціоннымъ *идеямъ*, объ освобожденіи отъ иллюзій абсолютистскихъ. И для того, чтобы помѣшать этому превращенію Думы въ центръ общенаціональной борьбы, „лѣвоблокисты" задаются цѣлью оторвать трудовую группу отъ думскаго большинства, связавъ ее съ рабочимъ движеніемъ. А для этого имъ приходится возстать противъ *выдѣленія* рабочихъ депутатовъ изъ трудовой группы, противъ классоваго самоопредѣленія рабочаго представительства, противъ закрѣпленія его связи съ соціал-

демократіей, противъ образованія самостоятельной с.-д. фракціи въ Думѣ. Такъ „лѣвоблокизмъ“ ленинскій, какъ и лѣвоблокизмъ европейскихъ оппортунистовъ, неизбѣжно приходитъ къ временному отказу отъ политической самостоятельности пролетаріата.

Распускаютъ Думу... Н. Ленинъ „создаетъ“ геніальный планъ объединенія пролетаріата и крестьянства въ общемъ выступленіи „послѣ полевыхъ работъ“, подготовленномъ дѣятельностью „троекъ“ и „пятерокъ“. Снова въ рукахъ апостоловъ „лѣваго блока“ не крестьянская демократія, снова „молчащая на всѣхъ языкахъ“, и уже не тѣнь ея, а тѣни: „лѣсные братья“ въ уѣздахъ, конкуррирующіе съ „боевиками“ городовъ въ дѣлѣ расточенія и распыленія послѣднихъ организованныхъ кадровъ освободительнаго движенія... А во имя такой „подготовки“ къ выступленію „лѣваго блока“, большевизмъ яростно отвергаетъ работу по классовому углубленію рабочаго движенія, по организаціи его силъ въ профессіональномъ движеніи, по организаніи рабочаго съѣзда. „Лѣвоблокизмъ“ непримиримо сталкивается съ классовыми интересами пролетаріата.

Выборы во 2-ю Думу. Во имя „лѣваго блока“, разрывается единство избирательной кампаніи въ Петербургѣ, и въ то же время освободившійся отъ партійной связи съ меньшевиками, большевизмъ, выступая подъ знаменемъ лѣваго блока въ городской куріи, подготовляетъ избирательную побѣду лѣво-народниковъ въ куріи рабочей. Если бъ это не было политической глупостью, оно было бы политической измѣной.

Дни второй Думы. Ленинъ и Алексинскій толкаютъ с.-д. фракцію къ „лѣвому блоку“, къ подчиненію всей борьбы съ реакціей интересамъ борьбы съ либеральной оппозиціей. На этотъ разъ они, повидимому, имѣютъ успѣхъ: сколько разъ впослѣдствіи они, какъ съ писанной торбой, носились съ ариѳметическими выкладками, устанавливавшими, что въ большинствѣ голосованій II-й Думы по принципіальнымъ вопросамъ думская оппозиція дѣлилась по линіи, проходящей между к.-д. и трудовиками! Таковъ былъ фактъ; но этотъ фактъ, свидѣтельствуя о контръ-революціонномъ отступленіи кадетской буржуазіи, означалъ не наростаніе крестьянскаго движенія, не ростъ крестьянской демократіи, а, напротивъ, ростъ „успокоенія“ въ крестьянствѣ, парализованномъ закономъ 9 ноября, и изоляцію передовыхъ крестьянскихъ и крестьянофильскихъ элементовъ отъ крестьянскихъ массъ. Ибо вмѣстѣ — до очень далекаго предѣла — съ буржуазнымъ обществомъ, а не въ борьбѣ съ нимъ, революціонизируется „трудовое“ крестьянство, переживающее стадію раскрѣпощенія, и начало конца буржуазной революціи было вмѣстѣ и концомъ революціи крестьянской. Открытый Алексинскимъ и Ленинымъ втородумскій „лѣвый блокъ“, якобы, осуществившійся вопреки Джапаридзе и Церетели, обнаружилъ свою фиктивность въ трагикомической картинѣ 3-го іюня,

когда народническія партіи, сразу ввергнутыя въ небытіе арестомъ с.-д. фракціи, ждали, чтобы ихъ также арестовали; въ полномъ составѣ собирались для этой цѣли, но не дождались: люди реакціи не краснобаи, а потому не видѣли предъ собою „лѣваго блока“; они видѣли только мобилизованный пролетаріатъ. Снова лѣво-блокисты ухватили не крестьянскую демократію, а тѣнь ея *).

Въ настоящее время мы присутствуемъ при нѣкоторомъ политическомъ возрожденіи народничества. Представляетъ ли оно хоть въ какой нибудь мѣрѣ рефлексъ возобновляющагося крестьянскаго движенія? Нисколько. Достаточно просмотрѣть лѣво-народническія газеты, чтобы видѣть, что, если онѣ и удѣляютъ извѣстное мѣсто аграрному *вопросу*, то о крестьянскомъ *движеніи*, какъ явленіи хотя бы завтрашняго дня, онѣ почти не говорятъ. Лѣво-народничество возрождается, какъ опредѣленная фракція въ рабочемъ классѣ и соціалистически-окрашенной интеллигенціи,—конечно, какъ фракція, характеризующаяся специфическимъ тяготѣніемъ къ крестьянству. Мнѣ могутъ справедливо возразить, что первое возрожденіе народничества въ 1898—1901 г.г. носило первоначально тотъ-же характеръ: среди пробужденныхъ с. д. агитаціей петербургскихъ и кіевскихъ рабочихъ пустили корни первыя „эс-эрскія“ организаціи. Это—такъ. Но, возрождаясь въ такомъ видѣ, лѣво-народничество начала вѣка именно и стояло на распутьи между классовой борьбой пролетаріата, противъ воли пропитывающей марксизмомъ своихъ участниковъ, и реставраціей старыхъ иллюзій междуклассоваго соціализма. Марксисты того времени понимали это и не даромъ и „объявленіе о возобновленіи изданій Группы Освоб. Труда“ (1900 годъ), и первые №№ „Искры“ (1901) исходили изъ возможности втянуть способные къ развитію элементы „эс-эровства“ въ создававшуюся с. д. партію. Недифференцированность общественныхъ отношеній и прежде всего элементарность самого рабочаго движенія предопредѣлили выборъ другого пути.

Но Россія не даромъ пережила эти 15 лѣтъ. Рабочее движеніе давитъ также значительно сильнѣе на мысль и волю принимающихъ въ немъ участіе. И деревенская дѣйствительность тоже не такъ „проста“, чтобы легко, какъ 15 лѣтъ назадъ, уложиться въ схему соціально-романтическихъ перспективъ. А потому съ большимъ, чѣмъ тогда, правомъ можно теперь разсчитывать на нормальную эволюцію возрождающагося, какъ движеніе, лѣво-народничества къ пролетарскому соціализму безъ оговорокъ. А этой нормальной эволюціи могла бы только

*) Совершенно аналогичное явленіе можно было наблюдать во Франціи 1849—50 г.г., когда передъ лицомъ усиливавшейся контр-революціи, поддерживаемой республиканской буржуазіей, мелкобуржуазная демократія временно очутилась въ одномъ лагерѣ съ соціалистами.

помѣшать, ее только парализовать бы могла тактика „лѣваго блока“, толкающая соціалистическіе элементы лѣво-народничества обратно въ болото „трудовичества“, отъ котораго оно теперь старается принципіально отмежеваться.

„Правдизмъ“ самъ по себѣ представляетъ новую ипостась „большевизма“, возродившагося послѣ полнаго упадка, какъ фракція въ новомъ рабочемъ движеніи. Оперившись, онъ понемногу возвращается къ идеологическимъ украшеніямъ 1905—6 г.г. и прежде всего къ „лѣво-блокистской“ идеологіи, къ утопіи „диктатуры пролетаріата и крестьянства“. И, по мѣрѣ того, какъ онъ къ нимъ возвращается, замѣчается его вредное, реакціонное вліяніе на слѣдующую за нимъ, въ порядкѣ отдаленности отъ маркизма, фракцію -на лѣво-народниковъ. Подготовивъ своей анти-марксистской работой почву въ пролетаріатѣ для успѣховъ народничества и окрыливъ надеждой консервативные элементы послѣдняго, „правдизмъ задерживаетъ процессъ высвобожденіе его изъ подъ власти старыхъ иллюзій. Утопизмъ соціалистическій питаетъ собой утопизмъ „трудовой“ демократіи. Чувствуя это, „правдисты“ въ послѣднее время стараются регулировать свою лѣво-блокистскую агитацію тѣмъ, что паралельно свойственнымн имъ методами дискредитируютъ идеологію лѣво-народничества. Настаетъ пора той, по выраженію Энгельса, „грубіанской“ литературы, въ которой лѣво-народникамъ отводится мѣсто въ реакціонной части крестянства, исповѣдующей вѣру въ чорта и практикующей „снохачество“ (!!!). Разумѣется, эта политическая литература столь-же убѣдительна, сколько и умна, и дѣйствіе ея отнюдь не можетъ парализовать тяготѣній вызываемыхъ въ рабочей массѣ лѣво-блокистской пропагандой.

Реальное боевое объединеніе пролетаріата и „трудового“ крестьянства въ борьбѣ противъ „измѣннической буржуазіи“ (читай: противъ капитализма) до сихъ поръ оказывалось „красивой сказкой“ (по существу, реакціонной сказкой). На дѣлѣ „лѣвый блокъ“ былъ и остается лишь идеологическимъ объединеніемъ *утопическихъ* элементовъ двухъ классовыхъ движеній—пролетаріата и мелкой буржуазіи (со включеніемъ «трудового» крестьянства). Въ качествѣ такового, онъ препятствуетъ нормальному развитію обоихъ движеній, задерживаетъ процессъ образованія и рабочей и крестьянской партій. Нисколько не облегчая временной политической кооперацiи пролетарской и крестьянской демократіи тамъ, гдѣ она вызывается интересами общественнаго развитія, „лѣво-блокизмъ“, механически объединяющій два утопизма, стоитъ поперекъ развитію марксистской мысли и неизмѣнно льетъ воду на мельницу междуклассоваго „самобытнаго“ соціализма.

Л. Мартовъ.

Хлѣбныя пошлины *).

Недавно государственная дума, а за ней государственный совѣтъ,—съ обычной въ такихъ случаяхъ поспѣшностью приняла чрезвычайно важное постановленіе о введеніи пошлинъ на хлѣбъ, привозимый въ Россію. За недостаткомъ времени дума не успѣла проголосовать другое аналогичное предложеніе—о введеніи пошлинъ на хлѣбъ, привозимый изъ-за-границы въ Финляндію. На разсмотрѣніи думы находится и третье аналогичное предложеніе—о введеніи пошлинъ на хлѣбъ, привозимый въ пріамурскій край,—служившее предметомъ обсужденія для двухъ комиссій.

Какъ бы ни высказалась дума по поводу двухъ послѣднихъ предложеній, касающихся Финляндіи и Пріамурья, принципіальное и практическое значеніе ея голосованія въ пользу хлѣбныхъ пошлинъ остается громаднымъ. Волей правительства и законодательныхъ учрежденій Россія вовлекается на путь аграрнаго протекціонизма, ставшаго проклятіемъ для экономическаго развитія зап. Европы въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій. На шеѣ русскаго пролетаріата затягивается петля, подобная той, которую напряженно силится прорвать чуть не весь международный пролетаріатъ.

Если отдѣльныя проявленія аграрнаго протекціонизма существовали въ Россіи и раньше, то во всякомъ случаѣ очень давно эта система не получала столь рѣзкаго выраженія. Программа экономической политики, начертанная авангардомъ рабочаго класса, дополняется новымъ требованіемъ, игнорировать которое не долженъ ни одинъ сознательный работникъ.

---

*) *Примѣч. редакціи.* Соглашаясь съ общими соображеніями, изложенными въ статьѣ о значеніи хлѣбныхъ пошлинъ, редакція считаетъ нужнымъ указать на слѣдующее:

1) Въ защиту высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ въ 90-хъ годахъ высказывались не всѣ марксисты, а только Туганъ-Барановскій и Струве. Напротивъ, въ „Самарскомъ Вѣстникѣ“ въ статьяхъ П. М. указывалось на невыгодность для пролетаріата и городского населенія повышенія цѣнъ на хлѣбъ.

2) Таможенныя хлѣбныя пошлины не могутъ имѣть такого вліянія на хлѣбныя цѣны въ *вывозящихъ* хлѣбные продукты странахъ, какъ въ ввозящихъ. Наконецъ, искуственное повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ сокращаетъ не интенсивное скотоводство, какъ полагаетъ авторъ, а экстенсивное, на необработанныхъ земляхъ.

I.

Чѣмъ вызваны хлѣбныя пошлины.

Россія слыла и слыветъ „житницей Европы“. Громадный хлѣбный вывозъ составляетъ одну изъ особенностей ея экономики. О значительномъ подъемѣ ея сельскаго хозяйства говорятъ и пишутъ не только наймиты бюрократіи, но и многіе западно-европейскіе профессорскіе авторитеты. И вотъ эта страна „неограниченныхъ возможностей“, прославленныя какъ „золотое дно“, вынуждена въ эпоху высокихъ міровыхъ цѣнъ прибѣгать къ мѣрамъ, которыя впервые примѣнены были Европой въ моментъ жестокаго сельско-хозяйственнаго кризиса, приводившаго въ отчаяніе земледѣльческое населеніе. Чѣмъ же объясняется этотъ рѣзкій переходъ?

Приглядываясь къ роли Россіи на міровомъ хлѣбномъ рынкѣ, можно замѣтить постепенное уменьшеніе вліянія Россіи. Россія и теперь, правда, вывозитъ свой хлѣбъ въ громадныхъ—и даже растущихъ количествахъ, но относительное ея значеніе уменьшается: на цѣломъ рядѣ рынковъ пальма первенства переходитъ къ конкуррирующимъ странамъ. Такъ, на одномъ изъ важнѣйшихъ рынковъ—англійскомъ—Россія за тридцать лѣтъ едва удержала свое значеніе, тогда какъ заокеанскія страны увеличили его относительно въ $2^1/_2$ раза.

	Ввозъ въ Англію пшеницы въ % снабженія	
	Изъ Россіи	изъ заокеанскихъ странъ.
1882—1891	15,8%	21,0%
1902—1911	15,7%	51,6%

Аналогичное положеніе для пшеницы начинаетъ складываться и въ Германіи.

	Взозъ пшеницы въ % снабженія		
	Изъ Россіи	Аргентины	Австраліи
1896—1900	42,9%	14,2%	0,3%
1911—1913	30,0%	20,9%	3,5%

Но особенно тяжелыя пораженія терпитъ русскій вывозъ на рынкахъ скандинавскикъ странъ, въ Бельгіи и Голландіи: здѣсь грознымъ конкуррентомъ Россіи выступаютъ не столько заокеанскія страны, сколько Германія. Мало того. Иностранный хлѣбъ начинаетъ проникать въ Финляндію („нашъ естественный рынокъ“) и въ предѣлы самой Россіи. Польша, Прибалтійскій край, Сѣверо-западный край ввозятъ заграничный хлѣбъ замѣтными количествами, и недалеко то время, когда германская рожь будетъ ввозиться въ Россію въ большихъ количествахъ, чѣмъ русская рожь въ Германію.

Статистика русскаго хлѣбнаго ввоза, такова:

	Привозъ зерновыхъ хлѣбовъ	Вывозъ хлѣбовъ
Среднее за 1899—1903	2,437 тыс. п.	437.624 тыс. п.
	0,55%	100
„ „ 1904—1908	11.428	„ 497.283
	2,3%	100
„ „ 1909—1912	15.240	„ 664,698
	2,3%	100

Буржуазная и патріотическая печать склонна объяснять отмѣченные факты злокозненной германской политикой, которая съ помощью вывозныхъ премій форсируетъ вывозъ германскаго хлѣба на русскіе рынки.

Вывозныя преміи, о которыхъ идетъ рѣчь, разумѣется, оказываютъ извѣстное вліяніе, создавая исключительно благопріятныя условія для сбыта германскаго хлѣба. Но что не въ нихъ дѣло, можно видѣть хотя бы изъ того, что русскій хлѣбъ вытѣсняется и тамъ, гдѣ германской конкурренціи нѣтъ или она совершенно ничтожна, какъ, напр., въ Англіи. Болѣе искренніе изслѣдователи не ограничиваются поэтому ссылкой на германскія „интриги“ и стараются открыть причины во внутреннихъ условіяхъ русской хлѣбной торговли. Пораженія Россіи приписываютъ неорганизованности русскихъ экспортеровъ, засоренности русскаго хлѣба, отсутствію надлежащей консульской организаціи, недостатку кредита и пр. Все это, разумѣется, вѣрно и не лишено извѣстнаго значенія. Однако, все это факты, лежащіе на поверхности явленія. Сущность его заключена гораздо глубже. Ревнители нашего экспорта не видятъ глубокой соціально-экономической перемѣны, переживаемой русскимъ сельскимъ хозяйствомъ, и никакъ не въ состояніи понять, что ухудшеніе положенія Россіи на міровомъ хлѣбномъ рынкѣ вызвано именно этой перемѣной.

Та сила, съ помощью которой русскій хлѣбъ дѣлалъ свои завоеванія на міровомъ рынкѣ, была—его дешевизна. Теперь онъ эту силу утрачиваетъ. Хлѣбъ въ Россіи чрезвычайно дорожаетъ и ростъ цѣнъ въ Россіи обгоняетъ ростъ цѣнъ на міровомъ рынкѣ.

Что при этомъ особенно характерно, это ростъ цѣнъ при наличности богатыхъ урожаевъ. Такъ, пользуясь данными П. И. Лященко, приведенными въ изслѣдованіи хлѣбной торговли, можно составить для четырехъ главныхъ хлѣбовъ такую таблицу:

Годы.	Цѣны за пудъ. Въ отношеніи къ соотв. за 1891—1895.	Урожай
1891—1895	100	100
1896—1900	98	109
1901—1905	105	129
1906—1910	133	129

Несмотря на то, что урожайность въ послѣдніе годы значительно поднялась, цѣны повысились въ той же пропорціи. Въ 1911 г.

и въ первую половину 1912 г. цѣны продолжали расти. Моментами цѣны на русскій хлѣбъ оказываются на лондонскомъ рынкѣ выше, чѣмъ цѣны Американскаго хлѣба. Въ пятилѣтіе 1901—1905 гг. цѣны американскаго хлѣба были на 19 коп. выше цѣнъ русскаго хлѣба; въ пятилѣтіе 1906—1910 г.г. разница составляла только 11 коп. Въ 1907 г. и въ 1908 г. цѣны американскаго хлѣба оказались даже ниже цѣнъ русскаго хлѣба. Но съ того момента, какъ цѣны на русскій хлѣбъ быстро двинулись въ гору, преимущество его было утрачено. Конкуренція заокеанскихъ странъ, располагающихъ дѣвственными условіями развитія, стала все болѣе тяжелой. Канада, Аргентина, Остъ-Индія, Австралія въ совокупности вывезли въ Зап. Европу въ періодъ 1907—1911 г.г.—32, 3% всего потребнаго хлѣба. Для главнаго хлѣба—пшеницы—процентъ этотъ поднимается до 46, 8%. А страны эти обладаютъ громаднымъ запасомъ свободныхъ земель и усиленно расширяютъ площадь подъ обработкой. Въ Аргентинѣ теперь занята едва 1/10 годной къ обработкѣ земли. Австралія обладаетъ громадными рессурсами, и чтобы не останавливаться дольше на характеристикѣ этихъ рессурсовъ, приведемъ лишь справку объ одномъ изъ районовъ—Квинслендѣ, заимствуемую нами изъ газеты русскихъ эмигрантовъ.

Площадь Квинслэнда равняется 529,120.000 акрамъ и къ 1910 году изъ этого количества было отчуждено въ собственность 15,296, 678 акровъ и запродано 6,806,467 акровъ. Слѣдовательно, къ 1910 году Кв-дѣ еще оставалось свободной государственной земли 407.016, 945 акровъ Конечно, не вся эта масса земли годна для земледѣлія, но очень значительная часть ея вполнѣ пригодна для этой цѣли, а остальная—годна для скотоводства. Мѣстное правительство желаетъ возможно скорѣе заселить это огромное пространство втуне лежащей земли и потому продаетъ ее по весьма низкой цѣнѣ и съ долгосрочною разсрочкою платежа—въ собственность всякому желающему ее обрабатывать, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и уступаетъ ее совершенно даромъ. Въ 1911 г. образовалось 3,410 новыхъ фермъ съ пл. въ 6, 2 м. акр., въ 1912 г.—2,924 съ пл. въ 6,9 м. акр., въ 1913 г.—2,668 съ пл. въ 7,4 м. акр.

Хорошее произростаніе всѣхъ кормовыхъ травъ, всѣхъ хлѣбныхъ злаковъ и очень многихъ фруктовъ съ лихвой окупаетъ трудъ скотовода и земледѣльца, а отсутствіе зимы и вѣчный подножный кормъ чрезвычайно облегчаютъ трудъ. Подъ посѣвъ хлѣбовъ здѣсь пашутъ только одинъ разъ, а не два и три, какъ у насъ въ Россіи и Сибири. Уборка же хлѣбовъ здѣсь всѣми производится машинами. Плуги, бороны, сѣялки, косилки, жатвенники и другія машины—въ Кв-дѣ сравнительно не дороги и чрезвычайно распространены. Здѣсь въ большомъ ходу такія жатвенныя машины, которыя срѣзываютъ самые колосья и въ то же самое время молотятъ, провѣиваютъ зерно и ссыпаютъ его въ мѣшки. У кого еще нѣтъ такихъ машинъ, тотъ для уборки своего хлѣба беретъ ихъ за сравнительно небольшую плату у одного изъ своихъ хозяевъ.

Между тѣмъ сельское хозяйство Россіи все болѣе утрачиваетъ свой дѣвственный ликъ. Въ странѣ выросла значительная промышленность и торговля. Города поглотили не менѣе четвертой части всего населенія. Въ самой деревнѣ образовался громадный слой безземельныхъ, не производящихъ хлѣба. Рядомъ съ этимъ выросла крупная сельско-хозяйственная индустрія, какъ сахарная, винокуренная промышленность, развилось молочное хозяйство и т. д. Спросъ на хлѣбные продукты выросъ въ сильной степени, и ростъ его шелъ быстрѣе,

чѣмъ ростъ запаса свободныхъ земель. Посѣвная площадь растетъ очень медленно по преимуществу за счетъ площади подъ лугами производительности труда. На этой почвѣ и въ связи съ состояніемъ коньюнктуры международнаго хлѣбнаго рынка въ сильной степени выросли хлѣбныя цѣны. Ближайшимъ послѣдствіемъ этого явился чрезвычайный ростъ земельной ренты и цѣнъ на землю. Этотъ процессъ развивался съ тѣмъ большей энергіей и силой, что въ томъ же направленіи дѣйствовала аграрная перестройка, созданная Столыпинской реформой и усилившая погоню за землей. За десятилѣтіе 1901—1910 гг. цѣны на землю почти удвоились. Если принять за 100 среднюю цѣну, которую уплачивали покупщики, пріобрѣтавшіе землю при содѣйствіи крестьянскаго банка, то въ 1901—1910 гг. соотвѣтственное относительное число окажется равнымъ 191. Аналогичныя данныя можно почерпнуть и въ отчетахъ частныхъ земельныхъ банковъ. Такъ, напр., отчетъ полтавскаго земельнаго банка за 1913 годъ отмѣчаетъ, что цѣны на землю въ Полтавской губ. за послѣдніе нѣсколько лѣтъ мѣстами удвоились и утроились, достигая иногда небывалой высоты—700—800 руб. за десятину. Земскія изслѣдованія рисуютъ такую же картину. Такъ, напр., по изслѣдованію Московскаго уѣзднаго земства, цѣна кв. сажени земли въ сельско-хозяйственномъ районѣ уѣзда въ трехлѣтіе 1909—11 г.г. составила 0,27 руб. тогда какъ въ предыдущее трехлѣтіе она составила всего 0,11 руб. По Херсонскому уѣзду цѣны на землю поднялись за время 1902—1911 г.г. съ 178 руб. до 275 руб. По Кіевской губерніи цѣна десятины земли измѣнялась слѣдующимъ образомъ: въ 1910 г.—267 руб., въ 1911 г.—311 руб., въ 1912 г.—364 руб. Особенно быстро росли цѣны на *мелкіе* участки. При такихъ цѣнахъ на землю прежніе экстенсивное хозяйство стало невозможнымъ, и ускоренъ былъ переходъ къ интенсивному хозяйству.

А вмѣстѣ съ тѣмъ стало невозможно производство дешеваго хлѣба. Конкуррентная способность Россіи на міровомъ рынкѣ значительно ослабѣла. Стало уже невозможно удерживать полную монополію на внутреннемъ рынкѣ.

Отсюда и возникъ вопросъ объ огражденіи внутренняго рынка отъ иностранной конкурренціи. Вопросъ могъ быть разрѣшенъ двоякимъ путемъ. Могли быть приняты рѣшительныя мѣры къ улучшенію техники земледѣльческаго производства, удешевленію машинъ и удобренія, къ обезпеченію агрономической помощи и всемѣрному пониженію земельной ренты. Но наши аграріи при активной поддержкѣ промышленниковъ пошли другимъ путемъ, путемъ аграрнаго протекціонизма и стали добиваться введенія хлѣбныхъ пошлинъ.

На этотъ путь толкали аграріевъ и промышленниковъ нѣкоторыя особенности переживаемаго момента. На очереди стоитъ заключеніе торговаго договора съ Германіей. Чтобы обезпечить себѣ сильныя по-

зиціи въ борьбѣ за пониженіе германскихъ ввозныхъ пошлинъ на русскіе сельско-хозяйственные продукты и за отмѣну вывозныхъ премій на германскую рожь, аграріи ухватились за установленіе пошлинъ на хлѣбъ, которыя должны въ первую очередь поразить ввозъ изъ Германіи. Хлѣбныя пошлины стали орудіемъ борьбы за „освобожденіе отъ германскаго засилья". Даже к.-д. Велиховъ въ унисонъ съ пліядой к.-д. профессоровъ защищалъ въ комиссіи государственной думы „временныя" пошлины (срокомъ на пять лѣтъ!), какъ средство воздѣйствія на Германію. Наши пошлины, по увѣренію этихъ господъ, совсѣмъ не похожи на германскія. Онѣ де ни въ какой степени не служатъ узкогрупповымъ интересамъ аграріевъ, а являются мѣрой „необходимой самообороны" и въ принятіи ея заинтересовано все народное хозяйство.

Что Германскія пошлины и преміи, однако, не являются грозой для русскаго сельскаго хозяйства и послѣднее имѣетъ передъ собой несравненно болѣе важныя задачи, чѣмъ организацію протекціонистской самообороны видно хотя бы изъ той резолюціи, которой та же дума рѣшила позолотить свой вотумъ въ пользу пошлинъ. Въ резолюціи, какъ извѣстно, обращено вниманіе на необходимость поднять уровень нашего сельскаго хозяйства съ помощью мѣръ культурно-экономическаго характера. Однако, если бы приняты были эти мѣры, не было бы нужды въ пошлинахъ...

II. Вліяніе пошлинъ.

Каково вѣроятное вліяніе хлѣбныхъ пошлинъ?

Первымъ ихъ послѣдствіемъ явится несомнѣнное повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ. Пошлина въ 30 коп. на пудъ сдѣлаетъ невыгоднымъ ввозъ иностраннаго хлѣба и русскіе экспортеры, ставъ хозяевами на рынкѣ, соотвѣтственнымъ образомъ поднимутъ цѣны. Именно таково было вліяніе хлѣбныхъ пошлинъ, когда онѣ введены были въ Германіи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить движеніе цѣнъ на охраненномъ пошлинами рынкѣ Германіи и на свободномъ рынкѣ Англіи. Вотъ относящіяся сюда данныя:

	Стоимость тонны пшеницы		
	Въ Англіи	Въ Пруссіи	Въ Пруссіи болѣе на
1876—1880	206,8 мар.	211,2 мар.	4,4 мар.
1881—1885	180,4 „	189,0 „	8,6 „
1886—1890	142,8 „	173,9 „	31,1 „
1891—1895	128,2 „	165,5 „	37,3 „
1896—1900	134,3 „	160,9 „	26,6 „
1901—1905	140,3 „	163,9 „	22,7 „
1906	142,5 „	173,5 „	30,9 „
1907	143,5 „	200,3 „	56,8 „

Необходимо и въ Россіи ожидать такихъ же послѣдствій. Но

наши протекціонисты увѣряютъ, что у насъ этого не случится. Ввозъ иностраннаго хлѣба, говорятъ они, слишкомъ незначителенъ по отношенію къ массѣ произвозимаго въ Россію, чтобы устраненіе его могло оказать серьезное вліяніе на положеніе рынка. Однако, если сложить количество иностраннаго хлѣба, поступающаго въ Россію и въ Финляндію, то это дастъ около 5% нашего вывоза. Количество хлѣба, привозимаго изъ Германіи, становится особенно замѣтнымъ, если его опредѣлятъ не по отношенію къ вывозу всей Имперіи, а по отношенію къ вывозу заинтересованныхъ районовъ. Въ Финляндіи почти половина привознаго хлѣба идетъ изъ Германіи. Если бы этого количества ввозимаго хлѣба было бы недостаточно для понижательнаго давленія на хлѣбныя цѣны, то аграріи и экспортеры и не поднимали бы вопроса о вытѣсненіи иностраннаго хлѣба.

Повышеніе цѣнъ сначала скажется только въ районахъ, непосредственно заинтересованныхъ. Но постепенно оно передастся изъ районовъ, ввозящихъ хлѣбъ, въ районы вывозные. Факторы, сейчасъ содѣйствующіе вздорожанію хлѣба, подъ эгидой хлѣбныхъ пошлинъ разовьются съ еще большей силой.

Кому же выгодны высокія хлѣбныя цѣны?

Лѣтъ 20 тому назадъ высокія хлѣбныя цѣны защищались многими марксистами, какъ необходимое условіе развитія сельско-хозяйственной культуры. Можетъ быть, по тому времени и при отсутствіи дѣйственной пролетарской политики, это и было правильно съ точки зрѣнія политическаго оппортунизма. Теорія высокихъ цѣнъ могла тогда имѣть прогрессивно-научное значеніе, поскольку была направлена противъ предразсудка о преобладаніи натуральнаго хозяйства. Къ тому же тогда господствовалъ с.-х. кризисъ и все культурно-политическое положеніе крестьянства дѣлало довольно безнадежными всякіе разсчеты на возможность пониженія издержекъ производства. Теперь же положеніе рѣзко измѣнилось. О защитѣ низкихъ цѣнъ съ точки зрѣнія господства натуральнаго хозяйства нѣтъ и рѣчи. Сельско-хозяйственный кризисъ смѣнился необычайнымъ вздорожаніемъ средствъ жизни и с.-х. сырья. Общественная дифференціація пошла очень далеко, умноживъ ряды безземельнаго пролетаріата и обязывая его ко все болѣе дѣйственной политикѣ, ко все болѣе послѣдовательному противопоставленію своихъ интересовъ интересамъ всѣхъ другихъ классовъ. Средства техническаго прогресса въ земледѣліи выросли въ огромной степени. Лозунгъ пониженія издержекъ производства имѣетъ вполнѣ реальное значеніе. И если теперь главнымъ препятствіемъ на пути удешевленія хлѣба стоитъ безмѣрный ростъ земельной ренты, то пролетаріатъ сумѣлъ выдвинуть принципіальное средство обезвреженія этого роста—муниципализацію земельной ренты,—лозунгъ, пріобрѣтающій теперь безусловно актуальный интересъ.

Пролетаріатъ—городской и сельскій—страдаетъ отъ высокихъ

хлѣбныхъ цѣнъ прежде всего, какъ потребитель. Поднятіе цѣнъ на хлѣбъ тѣмъ болѣе чувствительно для бюджета пролетаріевъ, что въ немъ потребленіе хлѣбныхъ продуктовъ играетъ исключительно большую роль. А всякое повышеніе оптовой цѣны, какъ извѣстно, сказывается еще болѣе значительнымъ повышеніемъ розничныхъ цѣнъ, которыя однѣ и имѣютъ практическое значеніе для потребителей-рабочихъ.

Но вмѣстѣ съ пролетаріями отъ вздорожанія хлѣба страдаетъ и весьма значительная часть крестьянства, выступающая на рынкѣ больше въ качествѣ покупателя, чѣмъ продавца.

„Группа безземельныхъ и малоземельныхъ дворовъ (съ 1/4—1/3 надѣла на душу) съ недостаточнымъ производствомъ хлѣба для покрытія нуждъ собственнаго продовольствія, говоритъ П. И. Лященко, совсѣмъ не склонный къ народническимъ иллюзіямъ, составляетъ большей частью отъ 15% до 35% всего населенія, такъ что въ среднемъ можно принять, что въ эту группу входятъ до 25% всего крестьянскаго населенія, при чемъ собственнаго хлѣба ей хватаетъ не болѣе, какъ на полугодіе, остальные же полгода въ потребленіе идетъ исключительно покупной хлѣбъ. Среди этой группы безхозяйные, безскотные и бездомовые, составляютъ до 10% или всего около девяти милліоновъ душъ, питающихся исключительно покупнымъ хлѣбомъ, если ведутъ самостоятельное хозяйство“ (Оч. агр. эвол. Р., I, 405). Столыпинская аграрная реформа могла лишь увеличить эти процентныя отношенія.

Но потребительскій интересъ долженъ былъ бы смолкнуть, если бы установленіе хлѣбныхъ пошлинъ и вообще искусственное повышеніе цѣнъ на хлѣбъ были необходимой жертвой на алтарь развитія производительныхъ силъ. Такой необходимости однако нѣтъ. Сельское хозяйство встрѣчаетъ на своемъ пути множество затрудненій, создаваемыхъ нашей экономической политикой. Устраненіе ихъ, какъ мы ужъ указывали, оказалось бы наиболѣе радикальнымъ и цѣлесообразнымъ средствомъ подъема с.-х. культуры и привело бы къ увеличенію производительности земледѣльческаго труда. Повышеніе же хлѣбныхъ цѣнъ не приноситъ никакой выгоды малоземельному крестьянству даже и тогда, когда оно выступаетъ въ роли производителя-продавца. Повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ немедленно сказывается подъемомъ земельной ренты и то, что крестьянинъ выигрываетъ при сбытѣ хлѣба, то онъ проигрываетъ въ качествѣ арендатора. Движеніе арендныхъ цѣнъ на землю идетъ параллельно росту земельныхъ цѣнъ и даже обгоняетъ ихъ. Вотъ примѣръ изъ числа многихъ, которые можно было бы набрать въ земскихъ изслѣдованіяхъ.

По Херсонскому уѣзду арендная цѣна въ среднемъ за послѣднее десятилѣтіе выражалась:

Въ	1902	г.	при	цѣнѣ	на	землю	въ	178	р.	аренда	7	р.	или	3,9%
„	1906	„	„	„	„	„	„	233	„	„	8,6	„	„	3,7%
„	1909	„	„	„	„	„	„	235	„	„	10	„	„	4,2%
„	1910	„	„	„	„	„	„	256	„	„	12,2	„	„	4,7%
„	1911	„	„	„	„	„	„	275	„	„	15,8	„	„	5,7%

Какъ видимъ, ростъ земельныхъ цѣнъ оказываетъ особенно тяжкое вліяніе на положеніе арендаторовъ. А вѣдь въ Россіи въ арендѣ находится до 35—40% всей посѣвной площади! Но не сладко приходится и мелкимъ собственникамъ. Чтобы пріобрѣсти и удерживать за собой землю, имъ приходится влѣзать въ неоплатные долги и земельная задолженность быстро растетъ. Выгода отъ повышенія хлѣбныхъ цѣнъ достается главнымъ образомъ капиталистамъ, помѣщикамъ и крупному крестьянству, интересы которыхъ однако отнюдь не могутъ быть отожествлены съ интересами сельскаго хозяйства въ его цѣломъ и съ интересами сельско-хозяйственнаго прогресса.

Хлѣбныя пошлины въ нѣкоторомъ отношеніи даже прямо задерживаютъ прогрессъ земледѣлія. Въ настоящее время замѣтна сильная тяга крестьянства въ сторону развитія животноводства и въ частности молочнаго хозяйства. Во всѣхъ районахъ этимъ занялись очень усердно. Искусственное повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ однако задерживаетъ этотъ прогрессъ приспособленія къ требованіямъ интенсивной культуры. Уже и теперь множество сѣнокосныхъ земель обращается подъ пашню, а при дальнѣйшемъ форсированіи цѣнъ явленіе это, приметъ угрожающій характеръ. Но сокращеніе пастбищъ и вздорожаніе кормовъ, разумѣется, служитъ главнымъ препятствіемъ для развитія интенсивнаго скотоводства.

Мало того. Хлѣбныя пошлины построены на принципѣ особаго покровительства ржи. Но ржаная культура относительно падаетъ, уступая мѣсто болѣе высокимъ хлѣбамъ—пшеницѣ и ячменю. Въ этомъ была одна изъ положительныхъ сторонъ эволюціи нашего сельскаго хозяйства. Хлѣбныя пошлины наносятъ ударъ и этому прогрессивному движенію.

Словомъ, съ какой бы точки зрѣнія ни подойти къ вопросу, а мы за неимѣніемъ мѣста оставляемъ въ сторонѣ политическій вопросъ о русско-германскихъ отношеніяхъ—приходится признать хлѣбныя пошлины однимъ изъ наиболѣе вредныхъ проявленій господствующей экономической политики. Дружный протестъ противъ нихъ необходимъ въ интересахъ всего пролетарскаго класса и примыкающихъ къ нему слоевъ мелкой буржуазіи. Повсемѣстно пролетаріатъ успѣлъ пріостановить ростъ аграрнаго протекціонизма. Въ Англіи уніонисты вынуждены были выкинуть изъ программы требованіе хлѣбныхъ пошлинъ. Въ Соед. Штатахъ новый тарифъ на половину понизилъ пошлины на продукты питанія. Въ Германіи правительство можетъ мечтать, самое большее, объ удержаніи теперешнихъ пошлинъ и должно допускать нѣкоторыя послабленія въ дѣлѣ ввоза запретнаго мяса. Тоже и въ другихъ странахъ. Необходимо, чтобы и въ Россіи пролетаріатъ выступилъ противъ аграрнаго протекціонизма, какъ одного изъ главныхъ факторовъ всеобщаго вздорожанія жизни. Подобное выступленіе показало бы и степень политическаго воспитанія рабочаго класса Россіи.

Г. Наумовъ.

Интеллигенція въ русскомъ рабочемъ движеніи.

Кажется, никогда еще, какъ сейчасъ, не являлось своевременнымъ обсужденіе вопроса о роли интеллигенціи въ русскомъ рабочемъ движеніи. Въ этомъ смыслѣ ст. тов. Булкина („Н. З." 1914 № 3) заслуживаетъ привѣтствія. Обмѣнъ мнѣніями по этому вопросу, можно надѣяться, дастъ многимъ отвѣтъ на наболѣвшій вопросъ. Дальнѣйшее изложеніе покажетъ, въ какой мѣрѣ пишущій эти строки согласенъ съ заявленіемъ т. Булкина, что его точку зрѣнія раздѣляетъ большинство рабочихъ меньшевиковъ.

Меня не удовлетворяетъ отвѣтъ редакціи „Н. З." на ст. т. Булкина (ст. Л. М.) Въ отвѣтѣ этомъ есть и теоретическая обосновка, и логика, но нѣтъ того отвѣта, который хоть на время успокоилъ бы душу, уставшую отъ ежедневно продѣлываемыхъ именемъ рабочихъ безобразій. По мнѣнію редакціи выходитъ, что все обстоитъ благополучно и толковать не о чемъ; такой отвѣтъ напоминаетъ офиціальную отписку, въ немъ нѣтъ жизненнаго содержанія, конкретно примѣнимаго къ переживаемому моменту, а это значитъ вынуть душу, оставивъ одну только форму, хотя, можетъ быть, и стройную и сложную. Въ самомъ дѣлѣ, кому легче отъ того, что одна часть с. д. интеллигенціи названа лумпенъ-интеллигенціей; крѣпкими словами едва ли можно разъяснить сложные вопросы и не этого, конечно, ищутъ рабочіе.

I.

Марксисты никогда не разсматриваютъ явленія общественной жизни отвлеченно, по разъ опредѣленному шаблону, внѣ зависимости отъ времени и пространства. Если имѣетъ смыслъ и интересъ обсудить роль интеллигенціи въ русскомъ рабочемъ движеніи, то важнѣе всего подойти съ точки зрѣнія переживаемаго момента, исходя изъ фактовъ прошедшихъ и проходящихъ передъ нашими глазами; необходимо, уловивъ ту или иную тенденцію, согласовать ее съ принципами научнаго соціализма и попытаться сдѣлать тѣ или иные конкретные выводы. Я далекъ отъ мысли дать этому вопросу исчерпывающее объясненіе—для этого у меня нѣтъ ни силъ, ни—вслѣдствіе моей оторванности отъ происходящаго сейчасъ рабочаго движенія—достаточнаго матеріала подъ руками.

Вопросъ о роли интеллигенціи въ рабочемъ движеніни—не первый уже разъ появляется на страницахъ марксистской печати. Авторитетнѣйшій русскій маркситъ Г. В. Плехановъ, въ спорѣ съ синдикалистомъ Леонэ [1]), писалъ, что участіе интеллигенціи въ рабочемъ движеніи полезно для пролетаріата *при наличности извѣстныхъ условій, а когда эти условія отсутствуютъ, оно становится вреднымъ, потому что тогда оно не ускоряетъ развитія пролетарскаго самосознанія, а замедляетъ его.* Плехановъ признаетъ интеллигенцію преимущественно—чтобы не сказать исключительно—въ качествѣ идейной бациллы. Но большинство интеллигентовъ, примыкающихъ къ пролетаріату, имѣетъ *пестрыя мысли* и такимъ образомъ способствуетъ распространенію идей, выработанныхъ идеологами буржуазіи. По мнѣнію Плеханова, интеллигенту трудно совлечь съ себя *ветхаго человѣка*, т. е. то, чѣмъ онъ былъ раньше до вступленія въ ряды пролетарскаго движенія.

[1]) „Отъ обороны къ нападенію" стр. 397—98.

Г. В. Плехановъ не только писалъ вышеприведенное: онъ своими дѣйствіями подтвердилъ это. Всѣми признанный „идеологъ" россійской соціальдемократіи своими прошлогодними выступленіями въ газ. „Правда" не только показалъ, какой вредъ можетъ приносить интеллигентъ рабочему движенію, но своими личными, въ высшей степени вредными, счетами со старыми товарищами продемонстрировалъ передъ рабочими, какъ трудно „совлечь съ себя ветхаго человѣка". Да и теперь его покровительство отколовшемуся депутату Бурьянову можно объяснять чѣмъ угодно, но отнюдь не интересами рабочаго класса и еще менѣе интересами момента, которые какъ никогда требуютъ объединенныхъ дѣйствій и силъ.

А вотъ другой фактъ: оставшееся еще у всѣхъ въ памяти позорное событіе съ „правдистскимъ" „Иксомъ". Тутъ уже дѣйствіе не отдѣльныхъ лицъ, а значительной части русской с.-д. интеллигенціи. Отношеніе къ „Иксу" рѣзко отличается отъ отношенія въ такихъ случаяхъ рабочихъ къ своимъ „не совсѣмъ чистымъ" дѣятелямъ; въ рабочей средѣ не будутъ терпѣть подобныхъ „иксовъ"—будь они семи пядей во лбу [1]). Сравнимъ дѣло „Икса" съ дѣломъ любого рабочаго, не только явнаго двурушника, но просто позволившаго себѣ безчестный поступокъ, противный приципамъ рабочаго движенія. Будетъ ли это растрата ввѣренныхъ ему товарищескихъ суммъ, ошибочная или сознательная защита во вредъ рабочимъ института церковнаго брака (чл. правл. больнич. кассы путилов. зав.) или даже просто выставленіе своей кандидатуры безъ согласія рабочихъ своего завода (дѣло Творогова) и т. д.—во всѣхъ этихъ случаяхъ мы видимъ безпощадное отношеніе рабочихъ къ такимъ лицамъ, и я не знаю ни одного случая, чтобы передовые рабочіе-марксисты заявили свою солидарность съ скомпрометтировавшими себя некрасивыми поступками—дѣятелями.

Совсѣмъ не такъ поступила правдистская интеллигенція со своимъ „Иксомъ". Несмотря на то, что его одновременная дѣятельность въ хозяйскихъ и рабочихъ органахъ была установлена, онъ не былъ „изъятъ" изъ рабочаго движенія. Онъ продолжаетъ до сего времени писать возмутительныя раскольническія статьи въ правдистскихъ изданіяхъ—фактъ, немыслимый въ рабочей средѣ. Болѣе того, эта часть интеллигенціи открыто заявила свою солидарность съ „Иксомъ", чѣмъ доказала, что она въ любой моментъ способна на дѣйствія, подобныя дѣйствіямъ

[1]) Мнѣ скажутъ, что „Икса" поддерживали и нѣкоторые рабочіе, но я знаю, какіе пріемы пускались при этомъ въ ходъ.

„Икса“. Мы видимъ, такимъ образомъ, два взгляда. „Святое дѣло освобожденія должно дѣлаться чистыми руками“—говорятъ рабочіе. „Будь ты двурушникъ, но если ты называешь себя „послѣдовательнымъ“ и неустанно вносишь расколъ въ рабочее движеніе, т.-е. называешь всѣхъ инакомыслящихъ „ликвидаторами“, ты нашъ и мы тебя не выдадимъ!“—говорятъ интеллигенты.

II.

Г. В. Плехановъ говоритъ, что при извѣстныхъ условіяхъ участіе интеллигенціи въ рабочемъ движеніи вредно для рабочихъ. Но онъ не указалъ, въ какіе моменты движенія эти условія имѣются на лицо. Въ Германіи такимъ моментомъ былъ періодъ дѣятельности Швейцера, графини Гацфельдтъ и т. п. Что касается Россіи, то развитіе рабочаго движенія въ ней представляется въ слѣдующемъ видѣ. Отсутствіе у рабочихъ организаціоннаго навыка, пріобрѣтеннаго въ другихъ странахъ изъ долгаго періода существованія ремесленныхъ организацій, правовыя условія, сдѣлавшія невозможнымъ планомѣрно организованное рабочее движеніе, а также книжная ученость интеллигенціи—все это выдвинуло ее на передовые посты и позволило ей стать господиномъ положенія въ рабочемъ движеніи. Скажемъ ей за ея работу сердечное спасибо, какъ благодарные ученики. Но молодые растутъ, а взрослые старѣютъ.

Сотни передовыхъ товарищей, бывшихъ учениковъ, настолько возмужали, что совершенно въ серьезъ претендуютъ замѣнить собой своихъ, уже устарѣвшихъ, бывшихъ учителей и полновластныхъ руководителей. Достаточно вспомнить имена многихъ передовыхъ рабочихъ, чтобы признать, что роль интеллигенціи въ нашемъ рабочемъ движеніи, по меньшей мѣрѣ, должна принять другой характеръ, въ особенности въ дѣлѣ практическаго руководства движеніемъ. Послѣднее принимаетъ все болѣе и болѣе массовый и открытый характеръ. Ни профессіональными союзами, ни страховой кампаніей нельзя управлять извнѣ; все это движеніе проходитъ передъ глазами рабочей массы, его неудачи и ошибки легко замѣчаются, и естественно стремленіе устранить замѣченные недостатки. Это и пытаются дѣлать передовые рабочіе. Но вотъ является „ветхій человѣкъ“ и пускаетъ въ ходъ всевозможныя уловки: на сцену является „символическое“ марксистское цѣлое и снова хочетъ подчинить себѣ все рабочее движеніе. Профессіональные союзы и страховая кампанія должны подчиняться центру нелегальной организаціи—говорятъ они, разумѣя подъ этимъ старую опеку кучки интеллигентовъ надъ рабочимъ движеніемъ.

Отвѣчая Булкину, Л. М. говоритъ, что не будь правдистскихъ кружковъ, рабочіе потянулись бы къ Плеханову, къ лѣвонародникамъ, синдикалистамъ и т. д. Словомъ, были опекаемыми учениками, остались ими и на долгое еще время ими будутъ. Картина малоутѣшительная. Выходитъ такъ, что русскій рабочій тянулся и будетъ тянуться къ своимъ старымъ кумирамъ, словно не хочетъ быть самостоятельнымъ и обходиться безъ няньки.

Мало сказать, что у насъ есть уже достаточные кадры передовыхъ рабочихъ, способныхъ руководить движеніемъ. Почему же все-таки во главѣ движенія стоятъ не они, а тѣ же постарѣвшіе учителя? Л. М. говоритъ, что такова ужъ природа русскаго рабочаго. Гдѣ же эти передовые рабочіе, наличности которыхъ никто не отрицаетъ. Достаточно рабочему сколько-нибудь проявить себя, какъ вездѣсущая охранка уже запишетъ его имя въ своихъ книгахъ, а потомъ... Потомъ

Поведетъ тебя конвой
По матушкѣ Россіи...

При такихъ условіяхъ въ движеніи ихъ замѣняютъ лица, менѣе замѣтныя, со стороны; возможно, что во главѣ движенія встанутъ и лумпены—вѣдь были же Гапоны и ему подобные. На то и существуетъ охранка.

Значитъ дѣло не только въ томъ, что наша соціалдемократія не стоитъ еще на вѣрной позиціи, въ нѣкоторыхъ вопросахъ. Это было бы еще съ полъ бѣды, если бы не существующія политическія условія. Послѣднія то и дѣлаютъ невозможнымъ планомѣрно организованное рабочее движеніе, съ одной стороны, устраняя естественныхъ руководителей—выходцевъ изъ рабочей среды, съ другой, насильственно отрывая интеллигенцію отъ той среды, къ которой ее влекутъ ея убѣжденія. Эта оторванность создаетъ и поддерживаетъ нежелательное дѣленіе внутри соціалдемократіи на рабочихъ и интеллигенцію. И я полагаю, что въ этомъ именно кроется основная причина всего вопроса, безъ устраненія которой трудно разсчитывать на его благопріятное разрѣшеніе.

III.

За послѣднее время частенько стали появляться кое-какія указанія, что часть нашей марксисткой интеллигенціи находится не совсѣмъ въ ладу съ передовыми рабочими. Въ одной изъ статей газ. „Правда“ группа рабочихъ, подписавшихся въ „Лучѣ“ „передовыми“ была названа презрительно—„эхъ, вы передовые!“. И это позволилъ себѣ не кто-нибудь изъ враговъ рабочихъ, даже не Г. Зиновьевъ и К°, нѣтъ, — эти слова принадлежатъ перу одного изъ выдающихся нашихъ учителей — Г. В. Плеханову. Но это писалъ не выдающійся марксистъ Плехановъ, а все тотъ же „ветхій челсвѣкъ“, который сидитъ въ немъ, какъ и вообще въ нашей интеллигенціи, вышедшей изъ буржуазіи. А такіе факты, какъ выходка Г. Зиновьева противъ рабочаго тов. Квадрата, названнаго имъ господиномъ, какъ систематическая травля тов. Г. С. Кузнецова, безспорно лучшаго изъ с.-д. депутатовъ 3-й Думы, какъ полемика „П. Правды“ съ извѣстнымъ рабочимъ лѣвонародникомъ, т. Батракомъ и т. д. и т. п. А снятіе съ постовъ старыхъ, опытныхъ работниковъ — развѣ не является тоже замаскированной борьбой интеллегенціи съ лучшими передовыми рабочими. Да „ветхій человѣкъ“ всталъ на дорогѣ и загородилъ проходъ къ ней. Конечно, слѣдовало бы попросить его посторониться. Но къ сожалѣнію, идущіе думаютъ,

что это не „ветхій человѣкъ“, а подлинный вождь. Тутъ ужъ не интеллигенція виновата, если сами рабочіе такъ еще темны, что не могутъ отличить прошлаго отъ настоящаго.

IV.

Есть еще одна область дѣятельности, гдѣ господиномъ положенія до сего времени является наша интеллигенція. Это — фракціонная „склока“. Недаромъ рѣдкій № рабочей газеты или журнала обходится безъ нея. Когда то Плехановъ въ „Искрѣ“ писалъ по поводу объединенія французскихъ соціалистовъ, что во всѣхъ тяжкихъ грѣхахъ раскола виновата интеллигенція, препятствующая объединенію. такъ какъ каждый интеллигентъ немножко сверхчеловѣкъ, а сверхчеловѣкъ любитъ повелѣвать, но не подчиняться. Лишь когда рабочая партія сдѣлается партіей рабочихъ, не будутъ страшны интеллигентскія распри *). Въ самомъ дѣлѣ, можно ли серьезно говорить, что всѣ наши разногласія вызваны различными взглядами или, какъ утверждаютъ нѣкоторые, различнымъ умственнымъ и культурнымъ уровнемъ самихъ рабочихъ. Неужели же всѣ наши фракціи—лепинцы, тихановцы, троцкисты, богдановцы и т. п. — дѣйствительно сознательныя теченія въ рабочей средѣ и, слѣдовательно, вызваны естественной потребностью, а не наперекоръ стихіи, вопреки здравому смыслу, навязаны намъ—рабочимъ подъ разными соусами. На это указываетъ вся страстность и мелочность защиты всѣхъ этихъ разногласій.

Такъ, напр., правдистскіе органы, безспорно, свое главное вниманіе удѣляютъ борьбѣ съ меньшевиками, т. е. отстаиваютъ расколъ во что бы то ни стало, всѣми средствами — вплоть до сознательной клеветы на передовыхъ рабочихъ, называя ихъ „измѣнниками“. А „нефракціонный“ органъ „Борьба“ въ 3 № глубокомысленно заявляетъ, что редакція считаетъ за счастье, что у насъ теперь не двѣ фракціи, какъ раньше, а больше. Какъ жаль, что редакція не пояснила, откуда это счастье свалилось.

Въ этомъ отношеніи рабочимъ есть чѣмъ возмущаться. Мы возмущаемся не расхожденіемъ во взглядахъ и оттѣнкахъ, а тѣми безсовѣстными раскольническими дѣйствіями, которыя, на нашихъ глазахъ продѣлываетъ чуть ли не каждый интеллигентъ, прикрываясь при этомъ именемъ рабочихъ. И это дѣлается въ то самое время, когда русскіе рабочіе выносятъ на своихъ плечахъ всю тяжесть освободительнаго движенія, когда въ героической борьбѣ изъ ихъ рядовъ выхватываются сотнями лучшіе товарищи, когда въ экономическихъ схваткахъ противъ объединеннаго капитала, ведущихся съ неимовѣрнымъ напряженіемъ,—приходится терпѣть почти сплошныя пораженія. Словомъ, когда прежде всего требуются дружныя, объединенныя дѣйствія всѣхъ рабочихъ, въ это тяжелое время въ наши ряды безсовѣстно вносится смута. Подъ разными предлогами оплевываются лучшіе товарищи; подъ предлогомъ борьбы съ ликвидаторствомъ устраняются отъ активной дѣятельности старые испытанные товарищи,

*) Цитирую по памяти.

подъ видомъ идейной борьбы направленій вносится неимовѣрный развратъ, изживаніе котораго въ будущемъ потребуетъ многихъ усилій.

V.

Тов. Булкинъ допустилъ грубую ошибку, приписавъ шести рабочимъ депутатамъ стремленіе бороться съ интеллигентской опекой. Повидимому, ему было неизвѣстно рѣшеніе заграничнаго ленинскаго совѣщанія, въ результатѣ котораго произведенъ расколъ с.-д. фракціи. Шесть депутатовъ выполнили только волю заграничнаго ленинскаго кружка, причемъ мнѣнія рабочихъ объ этомъ предварительно не запрашивалось. Это ли не борьба? Но только не съ интеллигентскимъ засильемъ, какъ думаетъ т. Булкинъ, а наоборотъ.

Тов. Булкинъ недоволенъ, что за с-д. кандидатовъ на выборахъ въ 4-ую Думу голосовало много буржуазныхъ демократовъ. Но что сказать тогда о германской соціалдемократіи, организація которой насчитываетъ всего 1 милл. членовъ, включая женщинъ и несовершеннолѣтнихъ, тогда какъ на послѣднихъ выборахъ соц-демократія собрала 4 мил. голосовъ, т. е. число голосовъ не членовъ партіи въ 5—6 разъ разъ превышаетъ число членовъ партіи, и это не вызываетъ ни у кого неудовольствія.

Тов. Булкинъ призываетъ передовыхъ рабочихъ уйти самимъ или же отбросить отъ себя интеллигенцію, которая находится въ с.-д. рядахъ. Здѣсь опять перегибаніе палки. Если допустимо призывать къ замѣщенію рабочими руководящихъ постовъ во всѣхъ рабочихъ организаціяхъ, если необходимо, чтобы практикой движенія руководили сами рабочіе—все это выполнимо сейчасъ же, а при сложившихся условіяхъ даже полезно—то нельзя говорить вообще о замѣнѣ рабочими интеллигенціи. Вѣдь, движенію нужны не только организаторы и практическіе руководители; нужны также литераторы, ученые, художники, артисты, юристы и т. Возможно ли утверждать, что русскіе рабочіе не нуждаются во всей этой интеллигенціи; я думаю, что этого не скажетъ и т. Булкинъ. Даже призывъ замѣнить практиковъ и организаторовъ рабочими останется гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, если передовые рабочіе не будутъ повседневной работой въ массахъ замѣнять собой тѣхъ, кто руководитъ движеніемъ „со стороны“.

Только такимъ путемъ можно достигнуть результатовъ. Въ этомъ рабочимъ можетъ помочь и критика вредныхъ сторонъ дѣятельности нашей интеллигенціи. Къ ней будутъ прислушиваться друзья-интеллигенты и постараются поскорѣе стряхнуть съ себя „ветхаго человѣка“, чѣмъ и устранятъ прискорбное различіе между интеллигентами и рабочими. А главное вниманіе надо направить на политическія условія, которыя являются основной причиной всѣхъ ненормальностей въ рабочемъ движеніи.

К. Антоновъ.

По поводу статьи т. Антонова.

Тов. Антоновъ, въ сущности, стоитъ на той же точкѣ зрѣнія, которую въ спорѣ съ т. Булкинымъ отстаивала редакція „Н. Зари“: если интеллигентскіе кружки до сихъ поръ играютъ въ рабочемъ движеніи бо́льшую роль, чѣмъ это было бы полезно для послѣдняго, то въ этомъ въ настоящее время повинны прежде всего политическія условія, препятствующія нормальному развитію и нормальной жизни пролетарскаго коллектива; а, во 2-ыхъ, сравнительная политическая незрѣлость новыхъ, втянутыхъ съ 1911-12 гг. въ движеніе, не искушенныхъ въ классовой борьбѣ слоевъ пролетаріата, не могущихъ замѣстить естественно или искусственно „снимаемыхъ съ постовъ“ передовыхъ рабочихъ въ роли самостоятельныхъ руководителей движенія. Тѣмъ самымъ достаточно мотивированъ и основной выводъ тов. Антонова: преодолѣніе нынѣшнихъ политическихъ условій есть единственное вѣрное средство освобожденія рабочаго движенія отъ пережитковъ интеллигентской кружковщины.

Только недоразумѣніемъ со стороны т. Антонова я могу объяснить то, что онъ приписываетъ мнѣ мысль: русскій рабочій по природѣ своей нуждается въ опекѣ, ищетъ ея, потому и находитъ ее сейчасъ въ диктатурѣ „правдистовъ“.

Разумѣется, я не это думаю и не это сказалъ, возражая тов. Булкину. Не русскій рабочій вообще, а лишь опредѣленные, впервые оперивающіеся на аренѣ классовой борьбы, слои пролетаріата; не по природѣ своей, а по своей классовой незрѣлости, чувствуютъ въ данное время потребность искать *во внѣ* силы, могущей ихъ организовать и политически направить или даже только дать имъ иллюзію организованности и политической планомѣрности ихъ движенія. Отсюда-обаяніе мистическаго и миѳическаго „марксистскаго цѣлаго“, во имя котораго эта часть рабочихъ подчасъ „проглатываетъ“ совершенно неудобоваримыя для пролетарскаго „желудка“ вещи. Это—печально, но это—фактъ, констатируемый, между прочимъ, тѣмъ, что пишетъ самъ т. Антоновъ. Взятъ хотя бы его примѣръ съ „Иксомъ“. Онъ правъ, что въ своей средѣ рабочіе подобнаго не терпятъ. Онъ правъ, что интеллигентскій кружокъ не только претерпѣлъ Икса, но и поднялъ его на щитъ и навязалъ его рабочимъ. Но онъ не досказалъ самаго печальнаго: что извѣстная часть рабочихъ *почти безъ борьбы* приняла навязаннаго ей „Икса“.

Закончу однимъ указаніемъ: изъ всего того, что говоритъ т. Антоновъ, долженъ быть сдѣланъ логически вытекающій выводъ. А именно: не въ борьбѣ съ „интеллигенціей“, а въ борьбѣ съ „политическими условіями“ и съ несознательностью массъ, передовые рабочіе могутъ

добиться улучшенія нынѣшняго состоянія движенія. Въ борьбѣ съ политическими условіями они могутъ и должны добиться укрѣпленія и развитія тѣхъ зародышей *европейскихъ формъ* рабочей организаціи, въ которыхъ только и можетъ развиваться способная къ политическому самоуправленію пролетарская интеллигенція. Въ борьбѣ съ несознательностью массъ они могутъ и должны побѣждать марксистской критикой синдикалистскія и бланкистскія иллюзіи новаго слоя пролетаріата. То и другое, сколько я понимаю, значитъ: не въ отказѣ отъ собственной идейной физіономіи, не въ отступленіи передъ многошумящими о себѣ „примиренческими“ кружками, но и не въ попыткахъ привлечь къ себѣ рабочія массы идеей „борьбы съ интеллигенціей“, должны передовые рабочіе—марксисты искать выхода, а, напротивъ, въ тѣсномъ сплоченіи вокругъ *своего* знамени, знамени марксистской соціалдемократіи, въ Россіи именуемой „меньшевизмомъ“, въ отстаиваніи ея, десятилѣтнимъ опытомъ, выработанныхъ, организаціонныхъ и тактическихъ методовъ въ „неурѣзанномъ“ видѣ.

Л. М.

Къ столѣтію со дня рожденія Михаила Бакунина *).

(18 мая 1814 — 18 мая 1914 г.).

(По поводу столѣтія со дня рожденія Михаила Бакунина).

Редакція „Neue Zeit“ просила меня написать статью о роли Бакунина въ русскомъ революціонномъ движеніи. Эта благодарная, а для меня, начавшаго свою революціонную дѣятельность въ качествѣ бакуниста, и заманчивая задача. Но въ теченіе короткаго времени, которое имѣется въ моемъ распоряженіи, я не имѣю возможности хотя бы отчасти исчерпать этотъ вопросъ и я вынужденъ поэтому ограничиться общей бѣглой характеристикой Бакунина въ «народническій» періодъ нашего движенія.

Отрицательное значеніе его дѣятельности въ Интернаціоналѣ хорошо извѣстно. Но, вѣроятно, даже въ руководящихъ кругахъ западно-европейскаго рабочаго движенія лишь немногіе товарищи знаютъ, что въ Россіи вліяніе Бакунина въ 70-ые годы имѣло выдающееся *положительное* значеніе. Это, конечно, объясняется характеромъ и ступенью развитія русскаго революціоннаго движенія того времени.

*) *Прим. переводчика.* Статья эта заимствована изъ № еженедѣльника германской соціал-демократіи „Neue Zeit“, редактируемаго К. Каутскимъ. Краткость статьи объясняется тѣмъ, что авторъ долженъ былъ написать ее почти наканунѣ выхода № журнала, въ которомъ она помѣщена.

Старый Интернаціоналъ былъ образованъ и дѣйствовалъ въ переходный для западнаго пролетаріата періодъ, въ періодъ перехода его изъ дѣтскаго возраста или изъ доисторической стадіи его классоваго развитія къ современному соціалдемократическому рабочему движенію. На долю Интернаціонала выпала историческая миссія: подготовить пролетаріатъ въ этотъ переходный періодъ къ вступленію въ періодъ его духовной и политической зрѣлости. Но внутри самого Интернаціонала еще давали себя чувствовать сектантскіе, утопически-революціонные и утопически-соціалистическіе пережитки прошлаго; ихъ антагонизмъ съ условіями и потребностями развитія современнаго рабочаго движенія оказалъ опредѣляющее вліяніе на всю внутреннюю жизнь Интернаціонала въ теченіе 60-хъ и — особенно въ романскихъ странахъ—отчасти и 70-хъ годовъ. И Бакунинъ какъ разъ и былъ самымъ даровитымъ, самымъ энергичнымъ и самымъ крайнимъ выразителемъ воззрѣній, методовъ дѣйствій и тенденцій въ рабочемъ движеніи, унаслѣдованныхъ отъ періода господства въ рабочемъ движеніи утопическаго соціализма — сектантскаго революціонизма. Онъ былъ революціоннымъ вождемъ и организаторомъ отсталыхъ, въ извѣстной степени, реакціонно-настроенныхъ элементовъ въ новой пролетарской арміи. И его успѣхи внутри этой арміи въ общемъ и цѣломъ означали ростъ внутренней смуты въ Интернаціоналѣ и усиленіе мукъ родовъ современной международной соціалдемократіи.

Въ русскомъ революціонномъ движеніи того времени бакунизмъ означалъ, напротивъ значительный прогрессъ, знаменовалъ, почти можно сказать, новую эпоху развитія. Чтобы понять это, нужно имѣть въ виду слѣдующіе факты и ихъ рѣшающее вліяніе на характеръ и ходъ развитія нашего революціоннаго движенія.

Соціально-политическая почва русскаго революціоннаго движенія въ то время, когда бакунизмъ добился въ немъ господства, напоминала—mutatis mutandis—Францію середины 18-го столѣтія. Россія въ то время съ опозданіемъ болѣе, чѣмъ на 100 лѣтъ, представляла въ извѣстной степени дореволюціонную Францію. Непосредственной цѣлью революціоннаго движенія въ Россіи было устраненіе сословно-бюрократическаго строя. Но во Франціи какъ разъ привилегированныя сословія черезъ свои представительные органы, съ парламентами во главѣ, своей многолѣтней оппозиціей правительству заставили его капитулироиать, расшатали старый режимъ и привели къ революціи. Русское же дворянство и русское духовенство, благодаря и своему прошлому и своему современному положенію, неспособны были сыграть такую роль: у нихъ не было необходимыхъ средствъ для маломальски энергичной оппозиціи монархически-бюрократическому режиму. Демократическіе элементы должны были поэтому очень рано создать самостоятельную партію и выступить на историческую сцену, чтобы приняться за эту подготовительную работу по пробужденью общественнаго мнѣнія народныхъ массъ, которая была необходима для наступленія первой буржуазной революціи и которую во Франціи—въ другихъ формахъ и другими средствами—болѣе, чѣмъ столѣтіемъ ранѣе, выполняли сами господствующія сословія. Историческія условія подготовительнаго

процесса перваго акта буржуазной революціи въ Россіи дѣлали необходимымъ сплоченіе здѣсь буржуазной демократіи и выполненіе ею значительной политической роли еще прежде, чѣмъ создались элементарнѣйшіе соціально-политическія предпосылки для ея собственнаго существованія. Это противорѣчіе въ условіяхъ происхожденія и развитія русскаго революціоннаго движенія съ самаго начала опредѣляло процессъ созданія радикальной демократіи въ Россіи и его послѣдствія до сихъ поръ сказываются и въ жизни русской соціалдемократіи.

Изъ какихъ же элементовъ состояла тогда русская революціонная армія и на какіе соціальные слои она опиралась въ періодъ господства бакунистскаго ученія? И далѣе: какъ и благодаря чему оно сумѣло утвердиться и играть выдающуюся роль въ общественной жизни Россіи, несмотря на историческую незрѣлость соціальной среды, въ которой оно дѣйствовало? Исчерпывающіе отвѣты на эти вопросы были бы необходимы для полнаго выясненія исторической роли и значенія Бакунина въ русскомъ революціонномъ движеніи. Къ сожалѣнію, я могу здѣсь лишь бѣгло намѣтить отвѣты на нихъ.

Въ настоящее время и на Западѣ почти общеизвѣстно, что главнымъ очагомъ и главной опорой этого движенія въ первое время исключительно, а въ дальнѣйшемъ и до середины 90-хъ годовъ преимущестоенно, была учащаяся молодежь, выходящая ихъ буржуазныхъ слоевъ общества. Здѣсь вербовались революціонные отряды, какъ офицера такъ и главная масса солдатъ революціи, и отсюда же главнымъ образомъ доставлялись матеріальныя средства на нужды революціоннаго движенія. Но почему какъ разъ учащаяся, преимущественно университетская, молодежь стала главною носительницей народническаго революціоннаго движенія?

Прежде всего потому, что въ условіяхъ стараго режима въ Россіи политическая оппозиціонная дѣятельность требовала такого высокаго революціоннаго идеализма, воодушевленія и способности къ самопожертвованію, къ которымъ тогда были способны лишь лучшіе элементы учащейся молодежи. Отцы русской радикальной демократіи: Чернышевскій и Добролюбовъ еще въ началѣ 60-хъ годовъ указали психологическія предпосылки, необходимыя для образованія энергичной, дѣятельной партіи въ старой Россіи. Въ своемъ романѣ „Что дѣлать?“ Чернышевскій рисуетъ типъ революціонера, который заранѣе готовитъ себя къ предстоящему ему мученичеству. А Добролюбовъ пытался, несмотря на цензурныя рогатки, выяснить своимъ читателямъ, что тѣ элементы высшихъ классовъ, которые хотятъ придти на помощь угнетеннымъ массамъ, т. е. прежде всего крестьянамъ, прежде всего должны порвать всякую связь съ привиллегированными сословіями, къ которымъ они принадлежали. Разбирая романъ Тургенева „Наканунѣ“ (1860 г.), Добролюбовъ поставилъ вопросъ: почему Тургеневъ вывелъ въ качествѣ революціонера — героя романа—не русскаго, а болгарина, поставившаго цѣлью своей борьбы освобожденіе своего родного народа отъ турецкаго ига? И отвѣтъ гласилъ: Тургеневъ поступилъ такъ потому, что среди русскихъ еще не было необходимыхъ психологическихъ предпосылокъ для выработки подобныхъ революціонныхъ типовъ.

Онъ иллюстрируетъ свою мысль сравненіемъ съ положеніемъ турка высшихъ сословій, мечтающаго объ освобожденіи порабощенныхъ христіанъ, и въ то же время отдѣленнаго глубокой пропастью отъ угнетенныхъ христіанъ.

Если бы онъ дѣйствительно хотѣлъ бороться за ихъ освобожденіе, онъ долженъ былъ бы совершенно отказаться отъ своего привилегированнаго положенія, отъ своего класса, отвернуться отъ своихъ ближайшихъ родныхъ, отъ своей вѣры и душой и тѣломъ слиться съ христіанами. Народовольцы изъ высшихъ слоевъ въ Россіи были отдѣлены отъ народной массы культурной и соціальной пропастью, которая не менѣе глубока и широка, чѣмъ пропасть между господствующими турками и порабощенными ими христіанами. Для освобожденія народныхъ массъ въ Россіи отъ ихъ угнетателей идеально настроенные круги буржуазной интеллигенціи должны были послѣдовать гипотетическому примѣру турка, симпатизирующаго угнетеннымъ христіанамъ. Понятно, что только въ средѣ интеллигентной молодежи, а не въ рядахъ отцовъ ея, могли находиться люди, способные вступить на этотъ путь.

Необходимое для этого настроеніе, своего рода религіозный энтузіазмъ среди этой интеллигенціи воспитывались, крѣпли и достигали высшей степени развитія лишь благодаря непрерывной революціонной пропагандѣ. Литературные вожди радикальной интеллигеніи въ 60-хъ годахъ не мало сдѣлали въ этомъ отношеніи. Но наиболѣе сильный толчокъ въ этомъ направленіи былъ данъ лишь бакунизмомъ, который далъ этимъ революціоннымъ стремленьямъ, настроеніямъ и склонностямъ концентрированное, отчетливое и яркое выраженіе. Бакунинъ формулировалъ непосредственную цѣль и программу дѣйствій народническаго революціоннаго движенія. Его идеализація революціонныхъ и соціальныхъ инстинктовъ крестьянства, его жизнь и борьба на жизнь и на смерть противъ всего буржуазнаго общества и государства, его революціонный утопизмъ и его опьяняющая революціонная фразеологія чрезвычайно повышали энтузіазмъ способныхъ на одушевленіе и на жертву элементовъ интеллигенціи. Онъ сталъ благодаря этому почти на цѣлое десятилѣтіе самымъ популярнымъ вождемъ русской революціонной интеллигенціи. Онъ въ извѣстной степени подвелъ итогъ подготовительному періоду ея развитія къ партіи роволюціоннаго дѣйствія и въ его ученіи революціонная интеллигенція нашла въ сжатой, концентрированной формѣ идеологію, которая скрывала отъ нея историческіе предѣлы революціоннаго движенія на почвѣ стараго режима и культурныя и соціально-политическія препятствія, которыя стояли на его пути. Этотъ самообманъ и эти иллюзіи были однако необходимы для того, чтобы сдѣлать для интеллигенціи психологически возможнымъ совершеніе той исторической подготовительной работы, которая расчистила путь для соціалдемократическаго движенія и для непосредственной подготовки революціи.

Къ концу 70-хъ и къ началу 80-хъ годовъ русскій бакунизмъ началъ быстро разлагаться. Но и тогда еще не прекратилось его положительное вліяніе на наше движеніе. Кучка героевъ-террористовъ, начавшихъ единоборство со всемогущимъ

абсолютизмомъ при политическомъ индифферентизмѣ и полномъ безсиліи общества, вербовалась изъ лучшихъ и наиболѣе выдающихся представителей того революціоннаго поколѣнія, которое психологически и теоретически находилось подъ вліяніемъ и господствомъ бакунизма. Но почти въ то же самое время, когда эта борьба достигла своего апогея, въ головахъ другихъ русскихъ бакунистовъ начался процессъ дальнѣйшаго развитія къ соціалдемократизму. Это можетъ быть быть звучитъ странно. но это фактъ: это развитіе первоначально совершалось не въ сознательномъ принципіальномъ противорѣчіи съ бакунизмомъ, но скорѣе логически примыкая къ нѣкоторымъ идеямъ и положеніямъ Бакунина, правда, въ то же время и подъ вліяніемъ международнаго рабочаго движенія. Этотъ путь былъ потому логически возможенъ, что Бакунинъ самъ эклектически и въ непереваренномъ видѣ усвоилъ себѣ нѣкоторыя марксистскія идеи.

Авторъ этихъ строкъ въ 70-ые годы самъ былъ бакунистомъ и испыталъ на себѣ захватывающее вліяніе произведеній Бакунина на революціонно настроенные круги учащейся молодежи. Мнѣ довелось продѣлать и эволюцію отъ бакунизма къ марксизму и я еще живо вспоминаю, какъ я находилъ въ бакунизмѣ исходныя точки зрѣнія для моего развитія въ соціалдемократическомъ направленіи.

Въ Западной Европѣ бакунизмъ организовалъ и руководилъ сопративленіемъ отсталыхъ, находящихся во власти сектантскихъ соціалистическихъ и утопическихъ революціонныхъ традицій, элементовъ рабочаго движенія противъ нарождающейся международной соціалдемократіи. Въ Россіи онъ, помимо своей воли, сталъ провозвѣстникамъ соціалдемократическаго движенія. На Западѣ онъ тормозилъ движеніе, вносилъ въ него дезорганизацію, въ Россіи, напротивъ, онъ сыгралъ бывшую положительную роль.

П. Б. Аксельродъ.

(Переводъ С. Ш.).

Политическое обозрѣніе.

Оппозиція въ Думѣ и странѣ.

Давно уже, кажется, у насъ не было такого оппозиціоннаго благополучія. По крайней мѣрѣ, „Русское Слово“ послѣ обсужденія смѣты Мин. Вн. Дѣлъ констатировало, что противъ правительства почти вся Дума—отъ лѣвыхъ и до націоналистовъ—и только кучка крайнихъ правыхъ на его сторонѣ. И сдѣлано это не безъ основанія. Такъ какъ даже Савенко, говорившій

отъ лица націоналистовъ, довольно рѣзко разошелся съ министромъ Маклаковымъ. Для г. Маклакова, напр., достаточнымъ мотивомъ для преслѣдованія рабочей печати является уже то, что она является „проводникомъ завѣдомой классовой вражды между отдѣльными частями населенія".

Ну а г. Савенко уже нѣсколько больше коснулась Европа. Въ отличіе отъ г. Маклакова онъ понимаетъ, что „классовая борьба всегда была и будетъ" и поэтому предлагаетъ г. Маклакову ограничить государственную политику стремленіемъ къ тому, „чтобы эта борьба укладывалась въ мирныя и легальныя рамки и производилась не кровавыми методами, а словами и рѣчами". Онъ согласенъ съ г. Маклаковымъ, что нужно подавлять революцію, но, опять таки, поучаетъ онъ его: „нельзя бить по мирному обществу, ибо отъ этого революціонное движеніе не уменьшается, а увеличивается". И въ итогѣ онъ считаетъ нужнымъ отъ лица націоналистовъ „сказать правящимъ кругамъ, что они стоятъ на ложномъ и опасномъ пути. Они сѣютъ вѣтры, а бурю пожинать придется нашей многострадальной родинѣ".

Такъ полагаетъ даже г. Савенко. Естественно, что болѣе лѣвыя партіи выступали при обсужденіи бюджета рѣшительнѣе. Такъ В. Н. Львовъ отъ лица группы центра, стоящей непосредственно за націоналистами, обвинялъ г. Маклакова въ томъ, что онъ вступилъ на „путь задержанія назрѣвшихъ реформъ, неуваженія къ правамъ народнаго представительства и презрѣнія къ общественному мнѣнію".

Въ формулѣ же, предложенной Думѣ центромъ, вмѣстѣ съ октябристами и принятой большинствомъ $^2/_3$ Думы Министерство Вн. Дѣлъ обвиняется въ томъ, что мѣшаетъ „духовно-экономическому развитію страны, стѣсняя и ограничивая дѣятельность земскихъ и городскихъ учрежденій, а также въ томъ, что „поощряя повсемѣстный административный произволъ", политика его „создаетъ недовольство и глубокое броженіе въ широкихъ и спокойныхъ слояхъ населенія".

Это максимумъ того, на что пошла группа центра, а октябристы пошли нѣсколько дальше. Они выразили свой протестъ противъ политики Мин. Вн. Дѣлъ отверженіемъ ряда кредитовъ по смѣтѣ этого министерства, всего на сумму въ 700 тыс. рублей.

Октябристы сдѣлали на этотъ разъ то, на что раньше рѣшались только кадеты, а кадеты и прогрессисты пошли такъ далеко, какъ до сихъ поръ шли только лѣвые. 6 лѣтъ послѣ акта 3 іюня они оставались глухими къ увѣщаніямъ соціалдемократовъ и трудовиковъ вотировать противъ бюджета. Теперь наконецъ рѣшились. И ихъ чаша терпѣнія переполнилась и они наконецъ поняли то, что легко было понять давно, что правящая власть глубоко враждебна политическому обновленію страны и что бюджетъ въ его рукахъ является орудіемъ насилія надъ населеніемъ, попиранія его законныхъ правъ и стремленій. Поняли это и предложили Думѣ отвергнуть бюджетъ въ его цѣломъ. При чемъ особенно прогрессисты, устами Ефремова, чрезвычайно выразительно мотивировали это.

„Наше объединенное правительство, говоритъ эта мотивировка, лишено творческихъ силъ и государственнаго пониманія... На одно только у объединеннаго правительства хватаетъ энергіи и страсти,—на борьбу съ обществомъ.

...Земства и города всячески стѣсняются, школы и судъ разрушаются. На права народнаго представительства ведется систематическій походъ. Только въ этомъ правительство объединено, только здѣсь оно дѣйствуетъ послѣдовательно...

...Антогонизмъ различныхъ вѣдомствъ во всемъ, что не касается борьбы съ обществомъ, интриги сановниковъ, своеволіе мѣстныхъ властей, вмѣшательство союзническихъ организацій и прикрывающихся религіознымъ мистицизмомъ развратныхъ проходимцевъ, вмѣшивающихся въ назначеніе высшихъ должностныхъ лицъ и въ управленіе государствомъ,—все это служитъ яснымъ показателемъ разложенія и анархіи власти...

...Авторитетъ власти подорванъ, государственное достоинство оскорблено, народныя права попираются и не тѣмъ лицамъ, которыя при такихъ условіяхъ согласны молчаливо занимать посты министровъ, возстановить въ Россіи порядокъ, создать финансы нашего государства на здоровыхъ началахъ, поднять благосостояніе крестьянъ, возродить внутреннюю и внѣшнюю мощь нашего отечества...

..По всѣмъ этимъ соображеніямъ фракція прогрессистовъ, при всемъ ея сочувствіи къ культурнымъ начинаніямъ, содержащихся въ смѣтѣ расходовъ, не можетъ дать своего согласія, именно ради достиженія ихъ цѣлей,—на отпускъ народныхъ средствъ теперешнему правительству".

Такъ говорилъ г. Ефремовъ отъ лица партіи, опирающейся на значительную часть крупной буржуазіи, считающей въ своихъ рядахъ такихъ видныхъ промышленниковъ московскаго района, какъ Коноваловъ, Рябушинскіе. Передовые слои буржуазіи тутъ впервые заговорили съ властью свободнымъ и рѣшительнымъ тономъ.

А рѣчь праваго кадета Челнокова, избранника первой городской куріи Москвы и слѣд. представителя ея торгово-промышленныхъ круговъ прозвучала прямо, какъ угроза.

Онъ заявилъ, что политика Маклакова „по отношенію къ Думѣ, къ рабочему движенію, къ мѣстному самоуправленію создаетъ невыносимое положеніе, изъ котораго нѣтъ выхода". Дѣятельность Мин. Вн. Дѣлъ создаетъ, по его мнѣнію, серьезную опасность для самого существованія монархіи. И какъ „представитель дѣловой, лойяльной и вѣрноподданной Москвы» онъ обращаетъ вниманіе власти на эту опасность. „Политическое легкомысліе Маклакова, его полное неумѣніе разбираться въ вопросахъ, волнующихъ государство, стремленіе перенести отвѣтственность на высшую власть создаютъ то, что въ извѣстныхъ кругахъ русскаго общества, помимо его воли, желаній, традицій и всего историческаго прошлаго, практически ставится на обсужденіе вопросъ, самое провозглашеніе котораго было поставлено въ вину Чхеидзе".

Въ то самое время, когда произносилась эта рѣчь представителемъ „дѣловой Москвы", засѣдалъ съѣздъ представителей промышленности и торговли. Хотя и менѣе рѣшительно, чѣмъ гг. Ефремовъ и Челноковъ, но достаточно недвусмысленно и онъ выразилъ свое осужденіе правительственному курсу. Онъ прежде всего и наиболѣе рѣшительно, конечно, протестовалъ противъ проявленій этого курса въ экономической области—противъ ограниченія правъ акціонерныхъ компаній, противъ расширенія казеннаго хозяйства насчетъ частнаго. Но въ своей резолюціи онъ счелъ нужнымъ коснуться и похода правительства противъ правъ Думы. „Устойчивость новаго представительнаго строя, заявилъ съѣздъ, является необходимымъ залогомъ успѣшнаго развитія народнаго хозяйства, въ частности промышленности и торговли. Представители промышленности и торговли съ нѣ-

которой тревогой вслѣдствіе этого взираютъ на извѣстныя событія послѣдняго времени, направленныя какъ-будто къ суженію правъ, дарованныхъ свыше нашимъ законодательнымъ учрежденіямъ".

„Съ *нѣкоторой* тревогой", „*какъ будто* къ суженію правъ", нельзя сказать, чтобы это—былъ смѣлый и достойный тонъ, но для офиціальнаго съѣзда промышленниковъ, тщательно избѣгавшихъ до сихъ поръ всякаго вторженія въ политику, это во всякомъ случаѣ—большой прогрессъ.

Чрезвычайно показательно также отношеніе съѣзда къ рабочему вопросу. Перечисляя въ своей резолюціи проявленія экономической и внутренней политики, мѣшающія развитію производительныхъ силъ страны, съѣздъ счелъ нужнымъ указать на „обостреніе рабочаго вопроса отчасти вслѣдствіе политическихъ причинъ". Въ телеграммѣ, посланной г. Горемыкину, онъ сказалъ еще выразительнѣе: „тревожное настроеніе поддерживается (у представителей промышленности) все ростущимъ рабочимъ движеніемъ, которое питается въ значительной мѣрѣ причинами, находящимися внѣ сферы воздѣйствія торговли и промышленности".

Нѣкоторые же видные представители съѣзда поставили прямо точки надъ і. Такъ В. В. Жуковскій находилъ, что „власть борется съ рабочимъ движеніемъ средствами, которыя промышленники не могутъ одобрить. Задача промышленности ввести рабочее движеніе въ должныя рамки и смягчить его, а не обострять. Между тѣмъ, правительство въ своей борьбѣ съ рабочими знаетъ одинъ лишь лозунгъ, держится одного лишь принципа:—хватай!"

А Ю. П. Гужонъ, предсѣдатель общества московскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ констатировалъ, что за эти 44 года, въ теченіе которыхъ онъ имѣлъ дѣло съ министрами финансовъ и торговли и промышленности—„такого тяжелаго времени у насъ еще не было. Вся бѣда, что наше министерство торговли буквально порабощено министерствомъ внутр. дѣлъ". Въ такомъ же положеніи, по его мнѣнію, находятся и другія вѣдомства. „Тяжелую руку (мин. вн. дѣлъ) мы чувствуемъ повсюду. Особенно сильно вліяніе министерства внутр. дѣлъ въ рабочемъ вопросѣ. Мы больше не хозяева въ своихъ предпріятіяхъ", заявилъ съ горечью и возмущеніемъ г. Гужонъ.

Итакъ, кругъ недовольныхъ нашимъ провительствомъ какъ будто смыкается вокругъ него. Противъ него несомнѣнно весь городъ, начиная съ пролетаріата, продолжая буржуазной демократіей и кончая крупными промышленниками. Противъ него какъ будто и октябристы, стоящіе одною ногою уже въ землевладѣльческомъ классѣ. Противъ него, повидимому, и партія центра (В. Н. Львова и П. Н. Крупенскаго) и даже какъ будто націоналисты, партія уже несомнѣнно землевладѣльческая.

То, что ряды прямыхъ и безусловныхъ сторонниковъ правительства все больше рѣдѣютъ и правительство наше начинаетъ вплотную упираться въ Пуришкевича, это, конечно, чрезвычайно характерно для даннаго момента.

Правительство быстро удаляется отъ того счастливаго для себя времени, когда оно располагало въ лицѣ покойнаго Столыпина сплоченнымъ думскимъ большинствомъ, начиная отъ крайнихъ правыхъ и кончая лѣвыми октябристами, и когда за этимъ большинствомъ стояли въ подавляющей своей массѣ имущіе слои города и деревни вмѣстѣ съ значительной частью крестьянства. Около правительства начинаетъ образовываться та пустота, которая была характерна для 1905 года и при которой стала неизбѣжной сдача имъ своихъ позицій.

Но было бы ошибкой всетаки слишкомъ преувеличивать ту остроту положенія, которая уже достигнута. Оппозиціонное настроеніе, которое начинаетъ охватывать теперь самые разнообразные элементы общества прежде всего у многихъ изъ нихъ имѣетъ очень неглубокій характеръ. И чѣмъ больше мы будемъ двигаться слѣва на право, тѣмъ проблематичнѣе становится оппозиціонная стойкость различныхъ фрондирующихъ теперь элементовъ.

И когда мы оказываемся въ средѣ націоналистовъ, то тутъ становится даже не совсѣмъ яснымъ, въ чемъ дѣло, въ томъ ли, что реакціонное усердіе министерства вн. дѣлъ даже имъ трудно переварить, или въ томъ, что г. Маклаковъ свое благоволеніе слишкомъ пріурочилъ къ крайнимъ правымъ, оставляя его очень мало на долю націоналистовъ. Такъ какъ вѣдь трудно понять, почему дѣятельность министерства юстиціи и министерства народнаго просвѣщенія, которыя идутъ только нога въ ногу съ минист. вн. дѣлъ, почему дѣятельность этихъ министерствъ нашла у націоналистовъ горячую защиту. Во всякомъ случаѣ нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго у тѣхъ, которые стремятся къ дѣйствительному политическому обновленію страны, съ людьми, которые, какъ г. Савенко, привѣтствуютъ г. Кассо за разгромъ университетовъ и за походъ его противъ народныхъ учителей.

Но не такъ уже много общаго у сторонниковъ рѣшительнаго политическаго обновленія Россіи, найдется и съ октябристами. Они могутъ бросать сколько угодно оппозиціонныхъ фразъ и заниматься сколько угодно даже урѣзкой отдѣльныхъ смѣтъ, но гораздо краснорѣчивѣе этихъ оппозиціонныхъ выпадовъ тотъ несомнѣнный фактъ, что борьба за свободу парламентскаго слова привела въ послѣднемъ итогѣ къ рѣзкому размежеванью съ октябристами всей оппозиціи, къ предсѣдательскому кризису, къ выходу изъ президіума всѣхъ членовъ оппозиціи и къ образованію для новыхъ выборовъ президіума октябристко—праваго блока.

Отстаиваніе правъ Думы отъ покушеній на нихъ правительства выразилось у октябристовъ въ томъ, что они постарались правительство на практикѣ убѣдить, что въ ограниченіяхъ свободы думскаго слова изъ-внѣ нѣтъ никакой необходимости, что эта свобода можетъ быть сведена къ минимуму энергичной дѣятельностью думскаго президума. И октябристой предсѣдатель г. Родзянко началъ изъ кожи лѣзть, чтобы угодить правительству. Зенита его усердіе достигло, когда лѣвая послѣ своего возвращенія выступила съ декларацією. Онъ прерывалъ чтеніе декларацiи безъ всякихъ серьезныхъ поводовъ и вначалѣ даже совсѣмъ запретилъ ея опубликованіе, отказавшись отъ этого рѣшительнаго шага только въ виду единодушнаго протеста всей оппозиціи.

Внѣшнимъ поводомъ для выхода Коновалова изъ президіума было отверженіе большинствомъ Думы мѣры, предложенной имъ относительно Шубинскаго—исключенія его на одно засѣданіе. Но въ дѣйствительности положеніе членовъ оппозиціи въ президіумѣ сдѣлалось невозможнымъ въ виду той удушливой атмосферы, которая получалась въ Думѣ отъ систематическаго похода на свободу думскаго слова со стороны г-на Родзянко и отъ отсутствія увѣренности въ томъ, что октябристы проведутъ безъ всякихъ искаженій законъ о безотвѣтственности депутатовъ за думскія рѣчи, внесенный прогрессистами. Прямого обязательства провести этотъ законопроектъ въ неизмѣненномъ видѣ требовали прогрессисты отъ октябристовъ, какъ условіе возвращенія Коновалова въ президіумъ и порвали соглашеніе съ октябристами, когда это условіе не было принято.

Итакъ обостреніе борьбы привело не къ сплоченію оппозиціи съ октябристами, не къ подчиненію октябристовъ вліянію оппозиціи, а къ разрыву между ними. Тамъ, гдѣ начинается болѣе рѣшительная борьба, тамъ не мѣсто октябристамъ къ борьбѣ они неспособны, они могутъ только безпомощно путаться между борющимися, такъ какъ выше ихъ силъ—порвать окончательно и безповоротно всѣ нити связывающія, ихъ съ бюрократіей.

Но и оппозиція въ этой борьбѣ за свободу думскаго слова была далека отъ того минимума сплоченности, который необходимъ для успѣха борьбы. Умѣренная оппозиція въ лицѣ кадетовъ и прогрессистовъ тоже показала рядомъ съ показной и оборотную свою сторону. Ихъ тоже связываютъ нѣкоторыя нити съ реакціей, но только не прямо, а косвенно, не съ правительствомъ, а съ тѣми неустойчивыми элементами, которые безпомощно мечутся между бюрократіей и ея непримиримыми врагами. Вотъ почему они такъ долго терпѣли свой фактическій союзъ съ октябристами на почвѣ президіума, не рѣшаясь порвать съ ними—и вотъ почему они совершили свой актъ предательства по отношенію къ лѣвымъ, голосуя за ихъ изгнаніе послѣ обструкціи или воздерживаясь отъ голосованія, когда надъ ними производилось насиліе. И конечно нѣтъ никакихъ основаній быть увѣреннымъ, что и теперешній ихъ разрывъ съ октябристами носитъ окончательный характеръ, что немного погодя—напр. въ началѣ новой сессіи, осенью—они снова не потянутся къ октябристамъ.

И дѣло тутъ не просто въ томъ, что въ груди у нихъ трепещетъ робкая и трусливая буржуазная душа. Ихъ душа далека отъ смѣлости и рѣшительности, несомнѣнно, но все-таки и у нея есть довольно широкая гамма переживаній и настроеній отъ большой робости до довольно значительной смѣлости. Все дѣло въ моментѣ, все дѣло въ той активности, которую въ тотъ или иной моментъ обнаруживаетъ масса населенія.

Эта активность очевидно не настолько велика, чтобы достаточно глубоко проложить межу, отдѣляющую живыя силы страны отъ правительства. И это дѣйствительно такъ, пока, къ сожалѣнію, такъ.

Замѣтную активность проявляетъ пока только рабочій пролетаріатъ. И поэтому только соціалъ-демократія въ разгорающійся борьбѣ на почвѣ Думы можетъ говорить отъ лица реальной силы выступающей въ странѣ. Положеніе и другихъ партій въ этомъ отношеніи гораздо хуже. Трудовики напр. сейчасъ неизвѣстно кого представляютъ, потому что крестьянство, отъ лица котораго они пытаются говорить, не обнаруживаетъ пока никакихъ признаковъ жизни.

Крестьянство и въ предыдущій періодъ политическаго подъема пришло подъ самый конецъ, когда городъ былъ охваченъ сильнымъ движеніемъ. Но и городъ за исключеніемъ рабочаго пролетаріата крупныхъ центровъ обнаруживаетъ сейчасъ тоже очень малую активность. Молчитъ 2-ая городская курія, которая даетъ главные кадры избирателей кадетамъ.

И пожалуй наиболѣе замѣтную политическую активность послѣ пролетаріата проявляетъ его крайній антиподъ—крупная торгово-промышленная буржуазія. Тѣ промежуточные элементы буржуазного общества, которымъ гораздо легче идти съ пролетаріатомъ и которые гораздо дальше могутъ идти съ нимъ, куда то стушевались и на политической аренѣ въ качествѣ оппозиціи виднѣются два противоположные и рѣзко антагонистичные класса—пролетаріатъ и буржуазія. Конечно нужно быть очень „послѣдовательнымъ“ марксистомъ, т. е. попросту не имѣть ничего общаго съ марксизмомъ для того, чтобы не понимать, что въ извѣстный политическій моментъ, передъ лицомъ общей дворянско-крѣпостнической опасности пролетаріатъ можетъ оказаться во временномъ союзѣ даже съ крупной буржуазіей. Но этотъ союзъ во всякомъ случаи наименѣе проченъ, наименѣе устойчивъ изъ всѣхъ фактическихъ союзовъ, въ которые, приходится вступать во время политической борьбы пролетаріату. Потому что сила отталкиванія крупной буржуазіи отъ широкаго народнаго движенія всегда достаточно велика, а у насъ въ связи съ той стадіей экономическаго развитія, на которой стоитъ страна, эта сила отталкиванія поддерживается еще нѣкоторыми стремленіями буржазіи, рѣзко противорѣчащими интересомъ массы населенія.

Такъ на томъ же промышленномъ съѣздѣ, на которомъ прозвучали довольно рѣзкія оппозиціонныя ноты, прозвучали и ноты крайняго протекціонизма. Въ общей резолюціи промышленники сочли нужнымъ бросить упрекъ Гос. Думѣ, что она проводитъ мѣропріятія, направленныя къ ослабленію дѣйствія таможеннаго тарифа, а докладъ о пересмотрѣ торговаго договора съ Германіей, представленный бар. Майделемъ требуетъ усиленія и распространенія таможенной охраны на продукты, гдѣ она дѣйствуетъ недостаточно сильно.

Усиленное обложеніе всего населенія въ пользу промышленности, вотъ та цѣна, которую требуютъ объединенные промышлнники для того, чтобы чувствовать себя солидарными съ остальными общественными силами. Но къ счастью они идутъ въ этомъ случаѣ не только противъ интересовъ массы населенія, а и противъ интересовъ экономическаго развитія. А нарушеніе послѣднихъ бьетъ тѣмъ дальше, тѣмъ все больнѣе, значительные слои самой буржуазіи.

Ярыми и безусловными сторонниками протекціонизма и его дальнѣйшаго усиленія являются могущественные синдикаты „Продамета“ и „Продуголь“, которымъ принадлежатъ сейчасъ геге-

монія въ промышленномъ мірѣ. Но эта гегемонія падаетъ все большей тяжестью на всю остальную промышленность.

Вздорожаніе цѣнъ чугуна, желѣза толкаетъ отрасли промышленности, болѣе тѣсно связанныя съ народно-хозяйственнымъ спросомъ, какъ текстильная промышленность, или какъ производство машинъ и орудій, къ усиленію таможенной охраны, но усиленіе ея грозитъ имъ сокращеніемъ спроса, сокращеніемъ рынка благодаря вздорожанію ихъ продуктовъ. Интересы населенія идутъ въ данномъ случаѣ рука объ руку съ интересами этихъ отраслей промышленности, а тѣ и другіе соотвѣтствуютъ интересамъ экономическаго развитія. Крайній протекціонизмъ, дѣйствующій у насъ, становится явнымъ препятствіемъ для экономическаго развитія.

Рядомъ съ значительными слоями промышленниковъ, въ ослабленіи протекціонизма заинтересованы также и широкіе торговые круги, наконецъ заинтересована и буржуазная интеллигенція, которая вообще способна больше, чѣмъ другіе слои буржуазіи, подниматься на точку зрѣнія общихъ интересовъ экономическаго развитія.

Эти широкіе слои непромышленной буржуазіи заинтересованы въ томъ, чтобы разбить соглашеніе между всѣми группами промышленниковъ на почвѣ протекціонизма, соглашеніе при которомъ убытки одной отрасли промышленности отъ покровительства другой покрываются усиленнымъ покровительствомъ ей самой.

Почва для антагонизма между отраслями промышленности, болѣе тѣсно связанными съ народно-хозяйственнымъ спросомъ, и отраслями, для которыхъ имѣютъ большое значеніе правительственные заказы, назрѣваетъ все больше и больше. И громадное политическое значеніе имѣетъ то вліяніе, которое на почвѣ этого антагонизма буржуазная демократія можетъ пріобрѣсти на торговую буржуазію, на значительные слои промышленниковъ, на тѣ слои имущей буржуазіи, однимъ словомъ, руки которыхъ болѣе свободны, которые меньше зависятъ отъ бюрократіи и больше зависятъ отъ экономической жизнедѣятельности крестьянства и массы городского населенія.

Кадетская партія, и особенно партія прогрессистовъ уже привлекаютъ въ свои ряды эти слои буржуазіи, партія прогрессистовъ даже строится въ значительной степени на нихъ. И дальнѣйшая эволюція въ этомъ направленіи въ значительной степени зависитъ отъ той активности, которую будетъ развивать промежуточный слой города—буржуазная демократія.

Только тогда, когда ея активность приложится къ активности пролетаріата, городъ сможетъ выступить, какъ достаточно сплоченное оппозиціонное цѣлое, а движеніе города отразится и на настроеніи деревни.

Н. Череванинъ.

Библіографія.

А. Н. Потресовъ (Старовѣръ).—П. Б. Аксельродъ.—Издательство „Наканунѣ“ ц. 25 к.

Въ предисловіи къ своему очерку А. Н. Потресовъ указываетъ на то, что „цѣлыя большія полосы въ дѣятельности Аксельрода остаются совершенно неизвѣстными не только большой читающей публикѣ“ но и внутри самой соціалдемократіи. Какъ это ни грустно и обидно, но это болѣе, чѣмъ вѣрно. Лично и мнѣ приходилось убѣждаться, что даже близкіе товарищи, придерживающіеся на практикѣ взглядовъ Павла Борисовича, хорошенько не знали, что идеи, которыя они пропагандировали, взгляды, которые они старались проводить въ жизнь, исходятъ отъ Аксельрода! Гдѣ ужъ тутъ говорить о массовыхъ товарищахъ и о знакомствѣ ихъ съ Аксельродомъ за періодъ до 1903—4 года или, въ особенности, съ эволюціей Аксельрода-бакуниста въ Аксельрода-соціалдемократа въ теченіе 70-хъ и начала 80-хъ годовъ?! А „вѣдь именно здѣсь,—какъ замѣчаетъ А. Потресовъ,- стоитъ колыбель нашей русской соціалдемократіи“, и въ 45-лѣтней исторіи „Аксельродовскаго творчества“, вообще, какъ нельзя рельефнѣе отразилась исторія зарожденія и развитія соціалдемократической мысли въ Россіи!

Работа А. Н. Потресова даетъ намъ первое послѣдовательное изложеніе хода этого творчества. Она очень невелика по объему: всего въ ней 54 страницы. Но, несмотря на это, различные этапы въ идейной эволюціи, въ политической работѣ мысли П. Б. Аксельрода находятъ въ ней понятное объясненіе, пока, мало-по-малу не получается цѣльнаго, исторически и психологически вѣрнаго образа политическаго мыслителя.

П. Б. Аксельродъ родился въ бѣдной еврейской семьѣ около 1850 г. Какъ жила эта семья, можно судить хотя бы по тому, что—по словамъ П. Б.—„стаканъ сладкаго чая съ ломтемъ булки составлялъ чрезвычайную, малодостижимую роскошь, которой могли пользоваться изрѣдка только дѣти во время выздоравливанія послѣ тяжелыхъ болѣзней“... Но „нѣтъ худа безъ добра“. Въ то время о „процентной нормѣ“ еще не думали и не знали. Напротивъ. Евреевъ насильно заставляли отдавать своихъ дѣтей въ „казенныя школы“. Отъ этой своеобразной учебной повинности еврейскія общины—словно отъ рекрутскаго набора—откупались тѣмъ, что отдавали „казенной школѣ“ дѣтей бѣднѣйшихъ своихъ членовъ. Такимъ-то образомъ попалъ въ „русскую“ школу и маленькій Аксельродъ. Но этимъ самымъ положено было начало скорѣйшаго пріобщенія П. Б-ча къ русской жизни и черезъ нее, косвенно, къ европейской общественности.

Въ 1863 г. первоначальное училище было окончено, и 13-лѣтній Аксельродъ отправляется пѣшкомъ въ ближайшій губернскій городъ (Могилевъ) съ цѣлью попасть въ гимназію, что ему и удается. Здѣсь подъ вліяніемъ русскихъ классиковъ, позднѣе и критиковъ, у Аксельрода впервые пробуждается интересъ къ общественной жизни. Сначала онъ стремится помочь той средѣ, изъ которой онъ самъ вышелъ—бѣдной части еврейскаго населенія. И интересно отмѣтить, что первая же проба пера юнаго Аксельрода, статья, относящаяся къ тому періоду (къ 1869 г.), дышетъ общественнымъ протестомъ и борьбой, такъ какъ она написана „въ защиту еврейской бѣдноты“ родного города (Шклова) „противъ мѣстной еврейской олигархіи“.

Новый и—на данной стадіи развитія рѣшающій—толчокъ даетъ работѣ сознанія Аксельрода Лассалевская „идея четвертаго сословія“. Предъ Аксельродомъ, тогда уже студентомъ Нѣжинскаго института, раскрывается, какъ онъ самъ говоритъ, захватывающая духъ „грандіозная перспектива освобожденія всего человѣчества отъ бѣдности, рабства и невѣжества и великаго освободительнаго движенія рабочаго класса“. По сравненію съ „идеей четвертаго сословія“ „еврейскій вопросъ“ представляется ему „совсѣмъ крохотнымъ“. И—съ характернымъ для него непосредственнымъ переходомъ отъ мысли и слова къ дѣлу—онъ спѣшитъ вербовать сторонниковъ новой „идеи“ и въ головѣ у него немедленно складывается что-то вродѣ „плана всероссійской организаціи“ революціонныхъ силъ Россіи...

Это было начало 1872 года, первыхъ опытовъ хожденія революціонной моло-

дежи „въ народъ". „Только народъ Аксельрода былъ съ самаго начала народомъ городовъ—промышленнымъ рабочимъ людомъ" (плотники, столяры, стекольщики). Это было случайно, „такъ *фактически* складывались обстоятельства его революціонной работы", но „уже въ народнической періодъ движенія накладывали извѣстную печать на его міросозерцаніе". Къ этому періоду (1872—74 г.) относится знакомство Аксельрода съ произведеніями Бакунина, подъ вліяніемъ которыхъ онъ „окончательно развивается въ анархиста".

Но уже тогда въ Аксельродѣ даетъ себя сильно знать та его рѣдкая способность къ самокритикѣ, которая среди складывающихся тогда соціально-революціонныхъ теченій уже ставитъ его на „особую позицію". Аксельродъ не можетъ солидаризироваться ни съ однимъ изъ двухъ образовавшихся тогда направленій, ни съ „впередовцами", ни съ „бунтарями". Первыхъ „онъ считаетъ слишкомъ умѣренными и онъ пытается преобразовать свой кружокъ и наполнить его новымъ болѣе революціоннымъ духомъ". „И въ то же время онъ рѣзко нападаетъ и на „бунтарей" за ихъ отрицаніе всякой пропагандистской работы, за ихъ приверженность къ чисто стихійнымъ бунтамъ, не одухотвореннымъ сознательной революціонной цѣлью".

„Въ этой критикѣ на два фронта,—продолжаетъ А. Потресовъ,—уже сказывается позднѣйшій авторъ „Переходнаго момента нашей партіи", этой наиболѣе замѣчательной самокритики народническаго періода революціоннаго движенія". Въ этой критикѣ,—можно, мнѣ кажется, сказать,—проявился весь Аксельродъ, какимъ мы узнаемъ его по дальнѣйшей дѣятельности, какимъ мы знаемъ его и теперь. Это та самая основная черта въ его духовномъ обликѣ, которая тѣсно роднитъ его съ другими крупными пролетарскими тактиками, Бебелемъ и Викторомъ Адлеромъ: умѣнье не отклоняться ни вправо, ни влѣво отъ разъ выбраннаго пути, умѣнье, обусловленное рѣдкимъ чутьемъ дѣйствительности, даромъ глубокаго проникновенія въ толщу соціально-историческихъ наслоеній и большимъ теоретическимъ тактомъ.

Въ 1874 г., послѣ разгрома революціонныхъ кружковъ, Аксельродъ, счастливо избѣгнувши ареста, переправляется черезъ границу. „Въ его жизни,—говоритъ А. Потресовъ,—наступаетъ новый періодъ—періодъ многолѣтняго пребыванія заграницей и вмѣстѣ съ тѣмъ періодъ пріобщенія самобытнаго русскаго революціонера того времени къ культурѣ европейскаго рабочаго движенія".

Плоды „западничества-европеизма Аксельрода" уже, между прочимъ, сказываются въ упомянутой выше работѣ его—„Переходный моментъ въ нашей партіи",—напечатанной въ 1878 г. въ „Общинѣ", редакторомъ которой онъ состоялъ.

Въ революціонномъ движеніи того времени назрѣвалъ кризисъ. Съ одной стороны, неудовлетворяла работа въ деревнѣ; съ другой,—стихійно обострялась борьба революціонеровъ съ правительствомъ. Приближалась опасность для движенія, которую Аксельродъ формулировалъ, какъ превращеніе „соціалистическаго федерализма" этого движенія „отчасти въ якобинизмъ, отчасти въ конституціонализмъ". И Аксельродъ снова даетъ яркій примѣръ „двухфронтовой" самокритики. Онъ критикуетъ бунтарей-народниковъ, полагающихъ возможнымъ „въ интересахъ агитаціонно-организаціонныхъ и, въ виду, будто бы, совпаденія народныхъ идеаловъ съ соціалистическимъ, отказаться до поры до времени отъ пропаганды соціализма". Но онъ не согласенъ и съ будущими народовольцами, которые склонны были отказаться отъ соціалистической работы во имя разгоравшейся борьбы съ абсолютизмомъ.

Предъ Аксерольдомъ, — говоритъ А. Потресовъ, — постепенно сталъ, такимъ образомъ, вопросъ о взаимоотношеніи соціализма и политической борьбы. Но, хотя онъ признаетъ необходимость и того, и другой,—онъ еще не въ состояніи примирить обѣ части вопроса, который—пока онъ остается анархистомъ — представляется неразрѣшимой дилеммой. Только соціалдемократизмъ могъ уничтожить эту дилемму, ибо только онъ сумѣлъ діалектически связать соціализмъ съ политической борьбой. И потому-то самая постановка вопроса должна была привести къ скорѣйшему превращенію Аксельрода въ соціалдемократа.

„Разрушеніе анархизма идетъ такъ сказать съ двухъ концовъ: съ конца, обращеннаго къ Россіи и къ ея политической проблеммѣ, и съ конца, обращеннаго къ Европѣ, гдѣ впечатлѣнія движенія исподволь перерабатывали Аксельрода въ соціалдемократа". Все глубже и чаще отражается на работахъ П; Б—ча „западничество", все больше мѣста занимаютъ въ его идейной жизни элементы соціалдемократическаго міросозерцанія. Въ 1879—80 годахъ Аксельродъ опять въ Россіи и организуетъ въ Одессѣ „Южно-русскій рабочій союзъ", затѣмъ въ Петербургѣ — „Сѣверный Союзъ Земли и Воли". Въ написанныхъ имъ для этихъ союзовъ программахъ и объяснительныхъ къ нимъ запискахъ Аксельродъ отводитъ мѣсто программѣ — минимумъ (анархизмомъ непріемлемой), въ видѣ цѣлаго ряда „ближайшихъ требованій", какъ всеобщее избирательное право, улучшеніе условій труда и др. Въ другой работѣ онъ одобрительно отзывается объ авторѣ одной статьи за то, что статья эта „носитъ печать взглядовъ Маркса и Энгельса". Такъ, — заключаетъ эту часть своей работы

А. Потресовъ,—незамѣтно подошелъ тотъ моментъ въ развитіи Аксельрода", въ которомъ процессъ внутренней работы, происходившей въ немъ въ теченіе добраго десятка лѣтъ, „суммировался" переходомъ къ соціалдемократіи.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи А. Н. Потресовъ показываетъ, какъ постепенно все укрѣплялось, усложнялось и развивалось соціалдемократическое міросозерцаніе Аксельрода. Происходило это подъ тѣмъ же двухстороннемъ вліяніемъ: со стороны все болѣе и болѣе усложнявшихся общественно-политическихъ отношеній Россіи и практики ея соціально-революціоннаго движенія и со стороны западно-европейскаго, главнымъ образомъ, германскаго рабочаго движенія. Впечатлѣнія съ той и другой стороны продолжали скрещиваться въ сознаніи Аксельрода, переплетались и монистически перерабатывались. Самый важный для русской соціалдемократіи продуктъ этой на рѣдкость дѣятельной работы политическаго сознанія выразился въ анализѣ особыхъ историческихъ условій возникновенія и развитія соціалдемократіи въ Россіи и въ обоснованіи соотвѣтствующей этимъ условіямъ національно-пролетарской тактики *). Въ этихъ работахъ П. Б—чъ достигъ вершины своего творчества, оставаясь на которой онъ неустанно перомъ и, особенно, устнымъ словомъ учитъ, какъ, опираясь на исторію, бороться противъ исторіи.

Изъ всего этого тридцатилѣтія нельзя, хоть на минуту, не остановиться на самомъ его началѣ. Для нашихъ дней — дней особенно ожесточенной борьбы съ „меньшевизмомъ"—это начало имѣетъ тѣмъ большій интересъ, что еще въ немъ—если угодно — надо искать истоковъ „меньшевизма", какъ тактическаго направленія въ партіи.

„Первымъ словомъ Аксельрода, ставшаго с.-д.", говоритъ Старовѣръ, было словомъ, „обращеннымъ къ рабочей аудиторіи" и „призывомъ къ пролетарской самодѣятельности". Аксельродъ предпринимаетъ (въ 1884 г.) „изданіе рабочей библіотеки" и онъ же пишетъ первую книжку для этой библіотеки—„Рабочее движеніе и соціалдемократія". Вотъ тогда еще имъ было выставлено положеніе-лозунгъ,—красная нить всей его дѣятельности до послѣднихъ дней, — объ организаціи передовыхъ элементовъ 'рабочаго класса въ „самостоятельную политическую силу", въ „рабочую партію".

Работа Аксальрода этого періода идетъ подъ знакомъ борьбы съ народовольчествомъ, „разбитомъ, какъ организація", но „незамѣтными переходами сливавшемся съ простымъ конституціонализмомъ", какъ направленіе. Въ виду этого, Аксельродъ—опять же на „два фронта"—доказываетъ, съ одной стороны, непригодность террора, какъ орудія политическаго воспитанія массъ, а съ другой,—возможность подготовки элементовъ с-демократической партіи еще въ процессѣ борьбы съ абсолютизмомъ.

Не въ томъ дѣло, говоритъ онъ, кто или что наноситъ „окончательный ударъ враждебному режиму". Чаще всего этотъ ударъ, такъ называемаго, случайнаго характера. Между тѣмъ, „историческая миссія крайнихъ партій заключается въ томъ, что борьба ихъ съ врагомъ *въ то же время* развиваетъ и организуетъ общественные элементы", что *„въ самомъ процессѣ борьбы"* „общественныя самосознаніе и сила подготовляются настолько, чтобы быть въ состояніи въ соотвѣтствующихъ политическихъ учрежденіяхъ закрѣпить завоеванное и „сдѣлать невозможнымъ возвратъ къ старому режиму". Отсюда и значеніе каждаго „частнаго завоеванія", служащаго пролетаріату „новой позиціей или исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ нападеній на экономическій и политическій строй буржуазнаго общества". Отсюда и основная задача „лучшей части интеллигенціи" и передовыхъ рабочихъ: „уже въ процессѣ борьбы съ абсолютизмомъ" „подготовить рабочихъ" „къ самостоятельной роли въ первый же періодъ конституціонной жизни", т.-е. тѣмъ самымъ заложить фундаментъ „для болѣе или менѣе серьезной рабочей партіи".

Все это звучитъ такой злобой дня (возьмите хотя бы отношеніе большевиковъ къ „частичнымъ требованіямъ"!), что съ трудомъ вѣрится, что сказано оно двадцать пять лѣтъ тому назадъ! Аксельродъ призывалъ какъ-то „перехитрить исторію". Перефразируя его, можно сказать, что, опередивши себя въ лицѣ Павла Борисовича на много лѣтъ, исторія сама себя „перехитрила". Такова, впрочемъ, діалектика историческаго процесса вообще, что онъ вѣчно самъ себя опережаетъ и, стало быть, „перехитряетъ". Не мудрено ли, что Павелъ Борисовичъ до сихъ поръ остается „книгой для всѣхъ и ни для кого"?!.

Работа Старовѣра сначала была задумана, какъ очеркъ для имѣющаго быть изданнымъ критико-біографическаго словаря, но „стихійно" переросла „отведенныя ей границы"; зато осталась сжатость изложенія и скупость на біографическія дан_

*) „Историческое положеніе и взаимное отношеніе либеральной и соціалистической демократіи" и „Къ вопросу о современныхъ задачахъ и тактикѣ русскихъ соціалдемократовъ".—Напечатаны въ 1899 г.

ныя и характеристики отдѣльныхъ работъ П. Б-ча. Жаль! Но читатель можетъ и долженъ покрыть невольную сжатость усиленнымъ изученіемъ этой интересной работы, этого „путеводителя по лабораторіи Аксельродовскаго творчества“.

Хотѣлось бы только нѣсколько рѣзче подчеркнуть одну весьма важную сторону въ дѣятельности П. Б-ча, правда, отмѣчаемую и А. Потресовымъ: постоянное личное и непосредственное вліяніе П. Б-ча на окружающую его соціалдемократическую среду путемъ любимыхъ имъ „собесѣдованій съ передовыми рабочими“ и пропаганды своихъ идей и мыслей въ „сферахъ“ партіи. Для многихъ товарищей было бы большой неожиданностью узнать, что „полное собраніе сочиненій“ П. Б-ча составило бы не менѣе 4 или 5 солидныхъ томовъ. Но если его „идейное богатство“ и выразилось цѣликомъ въ его литературныхъ работахъ,—въ чемъ едва ли, впрочемъ, можно быть вполнѣ увѣреннымъ,—то „дѣятельность“ его не только первыхъ, но и позднѣйшихъ періодовъ, во всякомъ случаѣ, не вмѣщается въ рамки одной только литературы. Аксельродъ—въ интересующихъ его областяхъ—дѣйствительно и „подлинно творческій умъ“. Голова его всегда полна идеями и мыслями. И кто близко видѣлъ П. Б-ча, тому, быть можетъ, не покажется парадоксальнымъ, что если имъ сравнительно немного написано, то отчасти объясняется это именнс кипучей работою политической мысли. Временами почти стихійная, эта работа можетъ найти себѣ выходъ только въ непосредственной личной пропагандѣ.

Такъ, кажется, можно объяснить это психологически; во всякомъ случаѣ, это было и есть фактически. Съ своей стороны, т.-е. изъ того, что я знаю по собственнымъ наблюденіямъ, укажу на періодъ 1903—5 гг., періодъ критики „ленинизма“ и усиленныхъ исканій путей для организаціи соц.-демократіи еще въ рамкахъ существовавшихъ историческихъ условій. Это было время разработки впечатлѣній, вызванныхъ расколомъ на II съѣздѣ Р. С.-Д. Р. П., когда вся редакціонная работа въ „Искрѣ“ шла подъ—не скажу: единственнымъ—но очень большимъ вліяніемъ П. Б-ча. Это было время, когда десятки недюжинныхъ товарищей отправлялись „на работу“ въ Россію лишь послѣ многократныхъ „собесѣдованій“ съ ними П. Б-ча..

Закончу свою замѣтку заключительными словами А. Н. Потресова:

„Предъ нами на протяженіи четырехъ десятилѣтій проходитъ непрестанная дѣятельность ума, всецѣло направленнаго на познаніе рабочаго движенія и его историческихъ путей. Предъ нами единственный въ своемъ родѣ русскій философъ тактики и европеизаторъ движенія... Въ этой области Аксельродъ подлинно творческій умъ, въ этой области онъ не знаетъ себѣ равнаго въ русской соціалдемократіи“.

Въ этой оцѣнкѣ П. Б. Аксельрода, какъ идеолога русской соціалдемократіи, нельзя ни одного слова ни убавить, ни прибавить.

М. Панинъ.

Отклики.

Первомайскіе итоги.

Въ этомъ году первомайская забастовка въ Россіи приняла значительно большіе размѣры, чѣмъ въ 1913 г. Число рабочихъ, отмѣтившихъ забастовкой день международнаго пролетарскаго праздника въ 1½ раза превысило число бастовавшихъ въ прошломъ году: если въ прошломъ году всего по приблизительнымъ подсчетамъ 1-го мая бастовало около 350 тыс., то въ этомъ году по такимъ же приблизительнымъ подсчетамъ число майскихъ забастовщиковъ превысило 500 тыс., т. е. достигло болѣе полумилліона.

Это увеличеніе числа майскихъ забастовщиковъ приходится почти исключительно на провинцію: въ Петербургѣ въ 1914 г. бастовало отъ 220 до 240 тыс.*), въ прошломъ году отъ 200 до 220 тыс.; въ Москвѣ и въ Московск. губ. въ 1914 г. 40—45 тыс.; въ 1913 г.—около 50 тыс. Такимъ образомъ на провинцію въ этомъ году приходится болѣе 200 т., тогда какъ въ прошломъ году число бастовавшихъ въ провинціи не превышало 100 тыс.

*) Въ Петербургѣ въ майской забастовкѣ приняли участіе нѣкоторые казенные заводы (около половины раб. Обуховскаго зав.), много ремесленниковъ, почти всѣ крупные заводы, всѣ почти типографіи, много булочныхъ и т. д.

По отдѣльнымъ районамъ и городамъ число первомайскихъ забастовщиковъ распредѣлялось такимъ образомъ; въ Ригѣ около 45 тыс., въ Варшавѣ около 15 тыс. *), въ Закавказьѣ 85 тыс. (въ Баку свыше 30 тыс.; всеобщая забастовка въ Чіатурскомъ промышл. раіонѣ, въ Поти; частичная въ Тифлисѣ, Кутаисѣ, Сухумѣ, Батумѣ и т. д.); въ Ревелѣ 16 тыс.; въ Харьковѣ 15 т; въ Кіевѣ и Одессѣ по 5 тыс.; въ Нижнемъ-Новгородѣ (вмѣстѣ съ Сормовомъ) около 9 тыс.; въ Николаевѣ—8 тыс.; въ Твери—8 тыс.; на Мотовилихинскомъ зав. (Пермской губ.) 8 тыс.; по 1 тыс. въ Смоленскѣ, Екатеринодарѣ; 3 тыс. на Рыковскомъ рудникѣ; 1½—2 тыс. въ Ростовѣ-на-Дону и Нахичеваніи, около 1 тыс. въ Тулѣ; кромѣ того, частичныя забастовки были въ Воронежѣ, Самарѣ, Саратовѣ Новгородѣ, (всѣ булочныя), Кулебакахъ, Армавирѣ, Херсонѣ, Таганрогѣ, Полтавѣ, Кременчугѣ, Иркутскѣ, Костромѣ, з. Гривно, Воткинскомъ зав. и еще въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ.

Изъ вышеприведеннаго, далеко не полнаго, обзора видно, что въ этомъ году день перваго мая былъ ознаменованъ послѣ многихъ лѣтъ перерыва на Кавказѣ; кое гдѣ въ Поволожьѣ и на Уралѣ.

Рабочее движеніе въ Россіи ростетъ понемногу вглубь и вширь и тамъ, гдѣ оно сильнѣе пробуждается, день 1-го мая, какъ и въ 1900-ые годы. становится днемъ собиранія силъ и выдвиганія общепролетарскихъ требованій.

Обращаетъ на себя вниманіе полное отсутствіе майскихъ забастовокъ въ такомъ крупномъ промышленномъ центрѣ, какъ Екатеринославъ, а также въ большинствѣ промышленныхъ центровъ московскаго района (за исключеніемъ Москов. и отчасти Нижегородской губ.) и почти во всемъ сѣверо-западномъ краѣ. Но неучастіе въ первомайскомъ движеніи всѣхъ этихъ городовъ говоритъ за то, что съ расширеніемъ территоріи рабочаго движенія, котораго можно ожидать въ ближайшемъ будущемъ, первомайская забастовка приметъ у насъ размѣры не меньшіе, чѣмъ въ передовыхъ странахъ Интернаціонала.

Г. Р—нъ.

*) Въ этихъ двухъ городахъ первое мая справлялось по новому стилю—18 апрѣля.

Обуховскій процессъ.

10 мая 1914 г мы услышали неожиданный приговоръ петербургской судебной палаты. Этимъ приговоромъ признана недостаточность наказанія, наложеннаго окружнымъ судомъ на 4 стачечниковъ Обуховскаго завода, и, въ полное уваженіе къ прокурорскимъ мотивамъ, увеличена эта кара съ 3 недѣль ареста до 2 мѣсяцевъ тюрьмы.

Этимъ приговоромъ намѣченъ новый этапъ этого судебнаго дѣла, задуманнаго съ такою смѣлостью, проводимаго съ такой энергіей и непреклонностью, выросшаго до значенія и размѣровъ крупнаго *политическаго* явленія.

Это судебное дѣло стало въ центрѣ общественной пролетарской борьбы текущаго дня. Задѣвая коренныя классовыя стремленія пролетаріата, ударяя по его насущнымъ коалиціоннымъ правамъ, это судебное дѣло сосредоточило вокругъ себя живѣйшее вниманіе и широкое движеніе пролетаріата.

Въ напряженномъ настроеніи, среди глухого шума высоко поднявшейся забастовочной волны, шло разбирательство „Обуховскаго дѣла“ 6 ноября 1913 года и 19 мая 1914 года.

Когда 6 ноября судъ, послѣ коротенькаго и слабаго по существу прокурорскаго выступленія, окрашеннаго въ явственный политическій цвѣтъ, послѣ прекрасно проведенной защиты, нанесшей конструкціи обвиненія несомнѣнно сокрушительный ударъ, вынесъ всетаки компромиссное рѣшеніе: 3 недѣли ареста, чувствовалось въ этомъ тяжелое вліяніе политическихъ моментовъ, давшихъ съ самого начала направленіе этому дѣлу и окружившихъ его со всѣхъ сторонъ тѣснымъ кольцомъ.

Когда прокуроръ вдругъ остался недоволенъ приговоромъ и подалъ апелляціонный протестъ, въ кото-

ромъ требовалъ высшей мѣры наказанія для стачечниковъ, ибо они, четверо, были „благонадежными“ рабочими и своимъ примѣромъ могли-де оказать скверное вліяніе на другихъ,—было ясно, что воля политическихъ обстоятельствъ и настроеній продолжаетъ диктовать ходъ этому дѣлу.

И когда, наконецъ, 19 мая судебная палата, вслѣдъ за новымъ безпощаднымъ ударомъ обвиненію, нанесеннымъ защитой, постановила, среди новыхъ раскатовъ рабочей забастовки, *увеличить* наказаніе 4 обуховцамъ, — тутъ получилось чрезвычайно яркое и окончательное впечатлѣніе о дѣйствительномъ характерѣ этого дѣла. о его пружинахъ и скопившихся въ немъ политическихъ побужденіяхъ.

Пролетаріатъ учелъ и понялъ сразу дѣйствительный характеръ „Обуховскаго дѣла“ и сдѣлалъ соотвѣтственные политическіе выводы, поставивъ въ порядокъ дня борьбу за свободу коалицій—вокругъ и по поводу этого дѣла.

Дѣло не кончилось, оно теперь направляется въ Сенатъ. Но діагнозъ ему поставленъ, вскрыта его подоплека, обнаженъ реакціонный нервъ этого процесса

По всему фронту идетъ работа реакціи, пускающей въ ходъ всѣ методы всяческой охранной, административной и, наконецъ, судебной борьбы. Дѣло Бейлиса, стряпная вокругъ Фастовскаго дѣла—были направлены въ націоналистическихъ цѣляхъ реакціи. Обуховскій процессъ и еще новый процессъ рабочихъ „Треугольника“, обвиняющихся въ „возстаніи“ (за участіе въ свалкѣ съ полиціей)—направлены непосредственно противъ рабочаго класса.

Въ этихъ процессахъ, въ оболочкѣ юридическихъ формулировокъ и спора юридическихъ аргументовъ, идетъ острая политическая борьба непримиримыхъ общественныхъ силъ.

К. Ор.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Принимается подписка на 1914 годъ на ЖУРНАЛЪ

„НАШЕ ПЕЧАТНОЕ ДѢЛО“

посвященный интересамъ рабочихъ печатнаго дѣла.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ.

Условія подписки: на годъ—1 руб., 20 к., на 6 м.—65 к., на 3 м.—40 к

Цѣна отдѣльнаго № 5 коп.

Высылается на комиссію. Адресъ конторы и редакціи: С.-Петербургъ Свѣчной 11, ком. 77 (2-й этажъ). Контора и редакція открыты: въ будніе дни отъ 6 до 9 веч.

Редакторъ **С. Д. Хенинъ.** Издатель **Я. Л. Каневскій.**

„Коммерческая Типографія“, СПБ., Средн. Подъяч. 4. Тел. 520-32.

Книгоиздательство и книжный магазинъ

Бывшій **М. В. ПОПОВА** С.-Петербургъ, Невскій, 66.

ФИРМА СУЩ. СЪ 1847 ГОДА.

Новыя книги:

О. Миртовъ. Яблони цвѣтутъ. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.
Савватій. Тетрадь въ сафьянѣ . . . Ц. 1 р. — к.
Михаилъ М-скій. Отъ бурсы до снятія сана Ц. 1 р. — к.
А. Липецкій. Надя Данкова. Повѣсть . Ц. — р. 75 к.
Наемъ имущества подъ ред, В. А. Крюковскаго тов. об.-прок. Прав. Сената (руков. для квартиронаним.) . . Ц. — р. 50 к.
В. Левицкій. Августъ Бебель. Его жизнь и дѣятельность . . . . . Ц. — р. 35 к.
А. Бибикъ. Къ широкой дорогѣ. Ром. съ пред. В. Львова-Рогачевскаго. Ц. 1 р. 20 к.

Большой выборъ литературы по вопросамъ рабочаго, профессіональнаго движенія, страхованія рабочихъ (изд. „Прибой“, „Наканунѣ“, Г. Ѳ. Львовича, „Нашъ Міръ“ и др.).

ВСѢ ВЫХОДЯЩІЯ КНИЖКИ—НОВИНКИ.

Книги высылаются наложеннымъ платежемъ. Каталоги безплатно.

„Наша Рабочая Газета“.

Продолжается подписка.

Въ газетѣ имѣются слѣдующіе постоянные отдѣлы: 1) статьи, 2) Фельетоны, 3) заграницей, 4) Гос. Дума (стенографич. отчетъ членовъ с.-д. фракціи), 5) въ Таврическомъ Дворцѣ, 6) въ с.-д. фракціи, 7) телеграммы, 8) хроника, 9) судьбы печати,, 10) голоса рабочихъ, 11) московская жизнь, 12) рабочее движеніе, 13) страхованіе рабочихъ (статьи и корреспонденціи), 14) въ обществахъ и союзахъ, 15) рабочая жизнь, 16) Прибалтійскій край, 17) въ городѣ и деревнѣ, 18) юридическіе отвѣты, 19) почтовый ящикъ.

По четвергамъ и воскресеньямъ въ фельетонѣ—повѣсти, разсказы стихотворенія различныхъ авторовъ: А. Бибика, Вильки-Слесаря, Клавдіи Вольной, Сергѣя Ганьшина, Н. Ляшко, Марусина, Л. Морской, А. Окулова, А. Сергѣева, раб. Сѣдого, Н. Тасина, И. Шмелева и м. д.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ—5 р. 50 к., на полгода 2 р. 50 к., на 3 мѣсяца—1 р. 25 к., на 1 мѣсяцъ—45 к. Заграницу: на годъ—10 р. 50 к. на полгода 5 р. 50 к., на 3 мѣсяца—2 р. 75 к., на 1 мѣсяцъ—1 руб. За перемѣну адреса 20 коп. Подписка только съ 1-го числа.

Адресъ конторы и редакціи: СПБ., уг. Перекупного пер. и Конной ул. (близъ Старо-Невскаго). д. 5—22 кв. 7 (входъ по парадной лѣстницѣ съ Конной).

Издательство „НАКАНУНѢ“.

Вышли въ свѣтъ брошюры:

Г. Батурскій и **С. Шварцъ**. Уставъ больничной кассы ц. 25 к. **М. Хейсинъ**. Что такое больничная касса и какой она должна быть? ц. 6 к. **М. Хейсинъ**. Врачебная помощь и больничныя кассы (съ рис.). ц. 8 к. **Е. Львова**. Женщина-работница ц. 3 к.; **В. Ежовъ**. Больничныя кассы изд. 2 испр. ц. 15 к., **А. Н. Потресовъ**. П. Б. Аксельродъ (45 л. обществ. дѣят.) съ портретомъ цѣна 25 коп. **В. Майскій**. Какъ организованы рабочіе въ Германіи (съ рис.) ц. 15 к., **В. П.** Въ помощь увѣчному ц. 10 к. (2 изд.). **Е. Львова**. В. Либкнехтъ (съ портр.) ц. 15 к. **В. Вольскій**. На пути къ свободѣ слова (законопроектъ о печати) ц. 10 к.

Печатается:

В. Левицкій. Какъ рабочіе добивались права коалиціи ц. 15 к.

Выписывать можно черезъ „Сѣверную Раб. Газету“ СПБ. Перекупной пер. д. 22/5 кв. 7, и черезъ „Страхованіе Рабочихъ“ Загородный пр., 12, кв. 40.

Открыта подписка на 1914 годъ.

НА ЖУРНАЛЪ

СТРАХОВАНІЕ РАБОЧИХЪ

(2-й годъ изданія).

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Антъ, Астровъ, Г. Батурскій, М. Балабановъ, М. Брагинъ, д-ръ Н. Вигдорчикъ, М. Вильнеръ, Н. Гарви, Гласная Буква, д-ръ Грановскій, П. Динаринъ, К. Дмитріевъ, А. Дюбуа, В. Ежовъ, Ст. Ивановичъ, И. Ивановъ, А. Исаевъ, д-ръ Канель, А. Коллонтай, И. Кочергинъ, С. Краних фельдъ, А. Кругловъ, Г. Кузнецовъ, Ю. Ларинъ, З. Миндлинъ, А. Михайловъ, д-ръ Магула, Н. Морозовъ, д-ръ Е. Мунблитъ, Г. Наумовъ, А. Неустроевъ, А. Никитинъ, Б. Оленичъ, Ник. Петровичъ, С. Н. Прокоповичъ, А. Рабиновичъ, А. Ройзманъ, В. Томскій, д-ръ М. Хейсинъ, С. Шварцъ, В. Шеръ и др.

Подписная цѣна: на 1 годъ—**2** руб., на 6 мѣсяцевъ—**1** руб. Для рабочихъ на 1 годъ—**1** р. **50** к., на 6 мѣсяцевъ—**75** коп.

Контора ежедневно открыта отъ 7—9 час. вечера, по воскрес. и праздникамъ отъ 12—2 час. дня. Въ тѣ же часы въ редакціи выдаются справки по вопросамъ страхованія рабочихъ. Для полученія письменныхъ отвѣтовъ читатели соблаг. приложить марку.

Адресъ редакціи и конторы: **Спб., Загородный пр., д. 12, кв. 40.**

«Коммерческая Типографія», Средняя Подъяческая, 4. Телеф. 520-32.

V-й годъ изданія.

НАША ЗАРЯ

СОДЕРЖАНІЕ:

Н. Тасинъ. Объ одной драмѣ, (къ 10 л. романовскаго протеста).

Арс. Кол. Этюдъ. (Посвящ. друзьямъ).

П. Орѣшинъ. Лѣтомъ (стихот.).

В. Александровскій. Въ сумеркахъ (стихотвореніе).

А. Сергѣевъ. Нарушенный сонъ (стих.).

А. Сергѣевъ. Послѣ грозы (стихот.).

С. Давыдовъ. Хворый путь (стих.).

С. Далинъ. Первые шаги рабочаго движенія.

К. Залевскій. Національный вопросъ въ Россіи (окончаніе).

Б. И. Горевъ. Демагогія или марксизмъ? (Итоги и наблюденія).

Ф. Булкинъ. Расколъ фракціи и задачи рабочихъ.

С. Ф Еще къ вопросу объ интеллигенціи.

Civis. Выборы во Франціи.

К. Оранскій. Единство.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Левъ Дейчъ. † Даніилъ Деліонъ.

А. Мартыновъ. 1. Изъ современныхъ нравовъ буржуазной Германіи. 2. Всеобщая забастовка въ Италіи.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Н. Череванинъ. Вторая сессія Дума.

Отклики.

Объявленія.

№. 6. Спб. 1914. Ц. 30 к.

Открыта подписка на 1914 годъ на ежемѣсячный общественно-политическій журналъ соціалъ-демократическаго направленія.

V ГОДЪ изд. **„Наша Заря"** **V ГОДЪ изд.**

Съ 1914 года въ журналѣ вводится **беллетристическій отдѣлъ** въ которомъ выразили согласіе участвовать: **Д. Айзманъ, А. Бибикъ, Ив. Бунинъ, В. Вересаевъ, Вл. Войновъ, Б. Верхоустинскій, А. Галина, В. Горянскій, Л. Григоровъ, С. Гусевъ, Оренбургскій, Л. Добронравовъ, Карменъ, С. Клычковъ, А. Липецкій, А. Малышкинъ, Н. Матвѣевъ, В. Муйжель, А. Окуловъ, И. Окуневъ, Н. Олигеръ, А. Серафимовичъ, С. Сергѣевъ-Ценскій, И. Сургучевъ, К. Тасинъ. А. Чапыгинъ, Ив. Шмелевъ,** и мн. др.

Въ 1914 г. предполагается помѣстить слѣд. статьи: **В. Б. Аксельродъ.** Статьи по вопросамъ тактики: **М. Б—въ.** Рабочая печать и законопроектъ о печати; Первый годъ страхового закона; Охрана дѣтскаго труда **К. В—не.** Борьба за Тихій океанъ; Англо-Германское соглашеніе; **Л. Войтоловскій.** Кризисъ модернизма; Городъ и деревня въ современной литературѣ; **А. В. Горскій.** Современное состояніе права коалиціи въ Россіи; **Раф. Григорьевъ.** Поэтъ Окуровской Руси (о творчествѣ М. Горькаго); **К Дмитріевъ.** Городъ и деревня; Общіе вопросы рабочаго законодательства; **А. К. Ермансій.** Тэйлоризмъ въ связи съ новѣйшими тенденціями капиталистическаго развитія; жилищная проблемма, какъ часть соціальнаго вопроса; **А. П. Калитинскій.** Статьи по естествознанію; **А. Коллантай.** Первый годъ примѣненія страхового закона въ Англіи; Движеніе въ пользу государственнаго страхованія материнства; политическія партіи въ Англіи и женское избирательное право; Работа соціалистовъ въ финляндскомъ парламентѣ; **Комаровъ.** Русская фабрично-заводская промышленность за послѣдніе 30 лѣтъ; **В. Львовъ-Рогачевскій.** Поэты—рабочіе; **В. Левицкій.** Старый и новый интернаціоналъ. Изъ исторіи парламентской тактики германской соціалъ-демократіи; **В. Майскій.** Два типа (англійскій и германскій рабочій); Культурныя задачи рабочаго движенія; Организаціи и пролетаріатъ; **Л. Мартовъ.** Итоги с.-д. парламентаризма въ Россіи; Ф. Лассаль (къ 50 лѣтію со дня смерти); **А. Мартыновъ.** Исторія отношенія русскихъ соціалистовъ къ войнѣ; Синдикалистскій историкъ о Марксѣ и Бакунинѣ; **П. Масловъ.** Современное состояніе экономической науки; Вздорожаніе жизни; **М. П. Невѣдомскій.** Литературно-критическія статьи; **А. Никитинъ.** Законопроектъ о договорѣ найма торговыхъ служащихъ; **Г. Наумовъ.** Торговый договоръ съ Германіей; Аграрный вопросъ и аграрная политика; **Ортодоксъ.** Нравственное долженствованіе съ точки зрѣнія марксизма; **М. Панинъ.** Переписка Маркса съ Энгельсомъ; **А. Потресовъ.** О морали; Салтыковъ-Щедринъ (къ 25-лѣтію со дня смерти); Пролетаріатъ и искуство; **Т. Ротштейнъ.** Поворотъ въ международныхъ отношеніяхъ; **Саваренскій.** Аграрный вопросъ въ европейской соціалъ-демократіи; **Спектаторъ.** Промышленное оживленіе и промышленный кризисъ; W. Къ 50 лѣтію земства. **М. Хейсинъ.** Во что вылилась общественная борьба съ туберкулезомъ въ Россіи; О кооперативномъ нейтрализмѣ; **Ф. Данъ.** Борьба за „частичныя требованія", **Евг. Маевскій.** Война и революція (десятилѣтіе русско-японской войны); **Я Пилецкій.** Письма изъ Германіи; **Петръ П.** Письма изъ Англіи; **С. Далинъ.** Первые шаги рабочаго движенія; Рабочій день; **М. Павловичъ.** Американскій имперіализмъ и мексиканская революція; Желѣзно-дорожный вопросъ на Балканахъ и борба за свободные выходы къ морямъ; Россія и Франція въ военномъ, торговомъ и финансовомъ взаимоотношеніяхъ; **Н. Череванинъ.** Промышленная конъюнктура. **Н Оранскій.** Соц. печать передъ судомъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: на 1 годъ—3 р. (загран.—4 р.), на 1/2—1 р. 80 к. (загр.—2 р. 30 к.): на 3 мѣс.—1 р. (загр.—1 р. 30 к.); на 1 мѣс.—35 коп. (заграницу—45 к.). Отд. книжка въ продажѣ—30 к.; загран —40 к. Комплекты: за 1910 г. (безъ 5, 6 и 7 кн., разошедшихся)—1 р. 50 к.; за 1911 г. (безъ 1-ой кн.) и 1912 г. по 2 р.; за 1913 г.—2 р. 50 к. съ пересылкой въ Евр. Россію. Рабочимъ приказчикамъ и народ. учителямъ—15% скидки, за перемѣну адреса 21 к. (можно 3 семикоп. марки).

Адресъ конторы и редакціи: Спб., Николаевская 2, кв. 43.

Контора открыта: по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 6 до 9 час. вечера; по вторникамъ, средамъ, пятницамъ и субботамъ отъ 2 до 5 ч. дня.

V-й годъ изданія.

Наша Заря

Ежемѣсячный журналъ

№ 6.

С.-Петербургъ, 1914 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
„Коммерческая Типографія" Средняя Подъяч. 4. Тел. 520-32.
1914.

Р.

ИНСТИТУТ В. И. ЛЕНИНА
№
БИБЛИОТЕКА
Мартынов.

Объ одной драмѣ.

(къ десятильтію якутскаго протеста).

Десять лѣтъ тому назадъ далекій, глухой Якутскъ сдѣлался ареной вооруженной борьбы между кучкой политическихъ ссыльныхъ и мѣстнымъ военно-полицейскимъ гарнизономъ...

Приблизительно около 1900 года въ Россіи началось нѣкоторое оживленіе,—особенно въ подпольѣ. Это не замедлило отразиться и на ссылкѣ. Въ Сибирь потянулись новые отряды революціонеровъ, только что оторванныхъ отъ борьбы и воодушевленныхъ желаніемъ продолжать ее. Они подняли духъ ссылки, вдохнули въ нее новую жизнь, тѣснѣе связали ее съ „волей". Кладбище зашевелилось. Мертвецы подняли головы и стали проявлять такіе несомнѣнные признаки жизни, что могильщики охвачены были тревогой.

Необходимо было снова водворить прежнюю кладбищенскую тишину. И ссылку рѣшено было серьезно подтянуть.

Политика подтягиванія особенно энергично стала проводиться съ весны 1902 года, когда министромъ внутреннихъ дѣлъ сталъ фонъ-Плеве. Спеціально командированный имъ въ Сибирь для ознакомленія съ положеніемъ ссыльныхъ фонъ-Валь нашелъ, что имъ слишкомъ хорошо живется, и въ очень скоромъ времени „распустившій" ссылку Иркутскій генералъ-губернаторъ, бывшій шефъ жандармовъ, Пантелѣевъ, смѣненъ былъ графомъ Кутайсовымъ.

Пошла перемѣна курса по всей линіи: полетѣли съ насиженныхъ мѣстъ губернаторы, вице-губернаторы, исправники, чуть ли не урядники. „Лучше десять разъ превысить власть, чѣмъ одинъ разъ сдѣлать послабленіе"—таковъ былъ девизъ администраторовъ новой формаціи.

На ссылку посыпался градъ репрессивныхъ циркуляровъ. 16 августа 1903 года издается циркуляръ, подъ угрозой отправки къ Ледовитому океану воспрещающій ссыльнымъ добиваться свиданій съ вновь проходящими партіями (свиданія эти имѣли важное значеніе для ссыльныхъ—новичковъ, особенно, для бѣдняковъ: водворенные уже товарищи часто снабжали ихъ деньгами, теплой одеждой, давали совѣты, указанія). Циркуляромъ отъ 20 августа того же года, опять таки подъ угрозой ссылки въ Верхоянскъ или Колымскъ, запрещались отлучки съ мѣстъ поселенія даже за нѣсколько верстъ. Черезъ двѣ недѣли графъ Кутайсовъ разослалъ новый, болѣе общаго характера, циркуляръ, проведеніе котораго грозило сдѣлать жизнь ссыльныхъ сплошной пыткой. Въ немъ строжайше предписывалось „имѣть неослабное наблюденіе за жизнью административно—ссыльныхъ"; особые надзиратели—*ежедневно* должны были „доставлять свѣдѣнія о политическихъ ссыльныхъ". При малѣйшемъ подозрѣ-

ніи предписывалось „производить внезапные обыски, при участіи одного изъ лицъ корпуса жандармовъ". Квартиры ссыльныхъ должны быть „быть посѣщаемы возможно чаще чинами полиціи".

Этого показалось мало, и ставленникъ Плеве поучаетъ подвѣдомственныхъ ему чиновъ: „вся переписка ссыльныхъ по политическимъ дѣламъ должна быть безусловно просматриваема исправникомъ или его помощникомъ". Замѣченные въ слабомъ надзорѣ за политическими ссыльными будутъ немедленно удаляемы отъ занимаемыхъ должностей, какъ неспособные къ службѣ".

Къ этому циркуляру приложена была „Форма свѣдѣній о политическихъ ссыльныхъ, доставляемыхъ ежедневно". Въ этотъ своеобразный кондуитный листокъ спеціально приставленные къ ссыльнымъ гувернеры изъ урядниковъ и отставныхъ унтеровъ должны были *ежедневно* заносить, чѣмъ тотъ или иной опекаемый занимался въ теченіе дня (читалъ, спалъ, ходилъ въ лавку или въ домъ такого-то), съ кѣмъ видѣлся, по возможности о чемъ говорилъ, въ которомъ часу вернулся домой и т. д.

Чуть не каждый день на ссылку обрушивались новые продукты циркулярнаго творчества: предписывалось оттѣснять ссыльныхъ по возможности дальше отъ желѣзной дороги, возможно рѣже удовлетворять ихъ ходатайства объ отлучкахъ, усиливать строгости во время этаповъ и т. п. Низшіе агенты на мѣстахъ, опьянѣвъ отъ предоставленной имъ „полноты власти" и понявъ, что теперь карьеру можно сдѣлать только грубымъ обращеніемъ съ политическими ссыльными, проявляли самодурство по истинѣ гомерическое. Начался рядъ столкновеній между прекрасно вооружными полицейскими и безоружными ссыльными. Рѣдкая партія ссыльныхъ не подвергалась въ пути насилію. Вязали веревками, били прикладами, иногда стрѣляли.

Особенно больно били новые циркуляры по Якутской ссылкѣ. До гр. Кутайсова ссыльныхъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, водворяли почти исключительно по Ленскому тракту и въ городахъ Якутской области; теперь ихъ стали изгонять изъ Якутска и близкихъ къ Ленѣ мѣстъ—въ отдаленные улусы и наслеги. Здѣсь имъ приходилось жить среди якутовъ, въ насквозь провонявшихъ юртахъ, среди невообразимой грязи. Въ большинствѣ такихъ пунктовъ не было ни медицинской помощи, ни какой-либо, хотя бы самой плохенькой, лавчонки. Между тѣмъ, отлучаться для покупокъ или лѣченія въ ближайшій пунктъ нельзя было подъ угрозой немедленной высылки на побережье Ледовитаго океана; мѣстнымъ жителямъ, къ тому же, строго запрещено было давать политическимъ лошадей.

Въ концѣ января 1914 года ссыльнымъ былъ нанесенъ новый тяжелый ударъ: особымъ циркуляромъ предписывалось окончившихъ срокъ ссылки не отправлять больше въ Россію на казенный счетъ: пусть, дескать, ѣдутъ на собственный счетъ, если тоскуютъ по родинѣ. Проведеніе въ жизнь этого циркуляра было равносильно осужденію очень и очень многихъ политическихъ ссыльныхъ на безсрочную ссылку въ Сибирь: вѣдь, для того, чтобы добраться въ Европейскую Россію изъ Верхоянска, Колымска и даже Якутска, нужно нѣсколько сотъ рублей, а гдѣ взять такія деньги ссыльнымъ крестьянамъ, рабочимъ или живущимъ исключительно своимъ трудомъ интеллигентамъ?

Узелъ затягивался все туже; положеніе съ каждымъ днемъ становилесь невыносимѣе. Вновь прибывавшія партіи, на короткое время задерживавшіяся въ Якутскѣ, разсказывали о насиліяхъ и надругательствахъ, которымъ подвергались въ пути какъ они сами, такъ и добивавшіеся съ ними свиданій товарищи. Изъ другихъ мѣстъ, съ сѣвера, доходили вѣсти о все учащающихся, подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій жизни, случаяхъ самоубійствъ, помѣшательствъ, преждевременныхъ смертей. Передъ глазами вставали призраки юношей и дѣвушекъ погибшихъ въ этихъ гиблыхъ мѣстахъ. Сверкающія холодной безстрастной красотой тундры стали казаться гигантскимъ кладбищемъ, на которомъ суждено найти преждевременную могилу еще многимъ и многимъ, имъ же нѣсть числа.

Чаша горя была полна до краевъ,—переполнилась и чаша терпѣнія.

Зимой 1904 г. въ Якутскѣ и ближайшихъ къ нему поселкахъ находилось,—большей частью въ ожиданіи отправки въ мѣста еще болѣе отдаленныя,—около 120 человѣкъ. Часть ихъ самовольно бѣжала въ городъ изъ своихъ глухихъ наслеговъ и рѣшила больше не возвращаться въ нихъ: все равно, дескать, пропадать! Были тутъ и семейные, которымъ предстояли мѣсяцы ужаснаго путешествія, съ малыми дѣтьми, куда-нибудь въ Колымскъ, и больные, которыхъ полиція отправляла въ глухіе, лишенные медицинской помощи, пункты.

Каждый день приносилъ новыя обиды. Среди ссыльныхъ какъ-то самъ собой возникъ вопросъ объ отпорѣ Кутайсовскому режиму. И естественно выдвинулся вопросъ о протестѣ съ оружіемъ въ рукахъ: мирные протесты, какъ показалъ опытъ, ни къ чему, кромѣ новыхъ насилій и издѣвательствъ, не вели. На рядѣ собраній, о которыхъ полиція и не подозрѣвала (новый циркуляръ о ежедневномъ наблюденіи за ссыльными еще не примѣнялся), послѣ долгихъ страстныхъ споровъ, рѣшено было съ оружіемъ въ рукахъ протестовать противъ гибельныхъ условій ссылки: лучше ужасный конецъ, чѣмъ ужасъ безъ конца.

Разумѣется, такое рѣшеніе ни къ чему не обязывало несогласныхъ съ нимъ; ссыльные, не сочувствовавшіе такой рѣшительной тактикѣ или почему-либо другому не находившіе возможнымъ присоединиться къ такой формѣ протеста, были совершенно свободны въ своихъ дѣйствіяхъ. И значительная часть этой свободой воспользовалась: изъ 100 слишнимъ человѣкъ, участвовавшихъ въ собраніяхъ, только 42 до конца стояли за протестъ съ оружіемъ въ рукахъ (впослѣдствіи къ нимъ присоединилось еще 15 ссыльныхъ).

Скоро отъ словъ перешли къ дѣлу. Лихорадочно закипѣла работа. Верхній этажъ дома якута Романова спѣшно очищался отъ занимавшихъ его квартирантовъ—ссыльныхъ, и рано утромъ 18 февраля 1904 года превратился въ повстанческій лагерь,

„Романовка“, какъ съ тѣхъ поръ называли этотъ домъ, [1]) огласилась шумомъ возбужденныхъ голосовъ, топотомъ ногъ, ударами топоровъ. Десятки рукъ весело таскали по лѣстницѣ бревна, доски, караваи хлѣба, замороженныя мясныя туши, „твердую“ воду, т. е. ледъ, и т. п. Дѣлались послѣднія приготовленія, передавали оставшимся въ городѣ товарищамъ лишнія вещи, письма „на случай смерти“, ненужныя теперь деньги. На скорую руку, начерно, сбивались баррикады, сортировалось оружіе, размѣщались припасы. Тутъ же подписывалось и заявленіе на имя губернатора.

Вотъ что, между прочимъ, сказано было въ этомъ заявленіи:

„ . . . Насъ били и бьютъ по тюрьмамъ и въ дорогѣ, намъ создаютъ обстановку, въ которой жить нельзя; насъ водворяютъ въ улусы, гдѣ большей частью нѣтъ сносныхъ квартиръ. а за самовольныя отлучки высылаютъ безъ разслѣдованія обстоятельствъ въ отдаленнѣйшія мѣста; намъ набавляютъ сроки опять таки безъ гласнаго разслѣдованія и неизвѣстно, по чьему фактическому усмотрѣнію; насъ везутъ безъ средствъ и въ негодной одеждѣ, лишая даже возможности пользоваться товарищеской помощью. Изъ ссылки намъ устраиваютъ западню, въ которой мы должны оставаться и послѣ окончанія срока, такъ какъ, вопреки точному смыслу законовъ, намъ отказываютъ въ возвращеніи на казенный счетъ; наши самыя законныя ходатайства остаются безъ удовлетворенія по причинамъ намъ неизвѣстнымъ и т. д. и т. д.

„Служить объектомъ произвола и административныхъ измышленій, откуда бы они ни исходили, мы не желаемъ и заявляемъ, что никто изъ насъ не уѣдетъ изъ Якутска и что мы не остановимся передъ самыми крайними мѣрами до тѣхъ поръ, пока не будутъ удовлетворены слѣд. требованія:

1) Гарантія немедленной, безъ всякихъ проволочекъ и пререканій, отправки всѣхъ оканчивающихъ срокъ товарищей на казенный счетъ. 2) Отмѣна всѣхъ изданныхъ въ послѣднее время распоряженій о стѣсненіи и почти полномъ воспрещеніи отлучекъ. 3) отмѣна всякихъ, кромѣ точно указанныхъ въ „Положеніи о гласномъ надзорѣ“, репрессій за нарушеніе этого „Псложенія“. 4) Отмѣна циркуляра, запрещающаго свиданія партій съ мѣстными политическими ссыльными. 5) Гарантія въ томъ, что никакихъ репрессалій по отношенію къ лицамъ, подписавшимъ настоящія требованія, примѣнено не будетъ“.

Послѣ указанія, что проведеніе въ жизнь новыхъ циркуляровъ вызвало и будетъ вызывать рядъ серьезныхъ столкновеній, протестанты заканчивали свое заявленіе слѣд. словами:

„Мы убѣждены, что тотъ или иной исходъ въ значительной степени будетъ зависѣть отъ вашего (т. е. губернатора) собственнаго образа дѣйствій и что поэтому отвѣтственность за могущія быть недоразумѣнія и столкновенія падетъ лично на васъ. Являться по требованію полиціи мы никуда не будемъ, и всѣ сношенія рекомендуемъ вести письменно, адресуя любому изъ подписавшихся товарищей.“ *)

Жребій былъ брошенъ. Кучка политическихъ ссыльныхъ переступила роковую грань, сдѣлала скачокъ въ неизвѣстное. Что то ждало ихъ тамъ?

---

[1]) Отсюда и данное якутскимъ протестантамъ прозвище „Романовцевъ“.

*) Подъ заявленіемъ этимъ подписались слѣдующія лица: Маріанна Айзенбергъ, М. Бройдо, Г. Вардоянцъ, Д. Викеръ, А. Гинзбургъ, Н. Гельфандъ, Л. Джохадзе, Таня Жмуркина, А. Журавель, А. Залкиндъ, С. Зарахович, А. Израильсонъ, В. Курнатовскій, И. Костолянецъ, А. Костюшко, Н Каганъ, Н. Кудринъ, С. Лейкинъ, М. Лаговскій, Г. Лурье, М. Лурье, А. Медяникъ, Ю. Матлаховъ, Л. Никифоровъ, М. Оржеровскій, Г. Ольштейнъ, О. Погосовъ, И. Ржонца, П. Розенталь, Анна Розенталь, Ревекка Рубинчикъ, Л. Рудавскій, Л. Соколинскій, К. Солодухо (Перазичъ), П. Тепловъ, Л. Теслеръ, Т. Трифоновъ. Д. Ройтенштернъ, С. Фридъ, И. Хацкелевичъ и М. Цукеръ.

Впослѣдствіи къ этому заявленію присоединили свои подписи: В. Бодневскій, Д. Виноградовъ, М. Габронидзе, С. Гельманъ, М. Доброжѣнидзе, Х. Законъ, М. Камермахеръ, А. Мисюкевичъ, Екатерина Ройзманъ, И. Ройзманъ, И. Центарадзе, Песя Шрифтейликъ, А. Добросмысловъ и П. Дроновъ. Они находились въ улусахъ и какъ только узнали о протестѣ, поспѣшили на „Романовку“.

Рѣшено было держаться строго оборонительной тактики, и въ этихъ видахъ велись работы по укрѣпленію „Романовки“: внутреннія баррикады, проволочныя загражденія, пробитыя въ стѣнахъ бойницы—все это предназначалось для отраженія натиска извнѣ. О „вооруженномъ нападеніи“ на якутскій гарнизонъ (распускались и такіе слухи) не могло быть и рѣчи, хотя бы по тому одному, что вооруженіе у „романовцевъ“ было крайне недостаточное: оно состояло изъ 25 револьверовъ, десятка охотничьихъ ружей, пары старыхъ берданокъ, топоровъ съ длинными топорищами да финскихъ ножей. При такомъ вооруженіи врядъ-ли можно предпринимать насильственный захватъ областного города.

Когда посланный къ губернатору вернулся въ „Романовку“, вѣсть о „вооруженномъ возстаніи“ ссыльныхъ уже облетѣла городъ, и вокругъ новаго, со сказочной быстротой выросшаго, „форта“ тѣснились толпы любопытныхъ. Администрація страшно переполошилась. Вице-губернаторъ съ полиціймейстеромъ тотчасъ-же помчались къ дому Романова.

Протестанты открыли передъ ними двери при условіи, что за ними не войдетъ никто изъ солдатъ или полицейскихъ. Верхняя, ведущая во внутреннія комнаты, дверь была на половину забаррикадирована, и хотя новые хозяева дома любезно предложили г. Чаплину перелѣзть черезъ это препятствіе (что было сравнительно легко), представитель власти предпочелъ остаться «по ту сторону баррикады».

Переговоры ни къ чему не привели: власть не хотѣла уступать, протестанты не хотѣли отступать.

По отъѣздѣ вице-губернатора „романовцы“ съ удвоенной энергіей приступили къ укрѣпленію своего мятежнаго лагеря. Вотъ какъ описываетъ ходъ этихъ работъ П. Тепловъ, одинъ изъ видныхъ участниковъ якутскаго протеста, въ своей крайне интересной книгѣ [1]):

„Наглухо, прочно забаррикадировавъ двери и окно, выходящія на заднее крыльцо, мы ждали главнаго приступа со стороны парадной лѣстницы и къ этому приспособили весь планъ самообороны Надъ дверью крыльца, у слухового окна, постоянно дежурили часовые, могущіе поднять тревогу на случай опасности. Въ крутой лѣстницѣ ведущей къ намъ, былъ сдѣланъ провалъ—вынуто нѣсколько ступенекъ; на эту лѣстницу выходило нѣсколько бойницъ съ особаго помоста въ смежной комнатѣ. Съ этого же помоста выходилъ цѣлый рядъ замаскированныхъ бойницъ въ прихожую и ко входной двери, загражденной полубаррикадой. Въ прихожей была раскинута сѣть проволочныхъ загражденій“. „Столовая отъ прихожей отдѣлялась второю полубаррикадой съ рядомъ бойницъ, направленныхъ прямо на входную дверь, а боковыя двери изъ прихожей въ обѣ половины дома были забарри-

---

[1]) П. Тепловъ, исторія якутскаго протеста, изд. Глаголева. С.-Петербургъ. Цѣна 1 рубль (480 страницъ).

кадированы наглухо". „Нами предвидѣлась и возможность нападенія черезъ окна, особенно ночью, и противъ этого были приняты оборонительныя мѣры. Лишнія окна, за которыми трудно было углядѣть,—напр., въ кухнѣ—были вообще забаррикадированы наглухо, за остальными непрерывно, днемъ и ночью, слѣдили караульные по очереди".

Впослѣдствіи, недѣли черезъ двѣ, когда солдаты систематически начали обстрѣливать „Романовку", осажденные въ ней спѣшно стали блиндировать стѣны. Блиндажи строились изъ лиственничныхъ дровъ и образовывали вдоль наружныхъ стѣнъ деревянную обшивку толщиной въ 3/4 аршина и вышиной въ 1 1/2—2 аршина отъ полу. Промежутокъ между стѣной и обшивкой заполнялся каменными плитами и мѣшками съ землей, которую доставали съ чердака.

Власти рѣшили взять «романовцевъ» изморомъ, т.-е. отрѣзать ихъ отъ внѣшняго міра въ разсчетѣ на то, что голодъ скоро заставитъ ихъ сдаться.

Началась блокада дома. Протестанты были увѣрены, что противъ нихъ въ первый же день пустятъ военную силу и что развязка, такимъ образомъ, не заставитъ себя долго ждать. Но день шелъ за днемъ, не внося въ положеніе существенныхъ перемѣнъ. Городъ съ жуткимъ, напряженнымъ любопытствомъ ждалъ, что изъ всего этого выйдетъ. Остававшіеся въ городѣ ссыльные (среди которыхъ были жены нѣкоторыхъ „романовцевъ") нервничали. Скоро удалось наладить болѣе или менѣе регулярныя конспиративныя сношенія между ними и осажденными. Помимо заранѣе условленной сигнализаціи (днемъ съ помощью развѣвавшагося надъ крышей „Романовки" краснаго знамени, а ночью съ помощью огней), почти съ перваго-же дня осады функціонировала «собачья почта»: роль почтаря исполняла принадлежавшая одному ссыльному собака (по кличкѣ „Иголкинъ"), блестяще справлявшаяся со своей трудной задачей и обыкновенно искусно обманывавшая бдительность окружавшихъ домъ солдатъ и казаковъ.

По мѣрѣ того, какъ осада затягивалась, передъ осажденными все острѣе вставалъ вопросъ о съѣстныхъ припасахъ: приходилось кормить 57 человѣкъ! Когда провизія была уже на исходѣ, удалось организовать до дерзости смѣлую вылазку нѣсколькихъ товарищей, которые на другой день, нагрузивъ двое саней хлѣбомъ и всякой снѣдью, такъ неожиданно прорвались къ „Романовкѣ", что опѣшившіе полицейскіе и солдаты не рѣшились задержать ихъ, тѣмъ болѣе, что у воротъ уже ждали ихъ предупрежденные собачьей почтой вооруженные товарищи.

Между тѣмъ пассивная тактика начала, повидимому, надоѣдать и осаждающимъ. Изъ города до „Романовцевъ" дошла вѣсть, что ихъ собираются, съ одной стороны вымораживать, обливая ихъ черезъ разбитыя стекла оконъ водой изъ пожарныхъ трубъ, съ другой стороны—обстрѣливать съ дальняго разстоянія.

Возбужденіе росло въ обоихъ лагеряхъ. Блокада все болѣе тѣснымъ кольцомъ обхватывала «Романовку», и о вылазкахъ не могло быть уже и рѣчи. Нервы у осажденныхъ были напряжены до крайности: каждую минуту, днемъ и ночью, ждали

нападенія. Спали урывками, въ одеждѣ, положивъ возлѣ себя оружіе.

Осаждающіе вели себя все болѣе вызывающе. Наконецъ 3 марта солдаты стали съ помощью длинныхъ палокъ закрывать наружныя ставни въ верхнемъ этажѣ, гдѣ засѣли ссыльные (нижній этажъ пустовалъ, и солдаты дѣлали въ немъ какія-то таинственныя приготовленія [1]). Ясно было, что осажденныхъ хотятъ лишить возможности видѣть, что дѣлается снаружи. Они взволновались и пригрозили (и на словахъ и письменно, въ двухъ выброшенныхъ въ окно запискахъ), что будутъ стрѣлять, если солдаты не перестанутъ закрывать ставни.

Угроза не подѣйствовала: солдаты не только продолжали закрывать ставни, но при этомъ еще издѣвались надъ осажденными. И пролилась кровь. Одинъ изъ «Романовцевъ» двумя выстрѣлами черезъ амбразуру убилъ двухъ солдатъ. Среди осаждающихъ началась паника. Черезъ минуту они были уже на безопасномъ для себя разстояніи и открыли частый ружейный огонь. „Романовцы" бросились подъ защиту блиндажей, которые многимъ спасли жизнь—какъ въ этотъ, такъ и въ послѣдующіе обстрѣлы.

Однимъ изъ первыхъ выстрѣловъ былъ убитъ политическій ссыльный Юрій Матлаховъ.

Первая жертва была принесена, и „Романовцы" привязали къ развѣвавшемуся надъ крышей красному знамени двѣ черныя ленты.

Теперь картина рѣзко измѣнилась. Осажденное кольцо значительно расширилось: солдаты ужъ не рѣшались близко подходить къ дому и зная, что у ссыльныхъ нѣтъ дальнобойнаго оружія, стрѣляли безъ всякаго для себя риска, съ дальняго разстоянія.

Мѣстные жители и оставшіеся на «волѣ» ссыльные не спускали глазъ съ дома, надъ которымъ незримо витала смерть и за стѣнами котораго воображеніе рисовало десятки труповъ (о блиндажѣ никто въ городѣ не зналъ).

Обстрѣлъ продолжался и на другой день, и на третій, когда онъ носилъ особенно ожесточенный характеръ. Пули сыпались на домъ градомъ, и скоро въ верхнемъ этажѣ не осталось ни одного почти цѣлаго стекла; на нѣкоторыхъ стеклахъ можно было насчитать слѣды десятковъ пуль; они пробивали насквозь стѣны, со свистомъ пролетали надъ головами, впивались въ одежду, часто и въ живое тѣло (три человѣка—Костюшко, Хацкелевичъ и Медяникъ—были ранены).

Передъ осажденными сталъ вопросъ, что дѣлать. Ждать, какъ бараны на бойнѣ, пока ихъ всѣхъ перебьютъ съ далекаго разстоянія или, быть можетъ, сожгутъ живьемъ (въ городѣ ходили слухи, что „Романовку" хотятъ обложить соломой и поджечь)—было бы нелѣпо.

Не смерти боялись протестанты; они и безъ того были увѣрены, что ихъ ждетъ военный судъ, который щадить ихъ не станетъ. Для нихъ важно было не допустить, чтобы ихъ не окле-

[1]) Впослѣдствіи выяснилось, что дѣйствительно предполагалось стрѣлять въ „Романовцевъ" изъ нижняго этажа, черезъ потолокъ.

ветали, уже мертвыхъ, взваливъ на нихъ отвѣтственность за пролитую кровь; для нихъ важно было довести до свѣдѣнія общества истинные мотивы своего протеста и дѣйствительный характеръ его.

Въ сущности судьба протеста была рѣшена съ того момента, какъ выяснилось, что власти рѣшительно отказываются идти на протестантовъ приступомъ, а предпочитаютъ взять ихъ изморомъ или-же перебить съ дальняго разстоянія.

И „Романовцы“, просидѣвъ 19 дней въ осадѣ, сдались.

„Въ эту страшную ночь (передъ сдачей) —говоритъ Тепловъ въ своей книгѣ—никто не смыкалъ глазъ, всѣ бродили какъ убитые. Слезы отчаянія подступали къ горлу, душила злоба при одной мысли о завтрашнемъ днѣ. На многихъ жутко было взглянуть; опасались, что нѣкоторые покончатъ самоубійствомъ“..

Первый актъ драмы кончился. Дѣйствіе слѣдующихъ ея актовъ должно было происходить въ тюрьмѣ, въ судѣ и на каторгѣ.

„Романовцевъ“ рѣшили было предать военному суду, но въ Россіи къ этому времени подули уже новые вѣтры. Японскія пушки пробили сильную брешь въ твердынѣ реакціи. Въ нѣдрахъ народныхъ нарождалось что-то новое, крѣпло и росло чувство возмущенія противъ виновниковъ разгрома. Массы были обвѣяны духомъ протеста. Общее возбужденіе умовъ принимало опасные для стараго порядка размѣры. Въ этой атмосферѣ протестъ кучки политическихъ ссыльныхъ вызвалъ горячій откликъ. Въ Россіи и за границей созывались собранія, принимались сочувственныя резолюціи, посылались телеграммы „героямъ якутянамъ“. Въ цѣломъ рядѣ сибирскихъ колоній ссыльные отправляли генералъ-губернатору или министру внутреннихъ дѣлъ подписанныя десятками лицъ и написанныя въ боевомъ тонѣ заявленія о томъ, что они вполнѣ присоединяются къ протесту якутскихъ товарищей, съ новыми циркулярами считаться не станутъ и противъ насилій будутъ, если это окажется необходимымъ, бороться „съ оружіемъ въ рукахъ“. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ дѣло дѣйствительно чуть не дошло до вооруженныхъ столкновеній.

При такихъ условіяхъ военный судъ со смертными приговорами, могъ бы повлечь за собой серьезныя непріятности для бюрократіи. Самъ Кутайсовъ усиленно хлопоталъ о передачѣ дѣла суду гражданскому, и Плеве пошелъ на уступки—„подъ условіемъ гарантіи, что репрессія будетъ достаточной“.

На происходившемъ въ Якутскѣ и продолжавшемся 10 дней, съ 30 іюля по 8 августа, судѣ, съ не отставляющей ничего желать ясностью, была раскрыта ужасающая картина жизни невольныхъ обитателей Сибири. Какъ сами подсудимые, такъ и ихъ талантливые защитники *) разсказали о дѣятельности господъ Кутайсовыхъ, сдѣлавшихъ существованіе въ и безъ того „гиблыхъ“ мѣстахъ совершенно невозможнымъ.

*) Владиміръ Вильямовичъ Береншгамъ и Александръ Сергѣевичъ Зарудный.

Судъ старался, какъ водится, узнать, кто были „зачинщики“ протеста; при этомъ подсудимыхъ увѣряли, что въ случаѣ обнаруженія зачинщиковъ, участь этихъ послѣднихъ отягчена не будетъ, между тѣмъ какъ остальные участники процесса отдѣлаются сравнительно мягкимъ приговоромъ. Но подсудимые рѣшительно отказались такой цѣной купить снисхожденіе: лишенные очень и очень многихъ человѣческихъ правъ, они добивались хотя-бы равенства передъ судомъ. И судъ вынужденъ былъ санкціонировать это равенство: 55 человѣкъ было приговорено къ 12 годамъ каторжныхъ работъ каждый [1]).

660 лѣтъ каторги! Репрессія вышла „достаточной“.

Дальнѣйшіе этапы Якутскаго протеста особаго интереса не представляютъ. Поэзію борьбы смѣнила тяжелая проза этапныхъ и тюремныхъ мытарствъ, однообразіе которыхъ время отъ времени нарушалось побѣгами да преждевременными смертями. Верстъ за 50 отъ Александровскаго централа, въ который везли новыхъ каторжанъ, троимъ изъ нихъ (Максу Бройдо, Ольгѣ Викеръ и Науму Кагану) удалось бѣжать. Наканунѣ-же, послѣ нѣсколько неудачныхъ попытокъ къ побѣгу, покончилъ съ собой, въ селѣ Хаютѣ, бывшій офицеръ Владиміръ Петровичъ Бодневскій. «Жизни въ неволѣ онъ предпочелъ смерть», какъ гласила надпись на красныхъ лентахъ громаднаго, возложеннаго товарищами, вѣнка изъ вѣтокъ сибирской ели.

Въ Александровскѣ неугомонные „Романовцы“ съ мѣста въ карьеръ взялись за организацію массоваго побѣга. Больше трехъ мѣсяцевъ, какъ кроты, работали они надъ подкопомъ, который, начинаясь подъ одной изъ камеръ и проходя на протяженіи 10 саженъ подъ тюремнымъ дворомъ, тянулся на цѣлыхъ 30 саженъ за тюремной стѣной. Приходилось съ помощью самодѣльной пилки и скобеля пробиваться черезъ шестивершковый слой цемента и каменный грунтъ, но жажда свободы творила чудеса: она превращала слабыхъ, измученныхъ людей въ богатырей, давала имъ великую силу и неистощимое терпѣніе. И пятнадцать человѣкъ въ ночь на 16 января выбрались изъ подкопа на волю, дохнуло бодрящимъ, морознымъ воздухомъ окружающей тайги. Но совсѣмъ уйти удалось только пяти изъ нихъ, остальные въ разное время были пойманы [2]).

Только въ концѣ октября 1905 года, когда въ результатѣ охватившаго Россію движенія для тысячъ узниковъ открылись двери тюремъ, вышли на свободу и „Романовцы“ [3]) 28 октября получена была на имя начальника тюрьмы телеграмма отъ Иркутскаго тюремнаго инспектора; „Поздравьте романовцевъ съ освобожденіемъ“. Старая тюрьма огласилась восторженными возгласами и революціонными пѣснями, которымъ съ воодушев-

[1]) Одинъ изъ протестантовъ, Никифоровъ, въ день убійства двухъ солдатъ находившійся по порученію товарищей въ городѣ, приговоренъ былъ къ году тюрьмы.

[2]) Ушли: Перазичъ, Фридъ, Рабиновичъ, Хацкелевичъ и Гельфандъ; пойманы были: Виноградовъ, Викеръ, Камермахеръ, Рудавскій, Трифоновъ, Журавель, Джохадзе, Соколинскій, Оржеровскій и Погосовъ.

[3]) Только четверо изъ нихъ (Ольга Викеръ, Ревекка Рубинчикъ, Максъ Бройдо и Наумъ Каганъ) по какимъ-то, никому неизвѣстнымъ соображеніямъ, были исключены изъ амнистіи.

леніемъ подтягивали тюремщики: исторія время отъ времени даритъ людей свѣтлыми, волшебными, незабываемыми улыбками.

Увы, улыбка, которой она подарила русскій народъ въ октябрѣ 1905 года, скоро смѣнилась отвратительной гримасой. Догорѣли огни, облетѣли цвѣты. Свѣтлый праздникъ кончился и за радостнымъ пиромъ свободы наступило тяжкое похмелье. Со всѣхъ сторонъ поднимались мутныя, кровавыя волны—и много человѣческихъ жизней унесло черными потокомъ.

Унесъ этотъ черный потокъ и одного изъ самыхъ видныхъ организаторовъ якутскаго протеста, Антона Антоновича Костюшко-Валюжанича. Пріѣхавъ въ октябрскіе дни, во время охватившаго Сибирь революціоннаго броженія, въ Читу, подъ именемъ техника Григоровича, онъ принялъ энергичное участіе въ движеніи, и потомъ выступалъ въ качествѣ делегата „Совѣта солдатскихъ и казачьихъ депутатовъ“ при переговорахъ съ мѣстными властями. Онъ-же организовалъ изъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ дружину въ 500—600 человѣкъ, вооруженную трехлинейными винтовками. Губернаторъ Холщевниковъ (впослѣдствіи арестованный Ренненкампфомъ за потворство революціонерамъ) удовлетворилъ многія изъ предъявленныхъ ему требованій и, между прочимъ, освободилъ всѣхъ политическихъ заключенныхъ Читинской тюрьмы. Въ декабрѣ была снаряжена, при непосредственномъ участіи Костюшко и другого „романовца“, Виктора Курнатовскаго, вооруженная экспедиція въ Акатуй—для освобожденія политическихъ каторжанъ (было освобождено 15 матроссвъ съ „Прута“).

Вообще, Читинская революціонная организація проявляла интенсивную дѣятельность. Ей положилъ конецъ генералъ Ренненкампфъ, который 21 января пріѣхалъ въ Читу во главѣ карательной экспедиціи,—съ двумя эшелонами войска, пулеметами и артиллеріей. Революціонеры были раздавлены, а Костюшко, вмѣстѣ съ тремя товарищами, Цуксманомъ, Столяровымъ и Вайнштейномъ, 2 марта былъ разстрѣлянъ. [1]).

Много съ тѣхъ поръ воды и крови утекло—и “Романовка“ въ значительной степени забыта. Но въ свое время значеніе этого протеста было огромно. Ссыльные въ самыхъ медвѣжьихъ углахъ почувствовали приливъ бодрости, подняли головы и громко заявляли о готовности всѣми мѣрами отстаивать свое человѣческое достоинство. Настроеніе было такое, что полицейскіе агенты на мѣстахъ, изъ боязни вызвать новые вооруженные протесты, значительно присмирѣли.

На административныхъ верхахъ тоже забили отбой.—Уже 6 октября 1914 года графъ Кутайсовъ издалъ циркуляръ, предписывающій чинамъ полиціи “не позволять себѣ въ сношеніяхъ съ поднадзорными никакихъ проявленій власти, не основанныхъ на требованіяхъ закона“. 4 ноября того-же года выходитъ новый циркуляръ, въ которомъ, по поводу борьбы полиціи съ отлучками ссыльныхъ, говорится о„ неправильномъ пониманіи низшими чинами полиціи своихъ обязанностей“ и указывается, что далеко

[1]) Курнатовскій еще раньше былъ приговоренъ тѣмъ-же Ренненкампфомъ въ Верхне-Удинскѣ, къ смерти, но казнь была замѣнена безсрочной каторгой.

не всегда отлучки являются преступленіемъ. Наконецъ, 11 января 1905 года появляется еще одинъ циркуляръ, призывающій полицію къ большей тактичности по отношенію къ ссыльнымъ. Словомъ графъ, Кутайсовъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ сталъ отмѣнять свои собственные, изданые до якутскаго протеста, циркуляры.

Довлѣетъ дневи злоба его; прошлое понемногу оттѣсняется настоящимъ, старыя раны не такъ уже болятъ, когда появляются новыя, забвеніе изо дня въ день все больше окутываетъ туманомъ самыя острыя переживанія. Но такія драмы, какъ разсказанная здѣсь, не могутъ быть забыты: дѣйствительность то и дѣло напоминаетъ намъ о гиблыхъ мѣстахъ, гдѣ и понынѣ стонутъ и задыхаются ссыльные.

Одно время казалось, что клеймо проклятія уже навсегда снимается съ Сибири, что административная ссылка отжила свой вѣкъ. Но это только казалось. „Обновленный“ строй оказался вполнѣ совмѣстимымъ съ до-конституціонной административной расправой. „Такъ было, такъ будетъ!“ — безстрастно заявили торжествующіе побѣдители, и гиблыя мѣста стали вновь наполняться гибнущими людьми.

„Романовскій“ протестъ невольно приводитъ на память другую драму, вѣрнѣе трагедію, разыгравшуюся въ 1889 году, т. е. 25 лѣтъ тому назадъ, въ томъ-же Якутскѣ. Безпощадно расправились тогда съ безоружной кучкой политическихъ ссыльныхъ, за попытку ихъ мирнымъ путемъ добиться ничтожныхъ уступокъ.

Четверть вѣка прошло съ тѣхъ поръ. Пятнадцать лѣтъ спустя „Романовцы“ снова напомнили объ ужасахъ ссылки. На этотъ разъ моментъ былъ болѣе благопріятенъ, крикъ ихъ услышали не одни только интеллигентные верхи,—горячій, сочувственный откликъ нашелъ этотъ протестъ и въ рядахъ формировавшейся тогда рабочей демократіи.

Съ тѣхъ поръ прошло еще десять лѣтъ, но Сибирь все еще продолжаетъ оставаться проклятіемъ русской жизни—и изо дня въ день доносятся съ ея безбрежныхъ равнинъ заглушенные разстояніемъ стоны несчастныхъ ссыльныхъ.

Такъ было, такъ есть.

Н. Тасинъ.

Этюдъ.

(Посвящ. друзьямъ).

Однажды въ своей жизни я былъ молодъ и видѣлъ красивыя минуты жизни. Каждая такая минута рисовала предо мною красивыя перспективы и одно блаженство!.. Какъ все это чудесно припоминается... Помню—въ эти минуты бывало я вскакивалъ съ кресла, и начиналъ прислушиваться къ веселому

говору улицы. Это куда-то шли добрые, веселые люди, съ гимномъ великой будущности... Какъ все это было красиво!

Твое молодое лицо, бывало—жадно прильнетъ къ оконной рамѣ, хочется не пропустить ни единаго звука, счастливой пѣсни, ты силишься задержаться на мѣстѣ... но увы!

Ты самъ уже въ рядахъ пѣвцовъ, и громко съ ними оглашаешь, сумрачныя, холодныя стѣны бездушнаго города.

О... эти пѣсни будущности!.. Сколько въ нихъ силы и задора молодости... Сколько правды и сочетанія прекраснаго изъ прекраснаго. О да!.. Это было, гдѣ-то—когда мы были еще молоды...

Теперь не то, Теперь мой старческій голосъ переливается хриплымъ свистомъ, и тихо, тихо тоскуетъ о молодости. Когда онъ вспоминаетъ свое прошлое, то начинаетъ осторожно нашептывать мнѣ на ухо — и я, вмѣсто радостныхъ пѣсенъ, рыдаю, какъ маленькое дитя.

Затѣмъ я вскакиваю со скамьи, и быстрыми, старческими шагами — подбѣгаю къ маленькому окошечку и начинаю прислушиваться къ незнакомымъ напѣвамъ.

Это уже не радостные гимны о будущности, а тихій заунывный лепетъ сибирской тайги — о своей дѣвственности... Безумныя муки!.. Жизнь... гдѣ же твои высокіе порывы?.. Развѣ они созданы только для молодости... а мы? Ахъ да!..

Гдѣ-то когда-то и мы были молоды и пѣли гимны свободы!

Арс. Кол.

Лѣтомъ.

Я пойду въ родное поле,
Поищу цвѣтовъ душистыхъ...
Зёрна почки раскололи,
И роса блеститъ на листьяхъ.
Къ ячменямъ пойду усталымъ,—
Вѣдь въ поляхъ я, точно дома!
Подъ раскрашеннымъ закатомъ
Льется золотомъ солома.
Отчего-же жить угрюмо,
Сердце, точно раскололось?
Разскажу я матку-думу—
Всё пойметъ усатый колосъ.
Я усну подъ звѣзднымъ небомъ,
Отдохну для жизни новой...
Ахъ, какъ вкусно пахнетъ хлѣбомъ,
Какъ хорошъ закатъ лиловый!

П. Орѣшинъ.

Въ сумеркахъ.

Сердце болѣло... Солнца лучи погасали...
Куталась въ дымку далекая, блѣдная даль.
Плакали розы... Крупныя слезы дрожали...
Вѣтеръ въ окно зазвенѣлъ, точно зловѣщая сталь...
Сумерки пали... Звуки рояля рыдали...
Звѣзды съ холодныхъ высотъ бросили въ душу печаль.
Сердце болѣло... Грезы въ душѣ исчезали...
Стало мнѣ грустно. Стало чего-то мнѣ жаль...
Кто-то стучался... Чьи-то шаги въ корридорѣ...
Звякнула звонко цѣпочка у чьихъ-то дверей.
Радостный возгласъ... Нотки любви въ разговорѣ...
Падали отблески, гдѣ-то зажженныхъ огней.
Стало темнѣе... Гулко часы куковали...
Сердце болѣло... Плакалъ тоскливо рояль...
Плакали розы... Крупныя слезы дрожали...
Вѣтеръ въ стекло зазвенѣлъ, точно зловѣщая сталь...

В. Александровскій.

Нарушенный сонъ.

Въ лѣсную уснувшую тьму
Лучъ солнца пробрался
И весело стало ему
И онъ разыгрался.
По сморщеннымъ старымъ стволамъ
Скользнулъ онъ стрѣлою
И брызнулъ по темнымъ вѣтвямъ
Горячей струею.
Кудрявыя купы березъ,
Мохнатыя ели
Подъ ласкою солнечныхъ грезъ
Сквозь сонъ зашумѣли.
Проснувшійся вѣтеръ вздохнулъ
И эхо вздохнуло...
. . . . . .
Но лучъ въ поднебесье скользнулъ
И вновь все уснуло.

А. Сергѣевъ.

Послѣ грозы.

Гроза улетѣла со свитой
Толпящихся тучъ
И воздухъ, дождями омытый,
И свѣжъ и пахучъ.
Съ чарующимъ лепетомъ льются,
Блестятъ ручейки,
И слезы роняя смѣются
Во ржи васильки.

А. Сергѣевъ.

Хворый путь.

Послѣ долгихъ весенъ,—
Я въ мѣстахъ знакомыхъ.
Какъ шумятъ, проснувшись,
Вкругъ души дубравы...
Ѣдешь полемъ: солнце.
Клонный хоръ былинокъ
Путь твой опѣваетъ
Въ холодѣ вѣтринокъ.
Хворый, глянешь въ небо,—
А слеза мѣшаетъ;
Радость грудь колышетъ...
Боже! Другъ мой старшій...
Кто-же ты, знакомый,
На лицо мнѣ дышешь?—
Полдень машетъ тѣнью.
Подъ телѣгой—мостикъ.
Холмъ уходитъ. Вижу:
Въ дырной кацавейкѣ,
Распластался—дремлетъ
Паренекъ свирѣльный.
Кнутъ усталъ сгибаться,
Стадо чуетъ волю...
Ахъ, бодай баранъ васъ,
Милые ягнята!..
Ну-ка, ты, замекай,
Малышонокъ бѣлый:
Я пойму твой голосъ,
Обнимусь душою...

Ну-ка ты, плеснися,
Золотое море!..
Ну-ка, расплеснися.
Дней болѣзныхъ горе!..

Степанъ Давыдовъ.

Первые шаги рабочаго движенія.

I.

Это простая и старая истина: образованіе рабочей партіи есть обособленіе пролетаріата отъ буржуазіи. Но очень сложенъ тотъ путь, какимъ рабочій классъ приходитъ къ выработкѣ самостоятельной программы и правильной тактики; онъ различенъ въ разныхъ странахъ. При всемъ различіи, однако, въ національныхъ путяхъ развитія, есть нѣкоторыя общія черты, характерныя для первой стадіи самостоятельнаго политическаго движенія рабочаго класса большинства европейскихъ странъ.

Чартизмъ представляетъ первое крупное движеніе современнаго пролетаріата. Этотъ первый опытъ самостоятельной борьбы явился лишь въ результатѣ долгихъ блужданій и ошибокъ.

Уже въ концѣ 18-го вѣка начинаютъ возникать политическія организаціи среди рабочихъ промышленной Англіи. Въ отдѣльные моменты онѣ принимаютъ довольно значительные размѣры и подчасъ носятъ революціонный характеръ.

Но сознаніе особыхъ классовыхъ интересовъ начинаетъ медленно пробиваться лишь у отдѣльныхъ—очень немногихъ—лицъ. О какой нибудь особой политической программѣ еще нѣтъ и рѣчи; революціонное настроеніе находитъ исходъ въ разрушеніи машинъ и т. под. Въ политикѣ же движеніе болѣе передовыхъ элементовъ сливается съ общимъ оппозиціоннымъ движеніемъ буржуазіи, и большинство политическихъ союзовъ объединяетъ рабочихъ со „среднимъ классомъ“.

Въ теченіе первыхъ десятилѣтій 19-го вѣка промышленная буржуазія Англіи ведетъ борьбу за власть съ земельной аристократіей. Но требованіемъ виговъ (англійскихъ либераловъ) было не всеобщее, а цензовое, избирательное право, которое исключало не только пролетаріатъ, но и значительную часть мелкой буржуазіи. Однако, ненависть къ торіямъ (консерваторамъ) въ широкихъ массахъ была такъ сильна, а духовная самостоятельность такъ слаба, что о „деталяхъ“ реформы почти не говорили. Она была той большой цѣлью, которая должна была принести всѣмъ избавленіе и свободу. Всѣ силы буржуазіи сосредоточились на этой борьбѣ; съ энтузіазмомъ и самопожертвованіемъ шелъ за ней пролетаріатъ.

Библиотека Института В. И. Ленина

Іюльская революція во Франціи прозвучала для Англіи какъ набатный звонъ. Съ этого момента движеніе растетъ съ неимовѣрной силой, и никакія репрессіи не могутъ больше справиться съ нимъ. Десятки демонстрацій во всѣхъ промышленныхъ центрахъ, подкрѣпляемыя боевыми статьями радикальныхъ газетъ, показываютъ, какъ глубоко и какъ сильно недовольство. Англія очевидно стоитъ наканунѣ революціи.

Чтобъ избѣжать ее, правительство сдается. Лѣтомъ 1832 г. избирательная реформа дѣлается закономъ, и осенью происходятъ новые выборы. Но торжество продолжается недолго. Уже при составленіи избирательныхъ списковъ обнаруживается смыслъ „великой реформы"; на выборахъ проходятъ одни виги. Для рабочихъ массъ, которыя на своихъ плечахъ вынесли все движеніе, этотъ результатъ означалъ глубокое пораженіе. Вмѣсто „народнаго парламента"—расширенное представительство господствующихъ классовъ. Вмѣсто соціальныхъ реформъ, о которыхъ неопредѣленно и смутно мечтали—«великій принципъ свободы торговли». Вмѣсто всеобщаго избавленія—старыя цѣпи и старый кнутъ.

Разочарованіе было полное. Стоило-ли тратить столько силъ для того, чтобъ доставить господство вигамъ? Да и лучше-ли виги, чѣмъ торіи? И первой реакціей былъ глубокій антипарламентаризмъ въ рабочихъ массахъ. Въ теченіе трехъ лѣтъ, слѣдовавшихъ за реформой, интересъ къ парламенту и политикѣ исчезаетъ. Въ это время вырастаютъ всякія экономическія организаціи, вродѣ «базаровъ обмѣна» и кооперативовъ, которые должны были *замѣнить* политическую борьбу и освободить пролетаріатъ отъ капиталистическаго гнета. Робертъ Овэнъ пріобрѣтаетъ вліяніе въ рабочихъ кругахъ, и утопическія теоріи освобожденія *безъ борьбы за государственную власть* распространяются среди тѣхъ, кто раньше воевалъ за власть для нуждъ буржуазіи. Профессіональные союзы быстро растутъ въ этотъ періодъ и экономическая борьба принимаетъ широкіе размѣры.

Эта эпоха политическаго индифферентизма и антипарламентаризма продолжается недолго. Съ 1835 года начинается возвратъ къ политикѣ. Но новая вѣра въ политическую борьбу обогащена всѣмъ предыдущимъ опытомъ. Прежнія разочарованія не забыты, и основнымъ принципомъ новаго движенія дѣлается полное отмежеваніе отъ *всѣхъ* буржуазныхъ партій. Чартизмъ, т. е. борьба за „народную хартію" — чисто пролетарское движеніе, чуждое и враждебное всѣмъ остальнымъ классамъ.

Шесть пунктовъ „хартіи" сводились къ демократической реформѣ избирательнаго права. Но неправильно было бы думать, что этимъ ограничивалось все чартистское движеніе. Избирательная реформа должна была передать власть въ руки рабочаго класса; но были болѣе широкія, болѣе отдаленныя цѣли, которыя воодушевляли чартистскихъ вождей и чартистскую массу. «Заднія мысли», о которыхъ тогда столько писалось, представляли смѣсь изъ естественнаго права, христіанства и утопическаго соціализма. Но какъ ни мало ясности въ этихъ „заднихъ мыслхъ" — онѣ сводились въ общемъ къ радикальному измѣненію всего экономическаго строя. Чартизмъ былъ соціалистическимъ движеніемъ англійскихъ рабочихъ со всѣми отличительными чертами первой стадіи движенія. Изъ этой стадіи онъ не успѣлъ выйти: вся исторія его исчерпывается 14 годами.

Сказочный подъемъ англійской промышленности послѣ открытія золотыхъ розсыпей въ Калифорніи, въ связи съ абсолютнымъ господствомъ надъ міровымъ рынкомъ, создали и для англійскаго пролетаріата исключительно благопріятныя условія. Они примирили его на время съ основами буржуазнаго строя и направили *всю* его энергію въ область экономической борьбы. Въ 1849 г. чартизмъ сходитъ на нѣтъ.

Къ тому же чартизмъ не представляетъ непрерывнаго, постепенно развивающагося, движенія. Въ годы промышленныхъ кризисовъ — 1837, 1842, 1848 — когда нищета англійскихъ рабочихъ достигала ужасающихъ размѣровъ, когда боевое настроеніе расло и рвалось наружу, чартистское движеніе достигало своего апогея. Но въ промежуткахъ оно опадаетъ и проявляется лишь рѣдко, безъ особенной силы. Поэтому оно лишь медленно и съ трудомъ вырабатываетъ свою интеллигенцію, и поэтому же оно такъ и не успѣло выйти на широкую дорогу той тактики, которая впослѣдствіи сдѣлалась общепринятой для всѣхъ рабочихъ партій.

Въ свои первые годы чартизмъ знаетъ только два теченія. Въ терминахъ того времени эти разногласія сводились къ разницѣ между тактикой „физической силы" и тактикой «моральной силы». По существу это была борьба между старыми поклонниками либерализма и независимымъ рабочимъ движеніемъ. Фракція „моральной силы", написавшая на своемъ знамени мирныя средства борьбы, не желавшая слышать ни о какой организаціи, кромѣ просвѣтительныхъ обществъ, имѣла очень мало вліянія въ промышленныхъ центрахъ Англіи. Ея единственнымъ оплотомъ былъ Лондонъ съ его массами полу-ремесленныхъ рабочихъ и значительнымъ слоемъ рабочей аристократіи. Во главѣ этой фракціи стоялъ столярный подмастерье Вильямъ Ловетъ. Опытный, способный ораторъ, много видѣвшій и читавшій, онъ имѣлъ и то преимущество передъ вождями другой фракціи, что онъ происходилъ изъ рабочей среды; въ тотъ періодъ это играло большую роль. Пришлось ему пострадать также за свои убѣжденія и просидѣть около года въ тюрьмѣ. И, несмотря на все это, онъ не имѣлъ никакого вліянія на рабочихъ промышленной Англіи. Ихъ отталкивала отъ него его умѣренная мирная тактика и тѣсный союзъ съ либералами.

Во главѣ фракціи „физической силы" стоялъ «левъ свободы», Фергюсъ О'Конноръ. По своимъ взглядамъ и своему происхожденію онъ какъ бы созданъ былъ для роли вождя въ ту эпоху, когда основной задачей было отмежеваніе отъ всѣхъ господствующихъ классовъ. Ирландскій землевладѣлецъ и патріотъ, онъ всѣми силами души ненавидѣлъ обѣ англійскія партіи. Для него между ними не было ни малѣйшаго различія; отвѣтственность за подавленіе Ирландіи онѣ несли одинаково. Подчасъ ему казалось даже, что торіи лучше виговъ. Онъ говорилъ, что землевладѣльцы лучше обращаются съ рабочими, чѣмъ фабриканты; онъ видѣлъ зло въ томъ, что промышлен-

ность и торговля „лишили Англію національнаго лица“ и придали ей космополитическій характеръ. Въ его взглядахъ было вообще много реакціоннаго отрицанія капитализма, а великою цѣлью будущаго онъ считалъ уравнительное раздѣленіе земли. „Земля и хартія—вотъ наши цѣли!“ Въ 40-ыхъ годахъ онъ основывалъ съ этой цѣлью банки и кооперативы, но всѣ эти попытки окончились, конечно, полной неудачей.

Ни въ теоріи, ни въ тактикѣ у него не было ясности. Но его фанатическая ненависть къ господамъ положенія, его простая, прямолинейная политика, его постоянныя обращенія къ „небритымъ лицамъ, мозолистымъ рукамъ и грубымъ курткамъ“, его могучій голосъ и огненныя рѣчи создали ему популярность, какой не имѣлъ никто изъ чартистскихъ вождей. Онъ всецѣло господствовалъ надъ движеніемъ. Ему подражали остальные вожди. Они всѣ старались другъ друга перещеголять силой выраженій, всѣ гордились своей „революціонностью“ и всѣ призывали вооружаться для рѣшительнаго сраженія.

Но борьба съ либералами часто приводила ихъ къ поддержкѣ торіевъ. Правда, либеральное министерство жестоко преслѣдовало чартистовъ; но никто не забылъ звѣрствъ торійскаго правительства въ 1813, 1819 г. и т. д. Однако, ненависть къ либераламъ толкала чартистовъ къ поддержкѣ ихъ враговъ. На парламентскихъ выборахъ 1841 г. передъ чартистами стоялъ вопросъ, за кого голосовать тамъ, гдѣ кое кто изъ чартистовъ имѣетъ избирательноо право? О собственныхъ депутатахъ нельзя было и мечтать; но можно было своими голосами поддержать ту или иную партію. И вотъ чартистская конференція издаетъ лозунгъ: противъ правительственныхъ (т. е. либеральныхъ) кандидатовъ! Органъ чартистовъ „Сѣверная Звѣзда“ призываетъ: „Чартисты! Сметемъ либераловъ!“ А самъ О'Конноръ говоритъ что „тамъ, гдѣ нѣтъ возможности собственными кандидатами участвовать въ избирательной кампаніи, лучше всего помочь пораженію виговъ“[1]).

Противъ этой тактики выступили лондонцы во главѣ съ Лов етомъ: они хотѣли союза съ вигами. Ихъ планъ, однако, не встрѣтилъ нигдѣ поддержки. Но въ средѣ остальной чартистской массы не было единства. Недовольству этой тактикой далъ выраженіе виднѣйшій теоретикъ чартизма О'Бріенъ. До того ближайшій соратникъ и сотрудникъ О'Коннора, онъ рѣшилъ на этотъ разъ выступить противъ него. Онъ требовалъ полной независимости, не только отъ виговъ, но и отъ торіевъ; онъ выработалъ цѣлый планъ превращенія избирательной кампаніи въ большое агитаціонное движеніе.

За О'Бріеномъ пошла лишь небольшая часть чартистовъ. Рабочія массы, семь лѣтъ терпѣвшія на своей спинѣ либеральный режимъ, готовы были какой угодно цѣной купить пораженіе виговъ. Массы остались за О'Коннoромъ. Вокругъ О'Бріена сгруппировалась часть новой рабочей интеллигенціи; впослѣдствіи къ этому теченію примкнулъ и Эрнстъ Джонсъ, другъ и сотрудникъ Маркса и Энгельса въ 60-ыхъ годахъ. Между

[1]) М. Бэръ. Исторія соціализма въ Англіи с. 371.

обѣими фракціями разгорѣлась война, въ которой другъ друга обвиняли въ нечестности и предательствѣ.

На выборахъ 1847 г. О'Конноръ опять поддерживаетъ торіевъ; онъ самъ проходитъ съ торійской помощью въ парламентъ.

Исторія такъ и не разрѣшила этого спора. Чартизмъ обрывается съ 1849 г. и всякое самостоятельное политическое движеніе среди англійскихъ рабочихъ прекращается на полъстолѣтія.

II.

Черезъ 12 лѣтъ послѣ конца чартизма начинается общественное оживленіе *въ Германіи*. Единственной партіей, которая становится въ оппозицію къ правительству, дѣлаются либералы (прогресисты). Въ лицѣ своихъ вождей и въ своихъ требованіяхъ они стремятся играть роль наслѣдниковъ революціи и дѣйствовать въ интересахъ „всего народа“; они требуютъ объединенія Германіи и демократической конституціи. Они имѣютъ свой оплотъ въ буржуазіи; но и въ разныхъ другихъ классахъ они находятъ сторонниковъ; они пользуются почти неограниченнымъ довѣріемъ среди рабочихъ, для нуждъ которыхъ у нихъ есть свой Шульце-Деличъ *), пресловутый „король въ соціальномъ царствѣ“.

Общественное недовольство быстро наростаетъ. Въ концѣ 1861 г. происходятъ выборы въ прусскую палату депутатовъ по трехклассной избирательной системѣ—той-же, что дѣйствуетъ и сейчасъ,—и прогрессисты получаютъ большинство мандатовъ. Начинается періодъ „конституціонной борьбы“, которая приводитъ къ расколу оппозиціи и кончается уходомъ буржуазіи въ лагерь Бисмарка.

Прусскіе прогрессисты, которые ясно помнили 48-ой годъ, были гораздо умѣреннѣе и трусливѣе своего англійскаго прообраза. Они въ своей программѣ не упомянули ни всеобщаго избирательнаго права, ни даже свободы союзовъ и собраній. Ихъ главнымъ козыремъ былъ полновластный парламентъ. Ни о какихъ соціальныхъ реформахъ, конечно, не было и рѣчи. Но покуда они оставались въ меньшинствѣ, ихъ борьба противъ реакціи привлекала больше вниманія, чѣмъ ихъ положительная программа. Когда они достигли большинства, когда передъ всѣмъ міромъ обнаружилась ихъ безконечная умѣренность и безсиліе, ихъ обаяніе стало быстро исчезать. Съ этого пункта начинается обособленіе нѣмецкаго пролетаріата и организація его въ самостоятельную партію.

Каждое движеніе имѣетъ такихъ вождей, какихъ оно заслуживаетъ. Въ Германіи О'Конноръ былъ невозможенъ. Нѣмецкіе рабочіе стояли и тогда уже въ культурномъ отношеніи неизмѣримо выше своихъ забитыхъ и измученныхъ англійскихъ собратій; они нуждались въ лучшихъ, болѣе дальновидныхъ и

*) Ш.-Деличъ извѣстенъ своей пропагандой и организаціей разнаго рода кооперативныхъ союзовъ (производительныхъ, ссудо-сберегательныхъ, кредитныхъ), носившихъ мелкобуржуазный характеръ.

болѣе образованныхъ, вождяхъ. Для нихъ независимость рабочаго движенія провозгласилъ Фердинандъ Лассаль.

Лассаль не былъ вождемъ типа Бебеля или Адлера. Въ немъ не было той беззавѣтной, абсолютной преданности движенію, которая отличаетъ другихъ пролетарскихъ вождей. Чрезвычайно сложная натура, онъ соединялъ глубокій интересъ къ борьбѣ пролетаріата съ огромнымъ честолюбіемъ, большое самопожертвованіе съ преслѣдованіемъ личныхъ цѣлей. Безграничная, вызывающая самоувѣренность, и страстный, боевой характеръ; гигантская работоспособность и огромныя знанія; кристальная ясность мысли и большой ораторскій талантъ сдѣлали изъ него то, чѣмъ онъ сталъ для рабочаго движенія Германіи: тѣмъ Моисеемъ, который вывелъ пролетаріатъ изъ буржуазнаго Египта.

Къ этому свелась его историческая роль. Онъ участвовалъ въ движеніи всего два года, но онъ далъ за это время все, что онъ могъ дать пролетаріату. Онъ не дожилъ до періода фракціонной вражды со всѣми ея дрязгами и грязью; честолюбіе не успѣло увести его въ сторону отъ рабочаго движенія. „Онъ былъ для насъ ненадежнымъ другомъ", писалъ Энгельсъ Марксу послѣ его смерти; „въ будущемъ—почти несомнѣннымъ врагомъ". „Быть-можетъ и Лассаль сдѣлалъ бы то же, что и Бухеръ", пишетъ Марксъ, т. е. „въ качествѣ „министра труда" перешелъ-бы въ лагерь Бисмарка". [1])

Ожесточенная борьба съ прогрессистами за рабочій классъ сдѣлалась основной задачей Лассаля. Вокругъ него сгруппировалась очень небольшая партія,—но тѣмъ сильнѣе онъ стремится отвоевать рабочій классъ отъ либерализма. Въ своихъ рѣчахъ и сочиненіяхъ онъ удѣляетъ критикѣ либераловъ самое видное мѣсто; съ ихъ стороны онъ встрѣчаетъ не менѣе острую ненависть. Одна лишь консервативная партія смотритъ съ удовольствіемъ на расколъ оппозиціи, иногда поддерживая нападки Лассаля на прогрессистовъ и не ставя молодому движенію тѣхъ полицейскихъ препятствій, которыя могли на годы раздавить его. Лассаль, все болѣе сосредоточивая свою борьбу на прогрессистахъ, начинаетъ заигрывать съ Бисмаркомъ и консерваторами. Когда бюргомистръ [2]) Золингена закрываетъ собраніе, гдѣ выступаетъ Лассаль, послѣдній отправляется въ сопровожденіи многотысячной толпы на телеграфъ и проситъ Бисмарка произвести разслѣдованіе о дѣйствіяхъ „прогрессистскаго бургомистра". Такого рода политическія безтактности повторяются все чаще. Двумъ осужденнымъ рабочимъ онъ совѣтуетъ подать королю прошеніе о помилованіи. Берлинскимъ печатникамъ онъ совѣтуетъ, въ случаѣ открытаго столкновенія короля съ буржуазіей, поддержать королевскую власть [3]). Онъ вступаетъ наконецъ въ

[1]) Переписка Маркса и Энгельса, письма отъ 4 сент. и 10 дек. 1864 г. Въ другомъ письмѣ, отъ 27 янв. 1865 г. Энгельсъ пишетъ о Лассалѣ: „мы никогда не судили о людяхъ по тому, что они воображаютъ, а по тому, чѣмъ они были, и я невижу основанія сдѣлать исключеніе для Лассаля. Субъективно быть-можетъ тщеславіе заставило его считать дѣло благовиднымъ, объективно-же это было предательствомъ пруссакамъ (т. е. Бисмарку *С. Д.*) всего рабочаго движенія".

[2]) Городской Голова.

[3]) Мерингъ считаетъ, впрочемъ, что этотъ послѣдній фактъ представляетъ злостную клевету. Во всякомъ случаѣ характерно, что всѣ сочли это возможнымъ.

тайные переговоры съ Бисмаркомъ, надѣясь склонить его на сторону всеобщаго избирательнаго права и своихъ „производительныхъ товариществъ". Теорія реакціонной массы кончается прямой поддержкой реакціоннаго правительства.

На этомъ пунктѣ обрывается жизнь и дѣятельность Лассаля. Если онъ былъ достаточно уменъ, чтобы ничѣмъ не связывать себя въ сношеніяхъ съ Бисмаркомъ, то иными были его политическіе наслѣдники. Самый видный изъ нихъ, Швейцеръ, сумѣлъ соединить тѣсныя сношенія съ властями съ ролью верховнаго вождя партіи. Его политика, которая диктовалась изъ кабинета Бисмарка, всегда встрѣчала поддержку лассальянской организаціи и лишь въ 1870 году, когда его политическая нечистоплотность обнаружилась, ему пришлось покинуть партію. Но въ теченіе шести лѣтъ онъ пользовался почти неограниченнымъ довѣріемъ. Восхваленія Гогенцоллерновъ, похвалы мужеству Бисмарка, избирательная агитація и голосованіе за Бисмарка, защита военныхъ проектовъ правительства и т. под.— все это казалось лассальянцамъ „принципіальной тактикой", основнымъ принципомъ которой всегда должна служить борьба съ либеральной буржуазіей.

При жизни Лассаля его тактика встрѣчала сопротивленіе только со стороны Маркса и Энгельса; рабочіе Германіи дѣлились между фанатичными лассальянцами и прогрессистами; за послѣдними шло большинство. Молодой Бебель былъ ожесточеннымъ врагомъ Лассаля и его агитаціи, и въ своихъ воспоминаніяхъ онъ разсказываетъ о рѣчи *противъ* всеобщаго избирательнаго права, которую онъ тогда произнесъ.

Но политическая дѣятельность либераловъ, съ одной стороны, агитація и ошибки Лассаля—съ другой, дѣлали свое дѣло. Вокругъ Либкнехта и Бебеля начинаетъ группироваться новая рабочая партія, которая быстро отдѣляется отъ прогрессистовъ. Она кладетъ начало той тактикѣ, которую теперь можно назвать соціалдемократической: борьба со *всѣми* буржуазными партіями, но поддержка болѣе прогрессивныхъ элементовъ противъ реакціи. Эта поддержка либераловъ повела къ рѣзкимъ обвиненіямъ и къ долгой войнѣ между лассальянцами и партіей Бебеля (эйзенахцами). Публичныя собранія превращались въ публичныя побоища; страсти разгорались и драка нерѣдко продолжалась на улицѣ. Всѣ крѣпкія слова и оскорбительныя клички летѣли изъ одной партіи къ другой. Лассальянцевъ обвиняли въ пособничествѣ реакціи, въ угожденіи правительству; на голову эйзенахцевъ сыпались обвиненія вродѣ „буржуазныхъ наймитовъ", „рабочихъ либераловъ", трусовъ, предателей, „интеллигентовъ" и т. под. [1]).

Однако, большинство рабочей массы въ концѣ 60-ыхъ годовъ шло за лассальянцами. Берлинъ высказался за Швейцера; профессіональные союзы въ большинствѣ принадлежали къ тому-же теченію. Вырабатывается культъ Лассаля, и всякія уступки и компромиссы съ эйзенахцами отклоняются, какъ нарушеніе воли Лассаля. Швейцеръ не разъ высказывается противъ объединенія обоихъ теченій; ненависть доводитъ его до того, что

[1]) Среди эйзенахцевъ было много интеллигентовъ.

онъ для перебаллотировокъ издаетъ лозунгъ: за либераловъ, противъ эйзенахцевъ! „Лучше явные, чѣмъ скрытые либералы!“

Съ начала 70-хъ годовъ, въ особенности послѣ исключенія Швейцера, разногласія начинаютъ сглаживаться и тактическія линіи—сближаться. Борьба, ожесточенная фракціонная борьба продолжается еще почти до самаго объединительнаго конгресса; но на практикѣ обѣ партіи идутъ почти тѣмъ-же путемъ. Къ этому прибавляются усиленныя полицейскія преслѣдованія, которыя съ одинаковой силой сыплются на обѣ партіи, и чрезвычайно возросшая сила Бисмарка въ объединенной Германіи. О теоретическомъ, принципіальномъ единствѣ еще долго не можетъ быть и рѣчи: проектъ программы для объединенной партіи представляетъ компромиссъ лассальянства съ марксизмомъ. Но существеннымъ было тактическое единство, и оно-то и побудило обѣ партіи принять плохую программу ради хорошей тактики.

Что объединеніе было очень своевременно, что оно чрезвычайно усилило соціалистическое движеніе, это выяснилось очень скоро. „Исключительный законъ“, внесенный Бисмаркомъ черезъ два года послѣ объединенія, былъ показателемъ роста и вліянія партіи. А разногласія, раздѣлявшія лассальянцевъ и эйзенахцевъ, были очень скоро изжиты и въ партійной жизни больше роли не играли.

(*оконч. слѣд.*).

С. Далинъ.

Національный вопросъ въ Россіи.

(Окончаніе).

III.

Предыдущее изложеніе привело насъ къ тому, что національное самоопредѣленіе не абстрактная формула, а конкретное историческое явленіе, отражающее стремленія различныхъ націй. Требованіе права на національное самоопредѣленіе необходимо въ платформѣ рабочей демократіи. Оно выражаетъ общій принципъ, которымъ послѣдняя руководится въ своей дѣятельности, происходящей въ крайне сложныхъ условіяхъ общественной жизни Россіи. Оно учитываетъ всю сложность процесса политическаго и національнаго сознанія во всѣхъ его наличныхъ и возможныхъ проявленіяхъ въ разные моменты развитія. Оно налагаетъ на марксистовъ обязанность вести выдержанную политическую линію въ сферѣ національнаго вопроса и вмѣсто безплодныхъ академическихъ споровъ о томъ, представляетъ-ли собой націю данный коллективъ, признать его таковой, если онъ обладаетъ элементами національной культуры и самъ считаетъ себя націей, и въ своей дѣятельности учитывать его политическія и національныя стремленія. Это, конечно, не лишаетъ ихъ права подвергать его требованія принципіальной критикѣ, особенно, если они противорѣчатъ прогрессивнымъ тенденціямъ капиталистическаго развитія или интересамъ единства пролетарскаго движенія, обуславливающаго осуществленіе всѣхъ классовыхъ задачъ пролетаріата.

Требованіе права на національное самоопредѣленіе не можетъ быть подмѣнено требованіемъ созданія изъ областей Россіи національныхъ государствъ *), и совѣщаніе политическихъ друзей В. Ильина, сдѣлавъ это, тѣмъ самымъ ликвидировало основной принципъ позиціи россійскихъ марксистовъ въ сферѣ національнаго вопроса.

Отождествленіе перваго требованія со вторымъ недопустимо прежде всего по той причинѣ, по которой недопустимо его смѣшеніе и съ другими требованіями, напр. культурно-національной автономіей въ нынѣшній историческій моментъ, ибо означаетъ подмѣнъ общаго понятія частнымъ.

Недопустимо вообще выставленіе марксистами требованія раздѣленія Россіи на отдѣльныя національныя государства, такъ какъ оно: 1) находится въ противорѣчіи съ тенденціями капиталистическаго развитія Россіи и самоопредѣленія населяющихъ ее націй; 2) выдвигаетъ передъ пролетаріатомъ каждой націи особыя задачи, не вытекающія изъ общихъ задачъ всероссійскаго пролетаріата, и отдѣляя его отъ послѣдняго, сближаетъ съ націоналистическими буржуазными элементами; 3) вызываетъ развитіе націонализма среди угнетенныхъ націй и усиливаетъ реакцію, оперирующую въ борьбѣ съ пролетарскимъ движеніемъ сепаратистскими лозунгами. Это, конечно, не значитъ, что марксисты будутъ противодѣйствовать отдѣленію той или иной области, если ея пролетаріатъ выступитъ на борьбу за него вслѣдствіе какихъ либо непредвидѣнныхъ нынѣ обстоятельствъ. Въ такомъ случаѣ, въ силу признанія права на національное самоопредѣленіе, они поддержатъ его. Но платформа марксистовъ не можетъ быть построена на основѣ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ.

Остальныя требованія россійскихъ марксистовъ въ сферѣ національнаго вопроса, вытекающія изъ ихъ общаго принципа, отвѣчаютъ и тенденціямъ самоопредѣленія націй и общегосударственнымъ интересамъ Россіи. Послѣдними диктуется полная демократизація ея государственнаго строя, которая въ свою очередь ведетъ къ ликвидаціи бюрократическаго централизма, лежащаго нынѣ въ основѣ управленія Россіею.

Вслѣдствіе сложности и разнородности общественной жизни Россіи одинъ общегосударственный органъ народнаго представительства не въ состояніи будетъ успѣшно выполнить своихъ функцій, что вызываетъ необходимость введенія «широкаго областнаго самоуправленія для тѣхъ ея частей, которыя отличаются особыми бытовыми условіями и особымъ составомъ населенія“, съ автономными сеймами во главѣ.

---

*) Въ резолюціяхъ Совѣщанія сказано: ...„право на національное самоопредѣленіе, т. е. созданіе особаго государства“.

Эта мѣра прежде всего диктуется одной изъ настоятельнѣйшихъ задачъ настоящаго момента—потребностью обновленія совершенно деморализованнаго административнаго аппарата Россіи. Задача эта можетъ быть выполнена только путемъ введенія выборности чиновниковъ и контроля надъ ними, что лучше всего достигается передачей административныхъ функцій въ руки областнаго самоуправленія. Введеніе послѣдняго необходимо и для проведенія аграрной реформы, а также преобразованія общегосударственнаго законодательства и примѣненія его къ мѣстнымъ условіямъ отдѣльныхъ областей.

Наконецъ, введеніе областнаго самоуправленія вызывается культурными потребностями ихъ населенія.

Предѣлы компетенціи областныхъ сеймовъ будутъ зависѣть отъ характера общественныхъ отношеній каждой области и степени демократизаціи государственнаго строя Россіи, а равно степени взаимнаго сплоченія областей въ моментъ введенія областного самоуправленія. Польскій сеймъ, ввиду крайняго своеобразія общественной жизни Польши, получитъ поэтому болѣе обширныя права въ сферѣ законодательной дѣятельности, чѣмъ, напр., литовскій. То же самое можно сказать и о Кавказѣ. Финляндія, которая втеченіе многихъ лѣтъ пользовалась полной автономіей, нуждается въ ея сохраненіи. Процессъ сплачиванія Польши съ Россіей въ концѣ концовъ ведетъ къ реализаціи въ ней автономіи типа, намѣченнаго Розой Люксембургъ въ ея статьяхъ „Національный вопросъ и автономія“ и выставленнаго въ программѣ представляемой ею партіи. Но если эта страна получитъ автономію въ то время, когда напр., гражданское законодательство Россіи не достигнетъ уровня гражданскаго законодательства, существующаго нынѣ въ Польшѣ, то необходимо будетъ сохраненіе въ ней послѣдняго.

Но въ сферѣ культурныхъ дѣлъ широкое областное самоуправленіе на началахъ исключительно территоріальнаго принципа — недостаточно. Какъ мы видѣли выше, населеніе различныхъ націй не только въ предѣлахъ областей, но даже въ округахъ и городахъ настолько перемѣшано, что для удовлетворенія его культурныхъ потребностей необходима полная гарантія правъ національныхъ меньшинствъ. Это же лучше всего можетъ быть достигнуто путемъ введенія на ряду съ органами областного самоуправленія, вѣдающими дѣла хозяйственнаго, административнаго характера, также учрежденій, основанныхъ на персональномъ принципѣ и спеціально стоящихъ на стражѣ интересовъ духовной культуры націи, т. е. пополненія территоріальной автономіи культурно-національной. Характеръ этихъ учрежденій опредѣленъ въ приведенной въ началѣ настоящей статьи цитатѣ изъ Отто Бауэра.

Только такого рода учрежденія могутъ вполнѣ гарантировать „право каждаго получать образованіе на родномъ языкѣ“, котораго требуютъ россійскіе марксисты. Ввиду этихъ обстоятельствъ имъ слѣдуетъ принять въ свою платформу требованіе культурно-національной автономіи. Оно, конечно, не замѣнитъ требованія права на національное самоопредѣленіе. Но, какъ видно изъ отмѣченныхъ нами общихъ тенденцій капиталистическаго развитія, культурно-національная автономія является

тѣмъ радикальнымъ средствомъ разрѣшенія національнаго вопроса, къ которому должны будутъ раньше или позже прибѣгнуть общественные элементы всѣхъ націй, тѣмъ идеаломъ въ этой сферѣ, по направленію къ которому въ силу исторической необходимости подвигается процессъ ихъ самоопредѣленія, что подтверждается появленіемъ все большаго числа его сторонниковъ среди марксистовъ латышскихъ, литовскихъ, украинскихъ, грузинскихъ, армянскихъ.

Отрицательное отношеніе къ нему почти всѣхъ *) польскихъ марксистовъ объясняется, думается намъ, слѣдующими причинами: 1) реакціей противъ націонализма, ядомъ котораго отравляла сознаніе польскихъ рабочихъ старая П. П. С. и авантюристы изъ т. н. револ. фракціи П. П. С., къ силу которой польскіе марксисты въ настоящее время явно избѣгаютъ болѣе подробнаго обсужденія національнаго вопроса; 2) вліяніемъ на нихъ вульгарной упрощенной идеи ассимиляціи и специфическаго у польской и польско-еврейской интеллигенціи традиціоннаго, отжившаго отношенія къ еврейскому вопросу; 3) остротой партійной борьбы въ ихъ средѣ; 4) свойственнымъ польскимъ марксистамъ, особенно изъ лагеря Розы Люксембургъ, консерватизмомъ — слѣдствіемъ исключительно тяжелыхъ условій дѣятельности въ странѣ непрерывныхъ исключительныхъ положеній.

Еврейскіе марксисты, позаимствовавшіе требованіе культурно-національной автономіи у Отто-Бауэра, выставили его ранѣе другихъ, ввиду экстерриторіальности еврейской націи и невозможности иного разрѣшенія еврейскаго вопроса.

Это послѣднее соображеніе усугубляетъ важное значеніе принятія этого требованія россійскими марксистами. Такія событія, какъ погромная дѣятельность вождей русской реакціи въ 1905 г., дѣло Бейлиса, польско-еврейскій конфликтъ, служащій средствомъ польской реакціи для упроченія своихъ позицій, доказали, что ненормальное положеніе евреевъ въ Россіи составляетъ постоянный источникъ, изъ котораго всероссійская реакція черпаетъ свои силы и что борьба за освобожденіе этого народа является не спеціальной задачей еврейскаго пролетаріата, а одной изъ важнѣйшихъ задачъ всероссійской демократіи. Борьба же за культурно-національную автономію до 1905 г. разсматривалась бундомъ, какъ особая задача еврейскаго пролетаріата и служила для этой партіи основой въ ея стремленіи къ переустройству россійской рабочей партіи на федеративныхъ началахъ. И это вызвало у многихъ россійскихъ марксистовъ крайне отрицательное отношеніе къ самому требованію культурно-національной автономіи. Но у Бунда была неправильна лишь тогдашняя постановка своего требованія.

Въ 1905 г. однако еврейскій пролетаріатъ, съ Бундомъ во главѣ, боролся въ рядахъ всероссійскаго освободительнаго движенія за общія требованія пролетаріата всей Россіи, ожидая отъ торжества этихъ требованій освобожденія еврейскаго наро-

*) Въ разное время изъ среды марксистовъ высказались въ польской печати за культурно-національную автономію только Л. Кржвицкій и авторъ настоящей статьи, и, кромѣ того, ревизіонистъ Л. Кульчицкій.

да, организаціонная же концепція Бунда подверглась извѣстному измѣненію.

Не смотря на это, марксисты изъ лагеря В. Ильина ведутъ усиленную аттаку противъ культурно-національной автономіи, игнорируя всю важность еврейскаго вопроса въ Россіи, вслѣдствіе чего безсознательно дѣйствуютъ на пользу той самой реакціи, съ которой ведутъ постоянную борьбу. В. Ильинъ выдвигаетъ противъ культурно-національной автономіи слѣдующіе аргументы: 1) это требованіе не пролетарское, а мелко буржуазное; 2) оно содѣйствуетъ росту націонализма; 3) оно раздѣляетъ пролетаріатъ разныхъ націй и подчиняетъ его гегемоніи мелкой буржуазіи, доказательствомъ чего между прочимъ служитъ то обстоятельство, что всѣ еврейскія партіи приняли его въ свои программы; 4) его реализація сдѣлала бы школу разсадникомъ націонализма и клерикализма; 5) оно создало бы постоянную арену для деморализирующаго пролетаріатъ сотрудничества классовъ.

Уже изъ всего сказаннаго до сихъ поръ ясно, что культурно-національная автономія отвѣчаетъ прежде всего интересамъ пролетаріата ибо: 1) касается духовной культуры, въ частности вопроса о преподаваніи на родномъ языкѣ, что въ высшей степени важно именно для этого класса; 2) ставитъ ясно и опредѣленно національный вопросъ, разсматривая его съ точки зрѣнія основного принципа пролетарской политики международной солидарности, вслѣдствіе чего является лучшимъ средствомъ обезпеченія пролетаріата отъ развитія въ его средѣ націонализма и подчиненія его идеологіи буржуазіи, 3) принятіе требованія культ.-національной автономіи буржуазными элементами еврейства доказываетъ лишь правильность марксистскаго метода—вліяніе той обстановки, въ которой живетъ еврейское населеніе въ Россіи на его идеологію—на форму его національнаго самоопредѣленія; 4) В. Ильинъ не желаетъ понять, что принимая форму самоопредѣленія, общую съ идеологами пролетаріата, буржуазные политики вкладываютъ въ нее свое классовое содержаніе; 5) реализація культурно-національной автономіи создастъ лишь новую постоянную арену для классовой борьбы, разсѣетъ иллюзію общности интересовъ пролетаріата и буржуазіи въ сферѣ культурныхъ дѣлъ; 6) основательное усвоеніе научныхъ данныхъ, возможное, согласно новѣйшей педагогикѣ, только при условіи преподаванія на родномъ языкѣ, служитъ лучшимъ средствомъ противъ клерикализма и подчиненія пролетаріата его вліянію; при томъ введеніе культурно національной автономіи отнюдь не исключаетъ веденія преподаванія согласно общему принципу обученія, установленному для всего государства (свѣтская школа).

Однако самъ В. Ильинъ въ концѣ концовъ создаетъ планъ раздѣленія областей, округовъ, общинъ по національному составу населенія. Но этотъ планъ, страдая крупными недостатками, составляетъ при томъ плодъ фантазіи его автора, обнаруживая лишній разъ его склонность къ субъективному методу. Дѣленія на области по національному составу населенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ невыполнимы безъ вреда для населенія, такъ какъ такія области, какъ напр. Царство Польское, представляютъ собою цѣльный организмъ — плодъ долголѣтняго историческаго развитія, и выдѣленіе Холмскаго края служитъ прекраснымъ примѣромъ несостоятельности этого рода экспериментовъ. Дѣленіе согласно такому принципу меньшихъ единицъ самоуправленія: 1) не достигло бы цѣли; 2) провело бы къ созданію новыхъ гетто; 3) утопично, являясь попыткой къ раздѣленію хозяйственныхъ функцій самоуправленія, къ подчиненію матеріальныхъ отношеній идеологическому фактору; кладетъ въ основу самоуправленія не матеріальные, а національные интересы.

Населеніе различныхъ націй въ Россіи, особенно на такихъ окраинахъ, какъ Польша, Кавказъ, Латышскій край такъ перемѣшано, что принципъ дѣленія, предлагаемый В. Ильинымъ—неосуществимъ. Капитализмъ, напр., въ Польшѣ сплелъ неразрывными узами экономическихъ интересовъ польское и еврейское населеніе края, живущее часто на однихъ и тѣхъ же улицахъ городовъ, въ однихъ и тѣхъ же домахъ. Въ акціонерныхъ компаніяхъ преобладаетъ еврейскій капиталъ; оптовые склады находятся почти исключительно въ рукахъ евреевъ. Еврейскій предприниматель зависитъ отъ польскаго потребителя и обратно. Тоже въ большей или меньшей степени имѣетъ мѣсто и въ другихъ областяхъ населенныхъ иными націями, и раздѣленіе ихъ возможно только въ областяхъ духовной культуры на началахъ персональнаго принципа; но и тамъ невозможна изоляція, къ которой стремятся націоналисты и которой боится В. Ильинъ.

Ввиду сложности задачи обезпеченія въ такихъ условіяхъ правъ національныхъ меньшинствъ и проведенія въ жизнь началъ демократіи вообще, это дѣло можетъ быть легче всего выполнено въ Россіи общегосударственнымъ органомъ международнаго представительства, избраннымъ путемъ всеобщаго, равнаго, прямого, тайнаго голосованія, что отвѣчаетъ и тенденціямъ общественнаго развитія Россіи. Принципъ права на національное самоопредѣленіе, понимаемый, конечно, не абстрактно, но соотвѣтственно условіямъ историческаго момента и точкѣ зрѣнія пролетаріата, не будетъ этимъ нарушенъ. Напротивъ, именно такой законодательный органъ правильнѣе всего учтетъ этотъ принципъ и ту характерную при нынѣшнихъ соотношеніяхъ національныхъ силъ, его особенность, что права каждой націи кончаются тамъ, гдѣ они могутъ нарушить права другой націи. Гарантіей же правильности дѣйствій народнаго представительства, гарантіей права націй на самоопредѣленіе явится сила объединеннаго пролетаріата всѣхъ націй.

Но, для того, чтобы онъ въ соотвѣтствующій моментъ представлялъ собою такую силу, его идеологи должны въ своей сложной дѣятельности учесть между прочимъ и его культурныя потребности и, согласно намѣченнымъ въ настоящей статьѣ принципамъ, отстаивать ихъ, имѣя всегда ввиду его общія задачи и интересы единства пролетарскаго движенія.

К. Залевскій.

Демагогія или марксизмъ?

(Итоги и наблюденія).

I.

Роль „Правды" и выборы въ Думу.

Такъ называемый ленинскій кружокъ, остатокъ бывшей большевистской фракціи, въ 1909—11 г.г. былъ лишь ничтожной эмигрантской группой, совершенно оторванной отъ какихъ бы то ни было живыхъ проявленій рабочаго движенія въ Россіи, и, дискредитированный въ глазахъ всѣхъ безъ исключенія руководящихъ группъ русскаго марксизма, казалось, доживалъ послѣдніе дни, какъ самостоятельное цѣлое. Но, начиная съ 12-го г. онъ снова выплываетъ на политическую сцену и понемногу, къ концу 13-го г., становится во главѣ значительныхъ массъ рабочихъ, вытѣсняя изъ ряда позицій не только такъ назыв. „ликвидаторовъ", но и всѣхъ меньшевиковъ вообще. Его легальныя газеты распространяются больше, чѣмъ изданія м-ковъ, онъ проводитъ 6 депутатовъ въ Думу по рабочей куріи, получаетъ массу сочувствующихъ резолюцій и денежныхъ сборовъ отъ самыхъ различныхъ группъ рабочихъ по всей Россіи; особенно усиливается онъ въ Петербургѣ: въ продолженіе 13-го г. ленинцы пріобрѣтаютъ здѣсь исключительное вліяніе въ правленіяхъ профес. союзовъ, захватываютъ рядъ профес. органовъ.

Для объясненія этого явленія необходимо прежде всего вспомнить, что ленинцы *первые* основали ежедневную газету въ Россіи и притомъ въ моментъ необычайно высокаго подъема рабочаго движенія, *перваго* общероссійскаго подъема послѣ нѣсколькихъ лѣтъ реакціи и упадка. Еще на пресловутой „всероссійской" конференціи ленинскихъ кружковъ, созванной въ январѣ 1912 г., количество представленныхъ с.-д., въ лучшемъ случаѣ, доходило до 420 чел. на всю Россію, ибо на ней было 14 делегатовъ, выбиравшихся по одному отъ 30 членовъ партіи. (На самомъ дѣлѣ число это было гораздо ниже; какъ это было установлено для ряда городовъ, напр. Вильна, Николаевъ, Баку и даже Москва—делегатъ нерѣдко выбирался спеціально для этого созданнымъ кружкомъ въ 3 — 10 чел., иногда даже втайнѣ отъ существовавшей въ данномъ городѣ организаціи). И лишь съ тѣхъ поръ, какъ, въ разгаръ ленско-майскаго забастовочнаго движенія весны 12-го г., появилась газета „Правда", обѣщавшая стоять внѣ фракціонной борьбы и сразу почти достигшая тиража въ нѣсколько десятковъ тысячъ экз.,—вліяніе ленинцевъ вдругъ возросло въ огромныхъ размѣрахъ и съ тѣхъ поръ, правда, съ значительными колебаніями, все болѣе увеличивалось *).

*) У ленинцевъ еще съ конца 1910 г., была еженедѣльная газета, тогда какъ у меньшевиковъ такая газета явилась значительно позднѣе. Однако со „Звѣздой" все еще успѣшно конкурировали въ 12-мъ г. м-скіе „Живое Дѣло" и „Невскій Голосъ", но съ ежедневной газетой они конкурировать не могли. И потому отъ апрѣля до сентября (когда появился „Лучъ") „Правда" была *единственной* рабочей газетой.

Появившись въ разгоряченной атмосферѣ ленско-майскаго движенія, „Правда" сразу проникла въ слои рабочихъ, которые *изъ нея впервые* услыхали проповѣдь классовой борьбы и пропаганду идеаловъ рабочаго движенія. Вѣдь въ той многотысячной арміи, которую составляютъ постоянные читатели „Правды", — *старыхъ* б-скихъ рабочихъ, рабочихъ 1905—7 г.г., — крошечная горсточка; „Правда", проникнувъ подъ флагомъ нефракціонности въ довольно широкіе круги до тѣхъ поръ не затронутыхъ движеніемъ рабочихъ, создала свою читательскую армію изъ новаго, пореволюціоннаго матеріала, главнымъ образомъ, рабочей молодежи, не знакомой ни съ опытомъ 1905—7 г.г., ни съ исторіей партіи. Что это именно такъ, что масса читателей и почитателей „Правды", масса т. н. „партійцевъ"—это с.-д. 1911—12 г.г., которые *впервые* изъ „Правды" и *только* изъ „Правды" вкусили отъ соціалистическаго древа познанія добра и зла,—видно хотя бы изъ того, сколько резолюцій, сочувствующихъ „Правдѣ", и денежныхъ сборовъ, выходитъ изъ такихъ *слоевъ* рабочихъ, которые впервые въ исторіи русскаго рабочаго движенія втягиваются въ сферу интересовъ и споровъ соц.-демократіи. Въ наивномъ восторгѣ новообращенныхъ передъ газетой, несшей ей проповѣдь борьбы, эта рабочая молодежь, понятно, принимала на вѣру и все то, что „Правда" писала о „ликвидаторахъ", которыхъ ея массовые читатели до сихъ поръ въ простотѣ сердечной считаютъ предателями, либералами, опасными врагами рабочаго класса. И вотъ защитниками партіи отъ этихъ ликвидаторовъ, по печальной ироніи исторіи, стали рабочіе, не только не принимавшіе никакого участія въ ея созданіи, но имѣюшіе самое смутное понятіе (а то и никакого понятія) о судьбахъ этой партіи, и отожествляющіе ее съ „правдистами" *).

Итакъ, разбудивъ тысячи новыхъ рабочихъ, ставъ ихъ ежедневной духовной пищей, „Правда" вмѣстѣ съ тѣмъ привязала ихъ къ *своей* упрощенной философіи марксизма и влила въ ихъ незатронутые соціалистической пропагандой умы *свой* фракціонный ядъ, сдѣлала ихъ орудіемъ *своихъ* кружковыхъ интересовъ. Ко времени появленія „Луча" эта работа была продѣлана до такой степени, что читатели „Правды" обыкновенно *не желали даже читать «Лучъ»* и „Лучу" приходилось защищаться отъ клеветъ передъ рабочими, которые его не знали и знать не хотѣли.

Таково было положеніе *въ разгарѣ избирательной кампаніи.* Еще лѣтомъ 12 г., какъ только началась подготовка къ выборамъ, „Правда" сразу сбросила маску нефракціонности и стала изъ номера въ номеръ забрасывать „ликвидаторовъ" клеветами, не встрѣчавшими ни отвѣта ни возраженія. Такъ продолжалось и втеченіе *всей* избирательной кампаніи, такъ какъ „Лучъ" не-

*) Пишущій эти строки встрѣчалъ въ провинціи молодыхъ рабочихъ, членовъ „коллективовъ", принимавшихъ *ярыя* антиликвидаторскія резолюціи, которые *не слыхали никогда о 9 янв.* Это — фактъ, который могутъ подтвердить свидѣтели. Любопытнымъ примѣромъ подобной святой простоты можетъ также служить помѣщенное въ „Правдѣ" письмо рабочаго, который принимаетъ упоминаемый въ статьѣ Мартова 15-лѣтній юбилей партіи за какой-то ликвидаторскій юбилей, мимо котораго съ презрѣніемъ должны пройти всѣ истинные „партійцы", при чемъ редакція „Правды" не считаетъ даже нужнымъ просвѣтить своего наивнаго читателя.

прерывно конфисковался и до провинціи не доходилъ почти вовсе. Первый номеръ „Луча“ вышелъ 16-го сент., въ день выбора уполномоченныхъ по рабочей куріи въ Петербургѣ, а раньше, чѣмъ какой-либо номеръ этой газеты, хотя бы случайно, могъ дойти до рабочихъ въ провинціи, *главная* стадія выборовъ по раб. куріи, выборы уполномоченныхъ, была закончена по всей Россіи. Слѣдовательно, поскольку на эти выборы могла вліять рабочая печать, „Правда“ оставалась *„внѣ* конкуренціи“. И она, конечно, широко воспользовалась этимъ привилегированнымъ положеніемъ. Тѣмъ не менѣе, огромное большинство даже участвовавшихъ въ выборахъ рабочихъ оставалась за предѣлами воздѣйствія и „Правды“: въ результатѣ — очень большой процентъ безпартійныхъ уполномоченныхъ, что также слѣдуетъ принять во вниманіе для оцѣнки той „побѣды“, которую одержала „Правда“ на выборахъ по раб. куріи. Но, переходя къ этой оцѣнкѣ, необходимо сперва установить размѣры самой „побѣды“, особенно въ виду систематическаго утвержденія ленинцевъ, что за ними „вся рабочая курія“. *Рабочая курія* существуетъ не въ 6-ти губ. и областяхъ, какъ утверждаютъ ленинцы, а въ *44 губ.* и областяхъ Европ. Россіи, *5 губ.* и областяхъ Кавказа и *3-хъ* губерніяхъ Царства Польскаго, а также *въ городахъ* Варшавѣ и Лодзи. И если лишь въ 6-ти губ. избраніе рабочаго депутата обязательно, то по меньшей мѣрѣ смѣшно ставить эту обязательность по закону 3 го іюня въ особую заслугу с.-д. и умалчивать или умалять значеніе выборовъ *по рабочей же куріи*, гдѣ какъ въ Уфимской, Таврич. губерніяхъ и области Войска Донского, с.-д. на губернскихъ избират. собраніяхъ выбраны *не правыми и октябристами*, какъ въ Петербургѣ, а *оппозиціей*. Рабочая курія дала не 6 депутатовъ, а 10, и изъ нихъ четверо были сторонники м-ковъ *). Что же касается 6 депутатовъ-ленинцевъ, то и о нихъ, ко всему тому, что писалось объ этомъ въ м-ской печати, не мѣшаетъ сдѣлать нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній фактическаго характера.

Ленинцы подчинили *всѣ задачи* избирательной кампаніи — одной: завоевать для своей фракціи какъ можно больше мѣстъ въ Думѣ, и главнымъ образомъ 6 мѣстъ, обезпеченныхъ закономъ 3-го іюня. Поэтому, впервые признавъ для выборовъ по 2-й городской куріи общеевропейскую и въ то же время старую меньшевистскую тактику поддержки оппозиціи на перебаллотировкахъ, въ случаѣ черносотенной опасности, — они объявили истребительную войну въ *раб. куріи* т. н. „ликвидаторамъ“, не смущаясь противорѣчіемъ, что эти ликвидаторы, „кучка интеллигентовъ“, могли представлять опасность въ *рабочей* куріи. А „опасность“ эта была очень велика. Въ „ликвидаторахъ“ состояли всѣ почти старые опытные работники, дѣятели 1905 — 7 г.г., особенно выдвинувшіеся въ открытомъ раб. движеніи, союзахъ, клубахъ и общественныхъ съѣздахъ въ 9—11 г.г.

И для борьбы съ этими именно рабочими выдвинуты были всѣ рессурсы „Правды“. Все, что можно было сдѣлать *до* выбо-

*) 10-мъ является депутатъ варшавскихъ рабочихъ, с.-д. Ягелло, прошедшій на собраніи выборщиковъ гор. Варшавы опять таки голосами еврейской *оппозиціонной буржуазіи противъ* польскихъ клерикаловъ и націоналистовъ-антисемитовъ.

ровъ уполномоченныхъ — въ смыслѣ систематическаго оклеветанія противниковъ передъ массой безпартійныхъ рабочихъ, — было сдѣлано „Правдой“. Множество *безпартійныхъ уполномоченныхъ* дало возможность сторонникамъ „Правды“ перейти къ личному воздѣйствію на нихъ; въ результатѣ многіе изъ нихъ въ нѣсколько дней становились „правдистами“, не становясь, конечно, соц.-демократами. Тамъ же, гдѣ, какъ въ Петербургѣ, всѣми этими мѣрами „ликвидаторская опасность“ не была устранена ни при выборѣ выборщиковъ, ни на губернскомъ избирательномъ собраніи, истребительная война продолжалась до конца и привела къ небывалому позору: *противъ* старыхъ и опытныхъ рабочихъ — сторонниковъ „Луча“ и даже нефракціонныхъ, — волею октябристовъ и правыхъ прошелъ рабочій, который (единственный изъ 6-ти выборщиковъ) „никогда не привлекался“, т. е. меньше всего участвовалъ въ рабочемъ движеніи.

Наоборотъ, въ Харьковѣ кандидатъ-ленинецъ получилъ въ первый день выбора выборщиковъ отъ рабочихъ *меньшинство* (большинство получили м-ки) и прошелъ въ выборщики лишь на второй день выборовъ относительнымъ большинствомъ; сталъ онъ депутатомъ только потому, что мѣстные м-ки подчинились результатамъ голосованія на случайномъ предварительномъ собраніи 17 с.-д. уполномоченныхъ и послѣ выбора выборщиковъ не желали вносить разладъ въ среду рабочихъ: несмотря на рядъ протестовъ со стороны уполномоченныхъ, недовольныхъ тѣмъ, что депутатомъ назначенъ выборщикъ, получившій *меньше половины* голосовъ на собраніи уполномоченныхъ (сорокъ съ лишнимъ изъ сотни), харьковскіе м-ки въ интересахъ единства и дисциплины не настаивали на пересмотрѣ кандидатуры.

Но все же нашлась губернія, гдѣ ленинцы были безсильны внести духъ раскола, гдѣ кандидатъ въ депутаты былъ намѣченъ единогласно партійнымъ коллективомъ, состоявшимъ изъ 6-ковъ-„примиренцевъ“ и завѣдомыхъ „ликвидаторовъ“, гдѣ этотъ кандидатъ, правда, бывшій 6-къ 1905—7 г.г., объявилъ себя нефракціоннымъ сторонникомъ единства *всѣхъ* теченій, и принялъ наказъ, являвшійся въ своихъ основныхъ чертахъ простой перефразировкой избирательной платформы «ликвидаторской» конференціи; мало того, кандидатъ этотъ самъ пользовался у своихъ старыхъ товарищей, рабочихъ—6-ковъ, репутаціей вполнѣ опредѣленнаго «ликвидатора», такъ какъ онъ былъ сторонникомъ открытаго рабочаго движенія. Но, будучи избраннымъ въ Думу, этотъ кандидатъ (нужно ли прибавлять, что это, былъ депутатъ Петровскій?)... сталъ ленинцемъ *уже въ Думѣ*.

Итакъ, тѣми или иными путями, но дѣло было сдѣлано, Ленинскій кружокъ и «Правда» получили могущественнаго союзника въ лицѣ рабоч. депутатовъ 6-ти самыхъ промышленныхъ русскихъ губерній, въ томъ числѣ обѣихъ столичныхъ. И эти союзники оправдали возлагавшіяся на нихъ ленинцами надежды. Если только благодаря «Правдѣ» (а отнюдь не «подполью», котораго у нихъ почти не было) ленинцамъ удалось завоевать цѣлыхъ 6 мѣстъ въ Думѣ, то эти 6 депутатовъ, съ своей стороны, послѣ непродолжительныхъ колебаній, рѣшительно стали на сторону „Правды“ въ ея фракціонной борьбѣ.

Своимъ *публичнымъ выступленіемъ* противъ т. н. «ликвидаторовъ» они *первые открыли* ту вакханалію антиликвидаторскихъ резолюцій, которыя съ тѣхъ поръ заполняютъ страницы «Правдъ»: они популяризировали имя „ликвидаторовъ", какъ опаснаго «внутренняго врага» въ самыхъ глухихъ закоулкахъ пролетарской Россіи, среди тысячъ рабочихъ, которые узнаютъ объ этомъ „внутреннемъ врагѣ" при первомъ своемъ пробужденіи къ политической жизни, гораздо раньше, чѣмъ они узнаютъ азбуку соц.-демократіи, и притомъ узнаютъ въ освѣщеніи, вполнѣ соотвѣтствующемъ знаменитому ленинскому рецепту: сѣять о своихъ внутри-партійныхъ противникахъ «худшія подозрѣнія» среди рабочихъ.

Наконецъ, эти 6 депутатовъ помогли «Правдѣ» борьбу *идейныхъ течений* внутри русскаго марксизма превратить въ борьбу между рабочими каждой мастерской, фабрики и завода, въ настоящую междоусобную войну среди активныхъ слоевъ русскаго пролетаріата, войну, въ сравненіи съ которой борьба б-ковъ съ м-ками 1904—7 г.г. кажется невиннымъ развлеченіемъ.

II.

„Ленинизмъ" и „ликвидаторство".

Такова *внѣшняя* сторона новѣйшихъ успѣховъ ленинизма. Но одною ею ограничиваться нельзя. Необходимо проанализировать *содержаніе* этой борьбы, или, вѣрнѣе, той *травли*, которая ведется на страницахъ „правдистскихъ" изданій противъ „ликвидаторовъ", необходимо выяснить, какія *стороны* этой травли, и почему именно, нашли откликъ въ значительныхъ кругахъ рабочихъ.

Для этого надо прежде всего напомнить, *кѣмъ* и противъ *кого* ведется борьба, кто является ея иниціаторомъ и кто главной мишенью. Мы все время позицію „Правды" называемъ не большевизмомъ, а ленинизмомъ, и дѣлаемъ это вполнѣ сознательно. Старый большевизмъ послѣ лондонскаго съѣзда началъ систематически терять одну за другой всѣ свои идейно-политическія позиціи, началъ идейно разлагаться, какъ теченіе, какъ болѣе или менѣе стройная система тактическихъ воззрѣній.

Какъ извѣстно, лѣтомъ 1907 г. на конференціи, рѣшившей принять участіе въ выборахъ въ 3-ю Думу, Ленинъ былъ *единственнымъ* изъ б-ковъ, высказавшимся противъ бойкота, т. е. тактики, въ тотъ моментъ наиболѣе соотвѣтствовавшей старому б-зму. А лѣтомъ 1908 г. въ главномъ органѣ б-ской фракціи Ленинъ уже писалъ, что аграрное (а, слѣдовательно, по мнѣнію Ленина, и политическое) развитіе Россіи можетъ итти *двумя* путями—американскимъ и прусскимъ, т. е. признавалъ возможность для Россіи *прусскаго пути развитія*. Далѣе, на декабрьской конференціи 1908 г. б-ки приняли резолюцію о томъ, что Россія сдѣлала „еще шагъ по пути превращенія въ буржуазную монархію". *) Наконецъ, весной 1909 г. произошелъ открытый расколъ въ руководящемъ центрѣ бывшей б-ской фракціи, при чемъ отколовшіеся, или, вѣрнѣе, изгнанные „впередовцы" (Алексинскій, Богдановъ и др.) являлись носителями именно стараго большевизма и совершенно справедливо упрекали изгнавшій ихъ ленинскій кружокъ въ томъ, что онъ идетъ въ хвостѣ за меньшевизмомъ. Въ борьбѣ съ впередовцами уже лѣтомъ того же 1909 г. Ленинъ писалъ, что „мы" уже довольно говорили „по французски", что пора научиться говорить „по нѣмецки", т. е. тактикѣ „высшихъ формъ движенія" (любимое выраженіе Ленина въ 1905—6 г.г.) противоставлялъ медленную, упорную, разсчитанную на десятилѣтія, агитаціонную и организаціонную работу среди пролетаріата. Изъ ленинскаго же кружка вышло осенью 1909 г. предложеніе созвать «внѣуставную» конференцію, въ которой, наряду съ представителями обломковъ «старой» партіи, должны были участвовать с.-д. дѣятели открытаго раб. движенія и легальныхъ безпартійныхъ организацій, при чемъ эту идею—въ оглашенномъ публично письмѣ—привѣтствовалъ и Плехановъ, какъ такую, которая въ малыхъ размѣрахъ напоминаетъ прежнюю идею «рабочаго съѣзда».

Такова была принципіальная „чистота" и „выдержанность" группы, которая съ начала 12 г. вновь стала вытаскивать заржавѣвшее б-ское оружіе и вновь заговорила о „высшихъ формахъ движенія". Между тѣмъ наивные хранители „древляго" б-скаго благочестія, впередовцы, какъ отдѣльная группа, фактически перестали существовать. Итакъ, вмѣсто стараго „твердокаменнаго" большевизма, остался лишь *ленинизмъ*, т. е. съ одной стороны чистѣйшая демагогія, а съ другой—специфическіе пріемы внутри—партійной политики, получившіе у насъ названіе нечаевщины. И этотъ именно ленинскій кружокъ овладѣлъ съ весны 1912 г. такимъ могучимъ оружіемъ борьбы, какъ ежедневная газета.

Но еще задолго до этого ленинцы рѣшили выступить подъ новымъ именемъ „партійцевъ", объявившихъ себя единственными хранителями идейныхъ и организаціонныхъ традицій Р. С.-Д. Р. П. и противоставивъ себя „ликвидаторамъ", какъ группѣ, ликвидировавшей эти традиціи, группѣ, отрицающей самую партію и тѣмъ поставившей себя *внѣ* этой партіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ оказалось,—и чѣмъ дальше, тѣмъ больше становилось очевидно,—что „ликвидаторство" есть не что иное, какъ старый меньшевизмъ въ новыхъ, поревол. условіяхъ, что на сторонѣ „ликвидаторовъ" очутились *всѣ* старые вожди и основатели меньшевизма,—ленинцы дали по всей линіи борьбы пароль: не считать ликвидаторовъ м-ками, объединеніе съ „настоящими" м-ками

*) Любопытно, что теперь въ такомъ „отказѣ отъ традицій" и „укорачиваніи лозунговъ" ленинцы обвиняютъ „ликвидаторовъ", хотя виднѣйшіе представители м-зма, т. е. теперешняго „ликвидаторства", съ самаго начала и во все время контръ-рев. періода протестовали противъ положенія, что Россія *уже* становится буржуазной монархіей и не считали возможнымъ предсказывать, *какую форму* приметъ въ будущемъ неизбѣжный дѣйствительный переходъ власти къ буржуазіи. (Единственнымъ *исключеніемъ* среди м-скихъ публицистовъ въ этомъ вопросѣ былъ Ю. Ларинъ, но именно *его* всегда выставляютъ ленинцы, какъ *официальнаго* представителя м-кой точки зрѣнія).

привѣтствовать, а съ ликвидаторами вести безпощадную истребительную войну. При этомъ „настоящимъ“ м-комъ, въ концѣ концовъ, остался лишь новый союзникъ Ленина Плехановъ, да еще его литературный оруженосецъ Дневницкій. Эти „м-скіе“ *назначенцы* должны были въ новоиспеченномъ блокѣ „партійцевъ“ играть роль „лойяльныхъ“, „законопослушныхъ“ м-ковъ, которыхъ противопоставляли „ренегатамъ ликвидаторамъ“.

Въ основныхъ своихъ элементахъ „ликвидаторство“ такъ же старо, какъ самъ меньшевизмъ, и могло бы праздновать осенью 1913 г. свой десятилѣтній юбилей. Всѣ попытки объявить его „новымъ теченіемъ“ и даже новой „партіей“, отнести его возникновеніе то къ лондонскому съѣзду и идеѣ „рабочаго съѣзда“, то къ еще болѣе позднему времени, къ 1908—10 г.г.,— или завѣдомо лицемѣрны или основаны на недоразумѣніи, на недостаточномъ знакомствѣ съ нашимъ недавнимъ прошлымъ или со взглядами „ликвидаторовъ“. Знаменитый споръ на второмъ съѣздѣ о первомъ пунктѣ устава партіи, т. е. споръ о томъ, одинаковы ли рамки партіи и организаціи, или же понятіе партіи при русскихъ условіяхъ должно быть *шире* понятія организаціи — этотъ споръ заключалъ въ себѣ всѣ зародыши того „организац. оппортунизма“, въ которомъ обвиняютъ „ликвидаторовъ“. Какъ извѣстно, и самый терминъ былъ изобрѣтенъ Ленинымъ въ его пресловутой брошюрѣ—„Шагъ впередъ, два назадъ“, въ которой онъ выводилъ изъ этого „организац. оппортунизма“ всѣ будущіе смертные грѣхи ликвидаторства. Заимствовавъ у прежнихъ „экономистовъ“ то довѣріе къ организаціонной самодѣятельности передовыхъ рабочихъ, которое составляло сильную сторону „экономизма“, и которое самъ Плехановъ, при первой свой „перебѣжкѣ“ отъ б-ковъ къ м-камъ, вынужденъ былъ признать „здоровымъ зерномъ“,—м-ки уже въ 905 г. подвергались обвиненіямъ въ пренебреженіи къ партіи, въ попыткахъ „замѣнить“ ее сперва безпартійными стачечными комитетами (на Югѣ), а потомъ — совѣтомъ раб. депутатовъ (въ Петербургѣ). Своей высшей точки эти вопли о желаніи м-ковъ упразднить партію достигли у б-ковъ въ 906—7 г.г., когда м-ки ухватились за идею П. Б. Аксельрода *(поддержанную Плехановымъ)* о *раб. съѣздѣ*. Неудивительно поэтому, что дѣйствительный родоначальникъ и руководитель истинно-марксистской *тактики* и истинно-марксистскаго пониманія организаціоннаго вопроса, П. Б. Аксельродъ объявляется теперь вполнѣ послѣдовательно духовнымъ вождемъ „ликвидаторства“. Вѣдь и обвиненія м-ковъ въ „заигрываніи съ либералами“, въ отказѣ отъ „высшихъ формъ движенія“, въ сѣяніи „конституціонныхъ иллюзій“, т. е. въ оппортунизмѣ, въ „укорачиваніи лозунговъ“, словомъ, во всемъ томъ, что ставится теперь въ вину „новому движенію“, что объявляется „ренегатствомъ“,— всѣ эти обвиненія, непрерывно разростаясь, выставлялися б-ками, начиная съ 1904 г., со времени „земской кампаніи“ и вплоть до 906—7 г.г.

Есть еще одно существенное различіе между старой борьбой б-ковъ съ м-ками и теперешней травлей „ликвидаторовъ“ со стороны „партійцевъ“. Если раньше борьба эта все же носила сколько-нибудь *принципіальный* характеръ, такъ какъ б-ки, нападая на м-ковъ, со своей стороны выставляли нѣчто въ родѣ

цѣльной *системы*, то теперь, ленинцы вынуждены сплошь и рядомъ дѣлать и повторять лишь то, что дѣлаютъ и говорятъ „ликвидаторы“; но за то, чѣмъ больше и чаще имъ приходится итти въ хвостѣ за „ликвидаторами“, тѣмъ больше они отравляютъ даже эти крохи *положительной* работы присущимъ имъ духомъ безпринципной демагогіи и тѣмъ больше, чтобы прикрыть собственную идейную наготу, вынуждены они шумѣть о „ренегатствѣ“ и „оппортунизмѣ“ „ликвидаторовъ“ и о той „пропасти“ въ области программы и тактики, которая будто бы существуетъ между ними и „партійцами“.

III.

„Отрицаніе партіи“.

Ленинцы и Плехановъ любятъ говорить о „ликвидаторствѣ“, какъ объ „отрицаніи партіи“ или „уходѣ“ изъ нея въ связи съ массовымъ „ренегатствомъ“, „бѣгствомъ“ револ. интеллигенціи. Они хорошо знаютъ, что это завѣдомая неправда. Если ужъ говорить о дѣйствительномъ ренегатствѣ, о безповоротномъ уходѣ интеллигенціи въ ряды буржуазіи въ годы контръ-революціи, то это въ гораздо большей мѣрѣ относится къ бывшимъ б-скимъ „комитетчикамъ“. Руководящій штабъ старой м-ской фракціи насчитываетъ сравнительно очень мало идейныхъ дезертировъ. Наоборотъ, всѣмъ противникамъ „ликвидаторства“ хорошо извѣстно, что именно старая меньшевистская интеллигенція работала стойко и неутомимо въ самое тяжелое время реакціи, помогая всѣми силами передовымъ элементамъ пролетаріата отстоять тѣ открытыя позиціи, которыми теперь такъ ловко пользуются ленинцы. И не въ интеллигенціи тутъ дѣло, а именно въ передовыхъ рабочихъ, дѣятеляхъ 1905—7 г.г., выступившихъ въ эпоху реакціи съ богатымъ опытомъ и впервые въ исторіи русскаго марксизма составившихъ настоящіе кадры *дѣйствительно* рабочей партіи. Первыми „ликвидаторами“ въ узкомъ смыслѣ этого слова, т. е. людьми, пожелавшими дѣлать свое марксистское дѣло какъ въ области пропаганды и агитаціи, такъ и въ области организац. строительства—внѣ рамокъ старыхъ „коллективовъ“, „районовъ“ и „подрайоновъ“, были именно передовые, наиболѣе сознательные и энергичные рабочіе; имъ стало тѣсно въ этихъ рамкахъ, такъ какъ тамъ не велась *никакая* политическая работа, благодаря господству бойкотистовъ (особенно въ Петербургѣ и Москвѣ), такъ какъ эти „ячейки“, начиная съ конца 1907 г., все болѣе теряли связь не только съ массой, но и съ передовыми рабочими и распадались съ неудержимой быстротой. Этотъ „уходъ“ начали м-скіе рабочіе, но ихъ примѣру слѣдовалъ не одинъ изъ лучшихъ рабочихъ-б-ковъ, которымъ тоже надоѣли безплодныя „дискуссіи по платформамъ“ и захотѣлось живого дѣла, хотя бы въ формѣ организаціи профессіональныхъ союзовъ и просвѣтительныхъ обществъ, дѣла, свободнаго отъ опеки бойкотистовъ и фракціонныхъ дѣлъ мастеровъ.

Въ глазахъ первыхъ „ликвидаторовъ“ ихъ дѣло было не „уходомъ“ изъ партіи и не отрицаніемъ ея, а лишь разрывомъ съ ея наиболѣе отсталыми, консервативными или зараженными

фракціонной кружковщиной элементами, тормозившими всякое дѣйствительное развитіе; и если „уходомъ“, то во всякомъ случаѣ не изъ партіи, а лишь отъ пораженныхъ гангреной или парализованныхъ ея элементовъ—къ тѣмъ, въ которыхъ они видѣли зародыши подлинной марксистской работы и, слѣдовательно, подлиннаго организаціоннаго строительства.

То, что начали передовые рабочіе, лишь завершили литераторы и практики дѣйствовавшей въ Россіи м-ской интеллигенціи. Въ общихъ центральныхъ учрежденіяхъ они держались дольше всего и стали уходить оттуда только тогда, когда имъ показалось, что всѣ активныя силы меньшевизма направляютъ работу по другому руслу и что ихъ положеніе въ этихъ учрежденіяхъ не можетъ ни содѣйствовать положительной работѣ передовыхъ рабочихъ, ни препятствовать неудержимому процессу внѣшняго и внутренняго разложенія, переживавшагося б-ской фракціей, которая притомъ заражала этимъ разложеніемъ всѣхъ, кто съ ней соприкасался въ общихъ учрежденіяхъ. *)

Такимъ образомъ, въ эпоху всеобщаго развала старыхъ фракціонныхъ группъ, въ эпоху овладѣвшаго рабочими массами уныніе и апатіи, наряду съ развращающими пережитками боевизма и экспропріаторства,—оставшіеся на посту офицеры и унтеръ-офицеры „великой арміи“ собирали ея остатки, чтобы въ *новыхъ* условіяхъ, наученные всѣмъ богатымъ опытомъ минувшей войны, подготовлять элементы ея *возрожденія* на новыхъ началахъ. Таковъ объективный смыслъ того „ликвидаторства“, которое съ легкимъ сердцемъ называютъ ренегатствомъ и предательствомъ.

Пока еще существовали въ важнѣйшихъ центрахъ б-скіе „комитеты“, почти всегда оторванные отъ рабочихъ, потерявшіе всякое чутье дѣйствительности и въ большинствѣ настроенные бойкотистски, всѣмъ живымъ элементамъ марксизма приходилось или игнорировать ихъ или даже бороться съ ними за самое *право* марксистской работы. И это, конечно, была борьба не съ *партіей*, а съ ея бывшими капралами, самозванцами, тормозившими всякую живую работу. И опять таки *первымъ*, кто далъ совѣтъ неповиновенія и борьбы съ официальной партіей, совѣтъ, прогремѣвшій на всю Россію, такъ какъ былъ направленъ противъ *центральнаго учрежденія партіи* всего нѣсколько мѣсяцевъ послѣ лондонскаго съѣзда, и притомъ напечатанъ на столбцахъ чуждой соц.-демократіи газеты „Товарищъ“,—былъ *все тотъ же Плехановъ*, предлагавшій всѣмъ добрымъ марксистамъ не подчиняться избирательной тактикѣ, принятой центральнымъ учрежденіемъ, а дѣлать свое марксистское дѣло *вопреки* его рѣшенію.

Другой, менѣе извѣстный, совѣтъ неповиновенія и борьбы, на этотъ разъ съ *петердургскимъ комитетомъ*, далъ *Ленинъ* въ газетѣ „Пролетарій“. Правда, это было въ 1909 г., когда этотъ „П. К.“ былъ въ рукахъ „отзовистовъ“ и бойкотистовъ, которые

*) И *первымъ*, кто это сдѣлалъ, былъ Плехановъ, такъ осуждавшій впослѣдствіи уходъ м-ковъ изъ „руководящаго“ учрежденія. Тотчасъ послѣ лондонскаго съѣзда 1907 г. онъ отказался отъ званія представителя партіи въ Междун. Соц. Бюро, мотивируя этотъ отказъ нежеланіемъ представлять партію, въ которой господствуютъ б-ки (тогда еще въ значительной массѣ, сторонники партизанства и боевизма).

препятствовали участію организованныхъ группъ рабочихъ въ одномъ изъ общественныхъ съѣздовъ. Въ томъ же 1909 г. дополнительные выборы въ Думу по Петербургу проводились б-ками и „ликвидаторами“ совмѣстно, *помимо всякаго участія* совершенно мертваго П. К.—Старая готтентотская мораль!

Ленинъ и Плехановъ очень любятъ ссылаться на единогласное (съ участіемъ м-ковъ) рѣшеніе собравшихся въ январѣ 1910 г. заграницей членовъ партійнаго центра; въ этомъ рѣшеніи „проявленіемъ буржуазнаго вліянія на пролетаріатъ“ считается.

„съ одной стороны, отрицаніе нелегальной с.-д. партіи, приниженіе ея роли и значенія, попытки укоротить программныя и тактическія задачи и лозунги послѣдовательной соц.-демократіи“, а съ другой—„отрицаніе думской работы соц.-демократіи и использованія легальныхъ возможностей, непониманіе важности того и другого, неумѣніе приспособить послѣдовательно—соц.-демократическую тактику къ своеобразнымъ историческимъ условіямъ современнаго момента“.

Какъ обстоитъ дѣло съ „укорачиваніемъ задачъ и лозунговъ“, мы увидимъ ниже, а теперь отмѣтимъ лишь то, что касается „отрицанія партіи“. Приведенное мѣсто имѣло въ виду возможную опасность развитія въ эпоху реакціи, съ одной стороны, равнодушія къ политикѣ, тредъ-юніонизма и отрицанія *необходимости* для пролетаріата имѣть свою с.-д. партію, а съ другой—всѣ виды анархо-бланкизма, выражающагося въ формѣ бойкотизма въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Оказалось, что *первая опасность была мнимой*, тогда какъ вторая, наоборотъ, очень дѣйствительной и опредѣляющей настроеніе довольно широкихъ слоевъ передовыхъ рабочихъ. Первая опасность оказалась мнимой потому, что въ русскихъ политическихъ условіяхъ не нашлось элементовъ для развитія аполитизма и тредъ-юніонизма въ рабочей средѣ. Въ частности же *никто* изъ такъ называемыхъ „ликвидаторовъ“, которыхъ будто бы имѣла въ виду резолюція, *никогда* не писалъ и не говорилъ, что русскому пролетаріату не нужно имѣть свою с.-д. партію. Но, говорятъ намъ, вскорѣ послѣ того, какъ принято было вышеуказанное рѣшеніе, А. Н. Потресовъ написалъ свою, ставшую знаменитою, фразу о томъ, что партія больше не существуетъ, „какъ организованное цѣлое“, а Ежовъ комментировалъ ее, говоря, что она не существуетъ, „какъ іерархія учрежденій“. Какъ извѣстно, Плехановъ считаетъ это „преступленіе“ самымъ тяжкимъ изъ всѣхъ, совершенныхъ „ликвидаторами“, такъ какъ, по его мнѣнію, отрицать *необходимость* партіи значитъ совершать лишь теоретическую ошибку, а отрицаніе ея существованія есть злѣйшее предательство, приравниваемое имъ къ поступку Іуды Искаріота.

Мы раньше говорили. что, пока существовали еще б-скіе „комитеты“, всѣмъ, желавшимъ дѣлать живое марксистское дѣло въ новыхъ, пореволюціонныхъ условіяхъ, приходилось эти „комитеты“ игнорировать или бороться съ ними. Но суть то въ томъ, что и ихъ фиктивная, искусственная жизнь продолжалась недолго. Начиная съ 1908—9 г.г., и б-скіе комитеты распадаются, замираютъ и фактически перестаютъ существовать. Объ этомъ достаточно ярко свидѣтельствуютъ корреспонденціи въ б-скіе же заграничные органы или, вѣрнѣе, отсутствіе этихъ корреспон-

денцій, а также напечатанныя б-ками письма съ мѣстъ позднѣйшаго періода, гдѣ повторяется стереотипная фраза: до 1907—8 г.г. у насъ было все хорошо, но потомъ воцарилась мерзость запустѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, не было ни одного крупнаго центра с.-д. работы въ Россіи, не исключая и столицъ, гдѣ бы въ теченіе 8—10 г.г. не происходило *полнаго*, болѣе или менѣе продолжительнаго (отъ года до двухъ), *перерыва* не только въ *„работѣ“* „старыхъ“ организацій, но и въ самомъ *существованіи* этихъ организацій, хотя бы на бумагѣ. [1]) И какъ разъ начало 1910 г., когда Потресовъ написалъ свою „роковую“ фразу, было временемъ наиболѣе полнаго *одновременнаго* распада старыхъ комитетовъ. Что же касается центральнаго учрежденія, и раньше, со времени лонд. съѣзда не пользовавшагося вліяніемъ и фактически жившаго лишь «внутренними» дѣлами, т. е. пережевываніемъ фракціонной жвачки,—то оно съ весны 1908 г. въ сущности также умерло, такъ какъ собиралось (и то всего 3 раза до янв. 1910 г.) заграницей, гдѣ жили эмигрировавшіе члены его, выбранные еще на лондонскомъ съѣздѣ. Поэтому не было ни одного с.-д., кто, положа руку на сердце, не долженъ былъ бы сказать тогда то же, что сказали Потресовъ и Ежовъ: да, партіи, какъ *организованнаго цѣлаго*, или, какъ *іерархіи учрежденій*, не существуетъ; существуютъ лишь, прибавлялъ Потресовъ (и объ этомъ *всегда и систематически* умалчиваютъ наши «партійцы»), *обломки стараго, зародыши новаго, думская фракція и идейныя традиціи русскаго марксизма.*

Существовали еще (объ этомъ *тоже* писалъ Потресовъ) національныя и окраинныя организаціи (Бундъ, латышскіе, кавказскіе и польскіе с.-д., особенно наиболѣе жизнеспособные и чуткіе изъ нихъ—П. П. С.—„лѣвица“); благодаря ряду условій (и среди нихъ не послѣднюю роль играло отсутствіе или ослабленіе на окраинахъ той специфической фракціонной „склоки“, которую внесъ въ русскую соц.-демократію ленинизмъ) — имъ удалось не только сохранить свои старыя, главнымъ образомъ, впрочемъ, центральныя организаціи, но и приспособить ихъ къ руководству новыми, открытыми формами рабочаго движенія. Но все это вмѣстѣ было разрознено, не имѣло ни общей связи, ни общей тактики и, конечно, являлось лишь подтвержденіемъ отсутствія партіи, какъ „организованнаго цѣлаго“ [2]).

[1]) Конечно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ все время сохранялись отдѣльныя, разрозненныя группки на фабрикахъ и заводахъ, но мы имѣемъ въ виду не ихъ, а общегородскія организаціи, объединяющія всю политическую работу с.-д. въ данномъ мѣстѣ.

[2]) Что это было именно такъ, что эта знаменитая фраза была простымъ констатированіемъ всѣмъ (и прежде всего, конечно, врагу) извѣстнаго факта,—видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго любопытнаго, очень немногимъ извѣстнаго и совершенно въ печати не упомянутаго, „документа“: осенью 1912 г. на съѣздѣ германской соц.-демократіи въ Хемницѣ делегатамъ раздавалась ленинцами брошюра на нѣмецкомъ языкѣ, изданная ленинскимъ „центральнымъ органомъ“; и въ этой брошюрѣ, для возвеличенія собственнаго кружка и посрамленія „ликвидаторовъ“, ленинцы говорили, что въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, вплоть до ленинской „всероссійской“ конференціи начала 12 г., партія, какъ организованное цѣлое, не существовала, такъ какъ мѣстныя организаціи были разбиты, а центръ не собирался, и что лишь упомянутая „конференція“ положила начало возрожденію партіи. Итакъ, ленинцы позволили себѣ роскошь—въ *нѣмецкой* брошюрѣ, въ своихъ кружковыхъ интересахъ, сказать *то же самое*, за что они до сихъ поръ травятъ „ликвидаторовъ“ передъ непосвященными русскими читателями.

То новое, что имѣлъ въ виду Потресовъ, были с.-д. дѣятели открытаго рабочаго движенія, единственныя почти группы, сохранившія въ годы реакціи „свѣтильникъ“ русскаго марксизма и вырабатывавшіе будущій авангардъ рабочей демократіи. Какъ извѣстно, съ начала 11 г. эти группы стали называться „инициативными“ (и именно *инціативными по возрожденію партіи*); Плехановъ воспользовался этимъ и поднялъ крикъ, что созданіе *новыхъ*, да еще *инціативныхъ* группъ носитъ явно *учредительный* характеръ и служитъ лучшимъ доказательствомъ отрицанія ими *старой* партіи. Участіе представителей этихъ группъ на объединительной конференціи (въ августѣ 12 г.) послужило для него и формальнымъ поводомъ для отказа присутствовать на этой конференціи.

Въ этомъ противопоставленіи „новыхъ“ инціативныхъ группъ „старой“ партіи, кромѣ софистической игры словами, имѣется еще умышленное игнорированіе одного весьма важнаго обстоятельства: „старая“ партія въ 11—12 г.г. состояла, за единичными исключеніями (рѣчь идетъ о коренной Россіи), изъ маленькихъ, разрозненныхъ группъ и кружковъ рабочихъ, возникавшихъ въ 10—11 г.г. послѣ *продолжительнаго организаціоннаго перерыва*, безъ всякой связи съ прошлымъ и другъ съ другомъ; эти группы и кружки, появившіеся съ началомъ политическаго пробужденія страны, въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ возвращавшихся ссыльныхъ, долгіе годы оторванныхъ отъ всякой жизни,—никѣмъ не были и не могли быть утверждены въ званіи „партійныхъ“, наконецъ, ни личный ихъ составъ ни характеръ и размѣры ихъ дѣятельности никому не были извѣстны *). Между тѣмъ „инціативныя“ группы (главнымъ образомъ, петербургская), хотя вначалѣ и въ неоформленномъ состояніи, работали всѣ время реакціи подъ руководствомъ старыхъ и опытныхъ марксистовъ, и самая работа ихъ, какъ проявлявшаяся на *открытой* аренѣ, была вся на виду: это было между прочимъ, *веденіе профессіональныхъ органовъ*, которые *даже ленинцы* (въ „Мысли“ или „Просвѣщеніи“) вынуждены были похвалить за выдержанную классовую позицію, а также *руководство думской фракціей*, выступленіе которой въ 9—12 г.г. тѣ же ленинцы неизмѣнно одобряли, и которая, по справедливому замѣчанію Л. Мартова, больше всего содѣйствовала сохраненію въ широкихъ рабочихъ массахъ въ годы контръ-революціи самого имени и понятія соц.-демократіи, какъ пролетарской партіи. И эти-то „инициативныя“ группы объявилъ Плехановъ „внѣ закона“, какъ чуждыя и враждебныя партіи, и даже приравнялъ ихъ (въ одномъ изъ своихъ „Дневниковъ“) къ группамъ, которыя могли быть созданы провокаторами!

Такова фактическая сторона дѣла, и таковы логичность, искренность и добросовѣстность выдвинутыхъ ленинско-плехановскимъ блокомъ обвиненій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Б. И. Горевъ.

*) Такимъ образомъ, скорѣе ужъ возрожденная ленинская организація, составившаяся первоначально въ значительной мѣрѣ изъ такихъ именно кружковъ, можетъ быть названа *новой партіей.*

Расколъ Фракціи и задачи рабочихъ.

Вмѣсто предисловія.

Моя статья въ № 3 „Н. З." вызвала возраженіе со стороны т. Л. М. Центръ тяжести этого возраженія заключается въ данномъ имъ объясненіи побѣдъ большевизма и во взглядѣ его на роль рабочей интеллигенціи. Такъ какъ оба эти вопроса разобраны мною въ предлагаемой статьѣ, написанной еще до появленія отвѣта Л. М., то я и отсылаю читателей къ ней, а здѣсь ограничусь нѣсколькими попутными замѣчаніями.

Свои возраженія Л. М. я не начну съ того, съ чего началъ онъ, т. е. съ признанія его отвѣта теоретически необоснованнымъ. Не потому, конечно, что отвѣтъ этотъ теоретически правиленъ, а потому, что какъ разъ перенесеніе вопроса о фактическомъ соотношеніи и роли рабочихъ и интеллигенціи въ нашемъ рабочемъ движеніи въ область теоріи дѣлаетъ весь этотъ споръ въ значительной степени безплоднымъ. Да и самъ Л. М. оперируетъ не столько теоретическими соображеніями, сколько практикой русскаго движенія.

Давая отпоръ большевизму, представители меньшевизма такъ увлекаются положеніемъ, что въ соц. демократіи не должно быть дѣленія на интеллигентовъ и рабочихъ, что благодаря этому совершенно стушевывается основное меньшевистское положеніе—развитіе самодѣятельности рабочихъ. Характерно, что во всей замѣткѣ Л. М., посвященной отношенію обѣихъ фракцій къ рабочей интеллигенціи, нѣтъ ни слова объ этой задачѣ. Пусть, быть можетъ, мы поставили этотъ вопросъ немного однобоко, но вѣдь онъ волнуетъ сейчасъ умы сознательныхъ рабочихъ и замалчивать его, какъ это дѣлаетъ Л. М. въ своемъ отвѣтѣ, невозможно и даже опасно для меньшевизма. Напрасно Л. М. опасается нашего возвращенія къ точкѣ зрѣнія старыхъ „оппозицій"; оппозиція въ сущности никогда не умирала и однимъ фактомъ своего существованія производила давленіе на меньшевизмъ. Умереть она могла бы лишь съ исчезновеніемъ кружковщины, когда господство маленькихъ замкнутыхъ группъ смѣнится самоуправленіемъ самодѣятельнаго пролетарскаго организма. И теперешняя оппозиція отличается отъ старой тѣмъ, что не сводитъ всего вопроса къ простому перемѣщенію личностей, а думаетъ, что раб. интеллигенція могла бы внести въ современный меньшевизмъ много новаго и свѣжаго. Если этого не дѣлается теперь, то потому, что раб. интеллигенція сильна не въ одиночку, а какъ организованный коллективъ; лишь при этихъ условіяхъ возможно проявленіе ея творчества.

Теперь еще два слова о моихъ мнимыхъ уступкахъ большевизму. Я не идеализирую куріальныхъ перегородокъ, не признаю за избранными по рабоч. куріи депутатами монополіи на представительство пролетаріата; но изоляція пролетаріата въ избирательной кампаніи есть фактъ, который лишаетъ наше выступленіе по городской куріи достаточной классовой опредѣленности. И всѣ разсужденія Л. М. о превосходствѣ избирательной кампаніи, ведущейся въ атмосферѣ соприкосновенія классовъ бьютъ мимо цѣли, т. к. именно соприкосновенія классовъ не происходитъ ни въ рабочей куріи, ни въ куріи городской: въ рабочей куріи одинъ пролетаріатъ, въ городской всѣ классы, кромѣ пролетаріата. И, просматривая отчеты о выступленіяхъ соціалъ-демократіи въ избирательной кампаніи, намъ приходится констатировать, что соціалъ-демократія показывала мелкобужуазной массѣ лишь свое демократическое лицо и ставила своей главной задачей отрываніе ея отъ кадетовъ.

На этомъ я считаю возможнымъ закончить свои возраженія Л. М. и еще разъ отсылаю читателя къ прилагаемой статьѣ.

I.

Расколъ соц.-дем. фракціи, несмотря на извѣстную давность, остался событіемъ, полнымъ специфическаго интереса и огромной принципіальной важности. Исторія русской соціалъ-демократіи богата всевозможными внутренними переворотами и расколами; но поскольку эти перевороты и расколы совершались до сего времени въ подпольѣ, они не приковывали къ себѣ вниманія широкихъ слоевъ рабочихъ и ихъ общественное значеніе было чрезвычайно незначительно. Отрѣзанныя самимъ фактомъ своего подпольнаго существованія отъ широкой открытой политической арены, мало или, вѣрнѣе совершенно, не связанныя съ массой, нелегальныя учрежденія могли безъ особаго ущерба для дѣла классоваго воспитанія и организаціи пролетаріата заниматься фракціоннымъ заушеніемъ. Не только широкія политически неоформленныя массы, но и партійные низы безучастно относились къ фракціонной борьбѣ, равнодушно встрѣчали фракціонныя побѣды и пораженія. Борьба за власть, за обладаніе руководящими учрежденіями велась партійной аристократіей - интеллигенціей. Совершенно иное дѣло расколъ во фракціи. Рабочіе, будь то соціалъ-демократы или безпартійные, привыкли видѣть въ лицѣ думской фракціи своего идейнаго и политическаго представителя. Чутко, внимательно слѣдили они за дѣятельностью своихъ избранниковъ во вражескомъ лагерѣ. Разбросанные на огромномъ пространствѣ Россіи, рабочіе соединялись въ лицѣ фракціи въ единую пролетарскую армію. Никто не могъ протестовать противъ выступленій фракціи отъ имени рабочаго класса. Расколъ, нарушивъ это гармоничное соединеніе, затронулъ непосредственные интересы рабочихъ. Вотъ почему впервые, за все долголѣтнее существованіе соціалъ-демократіи, рабочіе активно

вмѣшиваются въ фракціонный споръ, активно реагируютъ на фактъ внутрипартійной жизни. Вопросъ о расколѣ во фракціи не сможетъ сойти со страницъ пролетарской прессы до тѣхъ поръ, пока въ ней вновь не будетъ возстановленно единство. Думская фракція стоитъ въ центрѣ рабочаго движенія. Какой бы вопросъ рабочей политики мы не подняли, мы неизбѣжно должны будемъ коснуться фракціи, а тѣмъ самымъ и раскола внутри нея.

Важность и огромное значеніе вопроса о расколѣ во фракціи подчеркнуты вмѣшательствомъ Интернаціональнаго Бюро, предложившаго свои услуги для ликвидаціи раздора. Но Интернаціональное Бюро не можетъ, конечно, своими постановленіями декретировать единство и создать у насъ единую фракцію въ Думѣ, единую соціалъ-демократію въ странѣ. Его рѣшенія имѣютъ лишь моральный вѣсъ. Желаніе и воля Межд. Бюро или конгресса будутъ исполнены у насъ лишь въ томъ случаѣ, если рабочій классъ Россіи выдѣлитъ изъ себя достаточно сильную грушу сознательныхъ рабочихъ, способныхъ, несмотря на внѣшнія препятствія, преодолѣть всѣ затрудненіи и выполнить волю рабочаго класса. Только тогда будетъ разрубленъ Гордіевъ узелъ, разрѣшена историческая задача. И для насъ важно выяснить себѣ: есть-ли въ наличности внутри самого рабочаго класса силы, способныя положить предѣлъ разрухѣ. А для этого намъ прежде всего придется коснуться сути раскола, вскрыть причины, побудившія нашихъ противниковъ двинуться форсированнымъ маршемъ къ разгрому фракціи.

II.

Расколъ во фракціи является несомнѣнно новой крупной побѣдой большевизма. Кружковыя узко-фракціонныя тенденціи еще крѣпко сидятъ въ головахъ многихъ рабочихъ. Шагъ за шагомъ большевизмъ вытѣсняетъ меньшевиковъ съ ихъ, казалось бы укрѣпленныхъ, позицій. Послѣдовательно раскольническая линія доведена до конца. Лозунгъ борьбы съ ликвидаторами—этотъ боевой кличъ большевизма—имѣлъ успѣхъ у рабочихъ. Во имя его торжества былъ нанесенъ ударъ профессіональному движенію, ослаблена, разъединена страховая кампанія, расколота фракція. Дальше итти уже некуда. Большевизмъ можетъ почивать на лаврахъ и заниматься закрѣпленіемъ своихъ позицій.

Каковы же объективныя причины, лежащія въ основѣ пораженія однихъ и торжества другихъ? Прежде всего новый подъемъ общественнаго настроенія и высоко поднявшаяся волна экономическаго оживленія. Большевики любятъ опредѣлять „ликвидаторство“, какъ порожденіе безвременья реакціи. Это невѣрно. „Ликвидаторство“ появилось раньше реакціи. Если хотите, первыя вѣхи его положены Аксельродомъ извѣстными статьями въ „Искрѣ“. Болѣе или менѣе оформленное очертаніе „ликвидаторство“ приняло уже въ періодъ кампаніи за рабочій съѣздъ. Реакція и партійный кризисъ не создали, а лишь ускорили идейную кристаллизацію „ликвидаторства“. Снявъ съ порядка дня сложные кардинальные вопросы русской общественности, удаливъ съ поля общественной борьбы всѣ наиболѣе слабые колеблющіеся элементы, реакція встрѣтилась лицомъ къ лицу съ передовымъ отрядомъ пролетарской арміи, который не хотѣлъ сдавать безъ боя завоеванной борьбой 1905 года позиціи. Началась упорная неравная борьба. Прямотаки героическими усиліями сдерживали сознательные рабочіе натискъ реакціи, боролись за свое право на существованіе, за легальныя возможности. Эту борьбу за профессіональные союзы, за клубы, борьбу противъ всякихъ, все болѣе и болѣе съуживающихъ ея компетенцію, ограниченій всецѣло вынесли на своихъ плечахъ тѣ самые сознательные рабочіе, которыхъ нынѣ третируютъ, которыхъ именуютъ „ликвидаторами“. Масса не понимала объективнаго значенія этой борьбы, а субъективно борьба присходила при такой будничной обстановкѣ, что не могла привлечь ее.

Напрасно, однако, мы—„ликвидаторы“ предполагали, что рабочая масса съ нами! Мы были небольшимъ дѣйствующимъ отрядомъ. Масса была равнодушна. Союзы съ 1907—1911 стояли все время на одномъ уровнѣ. Притокъ членовъ почти не замѣчался. Тоже самое было съ клубами. Масса не приходила къ намъ на помощь. Еще ярче это равнодушіе массъ къ нашей вполнѣ сознательной классовой борьбѣ сказалось, когда мы призвали ее къ борьбѣ за свободу коалицій. Мы сумѣли собрать лишь нѣсколько тысячъ подписей. Конечно, главнымъ виновникомъ нашей неудачи была реакція. Нельзя однако все валить на нее. Несомнѣнно, тутъ дѣйствовали и другія причины. И одной изъ важнѣйшихъ является некультурность, классовая недоразвитость массъ. Онѣ не въ состояніи были охватить сложной программы политическихъ дѣйствій „ликвидаторства“. Только то обстоятельство, что на общественной аренѣ не было въ данный моментъ иныхъ дѣйствующихъ, борющихся, кромѣ „ликвидаторства“ силъ, давало ему право говорить отъ имени и именемъ рабочаго класса. Создавалась иллюзія,—и „ликвидаторы“ охотно вѣрили въ нее, что они являются выразителями не только объективныхъ интересовъ, но и субъективныхъ желаній и настроеній рабочей массы. Большевизмъ тогда стушевался. Новая обстановка, новыя условія борьбы выбили его изъ коллеи. Массовый слой большевистски настроенныхъ рабочихъ, мало чѣмъ отличающійся въ сущности отъ низовъ рабочихъ, кромѣ развѣ усвоенной ими революціонной фразеологіи, покинулъ соціальдемократію и растворился въ обывательщинѣ. Ленинцы продолжали вѣрить въ близость революціи, считали реакцію кратковременнымъ случайнымъ явленіемъ, оставались въ разлагающемся подпольѣ, презрительно смотрѣли на легальное „крохоборство“, ругали дѣятелей легальнаго рабочаго движенія, звали ихъ возвратиться въ

революціонное подполье и требовали себѣ контроля надъ всѣми формами рабочаго движенія. Въ тотъ моментъ, когда рабочими по собственной иниціативѣ, а часто даже вопреки агитаціи большевиковъ, удавалось использовать какую-либо „легальную возможность", они являлись для того, чтобы контролировать работу отъ имени несуществующей партіи, никому неизвѣстныхъ учрежденій. Не надуманно, не благодаря чьему либо вліянію, а столкнувшись съ дѣйствительностью, понявъ ее, пролетарская интеллигенція пришла къ убѣжденію, что подполье реакціонно, вредитъ самодѣятельности рабочихъ. Дѣйствительность ясно говорила имъ, что послѣдовать совѣту большевиковъ, пойти въ подполье—значитъ отдать реакціи безъ бою легальныя позиціи, потерять и то немногое, что завоевано огромными усиліями. Они поняли это, поняли, что всякое усиленіе подполья означаетъ ослабленіе легальнаго движенія и сдѣлали своимъ лозунгомъ: „мобилизація всего живого въ защиту профессіональнаго и культурнаго движенія". Правы оказались „ликвидаторы" рабочіе. Имъ удалось сохранить легальныя возможности, а новый подъемъ рабочаго движенія значительно расширилъ ихъ. Сконцентрировавъ всю наличность дѣятельныхъ силъ рабочаго класса въ профессіональныхъ и культурныхъ организаціяхъ, пролетарская интеллигенція постепенно въ процессѣ работы вытѣснила оттуда учащуюся интеллигенцію и такъ наз. профессіоналовъ и взяла дѣло руководства легальнымъ движеніемъ въ свои руки. Такимъ образомъ, пролетарская интеллигенція постепенно пришла къ убѣжденію, что непосредственно практическая, жизненно необходимая, повседневно кропотливая работа въ легальномъ движеніи создаетъ условія, способствуетъ развитію самодѣятельности пролетаріата. Въ подпольѣ, по необходимости, благодаря отсутствію связей съ внѣшнимъ міромъ, міромъ дѣйствія, царила „теорія", преобладала фракціонная политика. Тутъ невозможно было развернуться рабочимъ, и руководство организаціей естественно находилось въ рукахъ идеологовъ-интеллигентовъ, какъ наиболѣе приспособленныхъ. Иное дѣло легальное движеніе. Здѣсь центръ тяжести переносился въ область практической дѣятельности, а тѣмъ самымъ и открывался широкій просторъ для пролетарскаго творчества. Какъ въ подпольѣ естественнымъ ходомъ вещей выдвигалась для руководства интеллигенція, такъ въ открытомъ движеніи у руля становились сознательные самодѣятельные рабочіе. И, наконецъ, послѣдній выводъ, который пришлось сдѣлать рабочимъ-дѣятелямъ легальнаго движенія, это констатировать отсутствіе у насъ партіи, какъ организованнаго цѣлаго. Если еще въ 1907 году, въ періодъ кампаніи за рабочій съѣздъ, когда подпольная соціальдемократія номинально насчитывала въ своихъ рядахъ десятки и сотни тысячъ членовъ, рабочесъѣздовцы не видѣли въ ней настоящей пролетарской партіи и призывали рабочихъ къ построенію посредствомъ агитаціи за рабочій съѣздъ новой дѣйствительно рабочей партіи, то станетъ вполнѣ

понятнымъ, что у ликвидаторовъ-рабочихъ было еще меньше основанія признавать за жалкими обломками когда-то величественной организаціи значеніе партіи. Въ этотъ періодъ нелегальная организація почти совершенно распалась. Лишь въ столицахъ искусственно, да на окраинахъ (Кавказъ, Латышскій край) въ силу мѣстныхъ спацифическихъ условій удавалось еще кой-что сохранить. Могли ли рабочіе-дѣятели открытаго движенія признать за этими, никому невѣдомыми, никѣмъ не поддерживаемыми и неуполномоченными комитетиками роль партіи? Конечно, нѣтъ. Партіей въ представленіи этихъ рабочихъ являлась наличность въ рабочемъ классѣ живыхъ, самодѣятельныхъ и сознавшихъ свои объективные интересы элементовъ, выдвинутыхъ рабочимъ классомъ и тѣсно спаянныхъ съ послѣднимъ. Они имѣли въ тысячу разъ больше основаній и правъ сказать „партія это мы". И если они не сказали этого, то только потому, что легальное движеніе только лишь пустило ростки, не вышло еще за предѣлы мѣстнаго движенія, не группировало и не централизовало разбросанную по всѣмъ концамъ Россіи пролетарскую интеллигенцію. Этотъ процессъ централизаціи только еще намѣчался. Съ каждымъ новымъ выступленіемъ на такъ называемыхъ общественныхъ съѣздахъ „ликвидаторство" отвоевывало у подполья все новыя позиціи, укрѣплялось и въ провинціи. Лозунгъ сознательныхъ рабочихъ „партіи нѣтъ, она должна быть создана въ борьбѣ за легальность" становился все реальнѣе... Наступившій переломъ въ настроеніи рабочей массы, вызванный общественнымъ и экономическимъ оживленіемъ, выступленіе ея на историческую сцену въ качествѣ дѣйствующаго лица нарушило прежнее теченіе и остановило, будемъ думать, на короткое время—выполненіе этой прогрессивной исторической задачи. Масса снова—исторія рабочаго движенія знаетъ уже нѣсколько такихъ примѣровъ—разошлась въ настроеніи со своей интеллигенціей. Ея выразителемъ и идеологомъ по-прежнему явился большевизмъ съ своимъ упрощеннымъ, разбавленнымъ сильной дозой народничества, марксизмомъ. Связанный еще тысячами нитей съ деревней, не прошедшій чрезъ чистилище ремесла, несознательный въ классовомъ отношеніи, неразвитый культурно, кинутый прямо отъ сохи въ омутъ политической борьбы массовый рабочій легко усваивалъ несложную теорію большевизма. Не познавшій и потому не могущій оцѣнить огромнаго революціоннаго значенія организаціи, массовикъ рабочій жадно внимаетъ революціонной фразеологіи большевиковъ. Элементарные большевистскіе лозунги своей крайностью подкупаютъ массу; вполнѣ соотвѣтствуя и удовлетворяя рѣзко повышенному настроенію рабочихъ, эти лозунги не требуютъ отъ нихъ въ то же время непосредственной политической работы. Давно извѣстно, что сознательность рабочихъ измѣряется степенью ихъ организованности и разнообразіемъ формъ борьбы. На практикѣ нашего рабочаго движенія это вполнѣ оправдывается. Мы не знаемъ иныхъ формъ борьбы, какъ

на ура—забастовку. Масса отрицательно относится къ лозунгу сознательныхъ рабочихъ „свобода коалиціи“ не только потому, что она несознательна, не понимаетъ его; не только потому, что повышенное настроеніе и упрощенное сознаніе массовика рабочаго скорѣе воспринимаетъ большевистское „все“, чѣмъ частичное „ликвидаторское“ требованіе, но и потому еще, наконецъ, что этотъ лозунгъ требуетъ непосредственной кропотливой, сложной и упорной политической борьбы.

Большевизмъ несомнѣнно имѣетъ подъ собою почву въ настроеніи массъ. Но это уже не тотъ окаменѣлый большевизмъ, который мы наблюдали въ 1907—12 г. Онъ двинулся, онъ понялъ, что прежній бойкотизмъ, прежнее пренебрежительное отношеніе къ легальной работѣ немыслимо, связано съ рискомъ быть выброшеннымъ за бортъ общественной жизни. Пробужденные общественнымъ оживленіемъ, воодушевленные своей собственной борьбой рабочіе, если и пойдутъ въ ту или иную организацію, то только въ легальную. Несмотря на подъемъ рабочаго движенія, несмотря на усиленіе активности рабочихъ и интереса къ общественнымъ вопросамъ, большевистская январьская конференція представляла всего 450 ч. Какое жалкое представительство по сравненію съ Лондонскимъ съѣздомъ, представлявшимъ почти 200 тыс. армію. Не то легальныя организаціи. Хотя и ихъ ростъ далеко уступаетъ темпу и размаху рабочаго движенія, у насъ есть реальный и замѣтный показатель этого роста. Число членовъ въ проф. союзахъ неуклонно ростетъ. Расширяются и просвѣтительные клубы. При такомъ положеніи вещей большевикамъ ничего не оставалось, какъ устремиться на завоеванную у реакціи легальную арену. И пусть большевики вносятъ сюда, въ легальныя организаціи, свой специфическій духъ, использованія, въ противовѣсъ „ликвидаторамъ“, которые видятъ въ нихъ опорныя базы въ политической борьбѣ рабочаго класса, все же это объективная побѣда „ликвидаторства“.

Хотятъ или не хотятъ того большевики, но фактически и они центръ тяжести своей работы переносятъ изъ подполья въ область открытаго движенія. И понятно, что поскольку въ легальныя организаціи хлынулъ новый массовый элементъ, а за нимъ потянулся слой воспитанныхъ въ подпольѣ съ узко кружковымъ фракціоннымъ горизонтомъ рабочихъ, постольку неизбѣжно, хотя бы на первое время, физіономія легальныхъ организацій должна была измѣниться. Бывшій, а можетъ быть и сейчасъ еще не порвавшій съ подпольемъ, большевикъ рабочій переноситъ сюда тѣ средства и методы воздѣйствія на рабочихъ, которые преподала ему въ подпольѣ якобы марксистская интеллигенція. Объявляется, конечно, прежде всего священная борьба „ликвидаторамъ“. Безпомощные и несамостоятельные хотя, не рѣдко энергичные, большевики рабочіе дѣйствуютъ всецѣло подъ вліяніемъ руководящаго интеллигентскаго кружка. Въ изображеніи

послѣдняго „ликвидаторство“ выступаетъ, какъ интеллигентскій либерализмъ, проникшій въ рабочую среду для ликвидаціи революціонныхъ задачъ и традицій пролетаріата, для ликвидаціи революціонной подпольной пролетарской партіи и совращенія рабочаго класса на путь мирнаго сотрудничества съ либеральной буржуазіей или даже правительствомъ. И чѣмъ гуще и сочнѣе краски, тѣмъ обезпеченнѣе и солиднѣе успѣхъ. Сѣмя пропаганды противъ „ликвидаторовъ“ падало на благопріятную почву. Масса, только что вступившая въ профессіональные союзы, не способная оцѣнить ихъ огромное значеніе для пролетарскаго движенія, легко увлекалась революціонной фразой и готова была принести въ жертву послѣдней цѣльность профессіональныхъ союзовъ. Руководимая большевиками она проваливала „ликвидаторовъ“, цѣнныхъ работниковъ, во всѣ руководящія учрежденія. Одна легальная позиція за другой переходила отъ „ликвидаторовъ“ къ большевикамъ. Опытные кормчіе рабочаго движенія смѣнялись неопытными, но близкими по духу и настроенію массѣ.

Такъ перешелъ къ большевикамъ и одинъ изъ самыхъ крупныхъ и важныхъ союзовъ въ Россіи—союзъ металлистовъ въ Петербургѣ. Объективно революціонное дѣло: укрѣпленіе и расширеніе легальныхъ возможностей уступило мѣсто непосредственному проявленію субъективнаго революціоннаго настроенія массъ—разгрому „ликвидаторовъ“. Внѣшній революціонный фактъ еще разъ скрылъ реакціонную сущность. Это явленіе, аналогичное разгрому соціальдемократовъ соціалистами революціонерами на выборахъ по рабочей куріи во II-ю Г. Думу. Полукрестьянская рабочая масса то же предпочла соціалъ-револ. соціальдемократамъ, какъ теперь большевиковъ меньшевикамъ, потому что идеологія и соціалист. революц. и большевиковъ, мало, чѣмъ отличающихся другъ отъ друга, ближе ихъ соціальному положенію, ярче и выпуклѣе выражаетъ бунтарское внѣшнее революціонное настроеніе массъ. Какъ это ни странно, въ разгромѣ „ликвидаторовъ“ играло роль и то обстоятельство, что они выступали противъ подполья, призывали къ построенію новой партіи. Масса не пойдетъ въ подполье, какъ не пойдетъ она совершать террористическіе акты, но и то и другое для нея является чѣмъ-то святымъ и недосягаемымъ, героически революціоннымъ.

Какъ недопустимо для нея осужденіе террора, такъ точно недопустимо для нея и выступленіе противъ подполья. Тутъ сказывается еще, несомнѣнно, если можно такъ сказать, малая пропитанность русскихъ рабочихъ коллективностью, ихъ индивидуализмъ—индивидуализмъ мелко буржуазный, крестьянскій. Рабочая масса не выявила еще окончательно свой пролетарско-классовый ликъ. Она пассивна, у нея отсутствуетъ вѣра въ свое коллективное творчество. Пролетаріатъ больше, чѣмъ когда бы то ни было, чувствуетъ сейчасъ потребность въ организаціи, сознаетъ ея необходимость. И когда „ликвида-

торъ" заявляетъ: „партіи нѣтъ, она должна быть создана", часто не указывая конкретныхъ путей для ея построенія, въ умѣ рабочаго это нерѣдко преломляется въ выступленіе противъ партіи вообще. Онъ предпочитаетъ вмѣстѣ съ большевиками рабочими *вѣритъ* въ нелегальную партію. Во-первыхъ, худо ли, хорошо ли, принципіальные защитники подполья отражаютъ въ данный моментъ его настроеніе, а во-вторыхъ ему не нужно бороться за созданіе партіи. Его увѣряютъ, что въ подпольѣ все обстоитъ благополучно. Но эта безсознательная ложь, вѣра въ фетишъ, въ революціонный мифъ, не можетъ долго скрывать истинное положеніе вещей. Рано или поздно обнаружится, что подполье и нелегальная партія это революціонный мифъ. И сдѣлается это тѣмъ скорѣе, что жизнь настойчиво выдвигаетъ предъ пролетаріатомъ все болѣе и болѣе сложные вопросы, заставляя его отъ фразъ переходить къ дѣлу активной борьбы за то или иное требованіе рабочаго класса. Тутъ то и обнажится вся пустота и безсодержательность подполья.

Пока же „ликвидаторы" терпятъ, и вѣроятно еще будутъ терпѣть пораженія. Большевизмъ, интеллигентскій, узко-фракціонный, заговорщицко—якобинскій нашелъ себѣ поддержку въ настроеніи широкихъ слоевъ рабочихъ. На все рабочее движеніе онъ смотритъ съ точки зрѣнія интересовъ только своей фракціи, своего кружка. Для него легальное движеніе это не оплотъ пролетаріата въ борьбѣ съ реакціей за свои классовые интересы, а только средство фракціоннаго оформленія, Для него важно не столько то, чтобы профессіональное и культурное движеніе ширилось и развивалось, сколько чтобы оно протекало подъ большевистскимъ флагомъ. И въ этомъ несомнѣнная реакціонность и опасность большевизма для рабочаго движенія. Возраждающійся большевизмъ поставилъ себѣ задачей использовать благопріятное настроеніе въ массахъ для закрѣпленія гегемоніи своего кружка и полнаго уничтоженія противниковъ. Отнынѣ раскольническая политика привнесена большевизмомъ и въ легальное движеніе. И плоды этой политики уже на лицо. Пренебрегая интересами профессіональнаго движенія, не страшась возможности фактическаго раскола, большевизмъ открыто бросаетъ вызовъ „ликвидаторству", предлагая забаллотировывать всякаго „ликвидаторски" настроеннаго рабочаго.

Успѣхъ въ вытѣсненіи ликвидаторовъ изъ профессіональнаго, страхового, культурнаго движенія опьянилъ большевизмъ. Давно лелѣянная мечта о подчиненіи классоваго движенія диктатурѣ кружка приближалась къ своему окончательному осуществленію. И поскольку думская и внѣ думская работа фракціи являются въ принципѣ завершеніемъ открытаго рабочаго движенія, объединяя и концентрируя разрозненныя силы пролетаріата, постольку единая фракція служитъ препятствіемъ для полнаго торжества фракціонности. Большевизму ничего не оставалось, какъ или отказаться отъ своей цѣли или произнести смертный приговоръ единой фракціи. Кружковая сектантская психологія, интересы узко-фракціонные взяли верхъ. Расколъ во фракціи является такимъ образомъ завершеніемъ разгрома „ликвидаторовъ" въ легальныхъ организаціяхъ и оформленіемъ большевизма, какъ теченія, претендующаго на монополію въ рабочемъ движеніи. Безразлично, были или не было разногласій внутри фракціи; расколъ все равно долженъ былъ бы свершиться. Безотвѣтственные узко-фракціонные политики никогда не смогли бы примириться съ тѣмъ фактомъ, что рабочіе сами становятся на ноги, не нуждаются въ опекѣ, допускаютъ внутри себя борьбу мнѣній; они всегда будутъ подходить къ намъ—рабочимъ съ ежовыми рукавицами, требовать по какому то невѣдомому никому праву контроля и подчиненія, проявлять сектантскую нетерпимость къ инакомыслящимъ. До тѣхъ поръ, пока въ лицѣ большевизма будутъ жить традиціи старой подпольной доисторической интеллигентской соціальдемократіи, до тѣхъ поръ возможно будетъ кромсаніе тѣла пролетаріата, за счетъ послѣдняго будутъ продѣлываться всякіе опасные эксперименты. А эти традиціи живутъ и находятъ себѣ поддержку не только среди рекрутирующейся изъ крестьянства рабочей массы, но часто даже среди самихъ сознательныхъ пролетаріевъ.

(оконч. слѣдуетъ).

Ф. Булкинъ.

Къ вопросу объ интеллигенціи.

Появленіе въ печати статьи т. Булкина (Н. З. № 3) указываетъ на то, что классовое сознаніе проникаетъ въ самую толщу пролетаріата. Если ходъ этого развитія будетъ продолжаться съ такимъ же успѣхомъ, то черезъ 10 лѣтъ мы снова придемъ къ Махаевщинѣ. То „новое", что сказалъ Булкинъ объ интеллигенціи, высказывалось уже тогда, когда сама интеллигенція выступала противъ интеллигенціи. Исходя изъ тѣхъ же опасеній, изъ какихъ исходитъ теперь т. Булкинъ, махаевцы привлекали на свою сторону тѣхъ рабочихъ, которые уже тогда понимали рабочее движеніе такъ, какъ понимаетъ его т. Булкинъ теперь. Но это продолжалось весьма недолго. Рабочіе не повѣрили интеллигенціи, говорившей въ пользу чистой рабочей организаціи партіи съ партійными рабочими вождями не потому, что не вѣрили въ возможность таковой въ будущемъ, а потому, что усмотрѣли въ ней плохо скрытыя личныя вожделѣнія. А судьба подобнаго рода фокусовъ въ концѣ концовъ вездѣ одинакова. Такъ было съ махаевцами, такъ будетъ и со всѣми, кто въ рабочемъ движеніи видитъ средство для осуществленія своихъ личныхъ плановъ. Само собою разумѣется, что процессъ изгнанія махаевцевъ изъ рабочей среды совершался въ верхнихъ

слояхъ партіи, въ которыхъ участвовала и интеллигенція, т. е. учащаяся молодежь, представители умственнаго труда и люди науки, руководившіе движеніемъ.

Но ничто не вѣчно подъ луной. Не успѣли мы освѣдомиться о примкнувшей къ намъ интеллигенціи, кто она, какъ на ея мѣсто появляется другая, чтобы также быстро исчезнуть, не выявивъ своей подоплеки.

Велика сила капитала. Несказанно тяжело его бремя, которое обреченъ нести пролетаріатъ. Крѣпка любовь крестьянина къ землѣ и рожденнаго къ мѣсту рожденія. Но еще крѣпче процессъ капиталистической пролетаризаціи, предъ которой рушится все. И необыкновенно многообразны пути, которыми отдѣльныя личности изъ интеллигенціи стремятся облегчить себѣ бремя пролетарскаго существованія. Посредствомъ прикладныхъ наукъ, приспособленныхъ къ потребностямъ капитала, находитъ себѣ теплыя мѣста одна часть интеллигенціи.

Другая лѣчитъ порождаемыя капит. строемъ болѣзни. Третья поддерживаетъ капиталистическую „правду“ и святость штыка. Продажа совѣсти оптомъ и въ розницу и созданіе съ этой цѣлью научныхъ теорій, долженствующихъ представлять иллюзію совѣсти капитала, характеризуютъ ту часть интеллигенціи, которая представляетъ изъ себя кристально чистый видъ исторически необходимой гадости. Но вся эта интеллигенція будетъ на сторонѣ капитала до тѣхъ поръ, пока образованіе будетъ оставаться золотымъ дномъ. Интеллигентъ Каутскій говоритъ:

Капитализмъ, подгоняемый конкуренціей, бѣшено стремится впередъ къ конечной цѣли своего существованія. Его представители платятъ огромныя деньги образованнымъ людямъ разныхъ спеціальностей за услуги. Образованіе становится золотымъ дномъ. Къ нему стремятся всѣ, кто имѣетъ хоть нѣкоторую возможность, ибо видятъ въ немъ хорошее мѣсто, почетъ и уваженіе. Сами заводы въ своихъ нѣдрахъ вырабатываютъ опытныхъ механиковъ, мастеровъ и пр., а въ результатѣ образованныхъ людей становатся гораздо больше, чѣмъ того требуетъ капитализмъ. Такимъ образомъ часть интеллигенціи остается не обласканной капиталомъ.

Тогда начинается проституированіе своего я среди интеллигенціи.

Политическая невинность и рабская покорность еще даетъ возможность интеллигенту занять теплое мѣсто на лонѣ капитала, но и это средство не долговѣчно. Вотъ почему теплыя мѣста обычно заняты бездарностями, между тѣмъ какъ истинно образованный человѣкъ зачастую принужденъ перебиваться съ хлѣба на квасъ, представляя изъ себя типъ доподлиннаго интеллигентнаго пролетарія.

Для него, какъ и для рабочаго, нѣтъ ничего краше и неотразимѣе идеи равенства людей, могущей осуществиться только при соціализмѣ. Поэтому къ соціализму стремятся не только пролетаріи, занимающіеся исключительно физическимъ трудомъ, но и всѣ виды умственнаго пролетаріата, чьи интересы лежатъ дальше капитализма. И въ этомъ стремленіи къ соціализму, подъ неизбѣжнымъ давленіемъ капитализма, всѣхъ лучшихъ элементовъ

интеллигенціи есть залогъ крайней необходимости, а слѣдовательно и научности соціализма. Интеллигенція всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ постоянно является носительницей передовыхъ идей вообще и соціалистическихъ въ частности. И русскіе рабочіе могли воспринять эти послѣднія только отъ интеллигенціи, какъ сокровище великихъ трудовъ, великихъ соціалистическихъ мыслителей. Умственное превосходство не могло не быть на сторонѣ интеллигенціи, наложившей свой отпечатокъ на зарождающуюся организацію россійскаго пролетаріата. Иначе и не могло быть. По неумолимой необходимости интеллигенція руководила молодымъ рабочимъ движеніемъ въ Россіи и клала на него свой отпечатокъ непрактичности, романтизма и пр. Интеллигентскій составъ партіи подъ вліяніемъ великаго сортировщика—капитализма—постепенно измѣнялся. Капитализмъ отхватилъ для своихъ услугъ нужную ему часть интеллигенціи и пополнилъ убыль другою, съ болѣе явно выраженнымъ соціалистическимъ міровоззрѣніемъ. И Булкинъ не можетъ не знать, что той интеллигенціи, противъ которой онъ направилъ пылъ своего краснорѣчія, уже нѣтъ. Мавръ сдѣлалъ свое дѣло и ушелъ, и теперь уже не замѣтитъ, какъ на него нападаетъ т. Булкинъ. Капиталистическое развитіе, не смотря на заявленія т. Булкина, неумолимо продолжаетъ свой процессъ. Онъ, съ одной стороны, толкаетъ интеллигенцію въ ряды пролетаріата, а съ другой заставляетъ пролетаріатъ учиться у этой интеллигенціи. И по мѣрѣ того, какъ пролетаріатъ растетъ духовно и въ постоянной борьбѣ съ капиталомъ зрѣетъ, какъ политическая личность, духовное превосходство надъ нимъ интеллигента сглаживается. А для того, чтобы ускорить этотъ процессъ, т. е. высвободить рабочее движеніе изъ-подъ интеллигентской опеки, нужно не покрикивать на нее, а взять отъ ея все, чѣмъ она красна, прибавить свои достоинства и вопросъ разрѣшится самъ собой. Но вѣдь у насъ слабо выраженнымъ, не проникшимъ еще во всѣ поры хозяйственной жизни, капиталистическимъ отношеніямъ вполнѣ соотвѣтствуетъ и слабая степень классовой дифференціаціи. Вотъ тутъ-то и зарыта собака. Не статья т. Булкина опредѣляетъ наше бытіе, а степень развитія отечественнаго капитализма, проще говоря, низкой ступени капиталистическаго развитія соотвѣтствуетъ у насъ и слабая, не проникшая еще во всѣ слои, степень умственнаго развитія и классоваго сознанія пролетаріата. Изъ этого положенія, по здравому смыслу слѣдуетъ, что, по мѣрѣ того, какъ капитализмъ раздвигаетъ рамки своей дѣятельности и тѣмъ самымъ арену организаціи пролетаріата, наиболѣе сознательная его часть должна распространять свѣтъ своего познанія на новичковъ—рекрутовъ. Это самая священная задача всѣхъ соціалдемократовъ отъ вождя до послѣдняго сознательнаго работника. Это есть основной лозунгъ рабочей самодѣятельности. И этотъ лозунгъ т. Булкинъ затушевываетъ лозунгомъ непонятной самодѣятельности рабочихъ. Какъ ни красивъ этотъ лозунгъ на словахъ, онъ практически безсодержателенъ и смѣшонъ при данныхъ формахъ рабочей организаціи на почвѣ безсмысленнаго фракціонерства. Вмѣсто рабочей самодѣятельности игра въ бирюльки, писательство на страницахъ рабочихъ газетъ и резонерство на мѣстахъ. При надлежащей степени

развитія рабочихъ не можетъ быть ни раздачи клеймъ и патентовъ на званіе писателя и соціалдемократа, ни того нравственнаго паденія, какое замѣчается теперь.

Ибо при нормальномъ нравственномъ уровнѣ рабочихъ сознательный рабочій не станетъ называть другого сознательнаго рабочаго врагомъ рабочихъ только потому, что ихъ мнѣнія не сходятся. Указанными обстоятельствами пользуются соотвѣтственные дѣятели рабочаго движенія, старающіеся быть вождями пролетаріата во что бы то ни стало. Эти заморскіе варяги пользуются отсталостью и наивностью русскихъ рабочихъ, раздѣляютъ ихъ и властвуютъ надъ ними. И въ то время, какъ русскіе рабочіе, раздѣленные на два лагеря, изъ которыхъ въ одномъ запугиваютъ громкими словечками и местью рабочихъ во имя Маркса, который не узналъ бы своихъ послѣдователей, если бы воскресъ, въ другомъ появляется новый Моисей и открываетъ рабочимъ путь прямо въ Англію черезъ море росс. капитализма, которое обѣщаетъ разсѣчь жезломъ рабочей самодѣятельности.

Не знаю, что понимаетъ подъ лозунгомъ рабочей самодѣятельности самъ т. Булкинъ, но судя по тому, какъ понимаютъ этотъ лозунгъ его послѣдователи, на немъ далеко не уѣдешь. Ибо послѣдователи Булкина понимаютъ рабочую самодѣятельность въ томъ смыслѣ, что о рабочемъ движеніи можетъ написать хорошо только рабочій, что никакой интеллигентъ ничего путнаго не скажетъ о рабочей жизни и т. д., и что, слѣдовательно, рабочій долженъ отбросить интеллигенцію, какъ предлагаетъ Булкинъ, и самостоятельно создать себѣ научный соціализмъ, сонату Бетховена и Реквіемъ Моцарта.

А пока т. Булкинъ преподноситъ намъ свою теорію научнаго соціализма въ видѣ карманнаго изданія рабочей самодѣятельности. Но ни т. Булкинъ, ни его послѣдователи не научатъ рабочихъ, какъ создать рабочую партію въ Россіи по образцу англійской, поскольку ни одинъ изъ нихъ не указываетъ на то, маленькое-маленькое обстоятельство, что дѣйствительный Марксъ призывалъ рабочихъ къ объединенію пролетаріата всего міра. У насъ же сейчасъ практикуется всѣми силами расколъ. Въ дѣйствительности же наиболѣе подходящимъ лозунгомъ для рабочихъ является и будетъ являться всегда стремленіе къ выработкѣ научнаго пролетарскаго міросозерцанія посредствомъ болѣе глубокаго изученія науки въ цѣляхъ построенія своей организаціи. А потому товарищъ Булкинъ какъ и многіе другіе сознательные рабочіе и интеллигенты должны нести свѣтъ своихъ познаній въ низы, къ нуждающемуся въ этомъ свѣтѣ товарищамъ, а не углублять расколъ посредствомъ дѣленія с.-д. на рабочихъ и интеллигентовъ. Для этой цѣли всякое мѣсто и время хороши. Въ этой работѣ мы будемъ куда полезнѣе, чѣмъ безплоднымъ писательствомъ и фракціоннымъ резонерствомъ.

С. Ф.

Выборы во Франціи.

Францію всегда характеризуютъ, какъ страну развитой соціалистической мысли и слабой соціалистической организованности. Дѣйствительно, утопическій соціализмъ, въ лицѣ Бабефа, зародился въ ней уже въ самомъ началѣ XIX столѣтія, а классовая партія пролетаріата, образованіе которой было замедлено разгромомъ Парижской Коммуны (1871 г.), образовалась только въ восьмидесятыхъ годахъ этого-же столѣтія. Къ сожалѣнію, особенности французскаго рабочаго движенія, на которыхъ я не буду здѣсь останавливаться, привели къ организаціи не одной пролетарской партіи, а цѣлаго ряда враждующихъ между собой группъ, естественно вырождавшихся въ секты. Фракціонная рознь и склока вмѣстѣ съ личными счетами, возникавшими на почвѣ сектантства, до нельзя затрудняли ростъ соціалистическаго движенія. Наиболѣе сознательные и преданные дѣлу представители его употребляли всѣ усилія, чтобы внести въ него единство. Имъ удалось сначала собрать почти всѣ группы въ двѣ партіи—Французскую Соціалистическую Партію и Соціалистическую Партію Франціи. Наконецъ, въ 1905 году, подъ вліяніемъ непреодолимаго стремленія французскаго пролетаріата къ единству и по призыву Амстердамскаго Конгресса состоялось объединеніе этихъ двухъ партій, а также нѣкоторыхъ автономныхъ федерацій (организацій), не вошедшихъ ни въ одну, ни въ другую.

За девять лѣтъ, прошедшихъ съ этого времени, соціалистическая партія, принявшая названіе „Французская Секція Рабочаго Интернаціонала“, развила энергичную дѣятельность, которая сводилась, съ одной стороны, къ организаціи пролетаріата, съ другой, къ просвѣтленію его классоваго самосознанія. И въ томъ, и въ другомъ направленіи упорная работа дала желанные результаты. Объ этомъ свидѣтельствуютъ данныя о числѣ членовъ партіи „объединенныхъ соціалистовъ“ и о числѣ поданныхъ за нее голосовъ.

Объединительный съѣздъ въ Парижѣ (1905 г.) собралъ 34.688 членовъ. Въ настоящее время эта цифра больше, чѣмъ удвоилась: на послѣднемъ съѣздѣ въ Амьенѣ (1914 г.) собрались представители 72.765 членовъ. На первыхъ выборахъ, прошедшихъ подъ знаменемъ пролетарскаго единства (1906 г.), кандидаты соціалистической партіи получили 878 т. голосовъ, а четыре года спустя, т. е. въ 1910 г.—уже 1 милліонъ 110 тысячъ.

За послѣдніе четыре года пропаганда велась въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Успѣхъпредпослѣдней избирательной кампаніи, давшей партіи 76 мѣстъ въ Палатѣ Депутатовъ, вселилъ въ товарищей вѣру въ свои силы, и въ то же время центробѣжныя стремленія, дававшія себя чувствовать въ первое время по объединеніи, уступили мѣсто тѣсной спайкѣ нѣкогда различныхъ фракцій.

Прошлый годъ въ особенности былъ годомъ усиленной пропаганды. Реакціонныя партіи, воспользовавшись тревожнымъ на-

строеніемъ въ Европѣ, вызваннымъ Балканскими войнами, и тѣмъ, что Германія увеличила свою армію, рѣшили дать сраженіе соціалистамъ на почвѣ патріотизма. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи былъ внезапно выдвинутый законопроектъ о 3-хъ-лѣтней военной службѣ вмѣсто 2-хъ-лѣтней, установленной въ 1905 году. Соціалисты, смотрѣвшіе на законъ о 2-хъ лѣтней службѣ, какъ на мѣру, которая облегчитъ въ будущемъ переходъ къ народной милиціи, повели энергичную борьбу противъ предлагаемаго законопроекта, цѣлью котораго было, увеличивъ срокъ казарменной службы, разобщить еще болѣе народъ съ арміей, сдѣлать изъ солдатъ—гражданъ солдатъ—профессіоналовъ, которыми-бы можно было пользоваться противъ „внутреннихъ враговъ". (Цѣлый рядъ случаевъ показалъ реакціонной буржуазіи, что солдаты, проведшіе въ казармѣ 2 года, для этой цѣли не совсѣмъ пригодны).

Во всей странѣ соціалистической партіей были организованы сотни митинговъ протеста противъ „трехъ лѣтъ". Состоялся цѣлыхъ рядъ весьма бурныхъ демонстрацій. Наконецъ, въ парламентъ была подана петиція, подписанная 730 тыс. гражданъ, съ требованіемъ отклонить законопроектъ, который, по выраженію Эд. Вальяна, является „преступленіемъ противъ Франціи".

Но министерство Барту, бывшее тогда у власти, все же добилось своего и въ августѣ „преступный" законъ вошелъ въ силу. Впрочемъ, соціалисты добились того, чтобы солдаты, которые въ 1913 г. окончили свои 2 года, были отпущены по домамъ, въ то время, какъ Барту, вопреки принципу—законъ обратнаго дѣйствія не имѣетъ,—хотѣлъ ихъ оставить на лишній годъ въ казармахъ.

Не ограничиваясь частичнымъ успѣхомъ, соціалисты продолжали упорную борьбу съ „закономъ трехъ лѣтъ" и сдѣлали изъ вопроса о народной милиціи центральный пунктъ своей выборной программы. Въ тѣсной связи съ военной реформой ими былъ поставленъ на очередь дня вопросъ о сближеніи съ Германіей, такъ какъ франко-германская вражда, т. е. вражда буржуазіи этихъ двухъ народовъ, главнымъ образомъ поддерживаетъ европейскій милитаризмъ и „вооруженный миръ" съ его всѣмъ извѣстными прелестями.

Далѣе соціалисты выставили требованія прогрессивнаго налога на доходы и капиталы и, наконецъ, избирательной реформы—пропорціональнаго представительства.

Отмѣчу раньше всего огромную роль, которую въ дѣлѣ соціалистической пропаганды сыгралъ центральный органъ партіи "L'Humanité" („Человѣчество"). Онъ былъ основанъ Ж. Жоресомъ еще въ 1904 году. Но до начала прошлаго, 1913 г., имѣлъ небольшой тиражъ и никакъ не могъ освободиться отъ хроническаго дефицита. Въ связи съ общимъ оживленіемъ въ соціалистическомъ движеніи во Франціи, о которомъ я говорилъ выше, стала все больше и больше выясняться для французскихъ товарищей истина, что развитая соціалистическая періодическая печать есть необходимое условіе для образованія сильной рабочей партіи. На преобразованіе „L'Humanité" была собрана солидная сумма, которая дала возможность превратить его въ большую, выходящую ежедневно въ 6 страницахъ и вполнѣ от-

вѣчающую на всѣ запросы читателя, газету. Такимъ образомъ, соціалистическая партія получила сильное оружіе, дающее ей возможность бороться съ ложью и клеветой, на которыя не скупится желтая пресса, когда рѣчь идетъ о рабочемъ движеніи. Къ сожалѣнію, размѣры настоящей статьи не позволяютъ мнѣ подробнѣе описать борьбу французскихъ товарищей за свою печать и достигнутые ими успѣхи. Ограничусь только маленькой справкой. Въ январѣ 1913 г.—до расширенія газеты—„L'Humanité" расходилось въ 55 т. экземпляровъ, а въ декабрѣ этого же года, какъ видно изъ послѣдняго отчета, въ 89 т. экземпляровъ. Въ настоящее время тиражъ увеличился еще больше.

На ряду съ ежедневной прессой, отмѣтимъ начавшій выходить въ концѣ прошлаго года „двухнедѣльникъ „Socialisme et Lutte de Classe" („Соціализмъ и Классовая Борьба"). Руководитъ имъ Жюль Гедъ, который придаетъ ему строго выдержанный марксистскій характеръ. Подобный журналъ долженъ имѣть большое вліяніе на французскихъ товарищей въ смыслѣ развитія въ нихъ классоваго самосознанія.

Этой же цѣли служитъ цѣлый рядъ научно-популярныхъ брошюръ, изданныхъ партіей. Число ихъ особенно увеличилось въ предвыборное время въ связи съ повышеніемъ интереса къ соціальнымъ и политическимъ вопросамъ, что всегда замѣчается передъ выборами.

Укажемъ также на летучки, выпущенныя партіей по очень низкой цѣнѣ и разошедшіяся въ *нѣсколькихъ милліонахъ* экземпляровъ. Написаны были онѣ простымъ, доступнымъ даже для неподготовленнаго читателя языкомъ и сопровождались иллюстраціями и каррикатурами. О содержаніи ихъ можно судить по заглавіямъ: „Къ чему стремится соціализмъ?", „Что такое пролетаріатъ?.. Ничто!.. Чѣмъ онъ можетъ стать?.. Всѣмъ!..". „Призывъ къ крестьянамъ", „Противъ трехлѣтней службы". „Прогрессивный налогъ". „Куда дѣваются народныя деньги?" „Безумства милитаризма" и проч. Успѣхъ этихъ летучекъ, какъ показываетъ уже самый фактъ ихъ большого распространенія, не оставляетъ никакихъ сомнѣній

Наконецъ, изъ способовъ письменной агитаціи мнѣ остается указать на изданные партіей раскрашенные плакаты, въ которыхъ наглядно были представлены тяжелая жизнь трудящихся классовъ, ужасы войны и проч.

Но во Франціи, гдѣ всѣ граждане пользуются свободой слова, нельзя было, конечно, оставить безъ вниманія и устной пропаганды. И соціалисты провели ее въ настоящую кампанію отлично. Раньше всего было постановлено выставить кандидатовъ въ возможно большемъ количествѣ округовъ. И здѣсь сразу же сказались плоды организаціонной работы. Число округовъ, въ которыхъ была выставлена соціалистическая кандидатура, возросло съ 346 (1910 г.) до 424 (1914 г.).

Кандидатамъ были предоставлены общественныя зданія (школы), въ которыхъ они устраивали собранія, привлекавшія многочисленныхъ слушателей. Имъ разъяснялась программа и тактика соціалистической партіи и необходимость вступленія въ ея ряды для ежедневной упорной работы, которая одна можетъ привести къ побѣдѣ труда. Соціалистическіе кандидаты отправ-

лялись на собранія противниковъ и смѣло срывали съ нихъ личины народолюбія, которыя такъ любятъ надѣвать на себя самые заядлые враги народа, и эффектные ярлыки въ родѣ соціалистовъ-патріотовъ, соціалистовъ-націоналистовъ, независимыхъ соціалистовъ, т. е. независимыхъ отъ соціализма, какъ объясняли товарищи.

Страна не осталась глуха къ горячимъ призывамъ соціалистовъ, и 26 апрѣля (день перваго тура) было настоящимъ тріумфомъ для нихъ. Они собрали 1.398.000 голосовъ и провели безъ перебаллотировки своихъ лидеровъ—Ж. Геда, Эд. Вальяна, Ж. Жореса—и многихъ видныхъ членовъ партіи. Теперь передъ партіей всталъ вопросъ о дальнѣйшей тактикѣ, о позиціи, которую ей слѣдуетъ занять по отношенію къ буржуазнымъ партіямъ въ многочисленныхъ перебаллотировкахъ (въ 602 округахъ было избрано въ первомъ турѣ всего 350 депутатовъ и предстояло выбрать еще 252 депутата).

Общая линія поведенія была уже намѣчена на состоявшемся въ январѣ Амьенскомъ съѣздѣ. Онъ рѣшительно отвергъ блокъ съ буржуазными партіями и въ единогласно принятой резолюціи постановилъ во всѣхъ округахъ вести борьбу на свой рискъ и страхъ. Но, говорится въ резолюціи, „умѣя различать среди враждебныхъ буржуазныхъ партій тѣ, которыя наиболѣе угрожаютъ пролетаріату и соціализму", партія на перебаллотировкахъ въ округахъ, гдѣ соціалисты пройти не могутъ, должна будетъ поддержать кандидатовъ, которые выскажутся противъ трехлѣтней службы и за прогрессивный налогъ.

Этотъ принципъ меньшаго зла или, выражаясь изящнѣе, „республиканской дисциплины" былъ примѣненъ за рѣдкими исключеніями во всей Франціи. Соціалисты, получавшіе меньшее число голосовъ, чѣмъ кандидаты лѣвыхъ буржуазныхъ партій (объединенной радикально-соціалистической и партіи республиканцевъ-соціалистовъ *), снимали свою кандидатуру и приглашали товарищей голосовать за нихъ. Надо отдать справедливость и буржуазнымъ демократамъ, что они въ общемъ также честно исполнили свой республиканскій долгъ по отношенію къ соціалистамъ.

Послѣ перебаллотировокъ побѣда соціалистовъ выяснилась уже столь несомнѣнно, что даже реакціонныя газеты должны были ее признать. Что могли онѣ подѣлать противъ цифръ, свидѣтельствовавшихъ, что парламентская фракція соціалистовъ будетъ состоять изъ 103 депутатовъ, при чемъ усиленіе ея произошло главнымъ образомъ за счетъ правыхъ, потерявшихъ 34 мѣста. Ярость желтой прессы станетъ тѣмъ болѣе понятной, если принять во вниманіе, что правое и лѣвое крыло буржуазныхъ партій приблизительно равны и что соціалистамъ въ парламентѣ придется нерѣдко играть при голосованіи рѣшающую роль.

Къ числу побѣдъ соціалистовъ, которыя должны быть отмѣчены особо, принадлежитъ пораженіе Лепина, разбитаго соціалистомъ Понсэ. Лепинъ... Кто изъ интересовавшихся жизнью

*) Надо ли объяснять товарищамъ, что названіе „соціалисты", которое такъ охотно принимаютъ буржузныя партіи, есть только реклама. Однако, она свидѣтельствуетъ о симпатіи, которой соціализмъ пользуется въ широкихъ народныхъ массахъ.

Франціи за послѣднее время не знаетъ имени этого бывшаго префекта (начальника) Парижской полиціи, который является главнымъ виновникомъ кровавыхъ расправъ съ рабочими, устраивавшими мирныя демонстраціи по случаю 1-го мая и пр.? Еще до сихъ поръ томятся въ тюрьмахъ жертвы этого сатрапа и память о его звѣрствахъ не изгладилась въ сердцахъ французскихъ рабочихъ. Понятно, конечно, съ какимъ радостнымъ чувствомъ встрѣтили они вѣсть о провалѣ отвратительнаго карлика—полицейскаго.

Отмѣчу также пораженіе „отцовъ трехъ лѣтъ" Монтебелло и Жозефа Рейнака. Вмѣсто нихъ прошли радикалъ и республиканецъ—соціалистъ, за которыхъ на перебаллотировкѣ голосовали соціалисты.

Слѣдуетъ упомянуть еще о побѣдѣ соціалиста надъ бывшимъ соціалистомъ Вильмомъ. Послѣдній въ 1910 г. прошелъ большинствомъ въ 4 т. голосовъ, какъ кандидатъ соціалистической партіи. Недавно онъ былъ исключенъ изъ нея за свои симпатіи къ ренегату Бріану, но отъ мандата, полученнаго имъ, какъ членомъ соціалистической партіи, не отказался и снова выставилъ свою кандидатуру въ томъ же избирательномъ округѣ. Подобные случаи ренегатства всегда оказывали въ высшей степени деморализующее вліяніе на французскій пролетаріатъ. Конечно, они возможны исключительно благодаря его недостаточной организованности, благодаря тому, что въ массѣ соціалистическихъ избирателей члены партіи занимаютъ ничтожную часть (5,2% на послѣднихъ выборахъ). Если бы французскій пролетаріатъ былъ лучше организованъ, какъ, напримѣръ, рабочіе въ Германіи, гдѣ соціалисты-члены партіи составляютъ свыше 20% общаго числа соціалистическихъ избирателей, то на слѣдующихъ—за измѣной партіи — выборахъ господамъ, подобнымъ Вильму, была бы крышка. Во Франціи же, гдѣ партійная организованность, въ особенности до недавняго времени, оставляла желать многаго, неразборчивымъ въ средствахъ карьеристамъ, пользовавшимся соціалистической партіей, какъ трамплиномъ, чтобы добраться до тепленькаго мѣстечка, и переходившимъ затѣмъ въ станъ враговъ рабочаго класса, удавалось закрѣпить за собой депутатское мѣсто при помощи грубой демогогіи, которой не могла раскусить несознательная масса „инстинктивныхъ" соціалистовъ. Измѣны Бріана, Мильерана, Лефевра и др. менѣе громкія дѣйствовали самымъ пагубнымъ образомъ на рабочихъ. Не понимая истинной причины этого явленія, они готовы были повѣрить анархистамъ, что зло въ самомъ парламентаризмѣ. И мы видѣли во Франціи довольно сильное антипарламентарное теченіе въ рабочихъ массахъ. Случай съ Вильмомъ показалъ, что партія окрѣпла и что теперь ренегатамъ не будетъ прежняго раздолья. Этотъ наглядный урокъ научитъ многому французскихъ товарищей.

Быть можетъ, еще больше пользы принесетъ имъ печальное событіе, котораго я сейчасъ коснусь.

Въ началѣ текущаго года во Франціи образовалась „Рабочая Партія". Ее составили Камбіе, исключенный на Амьенскомъ съѣздѣ изъ партіи, Шовенъ и др. проходимцы, прошедшіе огонь, воду и мѣдныя трубы. Ихъ задачей было дискредитировать въ глазахъ пролетаріата соціалистическую партію, которую они въ

своихъ газетахъ всячески обливали помоями, обвиняя ея лидеровъ въ семи смертныхъ грѣхахъ. Эта почетная задача была возложена на „шовенистовъ“ реакціонерами, которые давали имъ большія средства. Со стороны правыхъ ходъ былъ задуманъ хитро. Они надѣялись скомпрометировать „объединенныхъ соціалистовъ“ тѣмъ, что выдвинутъ противъ нихъ враговъ слѣва—„Рабочую Партію“, объявившую себя хранительницей завѣтовъ революціоннаго соціализма и истинной защитницей пролетаріата, который де преданъ соціалистами.

Широко субсидируемые „темными деньгами“, главари новоиспеченной партіи набрали себѣ достойныхъ помощниковъ, среди которыхъ были впрочемъ и честные, но наивные товарищи, и энергично стали готовиться къ выборамъ...

Къ чести французскаго пролетаріата нужно сказать, что поймать его на удочку не удалось. Въ прежнее время подобная диверсія могла бы имѣть успѣхъ, благодаря тому, что соціалисты дѣлились на многочисленныя враждующія между собой фракціи. Теперь же, послѣ 9-ти лѣтней дружной работы на почвѣ единенія, съ такимъ трудомъ осуществленнаго и давшаго благіе результаты, ни одинъ сознательный и честный соціалистъ не могъ и думать о новомъ расколѣ. Раскольники, нанятые для внесенія смятенія въ соціалистическіе ряды, сѣли, какъ говорится, въ лужу. За выставленныхъ ими кандидатовъ было подано до смѣшного ничтожное количество голосовъ. *) Только въ двухъ—трехъ случаяхъ они «честно» заработали свой хлѣбъ. Своей клеветнической кампаніей и тѣмъ, что выставленный ими кандидатъ отвлекъ голоса нѣсколькихъ десятковъ довѣрчивыхъ рабочихъ, они провалили бывшаго депутата, рѣзкаго, не стѣсняющагося въ словахъ и выраженіяхъ, рѣжущаго правду-матку въ глаза министрамъ и ихъ прихлебателямъ соціалиста Колли. Они же способствовали побѣдѣ реакціонера надъ старымъ соціалистическимъ дѣятелемъ Руанэ. Наконецъ, они добились еще одного «успѣха». Благодаря имъ прошелъ Патэ, «отецъ» и докладчикъ закона о трехлѣтней службѣ. Съ нимъ на выборахъ конкурировали соціалистъ, радикалъ-соціалистъ и Аллеманъ. Послѣдній хорошо извѣстенъ во Франціи и даже за ея предѣлами: бывшій членъ Коммуны, онъ игралъ видную роль во французскомъ рабочемъ движеніи. Теперь Аллеманъ былъ завлеченъ въ шайку Шовена, который заставилъ несчастнаго старика играть жалкую роль, пользуясь его славнымъ прошлымъ, какъ знаменемъ. На перебаллотировкѣ, чтобъ провалить Патэ, участіе котораго въ выработкѣ «преступнаго» закона дѣлало его какъ бы символомъ милитаризма, соціалистъ послѣ перваго тура отказался въ пользу радикала-соціалиста, получившаго наибольшее число голосовъ изъ трехъ лѣвыхъ кандидатовъ. Анатоль Франсъ и предсѣдатель Лиги Защиты Правъ Человѣка Бюиссонъ убѣждали своего стараго товарища Аллемана послѣдовать примѣру соціалиста. Но онъ, подъ вліяніемъ темныхъ личностей, окружающихъ его, не снялъ своей кандидатуры. Въ округѣ нѣсколькими тысячами голосовъ

*) Два независимыхъ соціалиста, прошедшіе въ Палату Депутатовъ, объявлены „Раб. Парт.“ ея сторонниками. Надо полагать, что они откажутся отъ такой непривлекательной дружбы и вступятъ въ фракцію „объединенныхъ соціалистовъ“.

посылавшемъ его нѣкогда въ парламентъ, какъ кандидата соціалистической партіи, онъ собралъ всего 566 голосовъ и далъ возможность пройти Патэ, получившему на 503 голоса больше рад.-соц. Этими подвигами Шовенъ съ друзьями показали и немногимъ простодушнымъ товарищамъ, повѣрившимъ ихъ псевдо-революціонной фразеологіи, всю свою низость. Дни ихъ сочтены. Тѣмъ болѣе, что они, послѣ выборовъ, ужъ не нужны реакціи: мавръ сдѣлалъ свое дѣло, мавръ можетъ уйти.

Послѣдняя карта реакціонной буржуазіи, разсчитывавшей на несознательность рабочаго класса, была бита 10 мая (день вторыхъ выборовъ). Когда выяснились убійственные для нея результаты, она при помощи „большой“ прессы снова сдѣлала попытку,—увы! столь же неудачную, какъ и предыдущія,—взять соціалистическую партію «не мытьемъ, такъ катаньемъ». Весьма ехидно она выражала увѣренность, что соціалисты не откажутся «принять свою долю отвѣтственности въ управленіи страной», благо въ ихъ рукахъ судьба лѣваго министерства; «опьяненные побѣдой», какъ она выражалась, они не замедлятъ не только заключить блокъ съ радик.-соц., но, пожалуй, и сами вступятъ въ министерство. Реакціонеры не высказывали, конечно, своей затаенной мысли, что этимъ соціалисты сами накинутъ на себя мертвую петлю...

Не прочь вступить въ блокъ съ представителями пролетаріата и радикалы. Они готовы даже взять въ свое министерство нѣсколькихъ соціалистовъ, которые поддержатъ сильно за послѣднее время подмокшую репутацію своихъ буржуазныхъ коллегъ и подымутъ ихъ акціи, со дня на день падающія въ глазахъ народа.

Въ самой же соціалистической партіи постоянный блокъ, налагающій на обѣ договаривающіяся стороны обязательства и заставляющій соціалистовъ отвѣчать за грѣхи буржуазныхъ партій, такой блокъ, рѣшительно осужденный Парижскимъ (1900 г.) и Амстердамскимъ (1904 г.) конгрессами, не находитъ сторонниковъ. Даже оппортунически настроенный Альберъ Тома въ своей брошюрѣ „Politique Socialiste“ („Соціалистическая Политика“), вышедшей въ ноябрѣ прошлаго года, соглашаясь на блокъ въ принципѣ, говоритъ о немъ очень осторожно, съ оговорками, и признаетъ, что голландскіе товарищи поступили правильно, не принявъ предложенныхъ имъ портфелей. Одинъ лишь Густавъ Эрвэ, бывшій немного лѣтъ назадъ лѣвѣе крайнихъ лѣвыхъ и мечтавшій удачнымъ возстаніемъ превратить буржуазный строй въ рай земной, продѣлавъ обычную для такихъ людей эволюцію, очутился на правомъ флангѣ соц. партіи: онъ спитъ и во снѣ видитъ блокъ.

Но на яву ему сна не видать. Наиболѣе видные представители французскаго соціализма высказались въ этомъ отношеніи весьма рѣшительно на страницахъ „L'Humanité“: ни блока, ни тѣмъ болѣе принятія портфелей, но исключительно поддержка министерства, которое будетъ проводить демократическія ре-

формы. Французскіе соціалисты остаются вѣрны испытанной классовой тактикѣ и продолжаютъ неуклонно борьбу съ буржуазнымъ строемъ. Въ этомъ заслуга гедистовъ (французскихъ марксистовъ), которые отъ объединенія съ менѣе революціонными товарищами не только не сдѣлались реформистами, но и ихъ повели за собой.

Французскіе выборы подтвердили справедливость принципа: Одинъ пролетаріатъ, едина должна быть партія его.

Civis.

P. S. Когда эта статья была уже закончена, я узналъ, что ежедневная газета Шовена „La Voix du peuple“ („Голосъ Народа“) прекратила свое существованіе. Если это не конецъ, то, во всякомъ случаѣ, начало конца этой демагогической группы.

Единство.

Покойный „Лучъ“ однимъ изъ первыхъ противопоставилъ надвигающемуся фракціонному лекинизму идею единства рабочаго движенія, лозунгъ объединеннаго и согласнаго проведенія всѣхъ очередныхъ политическихъ кампаній пролетаріата. Съ тѣхъ поръ требованіе единства пропагандировалось организованными рабочими—„лучистами“ при каждомъ актѣ пролетарской борьбы (всѣ главныя политическія кампаніи, страховая кампанія, текущая работа въ обществахъ). Пропагандировалось довольно безуспѣшно. Ибо фракціонная волна, ломая всѣ преграды, заливала все больше ряды массового движенія, затемняя сознаніе и ожесточая сердца. И рабочее движеніе во *всѣхъ* пунктахъ своихъ превратилось, въ итогѣ, въ арену мрачной ожесточенной борьбы съ инакомыслящими, губительной грубой схватки, въ конецъ истомившей пролетарскія силы. Ни было ни одного вопроса общественной жизни, обсужденіе котораго не было бы обращено въ поводъ расправы съ ненавистными “ликвидаторами“. Не было ни одного мѣстечка въ организаціонномъ строительствѣ рабочаго класса, на которомъ не выкидывался бы ленинцами зловѣщій сигналъ междоусобной борьбы. Прибывающая съ подъемомъ движенія свѣжая рабочая молодежь въ два дня получала патентъ „сознательности“, проходя ленинскую школу борьбы съ своими же товарищами. Демагогія, стадное подчиненіе двумъ-тремъ заученнымъ фразамъ фракціонной директивы, неуваженіе къ чужому мнѣнію, отсутствіе организаціонныхъ навыковъ, мелкія радости мелкой фракціонной борьбы и ея побѣдъ,—все это создавало тяжелую удушливую обстановку жизни почти всѣхъ открытыхъ рабочихъ организацій и раввитія въ нихъ молодыхъ элементовъ движенія.

Сторонники единства, выдержанные и сознательные товарищи, дѣльнѣе работники и творцы организаціоннаго строительства, прямо *уставали* говорить объ „единствѣ“ — въ этомъ оглушительномъ и неутихающемъ шумѣ фракціоннаго натиска. Обстоятельства долго держали идею единства на положеніи загнанной и лишенной практическаго успѣха.

Но неистовое шествіе ленинскаго фракціонизма должно было въ извѣстный моментъ натолкнуться на зараждающееся сопротивленіе утомленной рабочей среды. Этотъ моментъ теперь наступилъ.

Ко времени празднованія дня рабочей печати тяготѣніе широкихъ массъ сознательнаго пролетаріата къ единству и суровое осужденіе этими массами раскольническаго направленія достигло особенно крупныхъ размѣровъ и яркаго выраженія. На рядъ собраній и совѣщаній рабочіе, въ противовѣсъ настойчиво рекомендуемымъ фракціоннымъ формуламъ, объявили день 22 апрѣля днемъ всей рабочей классовой печати, а не печати кружковой, фракціонной. Наконецъ, сотни привѣтствій, поступившихъ въ „Сѣв. Рабоч. Газету“ въ связи съ днемъ 22 апрѣля, привѣтствій со всѣхъ концовъ Россіи, изъ самыхъ даже глухихъ ея уголковъ,—всѣ громко и единодушно говорили о необходимости единства и вѣрѣ пролетаріевъ въ честную политическую линію въ этомъ вопросѣ, проводимую „Сѣв. Раб. Газ.“.

Въ свяви съ ростомъ симпатій къ глащатаю единства—меньшевистской газетѣ, изъ среды самого правдизма родилось чисто-рабочее большевисткое направленіе, объявившее себя врагомъ правдистской фракціонности и сторонникомъ единенія большевизма съ другими теченіями соціалъ-демократіи.

Тутъ же рядомъ росло партійно мало осознавшее себя, неопредѣленно—примиренческое настроеніе, заявившее себя врагомъ не только всяческой фракціонности, но и вообще фракцій, какъ оформленныхъ теченій, и одинаково осуждающее обѣ фракціи.

Къ дѣлу разливающемуся болѣе или менѣе широко настроенію непосредственно примыкали противо-ликвидаторскія группки различныхъ (плехановскихъ и иныхъ) толковъ, находя въ смутной антифракціонности примиренческаго теченія большое удовлетвореніе для своей старой (и нынѣ наново раздуваемой) непріязни къ „ликвидаторской“ фракціи рабочаго движенія.

Всѣ эти теченія, несомнѣнно несшія въ своемъ сознаніи *консервативные* элементы: одни—большевистскихъ симпатій, другія—притянутаго изъ прошлаго, традиціонно—застывшаго отрицательнаго отношенія къ т. н. „ликвидаторству“, задѣтыя въ части своей крыломъ смутнаго общепримиренческаго настроенія,—вырабатывали форму и сущность своего *прогрессивнаго*, новаго содержанія (здороваго стремленія къ единству), приходя въ соприкосновеніе, на почвѣ текущей политической жизни въ различныхъ рабочихъ обществахъ, съ руководящими

выдержанными группами сторонниковъ меньшевистскихъ газетъ („Сѣв. Раб. Газ.“, „Нашей Раб. Газ.“).

Къ тому же мы имѣемъ теперь также два литературныхъ органа „объединительнаго“ направленія: „Борьба“ и Единство“. Журналъ Троцкаго и газета Плеханова, отчасти являясь отраженіемъ содержанія упомянутыхъ примиренческихъ теченій въ рабочей средѣ, съ другой стороны суть лабораторіи выработки *сверху* самостоятельныхъ тактическихъ линій; въ этомъ смыслѣ они могутъ быть поставлены въ положеніе особыхъ факторовъ въ ряду различныхъ силъ и вліяній въ интересующемъ насъ вопросѣ.

* * *

Обратимся сначала къ журналу „Борьба“.

Горячая проповѣдь единства и признаніе равноправія различныхъ группъ политическаго рабочаго движенія составляетъ несомнѣнное положительное свойство этого журнала. Къ этому наобходимо прибавить стремленіе къ осуществленію просвѣтительно-пропагандистскихъ цѣлей, поставленное „Борьбой“.

Все это очень хорошо. Но есть въ позиціи и въ содержаніи журнала нѣчто, долженствующее вызвать къ себѣ отрицательное отношеніе—съ точки зрѣнія принципіальныхъ и практическихъ интересовъ единства рабочаго движенія.

Постановка вопроса объ единствѣ „Борьбою“ достаточно выяснилась въ вышедшихъ номерахъ журнала.

Существующія и борющіяся въ рабочемъ движеніи двѣ фракціи суть застарѣлыя формы интеллигентской опеки этого движенія („организованный выводъ изъ *внутренняго* характера нашихъ идейныхъ теченій“), и борьба всѣхъ фракцій есть фанатическое проявленіе „идейнаго сектанства“; фракціонное мнѣніе—*односторонне*, оно выражаетъ лишь *одну* какую-нибудь сторону или потребность движенія; рабочее движеніе развивается въ сторону увеличенія численности и вліяніе *нефракціонныхъ* элементовъ, „постепеннаго раскрѣпощенія соціалъ-демократической мысли отъ фракціоннаго ига“; и въ этомъ путь осуществленія единства. Вотъ смыслъ (какъ общій, такъ и буквальный) того, что повторяется на страницахъ „Борьбы“. Особенно настойчиво подчеркивается противопоставленіе „нефракціоннаго“ мнѣнія „фракціонному“, нефракціонныхъ рабочихъ элементовъ—старымъ фракціоннымъ группамъ; указывается достаточно ясно на необходимость или, по крайней мѣрѣ, желательность преодолѣнія не только фракціонизма, какъ губительнаго антидемократическаго внутрипартійнаго настроенія, не только организаціоннаго обособленія фракцій, но самихъ старыхъ фракцій, какъ теченій и направленій („односторонніхъ“),—

преодолѣнія посредствомъ торжества синтетическаго мнѣнія нефракціонныхъ элементовъ пролетаріата.

Въ позиціи „Борьбы“, конечно, нѣтъ „примирической“ прямолинейности. „Примиренчество“ нѣкоторыхъ рабочихъ группъ болѣе просто и болѣе рѣзко выражено.

Порокъ того, что называемъ мы нѣсколько общимъ и неточнымъ словомъ: „примиренчество“, заключается же въ его страстномъ стремленіи къ единству, а въ тѣхъ методахъ, которыми оно хочетъ возстановить это единство, и въ тѣхъ вглядахъ въ партійно-общественномъ вопросѣ, изъ которыхъ проистекаютъ указанные методы.

„Примиренчество“ видитъ со стороны только утомительную и однообразную въ смыслѣ внѣшняго впечатлѣнія борьбу („склоку“) правдиста съ „ликвидаторомъ“; оно не видитъ и не хочетъ видѣть за шумомъ борьбы неустанную выработку и живое движеніе идей; *всякое* разногласіе ему начинаетъ представляться навязаннымъ извнѣ, и *всякая* идейная опредѣленность—проявленіемъ фракціонной исключительности. Оно не хочетъ видѣть, что, напримѣръ, „ликвидаторство“ давно уже стало органическимъ элементомъ растущаго сознательнаго движенія пролетаріата, и систему взглядовъ его и практическую работу его нельзя вычеркнуть изъ содержанія прошлаго, настоящаго и будущаго рабочаго движенія.

Здѣсь не мѣсто подробно повторять старыя истины о томъ, что можетъ быть крайне вредной и неудачной современная форма организаціоннаго существованія и выраженія фракціонныхъ теченій, можетъ быть безобразнымъ расцвѣтъ на этой почвѣ личныхъ и сектантскихъ настроеній, но что все это ни въ какой связи не стоитъ съ самой сущностью, содержаніемъ живыхъ и серьезныхъ теченій въ рабочемъ соціализмѣ.

„Примиренчество“ до крайности упрощаетъ перспективу партійнаго развитія. И кончаетъ простенькимъ рецептомъ: чтобы уничтожить „фракціонизмъ“, нужно уничтожить фракціи, нужно установить благообразное единство взглядовъ... Если въ позиціи редакціи „Борьбы“ нѣтъ всѣхъ элементовъ чистаго и рѣзкаго „примиренчества“, то явственный уклонъ въ эту сторону несомнѣнно имѣется.

Трудно вѣрить „Борьбѣ“, когда она въ отвѣтѣ т. т. впередовцамъ въ № 5 пишетъ, что съ ея стороны вопросъ идетъ не объ „идейномъ примиренчествѣ“, то есть не объ искусственной выработкѣ „средняго образа мыслей“, хотя бы и во имя такой цѣли, какъ единство рабочаго движенія, а возведеніи разсыпаннаго, расщепленнаго фракціонно—искаженнаго партійнаго сознанія къ высшему единству „марксизма“, ибо развѣ хотя бы вторая половина этой фразы (такого высокаго стиля!) не заключаетъ въ себѣ смутнаго провозглашенія „средняго образа мыслей“, о которомъ говорится въ первой половинѣ фразы? развѣ излюбленная тема журнала объ объединеніи

„нефракціонныхъ“ и укрѣпленіи ихъ „мнѣнія“ содержитъ въ себѣ только задачу борьбы съ „фракціонномъ режимомъ“, не содержитъ ли она также задачи борьбы съ теченіями, направленіями, какъ таковыми („односторонними“!)?, да развѣ, наконецъ, собственная позиція журнала въ общихъ тактическихъ вопросахъ, все болѣе выясняющаяся, не характеризуется обламываніемъ острыхъ угловъ другихъ теченій, т. е. типичнымъ „идейнымъ примиренчествомъ“?...

Тутъ мы подходимъ къ самому интересному и значительному для насъ.

Объединеніе, провозглашаемое „Борьбой“ — объединеніе не только противъ фракціонности, какъ помѣхи единству, но и противъ фракцій, какъ законченныхъ тактическихъ и политическихъ теченій,— не могло не притти къ созданію,—помимо программы тактики въ вопросѣ единства,—своей особой, индивидуальной тактической политической платформы во всѣхъ вопросахъ партійной общественной борьбы и работы. Такъ оно и выходитъ.

У „Борьбы“ есть *своя собственная политическая линія*.

Это—антиликвидаторство *). Изъ номера въ номеръ „Борьба“ все болѣе детально выясняетъ различіе своей политической позиціи отъ позиціи меньшевистской газеты. Мы не будемъ здѣсь разбирать по существу статьи Н. Троцкаго, Ана, Эмъ—Эля и др. Въ статьяхъ Л. М. въ „Нашей Рабочей Газетѣ“ довольно подробно разобрана статья т. Ана, и развѣ, кстати сказать, не типичный образецъ примиренческаго „средняго образа мыслей“ представляетъ эта полная противорѣчій и высокомудраго скепсиса антиликвидаторская, антиправдистская система „анархо—реформистскаго“ винигрета?

Въ задачу нашей темы не входитъ разборъ и критика деталей политической позиціи „Борьбы“ и ея отношенія къ меньшевизму „Нашей Рабочей Газеты“, изображенному во всѣхъ „оппортунистическихъ“, „реформистскихъ“ сквернахъ. Насъ интересуетъ тактическая позиція этого журнала въ вопросѣ единства.

И съ этой-то точки зрѣнія достойно вниманія, что окрашенный въ цвѣта „примиренчества“, „нефракціонный“ журналъ, такъ сказать, силою вещей, съ разбора тактики въ области единства отдѣльныхъ группъ россійской соціалъ-демократіи переходитъ на критику существа этихъ теченій и постепенно вырабатываетъ отмѣченную детальными чертами, свою собственную *групповую* (фракціонную) политическую программу.

Извѣстно также, что рабочія „борьбистскія“ группки самоопредѣляются съ первыхъ своихъ шаговъ—не столько своей тактикой въ вопросѣ единства, сколько опять-таки *чисто-политически*, въ

*) „Борьба“, конечно, и противъ правдизма, но это естественный и прямой выводъ изъ ея „августовской“ общей позиціи.

своемъ отношеніи къ сосѣднимъ—„ликвидаторскимъ“ рабочимъ группамъ, въ своихъ мелкихъ, но настойчивыхъ политическихъ *отталкиваніяхъ* отъ послѣднихъ группъ... Передъ нами процессъ неудержимаго политическаго обособленія маленькаго новаго теченія.

Конечно, ничего нѣтъ плохого въ возникновеніи и оформленіи того или иного новаго теченія въ соціалъ-демократіи. Но здѣсь другое дѣло. Здѣсь получается *литературное* и—далѣе—*организаціонное* обособленіе, закрѣпленіе группового теченія всѣми способами противопоставленія его инымъ около живущимъ с.-д. теченіямъ. И такъ какъ точки расхожденія, хотя бы съ современнымъ „ликвидаторствомъ“ не могутъ не быть весьма и весьма незначительными, то это групповое обособленіе характеризуется совершенной недостаточностью поводовъ къ нему, искуственнымъ раздуваніемъ въ дальнѣйшемъ процессѣ этихъ почти фиктивныхъ различій.

Если бы троцкистскія варіаціи меньшевизма проповѣдывались на страницахъ, скажемъ, „Нашей Раб. Газ.“ или „Нашей Зари“, съ ними мы, можетъ быть, спорили бы, и все было бы нормально и благополучно. Но когда подъ флагомъ единства и организаціи „нефракціоннаго“ пролетаріата, создается особый литературный органъ, пріобрѣтающій силою вещей все болѣе явственный политически-групновой характеръ, создаются особыя рабочія *фракціонныя* группки, занимающіяся политическимъ противопоставеніемъ (мелкимъ и искусственнымъ) себя сосѣднимъ передовымъ меньшевистскимъ коллективамъ, то мы вправѣ указать нашимъ товарищамъ изъ „Борьбы“, что они какимъ-то страннымъ образомъ стали на путь, въ корнѣ противорѣчащій ихъ собственнымъ хорошимъ словамъ, что тутъ искусственно создается новая ненужная фракція, и, вмѣсто сплоченія силъ, дѣлается объективно—вредное дѣло новаго политическаго и организаціоннаго размежеванія и такъ расколовшагося пролетаріата, что, однимъ словомъ, нефракціонный журналъ и его добрые единомышленники начинаютъ залѣзать, можетъ быть, сами того не замѣчая, въ глубокія фракціонныя дебри...

* * *

Взглянемъ теперь на газету „Единство“, выходящую „при ближайшемъ участіи Г. В. Плеханова“.

Если въ „Борьбѣ“ мы можемъ предполагать наличность доброй воли къ единству, и лишь въ качествѣ стихійнаго, такъ сказать, послѣдствія роковой тактической ошибки видимъ фракціонныя уклоненія, то въ Плехановской газетѣ мы не можемъ не замѣтить (какъ это ни странно подъ фирмой „Единство“) хорошей порціи сознательнаго раскольничества.

Правда, въ передовой статьѣ № 1 мы встрѣчаемъ указанія на то, что вотъ сотрудники „Единства“ „объединились, несмотря на та-

ктическое разномысліе и сохраняя полную свободу тактическихъ взглядовъ", и въ нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ мы находимъ указанія на объединеніе „большевиковъ и меньшевиковъ" и перепѣвы на всѣ лады, дѣйствительно, хорошаго слова „единство".

Но Г. В. Плехановъ своей статьей въ № 1 сразу разбиваетъ первую радость прекраснодушнаго читателя. Плехановъ твердъ, какъ кремень, и знакомую всѣмъ коротенькую тактическую догму свою старается вбить въ голову читателя, изукрасивъ швейцарскими „притчами" и представивъ въ видѣ ясной и простой директивы или приказанія.

Г. В. Плехановъ прямолиненъ, точенъ, ставитъ точки надъ і.

Повернитесь спиной и къ тѣмъ, и къ другимъ,—говоритъ онъ,—„отвергайте и тѣхъ, и другихъ, и узурпаторовъ *), и ликвидаторовъ, требуйте единства, единства и единства, поддерживайте только его сторонниковъ". Какъ просто все и мудро тутъ. Повернуться спиной—вотъ дѣйственная программа осуществленія единства, вотъ разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ!

Воистину—это производитъ безотрадное впечатлѣніе.

Изъ своего далека многаго не видитъ и не знаетъ Г. В. Плехановъ. Не видитъ онъ. той послѣдовательной линіи единства всѣхъ кампаній пролетаріата, которая искренно и настойчиво, съ проявляющимся нынѣ успѣхомъ, провозглашается на дѣлѣ передовыми рабочими группами сторонниковъ. „Нашей Раб. Газ." Не знаетъ онъ того, что эти передовыя группки занимаютъ крѣпкое и опредѣленное положеніе въ текущей политической жизни рабочаго класса, и, конечно, не исчерпывается ихъ дѣятельность только и бросающейся въ глаза Плеханову оборонительной политикой съ правдистскимъ фракціонизмомъ. Не понимаетъ онъ того, что игнорированіемъ, пассивнымъ бойкотомъ нельзя уничтожить эти коллективы, какъ бы того хотѣлось ему, и нельзя разрѣшить этимъ вопроса объ единствѣ. Не видитъ и не понимаетъ этого старый вождь и... разсказываетъ швейцарскіе анекдоты.

Въ Плехановскихъ директивахъ заключается конкретный призывъ къ объединенію противъ „ликвидаторовъ" и „узурпаторовъ", кого?..—всѣхъ „сторонниковъ единства". Ясно—этотъ призывъ обращенъ ни къ „ликвидаторамъ", ни къ „узурпаторамъ", и объединеніе должно въ первую голову пройти за предѣлами рабочихъ группъ этихъ наименованій и должно коснуться лишь тѣхъ, кто по тѣмъ или инымъ причинамъ находится „по ту сторону". Чѣмъ характеризуется у Плеханова принципъ противопоставленія тѣхъ, къ кому онъ обращается, тѣмъ, на кого онъ ополчается? Нежеланіемъ пойти на объединеніе со стороны послѣднихъ?—Не совсѣмъ такъ. Плехановъ „ликвидаторовъ"

*) Правдистовъ.

порицаетъ въ своей статьѣ за... „нарушеніе партійной дисциплины". „Ликвидація—преступное дѣло",—говоритъ онъ.

Это, конечно, только не критика тактическаго отношенія „ликвидаторства" къ осуществленію единства. Это не что иное, какъ старая, оперирующая даже старыми терминами, критика политическаго существа „ликвидаторскаго" теченія. Знакомая критика, знакомые мотивы „отлученія" ликвидаторовъ! Не то ли самое мы читали въ статьяхъ Г. В. Плеханова въ правдистской газетѣ подъ эффектнымъ заглавіемъ „Подъ градомъ пуль", въ которыхъ за скверные взгляды и скверное политическое поведеніе онъ изгонялъ изъ партіи „измѣнниковъ" „Маевскаго, Ежова, Потресова"?

Правда, другіе сотрудники „Единства" настроены болѣе благодушно и готовы допустить въ сферу партійнаго объединенія „ликвидаторовъ" (хотя, какъ говоритъ „б-къ Андрей" въ № 1,—только потому, что нынѣшніе рабочіе „ликвидаторы" совсѣмъ не похожи на „ликвидаторовъ", а съ настоящими „ликвидаторами" въ 1910 году объединенія не могло и не должно было быть...); но эти сотрудники, какъ они сами заявили въ № 2 газеты,—не „отвѣтственны" за направленіе и содержаніе газеты, и, конечно, тактическія директивы Г. В. Плеханова дѣлаютъ главную музыку.

„Ликвидаторское" теченіе исключается изъ партійнаго объединенія просто потому, что оно—„ликвидаторское".

И, естественно, объективнымъ послѣдствіемъ этой раскольнической литературной линіи будетъ не осуществленіе единства, какъ организаціонной формы равноправнаго сосуществованія и сотрудничества различныхъ теченій рос. соціалъ-демократіи, а образованіе и оформленіе новаго политическаго кружка, новой фракціи на почвѣ искусственно подогрѣваемой борьбы, главнымъ образомъ, съ политической дѣятельностью „ликвидаторскихъ" рабочихъ группъ и раздуваемаго расхожденія съ этими группками отнюдь не въ пониманіи конкретной задачи осуществленія единства, а по ряду тактическихъ вопросовъ и вопросиковъ, заранѣе признанныхъ неразрѣшимыми... Почти однородныя послѣдствія съ тѣми, которыя мы установили при разсмотрѣніи позиціи „Борьбы". Только тутъ все сознательнѣе, откровеннѣе и проще.

Новый клинъ вбиваютъ въ рабочее движеніе тактическіе планы Г. В. Плеханова, новое сѣмя глухой вражды бросаютъ они въ рабочую среду.

* * *

Передъ нами несомнѣнно печальное явленіе. Литературные органы, поставившіе себѣ почетную задачу достиженія единства, сбиваются на роковой ложный путь. Одинъ изъ нихъ „Борьба"—все

больше самоопредѣляется въ качествѣ новаго группового органа, противостоящаго инымъ теченіямъ, и со своей стороны неминуемо содѣйствуетъ образованію рабочихъ коллективовъ своихъ сторонниковъ, отмѣченныхъ не своими задачами въ вопросѣ единства, а своей какой-то особой групповой политикой (*не* „ликвидаторской"). Эти настроенія и тенденціи все явственнѣе и сильнѣе проявляются въ „Борьбѣ", заглушая многія ея собственныя хорошія и разумныя слова объ единствѣ, отнимая у нихъ огромную долю ихъ возможнаго реальнаго значенія. Газета же Плеханова, въ лицѣ своего главнаго руководителя,— стала на простой путь стараго грубаго „отлученія" и тѣмъ играетъ на руку самому неприглядному расколу.

Въ рабочихъ „примиренческихъ" кругахъ начинается глухой процессъ безконечнаго межеванія, кружкового обособленія, взаимнаго оглядыванія и охаживанія, пустыхъ формальныхъ организаціонныхъ комбинацій...

Воля потухаетъ въ этой бездѣйственной, запутанной обстановкѣ, получается топтаніе на мѣстѣ...

Если все обстоитъ такъ плохо, если добрые друзья единства дѣлаютъ роковыя ошибки, если съ хорошими словами объ единствѣ переплетаются новыя раскольническія дѣянія, если самодѣятельность нѣкоторыхъ примиренческихъ рабочихъ круговъ попала въ трясину темной и пассивной кружковщины,—то гдѣ дѣйствительный выходъ къ единству рабочаго движенія, гдѣ здоровая почва для его достиженія?.

Оставивъ страницы литературныхъ органовъ, перейдемъ въ область рабочаго движенія.

Въ этой области самимъ ходомъ жизни отчасти намѣчена уже возможная почва для осуществленія единства. Какъ мы указывали выше, передовыя меньшевистскія группы рабочихъ—сторонниковъ „Н. Р. Г." энергично ведутъ выдержанную линію оъединенія всѣхъ кампаній пролетаріата, и рядъ кампаній въ послѣднее время былъ проведенъ въ этомъ смыслѣ съ растущимъ успѣхомъ.

Помимо крупныхъ размѣровъ манифестаціи въ пользу единства, которую съ такою искренностью произвели широкіе круги пролетаріата въ связи съ днемъ рабочей печати и съ тактикой рабочихъ-меньшевиковъ, мы имѣемъ также серьезный фактъ объединеннаго выступленія марксистовъ обоихъ теченій въ Литературномъ Обществѣ, въ январѣ с. г., на съѣздѣ писателей. Потомъ правдисты всячески старались прикрыть и замазать свое участіе въ этой кампаніи, но непосредственныя впечатлѣнія участниковъ говорятъ о вполнѣ удачномъ осуществленіи этой кооперації.

Мы не будемъ касаться многочисленныхъ фактовъ внутренней текущей жизни различныхъ открытыхъ рабочихъ организацій, въ которыхъ проявилась съ тѣмъ или инымъ успѣхомъ неослабѣвающая

инціатива рабочихъ — „ликвидаторовъ" въ области дѣлового сплоченія фракціонныхъ силъ на конкретной работѣ.

Въ качествѣ непосредственныхъ и ближайшихъ задачъ текущей дѣятельности, передовыя меньшевистскія группы должны настойчиво продолжать эти попытки объединеннаго проведенія политическихъ кампаній пролетаріата, дѣйствительнаго осуществленія кооперації фракціонныхъ силъ въ процессѣ массового движенія. Это—единственно возможныя арена для созданія прочной почвы дальнѣйшаго уже организаціоннаго единства, для разрѣженія сгущенной атмосферы фракціонизма и кружковщины, для воспитанія *массы* въ духѣ единства и развитія *массовой* самодѣятельности въ этомъ направлдніи. Съ этого нужно начинать, а не съ различныхъ организаціонныхъ комбинацій, къ чему какъ будто бы въ первую голову стремятся наши „примиренческія" группы. Только на почвѣ реальнаго дѣла пріобрѣтаютъ значеніе тѣ или другіе организаціонные шаги.

Конечно, сторонники „Нашей Раб. Газ." не могутъ и не должны оставлять безъ вниманія такіе цѣнные и интересные шаги объединительной самодѣятельности, какъ объединеніе большевиковъ и меньшевиковъ въ Петербургѣ, на фабрикѣ Эриксонъ, на Петербургской сторонѣ и др.

Крайне необходимо устраивать дѣловыя совѣщанія съ этими элементами по всѣмъ очереднымъ вопросомъ рабочаго движенія—политическимъ, культурно-просвѣтительнымъ и экономическимъ,—ставя эти вопросы на практическую почву, для выясненія ближайшихъ путей совмѣстной работы въ массѣ. Не менѣе необходимо серьезное выясненіе „нашихъ разногласій", не только на этихъ совѣщаніяхъ, но и въ болѣе обширныхъ аудиторіяхъ, въ рядѣ популярныхъ докладовъ и собесѣдованій.

Къ этому для передовыхъ меньшевистскихъ группъ непосредственно примыкаетъ новая, чрезвычайно важная задача пресѣчь намѣчающееся политическое отталкиваніе и искусственное обособленіе антиликвидаторскихъ „примиренческихъ" группъ, создаваемое общимъ ошибочнымъ уклономъ „Борьбы", „Единства" и ихъ ближайшихъ единомышленниковъ — практиковъ, возможно скорѣе нейтрализовать пагубныя послѣдствія роковыхъ ошибокъ идеологовъ единства, всю эту мелкую, бездѣйственную кружковщину.

Этому успѣшно будутъ содѣйствовать указанныя средства: объединенныя совѣщанія, просвѣтительная работа и,— главнымъ образомъ,— совмѣстное энергическое участіе подъ знакомъ единства во всѣхъ массовыхъ кампаніяхъ пролетаріата. Въ процессѣ этой дѣятельности и борьбы будетъ брошенъ яркій лучъ свѣта на искуственную взвинченность, фиктивность тѣхъ разногласій съ „ликвидаторствомъ", которыя раздуваются въ „борьбистскихъ" и иныхъ группахъ.

Массовая работа постепенно объединитъ и болѣе широкіе поли-

тическіе слои пролетаріата, высвобождая ихъ изъ-подъ вліянія правдистской демагогіи, ликвидируя въ нихъ навыки фракціонной нетерпимости. Это уже началось...

Только въ этой перспективѣ массовой самодѣятельности въ сторону единства, дѣлового сотрудничества различныхъ группъ среди движенія массы—можетъ быть цѣлесообразно поставленъ вопросъ о партійноорганизаціонномъ единствѣ, какъ непосредственномъ и общемъ продуктѣ намѣчающагося единства дѣйствительнаго рабочаго движенія.

Въ разрѣшеніе этого вопроса предлагаются разные проекты. Ю. Ларинъ рекомендуетъ на страницахъ „Борьбы" федерацію по всей странѣ. Редакція „Борьбы" не согласна съ этимъ проектомъ, указывая, что федерація можетъ изъ „объединительной повязки" легко превратиться въ *клинъ*, задерживающій расколъ.

Я готовъ присоединиться къ точкѣ зрѣнія редакціи „Борьбы", предвидя извѣстную опасность въ этомъ закрѣпленіи раздѣльнаго существованія. Единство организаціи, при доброй волѣ, при наличности уже имѣющихъ мѣсто теперь (пусть нѣсколько поспѣшныхъ, но все же весьма цѣнныхъ) попытокъ частнаго организаціоннаго объединенія, и какъ болѣе отдаленное слѣдствіе расширенія единства рабочаго движенія,—думается, вполнѣ достижимо. И не нужно разбивать волю къ единой организаціи консервативнымъ вліяніемъ федерації...

Институтъ „раздѣльнаго жительства" несомнѣнно многимъ понравился и продолжаетъ нравиться. Фракціоннаго противника нѣтъ подъ бокомъ; онъ далеко, на страницахъ другой газеты, въ другихъ организаціяхъ; никто не суетъ палокъ въ колеса... Ну, что жъ, конечно, придется встрѣтиться лицомъ къ лицу съ нѣкоторыми „семейными непріятностями" въ первое время возстановленнаго сожительства. Тутъ искренніе сторонники единства должны призвать къ себѣ на помощь всю свою выдержку, весь свой политическій тактъ, свое живое чувство отвѣтственности передъ общими интересами рабочаго движенія, чтобы изъ-за мелкихъ столкновеній не разбить хрупкую скорлупу перваго объединенія.

* * *

Передъ рабочими коллективами сторонниковъ „Нашей Рабочей Газеты" стоитъ большая задача. Дѣло единства, пріобрѣтающее все новыя силы, въ то же время осложнилось. Появилась опасность, идущая отъ ошибокъ нѣкоторыхъ литературныхъ и рабочихъ группъ. И эту опасность нужно учесть, ее нужно преодолѣть.

Рабочіе—меньшевики въ дѣлѣ единства будутъ продолжать свою старую работу, расширяя, углубляя, детализируя ее.

Рабочіе—меньшевики не повѣрятъ, что ихъ выношенные въ борьбѣ взгляды „односторонники", и что вся ихъ работа въ движеніи есть проявленіе какой-то фракціонной однобокости. Они не повѣрятъ тому, что для осуществленія единства они должны пожертвовать своими взглядами и замѣнить ихъ благообразнымъ „среднимъ образомъ мыслей". Они пройдутъ мимо швейцарскихъ анекдотовъ Г. В. Плеханова, и, укрѣпляя свое теченіе, не отказываясь отъ своихъ тактическихъ принциповъ, займутся дѣломъ воспитанія массового движенія въ единствѣ дѣйствій, ликвидаціи кружковщины, сплоченія всѣхъ друзей единства на конкретномъ сотрудничествѣ ихъ въ массовомъ движеніи.

Эта работа, эта честная, дѣйственная, демократическая линія непосредственно приведетъ къ расчищенію путей для вопложенія воли Интернаціонала, авторитетъ слово котораго мы скоро услышимъ.

К. Оранскій.

† Даніилъ Деліонъ[1]).
(1852—1914 г.).

Въ одномъ Нью-Іоркскомъ госпиталѣ, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, 11 мая (нов. ст.) скончался на 62 г. одинъ изъ наиболѣе крупныхъ, если не самый выдающійся во многихъ отношеніяхъ, американскій соціалистъ, лидеръ Соціалистической Рабочей партіи („S. L. P.") Даніилъ Деліонъ.

Извѣстіе о его смерти, — какъ это не покажется страннымъ съ перваго взгляда,—въ рядахъ американскихъ соціалистовъ — вызвало діаметрально противоположныя чувства: между тѣмъ какъ одни, меньшинство, были очень огорчены, огромное большинство другихъ, наоборотъ, встрѣтило его болѣе, чѣмъ равнодушно. Вотъ, напримѣръ, что по поводу кончины Деліона написала самая выдержанная, послѣдовательная американская марксистская нѣмецкая газета и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе старый соціалистическій органъ, здѣсь существующій 36 лѣтъ—Ньюіоркскій „Volkszeitung":

„Съ умершимъ... случилось, то же, что и со многими другими: онъ умеръ на пару десятилѣтій позже, чѣмъ ему слѣдовало,— онъ давно пережилъ себя. Вѣрный своему правилу—уничтожать все то, чего онъ не могъ себѣ подчинить, Деліонъ въ

[1]) *Примѣч. отъ редакціи:* Печатая ст. Л. Дейча о Деліонѣ, редакція разсчитываетъ вернуться къ болѣе подробному освѣщенію отрицательной роли Деліона въ рабочемъ движеніи Америки.

послѣдніе 15 лѣтъ своей жизни всѣ свои силы и способности сосредоточилъ на разрушеніи того, что онъ же самъ создалъ или въ возникновеніи чего онъ принималъ участіе. Въ этомъ отношеніи онъ былъ великъ,—значительно болѣе великъ, чѣмъ въ созиданіи". „Деліонъ являлся геніемъ разрушенія, онъ былъ великъ какъ разрушитель. Со времени своего вступленія, въ 1892 г., въ американское рабочее движеніе онъ съ ненасытной ненавистью боролся противъ всякаго проявленія рабочаго класса этой страны, имѣющаго шансы на успѣхъ... Онъ былъ прирожденнымъ хулителемъ, породившимъ всюду промахи и недостатки; для него на всемъ земномъ шарѣ существовала одна лишь непогрѣшимая личность — Даніилъ Деліонъ... Враждебное отношеніе этого человѣка имѣло всегда дурныя послѣдствія не для тѣхъ, на которыхъ онъ непосредственно нападалъ, — жертвой его, страдающимъ объектомъ являлся лишь американскій рабочій классъ, котораго онъ втягивалъ въ склоки, приносившія пользу исключительно капиталистамъ... Дружба его была опаснѣе его вражды... Смерть его не оставила ни малѣйшаго пробѣла".

Такъ проводилъ въ могилу, несомнѣнно выдающагося человѣка самый серьезный марксистскій органъ въ Соед. Шт.

Не менѣе, вѣроятно, страннымъ покажется сообщеніе, что на похоронахъ Деліона совершенно отсутствовали представители господствующей въ Соед. Штатахъ Соціалистической партіи („S. P.") *). Все же и это отношеніе къ умершему соціалисту является еще умѣреннымъ по сравненію съ тѣмъ, что до его смерти писалось о немъ въ соціалистической прессѣ и говорилось на публичныхъ собраніяхъ. Едва ли будетъ преувеличеніемъ, если скажу, что невозможно придумать тѣхъ недостатковъ и прегрѣшеній, которыхъ политическіе противники не приписывали бы Деліону. Въ ихъ изображеніи онъ являлся: „интриганомъ", „честолюбцемъ", „деспотомъ", человѣкомъ, не останавливавшимся ни передъ какими средствами и т. д. и т. п.

Смерть Деліона заставила, однако, нѣкоторыхъ изъ недавнихъ его противниковъ признать за нимъ кое-какія заслуги, а иные нашли въ немъ и крупныя черты. Такъ, Ньюіоркскій „Call",—также органъ враждебной Деліону „Соціалистической Партіи" („S. P."), въ передовой статьѣ, написанной по поводу его кончины, причислилъ его даже къ „великимъ людямъ".

Но каково-бы то ни было отношеніе современниковъ—американскихъ соціалистовъ—къ Деліону, никто изъ нихъ, полагаю, не станетъ отрицать, что съ нимъ тѣсно связана значительная полоса въ исторіи мѣстнаго соціалистическаго движенія. При хладнокровномъ и всестороннемъ обсужденіи, которое, надо думать, вскорѣ наступитъ, даже многіе изъ недавнихъ его враговъ должны будутъ признать, что Деліонъ, на ряду съ отрицательными чертами, обладалъ и многими положительными, что онъ сыгралъ крупную роль въ соціалистическомъ движеніи Сѣв. Ам. Соед. Шт. Кромѣ того, какъ личность, Деліонъ являлся однимъ изъ наиболѣе оригинальныхъ людей, какихъ мнѣ случалось видѣть.

* *
*

*) Однако, конференція Націон. Комитета С. П., засѣдавшая въ это время въ Чикаго, прислала телеграмму съ выраженіемъ соболѣзнованія по поводу смерти Деліона.

Своеобразнымъ, во многихъ отношеніяхъ совершенно отличнымъ отъ движеній въ европейскихъ странахъ, являются и до сихъ поръ американскія рабочія и соціалистическія организаціи. Начать хотя бы съ того, что и до настоящаго времени эмигранты, а не урожденные американцы, во многихъ мѣстностяхъ играютъ выдающуюся, если не преобладающую, роль въ рабочихъ и соціалистическихъ организаціяхъ. Двадцать же съ чѣмъ то лѣтъ тому назадъ, когда Деліонъ присоединился къ американскому соціалистическому движенію, въ этомъ отношеніи дѣло было еще того хуже. Тогда, въ началѣ 90-хъ годовъ мин. столѣтія, за незначительнымъ исключеніемъ, почти весь контингентъ, какъ чисто рабочихъ, такъ и соціалистическихъ организацій, состоялъ изъ эмигрантовъ, главнымъ образомъ, нѣмцевъ и евреевъ, нерѣдко мало или вовсе не говорившихъ на господствующемъ въ странѣ англійскомъ языкѣ и вовсе не знавшихъ мѣстныхъ условій и обычаевъ. Понятно, поэтому, что, не смотря на огромныя усилія и старанія, эти піонеры рабочаго и соціалистическаго движенія втеченіе долгаго времени имѣли очень ограниченный успѣхъ среди коренного населенія Сѣв. Ам. Соед. Шт. Не малую роль въ послѣднемъ играли, конечно, также относительно довольно благопріятныя экономическія и политическія условія, господствовавшія въ Сѣверо-Америк. республикѣ въ концѣ минувшаго столѣтія,—обиліе свободныхъ земель, легкость нахожденія выгоднаго зароботка въ неимовѣрно быстро развивавшейся промышленности.

При этихъ условіяхъ, не смотря на разныя свободы, крайне труднымъ дѣломъ являлось распространеніе соціалистическихъ взглядовъ, а тѣмъ болѣе — объединеніе разрозненнаго рабочаго движенія. Едва-ли, поэтому, еще въ какой-либо другой странѣ можно указать на одновременное существованіе столь большаго числа другъ отъ друга независимыхъ организацій, какое имѣло мѣсто здѣсь втеченіе многихъ десятилѣтій, причемъ почти каждая изъ этихъ организацій обязательно принимала названіе „партіи". Поэтому, существовали, напр., „Соціальная партія Нью-Іорка и окрестностей", „рабочая партія Иллинойса" и т. д.

Неизбѣжными спутниками этого хаоса являлись борьба, раздоры и распри изъ-за принципіальныхъ, а нерѣдко и изъ-за личныхъ разногласій, прикрывавшихся только теоретическими взглядами; словомъ, происходило,—въ большемъ или меньшемъ масштабѣ, — все то, что имѣло мѣсто, — а отчасти продолжается и въ настоящее время, — въ пролетарскихъ и соціалистическихъ движеніяхъ Европы, не исключая и нашей благословенной родины.

Но, кромѣ обще-европейскаго и обще-человѣческаго, въ пролетарскомъ движеніи Соед. Шт. происходило, — а отчасти совершается еще теперь — и кое-что специфически — мѣстное, что вполнѣ естественно, если примемъ во вниманіе отличныя условія этой демократи-

ческой федераціи отъ существующихъ въ странахъ стараго свѣта. Подобно тому, какъ въ республикахъ центральной и южной Америки часто происходятъ „перевороты“, при чемъ одинъ президентъ „волею народа“ свергаетъ другого, въ многочисленныхъ рабочихъ и соціалистическихъ партіяхъ Соед. Шт., существовавшихъ въ послѣдней четверти минув. столѣтія, тоже совершались иногда перевороты, съ тѣмъ, однако, различіемъ, что новый лидеръ не лишалъ „президентскаго поста“ своего предшественника и, такимъ образомъ, вмѣсто одной, возникали двѣ независимыя „партіи“, носившія подчасъ одно и тоже названіе, издававшія органы подъ тѣми самыми заглавіями и т, д. Само собой разумѣется, что какъ новый „лидеръ“ со своими приверженцами, такъ и старый съ его сторонниками, другъ друга обвиняли во всѣхъ смертныхъ грѣхахъ. Все это случалось въ исторіи американскаго рабочаго и соціалистическаго движенія и до вступленія въ него Деліона *). Повторилось это также и съ нимъ.

* *
*

Не юношей и не молодымъ человѣкомъ „безъ опредѣленныхъ занятій“, а уже почти въ сорокалѣтнемъ возрастѣ, въ качествѣ лектора университета, Деліонъ заинтересовался соціализмомъ и душой и тѣломъ отдался дѣлу освобожденія угнетенныхъ массъ.

Сынъ довольно зажиточнаго врача, Деліонъ родился въ республиканской Венецуэлѣ въ 1852 г. и 16-ти лѣтъ отправленъ былъ отцомъ въ Зап. Евр., гдѣ онъ, сперва въ Гейдельбергѣ (Германіи), затѣмъ въ Лейденѣ (Голландіи), посѣщалъ университеты, изучая въ нихъ филологію, философію, юриспруденцію и исторію.

Отличаясь выдающимися способностями, трудолюбіемъ и настойчивостью, Деліонъ стремился къ ученой карьерѣ. Съ этой цѣлью онъ двадцатилѣтнимъ юношей пріѣхалъ (въ 1872 г.) въ Нью-Іоркъ, гдѣ вскорѣ блестящимъ образомъ выдержавъ въ Колумбійскомъ университетѣ экзаменъ по юридическимъ наукамъ, сталъ тамъ же лекторомъ международнаго права. Ему, въ совершенствѣ владѣвшему, кромѣ древнихъ языковъ, также англійскимъ, франц., нѣмецкимъ, испанскимъ, голландскимъ, итальянскимъ и ново-греческимъ, несомнѣнно открывалась блестящая будущность; но въ срединѣ 80-хъ годовъ, когда въ Соедин. Штатахъ выдвинулся Генри Джорджъ съ его теоріей націонализаціи земли, а затѣмъ Беллами съ его знаменитой утопіей, Деліонъ заинтересовался соціальными вопросами. Втеченіе нѣкотораго времени онъ являлся ярымъ сторонникомъ идей Джорджа, а затѣмъ, познакомившись съ соціалистами и подъ ихъ вліяніемъ, года на два засѣлъ за изученіе произведеній К. Маркса, Энгельса, Лассаля, Кауцкаго и др. Послѣ

*) Подробно объ этомъ см. въ „Ист. Соціализма въ Соедин. Штатахъ“ нашего соотечественника М. Хилквита.

этого, оставивъ лекторство и мысль объ ученой карьерѣ, Деліонъ съ чисто юношескимъ энтузіазмомъ посвятилъ себя соціалистической дѣятельности.

Не трудно заранѣе представить себѣ, какъ встрѣтили соціалисты новаго ихъ адепта. Выше я уже сказалъ, что преобладающій контингентъ ихъ издавно составляли здѣсь нѣмцы, къ которымъ въ 80-хъ годахъ присоединились русскіе евреи, въ большомъ числѣ устремившіеся въ Соедин. Шт. послѣ погромовъ начала 80-хъ гг.

Всѣ эти лица, почти неумѣвшія подойти съ проповѣдью къ американскому рабочему, естественно, чрезвычайно обрадовались, увидѣвъ въ своихъ рядахъ талантливаго оратора, обладавшаго большимъ умомъ, характеромъ и знаніями. Деліона вожаки партіи, какъ говорится, готовы были на рукахъ носить. И онъ быстро занялъ не только выдающееся, но и первенствующее мѣсто въ американскомъ соціалистическомъ движеніи. На это у Деліона безспорно имѣлись всѣ данныя.

Онъ безспорно во многихъ отношеніяхъ былъ выше, крупнѣе всѣхъ остальныхъ. Рѣшительно никто изъ нихъ не могъ итти съ нимъ въ сравненіе ни по энергіи, ни на темпераменту, ни по дарованіямъ и развитію. Даже по признанію нѣкоторыхъ лицъ, ставшихъ впослѣдствіи ярыми врагами Деліона, онъ являлся выдающимся лекторомъ, остроумнымъ полемистомъ и замѣчательнымъ агитаторомъ. Къ тому же Деліонъ умѣлъ и въ другихъ вызывать страсть къ дѣятельности, къ борьбѣ за то, что онъ считалъ истиннымъ и справедливымъ. На ряду съ нимъ появились въ рядахъ соціалистовъ выдающіеся дѣятели, какъ изъ среды рабочихъ, такъ и интеллигентовъ. Самое видное мѣсто между послѣдними занялъ нѣмецъ Гуго Фогтъ, являвшійся втеченіи долгаго времени ярымъ сторонникомъ Деліона, такъ сказать—правой его рукой.

Существовавшая уже до присоединенія Деліона „Американская рабочая соціалистическая партія“ (съ 1877 г.) и насчитывавшая очень незначительное число членовъ, стала довольно быстро расти, что можно отчасти видѣть и по все возраставшему числу поданныхъ за нее голосовъ. Такъ, въ 1887 году за ея кандидатовъ всего подано было 2000 гол., а пять лѣтъ спустя число ихъ увеличилось болѣе, чѣмъ въ десять разъ, достигнувъ въ 1892 г. 21000 гол.; еще черезъ пять лѣтъ, въ 1897 г., ихъ было подано 55,000, а въ 1899 оно достигло почти 90,000 гол. *). Это былъ наибольшій успѣхъ, какой имѣла „Соц. раб. партія“. Съ этимъ годомъ совпадаетъ также, какъ ниже увидимъ, потеря вліянія и значенія самого Деліона, а вмѣстѣ съ этимъ и его партіи.

* *
*

*) См. „Socialist Campaign Blok“, 1912, p. 34.

Разногласія между Деліономъ и руководителями „Volkszeitung'а органа, пользовавшагося большимъ вліяніемъ въ Америк. Соціал. рабоч. партіи,—возникли довольно скоро послѣ вступленія его въ ея ряды. Первоначально они имѣли исключительно принципіальный характеръ и касались, главнымъ образомъ, вопроса объ отношеніи къ рабочимъ организаціямъ, — въ частности, къ довольно сильной „Американской федераціи труда". Послѣ неудачныхъ попытокъ заставить эту консервативно настроенную и отсталую профессіональную организацію принять опредѣленную соціально-политическую программу, Деліонъ объявилъ ее въ этомъ отношеніи безнадежной, а ея вожаковъ „продавшимися" буржуазіи. Поэтому онъ создалъ конкурировавшую съ нею „Соціалистическую ремесленную и рабочую Лигу" („Socialist Trade and Labor Alliance"). Это, конечно, повело къ большому разстройству въ рабочей средѣ и вызвало въ широкихъ массахъ неудовольствіе противъ „Соціалистической рабочей партіи".

Но Деліонъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые способны хладнокровно выслушивать справедливыя указанія другихъ. Наоборотъ, въ малѣйшемъ несогласіи съ нимъ онъ видѣлъ крупное принципіальное расхожденіе и съ яростью накидывался на инако-мыслящихъ.

Хотя онъ и усердно занимался поученіемъ произведеній Маркса и Энгельса, онъ все же не совсѣмъ вѣрно усвоилъ духъ ихъ ученія: онъ понялъ его довольно односторонне, почему при примѣненіи его на практикѣ получалась чисто сектантская тактика. Ни малѣйшихъ уступокъ дѣйствительности, никакихъ рѣшительно сдѣлокъ съ нею нельзя допускать, „нужно всегда быть твердымъ, какъ скала", и со временемъ всѣ рабочіе будутъ на нашей сторонѣ,—такъ понималъ Деліонъ вопросъ объ отношеніи къ рабочимъ, профессіональнымъ организаціямъ. Значительно болѣе правы были въ этомъ вопросѣ его противники.

Оппозиція понимала, что такой тактикой, какую примѣнялъ Деліонъ можно лишь совершенно оттолкнуть массы отъ соціалистической рабочей партіи. Поэтому на страницахъ „Volkszeitung", редактировавшейся извѣстными ветеранами эмигрантами Александромъ Іонасомъ и Шлиттеромъ, началась полемика съ „The Weekly People",—оффиціальнымъ органомъ партіи, редакторомъ котораго былъ Деліонъ (съ 1902 г. вплоть до самой его смерти). Отношенія между Деліономъ и его сторонниками, съ одной стороны, и руководителями „Volkszeitung" и ея единомышленниками, съ другой—все болѣе обострялись. А такъ какъ всѣ выборные общественные посты въ партіи занимали деліонцы, то они не останавливались и передъ „чисткой" ея: какъ отдѣльныя лица, такъ и цѣлыя рабочія секціи,—если сами заблаговременно не покидали соціалистическихъ рядовъ, нерѣдко подвергались исключеніямъ за теоретическія несогласія или изъ-за нарушеній партійной дисциплины, своеобразно понимаемыхъ Деліономъ.

Само собою разумѣется, что подобная тактика не вела къ благополучію соціал. рабочей партіи. Этого, однако, нисколько не сознавалъ лидеръ. Съ упорствомъ и непоколебимой настойчивостью религіознаго фанатика-сектанта думалъ онъ править путемъ прямолинейной тактики рабочей партіею, давно переросшей тѣсныя рамки замкнутаго кружка или тайнаго общества. „Кто не со мной, тотъ противъ меня", слѣдовательно, онъ противъ общаго дѣла, — искренно полагалъ Деліонъ и шагъ за шагомъ вооружалъ противъ себя все бо́льшій и бо́льшій кругъ лицъ. Онъ долго не замѣчалъ, что число его единомышленниковъ, его ярыхъ приверженцевъ быстро таетъ, и что, наоборотъ, ряды оппозиціи все болѣе и болѣе увеличиваются.

Случилось, поэтому то, что можно было заранѣе предвидѣть: противники Деліона объединились и на состоявшихся въ началѣ іюля 1899 г. выборахъ представителей въ центральныя учрежденія партіи были избраны лица, принадлежащія къ оппозиціи. Но, вслѣдствіе нарушенія при этомъ нѣкоторыхъ формальностей,—какъ мотивируютъ сторонники Деліона, — онъ и его друзья не признали правильности состоявшихся выборовъ и не захотѣли подчиниться имъ. Тогда загорѣлась ожесточенная и крайне печальнаго характера борьба за то, кому изъ двухъ фракцій слѣдуетъ считаться „Америк. рабочей соціалистической партіею". Дѣло дошло до разбирательства буржуазнаго суда Соедин. Штатовъ,—фактъ, насколько мнѣ помнится, не случавшійся въ исторіи соціалистическихъ партій въ европейскихъ странахъ. Государственный судъ призналъ за Деліономъ и его сторонниками право на удержаніе стараго названія партіи, — „SLP", хотя побѣдившая его оппозиція представила доказательства бо́льшаго за него числа членовъ. Послѣдняя должна была назваться просто „Соціалистической партіею" („S. P."), каковое названіе она сохраняетъ и въ настоящее время.

Съ возникновеніемъ, такимъ образомъ, двухъ совершенно независимыхъ партій, между которыми, въ сущности, чрезвычайно мало принципіальныхъ разногласій, начавшаяся задолго до раскола борьба еще болѣе обострилась. Глубоко убѣжденный въ своей правотѣ, Деліонъ значительную часть своихъ силъ, способностей и знаній посвятилъ изобличенію всякаго рода тактическихъ и теоретическихъ промаховъ и прегрѣшеній своихъ противниковъ. Остроумный, ѣдкій полемистъ, обладавшій большимъ юморомъ и сарказмомъ, Деліонъ, — какъ это водится въ такихъ случаяхъ,—не останавливался и передъ личными, подчасъ далеко непохвальными нападками, стараясь представить того или другого изъ членовъ „S. P." въ смѣшномъ и каррикатурномъ видѣ.

Само собою разумѣется, что и противники Деліона не оставались у него въ долгу. Кто изъ нихъ кого превзошелъ въ этомъ отношеніи, не берусь рѣшать. Полагаю, однако, что въ виду темперамента Деліона и присущаго ему полемическаго таланта, больше досталось противникамъ отъ него, чѣмъ ему отъ нихъ.

* * *

Но, хотя за Деліономъ и его приверженцами, сохранилось названіе партіи, имѣвшей за собою болѣе двадцатилѣтней давности, все же онъ не вышелъ побѣдителемъ изъ разгорѣвшейся братоубійственной борьбы. Не смотря на неутомимыя усилія Деліона, на неимовѣрную его трудоспособность и настойчивость, все же онъ постоянно терялъ въ глазахъ рабочихъ. Противники же его, наоборотъ, замѣтно съ каждымъ годомъ завоевывали симпатіи широкихъ массъ. Успѣхъ дѣйствовалъ заразительно не только на лицъ, стоявшихъ внѣ боровшихся партій, но и на многихъ изъ приверженцевъ Деліона, вмѣстѣ съ нимъ ведшихъ „оборонительныя и наступательныя кампаніи“: одинъ за другимъ переходили они въ лагерь побѣдителей или, какъ энергичный помощникъ его Гуго Фогтъ и др. вовсе сходили съ общественной арены. Вскорѣ Деліонъ остался лишь съ чрезвычайно незначительной группкой вѣрныхъ приверженцевъ, не представляющихъ, однако, сколько-нибудь замѣтной силы въ рабочемъ и соціалистическомъ движеніи Соединен. Штатовъ.

Правда, втеченіи многихъ лѣтъ Деліону и немногимъ его приверженцамъ удавалось издавать два органа,—на англійскомъ и еврейскомъ языкахъ, что требовало отъ нихъ огромныхъ затратъ силъ и средствъ,—все же число голосовъ, подававшихся на выборахъ въ союзный парламентъ и на разныя государственныя должности (президента Соед. Штатовъ, губернатора Нью-Іорка и пр.) Съ каждымъ годомъ, хотя и съ колебаніями, сильно падало, между тѣмъ какъ число голосовъ за „Соціал. партію“ почти непрерывно возрастало, что наглядно видно изъ слѣдующей таблицы. Такъ, мы уже знаемъ, что въ годъ раскола за „Соц. раб. партію“ было подано около 80 тыс. гол., а три года спустя, въ 1902 г., число это упало до 53.763, между тѣмъ въ этомъ же году за Соц. парт. 96.935.

въ 1906 г. . . .	за Соц. Раб. Пар. =	20.265
„ „ „	за Соц. Пар. =	331.043
„ 1910 „	за С. Р. П. =	34.115
„ „ „	за Соц. Пар. =	607.674
а въ послѣд. выборы въ 1912 г.	за С. Р. П. =	35.000 *)
	за С. П. около милл.	голосовъ.

Видя огромный успѣхъ своихъ противниковъ и, наоборотъ, быстрое паденіе своихъ приверженцевъ, Деліонъ вынужденъ былъ, наконецъ, признать тактику вожаковъ „Соціал. Пар.“ болѣе цѣлесообразной, хотя и не правильной,—какъ онъ продолжалъ утверждать,—въ принципіальномъ отношеніи. Онъ склонялся уже къ примиренію и

*) Цифры эти заимствованы изъ того же оффиц. партійнаго изданія — „Soc. Camp. Book.“

готовъ былъ присоединиться къ восторжествовавшимъ надъ нимъ противникамъ. Но это стало невозможнымъ. Усилившіеся и окрѣпшіе лидеры соціалистической партіи не соглашались принять Деліона съ его приверженцами въ качествѣ цѣлой группы, какъ онъ того желалъ, а допускали только отдѣльный пріемъ членовъ Соц. раб. партіи, послѣ полнаго роспуска послѣдней. На такое унизительное, по мнѣнію Деліона и его сторонниковъ, „прохожденіе подъ ярмомъ побѣдителя“ онъ не могъ согласиться, а потому до самой смерти продолжалъ энергично бороться и не покладая рукъ работать на пользу, въ сущности, безнадежнаго дѣла поддержанія погибающей „Соціал. раб. партіи“. Съ рѣдкими, если не сказать, безпримѣрными среди американскихъ соціалистовъ самоотверженностью и безкорыстіемъ трудился Деліонъ, отказывая себѣ и семьѣ подъ часъ въ самомъ необходимомъ и доведя свои потребности до крайняго минимума.

Я былъ положительно пораженъ, увидѣвъ, при посѣщеніи его, его квартиру и обстановку: такъ въ С. Америкѣ,—да и въ Зап. Евр.,—не живетъ не только никто изъ лидеровъ, но и средней руки рабочій.

Отдавая все свое время, силы и знанія общему дѣлу, Деліонъ отказывался въ пользу партіи и отъ того вознагражденія, которое ему безусловно слѣдовало. Такъ, для увеличенія средствъ „Соц. Раб. Пар“. имъ переведены были на англійскій языкъ многочисленныя произведенія Евг. Сю. Деліонъ читалъ также безвозмездно много лекцій, привлекавшія огромное число слушателей, на разныя соціально-политическія темы. Ему же американскіе соціалисты обязаны пріобрѣтеніемъ въ переводъ на англійскій языкъ нѣкоторыхъ произведеній Маркса, а также Эрфуртской программы Каутскаго. Уже изъ этого, далеко неполнаго перечня, видно, на сколько невѣрнымъ является утвержденіе „Uolkszei—tung'a“, будто-бы Деліонъ „всѣ свои силы и способности направилъ только на уничтоженіе того, что имъ же было создано:“ за нимъ безспорно числится не мало и положительной работы.

Опредѣленіе ея—дѣло будущаго историка американскаго соціалистическаго движенія. Несомнѣнно онъ по достоинству оцѣнитъ беззавѣтную, ни передъ какими жертвами неостанавливавшуюся преданность этого выдающагося человѣка дѣлу просвѣщенія угнетенныхъ массъ, дѣлу классоваго развитія пролетаріата.

Левъ Дейчъ.

Иностранное обозрѣніе

I. Изъ современныхъ нравовъ буржуазной Германіи.

Было время, когда прусское чиновничество славилось своей честностью. Честность, какъ говаривалъ еще Добролюбовъ,

есть добродѣтель пассивная: не велика заслуга людей, которые могутъ похвалиться лишь тѣмъ, что они никогда не крали. Но и эта пассивная добродѣтель все же до извѣстной степени скрашивала старый капральско-юнкерскій режимъ въ Пруссіи.

Современная буржуазія лишила прусскую бюрократію невинности. Не сумѣвъ въ свое время справиться съ ней и съ юнкерствомъ въ открытой политической борьбѣ, она теперь покоряетъ ихъ силой золота. Теперь она ихъ покупаетъ и подкупаетъ, и не только оптомъ въ формѣ сдѣлокъ между двумя классами и партіями, но и въ розницу—въ формѣ тайныхъ, нечистыхъ сдѣлокъ между отдѣльными буржуа и отдѣльными сановниками. Нѣкогда спѣсивая и „честная“ прусская бюрократія въ атмосферѣ капиталистической наживы начинаетъ сейчасъ продавать выскочкамъ изъ буржуазіи за наличныя всѣ свои „прелести“—чины, титула, ордена.

Недавнія разоблаченія, сдѣланныя с.-д-омъ Карломъ Либкнехтомъ, пролили яркій свѣтъ на этотъ упадокъ нравовъ, на этотъ духъ продажности, проникающій во всѣ поры жизни новой капиталистической Германіи.

Въ февралѣ нынѣшняго года въ Германіи умеръ одинъ очень высокопоставленный сановникъ — генералъ-лейтенантъ Ф. Линденау. Онъ занималъ отвѣтственный постъ коменданта Мецской крѣпости, былъ въ теченіе ряда лѣтъ начальникомъ перваго отдѣленія генеральнаго штаба, былъ кандидатомъ на постъ военнаго министра, пользовался особенной симпатіей императора Вильгельма, пославшаго вѣнокъ на его гробъ. И вотъ оказывается, что этотъ генералъ оставилъ послѣ себя милліонъ марокъ долговъ и что онъ при жизни, пользуясь своимъ вліяніемъ въ придворныхъ сферахъ, продавалъ за деньги профессорскіе дипломы. Когда Либкнехтъ разоблачилъ этотъ фактъ, консервативная „Крестовая газета“ требовала, чтобы дѣло это было разслѣдовано до конца, чтобы всѣ видѣли, что въ Пруссіи правосудіе имѣетъ мужество бороться съ развратомъ, въ какой бы средѣ онъ ни проявился. При этомъ вся буржуазная пресса успокоительно увѣряла: видно рѣдки подобныя явленія въ Пруссіи, разъ Либкнехту для ихъ обнаруженія пришлось копаться въ гробу у мертваго.

Въ отвѣтъ на эти успокоительныя заявленія Либкнехтъ немедленно же опубликовалъ второй документъ, на этотъ разъ исходящій уже не отъ умершаго Ф. Линденау, а отъ нѣкоего здравствующаго Франца Людвига. Въ этомъ документѣ, въ довѣрительномъ письмѣ къ своему кліенту, Францъ Людвигъ опредѣляетъ условія, на которыхъ послѣдній можетъ получить отъ министра нар. просвѣщенія титулъ прусскаго профессора медицины: Я, пишетъ онъ, долженъ былъ дать справки о Вашей личности, ибо цѣна профессорскаго титула мѣняется въ зависимости отъ того, хлопочетъ ли объ немъ иностранецъ или нѣмецъ, еврей или христіанинъ. Теперь, продолжаетъ онъ, отъ Васъ требуется, во 1 хъ чтобы Вы „для соблюденія приличія“ представили какую нибудь небольшую напечатанную научную работу или хотя бы статью въ спеціальномъ журналѣ; это, впрочемъ, имѣетъ „чисто формальное значеніе“, во 2-хъ, чтобы Вы „въ извѣстномъ мѣстѣ заплатили 40 тысячъ марокъ—и одновременно 1500 марокъ

комиссіонныхъ“. Плата эта, пишетъ онъ, высокая, но прусскіе титула теперь очень высоко стоятъ въ курсѣ“ и „Вы сами должны уже разсудить, подходитъ ли для Васъ такая плата и сможете ли Вы на затраченный капиталъ получить соотвѣтственные проценты и сможете ли Вы его быстро амортизировать. Въ возможности послѣдняго я, впрочемъ, не сомнѣваюсь“. Письмо это не нуждается въ комментаріяхъ. Кто же авторъ этого письма? Какое общественное положеніе занимаетъ этотъ Францъ Людвигъ? Оказывается, что это нѣкоторымъ образомъ „столпъ отечества“, что это буржуазный публицистъ, правовѣдъ и финансистъ, который въ 1907 г. состоялъ наряду съ генераломъ Ф. Либертомъ главноуправляющимъ дѣлами „Императорскаго союза для борьбы съ соціалдемократіей!“

Дальнѣйшія разоблаченія Либкнехта показали, что торговля титулами вошла нѣкоторымъ образомъ въ систему въ Германіи, что она ведется не только въ Пруссіи, но и въ другихъ союзныхъ государствахъ Германіи, что продаются не только профессорскія, но и всякіе другіе почетныя званія и ордена, что существуетъ даже опредѣленный тарифъ на титула и ордена: Орденъ Краснаго Орла для людей съ высшимъ образованіемъ стоитъ 8 тыс. марокъ, титулъ прусскаго коммерческаго совѣтника—отъ 50 до 60 тысячъ марокъ, титулъ гессенскаго или баденскаго коммерческаго совѣтника—40 т. марокъ, титулъ прусскаго профессора можетъ быть пріобрѣтенъ врачемъ или художникомъ за 25 тыс. марокъ; титулъ придворнаго поставщика императора или императрицы за 15 тыс. марокъ, придворнаго поставщика кронпринца—за 12 тыс. марокъ, титулъ консула стоитъ отъ 10 до 30 тыс. марокъ, дворянскій титулъ въ Пруссіи—отъ 300 до 400 тыс. марокъ и т. д.

Въ новой капиталистической Германіи всѣ блага жизни, которыми раньше люди пользовались на основаніи своего „благороднаго происхожденія“ и на основаніи своихъ „заслугъ передъ отечествомъ“ стали предметомъ купли-продажи. Но этого мало. Вмѣстѣ съ ростомъ экспорта продуктовъ германской промышленности германская крупная буржуазія стала экспортировать и заграницу систему взяточничества и подкупа, совершая эту патріотическую работу подъ покровительствомъ германскихъ властей. Еще свѣжи въ памяти всѣхъ скандальныя продѣлки знаменитой пушечной фирмы Круппъ, а уже обнаружился новый громкій скандалъ—систематическій подкупъ высшихъ чиновъ морского вѣдомства, которымъ занималась въ Японіи германская богатѣйшая фирма Сименсъ-Шукертъ и который привелъ уже къ отдачѣ подъ судъ трехъ японскихъ адмираловъ, Савасани, Фуджи и Муранами. Берлинская фирма Сименсъ-Шукертъ, имѣющая свои филіальныя отдѣленія въ Англіи и Японіи, какъ видно изъ опубликованной переписки представителей этой фирмы, добилась путемъ подкупа монопольнаго положенія при сдачѣ японскимъ провительствомъ казенныхъ морскихъ заказовъ, причемъ ей удавалось всегда обезвреживать и отстранять отъ должности неудобныхъ ей лицъ, служащихъ въ японскомъ морскомъ вѣдомствѣ. Но любопытнѣе всего то, что германскія власти во всемъ этомъ дѣлѣ играли роль укрывателей. Когда японское правительство возбудило преслѣдованіе противъ своихъ

офицеровъ-взяточниковъ, агентъ германской фирмы Германъ уничтожилъ компроментирующіе фирму документы на квартирѣ германскаго генеральнаго консула въ Іокагамѣ и въ его присутствіи. Одновременно въ Германіи преданъ былъ суду и осужденъ былъ за вѣроломство мелкій служащій фирмы Рихтеръ, который грозилъ разоблаченіями изъ шантажистскихъ соображеній и имѣвшіеся у него документы опять таки конфискованы были германской прокуратурой, отказавшейся впослѣдствіи выдать ихъ японскому суду Тѣмъ же укрывательствомъ воровской крупной фирмы занимались германская буржуазная печать и вожди буржуазныхъ партій въ рейхстагѣ, начиная отъ аграріевъ и кончая націоналъ-либералами.

И на это грязное дѣло пролили свѣтъ разоблаченія неутомимаго с.-д-а Карла Либкнехта. Въ лицѣ Либинехта — адвоката и члена прусскаго ландтага—германская соц.-демократія ведетъ систематическую кампанію противъ новѣйшаго капиталистическаго разврата въ Германіи. За это на него, какъ и слѣдовало ожидать, ополчились всѣ буржуазныя партіи, отстаивающія, „семью, собственность и государство“, до націоналъ-либераловъ включительно.

Еще въ 1910 г. министръ юстиціи на основаніи доноса адвоката Швабе пытался возбудить противъ Либкнехта уголовное преслѣдованіе за рѣчь, сказанную имъ въ Магдебургѣ, содержащую оскорбленіе главы дружественной державы. Германская прокуратура въ то время отъ возбужденія *уголовнаго* преслѣдованія отказалась, не найдя въ рѣчи состава уголовнаго преслѣдованія. Тогда это дѣло вновь возбуждено было противъ Либкнехта, какъ адвоката, въ порядкѣ *дисциплинарномъ*... Но и на-этотъ разъ въ 1911 г., дѣлу не былъ данъ ходъ, потому что прусскій ландтагъ, согласно парламентской традиціи, отказался выдать своего депутата до окончанія парламентской сессіи. Съ тѣхъ поръ послѣ роспуска ландтага дѣло это уже было, наконецъ, разобрано въ одной инстанціи и въ нынѣшнемъ году въ ландтагъ опять поступило требованіе о выдачѣ Либкнехта для разбирательства того же дѣла во второй инстанціи. Если-бъ ландтагъ остался вѣренъ своимъ традиціямъ, онъ и теперь потребовалъ бы отсрочки дѣла до окончанія парламентской сессіи. За это и высказались въ ландтагѣ прогрессисты и с.-д-ты. Но съ тѣхъ поръ Либкнехтъ успѣлъ достаточно надѣлать хлопотъ буржуазнымъ партіямъ своимъ разоблаченіемъ. Требуя его выдачи представители консервативной партіи заявили: „Д-ръ Либкнехтъ издѣвается надъ всѣми нашими учрежденіями; онъ сдѣлалъ себѣ профессію изъ оскорбленія высокопоставленныхъ лицъ“ и потому на этотъ разъ необходимо нарушить наши парламентскіе обычаи, и отдать его въ руки правосудія немедленно. Консерваторовъ поддержали клерикалы и націоналъ-либералы и Либкнехтъ былъ выданъ въ руки „правосудія“. Въ итогѣ, прусскій ландтагъ самъ ограничилъ свои парламентскія права, лишь бы защитить права буржуазіи на развратъ.

II. Всеобщая забастовка въ Италіи.

Дать объоктивную оцѣнку недавно окончившейся всеобщей забастовки въ Италіи весьма трудно на основаніи имѣющихся пока отрывочныхъ и отчасти противорѣчивыхъ газетныхъ свѣдѣній. Но одно можно уже сейчасъ сказать. Она свидѣтельствуетъ объ огромномъ горючемъ матеріалѣ, накопившемся въ странѣ, благодаря народному раазоренію, вызванному триполитанской авантюрой и великодержавной политикой правительства. Она свидѣтельствуетъ о чрезвычайно быстромъ ростѣ рабочаго движенія, съ одной стороны, и наличности въ нѣкоторыхъ слояхъ населенія еще довольно сильныхъ республикански-революціонныхъ традицій со времени Гарибальди. Вмѣстѣ съ тѣмъ формы, въ которыя вылилась забастовка, говорятъ о весьма низкой еще степени организованности итальянскаго рабочаго движенія.

Всеобщая забастовка вызвана была событіями въ Анконѣ. 7-го Іюня въ Италіи празднуется ежегодно установленіе нынѣшняго конституціоннаго режима. Къ этому дню соціалисты и республиканцы пріурочили устройство повсемѣстныхъ демонстрацій протеста противъ милитаризма и спеціально противъ дикихъ порядковъ въ дисциплинарныхъ баталіонахъ, въ которые по военному уставу солдаты ссылаются за разные проступки, начиная отъ „изнасилованія и педерастіи“ и кончая „покушеніями на отечественныя учрежденія“. Демонстрація, устроенная въ Анконѣ, вопреки полицейскому запрету, главнымъ образомъ республиканцами и анархистами во главѣ съ анархистомъ Малатестой, привела къ столкновенію между толпой и карабинерами (полицейскими). Въ отвѣтъ на нѣсколько камней, брошенныхъ изъ толпы, карабинеры дали залпъ, которымъ двое демонстрантовъ было убито, а 5 ранено. Это сыграло роль искры, зажегшей всеобщій пожаръ.

8-го Іюня Конфедерація Труда (союзъ профессіон. организацій) опубликовала воззваніе къ устройству всеобщей забастовки во всей странѣ.

Въ согласіи съ конфедераціей труда такое же воззваніе выпустило Главное Правленіе соціалистической партіи. Забастовка сразу охватила массу городовъ во всѣхъ концахъ Италіи. Почти всюду вопреки запретительному министерскому циркуляру устраивались демонстраціи, сопровождавшіяся кровавыми столкновеніями съ полиціей и карабинерами. Такія столкновенія имѣли мѣсто въ Анконѣ, Неаполѣ, Римѣ, Флоренціи, Туринѣ, Пармѣ, Миланѣ, Барѣ и т. д.

Въ Туринѣ и Флоренціи строились баррикады. Во Флоренціи были убиты 3 демонстранта, въ Неаполѣ одинъ былъ убитъ и 42 ранены, въ Равенѣ былъ убитъ одинъ, въ Пармѣ—одинъ, въ Барѣ двое демонстрантовъ были убиты и 12 полицейскихъ легко ранены.

Премьеръ-министръ Саландра, сильно смущенный размѣрами, которые приняло движеніе, распорядился объ арестѣ карабинеровъ, стрѣлявшихъ въ толпу въ Анконѣ и о преданіи дисциплинарному суду префекта Анконы, самовольно объявившаго въ городѣ военное положеніе. Одновременно министръ внутреннихъ дѣлъ въ циркулярѣ къ префектамъ рекомендовалъ крайнюю осторожность при употребленіи оружія противъ демонстрантовъ.

Несмотря на этотъ видимый „нейтралитетъ“ правительства, оно разрѣшало однимъ то, что запрещало другимъ: уже на вто-

рой день забастовки въ разныхъ городахъ, въ Римѣ, Неаполѣ, Барѣ, съ разрѣшенія властей и подъ прикрытіемъ полиціи, начали устраиваться шумныя патріотическія контръ-демонстраціи, въ которыхъ участвовали націоналисты, студенты, лавочники и и вообще разношерстная буржуазная толпа, провоцировавшая забастовщиковъ на насильственныя дѣйствія. Въ воздухѣ запахло провокаціей.

Съ самаго начала движенія замѣтно было, что на ряду съ сильной порывистостью и страстностью, оно отличается недостаточной организованностью и дисциплинированностью. Частичная желѣзно-дорожная забастовка, напр., началась тогда, когда всеобщая забастовка въ большинствѣ городовъ уже прекратилась. Въ Римѣ соціалистическая партійная и профессіональная организація заявили, что снимаютъ съ себя отвѣтственность за движеніе, какъ только префектъ запретилъ устройство демонстрацій.

Когда по истеченіи двухъ дней очень внушительное забастовочное и демонстраціонное движеніе грозило превратиться въ распыленное возстаніе съ весьма сомнительными шансами на успѣхъ, конфедерація труда призвала къ прекращенію забастовки. Центральный органъ соц. партіи „Avanti“ рѣзко осудилъ это рѣшеніе, а Главное Правленіе партіи, настроенное также какъ „Avanti“, выпустило воззваніе, въ которомъ оно дипломатически заявляетъ, что „принимаетъ къ свѣдѣнію рѣшеніе конфедерапіи труда, которая взяла на себя отвѣтственность за прекращеніе забастовки“ и призываетъ и впредь энергично протестовать противъ реакціоннаго правительственнаго режима. Соціалистическая парламентская фракція, реформистская въ своемъ большинствѣ, напротивъ того, въ резолюціи своей не только опредѣленно солидаризировалась съ рѣшеніемъ Конфедераціи Труда—прекратить забастовку, но еще нарочито подчеркнула, что „освобожденіе пролетаріата не можетъ быть достигнуто внезапнымъ возстаніемъ неорганизованныхъ массъ“ и что только „глупая политика господствующихъ классовъ“ мѣшаетъ соціалистической партіи заниматься „медленнымъ преобразованіемъ политическаго и соціальнаго строя“.

Несмотря на то, что Конфедерація Труда призвала къ прекращенію забастовки и что Главное Правленіе соц. партіи «приняло это къ свѣдѣнію», мѣстныя рабочія организаціи въ Неаполѣ, Миланѣ и Анконѣ отказались этому рѣшенію подчиниться и продолжали забастовку. Одновременно въ Романьѣ, отрѣзанной отъ всей страны благодаря пріостановкѣ телеграфныхъ и желѣзно-дорожныхъ сообщеній, произошло республиканское возстаніе. Романья—провинція съ густо-населеннымъ, главнымъ образомъ сельскимъ населеніемъ, крестьянскимъ и батрацкимъ—стонала нѣкогда подъ гнетомъ папскаго ига и сохранила сильныя республиканскія традиціи еще со времени борьбы за освобожденіе и объединеніе Италіи.

Когда въ Анконѣ началась желѣзно-дорожная забастовка и когда Романья благодаря ей отрѣзана была отъ окружающаго міра, въ ней сразу учрежденъ былъ республиканскій агитаціонный комитетъ, прокламировавшій республику и оповѣстившій объ этомъ мелкіе города и села черезъ посредство агитаторовъ, разъѣзжавшихъ на велосипедахъ и автомобиляхъ. При полномъ

почти отсутствіи войскъ, сельскому населенію безъ особенныхъ усилій повсюду удалось смѣстить старыя власти, закрыть церкви и устроить реквизицію хлѣба для продажи его населенію по низкимъ цѣнамъ.

Эта маленькая безкровная революція совершена была романцами въ полной увѣренности, что республика уже провозглашена одновременно во всей Италіи; поэтому батальонъ солдатъ, посланный туда для усмиренія, по недоразумѣнію, встрѣченъ былъ населеніемъ съ неописуемымъ восторгомъ, какъ якобы республиканская армія. 4 дня продержалась въ Романіи эта республиканская идиллія, и эти дни не были омрачены кровопролитіемъ, благодаря счастливой случайности: взятый романскими сельскими батраками въ плѣнъ генералъ Агліарди при приближеніи войскъ для его освобожденія былъ отпущенъ подъ условіемъ, чтобы онъ уговорилъ солдатъ вернуться и генералъ выполнилъ это условіе честно, за что теперь и лишился генеральскаго званія...

Всеобщая забастовка, повидимому, усилила реакціонное настроеніе буржуазіи въ Италіи. Вѣроятно, этимъ, въ связи съ послѣднимъ рѣшеніемъ соціалистическаго конгресса въ Анконѣ—не вступать на комунальныхъ выборахъ ни въ какія соглашенія съ буржуазными партіями—объясняются результаты коммунальныхъ выборовъ, имѣвшихъ мѣсто во всей Италіи 14 Іюня. Въ Римѣ клерикалы одержали побѣду надъ 6 лѣтъ продержавшимся демократическимъ блокомъ, собравши 32 тысячи голосовъ, причемъ соціалисты собрали всего-на-всего 3000 голосовъ.

Въ Генуѣ и Туринѣ клерикалы и клерикальные консерваторы тоже завоевали городскую думу, хотя здѣсь соціалисты все же получили представительство, какъ значительное меньшинство. За то въ промышленномъ Миланѣ соціалисты одержали блестящую побѣду. Всѣ 64 мѣста большинства достались соціалистамъ. Такимъ образомъ, соціалисты впервые станутъ хозяевами большого европейскаго города, если не считать кратковременнаго господства соціалистовъ въ Марсели.

А. Мартыновъ.

Политическое обозрѣніе.

Вторая сессія Думы.

Вторая сессія Гос. Думы начиналась при явныхъ признакахъ растущаго общественнаго недовольства и возбужденія. Рабочее движеніе принимало все болѣе широкіе размѣры, нося въ то же время яркій политическій характеръ.

Засѣдавшіе лѣтомъ съѣзды—сельско-хозяйственный, городскихъ дѣятелей проникнуты были рѣзко-оппозиціоннымъ настро-

еніемъ сельско-хозяйственный съѣздъ въ Кіевѣ, оказавшійся главнымъ образомъ съѣздомъ профессіональной интеллигенціи—земскихъ агрономовъ, работающихъ въ деревнѣ, констатировалъ, что даже агрономическая дѣятельность не можетъ протекать нормально при существующихъ полицейскихъ условіяхъ. И секція общественной агрономіи единогласно признала необходимымъ осуществленіе манифеста 17 октября для выполненія того труда „по возрожденію агрокультуры", который возложенъ на агрономовъ правительствомъ, земствомъ и населеніемъ.

Съѣздъ городскихъ дѣятелей призналъ въ свою очередь невозможной нормальную работу городского самоуправленія при существующихъ условіяхъ и въ резолюціи, предложенной г. Гучковымъ, заявилъ, что „дальнѣйшее промедленіе въ осуществленіи необходимыхъ реформъ и уклоненіе отъ началъ, возвѣщенныхъ въ манифестѣ 17 октября, грозитъ странѣ тяжкими потрясеніями и губительными послѣдствіями".

А за мѣсяцъ ранѣе съ тѣмъ же заявленіемъ о необходимости осуществленія манифеста 17 окт., обращеннымъ къ главѣ правительства г. Коковцеву, выступилъ на нижегородской ярмаркѣ отъ лица всероссійскаго купечества г. Салазкинъ.

Такъ высказывалась страна въ лицѣ своихъ различныхъ слоевъ. И въ началѣ сессіи былъ моментъ, когда могло казаться, что голосъ страны проникаетъ въ Думу, что Дума должна стать выразителемъ общественнаго возбужденія и общественнаго недовольства. Это—моментъ октябристской конференціи, конференціи правящей партіи Думы. На этой конференціи тоже звучали рѣзко оппозиціонныя рѣчи. Вождь октябристовъ Гучковъ звалъ свою партію къ рѣшительной думской борьбѣ съ правительствомъ и конференція предложила парламентской фракціи союза 17 октября „взять на себя неуклонную борьбу съ вредными и опасными направленіями правительственной политики и съ тѣми явленіями произвола и нарушенія законовъ, отъ которыхъ нынѣ такъ тяжко страдаетъ русская жизнь". Парламентской фракціи предлагалось далѣе использовать въ полной мѣрѣ всѣ законные способы парламентской борьбы, какъ то: „свободу парламентской трибуны, право запросовъ, отклоненіе законопроектовъ и отказъ въ кредитахъ".

Но гора родила мышь. Октябристы оказались совершенно неспособными къ боевой политикѣ, и попытки меньшинства октябристской фракціи добиться проведенія въ жизнь постановленій конференціи привели только къ расколу октябристской фракціи.

Большинство октябристской фракціи оказалось вѣрнымъ своимъ старымъ традиціямъ и ничто повидимому не въ силахъ было сдвинуть ее съ той мертвой точки, на которой она застыла. Клясться на словахъ манифестомъ 17 окт. и ничего не дѣлать для его осуществленія, оставалось по прежнему руководящимъ правиломъ этой жалкой фракціи. Мало того. Одинъ яркій фактъ показалъ, что если пойдетъ дѣйствительная борьба за осуществленіе манифеста 17 окт., то октябристы окажутся по другую сторону баррикадъ.

Реакціонное усердіе министра вн. дѣлъ г. Маклакова родило законопроектъ о печати, имѣющій явною цѣлью задушить и ту небольшую свободу печати, которая установилась у насъ

послѣ дней свободы. И всѣ реакціонные пункты этого законопроекта нашли горячую защиту у представителей октябристской фракціи въ комиссіи о печати.

Въ извѣстной гармоніи съ октябристами по своей безхарактерности и неопредѣленности въ первую половину второй сессіи находился и тогдашній глава правительства, г. Коковцевъ. Подобно октябристамъ онъ тоже объявилъ себя сторонникомъ манифеста 17 окт. и въ своей декларацiи, прочитанной въ началѣ первой сессіи, звалъ Думу къ совмѣстной работѣ для осуществленія манифеста. Но въ дѣйствительности онъ конечно ничего не дѣлалъ и не могъ дѣлать для осуществленія манифеста, въ то время какъ его товарищи по министерству дѣятельно работали надъ его ниспроверженіемъ.

И въ итогѣ совмѣстной дѣятельности г. Коковцева и октябристовъ какая то щемящая тоска начала окутывать Думу.

Вниманіе и интересъ къ Думѣ начали притупляться, духъ жизни какъ будто началъ отлетать отъ Думы и Дума грозила превратиться въ какое то мертвое, безжизненное учрежденіе. Даже использованіе Думы, какъ трибуны для запросовъ и оппозиціонныхъ рѣчей, начало какъ то тускнѣть, терять свою былую яркость и силу. Вопіющіе факты одинъ за другимъ выносила соціалъ-демократическая фракція на парламентскую трибуну—факты преслѣдованія рабочей печати и рабочихъ союзовъ, насильственнаго вмѣшательства администраціи въ стачки, истязаніе политическихъ узниковъ въ каторжныхъ тюрьмахъ. Но ко всему можно привыкнуть и къ фактамъ этимъ привыкли всѣ, также какъ привыкли къ тому, что запросы о нихъ, очень часто при содѣйствіи большинства Думы, не получаютъ никакого отклика, никакого отвѣта со стороны представителей правительства.

Жизнь требуетъ движенія, и то состояніе какого то мертваго покоя, какой то застывшей неподвижности, которое начало водворяться въ началѣ второй сессіи въ Думѣ и въ отношеніяхъ Думы къ правительству, производило прямо удручающее впечатлѣніе. Чувствовалось, что требовался сильный напоръ жизни, чтобы пробудить это мертвое упорство и разрушить фактической союзъ г. Коковцева и гг. октябристовъ на почвѣ безнадежнаго топтанія на одномъ мѣстѣ.

Но прежде, чѣмъ началъ оказывать свое дѣйствіе напоръ жизни, послѣдовалъ натискъ съ другой стороны, со стороны реакціи. Реакція тоже устала отъ топтанія на мѣстѣ, она тоже хотѣла движенія, своего движенія, движенія назадъ отъ поднимающихся требованій и запросовъ жизни. И г. Коковцевъ бывшій только попустителемъ реакціи, но не ея горячимъ апологетомъ, вызывалъ къ себѣ въ реакціонныхъ кругахъ самую опредѣленную вражду. Для нашей реакціи г. Коковцевъ былъ слишкомъ европейцемъ, лицо его, какъ министра финансовъ, было поневолѣ обращено къ Европѣ. Чтобы поддерживать довѣріе къ правительству со стороны финансовыхъ круговъ Европы, онъ считалъ необходимымъ хоть нѣкоторый декорумъ европейскихъ формъ жизни. Кромѣ того, г. Коковцевъ по тѣмъ же причинамъ былъ плохимъ націоналистомъ.

Не даромъ онъ возбуждалъ къ себѣ такую вражду со стороны правыхъ и націоналистовъ въ Думѣ. Тѣ не могли забыть

Столыпина и даже больше не за то, что онъ далъ имъ, а за то что могъ еще дать.

Столыпинъ умѣлъ зажигать Думу націонализмомъ и объединять на почвѣ травли инородцевъ съ правыми и націоналистами и октябристовъ, отвлекая тѣмъ самымъ послѣднихъ отъ стремленія провести хоть что нибудь изъ манифеста 17 октября. Но все, что было сдѣлано Столыпинымъ въ области націонализма для правыхъ и націоналистовъ, было только еще началомъ. За цвѣточками для нихъ должны были послѣдовать еще ягодки. Представители падающаго дворянскаго землевладенія, они, не находя реальнаго выхода, хваталась за призраки. Поддержать и спасти свое положеніе они надѣялись путемъ націоналистической политики. Не будучи въ состояніи приспособиться къ развивающемуся капитализму и терпя подъ ударами его развитія пораженіе за пораженіемъ, они проникались горячей ненавистью къ евреямъ—банкирамъ, евреямъ—купцамъ, этимъ яркимъ и характернымъ фигурамъ современной экономической жизни.

Національное различіе и національное отталкиваніе толкали ихъ къ олицетворенію въ евреяхъ всѣхъ бѣдъ, всѣхъ напастей, которыя сыпались на нихъ отъ развивающагося капитализма. Горячее сочувствіе вызывали у нихъ поэтому всѣ гоненія, всѣ преслѣдованія евреевъ, организованныя при Столыпинѣ. Но то, что было сдѣлано въ этомъ направленіи, было пока еще только для души.

Серьезнаго же улучшенія своего положенія они ждали отъ изгнанія евреевъ изъ области экономической жизни, отъ уничтоженія или по крайней мѣрѣ ослабленія той громадной роли, которую они въ ней играютъ: и вотъ тутъ они упирались въ границы, за которыми съ ними было не по дорогѣ ни октябристамъ, ни г. Коковцеву. Октябристамъ, потому что они частью буржуазная партія, г. Коковцеву, потому что все свое бюрократическое воспитаніе онъ получилъ въ министерствѣ финансовъ, на почвѣ соприкосновенія съ экономической жизнью, съ ея по необходимости интернаціональнымъ характеромъ. Въ этой области г. Коковцевъ оказался, пожалуй, даже принципіальнымъ человѣкомъ, потому что не умѣлъ или не хотѣлъ въ этомъ случаѣ надѣвать даже личину и поддерживать въ право-націоналистическомъ лагерѣ хотя бы нѣкоторыя иллюзіи насчетъ возможности осуществленія чего нибудь изъ ихъ бредней о націонализаціи кредита, націонализаціи торговли и пр.

Этимъ онъ рѣзко оттолкнулъ отъ себя даже націоналистовъ, что же касается крайнихъ правыхъ, Пуришкевичей и Марковыхъ, то тѣхъ онъ не удовлетворялъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ отличіе отъ націоналистовъ, которые готовы были въ политической области удовлетвориться тѣмъ уровнемъ реакціи, до котораго они дошли передъ четвертой Думой, и даже готовы были нѣсколько ослабить ее, девизомъ Пуришкевича и Маркова было: впередъ, все дальше впередъ по пути реакціи, чтобы подавить, уничтожить въ самомъ зародышѣ всякое вѣяніе свободной мысли, свободнаго слова, какъ опасное для нихъ, какъ угрожающее ихъ положенію. Г. Коковцевъ и съ этой стороны казался имъ совершенно неподходящимъ человѣкомъ.

И въ итогѣ реакція сдѣлала натискъ. Натискъ со стороны

для г. Коковцева совершенно неожиданный. При обсужденіи законопроекта о борьбѣ съ пьянствомъ въ Гос. Совѣтѣ, г. Коковцевъ, въ области винной монополіи только продолжавшій политику г. Витте, вдругъ въ устахъ и г. Витте и другихъ членовъ Гос. Совѣта оказался преступнымъ спаивателемъ народа. Конечно, не въ винѣ была тутъ сила. А въ томъ, что г. Коковцева нужно было убрать. И его убрали, замѣстивши его въ должности предсѣдателя совѣта министровъ—г. Горемыкинымъ, а въ должности министра финансовъ г. Баркомъ.

Замѣна эта имѣла вполнѣ опредѣленный смыслъ: г. Горемыкинъ долженъ былъ выше поднять знамя реакціи въ политической области; и г. Баркъ работать для осуществленія націоналистическихъ стремленій въ экономической области.

Что касается г. Барка, то уже такова участь всякаго министра финансовъ: онъ принужденъ былъ довольно сильно обмануть надежды правыхъ и націоналистовъ.

Въ началѣ, въ особенности, чтобы успокоить начинающееся волненіе въ торгово-промышленныхъ кругахъ ему приходилось все отрекаться отъ націоналистическихъ бредней—отъ націонализаціи кредита, отъ націонализаціи хлѣбной торговли.

Но все таки кое-что новое въ области націонализма принесло съ собой новое правительство. Въ совѣтѣ министровъ—съ явнымъ нарушеніемъ правъ Думы—былъ принятъ новый законъ объ акціонерныхъ обществахъ, содержащій рядъ ограничиній для евреевъ и иностранцевъ. Эта націоналистическая мѣра произвела удручающее впечатлѣніе на биржу, вызвала стремительное паденіе бумагъ и нашла самое рѣшительное осужденіе на недавно бывшемъ съѣздѣ предствителей промышленности и торговли.

Еще опредѣленнѣе дѣйствовало новое правительство въ политической области. Тутъ оно просто повело штурмъ на Думу и ея права.

Сперва начали „разъяснять“ нѣкоторыя права Думы. И оказалось, что предсѣдатель совѣта министровъ не обязанъ отвѣчать на запросы Думы, и что Дума не имѣетъ права вырабатывать и вносить своего законопроекта, когда его разработать выразило желаніе правительство, хотя бы оно его разрабатывало до безконечности.

А потомъ начали дѣйствовать еще рѣшительнѣе и привлекли Чхеидзе къ судебной отвѣтственности по 129 ст. за рѣчь, сказанную съ парламентской трибуны. Этимъ актомъ правительство просто отмѣняло неугодную ему 14 ст. Учрежд. Гос. Думы, которая опредѣленно говоритъ, что члены Думы пользуются полной свободой сужденій.

Въ этомъ походѣ на права Думы правительство оказалось въ концѣ концовъ одинъ на одинъ съ Пуришкевичемъ и его партіей, такъ какъ даже націоналисты осудили привлеченіе Чхеидзе къ отвѣтственности. Огромное большинство Думы оказалось въ этомъ случаѣ противъ правительства, но слова осужденія не возстанавливаютъ нарушенныхъ правъ Думы и не защищаютъ ихъ отъ дальнѣйшихъ посягательствъ. Необходима борьба. И когда дѣло дошло до борьбы, IV Дума оказалась, конечно, несостоятельной.

Вся оппозиція, объединившись въ этомъ случаѣ, внесла законопроектъ, устанавливающій безотвѣтственность депутатовъ за произносимыя ими рѣчи, и въ то же время внесла предложеніе отсрочить обсужденіе бюджета до того момента, когда этотъ проектъ станетъ законнымъ. Это на почвѣ Думской дѣятельности былъ единственный, цѣлесообразный, отвѣчающій достоинству Думы, актъ борьбы. Дума, какъ извѣстно, на это не пошла. Октябристы свели дѣло только къ отверженію нѣсколькихъ кредитовъ по министерству вн. дѣлъ и къ принятію пары резолюцій.

Въ то же время и оппозиція не проявила достаточнаго единства дѣйствій. Кадеты и прогрессисты совершили актъ предательства по отношенію къ лѣвымъ, частью активно, частью пассивно—голосованіемъ или воздержаніемъ отъ голосованія поддержавши насиліе, произведенное надъ ними большинствомъ Думы послѣ того, какъ тѣ обструкціей выразили протестъ противъ обсужденія бюджета.

Въ Думѣ, такимъ образомъ, не оказалось ни сплоченности, ни смѣлости въ отстаиваніи своихъ правъ противъ покушеній на нихъ бюрократіи.

Дума, правда, приняла огромнымъ большинствомъ законопроектъ о безотвѣтственности депутатовъ, но это, конечно, не актъ борьбы, такъ какъ всѣмъ ясно, что этотъ законопроектъ погибнетъ въ Гос. Совѣтѣ. Болѣе же дѣйствительное орудіе внѣ отстаиванія своихъ правъ—отказъ въ утвержденіи бюджета, Дума выпустила изъ своихъ рукъ. Мало того. Она пошла еще дальше. Она не только дала въ руки бюрократіи, покушающейся на ея права,—нормальный бюджетъ, но поднесла еще къ ея ногамъ чрезвычайные и огромные военные кредиты, которые падутъ тяжелымъ бременемъ на плечи народа.

Въ тайномъ засѣданіи, тайно слѣдовательно отъ народа, Дума въ лицѣ право-октябристскаго большинства съ присоединеніемъ еще прогрессистовъ, поспѣшно, безъ всякаго серьезнаго обсужденія утвердила эти кредиты.

Дума такимъ образомъ не только не использовала своихъ бюджетныхъ правъ для отраженія посягательствъ на другія свои права, а принизила самые бюджетныя свои права, свела ихъ на нѣтъ въ вопросѣ, который затрагивалъ самые жизненные интересы народа. Правда, тутъ были затронуты экономическіе интересы. Огромные военныя кредиты означаютъ и огромные заказы промышленности. Не даромъ, захлебываясь отъ восторга, о нихъ говорили репортеру биржевики, представители различныхъ партій, участвовавшихъ въ этомъ позорномъ актѣ. Но даже съ точки зрѣнія своихъ экономическихъ интересовъ эти господа не достаточно дальновидны. Потому что военные кредиты грозятъ вывести бюджетъ изъ равновѣсія и стать новымъ факторомъ разоренія населенія, а это не можетъ не почувствовать на себѣ въ концѣ концовъ и промышленность. И во всякомъ случаѣ когда дѣло идетъ о сотняхъ милліоновъ, которые долженъ будетъ въ концѣ концовъ заплатить народъ, даже съ точки зрѣнія своихъ экономическихъ интересовъ представителямъ буржуазіи изъ среды думскаго большинства было естественно ближе просмотрѣться ко всѣмъ этимъ предстоящимъ расходамъ и тщательно взвѣсить ихъ цѣлесообразность. Ихъ же не хватило даже на это.

Дума, умѣющая настолько забывать о своихъ элементарныхъ правахъ и обязанностяхъ, конечно должна быть готова къ новымъ униженіямъ, къ новымъ посягательствамъ на свои права.

И когда я дописываю эти строки, я уже имѣю возможность констатировать свѣжій фактъ такого посягательства. Онъ идетъ отъ Гос. Совѣта, дѣйствующаго въ этомъ случаѣ въ полномъ согласіи съ правительствомъ. Гос. Совѣтъ, поставившій себѣ какъ будто спеціальной цѣлью хоронить въ послѣднее время всѣ проблески сколько-нибудь живой работы Гос. Думы, напр., законопроекты о приказчикахъ, о волостномъ земствѣ, о городскомъ самоуправленіи въ Польшѣ, теперь вдохновляемый правительствомъ вступилъ на почву ограниченія Думы въ ея конституціонныхъ правахъ. Дѣло шло о V отд. законопроекта о гос. росписи, которымъ Гос. Дума пыталась прекратить произвольное передвиженіе кредитовъ изъ одного параграфа смѣты въ другой по возникающимъ сверхсмѣтнымъ надобностямъ, передвиженіе, которое широко практиковалось до сихъ поръ, хотя прямо противорѣчило закону.

Противъ этого предложенія по существу не спорилъ ни Госуд. Совѣтъ, ни правительство. Но правительство считало незаконнымъ присоединеніе этого законопроекта къ общему законопроекту о росписи. И дѣйствующій по его указаніямъ Гос. Совѣтъ, не задумываясь разрубилъ законопроектъ о росписи на двѣ части—самую роспись постановилъ считать признанной законод. учрежденіями, а законопроектъ о росписи отвергнутымъ. Никакого права, конечно, по закону Гос. Совѣтъ не имѣлъ исправлять или измѣнять собственною властью законопроектъ принятый Думой и въ этомъ измѣненномъ видѣ представлять на утвержденіе Верховной власти. Но право создается силой. И Гос. Дума не обнаруживала самой элементарной смѣлости при отстаиваніи своихъ правъ, повернувшаяся спиной къ народу, при обсужденіи военныхъ кредитовъ забывшая о своихъ правахъ и обязанностяхъ, когда дѣло шло о самыхъ жизненныхъ интересахъ народа, такая Дума должна быть готова идти отъ пораженія къ пораженію.

Н. Череванинъ.

ОТКЛИКИ.

О чемъ говоритъ день рабочей печати?

День 22-го апрѣля—день рабочей печати,—съ этого года составитъ несомнѣнно одну изъ тѣхъ историческихъ датъ, которыя рабочее движеніе въ Россіи ежегодно отмѣчаетъ въ качествѣ боевыхъ этапныхъ пунктовъ, вѣхъ на своемъ историческомъ пути

„День“ рабочей печати, растянувшійся фактически на цѣлый почти мѣсяцъ, принялъ характеръ не простого сбора денегъ въ пользу рабочихъ газетъ, но цѣлой политической кампаніи, манифестаціи рабочаго класса противъ законопроекта о печати и солидаризаціи его съ ежедневными рабочими газетами. Около

25 тысячъ рублей, собранныхъ буквально по копѣйкамъ въ пользу рабочей прессы, противъ которой реакція совершаетъ свой походъ, лучше всякихъ разсужденій говорятъ о томъ, въ какой мѣрѣ рабочая печать стала дѣломъ самихъ рабочихъ.

Но не надо обманывать себя. Та же сумма около 30 тыс. рублей, которая свидѣтельствуетъ о тѣсной идейной связи рабочихъ газетъ съ рабочимъ авангардомъ, показываетъ, что для широкихъ слоевъ рабочихъ массъ рабочая газета не стала еще насущной потребностью, кровнымъ дѣломъ, на алтарь котораго приносятся добровольныя жертвы. О томъ же говоритъ и тотъ фактъ, что даже въ Петербургѣ, центрѣ рабочаго движенія, несмотря на энергичную устную и печатную агитацію, всего на 2—3-хъ заводахъ были произведены широкія массовыя отчисленія рабочихъ въ пользу газетъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ въ сборахъ принимали участіе преимущественно ближайшіе единомышленники и постоянные читатели рабочихъ газетъ. Этотъ фактъ не слѣдуетъ преувеличивать, но его нельзя и замалчивать. Онъ указываетъ, что передъ сознательнымъ передовымъ отрядомъ пролетаріата еще совершенно нераспаханное поле дѣятельности, что рабочій классъ въ своей массѣ далеко еще не готовъ къ переходу къ тѣмъ „высшимъ"—формамъ борьбы, о которыхъ всуе твердятъ правдистскіе демагоги, принявшіе стихійныя массовыя стачки рабочихъ, возникающія по самымъ различнымъ поводамъ въ силу общаго экономическаго подъема и политическаго оживленія, за сознательно ставящее себѣ опредѣленныя цѣли („неурѣзанные лозунги") движеніе.

Эту вредную иллюзію относительно степени сознательности и организованности движенія, которая не позволяетъ дѣлать политически правильныхъ выводовъ, слѣдуетъ разбивать. И день 22-го апрѣля показалъ дѣйствительность въ ея неприкрашенномъ видѣ

Но день рабочей печати далъ возможность сдѣлать не только такіе отрицательные выводы.

Если кампанія въ пользу рабочей печати обнаружила чуждость ея широкимъ пролетарскимъ массамъ, то она же дала полную возможность проявиться тѣмъ по истинѣ героическимъ усиліямъ, которыя проявляютъ сознательные кадры россійскаго пролетаріата въ дѣлѣ распространенія и укрѣпленія своей печати. А эти усилія лучшій залогъ того, что дѣло рабочей печати не замретъ, какую бы участь не готовилъ ей правительственный законопроектъ о печати. День рабочей печати имѣлъ большое значеніе въ дѣлѣ *организаціи* передовыхъ рабочихъ элементовъ вокругъ своихъ политическихъ газетъ и ихъ политической и тактической линіи. Онъ показалъ на конкретномъ примѣрѣ, что организація и мобилизація широкихъ слоевъ рабочаго класса скорѣе достигается и можетъ достигаться на почвѣ открытыхъ политическихъ выступленій, чѣмъ путемъ резолюцій и совѣщаній небольшихъ и политически бездѣйственныхъ группъ и группокъ.

Еще въ одномъ отношеніи день рабочей печати былъ весьма показательнымъ, въ отношеніи соразмѣренія силъ обоихъ с. д. направленій въ этой кампаніи.

Вопреки стараніямъ „Пути Правды" превратить день рабочей печати въ юбилей правдистской печати и въ торжество ленинскихъ сторонниковъ, онъ усиліями самихъ рабочихъ превращенъ былъ въ политическій день рабочей печати, прошедшій въ общемъ и цѣломъ подъ знакомъ единства. Политическій смыслъ рабочаго авангарда оказался сильнѣе фракціонныхъ замысловъ ленинскаго кружка; инстинктивная тяга широкихъ круговъ рабочихъ къ единству одержала верхъ надъ раскольничьими стремленіями кружковыхъ людей.

День 22-го апрѣля въ общемъ и цѣломъ прошелъ подъ флагомъ единства. Во многихъ случаяхъ мы видимъ совмѣстные сборы и дѣленіе этихъ сборовъ на объ с. д. газеты (а иногда и на нѣкоторыя другія), или по крайней мѣрѣ параллельное, безъ склоки, собираніе средствъ на свою газету, несмотря на рѣшительные протесты противъ этого „Пути Правды" и большевистской профессіональной прессы. И не только рабочіе—меньшевики или нефракціонные, но даже большевики въ нѣкоторыхъ мѣстахъ высказывались за совмѣстные сборы и равный раздѣлъ денегъ.

Конечно, группы сознательныхъ единомышленниковъ той или другой газеты дѣлали отчисленія и производили сборы въ пользу только той газеты, съ направленіемъ которой они солидарны. И что же оказалось?

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ „Путь Правды" утверждалъ, что

„ликвидаторы" это кучка интеллигентовъ, „выброшенная изъ рядовъ рабочаго движенія", что рабочія массы давно „сняли съ постовъ ликвидаторовъ" и т. д.

Лживость этихъ демагогическихъ утвержденій должна стать ясной для всѣхъ непредубѣжденныхъ послѣ дня рабочей печати. По послѣднимъ опубликованнымъ въ обѣихъ газетахъ отчетамъ, на большевистскую газету собрано около 27 тысячъ, на меньшевистскую около 12 тысячъ. Разница, какъ видимъ, не очень велика. И объ устраненіи изъ рабочаго движенія сторонниковъ „Сѣв. Раб. Газ." (теперь „Наш. Раб. Газ.") говорить не приходится. Недаромъ большевистская печать изо дня въ день ведетъ съ ней борьбу. Но это еще не все. Если всмотрѣться пристальнѣе въ отчеты, мы убѣдимся, что въ сборахъ какъ на одну, такъ и на другую газету громадное большинство относится на долю рабочихъ группъ. Такихъ рабочихъ группъ, приславшихъ вмѣстѣ съ деньгами привѣтствія „Сѣв. раб. газетѣ", насчитывается болѣе 900, т. е. не уступаетъ числу подобныхъ же привѣтствій, полученныхъ „Путемъ Правды". Слѣдуетъ отмѣтить еще, что по провинціи сборы на меньшевистскую газету дали больше, чѣмъ на большевистскую, и количество провинціальныхъ районовъ и группъ, откликнувшихся на призывы „Сѣв. Раб. Газ.", превышаетъ количество такихъ же группъ, поддержавшихъ въ день 22-го апрѣля большевистскую печать.

Такимъ образомъ, день рабочей печати показалъ, что если „Путь Правды" и распространяется больше, чѣмъ меньшевистская газета (преимущественно на счетъ Петербурга), то послѣдняя имѣетъ главную свою опору въ провинціи и самымъ тѣснымъ образомъ связана съ организованными и передовыми группами всероссійскаго авангарда.

Вотъ почему, сорвавшись на попыткѣ устроить изъ дня рабочей печати юбилей своей политической лавочки, „Путь Правды" не бьетъ, по своему обыкновенію, въ барабаны по случаю собранныхъ 17 тыс. и не спѣшитъ съ сравнительной таблицей группъ, жертвовавшихъ на ту и другую газету.

В. Левицкій.

Судъ надъ адвокатами.

Хотя въ героической эпопеѣ все обостряющейся и захватывающей все новые слои и группы политической борьбы демократіи противъ силъ реакціи, процессъ петербургскихъ адвокатовъ является лишь однимъ изъ эпизодовъ, но онъ все же достаточно ярокъ и красоченъ, а главное чрезвычайно характеренъ для того, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе широкихъ круговъ народа.

Являясь формально однимъ изъ моментовъ „бейлисіады", примыкая къ длинной цѣпи актовъ мести и расправы со стороны реакціи со всѣми тѣми, кто осмѣлился протестовать противъ политики націонализма и черносотенной агитаціи,—адвокатскій процессъ при своей инсценировкѣ далеко вышелъ за первоначальные предѣлы, поставленные ему судомъ, и удачно обнажилъ и вскрылъ передъ взоромъ отчетливую и ясную картину общественной сумятицы и растерянности.

Въ самомъ дѣлѣ! Совершенно очевидно, что нужны были особыя условія, особая политическая ситуація для возможности постановки на судебную сцену такого процесса.

Для всѣхъ безъ исключенія общественныхъ группъ ясно, что *формальные* мотивы привлеченія адвокатовъ къ отвѣту и ихъ осужденія, не выдерживаютъ ни малѣйшей юридической критики. Совершенно правильно отмѣчалось въ печати, что обвиненіе *отсутствовало* въ судѣ, что матеріалъ, предъявленный обвинит. актомъ и судебнымъ слѣдствіемъ адвокатамъ, былъ разбитъ, уничтоженъ, развѣянъ по воздуху защитниками и обвиняемыми. И это не потому только, что блестящей плеядѣ первоклассныхъ адвокатскихъ силъ смогли противопоставить лишь бездарнаго обвинителя, лишеннаго всякаго чувства смѣшного!

Реакція и *не считала нужнымъ* облечь хоть въ сколько нибудь приличную и юридически прочную броню свою борьбу противъ петерб. адвокатуры. И послѣдняя попала на скамью подсудимыхъ не потому, чтобы ея протестъ былъ особо рѣзокъ и чѣмъ либо отличался отъ десятковъ и сотенъ протестовъ рабочихъ, врачей, учителей и др. общественныхъ группъ, выступившихъ въ скорбные дни кіевскаго ритуальнаго дѣйствія въ защиту права и культуры.

Нѣтъ! адвокатура—въ лицѣ 25 ея членовъ — пала жертвой реакціонной мести только потому, что въ условіяхъ русской дѣйствительности адвокатское сословіе—за послѣдніе 10 лѣтъ—дольше

другихъ сохраняло традиціи борьбы буржуазнаго либерализма и демократіи противъ третьеіюньскаго режима. Потому, что въ силу особаго положенія адвокатовъ въ общественномъ механизмѣ, сословіе вынуждено, отстаивая свои профессіональные интересы, переходить въ наступленіе, бороться съ неудержимымъ и постояннымъ попираніемъ самыхъ элементарныхъ правовыхъ основъ общества, безъ которыхъ немыслимо даже формальное отправленіе адвокатскихъ функцій.

Но была и другая причина, дѣлавшая возможнымъ постановку *такого* процесса.

Эта причина кроется въ полной распыленности буржуазной оппозиціи, въ чрезвычайной пассивности ея, въ глубокомъ параличѣ ея энергіи и отсутствіи всякой политической иниціативы у ея членовъ. Уже самое поведеніе ея во время процесса Бейлиса говорило о слабости ея силъ, о томъ, что она не съумѣетъ использовать процессъ въ его полномъ объемѣ, что отъ нея скрытъ подлинный смыслъ этого дѣла, и что она не съумѣетъ взять его за исходную точку своей собственной мобилизаціи. Разрозненность и случайность выступленій, недоговоренность и неяркость протестовъ, трусливое благоговѣніе передъ формальностями и боязнь широкаго политическаго движенія на почвѣ кіевскаго процесса—ясно били въ глаза и говорили о внутреннемъ безсиліи движенія. Вотъ почему вожди и вдохновители реакціи поспѣшили перейти въ наступленіе, не давая окрѣпнуть организаціи общественныхъ силъ. Мстя за только что пережитое безпокойство реакція поспѣшила выбить оппозицію изъ сѣдла и стала поодиночкѣ добивать ея отдѣльные отряды. А такъ какъ фактически въ центрѣ буржуазной оппозиціи стала адвокатура, она и стала одной изъ первыхъ многочисленныхъ жертвъ той неурядицы, которая царитъ въ лагерѣ ея единомышленниковъ и друзей.

Отдѣльные моменты суда — напр, поведеніе ряда адвокатовъ, бывшихъ на собраніи, но не попавшихъ на скамью подсудимыхъ и др. — говорятъ о томъ, что реакція недурно знаетъ своихъ враговъ и хорошо иногда разсчитываетъ.

Но одно упустила она изъ виду—это то, что на общественной аренѣ есть и иные слои борющихся, что передовой отрядъ пролетаріата тоже иногда недурно учитываетъ обстоятельства. Вотъ почему онъ поддержалъ протестъ противъ суда надъ адвокатами, придалъ ему наиболѣе яркую форму и вложилъ въ него максимально-опредѣленное и послѣдовательное содержаніе. Въ этомъ смыслѣ забастовки, митинги и резолюціи протеста, въ которыхъ приняли участіе тысячи рабочихъ, были не только проявленіемъ чувства стихійно-рвущагося наружу недовольства, но и сознательнымъ тактическимъ планомѣрнымъ актомъ, которымъ—продолжая съ одной стороны, свою борьбу противъ реакціи,—пролетаріатъ вмѣстѣ съ тѣмъ ставилъ въ упоръ буржуазной оппозиціи или по крайней мѣрѣ ея демократическимъ элементамъ вопросъ: идетъ ли она на путь такой же рѣшительной защиты права и свободы страны, и если идетъ, то съ кѣмъ—съ рабочей демократіей, единственно послѣдовательной до конца защитницы и этихъ обще-демократическихъ цѣнностей или противъ нея? Отвѣтъ долженъ быть данъ ясный и не только словами...

В. Миров.

БИБЛИОТЕКА
Имэл
при ЦК ВКП(б)
Библиотека
Института В. И. Ленина

Редакторъ С. Д. Хенинъ. Издатель Я. Л. Каневскій.

Контора проситъ Гг. полугодовыхъ подписчиковъ озаботиться внесеніемъ второго взноса во избѣжаніе перерыва въ высылкѣ журнала.

„Коммерческая Типографія“, СПБ., Средн. Подъяч. 4. Тел. 520-32.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
Бывшій М. В. ПОПОВА. С.-Пбургъ, Невскій, 66.
ФИРМА СУЩ. СЪ 1847 ГОДА.

НОВЫЯ КНИГИ:

О. Миртовъ. Яблони цвѣтутъ. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.
Савватій. Тетрадь въ сафьянѣ . . . Ц. 1 р. — к.
Михаилъ М-скій. Отъ бурсы до снятія сана Ц. 1 р. — к.
А. Липецкій. Надя Данкова. Повѣсть . Ц. — р. 75 к.
Наемъ имущества подъ ред, В. Я. Крюковскаго тов. об.-прок. Прав. Сената (руков. для квартиронаним.) . . Ц. — р. 50 к.
В. Левицкій. Августъ Бебель. Его жизнь и дѣятельность . . . . . Ц. — р. 35 к.
А. Бибикъ. Къ широкой дорогѣ. Ром. съ пред. В. Львова-Рогачевскаго. Ц. 1 р. 20 к.

Большой выборъ литературы по вопросамъ рабочаго, профессіональнаго движенія, страхованія рабочихъ (изд. „Прибой“, „Наканунѣ“, Г. Ѳ. Львовича, „Нашъ Міръ“ и др.).

ВСѢ ВЫХОДЯЩІЯ КНИЖКИ—НОВИНКИ.

Книги высылаются наложеннымъ платежемъ. Каталоги безплатно.

Принимается подписка на нефракціонный рабочій журналъ марксистскаго направленія

„БОРЬБА“.

Вышли книги 1, 2, 3, 4, 5 и 6.

Условія подписки: На годъ—3 р.; на ½ г.—1 р. 50 к.; на 3 мѣс.—75 к. Цѣна отдѣльнаго номера 15 коп.

Адресъ конторы и редакціи: **С.-Петербургъ, Пет. стор., Плуталова улица, д. 21, кв. 12.**

Контора открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 5—9 веч.

Открыта подписка на еврейскую рабочую газеты

„УНЗЕРЪ ЦАЙТЪ“

выходитъ въ С.-Петербургѣ по понедѣльникамъ и четвергамъ.

Подписная цѣна: въ Россіи: на годъ—3 р., на ½ года—1 р. 50 к., на ¼ года—75 к., на 1 мѣсяцъ—25 к. Заграницу: на годъ—4 р. 80 к., на ½ года—2 р. 40 к., на ¼ года—1 р. 20 к., на 1 мѣсяцъ—40 к,

Подписка только съ 1-го числа. За перемѣну адреса 20 к.

Адресъ конторы и редакціи:

С.-Петербургъ, Загородный пр., 9, кв. 40, Контора газеты „Унзеръ Цайтъ“.

Издательство „НАКАНУНѢ“.

Вышли въ свѣтъ брошюры:

Г. Батурскій и **С. Шварцъ**. Уставъ больничной кассы ц. 25 к. **М. Хейсинъ**. Что такое больничная касса и какой она должна быть? ц. 6 к. **М. Хейсинъ**. Врачебная помощь и больничныя кассы (съ рис.). ц. 8 к. **Е. Львова**. Женщина-работница ц. 3 к.; **В. Ежовъ**. Больничныя кассы изд. 2 испр. ц. 15 к., **А. Н. Потресовъ**. П. Б. Аксельродъ (45 л. обществ. дѣят.) съ портретомъ цѣна 25 коп. **В. Майскій**. Какъ организованы рабочіе въ Германіи (съ рис.) ц. 15 к., **В. П.** Въ помощь увѣчному ц. 10 к. (2 изд.). **Е. Львова**. В. Либкнехтъ (съ портр.) ц. 15 к. **В. Вольскій**. На пути къ свободѣ слова (законопроектъ о печати) ц. 10 к. **В. Левицкій**. Какъ рабочіе добивались права коалиціи ц. 15 к.

Выписывать можно черезъ „Сѣверную Раб. Газету“ СПБ. Перекупной пер. д. 22/5 кв. 7, и черезъ „Страхованіе Рабочихъ“ Загородный пр., 12, кв. 40.

„Наша Рабочая Газета“.

Продолжается подписка.

Въ газетѣ имѣются слѣдующіе постоянные отдѣлы: 1) статьи, 2) Фельетоны, 3) заграницей, 4) Гос. Дума (стенографич. отчетъ членовъ с.-д. фракціа), 5) въ Таврическомъ Дворцѣ, 6) въ с.-д. фракціи, 7) телеграммы, 8) хроники, 9) судьбы печати,, 10) голоса рабочихъ, 11) московская жизнь, 12) рабочее движеніе, 13) страхованіе рабочихъ (статьи и корреспонденціи), 14) въ обществахъ союзахъ, 15) рабочая жизнь, 16) Прибалтійскій край, 17) въ городиѣ и деревнѣ, 18) юридическіе отвѣты, 19) почтовый ящикъ.
По четвергамъ и воскресеньямъ въ фельетонѣ—повѣсти, разсказы стихотворенія различныхъ авторовъ: А. Бибика, Вильки-Слесаря, Клавдіи Вольной, Сергѣя Ганьшина, Н. Ляшко, Марусина, Л. Морской, А. Окулова, А. Сергѣева, раб. Сѣдого, Н. Тасина, И. Шмелева и м. д.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ—5 р. 50 к., на полгода 2 р. 50 к., на 3 мѣсяца—1 р. 25 к., на 1 мѣсяцъ—45 к. Заграницу: на годъ—10 р. 50 к. на полгода 5 р. 50 к., на 3 мѣсяца—2 р. 75 к., на 1 мѣсяцъ—1 руб. За перемѣну адреса 20 коп. Подписка только съ 1-го числа.
Адресъ конторы и редакціи: СПБ., уг. Перекупного пер. и Конной ул. (близъ Старо-Невскаго). д. 5—22 кв. 7 (входъ по парадной лѣстницѣ съ Конной).

«Коммерческая Типографія», Средняя Подъяческая, 4. Телеф. 520-32.

V-й годъ изданія.

Библіотека

НАША ЗАРЯ

СОДЕРЖАНІЕ:

А. Вережниковъ. Золотой бурханъ. (Разсказъ).

Стихотворенія: **Л. Морской, В. Александровскаго, А. Липецкаго** и **А. Сергѣева.**

С. Далинъ. Первые шаги рабочаго движенія. (Оконч.).

Раф. Григорьевъ. Посмертный Чеховъ.

М. Панинъ. Переписка Маркса съ Энгельсомъ II.

А. Бибикъ. Нѣтъ, онъ не потонетъ!

К. Дмитріевъ. Общіе вопросы рабочаго законодательства ст. III.

А. Мартыновъ. Пролетаріатъ и мѣщанство.

А. Потресовъ. Postscriptum къ ст. А. Мартынова.

Астровъ. На пути къ политическому оформленію.

Вл Леоновъ. Война и ея причины.

Евг. Маевскій. Война . . . . . .

Н. Череванинъ. Германія передъ внутреннимъ кризисомъ.

В. Л—ій † Жанъ Жоресъ.

М. Х—ъ. Война и кооперація.

А. П—въ. Критическіе наброски. (Нѣкоторые капризы исторіи).

С. Д. Письмо изъ Англіи.

Отклики.

Библіографія.

Объявленія.

№ 7-8-9. Петроградъ, 1914. Ц. 45 к.

Продолжается подписка на 1914 годъ на ежемѣсячный общественно-политическій журналъ

V годъ изд. **„Наша Заря"** V годъ изд.

Съ 1914 года въ журналѣ введенъ **беллетристическій отдѣлъ**, въ которомъ выразили согласіе участвовать: **Д. Айзманъ, А. Бибикъ, Ив. Бунинъ, В. Вересаевъ, Вл. Войновъ, Б. Верхоустинскій, А. Галина, В. Горянскій, Л. Григоровъ, С. Гусевъ—Оренбургскій, Л. Добронравовъ, Карменъ, С. Клычковъ, А. Липецкій, А. Малышкинъ, Н. Матвѣевъ, В. Муйжель, А. Окуловъ, И. Окуневъ, Н. Олигеръ, А. Серафимовичъ, С. Сергѣевъ-Ценскій, И. Сургучевъ, Н. Тасинъ. А. Чапыгинъ, Ив. Шмелевъ,** и мн. др.

Въ 1914 г. предполагается помѣстить слѣд. статьи: **П. Б. Аксельродъ.** Статьи по вопросамъ тактики: **М. Б—въ.** Рабочая печать и законопроектъ о печати; Первый годъ страхового закона; Охрана дѣтскаго труда **К. В—но** Борьба за Тихій океанъ; Англо-Германское соглашеніе; **Л. Войтоловскій.** Кризисъ модернизма; Городъ и деревня въ современной литературѣ; **А. В. Горскій.** Современное состояніе права коалиціи въ Россіи; **Раф. Григорьевъ.** Поэтъ Окуровской Руси (о творчествѣ М. Горькаго); **К Дмитріевъ.** Городъ и деревня; Общіе вопросы рабочаго законодательства; **А. К. Ерманскій.** Тэйлоризмъ въ связи съ новѣйшими тенденціями капиталистическаго развитія; жилищная проблемма, какъ часть соціальнаго вопроса; **А. П. Калитинскій.** Статьи по естествознанію; **А. Коллантай.** Первый годъ примѣненія страхового закона въ Англіи; Движеніе въ пользу государственнаго страхованія материнства; политическія партіи въ Англіи и женское избирательное право; Работа соціалистовъ въ финляндскомъ парламентѣ; **Комаровъ.** Русская фабрично-заводская промышленность за послѣдніе 30 лѣтъ; **В. Львовъ-Рогачевскій.** Поэты—рабочіе; **В. Левицкій.** Старый и новый интернаціоналъ. Изъ исторіи парламентской тактики германской соціалъ-демократіи; **В. Майскій.** Два типа (англійскій и германскій рабочій); Культурныя задачи рабочаго движенія; Организаціи и пролетаріатъ; **Л. Мартовъ.** Итоги с. д. парламентаризма въ Россіи; Ф. Лассаль (къ 50 лѣтію со дня смерти); **А. Мартыновъ.** Исторія отношенія русскихъ соціалистовъ къ войнѣ; Синдикалистскій историкъ о Марксѣ и Бакунинѣ; **П. Масловъ.** Современное состояніе экономической науки; Вздорожаніе жизни; **М. П. Невѣдомскій.** Литературно-критическія статьи; **А. Никитинъ.** Законопроектъ о договорѣ найма торговыхъ служащихъ; **Г. Наумовъ.** Торговый договоръ съ Германіей; Аграрный вопросъ и аграрная политика; **Ортодоксъ.** Нравственное долженствованіе съ точки зрѣнія марксизма; **М. Панинъ.** Переписка Маркса съ Энгельсомъ; **А. Потресовъ.** О морали; Салтыковъ-Щедринъ (къ 25 лѣтію со дня смерти); Пролетаріатъ и искусство; **Т. Ротштейнъ.** Поворотъ въ международныхъ отношеніяхъ; **Саваренскій.** Аграрный вопросъ въ европейской соціалъ-демократіи; **Спектаторъ.** Промышленное оживленіе и промышленный кризисъ; W. Къ 50 лѣтію земства. **М. Хейсинъ.** Во что вылилась общественная борьба съ туберкулезомъ въ Россіи; О кооперативномъ нейтрализмѣ; **Ф. Данъ.** Борьба за „частичныя требованія", **Евг. Маевскій.** Война и революція (десятилѣтіе русско-японской войны); **Я Пилецкій.** Письма изъ Германіи, **Петръ П.** Письма изъ Англіи; **С. Далинъ.** Первые шаги рабочаго движенія; Рабочій день; **М. Павловичъ** Американскій имперіализмъ и мексиканская революція; Желѣзно-дорожный вопросъ на Балканахъ и борьба за свободные выходы къ морямъ; Россія и Франція въ военномъ, торговомъ и финансовомъ взаимоотношеніяхъ; **Н. Череванинъ.** Промышленная конъюнктура. **К. Оранскій.** Соц. печать передъ судомъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: на 1 годъ—3 р. (загран.—4 р.), на 1/2—1 р. 80 к. (загр.—2 р. 30 к.): на 3 мѣс.—1 р. (загр.—1 р. 30 к.); на 1 мѣс.—35 коп. (заграницу—45 к.). Отд. книжка въ продажѣ—30 к.; загран —40 к. Комплекты: за 1910 г. (безъ 5, 6 и 7 кн., разошедшихся)—1 р. 50 к.; за 1911 г. (безъ 1-ой кн.) и 1912 г. по 2 р.; за 1913 г.—2 р. 50 к. съ пересылкой въ Евр. Россію. Рабочимъ приказчикамъ и народ. учителямъ—15% скидки, за перемѣну адреса 21 к. (можно 3 семикоп. марки).

Адресъ конторы и редакціи: Петрог., 5-ая Рождественская, д. 14, кв. 11.

Контора открыта: по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 6 до 9 час. вечера; по вторникамъ, средамъ, пятницамъ и субботамъ отъ 2 до 5 ч. дня.

V-й годъ изданія.

УЧЕБНО 1940 Н.Б.

УЧ. 2 479

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Война не дала редакціи возможности своевременно выпустить очередныя книжки журнала за второе полугодіе. Необходимость дать литературный матеріалъ, соотвѣтствующій современнымъ событіямъ, а также новыя условія печати, созданныя войной, сильно задержали выпускъ номеровъ журнала. Въ виду этого редакціи пришлось прибѣгнуть къ выпуску тройной (№№7—9) книжки журнала.

Чрезвычайныя обстоятельства, связанныя съ войной, сильно отразились и на содержаніи выпускаемой книжки. Часть помѣщеннаго въ ней матеріала, набранная еще до войны, устарѣла; часть статей не могла вовсе появиться; нѣкоторые отдѣлы отсутствуютъ и др.

Редакція приложитъ всѣ усилія, чтобы до окончанія года выпустить еще двѣ книжки, чтобы удовлетворить подписчиковъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

„Коммерческая Типографія" Средняя Подъяч. 4. Тел. 520-32.

1914.

Продолжается подписка на 1914 годъ на ежемѣсячный общественно-политическій журналъ

V годъ изд. **„Наша Заря“** V годъ изд.

Съ 1914 года въ журналѣ введенъ **беллетристическій отдѣлъ**, въ которомъ выразили согласіе участвовать: **Д. Айзманъ, А. Бибикъ, Ив. Буниновъ, В. Вересаевъ, Вл. Войновъ, Б. Верхоустинскій, А. Галина, В. Горянскій, Л. Григоровъ, С. Гусевъ—Оренбургскій, Л. Добронравовъ, Карменъ, С. Клычковъ, А. Липецкій, А. Малышкинъ, Н. Матвѣевъ, В. Муйжель, А. Окуловъ, И. Окуневъ, Н. Олигеръ, А. Серафимовичъ, С. Сергѣевъ-Ценскій, И. Сургучевъ, Н. Тасинъ. А. Чапыгинъ, Ив. Шмелевъ, и мн. др.**

Въ 1914 г. предполагается помѣстить слѣд. статьи: **П. Б. Аксельродъ.** Статьи по вопросамъ тактики: **М. Б—въ.** Рабочая печать и законопроектъ о печати; Первый годъ страхового закона; Охрана дѣтскаго труда **К. В—ко** Борьба за Тихій океа… морское соглашеніе; **Л. Войтоловскій.** Кризисъ модернизма; Го… литературѣ; **А. В. Горскій.** Современное со… Поэтъ Окуровской Руси (о… Общіе вопросы раб… связи съ новѣйшим… проблемма, какъ ч… ствознанію; **А. Кол…** Англіи; Движеніе … литическія партіи… листовъ въ финля… промышленность … **В. Левицкій.** Ста… тактики германс… германскій рабо… пролетаріатъ; **Л…** (къ 50 лѣтію со… ціалистовъ къ … **П. Масловъ.** Со… **М. П. Невѣдомски…** о договорѣ на… Германіей; Аг… долженствова… Энгельсомъ; … смерти); Про… ныхъ отноше… демократіи; … W. Къ 50 лѣ… съ туберкул… за „частичн… русско-японской войны); … изъ Англіи; **С. Далинъ.** Первые шаги рабо…аго … **вичъ** Американскій имперіализмъ и мексиканская рев… жный вопросъ на Балканахъ и борьба за свободные выходы … Россія и Франція въ военномъ, торговомъ и финансовомъ взаимоотношеніяхъ; **Н. Череванинъ.** Промышленная конъюнктура. **К. Оранскій.** Соц. печать передъ судомъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: на 1 годъ—3 р. (загран.—4 р.), на ½—1 р. 80 к. (загр.—2 р. 30 к.): на 3 мѣс.—1 р. (загр.—1 р. 30 к.); на 1 мѣс.—35 коп. (заграницу—45 к.). Отд. книжка въ продажѣ—30 к.; загран—40 к. Комплекты: за 1910 г. (безъ 5, 6 и 7 кн., разошедшихся)—1 р. 50 к.; за 1911 г. (безъ 1-ой кн.) и 1912 г. по 2 р.; за 1913 г.—2 р. 50 к. съ пересылкой въ Евр. Россію. Рабочимъ приказчикамъ и народ. учителямъ—15% скидки, за перемѣну адреса 21 к. (можно 3 семикоп. марки).

Адресъ конторы и редакціи: Петрог., 5-ая Рождественская, д. 14, кв. 11.

Контора открыта: по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 6 до 9 час. вечера; по вторникамъ, средамъ, пятницамъ и субботамъ отъ 2 до 5 ч. дня.

V-й годъ изданія.

УЧТЕНО 1949 И Л

УЖС
Н 479

БИБЛИОТЕКА ИМЭЛ при ЦК ВКП(б)

Наша Заря

Ежемѣсячный журналъ

№ 7.—8.—9.

С.-Петербургъ, 1914 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
„Коммерческая Типографія“ Средняя Подъяч. 4. Тел. 520-32.
1914.

Р.

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б)

Золотой бурханъ.

Разсказъ.

I.

Паслись на просторѣ табуны лошадей и стада барановъ. Не было конца края благодатнымъ степямъ съ обильными травами. Трактовая дорога тянулась на тысячу верстъ. По тракту забайкальцы возили почту и заѣзжихъ чиновниковъ. Села и деревни были рѣдки. Въ иныхъ мѣстахъ на сто верстъ не было жилого мѣста кромѣ почтовой станціи. И отъ станціи къ станціи нужно было ѣхать тридцать пять—сорокъ верстъ. Иногда около самаго тракта можно было встрѣтить бурятскій улусъ съ дымящимися войлочными юртами, стада барановъ и табуны лошадей. Степи лежали между горъ, перебрасывались черезъ сопки, шли лѣсомъ, а тамъ опять сверкали зеленой гладью. И безъ конца тянулся Яблоновый хребетъ, и здѣсь много было зелени, цвѣтовъ, журчали ключи, падая съ горъ бурными потоками. Жила суетной, безпокойной, крикливой человѣческой жизнью только одна столбовая дорога. Привычными путниками были на забайкальскомъ тракту арестанты, „кандальники“, слѣдовавшіе на островъ Сахалинъ. И не будь тамъ, впереди, каторги—Яблоновый хребетъ не слышалъ бы и не видѣлъ бы стоновъ и проклятій этихъ путниковъ, чужихъ, пришлыхъ людей. Здѣсь была тайга величественная, но и безмятежная. Не было шума и грохота отъ множества людей. Промелькнетъ гдѣ нибудь на склонѣ сопки бурятъ верхомъ на своемъ шустромъ лохматомъ иноходцѣ, дремлющій въ сѣдлѣ, безпечный и не торопливый, проѣдетъ по тракту на взмыленной тройкѣ засѣдатель, пройдетъ почта на трехъ возкахъ—и трактъ снова молчитъ, уляжется и пыль на дорогѣ.

Но вотъ, когда гремитъ, громыхаетъ трактъ, бьютъ тревогу звонкоголосые колокольцы подъ дугой забайкальской тройки и пыль клубится столбомъ по дорогѣ—по тракту мчится эстафетъ съ извѣстіемъ:

— Губернаторъ ѣдетъ!..

Этотъ возгласъ гремитъ по всему тракту отъ первой до послѣдней станціи на протяженіи тысячи верстъ. Почтосодержатели готовятъ лошадей, пробуютъ иноходь у буланыхъ и каурыхъ. На каждой станціи заготовили по шести троекъ самыхъ лучшихъ бѣгунцовъ. И за два—за три дня до пріѣзда губернатора на станціи днемъ и ночью держатъ лошадей подъ хомутами. Въ рукахъ лихого ямщика ходуномъ ходитъ расписанная во всѣ цвѣта радуги томская дуга съ рѣзьбой и съ валдайскими коло-

кольцами. На лошадяхъ шлеи съ мѣднымъ блестящимъ наборомъ. Самъ станціонный смотритель безъ заднихъ пятокъ носится по станціонному двору, въ форменномъ сюртукѣ съ ясными пуговицами. Трепещетъ какъ осенній листъ въ непогоду въ ожиданіи проѣзда начальника области. Одинъ разъ въ годъ губернаторъ объѣзжаетъ свою область. Его везутъ на шестеркѣ цугомъ въ собственномъ „проходномъ тарантасѣ".

II.

Губернаторское око проникало въ самые далекіе бурятскіе улусы во время ревизіи области. Буряты боялись губернатора, какъ огня. Но губернаторъ Ольцъ не былъ такимъ страшнымъ. Въ областномъ городѣ, гдѣ онъ и жилъ, его цѣнили. Онъ не былъ черезчуръ придирчивъ и черезчуръ требовательный и къ подчиненнымъ благоволилъ. Однажды на елкѣ въ мужской гимназіи прочитаны были стихи ученикомъ перваго класса, посвященные доброму сердцу его превосходительства. Такъ эти стихи заканчивались:

„Да будешь ты въ далекихъ дебряхъ сихъ
Крылатой птицею и геніемъ добра!
Тебѣ мы посвящаемъ этотъ стихъ—
Ура! ура! ура!..."

Стихи эти были сочинены папашей ученика, читавшаго ихъ на елкѣ, интендантскимъ чиновникомъ Вырупаевымъ и попали на гимназическую эстраду по иниціативѣ директора гимназіи. Потомъ они были напечатаны въ „Областныхъ Вѣдомостяхъ".

Губернатора Ольца еще называли большимъ острякомъ. И въ приказахъ по области его каламбуры сверкали, какъ литое золото. И пожить онъ любилъ весело и легкомысленно. Но въ областномъ городѣ не всѣ его почитали такимъ великолѣпнымъ и остроумнымъ. И нѣкоторые господа путешествія его по бурятскимъ улусамъ и по всему забайкальскому тракту называли набѣгами. Но онъ самъ надъ этимъ смѣялся.

Нужно было ему еще побывать въ Харинской думѣ въ глубинѣ бурятскихъ улусовъ, гдѣ былъ дацанъ и жилъ Далай-лама со множествомъ ламъ—монашествующей бурятской братіей. Онъ предпринялъ это путешествіе въ концѣ лѣта. На каждой станціи въ его „проходной тарантасъ" запрягали „шестерку" и мчали по тракту во весь опоръ. И такъ нерѣдко случалось, что послѣ сорокаверстнаго перегона отъ станціи къ станціи одна-двѣ лошади падали замертво.

На станціяхъ являлись къ нему съ хлѣбомъ-солью: отъ русскаго населенія—старшины и станичные атаманы, отъ бурятскаго—тайши. За неимѣніемъ хлѣба и соли буряты подносили его превосходительству „дары" своего охотничьяго, пастушескаго и кустарнаго промысловъ.

По сю сторону Яблоноваго хребета по пути къ Байкалу губернаторъ свернулъ съ прямого тракта на дорогу къ Харинской думѣ. Здѣсь чаще попадались улусы. И здѣсь буряты встрѣчали начальника области со своими „дарами" вмѣсто хлѣба

и соли. Въ каждомъ улусѣ въ юртѣ тайши поджаривали на вертелѣ для его превосходительства „курагашку"—ягненка, почетное и любимое губернаторское кушанье. Въ здѣшнихъ мѣстахъ много было богатыхъ, исправныхъ бурятъ и не были они пьяницами, какъ обитатели ближайшихъ къ тракту улусовъ. Сюда еще не проникла „голдобинская водка" и спиртъ другихъ забайкальскихъ винокуровъ. Здѣшніе буряты угощались молочной водкой—аракой, вкуса которой губернаторъ не зналъ. И нравились ему харинскіе буряты, веселили своей непосредственностью, простотой и самобытностью. Онъ любовался благодатными степями, гдѣ паслись на просторѣ тысячные табуны лошадей и безчисленныя стада барановъ. Какъ вскипѣвшая морская волна, крыли они бѣлой взыгравшей пѣной обширныя степи, матерые, съ жирными курдюками. Его восхищали дымящіяся войлочныя юрты, продымленныя лица бурятъ и неугасающіе камельки въ тѣхъ же юртахъ, запахъ ароматной свѣжей баранины, жарившейся на свободномъ огнѣ. Непосредственные довѣрчивые пастухи развертывали передъ его превосходительствомъ всѣ свои богатства.

Чѣмъ дальше губернаторъ проникалъ въ глубь бурятскихъ улусовъ, тѣмъ безграничнѣе становилась его власть. О царѣ буряты слышали только сказки и легенды. Но власть единая и нераздѣльная была имъ понятна. Единымъ и нераздѣльнымъ держателемъ власти здѣсь былъ губернаторъ.

III.

Дума устроила начальнику области торжественную встрѣчу. Собрались тайши со всей округи. И все Харинское духовенство во главѣ съ Далай-ламой. Передъ дацаномъ на просторной площади разложили костры и варили въ огромныхъ котлахъ цѣлыя бычачьи туши и матерыхъ барановъ поджаривали на вертелѣ. Устроили игры и зрѣлища. Молодые буряты джигитовали на неосѣдланныхъ дикихъ лошадяхъ, выхваченныхъ изъ табуна арканомъ. Устроили бѣга. Показывали иноходь бѣгунцовъ „съ двумя печенками". Состязались въ борьбѣ. Какъ настоящіе атлеты, борцы выступали съ голыми мускулами и икрами, но еще и обмазанные съ головы до пятъ коровьимъ масломъ и такъ, что масло текло съ нихъ. Бѣгунцы были и среди самихъ бурятъ двуногіе и въ быстротѣ не уступали четвероногимъ бѣгунцамъ-иноходцамъ. Всему этому акомпанировала шаманская музыка.

Харинская дума принимала губернатора, какъ помазанника божьяго. Далай-лама, весь причтъ дацана, тайши старались всѣми силами угодить начальнику области. Въ дацанѣ въ честь или во здравіе губернатора ламы совершали моленіе своимъ богамъ, что то въ родѣ молебна. Принимая все это, какъ должное, губернаторъ снисходительно улыбался и на всѣ привѣтствія и преклоненія благосклонно кивалъ головой. По окончаніи торжественнаго моленія начальникъ области пожелалъ поближе познакомиться съ богами буддійскаго культа. Желаніе его приняли съ покорнымъ смиреніемъ, хотя никто изъ ламъ этого не ждалъ. Русскіе, которымъ приходилось близко видѣть бурятскихъ идо-

ловъ въ дацанѣ, глумились надъ ними и называли ихъ неприличными. И ламы уклонялись удовлетворять любопытство русскихъ, приходившихъ въ дацанъ. Но губернатору отказать въ этомъ не могли. И больше того, были польщены его вниманіемъ и хорошимъ расположеніемъ духа отъ всего того, что онъ лицезрѣлъ. Далай-лама низко поклонился ему и предложилъ слѣдовать въ глубь дацана, въ предѣлы боговъ.

Въ дацанѣ много было ламъ съ бритыми головами, въ желтыхъ одеждахъ. Кое кто изъ нихъ немного говорилъ по-русски и самъ Далай-лама зналъ русскій языкъ. Но здѣсь былъ и присяжный толмачъ. Черезъ переводчика, а иногда и по-русски, Далай-лама объяснялъ губернатору значеніе самыхъ главныхъ боговъ въ буддійскомъ культѣ. Разсказывалъ о чудотворной силѣ то одного, то другого бога. Губернаторъ выслушивалъ благосклонно и разсматривалъ мѣдныхъ и бронзовыхъ идоловъ со всѣхъ сторонъ. О нѣкоторыхъ изображеніяхъ разспрашивалъ подробно, почему у того или у этого много рукъ, много пальцевъ. „Неприличныхъ“ боговъ пытался постигнуть самъ, не спрашивая, объясненій. И такъ въ сопровожденіи Далай-ламы и всего причта дошелъ до самаго главнаго бога, котораго толмачъ назвалъ „золотымъ бурханомъ“. Всѣ ламы преклонились передъ нимъ и какъ то молитвенно притихли.

Переводчикъ объяснилъ губернатору, что этотъ бурханъ отлитъ изъ чистаго золота и вѣситъ больше пуда. Въ дацанѣ онъ поселился съ незапамятныхъ временъ. Обладаетъ чудотворной силой. Исцѣляетъ больныхъ и предостерегаетъ отъ несчастій. Поклоняясь этому бурхану и принося ему жертвы, прозрѣваютъ слѣпые, пріобрѣтаютъ даръ слова нѣмые и къ безумнымъ возвращается разсудокъ. Дальше уже сталъ говорить самъ Далай-лама съ религіознымъ пафосомъ.

Отъ него начальникъ области узналъ, что золотой бурханъ не разъ вылѣчивалъ, исцѣлялъ и православныхъ христіанъ. Вылѣчилъ одного засѣдателя отъ ожиренія сердца, другого избавилъ отъ бѣлой горячки. И еще помогъ какимъ то русскимъ.

Этотъ бурханъ заинтересовалъ губернатора. Онъ не былъ суевѣрнымъ человѣкомъ, но зналъ изъ своей губернаторской практики, что иногда самые неодушевленные предметы творятъ чудеса. И всѣ эти разсказы онъ слушалъ съ большимъ проникновеніемъ. Это тронуло и восхитило ламъ. И они ему разсказывали еще и еще о чудесахъ, творимыхъ золотымъ бурханомъ.

Губернаторъ совсѣмъ заинтересовался этимъ чудеснымъ золотымъ слиткомъ. Онъ даже спросилъ, можно ли до него дотронуться руками. Ламы наклонили головы въ знакъ согласія, а переводчикъ сказалъ съ поспѣшностью:

— Можно-можно, ваше превосходительство!

Губернаторъ вытеръ руки надушеннымъ платкомъ, приподнялъ золотого бурхана съ пьедестала, а потомъ поставилъ на прежнее мѣсто, отстранился почтительно и звякнулъ шпорами.

Теперь онъ самъ распрашивалъ съ большимъ интересомъ, отъ какихъ болѣзней преимущественно излѣчиваетъ золотой бурханъ.

Ламы перечисляли всѣ страшныя, смертельныя болѣзни и отвѣтъ былъ одинъ: отъ всѣхъ болѣзней вылѣчиваетъ. Надо

только усердно молиться и вѣрить въ него: вылѣчитъ всякаго и не бурята исцѣлитъ.

Губернаторъ глубоко вздохнулъ и задумался. Далай-лама и весь причтъ насторожились. Что то хотѣлъ сказать его превосходительство. И онъ сказалъ, еще разъ пытливо взглянувъ на золотого бурхана:

— У меня супруга больна.

Эти слова губернатора вызвали среди ламъ скорбные вздохи. Далай-лама что то произнесъ съ пафосомъ, обращаясь къ золотому бурхану. А дальше уже онъ самъ и всѣ ламы по русски и по-бурятски высказывали соболѣзнованіе и обѣщали молиться о здравіи супруги его превосходительства. Но губернаторъ задумался. Его приковалъ къ себѣ золотой чудотворецъ. Не думалъ ли губернаторъ просить этого чужого бога объ исцѣленіи своей любимой супруги?

Весь городъ зналъ о болѣзни губернаторши. Она была постоянной паціенткой и мѣстныхъ врачей, и проѣзжавшихъ черезъ областной городъ. Обращалась и къ тибетской медицинѣ. Но губернаторша потеряла всякую вѣру въ медицину.

„Меня вылечитъ только какая-нибудь сверхъестественная сила“, говорила она. Но все же всякій новый, заѣзжій врачъ прописывалъ ей микстуры и давалъ совѣты. Однако хорошіе знакомые ей говорили: «васъ вылѣчитъ тотъ богъ, въ котораго вы повѣрите“. И самъ губернаторъ былъ того же мнѣнія: „вѣра спасаетъ человѣка“. Къ тому же жена его была настроена мистически. Кто знаетъ, можетъ быть она повѣритъ и въ буддійскаго идола.

Эта мысль осѣнила губернатора съ перваго же раза и съ каждой минутой крѣпла.

— Онъ является, приходитъ къ больнымъ, когда его просятъ?—спросилъ начальникъ области Далай-ламу черезъ переводчика.

Далай-лама закивалъ головой и сказалъ по-бурятски что то длинное и вдохновенное. Толмачъ перевелъ: „Золотой бурханъ приходитъ ко всѣмъ, кто призываетъ его въ своихъ молитвахъ. И заочно можно его просить объ исцѣленіи отъ недуговъ».

Но губернаторъ произнесъ, обращаясь къ Далай-ламѣ:

— Лучше всего будетъ, если онъ самъ придетъ къ ней. Она должна видѣть его, лицезрѣть,—такъ ли я думаю?

Далай-лама поклонился губернатору въ поясъ—и онъ такъ думаетъ.

На этомъ и кончился разговоръ о золотомъ бурханѣ. Но Далай-лама понялъ губернатора по своему, по буддійски. Онъ былъ мистикъ, вѣрилъ въ чудесное общеніе боговъ съ живыми людьми черезъ пространство и еще вѣрилъ въ переселеніе душъ, а губернаторъ Ольцъ не былъ такимъ мистикомъ: по его теоріи не могли переселяться изъ одного мѣста въ другое неодушевленные предметы безъ посторонней помощи, а таковымъ предметомъ былъ и золотой бурханъ. Свою сверхъестественную силу онъ могъ излучать, по теоріи губернатора, непосредственно изъ своего вещества или существа, какъ предметъ. И такимъ образомъ онъ долженъ былъ предстать передъ супругой губерна-

тора какимъ-нибудь реальнымъ способомъ. И конечно Далай-лама ошибался, если думалъ, что супруга губернатора исцѣлится отъ своихъ недуговъ посредствомъ молитвъ, обращенныхъ къ золотому бурхану, и онъ предстанетъ передъ ней въ какой-нибудь призрачной оболочкѣ неосязаемой и неощущаемой, какъ предметъ.

IV.

Губернаторъ собирался въ обратный путь. Харинская дума готовилась къ проводамъ начальника области, такъ же торжественно, какъ къ встрѣчѣ. Въ послѣдній разъ представились губернатору тайши во главѣ съ Далай-ламой и причтомъ дацана. Начальникъ области назначилъ къ наградамъ: Далай-ламу къ большой золотой медали на Анненской лентѣ для ношенія на шеѣ, трехъ старѣйшихъ ламъ и тайшъ къ малымъ серебрянымъ медалямъ для ношенія на груди и тоже на Анненскихъ лентахъ. Представленные къ наградамъ ликовали. Губернаторъ Ольцъ былъ добръ и великодушенъ, какъ ни одинъ изъ его предшественниковъ. Онъ былъ достоинъ того, чтобъ его несли на рукахъ до самого областного города черезъ весь Яблоновый хребетъ. Но однако не все обошлось благополучно. Отъѣздъ его изъ харинской думы, хотя и на самое кратчайшее время, но омрачился. Губернаторъ былъ разгнѣванъ тѣмъ, что Далай-лама не понялъ, какъ надлежало исполнить его желаніе видѣть у постели больной супруги золотого бурхана во всеоружіи врачевателя и исцѣлителя. Онъ приготовился везти этого чудотворца въ своемъ „проходномъ тарантасѣ“ со всяческими, конечно, почестями, а Далай-лама и не собирался отправлять золотого бурхана въ столь дальнюю дорогу и, какъ видно, хотѣлъ ограничиться посылкой молитвъ отъ его имени болящей супругѣ его превосходительства.

Это обстоятельство вызвало маленькую бурю со стороны начальника области, но Далай-лама трепеталъ отъ раскаянія и проклиналъ себя за то, что не проникъ въ самую глубину желаній его превосходительства. И вотъ что еще прибавило огня въ маленькую бурю губернатора: Далай-лама сталъ просить начальника области, стоя передъ нимъ на колѣняхъ, разрѣшить ему собрать ламскій совѣтъ харинской думы съ депутатами отъ улусовъ. Въ этомъ не было ни малѣйшаго признака умаленія губернаторскаго достоинства, но этого и требовалъ тотъ самый законъ, на стражѣ котораго стоялъ начальникъ области. Губернаторъ вскипѣлъ отъ отказа немедленно исполнить его волю, но, погорячившись нѣсколько, гнѣвъ свой смѣнилъ на милость. Онъ зналъ, что и ламскій совѣтъ воли его не предрѣшитъ. Правда, отъѣздъ его благодаря этому оттягивался часа на два, но надо было оставить по себѣ добрую память и губернаторъ совсѣмъ смягчился.

И ламскій совѣтъ вынесъ изъ своего совѣщанія то, что губернаторъ предрѣшилъ, но съ маленькимъ измѣненіемъ. Харинская дума отправляла золотого бурхана для исцѣленія отъ болѣзни супруги начальника области съ послами—двумя старѣйшими ламами, но этого требовалъ этикетъ. И губернаторъ на это обидѣться не могъ. Послы съ золотымъ бурханомъ должны были слѣдовать въ губернаторскомъ поѣздѣ, на отдѣльной тройкѣ въ тарантасѣ, украшенномъ знаками и эмблемами харинскаго дацана.

V.

Золотой бурханъ торжественно былъ доставленъ въ губернаторскій домъ. Прибылъ онъ въ областной городъ вмѣстѣ съ начальникомъ области. Послы—ламы на собственныхъ рукахъ внесли его въ губернаторскіе покои. Они и сами не знали, какое время понадобится бурхану для исцѣленія супруги его превосходительства. И самъ губернаторъ не догадался опредѣлить срокъ для пребыванія въ его домѣ золотого чудотворца. Губернаторъ обласкалъ ламъ. Во время пребыванія его въ харинской думѣ эти ламы не были имъ представлены къ наградамъ. Но теперь онъ объявилъ, что и они получатъ серебряныя медали на анненскихъ лентахъ. И послѣ этого обѣщанія имъ оставалось только раскланяться съ начальникомъ области. И не знали какъ имъ быть: ждать ли, когда ихъ бурханъ исполнитъ свою миссію и будетъ свободенъ, чтобы вернуться обратно въ свое лоно, или ѣхать налегкѣ безъ бурхана. Никакихъ распоряженій на этотъ счетъ они отъ губернатора не получили. Въ такомъ невѣдѣніи ламы прожили въ областномъ городѣ три дня. Каждый день являлись въ губернаторскій домъ за полученіемъ распоряженій, но губернаторъ былъ занятъ „текущими“ дѣлами. Чиновникъ особыхъ порученій и не докладывалъ губернатору, а велѣлъ ждать, когда онъ самъ о нихъ вспомнитъ. Но на четвертый день тотъ же чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ объявилъ ламамъ, чтобы они ѣхали обратно и ждали предписанія его превосходительства. Выдалъ имъ „проходную подорожную“, по которой они могли ѣхать „безъ прогоновъ“ [1]) на почтовыхъ лошадяхъ по всему забайкальскому тракту.

И такъ золотой бурханъ поселился въ губернаторскомъ домѣ. Прошла недѣля, другая, кончился мѣсяцъ, а бурханъ не подавалъ о себѣ вѣсти, не торопился съ возвращеніемъ въ лоно свое. Въ дацанъ приходили страждущіе и болящіе буряты, паломники изъ дальнихъ улусовъ, но золотой бурханъ отсутствовалъ. Не было и духа его въ дацанѣ. Возсылаемыя ламами молитвы отсутствующему бурхану были глухи, не утѣшали, не исцѣляли страждущихъ и болящихъ. И Далай-лама впалъ въ раздумье. Пождалъ съ недѣлю еще и собралъ ламскій совѣтъ. На совѣтѣ было рѣшено послать начальнику губерніи бумагу съ просьбой сообщить харинской думѣ, не пора ли снаряжать пословъ. Бумага была составлена осторожно безъ всякихъ намековъ на нетерпѣніе. И больше всего въ ней было заботъ о здоровьи ея превосходительства и пожеланій ей полнаго выздоров-

[1]) Безплатный проѣздъ на почтовыхъ лошадяхъ по казенной надобности.

ленія отъ недуговъ. О золотомъ бурханѣ говорилось только какъ о врачевателѣ и исцѣлителѣ, который могъ бы и поторопиться съ окончаніемъ своей почетной миссіи.

Отвѣтъ на эту бумагу харинская дума получила не скоро. Но вотъ, что писалъ губернаторъ послѣ долгаго молчанія:

„Я тронутъ вашими заботами о здоровьи ея превосходительства, моей единственной супруги. Она мало-по-малу выздоравливаетъ. Посланный вами бурханъ доставилъ ей много удовольствій. По ея мнѣнію въ немъ таится какая то сверхестественная сила. И я съ своей стороны совѣтую, между прочимъ, пріобрѣсти для дацана другого бурхана съ такими же качествами".

Это короткое письмо было написано не на бланкѣ „М. В. Д." безъ надлежащихъ подписей правителя канцеляріи губернатора и столоначальника, безъ „исходящаго номера", безъ казенной печати. Но вотъ что озадачило и заставило не на шутку задуматься харинскую думу: въ своемъ письмѣ губернаторъ Ольцъ ни однимъ словомъ не обмолвился о добромъ здоровьи самого золотого бурхана и о времени, когда онъ можетъ вернуться обратно въ харинскій дацанъ. Точно онъ смѣялся, шутилъ надъ тѣмъ, что дорого и свято было всѣмъ бурятамъ. Но такая шутка не могла долго продолжаться! А еще до харинской думы дошли слухи, что губернаторъ Ольцъ не прочно сидитъ на своемъ мѣстѣ. За какіе то губернаторскіе грѣхи ему прочили скорую отставку. И это прибавило не мало тревогъ харинскимъ ламамъ. Опять собрали ламскій совѣтъ и рѣшили снарядить пословъ къ губернатору и съ поклонами до сырой земли просить его превосходительство объ освобожденіи изъ плѣна золотого бухана.

Послы явились въ областной городъ, но не сразу попали на поклонъ къ его превосходительству. Около недѣли обивали порогъ губернаторскаго дома, пока наконецъ дождались пріема. Но губернаторъ сверхъ всякаго ожиданія обошелся съ послами харинской думы отмѣнно ласково. И не сталъ выслушивать ламъ въ пріемной, а провелъ ихъ въ свой кабинетъ. Здѣсь онъ спросилъ, что они скажутъ ему хорошаго. Ламы не сразу нашлись. Ихъ было трое. Одинъ сносно говорилъ по русски, но и у этого передъ лицемъ губернатора языкъ нѣмѣлъ. Онъ прежде всего заговорилъ о здоровьи супруги его превосходительства. Говорилъ длинно и безсвязно, сопровождая каждое слово низкимъ поклономъ. И къ вопросу о цѣли своего пріѣзда приступилъ, падая и присѣдая на каждомъ словѣ. Съ этимъ онъ совсѣмъ застрялъ, какъ сивый меринъ, въ вязкомъ болотѣ съ тяжелымъ возомъ.

— Бога наше, бурханъ это... ваше превосходительство. Бурханъ ходи надо... пошто не пускай? Шибыко молица надо. Дацанъ совсѣмъ пропала... Дацанъ пусытая вышла. Наша бурятска плакала... бурханъ это... наша любишь! Бурханъ — бонза... Наша совсѣмъ пропадай... Далай-лама плакала.

Выслушивая ламу, губернаторъ слегка улыбался. Онъ былъ занятъ какими то своими мыслями. А лама говорилъ и говорилъ. Потомъ къ нему присоединились остальные, совсѣмъ плохо говорившіе по-русски.

Такъ продолжалось нѣсколько минутъ. Буряты уже не находили новыхъ словъ и повторяли прежнее:

— Бога наше... бурханъ это... Молица надо... Ваше превосходительство, шибыко надо! Наше буряска плакала...

— Ничего не понимаю. Въ чемъ дѣло? Кто плачетъ, кому молиться надо? — произнесъ наконецъ губернаторъ, хмуря брови.

Ламы опять стали повторять всѣ разомъ тоже самое. Но на этотъ разъ губернаторъ сталъ слушать внимательно, хотя и хмуро. И лама, говорившій лучше другихъ, съумѣлъ наконецъ выразить свою мысль точнѣе:

— Ваше превосходительство! Далай-лама наша бурханъ домой звала, — произнесъ онъ черезъ силу, обливаясь уже не первымъ потомъ.

И вотъ когда губернаторъ Ольцъ понялъ въ чемъ дѣло. Но онъ былъ удивленъ и изумленъ. Сдѣлалъ большіе глаза и произнесъ:

— Бурханъ! Какой бурханъ?

— Наша бурханъ, ваше превосходительство. Домой надо бурханъ... Далай-лама звала...

Губернаторъ пожалъ плечами:

— У меня вашего бурхана нѣтъ.

Теперь ламы не понимали губернатора. Всѣ трое тревожно переглянулись. Но первый изъ нихъ догадался о чемъ то и произнесъ, пытаясь улыбнуться:

— Ваше превосходительство смѣялся любишь.

Но губернаторъ заспѣшилъ, заволновался:

— Вы мнѣ надоѣли съ вашимъ бурханомъ! Я васъ отдамъ подъ судъ за шарлатанство. Выдумали кагого то чудотворца. Я этого не потерплю!..

Губернаторъ разгнѣвался, затопалъ ногами:

— Я вамъ покажу кузькину мать. Идолопоклонники, изувѣры!.,

И дальше сталъ ругаться самыми отборными словами, понятными и совсѣмъ незнакомымъ съ русскимъ языкомъ.

Ламы переполошились, попадали ницъ и стали просить прощенія. Но губернаторъ не сразу успокоился. Ламамъ надо было высказать всю свою преданность и покорность губернатору.

Но, когда губернаторская вспышка улеглась, сердце его опять размякло. И ужъ онъ самъ заговорилъ о золотомъ бурханѣ. Надо было сознаться въ концѣ концовъ, что супруга его превосходительства, кромѣ благодарности, ничего не можетъ сказать ламамъ харинскаго дацана. Она нашла того бога, въ котораго повѣрила; вѣра исцѣлила ее отъ всѣхъ недуговъ. И несомнѣнно золотой бурханъ обладаетъ какой то сверхъестественной силой.

— Но почему харинская дума не знаетъ, что золотой бурханъ оставилъ мой домъ — произнесъ губернаторъ въ концѣ своей милостивой бесѣды съ присмирѣвшими ламами.

— Онъ исцѣлилъ мою супругу и ушелъ или уѣхалъ, или просто переселился куда ему надо было, какъ божество, обладающее сверхъестественной силой. И я думаю, что онъ теперь уже въ дацанѣ. Вы не успѣли его разглядѣть послѣ долгой разлуки.

Ламы разинули рты и мигали слезливо прокопченными дымомъ глазами. Они теперь молчали. И возразить губернатору

не могли, не знали такихъ словъ. Но губернаторъ шутить не любилъ.

На этомъ онъ и покончилъ свою милостивую бесѣду съ послами харинской думы.

Отправились ламы въ обратный путь, обласканные губернаторомъ, но съ пустыми руками. Чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ выдалъ имъ, какъ полагалось, „проходную подорожную“ для проѣзда на почтовыхъ лошадяхъ по всему забайкальскому тракту.

Но на пути въ харинскую думу ламы встрѣтили „шестерку“, катившую на всѣхъ парахъ по забайкальскому тракту, „проходной тарантасъ“. И по всему тракту гремѣло:

„Новый губернаторъ ѣдетъ“.

Съ этой новостью ламы проѣхали по всѣмъ бурятскимъ улусамъ и привезли ее въ харинскую думу. И вотъ, когда самъ Далай-лама, весь причть дацана и всѣ харинскіе тайши раскусили затѣю губернатора Ольца. Экстренно собрали совѣтъ и опять снарядили въ областной городъ пословъ спасать золотого бурхана.

VI.

Отставка застала губернатора Ольца врасплохъ. Его замѣститель, новый губернаторъ свалился, какъ снѣгъ на голову. Слѣдовало бы ему быть осторожнымъ, но по природѣ своей онъ былъ человѣкомъ экспромтовъ. Въ свое время ему многое сходило съ рукъ и онъ привыкъ къ неограниченному выполненію собственной воли, тѣмъ болѣе, что пресѣчь волю его никто не могъ: до царя было далеко, а до Бога высоко.

Губернаторъ Ольцъ спѣшно готовился въ далекій путь. Приближалась весна, теплѣло, надо было торопиться, чтобы проѣхать по забайкальскому тракту до распутицы.

Отставныхъ губернаторовъ возили по забайкальскому тракту „на шестеркѣ“ цугомъ, какъ и стоявшихъ у власти, но губернаторъ Ольцъ пожелалъ ѣхать на двухъ тройкахъ и въ двухъ проходныхъ тарантасахъ. Добавочный тарантасъ ему понадобился для багажа. Онъ былъ „любителемъ-коллекціонеромъ“ и обладалъ „рѣдкими экспонатами“ изъ охотничьяго и кустарнаго промысловъ области. Въ эту коллекцію вошелъ и золотой бурханъ харинскаго дацана и тоже отправлялся въ далекій путь.

Городская знать готовилась проводить отставного губернатора „съ помпой“, но онъ уѣхалъ какъ то экспромтомъ. Даже гласные городской думы не успѣли попрощаться съ нимъ.

Послы харинскаго дацана тоже проворонили отъѣздъ начальника области, покинувшаго свой постъ. Прибыли въ областной городъ раньше его отъѣзда, но онъ не пожелалъ ихъ принять. И не сразу нашли дорогу къ новому губернатору. Подняли переполохъ, когда уже губернаторъ Ольцъ былъ въ пути. Вотъ когда харинскіе послы спохватились! Заварили кашу на губернаторскихъ поминкахъ. Въ этомъ дѣлѣ приняли участіе и

горожане-буряты, вліятельныя лица. Направили ламъ къ прокурору съ толковыми переводчиками, подняли на ноги областное правленіе и новаго губернатора заставили прислушаться къ этому скандальному дѣлу. А отставной губернаторъ мчался тѣмъ временемъ со своими трофеями по забайкальскому тракту на г. Иркутскъ.

Попутно съ дѣломъ о золотомъ бурханѣ харинскаго дацана на поминкахъ по губернаторѣ Ольцѣ стали всплывать дѣла столь же скандальныя, содѣянныя его превосходительствомъ у кормила власти.

Новый начальникъ области по телеграфу донесъ приамурскому генералъ-губернатору о дѣлѣ пословъ харинскаго дацана и получилъ предписаніе: „Настигнуть похитителя, отобрать идола и водворить онаго въ прежнее мѣстонахожденіе“.

И предписаніе было исполнено.

Губернаторъ Ольцъ былъ настигнутъ въ г. Иркутскѣ, обысканъ и изъ его коллекціи былъ изъятъ самый цѣнный „экспонатъ“.

А. Вережниковъ.

Мгновеніе.

Трамвай красноглазый стремительно мчится...
Съ любовью гляжу я на сѣрыя лица,
Въ душѣ моей такъ осіянно—напѣвно,
Я словно колдунья, я словно царевна,
Я въ вихрѣ забвенья, я въ счастьѣ движенья,
Я вся

У Л И Ц Ы.

Улицы туманныя, улицы безликія,
Вы во мнѣ рождаете жгучую печаль,
Вы закрыли, улицы, блещущую даль,
Но создали заревомъ,—замыслы великіе.

Вы богаты сказками, дѣтскими улыбками,
Новыми стремленьями въ будущность вѣковъ,
Но своими взорами огненными, гибкими,
Вы разбить не можете золота оковъ.

Вотъ наивно дѣвочка поступью небрежною
Въ вашей власти, улицы, медленно идетъ,
Что вы ей готовите: ласки безмятежныя,
Или одиночества безконечный гнетъ.

Дѣвочка наивная, дѣвочка безцвѣтная,
Счастье лучезарное можетъ-ли найти?
Улицы бездушныя,—жизнь не многолѣтняя
Пропадетъ безсмысленно въ роковомъ пути.

И опять вы будете, улицы, красивыя,
Огненными сказками жертвъ къ себѣ манить...
О, какъ-бы я проклялъ васъ, въ темнотѣ игривыя,
Если бы я, улицы, могъ васъ не любить!..

В. Александровскій.

Во ржи.

Въ полдневномъ солнечномъ бреду,
Среди гудѣнья пчелокъ,
Какъ зочарованный, иду,
Куда ведетъ проселокъ.

Дремотно пальцы вѣтерка
Верхушки гладятъ липамъ.
Тяжелый возъ издалека
Предупреждаетъ скрипомъ.

Клонюсь къ межѣ, всему далекъ,
Безпеченъ и невѣдомъ.
Въ густыхъ колосьяхъ василекъ
За мною гнется слѣдомъ.

Дрожитъ, какъ синяя слеза...
Не плачь, земля, лазурью,
Отдай янтарные глаза
Молитвѣ и безбурью!..

Алексѣй Липецкій.

Колыбельная.

Спи, мой малютка,
Спи, мой родной,
Лягъ поудобнѣй
Глазки закрой.
Сны золотые,
Сны безъ заботъ,
Ясныя грезы
Дѣтство даетъ.
Выростешь, дѣтка,
Станешь большой...
Спи, мой малютка,
Спи, мой родной.
Дѣтство минуетъ
Станешь большой
Въ жизни устанешь
Скоро душой.
Дѣтскія грезы

Ты сохрани,
Въ тяжкое время
Ихъ вспомяни.
Сны золотые,
Сны безъ заботъ
Тихо развѣютъ
Жизненный гнетъ.
Снова ты встанешь
Съ чистой душой,
Дѣтство вспомянешь...
Спи, мой родной.

А. Сергѣевъ.

Первые шаги рабочаго движенія.

(Окончаніе [1]).

Библіотека имал при ЦК ВКП(б)

III.

Съ именемъ Лассаля связанъ также первый подъемъ австрійскихъ рабочихъ въ концѣ 60-ыхъ годовъ. Но къ этому моменту пути Германіи и Австріи окончательно разошлись, и та обстановка, въ которой произошло образованіе австрійской рабочей партіи, очень отличается отъ условій Германіи въ эпоху Лассаля.

Въ экономическомъ отношеніи Австрія была отсталой страной по сравненію съ другими нѣмецкими государствами, и за предѣлами Вѣны капиталистическое развитіе дѣлало еще первые шаги. Во внутреннихъ условіяхъ Австріи было еще мало данныхъ для самостоятельной рабочей партіи и ея возникновеніе обязано не зрѣлости пролетаріата, а внѣшнимъ условіямъ.

Неудачная война съ Пруссіей въ 1866 г., какъ всякая неудачная война, обнажила всѣ гнойныя язвы государственнаго механизма и обострила классовыя противорѣчія. И какъ послѣ всякой неудачной войны, новыя общественныя настроенія заставили правительство сдѣлать политическія уступки буржуазіи и дать нѣкоторую свободу союзовъ и собраній. Пролетаріатъ не замедлилъ воспользоваться этими правами.

Началась борьба между сторонниками „самопомощи“ и защитниками „государственной помощи“: первые были либеральными рабо-

[1]) „Н. З.“ № 6.

чими, для которыхъ богомъ былъ Шульце-Деличъ; вторые—лассальянцы, которые особенно ухватились за всеобщее избирательное право и за „производительныя товарищества“. Борьба этихъ партій заполняетъ конецъ 1867-го и 1868 г.; къ началу 1869 г. положеніе лассальянцевъ выясняется: за ними идутъ передовые элементы Вѣны и къ нимъ примыкаютъ почти всѣ профессіональные союзы. Въ провинціи либералы сохраняютъ большое вліяніе.

Вообще-же въ движеніи этомъ—въ отличіе отъ германскаго—было мало ясности. Въ эту радикальную эпоху въ партію вошли рабочіе очень различныхъ настроеній, и объ одной опредѣленной программѣ и тактикѣ еще не могло быть и рѣчи. Въ отношеніи къ буржуазіи была полная неясность: взгляды колебались отъ чисто лассальянской борьбы съ либералами до постояннаго сотрудничества съ ними. Тотъ фактъ, что представители австрійцевъ явились на первый съѣздъ эйзенахской партіи, ничего противъ этого не говоритъ: ихъ тянуло къ эйзенахцамъ не совпаденіе въ программѣ или тактикѣ, а отказъ Бебеля и Либкнехта примириться съ „малой Германіей“ (объединеніемъ Германіи безъ Австріи), какъ это сдѣлалъ Швейцеръ.

Но съ 1873 года внутри лассальянской партіи,—которая тѣмъ временемъ получила названіе соціалдемократической,—начинается внутренній конфликтъ, который съ нѣкоторыми перерывами тянется до 1886 г. Съ внѣшней стороны—въ особенности сначала—онъ носитъ мелочный, ничтожный характеръ; но и здѣсь, подъ австрійской формой и въ другихъ выраженіяхъ, скрываются основныя разногласія первой стадіи движенія.

Андрей Шей, одинъ изъ соціалдемократическихъ вождей, выступаетъ противъ Обервиндера, одного изъ основателей партіи. Онъ обвинялъ его въ сотрудничествѣ въ буржуазной прессѣ, въ поддержкѣ жалкой реформы избирательнаго права и т. под. Борьба сразу же принимаетъ очень рѣзкій характеръ и скоро переносится въ профессіональные союзы. Вмѣстѣ съ жестокимъ промышленнымъ кризисомъ она вскорѣ чрезвычайно ослабляетъ молодое профессіональное движеніе, и во всѣхъ сферахъ работы наступаетъ полная дезорганизація.

Между тѣмъ полицейскія преслѣдованія усиливаются съ каждымъ днемъ и открытое существованіе партійныхъ организацій дѣлается невозможнымъ. Когда къ концу 70-хъ годовъ движеніе начинаетъ оправляться отъ кризиса и внутреннихъ расколовъ, органами его дѣлаются всевозможныя легальныя организаціи, въ особенности профессіональные союзы. Послѣдніе кладутъ больше силъ и удѣляютъ больше вниманія соціалистической пропагандѣ, чѣмъ чисто-экономической борьбѣ.

Съ конца 70-ыхъ годовъ начинается борьба „радикаловъ“ и „умѣренныхъ“. Если въ эпоху Лассаля всеобщее избирательное право могло казаться революціоннымъ требованіемъ, то послѣ германскаго

опыта оно потеряло этотъ характеръ; оно не подрывало основъ капитализма и вначалѣ могло лишь усилить австрійскихъ либераловъ. Именно *поэтому* это требованіе не дѣлается главнымъ лозунгомъ движенія. Полусознательная рабочая масса, которая группировалась вокругъ радикаловъ, хотѣла такой партійной политики, которая рѣшительно отрѣзала бы ее отъ либеральной буржуазіи. И такъ какъ въ это время уже много говорилось и писалось о соціальной реформѣ, то она приняла бой на этомъ пунктѣ: за соціальную революцію — противъ соціальныхъ реформъ!

Эта борьба противъ „частичныхъ требованій“ питалась полицейскими преслѣдованіями, особенно сильными въ тотъ періодъ, безсиліемъ и дряблостью австрійскаго либерализма, незначительностью рабочей интеллигенціи и сравнительной молодостью политическаго развитія рабочихъ массъ. Верхомъ революціонности казался отказъ отъ реформъ, „уступокъ“; упрощенная, прямолинейная тактика была единственнымъ спасеніемъ отъ обвиненій въ предательствѣ. Естественно также, что на этой почвѣ расцвѣла провокація, какой не знала ни одна страна Зап. Европы. Только Россія превзошла Австрію.

„Въ настоящее время, писалъ органъ радикаловъ, „Будущность“, „дѣло идетъ о томъ, чтобъ *не* требовать больше отъ господствующихъ классовъ никакихъ реформъ, и поэтому не вести борьбу за всеобщее избирательное право“. „Не сомнительное улучшеніе условій труда (рѣчь идетъ о введеніи фабричной инспекціи. С. Д.), а полное освобожденіе должно быть нашей единственной программой“. „Покуда существуютъ отдѣльные профессіональные органы“, говорилось въ органѣ *союза металлистовъ*, „до тѣхъ поръ имѣется движеніе портныхъ, движеніе сапожниковъ, движеніе наборщиковъ, но нѣтъ соціалистическаго движенія. Существованіе отдѣльныхъ профессіональныхъ органовъ находится въ противорѣчіи съ солидарностью рабочаго класса, оно—пощечина радикализму, оно—слѣдствіе палліативизма“ [1]).

Максимализмъ всегда ведетъ къ терроризму. Такъ было и здѣсь. Радикалы не ограничивались тѣмъ, что предлагали профессіональнымъ союзамъ готовиться къ управленію производствомъ. Проповѣдь „дѣйствія“, хотя и исходила отъ отдѣльныхъ лицъ, встрѣчала большой откликъ въ средѣ радикаловъ; она привела въ 1882 г. къ извѣстному покушенію на фабриканта Мерсталлингера, покушенію, совершенному съ цѣлью экспропріаціи нѣсколькихъ сотъ гульденовъ. Въ слѣдующемъ году былъ убитъ полицейскій чиновникъ Губекъ,—и виновникъ убійства, Камереръ, былъ казненъ. Въ 1884 г. былъ казненъ Штэллмахеръ за экспропріацію и убійство шпіона.

Эта тактика и ея идеологія встрѣчали сильное противодѣйствіе со стороны „умѣренныхъ“. Послѣдніе рѣшительно отклоняли примѣненіе террора и борьбу „всѣми средствами“. Задачу профессіональнаго движенія видѣли они не въ политическихъ разговорахъ, а въ руководствѣ стачками, въ взаимопомощи, заключеніи тарифныхъ договоровъ и пр. Они, въ противовѣсъ радикаламъ, подчеркивали значеніе соціальныхъ реформъ, хотя нисколько не обманывались въ ихъ значеніи для рабочаго движенія, и въ способахъ борьбы за нихъ. Особенно много силъ они положили на борьбу за сокращеніе рабочаго дня и введеніе фабричной инспекціи. Это была соціалдемократическая партія, примыкавшая къ тактическимъ принципамъ европейскаго соціализма.

[1]) Ю. Дейчъ. Исторія австрійскаго профессіональнаго движенія. Стр. 103, 115.

Но и въ Австріи, какъ и въ другихъ странахъ въ соотвѣтствующій періодъ, большинство рабочей массы шло за „радикалами“. Они имѣли большинство даже среди рабочихъ Вѣны; но особенно сильно было ихъ преобладаніе въ средѣ славянскаго пролетаріата, въ культурномъ отношеніи стоявшаго много ниже нѣмцевъ. За ними шли также всѣ профессіональные союзы, кромѣ типографовъ, и профессіональные органы сдѣлались орудіями фракціонной борьбы. Это использованіе союзовъ встрѣчало нерѣдко противодѣйствіе среди тѣхъ или иныхъ членовъ; но борьба, связанная съ этимъ вопросомъ, кончалась обыкновенно въ пользу „радикаловъ“, и внѣфракціонность профессіональнаго движенія отвергалась, какъ измѣна соціализму.

Съ 1885 года разногласія начинаютъ сглаживаться и выясняется возможность совмѣстной работы. Внѣшнія обстоятельства къ этому времени измѣнились очень мало; полицейскія преслѣдованія продолжались съ прежней силой. Но во внутреннихъ условіяхъ партійной жизни сказался уже бо́льшій опытъ вождей и большая зрѣлость движенія. Органъ Адлера „Равенство“, который начинаетъ выходить въ 1886 году, даетъ выраженіе этимъ новымъ тенденціямъ, онъ стремится объединить оба теченія въ одну партію, и съ этой цѣлью отказывается примкнуть всецѣло къ тому или другому крылу. Но онъ не скрываетъ, что исхо́дной точкой объединенія должно быть *открытое движеніе* съ возможностью открытаго выступленія, публичной пропаганды и агитаціи.

Попытка Адлера увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Черезъ два года послѣ основанія „Равенства“ происходитъ объединительный съѣздъ въ Гайнфельдѣ, которому остается только констатировать уже совершившееся объединеніе. Послѣдніе остатки недовольнаго радикализма нѣкоторое время еще пытаются противодѣйствовать, но въ теченіе ближайшихъ лѣтъ окончательно сходятъ со сцены.

IV.

Исторія рабочаго движенія въ Росссіи имѣетъ много общаго съ тѣми тенденціями, которыя проявились въ первой стадіи движенія другихъ европейскихъ странъ, въ особенности трехъ упомянутыхъ.

Ибо при всемъ глубокомъ различіи въ исторической обстановкѣ Англіи 40-хъ, Германіи 60-ыхъ, Австріи 80-ыхъ и Россіи 900-ыхъ годовъ, у нихъ есть одна очень существенная общая черта.

Въ трехъ четвертяхъ Европы пролетаріатъ выступаетъ на политическую арену *раньше*, чѣмъ закончилась борьба между буржуазнымъ либерализмомъ и феодальной реакціей. Положеніе, что буржуазія расчищаетъ путь пролетаріату, находитъ въ этихъ условіяхъ лишь ограниченное примѣненіе.

„Буржуазія уничтожаетъ дворянство; пролетаріатъ уничтожаетъ буржуазію". Это простая и ясная схема много облегчаетъ пониманіе исторіи послѣднихъ столѣтій. Но въ своемъ чистомъ видѣ она осуществилась лишь въ немногихъ странахъ. Выступленіе пролетаріата измѣняетъ характеръ борьбы прогрессивной буржуазіи противъ реакціи. Съ другой стороны, *наличность этого противорѣчія къ моменту политическаго пробужденія рабочаго класса опредѣляетъ собой первые шаги рабочаго движенія.*

Къ этому моменту буржуазія далеко еще не является совокупностью господствующихъ классовъ въ противовѣсъ пролетаріату, она скорѣе вся нація въ противовѣсъ дворянству и бюрократіи. Она воплощаетъ въ своей борьбѣ національные интересы. Она ведетъ за собой самые разнообразные и самые широкіе слои народныхъ массъ. За ней идетъ и городской пролетаріатъ.

Поэтому обособленіе пролетаріата отъ буржуазіи есть обособленіе его отъ буржуазнаго либерализма. Уже до того онъ сознаетъ противорѣчіе своихъ интересовъ интересамъ реакціи. Но лишь познавъ противорѣчіе между собой и партіей капиталистической буржуазіи, онъ начинаетъ сознавать себя *какъ классъ* и освобождаться отъ чужого идейнаго вліянія.

Разумѣется, все это относится лишь къ передовымъ слоямъ рабочаго класса. Сотни тысячъ и милліоны еще годы и десятилѣтія покорно шествуютъ за колесницей буржуазіи. Но *историческій моментъ обособленія пролетаріата* наступаетъ тогда, когда его *передовые* элементы впервые поднимаютъ знамя классовой борьбы.

Для этихъ элементовъ вопросъ о реакціонномъ классѣ и его партіи давно разрѣшенъ. Откровеніемъ, новымъ символомъ вѣры является принципъ политической организаціи, независимой отъ либерализма. Но если политическое обособленіе отъ всѣхъ прочихъ партій происходитъ въ формѣ обособленія отъ либерализма, то и борьба съ буржуазіей сосредоточена на первыхъ порахъ на борьбѣ съ либерализмомъ. Разочарованіе въ прогрессивной буржуазіи, являясь мотивомъ къ эмансипаціи пролетаріата, вызываетъ такую ожесточенную борьбу противъ этой партіи, что никакое сотрудничество, никакая совмѣстная борьба невозможна. „Она не лучше реакціи! Она хуже реакціи!".

Теорія реакціонной массы есть выраженіе этой первой стадіи

самостоятельнаго рабочаго движенія и теорія эта дѣйствительно является на сцену вездѣ, гдѣ даны эти условія. Пропасть между пролетаріатомъ и господствующими классами — основное дѣленіе современнаго общества; различія внутри господствующихъ классовъ такъ ничтожны, что нѣтъ смысла вступать въ союзъ съ одними противъ другихъ. „Непримиримость", борьба съ компромиссами дѣлаются исходными точками пролетарской тактики. Всякое, даже временное, сотрудничество съ либералами представляются шагомъ назадъ въ духовное рабство, отъ котораго сейчасъ только удалось освободиться. И свѣжее, живое, фанатизмомъ проникнутое, движеніе клеймитъ такія отклоненія предательствомъ и измѣной.

Вопреки этимъ принципамъ, дѣйствительная тактика представляетъ въ этотъ періодъ постоянныя колебанія между умѣренной поддержкой либераловъ и воздержаніемъ въ борьбѣ либерализма съ реакціей, подчасъ даже прямой поддержкой реакціи. Но косвенная или прямая поддержка реакціи слишкомъ больно отзывается на рабочемъ классѣ, чтобъ эта тактика сдѣлалась господствующей на болѣе или менѣе продолжительное время. Неудачная практика указываетъ на негодность теоріи. Массы учатся на собственномъ опытѣ.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ рабочее движеніе, которое до сихъ поръ дѣлилось между либерализмомъ и „непримиримымъ" соціализмомъ, начинаетъ вырабатывать новые элементы. Болѣе интеллигентная часть, прошедшая боевую школу, обладающая нѣкоторымъ опытомъ, образуетъ новое теченіе. Самостоятельность пролетаріата соединяется съ поддержкой прогрессивныхъ элементовъ буржуазіи, революціонная цѣль не противорѣчитъ больше временному союзу съ той или другой буржуазной партіей.

Борьба этихъ теченій въ рабочемъ движеніи заполняетъ собой первоначальную исторію большинства соціалистическихъ партій. Съ замѣчательной правильностью, хотя и съ соотвѣтствующими національными различіями, она повторяется вездѣ, гдѣ даны для этого нужныя условія. И вмѣстѣ съ тѣмъ она представляетъ рѣдкій въ исторіи случай, когда наличность двухъ партій одного и того-же класса коренится *только* въ различной степени сознательности разныхъ слоевъ этого класса.

Но потому именно, что она коренится въ различной степени сознательности, она долго тянуться не можетъ. Чѣмъ быстрѣе растетъ ядро опытныхъ и преданныхъ дѣятелей рабочаго движенія, тѣмъ скорѣе отмираетъ прямолинейная тактика полусознательной массы, тѣмъ больше сглаживаются тактическія различія. И тогда наступаетъ часъ единой партіи рабочаго класса.

V.

Въ *Россіи* либерализмъ не имѣлъ большихъ традицій къ моменту возникновенія рабочаго движенія, послѣднее зародилось *раньше*, чѣмъ буржуазный либерализмъ испробовалъ свои силы въ политической борьбѣ. Съ другой стороны, русскій рабочій классъ почти не имѣлъ предшественника въ лицѣ ремесленнаго и мелко-буржуазнаго пролетаріата, и поэтому крестьянскій элементъ сильнѣе представленъ въ немъ, чѣмъ въ рабочемъ классѣ западно-европейскихъ странъ. Это — національныя отличія Россіи, которыя опредѣляютъ особенности первоначальной стадіи рабочаго движенія.

Отсутствіе либеральныхъ традицій въ рабочихъ массахъ сдѣлало въ Россіи лассальянство въ чистомъ видѣ — невозможнымъ. Отмежеваніе отъ буржуазіи и поворотъ отъ прежней — большей частью крестьянской — идеологіи не могли привести къ прямому союзу съ реакціей противъ либерализма; ибо прежняя идеологія была не буржуазно-радикальная, а благонамѣренно-монархическая. Поэтому *Россія не знала либеральнаго рабочаго движенія*. И поэтому-же съ первыхъ дней рабочаго движенія у насъ возможно было сильное теченіе, усвоившее европейскую тактику въ отношеніи къ буржуазнымъ партіямъ.

Но, съ другой стороны, деревенское прошлое русскаго пролетаріата сказывается въ сравнительно низкомъ культурномъ уровнѣ его. Онъ не имѣлъ не только ремесленныхъ традицій, но и никакихъ политическихъ навыковъ вообще. Къ началу 20-го вѣка русскіе рабочіе стояли по своему политическому воспитанію много ниже, чѣмъ ихъ европейскіе собратья въ первый моментъ ихъ самостоятельнаго движенія. И какъ ни колоссальна работа, который продѣлалъ русскій пролетаріатъ за послѣдніе 12 лѣтъ, до сихъ поръ его давитъ его умственная отсталость, до сихъ поръ она затрудняетъ и осложняетъ внутреннее развитіе его организацій.

Ніо русскій рабочій классъ не могъ перескочить черезъ ту стадію движен я, когда борьба съ либерализмомъ кажется его основной задачей. Его отдѣленіе отъ реакціи совершилось очень быстро; 9-ое января однимъ ударомъ разрушило иллюзіи у сотенъ тысячъ пролетаріевъ. Но размежеваніе внутри оппозиціи и святой принципъ *самостоятельной* рабочей партіи сдѣлали неизбѣжнымъ крестовый походъ на либерализмъ.

Къ этому присоединяется еще одно обстоятельство. Въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что въ Россіи произошло не отдѣленіе соціализма отъ либерализма, а наоборотъ. Теоретическая борьба съ народничествомъ въ ту эпоху, когда рабочаго движенія почти не было, сблизила идеологію буржуазіи съ русскимъ марксизмомъ. Въ началѣ 900-ыхъ годовъ, когда „легальный марксизмъ“ показалъ свое лицо, разгорѣлась борьба между соціализмомъ и эксъ-марксистскимъ либерализмомъ. А широкая масса радикально-настроенныхъ „сочувствующихъ“

рабочему движенію только въ періодъ революціи стала дифференцироваться, и ея буржуазное большинство кристаллизовалось въ либеральную партію. Размежеваніе не могло не привести къ „кадетоѣдству“.

Естественно, поэтому, что Россія не избѣгла внутрипартійныхъ разногласій; и естественно, что они особенно обострились, въ періодъ бури и натиска, когда десятки тысячъ сразу хлынули въ партійныя организаціи. Никогда, ни до, ни послѣ, партійныя разногласія не были такъ глубоки, какъ въ періодъ революціи. Лозунги и тактика одного теченія давали выраженіе тѣмъ настроеніямъ, которыя охватили эту сѣрую, политически-молодую массу. „Революціонный“ бойкотизмъ и „подготовка къ вооруженному возстанію“ рѣшительно съ сугубымъ кадетоѣдствомъ вполнѣ подходили къ настроенію этой массы.

Тѣми-же корнями питаются разногласія въ періодъ новаго оживленія, начиная съ 1912 г. Потаканія „стачечному азарту“, вопреки общимъ интересамъ движенія, борьба съ „частичными требованіями“, вопреки опыту всѣхъ странъ, лозунгъ „республики“ потому лишь, что онъ „отмежевываетъ“ отъ кадетовъ—все это явленія того-же порядка, что и прежній бойкотизмъ. Теорія „трехъ лагерей“ (реакція, либерализмъ, революціонная демократія), пущенная въ ходъ во время избирательной кампаніи 1912 г.—ни что иное, какъ русское изданіе „реакціонной массы“ со всѣми отличительными чертами русскихъ фабрикатовъ. Пусть она не даетъ никакого указанія въ смыслѣ тактики, пусть она теоретически несостоятельна,—но она служитъ отмежеванію отъ кадетовъ и поэтому она годится!

Не разъ сводили наши партійныя разногласія на „интеллигентскую психологію“: въ нихъ-де виновенъ не русскій пролетаріатъ, а та интеллигенція, которая до послѣдняго времени господствовала въ рабочемъ движеніи. Исходя изъ этого, говорилось, что уходъ интеллигенціи отъ соціализма и новый подъемъ въ пролетаріатѣ покончатъ съ нашими старыми разногласіями.

Теперь мы уже знаемъ, что это ожиданіе не оправдалось. И это вполнѣ естественно. „Гегемонія интеллигенціи“ могла только окрасить въ особый цвѣтъ и придать особую форму партійнымъ разногласіямъ. Она могла исходить во всякомъ практическомъ вопросѣ изъ глубинъ теоріи и подчасъ устроить расколъ изъ-за какого-нибудь философскаго расхожденія. Но въ *основѣ* разногласій лежали все тѣ-же проклятые вопросы, которые съ исторической неизбѣжностью сопровождаютъ первые шаги рабочаго движенія. Они встали-бы и въ томъ случаѣ, если-бъ во всей партіи не было ни одного интеллигента; они не могли не встать и для той интеллигенціи, которая стала на сторону соціалистическаго пролетаріата. Дѣло въ *логикѣ* вещей, а не въ *психологіи* интеллигенціи. Вполнѣ естественно также, что интеллигенція давала своихъ вождей обоимъ теченіямъ, въ особенности вначалѣ. Ибо съ политическимъ воспитаніемъ дѣло обстояло у

интеллигенціи не многимъ лучше, чѣмъ у рабочихъ; къ тому-же она была молодой не только въ политическомъ, но на 9/10 и въ физическомъ смыслѣ. Поэтому-то и въ ней бойкотизмъ нашелъ очень не мало приверженцевъ.

И теперь, когда главенство интеллигенціи отошло въ область прошлаго, разногласія внутри рабочаго движенія являются прямымъ продолженіемъ старой борьбы. Но съ тѣхъ поръ многое измѣнилось. 12 лѣтъ политическаго движенія и 8 лѣтъ парламентской работы не прошли даромъ; „бойкотизмъ“ сталъ невозможенъ, и тактика въ борьбѣ съ реакціей сдѣлалась болѣе гибкой, болѣе сложной. Выработался значительный слой рабочей интеллигенціи, для котораго „большевизмъ“ — превзойденная ступень развитія. Тактическія линіи очень сблизились.

Въ сколько-нибудь сносныхъ политическихъ условіяхъ, поэтому, „правдизмъ“ давно пересталъ-бы играть всякую роль. Но абсолютная невозможность открытой политической организаціи и политическія преслѣдованія мѣняютъ дѣло. Обрушиваясь съ *одинаковой силой на вождей обѣихъ фракцій,* они въ результатѣ ослабляютъ фракцію сознательныхъ соціалистовъ въ пользу малосознательной массы; они лишаютъ рабочее движеніе его интеллигенціи. Но сила „правдизма“ обратно пропорціональна вліянію рабочей интеллигенціи.

Съ другой стороны, при отсутствіи открытой политической организаціи, общественное мнѣніе рабочаго движенія формируется не отборными элементами, организованными въ партію, а *всей* массой на фабричныхъ митингахъ и т. под. Резолюціи отъ имени сотенъ и тысячъ принимаются у насъ — въ отличіе отъ Европы — не активной *частью,* а *всѣмъ* пролетаріатомъ.

Въ такихъ условіяхъ неизбѣжно, что *покуда* существуютъ двѣ фракціи, наши „радикалы“ преобладаютъ. Ихъ преобладаніе тѣмъ значительнѣе, чѣмъ ретивѣе полиція въ погонѣ за „зачинщиками“ и чѣмъ меньше простора широкому движенію. Даже небольшая порція „гражданскихъ“ свободъ очень скоро покончила-бы съ большевизмомъ.

Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что съ партійнымъ единствомъ приходится ждать до того момента, пока политическая свобода измѣнитъ условія нашей партійной жизни. Въ до-революціонное время у насъ создалась особая идеологія размежеваній. Каждая фракція не только была убѣждена, что она одна владѣетъ талисманомъ „истиннаго соціализма“, „революціоннаго марксизма“ и т. под., — но и совершенно ясно представляла себѣ весь ходъ дальнѣйшаго развитія. Ибо всѣ инакомыслящіе были представителями какихъ-угодно классовъ и соціальныхъ группъ, кромѣ промышленныхъ рабочихъ: мелкой буржуазіи, ремесленнаго пролетаріата и т. под. [1]) Но экономическое развитіе разрушаетъ

[1]) Я помню, напр., какъ на одной изъ партійныхъ конференцій въ Петербургѣ въ 1907 г. большевистскій ораторъ изображалъ меньшевиковъ, какъ „фракцію приказчичьяго пролетаріата“.

своимъ ходомъ всѣ остатки до-капиталистическихъ классовъ и численно усиливаетъ промышленный пролетаріатъ. Слѣдовательно, всѣ прочія фракціи ожидаетъ смерть, и одна лишь единоспасающая истинно-соціалистическая фракція выживетъ, пожравъ, какъ фараонова корова, всѣ тучныя предже организаціи.

Эта теорія, какъ нельзя лучше подогнанная къ потребностямъ эпохи вѣчныхъ расколовъ и фанатической фракціонной войны, правильна лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, напр. по отношенію къ анархизму или католическому „соціализму“. Но въ большинствѣ случаевъ разногласія возникаютъ *внутри* промышленнаго пролетаріата и о вымираніи одной изъ частей его не можетъ быть и рѣчи; единство достигается тогда не путемъ смертельнаго пораженія, а организаціоннаго объединенія.

Въ частности такъ обстоитъ дѣло съ тѣми разногласіями, которыя сопровождаютъ первые шаги рабочаго движенія. Нигдѣ одна изъ фракціи не умерла отъ ударовъ другой; нигдѣ теоретическое единство не предшествовало объединенію; даже единство тактики къ моменту объединенія не вездѣ было достигнуто. Дѣло происходило наоборотъ: организаціонное единство *предшествовало* единству практики, а единство практики *предшествовало* единству теоріи. Такъ было дѣло въ Германіи въ 1875 году, въ Австріи —въ 1888-омъ, во Франціи— въ 1905-омъ и такъ обстоитъ дѣло въ настоящій моментъ, наканунѣ объединенія, въ Англіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что такъ будетъ и въ Россіи. Ибо всѣ обвиненія „ликвидаровъ“ въ „оппортунизмѣ“ и всѣ параллели съ ревичіонизмомъ представляютъ совершенную нелѣпость. Но и другое теченіе, несмотря на нѣкоторые внѣшніе моменты сходства, въ сущности очень далеко отъ анархизма и синдикализма. И только поэтому объединтніе возможно.

Но оно не только возможно, оно необходимо. *Оно должно быть—и оно будетъ.*

С. Далинъ.

Посмертный Чеховъ.

(1904—2 іюля—1914).

Не вѣрится, что только десять лѣтъ отдѣляетъ насъ отъ того траурнаго для русской литературы дня, когда изъ тихаго нѣмецкаго городка—курорта—пришла скорбная вѣсть о смерти Чехова.

Это былъ іюль 1904 года, время русско-японской войны, канунъ убійства Плеве и 9-го января.

Исторія не повторяется и каждый ея шагъ—завоеваніе. Однимъ изъ значительнѣйшихъ завоеваній послѣдняго десяти-

лѣтія является *культурный ростъ демократіи*—рабочей преимущественно, рожденіе новаго читателя, новаго носителя культуры.

Когда 2 іюля 1904 года Чеховъ произнесъ въ Баденвейлерѣ свое послѣднее: „Ich sterbe"—„Умираю",—одна интеллигенція почувствовала всю трагичность утраты, все величіе простоты этихъ словъ. Теперь рабочій классъ выдѣлилъ изъ себя замѣтный слой передовыхъ представителей, въ значительной мѣрѣ вкусившихъ отъ древа культурнаго познанія, и имя Чехова здѣсь уже не пустой звукъ. Но, пріобщаясь къ Чехову, эти новые читатели не могутъ принять его цѣликомъ такимъ, какимъ онъ рисуется интеллигентскому сознанію, они не могутъ не искать въ немъ чертъ родственныхъ своей классовой психологіи, не могутъ дипломатично обходить многіе подводные камни въ личности и творчествѣ Чехова.

Ему удивительно повезло,—больше, чѣмъ кому бы то ни было,—на общія мѣста, потертые мѣдные пятаки шаблонныхъ опредѣленій.

Пѣвецъ хмурыхъ людей; скорбный мечтатель, вѣрящій въ грядущее небо въ алмазахъ, свободный художникъ, пассивный талантъ; поэтъ недѣланья,—все это смѣшивается въ кучу, поливается соусомъ изъ болѣе или менѣе удачно подобранныхъ цитатъ, а въ видѣ гарнира фигурируетъ неизбѣжный „вагонъ для устрицъ", въ которомъ привезли прахъ Чехова въ Россію,—и вотъ готова типичная критическая статья о немъ.

Несмотря на то, что Чеховъ изо всѣхъ большихъ писателей земли русской намъ, пожалуй, наиболѣе современенъ, наиболѣе близокъ; несмотря на то, что созданный имъ міръ въ огромной степени есть еще нашъ міръ,—обликъ Чехова является однимъ изъ самыхъ неясныхъ и неразгаданныхъ.

„Чтобы образъ Чехова сталъ ясенъ русскому обществу,—писалъ тотчасъ послѣ смерти А. П—а И. А. Бунинъ, [1])—„нужно, чтобы какой-нибудь большой и разносторонне одаренный человѣкъ написалъ книгу, посвященную, прежде всего, творчеству Чехова, этого „несравненнаго", по выраженію Толстого, художника, такъ остро перестрадавшаго печали нашей жизни, изобразившаго ее съ такой прямотою и съ такою силою говорившаго о томъ, что жизнь должна быть всѣмъ легка и радостна, прекрасна и изящна въ каждомъ своемъ проявленіи".

Минувшее десятилѣтіе, увы, не одарило насъ такой книгой о Чеховѣ, но оно принесло намъ но менѣе цѣнный, хотя и сырой, матеріалъ о немъ: это—4 тома писемъ, замѣтки, записныя книжки, воспоминанія близко знавшихъ Чехова людей.

Значеніе этихъ „человѣческихъ документовъ" для уясненая чеховскаго образа—огромно. Для всякаго русскаго читателя это необходимѣйшій путеводитель по лабораторіи чеховскаго творчества.

Попытаемся и мы, при помощи этого путеводителя, разсмотрѣть кое-какія стороны чеховской физіономіи.

---

[1]) Сб. „Знаніе" III, 1905 г. ст. Бунина, стр. 249.

Наиболѣе ходячей „истиной" о Чеховѣ является признаніе его „свободнымъ", „независимымъ" художникомъ. Въ этомъ видятъ чуть ли не главную его заслугу передъ русской литературой, новую страницу, вписанную имъ въ ея исторію. Но напрасно станете вы искать объясненій или конкретизаціи этого опредѣленія: дальше тавтологій никто не идетъ, и вы такъ и не можете добиться, въ чемъ, собственно, заключается чеховская „свобода", отъ кого или отъ чего преодолѣлъ „зависимость" Чеховъ, и почему эта его „свобода" противопоставляется „несвободѣ" другихъ корифеевъ русской литературы." И въ результатѣ такой „критической работы", Чеховъ представалъ передъ читателемъ въ видѣ не то заоблачнаго существа, недосягаемаго для обычныхъ оцѣнокъ не то загадочнаго сфинкса, „непостижнаго уму".

А между тѣмъ, Чеховъ менѣе, чѣмъ кто-либо изъ его современниковъ и литературныхъ сверстниковъ, былъ астральной, отъ времени и пространства не зависящей фигурой. Менѣе, чѣмъ кто-либо другой,—ибо онъ былъ самый крупный и значительный, т. е. полнѣе, правдивѣе и ярче другихъ отражалъ всѣ грани окружавшей его дѣйствительности. И если „имманентный" методъ оцѣнки художника—внѣ связи съ соціально-психологической средой,—слѣдуетъ считать несостоятельнымъ и ненаучнымъ вообще, то по отношенію къ Чехову онъ банкротируетъ окончательно: такъ дышетъ „средой", „эпохой", „временнымъ" малѣйшая деталь чеховскаго творчества.

Правда, самъ Чеховъ любилъ говорить о себѣ, какъ о „свободномъ" и „независимомъ" художникѣ. Онъ пытался даже перевести эти термины на болѣе простой и понятный языкъ.

„Я боюсь тѣхъ,—писалъ онъ А. Н. Плещееву въ своемъ пользующемся большойпопулярностью письмѣ отъ 1889 года, [1])—„кто между строкъ ищетъ тенденціи и кто хочетъ видѣть меня непремѣнно либераломъ или консерваторомъ. Я не либералъ, не консерваторъ, не постепеновецъ, не монахъ, не индиферентистъ. Я хотѣлъ бы быть свободнымъ художникомъ и-только, и жалѣю, что Богъ не далъ мнѣ силы, чтобы быть имъ. Я ненавижу ложь и насиліе во всѣхъ ихъ видахъ, и мнѣ одинаково противны, какъ секретари консисторій, такъ и Нотовичъ съ Градовскимъ. Фарисейство, тупоуміе и произволъ царятъ не въ однихъ только купеческихъ домахъ и кутузкахъ; я вижу ихъ въ наукѣ, въ литературѣ, среди молодежи... Потому я *одинаково* (курс. нашъ Р. Г.) не питаю особаго пристрастья ни къ жандармамъ, ни къ мясникамъ, ни къ ученымъ, ни къ писателямъ, ни къ молодежи. Фирму и ярлыкъ я считаю предразсудкомъ. Мое святое святыхъ—это человѣческое тѣло, здоровье, умъ, талантъ, вдохновенье, любовь и абсолютнѣйшая свобода отъ силы и лжи, въ чемъ бы послѣднія двѣ не выражались. Вотъ программа, которой я держался бы, еслибы былъ большимъ художникомъ".

Какъ видитъ читатель, положительная часть этой „программы" ни особенной опредѣленностью, ни новизной не отличается: кто изъ художниковъ слова не признаетъ своимъ „свя-

---

[1]) „Письма" т. II. 407-8.

тое святыхъ"—„человѣческое тѣло, здоровье, умъ, талантъ" и прочее?

На читательской улицѣ бойко гуляетъ „истина" о „тенденціозности" русской литературы. Это вздорное недоразумѣніе! Даже въ той группѣ писателей, которая болѣе всего заслуживала бы такого упрека,—я говорю о т. н. „беллетристахъ-народникахъ",—самые выдающіеся и оставившіе глубокій слѣдъ въ литературѣ представители (какъ Гл. Успенскій),—были вполнѣ свободными и независимыми художниками, безтенденціозными и объективными. И никто изъ нихъ, „изображая конокрадовъ", не говорилъ: „Кража лошадей есть зло". [1])

На большой дорогѣ русской литературы всегда царила высокая художественная правдивость, тамъ не было мѣста утаиванью истины,—во имя чего бы то ни было,—дешевому морализированью, сентенціямъ и поученіямъ. И въ этомъ отношеніи, Чеховъ былъ не новаторомъ, а лишь славнымъ продолжателемъ этой традиціи.

Расходился онъ съ ней лишь въ одномъ—въ *отрицательномъ* пониманіи „свободы художества": для всѣхъ русскихъ художниковъ до Чехова объективность творчества отнюдь не означала „равнодушія къ добру и злу", „отсутствія идеаловъ и идей и пр." [2]). Чеховъ же, въ первый періодъ своей литературной дѣятельности, именно *такъ* склоненъ былъ понимать „свободу" своей творческой личности и торопился завѣрять, что онъ „не либералъ, не консерваторъ" и что ему *одинаково* чужды и „жандармы" и „молодежь".

Это было, дѣйствительно, новымъ пониманіемъ „свободнаго художества" и „независимости", и трудно себѣ представить въ русской литературѣ,—гдѣ люди сходились и расходились только на почвѣ общности идей и стремленій, гдѣ изъ-за разногласій друзья превращались въ враговъ, и вѣчно кипѣла борьба, и скрещивались остро отточенные клинки,—чтобы тамъ нашелся писатель, авторъ слѣдующихъ строкъ: [3]).

„...Вы можете писать гдѣ и какъ угодно, мыслить хотя бы на манеръ Корейши (извѣстный московскій юродивый и прорицатель), измѣнять 1000 разъ убѣжденіямъ и направленіямъ и проч. и проч.,—и человѣческія отношенія мои къ вамъ не измѣнятся ни на одинъ гранъ... По моему, это самыя нормальныя отношенія. Только при нихъ возможны и уваженіе, и даже дружба, и сочувствіе въ тяжелыя минуты жизни".

И вотъ это-то скопческое безразличіе, эту анемичную „независимость", для которой все равно *„гдѣ и какъ писать"* (попробуйте логически выпрямить эту чудовищную линію!) и *одинаковы* „жандармы" и „молодежь", палачи и жертвы,—пытаются выдать за самую основную и цѣнную черту чеховской физіономіи, за ея „святое святыхъ!"...

Эта черта, дѣйствительно, была въ Чеховѣ,—въ первомъ, повторяемъ, періодѣ его дѣятельности; но Чеховъ безпощадно *вытравлялъ* ее изъ себя, и весь творческій путь его—это путь

[1]) „Письма" т. II, стр. 44.
[2]) Ibid.
[3]) Т. II, стр. 82—Щеглову

преодолѣнья мнимой свободы, приводящей въ необузданный восторгъ всевозможныхъ могильныхъ червей литературы, и достиженья свободы истинной, той высшей творческой свободы, которая совмѣщаетъ художественную объективность съ общественнымъ идеализмомъ или, какъ выражались прежде,—„служеніемъ идеалу".

Въ 88 и 89 г.г. Чеховъ еще выступалъ противъ „идейности", „тенденціозности", проповѣдывалъ свободу отъ какого бы то ни было пристрастья, а въ 1892 г. ему уже душно отъ этой „свободы". Въ двухъ относящихся къ этому времени, замѣчательнѣйшихъ письмахъ его къ Суворину [1]), Чеховъ, затрагивая вопросъ о современной литературѣ, говоритъ о себѣ и своихъ сверстникахъ: „Мы кислы и скучны... У насъ нѣтъ чего-то"... Чего же именно?

—„Вспомните, что писатели", которыхъ мы называемъ вѣчными или просто хорошими, и которые пьянятъ насъ, имѣютъ одинъ общій и весьма важный признакъ: они куда-то идутъ и Васъ зовутъ туда же, и Вы чувствуете не умомъ, а всѣмъ своимъ существомъ, что у нихъ есть какая-то цѣль... Лучшіе изъ нихъ реальны и пишутъ жизнь такою, какая она есть, но оттого, что каждая строчка пропитана, какъ сокомъ сознаніемъ цѣли, Вы кромѣ жизни, какая есть, чувствуете еще ту жизнь, какая должна быть, и это плѣняетъ Васъ. А мы? Мы! Мы пишемъ жизнь такою, какъ она есть, а дальше—ни тпрру, ни ну... Дальше хоть плетями насъ стегайте. У насъ нѣтъ ни ближайшихъ, ни отдаленныхъ цѣлей и въ нашей душѣ хоть шаромъ покати. Политики у насъ нѣтъ, въ революцію мы не вѣримъ, Бога нѣтъ, привидѣній не боимся. Кто ничего не хочетъ, ни на что не надѣется и ничего не боится, тотъ не можетъ быть художникомъ".

И во второмъ письмѣ:

„... Кто искренно думаетъ. что высшія и отдаленныя цѣли человѣку нужны такъ же мало, какъ коровѣ, что въ этихъ цѣляхъ „вся наша бѣда", тому остается кушать, пить спать, или когда это надоѣстъ, разбѣжаться и хватить лбомъ объ уголъ сундука".

Какая яркая, мѣткая и убійственная отповѣдь дана здѣсь Чеховымъ... самому себѣ, своей былой принципіальной „безыдейности" и „свободному" безразличію! Но мы привели эти цитаты отнюдь не для того, чтобы сшибать лбами двухъ Чеховыхъ, мы хотимъ лишь отмѣтить и подчеркнуть процессъ освобожденія Чехова отъ фантома рабьей „свободы", доставшейся ему въ наслѣдство отъ создавшей его эпохи... Если сбудется пожеланіе И. А. Бунина, и какой-нибудь „большой и разносторонне одаренный человѣкъ" напишетъ книгу о Чеховѣ, то въ ней его творчество будетъ прежде всего прослѣжено подъ знакомъ этого освобожденія, и міръ услышитъ поэму о томъ, какъ одинъ „молодой человѣкъ" „выдавливалъ изъ себя по каплямъ раба и какъ онъ, проснувшись въ одно прекрасное утро, чувствуетъ, что въ его жилахъ течетъ уже не рабская кровь, а настоящая человѣческая" [2]).

[1]) Т. III, стр. 152—4; 156—7.
[2]) Т. II, стр. 283.

Чудо этого воскрешенья свершилось, конечно, не „въ одно прекрасное утро“. Исподволь, шагъ за шагомъ, „по каплямъ“ происходила въ Чеховѣ эта великая освободительная работа и, несомнѣнно, ей сильно способствовало замѣтное оттаиванье мерзлой русской земли 80-хъ годовъ...

Чѣмъ глубже вникалъ Чеховъ въ огромное и сложное многообразіе русской жизни, тѣмъ больше онъ оставлялъ свою юношескую позицію „свободы“ и „независимости“ и, когда онъ уже окончательно сложился и сталъ вполнѣ зрѣлымъ художникомъ, въ его творчествѣ и личности ярко проступили черты, присутствіе которыхъ было бы немыслимо въ эпоху его выше цитированныхъ писемъ къ Плещееву и Щеглову.

Постепенное охлажденіе и, наконецъ, разрывъ съ „Новымъ Временемъ“ (начало положено процессомъ Дрейфуса), явно политическаго характера отказъ отъ званія почетнаго академика въ связи съ извѣстнымъ инцидентомъ съ Горькимъ [1]), неоднократно упоминаемые различными изъ писавшихъ о немъ лицами восклицанія Чехова „увѣреннымъ тономъ“:—„Послушайте, а знаете что? Вѣдь въ Россіи черезъ 10 лѣтъ будетъ конституція!“ [2])—все это и рядъ другихъ симптомовъ, на фонѣ вдругъ зазвучавшаго въ его произведеніяхъ послѣднихъ лѣтъ мотива о грядущемъ свѣтломъ преображеніи человѣчества,—недвусмысленно свидѣтельствуетъ о томъ, что въ схваткѣ двухъ Чеховыхъ, „большой“ одолѣвъ „маленькаго“...

Но о томъ, что „маленькій“ Чеховъ существовалъ, отнюдь не слѣдуетъ забывать, хотя бы для того только, чтобы не быть захваченнымъ врасплохъ нерѣдко попадающимся въ его письмахъ „жидами“ и „жидовками“, разсужденіями объ участіи соціалистовъ въ холерныхъ бунтахъ, отзывами о политической дѣятельности своихъ друзей—„вѣчно суется, куда не спрашиваютъ“ (такъ писалъ онъ Суворину по поводу ареста Гольцева), наконецъ безчисленными многоточіями, поставленными, увы, не самимъ Чеховымъ, а издателями писемъ изъ-за явной нецензурности текста...

Удивляться приходится не этому, а тому, что подобныхъ „свободопроявленій“ было въ Чеховѣ мало даже въ самомъ началѣ его дѣятельности, и правъ былъ Н. К. Михайловскій, когда еще въ 88 г. писалъ Чехову [3]):

„... Я былъ сначала пораженъ Вашей неиспорченностью, потому что не зналъ школы хуже той, которую Вы проходили въ „Новомъ Времени“, „Осколкахъ“ и проч.“.

Школа, дѣйствительно, была ужасная, и по прочтеніи „Писемъ“ невольно хочется воскликнуть: „Боже, какая дрянь окружала Чехова!“

Это уже послѣ, когда, послѣ упорной и длительной работы, онъ выскребъ изъ своей души послѣдніе остатки „свободнаго художества“, онъ окружилъ себя обществомъ Горькаго, Бунина, Елпатьевскаго, Куприна, „Русской Мысли“, „Русскихъ Вѣдомостей“... Но на первыхъ порахъ вокругъ Чехова была, воистину, „мерзость запустѣнія“, среди которой свѣтлымъ пятномъ казался даже старикъ-Суворинъ.

[1]) „Письма А. П. Чехова“, собр. Б. Н. Бочкаревымъ, стр. 40.
[2]) Напр. сб. „Зн.“ III, ст. А. И. Куприна, 19.
[3]) Сб. „Слово“, II; ст. 216.

„Меня окружаетъ густая атмосфера злого чувства“,—писалъ А. П. сестрѣ въ 1891 г. [1])—„крайне неопредѣленнаго и для меня непонятнаго. Меня кормятъ обѣдами и поютъ мнѣ пошлые диѳирамбы, и въ то же время готовы меня съѣсть. За что? Чортъ ихъ знаетъ. Если бы я застрѣлился, то доставилъ бы этимъ большое удовольствіе девяти десятымъ своихъ друзей и почитателей. И какъ мелко выражаютъ свое мелкое чувство!.. Все это ужасно глупо и скучно. Не люди, а какая-то плѣсень“.

И среди этой „плѣсени“, этого „гнуснаго племени“ нововременцевъ складывался и выкристаллизовывался творческій образъ Чехова!..

Но хотя липкое прикосновеніе этой ужасной среды и оставило на немъ кое-какіе слѣды,—оно имѣло и свое положительное значеніе: помогло понять и творчески воплотить въ рядѣ безсмертныхъ образовъ тотъ „сволочный духъ“, который жилъ въ „мелкомъ, измошенничавшемся интеллигентѣ“ [2]) его времени.

Выше мы говорили о томъ, что Чеховъ постепенно изъ писателя „безыдейнаго“ превратился въ искателя „цѣлей“ и „идеаловъ“. Въ какомъ же направленіи шли эти поиски? Что за „небо въ алмазахъ“ видѣлъ въ грядущемъ его просвѣтленный взоръ?

Культурное, благоустроенное человѣческое общежитіе было этимъ „идеаломъ“ Чехова. Больше, чѣмъ кто-либо въ русской литературѣ, больше, чѣмъ андреевскій Сторицынъ, Чеховъ страдалъ отъ безобразія и неблагородства русской жизни, ея неустроенности, некультурности, свинства. Чеховъ—самый прямой и послѣдовательный изъ русскихъ западниковъ, страстный поклонникъ европейской культуры, науки, свободный отъ малѣйшихъ признаковъ фальшиваго „патріотическаго“ самобытничества.—Школа или больница для него не просто школа или больница, а высокая культурная цѣнность.

„Милый мой“,—писалъ онъ Суворину [3]),—„если бы мнѣ предложили на выборъ что-нибудь изъ двухъ: „идеалы“ ли знаменитыхъ 60-хъ годовъ, или самую плохую земскую больницу настоящаго, то я, не задумываясь, взялъ бы вторую“. А надо имѣть въ виду, что Чеховъ 60-е годы считалъ „святымъ временемъ“ [4]), и все же предпочиталъ ему „плохую земскую больницу“! Это значитъ, что строительство жизни онъ цѣнилъ выше всего, это значитъ, что малѣйшая попытка дѣйственнаго ея расчищенія, „каждый шагъ дѣйствительнаго развитія“ былъ для него дороже „дюжины программъ“. Дѣло, творчество, сознаніе, трудъ—было его „религіей“.

Среднему русскому обывателю, развращенному писаніями г.г. Айхенвальдовъ и Чуковскихъ, провозгласившихъ Чехова поэтомъ „великой бездѣльности“,—должны показаться невѣроятными его письма: такъ бьетъ въ нихъ черезъ край энергія, па-

[1]) Т. III, стр. 166.
[2]) Т. II, 362.
[3]) Т. III, 153.
[4]) Т. II, 167—8.

ѳосъ дѣла, работы, устроенія, такъ велико уваженіе,—больше.—обожествленіе всего, что пахнетъ здоровымъ человѣческимъ потомъ.

Вотъ ѣдетъ онъ вдругъ на Сахалинъ. Вы думаете—„такъ", посмотрѣть, полюбопытствовать, изъ какого-то чудачества? Нѣтъ, у него опредѣленная цѣль: онъ хочетъ *изучить* (и, дѣйствительно, изучилъ) то мѣсто, куда, по его мнѣнію, „мы должны ѣздить на поклоненіе, какъ турки ѣздятъ въ Мекку"' и „гдѣ мы сгноили въ тюрьмахъ *милліоны* людей (курс. Чехова), сгноили зря, безъ разсужденія, варварски",—изучить для того, чтобы „возбудить интересъ въ обществѣ [1])".

Во время голода Чеховъ разъѣзжаетъ, собираетъ деньги, лѣчитъ, пріобрѣтаетъ мужикамъ лошадей; на холерѣ—тоже самое. Въ медицинѣ онъ больше всего цѣнилъ ея общественную сторону и работалъ только, какъ земскій врачъ,—уже не нуждаясь, отрывая себя отъ литературы. Онъ учреждалъ школы и больницы, въ родномъ Таганрогѣ—библіотеку, возился съ молодыми (и не молодыми) авторами, устраивалъ и правилъ ихъ рукописи, оказывалъ протекціи. Наконецъ, всегда что-то строилъ, перестраивалъ, исправлялъ въ своемъ домѣ, усадьбѣ, копался въ огородахъ,—весь въ безпрерывномъ кипѣніи, лихорадкѣ творчества и... жалуясь на лѣность! К. С. Станиславскій, имѣвшій возможность близко видѣть и наблюдать Чехова, передаетъ о немъ слѣдующее: [2]) въ редакціи одного толстаго журнала происходило собраніе, на которомъ обсуждался планъ созданія Народнаго Дома, чайной и театра.

„Всѣ глубокомысленно слушали, а А. П. ходилъ по комнатѣ, всѣхъ смѣшилъ и—откровенно говоря — всѣмъ мѣшалъ. Въ тотъ вечеръ онъ казался особенно жизнерадостнымъ. Онъ радовался новому и хорошему дѣлу... Онъ былъ счастливъ тѣмъ, что къ темнымъ людямъ проникнетъ маленькій лучъ свѣта. И послѣ, всю жизнь, его радовало все, что краситъ человѣческую жизнь.—Послушайте! Это же чудесно!—говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ, и дѣтски чистая улыбка молодила его". Когда болѣзнь надолго приковала его къ Ялтѣ, онъ очень интересовался Москвой, разспрашивалъ у пріѣзжихъ о томъ, „что гдѣ строится. И надо было разсказать ему, гдѣ, на какомъ углу строится домъ, въ какомъ стилѣ и т. д. При этомъ онъ улыбался и иногда заключалъ:—Послушайте,—это же прекрасно!—Такъ его радовала всякая культура и благоустроенность".

Всѣ знаютъ, что Чеховъ не любилъ критики, презиралъ критиковъ, иные съ недоумѣніемъ, другіе со злорадствомъ привотятъ его колкіе и мѣткіе отзывы о глупости, дерзости и крикдивости господствующей критики, но никто, кажется не потрумился задуматься надъ вопросомъ, почему это такъ,—впрочемъ, паже не „задуматься", а внимательно прочитать его письма, гдѣ дожно найти исчерпывающій на него отвѣтъ: „Если критика,—лишетъ онъ Щеглову [3]),—знаетъ то, что мы съ Вами не знаемъ

[1]) Т. III, 21—22.

[2]) Альман. „Шиповн." 23-й. „Изъ восп. • Чеховѣ въ Худ. Театрѣ". Собралъ Л. Сулертицкій.

[3]) Т. III, 33.

то почему она до сихъ поръ молчитъ, отчего не открываетъ намъ истины и непреложные законы? Если бы она знала, то повѣрьте, давно бы уже указала намъ путь, и мы знали бы, что намъ *дѣлать*" (курс. нашъ). Не находя всего этого въ современной ему критикѣ, Чеховъ раздражался, ядовито писалъ, что она „солидно молчитъ", рѣзко отдѣлывалъ ея „праздную, дрянную болтовню", чѣмъ она занималась вмѣсто проповѣди *дѣла*.

Но любя и возславляя творчество, *дѣло*, какъ величайшее міровое начало, Чеховъ отнюдь не отожествлялъ его съ *дѣлечествомъ*. Напротивъ, по отношенію къ послѣднему онъ былъ безпощаденъ, и это правильно подмѣтилъ въ своемъ „силуэтѣ" о Чеховѣ г. Айхенвальдъ (а вслѣдъ за нимъ и г. Чуковскій),—но глубоко ошибоченъ ихъ взглядъ, будто „дѣлечеству" Чеховъ противополагалъ—и воспѣвалъ—„бездѣліе". Въ его произведеніяхъ, дѣйствительно, наряду съ бездушными и пошлыми представителями „дѣловитости" выгодно выдѣляются „изящные, меланхоличные и грустные" „бездѣльники". Но Чеховъ отнюдь не идеализировалъ, не „воспѣвалъ" ихъ, онъ только какъ художникъ-реалистъ, правдиво и объективно отражалъ окружавшую его дѣйствительность, которая не давала простора для истиннаго творчества, для великаго, одухотвореннаго строительства жизни, а плодила лишь пошляковъ Боркиныхъ, бездарно-честныхъ Львовыхъ и фонъ Кореновъ, „положительныхъ" Апломбовыхъ,—людей безъ крыльевъ, кастратовъ и тупицъ. Немудрено, что рядомъ съ ними „нелѣпые", „путающіе", „зарапартовывающіеся", бездѣльники съ ихъ смутными и туманными устремленіями куда-то ввысь, „за предѣлы предѣльнаго" кажутся совершеннѣйшими изъ людей. Для самого же Чехова они отнюдь не были такими: самъ человѣкъ великаго дѣла, вдохновеннѣйшаго творчества, культурнаго созиданія, онъ тосковалъ по цѣльнымъ, гармоничнымъ, одухотвореннымъ высшими цѣлями рабочимъ людямъ, устроителями красивой и свѣтлой человѣческой жизни.

Мы ни единымъ словомъ не упомянули здѣсь о богатствѣ литературно-критическихъ замѣчаній въ письмахъ А. П. Чехова; его блестящихъ, тончайшихъ характеристикахъ отдѣльныхъ писателей; требованіяхъ, предъявляемыхъ имъ къ художественному слову; мы прошли мимо его философскихъ взглядовъ; его, полныхъ глубокаго интереса, писемъ о матеріализмѣ, яркихъ антирелигіозныхъ высказываній. Мало того, даже затронутыхъ нами темъ мы коснулись лишь слегка: ограниченность мѣстомъ заставляла „прессовать" мысли, скупиться на нужныя цитаты, отдѣлываться бѣглыми и краткими замѣчаніями вмѣсто болѣе или менѣе исчерпывающихъ доводовъ.

Не претендуя, такимъ образомъ, на полноту высказанныхъ нами взглядовъ,—мы хотѣли дать толчокъ только нашимъ читателямъ для оцѣнки Чехова внѣ того порочнаго круга пустопорожней декламаціи и высосанныхъ изъ пальца опредѣленій,—которыя до сихъ поръ еще, увы!—широко господствуютъ.

Раф. Григорьевъ.

Переписка Маркса съ Энгельсомъ.

II.

Въ предыдущей статьѣ, *) гдѣ дана общая характеристика „Переписки“, какъ литературнаго памятника, мы обѣщали подробнѣе остановиться на двухъ отдѣльныхъ моментахъ: дружбѣ Маркса и Энгельса и—какъ результатѣ ея—появленіи на свѣтъ „Капитала“. Но при ближайшемъ прикосновеніи къ этимъ темамъ оказывается, что онѣ такъ тѣсно между собою связаны, что ихъ надо брать, какъ одну единую тему.

Полной картины, какъ сложились эти замѣчательныя отношенія, къ сожалѣнію, нельзя себѣ составить. Извѣстно лишь, что первая встрѣча относится къ ноябрю 1842 г. и что была она довольно холодной, по причинамъ, о которыхъ здѣсь говорить было бы слишкомъ долго. Какъ близко, однако, они стояли другъ къ другу по своимъ взглядамъ и направленію мыслей, могло для нихъ обнаружиться при сотрудничествѣ Энгельса въ „Нѣмецко-Французскихъ ежегодникахъ“, однимъ изъ двухъ редакторовъ которыхъ Марксъ состоялъ. При общихъ философскихъ предпосылкахъ, Марксъ и Энгельсъ, изучивши англійскій и французскій соціализмъ, пришли, затѣмъ, каждый своимъ путемъ—первый путемъ изученія французской революціи а второй—англійскаго промышленнаго переворота XVIII в.—къ одинаковымъ взглядамъ относительно движущихъ факторовъ современнаго общества, а также потребностей и задачъ своего времени. О томъ, какъ и когда именно Марксу и Энгельсу выяснились ихъ отношенія, пока ничего не извѣстно. Мы знаемъ лишь, что лѣтомъ 1844 г. они видѣлись въ Парижѣ, гдѣ они провели вмѣстѣ десять дней, и что послѣ этого они уже на всю жизнь оказались связанными самыми неразрывными узами.

Это было предреволюціонное время. Друзья часто видались, вмѣстѣ строили планы и проводили ихъ въ жизнь. Разставались они, сравнительно, не надолго.

„Переписка“ открывается письмомъ Энгельса къ Марксу, написаннымъ изъ родного города, Бармена, осенью 1844 г. Оно очень характерно, какъ для молодого энтузіаста, загорѣвшагося новыми „принципами“ („коммунизма“), такъ и для общественныхъ настроеній тогдашней Германіи. Но оно показываетъ также, какъ глубоко они уже въ то время были другъ ко другу привязаны.

„За мое отсутствіе (4 года,—М. П.),—пишетъ Энгельсъ.—все двинулось гораздо больше во всѣхъ отношеніяхъ впередъ, чѣмъ за всѣ послѣдніе 50 лѣтъ. Тонъ общественной жизни сталъ болѣе цивилизованный... Всѣ захвачены политикой и ударились въ оппозицію... Промышленность дѣлаетъ колоссальные успѣхи... Словомъ, здѣсь подготовляется великолѣпная почва для торжества нашего принципа. Коммунизмъ сталъ моднымъ направленіемъ. Въ Барменѣ полицейскій комиссаръ—коммунистъ... Куда и какъ ни повернешься,—всюду натыкаешься на коммунистовъ... Смотри, постарайся обработать и поскорѣе выпустить въ свѣтъ свои матеріалы. Время абсолютно не терпитъ“...

*) См. „Наша Заря“ 1914 г. № 3.

Но, несмотря на этотъ громадный общественный подъемъ и собственное приподнятое настроеніе, Энгельсъ кончаетъ свое письмо тоскливой нотой:

„Ну, милый другъ, будь здоровъ и пиши скорѣе! Мнѣ все же не такъ радостно на душѣ и не такъ я себя по человѣчески чувствую, какъ въ тѣ десять дней, когда я былъ съ тобой“...

Изъ писемъ этого періода, естественно заканчивающагося въ 1849 г. съ воцареніемъ реакціи въ Германіи, глубоко трогательны также тѣ послѣднія письма, которыми друзья обмѣнялись уже, такъ сказать, на порогѣ эмиграціи. Послѣ пораженія южно-германскаго возстанія въ маѣ 1849 г. Энгельсъ бѣжалъ въ Швейцарію, а Марксъ—послѣ закрытія Ново-Рейнской газеты—очутился въ Парижѣ. Друзья потеряли другъ друга изъ виду. Въ страхѣ за „судьбу“ Маркса и не зная, гдѣ онъ и что съ нимъ, Энгельсъ обращается къ женѣ Маркса письмомъ отъ 25 іюля 1849 г. *). Въ неподдѣльно шутливомъ тонѣ онъ описываетъ свое участіе въ сраженіяхъ, въ которыхъ на самомъ дѣлѣ жизнь его не разъ подвергалась серьезной опасности. Но онъ занятъ не собой. Онъ спѣшитъ сообщить необходимое, чтобы поскорѣе освѣдомиться о Марксѣ.

„Я слышалъ, онъ арестованъ въ Парижѣ. Газетъ мы нигдѣ не видѣли, и я не могъ убѣдиться, такъ-ли это, или нѣтъ. Вы понимаете ужасное состояніе, въ которомъ я нахожусь, и я настоятельнѣйше прошу Васъ успокоить меня и сообщить все о судьбѣ Маркса. Я все еще надѣюсь, что слухъ объ его арестѣ ложный... Какъ бы то ни было, если онъ еще на свободѣ, то передайте ему это письмо, и пусть онъ мнѣ немедленно напишетъ... Если бы я только зналъ, что Марксъ свободенъ! Я часто думалъ, что подъ прусскими пулями мой постъ былъ куда менѣе опасенъ, чѣмъ у другихъ въ Германіи и, особенно, Маркса въ Парижѣ. Избавьте же меня поскорѣе отъ этой неизвѣстности.

И вздохъ облегченія слышится въ первыхъ словахъ отвѣтнаго письма Маркса:

„Я былъ въ очень большой тревогѣ за тебя, пока вчера не получилъ, наконецъ, письма, написаннаго твоей рукой“...

Вскорѣ послѣ этого друзья встрѣтились въ Лондонѣ. Началась жизнь въ эмиграціи, а для Маркса долгіе-долгіе годы самой мучительной, какой себѣ только можно представить, борьбы за существованіе, лишеній, нужды, часто нищеты, тяжелыхъ и опасныхъ болѣзней и... смертей дорогихъ, любимыхъ существъ...

Нѣкоторое представленіе объ этой ужасной сторонѣ жизни Маркса въ эмиграціи читающая публика имѣетъ по другимъ источникамъ, особенно, по чарующимъ письмамъ жены Маркса къ Зорге **). Но, чтобы почувствовать всю глубину той опасности, которой въ продолженіе многихъ лѣтъ подвергались и дѣло жизни Маркса, и самъ онъ,—надо читать его переписку съ Энгельсомъ.

Борьбу съ нуждой, эту свою, по выраженію Маркса, „пар-

*) Въ другой связи это письмо цитировано нами въ предыдущей статьѣ.

**) „Письма К. Маркса, Ф. Энгельса и др. къ Зорге и др.“ Изд. „Об. П. льза“, 1908 г.

тизанскую войну", онъ ведетъ въ теченіе почти полныхъ 20-ти лѣтъ, съ начала эмиграціи до конца шестидесятыхъ годовъ съ рѣдкими и кратковременными перерывами. Марксу и семьѣ пришлось испытать за это время всѣ виды нужды. Доходило до того, что вся семья недѣлями кормилась лишь хлѣбомъ и картофелемъ, а бывали моменты, когда семьѣ грозила опасность остаться и безъ хлѣба. Случалось, что половина ея членовъ лежала въ тяжелыхъ болѣзняхъ, но не было денегъ на врача и лекарства. Къ голоду нерѣдко присоединялся его товарищъ—холодъ, когда при большихъ морозахъ не было чѣмъ отапливать квартиру. То Марксъ не можетъ выйти изъ дому, такъ какъ его одежда заложена въ ломбардѣ; то у него нѣтъ пенса,—всего нѣсколькихъ копѣекъ,—чтобы заплатить за чтеніе газетъ, безъ чего онъ и заказанныхъ газетныхъ статей писать не можетъ. При этомъ вѣчная гроза всего дома—кредиторъ въ лицѣ лэндлорда (домовладѣльца), мясника, булочника, молочника или всѣхъ ихъ, вмѣстѣ взятыхъ. Масса времени и силъ Маркса уходитъ на то, чтобы какъ-нибудь пробиться, свести концы съ концами, чтобы въ особенно критическіе моменты раздобыть денегъ и удовлетворить кредиторовъ или отправить лечиться тяжело заболѣвшаго члена семьи.

Поистинѣ поразительно, какъ при этой отчаянной „партизанской войнѣ" съ нуждой и болѣзнями, Марксъ безъ устали продолжаетъ свою кипучую научную и общественно-политическую дѣятельность! Той, матеріальной, сторонѣ жизни онъ отводитъ, какъ можно меньше мѣста и вниманія. Довольно много лѣтъ онъ очень бодро переноситъ свои невзгоды и, если говоритъ о нихъ, то даже не безъ юмора. Но мало-по-малу онъ устаетъ отъ своей „войны", становится минутами близокъ къ отчаянію, страшится „неизбѣжной въ концѣ-концовъ катастрофы" и внѣ себя отъ того, что губитъ свой мозгъ и исходитъ силами въ постоянной борьбѣ за хлѣбъ...

Изъ этой борьбы за хлѣбъ Марксъ вышелъ съ большимъ урономъ. Онъ потерялъ трехъ дѣтей,—изъ нихъ уже довольно большого и, по всѣмъ даннымъ, очень даровитаго, Эдгара. Въ ней подкосилось здоровье чуткой Дженни, старшей и самой любимой дочери Маркса, преждевременная смерть которой (въ 1882 г.), какъ извѣстно, ускорила и смерть самого Маркса. Въ этой борьбѣ истощили свой колоссальный запасъ физическихъ и душевныхъ силъ самъ Марксъ и его жена. Но если онъ все же вышелъ изъ нея побѣдителемъ и въ общемъ осуществилъ дѣло своей жизни, то произошло это, благодаря ясному пониманію имъ своей жизненной задачи, его стальной волѣ, благодаря ничѣмъ не сокрушимой энергіи,—но въ значительнѣйшей степени исторія обязана этимъ Энгельсу.

Энгельсъ, какъ извѣстно, былъ сыномъ богатаго фабриканта. Между отцомъ и сыномъ издавна шла борьба. Отцу очень хотѣлось, чтобы Энгельсъ пошелъ по его стопамъ и занялся „коммерціей", и, повидимому, упорно этого добивался. Но сынъ, при всемъ нежеланіи огорчать родителей, не могъ исполнить ихъ воли. Слишкомъ, разумѣется, ужъ претила такая „дѣятельность" и его революціонному темпераменту, и его соціалистическимъ убѣжденіямъ, и его богатѣйшимъ духовнымъ дарованіямъ.

Еще въ одномъ изъ первыхъ своихъ писемъ къ Марксу, отъ 20 января 1845 г. изъ Бармена, Энгельсъ очень выпукло опредѣляетъ свое отношеніе къ „Schacher'y", къ „шахеръ-махерству".

„Печальныя лица обоихъ моихъ родителей,—пишетъ онъ,—побудили меня еще разъ попробовать заняться коммерціей, и я около 14 дней работалъ въ конторѣ, но пожалѣлъ объ этомъ, едва только приступилъ къ работѣ. Противна эта коммерція, противенъ весь Барменъ, противно такъ убивать время. Гнуснѣе же всего оставаться не просто буржуемъ, но еще фабрикантомъ, т. е. активно противъ пролетаріата дѣйствующимъ буржуемъ... Я могу еще представить себѣ коммуниста, который, по внѣшнему положенію своему, буржуа и занимается „шахеромъ", но только при условіи, если онъ *не пишетъ*. Но вести въ большомъ стилѣ коммунистическую пропаганду, да при этомъ быть купцомъ и фабрикантомъ,—нѣтъ, это несовмѣстимо!"

Можно-ли глубже и сильнѣе выразить свое отвращеніе къ „коммерціи"?! И все же, когда черезъ 5 лѣтъ предъ Марксомъ стала альтернатива: либо растратить свои силы по мелочамъ и отказаться отъ задуманнаго уже къ тому времени большого труда по политической экономіи, либо же отдаться этой работѣ, но опереться на кого-нибудь со стороны,—то Энгельсъ совмѣстилъ несовмѣстимое. Съ единственной цѣлью поддержать своего друга Энгельсъ поступаетъ бухгалтеромъ къ фирмѣ „Ermen & Engels" въ Манчестерѣ *). Но дѣлалъ это Энгельсъ не какъ другъ, который желалъ помочь другу, а--по словамъ редакторовъ „Переписки"—какъ

„*членъ партіи*, поставившій себѣ цѣлью сохранить *партіи* ея лучшую умственную силу... Все говоритъ за то, что на такомъ именно основаніи, съ такой мотивировкой Энгельсъ предложилъ Марксу свою постоянную помощь, а Марксъ рѣшился ее принять".

На первыхъ порахъ эта помощь не могла быть большой. Но очень скоро Энгельсъ становится своей фирмѣ абсолютно необходимымъ, и уже съ 1851 г. его матеріальное положеніе значительно улучшается,—улучшается, стало быть, и положеніе Маркса. Не ограничиваясь этимъ, Энгельсъ въ теченіе многихъ лѣтъ пишетъ за Маркса статьи и цѣлые очерки въ „Нью-Іоркской Трибунѣ" и другихъ изданіяхъ **). Все для того, чтобы увеличить литературный заработокъ самого Маркса, но главное—оставить ему побольше свободнаго времени для работы надъ его экономическимъ трудомъ. Если Энгельсъ не можетъ еще избавить Маркса отъ нужды, то онъ, по крайней мѣрѣ, даетъ ему возможность держаться вообще, въ критическія же минуты всегда находитъ для него выходъ. Въ 1864 г. Энгельсъ дѣлается участникомъ предпріятія. А въ концѣ 1868 г. онъ получаетъ возможность и разстаться, наконецъ, со своей „милой коммерціей", и обезпечить Марксу съ его семьей совершенно безбѣдное существованіе „на 5—6 лѣтъ во всякомъ случаѣ",—какъ онъ ему сообщаетъ въ письмѣ отъ 29 ноября 1868 г.,—а въ дѣйствительности, судя по нѣкоторымъ косвеннымъ даннымъ,—на всю жизнь.

*) Это была крупная бумагопрядильная фабрика, въ которой отецъ его состоялъ компаньономъ.

**) Такъ это и вышло, что много вещей, которыя до сихъ поръ приписывались Марксу, на самомъ дѣлѣ вышли изъ подъ пера Энгельса, на что мы указывали въ предыдущей статьѣ.

Заслуга Энгельса не въ томъ, конечно, что онъ, имѣя деньги, давалъ ихъ, и даже не въ томъ, что онъ поддерживалъ Маркса, понимая значеніе его и его работъ. Въ „Перепискѣ“ имѣются указанія на то, что и другіе, гораздо менѣе близкіе или даже совсѣмъ не близкіе люди, имѣли представленіе объ исторической важности произведенія, надъ которымъ Марксъ работалъ. Въ одномъ изъ писемъ Марксъ какъ-то жалуется Энгельсу, что ему тяжело и непріятно видѣть, какъ все ждутъ и ждутъ его труда, а, вдругъ, онъ не оправдаетъ надеждъ или работа еще и еще затянется... То великое, что совершилъ здѣсь Энгельсъ, состоитъ въ томъ, что онъ отрекся и отрекался отъ себя въ продолженіе двухъ десятковъ лѣтъ, занимался глубоко ненавистнымъ ему дѣломъ, лишь бы дать Марксу возможность работать надъ его безсмертнымъ трудомъ, прекрасно понимая, что только геніальный Марксъ сумѣетъ показать анатомію современнаго общества и путь, который долженъ привести пролетаріатъ къ побѣдѣ надъ этимъ обществомъ. А, вѣдь, Энгельсъ самъ былъ отмѣченъ печатью геніальности, и столь-же страстно любилъ науку, политику и литературу, которымъ онъ не могъ вполнѣ отдаться, какъ ненавидѣлъ „коммерцію“, отнимавшую у него почти все его свободное время!..

Мы видѣли выше, съ какимъ отвращеніемъ говорилъ Энгельсъ о „коммерціи“ въ 1845 г., едва только къ ей прикоснувшись. За 20 лѣтъ работы въ предпріятіи отца Энгельсъ, испытавши на себѣ всѣ прелести „коммерціи“, могъ только еще страстнѣе ее возненавидѣть. Въ этомъ отношеніи очень интересно его письмо къ Марксу отъ 27-го апрѣля 1867 г.

Марксъ уже сдалъ тогда въ наборъ I томъ „Капитала“, и издатель торопилъ его со II и дальнѣйшими томами. Для семьи Маркса и обоихъ друзей окончаніе I тома было само по себѣ настоящимъ праздникомъ и вызвало большой подъемъ духа и ликованіе. Друзьямъ казалось также, что неизбѣжно улучшится и матеріальное положеніе Маркса. Увы, они въ этомъ горько ошиблись. Но пока что они строили планы въ свѣтѣ своихъ радужныхъ перспективъ. И вотъ Энгельсъ пишетъ:

„Весь этотъ оборотъ дѣла меня страшно радуетъ, во-первыхъ, самъ по себѣ, во-вторыхъ, и, въ особенности, ради тебя и твоей жены, и, въ-третьихъ, потому, что должно же, наконецъ, улучшиться все это положеніе. Черезъ два года—срокъ моего договора съ Готфридомъ“, *) и тогда „я долженъ совершенно оставить коммерческую дѣятельность.. Ничего я не желаю такъ страстно, какъ избавиться отъ этой собачьей коммерціи, которая требуетъ отъ меня такъ много времени и этимъ совершенно меня деморализуетъ. Пока она меня связываетъ, я ни къ чему не способенъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ хозяиномъ дѣла... Охотнѣе остался бы служащимъ, еслибы не необходимость повысить доходы. Какъ бы то ни было, черезъ нѣсколько лѣтъ кончится эта жизнь, стало быть, весьма и весьма уменьшатся доходы, и мнѣ всегда сверлило голову, что же тогда будетъ съ тобой. Но разъ дѣла принимаютъ такой оборотъ“...

Мы видимъ, ради чего Энгельсъ отдалъ себя „проклятой коммерціи“ въ ущербъ своимъ колоссальнымъ умственнымъ запросамъ и всему тому, къ чему онъ съ такой страстью стремился. Марксъ это, разумѣется, понималъ и на его письмо отвѣчаетъ болѣе, чѣмъ солидарно.

*) Готфридъ Эрменъ—компаньонъ Энгельса. Выше было указано, что съ 1864 г. Энгельсъ сталъ участникомъ предпріятія.

„Я надѣюсь и увѣренъ, что черезъ годъ мое матеріальное положеніе измѣнится въ корнѣ, и я снова, наконецъ, стану на собственныя ноги. Безъ тебя я этотъ трудъ никогда бы не закончилъ и могу тебя увѣрить, что на моей совѣсти всегда лежалъ тяжелымъ камнемъ тотъ фактъ, что свою превосходную голову ты расточалъ на коммерцію, главнымъ образомъ, ради меня и, сверхъ того, еще переживалъ вмѣстѣ со мной наши житейскія невзгоды“...

Но при всемъ томъ—*и вотъ это-то всего замѣчательнѣе*!—никто изъ нихъ не думалъ о жертвѣ: ни Энгельсъ не приносилъ жертвы, ни Марксъ жертву не принималъ. Здѣсь вообще не было ни дающаго, ни берущаго. Субъективно Марксу тяжело было сознавать, что силы Энгельса расходуются на борьбу съ его, Маркса, нуждой, какъ Энгельсу мучительно было сознаніе, что онъ въ Манчестерѣ имѣетъ все необходимое, между тѣмъ, какъ Марксъ въ Лондонѣ терпитъ всяческую нужду. Эти чувства обоихъ такъ понятны... Объективно же, когда Энгельсъ всѣми силами стремился матеріально поддержать и обезпечить Маркса, а Марксъ эту помощь принималъ, то оба они съ полнымъ сознаніемъ, „компанейски“,—какъ Марксъ гдѣ-то въ перепискѣ шутливо выражается,—служили своему общему „дѣлу“. Изъ нихъ двухъ только Марксъ могъ создать систему научнаго соціализма и при томъ, какъ обстоятельства сложились, только Энгельсъ могъ оказать Марксу необходимую поддержку. *Такъ стояла задача*, и друзья рѣшили ее соотвѣтствующимъ образомъ.

Ужъ это одно налагаетъ на взаимоотношенія Маркса и Энгельса печать рѣзкой исключительности. Обыденныя дружескія отношенія, какъ бы глубоки и красивы они ни были, не приходится, конечно, сравнивать съ отношеніями, завязанными *такимъ* узломъ. Но, разумѣется, одной этой стороной не исчерпывается содержаніе этихъ отношеній.

Содержаніе этихъ отношеній это—*вся* исключительно богатая жизнь обоихъ великихъ людей. И общественно-политическіе, и партійные, и умственные интересы, и семейная жизнь,—они дѣлятся другъ съ другомъ рѣшительно всѣмъ, что ихъ такъ или иначе интересуетъ или затрагиваетъ. Марксъ въ партійной и политической жизни ни одного шага не предприметъ, не посовѣтовавшись съ Энгельсомъ и—если надо—не испросивши предварительно его согласія. „Каково твое мнѣніе?“ или „что думаешь ты объ этомъ?“—обычный рефрэнъ въ его письмахъ. Нѣтъ такой стороны, такого явленія въ жизни друзей, въ которыхъ они не считали бы необходимымъ какъ бы другъ предъ другомъ отчитываться. Моментами даже поражаетъ, какъ далеко это заходитъ. Въ письмѣ отъ 30 ноября 1868 г. Марксъ, говоря о своихъ матеріальныхъ дѣлахъ, сообщаетъ Энгельсу, что старшая его дочь Дженни, чтобы улучшить бюджетъ, устроилась безъ его вѣдома учительницей въ одной англійской семьѣ. Марксу это тяжело. Почти весь день хрупкой Дженни придется заниматься съ маленькими дѣтьми. Но онъ post factum примиряется съ этимъ, единственно изъ того соображенія, что занятія ее нѣсколько развлекутъ и избавятъ отъ необходимости проводить всѣ дни и часы въ неприглядной домашней обстановкѣ. Да, и то подъ условіемъ, что черезъ мѣсяцъ послѣ начала занятій вопросъ будетъ пересмотрѣнъ. „Мнѣ, конечно, тягостно тебѣ объ

этомъ писать",—кончаетъ Марксъ письмо. „Говорить о такихъ вещахъ легче. Но надо же тебѣ объяснить, почему я Дженнинъ шагъ, хотя условно, но все же санкціонировалъ".

Гордый, замкнутый и независимый Марксъ, всю жизнь свою такъ неукоснительно слѣдовавшій принципу—„иди своей дорогой, и пусть люди говорятъ, что хотятъ"—предъ своимъ другомъ всегда съ раскрытой душой. Что бы онъ ни сдѣлалъ, о чемъ бы ни подумалъ,—онъ постоянно нуждается въ одобреніи друга и не спокоенъ до тѣхъ поръ, пока не получаетъ этого одобренія. Таково было это сердце, столь суровое въ борьбѣ и столь безъ-завѣтно преданное въ дружбѣ и любви...

Но ужъ совершенно непреодолима у Маркса потребность провѣрить себя въ вопросахъ теоріи и, особенно, во всемъ, что касается работъ надъ его политической экономіей. Не только косвенное, но и непосредственно-теоретическое участіе Энгельса въ созданіи „Капитала" еще гораздо больше, чѣмъ мы, правда, и безъ того полагаемъ.

7, января 1851 г. Марксъ пишетъ Энгельсу—„Дорогой Энгельсъ! Имѣю предложить твоему вниманію маленькій теоретическій вопросъ, конечно, политико-экономическаго характера".

„Маленькій вопросъ" это—не что иное, какъ вопросъ объ убывающемъ плодородіи земли у Рикардо. Марксъ подробно излагаетъ свои основательныя сомнѣнія по поводу этого „закона" и въ pendant къ нему выставляетъ свои совершенно другія положенія. „Прошу тебя,—кончаетъ Марксъ,—сообщи свой взглядъ по этому вопросу".

„Мнѣніе Рикардо,—отвѣчаетъ Энгельсъ,— что съ ростомъ населенія уменьшается плодородіе земли, мнѣ никогда не было по душѣ... Ты, вѣрно, вспомнишь, что уже въ Нѣмецко-Французскихъ ежегодникахъ я противопоставлялъ этой теоріи прогрессъ научной агрикультуры,—разумѣется, лишь въ грубомъ видѣ и безъ необходимой связи съ другими сторонами вопроса. Теперь ты дошелъ въ этомъ вопросѣ до основанія... И,—говоритъ онъ полушутя, полусерьезно.—пріобрѣлъ себѣ новое право на званіе *) теоретика земельной ренты...

„Пока что,—попадаетъ ему Марксъ въ тонъ,—мнѣ моя новая теорія ренты принесла лишь то чувство удовлетворенія, которое необходимо каждому смертному. Однако, я, во всякомъ случаѣ, доволенъ тѣмъ, что ты ею доволенъ"...

И тутъ же на шести (печатныхъ) страницахъ излагаетъ ему свои соображенія относительно другой ошибочной теоріи классической школы—количественной теоріи денежнаго обращенія...

5 мая того же года Марксъ спрашиваетъ Энгельса о примѣненіи электричества въ агрикультурѣ, прилагаетъ заинтересовавшую его по этому вопросу англійскую статью и проситъ:

„Будь такъ добръ и напиши мнѣ немедленно, 1, что ты объ этомъ думаешь, 2, объясни въ простыхъ нѣмецкихъ словахъ, въ чемъ, тутъ дѣло, такъ какъ я не могу здѣсь вполнѣ разобраться..."

2 марта 1858 г. Марксъ, уже кончая письмо, вдругъ вспоминаетъ:

*) Въ оригиналѣ—непереводимая игра словъ.

„Apropos! Не можешь-ли сказать мнѣ, черезъ какой промежутокъ времени обновляется система машинъ, напримѣръ, въ вашей фабрикѣ?.. То среднее количество времени,—замѣчаетъ при этомъ Марксъ,—въ продолженіе котораго изнашивается составъ машинъ, и долженъ быть замѣненъ новымъ, является однимъ изъ важныхъ моментовъ, объясняющихъ циклическій характеръ хода промышленнаго развитія".

И уже 4 марта Энгельсъ отвѣчаетъ обстоятельнымъ письмомъ, въ которомъ онъ на основаніи практическаго опыта и собственныхъ размышленій приходитъ къ выводу, что средній промежутокъ времени (въ поставленномъ вопросѣ) составляетъ 10—12 лѣтъ.—„Очень благодаренъ тебѣ за твои объясненія",—пишетъ Марксъ 5-го марта, т. е. въ тотъ же день, когда онъ получилъ объясненія Энгельса,—но, вотъ,—продолжаетъ онъ неутомимо ставить свои вопросы,—„какъ, приблизительно, распредѣляется оборотный капиталъ на сырые матеріалы и заработную плату и какая въ среднемъ часть его остается лежать въ банкѣ? Далѣе, какъ вы проводите оборотъ капитала по вашимъ книгамъ?"...

Въ письмѣ отъ 18 іюля 1862 г. Марксъ проситъ Энгельса дать ему образецъ и объясненіе итальянской бухгалтеріи,

„если—пишетъ онъ,—это не отниметъ у тебя слишкомъ много времени; дѣло въ томъ, что это было бы полезно при освѣщеніи Tableau Economique д-ра Кэнэ".

Въ большомъ письмѣ отъ 2, также 9 августа (того же года) Марксъ излагаетъ свою теорію абсолютной ренты и проситъ Энгельса сообщить ему свое мнѣніе. Но, не дождавшись отвѣта, Марксъ уже черезъ нѣсколько дней проситъ:

„Не можешь-ли пріѣхать сюда на нѣсколько дней? Въ своей критикѣ я опровергъ такъ много старыхъ понятій, что относительно нѣкоторыхъ вопросовъ мнѣ все же необходимо съ тобой предварительно посовѣтываться. Писать же обо всемъ этомъ слишкомъ долго и для тебя, и для меня".

Такъ Марксъ не перестаетъ забрасывать Энгельса своими вопросами изъ всѣхъ областей политической экономіи. Вопросы эти то теоретическаго, то практическаго характера, то болѣе, то менѣе сложны. Но, чтобы отвѣтить на нихъ, всегда требуется много времени и труда даже отъ Энгельса. Изъ „Переписки" мы впервые узнаемъ, въ какомъ, въ сущности, тѣсномъ смыслѣ слова участвовалъ Энгельсъ въ работѣ надъ „Капиталомъ".

И эта работа Энгельса, и, главнымъ образомъ, эта атмосфера безпримѣрно глубокаго и интимнаго духовнаго сожительства нужна была Марксу, какъ рыбѣ вода, какъ человѣку воздухъ. Недаромъ онъ, получивъ отзывъ друга на „Критику политической экономіи" (въ 1859 г.)—пишетъ:

„Меня, прежде всего, очень радуетъ твой отзывъ, такъ какъ только твое мнѣніе и ничье другое имѣетъ здѣсь значеніе. Признаюсь, я ожидалъ его не безъ нѣкотораго страха, что очень забавляло мою жену"...

Но участіе Энгельса въ работѣ надъ „Капиталомъ" выражалось не только въ томъ, что онъ помогалъ Марксу въ разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ. Оно шло гораздо дальше.

Идея такого труда, въ которомъ была бы дана критика бур-

жуазной экономіи, относится, какъ извѣстно, еще къ сороковымъ годамъ. Первый зрѣлый плодъ изученія Марксомъ политической экономіи представляетъ собой его „Нищета философіи“. Никто изъ нихъ, ни, въ особенности, пылкій и скорый Энгельсъ, не подумалъ бы тогда, что между замысломъ и выполненіемъ пройдетъ почти цѣлая четверть вѣка. Уже 20 января 1845 г. онъ, характеризуя предреволюціонныя настроенія въ Германіи, пишетъ Марксу: „Постарайся же закончить свой трудъ по политической экономіи. Пусть не безпокоитъ тебя, если ты самъ во многомъ останешься недовольнымъ своей работой; умы подготовлены, и мы должны ковать желѣзо, пока оно горячо“... Съ тѣхъ поръ Марксу не разъ приходилось отрываться отъ своей работы. Революція, эмиграція, борьба съ нуждой и болѣзнями, необходимость въ заработкахъ и постоянное сотрудничество въ различныхъ соціалистическихъ изданіяхъ, наконецъ, практическая дѣятельность—особенно, въ Интернаціоналѣ,—все это отняло не мало лѣтъ жизни. Но теперь, когда мы знаемъ этотъ колоссальный трудъ, мы можемъ лишь поражаться тому, какъ Марксъ, несмотря на всѣ огромныя препятствія, создалъ его въ такое, сравнительно, короткое время. Отъ неустанной борьбы съ этими препятствіями вѣетъ особымъ захватывающимъ драматизмомъ. Кульминаціоннаго напряженія она достигаетъ въ послѣдніе годы предъ выходомъ перваго тома „Капитала“ въ 1867 г. И, вотъ, эту борьбу Энгельсъ велъ вмѣстѣ съ Марксомъ, рука въ руку, плечо къ плечу, отъ начала до самаго конца.

Трудно указать конкретно, въ чемъ и какъ именно это выражалось. Но недостаточно, во всякомъ случаѣ, говорить объ одномъ только теоретическомъ сотрудничествѣ Энгельса. Какъ оно ни важно само по себѣ,—еще важнѣе эта атмосфера „кампанейства“, внѣ которой не хватило бы, быть можетъ, и титаническихъ силъ Маркса. Чѣмъ бы Марксъ ни былъ отвлеченъ,—Энгельсъ неизмѣнно помогаетъ ему держать курсъ на „книгу“. Какъ и въ первые годы, когда она только была задумана, такъ и во всѣ послѣдующіе, Энгельсъ постоянно торопитъ, подбадриваетъ, насѣдаетъ. А Марксъ чувствуетъ необходимость всегда освѣдомлять друга о ходѣ работы, о каждомъ мало-мальски существенномъ этапѣ ея. Любопытно видѣть, какъ Энгельсъ то и дѣло упрекаетъ Маркса въ излишней „основательности“, которая все не даетъ его работѣ увидѣть, наконецъ, свѣтъ. За нѣсколько лѣтъ до окончанія I тома у Маркса началась страшная болѣзнь—карбункулы,—которая не разъ приводила его на край гибели. Энгельсъ находилъ, что Марксъ мало считается съ болѣзнью, и убѣждалъ его въ необходимости радикальнаго леченія. Главный аргументъ при этомъ все тотъ же: „Подумай, что будетъ съ книгой и твоей семьей!“ И „книга“ раньше семьи... „Въ тотъ день, котда ты отошлешь рукопись,—пишетъ Энгельсъ, когда этотъ день казался уже совсѣмъ близкимъ,—я напьюсь безъ всякаго милосердія“... Пришлось и послѣ этого еще прождать два года. „Ура! Этотъ крикъ,—пишетъ Энгельсъ,—вырвался у меня совершенно непроизвольно, когда я увидѣлъ чернымъ по бѣлому, что первый томъ готовъ“.

Наконецъ-то рукопись была отдана въ наборъ!... Корректурные листы Марксъ пересылалъ Энгельсу немедленно, по мѣрѣ

полученія, и затѣмъ, съ нетерпѣньемъ ожидалъ его отзыва и замѣчаній. 16-го іюня (1867) Энгельсъ сообщаетъ свое мнѣніе о первыхъ листахъ.

„Всякаго рода дѣла мнѣ такъ за эти дни не давали покою, что я только изрѣдка могъ отдаваться изученію твоей теоріи стоимости... Ты сдѣлалъ большую ошибку, что эту наиболѣе абстрактную часть не подраздѣлилъ на большее количество главъ и для наглядности не снабдилъ ихъ особыми заголовками... Очень жаль, что какъ разъ второй листъ, наиболѣе важный, нѣсколько пострадалъ отъ твоихъ карбункуловъ *). Къ сожалѣнію, тутъ ужъ ничего нельзя измѣнить; но кто умѣетъ мыслить діалектически, его все-таки пойметъ. Остальные листы очень хороши и доставили мнѣ большое удовлетвореніе“..

Указаніе Энгельса относительно недостаточной обозримости Марксъ принимаетъ къ возраженій къ руководству и уже въ письмѣ отъ 27 іюня даетъ подробное подраздѣленіе соотвѣтствующей главы о стоимости въ томъ видѣ, какъ мы знаемъ эту главу теперь. Что касается общаго отзыва Энгельса, то Марксъ, посылая 22 іюля дальнѣйшіе четыре листа, пишетъ:

„Я надѣюсь, что ты будешь доволенъ и этими четырьмя листами. То, что тебя удовлетворила предыдущая часть, важнѣе для меня всего того, что̀ скажетъ о моей работѣ хотя бы весь міръ. Во всякомъ случаѣ, буржуазія будетъ помнить мои карбункулы всю свою жизнь“....

Такъ шелъ обмѣнъ мыслей между друзьями по различнымъ частямъ работы, пока вся рукопись не была закончена наборомъ.

И нельзя безъ глубокого волненія читать то письмо Маркса, которое онъ написалъ своему другу по окончаніи послѣдней корректуры послѣдняго листа. Это письмо мы приводимъ цѣликомъ:

2 часа ночи, 16 августа 1867 г.

Дорогой Фредъ!

Только что окончилъ корректуру послѣдняго (49) листа. Приложеніе—форма стоимости—мелкимъ шрифтомъ, около 1¼ листа.

Предисловіе, тоже уже корректированное, вчера отослано. Итакъ, этотъ томъ готовъ! Лишь **тебѣ** одному я обязанъ тѣмъ, что это оказалось возможнымъ! Безъ твоей самоотверженности я никоимъ образомъ не одолѣлъ бы той колоссальной работы, которая необходима была для этихъ трехъ томовъ. Обнимаю тебя, преисполненный благодарности!

Прилагаю два отпечатанныхъ листа.

15 фунтовъ стерлинговъ получилъ съ большой благодарностью.

Привѣтъ, мой милый, дорогой другъ!

Твой К. Марксъ.

Въ „Перепискѣ“ приложено факсимиле этого письма...

* * *

Было бы неправильно, еслибы, характеризуя дружбу Маркса и Энгельса, мы умолчали о размолвкѣ, на минуту омрачившей ихъ свѣтлыя отношенія.

*) Этимъ Энгельсъ хотѣлъ сказать, что на этой части отразилось состояніе Маркса во время его первой, особенно страшной болѣзни карбункулами

Вначалѣ 1863 г. умерла жена Энгельса, Марія Бёрнсъ (они жили въ гражданскомъ бракѣ). Въ двухъ-трехъ простыхъ, но трогательныхъ словахъ онъ сообщаетъ другу печальную вѣсть. Но другъ на этотъ разъ какъ-то не нашелся. Отъ его, хотя и немедленнаго, отвѣта у Энгельса должно было остаться впечатлѣніе, что его горе не нашло себѣ надлежащаго мѣста въ сердцѣ друга. „Твое извѣстіе о смерти Маріи,—писалъ Марксъ,—меня столь же поразило, какъ и опечалило. Она была такъ добра, остроумна и такъ къ тебѣ привязана". И затѣмъ, переходъ къ очереднымъ дѣламъ... Можно представить себѣ, какъ поразилъ Энгельса такой откликъ. Но еще прежде, чѣмъ онъ это выразилъ, Марксъ почувствовалъ и понялъ происшедшее. 24-го января онъ пишетъ:

„Дорогой Фредерикъ! Я счелъ за лучшее пропустить нѣкоторое время прежде, чѣмъ тебѣ отвѣтить. Это было очень нехорошо съ моей стороны, что написалъ тебѣ такое письмо, и я глубоко пожалѣлъ о немъ, какъ только оно было отослано. Но произошло это отнюдь не по безсердечію. Моя жена и дѣти засвидѣтельствуютъ, что при полученіи твоего письма (это было рано утромъ) я былъ такъ потрясенъ, какъ бы это была смерть одного изъ моихъ близкихъ. Когда же я писалъ тебѣ вечеромъ, то было это подъ впечатлѣніемъ самыхъ ужасныхъ обстоятельствъ. Въ квартиру пришли описывать имущество; кромѣ того, опротестованный вексель отъ мясника; затѣмъ, недостатокъ пищи и топлива; и, сверхъ всего—Дженни, больная, въ постели. При такихъ обстоятельствахъ я обычно спасаюсь тѣмъ, что впадаю въ циническій тонъ"...

26 января Энгельсъ—Марксу.

„Дорогой Негръ! Благодарю тебя за твою искренность. Ты самъ понимаешь, какое впечатлѣніе могло произвести на меня твое предыдущее письмо. Когда такъ много лѣтъ проживешь съ подругой жизни, то смерть ея дѣйствуетъ ужасно. Я чувствовалъ, что вмѣстѣ съ нею я похоронилъ и свою молодость. Когда я получилъ твое письмо, она еще не была похоронена. Говорю тебѣ, твое письмо цѣлую недѣлю не выходило у меня изъ головы,—я не могъ его забыть. Однако, съ твоимъ послѣднимъ письмомъ все опять на мѣстѣ, и я радъ, что вмѣстѣ съ Маріей не потерялъ также своего старѣйшаго и лучшаго друга"...

Мы, сравнительно, подробно остановились на этой размолвкѣ. Пусть читатель самъ судитъ, въ чемъ тутъ было дѣло. Происходило-ли между Марксомъ и Энгельсомъ когда-либо еще что-нибудь подобное,—мы не знаемъ. Въ „Перепискѣ" за всѣ 40 лѣтъ этотъ случай единственный. Но суть не въ этомъ. Вѣдь, дружба, какъ сама жизнь, не бываетъ сплошнымъ праздникомъ души. Важно, поэтому, то, какъ сами друзья проявляются въ своихъ размолвкахъ и недоразумѣніяхъ и какъ выдерживаетъ дружба поставленное ей испытаніе. Марксъ и Энгельсъ же всегда и во всемъ были большими людьми, и все мелочное было имъ абсолютно чуждо. Глубокая правдивость одного, благородное великодушіе другого,—и серьезная размолвка навсегда и безслѣдно изжита...

Такова была эта дружба. Въ ней было все, что люди обыкновенно подъ дружбой понимаютъ: общія убѣжденія и стремленія, одинаковое міровоззрѣніе, общность духовныхъ интересовъ и жизненныхъ цѣлей, глубокое взаимное пониманіе и сочувствіе, готовность отрекаться отъ личныхъ желаній и интересовъ во имя дружеской общности, умѣнье понимать и во время признавать свои ошибки предъ другомъ, какъ, съ другой стороны,—широко къ нимъ относиться, и еще многое-многое такое, чего никакими словами не выразишь... Легко понять, почему дружба Маркса и Энгельса вызываетъ такой глубокій психологическій интересъ. Но что, кромѣ того, придаетъ ей еще значеніе большой *исторической* важности, такъ это тотъ фактъ,—становящійся изъ „Переписки" совершенно очевиднымъ,—что не будь этой дружбы—не было бы и „Капитала".

М. Панинъ.

„Нѣтъ, онъ не потонетъ!"

„И глубже ушелъ въ землю „Потонувшій Колоколъ" нѣмецкой соціальдемократіи . . . . . ".
Изъ фельетона г. Яблоновскаго въ „Рѣчи".

Въ молодомъ, сильномъ тѣлѣ бурлила горячая кровь, а на душѣ становилось, все чаще и чаще, такъ тяжело и угрюмо и пусто, и мысли о смерти давно уже перестали пугать. Вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ я поступилъ ученикомъ на грохочущій заводъ, я не видѣлъ полей, только забитость и пьянство, грязь, только чувствовалъ огромную стопудовую гирю безысходности. У горна, у тисковъ и станка калѣчились люди, истлѣвало въ чаду напряженной работы могучее прекрасное тѣло... А машины словно безумныя ухали, скрежетали, ревѣли: „такъ было... такъ будетъ"... Шепотъ лѣсовъ и полей; ночь и коростель на лугу и контральто дивчатъ—все казалось насмѣшкой и тлѣнью. А то вдругъ загоралась дикая злоба, и мысли о смерти смѣнялись вдругъ желаніемъ стать наглымъ, циничнымъ, жестокимъ...

Но однажды, среди торжествующаго грохота машинъ, я услыхалъ о Германіи. Тамъ былъ токарь Бебель.

Я представлялъ себѣ королей и рыцарей, ихъ гордую поступь, величавые жесты; но, когда я представилъ себѣ безконечно просто говорящаго Бебеля, токаря, я сказалъ: вотъ, гдѣ истинная гордость! Гордость труда!

Точно долго бродилъ среди ночи, гдѣ-то въ степи, безъ дороги, усталый смертельно и вдругъ услыхалъ далекій—далекій звонъ колокола.

Я всталъ и пошелъ къ нему навстрѣчу.

Мечты и надежды такъ рано увядшія; вѣра въ людей, въ возможность иной жизни, иныхъ отношеній — опять зацвѣли. Сквозь желѣзную рѣшетку заводскаго окна упалъ яркій лучъ,—и мнѣ уже не было страшно. Захотѣлось вновь жизни, борьбы, и я шелъ все впередъ, а колоколъ гудѣлъ все громче, все величавѣе. Это былъ гулъ вышедшихъ въ путь милліоновъ искателей, это шелъ—новый міръ!

Я шелъ радостный.

И вдругъ на дорогѣ кто-то крикнулъ:

— Безумецъ! Да вѣдь колоколъ—ложь! . . . . . .

Потонулъ онъ! Ха, Ха!

Этотъ злорадный хохотъ меня на минуту смутилъ. Мнѣ не

важно было, кто смѣялся: вѣдь такъ дружно кричали вокругъ, что колоколъ даже еще не отлили! Но въ эту минуту и мнѣ показалось, что колоколъ смолкъ. Я въ тревогѣ прислушался. Далеко—далеко, въ сторонѣ отъ дороги, гудѣлъ онъ, но такъ глухо, подземно. Или то слышится отзвукъ былого набата, а колоколъ... мертвъ?!

А встрѣчный, сторонній, смѣялся.

Но—чу! снова гулъ. Живой, не отзвучный. Это вѣтеръ осенній рванулъ и отбросилъ на степь его голосъ. Какъ онъ яростно кружитъ поблекшими листьями и воетъ и бьетъ влажными, закровавленными крыльями! Цѣпѣнитъ все живое... Но ярость не долга. Вотъ снова растетъ, приближается гулъ,—и каждый ударъ—это волны прибоя, все выше, все выше. На мигъ обожгло меня гнѣвомъ. Наглецъ!—Захотѣлось мнѣ бросить стороннему встрѣчному.

— Чему ты злорадствуешь? Что мы снова собьемся съ дороги? А ты снова начнешь утѣшать насъ игрой на разбитыхъ горшкахъ? Или тому, что и мы будемъ такъ же безсильны убоги и нудны, какъ ты?

Онъ тупо смотрѣлъ на меня и такъ жалко гримасничалъ. И я въ порывѣ воскликнулъ:

— Ну, а если бъ и такъ! Чортъ возьми! Если бъ и вправду звонарь занемогъ, — развѣ не можетъ случиться?—неужели ты думаешь, что на смѣну ему тотчасъ не станетъ другой? Станетъ, и чистый, благородный металлъ загудитъ съ новой силой.

Нашъ колоколъ литъ не изъ мѣди тяжелой. Онъ отлитъ изъ крови и слезъ, жгучаго гнѣва и страстныхъ надеждъ.

Такъ развѣ жъ онъ можетъ тонуть?!

Развѣ можетъ не выдержать онъ гулкихъ ударовъ?

Онъ—вѣченъ, нашъ колоколъ! вѣченъ!!

Но встрѣчный смотрѣлъ и гримасничалъ. И я понялъ вдругъ, что предо мною—глухой. Никогда, никогда не слыхавшій набата.

Я улыбнулся, махнулъ и бодро зашагалъ своей дорогой.

А. Бибикъ.

Общіе вопросы рабочаго законодательства.

III Обязательно постановленіе, циркуляръ и судебное рѣшеніе.

I.

28 апрѣля 1910 года при обсужденіи въ третьей Думѣ законопроекта о нормальномъ отдыхѣ торговыхъ служащихъ В. А Маклаковъ подробно остановился на *„печальной необходимости всю ограду трудящагося класса брать въ руки государственной власти, а не въ руки мѣстныхъ самоуправленій“*.

„Это печально—объяснялъ офиціальный ораторъ кадетской фракціи—потому что, казалось бы именно общественной самодѣятельности вмѣстѣ съ мѣстными властями прилично и удобно, какъ болѣе чуткимъ, подвижнымъ, знающимъ мѣстныя условія органамъ, именно имъ удобно ограждать трудящійся классъ“. Въ настоящее время въ силу муниципальнаго безправія трудящихся „общественное самоуправленіе въ данномъ случаѣ почти всегда сторона. Это не исключаетъ возможности быть ему разумнымъ, возможности быть справедливымъ. Но это бываетъ лишь тогда, когда они находятся на той высотѣ соціальной справедливости, которая почти несовмѣстима съ обостренной соціальной враждой или когда они чего-нибудь боятся. Разъ этихъ условій нѣтъ, мы всегда можемъ предполагать, что общественныя самоуправленія не станутъ на защиту тѣхъ, которые въ нихъ не представлены. И потому, *къ сожалѣнію, государство должно итти гораздо дальше въ узаконеніяхъ, предписаніяхъ и инструкціяхъ, нежели оно можетъ итти гдѣ-нибудь на Западѣ*“[1]).

Такимъ образомъ устами В. А. Маклакова кадетская фракція принципіально высказалась за ограниченіе по возможности законодательной нормировки условій труда, за предоставленіе широкихъ полномочій органамъ самоуправленія, за замѣну рабочихъ законовъ обязательными постановленіями городскихъ думъ. Лишь ненормальныя россійскія условія—нынѣшній составъ органовъ самоуправленія и „обостренная соціальная вражда“—заставили фракцію отступить отъ принципа и внести въ законодательныя нормы то, чего вносить туда собственно не слѣдовало бы.

Отношеніе соц.-дем. фракціи къ вопросу было прямо обратное. Она многочислонными поправками къ законопроекту стремилась сузить до минимума полномочія органовъ самоуправленія въ дѣлѣ примѣненія закона, закрѣпить въ самомъ законѣ возможно больше общеобязательныхъ нормъ по охранѣ труда. И стремилась она къ такому расширенію содержанія закона не только потому, что не могла довѣрить защиты рабочихъ интересовъ нынѣшнимъ думамъ, земствамъ и мѣстнымъ властямъ. Той же тактики, несомнѣнно, держалась бы она и при демократизаціи органовъ самоуправленія, какъ держатся ея всѣ вообще соц.-дем. фракціи. На той же точки зрѣнія стоитъ на Западѣ большинство буржуазныхъ соціалъ-реформаторовъ, и только невѣжествомъ можно объяснить ссылку Маклакова на заграницу.

Это расхожденіе думской тактики двухъ фракцій далеко не случайность. Оно вытекаетъ изъ общаго отношенія ихъ къ вопросамъ рабочаго законодательства, диктуемаго имъ въ свою очередь соціальными интересами тѣхъ общественныхъ классовъ, представителями которыхъ фракціи являются. Для одной рабочее законодательство—„печальная необходимость“, для другой—одна изъ основныхъ задачъ ея дѣятельности. Для одной—„обостренная соціальная вражда“—нежелательный элементъ, заставляющій мириться съ „печальной необходимостью“, для другой—жизненный нервъ всего соціальнаго законодательства. Одна, опираясь на разношерстный составъ избирателей—и лавочниковъ, и „попутчиковъ“ изъ среды торговыхъ служащихъ, чтобы не оттолкнуть ни тѣхъ, ни другихъ, предпочла бы, подобно Понтію Палату, умыть руки и предоставить „на мѣстахъ“ распуты-

[1]) Стенографическій отчетъ, сессія 3-ья, т. IV, стр. 97.

вать узелъ самимъ заинтересованнымъ сторонамъ [1]). Другая—представительница пролетаріата—руководствуется только его интересами и несчитается съ тонкими дипломатическими расчетами, угодить и нашимъ и вашимъ.

II.

Рабочее законодательство—плодъ классовой борьбы. Часто оно лишь закрѣпляетъ результаты, уже достигнутые передовыми элементами рабочаго класса путемъ профессіональной борьбы. Часто оно уже при своемъ рожденіи остается далеко позади этихъ пріобрѣтеній или скоро превращается въ пройденный новыми успѣхами професс. движенія этапъ. Но даже эта отсталость рабочаго законодательства не лишаетъ его извѣстныхъ преимуществъ сравнительно съ результатами, добытыми професс. борьбой. Во-первыхъ, кругъ дѣйствія его обыкновенно оказывается шире, чѣмъ при професс. борьбѣ, автоматически распространяясь и на отсталые, наихудше поставленные и наименѣе способные къ отпору слои пролетаріата. Во-вторыхъ, законодательные успѣхи прочнѣе успѣховъ профессіональной борьбы. Конечно, изданіе закона далеко не равносильно его дѣйствію и не исключаетъ необходимости постоянной борьбы за его примѣненіе. Но законъ облегчаетъ рабочимъ эту борьбу и вкладываетъ въ ихъ руки для этой цѣли добавочныя орудія. Страховая кампанія—прекрасный примѣръ этой борьбы за завоеванныя права.

Эти преимущества рабочаго законодательства отмѣтилъ еще въ 1866 году Марксъ въ составленной имъ и принятой международнымъ женевскимъ конгрессомъ резолюціи.

„Необходимо обезпечить права дѣтей и подростковъ—говорится въ ней.—Они не способны зщищать себя сами. Общество обязано поэтому взять на себя ихъ защиту... При данныхъ же условіяхъ нѣтъ никакого другого средства достиженія этой цѣли, какъ общіе законы, опирающіеся на силу государства. Добиваясь такихъ законовъ, рабочій классъ ничуть не укрѣпляетъ государственную власть. Наоборотъ, онъ превращаетъ эту власть, теперь употребляемую противъ него, въ своего собственнаго агента. *Однимъ общимъ законодательнымъ актомъ рабочіе достигаютъ того, чего они тщетно добиваются посредствомъ множества изолированныхъ усилій*“ [2]).

Эти преимущества рабочаго законодательства, вытекающія изъ сосредоточенія силъ *всего* рабочаго класса на достиженіи опредѣленной цѣли, сразу теряются, разъ законъ отказывается самъ регулировать условія труда и найма, возлагая эту задачу на мѣстные органы

[1]) Яркій примѣръ такого политическаго двуличія—Шингаревъ съ реверансомъ въ сторону торговыхъ служащихъ въ Госуд. Думѣ и съ опозданіемъ къ голосованію о смѣшанныхъ комиссіяхъ въ СПБ. Думѣ. И волки сыты, и овцы цѣлы. И городскіе избиратели не прогнѣваны, и избиратели въ Г. Д. обласканы. Расчетъ тонкій! Но гдѣ тонко, тамъ и рвется.

[2]) Цит. по переводу Н. Рязанова въ Соврем. Мірѣ.

власти или самоуправленія. На мѣста переносится въ этихъ случаяхъ и борьба рабочихъ за наилучшія нормы. Силы рабочаго класса при этомъ дробятся, замыкаясь въ рамки мѣстной ограниченности; передовые слои обособляются отъ отсталыхъ. Въ итогѣ получается пестрая картина примѣненія нормъ охраны труда въ зависимости отъ соотношенія силъ въ каждой мѣстности. Тамъ, гдѣ организованность рабочихъ выше или сила сопротивленія предпринимателей ниже, тамъ удается добиться бо́льшихъ результатовъ и наоборотъ. Въ проигрышѣ оказываются обыкновенно тѣ, кто наиболѣе нуждается въ законодательной охранѣ.

Развернувшаяся страховая кампанія—живой примѣръ послѣдствій законодательной немощи, столь превозносимой В. А. Маклаковымъ. Страховой законъ, какъ извѣстно устанавливаетъ границы, въ которыхъ могутъ колебаться взносы и пособія. Это, конечно, всетаки лучше, чѣмъ установленіе обязательныхъ минима́льныхъ ставокъ, давая возможность бороться на почвѣ закона за высшіе размѣры взносовъ и пособій. Но было бы во много разъ лучше, если бы третья Дума приняла с.-д. поправки о максимальныхъ ставкахъ. Тогда бы страхуемые рабочіе были избавлены отъ многихъ страховыхъ уродствъ, которыми изобилуетъ страховая кампанія, особенно въ центральномъ промышленномъ районѣ.

Или еще примѣръ. Международное очередное требованіе въ булочномъ промыслѣ—законодательное запрещеніе ночной работы. На Западѣ это требованіе мѣстами (Италія, Финляндія) уже осуществлено частью или полностью. Въ Россіи временныя правила 15 ноября 1906 года о нормальномъ отдыхѣ ремесленныхъ рабочихъ, подъ которыя подводится и большинство булочныхъ, устанавливаютъ лишь 12—часовой рабочій день (включая двухчасовые перерывы)[1]). Время затѣмъ начала и окончанія работъ законъ предоставляетъ устанавливать органамъ самоуправленія при содѣйствіи смѣшанныхъ комиссій „въ зависимости отъ рода производства и мѣстныхъ условій жизни“, т. е. вводится излюбленный В. А. Маклаковымъ порядокъ. Что же онъ далъ рабочимъ? Длинную лѣстницу разнообразныхъ нормъ, [2]) начиная отъ запрещенія ночной работы и кончая полнымъ отказомъ вообще регулировать часы работы.

Такъ, Керчь запретила ночную работу, установивъ рабочій день въ булочныхъ съ 6 ч. утра до 4 ч. дня лѣтомъ и съ 7 ч. утра до 5 ч. дня зимой и допуская отступленія лишь на часъ отъ этихъ предѣловъ. Ржевъ также ввелъ для булочныхъ лишь дневную работу (6 ч. утра—6 ч. вечера), оставивъ однако ночную работу въ бараночныхъ мастерскихъ. Дневную работу (съ 10 ч. утра до 10 ч. ве-

[1]) Думы имѣютъ право сокращать эту норму.

[2]) Вопроса объ ихъ проведеніи въ жизнь, мы теперь не касаемся.

чера) ввело и воронежское губ. земство. Но это всетаки очень рѣдкія исключенія. Въ очень многихъ городахъ, напротивъ, обяз. постановленіями узаконена исключительно ночная работа, причемъ ею захватывается бо́льшая или меньшая часть ночи: во Псковѣ отъ часу ночи до часу дня, въ Тирасполѣ съ 3 ч. дня до 3 ч. ночи лѣтомъ и съ 6 ч. вечера до 6 ч. утра зимой, въ Петроковѣ съ 6 ч. вечера до 6 ч. утра, въ Мершанскѣ съ 2 ч. дня до 2 ч. ночи и т. д. Цѣлый рядъ городовъ (Кіевъ, Владикавказъ, Вольскъ, Грянскъ, Дубно, Балта и т. д.) вводитъ работу двумя смѣнами, причемъ изрѣдка (напр., въ Одессѣ на два часа) для ночной смѣны вводится болѣе короткій рабочій день. Многіе города (Либава, Дерптъ, Никополь) позволяютъ каждой пекарнѣ самостоятельно устанавливать часы начала и конца работъ. Рекордъ побили, повидимому, Сумы, которыя предоставляютъ каждому рабочему работать любыя 10 часовъ, сводя такимъ образомъ къ нулю всякую возможность контроля.

Такимъ образомъ, общее требованіе запрещенія ночной работы въ булочныхъ осуществлено въ самыхъ скромныхъ, чтобы не сказать рѣзче размѣрахъ. А между тѣмъ даже любвеобильное къ свѣжимъ булкамъ по утрамъ кадетское сердце [2]) ничего бы не могло имѣть противъ такого запрещенія: развитіе техники въ связи съ отмѣной ночной работы, въ частности оборудованіе булочныхъ холодильными камерами, позволяетъ печь по утрамъ заготовленное съ вечера тѣсто.

III.

Не всѣ предприниматели однако могутъ сказать спасибо В. А. Маклакову съ братіей за ихъ усердіе. Ослабленіе охраны труда путемъ замѣны закона обязательными постановленіями пригодно только въ тѣхъ случаяхъ, когда конкуренція между предпріятіями ограничивается райономъ дѣйствія обязательныхъ постановленій. Таковы, отрасли промышленности, работающія исключительно на мѣстный рынокъ. Такова торговля, гдѣ перебиваніе покупателей не выходитъ изъ узко очерченнаго района сбыта. Для такой замкнутой хозяйственной дѣятельности безразличны порядки, царящіе въ сосѣднихъ, но отрѣзанныхъ отъ нея районахъ. Совсѣмъ иное дѣло—развитая промышленность, разбившая оковы мѣстной ограниченности. Здѣсь тяга къ равной нормѣ прибыли требуетъ *повсемѣстнаго* относительнаго равенства издержекъ производства, значитъ, и равныхъ по возможности условій труда. Въ противномъ случаѣ произошло бы перемѣщеніе производства въ болѣе льготныя условія; таково, напр., бѣгство промышленности изъ горо-

[2]) Объяснительная записка къ кадетскому законопроекту о рабочемъ днѣ—дѣла давно минувшихъ дней!—относитъ булочныя къ „производствамъ, которыя обслуживаютъ общественныя потребности, удовлетвореніе которыхъ пріурочивается къ извѣстному времени или сроку“, а потому распространеніе на нихъ „общихъ нормъ“ признаетъ „затруднительнымъ“.

довъ на лоно природы, поближе къ сырью, топливу и дешевымъ рабочимъ рукамъ. У связаннаго, вложеннаго въ дѣло, капитала преимущества конкурентовъ будятъ стремленіе уничтожить подобную „несправедливость“, подровнять мѣстныя условія производства подъ одинъ ранжиръ. Напомнимъ пресловутую долголѣтнюю „борьбу Москвы съ Лодзью“...

Рабочее законодательство, регулируя условія труда, является однимъ изъ факторовъ производства, опредѣляющихъ его издержки, а стало быть и норму прибыли. Капиталъ правильно учитываетъ это обстоятельство. „Постороннее“ вмѣшательство въ „свободу“ договора, конечно, зло, но изъ двухъ золъ надо выбирать меньшее. А таковымъ является законъ, одинаково распространяющійся на *всѣхъ* конкурентовъ, не дающій ни одному поблажекъ и льготъ передъ другими. Съ этой точки зрѣнія *единообразная* законодательная норма имѣетъ для капитала неоспоримыя преимущества сравнительно къ калейдоскопомъ обязательныхъ постановленій.

Интересно отмѣтить, что соображенія конкуренціи могутъ даже превратить часть предпринимателей въ сторонниковъ законодательнаго вмѣшательства въ „свободу договора“ въ тѣхъ случаяхъ, когда профессіональная борьба внесла рѣзкое несоотвѣтствіе въ условія труда въ разныхъ районахъ: законодательная норма становится здѣсь орудіемъ борьбы за уравненіе нормы прибыли. Въ 1897 году на междувѣдомственныхъ совѣщаніяхъ за законодательное ограниченіе рабочаго дня высказались фабриканты районовъ съ развитымъ рабочимъ движеніемъ (Польша), противниками его были фабриканты центральнаго района съ наихудшими условіями труда. Возможность такого расхожденія интересовъ въ лагерѣ капиталистовъ необходимо учитывать при комбинированіи борьбы за рабочее законодательство съ професс. борьбой.

IV.

Тамъ, гдѣ пасуетъ обязательное постановленіе, на помощь капиталу выступаетъ эластичный *циркуляръ* и замѣстительство законодательной нормы циркуляромъ выливается въ различныя формы.

Ограниченный по содержанію или объему дѣйствія законъ можетъ передать расширительныя полномочія тѣмъ или инымъ органамъ власти. Статья 156 Уст. о промышл. допускаетъ распространеніе фабричныхъ законовъ на значительныя ремесленныя заведенія. Такое расширеніе можетъ охватывать и цѣлыя категоріи предпріятій. Статья 122 того же Устава о промышл. запрещеніе ночной работы подростковъ и женщинъ устанавливаетъ лишь для нѣкоторыхъ текстильныхъ производствъ, но допускаетъ распространеніе этого запрета и на другія отрасли промышленности. Возможно и циркулярное усиленіе охраны труда напр.,

путемъ отнесенія той или иной отрасли въ разрядъ особо вредныхъ производствъ.

Обычно подобныя правомочія остаются мертвой буквой. Ночной трудъ подростковъ и женщинъ за 30 лѣтъ существованія закона циркулярно запрещенъ, кромѣ оговоренныхъ въ 122 статьѣ отраслей, лишь въ джутовой и шелковой промышленности и на нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ спичечныхъ фабрикъ. Полномочіями 156 статьи власти не пользуются почти совсѣмъ.

Законъ можетъ давать полномочія не только на расширеніе но и на ослабленіе своего дѣйствія. И страховой законъ, и 156 ст. Уст. о промышл. предусматриваютъ возможность изъятій изъ-подъ дѣйствія закона „незначительныхъ“ фабричныхъ предпріятій. Такія лазейки используются чаще и охотнѣе, чѣмъ расширительныя полномочія.

Законъ, далѣе, можетъ формулировать то или иное требованіе лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, предоставляя детализацію его органамъ власти. Ст. 111 Уст. о промышл. запрещаетъ трудъ малолѣтнихъ въ особо вредныхъ и изнурительныхъ производствахъ; списокъ же производствъ устанавливается въ административномъ порядкѣ. Въ развитіе закона 2 іюня 1897 года о нормировкѣ рабочаго дня опубликованы обширныя „Правила“, въ первоначальную редакцію которыхъ попало ограниченіе сверхъурочныхъ работъ 120 часами, оно было вычеркнуто изъ „Правилъ“ новымъ циркуляромъ уже въ 1898 году. Этотъ примѣръ ярко показываетъ всю шаткость и ненадежность циркулярныхъ мѣропріятій.

Далѣе, на администрацію можетъ быть возложена выработка правилъ по примѣненію закона. Это имѣло мѣсто со страховыми законами. Нормальный уставъ больничныхъ кассъ—„тощій плодъ, безвременно—созрѣвшій“ съ древа циркулярной практики по рабочему вопросу.

Послѣдовательный демократизмъ рабочаго движенія, всегда и вездѣ выступая противъ усиленія исполнительной власти за счетъ законодательной, сугубо не можетъ допустить передовѣрія полномочій въ области рабочаго законодательства, такъ какъ оно обычно означаетъ фактическое сведеніе къ нулю завоеванныхъ рабочими нормъ.

V.

Если циркуляръ и обязательное постановленіе уродуютъ законодательную охрану труда, еще въ утробный періодъ ея жизни, то судебное рѣшеніе нерѣдко производитъ ту же операцію уже надъ дѣйствующимъ закономъ. Пользуясь недоговоренностью закона, неточностью выраженій его, разногласіемъ отдѣльныхъ нормъ—а это нерѣдкость при эпизодическомъ происхожденіи рабочихъ законовъ—судъ даетъ или самое невыгодное толкованіе, иногда, можетъ быть, и согласное

съ буквой, но противорѣчащее всему смыслу закона, а часто и прямо произвольное, откровенно продиктованное извнѣ.

На Западѣ противорабочая практика судовъ принимаетъ все болѣе колоссальные размѣры. Въ Соед. Штатахъ суды отмѣняютъ цѣликомъ законы объ охранѣ труда, какъ противорѣчащіе конституціи. Въ Англіи, какъ извѣстно, судебные приговоры противъ трэд'юніоновъ ускорили процессъ образованія рабочей партіи. Въ Германіи суды подкапываются и подъ тарифные договоры, и подъ право коалицій...

Въ Россіи до послѣдняго времени административная расправа съ закономъ предпочиталась судебной. Но въ „конституціонное“ десятилѣтіе Сенатъ успѣлъ уже стяжать себѣ неувядаемую славу своими „разъясненіями“. Въ области рабочаго законодательства напомнимъ хотя бы сенатскія „разъясненія“ п. 8 104 ст. Уст. о промышл., узаконившія локауты (1906 и 1908 гг.).

Наряду съ непрекращающейся ни на минуту очередной борьбой за примѣненіе рабочаго законодательства судебныя покушенія на охрану труда требуютъ и своихъ особыхъ пріемовъ борьбы. Выборность судей, не уничтожая классоваго характера суда, всетаки даетъ нѣкоторыя добавочныя гарантіи его безпристрастію. Но ограничиваться этимъ требованіемъ не приходится: интересы рабочихъ требуютъ передачи возникающихъ на почвѣ рабочаго законодательства судебныхъ дѣлъ особымъ промысловымъ судамъ; къ этому мы вернемся къ слѣд. статьѣ. Не слѣдуетъ брезговать и „буквоѣдской“ работой надъ редакціей текста закона, чтобы придать ей наибольшую точность, предупреждающую возможность безсознательныхъ и сознательныхъ лжетолкованій. Надо всегда помнить, что всякая экономія силъ въ борьбѣ за осуществленіе дѣйствующаго права идетъ на пользу борьбѣ за новыя права.

VI.

Централизація рабочаго законодательства, какъ результатъ централистическихъ тенденцій всего уклада современной жизни, въ томъ числѣ и рабочаго движенія,—таково руководящее начало въ борьбѣ рабочихъ за законодательную охрану труда. Вотъ почему въ сложныхъ государствахъ—Швейцаріи, Соед. Штатахъ—марксизмъ стоитъ за общее федеральное рабочее законодательство, предпочитая его отдѣльнымъ кантональнымъ законамъ. Вотъ почему и законодательный отзвукъ на мѣстныя (областныя, національныя) особенности въ условіяхъ труда предпочтительнѣе вообще проводить черезъ центральный органъ законодательной власти.

Возможно полнѣе и точнѣе закрѣпленіе въ самомъ текстѣ закона всѣхъ нормъ по охранѣ труда—таково слѣдствіе централизаціи рабочаго законодательства.

Но этими руководящими началами не исчерпывается, конечно, вся сложность рабочей тактики.

Во-первыхъ, въ жизни есть случаи, не поддающіеся регламентаціи изъ центра. Такъ, законъ долженъ установить часы начала и конца работъ. Но по мѣстнымъ климатическимъ или бытовымъ условіямъ отъ общей нормы могутъ быть допущены отступленія—конечно, въ ограниченныхъ предѣлахъ и въ установленномъ закономъ порядкѣ. Законодательная нормировка минимума заработной платы немыслима безъ установленія размѣровъ его на мѣстахъ.

Во-вторыхъ, при выработкѣ нормъ приходится считаться съ мѣстными національными или религіозными пережитками и предразсудками. Такъ, отстаивая въ законѣ опредѣленный общій для всѣхъ день еженедѣльнаго отдыха, можетъ быть, ввидѣ временной уступки придется допускать отступленія отъ него; рѣшеніе вопроса въ такомъ случаѣ опять переходитъ на мѣсто.

Это—случаи, когда рабочее движеніе *само* допускаетъ отступленія отъ централизаціи. Гораздо чаще могутъ встрѣтиться случаи, когда рабочему классу не по своей волѣ приходится сталкиваться съ подобными отступленіями.

Представимъ себѣ, что передъ рабочими стоитъ на выборъ или плохая законодательная норма, или та же норма, но въ добавокъ къ ней возможность улучшенія ея посредствомъ циркуляровъ или обязательныхъ постановленій. Было бы нелѣпымъ доктринерствомъ во имя принципа высказываться за первую возможность противъ второй: это значило бы вырывать оружіе борьбы за лучшую норму изъ своихъ собственныхъ рукъ.

Еще чаще могутъ встрѣтиться случаи, когда съ замѣной закона циркуляромъ или обяз. постан. приходится считаться уже, какъ съ совершившимся фактомъ.

Всѣ эти случаи переносятъ борьбу за законодательную охрану труда въ новую плоскость, ставятъ передъ рабочимъ движеніемъ новую задачу: какъ использовать заложенныя въ законѣ возможности къ улучшенію и развитію рабочаго законодательства? Вопросъ этотъ тѣсно переплетается съ вопросомъ объ органахъ надзора, и мы вернемся къ нему въ слѣд. статьѣ. Сейчасъ же отмѣтимъ только, что рѣшеніе задачи идетъ по линіи количественнаго и качественнаго усиленія рабочаго представительства въ органахъ и учрежденіяхъ, уполномоченныхъ законодательной властью на изданіе циркуляровъ и обязательныхъ постановленій.

К. Дмитріевъ.

Пролетаріатъ и мѣщанство.

А. Н. Потресовъ въ своихъ интересныхъ статьяхъ о пролетарской культурѣ констатировалъ весьма „неутѣшительный“ фактъ, котораго ни одному изъ его критиковъ не удалось опровергнуть: въ области гражданственности, въ сферѣ политической и экономической борьбы пролетаріатъ создалъ свою культуру, создалъ могучую классовую организацію, создалъ безпримѣрное въ исторіи „боевое товарищество“; съ другой стороны, тотъ же пролетаріатъ „въ области досуга, домашности, личныхъ отношеній, эстетики, вкуса“ до сихъ поръ новаго слова не сказалъ не выявилъ своей классовой физіономіи, не обособился отъ мѣщанскаго міра. А. Н. Потресовъ далъ много иллюстрацій и этому положенію. Фактъ этотъ несомнѣнный и я, съ своей стороны, для его подтвержденія сошлюсь на новѣйшія свидѣтельства двухъ лицъ, которыхъ отнюдь нельзя заподозрить въ недовѣріи къ творческимъ силамъ пролетаріата.

Въ Цюрихѣ недавно открылась выставка картинъ, писанныхъ швейцарскими диллетантами—рабочими. Одинъ изъ иниціаторовъ и организаторовъ этой выставки—докторъ Басъ прочелъ на дняхъ объ ней рефератъ въ мѣстномъ соц.-демократическомъ ферейнѣ—„Солидарность“. Басъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые вѣрятъ въ будущее пролетарской культуры художества и выставка, по его словамъ, затѣяна была именно съ цѣлью „выявленія психологическихъ особенностей пролетарскихъ художественныхъ вкусовъ“. Что же по мнѣнію Баса, показала выставка, собравшая 586 оригинальныхъ картинъ диллетантовъ—рабочихъ?

Большинство выставленныхъ картинъ—ландшафты. Нѣкоторые изъ нихъ въ смыслѣ техники писаны довольно не дурно, даже очень недурно для диллетантовъ; но почти всѣ они, по словамъ референта, наряду съ тщательнымъ изображеніемъ деталей отличаются отсутствіемъ настроенія, отсутствіемъ одухотворяющей идеи; особенно бросается въ глаза неспособность гармонически сочетать изображеніе людей и животныхъ съ изображеніемъ окружающей ихъ природы. Вторая категорія картинъ—портреты отличаются тѣми же недостатками. Нѣкоторые написаны довольно тщательно; но почти всѣ, за малыми исключеніями, страдаютъ фотографичностью, неумѣніемъ подчеркнуть и запечатлѣть на полотнѣ наиболѣе характерныя черты изображаемаго лица; странно, между прочимъ то, что наименѣе удачными оказались три портрета любимца рабочихъ Августа Бебеля. Бытовыхъ картинъ сравнительно очень мало на выставкѣ; къ тому же эти картины въ качественномъ отношеніи стоятъ ниже всѣхъ другихъ. На нихъ, по свидѣтельству референта, отразилось вліяніе кинематографа и бульварнаго романа: наряду съ изображеніями безвкусной мѣщанской идилліи пестрѣютъ „страшныя“ батальныя картины. Въ смыслѣ стиля выставка отличается очень большой пестротой; тутъ можно найти подражаніе всевозможнымъ школамъ и стилямъ; только футуристы на

выставкѣ не представлены. По видимому, съ этими декадентами рабочіе не имѣютъ никакого созвучія.

Подводя итоги своимъ впечатлѣніямъ, референтъ говоритъ: „мы за недостаткомъ мѣста изъ 2000 представленныхъ намъ картинъ приняли только 586. Тотъ фактъ, что такое множество рабочихъ послѣ утомительнаго труда берется своими мозолистыми руками за кисть, свидѣтельствуетъ, что у нашихъ рабочихъ есть сильная тяга къ искусству. Но, если вы спросите меня отразилась ли въ выставкѣ жизнь пролетарской среды, специфическая пролетарская психологія, я долженъ буду отвѣтить вамъ: нѣтъ, не отразилось; въ этомъ отношеніи нашъ первый опытъ нисколько не оправдалъ нашихъ ожиданій. Только одна бытовая и одна символическая картина и пара символическихъ рисунковъ, писанныхъ тушью, говорятъ намъ краснорѣчиво о пролетарскомъ настроеніи. Но эти немногія, кстати говоря, очень удачныя произведенія, отразили лишь безпросвѣтное настроеніе ихъ авторовъ, а не идеалы, надежды и чаянія нашихъ передовыхъ рабочихъ“.

О чемъ же свидѣтельствуетъ опытъ съ цюрихской выставкой? Ея безцвѣтность отчасти, конечно, объясняется тѣмъ, что картины всѣ рисовались диллетантами, которые, независимо отъ своихъ вкусовъ симпатій и настроеній, вообще еще не научился ярко запечатлѣвать ихъ на полотнѣ; но выборъ темъ, содержаніе бытовыхъ картинъ и чрезвычайная пестрота стиля уже очевидно объясняются не длетантизмомъ живописцевъ—рабочихъ, а той ихъ обывательщиной и „бытовой необособленностью“, о которой писалъ А. Н. Потресовъ.

На ту же „бытовую необособленность“ нѣмецкихъ рабочихъ жалуется по другому поводу германская соц. демократка Катерина Дункеръ въ своей талантливой книжкѣ—„Домашнее соціалистическое воспитаніе“, вышедшей въ партійномъ издательствѣ „Vorwärts'a“. Въ заключительной главѣ книжки Дункеръ говоритъ: „ясно, что тамъ, гдѣ въ семьѣ дѣйствительно царитъ соціалистическій духъ, намъ нечего безпокоиться о соціалистическомъ воспитаніи дѣтей. Но такія семьи еще, къ сожалѣнію, очень рѣдки. Многіе товарищи, работающіе въ партіи и профессіональныхъ союзахъ, оставляютъ свой соціалдемократизмъ на вѣшалкѣ въ преддверіи своей квартиры. Тамъ въ четырехъ стѣнахъ этой квартиры ихъ мышленіе и поведеніе абсолютно патріархально—мелкобуржуазны. Жена существуетъ для того, чтобы имъ прислуживать, чтобы по возможности усладить ихъ домашнюю жизнь; больше ей ни до чего дѣла не должно быть. Отъ дѣтей требуется тоже только одно—повиновеніе. Таковъ ихъ идеалъ семьи... Выросшіе въ такой домашней обстановкѣ сыновья и дочери нашихъ активныхъ товарищей часто уходятъ отъ движенія или по крайней мѣрѣ остаются къ нему равнодушными и въ лучшемъ случаѣ пріобщаются къ нему лишь тогда, когда испытанная въ жизни нужда ихъ гонитъ туда“...

Нужно поставить въ заслугу А. Н. Потресову, что онъ въ русской марксистской литературѣ первый со всей категоричностью констатировалъ указанное противорѣчіе въ жизни современнаго пролетарія. Это нужно было сдѣлать, ибо какъ правильно замѣчаетъ Потресовъ, „пролетаріатъ уже давно переросъ свои

дѣтскія пеленки... и пора перестать говорить съ нимъ присюсюкивая и пришепетывая, какъ съ неосмысленнымъ младенцемъ“.

Но важно было не только констатировать фактъ; важно раскрыть его причины, чтобы выяснить себѣ, какія перспективы открываются передъ пролетаріатомъ въ этой области. Этимъ и занимается А. Потресовъ преимущественно въ своихъ статьяхъ. Но удовлетворительнаго рѣшенія этого вопроса онѣ намъ не дали. Ихъ внимательный читатель могъ замѣтить, что авторъ не выступилъ съ самаго начала съ готовымъ рѣшеніемъ вопроса, что онъ еще ищетъ этого рѣшенія, что онъ въ разныхъ статьяхъ какъ бы нащупываетъ его то въ томъ, то въ другомъ условіи существованія современнаго пролетарія. Авторъ, повидимому отдаетъ себѣ отчетъ, что для него вопросъ еще не вполнѣ выясненъ. Такъ, онъ пишетъ: „я съ своей стороны въ данной статьѣ постараюсь намѣтить, если не отвѣтъ на вопросъ, давно уже меня занимающій, то хотя бы посильный матеріалъ для отвѣта“.

Въ поискахъ за объясненіемъ констатированнаго имъ противорѣчія А. Потресовъ въ началѣ набрелъ было на вѣрный путь. „Надо помнить“, пишетъ онъ въ своей первой статьѣ, „что пролетаріатъ не имѣетъ еще даже 8 часового рабочаго дня, т. е. элементарныхъ предпосылокъ культурнаго существованія.

Его положеніе, такимъ образомъ, въ корнѣ отлично отъ положенія буржуазіи 18 вѣка, *которая прежде чѣмъ взять свои политическія права, имѣла возможность собрать въ свои руки громадную экономическую силу*“. *) Вотъ здѣсь то, какъ нѣмцы выражаются, и похоронена собака! Вотъ въ этихъ то исключительно неблагопріятныхъ соціально-экономическихъ условіяхъ существованія пролетаріата, которыя до него въ такой мѣрѣ не тяготѣли ни надъ однимъ революціоннымъ классомъ въ эпоху его борьбы за власть, и нужно искать объясненія того факта, что *политически* зрѣлый пролетаріатъ въ отличіе отъ своихъ революціонныхъ предшественниковъ не перестроилъ радикально своего *быта*, не обособился въ бытовомъ отношеніи отъ смежныхъ классовъ еще *задолго* до своей окончательной политической побѣды. Къ сожалѣнію, А. Потресовъ, подошедши вплотную къ вѣрному рѣшенію вопроса, бросивши вѣрную мысль, не сталъ ее развивать, а началъ блуждать по окольнымъ дорогамъ, открывая каждый разъ новое объясненіе загадки то въ томъ, то въ другомъ явленіи, которыя въ лучшемъ случаѣ лишь полнѣе иллюстрируютъ и конкретизируютъ пробѣлъ въ жизни пролетаріата, но отнюдь не объясняютъ его происхожденія.

А. Н. Потресовъ даетъ послѣдовательно три объясненія того факта, что пролетаріатъ до сихъ поръ не проявилъ творчества, не обнаружилъ своей самостоятельной физіономіи въ области „домашности, личныхъ отношеній, эстетики, вкуса“.

Первое объясненіе: „задачи классовой борьбы такъ поглащаютъ энергію пролетаріата пропитываютъ его такимъ „спартанскимъ“ духомъ, что „остается не только безконечно мало простора во времени, но и безконечно мало вниманія“ для культуры художества. Второе объясненіе: мощная капиталистическая

*) Курсивъ мой А. М.

культура обладаетъ „громадною силой нивеллировки“, опошляющей вкусы массъ, поскольку же современное упадочное буржуазное искусство не способно удовлетворить рабочей интеллигенціи, послѣдняя въ классической буржуазной литературѣ находитъ себѣ „громоотводъ—суррогатъ ей нужнаго творчества“. Наконецъ, третье объясненіе: капиталистическая буржуазія, противъ которой пролетаріатъ ведетъ главную аттаку свою, въ бытовомъ отношеніи съ нимъ совсѣмъ не соприкасается и потому не вызываетъ у него „чувства противорѣчія“. Мелкая же буржуазія, изъ которой вышелъ пролетаріатъ и съ которой онъ имѣетъ въ личной жизни много точекъ соприкосновенія, не является его главнымъ классовымъ противникомъ; поэтому мѣщанская рутина упорно сохраняетъ свою власть надъ рабочимъ въ области домашняго быта.

Не трудно убѣдиться, что поскольку въ основѣ этихъ объясненій лежатъ дѣйствительно наблюдаемые въ жизни факты, всѣ эти факты—и одностороннее спартанство пролетаріата и его недостаточно критическое отношеніе къ буржуазному искусству и живучесть мѣщанскихъ традицій въ его домашнемъ быту,—являются *не причинами, а слѣдствіями* того, что пролетаріатъ до сихъ поръ безсиленъ былъ создать свою новую бытовую культуру, свои собственные бытовые устои. Не трудно убѣдиться далѣе, что причину этого безсилія нужно искать гдѣ то глубже, въ самыхъ экономическихъ основахъ современнаго строя.

Начнемъ со „спартанства“, А. Н. Потресовъ знаетъ, что пролетаріатъ-спартанецъ не изъ принципа, какъ наши „разрушители эстетики“ 60-хъ г., а поневолѣ. Мы скажемъ больше того. *Въ противоположность* нашимъ разночинцамъ 60-хъ и 70-хъ г., которые начали съ „разрушенія эстетики“, а продолжали тѣмъ, что совсѣмъ „опрощались“ и даже „жгли книгу“, желая этимъ искупить грѣхи своихъ отцовъ передъ народомъ, пролетаріатъ съ первыхъ своихъ шаговъ велъ *непосредственную* борьбу за счастіе, съ первыхъ своихъ шаговъ тянулся къ жизнерадостному „аѳинскому“ идеалу. Общеизвѣстный фактъ, что пролетаріи, въ монотонной, механической работѣ которыхъ, въ отличіе отъ работы крестьянина и ремесленника, совершенно нѣтъ элементовъ поэзіи и искусства, именно поэтому въ часы своего досуга не только жадно ищутъ знанія, но почти столь же жадно ищутъ эстетическихъ удовольствій и развлеченій.

Могли ли при такихъ условіяхъ многосложныя обязанности сознательныхъ рабочихъ по отношенію къ своимъ боевымъ организаціямъ помѣшать возникновенію самостоятельной пролетарской культуры художества?

Вѣдь для созданія такой культуры не требуется, чтобы всѣ рабочіе по-немножку „творили“, отрывая для этого время отъ своей обязательной повседневной классовой борьбы. Искусство творили во всѣхъ классахъ лишь отдѣльныя даровитыя единицы. Очевидно, что появись въ рабочей средѣ такіе самородки, способные въ области искусства выступить глашатаями новой пролетарской культуры, ничто не помѣшало бы имъ посвятить этому чрезвычайно важному дѣлу все свое время, всѣ свои силы. Если этого до сихъ поръ не случилось, то причина тутъ, очевидно, не въ мнимой спартанской *психологіи* борющихся пролетаріевъ, не въ дѣйствительномъ ихъ обремененіи работой въ комитетахъ и союзахъ, а въ томъ, что не выкристализовался еще тотъ новый, рѣзко обособленный отъ мѣщанства бытовой укладъ пролетарской жизни, который искалъ бы себѣ отраженія въ искусствѣ.

То же можно сказать о нивеллирующемъ вліяніи буржуазной художественной культуры. Нѣкоторые критики статей А. Потресова указывали уже на то, что буржуазное искусство не однородно по своему содержанію, что въ немъ, и именно въ классическихъ его образцахъ есть, вѣдь элементы не только реакціонные, но и сохраняющіе на сіе время революціонное значеніе и что положительное или отрицательное вліяніе этого искусства зависитъ главнымъ образомъ отъ умѣнія или неумѣнія сдѣлать въ немъ извѣстный отборъ отъ, умѣнія критически переварить его. Весьма любопытныя анкеты, сдѣланныя въ Германіи и Австріи по вопросу о томъ, какія книги охотнѣе всего читаютъ или покупаютъ рабочіе, какіе общеобразовательные курсы и лекціи они охотнѣе всего посѣщаютъ, какіе драматическіе спектакли они особенно любятъ, какими картинами они чаще всего украшаютъ свои жилища, показали, что рабочіе уже также далеко не съ одинаковымъ аппетитомъ поглощаютъ всѣ плоды буржуазной культуры, которые имъ преподносятъ эти анкеты, показываютъ, напр. что читатели—рабочіе сравнительно больше, чѣмъ читатели изъ зажиточныхъ классовъ интересуются популярно—научной литературой и особенно естествознаніемъ и сравнительно меньше беллетристикой, что для своихъ домашнихъ библіотекъ они изъ художественныхъ произведеній охотнѣе всего пріобрѣтаютъ классиковъ, а изъ послѣднихъ предпочитаютъ бурнаго Шиллера и ему подобныхъ олимпійцамъ вродѣ Гете, что стѣны своихъ квартиръ они охотнѣе всего украшаютъ веселыми ландшафтами. Этотъ отборъ весьма показателенъ. Пристрастіе къ естествознанію, къ книжкамъ о дарвинизмѣ, объ исторіи земли и пр. говорятъ о работѣ критической мысли, о стремленіи переоцѣнить старое, патріархальное міровоззрѣніе; предпочтеніе художественныхъ классиковъ и особенно представителей буржуазнаго искусства „эпохи бури и натиска“ и полное равнодушіе къ новѣйшей декадентской литературѣ говорятъ о революціонномъ настроеніи пролетаріата. Пристрастіе къ жизнерадостнымъ красочнымъ ландшафтамъ, къ изображенію природы есть протестъ противъ монотонной, механической, притупляющей работы на фабрикахъ. Указанныя анкеты показываютъ, что поскольку пролетаріатъ сталкивается съ буржуазной культурой, какъ революціонный классъ, онъ и сейчасъ уже умѣетъ дѣлать въ ея произведеніяхъ извѣстный, характерный для него отборъ. Но тѣ-же анкеты и другія свидѣтельства показываютъ что дальше извѣстныхъ границъ соціальная диференціація вкусовъ въ массѣ городскаго населенія не пошла, что по отношенію, напр. къ бытовымъ романамъ вкусъ массового читателя рабочаго по сіе время мало чѣмъ отличается отъ вкуса мелко-буржуазнаго обывателя, что первый, какъ и послѣдній любитъ посѣщать кинематографъ, что онъ весьма охотно читаетъ сентиментальные и уголовные романы бульварной прессы и т. д. Почему же пролетаріатъ, оказывая сопротивленіе нивеллирующему вліянію

буржуазной культуры въ одной области, пасуетъ передъ нимъ въ другой? Очевидно что причина тутъ не столько въ соблазнительности предлагаемаго товара, сколько въ свойствѣ потребителя—въ мѣщанскихъ вкусахъ рабочихъ, питающихся ихъ домашней обстановкой. Да это, впрочемъ, признаетъ въ одной изъ своихъ послѣднихъ статей и самъ А. Потресовъ.

Остается послѣднее его объясненіе отсутствія самостоятельной пролетарской культуры художества—власть надъ пролетаріатомъ рутины мелкой буржуазіи, изъ которой онъ выдѣлился и продолжаетъ выдѣляться и противъ которой онъ не находится въ прямомъ классовомъ антагонизмѣ.

Но и эта власть рутины, почему то ограничивающаяся одной спеціальной областью жизни, мало что объясняетъ, а, напротивъ того, сама нуждается въ объясненіи; вѣдь вотъ, напр., бытовая революція нашихъ разночинцевъ 60-хъ и 70-хъ гг. не была же *непосредственнымъ* бунтомъ класса противъ класса; вѣдь она по общему признанію была бунтомъ „дѣтей“ противъ „отцовъ“; почему же пролетаріатъ не могъ поднять такого же возстанія' противъ быта своихъ отцовъ, противъ мѣщанскаго быта? Очевидно, что пролетаріямъ по соціально-экономическимъ причинамъ труднѣе, чѣмъ нащимъ разночинцамъ 60-хъ гг. противоставить обычаямъ своихъ отцовъ новый укладъ личныхъ и семейныхъ отношеній, вообще домашняго быта.

Всѣ пути приводятъ насъ къ одному рѣшенію загадки. Буржуазія имѣла возможность еще въ рамкахъ „стараго режима“, еще до буржуазной революціи перестроить свой бытъ согласно своимъ буржуазнымъ идеаламъ, потому что она уже тогда „собрала въ свои руки громадную экономическую силу“; пролетаріату же условія капиталистическаго общества, ставятъ почти непреодолимыя препятствія для радикальной перестройки быта въ соціалистическимъ духѣ. Въ этомъ и только въ этомъ источникъ „трагедіи пролетарской жизни“, о которой говоритъ А. Потресовъ.

А. Н. Потресовъ вѣрно замѣчаетъ, что культура художества тѣсно связана съ культурой обыденной жизни и спеціально съ семейнымъ укладомъ, что домашній бытъ прокладываетъ путь къ извѣстному художеству, дѣлаетъ среду воспріимчивой къ нему. Вѣрно и то замѣчаніе его, что новое слово, которое радикальная буржуазія въ свое время сказала въ области домашняго быта, въ области половыхъ и семейныхъ отношеній еще далеко не послѣднее слово, что оно для насъ, соціалистовъ вопроса еще не рѣшаетъ. Радикальная буржуазія въ этой области выдвинула на первый планъ проблемму „свободной любви“, проблемму индивидуалистическую. Для соціалистовъ же центръ тяжести вопроса въ задачахъ семьи по отношенію къ обществу, въ задачахъ семьи, какъ первоначальной ячейки, въ которой должны формироваться характеръ и психика будущихъ гражданъ соціалистическаго общества.

Можетъ ли эту новую проблемму практически рѣшить при современныхъ экономическихъ условіяхъ пролетаріатъ и тѣмъ заложить фундаментъ для новой бытовой культуры? Я думаю, что не можетъ. Устои старой мѣщанской семьи неумолимо разрушаются развитіемъ капитализма, но создать новую семью и

новый бытъ на ея развалинахъ пролетаріатъ не имѣетъ еще возможности. Тотъ фактъ, что женщина изъ народа идетъ теперь на фабрику, что она теперь уже самостоятельно зарабатываетъ себѣ средства къ существованію, составляетъ необходимую, но недостаточную предпосылку даже для перваго шага въ дѣлѣ преобразованія старозавѣтной семьи. Вѣдь капиталъ потому такъ падокъ на женскій трудъ, что женщина представляетъ до сихъ поръ въ огромномъ большинствѣ случаевъ наиболѣе пригодный матеріалъ для эксплоатаціи. Ясно, что пока женщина играетъ роль конкурента, сбивающаго цѣны на рабочемъ рынкѣ, пока она не научилась отстаивать свои интересы въ борьбѣ съ капиталомъ, она не способна завоевать себѣ самостоятельное, равноправное положеніе и въ семьѣ. Это препятствіе къ семейной реформѣ, однако, устранимо, ибо нынѣ и женщина-работница начинаетъ постепенно втягиваться въ общепролетарскую классовую борьбу. Но этимъ только отчасти очищается дорога къ радикальной семейной реформѣ. Чтобы замужняя работница или жена рабочаго перестала быть традиціонной „Hausfrau“, традиціонной хозяйственной женщиной съ ея мелочными интересами и ограниченнымъ кругозоромъ, необходимо чтобы общественное производство оторвало отъ семьи значительную часть ея хозяйскихъ функцій въ области шитья, стряпки, уборни, мойки и пр. Это разгруженіе семьи уже теперь подготовляется развитіемъ общественнаго раздѣленія труда и техническимъ прогрессомъ. Но именно пролетарская семья при ея жалкомъ бюджетѣ, гораздо меньше другихъ можетъ пользоваться этими плодами прогресса и женщина-работница вынуждена поэтому носить двойное ярмо—и фабричное, и домашнее. Но главный, наиболѣе проклятый вопросъ пролетарской семьи—это вопросъ о дѣтяхъ, объ ихъ воспитаніи. Крестьянская и ремесленная семья, изъ которыхъ вышли пролетаріи, представляли изъ себя производственныя ячейки; здѣсь дѣти дома проходили автоматически извѣстную трудовую школу; здѣсь они автоматически пріобрѣтали опредѣленные нравственные устои. Пролетарская семья совершенно лишена производственныхъ функцій—пролетаріи являются производителями лишь на фабрикахъ и заводахъ, а не дома. Поэтому здѣсь необходимо возмѣстить планомѣрнымъ раціональнымъ воспитаніемъ то, что въ крестьянской семьѣ худо или хорошо достигается автоматическимъ подражаніемъ, тѣмъ болѣе необходимо, что пролетарскія дѣти, городскія дѣти улицы, подвергаются гораздо болѣе многочисленнымъ и опаснымъ соблазнамъ, чѣмъ крестьянскія. Раціональное домашнее воспитаніе есть насущнѣйшая задача пролетарской семьи; это же составитъ едва ли не важнѣйшую функцію будущей соціалистической семьи, какъ бы наряду съ ней не расширились задачи общественныхъ педагогическихъ учрежденій. Спрашивается, можетъ ли пролетарская семья въ настоящее время выполнить сколько нибудь удовлетворительно эту задачу, когда мать и отецъ работаютъ 10—12 часовъ внѣ дома, когда дѣти живутъ при отвратительныхъ жилищныхъ условіяхъ, когда школа находится въ рукахъ классовыхъ враговъ пролетаріата? Очевидно, что не можетъ.

Семейныя условія, въ которыхъ живетъ пролетарій въ общемъ и цѣломъ такъ невыносимы, что по мѣрѣ роста культурныхъ

потребностей у рабочихъ, у нихъ естественно усиливается стремленіе жить внѣ брака или очень поздно вступать въ бракъ—всяческими мѣрами предупреждать дѣторожденіе. Эта тенденція, приведшая уже къ замедленію или пріостановкѣ роста населенія во всѣхъ передовыхъ странахъ, есть зловѣщій показатель того, что капитализмъ ставитъ пролетаріату непреодолимыя преграды къ созданію новаго раціональнаго домашняго быта на развалинахъ патріархальной семьи. При такихъ условіяхъ нѣтъ основанія надѣяться, что еще въ рамкахъ существующаго строя современная „спартанская“ жизнь рабочихъ преобразуется въ „аѳинскую“, хотя душа рабочихъ и теперь несомнѣнно лежитъ къ послѣдней. Это значитъ, что нѣтъ основанія надѣяться, что въ рамкахъ существующаго строя пышнымъ цвѣтомъ распустится новая пролетарская культура.

И все—таки пессимистическій прогнозъ А. Н. Потресова подлежитъ значительному исправленію. И все—таки мы вправѣ ждать и въ домашней области жизни пролетаріата очень большихъ перемѣнъ въ неотдаленномъ будущемъ. Сравнительно недавно возникшее женское рабочее движеніе дѣлаетъ на нашихъ глазахъ быстрые успѣхи. Трудно переоцѣнить огромное значеніе этого новаго явленія. Благодаря ему впервые создается благопріятная почва для переоцѣнки рабочими всѣхъ своихъ половыхъ и семейныхъ отношеній съ точки зрѣнія соціализма и на этой почвѣ уже дѣлаются богатые посѣвы соціалистическими партіями на западѣ. И на соц. демократическихъ конференціяхъ и собраніяхъ, и въ соц. демократической литературѣ въ послѣдніе годы все больше и больше обсуждаются вопросы о всесторонней защитѣ материнства, о соціалистическомъ домашнемъ и школьномъ воспитаніи дѣтей, о борьбѣ съ алкоголизмомъ отравляющемъ пролетарскую семью, о причинахъ современнаго семейнаго распада, о причинахъ распространенія нео-мальтузіанства среди рабочихъ, объ условіяхъ всесторонняго улучшенія ихъ домашняго быта и т. д. Соціалистическая работа углубляется и проникаетъ въ ту интимную, частную семейную область пролетарской жизни, въ которой до настоящаго времени царитъ рутина, пассивная приспособляемость къ внѣшнимъ условіямъ и въ немалой степени мѣщанство. Пусть это недостаточно еще для радикальной перестройки пролетарской семьи и пролетарскаго быта на новыхъ началахъ—эта задача будетъ по силамъ лишь обществу, сбросившему съ себя цѣпи экономическаго рабства и тогда рѣчь будетъ уже собственно не о пролетарской, а объ общенародной соціалистической культурѣ. Но указанныя новыя формы соціалистической пропаганды и агитаціи, связанныя съ пріобщеніемъ работницъ къ классовой борьбѣ, уже при современныхъ условіяхъ могутъ и должны заставить рабочихъ крѣпко призадуматься надъ многими вопросами, къ которымъ они раньше относились индифферентно, могутъ и должны вытравить духъ мѣщанской ограниченности и самодовольства изъ ихъ семейныхъ отношеній и уничтожить то противорѣчіе въ душѣ современнаго пролетарія, на которое указываетъ А. Н. Потресовъ—противорѣчіе между семьяниномъ и гражданиномъ. Вынужденное спартанство пролетаріата отъ этого не исчезнетъ; оно, напротивъ, пропитаетъ собой и семейную жизнь, превративъ семью, наряду съ фабрикой, въ очагъ для развитія бациллъ недовольства. Но тѣмъ скорѣе наступитъ моментъ, когда пролетаріатъ войдетъ въ обѣтованную землю, въ которой все общество сможетъ зажить „по аѳински“.

А. Мартыновъ.

Postscriptum къ статьѣ А. Мартынова.

Надѣясь еще вернуться къ интереснымъ замѣчаніямъ А. Мартынова на мои статьи о пролетарской культурѣ, я хочу, не откладывая, устранить только одно недоразумѣніе.

„И все таки—пишетъ А. Мартыновъ *пессимистическій прогнозъ* (курс. мой А. П.) А. Н. Потресова подлежитъ значительному исправленію. И все таки мы вправѣ ждать и въ домашней области жизни пролетаріата очень большихъ перемѣнъ въ неотдаленномъ будущемъ“.

„Пессимистическій прогнозъ А. Н. Потресова“! Но въ томъ то и дѣло, что я никакого прогноза, ни пессимистическаго, ни оптимистическаго относительно пролетарскаго быта не дѣлаю; и не случайно не дѣлаю, а совершенно сознательно, такъ сказать—„съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ“. Ибо я наученъ опытомъ того прогноза, который я имѣлъ неосторожность въ свое время сдѣлать относительно пролетарской культуры художества. Я и теперь продолжаю думать, что мой пессимистическій прогнозъ относительно пролетарской культуры художества имѣлъ за себя основанія, что онъ правиленъ. Но я полагаю также, я пришелъ къ тому убѣжденію, что онъ былъ ненуженъ и вреденъ, поскольку отвлекалъ вниманіе читателя отъ *діагноза*, отъ изслѣдованія того, что есть—въ сторону того, что будетъ и что, конечно, представляетъ изъ себя уравненіе съ цѣлымъ рядомъ неизвѣстныхъ величинъ.

Это будущее, введенное въ сферу дискуссіи, мѣшало относиться съ должнымъ самообладаніемъ къ настоящему, оцѣнивать и безбоязненно критиковать нѣкоторыя существенныя черты современной пролетарской культуры, современной пролетарской „цивилизаціи“.

Потому то и старался я всячески избѣгать въ дальнѣйшемъ повторенія ошибки своихъ первыхъ статей, потому, въ частности, говоря о культурѣ пролетарской обыденной жизни, я ни словомъ не предрѣшалъ вопроса о томъ, какъ пойдетъ развитіе; сохранится ли въ будущемъ существующая здѣсь отсталость процесса пролетарски—классового оформленія, или не сохранится. Я все вниманіе сосредоточивалъ на разборѣ причинъ, приводящихъ въ настоящее время къ извѣстнымъ послѣдствіямъ. И этимъ—ограничилъ свою задачу.

Если же кто и продолжаетъ заниматься „пессимистическимъ прогнозомъ“, то это развѣ Мартыновъ, мой критикъ, упрекающій меня въ пессимизмѣ. Онъ, вѣдь, прогностицируетъ—и этотъ тезисъ его остается, разумѣется, въ силѣ, несмотря на всѣ указанія его на соціалдемократическую практику, стремящуюся къ

его ослабленію—прогностицируетъ, что „нѣтъ основанія надѣяться, что въ рамкахъ существующаго строя пышнымъ цвѣтомъ распустится новая пролетарская культура".

Очень хорошо! Но... изъ за чего же въ такомъ случаѣ было огородъ городить и меня упрекать въ пессимизмѣ? Вѣдь, большаго пессимизма я не проявлялъ и въ своихъ первыхъ статьяхъ о пролетарской культурѣ художествъ.

А. Потресовъ.

На пути къ политическому оформленію.

Развитіе кооперативнаго движенія за послѣдніе годы въ Россіи представляется въ слѣдующемъ видѣ: [1])

ЧИСЛО:	1900	1905	1911	1912
Потребительныхъ обществъ . .	348	1318	5278	7276
Кредитныхъ и ссудосбер. . . .	800	1431	7978	10551
Сельско-хоз. всякаго рода . . .	548	1500	5697	7292
Прочихъ	—	230	300	394
Всего . .	1696	4479	19253	25513
Въ нихъ членовъ	?	?	4,910,818	6,564,134

Главная масса обществъ и членовъ, послѣднихъ около $^2/_3$, приходится на долю организацій, объединяющихъ крестьянскую мелкую буржуазію. О нихъ въ дальнѣйшемъ и идетъ рѣчь.

Уже изъ таблицы ясно, что ростъ крестьянскихъ объединеній экономическаго характера начинается съ 1905 года. О томъ же говорятъ и отдѣльныя корреспонденціи, рисующія состояніе крестьянскихъ кооперативовъ въ той или иной области.

Гдѣ причины этого явленія? Въ очень интересной, несмотря на народническую предвзятость, пропитывающую ее, статьѣ объ „эволюціи отношенія крестьянъ къ малоземелью", Н. Каблуковъ даетъ такую характеристику современныхъ настроеній деревни.— „Надежда на то, что добавочное надѣленіе землей послѣдуетъ извнѣ, помимо дѣятельности самого населенія, замерла уже въ 90-хъ годахъ и замѣнилась представленіемъ о захватѣ части его земли другими.

Разувѣрившись въ этомъ, населеніе принялось было само за осуществленіе въ жизни своихъ надеждъ, — и разразились аграрные безпорядки, прекратившіеся однако не по собственному сознанію населенія... Затѣмъ наступило 9 ноября 1906 г.... осталось одно: ...надо самому ни на кого и ни на что не надѣясь принимать всѣ допустимыя мѣры къ тому, чтобы увеличить свое землепользованіе" [2]). Въ этомъ Н. Каблуковъ видитъ одну изъ причинъ развитія кооперації въ деревнѣ. Въ какой

[1]) Е. Канчеръ Ходъ кооперативнаго движенія въ Россіи въ цифрахъ. Вѣстн. Кооп. 1913, №-4, стр. 75.

[2]) Р. В. № 259 отъ 9 ноября 1913 г.

степени развитіе кредитной и иной кооперації связано со стремленіемъ населенія найти выходъ изъ третьеіюньскаго тупика, свидѣтельствуетъ между прочимъ и слѣдующая, выбранная наудачу, типичная корреспонденція, рисующая положеніе дѣлъ въ Балашовскомъ у.

„За послѣднія 5—6 лѣтъ произошли значительныя перемѣны въ хозяйственной жизни крестьянъ нашего уѣзда. Во первыхъ, значительно расширилось крестьянское землевладѣніе, во вторыхъ ярко сказалось стремленіе крестьянъ увеличить производительность и доходность своихъ хозяйствъ и, въ третьихъ, положено начало развитію товарищеской взаимопомощи, выразившейся въ образованіи сельскохозяйственныхъ обществъ и кредитныхъ кооперативовъ... Всякій шагъ къ улучшенію хозяйства связанъ съ новыми затратами и при томъ сравнительно значительными... Нужда крестьянства въ оборотныхъ средствахъ болѣе или менѣе удовлетворяется... кредитными кооперативами, ссужающими своимъ членамъ довольно значительныя средства"... [1])

Основной вопросъ деревни—земельный. Поэтому такъ интенсивно растутъ кредитныя товарищества.

За недостаткомъ мѣста мы не останавливаемся на разсмотрѣніи другихъ видовъ кооперації. Да это и не важно для характеристики настроеній современной деревни. Опредѣляющимъ послѣднее является, повторяемъ, отношеніе къ рѣшенію земельнаго вопроса. Его же даетъ разсмотрѣніе жизни и дѣятельности кредитной кооперації.

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изложенію, посмотримъ, не дутыми ли предпріятіями являются вообще кредитныя товарищества. Такъ, одинъ изъ кооператоровъ высказываетъ по этому поводу слѣдующее категорическое сужденіе. — «...изъ существующихъ... кредитныхъ кооперативовъ большая часть держится только Государственнымъ Банкомъ и инспекціей .. не является ли банкъ съ инспекціей дѣйствительно всей основой кредитной кооперації. Лично я убѣжденъ, что громадный ростъ числа кредитныхъ кооперативовъ обязанъ именно этой связи — уничтожьте ее и тогда сосчитайте, сколько останется товариществъ изъ существующихъ сейчасъ... осталось бы нѣсколько сотенъ»... [2]). Правильно утвержденіе цитированнаго выше автора о колоссальной поддержкѣ, оказанной властью кредитной кооперації. Но столь же безосновательнымъ является и пессимизмъ его. Такъ: *На 100 рублей собственнаго капитала кред. тов. приходилось ссуженнаго* [3])—

	Государств. банк.	Земств.
1906	725	58
1907	562	43
1908	470	31
1909	333	21
1910	259	18

Несмотря на то, что поистинѣ удивительнаго развитія кредитная кооперація могла достигнуть лишь благодаря интенсив-

[1]) Н. Колесниковъ. Мелкія сельско-хозяйственныя общества Балашовскаго у. В. Кооп. 1912 № 6, стр. 134-135.

[2]) А. Мухинъ. Къ вопросу о соціальномъ значеніи кооперації. В. К. 1913, № 1, стр. 21.

[3]) Разсчитано на основаніи табл. статист. ежег. сов. съѣздовъ.

ной поддержкѣ правительства и земства, сейчасъ смѣшно говорить о гибели кооперацiи при отсутствiи поддержки со стороны Г. Банка. Ростъ *собственнаго* капитала кооперативовъ слишкомъ для этого великъ. Кредитная кооперацiя видимо становится на ноги, крѣпнетъ и развивается.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ростъ *собственнаго* капитала говоритъ о томъ, что населенiе цѣнитъ дѣятельность кредитныхъ кооперативовъ и находитъ ее *экономически полезной* и *необходимой*..

Въ чемъ, однако, эта дѣятельность заключается?

Это видно по росту нѣкоторыхъ ссудъ:

	1906 г.	1909 г.
На покупку земли . . .	3.0	6.5
Аренду земли	16.0	22.1
Улучшенiе угодiй . .	0.2	0.8
Орудiя с.-х. произв. .	2.3	2.8
Покупку сѣмянъ . . .	5.3	6.9
Наемъ рабоч. силы .	2.3	2.8

Наша таблица не отличается статистической точностью. Въ ней приведены свѣдѣнiя для кооперативовъ, ссужающихъ кредитъ всякаго рода профессiямъ. Выдѣленiе сельчанъ въ отдѣльную группу значительно измѣнило бы ставки. Далѣе деревенская жизнь исключаетъ возможность точно отдѣлить ссуды на производительныя траты отъ ссудъ на потребительныя [1]). Но, несмотря на это, ростъ отдѣльныхъ графъ таблицы и ростъ ссудъ на производительныя траты, выбранныя нами въ приведенной выше таблицѣ, невольно подсказываютъ выводъ: *крестьянство на почвѣ аграрнаго законодательства послѣднихъ лѣтъ пытается улучшить свое положенiе.*

Характерно, что въ обрисованный нами процессъ за послѣдне годы втягивается и малоимущая деревня. *Средне размѣры ссудъ понижаются.* Это значитъ, что и бѣдные элементы—„трудовое крестьянство“—тѣмъ же путемъ пріобщаются къ „благосостоянiю“, другими словами, пропитываются частно-владѣльческой психологiей.

Частныя обслѣдованiя, произведенныя въ отдѣльныхъ мѣстахъ Россiи, отвѣчаютъ на вопросъ о соцiальной принадлежности кооператоровъ вполнѣ опредѣленно. Такъ, М. Красильниковъ, произведшiй подворную перепись въ Уфимской губ., пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:

„Уфимская кредитная кооперацiя вербуетъ себѣ членовъ почти исключительно изъ крестьянъ... Входящее въ нее крестьянское населенiе по численности своего семейнаго состава, по своей земельной обезпеченности относится по преимуществу къ средней рядовой массѣ... Уфимская кредитная кооперацiя, развиваясь по истинѣ со стихiйной силой вширь, въ то же время постепенно углубляется, захватывая все болѣе и болѣе рядовое уфимское крестьянство“... [2]).

Въ другомъ концѣ Россiи, въ Черниговской губ., подворная перепись устанавливаетъ ту же картину. Въ обслѣдованной А. Мухинымъ волости „степень распространенiя вліянiя кредитной

[1]) Интересныя замѣчанiя на эту тему см. въ цитир. статьѣ Мухина, стр. 27.
[2]) М. Красильниковъ. Кооперативная среда. В. Кооп. 1913 № 8. стр. 40.

кооперацiи обратно пропорцiональна состоятельности... въ товарищество идутъ преимущественно бѣдные и средне слои, самые же низшiе—совершенно безхозяйственные и самые богатые—высшiе слои даютъ членовъ мало“ [1]).

„Сравнивая участниковъ по времени поступленiя въ товарищество... получимъ, что... пробывшiе 3 года въ среднемъ болѣе богаты, чѣмъ пробывшiе 2, а эти въ свою очередь богаче пробывшихъ годъ... Для того, чтобы этотъ выводъ... распространить на всѣ кредитныя товарищества, у меня точныхъ данныхъ нѣтъ, но мнѣнiе, аналогичное сдѣланному выводу, не разъ приходилось слышать отъ многихъ практиковъ кооперативнаго дѣла... Такимъ образомъ на .. вопросъ—какiе слои притягиваютъ... кредитныя товарищества, получается... отвѣтъ:.. они захватываютъ... средне слои и бѣдноту, но бѣдноту, имѣющую свое хозяйство, исключая ту ея часть, которая впала въ нищенство и отчасти исключаютъ верхнiе болѣе богатые слои крестьянства [2]).

Нашъ выводъ о „примиренiи“ жизнеспособнаго крестьянства съ третьеiюньскимъ рѣшенiемъ аграрнаго вопроса получаетъ такимъ образомъ подтвержденiе со стороны непосредственныхъ участниковъ движенiя. О политическомъ значенiи этого факта врядъ-ли приходится распространяться.

* *
*

Итакъ мелкая буржуазiя деревни организуется. Уже это обстоятельство представляетъ явленiе высокаго интереса. Одна изъ истинъ, оставленныхъ въ наслѣдство рабочему классу Ф. Лассалемъ, гласитъ: конституцiя отражаетъ соотношенiе общественныхъ силъ, степень участiя той или иной общественной группы во власти. Точнѣе: предполагая наличность организованныхъ общественныхъ силъ, правовой порядокъ опредѣляетъ право ихъ на дальнѣйшую организацiю. Конкретно: у насъ дѣйствуетъ плохая свобода печати. Но и съ ней происходятъ странныя исторiи. Что проходитъ безнаказанно одному, за то карается другой органъ. Какъ это ни странно, но въ этихъ на первый взглядъ лишенныхъ какого бы то ни было смысла репрессiяхъ, много реакцiоннаго смысла, смысла государственнаго строя, мечущагося между сциллой организующихся противъ его воли массъ и харибдой слѣдствiй организованнаго ихъ натиска. Свѣдѣнiе—дань праздному любопытству для буржуазнаго читателя, для рабочаго, толчекъ къ организацiи. А такъ какъ интересъ всякой власти заключается въ томъ, чтобы держать всѣ общественные слои, исключая того, на который она опирается, въ распыленномъ состоянiи, то отсюда и кажущееся противорѣчiе, указанное нами выше. Вообще весь перiодъ послѣ 1905 г., вплоть до настоящаго времени, характеризуется борьбой бюрократiи съ проявившимся и проявляющимся стремленiемъ народныхъ массъ къ организацiи. Тѣмъ интереснѣе отмѣтить еще одно противорѣчiе, идущее на этотъ разъ въ пользу враговъ стараго порядка. Власть и земство въ силу неумолимыхъ законовъ общественнаго развитiя должны и содѣйствуютъ организацiи мелкой крестьянской буржуазiи. Законъ 9 ноября, реакцiя

[1]) Тамъ же, стр. 26.
[2]) См. цитир. ст. стр. 23.

„успокоенія“, вполнѣ естественная послѣ бурнаго движенія 1905—6 г.г., обезпечили на нѣкоторое время магнатовъ землевладѣнія отъ повторенія непріятныхъ событій непріятнаго года. И власть старается полностью воспользоваться временемъ.

„Правительство видитъ... въ развитіи кооперація вѣрное средство къ борьбѣ съ распыленіемъ мелкихъ землевладѣльцевъ, вызваннымъ разрушеніемъ общины, и—сильный толчекъ къ экономическому развитію деревни, застывшей въ патріархальныхъ формахъ экономическаго быта и пришедшей къ полному обнищанію“ [1]).

Далѣе, „земство какъ бы оно заскорузло ни было въ лицѣ своихъ представителей, вынуждается къ поддержкѣ кооперативнаго движенія“ [2]).

Естественно, что и тутъ власть не можетъ дѣйствовать послѣдовательно, не примѣняя старыхъ испытанныхъ пріемовъ борьбы съ общественной самодѣятельностью. На пути своей организаціи мелкая буржуазія встрѣчаетъ не только помощь и „благожелательную поддержку, но и „терніи“. По мнѣнію А. Меркулова „въ общемъ и цѣломъ развитіе кооперативнаго дѣла встрѣчаетъ подозрительное, иногда прямо враждебное отношеніе; въ частности же мѣры воздѣйствія на кооперацію необычайно варьируютъ сообразно настроенію мѣстнаго начальства“ [3]). Старая давно знакомая картина! Задержка въ утвержденіи уставовъ, изысканія въ области политической благонадежности, „націонализація“ кооперативнаго движенія...

Въ этой непослѣдовательности—поощреніи и пресѣченіи—власть неповинна. Интересы государственнаго порядка и спокойствія сталкиваются въ нашемъ случаѣ сами съ собой. Сегодняшній день требуетъ пресѣченія, грозное завтра властно диктуетъ образованіе крестьянскихъ слоевъ, пропитанныхъ частновладѣльческой психологіей, крѣпкихъ преданностью исконнымъ началамъ, историческимъ традиціямъ. Подобно тому, какъ въ борьбѣ съ организаціями рабочаго класса власть терпитъ пораженія, ибо желѣзные законы капиталистическаго развитія требуютъ отъ рабочаго класса объединенія для защиты своихъ классовыхъ интересовъ, такъ и тутъ, сама того не желая, власть вынуждена склониться передъ потребностью мелкой буржуазіи къ организаціи. Разница лишь въ томъ, что пролетарскія организаціи неукоснительно пресѣкаются и предупреждаются, крестьянскія—предупреждаются и поощряются одновременно.

Власть вынуждена поощрять развитіе сельскихъ организацій. Она разсчитываетъ извлечь изъ нихъ нѣкоторыя контръ-конституціонныя выгоды. Не оказывается ли она въ положеніи насѣдки, выводящей гадкихъ утятъ?

Участіе во власти, вліяніе на ходъ государственной машины предполагаетъ, какъ предварительное условіе, извѣстную степень организаціи. Но и наоборотъ. Наличность организованности толкаетъ къ защитѣ своихъ интересовъ, къ измѣненію условій правового существованія, къ использованію силы, коренящейся въ организованности.

---

[1]) В. Бур-ъ. Земство и кооперація. Земск. Дѣло 1913 № 1, стр. 33.
[2]) Тамъ же, стр. 36.
[3]) А. Меркуловъ. Кооперативное движеніе въ Россіи. В. Кооп. 1913 № 9 стр. 92.

И уже въ настоящій моментъ мы наблюдаемъ попытки въ этомъ направленіи.

Правда, пока вниманіе пробуждающейся мелкой буржуазіи почти исключительно обращено на органы мѣстнаго самоуправленія. Но и это уже большой шагъ впередъ.

И такъ было до земскихъ выборовъ 1913 года. Послѣ нихъ картина рѣзко измѣняется. Въ кооперативной средѣ пробуждается аппетитъ къ политической дѣятельности.

„Объединеніе“ пишетъ:

„...умѣстно теперь, когда и правительство и думскія партіи приступаютъ къ работѣ по подготовкѣ земской реформы, приступить къ этому и другой сторонѣ безправнымъ народнымъ низамъ. Ознакомиться съ недостатками современнаго земскаго строя и опредѣлить, какъ перестроить его нужно, чтобы отвѣчалъ потребностямъ рабочаго люда и деревенской бѣдноты. И понятно, что кооперативные работники, стоящіе сейчасъ въ первыхъ рядахъ работы деревенскаго обновленія, должны обладать освѣдомленностью по этому дѣлу“ [1]).

Ранѣе тотъ же журналъ, давая оцѣнку участія крестьянъ на земскихъ выборахъ, писалъ:

„...надо отмѣтить... урокъ, который выборы даютъ молодымъ прогрессивнымъ силамъ деревни. Къ нимъ взываютъ истекшіе выборы, къ тѣмъ тысячамъ молодыхъ кооператоровъ, къ той молодой сельской интеллигенціи, которая стоитъ на работѣ возрождающейся культурной дереви... Войти вплотную въ земскую жизнь, внимательно изучать и постоянно слѣдить за земской работой, организоваться для участія въ земскихъ выборахъ, для контроля и воздѣйствія на земскихъ гласныхъ—вотъ урокъ, который даютъ минувшіе крестьянскіе земскіе выборы“ [2]).

Въ № 17 „Хлѣбороба“ находимъ передовую статью на ту же тему. Въ ней сообщается, что въ одномъ изъ южныхъ уѣздовъ группа работниковъ кооперації и другихъ дѣятелей деревни рѣшила приступить къ освѣдомленію населенія о ходѣ земскаго дѣла. Создали товарищескій кружокъ, который, уяснивъ хорошо для себя самаго значеніе земства и его задачи, приступилъ къ работѣ: начались бесѣды, чтенія, лекціи. Работа не ограничилась однимъ селомъ. Благодаря личнымъ знакомствамъ дѣятелей по уѣзду, къ дѣлу привлечены и окрестные крестьяне Редакція привѣтствуетъ это начинаніе и утверждаетъ, что „земская работа только тогда можетъ прочно стоять на ногахъ и давать наивысшую пользу населенію, когда само крестьянство приметъ въ ней участіе“ [3]).

Для человѣка, знакомаго съ тѣмъ, какъ начинается—налаживается—политическая работа и политическое оформленіе, не остается сомнѣнія въ томъ, что крестьянство сдвинулось съ мертвой точки политическаго индифферентизма. И заявленія кооперативной печати звучатъ тѣмъ убѣдительнѣе, что она заговорила *послѣ* того, какъ организованные крестьяне—кооператоры *по своей собственной инициативѣ* использовали свое вліяніе среди объединенныхъ крестьянъ во время земскихъ выборовъ, бывшихъ минувшимъ лѣтомъ.

---

[1]) А. Григоровскій. Кооперація и земская реформа. Объдеиненіе 1913, № 16, стр. 14.
[2]) А. Григоровскій. Крестьяне на земскихъ выборахъ. Объединеніе 1913, № 11 стр. 7.
[3]) Цит. по статьѣ Е. Канчеръ. Обзоръ русской кооперат. печати. В. Коо 1913 № 7 стр. 121—122.

„Русская Молва“, подводя итоги выборовъ, отмѣчаетъ,— „рядомъ со „старой“ деревней выступила новая, рядомъ съ предуказанными начальствомъ проходили и дѣйствительно избранные населеніемъ люди, новые для деревни [1]). То же явленіе отмѣчаетъ и Б. Веселовскій, — „крестьянскіе выборы во многихъ уѣздахъ отличались особеннымъ оживленіемъ и борьбой... Изъ многихъ уѣздовъ сообщаютъ о выборѣ интеллигентныхъ сознательныхъ элементовъ [2]).

Не послѣднюю роль сыграло въ этомъ явленіи общее политическое оживленіе, переживаемое страной. Кромѣ того, что особенно интересно, „по одинодушному свидѣтельству провинціальной прессы, факторомъ, организующимъ эти (политически дѣеспособные) элементы въ деревнѣ, является кооперація“ [3]).

Свѣдѣнія этого рода весьма недостаточно регистрировались столичной печатью. И мы можемъ привести въ подтвержденіе послѣдняго утвержденія лишь немного фактовъ.

„Большое участіе... приняли кооператоры въ крестьянскихъ выборахъ по Рязанской губерніи. На выборахъ въ Раненбургскомъ у. изъ 10 уполномоченныхъ отъ волостей 7 дѣятельныхъ кооператоровъ. Преобладали кооператоры... и среди уполномоченныхъ по Рязанскому уѣзду. Въ Зарайскомъ уѣздѣ на выборахъ даже образовались... особыя „банковскія“ партіи вокругъ дѣятелей мѣстныхъ кредитныхъ банковъ—кредитныхъ кооперативовъ. Были попытки участія кооператоровъ и въ Ярославской губ.. Прошли нѣкоторые изъ дѣятелей сельской кооперации въ гласные и по Медвѣженскому уѣзду Ставропольской губ...“ [4]).

Хотя факты подобранные нами и случайнаго характера, но само проявленіе политической самодѣятельности, повидимому, совсѣмъ не случайное явленіе. Профес. Н. Каблуковъ нащупываетъ его въ другомъ случаѣ и по другому поводу.

„... самодѣятельность проявляется... къ формѣ кооперативнаго движенія, и, повторяемъ, *не на экономической только* почвѣ... Это проявилось очень ярко на одномъ изъ совѣщаній представителей кооперативовъ, которыми являлись только крестьяне. Когда они стали намѣчать, что необходимо обсуждать и къ чему стремиться такимъ совѣщаніямъ, въ которыхъ участвуютъ представители разныхъ кооперативныхъ организацій, то оказалось, что они намѣчаютъ какъ задачу своей дѣятельности все то, что входитъ... въ составъ дѣятельности мелкой земской единицы. При этомъ характерно, что ни одинъ изъ опредѣлявшихъ задачу такихъ совѣщаній ничего о мелкой земской единицѣ не читалъ и этого выраженія никогда не слыхалъ [5]).

Жизнь стихійно толкаетъ объединенную мелкую буржуазію за предѣлы узко-матеріальной взаимопомощи. Объединеніе дѣлаетъ ее значущей величиной, а затѣмъ вынуждаетъ органы власти и самоуправленія считаться съ организаціей. Земскія самоуправленія силой вещей должны связывать дѣятельность своихъ органовъ съ кооперативными союзами. Нѣтъ смысла затруднять читателя перечисленіемъ отдѣльныхъ управъ, включившихъ въ органы, учрежденные ими, представителей кооперативовъ. „Объединеніе“ даетъ слѣдующую сводку:

„...какъ ни слабо пока то участіе, которое кооператоры принимаютъ непосредственно въ земской работѣ, какъ ни мало еще вліяніе, оказываемое кооперацией, на земское дѣло, это вліяніе съ каждымъ годомъ растетъ и увеличивается. Здѣсь кооперативы добьются участія въ управленіи дѣлами кассы мелкаго кредита, тамъ ихъ привлекутъ къ руководству работами сельско-хозяйственнаго склада, здѣсь представители кооперации получатъ право голоса въ экономическомъ совѣтѣ, тамъ потребуютъ, какъ это имѣло мѣсто въ Бахмутѣ, мѣста въ руководствѣ мѣстнымъ земскимъ органомъ. Есть уѣзды, какъ, напр., Балтскій, гдѣ почти ни одно большое мѣропріятіе земствомъ не совершается безъ участія кооперативовъ: ихъ представител и какъ делегаты организованнаго крестьянства, участвуютъ и въ строительныхъ комиссіяхъ, и въ школьныхъ попечительствахъ, и во всякаго рода земскихъ совѣщаніяхъ и совѣтахъ“ [1]).

При иномъ избирательномъ законѣ мелкая крестьянская буржуазія, преобладая въ земскихъ учрежденіяхъ, непосредственно управляла бы черезъ своихъ представителей и всѣми указанными выше учрежденіями. Настоящій избирательный законъ лишаетъ крестьянство возможности осуществлять защиту своихъ интересовъ непосредственно. И недостатки избирательнаго закона смягчаются силой организованнаго давленія. Но отсюда лишь одинъ шагъ къ мысли о реформѣ избирательнаго закона.

Въ настоящій моментъ мелкая буржуазія не ограничивается уже мѣстными разрозненными объединеніями. Въ рядѣ губерній намѣчаются и осуществляются областныя объединенія въ видѣ съѣздовъ и областныхъ союзовъ. Больше того. Какъ слѣдствіе Всероссійскихъ съѣздовъ въ порядокъ дня поставленъ вопросъ объ учрежденіи *постояннаго совѣта съѣздовъ представителей кооперативныхъ организацій*. „Послѣ каждаго съѣзда—поясняетъ въ „Вѣстн. Пенз. Земства“ Н. Езерскій—остается масса постановленій, которыя надо исполнить, ходатайства передать по принадлежности, собрать свѣдѣнія... Еще важнѣе то, что кооперации надо имѣть свой постоянный органъ, который заботился бы объ ея интересахъ, отстаивалъ бы ихъ повсюду. Торговцы и промышленники... всѣ имѣютъ такой органъ. Такой же центральный органъ создаютъ теперь себѣ сельскіе хозяева... Кооперація связана со всѣми сторонами жизни, ей важны и новые законы, касающіеся торговаго оборота, и торговый договоръ съ Германіей... Нужно разработать вопросы, касающіеся ея, нужно многое предупредить“ [2]).

Въ заключеніе для полноты картины укажемъ на пропаганду идеи созданія Думской кооперативной группы, на разработку II съѣздомъ кооперативнаго закона, выступленія крестьянскихъ земскихъ гласныхъ на послѣднихъ собраніяхъ съ требованіемъ реформы избирательнаго закона, образованіе въ Думѣ крестьянской группы съ прогрессивными тенденціями.

Политика ли все это? Имѣемъ ли мы тутъ въ дѣйствительности дѣло съ оформленіемъ мелкой буржуазіи въ политическую силу?

„...всякое движеніе, въ которомъ рабочій классъ, *какъ классъ*, выступаетъ противъ господствующихъ классовъ и старается ихъ вынудить къ чему-нибудь внѣшнимъ давленіемъ, есть уже политическое дѣйствіе. Напр., попытка добиться уменьшенія рабочаго

[1]) Б. Веселовскій. Итоги земскихъ выборовъ. Р. Слово № 171 отъ 25 іюня 1913 г.
[2]) День № 186 отъ 25 іюля 1913 г.
[3]) Союзъ потреб. 1913 г. № 24 стр. 646.
[4]) Н. Каблуковъ. Земство и кооперація. Р. Вѣд. 1913 г. № 252.
[5]) Цит. изъ „Дня“ № 186 отъ 14 іюля 1913 года.

[1]) А. Григоровскій. Кооперація и земская реформа. Объедин. 1913 № 16 ст. 13. См. кромѣ того данныя о томъ же у Супруна. Дѣятельность земствъ по содѣйствію кооперации. Земск. Дѣло 1913, № 2 стр. 1044.
[2]) Цит. по Земск. Дѣлу № 19 стр. 1293.

дня на отдѣльной фабрикѣ или въ отдѣльной мастерской отъ отдѣльнаго капиталиста путемъ стачки и т. п.—чисто экономическое движеніе; напротивъ движеніе въ пользу *закона* о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ и т. п. есть *политическое* движеніе... Если эти движенія создадутъ себѣ извѣстную предварительную организацію, то они въ свою очередь становятся также и средствомъ для развитія этой организаціи“ (Марксъ) [1].

Пока крестьянскіе кооперативы мыслятъ себя организаціями по распространенію полезныхъ свѣдѣній о травосѣяніи, копытной мази, по снабженію голодающаго населенія хорошими сѣменами и проч.—это просто союзы крохоборческой экономической политики. Мы рядомъ фактовъ хотѣли показать, какъ они силой вещей превращаются въ „общественнопринудительную“ силу. И намъ кажется, что тенденція нами во всякомъ случаѣ уловлена правильно.

Астровъ.

Война и ея причины.

I.

Міровая катастрофа—общеевропейская война, о которой такъ часто въ послѣдніе годы говорили и въ возможность которой въ сущности мало вѣрили, стала совершившимся фактомъ. Весь міръ живетъ теперь въ ея атмосферѣ, переживая ея ужасы и нервно слѣдя за всѣми ея перипетіями. Все, чѣмъ люди жили до сихъ поръ, отошло куда то вглубь; война стала въ центрѣ всеобщаго вниманія и опредѣляетъ помыслы и дѣйствія десятковъ и сотенъ милліоновъ людей.

Война грянула для многихъ, какъ громъ изъ яснаго неба. И, тѣмъ не менѣе, взрыва общеевропейской войны слѣдовало ожидать каждую миниту. Въ послѣдніе годы въ различныхъ уголкахъ земного шара то и дѣло вспыхивали зловѣщія искорки, грозившія разгорѣться міровымъ пожаромъ. Эти искорки то потухали, то продолжали медленно тлѣть подъ пепломъ, то, разгораясь яркимъ заревомъ, локализировались, ограничиваясь небольшой сравнительно территоріей какъ то было во время Триполитанской или балканской войны. Всѣ съ облегченіемъ вздыхали, что гроза миновала, и, въ чаяніи мира, государства Европы продолжали наперебой вооружаться, памятуя старую римскую пословицу: если хочешь мира, готовься къ войнѣ. И съ величайшимъ напряженіемъ всѣхъ силъ готовили эту общеевропейскую войну, которую желали и которой одновременно въ глубинѣ души боялись.

[1]) Письма К. Маркса, Ф. Энгельса и др. къ Ф. Зорге и др. Пет 190. 8 стр. 50.

Наконецъ случилось то, что должно было рано или поздно случиться. На этотъ разъ Сербія послужила тѣмъ отправнымъ пунктомъ, откуда небольшая искра разгорѣлась въ пламя, охватившее Европу и превратившее австро-сербскій конфликтъ въ общеевропейскую, міровую войну.

Въ послѣднія десятилѣтія во всей Европѣ, а съ начала новаго столѣтія и въ Азіи и въ Америкѣ, наблюдается лихорадочный ростъ вооруженій. Повсюду усиливается составъ постоянной арміи, ростутъ затраты на ея вооруженіе, идетъ непрерывное строительство новыхъ военныхъ судовъ и совершенствуется ихъ оборудованіе. Мѣсто броненосцевъ занимаютъ огромныя морскія чудовища—дрэдноуты, которые въ свою очередь замѣняются дрэдноутами усовершенствованнаго типа, сверхъ—дрэдноутами. На службу войнѣ и вооруженному миру идутъ новѣйшія изобрѣтенія въ области техники: изощряются и улучшаются орудія массоваго истребленія людей—пушки, пулеметы, митральезы, шрапнели, гранаты. „Завоеватели воздуха“—авіаторы превращаются массами въ военныхъ летчиковъ и великая побѣда XX вѣка надъ воздухомъ утилизируется въ цѣлыхъ истребленія „царя-природы“—человѣка.

Благодаря всей этой лихорадкѣ вооруженій военный бюджетъ современныхъ капиталистическихъ государствъ испытываетъ непрерывный подъемъ и стремительные скачки вверхъ.

Нѣсколько наглядныхъ цифръ дадутъ намъ картину этого бѣшенаго, ни на минуту не останавливающагося, роста вооруженій въ цивилизованномъ мірѣ.

По даннымъ французскаго журнала „Economiste Européen“ численность армій государствъ Европы и ихъ ростъ въ послѣднее десятилѣтіе были таковы [1]).

Государства:	Армія: въ 1903 г. (въ тысячахъ): Въ мирн. время.	Въ воен. время.	въ 1913 г. Въ мирн. время.	Въ воен. время.
Германія	601	5.100	790	5.100
Франція	575	4.350	805	4.372
Австро-Венгрія	365	1.872	424	1.872
Англія	310	1.014	431	1.073
Италія	278	3.325	305	3.433
Турція	330	1.420	404	1.475
Испанія	120	214	124	200
Румынія [2])	119	242	104	309
Швеція	67	519	80	515
Норвегія	31	82	31	110
Бельгія	46	238	48	261

[1]) См. „Новый Экономистъ“, № 30 стр. 14.

[2]) Цифры для балканскихъ государствъ относятся къ временн до балканской войны.

Болгарія	45	209	61	191
Данія	8	62	14	85
Греція	22	178	25	192
Голландія	29	184	41	184
Португалія	30	195	11	175
Сербія	23	353	38	325
Швейцарія [1])	—	240	—	510

Итого, подъ ружьемъ въ мирное время въ одной только Европѣ стоитъ болѣе 5 милл. человѣкъ; а во время войны цифра эта достигаетъ почти 28 милльоновъ [2]).

Въ происходящей теперь войнѣ по даннымъ „Извѣстій Императорской Военной Академіи“ (№ 39) численность мобилизованныхъ солдатъ сухопутной армій въ 5 главнѣйшихъ воюющихъ странахъ превышаетъ 20 милльоновъ.

Приведенныя цифры касаются только сухопутной армій. Немалую величину представляетъ и военный флотъ. Въ 1907 году число военныхъ судовъ въ разныхъ странахъ было: въ Великобританіи—488; въ Германіи—257; въ Италіи—299; во Франціи—520, Японіи 162; Австро-Венгріи—93; Соединенныхъ Штатахъ—125; Швеціи—71; Даніи—46; Голландіи—71; Испаніи—35 Норвегіи—56, Португаліи—50; Турціи—78 и т. д.

Содержаніе, обмундированіе и вооруженіе такихъ огромныхъ армій и флота требуетъ колоссальныхъ расходовъ. Военный и морской бюджетъ европейскихъ государствъ представляетъ поэтому огромную цифру, которая съ каждымъ годомъ быстро увеличивается.

Приводимая ниже таблица показываетъ это съ достаточной убѣдительностью:

	Расходы 1903 г. (въ милл. франковъ):			Расходы 1913 г.		
Государства:	На армію.	На флотъ.	Всего.	На армію.	На флотъ.	Всего.
Россія	878	308	1.186	1.469	609	2.078
Германія	810	277	1.087	1.689	593	2.282
Франція	688	313	1.001	983	489	1.472
Австро-Венгрія	428	52	480	447	151	598
Англія	1.750	786	2.536	708	1.119	1.827
Италія	228	127	409	424	257	681 [2])
Турція	103	14	117	498	139	637 [3])
Испанія	145	30	175	160	71	231
Румынія	39	—	39	81	—	81
Швеція	78	30	108	77	39	116
Норвегія	21	8	29	21	8	29
Бельгія	55	—	55	78	—	78
Болгарія	23	—	23	41	—	41
Данія	16	10	26	27	14	41

[1]) Въ Швейцаріи въ мирное время нѣтъ постоянной арміи.

[2]) Изъ крупнѣйшихъ внѣевропейскихъ странъ Соединенные Штаты Америки въ мирное время имѣютъ 184 тыс. солдатъ, во время войны 16 милльоновъ, Японія 230 тыс. и 1½ милльона, Китай въ мирное время до 500 тыс.

[3]) Въ этотъ годъ происходила итальяно-Турецкая война.

Греція	18	7	25	102	23	125 [1])
Голландія	56	36	92	73	43	116
Португалія	36	23	59	55	21	76
Сербія	18	—	18	30	—	30
Швейцарія	29	—	29	45	—	45
Всего	5.473	2.021	7.494	7.009	3.579	10.458

Сравнивая цифры военныхъ бюджетовъ съ количествомъ населенія въ этихъ странахъ, получимъ военныхъ расходовъ на душу населенія въ 1913 году: въ Англіи—40 фр., во Франціи—37, въ Германіи—34, въ Швеціи—20, въ Голландіи и Италіи—19, въ Россіи—15, въ Даніи 15, въ Австро-Венгріи—11, въ Бельгіи—10 и т. д. По сравненію съ 1903 г расходы на душу населенія выросли въ Германія почти въ 2 раза, во Франціи въ 1½, въ Россіи болѣе, чѣмъ въ 1¼ раза, въ Англіи уменьшились въ 1½ раза и т. д.

Въ послѣдніе годы львиную долю военныхъ бюджетовъ составляли расходы на флотъ, въ частности на строительство и оборудованіе новыхъ судовъ. Въ 1913 году одна только постройка военныхъ судовъ и ихъ снаряженіе обошлись (въ милльонахъ австрійскихъ кронъ [1]): въ Англіи—386,7; въ Германіи—273,6; Соединенныхъ Штатахъ—101,5; Франціи—213,6; Россіи—284,5; Японіи—79; Италіи—130; Австро-Венгріи—78,4 и т. д.

Неудивительно, что при такомъ колоссальномъ ростѣ расходовъ на армію и флотъ военный бюджетъ крупнѣйшихъ государствъ составляетъ значительную часть общаго бюджета. Расходы на армію и флотъ составляли въ Германіи (1911 г.)—42% общаго бюджета, въ Англіи (1911 г.)—39,4%; Соединенныхъ Штатахъ (1911 г.)—29,4%; во Франціи—29,10% (данныя 1909 г.), Россіи (1914 г.) около—39%; въ Италіи и Австро-Венгріи около—25%.

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что впереди всѣхъ странъ по пути милитаризма (роста арміи) и маринизма (роста флота) шествуетъ Германія, обогнавшая въ послѣднее десятилѣтіе Англію, которая заняла теперь второе мѣсто. За ними идетъ Россія, и дальше Франція, Австро-Венгрія и Италія, тянущіяся въ развитіи своихъ вооруженныхъ силъ за Германіей. Мелкія государства, по мѣрѣ своихъ силъ и возможности, тоже увеличиваютъ свои военныя силы.

Ростъ милитаризма и маринизма легче всего наблюдать въ Германіи, этой типичной милитаристски-капиталистической странѣ, которая является какъ бы воплощеніемъ агрессивной военной политики, средоточіемъ всѣхъ отрицательныхъ сторонъ, свойственныхъ милитаризму.

Военные расходы въ Германіи росли такимъ темпомъ:

[1]) Крона=около 40 коп.

	(въ милльон. марокъ): На войско.	На флотъ.	На друг. военн. нужды.
1881 г.—1885 г.	374,1	42,9	34,3
1891 г.—1895 г.	585,2	84,3	109,6
1901 г.—1905 г.	670,5	210,2	178,2
1907 г.	808,3	291,3	259,5

Всего съ 71 года, т. е. съ основанія объединенной Германской Имперіи, по 1910 г. ею израсходовано было на вооруженія 14 милліардовъ 600 милліоновъ рублей [1]). Изъ 5 милліардовъ франковъ контрибуціи, полученной Германіей отъ Франціи въ результатѣ франко-прусской войны, Германія употребила на военныя нужды 3 милл. 855 милліоновъ.

Непрерывное усиленіе германскаго милитаризма видно изъ роста численности войска. Въ 1872 г. въ Германіи въ мирное время насчитывалось всего 350 тыс. войска, въ 1890 г.—486; теперь, какъ мы видѣли, оно достигло почти 800 тысячъ.

Усовершенствованіе вооруженій ведетъ къ изобрѣтенію и примѣненію все болѣе губительныхъ орудій истребленія человѣческой жизни. I. Штрассеръ въ приложеніи къ журналу „Die Neue Zeit“ [2]) приводитъ рядъ данныхъ, свидѣтельствующихъ объ увеличеніи смертоносной силы примѣняемыхъ на войнѣ орудій.

Прежде всего увеличилось ихъ количество. Во времена Людовика XIV одно артиллерійское орудіе приходилось на 50 тыс. человѣкъ, теперь оно приходится въ среднемъ на каждые 2000 солдатъ. Къ 1870 г. во время франко-прусской войны шрапнель разрывалась на 37 кусковъ, въ настоящее время на 340; граната 70 года давала 30 осколковъ, современная болѣе 240. Въ 70-хъ г.г. пушечное ядро попадало на разстояніи 322 метровъ, въ 1884 году на 340 метровъ, въ 1891 г. уже на 442 метр., а въ 1906 г.—на 465 метровъ. Полевая шрапнель 96 г. выбрасывала сразу 300 пуль, шрапнель 98 г. 500 пуль. Современный пулеметъ, производящій, наряду съ ручными гранатами, наиболѣе опустошительное дѣйствіе, имѣя вѣсъ въ 57½ килограмма, даетъ въ минуту отъ 400 до 500 выстрѣловъ, попадающихъ на разстояніи 4000 метровъ.

Увеличеніе боеспособности военныхъ судовъ видно изъ слѣд. цифръ: первые дрэдноуты въ Германіи имѣли водоизмѣщеніе въ 13 тыс. тоннъ, современные—въ 25. Для Англіи соотвѣтствующія цифры будутъ: 16½ и 30 тоннъ; для Америки—14½ и 33, для Австро-Венгріи—14½ и 24½.

[1]) Въ Англіи за тотъ же періодъ израсходовано было 15 милліардовъ 967 милл. Россія съ 1861 по 1910 г. потратила на военныя нужды 14 милліардовъ 491 милліонъ рублей не считая 4 милліардовъ, затраченныхъ на войны.

[2]) I. Strasser „Kapitalismus und Kriegsrecht“ 1911.

Благодаря усовершенствованію военной техники процентное отношеніе числа раненыхъ къ убитымъ не велико; орудія попадаютъ мѣтко и наносимыя ими раны губительны. Во время, напр., русско-японской войны число раненыхъ всего въ 4 раза превышало число убитыхъ, т. е. на каждаго одного убитаго было всего четыре раненыхъ.

Такъ военное соревнованіе различныхъ европейскихъ и не европейскихъ державъ вело къ росту вооруженій на сушѣ и на морѣ. . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

II.

Чтобы понять первопричины войны, необходимо углубиться въ изслѣдованіе экономическихъ и историческихъ корней . . финансоваго капитала, который все болѣе оттѣсняетъ на задній планъ капиталъ промышленный. Отличіе финансоваго капитала отъ промышленнаго состоитъ въ томъ, что въ то время, какъ послѣдній принадлежитъ непосредственнымъ владѣльцамъ фабрично-заводскихъ предпріятій, финансовый капиталъ находится въ рукахъ лицъ, не являющихся предпринимателями. Финансовый капиталъ дѣйствуетъ въ денежной формѣ, а не въ видѣ капитала, превращеннаго въ заводы, средства и орудія производства и т. д. Владѣльцами финансоваго капитала являются банковые и биржевые дѣльцы, которые, не имѣя собственныхъ предпріятій, вкладываютъ свои капиталы въ чужія (путемъ ссуды промышленнымъ капиталистамъ или пріобрѣтенія акцій акціонерныхъ предпріятій), или ведутъ биржевую игру съ разнаго рода цѣнными бумагами. Прибыль свою представители финансоваго капитала черпаютъ изъ отдачи въ пользованіе своихъ капиталовъ.

Развитіе капитализма ведетъ къ накопленію въ рукахъ экономически могущественной группы финансовыхъ капиталистовъ „свободныхъ“ капиталовъ, для которыхъ они ищутъ приложенія—и не всегда находятъ въ собственной странѣ [1]).

Отсюда стремленіе капитала экономически развитыхъ странъ въ колоніи для помѣщенія тамъ „свободныхъ“ капиталовъ, для сбыта на колоніальныхъ рынкахъ продуктовъ своей промышленности, для вывоза оттуда сырья. Стремленіе къ завоеванію колоній для эксплоатаціи ихъ богатствъ и населенія—отличительная черта современнаго періода капиталистическаго развитія („колоніальная политика“).

Колоніи—земли въ отсталыхъ странахъ Америки, Азіи, Африки и Австраліи, не имѣющихъ собственнаго фабрично-заводскаго произ-

[1]) Изслѣдованіе этого явленія научно выяснено въ замѣчательной книгѣ Рудольфа Гильфердинга „Финансовый капиталъ“. Объ этой книгѣ см. ст. М. Панина въ 11—12 кн. „Н. З.“ за 1912 г.

водства, гдѣ рабочій трудъ и сырые матеріалы дешевы, гдѣ природа почти даромъ расточаетъ свои блага, обладаютъ притягательной силой для „свободнаго“ капитала передовыхъ капиталистическихъ странъ.

Владѣльцы финансоваго капитала этихъ странъ образуютъ спеціальныя акціонерныя общества, банки и иныя предпріятія для эксплуатаціи земель, сокровищъ и населенія колоній. Въ колоніяхъ лихорадочно строятся желѣзныя дороги, спѣшно возводятся корпуса фабрикъ и заводовъ, куда сгоняются десятки тысячъ туземныхъ рабочихъ---индійцевъ, негровъ, китайцевъ и т. п. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Колоніальная политика находитъ себѣ защитниковъ и глашатаевъ среди идеологовъ буржуазіи, которые проповѣдуютъ ее какъ культурную миссію цивилизованныхъ народовъ, которые должны пріобщать къ европейской культурѣ дикарей Австраліи или Африки.

Въ начальной стадіи капиталистическаго развитія буржуазія тоже стремилась къ пріобрѣтенію колоній и использованію ихъ, какъ рынковъ сбыта для своихъ товаровъ. Но этотъ первый періодъ колоніальной политики характеризуется сравнительно мирными тенденціями: завоевывая, а иногда за деньги пріобрѣтая колоніи, капиталистическія государства старались удержать ихъ за собой не посредствомъ стѣснительныхъ для развитія промышленности въ самихъ колоніяхъ монополій и системы пошлинъ на ввозимые туда изъ другихъ странъ товары, но посредствомъ свободной конкуренціи и лучшаго качества своихъ товаровъ, вытѣсняющихъ товары конкуррирующихъ странъ.

Съ пріобрѣтеніемъ преобладающей роли въ экономической жизни финансоваго капитала колоніальная политика принимаетъ качественно другой характеръ. Завоевывая колоніи, буржуазія стремится использовать ихъ не столько, какъ рынки сбыта для своихъ товаровъ, сколько какъ мѣсто помѣщенія свободныхъ капиталовъ.

Подъ давленіемъ финансоваго капитала и другихъ заинтересованныхъ въ колоніальной политикѣ группъ, правительства капиталистическихъ государствъ завоевываютъ все новыя колоніи внѣ Европы, воюютъ между собой изъ-за колоній и ради этого непрерывно увеличиваютъ расходы на армію и флотъ.

Но роль финансоваго капитала во внѣшней политикѣ не ограничивается этимъ. Наряду съ колоніальными странами внѣ Европы имѣются и европейскія страны съ мало развитой промышленностью, представляющія благодарное поле для оплодотворенія чужимъ капиталомъ и рынки сбыта для продуктовъ промышленности передовыхъ странъ (напр. балканскія государства). Финансовый капиталъ направляетъ усилія къ пріобрѣтенію политическаго вліянія своихъ правительствъ въ этихъ отсталыхъ странахъ. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Вся внѣшняя политика за послѣднія десятилѣтія диктовалась интересами колоніальной политики . . Достаточно указать на важнѣйшіе факты въ области внѣшней политики за послѣдніе 30 лѣтъ, чтобы убѣдиться въ правильности вышесказаннаго. Завоеваніе французами Туниса и Тонкинскій походъ въ серединѣ 80-хъ гг., какъ и завладѣніе Италіей Эритреи и попытки завоевать Абиссинію въ концѣ 90-хъ гг., диктовались интересами финансово—биржевыхъ круговъ этихъ странъ. Англо-бурская война на рубежѣ XX столѣтія велась ради захвата золотыхъ и алмазныхъ розсыпей Трансвааля и Оранжевой республики для утилизаціи ихъ англійскимъ финансовымъ капиталомъ. Съ подобною же цѣлью цѣной колоссальныхъ затратъ Бельгія завоевала африканское Конго. Стремленія Германіи на востокъ и ожесточенная колоніальная война съ африканскимъ племенемъ герреро (въ первомъ десятилѣтіи этого вѣка), а также ея внѣшняя политика въ Турціи, Китаѣ (захватъ Кіао—Чао) и Персіи; триполитанская авантюра Италіи во имя интересовъ римскаго банка; столкновенія Франціи и Германіи изъ за Марокко, чуть не приведшія къ войнѣ и вызванныя домогательствами германскихъ банкировъ братьевъ Маннесмановъ—акціонеровъ марокканскихъ желѣзныхъ рудниковъ; колоніальныя войны Испаніи въ Африкѣ; политика Соединенныхъ Штатовъ въ Мексикѣ; домогательства. Японіи на дальнемъ востокѣ; политика державъ въ Персіи, захватъ Австріей Босніи и Герцеговины, и вообще политика державъ на Балканахъ---все это вызывалось и вызывается вполнѣ опредѣленными экономическими интересами владѣльцевъ финансового капитала.

Нижеслѣдующая таблица даетъ намъ представленіе о распространеніи колоніальныхъ земель отдѣльныхъ государствъ въ различныхъ частяхъ свѣта къ началу XX столѣтія: (См. стр. 80).

Такимъ образомъ, если не считать Россіи, не имѣющей собственныхъ колоніальныхъ земель, но за то обладающей огромной хозяйственной территоріей въ Азіи, годной для колонизаціи, то больше всего колоніальныхъ земель имѣютъ Англія, Франція и Соединенные Штаты. Германія ихъ имѣетъ значительно меньше, но Германскій финансовый капиталъ не меньше французскаго и англійскаго участвуетъ въ предпріятіяхъ отсталыхъ странъ. (См. стр. 80).

Насколько быстро совершается колонизація внѣевропейскихъ странъ, видно изъ роста рельсоваго пути въ Африкѣ, наиболѣе колонизуемой въ послѣднее время части свѣта. Тогда какъ въ 1900 г. протяженіе рельсовой сѣти Африки составляло всего 9.386 километровъ, въ 1904 г. оно увеличилось почти въ три раза, достигнувъ 26.074 километровъ. То же самое явленіе наблюдалось и въ Азіи, Австраліи и Америкѣ въ періодъ ихъ усиленной колонизаціи . .

Пространство колоніальныхъ земель въ квадр. километрахъ:

	Всего	Вел.-Британ.	Россія	Франція	Сое. Штат.	Германія	Бельгія	Португалія	Голландія	Италія	Дапія	Испанія
Европа . .	9,884.706	314.956	5.427	536.408	—	540.483	29.457	92.575	32.575	286.589	504.517	1 44.40
Азія . . .	44,142.658	5,225.577	17,004.399	802.000	297.322	—	—	19.970	1,581.558	—	—	—
Африка . .	29,833.100	4,659.000	—	960.000	—	2,347.990	2,252.780	2,126.130	—	1,650.000	2.065	—
Америка .	41,948.630	9,505.906	—	203.000	9,338.577	—	—	—	130.230	—	—	88.410
Австралія .	8,958.626	8,230.355	—	29.000	16.946	293.829	—	—	397.204	—	—	—
Всего .	134,767.720	27,935.794	22,431.989	11.170.408	9,682.845	3,133.302	2,282.237	2,238.675	2,146.530	1,036.589	506.582	232.860

III.

Въ предыдущемъ изложеніи мы разсмотрѣли въ общихъ чертахъ экономическія причины, вызывающія ростъ вооруженій, и нашли ихъ въ колоніальной политикѣ . . . . Въ основѣ происходящей въ настоящее время европейской войны, какъ и въ основѣ всѣхъ происходившихъ въ послѣднія десятилѣтія войнъ, лежатъ столкновенія экономическихъ интересовъ различныхъ странъ.

Изъ странъ, борящихся за господство на міровомъ рынкѣ, главную роль играютъ Англія и Германія, страны съ наибольшимъ развитіемъ капитализма [1]). Экономическая конкурренція англійскаго и германскаго капитализма находитъ себѣ выраженіе во внѣшней политикѣ Англіи и Германіи, постоянно конкуррирующихъ между собой въ области развитія своихъ вооруженныхъ силъ, въ строительствѣ военныхъ судовъ и дрэдноутовъ, и сталкивающихся при распространеніи сферы своего экономическаго и политическаго вліянія какъ въ Европѣ, такъ и въ колоніяхъ. Не случайно поэтому, что разъ война, возникшая изъ осложненій на Балканскомъ полуостровѣ, приняла общеевропейскій характеръ, то центральную роль заняли въ ней съ одной стороны, Англія, съ другой Германія, использовавшія международный конфликтъ для того, чтобы разъ на всегда помѣряться своими силами. Вотъ почему Англія не осталась нейтральной въ этой войнѣ и пытается использовать ее для отобранія у Германіи ея колоній, и официальные представители ея правительства говорятъ о необходимости сокрушить военную и политическую мощь Германіи, вотъ почему остріе ненависти официальныхъ круговъ Германіи въ этой войнѣ направлено именно противъ Англіи.

Конечныя экономическія причины общеевропейской войны, какъ и роль которую должны будутъ играть въ ней Англія и Германія, задолго до теперешней войны были формулированы въ вышеназванной книгѣ Р. Гильфердинга:

„Чѣмъ крупнѣе хозяйственная территорія, чѣмъ больше силы государства, тѣмъ благопріятнѣе положеніе капитала на міровомъ рынкѣ. Такимъ образомъ финансовый капиталъ становится носителемъ идеи усиленія государственной власти всѣми способами. Но чѣмъ крупнѣе исторически сложившіяся различія въ силѣ различныхъ государствъ, тѣмъ больше различій въ условіяхъ конкурренціи, тѣмъ ожесточеннѣе—потому что она сопряжена съ большими надеждами на успѣхъ—борьба крупныхъ хозяйственныхъ областей изъ-за подчиненія мірового рынка. Эта борьба становится острѣе по мѣрѣ того, какъ повышается развитіе финансоваго капитала и выростаетъ его стремленіе монополизировать части мірового рынка для національнаго капитала; но чѣмъ дальше зашелъ уже процессъ этого монополизированія, тѣмъ ожесточеннѣе борьба за остатокъ... Въ непродолжительномъ времени противорѣчіе между развитіемъ германскаго капитализма и относительной незна-

[1]) Въ послѣднее десятилѣтіе въ качествѣ опаснѣйшихъ конкуррентовъ Англіи и Германіи выступаютъ на міровомъ рынкѣ Соединенные Штаты Америки и Японія, въ которыхъ капитализмъ развивается лихорадочнымъ темпомъ.

чительностью его хозяйственной территоріи выростетъ до чрезвычайныхъ размѣровъ. Въ то время, какъ промышленное развитіе Германіи стремительно идетъ впередъ, область ея конкурренціи внезапно съузится. И это будетъ тѣмъ ощутительнѣе, что по историческимъ причинамъ у Германіи нѣтъ заслуживающихъ вниманія колоніальныхъ владѣній; и это въ то время, какъ не только ея сильнѣйшіе конкурренты, Англія и Соединенные Штаты, но и сравнительно небольшія державы—Франція, Бельгія, Голландія—располагаютъ значительными колоніями, а ея будущій конкурентъ, Россія, тоже владѣетъ колоссально огромной хозяйственной территоріей. Это положеніе должно до чрезвычайности обострить антагонизмъ между Германіей, съ одной стороны, и Англіей и ея спутниками—съ другой, и потребуетъ насильственнаго разрѣшенія [1])".

Но паралельно съ общими отдаленными причинами войны имѣются и другія, ближайшія. Они сводятся къ исторически сложившимся международнымъ отношеніемъ. Эти послѣднія, въ свою очередь возникши на экономической почвѣ, пріобрѣли въ ходѣ развитія до извѣстной степени самостоятельное значеніе, оказывая вліяніе и на самыя экономическія отношенія.

Ключъ къ пониманію современной международной политики и взаимныхъ отношеній державъ въ европейской войнѣ слѣдуетъ искать прежде всего въ результатахъ франко-прусской войны. Разгромивъ Францію, отторгнувъ отъ нея двѣ богатыя области—Эльзасъ и Лотарингію,—наложивъ на истерзанную и обезсиленную внѣшнимъ пораженіемъ Францію 5 милліардную контрибуцію, Германія, объединившись путемъ „желѣза и крови" въ могущественную военную Имперію, выдвинулась въ первые ряды великихъ державъ. Франція, которая до того играла первостепенную роль въ міровой политикѣ, была оттѣснена на задній планъ. Съ этого времени быстро, лихорадочнымъ темпомъ, въ Германіи начинаютъ развиваться промышленность и торговля, поощряемыя полученной правительствомъ контрибуціей. Повергнувъ въ прахъ своего искоснаго противника, побѣдоносное германское правительство изъ года въ годъ усиливаетъ военную мощь Имперіи. Съ 90-хъ гг. Германія, подъ непосрсдственнымъ вліяніемъ Вильгельма II и окружающей его военно-придворной партіи, начинаетъ вести колоніальную политику (въ Африкѣ и Австраліи, а съ начала XX вѣка въ Азіи—Китаѣ, Персіи и Турціи), диктуемую также интересами финансистовъ, биржевыхъ дѣльцовъ и т. п.

Съ этою цѣлью въ Германіи идетъ ускоренное строительство военнаго флота: маринизмъ идетъ въ Германіи нога въ ногу съ милитаризмомъ и послѣдній накладываетъ все большій отпечатокъ на внутреннюю политику Германіи, которой руководятъ экономически отсталые и политически реакціонные элементы прусскаго юнкерства, тѣсно связанные личными и другими узами съ Вильгельмомъ и вообще военной партіей.

Усиленіе военнаго могущества Германіи и ея колоніальная политика сталкиваютъ Германію съ ея конкуррентомъ въ экономической области—Англіей.

[1]) „Финансовый Капиталъ" стр. 506.

Въ предвидѣніи грозящаго на этой почвѣ столкновенія, а еще раньше въ ожиданіи нападенія со стороны разбитой, но не добитой Франціи, германская дипломатія ищетъ для своей внѣшней политики союзниковъ. Она находитъ ихъ въ Австро-Венгріи и Италіи, вмѣстѣ съ которыми Германское правительство заключаетъ „Тройственный Союзъ" (въ 1883 г.). Значеніе этого союза Парвусъ характеризуетъ такимъ образомъ:

„Союзъ сложился по закону политическаго тяготѣнія: болѣе слабые примкнули къ болѣе сильнымъ. Для Австріи, какъ и для Италіи, союзъ съ Германской Имперіей представлялъ тогда значительныя выгоды; съ одной стороны, онъ обезопасилъ Австрію отъ Россіи, а Италію отъ Франціи; съ другой стороны, обезопасилъ Австрію и Италію отъ самой Германіи, соперничества которой объ боялись. Такъ установилось было въ Европѣ политическое преобладаніе Германіи".

Формально Тройственный Союзъ былъ союзомъ оборонительнымъ, на случай нападенія Франціи, Англіи или Россіи, но фактически онъ имѣлъ—и не могъ не имѣть въ виду политики Германіи—наступательный характеръ. Вооружаясь, Германія требовала вооруженій и отъ своихъ союзниковъ, которые, какъ мы уже выше видѣли, несмотря на меньшія экономическія возможности, тянулись вслѣдъ за ней по пути милитаризма и внѣшней политики. Тотъ же Парвусъ мѣтко характеризуетъ результаты тройственнаго Союза для этихъ странъ:

„Тройственный Союзъ превратился съ невыносимое бремя для населенія всѣхъ трехъ государствъ, вызвалъ въ населеніи постоянно растущую рѣзкую оппозицію правительствамъ": ибо германское правительство, сочетавшее наступательную внѣшнюю политику съ реакціонной внутренней „не въ состояніи было объединять народы,—оно могло только командовать правительствами".

Но Германія—вѣрнѣе сказать правившее ею прусское юнкерство—толкала къ вооруженіямъ не только своихъ союзниковъ, но и противниковъ.

Франція разоренная войной и пораженіемъ, продолжала въ лицѣ своихъ имущихъ классовъ и патріотически настроенной мелкой буржуазіи, лелѣять мечту о „реваншѣ"—возвращеніи Эльзасъ—Лотарингіи. Въ тоже время интересы ея собственнаго финансоваго капитала толкали ее, въ еще большей степени, чѣмъ это было въ Германіи, на путь колоніальной политики. Все это вмѣстѣ взятое заставляло Францію тянуться за Германіей, напрягая до послѣдней степени и безъ того уже обремененныя силы народа. Французскій милитаризмъ, росшій съ чрезвычайной быстротой, шелъ по слѣдамъ милитаризма германскаго.

Ростъ милитаризма и милитаристскихъ настроеній во Франціи сталъ отражаться къ серединѣ 90-хъ гг. и на ея внутренней политикѣ: аггресивная (наступательная) внѣшняя политика мало совмѣстима съ демократической политикой внутри страны. Въ началѣ 90-хъ гг., въ противовѣсъ Тройственному Союзу, Франція заключаетъ военный союзъ

(двойственный) съ Россіей, ...

. . . . . Соревнованіе съ Тройственнымъ Союзомъ на почвѣ вліянія въ колоніальныхъ странахъ и опасенія нападенія съ его стороны заставляютъ французскія правительства продолжать политику неостанавливающихся вооруженій [1]).

Германія своей милитаристской и колоніальной политикой оказывала вліяніе не только на своихъ союзниковъ и противниковъ, но и на внѣшнюю политику другихъ государствъ. По словамъ Парвуса [2]).

„Германія принудила Англію всѣми силами вооружаться для защиты своихъ колоній, навязала ей бурскую войну, интриговала противъ Англіи въ Турціи; Германія толкнула Японію на войну съ Россіей".

Съ русско-японской войны начинается поворотъ въ международныхъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, эта война послужила толчкомъ къ крупнѣйшимъ внутреннимъ событіямъ въ Турціи, Персіи, Китаѣ и другихъ внѣевропейскихъ странахъ, значительно видоизмѣнившихъ положеніе и интересы европейскихъ державъ въ нихъ. Во-вторыхъ Франція послѣ этой войны почувствовала необходимость въ противовѣсъ Тройственному Союзу въ сближеніи съ Англіей. (Съ 1904 г.) Россія тоже начала сближаться съ Англіей и съ 1907 года, въ противовѣсъ Тройственному Союзу, образуется Тройственное Согласіе (Англія, Франція и Россія). Образованіе тройственнаго согласія въ свою очередь не могло не оказать вліянія на Германію и ея союзниковъ. Передъ Германіей снова всталъ призракъ ея всегдашней конкуррентки—Англіи, которая въ союзѣ съ Франціей и Россіей представляла силу, съ которой Тройственному Союзу приходилось серьезно считаться. Существованіе Тройственнаго Согласія побуждало правящіе классы Германіи добиваться новаго усиленія вооруженій, чтобы попытаться разбить его участниковъ по частямъ. Съ этимъ Германіи было необходимо спѣшить, такъ какъ чѣмъ дальше, тѣмъ все больше въ союзныхъ съ нею государствахъ начинали тяготиться бременемъ, которое возлагалъ на нихъ союзъ съ Германіей и ея гегемонія въ немъ. Это особенно чувствовала Италія, въ которой въ настоящей войнѣ общественное мнѣніе оказалось настроеннымъ противъ Германіи и заставило правительство сохранить нейтралитетъ, несмотря на формальныя обязательства по отношенію къ союзникамъ. Недо-

1) Въ какой мѣрѣ внѣшняя политика и ростъ милитаризма въ Германіи вліяли на вооруженія во Франціи, видно изъ слѣдующаго недавняго факта. Когда въ 1912 году германское правительство провело законъ о новомъ увеличеніи численности арміи, на 140 тысячъ, французское правительство провело, послѣ отчаянной борьбы съ соціалистами и небольшой частью демократическихъ элементовъ страны, увеличеніе срока военной службы съ 2-хъ до 3-хъ лѣтъ, чтобы такимъ образомъ увеличить силы французской арміи (увеличить численность военнаго контингента было невозможно въ виду медленнаго роста народонаселенія Франціи).

2) „Колон. Политика" стр. 43.

вольство политикой Тройственнаго Союза сказывалось и въ самой Германіи, гдѣ въ послѣдніе годы среди нѣкоторыхъ элементовъ буржуазіи (не говоря уже о соціальдемократіи) сочувственно принималась мысль о сближеніи съ Англіей и Франціей, которую также проповѣдывали передовые круги буржуазіи въ этихъ странахъ.

Не менѣе сложно взаимоотношеніе великихъ державъ на Балканскомъ полуостровѣ, имѣющее свою длинную исторію, которая оказала не малое вліяніе на группировку силъ въ этой войнѣ. Мы не имѣемъ возможности вдаваться здѣсь въ исторію весьма сложнаго и запутаннаго балканскаго вопроса. Укажемъ лишь, что противорѣчія интересовъ великихъ державъ на Балканахъ не менѣе остры и существенны, чѣмъ въ колоніальныхъ земляхъ Африки или Азіи. Въ силу экономическихъ условій и историческихъ традицій въ балканскихъ дѣлахъ болѣе всего заинтересованы изъ державъ Россія, Австро-Венгрія и Англія. Россія издавна преслѣдовала на Балканахъ свою политику поддержки подъ знаменемъ „славянской идеи" славянскихъ народностей противъ Турціи, противившейся всегда расширенію территорій славянскихъ государствъ балканскаго полуострова, которое идетъ также въ разрѣзъ съ экономическими интересами Австро-Венгріи и Германіи.

Послѣднія имѣютъ въ Турціи и другихъ балканскихъ государствахъ рынки сбыта для издѣлій своей промышленности и мѣсто приложенія своихъ капиталовъ, и пользуются поэтому тамъ огромнымъ политическимъ вліяніемъ (въ особенности роль Германіи въ Турціи и Румыніи, отчасти въ Болгаріи). Стремленіе славянскихъ народовъ къ національной самостоятельности и расширенію своихъ территорій означаетъ сильный ударъ по экономическимъ и политическимъ интересамъ Австро-Венгріи и Германіи. Послѣдняя на Балканскомъ полуостровѣ снова сталкивается также съ конкурренціей Англіи, что еще болѣе обостряетъ отношенія послѣдней съ державами тройственнаго Союза. Имѣютъ свои интересы на Балканахъ и Франція и Италія, идущіе въ разрѣзъ съ интересами Австро-Венгріи и Германіи (албанскій вопросъ и т. д.).

Лишь только на балканскомъ полуостровѣ началось національное движеніе въ связи съ революціей въ Турціи, какъ Австро-Венгерская дипломатія воспользовалась суматохой, чтобы подъ шумокъ присоединить къ себѣ (въ 1908 г.) Боснію и Герцоговину, населенныя преимущественно славянами (сербами), въ которыя она давно мѣтила и которыя находилась подъ протекторатомъ (покровительствомъ) Турціи. Это еще больше обострило и безъ того острыя противорѣчія между Австро-Венгріей и Сербіей, и это обостреніе послужило непосредственнымъ поводомъ къ разыгрывающейся въ наши дни войнѣ (убійство въ Сераевѣ—столицѣ присоединенной Босніи—австрійскаго наслѣдника двумя сербами).

Балканская война 1912 года, какъ обнаружилось при дѣлежѣ союзниками турецкой добычи (2-ая балканская война), была войной

не во имя славянской идеи, а за вполнѣ опредѣленные экономическіе интересы балканскихъ государствъ, взаимно противорѣчивые („выходъ къ морю“ для Сербіи и Черногоріи, необходимый въ интересахъ ихъ сельскихъ хозяевъ и скотоводовъ; завладѣніе Греціей принадлежащихъ Турціи острововъ, расширеніе территоріи Болгаріи за счетъ Турціи, присоединеніе Македоніи къ Болгаріи и т. п.). . . . . .

Въ результатѣ ея ни одно изъ государствъ не получило полнаго удовлетворенія своихъ притязаній; не разрѣшенными оказались ни албанскій, ни македонскій вопросы, чѣмъ предрѣшено было продолженіе вмѣшательства великихъ державъ въ судьбы Балканскаго полуострова. Ослабленіе Турціи, къ которому привела балканская война, лишь еще болѣе усилило вліяніе въ ней Германской дипломатіи и правительства, разсматривающихъ, какъ показали факты послѣдняго времени, Турцію почти какъ свою колонію.

Этотъ исходъ балканской войны создавалъ на будущее время постоянный очагъ конфликтовъ между державами, грозившихъ не разъ превратиться въ общую европейскую войну. Поэтому въ результатахъ балканской войны, какъ и въ результатахъ войны франко-прусской, приходится видѣть ближайшіе политическіе источники настоящей войны.

Уже непосредственно послѣ окончанія балканской войны грозила опасность, что она смѣнится общеевропейской войной. . . . . удалось предотвратить тогда европейскую войну, какъ за годъ передъ тѣмъ . . . . . удалось недопустить франко-германскаго вооруженнаго столкновенія изъ-за Марокко.

Въ 1914 году . . . . . не удалось сдѣлать того, что удалось въ 1911 и 1912 гг. Вооруженное столкновеніе, назрѣвавшее десятилѣтіями . . . . . съ одной стороны, противорѣчивыми интересами тройственнаго Союза и тройственнаго Согласія, съ другой, балканскими осложненіями съ третьей, начавшись съ конфликта между Австріей и Сербіей, легко превратилось въ общеевропейскую войну, потрясшую весь міръ и чреватую огромными экономическими, политическими и національными послѣдствіями.

Вл. Леоновъ.

Война . . . . . .

Бѣдствія войны, особенно такой войны, какая охватила теперь почти всю Европу, неисчислимы. У насъ нѣтъ даже мѣрки измѣрить ихъ. Человѣчеству еще не приходилось орудовать съ такими огромными величинами и числами, какими двигаетъ и изъ какихъ составляется современная міровая война. Можно только сказать, что небывалая война должна будетъ имѣть и небывалыя послѣдствія.

И дѣйствительно. Нѣкоторыя изъ этихъ послѣдствій начинаютъ ощущаться уже теперь. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ съ начала военныхъ дѣйствій, а въ печати уже сообщаютъ, что надъ народной массой, напр., въ Австріи, нависъ грозный призракъ голода. Въ промышленной Германіи, отрѣзанной теперь почти отъ всего міра, пріостановка сотенъ и тысячъ фабрично-заводскихъ и торговыхъ предпріятій съ каждымъ днемъ расширяетъ и обостряетъ колоссальную безработницу. Тоже самое происходитъ во Франціи. Объ опустошенной, полузатоптанной германскими войсками и полузатопленной Бельгіи нечего и говорить. Что-же касается Англіи и отчасти Россіи, то онѣ, находясь нѣсколько въ болѣе счастливомъ положеніи, нежели прочія воюющія страны, пока-что, повидимому, еще не чувствуютъ столь остро экономическихъ послѣдствій обрушившейся на міръ катастрофы.

Но и у насъ въ Россіи уже эти первые два мѣсяца войны даютъ себя знать: въ Московскомъ районѣ, напр., какъ передавали газеты, текстильныя фабрики работаютъ лишь на-половину. Въ металлической промышленности дѣло обстоитъ немногимъ лучше.

По анкетѣ, произведенной органомъ Московскихъ заводчиковъ и фабрикантовъ („Извѣстія“...) положеніе Московской промышленности (опрошено 152 предпріятія съ 133.000 рабочихъ) къ 1-му сентября рисуются въ слѣдующемъ видѣ:

Въ текстильной промышленности лишь одно предпріятіе съ 60 раб. усилило производство, 10 предпріятій съ 11.136 раб. работаютъ нормально, 28 предпріятій съ 63.646 раб. сократили производство и 1 предпріятіе съ 150 раб. совершенно остановило производство.

Въ области металлургической промышленности 2 предпріятія съ 1038 раб. усилили производство, 12 предпріятій съ 3.420 раб. работаютъ нормально, 29 предпріятія съ 33.720 раб. сократили производство и 2 предпріятія съ 2.648 раб. прекратили производство.

Во всѣхъ остальныхъ обслѣдованныхъ предпріятіяхъ 1 предп. съ 600 раб. усилило производство, 21 предпр. съ 5.750 раб. работаютъ нормально, 39 предпр. съ 9.170 раб. сократили производство и, наконецъ, 6 предпр. съ 2.423 раб. прекратили производство.

Здѣсь, въ Петроградѣ, только въ одномъ печатномъ производствѣ насчитывается не менѣе 10 тысячъ безработныхъ.

О районахъ, сосѣднихъ съ военными дѣйствіями (Варшава, Лодзь, Холмская губ. и т. п.), едва-ли приходится и упоминать:

само собой разумѣется, что въ такихъ мѣстностяхъ нормальной промышленной жизни быть не можетъ.

Таково положеніе въ странахъ, охваченныхъ войной, конца которой еще и не видно, которая еще только въ самомъ началѣ.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Евг. Маевскій.

Германія передъ внутреннимъ кризисомъ.

1. Какъ прусское юнкерство утвердило свое господство въ Германіи.

6 лѣтъ, съ 1860 г. по 1866 г., шла борьба прусскаго правительства съ прусскимъ парламентомъ. Прусское правительство проводило преобразованія въ арміи, не смотря на то, что парламентъ отвергалъ требуемыя на эти преобразованія ассигновки. Прусское правительство довело работу свою до конца, при помощи своихъ преобразованій провело свою побѣдоносную войну съ Австріей и тогда передъ нимъ склонились и прусскіе либералы, и масса прусскаго бюргерства. Это былъ поворотный пунктъ въ исторіи Германіи. Вся теперешняя Германія идетъ оттуда, отъ этой побѣды прусскаго правительства одновременно и надъ Австріей и надъ своимъ внутреннимъ врагомъ.

Масса юнкерства, не отличаясь политической дальновидностью, находила необходимымъ использовать эту побѣду до конца, до установленія полнаго своего господства. Послѣ побѣды надъ Австріей въ Прагу, къ королю и Бисмарку, явилась депутація отъ консервативной партіи и потребовала реформы „хартіи Вальдека“, т. е. конституціи,—въ духѣ болѣе соотвѣтствующемъ прусскимъ и монархическимъ традиціямъ. Король готовъ былъ пойти на встрѣчу этимъ желаніямъ. Но Бисмаркъ рѣшительно возсталъ противъ этого.

Стремясь къ объединенію Германіи подъ главенствомъ Пруссіи, онъ считалъ плохимъ средствомъ для этого—вносить элементы разъединенія и вражды въ самое Пруссію. Пруссію онъ хотѣлъ прежде всего видѣть единой и сплоченной. Поэтому то смиреніе, ту покорность, которыя можно было ожидать отъ оп-

позиціи послѣ австрійской побѣды, онъ стремился получить возможно скорѣе и возможно полнѣе, не создавая для этого никакихъ лишнихъ препятствій. Онъ постарался сейчасъ же примириться съ народнымъ представительствомъ, испросивши у него „индемнитетъ“, т. е. признаніе произведенныхъ раньше незаконно военныхъ расходовъ.

Въ цѣляхъ затѣмъ объединенія Германіи подъ главенствомъ Пруссіи, онъ стремился сплотить возможно тѣснѣе массу населенія вокругъ трона и тѣснѣйшимъ образомъ связать свое прусское объединеніе Германіи съ ея экономическими интересами, съ потребностями экономическаго развитія. Таможеное объединеніе Германіи, свобода передвиженія, всеобщее, равное и т. д. избирательное право при выборахъ въ рейхстагъ, стали у него, не смотря на ропотъ и неудовольствіе консерваторовъ, орудіями для проведенія его основной идеи. Нужно было для этого сблизиться съ либералами, и онъ сближался съ либералами; нужно было идти даже дальше либераловъ и дѣлать то, чего они боялись, — устанавливать демократическое избирательное право, и онъ дѣлалъ и это.

Но Бисмаркъ былъ въ то же время прусскимъ дворяниномъ землевладѣльцемъ, прусскимъ юнкеромъ до мозга костей, и тотъ прусскій королевскій домъ, возвеличенія котораго въ Германіи и во всемъ мірѣ онъ добивался, былъ тоже юнкерскимъ по всему своему духу и симпатіямъ, былъ главной цитаделью прусскаго юнкерства. И поэтому вся дѣятельность Бисмарка, со всѣми его неизбѣжными уступками интересамъ буржуазіи и интересамъ экономическаго развитія, въ послѣднемъ итогѣ прокладывала дорогу господству юнкерства.

Послѣ австрійской побѣды можно было на время задавить либерализмъ, растоптать конституцію и дать исключительное господство юнкерству. Но если бы юнкерство добилось тогда исполненія этихъ дикихъ своихъ желаній, скоро, очень скоро пришелъ бы конецъ его господству и можетъ быть сейчасъ отъ этого господства не осталось бы и слѣда въ Германіи. А Бисмаркъ заложилъ основы прочному и долговременному вліянію въ странѣ юнкерства, вплоть до послѣднихъ дней, до возникновенія теперешней войны. Противъ сначала воли большинства юнкерства и его политическихъ представителей-консерваторовъ, онъ приблизилъ къ трону буржуазію, установилъ союзъ между буржуазіей и прусской бюрократіей, а черезъ посредство послѣдней связалъ въ концѣ концовъ буржуазію и съ землевладѣльческимъ дворянствомъ, съ прусскимъ юнкерствомъ. Благодаря этому союзу прусское юнкерство оказалось вмѣстѣ съ буржуазіей во главѣ экономически развивающейся страны и на всю экономическую и политическую жизнь ея получило возможность наложить свою тяжелую руку.

Дѣля господствъ съ буржуазіей, юнкерство гегемонію оставило за собой. Иначе и быть не могло, разъ возникновеніе новой прусской Германіи началось съ униженія либерализма, съ вынужденной капитуляціи его передъ прусской государственной властью.

Въ Пруссіи, составившей большую часть (3/5 по населенію) новой Германіи, юнкерство прежде всего сохранило въ своихъ

рукахъ администрацію страны. Немного, конечно, пришлось и тутъ уступить напору буржуазныхъ элементовъ, но только немного. Такъ даже въ 1903 году „изъ 12 оберъ-президентовъ провинцій 9 принадлежали къ дворянству, а изъ 36 регирунгсъ-президентовъ было 26 дворянъ. Изъ 23 ландратовъ однаго бреславльскаго округа 20 принадлежали къ юнкерскому сословію; въ потсдамскомъ округѣ и округѣ Кейслинъ всѣ ландраты безъ исключенія благородной крови. Въ кенигсбергскомъ округѣ изъ 19 ландратовъ приходилось 13 высокорожденныхъ, а въ кельнскомъ 7 изъ 10. Въ Магдебургѣ 10 изъ 14 обладаютъ бѣлой костью и голубой кровью“ (Русск. бог.“ за 1904 г. № 11 ст. Реуса 104).

Сохраняли прусскіе юнкеры преобладаніе и на самомъ верху бюрократической лѣстницы въ прусскомъ и имперскомъ министерствѣ, за небольшимъ перерывомъ, когда канцлеромъ (въ началѣ 90-хъ г.) былъ чуждый имъ генералъ Каприви.

Преобладающую роль они оставили за собой и въ арміи, и совсѣмъ недавно, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ рейхстагѣ, при обсужденіи военнаго законопроекта, раздавались сѣтованья на то, что офицерство представляетъ изъ себя замкнутую касту, въ которую трудно попасть человѣку темнаго происхожденія.

Хуже дѣла обстояли въ представительныхъ учрежденіяхъ, прусской палатѣ депутатовъ и общегерманскомъ рейхстагѣ. Безраздѣльное господство юнкерства тамъ было исключено самымъ характеромъ избирательной системы въ этихъ учрежденіяхъ. Тутъ замѣтную роль играла буржуазія. Но крупная буржуазія, покоренная государственной властью, въ лицѣ своей партіи—національ-либераловъ, предпочитала отстаивать свои интересы не путемъ борьбы съ силами реакціи, а путемъ соглашенія и компромисса съ ними.

А потомъ юнкерство пріобрѣло скоро другого, болѣе родственнаго ему по духу союзника—католическій центръ.

Во время исключительной своей близости съ національ-либералами (въ періодъ времени съ 1871 г. по 1878 г.) Бисмаркъ, стремясь подчинить государственной власти католическую церковь, велъ противъ нея ожесточенную борьбу, такъ называемый культуркампфъ. Культуркампфъ на почвѣ самозащиты сплотилъ подъ реакціоннымъ руководствомъ католической церкви широкіе слои населенія какъ разъ въ тѣхъ частяхъ Германіи, которыя находились за предѣлами помѣстій прусскаго юнкерства. Гегемонія въ этой сборной партіи оказалось въ концѣ концовъ въ рукахъ землевладѣльцевъ и зажиточныхъ крестьянъ католической Германіи. И когда кончился культуркампфъ и состоялось примиреніе между этой партіей и правительствомъ, началось сближеніе ея и съ партіей прусскаго юнкерства—консерваторами. Въ итогѣ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ были замѣшаны жизненные интересы юнкерства, его представительство получало возможность, лавируя между національ-либералами и центромъ, проводить и черезъ представительныя учрежденія свою волю.

Но экономическое развитіе, ведя къ непрерывному увеличенію городского населенія насчетъ деревенскаго, развѣ не должно было понижать роль дворянства въ представительныхъ учрежденіяхъ? Нѣтъ. Система выборовъ и въ рейхстагъ и въ

прусскую палату была построена такъ, что совершенно не учитывала перераспредѣленія населенія между деревней и городомъ. Деревенское населеніе составляло въ общей массѣ населенія все меньшій и меньшій процентъ, а въ рейхстагъ и прусскую палату депутатовъ оно посылало неизмѣнно то же число депутатовъ. „Равное“ избирательное право въ рейхстагъ поэтому давно перестало быть равнымъ. Деревенское населеніе имѣетъ гораздо болѣе сильное представительство въ рейхстагѣ, чѣмъ соотвѣтствуетъ его отношенію къ городскому населенію. Деревня же служитъ оплотомъ прусскому юнкерству и католической реакціи.

Получившееся такимъ образомъ неравенство избирательныхъ правъ, кромѣ того, значительно усиливалось системой перебаллотировокъ, на которыхъ всѣ реакціонныя и буржуазныя партіи обыкновенно помогали другъ другу въ борьбѣ съ соціалъ-демократіей. И когда, какъ на выборахъ 1907 года, борьба противъ соціалъ-демократіи особенно обострялась, въ итогѣ выборовъ получались совершенно нелѣпые результаты. 1 депутатъ во всемъ выбранномъ тогда рейхстагѣ приходился на 28 тыс. избирателей, подавшихъ свои голоса, но у соціалъ-демократіи одинъ депутатъ приходился на 76 тыс. голосовъ, у національ-либераловъ—на 29 тыс., у прогрессистовъ на 24½ тыс., у центра на 21 тыс. и наконецъ у консерваторовъ обоихъ оттѣнковъ (консерваторовъ и имперской партіи) одинъ депутатъ приходился всего только на 16½ тыс. избирателей. 1 представитель юнкерства, такимъ образомъ, имѣлъ за собой въ 4—5 разъ меньше избирателей, чѣмъ 1 представитель соціалъ-демократіи.

Благодаря недостаткамъ избирательной системы при выборахъ въ рейхстагъ, она стала оплотомъ юнкерства, помогающимъ ему неизмѣнно поддерживать вліятельную роль въ рейхстагѣ, вопреки экономическому развитію, стремящемуся отодвинуть его назадъ.

Въ самомъ дѣлѣ число консервативныхъ депутатовъ въ рейхстагахъ 70-хъ гг. прошлаго столѣтія колебалось между 52 и 115, а въ послѣднее десятилѣтіе (1903—1912) оно колебалось между 69 и 112.

Если же мы возьмемъ всѣ силы реакціи, включая и партію центра, то въ первое десятилѣтіе рейхстага онѣ были представлены 145—218 депутатами, а въ послѣднее десятилѣтіе 162—216.

Но если прусское юнкерство сохранило болѣе или менѣе неизмѣннымъ свое положеніе въ рейхстагѣ, то относительная его роль въ правительственномъ большинствѣ росла, такъ какъ буржуазный либерализмъ терпѣлъ пораженія отъ соціалъ-демократіи. Особенно сильно таяли національ-либералы. Въ первыхъ трехъ рейхстагахъ число національ-либеральныхъ депутатовъ равнялось 116, 150 и 126, а начиная съ 90-го года цыфры національ-либеральныхъ депутатовъ колебались всего между 41 и 56.

Правительственное большинство въ рейхстагахъ становилось благодаря этому все болѣе реакціоннымъ и изъ 9 послѣднихъ рейхстаговъ (начиная съ 1884 г.) въ 7-ми прусское юнкерство вмѣстѣ съ католической реакціей обладало абсолютнымъ большинствомъ голосовъ.

Нечего и говорить, что въ прусской палатѣ депутатовъ

положеніе прусскаго юнкерства было еще выгоднѣе, и экономическое развитіе тамъ также мало, какъ въ рейхстагѣ, колебало его положеніе. Избирательная система въ прусской палатѣ депутатовъ основана на имущественномъ цензѣ и стремится, какъ будто, поставить избирательныя права въ зависимость отъ размѣра платимыхъ налоговъ, между тѣмъ по разсчету г. Реуса („Русское богатство“ 1904 г. № 11)—„150 консервативныхъ депутатовъ врядъ ли по высотѣ платимыхъ ими налоговъ могутъ сравниться со столицей нѣмецкаго государства“, Берлиномъ, который имѣетъ однако всего 9 депутатскихъ мѣстъ. И тутъ такимъ образомъ мы имѣемъ фактически полное нарушеніе избирательнаго принципа въ интересахъ прусскаго юнкерства.

Итакъ прусское юнкерство прочно укрѣпилось во всѣхъ устояхъ новаго государственнаго строя. Въ войскѣ, администраціи и высшемъ управленіи оно заняло преобладающую роль, въ законодательныхъ учрежденіяхъ завоевало себѣ гегемонію, концентрируя вокругъ себя всѣ реакціонные элементы страны и заставляя приспособляться къ себѣ либеральную буржуазію.

2. *Прусское юнкерство и развитіе милитаризма.*

Прусское юнкерство было проникнуто феодальными тенденціями и было глубоко реакціоннымъ слоемъ. Но если бы только къ этому можно было свести характеристику прусскаго юнкерства, осталась бы совершенно непонятной та огромная роль, которую оно играло и играетъ въ жизни Германіи. Прусская бюрократія, ряды которой пополняются прусскимъ юнкерствомъ, вела Пруссію къ побѣдамъ, она сплотила Германію, она прокладывала дорогу необходимымъ условіямъ экономическаго развитія Германіи. И до послѣднихъ дней прусская бюрократія и прусское юнкерство въ экономически развивающейся странѣ сумѣли удержать господствующее положеніе. Это дѣлаетъ несомнѣнной большую жизнеспособность прусскаго юнкерства.

И при образованіи Германской имперіи оно отличалось этой жизнеспособностью въ высокой степени. Какъ мнѣ приходилось уже указывать въ „Нашей Зарѣ“ (въ № 4 за тек. годъ—Полит. Обозр.) крупные дворяне землевладѣльцы въ Пруссіи были прогрессивнымъ слоемъ. Поземельное дворянство въ Пруссіи поднимало культуру земли, развивало технику земледѣлія и этимъ агрономическимъ и техническимъ прогрессомъ одерживало побѣды надъ мелкими земледѣльцами.

Прусскіе юнкера были такимъ образомъ въ извѣстномъ смыслѣ піонерами экономическаго прогресса въ Германіи. Они развивали производительныя силы Германіи тогда, когда промышленность въ ней находилась еще въ зародышевомъ состояніи. Необходимо имѣть въ виду, что и въ 1871 году Германія была еще до значительной степени земледѣльческой страной. Во всей Германіи въ 1871 г. почти $^2/_3$ населенія (64%) жили въ деревняхъ, а въ Пруссіи сельское населеніе составляло ровно $^2/_3$ всего населенія.

Вскорѣ послѣ образованія Германской имперіи міровое экономическое развитіе приняло угрожающій для юнкерства характеръ. Развитіе парового транспорта приблизило къ Европѣ страны съ дѣвственнымъ экстенсивнымъ земледѣліемъ и вызвало длительный процессъ паденія сельско-хозяйственныхъ цѣнъ. А между тѣмъ быстрое развитіе промышленности въ Германіи и Пруссіи отвлекало туда отъ земледѣлія рабочія руки и вело къ повышенію заработной платы. Поставленное между паденіемъ цѣнъ на свои продукты и повышеніемъ заработной платы крупное землевладѣніе теряло почву подъ ногами. Ему угрожала гибель. Тутъ прусскимъ юнкерамъ пригодилась та политическая гегемонія, которую они завоевали себѣ въ Германіи. Экономической гибели они избѣжали путемъ обложенія въ свою пользу всего населенія. Орудіемъ ихъ спасенія были высокія пошлины на земледѣльческіе продукты, которыя изъ своего кармана выплачивала землевладѣльцамъ городская масса населенія. Поддержка же этой охранительной политики со стороны крупной буржуазіи была въ концѣ концовъ куплена тѣмъ, что тотъ же протекціонизмъ распространился и на продукты промышленности. Промышленниковъ не нужно было спасать этимъ протекціонизмомъ, они могли обойтись и безъ него, но онъ давалъ имъ лишніе барыши насчетъ народа, и это ограбленіе народа соединенными усиліями аграріевъ и промышленниковъ стало въ концѣ концовъ цементомъ, сплачивающимъ тѣхъ и другихъ.

Но и въ этотъ паразитическій періодъ своего существованія юнкера не стали регрессирующимъ слоемъ. Веденіе хозяйства у нихъ продолжало быть образцовымъ, а производительность труда въ ихъ экономіяхъ, благодаря употребленію сельско-хозяйственныхъ орудій, была значительно выше, чѣмъ у мелкихъ хозяевъ.

Эта экономическая жизнеспособность прусскаго юнкерства сыграла огромную роль и въ созданіи военнаго могущества Пруссіи. То, что прусская бюрократія обнаружила такія серьезныя организаторскія способности, что она сумѣла поставить такъ образцово и администрацію и войско, несомнѣнно было связано съ тѣмъ, что она черпала свои силы изъ жизнеспособнаго и прогрессирующаго экономическаго слоя. А это въ свою очередь съ самаго начала обезпечивало въ объединенной Германіи почетную роль прусской бюрократіи, а слѣд. и прусскому юнкерству. Въ дальнѣйшемъ германскій милитаризмъ началъ черпать жизненные соки и изъ развивающейся промышленности, пользуясь достигнутой ею высокой техникой для созданія могущественныхъ орудій войны.

Прусское юнкерство и въ объединенной Германіи сохранило за собой въ войскѣ преобладающую роль. Интересы юнкерства требовали поэтому, чтобы деньги безпрепятственно и въ все увеличивающемся количествѣ текли изъ государственнаго казначейства на военные расходы. Но чтобы обезпечить безпрепятственное развитіе милитаризму, необходимо было заинтересовать въ немъ и остальную массу населенія. И въ этомъ отношеніи юнкерству помогло само то объективное положеніе, которое было создано юнкерскимъ объединеніемъ Германіи.

Германія была объединена кровью и желѣзомъ. Не свободныя дѣйствія населенія, а военное могущество Пруссіи создало объединеніе Германіи. А объединеніе Германіи стало однимъ

изъ важнѣйшихъ устоевъ ея интенсивнаго экономическаго развитія. Милитаризмъ являлся такимъ образомъ, какъ будто, исходной точкой экономическаго подъема Германіи и это давало ему санкцію и въ глазахъ промышленниковъ и въ глазахъ даже широкой массы населенія. То, что было военнымъ путемъ достигнуто, необходимо было, очевидно, военнымъ путемъ и охранять. Но и для охраны требовались все больше и больше усилій.

Побѣды Пруссіи надъ Австріей и особенно надъ Франціей дали толчекъ къ сильнѣйшему развитію вооруженій какъ въ этихъ странахъ, такъ и во всей Европѣ. А вооруженія эти въ свою очередь служили стимуломъ для дальнѣйшихъ вооруженій Германіи. Создавшіяся враждебныя отношенія между Германіей и Франціей играли тутъ роль особенно сильнаго возбудителя. Наполеоновская монархія оказалась несостоятельной въ военномъ отношеніи. Замѣнившая ее послѣ разгрома 1870 года республика, естественно, поставила себѣ задачу развить военное могущество Франціи. Франціи трудно было примириться съ постигшимъ ее униженіемъ и съ отторженіемъ отъ нея двухъ цвѣтущихъ богатыхъ провинцій, Эльзаса и Лотарингіи. И тутъ начиналась скачка въ перегонку: Франція усиливала свои вооруженія, чтобы быть въ силахъ сразиться, если понадобится, въ будущемъ съ Германіей, Германія же въ свою очередь стремилась во что бы то ни стало быть впереди Франціи, чтобы имѣть возможность, если понадобится, снова ее разгромить.

Въ развившейся потомъ международной экономической борьбѣ Германія меньше всего сталкивалась съ Франціей и при достаточно сильномъ желаніи германская дипломатія могла бы проложить дорогу соглашенію съ Франціей. Но она къ этому ни въ лицѣ Бисмарка, ни въ лицѣ его преемниковъ, никогда не стремилась. Напротивъ, всѣ комбинаціи Германіи съ другими державами, которыя Бисмаркъ и его преемники устраивали или пытались устроить, всегда были направлены противъ Франціи, всегда имѣли цѣлью изолировать ее и обезпечить въ случаѣ войны безпрепятственный ея разгромъ.

Почему же Бисмаркъ и его преемники не дѣлали никакихъ серьезныхъ усилій для сближенія съ Франціей, почему они дѣйствовали въ даннымъ случаѣ вопреки экономическимъ интересамъ своей страны? Въ силу глубокой антипатіи къ демократическому режиму Франціи.

О томъ, чѣмъ руководился Бисмаркъ въ своихъ комбинаціяхъ, совершенно опредѣленно говорятъ его воспоминанія.

„Тройственный союзъ, пишетъ онъ тамъ, который я вначалѣ послѣ франкфуртскаго мира стремился устроить, былъ союзъ трехъ императоровъ съ мыслью о дальнѣйшемъ включеніи туда монархической Италіи. Союзъ долженъ былъ имѣть въ виду предстоящую борьбу между двумя направленіями, которыя Наполеонъ называлъ республиканскимъ и казацкимъ и которыя, сообразно съ теперешними понятіями, можно опредѣлить, какъ порядокъ, покоящійся на монархической основѣ, съ одной стороны, и соціальная республика съ другой (Bismark Gedanken und Erinnerungen, II с. 229).

И потомъ въ другомъ мѣстѣ по поводу грозившей въ концѣ 70-хъ гг. войны Австріи съ Россіей:

„Важнѣе всего, писалъ онъ, поддерживать дружбу между великими монархіями, такъ какъ при взаимной борьбѣ они могутъ больше потерять по отношенію къ революціи, чѣмъ выиграть отъ этой борьбы" (тамъ-же ст. 214)

Для насъ такимъ образомъ становится совершенно яснымъ, что дѣйствія германской дипломатіи были съ самого начала скованы ея политическими симпатіями и опасеніями, и именно поэтому сближеніе съ Франціей, которое въ концѣ концовъ оказалось возможнымъ для Россіи въ 1891 году, систематически отталкивало отъ себя германскую дипломатію. Вражда между Германіей и Франціей превратилась при такихъ условіяхъ въ историческую традицію и сдѣлалась непрерывнымъ источникомъ развитія милитаризма и вооруженій во всей Европѣ.

Но тѣ толчки, которые развитіе милитаризма получало отъ реакціонныхъ стремленій германской дипломатіи, оставались въ свое время тайной для массы населенія. Передъ населеніемъ Германіи выступали только внѣшніе факты: Франція вооружается, вооружаются другія державы, Франція заключила союзъ съ Россіей, опасность для Германіи увеличивается. И чѣмъ дальше шло экономическое развитіе Германіи, чѣмъ крупнѣе были ея завоеванія, тѣмъ легче въ атмосферѣ всеобщихъ вооруженій бывало будить страхъ потерять все это и тѣмъ легче слѣд. было популяризировать въ населеніи испытанное средство защиты— непрерывное развитіе милитаризма.

Но если настроеніе въ пользу милитаризма легко было будить въ Германіи даже у широкой массы населенія, то оно естественно само собой возникало въ средѣ того класса, который наиболѣе выигрывалъ отъ экономическаго развитія спаянной милитаризмомъ Германіи, въ средѣ торгово-промышленной буржуазіи. Были, кромѣ того, факторы, которые создавали еще болѣе тѣсную интимную связь этого класса съ развивающимся милитаризмомъ.

Въ 1912 году въ Германіи былопотрачено на армію и флотъ 1.319 милл. мар., въ 1913 г. было истрачено 1830 м. м., въ 1914 г. предполагалась истратить 1705 м. м. Достаточно крупныя суммы. Трата этихъ суммъ означала въ то же время созданіе опредѣленнаго рынка для промышленности. Если бы эти суммы оставались въ карманахъ неимущихъ слоевъ населенія, онѣ тоже питали бы промышленность, онѣ тоже создавали бы для нея рынокъ, но характеръ рынка былъ бы тогда другой. Это былъ бы преимущественно рынокъ для промышленности, вырабатывающей предметы широкаго народнаго потребленія, между тѣмъ какъ ростъ вооруженій, требуя во все увеличивающихся размѣрахъ производства ружей, пушекъ, броненосцевъ и т. п., питалъ прежде всего металлургическую промышленность. Создавалась группа предпріятій, спеціально обслуживающая эти военныя надобности, какъ напр. заводы Круппа, а отъ нея расходились лучи въ сторону другихъ отраслей промышленности, вырабатывающихъ чугунъ, желѣзо, сталь, добывающихъ уголь.

Конечно, главный базисъ германской промышленности создавало не развитіе милитаризма. Достаточно указать, что одинъ вывозъ продуктовъ промышленности въ 1912 г. составлялъ 6 милльярдовъ марокъ, между тѣмъ вывозъ охватываетъ только меньшую часть всего промышленнаго производства Германіи.

Но пока развитіе милитаризма не вставало въ противорѣчіе съ общимъ промышленнымъ развитіемъ Германіи, а, напротивъ, казалось необходимымъ его условіемъ, удовлетвореніе растущихъ военныхъ надобностей создавало интимную связь между милитаризмомъ и широкими слоями буржуазіи.

Эта интимная связь еще болѣе питалась и усиливалась другимъ факторомъ, развитіемъ имперіализма. Имперіализмъ—это стремленіе капитала данной страны расширить базу для своего примѣненія, завоевать для своего приложенія новыя области и обезпечить себѣ въ этихъ областяхъ извѣстную монополію. Имперіализмъ поэтому выражается въ жаждѣ колоніальныхъ пріобрѣтеній и въ стремленіи подчинить экономическому и политическому вліянію отсталыя страны. Колоніальная политика въ широкомъ смыслѣ этого слова, вызываемая современнымъ имперіализмомъ, приняла существенно иной характеръ, чѣмъ тотъ, который она имѣла раньше. Прежде громадную роль въ этой политикѣ игралъ вывозъ людей, вывозъ избыточного населенія въ новыя развивающіяся страны, теперь вывозъ людей потерялъ почти всякое значеніе, а въ центрѣ сталъ вывозъ избыточныхъ капиталовъ, образующихся благодаря ихъ усиленному накопленію.

Въ самомъ дѣлѣ во Франціи вообще не получается избытка населенія, такъ какъ населеніе тамъ перестало рости. Это не помѣшало Франціи накопить съ 80-хъ г. прошлаго столѣтія огромныя колоніальныя владѣнія въ Африкѣ и Азіи. Въ Германіи населеніе растетъ и растетъ довольно быстро, но избытокъ населенія направлялся въ Америку, главнымъ образомъ въ Соед. Штаты, а не въ Африку и Азію, гдѣ Германія развивала свою колоніальную дѣятельность. Кромѣ того, и размѣры эмиграціи изъ Германіи, благодаря сильному развитію въ ней промышленности, начали сокращаться.

Въ началѣ 80-хъ гг. прошлаго столѣтія цифры нѣмецкихъ переселенцевъ въ Сѣв. Америку достигали 200 и болѣе тыс. въ годъ. Въ 1882 же году число всѣхъ эмигрировавшихъ изъ Германіи черезъ порты равнялось только 116 тыс. Въ связи съ сильнымъ промышленнымъ подъемомъ число эмигрантовъ затѣмъ начало сильно падать: до 88 тыс. въ 1893 году, до 41 тыс. въ 1894 г., до 22 т. въ 1898 г. Въ среднемъ по пятилѣтіямъ эмигрировало изъ Германіи черезъ порты: въ 1893—97 гг.—44.919, въ 1898—1902 гг,—24.605, въ 1903—1907 гг.—31.028, въ 1908—1912 гг. —22.314. Въ 1912 г. число эмигрировавшихъ черезъ порты спустилось до совершенно ничтожной цифры—18.545, что составитъ всего 2,8 чел. на каждые 10 тыс. нас.

Рядомъ съ сокращеніемъ эмиграціи растетъ иммиграція въ Германію Въ 1900 году въ Германіи было всего 778.737 иностранцевъ, въ 1910 г. часло иностранцевъ повысилось до 1.259.873. Въ $190^{8}/_{9}$ году число иностранныхъ рабочихъ, зарегистрированныхъ рабочими бюро въ Германіи достигало 565,071, въ $19^{11}/_{12}$ оно достигло уже 729.575.

Такимъ образомъ Германія вмѣсто того, чтобы отсылать отъ себя часть населенія, сама начала поглощать избыточное населеніе другихъ странъ. Довольно распространенное мнѣніе, что германскому населенію становится тѣсно въ предѣлахъ своей страны что оно поэтому стремится раздвинуться такимъ образомъ, совершенно не соотвѣтствуетъ фактамъ. Тѣсно въ Германіи не населенію, не рабочимъ, а тѣсно капиталу, который накапливается слишкомъ быстро, чтобы найти себѣ примѣненіе цѣликомъ въ своей собственной странѣ.

Разъ движущимъ мотивомъ колоніальной политики является вывозъ капиталовъ, границы для нея тѣмъ самымъ раздвигаются. Капиталы можно помѣщать и тратить при правительственнымъ гарантіяхъ и субсидіяхъ въ расчетѣ на результаты въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ и даже въ странахъ съ довольно проблематическимъ будущимъ.

Конечно, предпочтительнѣе для имперіализма страны съ большими природными богатствами, съ способностью къ быстрому экономическому развитію. Тогда и база для помѣщенія капиталовъ будетъ расширяться. Но въ крайнемъ случаѣ можно обойтись безъ этого. Капиталъ стремится къ барышамъ и если этихъ барышей въ данный моментъ можно достигнуть при совершенно безплодной растратѣ народныхъ денегъ, онъ пойдетъ охотно и на это. И именно такой авантюристическій характеръ носилъ до значительной степени имперіализмъ Германіи. Въ своей погонѣ за новыми сферами приложенія капитала онъ не считался ни съ интересами массы населенія, ни съ интересами народнаго хозяйства въ его цѣломъ.

Колоніальная политика Германіи отличалась очень широкимъ размахомъ. Погоня за колоніями началась въ 80-хъ гг- и уже за 80-е годы Германія, не имѣвшая раньше никакихъ колоній, пріобрѣла огромныя колоніальныя владѣнія въ Африкѣ и на тихоокеанскихъ островахъ. Вся территорія этихъ колоніальныхъ владѣній превышаетъ въ 5 разъ территорію Германіи.

Въ 90-хъ гг. энергія германскаго имперіализма направилась въ сторону Турціи, въ сторону ея полудикихъ азіатскихъ владѣній. Германскій капиталъ при содѣйствіи германской дипломатіи добился заключенія съ Портой конвенціи (въ 1899 г.) о постройкѣ гигантской багдадской дороги, являвшейся продолженіемъ участковъ уже ранѣе построенныхъ нѣмецкими капиталистами въ Малой Азіи.

Дорога должна была идти до Багдада и далѣе къ Персидскому заливу. Она должна была простираться на 2400 километровъ слишкомъ. Она должна была способствовать проникновенію нѣмецкаго капитала и нѣмецкой торговли въ переднюю Азію, должна была создать связь между Средиземнымъ моремъ и Египтомъ, съ одной стороны, и Индіей, съ другой, и тѣмъ самымъ устранить исключительное господство Англіи въ ея торговыхъ отношеніяхъ съ Индіей.

Эта была новая фаза развитія германскаго имперіализма и болѣе плодотворная, чѣмъ первая, которая выражалась главнымъ образомъ въ колоніальныхъ пріобрѣтеніяхъ въ Африкѣ. Для Германіи она имѣла ту выгоду что экономическое завоеваніе азіатскихъ владѣній Турціи должно было пасть огромной тяжестью на турецкую казну, а не на германскую. Обходясь дешево для Германіи, имперіализмъ тутъ сулилъ и большія выгоды для германской промышленности, чѣмъ африканскія авантюры. Но конечно и тутъ созданіе новаго сколько нибудь широкаго рын-

ка сбыта для германской промышленности могло быть достигнуто только въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

И подводя итоги всей этой колоніальной политикѣ Германіи въ прямомъ и переносномъ смыслѣ, мы должны констатировать чрезвычайно жалкіе непосредственные результаты ея для народнаго хозяйства Германіи.

Германская промышленность со времени объединенія Германіи дѣлала непрерывныя завоеванія, но эти завоеванія дѣлались прежде всего въ Европѣ, потомъ въ Америкѣ, безъ всякаго содѣйствія колоніальной политики и имперіализма. Въ 1912 году вывозъ въ Европу и Америку достигалъ 92% всего вывоза. А если присоединить еще вывозъ въ Австралію, Британскую Индію и Японію, то получимъ 95,4 % всего вывоза. Но и изъ остальныхъ 4,6% только часть придется на колоніальныя владѣнія и отсталыя страны, подчиненныя политическому вліянію Германіи.

Имперіализмъ былъ продуктомъ быстраго и итенсивнаго развитія германской промышленности, но самъ онъ на это развитіе, какъ видимъ, до сихъ поръ никакого замѣтнаго вліянія не оказалъ. А между тѣмъ помимо тѣхъ матеріальныхъ жертвъ, съ которыми онъ былъ связанъ, онъ въ международную политику Германіи вносилъ элементы крайняго напряженія и риска.

Развитіе колоніальной политики и имперіализма вызывало и развитіе флота, а быстрое и интенсивное развитіе флота Германіи вызывало страхъ и опасенія у владычицы морей, Англіи.

До начала колоніальной политики Германія обладала незначительнымъ флотомъ и траты на него были ничтожны. Въ 1881—85 гг. прошлаго столѣтія расходы на флотъ у Германіи составляли въ среднемъ только 42,9 милл. марокъ. Черезъ 10 лѣтъ, въ 1891—95 гг. они достигли уже 84,3 м. марокъ, т.е. увеличились въ 2 раза, еще черезъ 10 лѣтъ, въ 1901—1905 гг. они достигли уже 210,2 м. марокъ, а въ 1912 и 1913 гг. они достигли уже 470 слишкомъ милл., въ 1914 г. они предполагались въ размѣрѣ 488 м. Въ общемъ за 30 лѣтъ—съ начала 80-хъ гг. прошлаго столѣтія до нашихъ дней—морскіе расходы возросли приблизительно въ 11 разъ!

Въ результатѣ такого колоссальнаго возрастанія расходовъ, Германія выросла въ крупную морскую державу. Еще въ 90-хъ гг. Германія на морѣ была слабѣе даже Россіи, не говоря уже о Франціи. Теперь же по морскому могуществу она уступаетъ только Англіи, превосходя всѣ остальныя державы.

Прежде Англія расчитывала свои морскія силы такъ, чтобы по флоту быть сильнѣе самыхъ сильныхъ двухъ державъ взятыхъ вмѣстѣ. Въ виду усиленія морского могущества Германіи этотъ принципъ пришлось бросить. Приходилось употреблять отчаянныя усилія, чтобы быть по крайней мѣрѣ замѣтно впереди Германіи. И это становится все труднѣе. Въ 1904 году, по нѣмецкимъ даннымъ, всѣ военные расходы въ Германіи на душу населенія составляли 14,30 марокъ, а въ Англіи на душу населенія въ этомъ году падало расходовъ 31,46 марокъ. Неудивительно, что военные расходы Германіи могли расти значительно быстрѣе и дѣйствительно въ 1913 году они достигли 21,36 м. на душу населенія или съ 1904 г. возросли на 7,56 м. между тѣмъ какъ въ Англіи они возросли до 33,05 м. т. е. за тотъ же періодъ

возросли только на 1,59 м. Нужно имѣть въ виду, кромѣ того, что тѣ же расходы въ Германіи даютъ большіе результаты, такъ какъ Англіи, при отсутствіи у нея воинской повинности, стоитъ гораздо дороже содержаніе ея матросовъ и солдатъ. Дальнѣйшее соперничество съ Германіей грозило Англіи полнымъ переворотомъ въ ея внутренней жизни, грозило необходимостью ввести ненавистную англичанамъ всеобщую воинскую повинность.

Развитіе германскаго имперіализма, вызывая лихорадочное развитіе Германіей своего флота, уже однимъ этимъ обостряло отношенія между Германіей и Англіей. И островное положеніе Англіи и наличность у нея огромныхъ колоній дѣлали для нея преобладаніе на морѣ необходимымъ. Колоніи, кромѣ того, имѣютъ для Англіи гораздо болѣе жизненное значеніе, чѣмъ для Германіи. Въ то время какъ вывозъ Германіи въ свои колоніи очень недалекъ отъ нуля, вывозъ Англіи въ свои колоніи въ 1912 г. составлялъ 36,3%, а въ 1913 г. 37,3% общей суммы вывоза. Какъ видимъ колоніи для Англіи являются однимъ изъ важныхъ устоевъ ея народнаго хозяйства.

Сильнѣйшія опасенія, которые вызывалъ въ Англіи ростъ морского могущества Германіи, были затѣмъ обострены до послѣдней степени вторженіемъ Германіи въ самую завѣтную для Англіи область, туда, гдѣ соприкасаются три страны свѣта. Своей багдадской дорогой Германія обнаруживала стремленіи завладѣть Малой Азіей, которую Англія считала своей законной добычей, и проложить себѣ дорогу въ главнѣйшую колонію Англіи, въ Индію. Экономическія завоеванія Германіи тутъ надвигались рука объ руку съ политическими. Послѣ русско-турецкой войны 1878 г. вліяніе Англіи въ Турціи было преобладающимъ. Съ конца 90-хъ гг. прошлаго столѣтія оно вытѣсняется вліяніемъ Германіи. Для достиженія этого вліянія были пущены въ ходъ крайнія средства вплоть до поѣздки самого Вильгельма въ 1898 г. въ Турцію и рѣчи его у гроба Саладина, въ которой онъ провозгласилъ Германію защитницей 300 милліоновъ магометанъ. Гордая достигнутыми результатами Германія начала держать себя вызывающе по отношенію къ Англіи и въ вопросѣ о багдадской дорогѣ она не шла ни на какія уступки. При переговорахъ объ участіи Англіи и ея капиталовъ въ постройкѣ богдадской дороги Германія не соглашалась даже конечную вѣтвь дороги, которая должна была непосредственно подойти къ Персидскому заливу, предоставить контролю Англіи.

Походъ германскаго имперіализма на Балканы и въ Малую Азію такимъ образомъ создавалъ рознь и вражду между Германіей и Англіей. Въ тоже время онъ измѣнялъ всю группировку державъ на Балканскомъ полуостровѣ. Во время турецкой войны 1878 года и послѣ нея противъ Россіи рѣзко выступали Австрія и особенно Англія. Когда русскія войска двигались по Константинополю, съ моря къ нему двигалась для защиты его англійская эскадра. Германія тогда считала себя незаинтересованной въ балканскихъ дѣлахъ и на берлинскомъ конгрессѣ играла роль своего рода третейскаго судьи между спорящими сторонами хотя и съ явнымъ пристрастіемъ въ пользу противницъ Россіи.

Теперь положеніе радикально измѣнилось. Германія начинала играть на Балканахъ самую видную роль. При союзѣ съ

Австріей, она теперь была непосредственно заинтересована и во всякомъ успѣхѣ Австріи на Балканахъ. При такихъ условіяхъ активная политика Германіи на Балканахъ сближала между собой старыхъ противницъ Англію и Россію и заставляла ихъ искать соглашенія между собою.

Мы видимъ такимъ образомъ, что развитіе имперіализма въ Германіи поставило ее въ угрожающее положеніе и по отношенію къ Англіи и по отношенію къ Россіи. А между тѣмъ подъ бокомъ у нея оставался еще старый непримиренный врагъ—Франція. При ненадежности Италіи, какъ участницы тройственнаго союза, это создавало уже задолго до нынѣшней войны чрезвычайно опасную для Германіи комбинацію державъ. Уже съ 1907 года образовалось, въ противовѣсъ тройственному союзу, тройственное согласіе. Обостряющіяся отношенія между державами вели къ новой бѣшеной скачкѣ вооруженій и положеніе въ Европѣ становились все болѣе напряженнымъ.

Итакъ, съ одной стороны развитіе имперіализма въ Германіи не давало никакихъ реальныхъ результатовъ для народнаго хозяйства, а съ другой оно несло съ собой усиленіе милитаризма, обостреніе международныхъ отношеній, увеличивающуюся опасность міровой войны.

То, чего Германія достигла помимо имперіализма, независимо отъ его завоеваній,—мощное развитіе промышленности, прочное и усиливающееся ея положеніе на міровомъ рынкѣ, было слишкомъ большимъ благомъ, чтобы подвергать его риску, связанному съ войной. Поэтому интересы не только всей массы населенія, но даже интересы германской буржуазіи требовали, чтобы имперіалистическія стремленія ставились въ извѣстныя границы, чтобы агрессивность, вызываемая ими, была подчинена разумному разсчету, чтобы дипломатія при назрѣвавшихъ конфликтахъ съ другими державами соблюдала крайнюю осторожность и всѣми силами добивалась соглашенія съ ними.

Но если бы германская буржуазія даже прониклась этими стремленіями, то она была бы безсильна ихъ осуществить. Путь къ ихъ осуществленію былъ отрѣзанъ тѣмъ компромиссомъ буржуазіи съ юнкерствомъ, который легъ въ основу современной Германіи.

Этотъ компромиссъ остановилъ развитіе свободныхъ учрежденій въ Германіи. Та прусская конституція, при которой управленіе государствомъ не подчинено законодательнымъ учрежденіямъ, стала и общегерманской конституціей. Роль германскаго рейхстага была сведена только къ обсужденію и вотированію предложеній правительства. Законодательная иниціатива рейхстага осталась только на бумагѣ. У него не было никакихъ средствъ для того, чтобы проводить свои предложенія и свои рѣшенія въ жизнь. Союзный совѣтъ, куда они поступали, систематически бросалъ ихъ въ корзину. Контроль надъ дѣйствіями правительства былъ также сведенъ до минимума, при которомъ онъ могъ имѣть только агитаціонное значеніе. Рейхстагъ могъ говорить и высказывать свое мнѣніе, но правительство это ни къ чему не обязывало. Такъ было во всемъ, что касалось внутренняго управленія, такъ было и въ работѣ дипломатіи. Въ послѣдней обстояли дѣла еще хуже. Внутреннее управленіе было

по крайней мѣрѣ на виду у всѣхъ, а работа дипломатіи происходила совершенно за глазами народнаго представительства и велась лицами, которые могли обходиться безъ его довѣрія.

Этотъ полусвободный непарламентскій режимъ былъ той основой, на которой состоялось фактическое соглашеніе между прусской государственной властью, прусскимъ юнкерствомъ и германской буржуазіей. Интенсивное экономическое развитіе, которое стало возможно при этомъ режимѣ, оправдало его въ глазахъ буржуазіи, примирило ее съ нимъ. И къ тому времени когда развитіе германскаго имперіализма достигло значительной степени и начало колебать европейскій миръ, у германской буржуазіи успѣла уже атрафироваться всякая склонность къ какимъ нибудь серьезнымъ политическимъ преобразованіямъ и въ тоже время на почвѣ всѣхъ германскихъ успѣховъ у нея развилось чрезвычайно большое довѣріе къ власти, стоящей у кормила правленія. И та новая опасная стадія развитія, въ которую вступала Германія вмѣстѣ съ развитіемъ имперіализма, не вызывала поэтому у буржуазіи никакой тревоги. Не даромъ же масса населеніи несла и продолжала нести жертвы на алтарь милитаризма. Должны же эти жертвы гарантировать Германію и ея развитіе отъ всякой опасности.

Успѣхи затѣмъ Германіи, ея интенсивное экономическое развитіе и ея огромный вѣсъ и значеніе въ европейскомъ концертѣ кружили голову буржуазіи и понижали у нея чутье къ риску и опасностямъ, грозящимъ Германіи.

Но не только у буржуазіи, это чутье было понижено, какъ теперь совершенно ясно, и у всей массы населенія.

Развилось мощное образованіе, въ которомъ нашли себѣ мѣсто—и мало считающаяся съ общественнымъ мнѣніемъ бюрократія, и только одной ногой стоящее на почвѣ современности юнкерство, и идущая отъ успѣха къ успѣху буржуазія, и наконецъ самое сильное и наилучше организованное въ мірѣ рабочее движеніе. Для каждаго изъ этихъ взаимно противорѣчивыхъ элементовъ его успѣхи, возможность этихъ успѣховъ служили въ большой или меньшей степени оправданіемъ и цѣлаго. Да оправданіемъ, въ извѣстномъ смыслѣ даже въ глазахъ соціалъ-демократіи. Конечно послѣдняя была проникнута въ высокой степени преобразовательнымъ духомъ. Она стремилась совсѣмъ раздѣлаться съ капиталистическимъ строемъ и ея ряды были наполнены людьми, всѣмъ своимъ существомъ отрицающими то настоящее, которое тяжело било ихъ изо дня въ день. Но въ этомъ тяжеломъ настоящемъ буржуазія и юнкерство сливались въ ихъ глазахъ въ одну чуждую и враждебную массу. Это отношеніе къ нимъ воспитывалось самой жизнью, такъ какъ въ жизни тѣ выступали слитно—крупная буржуазія съ юнкерствомъ почти всецѣло, средняя и мелкая до значительной степени. Такое отношеніе находило даже долгое время принципіальное оправданіе въ соціалъ-демократіи, но и тогда, когда отъ него соціалъ-демократія официально отказалась, въ сознаніи рабочихъ оно продолжало жить цо прежнему.

Въ мрачныхъ чертахъ настоящаго не выдѣлялось, не обособлялось достаточно рѣзко и отчетливо сознаніемъ рабочихъ то, что было всецѣло продуктомъ господства юнкерства и по

отношенію къ чему буржуазія играла только роль попустителя,—приниженіе народнаго представительства, приниженіе всей массы населенія чудовищной казарменной дисциплиной, побившей міровой реккордъ.

Но то настоящее, которое творилось совмѣстными усиліями буржуазіи и юнкерства, было не только тяжелымъ, въ немъ были и свѣтлые и радостные моменты. 12 лѣтъ соціалъ-демократія находилась подъ исключительнымъ закономъ, но этотъ законъ палъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ паденія исключительнаго закона дѣлались попытки частичнаго проведенія исключительныхъ законовъ противъ соціалъ-демократіи, но эти попытки были отражены. И въ итогѣ послѣ паденія исключительнаго закона соціалъ-демократія развила свою организацію, свою печать, свои профессіональные союзы до такой высоты, до такого совершенства, какъ это не удалось соціалистамъ ни въ одной странѣ. Должно ли было это до извѣстной степени примирять соціалъ-демократію съ настоящимъ? Да, по моему мнѣнію должно было. Не съ настоящимъ въ смыслѣ системы капиталистическихъ отношеній. На нее, на эту систему соціалъ-демократія шла походомъ и стремленіе къ ея уничтоженію оставалось для соціалъ-демократіи маякомъ, освѣщающимъ ея путь. Но кромѣ этого основнаго противорѣчія съ существующимъ строемъ у соціалъ-демократіи могло еще интенсивно дѣйствовать другое противорѣчіе—съ той специфической общественной формаціей, которая характеризовалась господствомъ юнкерства и бюрократіи въ жизни. Противорѣчіе, которое какъ этапъ, какъ необходимый этапъ для достиженія конечной цѣли, ставило бы задачу сломить господство юнкерства. Это послѣднее противорѣчіе, какъ мнѣ кажется, дѣйствовало въ довольно слабой степени. Оно тушилось успѣхами соціалъ-демократіи, тушилось возможностью развивать свою дѣятельность и достигать ею огромныхъ результатовъ. Благодаря этому и современная Германія, въ которой яркіе пережитки прошлаго могли существовать бокъ о бокъ съ небывалымъ развитіемъ рабочаго движенія, становилась для пролетаріата тѣмъ жилищемъ, съ которымъ онъ примирялся на долго, по всей вѣроятности до того момента, когда онъ въ состояніи будетъ приступить къ постройкѣ совершенно новаго, соотвѣтствующаго вполнѣ его стремленіямъ, жилища.

На этой почвѣ создавалось извѣстное довѣріе къ этому жилищу, какъ приспособленному для этого временнаго пребыванія, какъ гарантирующему возможность безостановочнаго развитія соціалъ-демократической работы.

И меньше всего это довѣріе колебалось тамъ, гдѣ оказалась настоящая ахиллесова пята современнаго режима Германіи—въ области международной политики. Существующая общественная обстановка совершенно не пріучала пролетаріатъ разбираться въ международныхъ отношеніяхъ, оцѣнивать ихъ. Безсознательно для себя онъ довѣрялъ въ этомъ отношеніи государственной власти, которая десятки лѣтъ этимъ занималась и занималась, повидимому успѣшно, такъ какъ умѣла и сохранять миръ и обезпечивать Германіи очень почетное мѣсто въ концертѣ державъ. Вотъ почему война должна была свалиться на германскій пролетаріатъ, какъ чисто стихійное бѣдствіе и непосредственно вызвать у него только элементарный инстинктъ самосохраненія, инстинктъ, который говорилъ ему о необходимости защищать тотъ домъ, въ которомъ онъ жилъ и въ которомъ онъ накопилъ огромныя культурныя блага.

Въ итогѣ при той огромной спаянности, которою, не смотря на острыя классовыя противорѣчія, отличалась современная Германія, она должна была стать и стала чрезвычайной опасностью для Европы, для мирнаго культурнаго ея развитія. Получился государственный организмъ съ колоссальной военной мощью, съ огромными экономическими рессурсами для ея непрерывнаго развитія, и этотъ организмъ оказался всецѣло въ рукахъ безотвѣтственной передъ населеніемъ военной касты, развившей у себя крайнюю самоувѣренность на почвѣ старыхъ побѣдъ и гегемоніи, завоеванной ею въ Европѣ, глухой къ интересамъ массы населенія и напротивъ чрезвычайно чуткой къ мечтаніямъ имперіалистовъ о всесвѣтномъ господствѣ Германіи. Но та опасность, которою Германія становилась для Европы, должна была въ концѣ концовъ привести къ сплоченію противъ нея Европы и тѣмъ самымъ подвергнуть величайшему риску всѣ тѣ огромныя экономическія завоеванія, которыхъ достигла Германія.

Банкротство прусскаго юнкерства въ настоящей войнѣ.

Въ настоящей войнѣ бросаются въ глаза нѣкоторыя яркія ея черты. Германія и Австрія находятся въ какомъ то трагическомъ одиночествѣ. Противъ нихъ борется могущественная коалиція державъ, борется съ громаднымъ энтузіазмомъ при сочувствіи широкихъ слоевъ какъ своего населенія, такъ и населенія нейтральныхъ державъ. Европа возстала противъ Германіи подъ лозунгомъ борьбы до конца, борьбы, пока не будетъ поколебленъ угрожающій всѣмъ германскій милитаризмъ.

Не случайно, конечно, оказались вмѣстѣ объединенными общей враждой къ Германіи—Франція, Англія, Россія—Франція не смотря на разницу своего общественно-политическаго уклада съ Россіей, Англія, кромѣ того, не смотря на противорѣчіе во многихъ отношеніяхъ своихъ интересовъ съ интересами Россіи.

Двѣ послѣдовательныя фазы прошелъ этотъ процессъ постепеннаго сплоченія Европы противъ Германіи.

Первая фаза, это былъ союзъ Франціи и Россіи. Разгромивши Францію, Германія держала ее подъ угрозой новаго разгрома. Реакціонная политика прусскаго юнкерства исключала возможность соглашенія съ Франціей, а союзъ Германіи съ Австріей сталъ угрозой и для Россіи. Это привело къ сближенію Россію и Францію.

Вторая фаза сплоченія Европы началась съ рѣзкаго столкновенія интересовъ Германіи и Англіи въ началѣ 900-хъ гг., когда Германія достигла огромнаго политическаго вліянія въ Турціи, и, вытѣснивши оттуда вліяніе Англіи, угрожала ея экономическимъ интересамъ багдадской дорогой.

Отъ этого столкновенія интересовъ тянется несомнѣнно прямая нить къ настоящей войнѣ, потому что угрожающее по-

ложеніе, которое Германія тогда заняла по отношенію къ Англіи, привело къ сплоченію Англіи съ Франціей и Россіей.

Это столкновеніе интересовъ Германіи и Англіи отнюдь не исключало возможности соглашенія между ними. Соглашеніе было возможно и вся парадоксальность настоящей войны заключается въ томъ, что именно у двухъ странъ съ наиболѣе противорѣчащими интересами, у Германіи и Англіи, соглашеніе по самому спорному для нихъ вопросу—о багдадской дорогѣ—дѣйствительно состоялась въ 1911—1912 г.г. За нѣкоторыя важныя компенсаціи Германія пошла на уступки Англіи. Послѣ этого отношенія между Германіей и Англіей значительно улучшились. Во время послѣднихъ балканскихъ войнъ Германія и Англія дѣйствовали даже съ большой солидарностью и обюдными усиліями тушили противорѣчія, возникавшія во время этихъ войнъ между другими державами. Послѣ этого сближеніе между Англіей и Германіей продолжалось, отношенія становились все болѣе тѣсными. Вмѣстѣ съ этимъ, казалось, исчезала главная основа для войны, уничтожалось главное препятствіе для европейскаго мира.

И тѣмъ на менѣе война возникла. Міровой пожаръ зажгла союзница Германіи, Австрія.

Когда Германія начала вести активную политику на Балканахъ, потребность ея въ поддержкѣ Австріи усилилась, но вмѣстѣ съ тѣмъ усилилась и агрессивность Австріи. Австрія вообще черпала свою агрессивность отъ тѣснаго союза съ Германіей. Агрессивность Германіи питалась господствомъ прусскаго юнкерства, этой своего рода военной касты, для которой война и приготовленія къ ней являются ремесломъ. Но агрессивность Германіи питалась въ то же время и избыткомъ экономическихъ силъ, ищущихъ себѣ приложенія, питалась колоссальнымъ развитіемъ производительныхъ силъ и возможностью на почвѣ этого развитія развивать до крайнихъ предѣловъ военное могущество. Этихъ экономическихъ источниковъ агрессивности въ Австріи не было, она до послѣдняго времени была въ своемъ цѣломъ отсталой страной съ слабымъ развитіемъ производительныхъ силъ. И общее съ Германіей у нея было только то, что также какъ въ Германіи въ ней была вліятельная военная клика, которая также какъ въ Германіи могла дѣйствовать при помощи безотвѣтственной дипломатіи. При своей экономической отсталости и при своемъ крайне разноплеменномъ характерѣ Австро-Венгрія безъ Германіи не могла бы играть въ Европѣ никакой роли, а, чувствуя за собой могущественную союзницу, она при господствѣ у себя военной клики пріобрѣтала крайнюю агрессивность.

Союзъ Германіи съ Австріей начался съ того, что при посредствѣ Германіи Австрія завладѣла на Балканахъ Босніей и Герцеговиной и этимъ создала уже источникъ развивающихся противорѣчій на Балканахъ. Дальнѣйшее развитіе балканской политики привело Австро-Венгрію къ рѣзкому антагонизму съ Сербіей. Австро-Венгрія держала Сербію въ экономическомъ рабствѣ. Своей таможенной политикой она тормозила вывозъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ изъ Сербіи, такъ какъ сербскіе крестьяне были конкуррентами австрійскихъ землевладѣльцевъ. Вызывая къ себѣ вражду со стороны Сербіи, она въ тоже время

сама испытывала постоянныя опасенія передъ ней благодаря наличности у себя нѣсколькихъ милліоновъ сербскихъ подданныхъ и благодаря тому, что Сербія находила поддержку у Россіи. Тутъ былъ непрерывный источникъ противорѣчій, который постоянно грозилъ войной.

Когда Германія столкнулась на Балканахъ съ Англіей, союзъ съ Австро-Венгріей для нея пріобрѣталъ, повидимому новую цѣнность. Но только повидимому. Тѣсный союзъ съ Австріей дѣлалъ для Германіи невозможной близость съ Россіей, но именно поэтому при агрессивной политикѣ Германіи по отношенію къ Англіи стало не только возможнымъ, но даже неизбѣжнымъ, сближеніе Англіи съ Россіей. Все значеніе, союза съ Австріей для Германіи при такихъ условіяхъ уничтожилось, такъ какъ Россія для Англіи была болѣе могущественнымъ союзникомъ, чѣмъ Австрія для Германіи.

Рядомъ съ этимъ союзомъ Германіи съ Австріей ослаблялся ея союзъ съ Италіей. Съ Италіей у Германіи не было никакихъ противорѣчій интересовъ, а у Италіи съ Австріей были противорѣчія и непримиримыя. Италія стремилась къ расширенію своего берега на Адріатическомъ морѣ, она прежде всего хотѣла возсоединиться съ коренными итальянскими землями, находящимися во владѣніи Австріи, затѣмъ она имѣла виды на Албанію, которую Австрія считала своей законной добычей.

Мы видимъ такимъ образомъ, что когда отношенія у Германіи съ Англіей начали обостряться, та политическая группировка, на которую опиралась Германія, оказалась никуда негодной. Достаточно было энергичной работы англійской дипломатіи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, чтобы политическое положеніе Германіи въ Европѣ ослабить въ сильнѣйшей степени. Англія показала свои зубы Германіи, оказавши энергичную поддержку Франціи въ марокскомъ вопросѣ и принудивши этимъ Германію къ отступленію. Затѣмъ англійская дипломатія вмѣстѣ съ французской добились большого сближенія своихъ странъ съ Италіей. Это сближеніе упрочилось послѣ триполитанской войны, которую Италія предприняла при содѣйствіи англійской и французской дипломатіи, съ сильнѣйшимъ ущербомъ для Германіи, такъ какъ триполитанскій походъ поколебалъ въ Турціи положеніе младотурокъ и убилъ на время вліяніе тамъ Германіи.

Этими расчитаннымн дѣйствіями англійская дипломатія въ сущности убила гегемонію Германіи въ Европѣ. Тройственный союзъ, на который опиралась эта гегемонія, оказался фикціей. На Италію Германія полагаться не могла. Реальностью былъ только двойственный союзъ Германіи съ Австро—Венгріей. Но этотъ дѣйственный союзъ былъ замѣтно слабѣе новаго намѣчающагося тройственнаго союза—Россіи, Франціи и Англіи. Если бы этотъ союзъ сталъ фактомъ, гегемонія Германіи въ Европѣ явно была бы убита. Необходимо было помѣшать ему. Это было возможно только однимъ изъ двухъ способовъ: или путемъ тѣснаго сближенія съ Франціей и Россіей для борьбы съ Англіей, или путемъ сближенія съ Англіей.

Первый путь означалъ бы полный переворотъ въ международной политикѣ Германіи. Онъ могъ бы быть купленъ только разрывомъ союза съ Австріей. Это было бы открытое признаніе

крушенія гегемоніи Германіи въ Европѣ и капитуляція передъ Россіей и Франціей.

На это Германія неспособна была пойти.

Оставался поэтому второй путь—соглашеніе съ Англіей.

На этотъ путь Германія и вступила. Соглашеніемъ съ Англіей опасность враждебнаго Германіи тройственнаго союза—Англіи, Россіи и Франціи устранялась.

Но новые жизненные соки въ пошатнувшуюся гегемонію Германіи этимъ все таки не вливались. Вступивши въ соглашеніе съ Германіей, Англія сохранила и тройственное согласіе. Не смотря на настоянія Германской дипломатіи, она отказывалась рвать тѣ нити, которыя связали ее съ Франціей и Россіей.

Политика прусскаго юнкерства, руководившая Германіей со времени войны съ Франціей, терпѣла явное банкротство. Тройственный союзъ оказался плохимъ фундаментомъ для гегемоніи Германіи, и въ то же время союзомъ Франціи и Россіи, вызваннымъ къ жизни политикой прусскаго юнкерства, была отнята у Германіи свобода группировокъ, та свобода, которую всегда себѣ оставляла Англія и выгодами которой она теперь пользовалась противъ Германіи.

Интересы страны требовали при такихъ условіяхъ отъ германскаго правительства признать фикцію фикціей, гегемонію Германію исчезнувшей, признать, если не словами, то дѣйствіями.

Союзъ съ Австріей необходимо было если не разорвать, то фактически свести на нѣтъ, сдѣлавши свою политику независимой отъ политики Австріи, такъ какъ союзъ съ Австріей грозилъ Германіи величайшими опасностями. Политикой мира и соглашеній Германія могла бы проложить дорогу къ новымъ группировкамъ державъ въ Европѣ, которыя отвѣчали бы экономическимъ интересамъ страны и надъ которыми не тяготѣли бы реакціонныя традиціи.

И казалось Германія вступала на новый путь. Во время послѣдней балканской войны агрессивная политика Австріи встрѣтила явный отпоръ са стороны Германіи, дѣйствовавшей тогда салидарно съ Англіей. Германія какъ будто вступала въ новую фазу развитія.

Но нѣтъ, мертвый схватилъ живого. Историческое прошлое, тяготѣвшее надъ Германіей, лишило значенія ея сближеніе съ Англіей.

Гегемоніей Германіи, ея господствомъ, преобладаніемъ въ Европѣ было отравлено сознаніе значительныхъ слоевъ германскаго народа, господствующихъ классовъ его во всякомъ случаѣ. Мѣнять политику было при такихъ условіяхъ трудно, да германское правительство къ этому меньше всего было склонно.

Какъ видно изъ заявленій Асквита, Германія, завязывая дружественныя отношенія съ Англіей, добивалась отъ нея обѣщанія нейтралитета въ случаѣ возникновенія войны между Германіей и другими державами и при томъ нейтралитета безусловнаго, а не въ случаѣ только нападенія на Германію, на что шла Англія; Германская дипломатія такимъ образомъ явно готовилась къ войнѣ.

И поводъ къ войнѣ скоро представился. Наступленіе повела опять Австрія, и Германія на этотъ разъ съ самого начала ее поддержала.

Ультиматумъ предъявленный Австро-Венгріей Сербіи былъ явно расчитанъ на отказъ его выполнить.

Принявши его, Сербія отказалась бы фактически отъ своей политической самостоятельности. Австро-Венгрія обнаруживала явное желаніе проглотить Сербію. Въ то же время этотъ ультиматумъ былъ несомнѣннымъ вызовомъ по адресу Россіи. Усиленіе Сербіи на Балканахъ произошло при поддержкѣ Россіи. Прочное вліяніе Россія пріобрѣла на Балканахъ только въ Сербіи и Греціи. Болгарія и Турція относились къ ней враждебно, настроеніе Румыніи колебалось. Присоединеніе Сербіи къ Австріи привело бы къ полному крушенію всякаго вліянія Россіи на Балканахъ.

Ультиматумъ, предъявленный Сербіи, такимъ образомъ былъ попыткой рѣзко измѣнить равновѣсіе на Балканахъ въ интересахъ Германіи и Австріи и тѣмъ самымъ зажигалъ міровой пожаръ. Объ этомъ важномъ шагѣ Австріи германская дипломатія, конечно, было заранѣе освѣдомлена. На такой важный шагъ австрійское правительство не пошло бы само, не будучи увѣрено въ содѣйствіи Германіи.

Въ отвѣтѣ своемъ Сербія проявила крайнюю уступчивость. Немного, совсѣмъ немного оставила себѣ Сербія для сохраненія своего достоинства, какъ самостаятельной державы. Если бы германская дипломатія стремилась къ миру, она могла бы настоять на томъ, чтобы австрійская дипломатія признала этотъ отвѣтъ основой для переговоровъ. Но этого не было сдѣлано. Австрія объявила Сербіи войну, Россія отвѣтила на это мобилизаціей.

Переговоры все таки велись. Австрія даже начала колебаться. Но колебанія были уничтожены судорожнымъ движеніемъ Германской дипломатіи. Германское правительство потребовало отъ Россіи прекращенія мобилизаціи въ теченіе 12 часовъ и по истеченіи этого срока объявила Россіи войну.

Всѣ эти факты имѣютъ такой ясный, неоспоримый смыслъ, что слѣпота общественаго мнѣнія Германіи, настаивающаго на томъ, что на Германію напали, дѣлается прямо поразительной.

Прямо непостижимо, какимъ образомъ за такими актами, какъ австрійскій ультиматумъ и объявленіе Австріей войны Сербіи, германское общественное мнѣніе не разглядѣло дѣйствій германской дипломатіи. А оно очевидно не разглядѣло ихъ.

Германская дипломатія, поддерживая австрійскую, вела свою страну къ войнѣ, а германское общественное мнѣніе не видѣло этой работы. Оно увидѣло, очевидно, только ея результатъ —мобилизующуюся и передвигающую свои войска Россію—который и свалился ему совершенно неожиданно на голову. При такихъ условіяхъ германскому правительству легко было ввести въ заблужденіе общественное мнѣніе страны, представивши дѣло такъ, какъ будто на Германію напали.

Полная непривычка населенія разбираться во внѣшней политикѣ своего правительства и какое то слѣпое довѣріе его къ этой политикѣ сказались тутъ со всей силой.

Германское правительство получило благодаря этому единый, сплоченный народъ, и это было бы огромнымъ факторомъ упѣха, еслибы успѣхъ при сложившихся обстоятельствахъ для Германіи былъ вообще возможенъ.

Полная несостоятельность безотвѣтственнаго правительства Германіи проявилась тутъ въ томъ, что оно рѣшилось повести страну на войну, не подготовивши предварительно никакихъ условій для того, чтобы Германія одержала побѣду. Оно не заручилось въ этой войнѣ содѣйствіемъ Италіи. Германская и австрійская дипломатія дѣйствовали безъ всякаго соглашенія съ итальянской. Онѣ надѣялись очевидно вовлечь Италію въ войну, поставивши ее передъ совершившимся фактомъ. Надежды ихъ были обмануты.

Не обезпечивши себѣ содѣйствія Италіи, германское правительство не обезпечило себѣ и нейтралитета Англіи. На этотъ нейтралитетъ германская дипломатія имѣла мало основаній надѣяться, такъ какъ пораженіе Россіи и Франціи было бы косвенно и пораженіемъ Англіи, ослабивши ея политической положеніе въ Европѣ.

Но дипломатія въ Англіи находится подъ контролемъ общественнаго мнѣнія, а общественное мнѣніе Англіи неохотно шло на войну. Тутъ сказалось рѣзкое различіе между Германіей и Англіей. Въ то время какъ военная партія Германіи вели свою страну на войну, не останавливаясь ни передъ какимъ препятствіями, для англійской буржуазіи участіе въ европейской войнѣ было крайнимъ средствомъ, на которое можно было рѣшаться только тогда, когда всѣ другіе пути для защиты своихъ интересовъ отрѣзаны. Участіе Англіи въ разгорающейся войнѣ сулило ей почти вѣрный успѣхъ и огромныя выгоды и тѣмъ не менѣе англійская дипломатія употребляла всѣ усилія, чтобы сохранить миръ съ Германіей. Переговоры о сохраненіи нейтралитета были прерваны Англіей только послѣ вторженія нѣмецкихъ войскъ въ Бельгію, угрожающаго Англіи близкимъ сосѣдствомъ Германіи. Прусское юнкерство вело такимъ образомъ свою страну на войну при самыхъ неблагопріятныхъ для нея условіяхъ. Отчаяннымъ усиліемъ оно какъ бы пыталось возстановить и упрочить пошатнувшуюся гегемонію Германіи въ Европѣ.

И Европа возстала, чтобы предовратить эту возможность, чтобы раздѣлаться, разъ на всегда съ гегемоніей Германіи которая держала ее въ атмосферѣ постояннаго страха передъ надвигающейся войной и вызывала въ ней бѣшеную скачку вооруженій.

Прусское юнкерство поставило послѣднюю ставку и оно проиграетъ эту ставку. Оно приведетъ свою страну къ пораженію, но это пораженіе будетъ и его пораженіемъ.

Н. Череванинъ.

Жанъ Жоресъ.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Жоресъ представлялъ собой одну изъ самыхъ крупныхъ и выпуклыхъ фигуръ среди дѣятелей современнаго соціалистическаго движенія. Блестящій ораторъ . . . . . народный трибунъ въ полномъ смыслѣ этого слова; талантливый публицистъ; ученый, обладающій огромной и разносторонней эрудиціей; чуткій политикъ и парламентскій дѣятель съ широкимъ кругозоромъ, Жоресъ былъ любимымъ вождемъ французскихъ рабочихъ, яркимъ выразителемъ ихъ стремленій и настроеній. . . . . и горѣвшій въ Жоресѣ неугасимый огонь энтузіазма нерѣдко уводили его за предѣлы классовой тактики, основамъ которой онъ оставался вѣренъ всю свою жизнь. Но и самыя ошибки Жореса, какъ бы велики они ни были, были ошибками большого человѣка, искренно и беззавѣтно преданнаго интересамъ трудящихся; его здоровый инстинктъ и широкій умъ всегда выводили его, послѣ нѣкоторыхъ блужданій, на правильный путь.

Когда въ концѣ 90-хъ гг. французской республикѣ грозила серьезная опасность отъ покушеній ополчившихся на нее клерикаловъ, націоналистовъ и монархистовъ разныхъ категорій, Жоресъ понялъ раньше другихъ соціалистовъ необходимость для рабочаго класса встать въ первые ряды защитниковъ демократіи и республики. И развитой имъ энергичной дѣятельностью въ связи съ дѣломъ Дрейфуса, вокругъ котораго разыгрались націоналистическія страсти, онъ вписалъ блестящія страницы въ книгу французской исторіи, вставъ во главѣ общедемократическаго движенія „дрейфусаровъ“ и увлекши за собой значительную часть французскихъ рабочихъ. Но, увлеченный идеей спасенія республики пролетаріатомъ, Жоресъ проглядѣлъ опасную сторону рекомендуемой имъ въ то время ради достиженія цѣли спасенія республики тактики сглаживанія противорѣчій между пролетаріатомъ и буржуазной демократіей, вплоть до вступленія соціалиста въ буржуазное министерство. Въ своемъ порывѣ онъ не видѣлъ, что эта тактика ведетъ въ дѣйствительности къ политическому и идейному подчиненію рабочаго класса буржуазіи.

Впослѣдствіи Жоресъ искренно призналъ допущенную имъ въ

это время ошибку. Это искренность рѣзко отличала его всегда отъ людей типа Бріана, Мильерана и нынѣшняго главы французскаго кабинета Вивіани, которые, подъ прикрытіемъ безупречнаго имени Жореса, подъ флагомъ его тактики и идей, сдѣлали себѣ политическую карьеру. Въ надлежащій моментъ, пріобрѣвъ себѣ популярность, они стали „по ту сторону баррикады", повернувшись спиной къ массамъ, которыя выдвинули ихъ на передовые посты. Жоресъ же, болѣе блестящій и даровитый, чѣмъ они, который могъ бы безъ труда добиться министерскаго портфеля и даже получить постъ президента республики, если бы рѣшился уйти въ станъ „ликующихъ, обагряющихъ руки въ крови", предпочелъ остаться въ станѣ гонимыхъ и отверженныхъ, „погибающихъ за великое дѣло любви". И онъ погибъ, борясь за это великое дѣло.

Въ настоящее время, когда Франціи, которую покойный борецъ такъ горячо любилъ, и ея свободнымъ учрежденіямъ грозитъ еще большая опасность, чѣмъ угрожала во время дѣла Дрейфуса, когда друзья Жореса ради защиты Франціи вступили въ правительство національной обороны—Жоресу предстояло сыграть крупную роль. Будь онъ живъ, онъ безспорно засѣдалъ бы вмѣстѣ со своимъ постояннымъ антагонистомъ въ вопросахъ тактики—Жюлемъ Гэдомъ—въ правительствѣ въ качествѣ „делегатовъ пролетаріата" и вмѣстѣ съ нимъ защищалъ бы интересы демократіи и рабочаго класса.

Но судьба судила иное. Жоресъ былъ убитъ на той стадіи съ быстротой молніи развертывавшихся событій, когда соціалисты были очень далеки отъ мысли о вступленіи въ правительство, когда всѣ ихъ помыслы были направлены на то, чтобы не допустить войны.

Жоресъ погибъ при наступленіи поворотнаго пункта во французской и міровой исторіи. Съ его смертью закончилась цѣлая полоса въ развитіи рабочаго движенія, въ исторіи которой онъ по праву займетъ видное мѣсто среди тѣхъ, кто душу свою и жизнь съумѣлъ положить за „други своя".

Ж. Жоресъ родился въ 1859 году и по окончаніи университета и кратковременнаго преподаванія въ средней школѣ, сталъ профессоромъ философіи въ Тулузскомъ университетѣ. Но онъ бросилъ открывавшуюся передъ нимъ карьеру ученаго ради политической дѣятельности. Въ нее онъ вступилъ въ качествѣ политическаго радикала, хотя уже въ концѣ 80-хъ гг. высказывалъ симпатіи къ соціализму; какъ радикалъ онъ былъ избранъ въ это время въ парламентъ. Въ началѣ 90-хъ гг. подъ вліяніемъ обостренія рабочаго движенія и репрессій, которымъ подвергались въ эту пору рабочія стачки (напр. извѣстная стачка въ Кармо), Жоресъ превращается въ убѣжденнаго соціалиста и подъ соціалистическимъ знаменемъ въ 1893 году избирается въ парламентъ. Въ парламентѣ Жоресъ сразу же занялъ

выдающееся положеніе, какъ первокласный ораторъ и крупный политическій дѣятель.

Въ концѣ 90-хъ гг. соціалистическая партія въ связи съ дѣломъ Дрейфуса раскололась на двѣ фракціи вслѣдствіе разногласій по вопросамъ тактики. Жоресъ становится во главѣ оппортунистической „Французской соціалистической партіи", выступавшей за отодвиганіе классовыхъ задачъ во имя интересовъ демократіи и республики, за участіе соціалистовъ въ министерствѣ и т. д. Въ противоположность этой фракціи, Гэдъ, Лафаргъ и Вальянъ образовали непримиримую „Соціалистическую партіи Франціи", стоявшую на послѣдовательной классовой точкѣ зрѣнія. Въ это время Жоресъ талантливо редактируетъ газету „La petite republique" (маленькая республика). Въ этотъ періодъ Жоресъ выступаетъ съ блескомъ на международныхъ социалистическихъ конгрессахъ въ Парижѣ (1900 г.) и Амстердамѣ (1904 г.), на которыхъ горячо защищаетъ взгляды оппортунистическаго соціализма и, хотя и терпитъ пораженіе, но производитъ своими яркими и убѣжденными рѣчами сильное впечатлѣніе даже на своихъ противниковъ.

Съ начала новаго столѣтія тактика, защищавшаяся Жоресомъ, терпитъ явные крушеніе: вступившій въ буржуазное правительство соціалистъ Мильеранъ измѣняетъ своей партіи; въ рабочихъ массахъ, подъ вліяніемъ разочарованія въ парламентской дѣятельности, наблюдается увлеченіе враждебнымъ парламентаризму синдикализмомъ. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ обѣ фракціи, несмотря на разногласія, начали стремиться къ объединенію. Жоресъ горячо высказывается за объединеніе. Послѣднее состоялось въ 1904 г. при посредствѣ международнаго соціалистическаго бюро, на основѣ принципа классовой борьбы и признанія непримиримости классовыхъ противорѣчій. Жоресъ подчинился принятому рѣшенію и постановленіямъ международнаго амстердамскаго конгресса, осудившему тактику, которой до того слѣдовалъ Жоресъ.

Въ объединенной партіи Жоресъ развернулъ снова всѣ свои блестящія способности. Онъ былъ назначенъ главнымъ редакторомъ центральнаго партійнаго органа L'„Humanite" (Человѣчество), который онъ редактировалъ раньше въ качествѣ частнаго предпріятія. Газета эта велась Жоресомъ талантливо и умѣло, и изъ году въ годъ увеличивалась въ тиражѣ: передъ войной послѣдній доходилъ до 100 тыс. экземпляровъ. Одновременно съ этимъ Жоресъ выступалъ по наиболѣе отвѣтственнымъ вопросамъ какъ ораторъ парламентской фракціи партіи и каждое его выступленіе въ парламентѣ было большимъ событіемъ; на всѣхъ важнѣйшихъ рабочихъ и народныхъ митингахъ Жоресъ былъ наиболѣе любимымъ и вліятельнымъ ораторомъ.

Внутри партіи Жоресъ отстаивалъ необходимость считаться съ настроеніемъ рабочихъ массъ, организованныхъ въ профессіональные союзы и враждебно относящихся, подъ вліяніемъ синдикалистской аги-

тації къ партіи, и рѣзко выступалъ противъ искусственнаго навязыванія союзамъ партійныхъ принциповъ, что отстаивали другіе вожди соціалистовъ. Въ значительной мѣрѣ благодаря усиліямъ Жореса въ этомъ направленіи и его такту, рознь между партіей и союзами въ послѣдніе годы стала ослабѣвать [1]).

Жоресъ удѣлялъ много вниманія вопросамъ международной политики и содѣйствовалъ международному объединенію пролетаріата. Онъ былъ постояннымъ участникомъ международныхъ соціалистическихъ конгрессовъ и представителемъ своей партіи въ международномъ соціалистическомъ бюро. На базельскомъ конгрессѣ, созванномъ въ связи съ балканской войной, Жоресъ произнесъ въ защиту мира одну изъ своихъ лучшихъ рѣчей. Во время русско-японской войны Жоресъ выступилъ съ рядомъ блестящихъ статей, посвященныхъ внутреннему положенію Россіи. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Популярность Жореса выходила далеко за предѣлы рабочихъ массъ и товарищей по партіи. Въ парламентѣ даже его политическіе противники относились къ нему съ величайшимъ уваженіемъ. Это сказалось, когда въ этомъ году при разслѣдованіи одного темнаго дѣла (Рошетта), въ которомъ оказались замѣшаны многіе министры, Жоресъ единодушно былъ избранъ парламентомъ предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи. Одно имя Жореса было залогомъ безпристрастія и добросовѣстности разслѣдованія. Уваженіе къ Жоресу даже тѣхъ, кто съ нимъ боролся, проявилось и послѣ его смерти: его похороны были похоронами великаго національнаго героя, почтить котораго пришли и президентъ—республики, и премьеръ—министръ, и высшіе сановники и вожди всѣхъ политическихъ партій.

Отдавая главныя силы политикѣ и публицистикѣ, Жоресъ успѣвалъ, благодаря своей невѣроятной работоспособности, удѣлять вниманіе и наукѣ. Составленная имъ четырехтомная исторія великой французской революціи 1789—1793 гг. представляетъ собой цѣнный вкладъ въ исторію этой героической эпохи. Написанная съ большимъ подъемомъ и чрезвычайно картинно, эта работа мѣстами проникнута марксистскимъ духомъ, хотя авторъ ея никогда не былъ марксистомъ и скорѣе можетъ быть названъ по своему міровоззрѣнію идеалистомъ. Изъ другихъ крупныхъ литературныхъ работъ Жореса слѣдуетъ еще указать книгу о франко-прусской войнѣ, его трудъ по вопросу о „новой арміи“ и розоруженіи, рядъ статей по аграрному вопросу и т. д.

Жоресъ умеръ 55 лѣтъ отъ роду.

В. Л—ій.

[1]) Жоресъ высоко цѣнилъ также значеніе кооперації для рабочаго класса и приложилъ много энергіи для созданія замѣчательнаго кооперативнаго стекляннагозаводовъ въ Альби (въ 90-хъ гг.),

Кооперація и война.

I.

Во всѣхъ странахъ кооперація за послѣдніе годы является поборницей мира И это было опредѣленно формулировано на Глазговскомъ международномъ конгрессѣ кооператоровъ.

И какъ безсильной остановить надвигавшуюся волну оказались демонстраціи международной соціалъдемократіи, такъ не смогли ничего сдѣлать и всевозможныя резолюціи международной кооперації.

Такимъ образомъ, кооперативы стали предъ фактомъ войны. Первые дни послѣ ея объявленія въ кооперативномъ мірѣ обнаружилась паника какъ у насъ, такъ и заграницей. Германскіе и австрійскіе кооперативные органы передаютъ, что вездѣ, напр., члены потребительныхъ о-въ бросились въ свои лавки закупать товаръ въ большихъ количествахъ, многіе требовали свои вклады. Правленія кооперативовъ выпустили воззваніе, прося успокоиться и постановили не продавать въ однѣ руки больше опредѣленнаго количества. А австрійскіе кооперативы примѣнили дажо мораторіумъ по отношенію къ вкладамъ. Не избѣгла паники и Англійская кооперація: и тамъ члены спѣшили запастись товаромъ и тамъ были приняты противъ этого мѣры.

Во Франціи товары въ потребительныхъ лавкахъ такъ быстро раскупали, что пришлось на время прикрыть много лавокъ.

Что касается Россіи, то и здѣсь мы наблюдаемъ тѣ же явленія. Во многихъ потребительныхъ о-вахъ члены стали требовать паи и спѣшили запасаться товарами. Въ кредитныхъ кооперативахъ начали требовать вклады, толпами осаждая товарищества и т. п.

Но эта паника, обнаружившая, что чувство солидарности уступило мѣсто чувству эгоизма въ самый нужный моментъ, быстро улеглась.

И потрясенный организмъ сталъ оправляться и приспособляться.

Нельзя сказать, что наша кооперація не потерпѣла и не потерпитъ ущерба отъ войны. Достаточно привести хотя бы такой фактъ. Въ главное управл. землед. и землеустройства поступилъ рядъ жалобъ кооперативовъ Эстляндской, Курляндской и Лифляндской губерній, что съ воспрещеніемъ вывоза изъ этого края продуктовъ, бездѣйствуетъ до 400 кооперат. маслодѣльныхъ заводовъ. И все же надо констатировать, что тамъ, гдѣ есть кооперативные союзы, кризисъ почти пережитъ. Объ этомъ говорятъ собщеніи съ мѣстъ, это ясно звучало въ рѣчахъ всѣхъ ораторовъ на совѣщаніи представителей крупнѣйшихъ кооперативныхъ центровъ, состоявшемся въ Москвѣ 31 авг. при Моск. комитетѣ о сельскихъ ссудосберегательныхъ товариществахъ.

Какъ разрѣшался кризисъ, видно хотя бы изъ рѣчей делегатовъ совѣщанія. Такъ, напр., представитель Кіевскаго Кредитнаго Союза заявилъ, что „къ 21 іюля началась паника; вкладчики перетрусили. У насъ явилось 200 членовъ требовать свои вклады и не было возможности удовлетворить ихъ. Я обратился къ нимъ съ рѣчью, убѣждая не брать вкладовъ. Это подѣйствовало. Государств. Банкъ согласился удовлетворить нашу просьбу о кредитѣ въ 50000 р. Это сразу облегчило наше положеніе. Мы начали выдавать полностью вклады. и тотчасъ же требованія сократились, а затѣмъ начался новый притокъ вкладовъ. Во многихъ кооперативахъ забрали всѣхъ членовъ правленія. Созывались общія собранія и избирались новые члены. Когда наше положеніе упрочилось, мы обратились къ интеданству съ просьбой передать намъ нѣкоторыя поставки. Намъ заказали 400,000 п. ржи, 300,000 п. ячменя и т. д.

Представитель Вологодскаго о-ва сел.-хоз. указалъ, что несмотря на два бѣдствія, которымъ подверглась губернія,— войну и неурожай— о-во вышло изъ кризиса. На помощь пришло Министерство, понизивъ тарифы по перевозкѣ корма и давъ ссуду. Земство, согласилось вести продовольственную кампанію чрезъ кооперативы. Когда была объявлена мобилизація, гов. представитель Масловъ,, мы были затруднены въ сбытѣ масла въ смыслѣ его отправки, Теперь перевозка наладилась. Самымъ труднымъ временемъ было прекращеніе кредита Банками. Мы немедленно послали въ Петроградъ хлопотать и Госуд. Банкъ открылъ кредитъ подъ масло. Въ Петроградѣ выяснилась возможность поставки скота на армію.

Мы видимъ, что кооперативы выходили изъ кризиса благодаря тому, что получали помощь отъ Государственнаго Банка и переходили къ поставкамъ на армію. Помимо Банка на помощь кооперативамъ пришли многія земства—Московское, Тверское, Вятское, Кіевское, Тульское, Уфимское, Харьковское и др.

Наконецъ, на помощь кооперативамъ пришли сами члены, а на помощь союзамъ кооперативовъ—кооперативы.

Московскій союзъ Потр. О-въ сравнительно легко перенесъ кризисъ, такъ какъ его матеріально поддержали союзныя о-ва.

Въ Архангел. губ. имѣлъ мѣсто такой фактъ. 15 о-въ объединилось въ товарищество кооперативовъ Арханг. губ. Оно начало свои дѣйствія и успѣшно боролось съ конкурентами. Общество сдѣлало оборотъ въ 45000 р. Объявленіе войны сильно отразилось на о-вѣ, такъ какъ всѣ фирмы отказали въ кредитѣ. О-во чуть не закрылось, но союзныя о-ва напрягли свои силы и собрали нѣсколько тысячъ денегъ для Союза. И послѣдній снова зажилъ. Было много и курьезовъ со спасеніемъ кооперативовъ. Такъ, напр. уманскій исправникъ вывѣсилъ такое объявленіе: „Мною получены свѣдѣнія, что професс. воры, узнавъ что частныя лица требуютъ изъ кредитныхъ товариществъ вклады, рѣшили соединиться въ шайку для совершенія кражъ денегъ, хранящихся въ квартирахъ частныхъ лицъ и т. д. обогатиться за счетъ неосновательно растерявшихся владѣльцевъ вкладовъ. Поручаю приставамъ принять мѣры къ раскрытію шайки и недопущенію массовыхъ кражъ“.

По словамъ „Кооперативной жизни“ это объявленіе подѣйствовало весьма благотворно.

Укажемъ еще, что пережить кризисъ помогло и запрещеніе торговли виномъ.

Словомъ, такъ или иначе, кооперативы, объединенные въ союзы, перенесли кризисъ сравнительно благополучно и продолжаютъ развиваться. Нельзя сказать этого о кооперативахъ, не объединенныхъ въ союзы. Численный ростъ кооперацiи не пріостановился, хотя, вѣроятно, идетъ не въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ онъ шелъ до войны.

Нѣкоторые виды кооперацiи особенно развиваются сейчасъ, какъ напр., трудовыя артели. Въ Варшавѣ и др. польскихъ городахъ открыли много кооперативныхъ хлѣбопекаренъ.

Война перемѣстила центръ вниманія кооперативовъ и послѣдніе, съ одной стороны, устремили свои взоры на благотворительность, а съ другой стороны, на организацію сбыта. И всѣ кооперативные центры сосредоточили вниманіе именно на этихъ двухъ сторонахъ дѣятельности кооперативовъ.

II.

Съ объявленіемъ войны мы видимъ необычайное оживленіе въ кооперативныхъ центрахъ. Одно собраніе слѣдуетъ за другимъ, вырабатываются мѣры, пишутся воззванія къ кооперативамъ.

Ко всѣмъ кооперативамъ были разосланы воззванія Московскаго Комитета о сельскихъ ссуд. и промышл. товар., Петроградскаго его Отдѣленія и объединенное воззваніе Моск. Союза Потр. О-въ, Моск. Народ. Банка и Моск. Комитета о сел. ссуд. и пром. тов. Кромѣ того, всѣ Союзы выпустили воззванія къ своимъ паствамъ.

Первый вопросъ. который всталъ предъ центромъ, это вопросъ о спасеніи кооперацiи отъ надвинувшейся войны. Надо было ослабить начавшуюся панику и указать рядъ мѣръ спасенія.

Но эта задача мало по малу разрослась. 30000 кооперативовъ съ 9 милліонами членовъ слишкомъ крупная хозяйственная величина, чтобъ она не играла роли во всей хозяйственной жизни Россіи. И такъ какъ война грозила полному разстройству хозяйственной жизни, то кооперативы выдвинулись, какъ ячейки, которыя могутъ ослабить это пагубное вліяніе войны для крестьянства. Но, чтобы эту роль могли сыграть кооперативы, необходимо дать имъ полную возможность объединяться въ Союзы. Въ силу этого, всѣ центры повели агитацію за союзное объединеніе. На этой же почвѣ выросла идея осуществить постановленіе 2 кооперативнаго съѣзда о созданіи всероссійскаго кооперативнаго центра—Совѣта Съѣздовъ.

Что касается ближайшей практической дѣятельности, то центры рекомендовали съ одной стороны: помощь семьямъ взятыхъ на войну, а съ другой стороны, дали лозунгъ: *поставка на армію*. Всѣмъ кооперативамъ рекомендовалось обратить вниманіе на новый рынокъ—армію. Въ виду этой цѣли рѣшено было ходатайствовать предъ Гл. Управленіемъ Земледѣлія и Землеустройства и взять на себя посредническую и инструкторскую роль.

Всѣ кооперотивные центры высказали надежду, что кооперація не только переживетъ кризисъ, но изъ войны выйдетъ укрѣпленной и роль ея еще болѣе усилится.

Первые порывы кооперативовъ сводились къ тому, чтобы оказать помощь семьямъ ушедшихъ на войну.

III.

Такъ какъ объявленіе войны совпало съ временемъ уборки полей, то быстрой волной прокатилась по всей Россіи идея *кооперативной* уборки полей. И кооперативы всѣхъ видовъ приняли въ этомъ живое участіе. Выразилось это въ томъ, что съ объявленіемъ войны, цѣлый рядъ кооперативовъ (Екатеринбургскій, Мелитопольскій, Кіевскій, Кубанскій союзы и др.) обратились къ населенію съ воззваніемъ, приглашавшимъ принять самое дѣятельное участіе въ выполненіи полевыхъ работъ для семей ушедшихъ на войну. Товариществамъ рекомендовалось пускать безплатно въ работу имѣющіяся у нихъ с.-х. машины и орудія, нанимать лошадей для работъ, организовать помощь среди мѣстнаго населенія и т. д.

И дѣйствительно цѣлый рядъ кооперативовъ отозвался на это воззваніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кооперативы явились руководителями всей организаціи оказанія мірской помощи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ члены кооперативовъ сообща шли убирать поля ушедшихъ на войну. Въ нѣкоторыхъ покупали для этой цѣли с.-х. машины за свой счетъ.

Одной этой помощью кооперативы не ограничились. Огромное число кооперативовъ такъ или иначе организовало постоянныя денежныя выдачи семьямъ ушедшихъ на войну. Трудно подсчитать, насколько широко это движеніе, но въ кооперативныхъ журналахъ хроника пестритъ фактами этого рода. Кооперативные центры также организовали фонды для семей запасныхъ.

Моск. Союзъ Потреб. О-въ и Моск. Народ. Банкъ образовали такой фондъ, внеся сами по 10000 р.

Помощь кооперативы организовали разно: въ однихъ мѣстахъ образовались свои спеціальные *комитеты* по оказанію помощи семьямъ ушедшихъ на войну, въ другихъ мѣстахъ кооперативы дѣлали просто отчисленія и отдавали ихъ въ существующія организаціи.

Кооперативные журналы дали лозунгъ: организовать особыя комиссіи или входить представителямъ кооперативовъ въ попечительства и другія общественныя учрежденія. Совершенно справедливо указывалось,

что въ Россійской деревнѣ кооперативы—это тѣ ячейки, чрезъ которыя удобнѣе всего оказывать помощь населенію, такъ какъ онѣ близки къ нему и могутъ обслѣдовать степень нужды.

Къ сожалѣнію, нельзя учесть, насколько выразилась въ дѣйствительности связь общественныхъ организацій съ кооперативами въ дѣлѣ помощи семьямъ запасныхъ и насколько кооперативы сами организовали это дѣло. Любопытно, между прочимъ, что въ Бѣлоусовскомъ кредитн. т-вѣ Черниг. уѣзда въ учрежденную комиссію для оказанія помощи семьямъ, вошло по 2 представителя отъ каждаго поселка, входящаго въ районъ т-ва.

Мы не станемъ останавливаться на разныхъ другихъ видахъ помощи, оказываемыхъ кооперативами—на пожертвованія на раненыхъ, на учрежденіе своихъ коекъ въ лазаретахъ и т. п.

Какъ видно изъ сказаннаго, кооперативы шли въ унисонъ съ общимъ движеніемъ, охватившимъ такъ или иначе огромные круги россійскаго общества.

IV.

Одновременно съ филантропіей шло приспособленіе кооперативовъ къ новымъ условіямъ хозяйственной жизни.

Лозунгъ: *поставка на армію* особенно былъ использованъ. И рѣчь шла не только о самосохраненіи, но и о возможности увеличить свои доходы. Потребительная кооперація въ этомъ отношеніи не могла особенно проявить своей дѣятельности, однако и она обратилась къ этой дѣятельности, и Моск. Союзъ организуетъ сбытъ на армію. За то кредитные кооперативы всюду постарались расширить посредническую дѣятельность. Союзы кредитныхъ товариществъ вошли въ соглашенія съ интендантствомъ, Гл. Управ. Земледѣлія и Землеустройства и съ Кр. Крестомъ, и наряду съ другими взяли въ свои руки много поставокъ. На этой почвѣ произошли любопытныя явленія. Такъ Союзъ Сибирскихъ Маслодѣльныхъ Артелей взялъ поставку *сѣна* на армію. Кіевскій Союзъ Кред. т-въ началъ съ поставки хлѣба, потомъ перешелъ на фуражки, рукавицы, шинели и др. И т. д.

Увлеченіе поставками на армію превратило кооперативы въ подрядчиковъ арміи и на этой почвѣ отмѣчается среди конкуренціи и нѣкоторыя другія не желательныя явленія. Представитель Кіевскаго Союза Кред. Тов. на Московскомъ Совѣщаніи указывалъ, что „нѣкоторые кооперативы пытались сами превратиться въ скупщиковъ и доставлять Союзу перекупленный за безцѣнокъ хлѣбъ“.

Поставка на армію обнаружила очень скоро необходимость союзныхъ объединеній, такъ какъ только тамъ поставки легко удавались, гдѣ существуютъ Союзы. Такъ Кіевскій Союзъ Кред. т-въ взялъ какъ мы уже говорили, посредничество по поставкѣ интенданству хлѣба, скота, сапогъ и пр. Мелитопольскій союзъ—поставку хлѣба, Сибирскій Союзъ—нѣсколькихъ милліоновъ пудовъ сѣна, Моск. народн. Банкъ

поставку хлѣба и т. д. Напротивъ тамъ, гдѣ союзовъ нѣтъ, кооперативы оказывались безсильными, и это вызвало стремленіе къ объединенію...

V.

Одновременно съ матеріальными заботами кооперативы не забросили культурно-просвѣтительной работы. Правда, рядъ кооперативныхъ курсовъ, предположенныхъ до войны, былъ отмѣненъ, но въ то же время мы читаемъ въ каждомъ № газеты о культурно-просвѣтительныхъ начинаніяхъ. Такъ, въ Пермской губерніи Губернское земство, не смотря на переживаемое время, продолжаетъ осуществлять намѣченный планъ созданія кооперативныхъ народныхъ домовъ по губерніи, Какъ общее правило оно матеріальную поддержку на постройку дома оказываетъ лишь тогда, когда иниціатива постройки нар. дома идетъ съ мѣста и когда на мѣстахъ образуется какое-ниб. ядро. Обыкновенно при созданіи народнаго дома группируются всѣ кооперативы района. И это движеніе сейчасъ въ полномъ ходу. Въ с. Костинскомъ Ирб. уѣзда, въ с. Ерторскомъ Камыш. у. и др. идетъ дѣятельная работа по организаціи нар. домовъ. Въ д. Бордаковкѣ потребительное о-во превратило свою потребительную лавку въ клубъ. Повѣсило карту, выписало газету, которая читается вслухъ. Ежедневно собирается до 60 чел. народа. Во многихъ мѣстахъ устраиваются лекціи по кооперації. Вологод. О-во Сел. Хоз. рѣшило организовать зимой трехнедѣльные курсы по кооперації. Въ Костромской губ. въ началѣ ноября устраиваются курсы по кооперації и т. д.

VI.

Какъ же отнеслись власти къ кооперативному движенію, взволнованному войной и къ различнымъ пожеланіямъ кооперативныхъ центровъ.

Если въ началѣ власти отнеслись индифферентно къ кооперативамъ, то очень скоро это отношеніе измѣнилось.

Прежде всего Государственный Банкъ открылъ кооперативамъ кредитъ. Московскій Нар. банкъ, напр., получилъ 400000 р.

Съ рядомъ Союзовъ Главное Упр. Земледѣлія и Землеустройства заключило договоры о поставкахъ на армію. Оно охотно соглашалось открыть кредитъ и пр., лишь бы брали поставку.

Мало по малу кооперативы были признаны серьезными экономическими единицами, съ которыми можно было имѣть дѣло.

Меньшую поддержку нашли другія требованія кооперативовъ.

Всѣ кооперативные центры выдвинули, напр., вопросы о союзномъ строительствѣ, считая необходимымъ прежде всего немедленно утвердить тѣ 17 союзовъ кред. т-въ, о которыхъ давно уже поданы прошенія,

и другіе центр. союзы. Но до сихъ ничего не слышно объ утвержденіи этихъ союзовъ.

Московская депутація просила разрѣшенія у Управляющаго Мин. Земледѣлія и Землеустройства объ утвержденіи Совѣта съѣздовъ кооперативовъ, но ей было отказано.

VII.

Намъ остается еще сказать о дѣятельности рабочихъ кооперативовъ въ связи съ войной. Война на нихъ отразилась вначалѣ довольно сильно: ушло много дѣльныхъ работниковъ на войну и закрытъ былъ кредитъ. Особенно вредно отразилась война на о-вахъ, ведущихъ торговлю въ кредитъ. Нѣкоторыя о-ва принуждены были сократить свою работу. Но и рабочія о-ва постепенно вошли въ колею. Война также вызвала ихъ на обсужденіе вопроса, что дѣлать и, къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи еще мало сдѣлано. Моск. о-ва нашли, что наиболѣе существеннымъ является въ настоящій моментъ оказаніе помощи жертвамъ войны: раненымъ и семьямъ запасныхъ. На собраніи Моск. о-въ 1-го района рѣшено было съ этой цѣлью выпустить воззваніе; при этомъ указывалось, что половину собранныхъ суммъ необходимо выдѣлить на помощь безработнымъ—также жертвамъ войны; на совѣщаніи былъ поднятъ вопросъ, кому оказывать помощь: только ли членамъ кооперативовъ и союзовъ или всѣмъ нуждающимся рабочимъ. Рѣшено было послѣднее. Совѣщаніе организовало при Моск. Союзѣ особый фондъ пострадавшимъ отъ войны, постановило также, чтобы о-ва входили въ попечительства. При о-вѣ создана была особая комиссія по оказанію принять жертвамъ войны. Рабочій кооперативъ „Солидарность“ (Москва) постановилъ помощи самое широкое участіе личной работой во всѣхъ организаціяхъ, которыя вѣдаютъ помощью пострадавшимъ отъ войны, помогаютъ попечительствамъ, содѣйствовать широкому толкованію понятія „жертвъ войны“, включая сюда и тѣхъ, кто лишился работы вслѣдствіе закрытія границъ и сокращенія производства. О-во постановило принять участіе въ предполагаемомъ совѣщаніи кооперативовъ Россіи и проводить тамъ позицію рабочихъ кооперативовъ. Кооперативъ „Солидарность“ ужо работаетъ въ трехъ попечительствахъ. Въ Ростовѣ на Дону рабочее п-ное о-во объединилось съ професс. союзами и больничными кассами на почвѣ оказанія помощи пострав-шимъ отъ войны, гл. обр. оставшимся по случаю войны безъ работы. Съ этой цѣлью образована спеціальная о бъединительная комиссія. Рабочее о-во „Дружба“ (въ с. Богородскомъ) постановило внести 20р. въ фондъ жертвамъ войны, организованный при Москов. Союзѣ, выдавать семьямъ запасныхъ по 5% съ суммы забраннаго ими товара. О-во потребителей Б. Костромской Мануфактуры постановило отчислять на все время войны на взрослаго члена семьи по 1 р. и

ребенка 50 к. Далѣе на общемъ собраніи 9 сент. обсуждался вопросъ объ открытіи лазарета при о-вѣ для раненыхъ. Рѣшено было организовать лазаретъ на 10 кров. И т. д.

Какъ видно, кооперативы рабочихъ также приняли участіе „въ войнѣ". Зависимые, кооперативы, много данныхъ о которыхъ разбросано въ коопер. органахъ, отчисляли пособія семьямъ, жертвовали на лазареты и п., т. е. далали то, что всѣ дѣлаютъ теперь. Независимые рабочіе кооперативы, принявшіе также участіе въ общемъ движеніи, внесли въ нее только то, что они расширили понятія о жертвахъ войны, включивъ сюда безработныхъ вслѣдствіе войны.

Подведемъ итоги.

Война въ началѣ отразилась на дѣятельности кооперативовъ, понизивъ ее и приведя въ нѣкоторое разстройство, но кооперативы скоро оправились. Однако далеко не всѣ, а гл. образомъ тѣ, что организованы въ союзы. Вывела изъ кризиса гл. обр. возможность работать на армію. И кооперативы увлеклись этой дѣятельностью. Въ настоящее время почти всѣ кооперативные союзы сдѣлались поставщиками для арміи. Кризисъ кооперативный поставилъ ребромъ вопросъ о союзахъ кооперативовъ и союзное движеніе сдѣлалось лозунгомъ для всѣхъ кооперативныхъ центровъ и всей кооперативной литературы. И не только литературы. Мы видимъ и на дѣлѣ попытки объединяться. Такъ какъ на утвержденіе союзовъ трудно и теперь надѣяться, то кооперативы прибѣгаютъ къ обходу, пользуясь правомъ договорнаго объединенія. Рядомъ съ развитіемъ матеріальной дѣятельности съ самаго начала войны идетъ филантропическая работа.

Т. о. кооперативы оказались живой силой, умѣющей приспособляться къ жизни.

Все это движеніе съ одной стороны укрѣпляетъ жизненыя позиціи кооперативовъ, а съ другой стороны тѣсно связываетъ ихъ съ населеніемъ.

Принимая во вниманіе, что кооперативы въ Россіи (на 86% сельскіе) являются огромной организаціей съ демократической силой, надо признать, что военная мобилизація кооперативовъ имѣетъ большое значеніе.

М. Х-ъ.

Критическіе наброски.

I. Нѣкоторые сюрпризы исторіи.

Ее всѣ ждали, и всѣхъ она застала врасплохъ— эта развязка исторіи. И тѣхъ, кому кажется, что они исторію дѣлаютъ, и тѣхъ, кто больше привыкъ принимать на себя ея удары. Ибо конкретная развязка совсѣмъ не то, что развязка умопостигаемая, разсчитанная мыслью публицистовъ и ученыхъ или входящая конечной цѣлью въ планы дипломатовъ и политиковъ.

Въ ней—въ этой развязкѣ— слишкомъ много неподдающагося предварительному учету, того, что, можно назвать откровеніемъ, что ощущается, какъ историческая импровизація, а на дѣлѣ—является процессомъ выявленія силъ, обычно характеризующимъ катастрофическіе моменты исторіи. Ранѣе скрытое выходитъ въ такіе моменты наружу, то же, что было открыто, на поверхности жизни, пріобрѣтаетъ иныя очертанія, получаетъ другую расцѣнку, потому что измѣнилась вся расцѣниваемая совокупность явленій и сами явленія обернулись къ наблюдателю не той стороной, которой они до тѣхъ поръ къ нему были повернуты.

Откровеніе новизны, присущее катастрофическимъ процессамъ вообще, даетъ себя, естественно, съ чрезвычайной силою знать въ настоящей развязкѣ, ибо эта развязка есть величайшая— міровая— катастрофа, изъ когда либо бывшихъ въ исторіи. Я бы даже сказалъ: новизна составляетъ самую отличительную, самую поражающую черту въ всемъ томъ, что сейчасъ происходитъ. И эта новизна—безъ сомнѣнія—окажется въ ближайшемъ будущемъ центромъ, вокругъ котораго станетъ обращаться общественная мысль. Отъ новизны будутъ отправляться и всѣ переоцѣнки прошлаго, и всѣ прогнозы грядущаго. Она явится критеріемъ истины, такой же въ своемъ родѣ непререкаемой и внѣвременной цѣнностью, какими въ предыдущую эпоху представлялись явленія, теперь смѣненныя этой новизной.

Но именно поэтому особенно и надо приступить къ изученію всей данной категоріи новыхъ явленій, поставить ее въ связь со старымъ, которое ушло или уходитъ, вдвинуть ее въ перспективу исторіи. Новое оказалось неожиданнымъ—тѣмъ больше, стало быть, надо усилій, чтобы понять это новое и объяснить его наступленіе.

Въ настоящей статьѣ я не берусь намѣтить это новое во всемъ его охватѣ и многообразіи. Я постараюсь лишь разобраться въ немногихъ частяхъ этого новаго, представляющихъ существенный интересъ и существенную важность съ точки зрѣнія демократіи, подъ угломъ тѣхъ цѣлей, которыя ею поставлены.

И въ этомъ смыслѣ двѣ группы явленій заслуживаютъ, мнѣ кажется,

нашего спеціальнаго вниманія: это, во первыхъ, сама война и ея участники, и во вторыхъ, то потрясеніе, которое принесла эта война международной демократіи...

Едва ли въ исторіи было когда либо другое столкновеніе народовъ, которое бы заранѣе было въ такой степени обсуждено, чьи дѣйствующія силы такъ обстоятельно подсчитаны, чьи шансы такъ измѣрены. Объ общихъ причинахъ, вызывавшихъ эти ожиданія и опасенія—о колоніальной политикѣ европейскихъ государствъ и ихъ взаимномъ промышленномъ и политическомъ соперничествѣ накопилась за послѣдніе годы богатѣйшая литература. Казалось, все было ясно. Особенно ясно съ тѣхъ поръ, какъ начали развертываться съ средины прошлаго десятилѣтія событія на балканскомъ полуостровѣ и имперіалистское единоборство Англіи съ Германіей довершило раздѣленіе Европы на двѣ другъ другу противостоящія группировки—тройственнаго согласія и тройственнаго союза.

И яснѣе всего положеніе вещей, казалось, представлялось демократіи, ибо ея критическій взоръ могъ свободнѣе и глубже проникать въ современную механику великодержавной политики, чѣмъ это было возможно для буржуазіи и ея націоналистически окрашенныхъ идеологовъ. И, однако, вся эта критическая работа демократіи, вся ея предыдущая оцѣнка международной общественно-политической коньюнктуры не подготовила насъ ни въ малой мѣрѣ къ тому букету сюрпризовъ, которой преподнесла всему міру война.

Война и только война впервые зафиксировала все значеніе всю силу, всю опасность того типа общественно-политическаго развитія, который представляетъ современная прусская Германія. Война и только война заставила выдѣлить этотъ типъ изъ общаго фона капиталистической государственности, съ ея непрерывными вооруженіями и колоніальными захватами. Разумѣется, нѣтъ ни малѣйшей надобности идеализировать этотъ общій фонъ и затушевывать радикальное отрицаніе его демократіей. Но все же соблюденіе перспективы требуетъ признанія, что у прусско-германскаго типа, кромѣ общихъ грѣховъ современнаго развитія, есть еще и свои, спеціальные, сверхсмѣтные грѣхи, рожденные взаимоприспособленіемъ сильнѣйшей въ мірѣ дворянской военно-бюрократической касты съ запросами стремительно ростущаго капитализма,—капитализма эпохи, когда капитализму становится нарочито тѣсно у себя дома и его поиски рынковъ отливаются въ авантюристскую внѣшнюю политику, эту постоянную угрозу войной.

Именно взаимоприспособленіе этихъ двухъ общественныхъ формацій и имѣло своимъ результатомъ тотъ жизненный строй, который сумѣлъ максимально сочетать движеніе съ застоемъ, высшее напряженіе капиталистическаго развитія съ модернизаціей феодализма. Феодализмъ style moderne одновременно служилъ и господствовалъ; охранялъ это развитіе отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ и, охраняя, напоялъ его своимъ духомъ, диктовалъ свои методы, подчинялъ своей волѣ. Кулакъ подновленнаго стараго режима, беря силу изъ нѣдръ капитализма и зажимая въ своихъ тискахъ его носителей—буржуазные классы, былъ символомъ какъ для внутренняго, такъ и для внѣшняго обихода это своеобразной общественности. Внутри—онъ создалъ порядокъ, который подобно гранитной скалѣ противостоялъ полвѣка напору величайшаго народнаго движенія; во внѣ онъ служилъ постояннымъ стимуломъ для всѣхъ конкурирующихъ вооруженій, центральнымъ очагомъ, всегда грозящимъ пожаромъ, и въ концѣ концовъ, его дѣйствительно зажегшимъ.

Но развѣ, скажутъ намъ, неизвѣстна была эта система закованнаго въ броню кулака и до начала войны? Развѣ германскій милитаризмъ не пользовался заслуженной репутаціей еще съ эпохи Бисмарка и Мольтке? Развѣ колоніальные планы Вильгельма и такъ называемый „маринизмъ“ не являлись объектомъ постояннаго вниманія политическихъ круговъ? И, наконецъ, развѣ трагедія безсилія народа въ Германіи не заботила съиздавна ея демократію, какъ и демократовъ всѣхъ странъ?

Правильно. Эти части картины были общеизвѣстны, только—не улавливалось самой картины, того суммированнаго итога, который и далъ возможность осмыслить слагаемыя въ ихъ совокупномъ значеніи, понять систему въ ея цѣломъ, въ ея исторической внутри германской и международной роли въ Европѣ. Онѣ были извѣстны—эти части—и, въ тоже время, точно и совсѣмъ неизвѣстны: ни удѣльный вѣсъ и направленіе внѣшней политики Германіи, ни значеніе всего специфическаго уклада германской общественности для культуры страны, для ея демократіи.

Вѣдь, вотъ, казалось бы, внѣшняя политика Германіи на протяженіи десятковъ лѣтъ подвергалась достаточно критической оцѣнкѣ со стороны демократіи; казалось бы, именно здѣсь можетъ меньше всего быть мѣста иллюзіямъ и ошибкамъ, и, однако, какъ разъ на внѣшней политикѣ споткнулась германская демократія и совершила тотъ свой промахъ, которой хуже любого преступленія. Она голосовала за военные кредиты, потому что ей германскимъ правительствомъ внушена была мысль, будто на Германію напали, будто восточная и западная Пруссія наводнены уже казаками и дѣло идетъ не о продолженіи и достойномъ увѣнчаніи многолѣтней капиталистически-юнкерской политики расширенія Германіи и упроченія ея рынковъ, а объ оборонѣ страны и спасеніи ея національнаго существованія.

На первый взглядъ, эта мотивированная поддержка войны представляется какимъ то сквернымъ анекдотомъ, приключившимся съ величайшей партіей въ мирѣ; анекдотомъ, который былъ бы смѣшенъ, если бы не былъ такъ безконечно грустенъ, и который во всякомъ случаѣ остается необъясненной загадкой. Но это совсѣмъ не анекдотъ, а явленіе глубоко знаменательное, имѣющее много сторонъ и еще ждущее безпристрастной оцѣнки.

Если для части демократіи внушенная германскимъ правительствомъ иллюзія была въ сущности чрезвычайно желанной находкой и какъ нельзя болѣе отвѣчала ея скрыто имперіалистскимъ тенденціямъ, если широкія рабочія массы здѣсь, какъ и всюду, проявили полнѣйшую неосвѣдомленность въ вопросахъ внѣшней политики и тѣмъ легче зажглись элементарнымъ патріотизмомъ, то ни того, ни другого нельзя, разумѣется, сказать о другой части организованной демократіи, годами своей дѣятельности прочно закрѣпившей за собой репутацію авангарда, неизмѣнно высоко державшаго знамя рабочей солидарности—братства народовъ.

Почему же и *эта* демократія могла такъ легко поддаться на удочку оффиціальной безсмысленной лжи? Конечно, на эту демократію давила волна массоваго національнаго воодушевленія; конечно, оказывалъ дѣйствіе и напоръ окрѣпшаго въ водоворотѣ событій крыла ревизіонистовъ. Но было и нѣчто другое. Сказалось и отсутствіе у демократіи соотвѣтствующаго дѣйствительности представленія о роли и значеніи прусско-германской монархіи въ назрѣвавшихъ европейскихъ событіяхъ.

Въ этомъ нетрудно убѣдиться, если пересмотрѣть за послѣдніе годы, что писалось этой самой демократіей, когда вниманіе ея неоднократно приковывалось къ взаимнымъ отношеніямъ европейскихъ государствъ и вопросъ о томъ, что дѣлать пролетаріату для предотвращенія грозящей опасности общеевропейской войны, сталъ жгучимъ и больнымъ, нуждающимся въ безотлагательномъ рѣшеніи. Лучшіе политическіе умы не только германской и австрійской, но и всей міровой демократіи—Каутскій, Гильфердингъ, Бауеръ—съ разныхъ строкъ подходили къ тому циклу вопросовъ, который выдвигался на очередь возраставшей изъ года въ годъ агрессивностью имперіалистской политики, и подвергали обсужденію и проблему частичнаго разоруженія, ставшую актуальной послѣ извѣстнаго предложенія англійскаго правительства германскому, и положеніе на балканскомъ полуостровѣ, и возобновленіе тройственнаго союза, и возможное въ грядущемъ участіе Россіи: Они анализировали глубже, они лучше, чѣмъ всѣ буржуазные изслѣдователи, имѣли возможность, свободные отъ шоръ націонализма, смотрѣть въ корень вещей и, видя причины, предвидѣть и слѣдствія.

И все же—они проглядѣли Германію, проглядѣли, что не балканскій задоръ австрійскихъ политиковъ, какъ бы шуменъ онъ ни былъ, не панславистскія мечты извѣстныхъ русскихъ круговъ, не имперіализмъ Великобританіи и, конечно, меньше всего запоздалые отголоски французскаго реванша, являлись угрозой европейскому миру. Это были словъ нѣтъ—серьезныя симптоматическія явленія, но не они опредѣлили собою кровавую развязку, а то направленіе въ имперіалистской политикѣ Германіи, которое исключала компромиссы и было цѣликомъ заострено на борьбу, на господство, на подавленіе всѣхъ, стоящихъ ему на пути.

Если угодно, это было то же рѣшеніе вопроса о дальнѣйшемъ капиталистическомъ развитіи Германіи, но это было не единственное изъ возможныхъ рѣшеній, а лишь то, которое диктовалось господствующей копитилистически--юнкерской кликой, которое соотвѣтствовало ея общественно-политическимъ заданіямъ, ея классовой психологіи. Каутскій и его единомышленники это прекрасно понимали, недаромъ выдвигая другое рѣшеніе и монополизаторскимъ тенденціямъ германскаго имперіализма противопоставляя соглашеніе трехъ европейскихъ державъ—Германіи, Франціи и Англіи, т. е. своего рода великодержавный трестъ, распредѣляющій свои сферы вліянія и достаточно сильный, чтобы не нуждаться болѣе для поддержанія своей воли въ постоянномъ винтѣ вооруженій. И они знали при этомъ, что не Англія стоитъ на пути къ соглашенію съ Германіей,—Англія уже доказала на дѣлѣ свою готовность къ сближенію, и не Франція—значительное число французскихъ буржуазныхъ депутатовъ, присутствовавшихъ на бернской франко—германской конференціи 1913 г., свидѣтельствовало о силѣ примирительныхъ тенденцій во Франціи; а именно Германія въ лицѣ ея господствующихъ классовъ.

Но Каутскій и его единомышленники не дѣлали изъ этихъ предпосылокъ тѣхъ выводовъ, которые слѣдуютъ изъ нихъ, которые въ нихъ *уже* заключаются: что изъ западно и средне-европейскихъ державъ, въ средѣ такъ называемой культурной Европы одна лишь Германія—при настоящихъ историческихъ условіяхъ—являлась препятствіемъ къ прочному миру, что только отъ нея зависѣлъ исходъ дилеммы—пойдетъ ли развитіе Европы черезъ міровую катастрофу или благодаря своевременно заключенному компромиссу окажется возможнымъ для Европы, въ процессѣ внутренняго, въ каждой данной государственной организаціи, столкновенія общественныхъ силъ, поставить во всемъ ихъ объемѣ и разрѣшить цѣлый рядъ задачъ соціальныхъ и политическихъ, какъ и задачъ національнаго самоопредѣленія.

Если бы Германія пожелала вступить на этотъ путь, если бы она *смогла* пожелать, то никакая держава ни на Западѣ, ни на Востокѣ не посмѣла бы нарушить мира Европы и не имѣла бы возможности враждебно коснуться ни одного изъ многочисленныхъ результатовъ этой западно-европейской концентраціи. Бѣда была только въ томъ, что исторически данная Германія этого пожелать немогла, что ея традиціонной политикѣ, ея національному существу, какъ оно сложилось на протяженіи 19-го вѣка, это рѣшеніе проблемы нисколько не соотвѣтствовало. Чтобы этотъ поворотъ сталъ возможнымъ, ему должно было предшествовать коренное преобразованіе во внутри-германскихъ отношеніяхъ, замѣна у власти однихъ общественныхъ элементовъ другими, демократизація этой власти. Иначе говоря, вопросъ о дальнѣйшемъ направленіи международной политики Европы былъ неотдѣлимъ отъ вопроса о внутреннемъ развитіи Германіи и

постановка на очередь задачи разоруженія и мира предполагала постановку въ международномъ масштабѣ и задачи переустройства Германіи, ликвидаціи въ ней господства прусско-германскаго юнкерства.

Къ сожалѣнію, этого то сознанія связи обѣихъ задачъ и недоставало у Каутскаго, меньше могло его быть у германской демократіи въ ея цѣломъ. Не было его и у международнаго представительства демократіи, какъ это съ совершенной очевидностью явствуетъ хотя бы изъ рѣшенія базельскаго съѣзда, который былъ спеціально посвященъ вопросу о предупрежденіи мірового конфликта и собирался во время первой балканской войны въ ноябрѣ 1912 года. Этотъ съѣздъ возложилъ цѣлый рядъ обязательствъ на демократію балканскихъ государствъ; онъ оговорилъ, какъ ближайшую задачу демократіи Австріи и Венгріи, „продолженіе борьбы противъ нападенія придунайской монархіи на Сербію"; онъ спеціально коснулся вопроса о внутреннемъ преобразованіи одного — не германскаго — государства, какъ имѣющемъ существенное значеніе для дѣла обезпеченія мира, но онъ и не подумалъ—съ этой же точки зрѣнія —коснуться внутренняго положенія Германіи.

Германская разнозидность имперіализма, опирающаяся на милитаризацію германской государственной и общественной жизни, еще не была для международной демократіи той центральной силой, которая надвигала на Европу и въ концѣ концовъ надвинула на нее опасность общеевропейской войны. И только тогда, когда война уже вспыхнула, она озарила своимъ свѣтомъ и руководящую роль Германіи въ развитіи событій, и связь, существующую между этою ролью и внутреннимъ строемъ германской общественной жизни. Только тогда Вандервельде могъ впервые поставить вопросъ, до тѣхъ поръ въ международномъ демократическомъ общеніи не имѣвшій права гражданства, вопросъ о германскомъ милитаризмѣ, какъ, угрозѣ всей демократіи Европы.

Но и сейчасъ эта Вандервельдовская конценція кажется многимъ странной, незаконной, продиктованной естественнымъ національнымъ субъективизмомъ ея автора и не соотвѣтствующей общему отношенію демократіи къ милитаризму всѣхъ государствъ, а не одной лишь монархіи Гогенцоллерновъ. Въ самомъ дѣлѣ: развѣ германскій милитаризмъ представляетъ собою исключеніе изъ правила и справедливо ли именно данный милитаризмъ дѣлать козломъ отпущенія за грѣхи, присущія всей европейской цивилизаціи?

Лучшимъ отвѣтомъ на эти недоумѣнные вопросы можетъ послужить намъ анализъ, который не разъ давался германскому милитаризму германскою же демократическою мыслью. Въ работахъ Каутскаго нѣтъ того вывода, къ которому теперь пришелъ Вандервельдъ, но въ нихъ имѣются для этого вывода всѣ необходимыя предпосылки.

Такъ въ его статьяхъ 1906 и 1907 годовъ (см. серію статей

подъ заголовкомъ: „Die Situation des Reiches" и „Ausländische und deutsche Parteitaktik") подробно и на фактахъ германской исторіи послѣднихъ стлѣтій, и на сравнительномъ разорѣ общественной коньюнктуры Германіи съ одной стороны и Англіи, Франціи и Австріи съ другой, прослѣживается и объясняется тотъ исключительный характеръ германскаго милитаризма, который является выраженіемъ ничѣмъ не смягченнаго господства въ Германіи Пруссіи, и въ Пруссіи ея прусскаго или остэльбскаго юнкерства.

Если въ Англіи, Франціи и Австріи, по мнѣнію Каутскаго, различныя причины привели тѣмъ не менѣе къ одному результату, къ тому, что арміи этихъ странъ не являются въ нихъ орудіями, которыми сможно по произволу распоряжаться противъ народа и поэтому государственная власть не ощущаетъ себя совершенно отъ народа независимой, то иное въ Германіи: въ Германіи вѣкокой процессъ ея національнаго объединенія подготовилъ почву для неограниченнаго господства именно прусскаго юнкерства, имѣющаго въ арміи и въ тѣсно связанной съ ней бюрократіи абсолютно надежныя средства для достиженія своихъ цѣлей. „Духъ милитаризма, благодаря столѣтней блестящей традиціи войска, построеннаго на основѣ всеобщей воинской повинности, проникъ въ прусскій народъ, глубже, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другой современной странѣ. Традиціи этого духа прочно вкоренились и лишь медленно и съ трудомъ могутъ быть въ народѣ расшатаны... если только чрезвычайныя событія разомъ не подорвутъ престижъ арміи въ глазахъ индифферентныхъ массъ".

Итакъ, „милитаристскаго настроенный народъ поставляетъ солдатъ", а этими солдатами „командуетъ офицерство, образующее касту, сплоченную, какъ нигдѣ, ведущую, однако, не самодовлѣющее существованіе, но выступающее плотью отъ плоти юнкерства, т. е. того класса, который въ государствѣ господствуетъ. Прусское юнкерство, какъ ни одно другое, проникнуто общимъ духомъ и солидарностью съ правительствомъ и господствующимъ классами, оно съ ними одно сердце и одна душа".

Рядомъ съ арміей въ Пруссіи имѣется и другая мощная сила—бюрократія. Но эта сила „постоянно находится въ полнѣйшей зависимости отъ юнкерства и въ подчиненіи арміи, ощущающей себя въ государственномъ организмѣ высшею властью". „Даже въ среду профессуры глубоко просачиваются эти чувства подчиненія и зависимости. Въ этой средѣ нѣтъ тѣхъ демократическихъ или оппозиціонныхъ тенденцій, которыя мы встрѣчаемъ у отдѣльныхъ находящихся на службѣ государству интеллигентовъ Австріи, Франціи, Англіи. Въ Пруссіи вся интеллигенція сплошь, получающая вознагражденіе отъ государства, стремится не только по долгу службы, какъ въ другихъ государствахъ, но и съ полнѣйшей убѣжденностью, даже съ энтузіазмомъ, подавлять всякое проявленіе или усиленіе самостоятельность

пролетаріата и народныхъ массъ вообще. Прусскіе судьи, какъ и прусскіе учителя, создали въ этомъ направленіи цѣлую систему въ Германіи, но эта система не находитъ себѣ подобія за предѣлами германской пограничной черты во всемъ цивилизованномъ мірѣ".

Такова германская общественность, насквозь пропитанная духомъ милитаризма,—въ изображеніи Каутскаго. Каутскому нужна была эта картина въ спеціальныхъ цѣляхъ оправданія передъ Жоресомъ германской демократической тактики, объясненія безсилія величайшей въ мірѣ демократической организаціи изъ условій, въ которыя поставила эту организацію единственная въ своемъ родѣ структура общественныхъ отношеній, отличающая современную Германію.

Но намъ эта картина говоритъ въ тоже время и о томъ, что на основѣ подобной структуры должна была вырости и соотвѣтствующая ей международная политика Германіи—та политика, которая и являлась перманентной и все ростущей угрозой европейскому миру.

Конечно, имперіализмъ не знаетъ границъ: онъ явленіе въ высокой степени внѣнаціональное, характерное для всѣхъ государствъ съ развитымъ капиталистическимъ хозяйствомъ, но тѣмъ не менѣе имперіалистскую политику, т. е. политику завоеванія и расширенія рынковъ, политику колоніальныхъ захватовъ, каждое государство ведетъ на свой образецъ,— сообразно, во первыхъ, своимъ внутреннимъ общественно-политическимъ особенностямъ, и во вторыхъ, сообразно тому положенію, которое оно занимаетъ на географической картѣ міровой экономики. Естественно, что милитаристская par excellence общественность Германіи воспроизводила себя и въ своей имперіалистской политикѣ,—тѣмъ болѣе, что и географія міровой экономики работала въ томъ же направленіи. Она толкала Германію къ тому, чтобы не мирнымъ путемъ, а при посредствѣ войны искать выхода изъ тѣхъ затрудненій, въ которыя ее ставили неблагопріятныя условія ея международнаго положенія.

Любопытно, что и для этого тезиса намъ даетъ матеріалы все та же германская демократическая литература. Тотъ же научный органъ германской демократіи, въ которомъ напечатаны вышеупомянутыя статью Карла Каутскаго, помѣстилъ въ свое время и интересную статьи К. Эмиля (Der deutsche Jmperialismus und die innere Poeitik"),- основной выводъ которой гласилъ: *„безъ европейской войны невозможно колоніальное расширеніе Германіи"*.

Невозможно потому, что все колоніально-существенное для Германіи уже находится во власти другихъ государствъ и все развитіе международныхъ отношеній Европы за послѣдніе годы ведетъ къ „окруженію" Германіи кольцомъ враждебныхъ ей государствъ. Ея капиталистическій натискъ на Южную Америку—на Бразилію въ особенности—разбился о сопротивленіе Соединенныхъ Штатовъ. Ея китайская авантюра закончилась сближеніемъ Японіи, Россіи и Англіи.

Ея средиземноморскіе планы (марокканскій инцидентъ) разрѣшились комбинаціей Англіи, Франціи и Испаніи. И наконецъ, ея движеніе въ Среднюю Азію вызвало тотчасъ же реакцію англо-русскаго соглашенія. Трагедія поздно пришедшаго упирается въ дилемму: или война, или отказъ отъ имперіализма. Но отказъ отъ имперіализма не умѣщается въ головѣ какой бы то ни было изъ современныхъ партій буржуазіи. Онъ возможенъ лишь для одной демократіи...

Казалось, такимъ образомъ, что у германской демократіи были всѣ данныя для включенія вопроса о Германіи въ число тѣхъ проблемъ, которыя естественно должны были озабочивать не только германскую, но и всю міровую демократію. Казалось, заостреніе вопроса о германскомъ режимѣ становилось на очередь дня, оно дѣлалось насущно необходимымъ по мѣрѣ того. какъ надвигалась грозовая туча войны. Рѣшительный успѣхъ германской демократіи надъ этимъ режимомъ былъ единственнымъ способомъ уклониться отъ кровавой развязки, послѣдней возможностью мирнаго развитія Европы.

Но къ величайшему несчастью какъ для германской, такъ и для всей міровой демократіи, къ величайшему горю для всего человѣчества, это были только элементы проблемы, разсыпанные тамъ и сямъ по страницамъ литературы демократіи, или копотившіеся гдѣ то въ мозгу ея отдѣльныхъ представителей. Они не успѣли или не могли еще слиться въ одинъ образъ властной руководящей идеи, не стали достояніемъ практики массъ, изъ кабинета не вышли на улицу. Международныя представительства демократіи, какъ и съѣзды демократіи германской, этой идеи не знали. Немезида не заставила себя ждать—въ роковой часъ міровой катастрофы.

А. П-въ.

(Окончаніе слѣдуетъ)

Письмо изъ Англіи.

Передъ объявленіемъ войны среди рабочихъ преобладало сильное анти-военное настроеніе. Въ воскресенье—день объявленія войны между Германіей и Россіей—многотысячная демонстрація на трафальгарскомъ скверѣ. Въ тотъ-же день издается манифестъ англійской секціи Интернаціонала противъ участія Англіи въ войнѣ. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Настроеніе рѣзко мѣняется послѣ рѣчи Эд. Грэя въ палатѣ. Правда, Макдональдъ протестуетъ въ рѣзкой формѣ противъ вмѣшательства; и „Daily Citizen" (органъ рабочей партіи) пишетъ въ томъ-же духѣ. Но правительству удается уже создать нужное настроеніе, и, очевидно, въ средѣ фракціи Рабоч. Партіи происходятъ серьезныя

разногласія. Послѣ объявленія войны фракція голосуетъ за кредиты, и въ „Д. С." прекращаются статьи противъ иностранной политики англійскаго правительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ общимъ взглядомъ дѣлается, что отвѣтственность за войну лежитъ на Германіи. Исключеніе составляютъ члены I. L. P. (независимой Рабочей Партіи: ихъ 7 человѣкъ среди 40 членовъ Рабочей Партіи). Макдональдъ, лидеръ и безспорный, признанный вождь фракціи, складываетъ съ себя предсѣдательствованіе, чувствуя себя въ меньшинствѣ. Лидеромъ фракціи дѣлается Гендерсонъ, представитель праваго крыла и бывшій избирательный агентъ либераловъ.

Объявленіе войны сначала вызываетъ панику на биржахъ и рынкѣ. Это приводитъ къ закрытію биржи и временному закрытію банковъ. Прав-ство назначаетъ максимальныя цѣны для предметовъ первой необходимости. Такъ какъ запасовъ хлѣба хватитъ лишь на нѣсколько мѣсяцевъ, прав-ство страхуетъ почти по полной цѣнности тѣ суда, что будутъ везти въ Англію хлѣбъ и мясо изъ Канады, Соед. Шт. и др. странъ. Недостатокъ мяса особенно чувствителенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ закрывается множество фабрикъ — особенно въ экспортной промышленности—и безработица сразу-же принимаетъ огромные размѣры. Съ этого момента все вниманіе рабочихъ организацій направляется на борьбу съ безработицей и т. п. явленіями. Министерство внут. дѣлъ организуетъ центральный и мѣстные комитеты для помощи нуждающимся. Рабочія организація и соціалистическія партіи призываютъ принимать въ нихъ дѣятельное участіе и требовать представительства тамъ, гдѣ имъ мѣста не дано. Главнымъ принципомъ для работы въ этихъ комитетахъ ставится расширеніе общественныхъ работъ—въ противовѣсъ простой благотворительности. Постройка школъ, желѣзн. дорогъ, и т. п.—такова программа рабочихъ делегатовъ въ этихъ комитетахъ. Министерство Внутр. дѣлъ въ своемъ циркулярѣ присоединяется къ этому принципу и проситъ мѣстные комитеты присылать для утвержденія планы работъ въ Мин-ство. Однако, оно очень медленно ихъ утверждаетъ, и на этой почвѣ вскорѣ возникаетъ сильное недовольство. Требованія денегъ и разрѣшеніе займовъ удовлетворяются рѣдко. Депутація союза городовъ является въ началѣ сентября къ Ллойдъ Джорджу и Самуэлю (министры финансовъ и внутреннихъ дѣлъ). Она выслушиваетъ съ ихъ стороны довольно рѣшительную отповѣдь. Ллойдъ Джорджъ объясняетъ, что есть въ Англіи одинъ денежный рынокъ и, поэтому, чѣмъ больше возьмутъ города, тѣмъ меньше останется для войны. Между тѣмъ Англія надѣется побѣдить своими деньгами: онѣ будутъ у нея еще въ тотъ моментъ, когда у другихъ государствъ не останется не гроша. Поэтому лишь въ немногихъ случаяхъ просьбы городовъ могутъ удовлетворяться.

Подобные же конфликты возникаютъ и на другой почвѣ. Организуется фондъ имени Принца Уэльскаго для помощи нуждающемуся населенію. Завѣдуетъ имъ Бальфуръ. Черезъ двѣ недѣли онъ достигаетъ 20 милл. руб. Но, оказывается, деньги выдаются лишь семьямъ солдатъ — то, что вездѣ дѣлается изъ казенныхъ средствъ. Къ 1-му сентября ни одного шиллинга не выдано было „штатскимъ". Это вызываетъ рѣзкія статьи въ рабочей печати. Требованіе всеобщаго страхованія отъ безработцы не встрѣчаетъ въ правит-ствѣ никакого отклика.

Далѣе, съ согласія минист-ва вводится принципъ, что мѣстные комитеты не выдаютъ никакой помощи лицамъ способнымъ къ военной службѣ. Нужно сказать, что въ моментъ объявленія войны Асквитъ потребовалъ и получилъ согласіе парламента на наборъ 500000 добровольцевъ (въ Англіи нѣтъ всеобщей воинской повинности, и войско составлялось къ началу войны изъ 180000 солдатъ+200000 запасныхъ). Поэтому мѣстные комитеты отказывали въ помощи всѣмъ способнымъ къ военной службѣ, такъ какъ тѣ могутъ найти себѣ подобающее занятіе на поляхъ Франціи. Со своей стороны, патріотическіе предприниматели разсчитываютъ своихъ молодыхъ рабочихъ, чтобъ заставить ихъ идти въ солдаты.

Подъ вліяніемъ сильной безработицы въ теченіе одного мѣсяца 440 тыс. человѣкъ записываются въ добровольцы, и 10 сентября Асквитъ требуетъ новыхъ 500000. Парламентъ даетъ согласіе; чтобъ возможно скорѣй набрать ихъ, организуется парламентскій комитетъ по набору добровольцевъ. Онъ организуетъ повсемѣстно митинги, раздаются брошюры, воззванія и пр. При организаціи этого комитета Асквитъ обратился за поддержкой ко всѣмъ партіямъ, въ томъ числѣ и къ Рабочей. Большинство Центр. Ком. постановило принять участіе, и предсѣдателями этого парламентскаго комитета сдѣлались три лидера Асквитъ, Лоу и Гендерсонъ, Представители I. L. P., (независимой Рабочей Партіи), входящей въ Раб. Партію, высказались противъ участія въ этомъ комитетѣ. Въ резолюціи, принятой ихъ Центр. Совѣтомъ они говорятъ, что выступленія на общихъ митингахъ и совмѣстная работа не могутъ не быть оправданіемъ войны; что Англіи въ отличіе отъ Бельгіи и Франціи—не грозитъ вступленіе нѣмецкихъ войскъ; и что всеобщая воинская повинность лучше того, что дѣлается въ Англіи для набора добровольцевъ. Съ этимъ своимъ взглядомъ они остались въ одиночествѣ. Противъ нихъ высказался и парламентскій комит. Трэдюніоновъ и ортодоксальная Британская Соціалистическая Партія. Ихъ выступленіе надѣлало много шуму и вызвало очень рѣзкую полемику. Лидеры Раб. Партіи (кромѣ членовъ I. L. P.) выступаютъ на десяткахъ митинговъ.

. . . . . .

Положеніе трэъ-юніоновъ критическое. Помощь безработнымъ поглощаетъ всѣ средства. Была депутація у Асквита съ просьбой выдать субсидію тр.-юніонамъ. До сихъ поръ отвѣта нѣтъ: онъ ожидается на-дняхъ, но едва-ли будетъ особенно благопріятный. *С. Д.*

ОТКЛИКИ.

Телеграмма Э. Вандервельда с. д. депутатамъ Государственной Думы [1]).

Дорогіе товарищи! Я пишу Вамъ не въ качествѣ предсѣдателя международнаго соціалистическаго бюро, но отъ своего имени и, смѣю такъ сказать, отъ имени всѣхъ бельгійскихъ соціалистовъ. Современное состояніе Европы дѣлаетъ крайне затруднительнымъ правильныя сношенія между различными секціями Интернаціонала. Мы знаемъ, что дѣлаютъ наши товарищи въ Германіи и огромныя арміи, какъ стѣна, стоятъ между соціалистами Россіи и соціалистами Бельгіи, Франціи и Англіи. Мнѣ кажется полезнымъ при такихъ условіяхъ ознакомить Васъ съ нашими взглядами на существующее положеніе. Для соціалистовъ Зап. Европы пораженіе—я не говорю Германіи, которую мы любимъ и предъ которой мы преклоняемся—но прусскаго юнкерства есть вопросъ жизни или смерти. Если бы судьба рѣшила, чтобы наша маленькая Бельгія была уничтожена, чтобы Франція или Англія были побѣждены, чтобы германскій милитаризмъ торжествовалъ побѣду, то нормальное развитіе соціализма въ нашихъ странахъ на долгіе годы было бы подорвано. Чтобы избѣжать подобной катастрофы, демократы, республиканцы и соціалисты Бельгіи и Франціи рѣшились использовать во всей полнотѣ свое право на законную защиту. Но въ этой ужасной войнѣ, разразившейся надъ Европой . . . . . .
. . . . . .
. . . . . націи вынуждены разсчитывать на военную поддержку русскаго правительства. Въ значительной степени отъ рабочихъ Россіи будетъ зависѣть, чтобы эта поддержка была болѣе или менѣе рѣшительной. Я, разумѣется, не имѣю возможности указывать Вамъ, что Вамъ дѣлать и чего требуетъ отъ Васъ ваши собственные интересы. Вы сами прежде всего должны рѣшить, какъ Вамъ поступить. Но я прошу Васъ, и нашъ бѣдный Жоресъ, если бы онъ еще жилъ, конечно, тоже просилъ бы Васъ вмѣстѣ со мной стать на общую точку зрѣнія положенія . . . . . демократіи въ Европѣ. Мы ведемъ войну за независимость, мы убѣждены, что боремся за демократію и . . . . . свободу въ Европѣ; мы считаемъ, что, по крайней мѣрѣ для нашихъ странъ, торжество германскаго милитаризма было бы ужаснымъ несчастіемъ Мы считаемъ, что противъ подобной опасности настоятельно необходима коалиція всѣхъ живыхъ силъ Европы и мы были бы счастливы знать Ваше мнѣніе на этотъ счетъ и еще болѣе счастливы узнать, что оно сходится съ нашимъ.

Примите, дорогіе товарищи, увѣреніе въ моихъ братскихъ чувствахъ.

Эмиль Вандервельдъ, делегатъ бельгійской рабочей партіи въ международномъ соціалистическомъ бюро, а со дня объявленія войны миинстръ.

[1]) Перепечатано изъ „Южнаго Края“ и др. газетъ.

Обращеніе Э. Вандервельда къ англійскимъ рабочимъ *).

Эмиль Вандервельде обратился черезъ англійскую рабочую газету „The Daily Citizen“ къ англійскимъ соціалистамъ съ возваніемъ, въ которомъ объясняетъ поведеніе бельгійскихъ и французскихъ соціалистовъ въ настоящей войнѣ. Возваніе гласитъ слѣдующее:

„Ни бельгійскіе, ни французскіе соціалисты не нуждаются въ оправданіи передъ лицомъ интернаціонала въ томъ, что они вмѣстѣ со своими соотечественниками приняли участіе въ сопротивленіи нашествію германскихъ войскъ. Въ этомъ было ихъ право, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ обязанность. Они осуществляли свое право законной защиты. Они выполняли элементарный долгъ, взявшись за оружіе, чтобы защищать противъ ужасовъ войны, которой они не желали, своихъ женъ, дѣтей и свои очаги.

Для насъ, бельгійцевъ, это право и эта обязанность были внѣ сомнѣній. Не больше желало этой войны наше правительство. Оно было вынуждено воевать. Бельгія—нейтральная страна. Нашъ нейтралитетъ былъ нарушенъ и притомъ одной изъ державъ, его гарантировавшихъ. Наши германскіе товарищи были безсильны предотвратить это нападеніе. Намъ осталось слѣдовательно защищать себя собственными силами, и мы дѣлали это съ тѣмъ большимъ подъемомъ, что защищая себя самихъ, мы въ же время боролись за священное дѣло свободы и цивилизаціи.

Нужно ли мнѣ говорить вамъ, что мы желаемъ только добра германскому народу, одинаково съ нами желающему мира и борющемуся за него. Но германскій народъ не является властелиномъ своей судьбы. Не онъ, а прусское юнкерство управляетъ Германіей. Ею управляетъ военная партія, на которую вліяетъ, которой руководитъ императоръ. И до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать такое положеніе, Европа не будетъ гарантирована отъ ужасовъ войны.

По нашему глубокому убѣжденію, первѣйшей задачей международнаго пролетаріата является положить конецъ прусскому милитаризму. Взявъ въ руки оружіе, мы начали войну противъ войны и, что бы ни случилось, мы должны продолжать сражаться за право, культуру и независимость народовъ.

Арміи, вторгшіяся въ нашу страну, уничтожали наше населеніе, убивали невиннихъ крестьянъ, разрушали наши памятники, наши церкви и—какъ это было въ Лувенѣ—сокровищницы нашего исскуства, наши библіотеки и наши университеты. Они творили ужасы, оставляющіе далеко назадъ за собой военные ужасы былыхъ временъ. Но бельгійцы не разбиты. Они будутъ продолжать борьбу до послѣдней крайности и надѣются, что въ этой борьбѣ будутъ имѣть на своей сторонѣ сочувствіе всѣхъ рабочихъ, отдающихъ себѣ отчетъ въ своей обязанности служить дѣлу права и человѣчества.

Если бы нашъ бѣдный Жоресъ, убитый въ первый же день войны, находился въ это время среди насъ, онъ поднялъ бы свой могучій голосъ, чтобы протестовать противъ совершенныхъ въ Бельгіи преступленій и чтобы доказать всему рабочему міру, что Франція и Англія, борясь противъ прусскаго милитаризма, защищаютъ самое святое дѣло. Его нѣтъ среди насъ, но въ насъ жива мысль о немъ. Вотъ почему, я не только отъ своего имени, но и отъ имени всѣхъ французскихъ и бельгійскихъ соціалистовъ призываю англійскихъ рабочихъ быть вмѣстѣ съ нами въ этой борьбѣ за свободу и цивилизацію“.

*) См. Газ. „День“, № 535.

Манифестъ французскихъ соціалистовъ.

Фракція французскихъ объединенныхъ соціалистовъ выпустила слѣдующій манифестъ по поводу вступленія Ж. Гэда и М. Самба въ составъ правительства національной обороны[1])

„Граждане! Послѣ всесторонняго разсмотрѣнія соціалистическая партія зрѣло обдумала свой шагъ и уполномочила двухъ изъ ея членовъ, нашихъ друзей Жюля Гэда и Марселя Самба, войти въ составъ новаго правительства. Всѣ представители—парламентской группы соціалистовъ, постоянной административной коммиссіи партіи и коммиссіи, завѣдующей изданіемъ „Humanité“, —всѣ они были согласны на то, чтобы вмѣстѣ съ ними (Гэдомъ и Самба) взять на себя отвѣтственность за принятое рѣшеніе.

Конечно, если бы дѣло шло объ обычномъ перестраиваніи министерства, о какомъ-нибудь участіи соціалистовъ въ буржуазномъ правительствѣ, то ни согласіе нашихъ друзей, ни наше согласіе получено бы не было.

Но теперь дѣло идетъ о будущности націи, о жизни Франціи. И партія не колебалась. Необходимо, чтобы національное единство, новое обнаруженіе котораго ободрило всѣ сердца въ началѣ войны, показало всю свою мощь. Необходимо, чтобы въ этомъ героическомъ порывѣ,—такіе порывы всегда повторялись въ подобныя минуты въ нашей исторіи,—вся нація поднялась на защиту своей земли и своей свободы. Глава правительства рѣшилъ, что для того, чтобы увлечь націю, чтобы поддержать ее въ борьбѣ, которая будетъ и должна быть ожесточенной, необходимо содѣйствіе всѣхъ гражданъ, и, быть-можетъ, въ наибольшей степени тѣхъ, которые во имя эмансипаціи пролетаріата и всего человѣчества особенно боятся гнета деспотизма. Глава правительства помнитъ, что во всѣ тяжкіе моменты въ 1793, какъ и въ 1870 годахъ, нація выражала свои довѣріе какъ-разъ этимъ людямъ, этимъ соціалистамъ, этимъ революціонерамъ.

И по собственному почину, не дожидаясь какихъ-либо манифестацій народной воли, онъ обращается съ призывомъ къ нашей партіи. Наша партія отвѣтила согласіемъ.

Вотъ въ какомъ настроеніи наши друзья вступаютъ въ ряды правительства. И, вступая туда, они ясно видятъ всю громадную задачу, какую они призваны выполнить. Прежде всего они будутъ добиваться, чтобы

[1]) См. „Рус. Вѣд. № 199.

страна знала всю правду. Они будутъ поддерживать и укрѣплять ея мужество и ея желаніе побѣдить, внушая ей полное довѣріе къ искренности правительства. Они будутъ настаивать, чтобы массы народа поднимались, чтобы ни одна сила, ни одна добрая воля не остались неиспользованными. Они будутъ провѣрять на мѣстахъ наличность вооруженія, провіанта, экипировки и озаботятся, чтобы всего было достаточно. И прежде всего, граждане, присутствіе нашихъ друзей въ составѣ правительства будетъ гарантіей, что республиканская демократія готова на борьбу до послѣднихъ силъ.

Сколько разъ нашъ великій Жоресъ, предвидя такую возможность, настаивалъ на необходимости борьбы массами. Онъ хотѣлъ, чтобы планъ борьбы былъ обдуманъ заранѣе во всѣхъ деталяхъ. И во что бы то ни стало мы обязаны организовать упорное сопротивленіе, тѣмъ болѣе, что отъ этого зависитъ весь успѣхъ союзниковъ. Къ этому сопротивленію наши друзья призовутъ всю націю.

Сегодня, какъ и вчера, послѣ первыхъ испытаній съ тѣмъ же энтузіазмомъ, какъ и во время мобилизаціи, мы питаемъ увѣренность, что боремся не только за существованіе отечества, не только за величіе Франціи, но и за свободу, за цивилизацію. Мы боремся за то, чтобы міръ, освобожденный отъ ужасовъ войны, наслаждался спокойствіемъ, уважая права другихъ.

Это свое убѣжденіе соціалистическіе министры сообщатъ и всему правительству. Этимъ одушевится ихъ трудъ. Они постараются внушить его и геройской арміи, въ которой сражается теперь цвѣтъ націи. И упорными усиліями, въ порывѣ энтузіазма, они сумѣютъ обезпечить одновременно и спасеніе отечества, и прогрессъ всего человѣчества".

Манифестъ британской рабочей партіи [1]).

„Британское рабочее движеніе всегда стояло за миръ и питало въ послѣднее время все болѣе крѣпнувшія надежды, что между Великобританіей и Германіей будетъ достигнуто постоянное соглашеніе о мирѣ. Эти надежды теперь разрушены, по крайней мѣрѣ на-время,—сознательнымъ актомъ правителя милитаристской Германской имперіи. Отказъ Германіи принять англійское предложеніе о разсмотрѣніи австро-сербскаго спора конференціей европейскихъ державъ, рѣшительный и высокомѣрный ультиматумъ, предъявленный ею Россіи, быстрая готовность къ вторженію во Францію,—все это доказываетъ, что германская военная каста заранѣе рѣшилась на войну, если всю остальную Европу нельзя будетъ заставить подчиняться иными средствами. Недостойное нарушеніе нейтралитета Бельгіи является свидѣтельствомъ того, что Германію ничто, даже національная честь и данное ею слово, не можетъ остановить въ осуществленіи ея мечты стать господствующей въ Европѣ военной державой съ императоромъ въ качествѣ всеобщаго диктатора.

„Въ виду этихъ обстоятельствъ рабочая партія въ палатѣ общинъ признала, что Великобританія, исчерпавъ всѣ рессурсы мирной дипломатіи, была обязана,—и по долгу чести, и по договору,—оказать вооруженное сопротивленіе наступленію Германіи. Партія уяснила себѣ, что побѣда германской арміи будетъ вѣроятна, если Англія не выполнитъ своихъ обязательствъ по отношенію къ Бельгіи. Побѣда же Германіи означаетъ смерть демократіи въ Европѣ. Поэтому рабочая партія, представляющая самые демократическіе элементы британской націи, оказала свою поддержку въ парламентѣ тѣмъ мѣрамъ, какія были необходимы, чтобы дать возможность нашей странѣ вести борьбу съ успѣхомъ. Она приняла участіе въ заботахъ о наборѣ арміи, достаточно обширной и отвѣчающей потребности страны въ данный моментъ, выступивъ активно въ числѣ прочихъ въ рекрутской кампаніи, организованной различными партіями парламента.

„Политика британскаго рабочаго движенія была продиктована горячимъ желаніемъ спасти Великобританію и Европу отъ бѣдствій, какія послѣдовали бы за торжествомъ военнаго деспотизма. Пока не разбита сила, разгромившая Бельгію и обездолившая бельгійскій народъ,—сила, повергшая почти всю Европу въ бѣдствія, страданія и ужасы войны,—м и р а б ы т ь н е м о ж е т ъ (курсивъ подлинника). Во все время войны мы должны оказывать Англіи поддержку какъ внутри страны, такъ и внѣ ея. Рабочее движеніе выполняло и теперь выполняетъ выпадающую на него долю этого высшаго національнаго долга, въ увѣренности, что жестокія доктрины и жестокіе методы германскаго милитаризма потерпятъ пораженіе. Когда же наступитъ время для обсужденія условій мира, рабочее движеніе будетъ стоять, какъ и всегда, за международное соглашеніе всѣхъ цивилизованныхъ націй о разрѣшеніи въ будущемъ всѣхъ споровъ и недоразумѣній третейскимъ судомъ, а не орудіями истребленія".

Манифестъ подписанъ 25 рабочими—членами парламента, 15 членами парламентскаго комитета конгресса тредъ-юніонистовъ, 12 членами всеобщей федераціи тредъ-юніоновъ и 8 должностными лицами крупнѣйшихъ рабочихъ организацій.

[1]) См. „День" № 279.

Декларація Германской Соціалъ-демократіи.

Въ засѣданіи рейхстага при обсужденіи требуемыхъ правительствомъ военныхъ кредитовъ, предсѣдатель германской с. д. партіи Гаазе прочелъ отъ имени с. д. фракціи слѣд. резолюцію:

„По порученію своей фракціи я имѣю сдѣлать слѣдующее заявленіе. Пробилъ часъ судьбы! Имперіалистическая политика, вызвавшая эпоху всемірнаго вооруженія и обострившая противорѣчія между отдѣльными народностями, разразилась, наконецъ, страшной бурей надъ Европой.

Отвѣтственность за это пусть и несутъ вдохновители этой политики—мы за нее не отвѣтственны. Соціалъ-демократія всѣми силами боролась съ зловѣщимъ ходомъ надвигающихся событій. Еще въ послѣднія минуты она пыталась внушительными демонстраціями протеста, устроенными во всѣхъ странахъ, въ особенности въ тѣсномъ единеніи съ французскими собратьями, повліять на то, чтобы миръ былъ сохраненъ. Но усилія ея оказались тщетными. Въ настоящую минуту мы стоимъ передъ неотвратимымъ фактомъ войны. Намъ угрожаютъ всѣ ужасы вражескаго нашествія.

Не за и не противъ войны приходится намъ сегодня говорить, а лишь о средствахъ защиты страны. Теперь всѣ думы наши должны быть направлены на милліоны согражданъ, вовлеченныхъ не по своей винѣ въ этотъ конфликтъ. На нихъ сильнѣе всего обрушатся несчастья войны. Наши горячія пожеланія несутся въ слѣдъ всѣмъ нашимъ братьямъ, призваннымъ подъ знамена, безъ различія партій. (Оживленныя одобренія).

Мы помнимъ и о матеряхъ отдавшихъ своихъ сыновей,—о женахъ и дѣтяхъ, лишенныхъ средствъ существования.—Къ страху за жизнь своихъ близкихъ присоединяются ужасы голода. Скоро ряды ихъ умножатъ десятки тысячъ раненыхъ и изувѣченныхъ воиновъ. Всѣмъ имъ помочь, облегчить ихъ участь, уменьшить неизмѣримую нужду—нашъ неотвратимый долгъ (Оживленныя одобренія). . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Въ часъ опасности мы не измѣнимъ отчизнѣ. (Бурныя овація). И тутъ мы чувствуемъ себя въ полномъ согласіи съ интернаціоналомъ, всегда признававшимъ за каждымъ народомъ право на національную самостоятельность и самозащиту, точно также какъ вмѣстѣ съ нимъ мы осуждаемъ всякую завоевательную войну. Мы требуемъ, чтобы войнѣ, какъ только будетъ достигнута цѣль защиты родины и противники будутъ склонны къ миру, былъ положенъ конецъ и заключенъ миръ, обезпечивающій дружбу сосѣднихъ народовъ. Мы требуемъ этого не только въ интересахъ всегда защищаемой нами интернаціональной солидарности, но и въ интересахъ самаго нѣмецкаго народа. Мы надѣемся, что ужасная школа страданій войны разбудитъ въ новыхъ и новыхъ милліонахъ отвращеніе къ войнѣ и завоюетъ ихъ для воспріятія идеала соціализма и мира народовъ. Руководимые этими принципами, мы голосуемъ за требуемые кредиты."

Меньшинство германской соц.-демократіи о голосованіи за кредиты.

Меньшинство парламентской фракціи с.-д. партіи германскаго рейхстага и нѣкоторые вліятельные члены партіи опубликовали въ шведской с.-д. газетѣ слѣд. заявленіе:

„Во избѣжаніе всякихъ недора-

зумѣній меньшинство раньше всего заявляетъ, что ни на одну минуту оно не ставитъ подъ сомнѣніе мысль о правѣ и долгѣ націи на самозащиту и національное самосохраненіе. Въ этомъ всѣ мы согласны (съ большинствомъ). Но вмѣстѣ съ тѣмъ меньшинство съ самого начала находило, что долгомъ германской с.-д. фракціи рейхстага было въ самой рѣзкой формѣ отклонить всякую отвѣтственность за эту войну, вызванную политикой, съ которой мы всегда боролись, въ которой господствующіе классы Германіи въ высшей степени виновны и которая является слѣдствіемъ того капиталистически-имперіалистическаго развитія, съ какимъ мы принципіально боремся. Здѣсь подобала только самая сильная форма протеста.

Съ принятіемъ же кредитовъ на войну с.-д. фракція, несмотря на всѣ противозаявленія въ своей декларації, все же взяла и на себя долю отвѣтственности. Это было ошибкой тѣмъ большей, чѣмъ меньше соотвѣтствуетъ всей дѣйствительности официальная германская версія непосредственнаго повода войны и чѣмъ больше можетъ быть умѣстнымъ вопросъ о превентивной (предупредительной) войнѣ съ стороны Германіи. Даже еще болѣе—прямо о войнѣ завоевательной по замыслу нѣкоторыхъ круговъ, войнѣ—капиталистически — расширительной. Здѣсь излишне напоминать, что всякая аннексія заключаетъ въ себѣ опасности для мира въ дальнѣйшемъ и гарантіей мира отнюдь не является. Но и помимо всего этого, съ чисто національной точки зрѣнія постановленіе с.-д. фракціи рейхстага является роковой ошибкой. Оно только кажущимся образомъ укрѣпило военную позицію Германіи. На дѣлѣ оно сорвало всѣ плотины, какія стояли еще заграницей противъ войны и противъ внѣшней и внутренней солидарности массъ за войну. Если бы с.-д. фракція рейхстага заняла другую позицію, война никогда не могла бы сдѣлаться такой популярной, какъ теперь. Настроеніе было бы иное во Франціи, Россіи и Англіи. Самба и Гэдъ не вступили бы во французское правительство, и англійскіе профессіональные союзы не стали бы опорой вербовки добровольцевъ.

Однимъ словомъ ясно, что такое выступленіе германской соц.-демократіи имѣло обратное вліяніе, въ высокой степени усилившее враговъ Германіи. . . . . .

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Итальянскіе соціалисты и германскіе соціальдемократы.

Правленіе германской соціальдемократіи послало недавно нѣкоторыхъ товарищей въ нейтральныя страны, чтобы освѣдомить соціалистовъ этихъ странъ о поведеніи германской партіи. Органъ итальянскихъ соціальдемократовъ „Avanti“ („Впередъ“) даетъ нижеслѣдующій отчетъ о бесѣдѣ германскаго с.-д. Зюдекума съ итальянскими товарищами:

„Зюдекумъ прежде всего заявилъ: онъ явился съ намѣреніемъ освѣдомить итальянскихъ товарищей о положеніи германской партіи и узнать, предприняли ли итальянскіе товарищи шаги для поддержанія сношеній съ товарищами въ другихъ странахъ.

Мы твердо стоимъ на томъ, что германскіе соціалисты не могли поступить иначе. Мое присутствіе здѣсь доказываетъ, что германскіе соціалисты всегда сознавали свои обязанности по отношенію къ Интернаціоналу, но они полагаютъ, что германское правительство доказало свое миролюбіе и было противъ своей воли вынуждено къ войнѣ; отсюда поддержка его со стороны германской соц.-дем. партіи.

Делла—Сета (членъ правленія итальянской соц. партіи) оспариваетъ, что нѣмцы, исходя изъ этой точки зрѣнія, могли бы голосовать за войну. Итальянскіе соціалисты не голосовали бы въ подобномъ случаѣ, какъ не голосовали во время ливійской войны.

Зюдекумъ замѣтилъ на это: германскіе соціалисты должны были защитить свою родину. . . . . Онъ повторилъ заявленіе Гаазе и прибавилъ: я удивляюсь, что итальянскіе соціалисты могли повѣрить, что такая сильная соціалистическая партія, какъ германская, могла бы отказаться отъ своихъ задачъ и своихъ идеаловъ. Они должны были бы убѣдиться, что намъ не оставалось ничего другого, какъ одобрить требуемые кредиты.

Онъ утверждалъ далѣе, что всѣ буржуазныя газеты Италіи дѣйствуютъ противъ Германіи, за Францію, и получается впечатлѣніе, что итальянскіе соціалисты согласны съ итальянской буржуазіей относительно поддержанія существующаго положенія дѣлъ въ Италіи.—Никто не можетъ сомнѣваться, что германскіе соціалисты избрали правильный путь. Конечно, они вполнѣ отдавали себѣ отчетъ въ томъ, что они дѣлаютъ и были убѣждены, что поступаютъ, какъ соціалисты. Во всякомъ случаѣ они не могли поступить иначе. . . . . .

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

. . Я считаю обязанностью итальянскихъ соціалистовъ поддерживать *нейтралитетъ*, чтобы сохранялась точка опоры, вокругъ которой снова могли бы возстановиться международныя соціалистическія отношенія. Въ случаѣ мнимаго мира соціалистическія партіи должны выступить за то, чтобы миръ былъ обезпеченъ на будущее время. Въ заключеніе Зюдекумъ считаетъ необходимымъ указать на то, что германская соціалистическая партія не имѣетъ ни намѣренія, ни права сколько-нибудь вліять на поведеніе итальянской соціалистической партіи, но пытается возстановить сердечныя международныя отношенія.

Делла—Сета находитъ прежде всего страннымъ, что германскіе соціалисты въ этотъ трудный моментъ обращаются къ своимъ итальянскимъ товарищамъ, тѣмъ болѣе, что имъ приписываютъ намѣреніе вмѣшаться въ войну. Это является для насъ серьезнымъ мотивомъ высказать безоговорочно свое мнѣніе. *Защита поведенія германскихъ соціалистовъ насъ не убѣдила.* Повторенная здѣсь рѣчь Гаазе достаточно извѣстна намъ изъ итальянской буржуазной прессы, которая заинтересована въ доказательствѣ патріотизма германскихъ соціалистовъ въ противовѣсъ интернаціональнымъ чувствамъ итальянскихъ соціалистовъ. Вы говорите о союзной съ нами Франціи и объ англійскомъ врагѣ Германіи, но мы говоримъ о *нашей* Франціи, ... о Франціи *Жореса* и не о какой другой. Французскіе соціалисты всегда вели антимилитаристскую пропаганду въ собственной странѣ. Французы боролись съ французскими приготовленіями къ войнѣ, чего нѣмцы не дѣлали по крайней мѣрѣ до того пункта, гдѣ могли быть затронуты имперіалистическія чувства германскаго Императора и буржуазіи, и мы читали наканунѣ войны, что германскіе соціалисты наканунѣ войны вмѣстѣ съ другими партіями приняли участіе въ чествованіи Императора.

Зюдекумъ заявляетъ, что въ этомъ соціалисты не принимали участія.

Делла—Сета принимаетъ во вниманіе это замѣчаніе и прибавляетъ, что эта поправка не имѣетъ значенія, т. к. точка зрѣнія германскихъ соціалистовъ совпадаетъ съ точкой зрѣнія германскаго имперіализма. Германское господство означаетъ для насъ худшую опасность, ...

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

. . Германскій лозунгъ въ настоящее время—„Германія выше всего“. И съ этимъ не боретеся германскій соціализмъ . . . . . .

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Вы говорите о германской цивилизаціи, которой угрожаетъ опасность, мы не можемъ видѣть культуру въ томъ, кто нападаетъ на нейтральную Бельгію и терзаетъ ее и кто совершаетъ разрушеніе Лувена . . . . . .

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

. . . . . въ настоящее время мы должны возмущаться, видя что Германія нарушила права нейтралитета, какъ это она сдѣлала по отношенію къ Бельгіи, безъ протеста съ вашей стороны.

Мы счастливы, что наши чувства и взглядъ на положеніе вещей раздѣляются огромнымъ большинствомъ нашей партіи. Вы сказали, что вы далеки отъ мысли оказать какое либо вліяніе на нашъ нейтралитетъ. Мы повторяемъ Вамъ, что нейтралитетъ итальянскихъ соціалистовъ иного характера, чѣмъ нейтралитетъ правительства. И если въ нашихъ словахъ и дѣйствіяхъ имѣется тайное желаніе, то при нашемъ нейтралитетѣ мы питаемъ тайную мысль. Эта мысль не должна быть тайной для васъ, какъ и Ваши мысли не тайна для насъ. И мы открыто говоримъ Вамъ, что мы оплакиваемъ и чтимъ разрушенную Бельгію и съ

трепетомъ слѣдимъ за судьбой Франціи . . . . . .

. . . . . .

. . . Что же касается отношеній между нашими партіями, то какъ только приблизится моментъ мира мы въ ближайшемъ же времени созовемъ *международную конференцію*".

Перепечатавъ этотъ отчетъ „Vorwa'rts"—центральный органъ германскій соц.-дем. прибавляетъ отъ себя: „Мы считаемъ точку зрѣнія итальянскихъ товарищей односторонней, но въ настоящее время по вполнѣ понятнымъ причинамъ мы отказываемся отъ спора. Къ сожалѣнію, приходится констатировать, что точка зрѣнія итальянскихъ товарищей широко распространена среди соціальдемократовъ и другихъ нейтральныхъ странъ".

К. Каутскій о войнѣ и мирѣ.*)

Происходящимъ событіямъ К. Каутскій посвятилъ статью въ „Ieue Zeit", сущность которой сводится къ слѣдующему:

Всякая война ведется не для того, чтобы одержать побѣду, а для того, чтобы добиться выгоднаго мира. Даже тѣ, кто считаютъ войну саму по себѣ полезной для жизни націи, называютъ удачной только ту войну, которая ведетъ за собою лучшія и болѣе мирныя условія существованія. Всякая война, ухудшающая положеніе, существовавшее раньше, всѣми единодушно признается бѣдствіемъ. Съ другой стороны, тѣ, кто рѣшительно протестуютъ противъ войны, стремятся, чтобы разъ начавшаяся война закончилась выгоднымъ миромъ. Вѣдь, „то, что для одного сова, для другого соловей". На одномъ, конечно, всѣ согласятся: для широкой массы населенія выгоднымъ будетъ тотъ миръ, который обѣщаетъ быть длительнымъ и ни въ чемъ ни создастъ препятствій къ мирнымъ отношеніямъ между государствами. Миръ, имѣющій характеръ лишь перемирія, чрезвычайно губителенъ. Всѣ страны используютъ его только для новыхъ вооруженій. Будетъ невозможно залечить раны, причиненныя войной. Миръ будетъ длительнымъ, если онъ будетъ соотвѣтствовать условіямъ историческаго развитія. Условія мира, идущія въ разрѣзъ съ общимъ ходомъ развитія, явятся, наоборотъ, источникомъ постоянныхъ треній и не дадутъ народу даже минуты отдыха. Самостоятельность отдѣльныхъ націй соотвѣтствуетъ ходу историческаго развитія. Демократія можетъ лучше всего себя проявить въ государствѣ состоящемъ изъ одной національности, говорящей на одномъ языкѣ. Современная система хозяйства все тѣснѣе сближаетъ людей между собою. Чѣмъ больше исчезаютъ внутреннія перегородки, чѣмъ больше укрѣпляется единый языкъ въ государствѣ, тѣмъ интенсивнѣе развивается экономическая, политическая и умственная жизнь страны. Низшіе классы населенія принимаютъ все большее участіе въ интеллектуальной и политической жизни страны, и это еще ее болѣе усиливаетъ. Въ государствѣ съ одной націей обѣ эти тенденціи комбинируются и взаимно усиливаютъ другъ друга. Если же государство населено различными національностями, то онѣ приходятъ въ коллизію, парализующую экономическій и политическій прогрессъ страны . . . .

. . . . . .

Для всѣхъ государствъ крайне важно также, чтобы вмѣстѣ съ окончаніемъ войны были уничтожены и причины ее вызвавшія. Конфликтъ между Сербіей и Австріей никогда бы не смогъ зажечь всеобщаго пожара, если бы державы, конкурируя другъ съ другомъ въ вооруженіи, уже не были раздѣлены на два враждующихъ лагеря. Послѣ войны будетъ легко положить конецъ такому порядку вещей. Побѣжденныя государства будутъ вѣроятно вынуждены разоружиться, и это косвенно отзовется и на вооруженіи другихъ націй.

Въ третьихъ, надо будетъ обратить вниманіе на торговые договоры между странами. Существующіе договоры будутъ уничтожены войной и придется заключать новые. Подъ давленіемъ войны станетъ достижимымъ то, что казалось совершенно недоступнымъ. Возможно, что побѣдитель сочтетъ для себя выгоднымъ принудительно ввести въ побѣжденной странѣ свободу торговли или что-либо приближающееся къ ней. Можетъ быть нѣсколько государствъ заключатъ между собой таможенный союзъ. Это будетъ полезно, если только такой союзъ не создастъ протекціонизмъ въ странахъ съ свободной торговлей.

*) См. „День" отъ 4 окт. 1910 г.

Разныя извѣстія.

— *Румынія.* Соціалисты ведутъ энергичную кампанію противъ вмѣшательства Румыніи въ войну.

— *Франція.* Съ разрѣшенія правительства по всей странѣ устроенъ рядъ публичныхъ докладовъ для выясненія причинъ войны, военныхъ и дипломатическихъ отношеній и т. п. Комитетъ, завѣдующій устройствомъ этихъ собраній, насчитываетъ въ своемъ составѣ много соціалистовъ (Комперъ-Морель, Лаферръ, Жуо и т. д.)

— *Австрія.* Центральный органъ австрійской соціальдемократіи „Die Wiener Arbeiter—Zeitung" („Вѣнская рабочая газета") протестуетъ по формальнымъ соображеніямъ противъ выпуска отъ имени комитета межд. соціалист. бюро воззванія къ германскимъ рабочимъ за подписью бельгійскихъ и французскихъ соціалистовъ, которые де не имѣютъ права говорить въ настоящее время отъ имени всего Интернаціонала. Газета отмѣчаетъ, что во всемъ манифестѣ нѣтъ ни слова о Россіи.

— *Германія.* Фр. Мерингъ протестуетъ въ „Yorwarts'ѣ" противъ того, что въ полемикѣ съ соціалистами другихъ странъ германскіе соціальдемократы ссылаются на статью Энгельса, написанную въ 1895 году, и посвященную вопросу о войнѣ Франціи и Россіи съ Германіей. Мерингъ утверждаетъ, что по условіямъ военной цензуры изъ этой статьи цитируется только одна часть, тогда какъ другія мѣста ея, которыя опускаются при цитированіи, могутъ быть съ успѣхомъ обращены противъ теперешняго поведенія германской соціальдемократіи. Такого рода цитированіе Энгельса можетъ только повредить германской соціальдемократіи въ глазахъ соціалистовъ нейтральныхъ странъ, которые и безъ того, по признанію самого „Yorwarts"а, настроены по отношенію къ ней недоброжелательно.

— *Италія.* Союзъ соціалистовъ въ Римѣ вынесъ резолюцію, въ которой обвиняетъ германскую и австрійскую соціальдемократію въ томъ, что по ихъ винѣ потерпѣла крушеніе борьба соціалистовъ противъ войны, и что французскіе и бельгійскіе соціалисты оказались вынужденными поведеніемъ германскихъ и австрійскихъ соціалистовъ защищать свою родину. Резолюція оспариваетъ, что Россія является оплотомъ европейской реакціи и утверждаетъ, что Германія явилась нарушителемъ всеобщаго мира.

— Итальянскіе соціалисты, подъ угрозой возстанія, потребовали у своего правительства невмѣшательства въ войну и сохраненія нейтралитета.

— *Бельгія.* Центральный органъ бельгійской рабочей партіи „Le peuple" (народъ) писалъ: „Имперія въ Германіи, какъ нѣкогда во Франціи, это—война. Въ теченіе почти полувѣка Германская Имперія держала всѣ народы въ страшномъ напряженіи, подъ вѣчной угрозой войны. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

— *Франція* . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

— Органъ французскихъ соціалистовъ „L' Humanite" (Человѣчество) писалъ по поводу войны: „Не противъ германскаго народа обращаемъ мы свои силы,—но противъ касты прусскихъ феодаловъ, высокомѣріе, заносчивость, наглость и грубость которыхъ въ теченіе 44-хъ лѣтъ была постояннымъ источникомъ опасностей для Европы и причиной тяжелыхъ, глубокихъ матеріальныхъ и моральныхъ страданій, выпавшихъ на долю рабочаго класса по ту сторону Рейна. Нужно, чтобы порабощенные и угнетенные Германской Имперіей пролетаріи знали—и знали разъ на всегда,—что сегодня, какъ и вчера, мы не питаемъ къ нимъ ни малѣйшей ненависти.

Сегодня, какъ и вчера, завтра, какъ и сегодня, мы видимъ въ нихъ людей того же класса, ...

. . . . . .

. . . . . что и мы. И если военное счастье повернется къ намъ лицомъ, и мы вступимъ на ихъ родную почву, найдемъ пріютъ подъ ихъ кровлями, мѣсто за ихъ столами, то пусть вѣрятъ: ихъ старики, женщины и дѣти будутъ для насъ священны. Мы отнесемся къ ихъ женамъ съ такимъ же уваженіемъ, къ ихъ дѣтямъ съ такою же нѣжностью, какія мы желали бы встрѣтить съ ихъ стороны къ нашимъ женамъ и дѣтямъ. Такое поведеніе французскихъ солдатъ привлечетъ имъ симпатіи побѣжденнаго населенія, и послѣ варварской войны, намъ навязанной, наступитъ прочный и глубокій миръ".

— *Австро-Венгрія.* Наканунѣ объявленія войны с. д. фракція австрійскаго рейхсрата обубликовала слѣд. воззваніе: „Мы убѣждены, что сербское правительство не могло бы и не стало противиться требованіямъ Австро-Венгріи, санкціонированнымъ международнымъ правомъ. Мы убѣждены, что можно было мирнымъ путемъ добиться всего, что нужно Австро-Венгріи для защиты ея государственныхъ интересовъ и что ни государственная необходимость, ни престижъ великой державы не вынуж-

дали покинуть путь мирнаго соглашенія. Поэтому мы отъ имени рабочаго класса объявляемъ, въ качествѣ представителей нѣмецкихъ рабочихъ Австріи, что мы не можемъ взять на себя отвѣтственность за войну, за всѣ роковыя послѣдствія, которыя она способна вызвать, и возлагаемъ отвѣтственность на тѣхъ, кто задумали, требовали и поддержали роковыя дѣйствія, приведшія насъ къ войнѣ".

— *Германія.* За подписью К. Либкнехта, Розы Люксембургъ, Франца Меринга и Клары Цеткинъ въ газетахъ нейтральныхъ странъ появилось нижеслѣдующее письмо: [1])

„Наши товарищи по партіи д-ръ Зюдекумъ и Рихардъ Фишеръ пытались отвѣтить въ с. д. печати нейтральныхъ странъ—Швейцаріи, Италіи, Швеціи—съ *своей* точки зрѣнія отношеніе германской соціал-демократіи къ нынѣшней войнѣ. Мы поэтому вынуждены сообщить нашимъ единомышленникамъ въ названныхъ странахъ, что мы, и несомнѣнно также многіе другіе германскіе с. д. смотримъ на войну, ея причины, ея характеръ, а равно и на роль с.д. совершенно иначе, чѣмъ наши друзья по партіи, Зюдекумъ и Фишеръ. Осадное положеніе намъ пока не позволяетъ публично изложить нашъ взглядъ".

Открытое письмо въ редакціи газеты «Рѣчь» [1]).

Одинъ мой пріятель извѣстилъ меня, что въ вашей уважаемой газетѣ напечатано было сообщеніе о „напутственномъ словѣ", произнесеннымъ мною наканунѣ отъѣзда изъ Парижа моихъ русскихъ товарищей, вступившихъ добровольцами въ армію французской республики. Мой пріятель прибавилъ къ этому, что мое „напутственное слово" было передано неточно.

Самому мнѣ не удалось достать тотъ № „Рѣчи", въ которомъ находится указанное сообщеніе. Но, во избѣжаніе недоразумѣній, прошу васъ позволить мнѣ изложить здѣсь весьма простую мысль моего „напутственнаго слова".

Она сводится къ тому, что въ войнѣ Австро-Венгріи и Германіи съ Франціей, Бельгіей и Англіей,—интересы прогресса находятся на сторонѣ трехъ послѣднихъ государствъ, и что поэтому каждый, дорожащій указанными интересами, долженъ желать побѣды именно этимъ государствамъ. Товарищи, къ которымъ обращался я въ своемъ „напутственномъ словѣ", вполнѣ согласились со мною, что и понятно, такъ какъ они готовились, съ оружіемъ въ рукахъ, вступить на защиту французской республики.

О „восточномъ театрѣ военныхъ дѣйствій" я въ этомъ случаѣ совсѣмъ не говорилъ. Но я коснулся интересовъ Россіи въ томъ разговорѣ съ однимъ русскимъ профессоромъ, о которомъ говорится въ маленькой замѣткѣ, появившейся недавно въ „Русскомъ Словѣ".

Эту замѣтку я прочелъ и долженъ сказать, что въ нее вкралось недоразумѣніе.

Въ разговорѣ съ уважаемымъ профессромъ я имѣлъ въ виду не русско-германскій торговый договоръ 1904 года, а тотъ договоръ, который навязала бы Россіи Германія, если бы вышла побѣдительницей изъ нынѣшняго международнаго столкновенія. И я высказалъ увѣренность въ томъ, что Германія постаралась бы сдѣлать Россію своимъ вассаломъ въ экономическомъ отношеніи, а это очень вредно отразилось бы на дальнѣйшемъ ходѣ экономическаго развитія Россіи.

Замѣтка справедливо говоритъ, что въ разговорѣ съ профессоромъ, я выразилъ сочувствіе „союзникамъ".

Помимо только что указаннаго соображенія, замѣчу, что я—принципіальный противникъ войны. Но разъ война началась, я не могу слѣдовать совѣту пушкинской капитааши: „разбери, кто правъ кто виноватъ, да обоихъ и накажи". Я желаю пораженія виновному, т. е. нападающей сторонѣ. А нападающей стороной, по моему глубокому убѣжденію, явилась Германія и ея союзница Австро-Венгрія.

Если бы моя бесѣда съ русскимъ профессоромъ имѣла мѣсто послѣ такихъ, поистинѣ варварскихъ, подвиговъ германской арміи, какъ разрушеніе Лувена и бомбардровка Реймскаго собора, то я съ еще больше горячностью пожелалъ бы ей пораженія.

Заранѣе благодаря васъ за гостепріимство, осстаюсь готовымъ къ услугамъ.

Г. Плехановъ.

Женева.
30—(17) сентября 1914 г.

[1]) См. Рѣчь отъ 24 окт.
[1]) Перепеч. изъ газ. „Рѣчь".

Примѣръ, достойный подражанія [1]).

Рижская газета „Яуна Деенасъ Лапа" сообщаетъ: 18 октября въ помѣщеніи Торенбергскаго О-ва взаимопомощи состоялось собраніе делегатовъ отъ 38 рабочихъ обществ.-профес., кооперативныхъ, культурно-просвѣтительныхъ больн. классъ, общество трезвости и взаимопомощи—по 1, по 2 и даже по 4 отъ каждаго, всего 70 чел. Послѣ избранія президіума собраніе заслушало докладъ Данишевскаго о цѣляхъ и задачахъ проектируемаго Комитета помощи пострадавшимъ отъ войны. Докладчикъ указываетъ, что война повлекла за собой, между прочимъ и безработицу, отъ которой страдаютъ широкія рабочія массы, несмотря на то, что она вызвана не по ихъ винѣ и даже противъ ихъ воли. Въ настоящее время особенно остро чувствуется безработица въ транспортномъ дѣлѣ, деревообдѣлочной и химической промышленности, нѣсколько слабѣе въ металлообрабатывающей, работающей на нужды войны.

Поэтому во многихъ промышленныхъ центрахъ (Петроградъ, Ростовъ, Вильна, Лодзь, Варшава) уже происходили собранія представителей профессіональныхъ, кооперативныхъ общ. и больничныхъ классъ для обсуждонія вопроса, какъ облегчить участь безработныхъ, гдѣ рѣшено добиваться помощи администраціи и мѣстныхъ самоуправленій. Хотя въ Ригѣ уже имѣются разные комитеты помощи раненымъ и семьямъ воиновъ, но о безработныхъ они совершенно не забстятся. Поэтому рабочимъ необходимо основать свой комитетъ помощи. Далѣе читается проектъ инструкціи вновь учреждаемому комитету и послѣ небольшихъ дебатовъ принимается почти единогласно.

1. Комитетъ помощи пострадавшимъ отъ войны состоитъ изъ 21 члена, выбираемыхъ на общихъ собраніяхъ делегатовъ отъ профессіональныхъ, кооперативныхъ, культурно-просвѣтительныхъ обществъ, обществъ взаимопомощи и больничныхъ классъ. Комитету предоставлено право пополнить свой составъ кооптаціей и учреждать секціи.

2. Раіонъ дѣятельности комитета—Рига и уѣздъ.

3. На обязанности комитета лежитъ помощъ безработнымъ, потерявшимъ работу изъ-за войны и семьямъ призванныхъ на войну.

4. Комитетъ выдаетъ денежныя пособія, открываетъ дешевыя и безплатныя чайныя и столовыя, бюро для пріисканія работы, регистрируетъ нуждающихся; заботится объ организаціи общественныхъ работъ, дешевыхъ квартиръ, дешеваго топлива и дешевыхъ съѣстныхъ припасовъ; ведетъ переговоры съ администраціей, мѣстнымъ самоуправленіемъ, а также съ интендантствомъ, чтобы непосредственно отъ нихъ получать работу, минуя посредниковъ, удерживающихъ большую часть платы и платящихъ рабочимъ гроши.

5. *Средства комитета* составляются:

а) изъ денежныхъ ассигнованій огъ города и государства.

в) отъ сборовъ среди рабочихъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ, устройствомъ вечеровъ, лекцій;

с) больничныя кассы, по примѣру Петрограда, должны добиться разрѣшенія помогать изъ своихъ средствъ.

6. Комитетъ обязанъ отчетностью передъ делегатскимъ собраніемъ. Отчеты публикуются въ прессѣ.

7. Дѣятельность комитета контролируется особо избранной ревизіонной комиссіей.

[1]) Напечатано въ газ. „День" отъ 7 окт.

Общество „Солидарность".

Газета „Волжское Слово" сообщаетъ: 19 окт. въ Самарѣ состоялось учредительное собраніе общ. „Солидарность", ставящаго цѣлью противодѣйствіе тягостнымъ послѣдствіямъ войны для живущихъ наемнымъ трудомъ. На собраніи, носившемъ бурный и страстный характеръ, присутствовало около 200 чел.

Былъ прочитанъ докладъ о цѣляхъ и задачахъ общества. Докладчикъ указалъ на необходимость установленія принципа, который долженъ лечь въ основу общества. Событія, возникшія внезапно и помимо вліянія на нихъ трудящихся, всей своей тяжестью ложатся на послѣднихъ. Ни одинъ классъ общества не страдаетъ такъ отъ послѣдствій войны, какъ лица, живущія наемнымъ трудомъ. Застой въ торгово-промышленной жизни, пока еще не очень сильный, неизбѣжно вызоветъ массовую безработицу. Задачей общества не должна быть благотворительность, какую преслѣдуетъ большинство возникшихъ за послѣднее время обществъ. Одна изъ обязанностей общества взять на себя заботу по отношенію къ семьямъ запасныхъ, а именно, чтобы семьи эти были обезпечены такой помощью, которая давала бы возможность къ существованію. Второе—обсужденіе вопроса о правѣ лицъ, лишившихся трудоспособности, на пенсію отъ государства. Третья—борьба съ дороговизной жизни.

Общество должно слѣдить, что-бы установленная такса на продукты была соблюдаема, а не нарушалась торговцами, какъ это наблюдается теперь. И, наконецъ, главная задача — борьба съ безработицей, которая неизбѣжно приметъ крупные размѣры. Перейдя къ характеру дѣятельности общества, докладчикъ подчеркнулъ, что общество должно будетъ занять обособленное положеніе, какъ по своей дѣятельности, такъ и по своимъ лозунгамъ, ибо развивающійся въ обществѣ націонализмъ идетъ противъ строя жизни трудящихся. Успѣхъ нашего общ.—закончилъ докладчикъ—будетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣе оно сумѣетъ развить заглохшую за послѣднѣе время самодѣятельность.

Во время преній намѣтились двѣ опредѣленныя точки зрѣнія на открываемое общество: одни стояли противъ открытія общества, другіе доказывали его необходимость.

Возраженія противъ открытія общества сводились къ слѣд: докладчикъ не выяснилъ, въ чемъ выразится практическая дѣятельность общества, какова будетъ его работа. Повидимому, оно будетъ ничѣмъ инымъ, какъ обществомъ взаимопомощи, а слѣд. благотворительнымъ. Обществу—указывали другіе—не годится брать на себя полицейскія функціи: слѣдить за исполненіемъ нормировки цѣнъ на продукты. Если же оно разовьетъ энергичную дѣятельность, то существовать долго не будетъ. Указывали также на то, что въ общество можетъ войти элементъ, который судитъ задачи общества. Наконецъ, въ организаціи особаго общества нѣтъ надобности уже и потому, что всю эту работу могутъ взять на себя существующія рабочія организаціи (професс. союзы, культ-просв. общества). Распылять свои силы нѣтъ надобности.

Въ отвѣтъ на это защитники общества говорили, что дѣятельность трудящихся совсѣмъ затихла—ее нужно возобновить, говорить о благотворительномъ характерѣ общества—значитъ не понять докладчика. Безработица будетъ расти—кто же будетъ бороться съ нею? Развѣ не входитъ въ задачу рабочихъ тѣми или иными способами бороться съ дороговизной жизни, хотя бы вліяя на городское самоуправленіе? Професс. обществъ у насъ мало, существующимъ уже новое общество только поможетъ, связавъ ихъ своей дѣятельностью между собой. Сейчасъ трудно намѣтить конкретныя формы дѣятельности, но они выработаются впослѣдствіи.

Противниками организаціи „общ. "Солидарность" была внесена резолюція, сущность которой сводится къ слѣд.: передъ рабочими стоитъ задача усиленія существующихъ организацій, дѣятельность общ. „Солидарность" можетъ отвлечь отъ основныхъ задачъ, а потому они высказываются противъ участія въ данномъ обществѣ.

Большинствомъ 55 голосовъ противъ 48 собраніе отклонило эту резолюцію, послѣ чего противники общ. покинули собраніе. Оставшимися были произведены выборы членовъ правленія об-ва и кандидатовъ къ нимъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Библіографическій ежегодникъ. Вып. III. Под. ред. И. В. Владиславлева. *Систематическій указатель литературы за 1913 г. Москва. Изд, „Наука" 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.*

Третій выпускъ библіографическаго ежегодника составленъ по тому же плану, что и первые два; только количество матеріала, введеннаго въ регистрацію, увеличилось. Это видно изъ слѣдующихъ цифръ, приводимыхъ г. И. Владиславлевымъ въ предисловіи:

	книгъ	статей
Ежегодникъ 1911 г.	4.000	1.500 (изъ 24 изд.)
„ 1912 г.	6.000	2.500 (изъ 47 изд.)
„ 1913 г.	8.000	4.500 (изъ 71 изд.)

Этотъ ростъ зарегистрированныхъ изданій, конечно, способствуетъ тому, что „Ежегодникъ" все болѣе и болѣе удовлетворяетъ своему назначенію—полнаго, систематическаго указателя текущей литературы. Однако, до должной полноты еще далеко. Это особенно ощутительно для отдѣла журнальныхъ статей. Въ него совершенно не вошли статьи изъ цѣлаго ряда торгово-промышленныхъ органовъ, гдѣ особенно, за послѣдніе годы, дается много цѣннаго матеріала по цѣлому ряду вопросовъ назовемъ хотя бы „Вѣстникъ Финансовъ", „Промышл. и Торг"., „Горнозавод. Дѣло", „Нефтяное Дѣло", „Извѣстія, Москов. О-ва Фабр. и Пром." и др. Далѣе чувствительно отзывается на полнотѣ „Ежегодника" не введеніе ряда офиціальныхъ изданій „Извѣстій, главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства и др. Совершенно не пользовался г. И. В. Владиславлевъ для своихъ обзоровъ и провинціальными изданіями, посвященными изученію края: „Изв. Арх. О-ва Изуч. Рус. Сѣв.", „Изв. О-ва изуч. Олонец. губ.", „Сибир. Архивомъ" и т. д., а въ нихъ порой попадается цѣнный матеріалъ. Мы уже не говоримъ про тотъ весьма чувствительный пробѣлъ, который получается благодаря не введенію въ обзоры газетъ, въ которыхъ попадается масса цѣнныхъ, притомъ имѣющихъ не только злободневный интересъ, статей. Для примѣра укажемъ на печатающіяся съ 1913 г. въ „Сиб. Жизни" воспоминанія г. Потанина. Безъ этихъ воспоминаній не сможетъ обойтись ни одинъ серьезно интересующійся исторіей освободительнаго движенія въ Россіи, такъ какъ въ нихъ освѣщается одна изъ темныхъ страницъ этой исторіи—т. наз. дѣло Сибирскихъ сепаратистовъ. Вводить въ „Ежегод- никъ" всѣ газетныя статьи было бы, конечно, и не нужно и громоздко, но давать нѣкоторыя статьи, наиболѣе цѣнныя, было бы очень полезно. ***Н. Б.***

Г. Наумовъ. Бюджетъ рабочихъ гор. Кіева. (По даннымъ анкеты, произведенной въ 1913 г. Обществомъ экономистовъ и ремесленной секціей при Кіевской выставкѣ). ***Кіевъ 1914. Ц. 60 коп.***

Сказать, что мы бѣдны изслѣдованіями объ условіяхъ труда и жизни фабрично-заводскихъ и ремесленныхъ рабочихъ, мало: мы нищіе въ этомъ отношеніи. Уже по одному этому приходится привѣтствовать всякую серіозную работу, пытающуюся внести свѣтъ въ эту почти неосвѣщенную область Но еще важнѣе, когда эта работа сдѣлана лицомъ, теоретически достаточно подготовленнымъ и практически знакомымъ съ изслѣдованнымъ предметомъ. Работа Г. Наумова вполнѣ отвѣчаетъ обоимъ указаннымъ требованіямъ.

Въ основу кіевской анкеты былъ положенъ опросный листъ, выработанный XII отдѣломъ Техническаго Общества. Въ 1908 году по этому опросному листу производилась бюджетная анкета среди петербургскихъ рабочихъ, впослѣдствіи разработанная С. Прокоповичемъ. Въ Кіевѣ въ опросный листъ были внесены нѣкоторыя измѣненія, изъ которыхъ самое главное состояло въ томъ, что кіевская анкета пріурочила вопросъ о доходахъ и расходахъ къ опредѣленному моменту (1912 г.), а не опрашивала вообще о среднихъ доходахъ и расходахъ. Другая особенность кіевской анкеты, выгодно отличающей ее отъ петербургской, состоитъ въ томъ, что она обращалась и къ безработнымъ, справедливо полагая, что „безработица слишкомъ обычное явленіе въ рабочей средѣ, чтобы можно было выводить *средній* рабочій бюджетъ, игнорируя ея вліяніе". Другія отличія кіевской анкеты вызваны главнымъ образомъ составомъ кіевскихъ рабочихъ (меньшая связь съ землей, національныя различія и т. под.). При всемъ томъ, обѣ анкеты дали очень близкіе другъ къ другу результаты.

Это послѣднее обстоятельство дало Г. Наумову возможность въ своихъ выводахъ оперировать не только съ данными кіевской, но и съ данными петербургской анкеты и прибѣгать, гдѣ нужно, къ сравненіямъ. Отъ этого вся работа, безупречная сама по себѣ, какъ по умѣнію ставить задачи, вытекающія изъ данныхъ анкеты, такъ и по ихъ разрѣшенію, выиграла еще больше.

Не убоявшись безработицы, Г. Наумовъ не отступилъ и передъ другимъ явленіемъ, свойственнымъ рабочему бюджету, — дефицитностью. Петербургская анкета, отчасти потому, что положила въ основу изслѣдованіе среднихъ доходовъ и расходовъ, отчасти потому, что относилась недовѣрчиво къ отвѣтамъ, заключавшимъ указанія на дефицитъ, мало останавливалась на этомъ вопросѣ. Кіевская же анкета опредѣленно подчеркиваетъ, что большинство рабочихъ бюджетовъ даетъ дефицитъ, что рабочіе дѣлаютъ долги, покрывать которые приходится самыми рискованными способами.

„Дефицитность эта,—говоритъ въ заключеніе своей работы Г. Наумовъ,—тчасти вызвана тѣмъ, что рабочіе не обезпечены на случай перерыва въ работѣ, вслѣдствіе ли увѣчья, болѣзни, инвалидности, старости или безработицы... Изъ этого слѣдуетъ, какой настоятельной необходимостью является проведеніе страхованія на раціональныхъ основаніяхъ. Между тѣмъ наша система страхованія представляется совершенно неудовлетворительной, Она распространяется на небольшое число рабочихъ, охватываетъ всего два вида страхованія и, отказывая застрахованнымъ въ самоуправленіи, возлагаетъ на нихъ главное бремя расходовъ. Какъ мы видѣли, однако, брать предусмотрѣнные закономъ взносы не изъ чего: бюджетъ и безъ того дефицитный. Дефицитность бюджета и есть та основная ось, вокругъ которой и вертится все изслѣдованіе Г. Наумова и которая дала возможность ярко освѣтить положеніе не однихъ только кіевскихъ рабочихъ. ***Л. С.***

Отъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества.

ГРАЖДАНЕ!

Страшное испытаніе пало на Россію. Водоворотомъ міровой войны захвачена наша родина, и только во всенародномъ воодушевленіи найдетъ она силу преодолѣть грозное бѣдствіе.

Велики страданія проливающихъ кровь на поляхъ сраженій, неизбывно горе тысячъ осиротѣвшихъ и обездоленныхъ семей, и мы всѣ съ любовнымъ порывомъ идемъ исполнять долгъ нашъ—залечить раны сражающихся, дать хлѣбъ, и кровъ, и работу ихъ семьямъ, пріютить оторванныхъ военными дѣйствіями отъ раззоренныхъ очаговъ своихъ.

Но разразившееся тяжкое бѣдствіе не только разрушитъ благополучіе тысячъ семействъ, оно потрясетъ весь хозяйственный бытъ нашего государства.

Неубранными и невспаханными останутся осенью многія крестьянскія поля и незасѣянными встрѣтятъ они зиму, если не придетъ во время мірская помощь. А во многихъ мѣстахъ помощь будетъ нужна и всему населенію застигнутому неурожаемъ. Ослабѣетъ кооперативное строительство, многіе фабрики и заводы остановятся.

Вѣдь разорвались всѣ связи, неразрывно спаявшія наше народное хозяйство съ внѣшнимъ міромъ. Внезапно закрылись огромные рынки для сбыта нашего сырья, остановился привозъ нужныхъ намъ товаровъ, изсякъ притокъ денежныхъ средствъ, питавшій и поддерживавшій нашу промышленность, разстроено движеніе на путяхъ сообщенія—разрушенъ товарообмѣнъ страны.

Огненнымъ поясомъ охватилъ міровой пожаръ наши границы, и остались мы одинъ на одинъ въ борьбѣ съ опаснѣйшимъ врагомъ—хозяйственной разрухой. И въ этой борьбѣ у насъ не будетъ союзниковъ! Только геній свободнаго строительства народнаго можетъ провести благополучно государство черезъ всѣ грядущія испытанія.

Граждане! необходима напряженная работа всѣхъ силъ страны, необходима широкая самодѣятельность населенія, необходимъ дѣйственный союзъ земства и городовъ со всѣми общественными организаціями. Нужна вся сила свободной мысли и свободнаго творчества населенія.

Сомкнутыми рядами должны пойти мы на борьбу съ голодомъ, нищетой и разореніемъ страны.

Императорское Вольное Экономическое Общество въ годины испытаній всегда отдавало свои силы и средства на борьбу съ народными бѣдствіями.

И нынѣ, исполняя долгъ помощи жертвамъ войны, общество, одновременно приступаетъ къ выполненію задачи—поддержанія въ странѣ хозяйственнаго благополучія—и призываетъ всѣхъ къ этой работѣ.

Императорское Вольное Экономическое Общество вѣритъ, что его призывъ найдетъ откликъ во всѣхъ слояхъ населенія. Граждане! Примите личное участіе въ работахъ общества, шлите ему матеріальныя пожертвованія, создавайте на мѣстахъ всяческія организаціи помощи населенію и разрушающемуся хозяйству: изучайте всѣ мѣстныя нужды и добивайтесь ихъ скорѣйшаго удовлетворенія.

Императорское Вольное Экономическое Общество въ полномъ сознаніи исключительной трудности и отвѣтственности предстоящей работы, съ бодростью смотритъ впередъ всей силой своего разумѣнія, раздѣляя всенародную увѣренность, что нынѣшнія великія испытанія принесутъ всѣмъ народамъ Россіи полное возрожденіе для общей жизни во имя права, свободы и справедливости.

Императорское Вольное Экономическое Общество открываетъ сборъ пожертвованій на помощь больнымъ и раненымъ воинамъ и ихъ семьямъ, тѣмъ нашимъ соотечественникамъ, которые, не находясь на полѣ брани, являются, тѣмъ не менѣе, жертвами внесеннаго войною въ хозяйственную жизнь страны экономическаго потрясенія, а также на помощь населенію мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая. Сами жертвователи, если пожелаютъ, могутъ опредѣлить ту спеціальную цѣль, на которую сдѣлаютъ они свои пожертвованія.

Пожертвованія принимаются въ помѣщеніи Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества—СПБ., Забалканскій пр., 33; Центральный банкъ обществъ взаимнаго кредита Невскій пр. 59.

Совѣтъ

Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества.

Редакторъ С. Д. Хенинъ Издатель Я. Л. Каневскій.

„Коммерческая Типографія“, Петроградъ, Столярный, 9. Т. 520-32.

БИБЛІОТЕКА
ИМЕЛ
ЦК ВКП(б)

— ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА —

ежемѣсячный профессіональный журналъ

„Жизнь фармацевта“,

посвященный защитѣ интересовъ служащихъ фармацевтовъ и дѣлу правильной постановки лекарственной помощи населенію

„Жизнь Фармацевта“ издается при Правленіи Петербургскаго Общества служащихъ фармацевтовъ при ближайшемъ участіи старыхъ сотрудниковъ журналовъ „Фармацевтическій Трудъ“, „Южный Фармацевтъ“ и „Жизнь Фармацевта“.

Подписная цѣна: на годъ—1 руб. 50 коп.; до конца года 1 руб. 1/2 года—75 коп.

Контора и редакція—**Петроградъ, 7-я Рождественская, д. 4, кв. 29.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО **„МУЗЕЙ ТРУДА“**

Петроградъ, 7-ая Рождественская, д. 4 кв. 29. Телеф. 252-08.

Поступила въ продажу открытка—діаграмма: „на кого распространяется страхованіе материнства въ разныхъ странахъ“. Цѣна—2 коп. печатаются, и на дняхъ выйдутъ двѣ серіи діаграммъ—открытокъ въ краскахъ:

I-ая серія. Страхованіе рабочихъ въ Россіи и западной Европѣ.

1. Виды страхованія и кругъ застрахованныхъ. 2. Составъ высшихъ органовъ управленія по страхованію рабочихъ. 3. Управленіе больничными кассами. 4. Врачебная помощь. 5. Типы больничныхъ кассъ. 6. Сколько вносятъ рабочіе, предприниматели и государство. 7. Размѣръ пособій въ день. 8. Стоимость страхованія.

Цѣна за всю серію (8 откр.)—16 коп., съ пояснительной къ нимъ брошюрой—18 коп.

2-ая серія. Вліяніе усталости на число увѣчій.

1. Распредѣленіе увѣчій по часамъ дня. 2. Вліяніе ночной работы на увѣчность. 3. Распредѣленіе увѣчій по днямъ недѣли. 4. Распредѣленіе несчастныхъ случаевъ по возрасту. 5. Вліяніе возраста на исходъ увѣчій.

Цѣна за всю серію (5 откр.) — 10 коп. съ пояснительной къ нимъ брошюрой—12 коп.

Въ виду полученныхъ заказовъ открытки выйдутъ на русскомъ, польскомъ, еврейскомъ, латышскомъ и эстонскомъ языкахъ. Готовится къ печати: Стѣнная карта Европы (въ краскахъ), показывающая распространеніе различныхъ видовъ страхованія во всѣхъ государствахъ Европы. Издательствомъ выпущена серія діапозитивовъ (картинъ) для чтеній съ волшебнымъ фонаремъ—по вопросамъ охраны и гигіены труда и страхованія рабочихъ. Изданія „Музея труда“ можно получать ежедневно отъ 11 часовъ утра до 1 часу дня въ конторѣ издательства (7-ая Рождественская 4, кв. 29) и черезъ всѣ рабочія газеты и журналы. Издательство обращается ко всѣмъ рабочимъ обществамъ съ просьбой—присылать для выставленія въ организуемомъ „Музеѣ труда“ и для разработки соотвествующихъ вопросовъ всевозможные матеріалы, уставы, доклады, отчеты, анкеты, обслѣдованія, образцы карточекъ и формъ дѣлопроизводства и т. п.) Матеріалы просятъ присылать въ двухъ экземплярахъ.